

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Cellar

13E7

*QCA

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοὺς ἐπίφοις μὴ δύνασθαι περὶ
ἀποῦ τὰ δίκαια μῆτι γινώσκει μῆτι ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπισημοῦσι οὐχ ἄρῳισι καταλιπεμένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

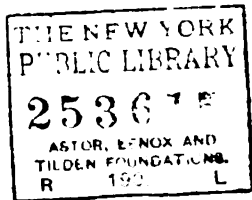
94

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

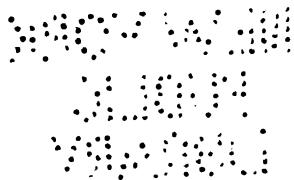
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

св. тѣмъ, чтобы на экземплярахъ Представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30 марта 1840.

Цензоръ Н. Срезневскій.
Исправл. долги цензора В. Лангера-

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Бородино.	1
Странствователь по сушѣ и морямъ. Часть четвертая. Е. <i>Ковалевскаго.</i>	19
Письма изъ Италіи. Венеція, 1847. В. <i>Яковлева.</i>	97

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Гарольдъ, послѣдній саксонскій король въ Англіи. Эдуарда Бульвера. (1847). Книги девятая, десятая и одиннад- цатая	1
--	---

✓ То же. Книга двѣнадцатая и послѣдняя.	145
Рафаэль. Страницы изъ двадцатыхъ годовъ жизни Альфонса де-Ламартина. Часть первая	211

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Жизнь Николая Михайловича Карамзина. Статья четвертая и послѣдняя <i>А. В. Старчевскаго</i>	1
Панагіоти Алексіано <i>Н. С—ва</i>	53
Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія. Сочиненіе В. К. Гросгейриха. Статья первая.	69
Послѣднія записки о Чарльзъ Лэмъ. Изданныя Т. Таэордомъ.	118
Записки о Россіи. Статья вторая.	147

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Табакъ и табачная промышленность въ Европѣ, Америкѣ и въ особенности въ Россіи.	1
Статистическія изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ. Статья пятая и послѣдняя. <i>Н—а</i>	31

V.

КРИТИКА.

Сказанія русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ. Томъ второй: книги 5, 6, 7 и 8. Санктпетербургъ, 1849. Статья первая.	1
То же. Статья вторая.	81

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Мартъ , 1849. Новыя книги.	1
Апрѣль , 1849. Новыя книги.	19

VII.

С М Ъ С Ъ.

МАРТЪ.

Американскіе золотомскатели. Воспоминанія Испанца изъ путешествія въ Калифорнію, 1848. Часть вторая и послѣдняя	1
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобриана. Часть пятая.	31
Музыкальныя новости.	68
Французскія книги.	81
Новыя музыкальныя сочиненія.	86
Моды.	90

АПРѢЛЬ.

Парижская Академія наукъ. 1. Назначеніе соку поджелудочной желѣзы въ пищевареніи.	91
2. Составъ пшеничнаго зерна въ разныхъ земляхъ.	92
Новыя кометы. Вторая комета Петерсона.	93
Отруби: сравнительная питательность бѣлаго и чернаго хлѣба.	94
Безцвѣтная радуга.	95
Самородная мѣдь въ Сѣверной Америкѣ.	96
Дѣйствіе сѣверныхъ сіяній на электрическіе телеграфы.	97
Магнитная стрѣлка у древнихъ Египтянъ.	97
Хлороформъ и водолеченіе у древнихъ Китайцевъ.	98
Выселенія изъ Германіи въ центральную Америку.	99

Солнечные часы. Черта изъ дѣтства великаго челоуѣка.	107
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобриана. Часть шестая.	116
Литературныя новости въ Англіи. Дженни Ирѣ. Автобіо- графія.	151
Французскій театръ въ Парижѣ.	172
Музыкальныя новости.	178
Новыя русскія книги.	185
Французскія книги.	188
Новыя музыкальныя сочиненія.	191
Моды.	194

=

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

БОРОДИНО.

Отъ давно минувшаго возвратимся къ минувшему недавно; оно еще свѣжо въ нашей памяти, какъ свѣжая могила, на коей только что успѣли поставить крестъ, и крестъ дѣйстви-тельно поставленъ былъ женскою рукою надъ прахомъ силь-ныхъ: — какая поэтическая противоположность! — Если мнѣ, какъ бы сквозь сонъ, слышавшему въ дѣтствѣ о громахъ Бо-родинскихъ, и отрокомъ посѣтившему сіе поле смерти, еще усѣянное тогда костями, если мнѣ отрадно было молиться въ тихой обители игуменни Маріи, на умирennomъ ея слезами поприщѣ брани: что же тому, кто самъ бился тутъ въ бою исполнновъ? — Столкнулись Западъ и Востокъ и пали тысячами къ подножію ратныхъ кургановъ, надъ конми поставила она свою убогую церковь! „Краса Израилева пала на высокихъ! какъ погибли сильные и сокрушилось оружіе ратныхъ!“ (II Царствъ 1.)

Осеннее солнце, въ полночь великолѣпнн, послѣ сильнаго ливня, спускалось къ высотамъ Бородинскимъ, и освѣтило на

нихъ бѣлую обитель инокинь, подлѣ рощи, нѣкогда смертоносной. Багровѣло поле отъ яркаго заката, какъ нѣкогда отъ потоковъ крови, упившихъ его нивы; черныя, разорванныя тучи носились по небосклону, какъ бы только что отлетѣвшій дымъ отъ адскаго жерла тысячи гремѣвшихъ здѣсь орудій. Казалось, небо хотѣло повторить надъ этимъ роковымъ полемъ его страшныя картины и увѣковѣчить на немъ ужасъ ста тысячъ изфигненныхъ, — и вотъ, одна горькая жена, все утратившая и все схоронившая на этомъ полѣ, прислушалась сердцемъ къ его стону, отголоску собственнаго, и обратила весь этотъ неопытный стонъ смерти, въ тихія воздыханія молящихся дѣвъ! — Это былъ канунъ Бородина; кроткій благовѣстъ, призывавшій ко всенощной, возвѣщалъ въ мирной обители сей завѣтный канунъ, сочельникъ смерти, тридцать шесть лѣтъ послѣ великаго событія, и здѣсь, дѣйствительно, по выраженію Державина: „металла звонъ былъ глаголомъ время.“ Я вспомнилъ и трогательный стихъ Данте, о томъ звукѣ дальнаго колокола, который слышится печальному труженику, въ первый тяжкій для него день разлуки, дальній звукъ, который будто оплакиваетъ замирающій день. Если какой-либо колоколъ могъ оплакивать умирающій день, посреди смертнаго покоя столькихъ тысячъ, сраженныхъ отъ его восхода до его краткаго заката, то это конечно Бородинскій, и особенно въ завѣтную память его битвы.

Едва успѣлъ я взойти въ смиренныя келліи игуменьи Маріи, какъ уже началась всенощная, въ прилегавшей къ нейъ малой церкви праведнаго Филарета. Все въ этомъ тихомъ пріютѣ молитвы исполнено было изящнаго вкуса и вѣстѣ благоговѣйной внимательности: каждая икона напоминала что-либо близкое ея сердцу, самое посвященіе сего домашняго храма Ангелу того, кто пастырски призрѣлъ убогую семью инокинь, на пустомъ полѣ Бородинскомъ, выражало признательность и любовь. Стройное пѣніе инокинь располагало къ молитвѣ, голоса мужескіе здѣсь были бы менѣ трогательны: слишкомъ много мужественнаго и жестокаго огласило это поле битвы, — прилично было смягчить тяжкія воспоминанія прошедшаго болѣе кроткимъ настоящимъ. Я сталъ прислушиваться къ стихирамъ вечернимъ и пораженъ былъ ихъ сло-

вѣнн, какъ бы нарочно пригнѣнными за четыре вѣка къ событію, которое воспоминалось нынѣ. Церковь праздновала, въ день годовщины Бородинской, память срѣщенія иконы Владимірска Божія Матери и бѣгства Тамерлана, въ самый тотъ день, когда была принесена чудотворная икона сія въ Москву. Столь же страшное нашествіе, но только съ запада а не съ востока, угрожало Россіи въ эпоху 1812 года; съ переименованіемъ завоевателя повторились тѣ же событія. Икона Смоленской Одигитріи одушевляла ратныхъ, въ рѣшительный часъ битвы Бородинской, какъ и Владимірская икона возбуждала надежду отчаянныхъ во дни сына Донскаго. И Тамерланъ и Наполеонъ стерлись съ лица земли Русской; если же богѣ губительно нашествіе послѣдняго, то можетъ быть потому что нужно было всеожженіе первопрестольной столицы для искупленія Россіи.

Какъ знаменательно и отрадно звучали слуху и сердцу такія стихиры: „Богородице, Владычице, державная помощнице, укрѣпи славящаго Тя Императора на враги, да яко же древле спасла еси царствующій градъ отъ нахождения поганыхъ, тако и нынѣ спаси страну Россійскую отъ нахождения вражія, отъ междоусобной рати, отъ глада же и труса; сего ради Тя славить страна Россійская, человѣкомъ помощницу.“

„Нынѣ страна Россійская о Тебѣ хвалится, имѣючи Тя заступницу не постыдную и стѣну нерушимую, граду нашему непоколебимое основаніе; стража неусыпная земли Россійскія, не престань нынѣ, Твоими молитвами, избавлять Твой градъ и люди отъ всѣхъ бѣдъ.“

„Тебѣ припадаютъ, Владычице, Святителей сословія и собори въ совокупленіи всѣхъ, Цари же и князи и весь народъ, умилно молящійся Тебѣ, нынѣ кланяющеса и цѣлующе Твой образъ, и глаголють: чтущій Тя градъ спаси отъ всѣхъ бѣдъ.“

Внимающему сямъ церковнымъ пѣснямъ могло казаться, будто онѣ писаны, не для давноминушаго а для болѣе близкаго намъ событія, пророческими чертами обозначая современную, страшно памятную намъ годину. Но сердце мое

проникнулось особеннымъ чувствомъ умиленія, когда вмѣсто обычной третьей пареміи, изъ книги Премудрости Соломоновой, во славу Пречистой Дѣвы, прочтена была иная статья, изъ пророчествъ Исаи, о превозношеніи и паденіи Царя Вавилонскаго; ее положено читать на торжественномъ молебнѣ, въ память изгнанія Галловъ. Ничего приличнѣе нельзя было примѣнить къ воспоминанію битвы Бородинской, и мощный глаголь Пророка, вѣщимъ оглашался, подъ сводами убогой церкви, сооруженной на исполинскомъ полѣ смерти: „Тако глаголетъ Господь на царя Вавилонска: ты реклъ еси во умѣ твоємъ: на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ яже къ сѣверу, възду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему. Нынѣ же во адъ снидеша, и во основанія земли; видѣвши тя, удивятся о тебѣ, и рекутъ: се человекъ раздражаяй землю, потрясаяй цари, положивый вселенную всю пусту, и грады ея разсыпа, плѣненныхъ не разрѣши. Сія глаголетъ Господь Саваоѣ: яко же глаголахъ, тако будетъ, и яко же совѣщахъ, тако пребудетъ, еже погубити Ассирианъ на земли моей и на горахъ моихъ: и будутъ въ поспраніе, и отыметса отъ нихъ яремъ ихъ, и слава ихъ отъ раменъ ихъ отыметса. Сей совѣтъ, его же совѣща Господь на всю вселенную, и сія рука на вся языки вселенныя; яже бо Богъ святыи совѣща, кто разорить? и руку его высокую кто отвратить?“

Послѣ всенощной, игуменя Марія пригласила меня въ свои келліи, пока приготовляли мнѣ ночной пріютъ въ томъ маломъ домицѣ, который долго стоялъ одинъ на уединенномъ полѣ, близъ одинокой церкви, сооруженной ею надъ прахомъ близкихъ. Тамъ провела она многіе годы испытанія духовнаго и сердечнаго, доколѣ не рѣшилась на подвигъ иночества; тамъ посѣтилъ ее и державный Посѣтитель, совершая славную свою годовщину Бородина. Тѣмъ драгоцѣннѣе были для меня воспоминанія сего первоначальнаго пріюта и благоволеніе той, которая желала какъ бы духовно сроднить меня со всѣмъ, что только было близко ея собственному сердцу. Полный впечатлѣніями всенощной и памятью наступавшаго дня, я переносился мыслію, изъ келліи на поле битвы и съ поля опять

въ келлію, столь противоположны другъ другу; но ихъ связывала, историческимъ лицомъ своимъ, основательница всего того, что было передъ моими глазами, и къ ней невольно устремлялось вниманіе, ибо она одна могла словомъ своимъ разрѣшить всякое недоумѣніе.

Не случилось ли намъ иногда, при посѣщеніи какой-либо древней обители, желать разспросить о нѣкоторыхъ подробностяхъ ея основанія, которыя унесли съ собою въ могилу современники, оставивъ по себѣ одни безмолвныя зданія? А здѣсь я имѣлъ утѣшеніе бесѣдовать съ самой основательницей, я могъ разспрашивать подробно: что побудило ее собственно избрать это мѣсто, а не другое? почему именно сооружена такая церковь? какія чувства и надежды одушевляли ее тогда, и какія слезы проливала она надъ гробами присныхъ, посреди сего поля смерти? ибо и ея обитель основана, какъ выразился въ лѣтописи своей преподобный Несторъ, „не дааніемъ бояръ или князей, но по́томъ и слезами“. Онъ полагаетъ такія обители прочнѣе другихъ, приводя въ примѣръ лавру Печерскую, орошенную слезами Антонія и Θεодосія. Мнѣ пришло на мысль спросить игуменью: почему церковь, основанная ею на Бородинскомъ полѣ, не посвящена памяти того дня, въ который происходила битва, то есть срѣтенію иконы Владимірской? и она мнѣ отвѣчала:

„Все, что совершилось здѣсь со мною, имѣло для меня какъ бы нѣкое тайное указаніе, которому я должна повиноваться, и теперь сама съ изумленіемъ вижу себя настоятельницею обители, которую никогда не предполагала созидать. Тоже случилось и съ храмовымъ ея праздникомъ нерукотворнаго образа Спасова; икона сія была храмовою въ Ревельскомъ полку, которымъ командовалъ мужъ мой. Собираясь въ походъ, въ послѣднюю минуту прощанія, тотъ, кого мнѣ уже не суждено было видѣть въ здѣшнемъ мірѣ, вручилъ мнѣ свою храмовую икону, съ драгоценными сосудами, прося сохранять ихъ до его возвращенія. Послѣ его кончины, пламенно желала я удержать себѣ въ память и благословеніе, послѣдній залогъ ввѣренный мнѣ въ минуту разлуки, но не предвидѣла возможности сего исполнить. Провидѣнію угодно

было устроить все по моему желанію: однажды утромъ извѣстили меня о прїѣздѣ новаго начальника Ревельскаго полка; я поняла, зачѣмъ онъ прїѣхалъ, и вынесла ему завѣтную святыню, не безъ глубокой грусти о родной мнѣ иконѣ; не сколь велико было мое изумленіе, когда онъ, посмотрѣвъ на нее, самъ предложилъ мнѣ оставить у себя образъ, потому что уже не приходился по мѣрѣ новаго иконостаса полковой церкви. Съ тѣхъ поръ икона Спасова всегда неразлучна была со мною, и я посвятила ей церковь, надъ прахомъ мужа, который ввѣрилъ насъ взаимно другъ другу.“

Я замѣтилъ игумень, что и самый храмъ, великолѣпно сооружаемый въ столицѣ, будетъ также праздновать Спасу, а не срѣтенію Владимірской иконы, и что такимъ образомъ, какъ-будто одна мысль дѣйствовала при созиданіи обоихъ.

„Если припоминать всѣ обстоятельства и соображать минувшее съ настоящимъ, продолжала мать Марія, то много откровеннаго, необычайнаго, чему даже трудно повѣрить, если бы не существовали еще живые свидѣтели. Нѣчто особенное, можно сказать роковое, влекло меня къ Бородину, и мѣсто сіе было мнѣ указано, когда еще никто не слышалъ, что есть урочище Бородинское. Я была вполне счастлива мужемъ и дѣтьми, когда однажды мнѣ приснилось, за годъ до моей горькой потери, будто отецъ мой приноситъ ко мнѣ въ спальню одного моего младенца и говорить: „вотъ все что тебѣ осталось!“ и въ то же время мнѣ послышался тайный голосъ: „участь твоя рѣшится въ Бородинѣ!“ Помню что, сквозь сонъ, я взяла себя за подбородокъ, чтобы мнѣ потомъ упомянуть завѣтное имя Бородина; проснувшись въ большомъ волненіи, я рассказала мужу то что видѣлось мнѣ во снѣ, и онъ приписалъ это игрѣ пылкаго воображенія. Намъ любопытно было узнать: что это за урочище Бородинское, которымъ мнѣ угрожалъ сонъ? и мы напрасно искали его въ окрестностяхъ нашего полка, который тогда былъ расположенъ не далеко отъ западной границы. Кому могло придти на мысль, искать Бородина на Смоленской дорогѣ близъ Москвы?— Когда же совершилось страшное событіе, я была при отцѣ моемъ, и онъ дѣйствительно пришелъ мнѣ объ-

вить потерю мужа, съ младенцемъ на рукахъ, говоря: „вотъ все что тебѣ осталось!“ Тогда опять повторилось мнѣ роковое имя Бородина:—какъ объяснить такое горькое предчувствіе?“

Видя предъ собою ту, которая рассказывала мнѣ о своемъ вѣщенъ снѣ, уже въ расѣ иноческой и на полѣ Бородинскомъ, я глубоко былъ пораженъ ея рассказомъ, какъ-будто кто либо, изъ другаго міра, раскрывалъ мнѣ тайну связи пропеднаго съ будущимъ. Я спросилъ еще Игуменью: что побудило ее основаться на этомъ мѣстѣ обширнаго поля? и какъ могла она отыскать тѣло своего мужа, посреди столькихъ избіенныхъ? — „Ахъ! я не отыскала его, отвѣчала мать Марія, но здѣсь онъ былъ убитъ! Напрасно, нѣсколько недѣль по слѣ сраженія, объжала я, съ старцемъ Можайскаго монастыря Юасафомъ, все побоище, когда еще не зажгались на немъ страшные костры для сожженія всѣхъ его труповъ. Отчаяніе мнѣ придавало силы; быстро прошла я все пространство, отъ селенія Бородина до Колоцкаго монастыря, и даже не почувствовала усталости девятиверстнаго пути. Нельзя было безъ ужаса смотрѣть на курганъ Раевского и Семеновскія батареи, гдѣ теперь стоитъ обитель: то были по истинѣ горы человѣческихъ тѣлъ, потому что здѣсь сильнѣе бились: мѣсто сіе, изъ всего поля, казалось, наиболѣе требовало молитвы за усопшихъ, — и вотъ онъ совершаются!„

„Но кто же указалъ вамъ самое мѣсто убіенія вашего мужа?“ — „Одинъ изъ подвижниковъ битвы, генералъ Кововницынъ, близкій мнѣ и по узамъ семейнымъ, сжалился надъ моимъ напраснымъ скитальчествомъ. Онъ прислалъ ко мнѣ, съ сыномъ своимъ, планъ Бородинскаго сраженія, составленный имъ самимъ, еще по свѣжей памяти, указалъ намъ расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ, и означилъ батарею, близъ деревни Семеновской, какъ то горькое для меня мѣсто, гдѣ былъ убитъ мужъ мой. Я перестала искать и основалась на этой батарее; вы увидите, что церковь наша стоитъ на валу. Вотъ и письмо, которымъ онъ убѣждалъ меня: не искать долѣе не находимаго, и самый планъ составленный имъ для меня.“

Съ благоговѣніемъ прочелъ я простое, добродушное письмо великаго война, исполненное нѣжнаго участія, и развернулъ планъ битвы Бородинской, его рукою начертанный. Одинъ изъ витязей страшной битвы, самъ того не вѣдая, указывалъ мѣсто будущей обители, для вдовы одного изъ положившихъ жизнь, за вѣру и отечество, на этомъ полѣ:— и вотъ она, чрезъ столько лѣтъ, раскрываетъ планъ сей пришельцу, въ тиши своей келліи, уже въ санѣ игуменьи, какъ-бы ежевые планы или писцовыя книги на владѣніе симъ кровавымъ урочищемъ!—Такого землемѣра достойна была такая обитель! и сколько великаго въ этой первоначальной простотѣ! какъ драгоценна будетъ хартія сія для потомства!—По ней я могъ распознать мѣстность окрестныхъ селеній и боевыхъ кургановъ, которую на другой день повѣрилъ самъ съ высоты уединеннаго памятника. Мнѣ любопытно было знать: какъ могла женщина одна преодолѣть весь ужасъ этого поля и мужественно поселиться близъ своей одинокой церкви, доколѣ не устроилась еще обитель?

„Я никогда не думала о томъ, что со мною здѣсь будетъ, а только о томъ что уже было, отвѣчала она. Бывшее же здѣсь слишкомъ сроднилось со мною, чтобы не приковать меня навсегда къ сему мѣсту. Сперва я очень занята была построеніемъ церкви, для себя же поставила малый домикъ, въ видѣ сторожки, куда пріѣзжала только на время, чтобы наблюдать за работами; онъ и теперь существуетъ и вы въ немъ проведете ночь. Со мною жила одна добрая старушка, которая хотя и была намъ чужда, по вѣрѣ и племени, однако посвятила себя совершенно семейству нашему и здѣсь впослѣдствіи при мнѣ скончалась. — Не было ограды около нашего домика и часто мы видали по ночамъ, какъ-бы огоньки свѣтящіяся вдали: это сверкали глаза рыскавшихъ около насъ водковъ, которыхъ вой обличалъ неприятное сосѣдство. Не понимаю также, какъ во все то время мы не были ни разу ограблены, потому что при мнѣ не было почти вовсе прислуги, а мѣсто открытое. Богъ сохранялъ насъ. — Сынъ мой раздѣлялъ со мною уединеніе надъ прахомъ отца своего: когда же Господу было угодно лишить меня и сего единственнаго утѣшенія, я не хотѣла болѣе воз-

прощаться въ міръ и безотчетно предалась тому чувству, которое влекло меня къ Бородину. Мѣсто сіе сдѣлалось для меня цѣлымъ міромъ: здѣсь похоронила я сына, здѣсь былъ убить его отецъ; чего же оставалось мнѣ искать въ другомъ мѣстѣ? — Не знаю сама, какъ составила около меня община: добрые люди стали приходять и селиться, а я не имѣла духа имъ отказывать; сестры занялись молитвою и рукодѣльемъ для своего пропитанія, и я раздѣляла съ ними то, что имѣла отъ щедротъ Монаршихъ, и то что приобрѣла отъ продажи моего малаго имѣнія. Когда община сдѣлалась многолюднѣе, то показалось болѣе приличнымъ для Августѣйшихъ ея Посѣтителей, чтобы тутъ была обитель, но когда здѣсь совершалась знаменитая годовщина Бородинская, еще не было ни монастыря, ни ограды: деревья, насажденные руками нашими, служили намъ оградой, подъ сѣнію нашего малаго храма, и вотъ теперь уже ограждена обитель, добродѣтельными даяніями усердствовавшихъ, и сооружены еще церковь и келіи. Такова начальная исторія всякой обители! Господь видимо пособилъ нашей немощи и позволилъ мнѣ устроить то, чего я никогда не надѣялась видѣть; никогда я не могла вообразить себѣ и того, что когда либо буду игуменьей Бородинскою; но въ обители Святаго Сергія, удостоилась я принять образъ иноческій отъ руки нашего Владыки. Такъ благословеніе преподобнаго, которому близко все отечественное, распространилось и на поле Бородинское.“

Въ завлекательной для меня бесѣдѣ, непримѣтно утекло время и ударила полночь; мрачно было небо. Когда повели меня съ фонаремъ въ назначенный мнѣ ночлегъ, я долженъ былъ подняться по тропинкѣ на валъ и бѣлая церковь мелькнула мнѣ, какъ призракъ; храмъ на бойницѣ, внутри женской обители, — все это было чрезвычайно торжественно въ сумракѣ ночи. Съ благоговѣніемъ вступилъ я въ тихій приютъ, гдѣ прежде столько горькаго а потомъ столько славнаго, посѣтило одинокую нѣкогда жилицу сего убогаго домика, разросшагося въ обитель. Я былъ исполненъ впечатлѣніями ея трогательнаго разказа, которымъ для меня окончился сей замѣчательный день, кавунъ Бородина, начатый мною столь же оригинально, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ ге-

ржевѣ битвы, котораго я посѣтилъ въ его сельскомъ пріютѣ. Утро, проведенное съ дѣятельнымъ подвижникомъ Бородинскаго поля битвы, какихъ уже мало остается на полѣ жизни, а вечеръ съ тою, которая одна, изъ столькихъ женъ, все утратившихъ на этомъ полѣ, осталась на немъ оплакивать свою потерю: — много ли такихъ полныхъ дней случается въ жизни? — Дума за думою смѣнялись въ моемъ воображеніи и долго лишали сна; ранній колоколъ разбудилъ къ ранней обѣднѣ, въ ожиданіи крестнаго хода.

Скоро послышался издали звукъ колоколовъ Бородинскихъ; онъ возвѣщалъ начало сего хода, на который собирается все Можайское духовенство, чтобы пройти молитвенно поле битвы, на самомъ страшномъ его протяженіи, отъ села Бородина и до обители; я поспѣшилъ къ памятнику, къ которому должно было направиться церковное шествіе. — Одинокое стоялъ онъ на высотѣ, нѣкогда бывшей укрѣпленнымъ курганомъ и прославшейся батареею Раевского, отъ подвиговъ вождя, ее защищавшаго. Нельзя было избрать приличнѣе мѣста, для сего царственнаго столба, господствующаго надъ всею окрестностію, мѣста, которое наиболѣе было орошено кровью храбрыхъ, такъ какъ и самая обитель стоитъ на другой столь же кровавой точкѣ поля битвы. — Какъ нѣкая таинственная мета, о которую должно разбиваться мимотекущее время, стоитъ одиноко чугунный столбъ сей, грань вѣчности, увѣнчанный крестомъ, исписанный именами главныхъ вождей нашихъ и двадцати языковъ, сразившихся здѣсь съ святою Русью; на немъ начертано число воиновъ обоихъ исполнившихъ полчищъ и ихъ громоносныхъ орудій, съ числомъ павшихъ въ ихъ кровавой сѣчѣ: какая страшная лѣтопись смерти! — Съ лицевой стороны образъ Спаса осыняетъ памятникъ, близъ котораго совершаются молитвы, и сія икона соответствуетъ той, которой посвятила свою обитель игуменьи Марія; позади памятника погребальная плита, одного изъ трехъ вождей, павшаго въ сей битвѣ, князя Багратиона, котораго прахъ перенесенъ былъ сюда во время годовщины Бородинской. Это одна только извѣстная могила на цѣломъ полѣ, гдѣ пало до ста тысячъ!

Два гвардейскихъ инвалида, приставленные для храненія

памятника, какъ участника славной битвы, указывали мнѣ главными ея точни, по мѣрѣ того какъ я ихъ спрашивала, и основательно меня съ мѣстностью. Я увидѣлъ вѣжо выскочилъ курганъ Шевардинскій, гдѣ еще за день начался кровопролитный бой, и по ту сторону рѣки Колодки, отдѣлявшей нашу армию отъ французской, малое селеніе Валуево, гдѣ стоялъ Наполеонъ, и откуда двигались всѣ массы маршала Нея. На самомъ горизонтѣ мелькала волоколья Колодцкаго монастыря, съ которой завоеватель, орлинымъ взоромъ своимъ, оббѣгалъ поле сраженія и еще прежде боя наблюдалъ за движеніемъ нашихъ войскъ. Мѣсто, гдѣ я стоялъ, служило центромъ для фронта арміи: Бородино вправо и Семеновское влѣво, обозначали края этой желѣзной стѣны, сѣвостъ которую столько разъ искалъ прорваться непріятель. Еще влѣво селенія, обитель притаила въ оградѣ своей кровавый окопъ Семеновскій, гдѣ пало столько храбрыхъ; а вправо отъ кургана Раевского, позади Бородина, возвышалось на большой дорогѣ Можайской, селеніе Горки, отколѣ управлялъ всею битвою нашъ великій соперникъ Наполеона. — Такимъ образомъ все поле сраженія, или лучше сказать самая историческая его часть, открывались моимъ взорамъ, отъ памятника. Роковое мѣсто сіе было какъ-бы предназначено къ бою самыми названіями своихъ урочищъ: Война, Огникъ, Стѣнецъ, вотъ три ручья, которые стеклись въ Колодчу, на этомъ страшномъ полѣ, прероческими звуками именъ своихъ обрекая его на битву. На высотѣ бывшихъ батарей, вспомнилъ я живой рассказъ посѣдѣвшаго героя Бородинскаго, слышанный мною наканунѣ: какъ вытѣснилъ онъ непріятеля, овладѣвшаго симъ курганомъ.

„Это было дѣло случая, скромно говорилъ мнѣ маститый воитель Кавказа, какъ-бы чуждаясь отблеска своей Бородинской славы. — Въ самомъ пылу сраженія, когда Багратионъ бросился на штыки со всѣми своими силами, чтобы отбѣснить непріятеля, къ главнокомандующему прискакалъ зять его, князь Кудашевъ, съ извѣстіемъ что Багратионъ тамело раненъ и замѣшательство въ войскахъ очень велико. — „Голубчикъ, сказалъ мнѣ главнокомандующій (это было обичное его слово), посмотри нельзя ли тамъ что-нибудь

сдѣлать, чтобы ободрить войска.“ — Я поѣхалъ въ большомъ раздумьи, потому что не предвидѣлъ возможности успѣха въ войскахъ, разстроенныхъ потерей любимаго ихъ начальника, и мнѣ совершенно незнакомыхъ. Увидѣвъ храбраго полковника Никитина (нынѣ графа и инспектора всей кавалеріи), я подозвалъ его и сказалъ: „теска, возьми съ собою три конныя роты, и не теряй меня изъ виду, чтобы нагнать въ полѣ, а я поѣду на лѣвый флангъ;“ — чрезъ нѣсколько минутъ прискакали орудія. Тутъ встрѣтился мнѣ графъ Кутайсовъ, бывший начальникъ артилеріи первой арміи, и спросивъ: куда я ѣду? объявилъ свое желаніе слѣдовать за мной; напрасно старался я его отклонить.

„Ты всегда бросаешься туда, гдѣ тебѣ не нужно быть, говорилъ я; давно ли тебѣ досталось отъ главнокомандующаго, за то что не могъ нигдѣ тебя доискаться, а теперь опять ты просишься на непріятности. Я ѣду въ армію, мнѣ чужую, приказывать тамъ именемъ главнокомандующаго, а ты что будешь тамъ дѣлать?“ Но Кутайсовъ не хотѣлъ меня слушать и продолжалъ ѣхать со мною рядомъ, какъ-будто бы его влекла судьба на опредѣленную ему смерть.

„Покаиѣсть мы ѣхали полемъ, вдругъ я вижу вправо большое смятеніе, вокругъ батареи Раевского: наши бѣгутъ въ безпорядкѣ; верхъ батареи покрытъ густымъ дымомъ, и уже непріятель ею овладѣлъ; вся масса бѣгущихъ стремилась прямо на насъ. Я остановился и подумалъ: вмѣсто того чтобы ѣхать во вторую армію, гдѣ еще не знаю что могу сдѣлать съ чужими войсками, не лучше ли будетъ возстановить тутъ сраженіе и выбить непріятеля изъ центра нашей позиціи? Сейчасъ же велѣлъ я конной артилеріи поворотить вслѣдъ за мной вправо къ батарее. Тутъ случился одинъ баталіонъ Уфимскаго полка, послѣдній съ края нашей первой арміи; я командовалъ ему къ атакѣ; онъ было хотѣлъ итти колонною, но я велѣлъ ему развернуться фронтомъ, чтобы линія наша казалась длиннѣе и въ эти тенета захватить больше бѣгущихъ, которыхъ я останавливалъ крикомъ; вокругъ меня собралась большая толпа; я бросилъ впередъ нѣсколько Георгіевскихъ лентъ, которыя имѣлъ съ собою; тогда уда-

шли мы на батарею Раевского и въ четверть часа она опять уже была нашею, потому что Французы не успѣли даже оборотить на насъ орудій нашихъ, да и не было бы отъ нихъ пользы, потому что истощились заряды; отъ того они и могли овладѣть батареею. Мы сбросили наши пушки съ валу вмѣстѣ съ непріателемъ; не было ему пощады; солдаты въ ожесточеніи ни кого не брали въ плѣнъ; взяли одного только генерала Бонами. Не было возможности удержать нашихъ отъ погони, потому что вся масса не могла взойти на курганъ, остальные съ обѣихъ сторонъ устремились вслѣдъ за бѣгущими къ глубокому оврагу, покрытому лѣсомъ, который былъ впереди нашей позиціи и занятъ войсками маршала Нея. Теперь уже не видать этого оврага, онъ выровненъ и срубленъ лѣсъ. Не будучи въ силахъ остановить своихъ, я велѣлъ кавалеріи заскакать впередъ и гнать ихъ обратно на батарею. Въ этой свалкѣ исчезъ графъ Кутайсовъ; прискакала только одна его лошадь; онъ не попалъ на батарею, но былъ убитъ подлѣ. Одинъ изъ офицеровъ видѣлъ его паденіе, и принялъ его на руки, но не могъ вынести тѣла изъ свалки; онъ снялъ только съ него Георгіевскій крестъ и взялъ его золотую саблю, чтобы не достались непріателю. До вечера отставали мы батарею, я самъ держался на ней три часа, пока боль отъ раны не заставила меня удалиться.“

Я былъ еще исполненъ живымъ рассказомъ сего славнаго подвига и припоминалъ себѣ всѣ его подробности, на самомъ мѣстѣ событія, когда показались подъ горою, не далеко отъ поста черезъ Колочу, хоругви крестнаго хода, выступившаго изъ селенія Бородинскаго. Медленно подвигался ходъ, не многочисленный на этотъ разъ, потому что свирѣпствовавшая здѣсь холера скосила многихъ священнослужителей, и удержала отъ богомолья народъ; но еще довольно было для торжественнаго воспоминанія великаго дня. Въли хоругви, слышалось пѣніе, священники шли въ свѣтлыхъ ризахъ, какъ-будто вѣстники инаго міра, чуждые кровавому событію, о коемъ однако напоминали своимъ шествіемъ, оглашая землю гимнами не земными. На мѣстѣ, ознаменованномъ полнымъ разгаромъ страстей человѣческихъ и паденіемъ героевъ, являл-

ся безстрастный хоръ сей, въ видѣ таинственного посланника, возвышавшаго судъ неба въ слухъ земли!—Таково было въ сію минуту впечатлѣніе поля Бородинскаго, гдѣ разыгралась одна изъ самыхъ страшныхъ трагедій нашей эпохи. Медленно поднялся къ памятнику крестный ходъ; священнослужители взошли на его ступени и поставили наоцѣхъ предъ иконою Спаса. Старшій изъ нихъ окропилъ святою водою кругомъ памятникъ и предстоящихъ, и одинокую могилу Багратиона, потомъ осѣнилъ крестомъ на всѣ четыре стороны все обширное поле смерти: — какое торжественное осѣваніе! и опять двинулся крестный ходъ, къ обители, чрезъ селеніе Семеновское.

Какъ должно быть обязано потомство игуменьи Маріи, за учрежденіе сего молитвеннаго шествія, ибо она первая начала приглашать къ себѣ на панихиду окрестное духовенство, и такимъ образомъ мало по малу образовался и утвержденъ былъ крестный ходъ сей, заходящій теперь и къ памятнику. Во вратахъ ея Спасской обители Архимандритъ мужскаго монастыря, изъ Можайска, встрѣтилъ соборно крестный ходъ, съ прочимъ духовенствомъ и со всѣми инокинями, и послѣ краткой литіи за оградою всѣ взошли въ церковь Спасову, гдѣ началась литургія. Она окончилась соборною панихидою, за всѣхъ избѣнныхъ въ этотъ тяжко памятный для Россіи день, и удивительно было слышать молитвы за нихъ, на томъ самомъ полѣ, которое оросилось ихъ мученическою кровію! невольно текли слезы у предстоящихъ. Владѣльцы окрестныхъ селеній, которыхъ жена сдѣлалась безсмертными битвою Бородинскою, собрались отовсюду въ обитель, для сей панихиды, и такимъ образомъ ежегодно обновляется память битвы, дабы никогда не стерлась она изъ памяти грядущихъ поколѣній. При столь трогательномъ воспоминаніи, о быломъ и о минувшихъ, невольно разогрѣвалось сердце теплымъ чувствомъ любви къ отечеству, и благодарности къ той, которая частную свою печаль сдѣлала общественною, и увѣковѣчила молитву на Бородинскомъ побоищѣ.

Какое торжество готовить древній Кремль? О чемъ гласитъ дѣдный хоръ его колоколовъ? Высоко горятъ древнія хоругви, двойницѣ рядомъ златокованныхъ щитовъ, подвигаются отъ собора Успенскаго къ Спасскимъ воротамъ; попарно гнается за нимъ непрерывающаяся цѣпь священнослужителей, въ свѣтлыхъ ризахъ, отъ всѣхъ сорока сороковъ первопрестольной столицы, и весь митроносный сонмъ настоятелей обителей Московскихъ. Вотъ и священныя иконы, означенныя неоднократнымъ спасеніемъ земли Русской: Корсунская Божія Матерь, временъ Радноапостольнаго Владимира, между двухъ ея кристалловидныхъ крестовъ; икона Благовѣщенія, прендобнаго Прокопія, отстранившая некогда страшную каменную тучу отъ водикаго Устюга, и Владимирская, кивотъ спасенія всея Руси, удержавшая грознаго воителя Тамерлана. Пресвитеры благоговѣнно несутъ сію заветную святыню, какъ некогда жрецы и левиты, во исходѣ Израилевѣ изъ Египта, дому Іаковля отъ людей варваръ, когда по громкому выраженію псалма (113.) „море видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять.“ Тихо и величаво шествуетъ, вслѣдъ за ближайшею сердцу Русскому святынею, близкій сердцу своей цаствы, Первосвятитель столицы, со всѣми знаменіями своего духовнаго сана, а позади и вокругъ него тысячи народа, унизавшаго обѣ стороны стѣшеннаго крестнаго пути.

Что же знаменуетъ торжественное шествіе?—это память судьбы Божіихъ надъ нами бывшихъ: ибо, хотя на сей разъ не побѣждало море и не возвратился вспять Іорданъ, какъ во дни исхода Израилева изъ Египта; но и мы видѣли, видѣли шествія твоя, Боже, при изгнаніи отъ насъ, мышцею твоею, людей варваръ и новаго Фараона;—полчища его погрязли въ снѣгахъ сѣверныхъ, какъ бы въ пучинѣ Черной! Сорокъ дней тяготѣла рука его надъ градомъ святыни и гробовъ отцевъ нашихъ, и вотъ совершается, какъ бы торжественный сорокоустъ, отъ лица всея Церкви Московской, въ память сорокодневнаго ея плача. Это и послѣдній отголосокъ славной,

но вѣсть горькой битвы Бородинской, здѣсь отозвавшейся въ сердце всея Руси!

Куда же направляется крестный ходъ, съ древнею своею святынею? Онъ идетъ кругомъ священнаго кивота, искони охраняющаго, въ завѣтныхъ стѣнахъ своихъ, всѣ сии сокровища, вокругъ Кремля, который отстоялъ ихъ и во дни сорокодневнаго плѣна, не подвигшись съ вѣковой своей основы. Напрасно желалъ надмѣнный завоеватель, чтобы взлетѣлъ онъ на воздухъ со всею его святынею, и чтобы палъ вѣщій столпъ Ивана великаго, сзывающій къ ней на молитву. Палъ одинъ только уголъ стѣны, съ вершиною одной лишь башни, и то во свидѣтельство немощи человѣческой и силы Божіей; ибо уцѣлѣла на сокрушенной башнѣ, икона Святителя Николая, давашаго ей свое имя, и самое стекло предъ иконою не повредилось. Какъ же не обойти, съ глубокимъ благоговѣніемъ, вокругъ столь завѣтной святыни и не воздать на каждомъ шагу благодарной молитвы, Богу отцевъ нашихъ, показавшему и на насъ милости свои древнія! „Обыдите людѣе и обымите Сіона!“ восклицалъ Давидъ, исполненный любви къ сей матери градовъ Израилевыхъ; и мы съ любовію обходимъ и какъ-бы объемлемъ, всенародными объятіями, Сіонъ Московскій, основаніе коего также на горахъ святыхъ.

У Спасскихъ воротъ Кремля, весь сонмъ инокинь Вознесенскихъ встрѣтилъ и проводилъ пѣніемъ миклодущаго Владыку. На Красной площади Китай-города, священнослужители Покровскаго и Казанскаго соборовъ, поднесли ему, для благоговѣйнаго цѣлованія, чудотворныя иконы своихъ храмовъ, сооруженныхъ въ память взятія Казани и освобожденія Москвы; и такъ вотъ еще два великихъ воспоминанія присоединились къ третьему, не менѣе славному. Мимо памятника Минину и Пожарскому, протянулся крестный ходъ, не прерываясь на пространствѣ всей площади, такъ что когда уже хоругви преклонялись подъ своды Иверскія, Святитель только что выходилъ изъ подъ Спасскихъ. У часовни Иверской Богоматери, остановился крестный ходъ, для всенародной литіи, чтобы поднять изъ ея келліи чудотворную пришелицу Аеонскихъ горъ, и украсить ея присутствіемъ столь

свѣтлое торжество. Около ступеней стали прочія священныя шоны, въ ожиданіи небожественной спутницы; предъ ними выстроились золотыя хоругви, указывая блестящій путь. Съ возвышенія часовни видны были только человѣческія головы, покрывавшія живымъ помостомъ все пространство вокругъ, и отъ благоговѣйно преклонились, когда взошедшій на ступени Владыка, послѣ чтенія Евангелія въ честь Пресвятой Дѣвы, осенилъ ихъ животворящимъ крестомъ. Тогда, изъ глубины аркоосвященной часовни, показалась, во всеобщій блескъ своихъ драгоценныхъ камней, Иверская икона, и молитвенный шопоть пробѣжалъ отъ края площади и до края: „Владычѣда идетъ съ нами!“

Двинулся опять крестный ходъ, при пѣніи ликовъ; уже не останавливаясь, обогнулъ онъ поэтическій садъ Кремля, зеленю холмовъ и деревъ, своенравно прильнувшій къ въковымъ стѣнамъ, какъ тѣ мшистыя травы, что обвиваютъ утесы, о которые съ шумомъ разбиваются валы. Много бурныхъ волнъ разбилось и о сѣдую грудь стараго Кремля, но не морскихъ а человѣческихъ волнъ, воздвигаемыхъ бурями Орды и Литвы, и надъ всѣми ими посмѣялся зубчатый старецъ. Вотъ и послѣдній исполнскій натискъ цѣлаго Запада, отхлынуль отъ него съ шумомъ, и съ шумомъ погибла въ волнахъ океана память завоевателя: „михо идохъ — и се не бѣ!“

И вдоль живописнаго берега Москвы рѣки, подъ южнымъ навѣсомъ Кремлевскаго холма, увѣнчаннаго здѣсь всею красотою своихъ храмовъ и палатъ, идетъ церковное шествіе, объемля такимъ образомъ съ трехъ сторонъ, весь священный треугольникъ лѣтописныхъ стѣнъ и башень. Тогда опять подымается крестный ходъ отъ рѣки къ Спасскимъ вратамъ, мимо Восточной громады Василя блаженнаго; но прежде нежели взойти въ завѣтную святыню Кремля, останавливается у лобнаго мѣста; золотой рядъ хоругвей обозначаетъ опять священный путь, отъ сей Русской Толговы къ царственнымъ вратамъ Кремля: это второй торжественный отдыхъ уже на концѣ шествія. Святитель восходитъ на ступени всенароднаго амвона, съ котораго превозгласилось столь-

ко лѣтнихъ рѣчей въ слухъ вся Русь; вокругъ Владыки стоитъ весь митрополичій сонмъ и вся древняя святиня, изшедшая во свидѣтельство новаго чуднаго спасенія земли Русской. Митрополитъ подымается еще выше, на свое горнее мѣсто посреди лобнаго, и оттолкъ, при гудѣ колоколовъ, освѣняетъ весь градъ и мѣръ животворящимъ крестомъ, на всѣ четыре страны свѣта, дабы во всѣ концы его паствы распространилось пастырское благословеніе, и во всю вселенную спасительная сила святаго креста, изъ самаго сердца Православія. — Вотъ истинное *ubi et ubi*, которому далеко уступаетъ Римское!

=

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО СУШЬ И МОРЯМЪ.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. *

=

НИЖНИЙ ДУНАЙ И БАЛКАНЫ.

I.

ОБЩИЙ ОЧЕРКЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ. — ПОСТЕПЕННОЕ УНИЧТОЖЕНІЕ ТУРКОВЪ И
РАЗНОЖЕНІЕ СЛАВЯНЪ. — БУЛГАРЫ.

Въ Европейской Турціи больше всего поражаетъ путешественника отсутствіе Турковъ,—это почти общее замѣчаніе; а между тѣмъ вездѣ видно вліяніе правительства деспотическаго; его тяжелая рука прижала народъ чуть не къ землѣ, которую онъ обливалъ кровью и потомъ въ пользу своихъ владѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ встрѣтите вы Турковъ? Въ Булгаріи ихъ еще больше, чѣмъ въ другой провинціи, но и тутъ гдѣ они? Снаги, помѣщики, владѣльцы деревень, почти ни-

* Четвертая часть «Странствователя по сушѣ и морямъ» была обѣщана читателямъ при выходѣ въ свѣтъ третьей части, напечатанной отдѣльною книгой въ 1845 году, и дѣйствительно тогда же поступила въ печать; но вслѣдствіе отъѣзда автора остановила печатаніе до возвращенія его въ Петербургъ. Отрывки изъ нея были помѣщены въ журналахъ.

когда не живутъ въ своихъ помѣстьяхъ и управляютъ ими черезъ довѣренныхъ, большею частію Армянъ и Грековъ, которые не многимъ лучше нашихъ жидовъ-арендаторовъ, такъ что раи рады если помѣщикъ, хоть и Турокъ, живетъ самъ въ деревнѣ, особенно, если это переселенецъ изъ Азіатской Турціи. Христіане вообще предпочитаютъ Азіатскихъ Турковъ Европейскимъ: первые безпечлѣе, не знаютъ еще всѣхъ утонченностей грабежа, всѣхъ уловокъ, которыми можно выжать послѣднее достояніе бѣдняка и довольствуются малымъ: не то что арендаторъ. Развѣ встрѣтите нѣсколько солдатъ низама, да и отъ тѣхъ вы уклонитесь, потому что они-то и есть большею частію разбойники. Если вы путешествуете подъ особымъ покровительствомъ правительства, то въ главномъ городѣ пашалыка можете предстать предъ свѣтлыя очи паши, который и нынче, не смотря на многія благодѣтельныя мѣры константинопольскаго дивана, все таки властвуетъ неограниченно въ своемъ пашалыкѣ. Въ городахъ меньшаго разряда вы найдете аяско или другаго турецкаго чиновника. Еще можетъ быть увидите Турка кафеджи, парильщика, и только. Да! если своротите въ глушь съ дороги, ведущей въ Шумлу, найдете нѣсколько турецкихъ деревенекъ—и именно, Утжюлеръ, Баратларъ, Джакова или Якова, Помани-Наиа, и двѣ три деревни ближе къ Константинополю, — кажется единственное ослѣдое турецкое народонаселеніе Булгаріи, и тутъ наружный видъ жителей и нѣкоторые обычаи слишкомъ отзываются славянскимъ родствомъ. Чтобы доказать числами ничтожность турецкаго населенія въ Европѣ, замѣтимъ, что на 14,250,000 всего народонаселенія Турціи приходится 800,000 собственно Турокъ, между которыми очень много переселенныхъ въ послѣднее время изъ Азіатской Турціи. Еще это число многіе считаютъ увеличеннымъ и полагаютъ обыкновенно въ 700,000, иные въ 720,000; но если взять во вниманіе, что въ Константинополѣ и Адрианополѣ находится до 400,000 Турковъ, то кажется довольно приблизительно къ истинѣ можно положить такое же число и на остальную часть Европейской Турціи.

Турецкое племя постоянно, такъ сказать съ каждымъ годомъ уменьшается въ Европѣ. Баррашенъ замѣтилъ, что если бы въ Турціи издавались ежегодно статистическія вѣдомости

с числом родившихся и умершихъ, то можно бы съ точностію опредѣлить время, въ какое исчезнетъ турецкое племя съ лица Европы; и эта остроумная мысль не безъ основанія, что не всегда бываетъ съ остроумными мыслями. Къ этому прибавимъ, что безъ частыхъ переселеній изъ Азіатской Турціи, такое время было бы уже очень близко. Причины постоянного уничтоженія народонаселенія племени побѣдителей и увеличенія побѣжденнаго должно искать въ духѣ самаго народа, увлекаемаго къ неизбѣжной гибели фатализма, которому онъ безпрекословно подчинилъ себя и наконецъ въ постановленіяхъ самаго правительства. Вотъ, по нашему мнѣнію, эти причины.

Во первыхъ: войны истребили множество Турковъ, тѣмъ болѣе, что въ низамъ, регулярное войско, набираются одни магометане; только въ матросы, и то съ не давняго времени стали брать раевъ. Во вторыхъ: чума свирѣпствуетъ гораздо больше между магометанами, чѣмъ между христіанами, потому что первые не принимаютъ никакихъ мѣръ противъ бѣдствія, ниспосылаемаго судьбой, неотвратимой, неизбѣжной! Въ третьихъ: уничтоженіе янычаръ, сильнаго, здороваго, благодеиствовавшаго класса народа, несшаго на себя большую часть превратностей войны. Наконецъ, въ четвертыхъ, самая полигамія Турковъ, доступная только богатому классу, весьма неблагоприятна размноженію народонаселенія, уже потому что лишаетъ возможности бѣдняка пріобрѣсти себѣ и одну жену, что по магометанскому закону довольно дорого.

Христіанская же часть населенія Турціи, какъ мы уже заметили, чрезвычайно размножается, не смотря на положеніе свое, слишкомъ неблагоприятное подъ гнетомъ турецкаго правительства: такъ нѣкоторыя породы грибовъ родятся въ навозѣ; такъ расплождается повсемѣстно еврейское поколѣніе.

Булгарія, по окончаніи нашихъ послѣднихъ войнъ въ Турціи, считала менѣе 4,000,000. Теперь населеніе ея простирается до 4,500,000, не смотря на частыя переселенія жителей въ сосѣдственныя провинціи и на истребленіе нѣсколькихъ тысячъ во время “возстановленія порядка”, въ Булгаріи въ 1839—40 годахъ. Однѣ эмиграціи жителей еще удерживаютъ нѣсколько деспотизмъ пашей въ границахъ. Паша можетъ лишиться большей части народа своего пашалыка, а слѣдо-

нительно и дохода съ него собираемаго, что составляетъ главный предметъ его заботливаго попеченія. Въ 1838 году все населеніе Мелоника оставило свои дома и бѣжало отъ притѣсненій извѣстнаго Мустафы, который властвовалъ почти 40 лѣтъ сряду. Паша принужденъ былъ вступить съ ними въ переговоры и только возвращеніемъ части отнятой у нихъ собственности успѣлъ склонить нѣкоторыхъ вернуться въ покинутые ими дома.—По послѣднимъ трактатамъ сосѣдственныя державы выдаютъ бѣглецовъ; но одинъ паша никогда не выдаетъ другому своихъ переселенцевъ, на общемъ основаніи умноженія собственности на счетъ сосѣда.

Вотъ исчисленіе народонаселенія Европейской Турціи. Свѣденія, собранныя на мѣстѣ, мы сличали съ показаніями другихъ путешественниковъ, и если наши выводы не совершенно, то по крайней мѣрѣ приблизительно вѣрны. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ статистическихъ перечней народа и гдѣ должно довольствоваться устными свѣдѣніями, почерпаемыми отъ аяповъ, субашей и старѣйшинъ деревень, другихъ результатовъ и получить нельзя.

Мы причисляемъ къ населенію Европейской Турціи При-Дунайскія княжества, какъ платящія подать султану, потому что въ Турціи подать, гарачъ, есть выраженіе подданства и на этомъ же основаніи исключаемъ изъ общаго итога Черногорію (100,000) и малыя общины въ Албаніи, какъ Мирдить и Массаръ (150,000), которыя также не платятъ дани Туркамъ.

Валаховъ	2 000,000.
Молаванъ	1 100 000.
Зинзиръ, принадлежавшихъ къ Ромульскому же племени00,000.
Сербовъ	900,000.
Босняковъ	800,000.
Герцоговницевъ	350,000.
Кроатовъ	300 000.
Албанцевъ	1,600,000.
Булгаровъ	4.500,000.
Грековъ	900,000.
Армянъ	100,000.
Евреевъ	250,000.
Цыганъ	250,000,
Европейцевъ (кромя выше упомянутыхъ)	100,000
Турковъ	800,000.

Итого 14,250,000.

Европейцы живут исключительно въ Константинополѣ и въ При-Дунайскихъ владѣнiяхъ; въ Молдавіи и Валахіи есть цѣлыя колоніи Трансильванцевъ. Въ остальной Турціи Европейцевъ совсѣмъ не видно, кромѣ, разумѣется, Грековъ и Армякъ, да нѣсколькихъ авантюристовъ въ городахъ или бѣглецовъ, особенно изъ нашихъ казаковъ.

Цыгане преимущественно находятся въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ они составляютъ классъ рабовъ, и нѣсколько разсыпаны въ другихъ мѣстахъ. Занятія ихъ и тутъ, какъ въ остальной Европѣ: походная кузница, воровба, конокрадство, преимущественно передъ другимъ воровствомъ. Турція и Венгрія самое старинное ихъ мѣстопробываніе, гдѣ они едва ли не въ-первые появились въ Европѣ.

Евреи большею частію потомки изгнанныхъ изъ Испаніи; перенеся сюда часть спасенныхъ ими богатствъ, свою неуспѣшную дѣятельность, свое любостыжаніе, они кажется совсѣмъ забыли, что нажитое ими гораздо чаще переходитъ въ руки пашей и самаго султана, чѣмъ ихъ законнымъ потомкамъ и часто жертвуютъ преждевременно жизнію для пріобрѣтенія лишней тысячи піастровъ. Евреи живутъ тамъ гдѣ больше средствъ къ наживѣ. Въ Константинополѣ ихъ много.

Армяне слѣдуютъ впереди Евреевъ, какъ гіены впереди шакаловъ. Греки—большая часть потомки Византійскихъ Грековъ, и остатки отъ греческаго королевства. Не смотря на частыя ихъ истребленія, въ Фонарѣ еще довольно Грековъ. Вѣсть съ Армянами они составляли нѣкогда сильный классъ турецкой и европейской драгоманіи; дипломатическое вліяніе ихъ теперь ослабло. Они же одни пользовались правомъ ставить изъ себя государей Валахіи и Молдавіи. Мы увидимъ ниже вліяніе византійскихъ Грековъ и византійскаго правительства на турецкій дворъ.

Въ изчисленномъ нами народонаселеніи Турціи заключается Магометанъ, кромѣ самихъ Турковъ, въ Босніи, Герцеговинѣ и Кроацин 700,000; въ Албаніи болѣе милліона и разсыпано въ другихъ мѣстахъ около 10,000. Но эти магометане, другихъ правовъ, другаго языка чѣмъ природныя Турки и нѣсколько не сочувствуютъ имъ. Напротивъ, Албанцы всѣхъ чаще возставали противъ своихъ единовѣрныхъ властителей.

Между всеми подданными турецкаго султана, Булгары покойнѣе всѣхъ несутъ свое иго, не смотря на то что они терпятъ болѣе всѣхъ. Нельзя сказать, чтобѣ раи были слишкомъ отягощены налогами, но способъ взысканія податей преимущественно натурой, потому косвенные налоги и наконецъ злоупотребленіе турецкихъ властей доводятъ народъ до крайности. Число рабочихъ дней, отбываемыхъ въ пользу владѣльцевъ, спаговъ, и правительства въ Булгаріи меньше, чѣмъ въ Венгріи. Въ Венгріи 103 дня въ году и таже десятина съ сельскихъ произведеній. Косвенныхъ налоговъ много: джалъ или военная контрибуція, квартирный постоя солдатъ, пошлина со скота и особенно со свиней; законный взносъ въ пользу паши, который не довольствуется имъ, но нерѣдко посылаетъ въ деревни своихъ чубукчеевъ, представляя въ пользу ихъ девятую часть сельскихъ произведеній не въ зачетъ другихъ поборовъ. Правда, нынче это не въ такомъ частомъ употребленіи, какъ было прежде; но тѣмъ не менѣе случается, особенно если паша хочетъ наказать деревню или наградить своего любимца. Чубукчи уже нисколько не щадятъ раевъ; они налетаютъ какъ вороны, не смотря ни на какое время года, хотя бы сельскія произведенія и не были въ сборѣ; тащатъ и грабятъ, что ни попадо и нерѣдко разгоняютъ цѣлую деревню. Двухъ вещей только они не сибьютъ дѣлать, или по крайней мѣрѣ не должны бы дѣлать по закону: — продать крестьянскую землю и его сельскія орудія и убить поселяннина; отъ этого пострадаетъ доходъ паши; впрочемъ если и случится убійство, то большею частью проходитъ безъ послѣдствій для чубукчи. Спаги ненавидятъ чубукчеевъ, большею частію гадкихъ выходцевъ мужской половины гарема; случалось даже, что спаги возставали противъ нихъ за одно съ раями. Надобно правду сказать, между спагами иногда бываютъ добрые люди, но самый злой бичъ народа, это Армяне и Греки арендаторы. Правительство съ своей стороны нисколько не разбираетъ средствъ къ удовлетворенію своихъ потребностей; нужноли куда послать рабочихъ, оно захватываетъ на рынкахъ, всѣхъ кто попадется безъ квитанцій въ отработанныхъ дняхъ, и посылаетъ ихъ часто за сто верстъ отъ мѣста ихъ жительства, вовсе не

заботясь о томъ, что у бедняковъ нѣтъ съ собой хлѣба и на два дня.

Не менѣе разорительны для поселянъ все еще существующіе въ Турціи монополіи на произведенія первой потребности. Такимъ образомъ, паша и нынче назначаетъ на рынокъ цѣну хлѣба, всегда низкую, по которой скупаетъ его и потомъ уже продаетъ, по чѣмъ хочетъ; большею частію, во свойственной Турку безопасности, паша продаетъ или отдаетъ на откупъ это право Армянамъ и Грекамъ, своимъ банкирамъ, и тѣ употребляютъ всѣ средства, чтобы выжать изъ своей монополіи всевозможную пользу.

Нынче, какъ и прежде, участь раевъ — болѣе или менѣе своя — зависитъ непосредственно отъ того, каковъ паша, отъ его личныхъ качествъ и наклонностей, потому что не смотря на всѣ благонамѣренныя распоряженія константинопольскаго дивана, паша въ своемъ пашалыкѣ, какъ мы уже замѣтили, властвуетъ все-таки безгранично и безусловно.

Характеръ Булгаръ, больше чѣмъ другихъ подданныхъ султана, поддался вліянію тамошняго правительства и рѣзко носить на себѣ отпечатокъ жизни, которая глубоко давилась въ него. Посмотрите на Булгара: гдѣ бы ни былъ, въ какомъ бы положеніи ни находился, онъ рѣзко отличается отъ славянскихъ племенъ. Обратите взоръ свой сюда, на эту степь жаркую, обнаженную, которая тянется отъ Черноводъ до Кюстенджи. Все пустынно, мертво! Но вотъ вдали показалась рябь: всмотритесь! это Булгаръ. Онъ коцуетъ здѣсь со вѣренными ему стадомъ, да съ перелетными птицами. Вы приближаетесь: птицы слетѣли, взвились надъ головой его, но Булгаръ неподвиженъ, словно приросъ къ камню, на которомъ сидитъ, къ обломку колонны или къ цоколю статуи временъ Римлянъ, составляя странную противоположность нищеты съ мертвымъ величіемъ: ни пѣсни, ни улыбки, ни привѣта! грустная апатія во всѣхъ чертахъ его лица, во всѣхъ движеніяхъ, какъ будто въ головѣ его нѣтъ мысли, въ душѣ нѣтъ надежды. Только иногда озаботитъ его вой волка или полетъ орла: Булгаръ боится за вѣренное ему стадо, больше чѣмъ за свою жизнь: честность булгарскихъ пастуховъ вошла въ пословицу, и никто еще не

раскаявался, вѣрря ему свои стада. Булгаръ ничего не жа-
летъ, испытавъ на себѣ, что все принадлежащее раѣ, со-
ставляетъ собственность Турка, его господина. Вѣче нашъ
бѣднякъ былъ дитятей, когда аянъ отнял изъ рукъ отца и
матери сестру, за то, что она была хороша. Черезъ нѣ-
сколько времени отецъ его, проходя мимо Турка, наслаж-
давшася кейфомъ на порогъ кофейной, задѣлъ и опроки-
нулъ его кальянъ. Турокъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ
и за-мертво повалилъ неосторожнаго раю. Мать была въ
отчаяніи. Каждую ночь приходила она на могилу мужа пла-
кать и горевать,—днемъ Турки не очень позволяютъ раямъ
выказывать и радость, не только горе. Плачь страдальцы воз-
буждалъ вой и лай стаи собакъ; это беспокоило аяна, наво-
дило тоску на его гаремную затворницу и онъ велѣлъ за-
травить собаками старуху. Старшій сынъ, бывшій тогда двад-
цати лѣтъ, не выдержалъ страданій матери и кинулся въ
стаю разозленныхъ собакъ, чтобы исторгнуть хотя трупъ
матери, который онъ могли разнести по кускамъ. Исполни-
тели правосудія сочли это явнымъ возмущеніемъ раи и осу-
дили на смерть возмутителя. Отъ всей семьи остался де-
сятилѣтній мальчикъ, не красивый и потому никто не приза-
рился на него; мальчика выгнали изъ отцовскаго дома, а
домъ и что было въ домѣ отчислили въ пользу аяна. Въ
Турціи собакъ и нищихъ никто не трогаетъ; первыхъ очень
много, послѣднихъ мало и то развѣ въ Булгаріи, и вотъ
нашъ мальчикъ взросъ между тѣми и другими, въ бѣдѣ и
нуждѣ; онъ умѣлъ однако показать, что остался честнымъ, и
добрые люди вѣррили ему свои стада, хотя онъ ничѣмъ не
обезпечивалъ ихъ.

Разсказанное мною происшествіе не изъ тѣхъ, которыя
легко могли-бы случиться въ Турціи, но изъ тѣхъ, которыя
случались; это было именно въ Меленикѣ во время правле-
нія пашалыкомъ Мустафы-паши. Такъ зачѣмъ-же послѣ
этого нашему бѣдняку Булгару желать жены, семьи, досто-
янія, счастья: Турки все возьмутъ пожалуй, вырвутъ изъ сер-
дца самое желаніе, еслибъ ненарочно оно закралось въ сер-
дце.— Вотъ онъ одинокъ въ безбрежной степи, и радъ свое-
му одиночеству; пустыня по немъ: сюда не залетаютъ вѣсти

съ родины, а эти вѣсти всегда щемятъ его сердце, уже иссохшее отъ боли; но не вдалекѣ показались три человѣка; но ихъ оборванными куртками, дрянными европейскими ружьями за плечами и красными засаленными фесками, онъ узналъ турецкихъ солдатъ бѣглецовъ изъ какой-нибудь соседней крѣпости и съ покорностію ожидалъ бѣды. Солдаты приняли съ угрозами и бранью. Одинъ отнялъ у него трубку и табакъ, — все его достояніе; другой закололъ себя на ушнѣ любого изъ стада барана и перерѣзалъ нѣсколько для потѣхи, чтобы испытать ловкость руки и остріе кинжала, третій потѣшался надъ самымъ пастухомъ. Булгарь оставался безответенъ и пѣть.

Да, грустныя мысли навелъ на меня этотъ безответный человѣкъ, одинъ-одинехонекъ среди пустыни; даже собаки, неразлучной спутницы пастуха не было съ нимъ: вѣрно окопалъ съ голода. — Вольно воронъ носился надъ нимъ и каркалъ, какъ будто требуя своей части въ этомъ человѣкѣ, осужденномъ съ дѣтства на страданія... Кругомъ степь, та степь, гдѣ еще видны остатки Траяновой стѣны и вала, что тянулись отъ Черноводъ до Кюстенджи; та степь, которую проходили нѣкогда нѣсколько тысячъ плѣнныхъ Булгарь, ослабленныхъ по приказанію Василія II Булгарорѣза. Они возвращались на родину, ведомые своимъ соотечественникомъ, у котораго оставленъ былъ одинъ глазъ, — и тутъ, по преданію, былъ ихъ отдыхъ. Это та степь, которая столько разъ и еще недавно обагралась кровью Русскихъ.

Булгарь не любитъ музыки и пѣсней или по-крайней-мѣрѣ рѣдко прибѣгаетъ къ нимъ, чтобы разогнать свою тоску, не то что другіе Славяне, Сербы, Герцоговинцы, Черногорцы: тѣ проводятъ цѣлыя ночи, слушая какую-нибудь нескончаемую пѣсню, которую скорѣе можно назвать народною поэмою, не засыпая подъ ея монотонный напѣвъ, не убѣгая отъ раздражающихъ уши звуковъ гуслей. У Булгарь есть тамбури, инструментъ, гораздо пріятнѣе гуслей, но они рѣдко прибѣгаютъ и къ нему. — Пѣсни ихъ заунывны, болѣе приближаются къ малороссійскимъ по голосу. — Повсемѣстное славянское коло, въ Булгаріи не въ большомъ обыкновеніи и вообще они по натурѣ своей не танцоры. Прав-

да, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Константинополѣ, вы увидите бродящихъ по улицѣ Булгаръ, которые скачутъ подь звуки своей волкеры, при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь позначительнѣй; что-то въ родѣ улыбки показывается на ихъ флегматическихъ лицахъ, но это такая улыбка, отъ которой сердцу больно, и вообще они стараются придать себѣ въ это время торжественный видъ, что уже совершенно имъ несвойственно. Такое шумное выраженіе радости дозволяется имъ по слѣдующему поводу. Въ маѣ мѣсяцѣ выпускаются султанскія лошади на роскошныя луга прѣсныхъ водъ, что какъ извѣстно совершается съ особеннымъ торжествомъ; Булгары, какъ наиболѣе пріобычныя къ быту животныхъ, и, главное, какъ люди чрезвычайно способные отвращать отъ лошадей дѣйствіе дурнаго глаза, назори, принимая его на себя, занимаютъ и тутъ мѣсто пастуховъ; и пока настанетъ эта торжественная пора, имъ позволяютъ мелкій, уличный сборъ съ прохожихъ, которые платятъ конечно не за танцы, а ради ихъ званія. Но вотъ султанскія лошади на пастбищѣ, разукрашенныя, обвѣшенныя талисманами, окруженныя своею свитою, — въ Турціи всякій имѣетъ присвоенную своему званію свиту: знатныя женщины — евнуховъ и негритянокъ; вельможи — мальчиковъ и палкобійцевъ, наконецъ другіе — кавасовъ; султанскія лошади — Булгаръ! Будь эти пастухи Греки и Армяне, они гордились-бы такою честью и въ свою очередь унижали-бы другихъ; но Булгары здѣсь какъ и вездѣ грустны, безотчетно покорны своей участи. Притомъ же они твердо помнятъ, что если заболѣетъ лошадь, то за нее отвѣчаютъ не только они, бдительные стражи гордаго животного, но и вся семья пастуха, вся деревня, которой принадлежитъ. Извѣстно, что нѣкоторыя болгарскія деревни обязаны поставлять пастуховъ ежегодно ко двору, на два мѣсяца, когда лошади находятся на пастбищѣ; и за то пользуются разными преимуществами; за то и отвѣчаютъ они въ случаѣ несчастія съ лошадыю.

II.

ПОСѢЩЕНІЕ БУЛГАРІИ ПОКОЙНЫМЪ СУЛТАНОМЪ. — СИСТЕМА
УПРАВЛЕНІЯ РАЯМИ — ОБЩИНЪ.

Въ 1837 году въ Булгаріи разнеслась необыкновенная вѣсть, такая вѣсть, что народъ не зналъ, вѣрить ли ей или остерегаться ее, какъ съти, разставленной людскому легкомыслию? бояться—ли есуществленія этой вѣсти или радоваться? толковали шопотомъ, каждый въ своей семьѣ, пока наконецъ не огласилось официально, чрезъ посредство нарочно-разсланныхъ отъ константинопольскаго двора, что султанъ Махмутъ хочетъ посѣтить свою провинцію. Тутъ только Булгары подумали хорошенько, что такое за существо султанъ, этотъ падишахъ земли? прежде имъ и въ голову не приходила эта мысль: для нихъ и паша былъ существо облаченное величіемъ и тайной; а тутъ самъ султанъ! Но этотъ вопросъ былъ положительно рѣшенъ Булгарами, посѣщавшими Константинополь. Гораздо затруднительнѣе было рѣшить, доступно—ли это существо для бѣднаго рама? милость—ли оно несетъ народу, или кару? Правда, большой вины за собою Булгары не знали; но вѣдь въ Турціи гибель падишаха несомнѣно подобно грозу небесной безъ всякой видимой, крайней—шерьъ для простаго народа, причины.

Булгары толковали, спорили и рѣшили, что падишахъ на земли, что солнце на небѣ! Все зло на свѣтѣ происходитъ отъ однихъ пашей; они—то, подобно тучамъ заслоняютъ отъ народа благодатные лучи небеснаго свѣтила. Надобно просить, молить самого султана о милости, о защитѣ отъ этихъ тирановъ; султанъ навѣрное выслушаетъ своихъ притѣсненныхъ подданныхъ, окажетъ имъ правый судъ. Послать къ нему депутацию: хуже не будетъ! Но когда дошло до выбора депутатовъ, столпившійся народъ притихъ; никто не вызывался добровольно на этотъ подвигъ. Наконецъ избрали нѣсколько стариковъ: стариковъ вѣдь и мечъ не всегда съчетъ въ Турціи. Султанъ находился уже въ Силистріи, гдѣ назначенъ былъ смотрѣ войскамъ. Народъ толпился за городомъ. Множество пашей и два господара дожидали его. Господари ве-

ли долгіе переговоры съ приближенными султана о томъ, какъ имъ предстать предъ свѣтлыми очи повелителя право-
вѣрныхъ: въ нарядномъ-ли платьѣ владѣтельныхъ князей, или простыми странниками, въ дорожномъ платьѣ, покрытомъ пылью и грязью, какъ подобаесть быть праху стопъ падишаха, какъ дѣлали еще не очень давно господа, во время своихъ прѣздовъ въ Константинополь? Последняго мнѣнія особенно держался бывшій владѣтельный князь Валахія, Г.; и хотя съ нимъ былъ весь многочисленный дворъ его и штабъ, однако онъ хотѣлъ ѣхать на встрѣчу султану только съ двумя адъютантами, которыми велѣлъ приготовить особаго рода костюмъ сообразный съ его понятіями о нищетѣ, и двухъ толстыхъ оловъ. Говорить, султанъ узнавъ объ этомъ, долго свѣдѣлся, и какъ-бы желая продать недоумѣніе господарей, призывалъ ихъ обьявнть чтобъ явились какъ слѣдуетъ. Какъ слѣдуетъ! Это поставило господарей еще въ большее за-
тѣшательство. Они думали, думали и наконецъ рѣшились держаться середины.

Султанъ принялъ ихъ въ своей палаткѣ. После обычныхъ привѣтствій, Махмутъ склонилъ разговоръ на необходимость добраго согласія между сосѣдами. Онъ зналъ, что господа не ладытъ между собою и заставилъ ихъ примириться. Искренность или притвореніе былъ этотъ миръ, трудно рѣшить; какъ-бы то ни было, они дали слово сохранять его *свачно*, и даже, какъ сказываютъ, заключили его взаимными лобзаніемъ въ присутствіи свѣтлыхъ очей султана. Аудіенція продолжалась не долго. Потомъ султанъ принималъ великобританскаго консула; другіе консулы во встрѣтившемся недоумѣніи омидали его въ Русукъ. Наконецъ Махмутъ вышелъ изъ палатки, сѣлъ на лошадь и отправился къ выстроившимся на долину войскамъ.

Султанъ былъ въ обыкновенномъ военномъ мундирѣ. Синій, суконный плащъ съ стоячимъ воротничкомъ едва закрывалъ его колѣна; изъ подъ плаща видѣлись широкія шарвары; бархатные сапожки со шпорами красиво обрисовывали маленькую ножку. На головѣ былъ красный фесъ съ тенно-голубою кистью, гладко облегавшею вокругъ верхушки всего тѣса. Лицо его, возмужавшее подъ сѣнію серальской жизни

даться, какое дѣйствіе произвело это прошеніе, можетъ быть попавшееся въ руки того, на кого жаловались Булгары.— Они долго ждали рѣшенія и не дождались. Къ тому же, къ старымъ обидамъ прибыло много новыхъ. Гати-шерифъ Гюль-ане, столь благой по цѣли и намѣреніямъ молодаго султана, надѣлалъ только новыхъ бѣдъ. Булгары восстали. Известно, чѣмъ кончилось ихъ возстаніе.

Непостижимо, какимъ образомъ султанъ Махмутъ, съ такимъ жаромъ увлекшійся преобразованиемъ своего народа, оставилъ систему управленія раями въ первобытномъ ея состояніи, между тѣмъ какъ необходимость измѣненія ея понимали уже въ 1690 году и тогда рѣшились было преобразовать ее, если бъ не воспренятствовали подоспѣвшія войны *. Покойный султанъ, возбудившій противъ себя негодованіе единовѣрцевъ склонилъ бы на свою сторону раевъ.— Для этого ему надо было сдѣлать очень не много,—даровать имъ только права подданныхъ, сбросивъ съ нихъ унижающія челоувѣчество обязательства, позволить строить храмы, не покупая на то свидѣтельство пашей, носить оружіе, какъ носятъ Турки; наконецъ привести къ одному знаменателю всѣ безчисленные подати и постановить правильный сборъ ихъ; отъ этого доходъ увеличился бы, обращаясь прямо въ казначейство государства, а не въ руки пашей и ихъ банкировъ. Подати, какъ мы замѣтили, вовсе не велики, но метода взысканія ихъ во всякое время, иногда по нѣскольку разъ однѣхъ и тѣхъ же, наконецъ употребляемыя для этого жестокости, -- все это низвело раевъ до самаго бѣдственнаго состоянія.

Впрочемъ нельзя безусловно обвинять Турковъ въ ихъ системѣ управленія, безспорно самой гибельной для раевъ, какъ и для правительства. Турки наследовали эту систему отъ Византійцевъ, вмѣстѣ съ роскошью двора, вмѣстѣ съ суетностію, деспотизмомъ; недоступностію ихъ вельможъ.— Продажа публичныхъ должностей, смѣна старшихъ сановниковъ, при вступленіи на престолъ новаго властелина, военная контрибуція, платежи податей натурой, монополія пра-

* Osmanische Geschichte, Гамерн, томъ VI, стр. 551.

вительства на главнѣйшія жизненныя потребности,—все это осталось въ своей неизмѣняемости отъ византійскаго правительства. Также какъ и прежде, судъ и расправа между христианами—если дѣло не касается убійства или государственной измѣны—производится пастырями церкви, и въ случаѣ важности его утверждается патриархомъ; также какъ и прежде, духовенство пользуется десятиной сельскихъ произведеній своего прихода. Даже многія деревни, на которыхъ лежали обязанности, собственно въ отношеніи двора, только перенесли родъ своихъ обязанностей сообразно понятіямъ мусульманства, и остаются также точно поставщиками разныхъ произведеній въ сераль.

Побѣдители нѣкогда сильной и гордой Византіи лучше другихъ видѣли, что способствовало ихъ побѣдѣ. Они издѣвались надъ развращенностію народа, надъ нравами, обычаями, надъ законами имперіи, а между тѣмъ сами увлеклись соблазномъ роскоши, блеска, веллчія; они думали, что обрѣли магометовъ рай на землѣ, и султанъ, вмѣсто того, чтобы творить народу судъ и расправу въ открытомъ полѣ, во всеуслышаніе, какъ было прежде, растеть и умираеть въ нѣгѣ гнѣвной жизни.

Въ системѣ турецкаго управленія, очень замѣчательно учрежденіе общинъ въ городахъ и селахъ: это учрежденіе собственно турецкое, которое поклонники Магомета перенесли изъ своихъ степей. Каждая славянская община имѣеть своего субашу; магометанская—саби; греческая—протогероса или престоса. Это нѣчто въ родъ мера, съ болѣе обширной властію.—Подъ его распоряженіемъ избираются всѣ должностныя лица на годъ, на два, на полгода, смотря по довѣренности къ нимъ народа, болѣею частію изъ богатыхъ и старыхъ людей; они производять раскладку всѣхъ податей, не по числу душъ, но по состоянію каждаго, отбирають землю у лѣниваго и отдають ее болѣе достойному, раскладываютъ работу на бѣдныхъ, а подать наличными деньгами на богатыхъ. — Намъ скажутъ, что это можетъ вести къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Опытъ показаль противное. — Каждый, замѣченный въ пристрастіи,

не только въ злоупотребленіи власти, смѣняется немедленно тѣмъ же обществомъ, которое выбрало его и гдѣ богатый и бѣдный имѣетъ равный голосъ. Кроме того, расположеніе податей по состоянію заставляетъ каждого заботиться о другомъ, чтобы тотъ не обнищалъ, помогать ему и поддерживать его всѣми средствами. Вотъ почему въ Турціи нѣтъ или почти нѣтъ нищихъ. Состояніе же нельзя утаить отъ своего брата, крестьянина и сосѣда, который знаетъ его отъ рожденія; а потому и въ этомъ случаѣ не можетъ быть недоразумѣній. Каждый гордится званіемъ старшины, хотя пользуется весьма небольшими преимуществами; быть смѣнену до срока считается чрезвычайно постыднымъ. Есть люди, которые лѣтъ двадцать были выбираемы въ разныя почетныя должности и пользовались неограниченною довѣренностію и уваженіемъ своей общины. На старшинахъ также лежитъ важная и трудная обязанность сноситься съ турецкимъ начальствомъ и защищать свою общину.

Учрежденіе общинъ противуствуетъ какую нибудь власть безграничному деспотизму пашей, и потому въ Турціи оно еще полезнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ государствѣ. Константинопольское правительство кажется понимаетъ это и по возможности поддерживаетъ ихъ. Не менѣе выгодно это учрежденіе для финансовъ правительства, избавляя его отъ множества коронныхъ чиновниковъ, которыхъ должно бы содержать на свой счетъ и которые окончательнo разорили бы народъ.

Если община очень сильна народомъ и достояніемъ, то Порта дозволяетъ избрать кіаю или хаджи-башу, который уже и у самаго правительства пользуется большею властью: это нѣчто въ родѣ князька. Паши боятся ихъ вліянія и всячески стараются не допустить общины до такого избранія. Болѣе всего стѣсняютъ христіанскія общины турецкіе общинки, если они гдѣ есть! Турки не несутъ ни какихъ налоговъ, и все съ нихъ слѣдующее раскладывается на христіанъ. Кроме того, всякая исторія рая съ Туркомъ, обращается въ вину всей общинѣ. Въ Нишскомъ пашадкѣ былъ нѣкто Али забіяка, отъ котораго по очереди откупалась каждая деревня, только бы онъ не жилъ въ ней, точно какъ у насъ откупались когда-то отъ *мертвого тѣла*.

Не думаю, чтобы меня стали упрекать въ пристрастіи или лелюбви къ Туркамъ, въ отчужденіи своей личности отъ нравовъ и понятій этого народа, въ чемъ можно упрекнуть многихъ путешественниковъ. Правда, я часто буду имѣть случай говорить о бѣдственномъ положеніи раевъ, о тиранствѣ нѣкоторыхъ пашей, но я излагаю одни факты. Съ тѣмъ вмѣстѣ я радъ указать на каждую благородную черту характера Турковъ, которую случится открыть, на каждый поступокъ, выставляющій ихъ хорошую сторону.

Уваженіе къ старикамъ и снисхожденіе къ дѣтямъ, къ нищимъ, къ больнымъ, ко всему, что носитъ на себѣ отпечатокъ нравственной или физической слабости, есть лучшая черта въ характерѣ Турка. Какъ бы ни досаждали Турку дѣти, онъ ни за что не оттолкнетъ ихъ отъ себя, хоть будь они ему совершенно чужіе, хоть даже раи. Я помню, какъ однажды, въ Адрианополь, одинъ Турокъ, съ обычной важностію устраивалъ на улицѣ противъ своей лавки, въ дождевомъ потокѣ, маленькую мельницу, къ общей потѣхѣ дѣтей, окружавшихъ его и плескавшихся въ лужахъ. Уваженіе Турка къ старикамъ и особенно къ родителямъ доходитъ до необычнаго благоговѣнія. Извѣстно, что женщина въ Турціи лицо совершенно страдательное; жена—старшая рабыня своего мужа, которой подчиненъ гаремъ его, или немножко больше этого. Встрѣтивъ мужа, она почтительно преклоняетъ передъ нимъ голову и цѣлуетъ ему руку, обыкновеніе перешедшее къ нѣкоторымъ христіанскимъ славянскимъ племенамъ, къ Черногорцамъ на примѣръ; но мать всегда сохраняетъ свою власть надъ сыномъ и пользуется его уваженіемъ, едва ли не въ большей степени, чѣмъ у насъ. Между Турками высшаго сословія и вообще болѣе достаточными, сынъ не смѣетъ войти въ комнату матери, не испросивъ предварительно ея позволенія. Вошедши, онъ кланяется ей низко, почтительно подноситъ ей руку ко лбу и къ устамъ и садится только по ея приглашенію.

Въ Турціи старики шестидесяти лѣтъ избавляются отъ “гарача”. Только въ пылу гнѣва Турокъ занесетъ на него руку и всегда кается въ своей запальчивости; къ этому конечно не подходитъ военное время. Тутъ какъ и въ порывѣ фанатиз-

на, Турокъ справляется со своею совѣстью и испровергаетъ все, не щадя ни званія, ни пола. Турки питаютъ такое же уваженіе къ “иктырамъ”, старикамъ, какое среднеазійцы къ своимъ “аксакаламъ”, блѣобородымъ, и это же чувство къ “старцамъ”, развито, хотя можетъ быть въ меньшей степени, между Славянами, живущими въ Турціи.

Разъ, въ Киргизской степи, кажется въ Мугоджарскихъ горахъ, встрѣтили мы старика, дряхлаго, хилаго: онъ стоялъ у быстрого ручья и ни какъ не рѣшался перейти черезъ него, потому что его легко могло сшибить съ ногъ теченіемъ. Вожатый нашъ Киргизъ, нисколько не колеблясь, слѣзъ съ лошади, усадилъ на нее старика и перевелъ лошадь подъ удцы черезъ ручей.

Въ Мустафа-Паланкѣ, не за долго до пріѣзда нашего туда, случилось трогательное происшествіе, вполне выказывающее преданность дѣтей къ родителямъ. Одинъ богатый Турокъ, возвращаясь ночью въ городъ, увидѣлъ пожаръ въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ его домъ. Быстро пробрался онъ сквозь толпу къ мѣсту пожара; но къ дому уже не было приступа: онъ былъ весь въ огнѣ. Въ одной половинѣ его раздавались вопли жены и семейства; тутъ же хранилось его имущество. Въ другой — жила мать семидесятилѣтняя старуха, также застигнутая внезапно пожаромъ. Турокъ бросился къ ней черезъ обгорѣлыя обломки, сквозь тучи дыму и струи пламени. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился, едва держась на ногахъ, но со старухой въ рукахъ. Жена, дѣти, имущество, все огорѣло.

Въ этомъ нѣжномъ участіи къ немощной природѣ человека столько благородства чувствъ, что право не знаешь какъ сообразить ихъ съ тѣми звѣрскими поступками, которыми не разъ ознаменовали себя Турки. Нельзя не сознаться, что растлѣнные нравы Византіи имѣли большое вліяніе на ихъ характеръ.

III.

НИШСКИЙ ПАШАЛЫКЪ. — ВСТРѢЧА СЪ ТУРЕЦКИМИ СОЛДАТАМИ И
АЛБАЙЦАМИ. — ГОРОДЪ НИШЪ.

Изъ пяти пашалыковъ, составляющихъ верхнюю Мезію, нишскій пашалыкъ самый живописный. — Тутъ горы высокие, разшибены, разметаны, изрыты пропастями, пересѣчены ручьями, которые во время дождей и таянія снѣговъ ниспадаютъ водопадами, мѣстами покрыты лѣсомъ, мѣстами испятнаны дикимъ кустарникомъ или ползучими растеніями, часто голы и недоступны. Переходъ съ дунайскихъ долинъ въ Балканы благодатенъ для путника. Тутъ могли мы наконецъ перевести духъ послѣ зноя, отъ котораго совсѣмъ изнемогали. За то поѣздъ нашъ начинали безпокоить разныя недобрыя встрѣчи.

Въ Турціи путешествуютъ нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. — Можно ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ (мезиль), на наемныхъ, съ кираджіями, съ караванами (керванами), и наконецъ можно путешествовать пѣшкомъ. — Нельзя однако сказать, чтобы какой изъ этихъ многообразныхъ способовъ переноситься съ мѣста на мѣсто былъ удобенъ; трудно даже рѣшить какой изъ нихъ удобнѣе? На почтовыхъ вы ѣдете довольно скоро, днемъ и ночью, если васъ не истомитъ верховая ѣзда на дурномъ турецкомъ сѣдлѣ съ короткими стременами, большею частію безъ подушки. — Эта ѣзда обходится дешево, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ вашъ *татаръ* или *кавасъ*, проводникъ, силою фирмана и собственнымъ своимъ вліяніемъ, забираетъ даромъ на пути всѣ състные припасы для васъ и для вашихъ людей и отводитъ квартиры, гдѣ ему вздумается, не спрашивая нравится-ли это вамъ, и увѣренный заранѣ, что это очень не нравится хозяевамъ домовъ; вообще путешествующій на почтовыхъ имѣетъ видъ офиціальныи, страшный для бѣдныхъ раіевъ: отъ него все бѣжитъ, и онъ нерѣдко рискуетъ остаться въ пустомъ домѣ. Нашъ этотъ способъ путешествія тѣмъ болѣе былъ негоденъ, что почтовые лошади находятся на главныхъ пу-

тяхъ, которыхъ очень не много, а намъ приходилось непре-
станно отбиваться въ сторону, въ глубь горъ.

Ѣхать *бераберъ*, толпою, караваномъ, еще дешевле, потому что караванъ всего чаще останавливается въ полѣ, но подвигаетесь медленно; притомъ же всякій караванъ имѣетъ свою опредѣленную цѣль, всегда почти торговую, а у насъ была своя. Путешествовать *пешакъ*, *пешосъ*, т. е. пѣшкомъ, хорошо, дешево, идилически, но намъ почему-то не нравилось. Мы предпочли ѣхать съ *кираджіями*, какъ обыкновенно путешествуютъ. Нишскій паша снабдилъ насъ *букюрды*, родъ почетнаго паспорта, далъ намъ одного изъ собственныхъ своихъ *татаръ*, — и мы смѣло вторглись въ горы. Татары, кавасы, особенная стража при пашахъ, въ Константинополѣ при посольствахъ; они служатъ курьерами, фельдъегерями, пользуются особеннымъ уваженіемъ, большею частью дерзки, и я совѣтую путешественникамъ обходиться съ ними ласково и даже называть ихъ иногда *эффенди*. Нашъ Татаринъ то и дѣло ссорился, то съ *кираджіями*, то съ *коморджами*, находившимися при нашемъ багажѣ; особенно онъ не терпѣлъ Радована, Булгара, а этотъ Булгаръ состоялъ при мнѣ въ качествѣ драгомана, слуги и повара. — Они никакъ не сходились въ выборѣ приваловъ и системѣ мародерства, которую нашъ Татаринъ считалъ совершенно позволительною въ землѣ раіевъ.

Вечерѣло. Горы темнѣли и становились суровѣе. Кираджи роптали, зачѣмъ не остановились ранѣе на ночлегъ; увѣряли, что до деревни, до которой мы надѣялись добраться за-свѣтло, еще далеко, а лошади устали; подъ открытымъ же небомъ оставаться опасно, потому что кругомъ было не спокойно. Къ довершенію общаго неудовольствія, едва поднялись мы изъ ущелья, какъ увидѣли нѣсколько человекъ, конныхъ и пѣшихъ. Одна толпа по видимому расположилась на привалѣ, у ручья, другая удалялась на противоположную гору, къ той сторонѣ, куда и мы направляли свой путь. По длиннымъ блестящимъ ружьямъ первыхъ должно было полагать, что то Албанцы, отъ которыхъ еще не совсѣмъ была очищена Бугарія, или гайдуки; а по короткой, большею частью оборванной одеждѣ, по бѣдному вооруженію и вообще

печальному виду тѣхъ,, что были въ полугорь, нельзя было узнать такъ называемое регулярное турецкое войско, находившееся въ большомъ сборѣ въ нишскомъ пашалыкѣ и вообще во всей Булгаріи для “возстановленія порядка,,.—Мы подались нѣсколько назадъ, на склонъ горы, чтобъ насъ не замѣтили, и стали совѣщаться что дѣлать? Татаринъ настаивалъ, чтобъ мы соединились съ турецкимъ отрядомъ, обѣщая его защиту и покровительство; кираджи утверждали, что трудно обойти шайку Албанцевъ, расположившихся почти на нашемъ пути, а еслибъ это и удалось, то все равно кому ни попасться въ руки, Албанцамъ или турецкимъ солдатамъ, — и тѣ и другіе разбойники. Радованъ совершенно соглашался съ мнѣніемъ кираджіевъ и предлагалъ убѣжище у своего родича и друга, который находился за часъ пути отъ насъ, совсѣмъ въ сторонѣ, въ горахъ, куда не могли попасть ни Турки, ни Албанцы, какъ пришельцы, не знавшіе края.—Мы рѣшились избрать послѣднее. Это отклоняло насъ отъ пути, но за то избавляло отъ встрѣчи, а такая встрѣча противъ ночи не могла быть пріятною. Мы спустились опять въ ущелье. Дорогою доходили до насъ глухо, изъ-дали, нѣсколько выстрѣловъ. Радованъ подъѣхалъ ко мнѣ и значительно взглянулъ на меня. Славяне часто однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ, высказываютъ цѣлую мысль; на этотъ разъ Радованъ, казалось, хотѣлъ сказать:—“что я вамъ говорилъ? Не обошлось-бы безъ того и съ нами!,,.

Наконецъ мы достигли одиноко-стоявшей въ захолустѣ избы; ветхій плетень окружалъ ее; нѣсколько черешень и яблонь расло возлѣ; мало отдавалось жильемъ. Взошли въ избу — бѣдно, пусто. Радованъ поздоровался со старикомъ хозяиномъ, сказалъ ему, что мы христіане, и просилъ гостепріимства.

— Домъ мой и все что въ немъ, къ вашимъ услугамъ; располагайтесь въ немъ, какъ хотите.

Важность, съ которою говорилъ старикъ и это безусловное гостепріимство, напоминало тѣхъ разорившихся бароновъ старыхъ временъ, которые отдавали въ распоряженіе путника весь свой замокъ, хотя въ немъ перѣдко, кромя стѣнъ съ фамильными портретами и гербами, ничего не было. Тѣмъ не менѣе однако, Фросиня, дочь хозяина, составлявшая

всю его семью, хлопотала около очага, на которомъ стоялъ одинокій казанокъ. — Радованъ досталъ походную провизию. Но намъ болѣе всего нуженъ былъ покой, и вскорѣ на дворѣ и въ избѣ все стихло: кираджинъ съ лошадьми заняли сарай, Татаринъ помѣстился гдѣ-то подѣ деревомъ. Фросиня заботливо уложила свать отца на одной лавкѣ, на другой приготовила постель для меня, и вышла. Мнѣ не спалось, и я подѣлъ къ окну.

У призбы, прислонившись къ стѣнѣ, опустивши голову на руку, въ положеніи, которое такъ опредѣлительно выражается у насъ словомъ подгорюниться, стояла Фросиня; на призбѣ сидѣлъ Радованъ; трудно найти лицо добродушнѣе и почтеннѣе его. Нѣсколько времени оба молчали. Наконецъ Радованъ поднялъ свою сѣдую голову и обратился къ Фросинѣ.

— Что, сказалъ онъ, видно нехорошо?

— Не хорошо!

— Давно былъ Видо?

— На прошлой недѣлѣ!

— Что же отецъ?

— Все твердить одно да то же; говорить, а я-то съ кѣмъ останусь, когда отдамъ тебя за Видо? Добро-бы богатъ былъ, такъ обихъ-бы насъ прокормилъ, а то голъ какъ соколъ. Ты мнѣ нужна, да и только.

— Старикъ любить себя больше чѣмъ дочь, — недобре.

— Я говорила, что въ селѣ, мы съ Видо съумѣемъ прокормить и его и себя; такъ нѣтъ, не хочетъ изъ этой труппы, а тутъ, посмотри, камень на камень.

— Зато тутъ старикъ сберегъ и тебя и себя отъ Турковъ; его можетъ быть не тронули бѣ въ селѣ, когда-бы умѣлъ молчать, да подставлялъ спину подѣ палки, а ужъ тебѣ бѣ не сдобровать: больно пригожа, — и Радованъ съ любовью поглядѣлъ въ лицо дѣвушки, важное, полное задумчивости, прекрасное, не смотря на свою истому; станъ ея былъ стройный, величавый; цвѣтныя ленты въ косахъ (уплетники) и свѣтлыя незабудки у праваго виска отбѣнялись ярко въ волосахъ черныхъ и блестящихъ отъ лунныхъ лучей, словно вороненая сталь; все ея положеніе было чрезвычайно граціозно.

— Не житье и здѣсь. Горько, Радованъ, не знать никакой радости на свѣтъ. Вотъ племянница твоя, еще бѣднѣе насъ, работаетъ съ утра до вечера, а все же ей лучше чѣмъ мы; въ избѣ не пусто: мужъ, дитя..... есть кому слово молвить, есть кому улыбнуться. А тутъ.... ты знаешь мое житье... Когда и придетъ Видо, не смѣй съ нимъ слова сказать, хоть сердце такъ и ноетъ; и онъ сердечный, чтобъ не навѣвать на меня бѣду, все дичится: суди самъ, легко ль намъ обоимъ. — На прощаньи, Видо махнулъ рукой и сказалъ: въ гайдуки пойду! — сгубить, бѣдный, своего головушку.... А чѣмъ тогда дѣлать мнѣ, когда и его не останется!

— Сердечная! потерни; завтра я попробую уговорить старика.

Въ это время послышался легкій шумъ за плечемъ. Разговаривавшіе притихли. — Не онъ ли? шепнула Фросина, схватившись за грудь, чтобъ сердце не высочило отъ радости.

Луна свѣтила ясно. Легко было различить двухъ гайдуковъ, которые что-то несли, прикрытое *струкой!* Это былъ трунъ.

— А гдѣ старикъ? спросили они Фросиню.

— Спитъ; сейчасъ разбужу.

— Нѣкогда; возьми покойника; похороните его; онъ круглый сврета, а намъ теперь не до него: надо выручать живыхъ. — Вотъ и деньги на панихиду. Прощайте! Гайдуки положили трунъ на призбу и убѣжали.

— Видо! вскрикнула несчастная. — Видо! и съ этимъ звукомъ вырвалась послѣдняя надежда изъ груди ея. — Фросина кинулась къ покойнику, бережно положила его голову къ себѣ на колѣни и не сводила глазъ съ лица, все еще суроваго, какъ въ ту минуту, когда рука молодого гайдука послала смерть, а грудь приняла смерть. — Фросина не плакала: безмолвная, неподвижная, какъ чудно изваянный мраморъ, оставалась она въ такомъ положеніи. На шумъ вышелъ изъ избы старикъ, отецъ ея. — Радованъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

Старикъ почесалъ затылокъ. — Какъ теперь достать священника? такое невзгодѣ! того гляди проснется Татаринъ: узнаетъ, тамъ все расскажетъ въ городъ.

— Это ужъ наше дѣло, какъ достать священника. Иди себѣ и спи.

Старикъ еще почесался и ушелъ въ избу.—Радованъ принялся за дѣло; разбудилъ кираджіевъ: одного послалъ за священникомъ,—наказавъ ему, чтобъ тотъ ѣхалъ окольными трошниками, извѣстными только туземцамъ и всячески избѣгалъ встрѣчъ; съ двумя другими сталъ копать могилу. Фросиня все оставалась неподвижной. У меня не достало силъ глядѣть на это нѣмое отчаяніе, на это безусловное, безграничное страданіе. Я прилежъ на лавку и старался забыться сномъ.—Тщетно!

Рано утромъ, Татаринъ пришелъ мнѣ сказать, что все уже готово къ отъѣзду. Я простился со старикомъ.—А гдѣ жъ Фросиня? спросилъ я его невольно.—А гдѣ же она? Фрося!—и онъ отворилъ маленькій чуланчикъ.—Тутъ лежала бѣдная страдальца..... Что выражало лицо ея въ это время? Боже правды!—Она едва пошевелинулась на голосъ отца.

— Оставь ее, сказалъ сурово Радованъ. Ты знаешь какую ночь она провела.... Грѣхъ тебѣ....

— Нѣженка, произнесъ сквозъ зубы старикъ.—Радованъ подошелъ къ страдальцѣ.

— Все кончено? шепнула она.

— Все!

Несчастная упала ницъ на подушку и горько зарыдала.

Зачѣмъ остаются жить люди въ ея положеніи? — Зачѣмъ? — Спросите самихъ себя.

— Пойдемъ, сказалъ мнѣ Радованъ, что вамъ смотрѣть на чужую бѣду; не для чего приучаться къ ней. Вѣдь вамъ, господамъ, никогда не приходится испытывать горя.

Радованъ, Радованъ, ты, конечно, не зналъ, сколько злой насмѣшки въ твоихъ словахъ.

Бланки * правъ, замѣчая удивительную неправильность нашихъ картъ Европейской Турціи, которыя сбивали съ толку не одного путешественника; но онъ не правъ, говоря, что отъ Видина до Ниссы или Ниша, какъ обыкновенно называютъ его туземцы, добрыхъ три дня ѣзды, между тѣмъ, какъ судя по картѣ едва цѣлый день. Дѣло въ томъ, что нашъ путешественникъ былъ введенъ въ ошибку видинскимъ

*) Voyage en Bulgarie pendant l'année 1841 par M. Blanqui. Paris 1843.

нашею, знаменитымъ Гуссейноиъ. Конечно паша зная всѣ тропинки въ Булгаріи, но какъ мнѣ сказывали послѣ, онъ съ намѣреніемъ отправилъ Бланки черезъ Белградинъ, Чаркоэ и Мустафа-паша-паланку. Тутъ большой обходъ между тѣмъ какъ черезъ Каргушевацъ и ближе, и дорога едва ли не лучше. Можетъ быть онъ боялся, чтобы Бланки не попалъ въ самую среду Албанцевъ, которые тутъ своевольничали, какъ въ непріятельской землѣ; можетъ быть съ намѣреніемъ посылалъ его на эту встрѣчу. Замысли турецкаго паша трудно проникнуть. Какъ бы то ни было, но путешественникъ дѣйствительно попалъ на толпу Албанцевъ и обязанъ своимъ спасеніемъ не предохранительному листу паша, а собственному своему мужеству.

Мы спустились въ живописную Ниссаускую долину и нѣсколько времени слѣдовали по правому берегу Моравы. На другой день достигли Ниша, главнѣйшаго пункта всей Булгаріи.

Бланки опредѣляетъ населеніе Ниша въ 25,000; но онъ проѣзжалъ черезъ Нишъ въ то время, когда городъ былъ полонъ турецкихъ солдатъ, усмиравшихъ страну, и Албанцевъ. Буэ полагаетъ въ Нишѣ 16,000 жителей. Нишскій архіерей сказывалъ намъ, что въ городѣ 20,000 жителей, между которыми 15,000 христіанъ православнаго вѣроисповѣданія и болѣе 5,000 магометанъ. Кажется это показаніе самое вѣрное. Нишъ обнесенъ валомъ и палисадомъ. Городъ соединяется съ цитаделью деревяннымъ мостомъ. Цитадель господствуетъ надъ городомъ. Палисадъ полуразрушенъ, но цитадель въ хорошемъ положеніи; бастіоны вооружены сильно: на одной линіи цитадели мы насчитали 25 орудій. Къ сторонѣ рѣки другой палисадъ, недавно исправленный. Сторожевыя башенки, переишанная съ высоко взбѣгающими линаретами, зеленью садовъ и красными крышами строеній, представляютъ прекрасный видъ. Городъ кажется такимъ веселымъ, такимъ счастливымъ. Но очарованіе быстро исчезаетъ, когда вы въ него въѣзжаете. У главныхъ воротъ еще видны остатки двухъ четырехъ-угольныхъ пирамидъ, составленныхъ изъ 4,000 человѣческихъ — такъ говорятъ — череповъ!!!... Это головы Сербовъ убитыхъ въ войнѣ 1816 года.

Многіе изъ этихъ череповъ Булгары предали погребенію, коечю тайкомъ; другіе разтащили собаки...

Въ Нишѣ мы нашли порядочный ханъ (гостиницу), содержимый Булгаромъ и отдохнули отъ тяжелаго путешествія верхомъ и бессонныхъ ночей, проводимыхъ гдѣ нибудь на сѣнникѣ, на конюшнѣ почтового двора или въ самыхъ почтовыхъ избахъ, которыя гораздо хуже и сѣнника и конюшни. Проезжающіе никогда почти и не останавливаются въ этихъ избахъ, но въ хорошую погоду располагаются на улицѣ, не разбирая мѣста, и потому въ темную ночь подъѣзжайте осторожнѣе къ привалу, иначе рискуете наѣхать на какого нибудь безпечнаго путешественника. Словоохотный Булгаръ рассказывалъ намъ откровенно о положеніи края, еще не успѣваго оправиться отъ “возстановителей порядка”, объ Сабри, пашѣ нишскомъ, побудившемъ своими тиранствами къ общему возстанію и его преемникѣ Исметъ-пашѣ, довольно добромъ, но въ свою очередь сдѣлавшемъ много зла странѣ въ принадлежкахъ сумасшествія, отчего впрочемъ не легче пострадавшимъ. Когда извѣстный Якубъ-паша явился въ Нишъ со своимъ 20,000 отрядомъ (въ 1841 году), для усмиренія края, онъ сталъ какъ бы старшимъ въ городѣ, хотя паша все еще не сбѣялся. Два турецкихъ начальника въ городѣ не уживутся,—это навѣрное. Исметъ-пашу окружили шпионы; бѣднякъ на каждомъ шагѣ боялся встрѣтить ножъ убійцы, въ каждомъ кускѣ хлѣба, въ чашкѣ кофе думалъ найти ядъ. Всѣ мысли пашы сосредоточивались у этого предмета, и не мудроно если свели его съ ума. Въ каждомъ встрѣчномъ онъ видѣлъ измѣнника и не щадилъ никого, какъ будто надѣялся, что съ убійствомъ послѣдняго человѣка онъ избавится отъ послѣдняго измѣнника. Якубъ не обращалъ вниманія на его маленькія продѣлки, только бѣ они не касались его людей; онъ даже смѣялся надъ безумцемъ. Кромѣ того у Якуба было много своего дѣла. Усмиреніе страны конечно занимало его, но и любовныя интриги, о которыхъ онъ оставилъ такую соблазнительную память въ Нишѣ, требовали не мало времени для приведенія ихъ въ исполненіе.

IV.

КОРВИНЪ-ГРАДЪ. — ДЕЛЪ-ГРАДЪ. — ДРЕВНОСТИ — ЕЗЕНА.

Между Нишенъ и Лесковацетъ, на правомъ берегу Моравы еще существуютъ остатки замка, извѣстнаго туземцамъ подъ именемъ Корвина-града. Ясно видны четырехугольный валъ, которымъ нѣкогда былъ обнесенъ замокъ, одна сторожевая башенка и развалины стѣны. На главныхъ воротахъ можно было разобрать нѣсколько латинскихъ буквъ, изъ которыхъ впрочемъ нельзя составить никакого понятія. Пониже надписи во впадинѣ, рельефное изображеніе какого-то лица, съ короною на головѣ. Гасъ говоритъ, что это кусокъ древняго римскаго мрамора, занесеннаго сюда случайно и вставленнаго ради украшенія: замѣчаніе едва ли справедливое; карона на рельефномъ изображеніи именно такая, въ какой обыкновенно изображаютъ венгерскихъ королей, а грубость работы всего изображенія заставляетъ предполагать его позднѣйшее происхожденіе. Нѣтъ никакого повода думать, чтобы построеніе Корвина-града принадлежало кому либо другому, кромя Матвѣя Корвина; это нисколько не противорѣчитъ и историческому указанію.

Туземцы, со свойственнымъ имъ цинизмомъ нарѣчія, измѣнили въ произношеніи букву о и придали слову другое значеніе. Вотъ по ихъ мнѣнію какому случаю замокъ обязанъ своимъ названіемъ. На противоположной сторонѣ Моравы видны остатки другаго зданія; къ нимъ робко жметса маленькая часовня съ образомъ Николая-угодника, и нѣсколько надгробныхъ камней съ славянскими надписями показываютъ, что тутъ еще недавно стояла православная церковь, возлѣ которой, по всегдашнему славянскому обычаю, было кладбище;— но въ то время, когда возвышался Корвинъ-градъ, тутъ стоялъ католическій монастырь. Каждую ночь обитательницы монастыря оставляли тихій пріютъ свой и черезъ кладбище отправлялись къ берегу Моравы: тутъ ожидалъ пароизъ, который перевозилъ ихъ на другой берегъ и черезъ нѣсколько минутъ онѣ являлись въ замокъ, гдѣ всю ночь кипѣло пиро-

ваніе къ общему соблазну окрестныхъ жителей. На разсвѣтъ женская часть общества оставляла пирь, и тѣмъ же путемъ, черезъ кладбище замка, потомъ черезъ монастырское, возвращалась въ свое жилище. Не было покоя мертвымъ. Могильная тишина нарушалась каждую ночь крикомъ и сѣхомъ; святой погостъ служилъ тропой къ мѣсту шумной вакханаліи.

Однажды, въ ночь, келейныя затворницы отправились къ обычной цѣли своихъ ночныхъ посѣщеній. Прошли черезъ кладбище; всѣ въ черномъ, онѣ едва отличались отъ длинныхъ тѣней, отбрасываемыхъ надгробными крестами и памятниками. Сошли къ берегу, ступили на паромъ; вотъ на срединѣ рѣки.... О, ужасъ! Тутъ только замѣтили онѣ, что общество ихъ гораздо увеличилось противъ того, какъ оставило монастырь, что по числу ихъ было число какихъ-то странныхъ фигуръ, въ бѣлыхъ саванахъ, окутанныхъ съ ногъ до головы, двигавшихся между ними не слышно, не замѣтно, какъ существа другаго міра, которымъ неизвѣстны наши человѣческія условія и которыя могли переноситься съ мѣста на мѣсто, могли выполнять самыя затѣйливыя предположенія только силой одной своей воли.... Морава была въ полномодіи, и паромъ, никѣмъ не руководимый, быстро шелъ къ своей цѣли. Пристали къ берегу. И вотъ бѣлыя и черныя путницы двинулись опять черезъ кладбище къ замку. Тутъ изъ за крестовъ, изъ могилъ показались другія тѣни, только бѣлые саваны ихъ мелькали въ темнотѣ ночи. И вотъ они окружили нашихъ путницъ и каждая тѣнь выбрала себѣ по-другу изъ монастырскаго жилища и увела съ собой черезъ могилы мимо крестовъ и надгробныхъ памятниковъ. Остались только тѣ, что были въ саванахъ и пришли прямо съ монастырскаго кладбища. Они вошли въ залу замка наполненную гостями.... Ихъ видъ, ихъ неслышный, незамѣтный приходъ обдалъ страхомъ пирующихъ. Но вскорѣ вино одолѣло страхъ.

— Прекрасная шутка, воскликнулъ хозяинъ пира обращаясь къ пришедшимъ.... Но вы должны наконецъ открыть свои лица.... явиться тѣмъ, что вы есть, и принять участіе въ пирѣ....

Но пришедшія указали на противоположную сторону Монастырь... Монастырь былъ ярко освѣщенъ....

— Безподобно!... Вы приготовили праздникъ у себя... это и ново и забавно.... Не заставимъ же господъ ожидать на-шихъ прекрасныхъ дамъ и отправимся.

Каждый взялъ даму, существо, окутанное въ саванъ, и чувствовалъ, какъ отъ прикосновенія руки, холодная дрожь пробѣгала по его тѣлу; каждый готовъ былъ отстать отъ своей затѣи; но стыдъ обнаружить страхъ, и какая-то невидимая сила понуждали его впередъ.—Всѣ отправились тѣмъ же путемъ, въ монастырь. Ступили на монастырское кладбище. Тутъ гости съ ужасомъ увидѣли передъ собою раскрытыя могилы и отверстыя гробы. Они хотѣли вскрикнуть—не могли. Пытались молиться—поздно.—Каждая изъ спутницъ отправилась къ могилѣ ведя свою жертву.... Тутъ она указала на холодное ложе гроба, и спутникъ ея невольно повиновался движенію и вѣсть съ нею сходилъ за живо въ могилу.... Таже участь постигла обитательницъ монастыря на кладбищѣ замка.... Къ утру могилы вновь закрылись—навсегда. Тишина кладбища больше не нарушалась. Замокъ и монастырь опустѣли, рушились и “порасли травой забвѣны”.

Въ Турціи путешественникъ долженъ быть чрезвычайно остороженъ и осмотрителенъ въ опредѣленіи древностей, иначе какъ разъ сдѣлаетъ промахъ, что случилось даже съ ученымъ Пукенвилемъ. Въ Европейской Турціи разбросаны остатки пребыванія или только прохода черезъ нее различныхъ народовъ, и все это, древнее и новое, до того искажено непрерывными войнами, изступленнымъ фанатизмомъ и невѣжествомъ народа, что не рѣдко нельзя узнать какому времени и народу принадлежалъ памятникъ. Такимъ образомъ тутъ встрѣчаются остатки поселеній римскихъ, Византіи, королей сербскихъ и болгарскихъ, султановъ турецкихъ и наконецъ древности пелазгскія, древнѣйшія изъ всѣхъ, къ которымъ безспорно должно отнести знаменитое золотое блюдо, почти въ полпуда весомъ и другія золотыя издѣлія, найденныя въ Валахіи. Пукенвиль видѣлъ очень немного древностей пелазгскихъ и списалъ ихъ въ своемъ путешествіи (томъ 1-й).

* Странств. пос. и м. книжка III.

Турція усяяна курганами, *тене*, какъ называютъ ихъ Турки; слово это вѣроятно перешло отъ Грековъ и заимствовано отъ *тени*, которыми древніе Греки вообще называли гробницы своихъ героевъ. Линію этихъ могилъ можно провести отсюда черезъ Валахію и Молдавію, черезъ всю южную Россію, южную Сибирь, Кирзизскую степь, Лагоръ и Индію, а съ другой стороны черезъ море!... Этотъ чрезвычайно любопытный и важный предметъ наконецъ обратилъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей древностей. Нынче уже не подводятъ всѣхъ кургановъ подъ одну категорію, но стали находить между ними отличія. Если однако иные служили могилами славныхъ витязей, другіе сторожевыми редутами, то къ чему причислить тѣ, которые по разрытіи ихъ не представили ровно ничего, а между тѣмъ цѣлыя группы ихъ расположенныя въ безпорядкѣ другъ возлѣ друга не имѣютъ никакого военнаго назначенія, потому что для наблюденія надъ непріятелями довольно одного холма или ряда холмовъ въ опредѣленномъ другъ отъ друга разстояніи. Но вопросъ этотъ завлекъ насъ слишкомъ далеко; не здѣсь ему мѣсто.

На сѣверѣ отъ Корвинъ-града путешественники обозначаютъ Дели-градъ, мѣсто древняго римскаго лагеря. Ученый Буэ опровергаетъ это показаніе, говоря что тутъ стоялъ нѣкогда просто сербскій редутъ временъ Георгія Чернаго и слѣды насыпи принадлежатъ ему. Буэ едва ль не ошибается: редутъ точно существовалъ, но западнѣе, именно близъ Ястребицы. Огромное же пространство, которое обхватывало насыпь и нѣсколько найденныхъ римскихъ монетъ на мѣстѣ Дели-града достаточно подтверждаютъ мнѣніе путешественниковъ.

На обратномъ пути въ Нишъ, мы остановились въ Поджарацахъ, одной изъ деревенокъ, которыми усяяна роскошная Нисауская долина. Проводникъ нашъ повелъ насъ прямо въ домъ своего тестя; самъ онъ жилъ тутъ-же и это былъ родъ визита доброму Булгару, оказавшему намъ столько услугъ на пути. Притомъ же наше любопытство подстрекалось желаніемъ увидѣть его жену, о красотѣ и романическомъ приключеніи которой мы уже слышали отъ погонщиковъ нашихъ лошадей. Старикъ Булгаръ, уже предувѣдомленный о посѣщеніи, принялъ насъ съ гостеприимствомъ

истинно славянскимъ. Вскорѣ явилась и Елена, прекрасная Елена, въ полномъ значеніи этого слова, не смотря на ея нарядъ, который далеко не такъ красивъ какъ нарядъ балканскихъ Булгарокъ. Она была въ рубахѣ съ широкими рукавами, шитой по всѣмъ швамъ и особенно на плечахъ и у груди разноцвѣтными шерстяными въ узоръ и въ опрегатъ. Опрегатъ состоитъ изъ двухъ пестрыхъ шерстяныхъ передниковъ, одинъ сзади, другой спереди, замѣняющихъ юбку, вообще не красивъ и очень похожъ на малороссійскую занаску. Платочекъ повязанный почти на темѣ головы, такъ что изъ подъ него вполнѣ были видны прекрасные, черные, лосящіеся волосы, ожерелье изъ разнородныхъ монетъ турецкихъ, австрійскихъ и древнихъ римскихъ, и наконецъ жесткіе неуклюжіе опанки на ногахъ, какъ у Черногорокъ, довершили ея нарядъ. Прибавьте къ этому загорѣлую кожу лица, довольно огрубѣлыя руки, и вы согласитесь, что все это не могло выставить красоту Елены; за всѣмъ-тѣмъ она все еще могла поразить изысканный вкусъ Европейца. Между горами Славянами я не рѣдко встрѣчалъ подобную типическую красоту: высокій гибкій ростъ; черные, большіе глаза, густыя правильныя брови, римскій носъ и какое-то особенное достоинство, благородство во всѣхъ чертахъ невольно напоминаютъ путешественника въ этой странѣ рабства и уничтоженія. Елена, или Еленка, служила разительнымъ образцомъ такой красоты.

Горныя Булгарки зимою и иногда въ большіе праздники лѣтомъ, носятъ еще зубунъ, родъ кафтана, безъ рукавовъ, изъ бѣлаго сукна, неуклюжій и некрасивый; онъ шьется изъ трехъ частей, такимъ образомъ, что всѣ выпуклости тѣла являются въ немъ какъ то угловатыми, что очень безобразитъ станъ женщины, между тѣмъ какъ простыя рубахи если не возвышаютъ его прелестей, то и не скрываютъ.

Исторія Елены одна изъ тѣхъ, которыя здѣсь часто случаются, но не всякій такъ счастливо выпутывается изъ бѣды какъ наша героиня. Ее увидѣлъ Якубъ-паша: какъ это случилось, не знаю; христіанскія дѣвушки скрываются отъ взоровъ Турка, какъ голубь отъ налета ястреба, а что она не могла встрѣчи съ Якубомъ, не съ намѣреніемъ подалась ему

на глаза, это ясно показываютъ послѣдствія. Какъ-бы то ни было, только вскорѣ послѣ того прибѣжалъ въ Поджарацы изъ Ниша Булгарь, служившій на конюшнѣ у Якуба и, запыхавшись, объявилъ, что паша приказалъ нишскому аяну взять съ собою нѣсколько человѣкъ солдатъ и отправиться въ Поджарацы по какому-то важному дѣлу, по какому? онъ не слышалъ; но зная склонность Якуба и судя по таинственности, съ какою онъ отдавалъ приказаніе, и спѣшности сборовъ въ путь, должно предполагать, что дѣло касалось какой нибудь красавицы. Вслѣдствіе такого показанія, всякій у кого была дочь хороша, или казалась ему хорошенькою, тотчасъ-же приказалъ ей бѣжать куда глаза глядятъ и скрываться гдѣ можетъ. Жители совсѣмъ думали уйти въ горы съ имуществомъ, какое могли захватить, да поразмыслили, что вѣдь Якубъ же самъ говорить, что онъ пришелъ успокоить ихъ, а не грабить, и вины за собой они никакой не знали, да наконецъ и не успѣютъ укрыться со всѣмъ добромъ и маленькими ребятишками. Лучше дождаться на мѣстѣ. Что будетъ, то будетъ! Можетъ быть это еще одна ложная тревога.

Поджарачане не долго ждали. Вскорѣ явился аянь и съ нимъ человѣкъ двадцать кавасовъ и прямо—къ отцу Елены. „У тебя есть дѣвка?“ — Есть. — „Гдѣ она?“ — Уѣхала къ сестрѣ, что замужемъ, за сто верстъ отсюда! — „Врешь! Ее видѣли вчера въ деревнѣ.“ — Вчера можетъ и видѣли, а сегодня до разсвѣта уѣхала.

Аянь не затруднился бы отправиться за сто верстъ, но онъ могъ не найти и тамъ предмета своихъ поисковъ, а между тѣмъ Якубъ вскорѣ намѣревался оставить Нишгъ. Конечно, для этого можно-бы было и повременить, но Якубъ не любилъ временить въ такихъ дѣлахъ, а вовсе откладывать ихъ и подавну. Аянь принялся за отца Елены.

Между-тѣмъ старики собрались у субаши за совѣтомъ, какъ выручить, чѣмъ бы спасти отца Елены. Следствіемъ ихъ совѣщаній было то, что къ ночи субаша явился къ аяну и предложилъ сумшу, какую могъ собрать, только-бы аянь выпустилъ изъ тисковъ бѣднаго старика. „Мнѣ голова дороже твоихъ денегъ, отвѣчалъ аянь; а явлюсь къ пашѣ, безъ

двки, такъ и прощай моя голова! Завтра я примусь не такъ пытать старика: выскажетъ все.“ Деньги же онъ взялъ въ зачетъ будущихъ своихъ послугъ.

Субаша передалъ громадѣ все какъ было. Старики и голы опустили. Тяжела была для нихъ ночь, а для бѣднаго отца Елены и говорить нечего. Онъ готовился выдержать, на другой день, всѣ ужасы пытки и умереть, твердо рѣшившись не говорить гдѣ скрывалась Елена, хоть онъ и догадывался о томъ. Никто не смыкалъ глазъ въ деревнѣ, кромѣ кавасовъ, которые послѣ шумнаго пировастья на чужой счетъ спали мертвымъ сномъ. Вдругъ въ полночь раздались голоса: Албанцы, Албанцы! Деревня запылала со всѣхъ сторонъ, какъ это всегда случается при ихъ появленіи, и при блескѣ пожара замелькали здѣсь и тамъ длинныя ружья и ятаганы. Кавасы едва успѣли вскочить на лошадей и ускакать со своимъ аяномъ, оставивъ однако двухъ трехъ за жертво на пути. Албанцы неслись прямо къ дому отца Елены, какъ-бы къ сборному пункту, не трогая ни кого и ничего на пути своемъ, что впрочемъ не сей-часъ замѣтили жители. Впереди всѣхъ мчался лихой наѣздникъ, которому казалось не было и пятнадцати лѣтъ, потому что еще и легкій пухъ не пробивался на лицѣ. Онъ бойко соскочилъ съ лошади и вошелъ въ домъ. Ужасъ овладѣлъ имъ, когда онъ никого не нашелъ въ домѣ; онъ кидался во всѣ стороны и вскорѣ нашелъ въ чуланѣ, связаннаго по ногамъ и рукамъ, старика и кинулся къ нему: этотъ юноша была сама Еленка. Тутъ все объяснилось. Елена скрылась въ лѣсъ; но спасаясь отъ одной бѣды, наткнулась на другую. Толпа гайдуковъ примѣтила ее и окружила. Къ счастью между ними было нѣсколько человекъ изъ Поджарацъ. Они узнали ее и не допустили въ обиду другимъ. Еленка рассказала гайдукамъ всю исторію и заклинала ихъ спасти отца: но что они могли сдѣлать? Освободить старика силой было не трудно, но они знали, что Якубъ не оставитъ такого поступка безъ отищенія; сами они не боялись его гнѣва, но многіе изъ нихъ были родныхъ и дѣтей въ деревнѣ, а несть Якуба неизбѣжно разразится не только на одной ихъ деревни, но и надъ всѣмъ округомъ. Гайдуки придумали хитрость. Передъ тѣмъ,

не задолго, они вырзали небольшую албанскую шайку, следовательно запасъ албанскаго платья и оружія у нихъ былъ великъ; они рѣшились переодѣться и напасть на деревню подъ видомъ Албанцевъ. Успѣхъ, какъ мы видѣли, совершенно оправдалъ ихъ предпріятіе. Чтобы болѣе скрыть это происшествіе, нѣкоторые изъ семей оставили свои дома и отправились въ горы и лѣса, вмѣстѣ съ гайдуками. Оставшіяся же разумѣется распустили слухъ, что ихъ увели Албанцы. Якубъ вскорѣ оставилъ Нишъ, а потому и Еленка съ отцомъ возвратилась домой; черезъ недѣлю она вышла замужъ за предводительствовавшего гайдуками во время нападенія на деревню, который теперь былъ свимъ мирнымъ селяниномъ и въ теченіи всего времени, что былъ съ нами, не обидѣлъ ребенка, не произнесъ грубаго слова.

V.

БАЛКАНЫ.

Параллельно хребту Карпатскихъ Горъ идутъ Балканы. Близъ Орсовы тѣ и другія, дѣлая поворотъ, однѣ съ сѣвера, другія съ юга, соединяются своими вѣтвями; тутъ онѣ описываютъ дугу, которая, не смотря на отдаленность свою отъ Чернаго Моря, совершенно соотвѣтствуетъ западному берегу его; такъ что вся дунайская долина какъ бы служить продолженіемъ моря, а Карпаты и Балканы—его берегами. Обстоятельство это чрезвычайно любопытно, если сообразить его съ геологическимъ строеніемъ самаго бассейна нижняго Дуная. Въ другомъ мѣстѣ мы изслѣдуемъ это вовсе не случайное и впервые замѣчанное нами явленіе. — Дунай разсѣкъ эту связь горъ: что ясно показываетъ тождество береговъ его, особенно близъ Казана, и не оставляетъ никакого сомнѣнія, что горы образовались прежде его. Какъ-бы предугадывая близость долины, и не вида нигдѣ себѣ исхода, онъ избралъ именно этотъ путь. Ринься Дунай на югъ, и онъ не могъ-бы достигнуть моря; тоже самое на сѣверѣ.

Съ Нишскою долиною всего удобнѣе начертить скелетъ

Балкана, какъ отъ начальнаго пункта. На западъ отъ Ниша горы уже идутъ неправильно, разметанно, и уклоняются по строенію пластовъ отъ юга на западъ, параллельно Адриатическому Морю. Эта огромная гряда горъ составитъ предметъ особеннаго описанія, если мы только издадимъ путешествіе по Босніи и Герцеговинѣ. Такимъ образомъ мы обнимемъ три горныхъ группы Европейской Турціи: Карпатскую, Балканскую, и Западную, имѣющихъ чрезвычайно важное вліяніе не только на физическое строеніе турецкаго устьченнаго трехугольника, но и на характеръ народа, населяющаго его. Балканы уже Карпатскихъ Горъ, безлюднѣе, но гораздо доступнѣе чѣмъ тѣ. Ихъ можно перетѣхать во многихъ мѣстахъ безъ большихъ затрудненій. Едва ли не самое дикое ущелье представляютъ онѣ на западъ при выходѣ изъ Еничау; ущелье это кончается такъ называемыми Траяновыми воротами, которыхъ впрочемъ и слѣдовъ почти невидно: нѣсколько камней, и куча земли, поросшая кустарникомъ! Вотъ линія высотъ Балкановъ отъ запада къ востоку, по направленію самыхъ горъ, по ней можно сравнить ихъ съ высотами Карпатовъ, показанными мною въ III кн. «Странст.», Стара-планина 3,500 футовъ; Сува-планина 3,800; Вершина Чинка 5128. Самый высокій пунктъ Хаджи-Балкана у часовни Св. Богородицы выше Калофери 5,255. Вершина между Этрополею и Ениханомъ 4,129. Демиръ-Кане 3,000, Сумуглу-Балканъ 3,000, Турьянъ-Балканъ 5,000, Казанъ 1,925. Эмине—оконечность Балкана, вдающаяся въ Черное Море 2,500. На сѣверъ отъ Балкана отдѣлилась небольшая вѣтвь параллельная ему; высшій ея пунктъ до 2,000 ф. На юго-западѣ и на югѣ, горы Снѣгополье въ 4,000 фут; Витошъ 4,500 и наконецъ, огромная цѣпь горъ, отдѣляющая Фракію отъ Македоніи служить какъ бы контрфорсами Балкану.

По сю, сѣверную часть Балкановъ, живетъ народонаселеніе трудолюбивое, постоянное въ вѣрѣ и правилахъ, честное, неповоротливое и тяжелое въ движеніяхъ, какъ и въ своихъ начинаніяхъ, искушенное горькимъ опытомъ продолжительныхъ страданій и потому терпѣливое: таковы Булгары! По южную сторону преобладаетъ греческое начало; хотя и тутъ еще встрѣчаются Булгары, однако они уже много заимствовали

отъ Грековъ. Южное народонаселеніе бойкое, хитрое, празднoлюбивое, характера вкрадчиваго, ласкающагося къ тому кто гнететь его, любящее страстно деньги и всё удовольствія; продолжительное рабство приучило Грека не къ терпѣнію, но къ коварству, къ интригѣ самой утонченной, въ которой однако онъ все-таки уступаетъ своему константинопольскому единоземцу—фанариоту; за то далеко превосходитъ его въ храбрости, въ любви къ отечеству; эти качества въ горныхъ Грекахъ развиты больше чѣмъ въ Булгарахъ и почти въ такой же степени какъ въ Черногорцахъ и Сербяхъ, хотя Сербы въ послѣднее время утратили много хорошаго изъ своего характера.

Не смотря на то что Балканы мѣстами можно переѣхать въ два-три часа и почти вездѣ въ шесть,—такъ не широки они, — чрезвычайно разительна разность въ климатѣ, и нравахъ людей по сю и по ту сторону горъ. — Града Балканскихъ горъ служить преградю сѣверному вѣтру, охлаждающему долины Молдавіи, Валахіи и Булгаріи до Балкановъ, и потому климатъ на югѣ горъ теплый, небо ясно, растительность другая, свойственная южной Италиіи и Франціи. Тѣмъ не менѣ эта благодатная страна пустынна! По дорогѣ къ Адрианополю и особенно отъ Адрианополя къ Константинополю вы встрѣчаете только кладбища, да стаи хищныхъ птицъ, которыя вовсе не пугаются вашего приближенія, какъ бы угадывая свое числительное превосходство передъ людьми, какъ бы усвоивъ себѣ эту пустыню.

Васъ удивитъ, откуда взялись огромныя кладбища, когда населеніе такъ не велико и то въ сторонѣ отъ дороги. Все это слѣды бывалой жизни, которою конечно нѣкогда кипѣла эта прекрасная страна, и до чего низвели ее Турки!.... Не мудрено, что путешественникъ, проѣзжая эту страну большою частію верхомъ, по остаткамъ древняго шоссе, рискуя на каждомъ шагу сломить шею или утонуть въ разлившейся отъ дождей рѣчкѣ, на которой исчезли даже слѣды старыхъ мостовъ, не встрѣтивъ по всей дорогѣ ни приюта чтобы укрыться на время непогоды, ни привѣта,—готовъ забыть нѣкоторыя личныя достоинства характера Турка и съ такимъ ожесточеніемъ говорить о поклонникахъ Мугаммета вообще. Утоми-

тельно, грустно было бы описывать такое путешествіе день-за-день, привалъ за приваломъ. Это рядъ лишеній и безпокойствъ, ночлеги въ ханахъ и каравансараяхъ, которые напоминають бывое страннопріимство Турковъ,—пріютъ безвозмездный, для путешественника и для купца, но только напоминають: теперь о немъ не заботятся ни правительство ни благочестивые муссультане, для которыхъ это было религіозною потребностію души. Караваны еще останавливаются въ развалинахъ каравансараявъ или лучше сказать помѣщаютъ въ нихъ своихъ лошадей и товары, располагаясь вокругъ, но путешественникъ проѣзжаетъ мимо какъ бы все еще боясь, что въ нихъ живетъ чума и предпочитаетъ имъ бѣдную хижину кочующаго пастуха.

Адріанополь, бывшая столица султановъ, самый большой и самый турецкій городъ въ Европейской Турціи—послѣ Константинополя. Онъ грязенъ и душенъ по превосходству. Улицы такъ узки, что въ иныхъ нельзя разойтись двумъ навьюченными углемъ ослами. Выдавшіяся далеко впередъ балконы домовъ висятъ надъ улицами и совсѣмъ закрываютъ ихъ отъ солнца. На улицахъ кучи всякаго сору, дохлыя кошки и собаки, а между тѣмъ нѣтъ доступа чистому воздуху и лѣтомъ вы задыхаетесь отъ вони разнаго рода, потому что кромѣ описанныхъ гадостей на самыхъ улицахъ происходитъ продажа всего снѣдомаго и потребляемаго жителями, и производятся отправленія всякаго рода. Бѣгите скорѣе на любое кладбище, и вотъ вы на чистомъ воздухѣ, подъ прекраснымъ небомъ, подъ тѣнью кипарисовъ, и отсюда Адріанополь вамъ покажется очень красивымъ; его мечеть султана Селима, съ великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ куполомъ и гранитными минаретами, невольно поражаетъ васъ. Но вотъ въ воздухѣ, напитанномъ ароматомъ розъ, на васъ нанесло вѣтромъ какой-то странный запахъ тлѣнія; вы оглядываетесь кругомъ и видите ворона, другаго, привлеченнаго этимъ запахомъ: вы угадали причину, бѣжите обратно въ городъ и опять останавливаетесь передъ чудною мечетью, о которой я уже говорилъ. Мечеть Селима едвали не превосходитъ Солиманіе и другія константинопольскія мечети; куполь ея двадцатью футами выше купола Святой Софїи и въ

частяхъ еще болѣе гармоніи и легкости, чѣмъ въ той. Прочтите эту простую, но полную высокаго смысла надпись надъ дверьми храма: „Богъ есть свѣтъ небесный, разгоняющій мракъ земли„. Внутренность ея—какъ и всѣхъ мечетей константинопольскихъ—никакихъ украшеній; только стѣны обложены мраморомъ. На полу простыя циновки обращенныя къ тому мѣсту, гдѣ хранится коранъ, что приходится почти въ томъ же направленіи, какъ и нашъ алтарь; по этому—то такъ легко было Туркамъ обращать византійскія церкви въ мечети. Черезъ весь храмъ снуютъ проволоки, на которыхъ висятъ маленькія лампы; ночью, когда всѣ онѣ зажжены, что впрочемъ бываетъ только въ торжественныхъ случаяхъ, это производитъ удивительный эффектъ.

Въ мечети Селима всегда много богомольцевъ. Адрианопольскіе Турки говорятъ, что вѣра слабѣетъ въ Константинополь, что отъ того всѣ бѣды на Имперію. Дѣло въ томъ, что реформа Махмута болѣе относится къ Константинополю, чѣмъ къ другимъ городамъ, гдѣ всячески, тайно и явно, противодѣйствовали ей. Потому—то въ Адрианополь сохранилось болѣе типовъ истинно—турецкихъ.

Въ числѣ этихъ типовъ скажемъ нѣсколько словъ о сказочникѣ, „медакъ“, лицѣ важномъ на Востокѣ, особенно въ старинное время.

Сказочники турецкіе отличаются немногимъ отъ сказочниковъ италіанскихъ. И у тѣхъ и у другихъ мишика—первое условіе успѣха. Сказочникъ говоритъ за десятерыхъ, безпрестанно измѣняя тѣлодвиженія и произношеніе; онъ корчитъ изъ себя чорта, дервиша, жида; бьетъ себя въ грудь кулаками или деревянною щепой вмѣсто кинжала; тутъ же изъясняется въ любви, бранится и поетъ самымъ сладенькимъ голосомъ. Трудно вообразить въ неподвижномъ флегматическомъ Туркѣ столько игры въ лицѣ, въ голосѣ, во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ, но „медакъ“ выполняя всѣ эти условія, немногимъ уступаетъ Италіанцу. Тотъ и другой издѣвается надъ несправедливостью вельможи. Последнія преобразованія Махмуда представили обильное поле насмѣшекъ для сказочниковъ, но говорятъ въ Константинополѣ сказочники было почти переведись, между тѣмъ какъ въ Адрианополь они

никогда не умолкали. Правда, въ Константинополѣ былъ, можетъ быть и теперь существуетъ, извѣстный сказочникъ по прозванію Кызь-Ахметъ, дѣвица Ахметъ. Онъ жилъ въ какой-то противъ дома англійскаго посольства и привлекалъ къ себѣ множество народа сказками и прибаутками. Покойный султанъ нерѣдко призывалъ его во дворецъ; неизвѣстно, слушалъ ли онъ самъ его сказки, или тѣшилъ ими своихъ женъ. Кызь-Ахметъ сталъ осторожнѣе и про свои серальскія посѣщенія не любилъ болтать. Его опухлыя ноги и безъ того никогда почти не заживали. Вѣрно только то, что онъ очень охотно отказался бы отъ славы посѣщать султанскій гаремъ, что всегда сопряжено съ опасностями. Богъ знаетъ, что иногда вздумается той или другой изъ одалыкъ или ихъ надсмотрщику при видѣ довольно красиваго мужчины; при томъ же переступая порогъ сераля, онъ вѣрно всегда напоминалъ себѣ несчастную исторію сказочника Гюзаль-Ибрагима. — Этотъ былъ извѣстенъ чуть не во всей Турціи своими сказками, которыя и теперь ходять въ народѣ. Гюзаль-Ибрагимъ былъ хорошъ собою и обладалъ такимъ гармоническимъ голосомъ, что его, говорятъ, съ удовольствіемъ слушали даже и тогда, когда онъ просилъ денегъ за свои сказки, а вамъ извѣстно, какая это непріятная пѣсня. — Съ Гюзаль-Ибрагимомъ случилась исторія, которая и въ Турціи не часто повторяется.

У султана Селима III, кроткаго, добраго, просвѣщеннаго, имѣвшаго такое благодѣтельное вліяніе на пылкій характеръ покойнаго Махмута была сестра, обладавшая характеромъ сильнымъ и непреклоннымъ, и если не слишкомъ пользовалась имъ въ дѣлахъ правительства, за то во всемъ, что относилось собственно къ ней, поступала совершенно деспотически. Асме-султанша выстроила себѣ на счетъ государственной казны прекрасный дворецъ недалеко отъ гробницы Ансара и водъ золотого рога, извѣстный Эюбскій дворецъ, и жила въ немъ нисколько не забывая объ общественномъ мнѣніи, котораго впрочемъ и нѣтъ въ Турціи въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ и не обращая вниманія на законы Мугаммета, и убѣщанія брата и муфти: это была турецкая Аспазія, Клеопатра, Борджія; только гораздо

страшнѣе всѣхъ ихъ; женщина съ демонскими страстями и побужденіями. Она узнала о Гюзаль-Ибрагимѣ или какъ-то увидала его, и этого было достаточно, чтобы рѣшить судьбу несчастливца. Въ тотъ же разъ, къ нему явился посланецъ изъ Эюба и сказалъ, что султанша желаетъ послушать -его сказокъ у себя во дворцѣ, въ такое-то время. Счастье велико, и посланецъ ушелъ въ увѣренности, что медакъ исполнитъ въ точности приказаніе; но Ибрагимъ былъ себѣ на умѣ; не даромъ онъ выдумывалъ такіе интересные случаи въ жизни: ему очень не хотѣлось осуществить на дѣлѣ участь своихъ героевъ, которымъ онъ придавалъ самыя затѣйливыя любовныя похожденія, всегда однако оканчивавшіяся петлею или ударомъ кинжала. Все это очень хорошо въ разсказѣ, но совсѣмъ иначе на дѣлѣ. Ибрагимъ въ ту же ночь отправился на отходящее купеческое судно и выпросилъ себѣ на немъ мѣстечко; но на бѣду, судно почему-то запоздало отправиться, а въ обѣдъ посланные отъ Асме-султанши, которымъ грозили смертью за неисполненіе приказаній своей повелительницы, открыли убѣжище Ибрагима, и—трепещущаго привели къ султаншѣ.

Таинственно, невидимою рукою приподнялась тяжелая шелковая занавѣса и впустила пришедшихъ. Комната, куда вошелъ нашъ сказочникъ, поразила его блескомъ своей позолоты, которой теперь еще удивляется путешественникъ въ Эюбскомъ дворцѣ. Мебели почти не было; два дивана, и множество ковровъ на полу. Но въ нишѣ, въ глубинѣ комнаты возвышалось роскошное ложе, и возлѣ него нѣмой невольникъ держалъ совсѣмъ готовую петлю и только ожидалъ знака своей повелительницы, чтобы употребить ее въ дѣло. При такихъ-то безмолвныхъ, но слишкомъ понятныхъ свидѣтельствахъ успѣха или неудачи, султанша заставила Ибрагима говорить сказку. Прекрасный медакъ воспламенился по неволѣ. Онъ умѣлъ не только увлечь воображеніе своей слушательницы, но и зажечь ея пылкую кровь.... Султанша высладала изъ комнаты невольника съ петлею....

Съ-тѣхъ-поръ судьба Гюзаль-Ибрагима измѣнилась. — Въ теченіи недѣли султанша возвела его въ первые государственные степени. Все это пока въ порядкѣ турецкихъ вещей,

но тутъ начались для него самыя необыкновенныя превращенія, которыя только могло придумать бѣшеное воображеніе султанши. То она осыпала его милостями, то томила голодомъ, въ сырой тюрьмѣ, упоела нѣгою сладострастія и опять мучила, терзала его. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и надо удивляться какъ могъ Ибрагимъ выносить всѣ эти испытанія. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, когда онъ дремалъ на ея ложѣ, въ ея объятіяхъ, на него накинули петлю и удавили.... Исторія представляетъ не одинъ прищъръ людей, находившихъ столько же сладострастія въ мученіи, въ пыткахъ, въ самой смерти себѣ подобныхъ, сколько въ удовлетвореніи своей чувственности.

Медаки большею частію сами сочиняютъ свои сказки, потому что аудиторія ихъ не довольствуется тѣмъ, что изстари ходитъ въ народъ, и требуетъ новыхъ. Въ турецкихъ сказкахъ преобладаетъ воображеніе, въ италянскихъ юморъ. Трудно человѣку съ здравымъ разсудкомъ, представить себѣ какія чудеса происходятъ въ турецкихъ сказкахъ: въ иныхъ нѣтъ и тѣни правдоподобія; а Турки слушаютъ, положивъ въ ротъ палецъ удивленія, и до того слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ, что если хитрый медакъ остановится на любопытномъ мѣстѣ,—что онъ всегда почти съ намѣреніемъ дѣлаетъ,—то его засыплютъ парами, только бы продолжалъ, а поупрямится, такъ пожалуй на него посыплются и удары.

Сказочники не грамотны и потому—то можетъ—быть они избираютъ предметомъ своихъ насмѣшекъ площаднаго писца, также часто какъ и жида. — Площадный писецъ составляетъ дѣйствительно разительную противоположность со сказочникомъ. Неподвижно сидящій гдѣ—нибудь на площади съ чернилицей и тростниковыми перьями за поясомъ, съ огромными очками, вздѣтыми на носъ, сухой, голодный, желтый, онъ столько же походить на медака, сколько старый музенинъ на кружашагося дервиша.

Въ Адрианополѣ есть извѣстный площадный писецъ Али, котораго амулеты славятся во всей Турціи. Надобно сказать что главная обязанность писца и состоитъ иенно въ томъ, чтобы писать амулеты, потому что Турки очень мало занимаются корреспонденціею. Притомъ они могутъ сообщать

другъ другу свои мысли посредствомъ селяма, то есть, извѣстнаго подбора цвѣтовъ, который почти каждый умѣетъ составлять; особенно искусны въ этомъ гаремныя затворницы; и если бы кто рѣшился послать любовное объясненіе, то онъ никогда бы не повѣрилъ его письму: это въ высшей степени *mauvais genre*. На то есть селямъ.

Въ Адрианополь есть огромный базаръ, гостинный дворъ. Но куда сбывается эта громада товаровъ, которая поражаетъ васъ своимъ живописнымъ расположеніемъ въ лавнахъ. Положеніе Адрианополя въ 200 верстахъ отъ Константинополя и при слияніи рѣчекъ Туяджи и Арды съ Марицею самое выгодное для торговли. Марица, древній Гебръ, куда Фракіянки нѣкогда бросили голову Орфея; Марица здѣсь широка и глубока и съ самымъ небольшимъ усиленіемъ могла бы быть совершенно судоходна: она впадаетъ въ Эгейское море близъ Эноса. Долина ея одна изъ роскошнѣйшихъ, какія нѣ случилось видѣть: за всѣмъ тѣмъ около Адрианополя, какъ мы уже замѣтили, глушь и безлюдье. Въ самомъ Адрианополь, теперь считается всего до 110,000 жителей, а онъ еще во времена восточной римской имперіи считался огромнѣйшимъ городомъ; потомъ служилъ столицею Турковъ съ 1362 года, по завоеваніи его Магометомъ II, почти сто лѣтъ. Но въ Турціи все клонится къ уничтоженію, и древній городъ Адриана, столица нѣсколькихъ султановъ Эдерне, теперь немногими отличается отъ другихъ турецкихъ городовъ: таже неправильная громада домовъ, грязи, развалинъ, таже толкотня на улицахъ и нищета въ домахъ, только въ большемъ разлѣбѣ; одинъ величественный памятникъ возвышается среди него: это мечеть Селима, да развѣ кладбища и базары побольше, чѣмъ въ другихъ городахъ. Я совсѣмъ было однако забылъ одну особенность Адрианополя: это его розовое масло, розовую воду, слово розу во всѣхъ преобразеніяхъ аромата. Тоже или почти тоже что въ приморскихъ городахъ Греціи фиги, здѣсь произведеніе розы. Вы не пройдете улицы, чтобы не столкнуться съ осломъ навьюченнымъ листками розъ; не встрѣтите знакомаго человѣка изъ туземцевъ, который не сталъ бы вамъ толковать о торговлѣ розовымъ масломъ, объ урожаѣ розовыхъ цвѣтовъ; наконецъ первый во-

прось вашего адрианопольскаго чичероне: не прикажете ли розовыхъ духовъ, розовой воды, розовыхъ лепешекъ. Некуда скрыться отъ розы, отъ сильнаго ароматическаго запаха масла; въ комнатахъ у васъ отъ него кружится голова, также какъ отъ разной вони на улицъ. Въ Турціи много мѣстъ славныхъ розовыми цвѣтами, много роскошныхъ долинъ, покрытыхъ розами, но розовые цвѣтки свозятся отъ всюду въ Адрианополь. Эдерне средоточіе розовой торговли.

Теперь вы знаете Адрианополь, городъ по преимуществу турецкій. Послѣ этого описывать вамъ другіе турецкіе города одинъ за другимъ, какъ я посѣщалъ ихъ, значило бы испытывать ваше европейское терпѣніе: я уже сказалъ, что это все одно и тоже. Путешественникъ не найдетъ въ турецкомъ городѣ покоя, отдыха, столь необходимаго ему послѣ тяжкаго пути. Читатель не остановитъ на немъ своего вниманія, какъ на средоточіи богатства и образованности народа. Развъ философъ призадумается надъ нимъ, но мы описываемъ свое путешествіе не для философовъ. И такъ перенесемъ обратно черезъ Балканы, безъ всякихъ переходовъ, подалѣе изъ этой недружелюбной Фракіи, къ берегамъ Чернаго моря, откуда отправимся въ Константинополь.

VI.

Запорожцы. — Пель-джонъ. — Анекдотъ объ Екатеринѣ II. —
 КАЗАКЪ ЧВАКА.

Въ Мачинѣ узналъ я, что въ предѣлахъ Турціи по камышамъ дунайскимъ еще скрывается нѣсколько Запорожцевъ и рѣшился посѣтить ихъ. Нечего и говорить, какъ пріятно перенестись въ бытъ русскій, долго не выдавши его, особенно когда переносишься изъ быту турецкаго, столько чуждаго намъ и съ такимъ отвращеніемъ чуждающагося насъ. — На этотъ разъ добрый геній руководилъ меня: столѣтній старикъ, хозяинъ на бѣло выкрашенной мазанки, куда попалъ я, отецъ и дѣдъ нѣкогда многочисленной семьи, былъ радъ мнѣ отъ души, хоть Запорожцы, оставшіеся въ Турціи, сказать правду, не любятъ насъ. — Онъ помнилъ еще Екатерининскія побѣды, рассказывалъ объ нихъ толково и охотно,

показывалъ многія свидѣтельства монаршей къ нему милости и пріязни своихъ начальниковъ и между прочимъ кинжалъ, который подарилъ ему самъ Джонъ послѣ знаменитой побѣды, одержанной герцогомъ Нассау-Зигеномъ на Лиманѣ надъ турецкимъ флотомъ.

На клинкѣ кинжала была слѣдующая, грубо вырѣзанная надпись: „отъ Павла Джонза, другу Запорожцу Иваку, 1788“. Павелъ Джонъ, герой Америки, и простой запорожскій казакъ! Какимъ чудомъ эти два имена сошлись съ двухъ концовъ свѣта, и улеглись рядомъ на турецкомъ клинкѣ? Положеніе и мѣсто дѣлали для меня еще любопытнѣе эту находку: передо мной сидѣлъ самъ Ивакъ, чуть не столѣтній старикъ, и рассказывалъ о своемъ необыкновенномъ другѣ.

Джонъ Поль, или Джонъ (Paul Jones), какъ называлъ онъ себя впослѣдствіи, служилъ канвою для многихъ романистовъ и въ числѣ ихъ для самаго Купера. Онъ родился въ Шотландіи, въ 1747 году, и въ послѣдствіи сдѣлался ужасомъ своего отечества, морскими набѣдами и удалствомъ. Джонъ сражался за свободу Америки, за славу Франціи, сражался вездѣ, гдѣ могъ вредить Англій и ея союзникамъ, и едва ли моря носили когда либо болѣе смѣлаго корсара. Объ немъ говорили чудеса и онъ дѣйствительно творилъ чудеса; но здѣсь мы не станемъ распространяться о его прежней жизни, уже описанной европейскими историками и романистами, и только расскажем ту часть ея, которая принадлежитъ Россіи. Этотъ короткій періодъ жизни его почти неизвѣстенъ свѣту.

Поль Джонъ пріѣхалъ въ Россію въ 1787 году. — При дворѣ Императрицы Екатерины Второй толпились знаменитости всѣхъ родовъ, принцы всѣхъ дворовъ. Во время ея торжественнаго шествія по Россіи, иностранцы съѣзжались отовсюду къ ней на встрѣчу подивиться этому яркому, лучезарному свѣтилу Россіи. Король польскій дожидалъ прибытія Императрицы въ Каневѣ; Императоръ австрійскій, Іосифъ Второй, спѣшилъ на встрѣчу ей. — Замѣчательно, что Станиславъ-Августъ, на головѣ котораго уже колебалась корона, окруженъ былъ пышнымъ дворомъ. Іосифъ II, сильный и могущественный, выѣхалъ изъ своихъ владѣній, въ дорожной

коляскѣ, только съ однимъ адъютантомъ. Онъ встрѣтилъ Императрицу, недалеко отъ Кайдака, въ бѣдной казацкой избѣ, одиноко стоявшей среди степи, еще не давно занятой враждебными Татарами. Въ избѣ ничего не было приготовлено къ принятію великихъ посѣтителей, и Потемкинъ, Браницкій, Нассау, и адъютантъ Императора, единственные люди, находившіеся при этой встрѣчѣ, должны были сами готовить обѣдъ, при пособіи казачки, хозяйки дома, двоюродной сестры Ивака. Долго потомъ Императрица подшучивала надъ искусствомъ импровизированныхъ поваровъ, изъ которыхъ одинъ былъ великій министръ, другой великій генералъ. Нассау рассказывалъ Сегюру, что никогда не ѣдалъ онъ обѣда хуже изготовленнаго, но никогда обѣдъ не былъ такъ оживленъ, такъ веселъ. Коронованные друзья непритворно радовались своему свиданію. Здѣсь нельзя не рассказать анекдота, случившагося при изготовленіи обѣда: анекдотъ этотъ едва ли многимъ извѣстенъ.

Въ избѣ казачки нашлось нѣсколько яицъ, и ареопагъ великихъ людей, но весьма плохихъ поваровъ, рѣшилъ изготовить изъ нихъ яичницу, какъ вдругъ, при исполненіи рѣшенія встрѣтилось разногласіе. — Нассау хотѣлъ сдѣлать обыкновенную яичницу; Потемкинъ, нашедши въ избѣ молоко, настаивалъ, чтобы и его употребить въ дѣло, да къ тому еще прибавить часть тертаго хлѣба. Напрасно Нассау говорилъ, что это выше ихъ искусства; Потемкинъ утверждалъ, что онъ мастеръ дѣла, и усердно принялся за работу. Между-тѣмъ какъ смѣсь молока и хлѣба кипѣла въ печи на сковородѣ, знаменитые повара вышли изъ кухни, чтобы перейти порогъ ея, вступить въ совѣтъ, гдѣ можетъ быть рѣшались судьбы Европы, и оставили почти изготовленный обѣдъ на попеченіе казачки. — Въ это время принесли въ кухню нарезанную ломтиками ветчину и сыръ. Казачка, не понимавшая о чемъ толковали между собою Потемкинъ и герцогъ Нассаускій, и видѣвшая только, что они часто указывали на яичницу, полагала, что ветчина и сыръ изготовлены для приправы ея, положила туда же на сковороду, посыпала все это сахаромъ, который случился подъ рукою, подбавила перцу и готовилась еще чего-то прибавить, какъ

взвали Потемкинъ и Нассау, чтобы нести обвѣдъ..... О, ужась, они нашли свою яичницу, напичканную всякой всячиной. Потемкинъ не на шутку разсердился, тѣмъ болѣе, что казачка не только испортила его блюдо, на которое онъ сильно разчитывалъ, но истратила весь запасъ закуски; Нассау же до того хохоталъ, что вызвалъ на смѣхъ свой Императора и Императрицу. Долго не могъ онъ объяснить въ чемъ дѣло и только указывалъ, то на яичницу, то на испуганную казачку, то произносилъ имя Потемкина, съ отчаяніемъ глядѣвшаго на свое произведеніе. Наконецъ все объяснилось. Юсифъ и Екатерина смѣялись отъ души. Императрица, по своейственной ей добротѣ, спѣшила вывести изъ испугу обѣдную женщину, и объявила, что яичница чрезвычайно вкусна, и что казачка только исправила недостатки перваго ея министра. Государыня хотѣла тутъ же подарить ей что нибудь на память этого случая, но ничего не нашлось подъ рукой и она уже изъ Кайдака выслала ей богатые серьги.—Впослѣдствіи у Нассау часто подавали яичницу à-la Потемкинъ, но уже вѣрно иначе изготовленную чѣмъ та, о которой мы сей часъ рассказали.

Поль-Джонзъ явился въ Россію безъ всякаго предварительнаго сношенія съ нашимъ дворомъ, даже безъ рекомендательныхъ писемъ къ кому либо изъ иностранныхъ министровъ; но имя его было слишкомъ извѣстно, и Сегюръ, бывшій въ то время посланникомъ французскаго короля, самъ ратовавшій нѣкогда, въ званіи французскаго полковника, за свободу Америки, рѣшился представить его ко двору. Екатерина, сочувствовавшая всему смѣлому и великому, приняла милостиво Джонза, и желая воспользоваться свѣдѣніями, которыя ставили его на ряду съ первыми морскими офицерами того времени, назначила контръ-адмираломъ на черноморскій флотъ. Это назначеніе возбудило общее негодованіе Англичанъ. Бывшіе въ военной службѣ и особенно морскіе офицеры, а ихъ было не мало, собрались подать въ отставку; нѣкоторые негоціанты хотѣли выѣхать изъ С. Петербурга; посланникъ подалъ ноту; но Императрица не поколебалась и царское слово ея было неизмѣнно. Выгодамъ всей торговли англійской не пожертвовала бы она человѣкомъ, котораго при-

шла подъ свой гостепріимный кровъ, котораго осыпала своею милостію. Дѣло было въ весьма затруднительномъ положеніи, когда Джонъ рѣшился помирить обѣ стороны одною изъ тѣхъ рыцарскихъ выходовъ, которыя онъ часто выказывалъ. Онъ принялъ званіе контръ-адмирала, но отказался отъ всякаго командованія и пошелъ служить волонтеромъ на Черное море, гдѣ уже кипѣла война.

Потемкинъ осаждалъ Очаковъ. Склонявшійся въ то время къ сторонѣ Англичанъ, онъ кажется обошелся сухо съ Джонъ и тотъ отправился къ герцогу Нассау-Зигену, на Липпъ. Нассау принадлежалъ къ чуднымъ людямъ того чуднаго баснословнаго времени, когда вѣрили въ любовь и славу, какъ вѣрують нынче въ силу машинъ и паровъ. Нассау, подобно Джонъ, былъ тамъ гдѣ битва; онъ пріѣхалъ въ Россію, потому что тутъ была война, и если оставался внѣ ея сферы, то только прикованный волшебнымъ дѣйствіемъ воли Еватеринны, которой изумлялся подобно де-Линю и другимъ. Въ то время онъ собирался жечь турецкій флотъ, въ которомъ было нѣсколько 74 и 80-пушечныхъ кораблей, а почти вся русская флотилія состояла изъ потѣшныхъ галеръ, на которыхъ Императрица совершала шествіе свое по Днѣпру, нѣсколькихъ гребныхъ судовъ, тяжелыхъ дубель-шлюповъ, да канонерскихъ и запорожскихъ лодокъ. Затѣя, какъ видите, была не пустая! Самъ Джонъ попробовалъ было отклонить герцога отъ такого предпріятія; но тотъ былъ непоколебимъ. "Въ турецкомъ флотѣ, въ этомъ колоссѣ, говорилъ онъ, нѣтъ души, нѣтъ опытной артиллеріи, и мы подойдемъ къ нему подъ неприятельскими выстрѣлами, какъ подъ чугуннымъ сводомъ, который дастъ еще ту выгоду, что предохранитъ насъ отъ непогоды. Надобно только, продолжалъ онъ, хорошо высмотрѣть положеніе флота, чтобъ не промахнуться: иначе неприятель можетъ ускользнуть отъ насъ, чего я пуще всего боюсь". Джонъ взялся за дѣло.

— Въ нашу ладью, говорилъ мнѣ Ивакъ, приспѣло два челоуѣка, съ наказомъ отъ самаго Нассау, честить ихъ какъ старшихъ, особенно одного изъ нихъ.

— А какъ его называть? спросили мы проводника.

— Павломъ.

- А величать?
- Онъ неправославный, такъ и отчества нѣтъ.
- Такъ есть какой-нибудь чинъ, бригадирскій, что ли?
- Чинъ не бригадирскій, а высокій.
- Что жъ по чину, или по просту, Павломъ звать?
- Такъ Павломъ и зовите.

Павелъ былъ одѣтъ по просту, какъ и всѣ мы; только оружіе было славное; собою бравый, маленько съ просѣдью, но еще совсѣмъ дюжій; работать силенъ и дѣло наше крѣпко разумѣлъ. Только взошелъ на ладью, давай ворочать все по своему: осмотрѣлъ снасти, оружіе, боевые снаряды, пожурилъ кого слѣдовало, похвалилъ много, все чрезъ своего толмача, который только и гораздъ былъ на то, чтобъ передавать рѣчи отъ одного другому; потомъ втащилъ на бортъ лодчонку, приладилъ къ ней руль, прибралъ пару добрыхъ весель, обвернулъ ихъ тряпьемъ и сдѣлавъ все какъ слѣдуетъ, присѣлъ поотдохнуть.

Здѣсь, слѣдуя исторической точности, должны мы оговорить слово *Запорожецъ*. Хотя Ивакъ любилъ называть себя и своихъ того времени этимъ дорогимъ его сердцу именемъ; но Запорожская Сѣчь, какъ извѣстно, уже не существовала. Въ 1775 году, она была неожиданно, безъ шума окружена и такъ сказать, прикрыта отрядомъ генераль-поручика Текелія: вслѣдъ затѣмъ манифестъ Императрицы Екатерины II возвѣстилъ, что „нѣтъ болѣе Сѣчи Запорожской въ политическомъ ея уродствѣ; а мѣсто, жилища и угоды оставлены для постоянныхъ и отечеству на равнѣ съ другими полезныхъ жителей и причислены по способности къ Новороссійской губерніи“.

Впослѣдствіи многіе изъ Запорожцевъ перешли въ турецкую имперію и участвовали въ войнѣ 1788 года; оставшіеся вѣрными были употреблены въ дѣло съ нашей стороны, какъ опытные мореходцы. Замѣчательно, что втеченіи всей войны не было измѣны ни съ той, ни съ другой стороны, и Запорожцы сражались другъ противъ друга съ изступленною храбростію.

— Тѣмъ временемъ, продолжалъ Ивакъ, стало смеркаться; подали ужинать; Павелъ присылъ къ намъ въ кружокъ возлѣ миски; ѣлъ, и балагурилъ какъ свой. Послѣ ужина выдалъ намъ двойную порцію; мы развеселились и затянули пѣсню, да пѣсня вышла заунывная; ужъ такъ видно созданъ человекъ, что подь часъ хоть и весело ему, а сердце ноетъ не нарочно, какъ будто чувствуетъ бѣду или вспоминаетъ о ней. Нашъ Павелъ слушалъ, слушалъ всю душою; словно ею хотѣлъ угадать смыслъ пѣсни.... и не выдержалъ новобранецъ! Какъ ни скрывался, а не я одинъ подмѣтилъ слезу на глазахъ его. Чтѣ жъ! оно и не стыдно уронить слезу на чужбинѣ: всякъ знаетъ, что ни отъ чего другаго, ни по комъ другомъ, какъ по родинѣ. Вотъ хоть бы и я: вѣкъ изжилъ, какъ собака, на чужой сторонѣ, чуть помню, да гдѣ! и совѣмъ не помню,—знаю только по рассказамъ Двѣпръ; да душа-то крѣпко помнитъ его; она знаетъ откуда пришла, туда и просится. А казалось, чего бы? И тутъ было приволье, рѣка—глазомъ не докинешь съ берега на берегъ, рыбы вдоволь, плеса—что озера, и небо тожъ и вольности были: свой бунчукъ, свое знамя; не были раями, у насъ были раи, и вѣру нашу чтить... да Двѣпръ—то нашъ! да наша слава казацкая! Ахъ, горько, горько брате!... Ужъ лучше бы не вспоминать, да такъ къ слову пришлось.

Старикъ умолкъ, но вскорѣ оправился и продолжалъ:—Пора, сказалъ Павелъ, вскочивъ какъ бы самъ не свой. Онъ вынулъ туго набитый кошелекъ и отдавая старшему на громаду, велѣлъ сказать, что давно не былъ такъ счастливъ, какъ между нами. Потомъ осмотрѣлъ каждыя по очередно словно всю внутренность хотѣлъ высмотрѣть, опять подошелъ ко мнѣ, ударилъ по плечу, да и говорить: Маршъ!—Маршъ, такъ маршъ! Я перекрестился и сѣлъ въ лодчонку, онъ со мной, и пошли! Онъ правилъ рулемъ, я веслами.

“Мы шли молча, чтобы не дать о себѣ вѣсти врагу, — а шли прямо къ нему, — да и о чемъ намъ было толковать между собою: товарищъ, какъ я узналъ дорогою, только и смыслилъ одно слово по нашему, а я и того не зналъ похлему. Лодчонка бѣжала и вертѣлась подь рулемъ и весла-

ми, словно шаловливая рыбка. Огни наши чуть маячили издали, а потомъ и со всеѣмъ пропали. Вдругъ Павелъ приостановилъ лодку, оглянулся кругомъ, вытянулъ шею, прищурилъ глаза, наторочилъ уши, словно степной конь, слышавшій хрускъ сухой травы подъ ногою звѣря, потомъ круто поворотилъ рулемъ, какъ видно для того, чтобъ шнырнуть въ камыши; плескъ весель въ сторонѣ слышался ясно и мнѣ; я было спросилъ знаками не итти ли назадъ, но онъ только кивнулъ рукою, убавилъ ходу, и мы пошли впередъ, какъ ни въ чемъ не бывали. Сзади насъ показались двѣ лодки; онѣ шли одна къ другой, видимо стараясь отрѣзать намъ возвратъ къ своимъ. Что жъ, думалъ я, мое дѣло сторуна: дѣло подчиненное, а убьютъ, онъ будетъ въ отвѣтъ!

Съ каждымъ взмахомъ своихъ двѣнадцати весель, неприятельскія лодки становились къ намъ ближе и ближе, а мы все убавляли ходу, какъ бы поджидая ихъ; между тѣмъ, всякій разъ, какъ я поглядывалъ на Павла, онъ только говорилъ, „впередъ“! и держался прямо на семидесяти-пушечный корабль. Дьяволы! подумалъ я, не измѣнщикъ ли какой! да еще моими руками творить свое нечистое дѣло, и покосился на него изъ подлобья, что жъ? глядитъ такъ прямо, такъ повелительно, что мнѣ самому стало стыдно за себя.

Лодки приблизились на человѣческой голосъ и стали окликать насъ; это были Запорожцы, служившіе у Турокъ, и Павелъ далъ мнѣ знать, чтобъ я отвѣчалъ какъ сказано мнѣ было прежде. Я поразговорился. Запорожцы, слыша мои отвѣты и видя нашу безпечность, ни какъ и не подозрѣвали злаго умысла; они приняли насъ за своихъ и попросили водки; Павелъ перекинулъ имъ баклагу, а самъ, пока тѣ пили, прислонился къ рулю, будто ни о чемъ не думалъ, а было о чемъ подумать!

— Видно съ приказомъ какимъ къ аяну? спросилъ меня рулевой Запорожець.

— Нѣтъ, соль веземъ на капитанскій корабль, отвѣчалъ я.

— Да знаете ль вы откликъ?

— Гдѣ жъ намъ знать? Мы съ острова.

— Такъ, пожалуй, Турокъ, съ переполоху пулей пустить.

— Э, кто станетъ стрѣлять въ двухъ человекъ, что прямо на корабль идутъ: вотъ хоть бы и вы наприцѣръ.

— Мы другое дѣло! Мы и по чутью узнаемъ своихъ, а тѣ, безмоздые, только по кличкѣ.

— Ну, такъ скажи, коли знаешь, вашъ откликъ!

— А чортъ его знаетъ! какой-то мудреный.

— То-то и есть! сказалъ я, повидимому равнодушно, а по сердцу кошки скребли.

— Не знаешь ли ты, Пархошъ?

— Спроси Ивана грамотнаго: это его дѣло.

И тотъ намъ наконецъ сказалъ откликъ.

— Павлу только то и нужно было, а сидитъ себѣ хоть бы глазами смигнулъ, какъ бы совсѣмъ не до него дѣло; откликъ былъ турецкій, и онъ хорошо понялъ его, потому что разумѣлъ по турецки. Я съ роду не видалъ такого человека; гдѣ не нужно—лоза лозой, гдѣ нужно—камень камнемъ! Какъ размыслию теперъ: Господи, твоя воля! какъ я вѣрился человеку, да еще нехристу, что вотъ казалось такъ прямо и велъ въ руки врага, да на измѣну; а тогда катъ-то вѣрилось; махнеть рукой—такъ слушаешься, какъ командирскаго голоса. Ужъ видно иные люди такъ и созданы для команды.

Скоро мы пришли къ непріятельскому флоту. Словно городъ какой стоялъ онъ на якорѣ; цѣлый лѣсъ мачтъ! Насъ окликнули, и Павелъ отвѣчалъ по-ихнему. Мы шныгали между кораблями, что чайка; кто погрозится на насъ, кто пропуститъ молча; гдѣ ползкомъ, гдѣ нахрапомъ, казалось уже все высмотрѣли и пора бы домой, нѣтъ: пристали къ осмидесяти-пушечному кораблю.

— Везежь соль на капитанскій корабль, говоритъ Павелъ, стоя у самой кормы: не надо ли вамъ?

Онъ еще о чемъ-то потолковалъ и мы отъѣхали. Гляжу: надпись мѣломъ, на черномъ полѣ корабля; буквы въ четверть; я такъ и захохоталъ: это его шутики! проказникъ! словно на гербовомъ листѣ руку приложилъ, свидѣтельство далъ, что дѣйствительно тутъ былъ своею персоною. На зарѣ вся наша флотилія увидѣла надпись, потому что Турки и не-

догадались стереть ее; тутъ было сказано по французскому „сжечь. Павелъ Джонзъ“. И онъ послѣ самъ исполнилъ свой приказъ. Не могли одолѣть корабль, въ который впился, какъ пьвица, онъ зажегъ его и потопилъ.

Вышедши изъ подъ выстрѣловъ непріятельской флотиліи, мы сняли тряпье съ весель и пустились уже не ходомъ, а летомъ, прямо къ Нассаускому, съ отчетомъ. Никто изъ Турковъ и не подозрѣвалъ, что за гости у нихъ были; только одна сторожевая, крайняя къ нашимъ линіямъ непріятельская лодка, окликнула было насъ на обратномъ пути; мы не хотѣли ей отвѣчать; стоило время терять? она пустила въ насъ ружейный залпъ,—мы посмѣялись; тѣмъ дѣло и кончилось.»

Извѣстно, какой успѣхъ имѣло смѣлое предпріятіе Нассаускаго, которому такъ дѣятельно способствовалъ Джонзъ и графъ Роже де-Дама (Roger de Damas). Шестъ непріятельскихъ кораблей было взорвано на воздухъ, два взято; почти весь флотъ турецкій былъ истребленъ и самъ капуданъ-паша спасся въ рыбацкой лодкѣ. Четыре тысячи Турковъ взято въ плѣнъ. Суворовъ много способствовалъ этой побѣдѣ удачнымъ дѣйствіемъ своихъ баттарей съ суши. Къ этой же экспедиціи принадлежитъ отважный подвигъ Рейнгольда фонъ Сакена, взорвавшего на воздухъ свою дубель-шлюпку, чтобы недостаться въ руки непріятелю. Какихъ подвиговъ не было въ то время!

Дѣятельность Джонза кипѣла; она требовала новыхъ битвъ, новыхъ подвиговъ славы, а для простаго волонтера они не всегда могли представиться; притомъ же и самъ пылкій Нассау очень ждался на систему медлительности Потемкина, какъ онъ называлъ ее. Джонзъ прибылъ въ Петербургъ. Принятый милостиво Государыней, допущенный ко двору Ея, ласкаемый главнѣйшими знаменитостями того времени, онъ возбуждалъ все болѣе и болѣе зависть своихъ враговъ. Противъ него составилъ цѣлый заговоръ; англійскіе офицеры и негоціанты заводили безпрестанныя съ нимъ ссоры; наконецъ на него подали самый черный доносъ и жертвою добраго имени одной четырнадцати-лѣтней дѣвочки, хотѣли погубить заслуженнаго воина. Интрига была ведена очень искусно. Государыня запретила Джонзу являться во дворецъ, а черезъ

нѣсколько времени назначила надъ нимъ военный судъ. Положеніе его было ужасно. Въ комисіи засѣдали нѣсколько англійскихъ офицеровъ и мнѣніе ихъ было заранѣе извѣстно. Напрасно Джонзъ обращался къ своимъ друзьямъ, желая довести истину до ушей Императрицы: обвиненіе сопровождалось ужасными свидѣтельствами, и никто не отваживался на такой подвигъ; болѣе того, ни одинъ адвокатъ не взялся писать для него бумагъ и самый слуга оставилъ его. Джонзъ былъ покинутъ, одинокъ въ этомъ многолюдномъ городѣ.

Есть минуты отчаянія всеокрушающаго, передъ которыми невольно цѣпенѣтъ человѣкъ, объ которое разбивается самая мощная отвага. Такъ горный потокъ кипитъ и рветъ скалы на пути своемъ, но встрѣтивъ бездну низвергается въ нее.

Сегюръ, котораго Императрица любила за благородный рыцарскій характеръ, не всегда впрочемъ согласовавшійся съ званіемъ, въ которое онъ былъ облеченъ, узнавъ о положеніи Джонза, поспѣшилъ навѣстить его, и нашелъ его въ ужасномъ положеніи; заряженный пистолетъ, лежавшій передъ нимъ, показывалъ ясно, на что рѣшился онъ. — Вотъ собственный слова Сегюра *.

„Прибѣгните къ своему мужеству, сказалъ я, развѣ вы не знаете, что жизнь, какъ и море, подвержено бурямъ, и что счастье гораздо капризнѣе, чѣмъ самый вѣтеръ. Если, какъ я надѣюсь, вы невинны, идите смѣло противъ невзгоды; если по несчастію, вы виноваты, говорите откровенно: я все сдѣлаю, чтобы спасти васъ отъ угрожающей бѣды.

„Джонзъ былъ тронутъ до глубины души моимъ участіемъ. Клянусь вамъ честію, что я невиненъ; отвѣчалъ онъ, и служу жертвой самой гнусной клеветы. Вотъ какъ было дѣло: нѣсколько дней тому назадъ, утромъ, пришла ко мнѣ дѣвочка, и спрашивала нѣтъ ли у меня для нея какой работы, шитья бѣлья или манишекъ, между тѣмъ ясно обнаруживала другую цѣль своего посѣщенія. Мнѣ стало жаль ея: столько разврата въ такія дѣта! Я совѣтовалъ ей оставить свое ремесло, далъ нѣсколько денегъ и приказалъ уйти, но она упорно оставалась въ комнатѣ. Выве-

* Mémoires, ou Souvenirs et Anecdotes. par M. le comte de Segur, p. 501. tom. III.

денный изъ терпѣнія, я взялъ ее за руку и толкнулъ за дверь; въ это время она успѣла разорвать рукавъ платья и косынку. Вышедши въ коридоръ, она подняла крикъ и въ слезахъ кинулась на руки старухъ, которую называла своею матерью и которая, конечно, неслучайно очутилась здѣсь. — Мать и дочь вышли на улицу и вопили во весь голосъ; потомъ подали жалобу; вотъ и все“.

Сегюръ справился у дворника объ именахъ этихъ женщинъ и потомъ приказалъ своимъ агентамъ узнать со всею точностію о ихъ занятіи. Оказалось, что это были тѣ жалкія существа, которыя, сойдя съ послѣдней ступени общественной лѣстницы, презрѣнныя и отверженныя обществомъ, какъ бы въ отпущеніе, кидали въ него грязью и осыпали его ругательствами. Сегюръ изложилъ все происшествіе на бумагѣ и далъ ее подписать Джонзу. Не рѣшаясь однако подать ее лично Государынѣ, и зная, что письма, адресованныя на ея имя, всегда отдаются лично ей, Сегюръ отправилъ этотъ оправдательный документъ изъ ближняго города, по почтѣ. Государыня съ твердостью прочитала письмо, сама изслѣдовала дѣло и вскорѣ убѣдилась въ истинѣ. Джонза опять увидѣли при дворѣ, осыпаннаго милостями Государыни, ласкаемаго, честимаго придворными. Но американскій герой недолго пользовался своимъ блестящимъ положеніемъ въ Россіи. Климать, а можетъ быть и воспоминаніе о происшествіи, столь возмутительномъ по многимъ отношеніямъ, сокрушали его: онъ взялъ отпускъ, и уже болѣе не возвращался въ Россію.

Джонзъ впоследствии предлагалъ свои услуги австрійскому двору, но почему-то не сошелся съ нимъ. Онъ поселился въ Парижѣ, жилъ почти въ бѣдности, забытый свѣтомъ, недовольный всѣми дворами Европы, при которыхъ находился, хотя носилъ на груди своей явные знаки благоволенія ихъ къ себѣ, и умеръ въ 1792 году. Таковъ конецъ большей части людей, которые въ пору полного развитія и въ цвѣтѣ силъ своихъ устремляютъ всѣ ихъ безусловно и безъ разсчета на жертву славы, забывая себя, забывая и условія свѣта. Въ минуты восторга свѣтъ рукоплещетъ имъ, послѣ злоба начинаетъ шевелиться; и если старость или несчастіе, или горькое забвеніе постигнетъ отважнаго поборника сла-

ны, свѣтъ тяжко караетъ его: подобно ключу известной басни, лигаетъ онъ копытомъ умирающаго льва и злобно издвѣвается надъ нимъ, вымещая прежнее свое униженіе.

VII.

ПОТЕМКИНЪ. — СУВОРОВЪ. — ПЛАВАНІЕ ПО ДУНАЮ И ЧЕРНОМУ МОРЮ.

— Случалось ли тебѣ видѣть Потемкина? спросилъ я Ивака.

— Видѣть-то я его видѣлъ, а каковъ онъ, не приложу ума сказать.

— Какъ такъ?

— Да такъ! бывало встрѣтишь человѣка, заспаннаго, нечесаннаго, немытаго, рубашка на распашку,—старики говорятъ: вонъ-то онъ! Бывало видишь главнокомандующаго, заподлинно главнокомандующаго, всего въ золотѣ и въ звѣздахъ, молодца-молодцомъ, богатыря, говорятъ: вонъ-то онъ! Не знаешь, чему вѣрить? не разъ случалось подумать, не трунать ли старики надъ нами. Ругаютъ ли кого за трусость,—его! Слышишь ли, что кто-то ночью чуть не на ножъ Турку наткнулся, все онъ! Случалось худо,—виноватъ Потемкинъ; случалось добро,—и тутъ онъ! Ужъ не притча ли это какая!

Едва полъ-вѣка протекло послѣ смерти этого чуднаго человѣка и онъ уже представляется какимъ то полу-миоомъ въ памяти народной! Малороссійскій философъ того времени сказалъ: „Россія — цѣлый міръ Божій; Екатерина — разумъ ея; Потемкинъ — исполнитель воли Екатерины“.

Обращаясь къ словамъ Ивака, мы увидимъ, что они были общимъ отголоскомъ того времени. Остроумный де-Линь, очень коротко знавшій Потемкина, въ письмѣ своемъ къ Сегюру говоритъ: „Я вижу здѣсь (въ лагерѣ подъ Очаковымъ) главнокомандующаго армію, который по виду лѣнивъ и безпечень, а между-тѣмъ работаетъ безпрестанно; у котораго нѣтъ другой канцелярш, кромѣ собственныхъ колѣнъ, другаго гребня, кромѣ собственныхъ пальцевъ; который вѣчно лежитъ, и не спитъ ни днемъ, ни ночью, потому-что рев-

ность его къ пользамъ Государыни, — а Государыню онъ чтить выше всего на свѣтъ, — не даетъ ему ни на минуту покою; пушечный выстрѣлъ, внѣ мѣста личнаго его присутствія, тревожитъ его, — какъ вѣстникъ смерти нѣсколькихъ изъ его солдатъ. Трусливый за другихъ, храбрый лично, останавливающийся подъ баттарейными выстрѣлами, чтобъ отдать приказанія, но болѣе Улиссъ, чѣмъ Ахиллъ; безпокойный, когда нѣтъ опасности; веселый, когда она настааетъ; печальный въ радости; несчастный, потому-что слишкомъ счастливъ; вѣкъ пресыщенный, человекъ, которому накучило все; угрюмый, не постоянный; то мудрецъ, то великій политикъ, то десятилѣтній ребенокъ; не истительный, испрашивающій прощенія въ неудовольствіи, которое причинилъ, сознающій въ себѣ всякую несправедливость и всегда готовый ее исправить“.

— А Суворова, — ты зналъ его? спросилъ я Ивака.

Запорожецъ покачалъ головою, задумался, вздохнулъ и крупная слеза покатила съ глазъ его. Глубоко было значеніе этой слезы на черствыхъ щекахъ человека, который не любилъ Русскихъ, но не могъ не благоговѣть къ памяти героя. — Этотъ уже не былъ для него мифомъ; этого онъ видѣлъ вездѣ, во всякое время, этотъ былъ понятенъ его сердцу, если не совѣмъ разгаданъ умомъ!

Воспоминаніе подобно еловой вѣткѣ: вѣчно зеленая, зеленая даже и тогда, когда отторгнута отъ родимаго дерева, она служитъ и эмблемою смерти, усыпая своими колючими иглами путь къ могилѣ, и эмблемою дѣтской радости, возвышаясь свѣтлая и разукрашенная, предвѣстницею Рождества Христова.

Долго сидѣли мы безмолвно, погруженные въ прошедшее воспоминаніемъ и рассказами старика, который, буйный жилецъ въ быломъ, уже готовъ былъ сложить въ могилу свои избитыя временемъ кости и горемычную головушку. Южная ночь застала насъ неожиданно и прикрыла своимъ злато-шитымъ, пышно-шитымъ покровомъ. Звѣзды блестя и переливались блескомъ въ своемъ паденіи. Дунай свидѣтель многого, но свидѣтель вѣрный тайнъ вѣковъ, былъ тихъ, какъ эта тайна и казалось, училъ человека нести покойно

и покорно дань бытія вѣкамъ, предоставляя мѣсто волнамъ поколѣній, и не тревожить пытливымъ взоромъ глубины времени грядущихъ.

Мы встали и отправились въ избу ужинать. Я было ко-снулся быта задунайскихъ соотчичей Ивака, но онъ ловко увернулся отъ отвѣта и въ свою очередь сталъ разспрашивать меня, что дѣлается въ свѣтѣ, какъ человекъ, который уже не принадлежитъ ему. Хотя я не имѣлъ ни какой причины скрывать отъ него то, что дѣлается въ свѣтѣ, однако сами согласитесь, что можно отвѣчать на такой вопросъ: мало ли что дѣлается между нами!

— Дѣлаются такія вещи въ свѣтѣ, что и Господи помилуй! сказалъ я. Араратъ затрепалъ и повалился. — Тогда я только что узналъ о землетрясеніи на Араратѣ.

— Араратъ повалился! И старикъ покачалъ головою, какъ человекъ глубоко сокрушающійся о растлѣніи нынѣшнихъ нравовъ. Подумаешь, что творится! На что гора Араратъ: Ноевъ ковчегъ на ней остановился, и та не выдержала.

— Да ужъ таковы нынче, братъ, люди!

На другой день, утромъ, мы расстались, довольные другъ другомъ и очень недовольные свѣтомъ.

Далѣе, въ камышахъ, я еще встрѣтилъ нѣсколько шалашей и мазанокъ въ-уровень съ камышами: тутъ жили Запорожцы, не возвратившіеся въ Россію, или русскіе раскольники, бѣдные, въ униженіи, въ вѣчномъ страхѣ отъ Турковъ. Запорожцы сохранили свою одежду съ разнѣскими рукавами, свои высокія шапки, свои нравы, свой языкъ: и въ бѣдѣ и горѣ не покидаетъ казака его добродушная на-сѣшка. Я посѣтилъ и прежнее жилище Запорожцевъ, которыхъ боялись подь часъ сами Турки: обширный пустырь! Только изрѣдка торчагъ черные остовы трубъ, да обгорѣлыя вѣхи. Извѣстно, что Запорожцы, покидая свои села, зажгли ихъ, а Турки ради безсильнаго мщенія, довершили опусто-шеніе, прошли бороной по полю гдѣ было село и прокляли его. За неразрѣшеніемъ какихъ-то споровъ, турецкое прав-тельство еще никому не уступило этихъ земель и онѣ остаются необработанными: высокій бурьянъ и крапива по-крываютъ ихъ. Рассказываютъ, что нѣсколько собакъ никакъ

не хотѣли покинуть своего пепелища и каждую ночь подымали такой вой, что голодный зверь нугался и бѣжалъ этого мѣста опустошенія; съ тѣхъ поръ оно сдѣлалось предметомъ суевѣрнаго страха для окрестныхъ жителей.

Мы сѣли на пароходъ въ Галацъ. — Еще съ вечера, наканунѣ отправленія, загнали насъ на палубу. Меня оторвали отъ гостепріимнаго крова нашего добраго консула, и я въ соотвѣтъ разъ имѣлъ причину сѣтовать на австрійскіе пароходы, которые мало того что дурно кормятъ своихъ пассажировъ, да еще отрываютъ ихъ отъ хорошаго ужина.

Матросы сидѣли въ кружкѣ, на палубѣ и ждали праздника Воскресенія Христова: это были Иллирійскіе Славяне, все наши по вѣрѣ. Они толковали о какомъ-то портовомъ городкѣ, который выросъ на ихъ глазахъ, можетъ быть о Браиловѣ. Старый матросъ сказалъ: „Что ни говори, а правду люди молвятъ: гдѣ поселится дѣдушка-кузнецъ, тамъ быть торговому городу“.

— А что это за дѣдушка?

— Кто его знаетъ! говорить только, что онъ какъ прійдетъ, такъ и зачнетъ ковать, а ужъ зачнетъ, такъ не оставить пока не покончатъ работы.

— Что жъ онъ куетъ?

— Куетъ сначала желѣзо, потомъ мѣдь, потомъ серебро, потомъ ужъ золото. — И старикъ говорилъ съ убѣжденіемъ самовидца, а матросы слушали съ безусловною вѣрою.

— Что же нибудь онъ да мастеритъ; нельзя чтобъ даромъ металлъ тратилъ. Не знаешь что? спросилъ я.

— А Богъ его вѣдаетъ. — Знаю только, что неразъ доходило и до меня съ берегу, тукъ, тукъ, тукъ. — Трудись, старикъ, думалъ я, трудись: будетъ толкъ.

— Можетъ-быть, куетъ деньгу, сказалъ одинъ изъ матросовъ, чтобъ приманить народъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ другой.

— Нѣтъ! говорить, куетъ все кольца для цѣпи.

— Такъ стало-быть для якоря.

— Стало-быть такъ!

И вопросъ былъ рѣшенъ положительно и почти такъ какъ мы его здѣсь изложили.

Полночь. Двѣ городскія пушчонки возвѣстили, что насталъ Святый праздникъ; съ нашего парохода отвѣчали имъ. — Сотни огоньковъ; устремленные къ одной цѣли, къ греческой церкви, замелькали въ городѣ. Между матросами все стихло; они молились, обращенные съ своею простою, но теплою молитвою, къ востоку. Небо было звѣздно; заливъ Дуная неподвиженъ; все было тихо, благоговѣйно, таинственно!..

Въ пять часовъ утра мы снялись съ якоря. Вѣтеръ скрѣпчалъ. — Дунай былъ мутенъ и гадокъ. Онъ лежалъ въ ровень со своими плоскими берегами, стелющимися на безконечномъ пространствѣ мертвою, покрытою тощимъ очеретомъ, равниной. Только одинокіе русскіе пикеты на лѣвомъ берегу мелькали быстро передъ полетомъ парохода.

Нечего и говорить, что мы ѣхали по Сулинскому гирлу, потому что оно одно только и осталось еще судоходнымъ, да и то до того занесено пескомъ и иломъ, что надобно много искусства и благопріятнаго вѣтра, чтобы пролѣзть между его мелями.

Это былъ первый рейсъ дунайскихъ пароходовъ съ начала открывшейся навигаціи; кому же пароходъ вышелъ въ день Пасхи изъ Галаца, и потому не мудрено, что на немъ было всего три пассажира, на такъ называемыхъ первыхъ мѣстахъ; даже Англичанъ, необходимой принадлежности каждаго парохода, не было.

Часа въ два по полудни замѣтили мы цѣлую гряду холмовъ къ сторонѣ моря, и терялись въ своихъ соображеніяхъ и догадкахъ, что бъ это могло быть!

— Капитанъ, это что тамъ такое?

— Валы.

— Какъ валы! Тамъ, видите ли, цѣлыя горы.

— Нѣтъ, то Черное Море!

— Да это цѣлый адъ.

— Бываетъ хуже, гораздо хуже.

И мы ринулись въ эту бездну. — Конечно, бываетъ хуже, но не хорошо было и намъ, такъ не хорошо, что и теперь гадко, когда о томъ вспомню.

И развилась картина бушующаго моря и грозно глядящаго на насъ неба; обѣ стихіи дѣйствовали за одно: паро-

ходъ казался среди нихъ затерянной точкой, которою играло море, по прихоти своей, а между-тѣмъ этой точкѣ была покорна страшная стихія; волны сгибались и разступались передъ пароходомъ: на то была непоколебимая воля человѣка.

— Хуже моря нѣтъ, какъ Черное море, замѣтилъ намъ въ утѣшеніе капитанъ: не даромъ зовется Чернымъ:

На другой день опять показалаь полоса земли въ правой сторонѣ: развалины генуэзской крѣпости; еще земля: Кюстенджи. — Коварна только мелькнула передъ нами. Въ Варнѣ мы пробыли съ часъ. — Стѣны ея уже возобновлены, но въ меньшемъ размѣрѣ; какъ-будто Турки, убѣдившись въ бесполезности ихъ, сдѣлали это только для очищенія своей совѣсти; нельзя же турецкому городу стоять у моря, во всевидѣніе, безъ стѣнъ.

Въ два часа ночи мы кинули якорь въ Босфорскомъ заливѣ; ночью не велѣно вступать въ константинопольскій портъ, хоть бы вы погибали въ морѣ. И такъ, отъ Галаца до Константинополя мы прошли менѣе чѣмъ въ двое сутокъ, а отъ устья Дуная въ тридцать пять часовъ, несмотря на нѣкоторыя остановки.

Я видѣлъ Босфоръ и Константинополь во всѣхъ преобразеніяхъ ихъ красоты, при лунномъ свѣтѣ, въ таинственной темнотѣ, предшествующей утру, и въ полномъ блескѣ дня. Собравъ слова всѣхъ языковъ, живыхъ и мертвыхъ, я не могъ бы передать вамъ этихъ волшебныхъ переливовъ картинъ.

VIII.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНІЕ ПО ВЫХОДѢ НА БЕРЕГЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Здѣсь опишу я вамъ Константинополь не такимъ, какимъ онъ мнѣ представился въ первый разъ, именно, по выходѣ моемъ изъ Турціи; но какимъ я нашелъ его нынче, проѣзжая въ Египетъ. Толпа носильщиковъ, собакъ, таможенныхъ накинулась на насъ. Драгоманъ едва успѣвалъ отбиваться отъ нихъ. Таможенные были сговорчивѣе всѣхъ: имъ дали три піастра (60 копѣекъ ассигнаціями) на всѣхъ, и они оставили насъ со-

вершено въ покой. Носильщики разобрали наши вещи прежде тѣмъ мы успѣли оглянуться, и надо замѣтить, весьма добросовѣстно: каждый тащилъ пуда по три. Одни собаки сильно донимали насъ, но отъ нихъ уже не отдѣлаешься во время всего пребыванія въ Константинополь, развѣ когда они къ вамъ совершенно привыкнутъ и вы съ ними обживетесь, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ.

Выбравшись изъ береговой грязи и навозу, пошли мы по мостовой. Мостовая строена при греческихъ императорахъ и была бы гораздо лучше, еслибъ Турки не поправляли ее: теперь это ничто иное, какъ наваленный кучами булыжникъ.

Вы очень хорошо знаете, что Константинополь состоитъ изъ двухъ городовъ: собственно изъ Константинополя, гдѣ живутъ Турки и Греки—фанариоты, и Перы и Галаты, гдѣ живутъ Европейцы. Подъемъ въ Галату крутъ и труденъ; изнеможенные морской болѣзнью, мы едва подвигались впередъ, останавливались на каждомъ шагу, чтобы перевести дыханіе и высвободиться изъ нечисти. Ноги наши то грузли въ какой нибудь падали, то скользили по такой дряни, что и взглянуть на нее было отвратительно. — Улицы узки: распростерши руки, вы могли касаться двухъ противоположныхъ домовъ, а потому надо жаться какъ можно ближе къ стѣнѣ, уступая середину вьючнымъ скотамъ и людямъ, отъ которыхъ рискуете ежеминутно быть задѣтыми или коробьями съ углемъ, или досками, или дровами, и быть опрокинуту, уничтожену; но и у стѣнъ домовъ вы не въ безопасности: тамъ, у порога, черезъ который вы должны пройти, приютилось новорожденное семейство собакъ и мать зорко сторожитъ ихъ: берегитесь задѣть малютокъ, иначе не раздѣлаетесь дешево съ нею; а тутъ нѣсколько собачихъ семействъ, уже юношескаго возраста, затѣяли свои невинныя игры и забавляются преслѣдуя васъ по пятамъ и лова за ноги: зубы ихъ еще не остры и только платье ваше можетъ пострадать отъ нихъ. А вотъ старый песъ лежитъ среди дороги: его съ почтеніемъ обходятъ; тутъ же и полунагой факиръ, и его не оставляютъ милостынею добрые Турки. Народы всевозможныхъ цвѣтовъ, блѣдые, красные, желтые, черные, всевозможныхъ нарядовъ и

ночи безъ нарядовъ, суетятся, спуются, толкаются; крикъ, шумъ, визгъ оглушаютъ васъ. Вы словно въ омутъ ка-
комъ. Не пугайтесь: это только сначала васъ поражаетъ; по-
обживетесь, привыкнете, будете находить удовольствіе въ
этой кутерьмѣ, даже полюбите Константинополь, когда
представится онъ вамъ въ настоящемъ видѣ, при яркомъ
блескѣ своего солнца, во всемъ великолѣпіи, съ мосту или
съ одного изъ кладбищъ, когда солнце пригрѣетъ до
того, что вы цѣлый день гуляете въ одномъ сюртукѣ и
тутъ еще вамъ жарко, и любуетесь повсюду цвѣтущими ро-
зами, между-тѣмъ какъ сами знаете, что тамъ, за моремъ,
морозъ трещитъ на дворѣ и мятель рвется въ окна, потому
что декабрь мѣсяцъ и по старому стилю начался.

Не легко однако привыкнуть къ жизни въ Константино-
поль. Надо, или совсѣмъ отдѣлиться отъ нея физически и
нравственно, оградить себя стѣнами, окружить роскошью и
свѣтомъ: кто можетъ это сдѣлать, для того вездѣ Европа,
вездѣ комфортъ; или наконецъ слиться съ толпою, быть чле-
номъ ея, раздѣлять если не образъ мыслей, отъ чего Боже
васъ сохрани, то образъ жизни, иначе вы будете вѣчнымъ му-
ченикомъ ея; и если на бѣду у васъ раздражительный харак-
теръ или чувствительные нервы, такъ лучше и не выходите на
константинопольскій берегъ: тутъ вы пропащій человекъ.

Вы дошли по моей милости до гостинницы; усталые, раз-
гнѣванные, вы уже не разборчивы въ выборѣ, да не изъ чего
и выбирать; все на одинъ ладъ, кромѣ англійской, гдѣ конечно
всего лучше, но гдѣ все занято и за все платятъ въ три-дорога;
вамъ наконецъ отвели комнату, — голландскій червонецъ въ
сутки, со столомъ и прислугой, — это общее обыкновеніе
константинопольскихъ гостинницъ, кушаете вы или нѣтъ, —
это ваше дѣло: а червонецъ платите, такъ и на всѣхъ паро-
ходахъ.

Надо вамъ сказать, что такое домъ въ Константинополѣ?
Дома строятъ въ Константинополѣ такъ: поставятъ столбы,
а между столбами забьютъ глиной или заберутъ доски, —
вотъ и домъ. — Изъ такихъ матеріаловъ и ваши комнаты; кру-
гомъ окна, а въ окнахъ щели. Вы жметесь, вамъ холодно,
гадко; камерьеро, слуга, Грекъ или Армянинъ, который не по-

нижаетъ вашихъ словъ, но привыкъ къ жестамъ; онъ сейчасъ смекнетъ въ чемъ дѣло и приноситъ мангалъ; вы указываете на голову, желая отъ него узнать не угарно-ли? камерьеро не говоря ни слова выноситъ мангалъ и болѣе къ вамъ не возвращается.

Вы рады поскорѣе добраться до постели. Постель чистая, опрятная, правда, холодная, но вы скоро нагрѣете ее своимъ воспаленнымъ тѣломъ; близко къ полуночи; шумъ на улицѣ стихаетъ; ваши глаза смыкаются. Вдругъ, откуда ни возьмись унылый звукъ шарманки: близъ лежавшая собака, — въ Константинополь у каждаго одушевленнаго и неодушевленнаго предмета собака, — собака разжалобилась, завывала, ей подтанула другая, третья, еще и еще, и поднялся страшный вой. Тщетно закутываете вы голову; адскій концертъ преслѣдуетъ васъ и во снѣ. Вотъ наконецъ затихла шарманка, затихъ и вой; но пробужденныя, раззадоренныя собаки не совсѣмъ притихли, вой превратился въ лай, инныя были привлечены общимъ гвалтомъ изъ другой улицы и съ этими завязалась драка; на шумъ сбѣжался чуть не весь кварталъ собакъ; щенки сильно страдали и визжали благимъ матомъ. Но къ разсвѣту и эта кутерьма стихла и сладкія грезы уже начинаютъ убаюкивать васъ и нѣгою расправлять изнывшіе члены: вдругъ раздался у самаго дома вашего такой крикъ, отъ котораго вы невольно вскочили; за нимъ другой, третій. Какъ сумасшедшій бѣжите вы къ окну, полагая что на дворѣ пожаръ или тревога: ни чуть не бывало: это продавецъ айвы, или зелени, или молока, или какой нибудь другой драни взываетъ къ покупщикамъ.... Вы думаете что отъ этого нечего еще приходить въ отчаяніе, — ошибаетесь! значить вы не слыхали этого адскаго late bono, или каймакъ, эй, хельва; салепе салепе! И откуда почерпалъ носильщикъ эти страшныя звуки: грудь человѣческая не въ состояніи породить ихъ; должно быть изъ преисподней самаго ада.

За тѣмъ, если вы не имѣете крѣпкаго сна, то лучше и не ложитесь; потому что крики уже не смолкнутъ до полуночи, и какіе крики! вѣдь не все на одинъ ладъ; и носовые и горловые; и на расхвѣвъ, и умоляющіе; и отрывчатые, повелѣвательные; ай! ай! наприимъ. Эй! эй! каймакъ; и т. д. Но повторю,

все забывается подъ этимъ свѣтлымъ небомъ, навѣвающимъ теплоту, благораствореніе воздуха, при видѣ этой чудной панорамы города и его окрестностей, при необыкновенномъ настроеніи духа.

Въ Константинополѣ нѣтъ общественныхъ увеселеній, ни собраній, ни театровъ, ни баловъ, ни даже кандитерскихъ съ журналами и газетами на европейскій ладъ. Театръ строится въ Перѣ, но что еще выйдетъ изъ него? Общество дѣлится на два круга: къ высшему принадлежать конечно посольства, къ другому—ихъ драгоманъ и лучшая часть перотовъ. Изъ Турковъ только везирь или паша иногда принимаетъ участіе въ собраніяхъ. Члены перваго слишкомъ заняты каждый своимъ, близкимъ ему, предметомъ, чтобы удѣлить часть себя, своего ума обществу: они приходятъ сюда по обязанности, а не по влеченію. Только домъ Р. П. отличается особеннымъ радушіемъ, и то когда бывають одни Русскіе.— Недостатокъ женщинъ замѣтенъ и здѣсь, какъ будто всѣ бѣгутъ, всѣ боятся мусульманскаго города. Лучшимъ украшеніемъ этихъ обществъ служитъ безспорно наша соотечественница... на жену англійскаго консула, Кимербачъ, можно указать, какъ на хорошенькую. Иногда какой нибудь путешественникъ, или заѣзжій пѣвецъ, музыкантъ, рассказчикъ сбрасываетъ путы общихъ условій и на время оживляетъ общество. Но они уѣхали и все приходитъ въ прежній порядокъ и объ нѣхъ вспоминають съ улыбкою состраданія.

Въ обществахъ здѣшнихъ Грековъ, Армянъ принадлежащихъ къ отборному кругу, — конечно по богатству, другаго мѣрила ихъ достоинствъ здѣсь нѣтъ,— въ этихъ обществахъ сначала покажется вамъ добрая искренность, но вскорѣ вы разочаруетесь; приторная вѣжливость надоедаетъ. Притомъ же эти общества рѣдко бывають доступны Европейцамъ, развѣ, связаннымъ съ ними торговыми дѣлами или нужными для нихъ.

IX.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ КАКОВЪ ОНЪ НЫНЧЕ.

Не пугайтесь, читатель, не пугайтесь, я не стану вамъ описывать домъ-по-дому, улицы и кварталы, не стану вы-

водить передъ вами на перекличку мечети, мосты, базары, не стану изчислять племена и народы живущіе въ Константинополь, доискиваться ихъ происхожденія и свидѣлствовать о ихъ будущности—счастливой или пагубной, смотря потому нравятся ли мнѣ они или нѣтъ; нѣтъ, добрый читатель, увѣряю васъ, что я не буду этого дѣлать: я очень хорошо знаю, что вы не читаете всего этого, и прекрасно дѣлаете: отъ всѣхъ именъ и чиселъ остается въ памяти одна кутерьма. Я не стремлюсь также за тѣмъ, чтобъ книга моя была какъ можно ученѣе и толще; но я хочу бросить *только взглядъ* на Константинополь, который — Константинополь — вы сами очень хорошо знаете; сказать что съ ничъ сдѣлалось, съ тѣхъ поръ какъ я его не видѣлъ, а этому не прошло и четырехъ лѣтъ; стремится ли онъ къ своему *прогрессу* какъ говорятъ нынче, или остается *in statu quo*; сказать о немъ столько сколько нужно для сравненія съ тѣмъ, что увидимъ въ Египтѣ, куда мы такъ стремимся: а это сравненіе неизбежно рождается само собою, простирается само изъ себя.

Съ удовольствіемъ замѣчу что этотъ *взглядъ*, впрочемъ продолжительный и глубокій, оказался нѣсколько въ пользу Константинополя, какъ вы сами сейчасъ увидите. Довольно продолжительное состояніе мира имѣло не дурное вліяніе на армію. Не было надобности прибѣгать къ безпрестаннымъ наборамъ и ставить въ ряды кого ни попало: отъ этого меньше видно мальчишекъ между солдатами, а побѣда надъ Курдами придала имъ хоть нѣсколько самоувѣренности: бѣдные Турки такъ уже отвыкли отъ побѣдъ. Правда, и теперь еще офицеры почти не отличаются отъ солдатъ въ нравственномъ отношеніи, но это потому, что ихъ и не думаютъ отличить чѣмъ бы то ни было, кромѣ платья: за вину перваго и втораго одинаково дуютъ палками, и офицеръ такой же слуга паша, какъ солдатъ,—только впереди его, когда рѣчь идетъ о прислугѣ. Тотъ и другой попроситъ у васъ *бахминиз* (на водку), только офицеръ больше солдата. Турокъ ведетъ себя и гордѣе и благороднѣе офицера—Армянина, и даже Грека, если это случается.—Возводится нѣсколько новыхъ казенныхъ зданій, предназначенныхъ для самой полезной цѣли: огромное зданіе уни-

верситета или академіи, медицинская академія, національный музеумъ, новый дворець и двѣ три казармы: въ адмиралтействѣ, на литейномъ дворѣ работы не прекращаются: все это подвигается впередъ. Тамъ гдѣ былъ пожаръ—а въ Константинополь безпрестанно пожаръ,—вѣдно уступить подъ улицу частичку земли при постройкѣ новаго дома, но самую малую частичку и то правительство съ большимъ усиліемъ завоевало у жителей, особенно Пероты оказались упорны въ защитѣ правъ своихъ. На трехъ-четырехъ главныхъ улицахъ зажглись фонари, и городъ т. е. малая часть его нынче освѣщается.

Между Константинополемъ и Адрианополемъ учреждены дилижансы. Экипажи прекрасные; правда — упряжь плоха; лошади совсѣмъ непривычны; одна тянетъ въ сторону, другая въ другую, а третья безъ толку рвется впередъ; дороги изъ рукъ вонъ плохи: но все таки выѣдешь въ экипажѣ, а не верхомъ, какъ было прежде, и если не въ то число, какъ сказано въ объявленіи, то когда-нибудь непремѣнно доѣдете или дойдете, если не слошите себѣ дорогою шею: это уже ваша вина: умѣете ѣздить, умѣйте и пасть, потому что вамъ напередъ извѣстно, какъ часто ври́дется опрокидываться.

Турчанки пользуются большою свободою противъ прѣжняго; уже онѣ рискуютъ заходить въ магазины Перы, отъ чего штриги съ ними значительно увеличились и были довольно громкія; онѣ уже носятъ чулки, а нѣкоторыя даже перчатки и смотрятъ прямо въ глаза гауру, а столкнувшись съ нимъ не бранятъ его.

Въ Константинополь наплывъ всякой общественной драмы. Всякій авантюристъ, пройдоха, выброшенный или бѣжавшій изъ своего отечества, укрывается *на Востокъ*,—это собственное ихъ выраженіе, т. е. преимущественно въ Константинополь и Смирнѣ, потомъ въ Александрію и Бухарестъ. Великій считаетъ себя здѣсь какъ дома, лучше чѣмъ дома: здѣсь онъ подъ покровительство посольства своей великой націи, которое, въ случаѣ нужды, отомгъ за него горю, и Норта нерѣдко, почти всегда, должна уступить. Надо еще удивляться какъ мало здѣсь преступлений! Правда, время отъ времени на-

ходить валяющееся въ мѣшкѣ среди улицы изрубленное чело-вѣческое тѣло или задушенную женщину!

Правосудіе.... правосудіе также есть у Турковъ.... Вотъ что случилось въ бытность нашу въ Константинополь: въ Македоніи, не помню въ какой-то деревнѣ вели къ вѣнцу счастливую чету, разумѣется христіанскую. Откуда ни возмись десятка два Турковъ, напали на поѣздъ и отбили невѣсту, которая, какъ водится, попала въ гаремъ; но она нашла случай бѣжать изъ него: оставаться въ своей деревнѣ было невозможно; она ушла въ другую деревню и даже кажется въ другой пашалыкъ. Вскорѣ перешли туда и родители дѣвушки, съ трудомъ отыскавшіе ее. Но это переселеніе открыло вѣстонахожденіе самой бѣглянки. Владѣлецъ ея требовалъ выдачи своей невольницы и наказанія родителей. Ее выдали, а родителей посадили въ тюрьму; старики кое-какъ откупились отъ тюрьмы и пришли просить правосудія въ Константинополь. Судьи вынули изъ ртовъ янтари своихъ чубуковъ и вложили вмѣсто ихъ пальцы недоумѣнія: женщина бѣжала изъ гарема: значить должна быть возвращена въ него для по-ступленія по законамъ; съ другой стороны — женщина отнята силою у жениха и родителей, слѣдовательно должна быть возвращена имъ; но въ такомъ случаѣ, что же послѣ этого нравовѣрный, если онъ рискуетъ проиграть процессъ съ гяуромъ, и опять, что скажутъ послѣ, узнавши о безнаказанности такого насилія со стороны Турковъ? Словомъ, дѣло, казуясь и вѣроятно Турки долго, очень долго будутъ думать надъ нимъ.....

Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что учебныя заведенія Константинополя не подвинулись впередъ. Мнѣ даже показало-сь, что медицинская школа, безспорно лучшее изъ нихъ, нынче упала. Въ госпиталѣ ея было всего двое больныхъ для изученія; анатомическіе приборы — старые, тупые ножи, нѣтъ самыхъ нужныхъ аппаратовъ для операцій; десятка тра книгъ составляютъ бібліотеку, а нѣсколько колуш-ковъ съ латинскими надписями, вбитыхъ на маленькомъ дво-рищѣ — ботаническій садъ!.... Надо замѣтить, что турецкое нача-ло преобладаетъ вездѣ, и потому люди достойные, какъ докторъ Смицдоръ, Псулани и другіе, не могутъ многого сдѣлать

при всѣхъ своихъ усиліяхъ: надъ ними непремѣнно есть паша, который распоряжается всѣмъ. Одинъ монетный дворъ процвѣтаетъ и можетъ выдержать соперничество съ лучшими европейскими заведеніями этого рода; но онъ находится въ частномъ владѣніи армянскихъ банкировъ и управляется ими. Всѣ машины изъ Англіи, и часть людей—Англичане.

Х.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Все что есть святаго для двухъ религій, что есть великаго и славнаго для Константинополя, процвѣтавшаго и упадавшаго, сосредоточено въ Св. Софіи, и никогда послѣ взятія ея Турками не являлась она въ томъ видѣ, какъ явилась теперь передъ изумленными взорами весьма немногихъ, удостоившихся видѣть ее, и никогда, пока будетъ въ рукахъ Турковъ, не явится такою.... Она мелькнула во всей красѣ своей только на нѣсколько дней, и опять покрылась завѣсою тайны, пока смѣлая рука не отдернетъ ея навсегда.

Вотъ какъ это случилось.

Султанъ, между многими работами, предпринялъ возобновить и украсить мечеть Софіи: работа была поручена архитектору Фасати, тому самому, который строилъ русскій дворецъ. Церковь, или мечеть, какъ извѣстно, много пострадала отъ времени и особенно отъ невѣжества Турковъ. Потолокъ, весь покрытый мозаикой, которая служила образцомъ для Св. Марка въ Венеціи, былъ большею частию закрытъ штукатуркой, частию представлялъ одинъ грунтъ, во многихъ мѣстахъ обезображенный. Фасати бережно снимъ штукатурку и взорамъ его представилось множество изображеній Апостоловъ, святыхъ, образъ Богоматери и наконецъ портретъ одного изъ Палеологовъ, превосходно сохранившійся. Султанъ все это видѣлъ, восхищался видѣннымъ и... велѣлъ поскорѣе закрыть штукатуркой: благо еще, что не разрушить.

Я видѣлъ эти мозаики и мнѣ стали понятны возгласы Гре-

ковъ, * которые называли Святую Софію земнымъ небомъ и небеснымъ сводомъ, жилищемъ херувимовъ, достойнымъ трономъ славы Господней; понятно изумленіе завоевателя, когда онъ вошелъ въ этотъ величественный храмъ и своею рукой поразилъ одного изъ солдатъ, громившаго съкирой все, что попадало ему подъ руки въ церкви.

Ваша душа, ваши мысли, полны образомъ Святой Софіи, при въѣздѣ въ Константинополь.

По тому, что открыто нынче, легко представить и дополнить, что было прежде. Войдите въ храмъ, въ главныя двери: васъ прежде всего поражаетъ куполь, золотой фонтъ котораго еще болѣе удаляетъ его надъ вами; со сферическихъ сводовъ его повсюду смотрятъ на васъ лики угодниковъ, яркой мозаики, а по четыремъ сторонамъ стоятъ, какъ стражи, херувимы: все это совершенно скрадываетъ связь главнаго купола съ четырьмя побочными, на которыхъ онъ опирается и сливаетъ его въ одинъ, безграничный, воздушный. Сквозь рядъ колоннъ изъ краснаго порфира и бронзы видѣнъ алтарь, въ сіяніи золотыхъ и драгоценныхъ камней, какъ храмъ подъ открытымъ небомъ. Освященіе его сзади увеличиваетъ эффектъ. Галереи, какъ необходимая уже принадлежность греческихъ церквей, не могутъ не нарушать гармоніи цѣлаго. Строитель конечно видѣлъ это, и придавъ мозаикѣ его темный фонтъ съ арабесками, весьма похожій на персидскій коверъ, такъ что вдали можно подумать, что это покрытыя стѣны храма. Во всемъ храмъ только и видны были мозаика, мраморъ, золото и серебро. Стѣны были выложены порфиромъ и брекчіей, а полъ бѣлымъ мраморомъ.

Фасади изъ двухъ золъ избралъ меньшее. Нельзя было оставить изображеній святыхъ, которые занимали едва ли не треть мозаики, такъ онъ покрываетъ ихъ искусственною мозаикою подъ цвѣтъ золота и разрисовываетъ арабесками, заимствуя рисунокъ изъ тѣхъ, которые остались отъ старыхъ временъ, а также чиститъ старые и поновляетъ обвалившіеся. Худо одно, что отбитый отъ стѣнъ порфиръ онъ замѣняетъ штукатуркою, разрисовывая ее подъ цвѣтъ порфира, между тѣмъ какъ древняго порфира и брекчіи въ Константинополь мно-

* См. Фразан, кн. 3.

жество. Въ однихъ цитернахъ сотни колоннъ. Обшиваетъ же онъ молебни Султана чуднымъ камнемъ.... Впрочемъ нынче нельзя узнать Св. Софіи, такъ она великолѣпнѣе того чѣмъ была за четыре года: пошатнувшіяся, покривившіяся колонны встанутъ на свои мѣста; полъ выправляется, камень полируется; самый куполь, какъ извѣстно, освѣшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, укрѣпленъ желѣзными болтами.

При нынѣшней передѣлкѣ храма разрушили часть таинственности, которою были окружены различныя мѣста его; такимъ образомъ священная дверь, за которою, говорили Греки, скрывался первопастырь нашей церкви со времени взятія Константинополя, а Турки утверждали, что тамъ находятся сокровища, никому недоступныя, эта дверь была нынче выломана: ни кто не хотѣлъ войти въ нее, наконецъ уже вошелъ съ архитекторомъ одинъ Турокъ, а за нимъ силою палочныхъ убѣжденій заставили войти и рабочихъ. За дверью нашли только церковный придѣлъ и Богъ знаетъ зачѣмъ онъ былъ такъ таинственно задѣланъ и даже зачѣмъ устроенъ въ сторонѣ, безъ соответствующаго ему другаго придѣла, какъ это всегда бываетъ въ греческихъ церквяхъ. Не былъ ли онъ пристроенъ въ позднѣйшее время Іоанномъ Палеологомъ, въ воспоминаніе какого нибудь успѣха надъ Турками. Извѣстно, что онъ послѣдній церестраивалъ Св. Софію, и мозаиковый портретъ его открытъ нынче въ числѣ прочихъ, на стѣнѣ, почти рядомъ съ ликами святыхъ: суетное тщеславіе! Это тотъ самый Палеологъ, который царствовалъ около 50 лѣтъ и послалъ дочь свою Султану, уже избравшему себя столицею Адрианополь!.. На портретѣ онъ изображенъ еще очень молодымъ. Впрочемъ, тайны этого придѣла еще несовсѣмъ объяснены; въ глубинѣ его едва примѣтна задѣланная также дверь, и Богъ знаетъ что еще скрывается за нею. Не знаю, дерзнуть ли ее открыть.

На другой день посѣщенія этого древняго христіанскаго собора, этой первенствующей нынѣ мечети въ Турецкой имперіи, я посѣтилъ нашу патріаршую церковь. Была служба самаго патріарха, окруженнаго всѣмъ сонмомъ митрополитовъ, которыхъ по числу адостодовъ двѣнадцать. Извѣстно что патріархъ весьма рѣдко служить. Но, Боже, что это та-

ное было! Церковь маленькая, нищенская, подобная тѣмъ, которыя встрѣчаются въ Булгаріи и Сербіи. Говорятъ, ее нарочно держать въ такомъ жалкомъ видѣ, чтобы она не соблазняла корысть Турковъ: сомнѣваюсь; не тѣ теперь времена; я думаю, причина гораздо проще. Церковь и даже дворы ея были биткомъ набиты народомъ. Эта обѣдня служилась для Сербовъ и депутаты Сербіи первенствовали въ ней. Милошъ положилъ 50 тысячъ піастровъ въ банкъ на тотъ предметъ, чтобы въ атотъ день, день Св. Андрея, каждый годъ патріархъ служилъ обѣдню. Въ слѣдствіе чего Сербы преобладали въ церкви и папка чауча часто стучала по бритымъ головамъ ихъ, возстаивая порядокъ и благочиніе. Очень нерѣдко наваливалась сзадитолпа, ломала перила, отдѣлявшія ее отъ патріарха и насъ, которые были такъ счастливы, что ограждались отъ волнъ ея, и тогда нужно было все усиліе слугъ, чтобы удержать какой-нибудь порядокъ. Часто также толпа выжимала кого-нибудь вверхъ и бритая изнеможенная голова болталась на шеѣ высоко надъ другими къ общей потѣхѣ публики, пока не вдавливали ее въ общую массу. И это дѣлалось въ церкви, при торжественномъ служеніи. Греки и Армяне стояли въ фесахъ, а иные просто въ шапкахъ. Пѣніе — древнее, носовое и горловое, къ которому весьма трудно пріучить европейское ухо. Все это весьма не благопріятно дѣйствовало на непривычнаго слушателя...

Послѣ обѣдни мы поѣхали патріарха. Когда уѣхали всѣ на диванахъ, по турецки, поджавши ноги, подали трубки, патріарху первому, за тѣмъ митрополитамъ; послѣ трубки давали кофе и варенье и разумеется патріарху первому. Бесѣда шла также на турецкій манеръ. Каждый хранилъ свою мысль далеко въ душѣ и только ничего незначащія слова о погодѣ порою прерывали тишину....

XI.

ОСОБЕННЫЙ КЛАССЪ ЛЮДЕЙ ПОРТОВЫХЪ ГОРОДОВЪ.

Въ Константинополѣ вы увидите такихъ людей, которыхъ рѣшительно нельзя отнести ни къ какому классу въ политиче-

скомъ ихъ значеніи, ни къ какой личности въ нравственномъ. Богъ знаетъ что это за люди, откуда они, зачѣмъ здѣсь и чѣмъ живутъ, чѣмъ промышляютъ. День проводятъ они въ кофейной, ночь.... если вы спросите гдѣ они ночевали, они посоветятся сказать; гдѣ будутъ почевать, — не съумѣютъ отвѣчать. Въ Петербургѣ такихъ людей нѣтъ или почти нѣтъ. Войдите въ жарчевню: всякій человекъ носить на челѣ своею значеніе. Мужикъ, чернорабочій,—такъ уже таковъ и есть, вы не ошибетесь въ его значеніи; ящикъ такъ ящикъ; лавочникъ такъ лавочникъ, сей часъ видно. Каждый любитъ посидѣть въ приятномъ обществѣ, но никто не засиживается, торопится или нѣтъ, а все таки идетъ къ своему дѣлу. Въ кондитерскихъ есть три четыре праздношатающихся, но ихъ уже весь свѣтъ знаетъ. Правда, въ портерной, иногда въ кабакъ, попадаютъ неопредѣленные субъекты, во фризowych шинеляхъ и картузахъ, иногда во фракахъ и круглыхъ шляпахъ, давно потерявшихъ свое значеніе, но такихъ мало въ Петербургѣ, еще менѣе въ Вѣнѣ. Въ Константинополѣ вы встрѣтите ихъ на каждомъ шагу. Если не съумѣете ихъ отличить по особенной поступи и наряду на улицѣ, то ступайте въ кофейню Перы или Галаты, — тамъ кофейня на каждомъ шагу, и всѣ на одинъ ладъ. Войдите,—длинная, сырая комната; скамейки по серединѣ; рядъ маленькихъ столиковъ вдоль стѣны; полъ грязенъ и гадокъ до нельзя: въ противоположной сторонѣ всегда — растворенная дверь на дворъ, — безъ нея вы бы задохлись въ табачномъ дыму. Въ эту дверь вы видите всѣ домашнія принадлежности нагроможденныя на самомъ маленькомъ клочкѣ земли, которою обладаетъ домъ, это его роскошь, *c'est du luxe*: тутъ вы видите пѣтуха на цѣлой грудѣ кадокъ и ведеръ, иногда барана, предназначеннаго къ объѣду, которому негдѣ повернуться; все это очень обыкновенно; вы въ кофейной, въ кондитерской, лучше которой здѣсь нѣтъ, такъ извольте пользоваться ею какъ умѣете. Въ темномъ углу комнаты, у столика, увидите двухъ человекъ, играющихъ въ кости: одинъ горячится и ругается на пропалую, другой подшучиваетъ и подзадориваетъ его: онъ не боится, что тотъ его приберетъ, нѣтъ, онъ боится чтобъ не замѣтили какъ онъ плутуетъ, тогда ему не отдадутъ проигранныхъ денегъ. Ну, эти по-

крайней—жѣръ занимаются дѣломъ; у одного игра — профессія; другой играетъ пока не проиграется. Если бы вы не слышали ихъ возгласовъ, вы бы и тутъ узнали, по тонкимъ чертамъ лица, по длинному носу, по плутовскимъ глазамъ, въ одномъ изъ нихъ, обыгрывающемъ Грека, въ другомъ, обыгрываемомъ, Сербѣ: этого вы всегда и вездѣ узнаете: наша косточка, неизлѣнима нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ. Далѣе, вокругъ столика сидитъ группа, человекъ пять, вытянувъ шею впередъ и склонивъ головы въ кучку, къ центру столика, о чемъ—то горячо шепчутся: вы подумаете, что это государственные заговорщики времянъ дождей въ Венеціи или Палеологовъ въ Константинополѣ. Посмотрите, какія славныя лица, какія щегольскія одежды. Вотъ этотъ, наприжѣръ, съ длинными, черными какъ смоль кудрями, впалыми, истомленными глазами, блѣднымъ лицомъ и широкимъ лбомъ: онъ очень интересенъ; бархатный сюртукъ, хотя немножко потертъ, и подаетъ большое сомнѣніе, что съ чужаго плеча, но интересный молодой человекъ носить его довольно ловко, такъ что вы не замѣтите ни пятенъ ни прорѣхъ на немъ. Другой въ плащѣ небрежно обвернутомъ вокругъ тѣла: лицо рѣзкое, выразительное, выглядить патриціемъ; но что—то онъ кутается и я готовъ держать пари, что подъ щегольскимъ плащемъ нѣтъ рубахи. Кто въ пальто, небывалаго покроя, кто въ щегольской греческой курткѣ; но каждый имѣетъ какую нибудь отличительную вещь, которую имѣетъ выставить на видъ прежде самаго себя; такъ что не имѣй эти люди такихъ выразительныхъ физиономій, у васъ бы не осталось ничего въ памяти отъ нихъ, кромѣ великолѣпнаго перстня на рукѣ одного или огромной кисти на фесѣ другаго и наконецъ неизбѣжныя трубки — трубки всегда и вездѣ.

Я васъ спрашиваю, что это за люди? какой націи они? Вы слышите возгласы на греческомъ, французскомъ, италіанскомъ, всего чаще италіанскомъ и нерѣдко турецкомъ языкѣ. Чѣмъ занимаются они, чѣмъ существуютъ, о чемъ такъ жарко, такъ постоянно спорятъ, проводя цѣлый день у столика, если дурная погода не позволяетъ шататься по улицамъ? И таковыя людьми наполнена вся кофейная, и не одна эта, почти всѣ кофейныя. Правда, чтобы сидѣть въ ней цѣлый день,

достаточно спросить чашку кофе, другую, что стоит десять коп. асс., чѣмъ многіе сыты бываютъ цѣлый день, но куда же они дѣвають избытокъ этой энергіи, которая отражается во всѣхъ чертахъ ихъ лица, во всѣхъ дѣйствіяхъ? Непонятные люди!

— Я какъ-то спросилъ объ нихъ одного очень почтеннаго Турка, бывшаго чѣмъ-то въ родѣ частнаго пристава въ Галатѣ: Турокъ сдѣлалъ презрительную мину и многозначительно махнулъ нѣсколько разъ вверхъ рукою, всякой разъ выше и выше; я покачалъ головою, въ знакъ своего согласія, и отвѣчалъ, что его мудрость совершенно открыла мнѣ глаза, но по правдѣ сказать, ничего не понималъ изъ знаковъ почтеннаго Турка: не выражали ль они того, что эти люди годятся только для висѣлицы или сорвались съ нея и потомъ пришли въ Константинополь. Соображаясь съ формой моего вопроса, послѣдній выводъ болѣе логической.

Перейдемъ теперь въ турецкую кофейную: народу тоже довольно; но тишина совершенная. Чинно, поджавши подъ себя ноги, на широкихъ лавкахъ или софахъ, сидятъ Турки. У каждаго въ зубахъ чубукъ отъ трубки или кальяна, на величавомъ челѣ, въ продолжительномъ глубокомъ взорѣ господствуетъ покой и размышленіе, хотя очень сомнительно, чтобы эти люди о чемъ-нибудь размышляли, иначе вѣрно придумали бы что нибудь лучшее для Турціи и не заставляли бы за себя думать другихъ; посреди, на возвышеніи, мангалъ, какъ треножникъ Писеи; мѣдь его блеститъ какъ золото; въ сторонѣ возвышается пирамида наперстко-образныхъ чашечекъ, со своими скорлупо-образными поддошниками; вообще опрятность и чистота удорлетворительныя.

Тутъ же, какъ бы соображаясь съ общою важностію, въ молчаливѣ, торжественно производятъ бритье головы. Цирюльничъ обращается съ головою своего субъекта, какъ съ кочнею капусты; то положить ее къ себѣ на колѣни, то вздернетъ вверхъ, смотря потому какую часть ему надо брить, то третъ щеткой, то гладитъ самодовольно рукою; вообще манипуляція его довольно ловка. Замѣчательно, что хорошій цирюльничъ, если только можно назвать цирюльничкомъ подобныхъ артистовъ, никогда не употребляетъ при бритвѣ мыла, а за всѣмъ тѣмъ

не чувствуешь никакой боли при его бритъѣ,—это не то что наши брадобрѣи.

Вотъ положеніе этихъ людей, положеніе почтенныхъ Османовъ — опредѣлительно. Цѣль жизни ихъ ничего не дѣлать; довольствоваться тѣмъ, что у кого есть; не желать вышнихъ наслажденій какъ гарема, бани и кофейной. Рабочій Турокъ сюда навернется не надолго, развѣ когда есть разскащикъ, котораго впрочемъ турецкая полиція не очень жалуетъ, или турецкая музыка, отъ которой Европеецъ бѣжитъ, какъ отъ чумы.

ХІІ.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Въ Константинополь, какъ и вообще на Востокъ, нельзя располагать ни своими временемъ, ни обстоятельствами: здѣсь все распоряжаетъ кезметъ, судьба, и таково ея вліяніе, что даже многіе Европейцы фаталически ей покорны. Вліяніе кезмета испытали на себѣ и мы, по случаю отъѣзда изъ Константинополя.

У насъ была одна цѣль: добраться какъ можно скорѣе до Каира, чтобы воспользоваться зимнимъ временемъ для дальнѣйшаго путешествія во внутреннюю Африку; для этого намъ рѣшительно было все равно, на какомъ бы пароходѣ, какимъ бы путемъ ни ѣхать, лишь бы скорѣе. Узнавши, что все европейскіе пароходы, на пути въ Александрію, заходятъ въ разные порты Греціи или Мальты, въ которыхъ должны выдержать учрежденныя въ это время отъ холеры карантинны, мы рѣшились дожидаться нашего, и хотѣли сказать египетскаго парохода. Приѣздъ его возвѣстился намъ черезъ осемь, и черезъ два дня отъѣздъ; срокъ вовсе не урочный для отхода этого парохода, но агентъ наши египетскаго хотѣлъ нарушить порядокъ, впрочемъ никогда и не существовавшій для египетскихъ и турецкихъ пароходовъ, ради насъ; египетскій пароходъ однако опоздалъ приходить, какъ означивали въ то время все европейскіе пароходы по случаю свирѣявавшихъ бурь. Этого мало: случилась ломка печи, которую не легко было исправить:

въ Константинополѣ всего много, но того именно, чего вамъ нужно, никогда или очень не скоро найдешь. Мастероваго народа множества, но все это сбродъ людей, заботящихся добыть копѣйку какъ можно съ меньшею тратою труда, и потому на нихъ никогда не должно рассчитывать, когда дѣло идетъ о срочной или прочной работѣ: кезметъ, судьба! Въ слѣдствіе этого починка шла медленно, отходъ парохода откладывали день за день и наконецъ двѣнадцатаго декабря, (вмѣсто четвертаго) мы отплыли!.....

— На пятый день будемъ въ Александріи, сказалъ нашъ капитанъ парохода, родомъ Египтянинъ, воспитанникъ Александрійской морской школы. Кеземетъ, думали мы, штуки!—Нѣмцы ходятъ осемь дней отъ Константинополя до Александріи, а мы, что мы сравнительно съ Нѣмцами! У Нѣмцевъ наука, высокая наука, а у насъ кезметъ.... Прійти въ Александрію можетъ и иридемъ, но не въ 6-й, а въ 16-й день. Послѣдствія показали, что мы жестоко ошибались. Мы пришли въ четверо сутокъ; еще пользуясь обязательнымъ снисхожденіемъ капитана, выходили нѣсколько разъ на берегъ,—гдѣ па часъ, гдѣ на два. Мы уже были не подъ вліяніемъ кезмета, но подъ вліяніемъ того, кто на Востокъ умѣлъ справиться съ вѣрою въ неизбежность судьбы и силою воли первый скинулъ съ себя иго случая.

Взглянемъ на Константинополь еще со стороны Мраморнаго моря.

Когда подъѣзжаешь къ городу отъ Босфора, онъ кажется съ этой стороны превосходнымъ; когда смотришь на него съ Мраморнаго моря, невольно скажешь: нѣтъ, отсюда еще лучше; и наоборотъ. Словомъ, откуда на него ни смотришь, въ какое время дня ни смотришь, лишь бы онъ весь былъ видѣнъ, только бы вы не заглядывали въ его внутреннюю сторону, всякій разъ онъ кажется лучше и лучше!... Такова уже его натура. Послѣ этого невольно вѣришь сказанію императора Константина, что сама божественная мудрость представила передъ нимъ и указала мѣсто для постройки города и что не для собственной прихоти создалъ онъ, этотъ городъ, а по волѣ Бога всемогущаго *. Не удивляюсь я что

* Кодексъ Θεοδοσία L. XIII.

воображеніе древнихъ, представлявшее самую истину въ фантастическихъ образахъ, окружило идею основанія города множествомъ видѣній, предсказаній и пророческихъ словъ *.

Константину нужно было новое поле для воздѣлыванія новыхъ идей, иной вѣры. Старый языческій Римъ и Никомедія были ему непріязнены. Онъ хотѣлъ создать городъ на мѣстѣ прежней Трои; воспоминанія историческія увлекали его воображеніе; но можетъ быть потому, что съ ними были также соединены воспоминанія древняго язычества, можетъ быть по невыгодному положенію мѣста, слишкомъ открытаго съ восточной стороны для внезапнаго нападенія непріятели, онъ оставилъ это мѣсто. Случайно пріѣхалъ онъ въ небольшую греческую колонію, извѣстную подъ именемъ Византіи; истомленный путешествіемъ, онъ уснулъ, занятый своею любимою идеею основанія новаго города. Тутъ-то представился ему геній Византіи въ образѣ старухи, которая передъ нимъ преобразилась въ полную жизни и красоты дѣвственницу. Константинополь прикрылъ ее своею порфиною и короною и она просіяла счастіемъ.—Знаменіе не легко было истолковать, и Императоръ основалъ тутъ свою столицу.—Съ-тѣхъ-поръ геній Константинополя давно уже одряхлѣлъ и сиротствуетъ на семи холмахъ его, ожидая своего преображенія.

Константинъ даровалъ переселенцамъ въ свою новую столицу права жителей Италіи **, назвалъ ее старшею дочерью Рима ***, а во время празднества десятилѣтія ея существованія возвелъ на степень втораго Рима ****, но имя Константинополя, имя Царьграда осталось за нею и въ позднемъ потомствѣ.

Смеркалось. Трудно было оторваться отъ великолѣпной картины. Принцовой острова остались уже позади насъ и своими живописными контурами напоминали острова Неаполитанскаго залива. Наконецъ и они стали пропадать въ дали, во тьмѣ ниспускающейся ночи. Оставался одинъ Олимпъ, котораго снѣжная вершина

* Гильомъ Мальнебури.

** Кодексъ. Феодосія.

*** Юліанъ (orat. 1.)

**** Сазонсъ (I II и 2.)

долго свѣтилась передъ нами какъ маякъ, и тотъ исчезъ. Я посмотрѣлъ впередъ: кругомъ море; азіатскіе берега не далеко, но они низменны и ночью не видны.

Рано утромъ мы вѣхали въ Дарданельскій проливъ. Какъ можно съ нимъ сравнить Босфоръ! Берега Босфора покрыты крѣпостями, дворцами, загородными домами, кіосками; берега Босфора оживлены, чудный Босфоръ! Берега Дарданеловъ дики, пустынны. Дарданельскій проливъ нѣсколько длиннѣе Босфора; и только у устья его есть нѣсколько укрѣпленій, и тѣ очень дурно содержатся. И теперь еще услышите здѣсь общее мнѣніе, что Дарданелы не проходимы. А давно ли (въ 1807 году) Англичане прошли черезъ нихъ съ небольшою эскадрою, не потерявши и двадцати человекъ, и стали противъ Константинополя, угрожая ему бомбардированіемъ. Они предлагали самыя унижительныя условія, не имѣя ни одного баталіона десантнаго войска, чтобъ подкрѣпить свои усилія. За всѣмъ тѣмъ испуганный Селимъ и народъ готовы были согласиться если не на все, то на многое, чтобы только избавиться отъ бомбардированія, но французскій посланникъ удержалъ его, представивъ въ настоящемъ видѣ состояніе эскадры. Со своими офицерами онъ вооружилъ городъ и укрѣпленія, и Англичане ушли съ тѣмъ же съ чѣмъ пришли, во все таки ушли не смотря на всѣ усилія французскихъ инженеровъ остановить ихъ своими батареями, потерявъ на обратномъ пути нѣсколько больше людей, и доказавъ, что пока Дарданелы въ рукахъ Турокъ, до тѣхъ поръ они очень проходимы для смѣлыхъ и опытныхъ моряковъ.

Е. КОВАЛЕВСКІЙ.

=

ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ. }

=

ВЕНЕЦІА, 1847.

=

I.

Тріестъ я видѣлъ мелькомъ. Голубое море, ослепительныя отблески горъ, чудный блескъ воздуха и чудный мракъ женскихъ глазъ—все слишкомъ напоминаетъ здѣсь о сосѣдствѣ Италіи. На душѣ становится какъ-то свѣтлѣе и теплѣе: о Тріестѣ нѣкогда и подумать.

Мы были на пристани вмѣстѣ съ первыми, розовыми лучами солнца, и довольно холодно разставались съ бѣлою набережною Тріеста.

Адріатическое море, освѣщенное этимъ блистательнымъ утромъ юга, обольстительно манило насъ въ голубоватые туманы своей дали, за которыми скрывалась поэтическая земля.

Адріатическія волны—это лазурь съ изумрудными отливами. Я пожалѣлъ, что съ нами не было Айвазовскаго: онъ одинъ сумѣлъ-бы удивить на полотно эту роскошную волну, пронизанную золотистыми утренними лучами. Мы плыли, не теряя изъ виду береговъ Венеціанскаго залива. Необыкновенная прозрачность воздуха казала эти фіолетовые холмы обманчиво близкими. На палубѣ парохода звучалъ уже мелодическій языкъ Петрарки.... впрочемъ еще не безъ притѣси языка Карла Штрекфуса.... Около полудня, черноглазая сенья Моргана, околдованная всѣхъ пассажировъ, произнесла на-

гическое слово—Venezia! И чародѣйскій городъ, какъ-будто вызванный съ морскаго дна, уже выдвигалъ изъ волнъ свои башни и куполы. Навстрѣчу намъ неслись желтые и алые паруса: это были не побѣдоносныя галеры святаго Марка, а мирныя ладьи рыболововъ. Стѣры форта Лидо приветствовали насъ выстрѣлами. Эти мщистыя стѣны не хуже гряды гранитныхъ скалъ выдерживаютъ натискъ валовъ не всегда ласковой Адриатики.

Пароходъ нашъ вошелъ въ зеленноватые воды лагуны. Дворцы и храмы посерединѣ моря.... Колонны, аркады, встающія изъ волнъ.... Море, наполнившее улицы, волнующееся подъ балконами, у подножія перистилей.... Мнѣ казалось, что я очутился въ центрѣ совершенно новой, своеобразной цивилизаціи.

Черныя гондолы съ желѣзнымъ зубчатымъ носомъ, скользящія по водянымъ улицамъ; тишина, необыкновенная въ большомъ городѣ; фантастическая архитектура зданій, омываемыхъ волнами; поэтическое небо, цвѣту свѣжей сирени; какая-то упоительная мягкость воздуха — все это дѣйствуетъ на воображеніе съ поразительностью миража, съ причудливостью грезы. Очарованіе было-бы полное, еслибъ не вредило ему наше знакомство съ синьоромъ Каналетти.... Кто же, съ перваго взгляда, не узнаетъ Венеціи? Вотъ ея арабскія аркады, ея византійскіе куполы, обличающіе вліяніе Востока. Вотъ набережная Славянъ, живописная смѣсь халифской роскоши и ладзаронской нищеты.... Вотъ дворецъ дождей, великолѣпнѣйшій чертогъ, оставленный намъ средними вѣками. Трудно защититься отъ томительнаго раздумья, въ ту минуту, когда пароходъ останавливается передъ этимъ дивнымъ мраморнымъ ковчегомъ, въ которомъ хранится слава и позоръ венеціанской республики.... Деспотически тяготеетъ эта громадная узорчатая стѣна надъ двумя ярусами тонкихъ, хрупкихъ колоннъ, точно сильная своимъ единствомъ каста патриціевъ, подавлявшая систематически разъединенныхъ гражданъ.

Мостъ—Вздоховъ—это изящный мраморный саркофагъ, висящій высоко надъ каналомъ и связывающій темницу съ дворцомъ. Дворецъ, опирающійся на темницу!—вотъ формула старинной венеціанской политики.

Глубокая грусть, наперекоръ восторгу, неожиданно нале-

гасть на сердце, когда увидишь этотъ великолѣпный, но мрачный, меланхолическій городъ. Венеція свое существованіе считаетъ не годами, а столѣтіями. Время наложило на эти камни свой неподражаемый колоритъ, сообщило зданіямъ торжественный характеръ гробницъ, дворцы превратило въ навзолен.

Вотъ почему ни одна картина не даетъ настоящаго понятія о фізіономіи современной Венеціи. Рѣдкій живописецъ рѣшится на состязаніе съ такимъ колористомъ, каково время. Художнику легче представить Венецію молодою, кокетливой синьорой.... И вотъ мы заочно, по этому блестящему портрету, влюбляемся въ красавицу: мы знаемъ, до какой степени она любила славу, пышность, независимость; знаемъ, какъ она любила повеселиться и помучить.... Тринадцать вѣковъ свободы, могущества, богатства вытѣсняють изъ нашей головы всякую мысль о нищетѣ, о разрушеніи, объ унынїи.... Судите-же, какъ прискорбно увидѣть “царицу Адриатики”, поблекшую, обнищавшую.

Обветшалое великолѣпіе Венеціи—печальнѣе запустѣнія римскаго поля. Перекрытая чернымъ сукномъ какта гондолы, въ которую я помѣстился, была подъ цвѣтъ моихъ мыслямъ.... Группы этихъ пловучихъ гробовъ тѣснились у мраморныхъ ступеней пристани, гдѣ я вышелъ на каменный паркетъ Пьяцетты, между тѣхъ двухъ гранитныхъ колоннъ, которыхъ такъ страшилась прежняя Венеція.

Крылатый левъ, какъ въ дни своего величія, красуется на вершинѣ пирейскаго стержня, хотя при странствїи своемъ въ Парижъ вырвали изъ лапы священную книгу. Статуя Св. Феодора, поражающаго копьемъ крокодила, занимаетъ прежнее мѣсто на капители своей колонны, хотя старинный патронъ Венеціи давнымъ давно забытъ въ народѣ.

Красота Пьяцетты невообразима. Слѣва—мраморное зданіе съ роскошными аркадами, съ рядомъ статуй, рисующихся на голубизнѣ воздуха: это бібліотека, воздвигнутая сенатомъ республики. Геніальный Сансовино создалъ достойный прїютъ для твореній Гомеровъ и Аристотелей. Справа—второй фасадъ дворца дожей: таже узорчатая стѣна изъ плитъ бѣлаго и розоваго мрамора, тотъ-же великолѣпный готическій бал-

конь съ рельефными арабесками и статуями, тѣ-же фронты колоннъ безъ базъ, точно выросшія изъ земли мраморныя пальмы. Но мраморъ до-того закопченъ, что съ трудомъ можно разсмотрѣть всю тонкость, все изящество работы художественнаго рѣзца, который изъ каждой капители изсѣкъ гирлянды морскихъ растений, статуэтки моряковъ, играющихъ на мандолинѣ, птицъ, обвитыхъ гротесками.

Глубину Пьяцетты занимаетъ боковой фасадъ знаменитаго венеціанскаго собора, носящій на себѣ всѣ признаки недокончанности.

Но слѣды архитектурной роскоши, баснословнаго богатства древней Венеціи — здѣсь на каждомъ шагѣ. Поглядите на пышныя готическія ворота дворца, или на этотъ храмикъ, напротивъ ихъ, одѣтый дорогими восточными мраморами, обнесенный маленькой бронзовой рѣшеткой, — родъ католической часовни съ мнѣологическими статуями.... Этотъ миниатюрный портикъ маскируетъ основаніе громадной башни Св. Марка, которая, какъ почти всѣ колокольни въ Италіи, стоитъ отдѣльно отъ собора.

Я на площади Св. Марка... Шагаю по камнямъ, выложеннымъ сандаліями десятковъ поколѣній; по этой мостовой прошли почти всѣ великіе люди — отъ Рафаэля до Кановы, отъ Нетрарки до Байрона, отъ Петра Перваго до Наполеона.

Полу-восхищенный, полу-опечаленный стоялъ я посередѣ этой великолѣпной, но монастырски-тихой площади. Группы пѣшеходовъ на мостовой, вереницы голубей въ воздухѣ — вотъ въ чемъ оказывалось все движеніе венеціанскаго форума. Почернѣвшія зданія старинныхъ прокурацій, съ своими аркадами, завѣшенными отъ солнца синими полинявшими драпировками, показались мнѣ жилищемъ — не улыбчивыхъ Венеціанокъ — а какихъ-то молчаливыхъ, унылыхъ призрановъ....

Базиллика св. Марка, раззолоченная яркимъ майскимъ солнцемъ, показалась мнѣ баснословнымъ чертогомъ фей. Блестательно, горячо, но также и слишкомъ богато воспоминаніями, было восбращеніе, нарисовавшее фасадъ этого роскошнаго зданія. Вообразите древнюю базилику св. Софій, полупревращенную и въ мечеть и въ латинскую церковь и въ волшебный теремъ арабскихъ сказокъ.... Въ этой архитектурѣ, къ

готическимъ легендамъ привиты всѣ своенравныя азійскія фантазіи. Фасадъ св. Марка — это пышная восточная поэма, вереложенная на игривое венеціанское нарѣчіе.

Колонны на колоннахъ, арки надъ арками—и все это разноцвѣтный мраморъ, порфиръ, серпентинъ; въ нишахъ—мозаическія картины, еще блестящія всею роскошью венеціанскихъ красокъ; надъ главнымъ входомъ—четыре бронзовые коня, какъ на триумфальной аркѣ; надъ ними крылатый левъ (ярко подзолоченный въ новѣйшее время) въ лазурномъ полѣ, усыпанномъ звѣздами; и весь этотъ цвѣтистый, причудливый фасадъ увѣнчанъ бѣломраморными фестонами фризомъ, съ рядомъ статуй, бѣлющихъ въ воздушной синевѣ.... Волшебное зданіе! Но смиренномудрому св. евангелисту Марку показалось-бы оно капищемъ Ваала или чертогомъ царей ассирійскихъ....

Въ самомъ дѣлѣ, странно видѣть эти затѣйливые кресты съ флюгерами, надъ куполами Божьяго дома.

Таковъ фасадъ венеціанской базилики. Войдите въ широкую галерею паперти, — сцена измѣняется: вы объяты сумракомъ и средневѣковымъ мистицизмомъ.... Со сводовъ, окованныхъ мозаиками, глядятъ на васъ почернѣвшія библейскія изображенія. Византійская сухость рисунка, мертвенность колорита этихъ колоссальныхъ фигуръ особенно поразительны послѣ блистательныхъ картинъ фасада, гдѣ мозаикой передана вся роскошь, вся мягкость венеціанской кисти. Вы догадываетесь, что эти картины отдѣлены однѣ отъ другихъ не только стѣнами, но и столбѣями.

Бронзовыя двери базилики — настѣжь съ утра до заката. Услужливый нищій не преминетъ приподнять для васъ тяжелую кожанную завѣсу—и вы въ храмъ. Мѣдный крестъ, унизанный шкаликами — вотъ паникадило этого святилища. Мѣстами, массивныя серебряныя лампы мерцаютъ мелкими огоньками, между которыми замѣтно нѣсколько алыхъ. Куполы, своды пестрѣютъ мозаиками, точно обитые разноцвѣтными индійскими тканями. Легіоны ангеловъ и первобытныхъ чело­вѣковъ толпятся здѣсь надъ вами, въ золотомъ полѣ.

Эта византійская живопись, эти греческія иконы на золотомъ грунтѣ заставили-бы васъ подумать, что вы въ Крем-

лѣ или въ Кіевѣ, если-бъ многія изъ мозаикъ не обличали мастерскихъ картоновъ Тиціана, Тинторетта, Веронеза; если-бъ стѣны не были сверху до низу одѣты восточными мраморами; если-бъ каѳедры поддерживались не порфиrowыми столбами; если-бъ, наконецъ, подѣ ногой вашей не было мозаическаго пола, этого мраморнаго ковра, вышитаго порфиrowыми, яшмовыми, малахитовыми букетами.

При всемъ томъ, венеціанскій соборъ пробуждаетъ болѣе воспоминаній о Византіи, чѣмъ о Римѣ. Этотъ латинскій храмъ построенъ греческимъ крестомъ; рядъ колоннъ, за которыми находится главный престолъ, напоминаетъ иконостасъ; на престолѣ, между вазами цвѣтовъ, красуются царградскіе кандѣлабры; мраморный балдахинъ надъ нимъ опирается на четыре столпа, греческаго мрамора, сверху до низу изсѣченные не столько геніяльнымъ, сколько терпѣливымъ рѣзцомъ художниковъ, учившихся въ Константинополѣ среднихъ вѣковъ. За престоломъ мерцаетъ *pala d'oro*, большой византійскій кивотъ, съ эмалевыми изображеніями почти всѣхъ лицъ священной исторіи. Золотыя рамки, которыми раздѣлены между собою эти миниатюрныя иконы, осыпаны крупными жемчужинами, изумрудами, рубинами, топазами, яхонтами.... Есть чѣмъ расшевелить грубѣйшее воображеніе.... Недаромъ базилика названа „золотою церковью“, *chiesa aurea*.

Никакой храмъ не представляетъ этого тѣснаго сближенія латинскихъ понятій съ греческими. Италия и Греція положили здѣсь основаніе своему примиренью — въ области искусства. Базилика св. Марка — настоящій архитектурный символъ этого соединенія. Почему-бы, въ-самомъ-дѣлѣ, подобная мысль не могла руководить зодчаго, который такъ смѣло сочеталъ ломбардскій стиль съ византійскимъ, и даже не побрезгалъ заимствовать изящное въ мірѣ мусульманскомъ и въ мірѣ античномъ.

Но, венеціанскіе строители не ограничились этимъ, всегда впрочемъ гармоническимъ, сліянiемъ всѣхъ архитектуръ, всѣхъ стилей: они собирали самые камни всѣхъ вѣковъ, остатки всѣхъ цивилизацій, стараясь снова употребить ихъ

въ дѣло. Вотъ порфироваѣ колонна изъ храма Соломонова; вотъ церковная утварь, вотъ цѣлая бронзовая дверь Софійской базилики. Здѣсь нѣсколько колоннъ — изъ какой-то мечети; тамъ нѣсколько мраморовъ — изъ какого-то античнаго капища. На фасадѣ вы видѣли католическихъ святыхъ, опирающихся на саррацинскія арки; здѣсь — порфировой чашѣ со святой водой, служить пьедесталомъ языческой жертвенникъ, на которомъ античный рѣзецъ изобразилъ трезубцы и дельфиновъ.... Странная амальгама поражаетъ ваше воображеніе.

Эта богатая коллекція разноцвѣтныхъ колоннъ, бронзовыхъ статуэтокъ и барельефовъ; порфиръ и яшма — подъ ногами; золотые своды, нескончаемыя мозаики — надъ головой; драгоценныя каменья, сверкающіе въ полусумракѣ — все это превращаетъ венеціанскую базилику въ чертогъ какого-то волшебника. Здѣсь цѣлый музей сокровищъ.

Республика пріобрѣтала ихъ и золотомъ и мечомъ. Послѣ каждой войны, послѣ cadaго трактата, галеры возвращались въ лагуны — не безъ даровъ своему патрону: были-ли тѣ кости мучениковъ или античныя барельефы, порфировыя колонны или бронзовые кони.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, мирныя купцы облакаются въ панцири; кадуцею промѣняли на мечъ. Побѣдоносный левъ св. Марка истребляетъ флоты Саррациновъ и часто приноситъ своему патрону трофеи, обрызганные кровью. Такимъ способомъ, при осадѣ Акры добыто нѣсколько остатковъ отъ Соломонова храма.

Но драгоценнѣйшими своими украшеніями св. Маркъ, безспорно, одолженъ тринадцатому вѣку, ознаменованному завоеваніемъ Царяграда.

Всѣ плачевныя факты знаменитаго Крестоваго похода, двинувшагося изъ Венеціи, остались въ исторіи рядомъ съ подвигами рыцарской храбрости. Венеціане были, прежде всего, купцы, и потомъ уже христіане; не имѣя намѣренія отдавать свой флотъ въ распоряженіе крестоносцевъ, безмездно, Венеціане хитро уклонились отъ религіозной цѣли похода, и направили его къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ. Мечи христіаннѣйшихъ рыцарей, вмѣ-

сто освобожденія Іерусалима, содѣйствовали порабощенію Византіи....

Сколько памятниковъ античнаго искусства было собрано въ столицѣ восточной имперіи — ничто не пощажено: металлъ былъ стопленъ въ слитки, мраморъ разбитъ. Юпитеръ Олимпійскій, Фидіаса, Венера Гнидская, Праксителя, погибли невозвратно.

Крылатому льву досталась львиная доля военной добычи. Мстивый дождь Дандоло выслалъ въ Венецію множество сокровищъ ограбленной Византіи, и между прочимъ, четыре бронзовые коня, съ константинопольскаго гипподрома, которые поставлены надъ главнымъ входомъ базилики, какъ трофеей побѣды надъ триумфальной аркой.

Отъ Августа до Наполеона, не помню триумфатора, не пригавшаго этихъ коней въ свою квадригу.

Плаваніе по Архипелагу, разграбленіе Смирны, доставляли средства къ вербовкѣ этого множества дорогихъ мраморныхъ и порфировыхъ колоннъ, которыхъ густые ряды сообщаютъ такую оригинальную фізіономію фасаду базилики. Нѣкоторые изъ трофеевъ, какъ напримѣръ двѣ коптскія плиты, исторгнутыя изъ святилища Саабы, или загадочная порфировая группа, не нашли себѣ мѣста въ католическомъ храмѣ и оставлены внѣ стѣнъ его. Съ пятнадцатаго вѣка, Востокъ уже перестаетъ быть данникомъ св. Марка. Венеціанскія эскадры, въ битвахъ съ Турками были далеко не такъ счастливы, какъ въ нападеніяхъ на греческую имперію. Притомъ, Італія уже сама пыталась вступать въ соперничество съ образцами античнаго искусства. Довершеніе базилики было наконецъ ввѣрено гению національному. Даровитый Сансовино создавалъ статуи изъ мрамора и бронзы; двадцать лѣтъ трудился надъ чеканкою бронзовой двери, на которой, между фигурами католическихъ святыхъ, помѣстилъ, въ знакъ дружбы, бюстикъ весельчака Аретино. Тиціанъ писалъ дивные картоны; братья Цуккато увѣковѣчили ихъ мозаикой. Эти дивныя работы завершаютъ собою рядъ мозаическихъ картинъ, изъ которыхъ многія восходятъ до десятаго вѣка. Такимъ-образомъ, можно сказать, что венеціанская базилика представляетъ намъ всю исторію живописи

среднихъ вѣковъ. Въ пользу намѣревающихся изучать этотъ живописный курсъ, расположенный изрядно высоко подъ сводами и куполами, не мѣшаетъ замѣтить то обстоятельство, что, послѣ немногихъ дней подобнаго изученія, каждый адептъ достигаетъ состоянія, въ какомъ находился Микель-Анджело, только-что покрывшіи творческими фресками своды Сикстинской капеллы: шейные мускулы рѣшительно одеревенѣютъ. Когда голова ваша, обращенная горѣ, утомится, съѣзую, для отдохновенія, опустить ее долу. Мозаическій полъ базилики тоже достоинъ вниманія. Что за персидская затѣйливость узоровъ! Тутъ найдете орловъ, грифовъ, павлиновъ съ разноцвѣтными хвостами; причудливые гротески, и посреди ихъ херувимовъ съ мусикійскими орудіями....

Этотъ неподобный мраморный коверъ избугренъ пятами нѣсколькихъ поколѣній. По-настоящему, молещикамъ слѣдовало-бы оставлять свои сандалии у порога. Этотъ восточный обычай былъ-бы здѣсь по-крайней-мѣрѣ столько-же уместенъ, сколько всѣ другіе остатки мусульманской цивилизаціи.

Одна прелестная Венеціанка, часто блуждавшая со мною по этимъ неподвижнымъ мозаическимъ зыбямъ, премило истолковала мнѣ ихъ аллегорическое значеніе. Она говорила: „Вы въ храмѣ моряковъ. Этотъ волнообразный помостъ — изображеніе любимой стихіи Венеціанъ. Это — каменное море, взволнованное вѣками. Прелестная Венеціанка умѣетъ опоттѣзировать.... даже неровно-осѣвшій фундаментъ.

Окончательной отдѣлкой своей венеціанскій соборъ немало одолженъ благочестивымъ покойникамъ. Я хочу сказать, что было время, когда богатые грѣшники наперерывъ откупали себѣ могилы въ склепахъ базилики, и не смотря на страшныя цѣны, грозились превратить ее въ кладбище.

Боковая галлерей наперти уставлена каменными гробами, вышощена надгробными плитами, но всѣ эти рельефныя изображенія усонихъ, эти пожелтѣвшія мраморныя лица, о которыя нещадно шаркаютъ каблуки прихожанъ, далеко не похожи на барельефы античныхъ саркофаговъ, какіе привлекутъ къ себѣ ваше вниманіе въ Ватиканѣ или въ галлеяхъ пизанскаго *cambr-santo*. Языческіе гробы, оббитые

плящомъ Вакха или ширтами Венеры, до того изящны, что католическіе епископы, нимало не колеблясь, ложились въ нихъ на покой вѣчный.

Сокровищница св. Марка хранить за своими надежными рѣшотками множество рѣдкостей, которыхъ цѣнность, а часто и подлинность, подлежатъ большому или меньшему сомнѣнію. Вѣрно только то, что въ древніе вѣки, въ эпоху суевѣрія и фанатизма, Венеція привлекала орды пилигримовъ, съ ихъ приношеніями.... И все это не мѣшало Венеціи быть маскарадной залой, игорнымъ домомъ, эротическимъ будоаромъ Европы....

II.

Дворецъ дожей, своей арабской архитектурой, переноситъ васъ на Востокъ. Двѣ цитеры посреди двора его напоминаютъ пустыню. На краю этихъ великолѣпныхъ водоемовъ воркуютъ голуби, а черпающіе воду небрежно ударяютъ своими мѣдными сосудами по прекраснымъ барельефамъ, отличающимся самой мастерской чеканкой. Все свидѣтельствуетъ здѣсь о колоссальной роскоши республиканцевъ. Этотъ дворецъ представляетъ блистательнѣйшую архитектурную декорацію: вообразите два яруса аркадъ и надъ ними стѣну, сплошь покрытую барельефами, окна, обвитыя гротесками, гирляндами; цѣлый фасадъ изъ ослѣпительно-бѣлаго мрамора. Это одно изъ тѣхъ зданій, какими поэты, въ пароксизмѣ любви и бреда, надбляютъ своихъ Лауръ.

Съ неизяснимымъ смущеніемъ ступилъ я на бѣломраморныя ступени Лѣстницы-Гигантовъ.... На вершинѣ меня встрѣтили колоссы Нептуна и Марса, символы власти Венеціанъ на морѣ и на сушѣ, символы, пережившіе могущество народа....

Вѣка накинули на эти статуи свою сѣрую хламиду, а путешественники изцарапали мраморъ своими іероглифами: эти любители безсмертія прицѣпляютъ свое маленькое имя ко всѣмъ великимъ памятникамъ; неумолимые гвозди ихъ готовы изрыть роскошный торсъ Венеры клеоменовой, лишь-бы она помнила, что ей сдѣланъ эстетическій визитъ.

Долго стоялъ я тутъ, опершись о мраморное кружево ба-люстрадъ, стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ былыя вре-мена, новозбранный дожъ принималъ отъ сената *сogno du-cale*, золотую шапку, осыпанную дорогими каменьями.

Поэтическія легенды прославили это крыльцо трагической кочинной Марино Фальеро. Но стоитъ только заглянуть въ венеціанскія хроники, чтобъ убѣдиться въ несообразности этого сказанія. Лѣстница — Гигантовъ построена почти че-резъ полтора столѣтія послѣ казни Марино-Фальеро! Не только лѣстница, но и весь флигель, къ которому она при-ключаетъ. Самая свѣжесть мрамора могла-бы, въ этомъ случаѣ, служить достаточнымъ аргументомъ. И все-таки Бай-ронъ обезсмертилъ въ своей драмѣ вопіющій анахронизмъ, а сотни туристовъ готовы клясться, что видѣли на сту-пеняхъ даже историческія пятна крови.

Минувшая слава, минувшая пышность Венеціи еще не по-меркли во дворцѣ дожей. Не возможно вступить въ этотъ великолѣпный чертогъ среднихъ вѣковъ, не возможно поды-маться по Золотой-Лѣстницѣ, не волнуясь сильно воспомина-ніями, хотя подновленные стюки и арабески разрушаютъ пол-ноту очарованія.

Въ глубокомъ раздумьи шагаль я по параднымъ заламъ стариннаго дворца. Мысль о величїи здѣсь неотразимо спле-тается съ мыслью о тиранствѣ. Огромныя стѣны исчезаютъ подъ безсмертными полотнами и фресками Тиціана, Тинто-ретта, Павла Веронскаго, Пальмы; почти каждая картина ис-полнена гордаго патріотизма; подъ сладостною кистью вене-ціанскихъ мастеровъ даже аллегорія утрачиваетъ сродную се-бѣ холодность. Но изъ многихъ оконъ дворца видна мрач-ная стѣна тюрьмы, съ таинственнымъ Мостомъ-Вздоховъ.... Грандіозность залы Большаго-Совѣта—выше всякаго ожида-нія. Вообразите чертогъ, расписанный Тиціаномъ, Вероне-зомъ: убранный стюками, орнаментами — Палладія, Сансовино; залу, гдѣ даже надъ рѣзбой дверей, надъ изсѣченіемъ ками-новъ трудились Скамоцци, Кампанья, Аспетти и цѣлая фа-ланга даровитѣйшихъ художниковъ.

Передъ вами всѣ блистательныя страницы венеціанской ис-торїи: вотъ битва съ Турками, вотъ взятіе Смирны; здѣсь—

завоеваніе Константинополя, тамъ—дожъ Дандоло, отвергающій императорскую корону. Это цѣлая историческая панорама.

Громадный плафонъ блещетъ золотомъ и лучезарными создавленіями венеціанской школы. Всѣ эти геніяльныя картины, какъ драгоценныя камни, оправлены въ великолѣпныя гирлянды золоченыхъ арабесковъ. Подъ самымъ карнизомъ, кругомъ всей залы, бордюръ изъ портретовъ: эти гордые лица съ сѣдыми бородами, все это лица древнихъ правителей морской столицы. Между ними нѣтъ только первоначальнаго хозяина дворца... Пустая рама съ чернымъ покрываломъ и съ надписью, безпощадно напоминаетъ посѣтителю о казни Марино-Фальеро.

Не нашелъ я также портрета послѣдняго дожа, Луиджи М.нини, который въ маѣ 1796 года совершилъ послѣднее обрученіе съ моремъ... Но это слабое существо въ исторіи будетъ памятно развѣ только какъ свидѣтель паденія республики.

Я вышелъ на балконъ—разсѣять эти меланхолическія размышленія. Какъ прозрачно показалось мнѣ голубое небо, какъ весело-свѣтлы солнечныя искры, сверкавшія на зеленыхъ волнахъ; какой теплый воздухъ пахнулъ мнѣ въ лицо съ Адриатическаго моря. Мнѣ показалось даже, что и набережная Славянъ необыкновенно оживлена торговою дѣятельностью. Пестрые флаги, цвѣтныя паруса барокъ и тендеровъ, рѣзвились въ воздухъ, подъ присмотромъ чернаго австрійскаго фрегата, молчаливо стоявшаго поодаль.... За широкимъ протокомъ лагуны, блисталъ на солнцѣ изящный храмъ, образецъ Палладіева творчества. Но вниманіе мое, привлеченное блескомъ всей этой панорамы, не пропустило и красоты балкона, на которомъ я стоялъ, изящества, съ какими изящныя изъ мрамора каждая статуя, каждый гротескъ, каждая балюстрада.

Тронъ дожа, окамы патриціевъ давно исчезли изъ залы Большаго-Совѣта. Здѣсь воцарились музы: сюда перенесена, изъ роскошнаго зданія Самсоново, бібліотека св. Марка, основанная Петраркой. Изящныя шкафы деревянаго книгохранилища совершенно теряются въ этой гигантской залѣ. Осемь-

сотъ членовъ совѣта, собиравшагося здѣсь обыкновенно по воскресеньямъ, могли не стѣняясь разсуждать о предпріятіяхъ, каково напримѣръ завоеваніе Морен или Кипра.

Оружія имѣть при себѣ не дозволялось. Но патриціи, догадываясь, что не всѣ ихъ рѣшенія могутъ нравиться другимъ кастамъ, озаботились устройствомъ въ сосѣднемъ залѣ цѣлаго арсенала, гдѣ, на всякій случай, хранилось оружіе даже заряженное.

Плафонъ залы Совѣта Десяти справедливо считается великолѣпнѣйшимъ въ Италіи. Но единственный способъ наслаждаться этими мастерскими произведеніями венеціанской кисти — смотрѣть на нихъ, лежа на кушеткѣ; иначе, физическое утомленіе головы скоро превозможетъ всякое эстетическое наслажденіе.

Въ залѣ, называемой Anti-Collegio, я по цѣлымъ часамъ любовался извѣстною картиною Павла Веронскаго „Похищеніе Европы“. Финикійская нимфа, являющаяся въ венеціанскомъ костюмѣ, исполнена такой живой прелести, такого обаянія, что вы не только забываете анахронизмъ художника, но готовы даже забыть всѣхъ венеціанокъ, встрѣчавшихся вамъ на площади св. Марка.

Зала, гдѣ дожи принимали пословъ, сохранилась въ прежнемъ видѣ. Здѣсь роскошь, блескъ, позолота, бархатныя кресла; каждая картина, каждый орнаментъ выражаетъ могущество республики, надменность патриціевъ.... Кто-бы подумалъ, что опора этого могущества находилась въ двухъ шагахъ отсюда, въ злобщей хранилѣ, обитой вѣчнымъ трауромъ, гдѣ засѣдали три инквизитора, таинственные и безпощадные, какъ судьба. Распятіе, символъ несправедливой казни, было зеркаломъ этого трибунала. Убѣжище инквизиторовъ давно лишено своей грозной фізіономіи, но, едва вхожу сюда, воображеніе мое наполняется трагическими призраками....

Въ залѣ dei Pregadi сохранились сѣдалища сенаторовъ. Но прискорбно вспомнить, что изъ двухъ-сотъ сенаторовъ, совѣщавшихся здѣсь по случаю постыдныхъ условій мира, предложенныхъ генераломъ Бонапарте, — только семеро, и тѣ не открытымъ протестомъ, рѣшились противиться малодушной

сдачь. Венеція завоеванная, быть-можетъ, возбуждала бы сожалѣніе; Венеція сдававшая возбуждаетъ презрѣніе.

Сердце ваше переполнится отвращеніемъ, когда взоръ нечаянно упадетъ на иззубренные щели, которыя нѣкогда были украшены бронзовыми львиными пастьми, куда опускались безыменныя доносы.

Всѣ сокровища искусства, всѣ блестящія страницы венеціанской исторіи едва-ли могутъ искупить вѣроломство этой политики, съ ея переодѣтыми сбирами, съ легионами шпіоновъ, съ ея пытками и темницами, съ безответственнымъ судомъ и скоропостижною казнью.

Въ одномъ изъ покоевъ дворца мнѣ указали дверь, грозную въ лѣтописяхъ венеціанской инквизиціи: это входъ въ крытую галерею, висящую высоко надъ водой и прославленную подъ названіемъ Ponte di Sospiri.

По таинственному Мосту-Вздоховъ я намѣревался проникнуть въ массивное и, вмѣстѣ, изящное зданіе темницъ, отдѣляющееся отъ дворца узкимъ каналомъ; но переправа черезъ этотъ Стиксъ инквизиціи давно прекращена. Знаменитыя своими ужасами темницы таятся въ стѣнахъ самаго дворца, какъ гнусныя страсти въ сердцахъ блестящаго патриція. Въ анфиладахъ пышныхъ залъ тѣснились чудеса искусства, красота, наслажденія жизни; а надъ этими плафонами, блестящими роскошною фантазіей художниковъ,—въ свинцовыхъ чердакахъ, стонали государственные преступники; въ часы пировъ, часто, въ склепахъ, подъ ногами танцующихъ, гибли тайныя жертвы аристократическаго деспотизма.

Я посѣтилъ эти склепы: они довольно метко названы „колodцами“, rozzi. Факель проводника боролся съ глубокой темнотою, бросая трепетное сіяніе на почернѣвшія кирпичныя стѣны, когда мы спускались по узкой лѣстницѣ. Въ стѣнахъ тѣсныхъ корридоровъ чернѣютъ отверстія: десятилѣтнее дитя не пройдетъ въ нихъ, не сгорбившись. Съ трудомъ я пробрался въ одну изъ этихъ душныхъ могильныхъ келлій. Затворы, желѣзныя рѣшетки—давно отсюда исчезли. По стѣнамъ еще видны обгорѣлые остатки деревянной обшивки, предохранявшей узниковъ отъ сырости. Венеціанская чернь, при помощи Французовъ, очистила огнемъ свою бастилію.

Кирпичная койка, крытая деревомъ, круглое отверстіе, родъ бойницы, въ корридоръ, куда днемъ свѣтъ проникалъ сквозь рѣшетки оконъ, нынѣ задѣланныхъ, и гдѣ по вечерамъ ставился ночникъ,—все это нельзя сказать, чтобъ было слишкомъ жестоко для квартиры, назначавшейся бандитамъ, фальшивымъ монетчикамъ и убійцамъ.

Нѣсколько ступеней ниже — темницы тѣхъ несчастныхъ, которые рѣшались протестовать противъ насилія жестокихъ олигарховъ. Здѣсь пахнетъ сырой могилой. Законъ, освобождавшій патриція отъ тѣлеснаго наказанія, не возбранялъ бросить его въ эту нору, гдѣ можно сгнить заживо, откуда если и выходить, такъ навѣрно согбенными, недужными на всю жизнь. И это не считалось тѣлеснымъ наказаніемъ! Злополучные узники, часто брошенные въ этотъ гробовый склепъ, по безыменному доносу какого-нибудь личнаго врага, или просто шпиона, опасавшагося лишиться жалованья, — томилась здѣсь многіе годы. Почернѣвшія стѣны изцарапаны надписями. Я прочиталъ ихъ. Мысль, начертанная какимъ-нибудь страдальцемъ на темничной стѣнѣ, осталась единственной его эпитафіей. Помнится, одна изъ нихъ начинается изреченіемъ—*Non ti fidar ad alcuno, pensa e taci...*

Я побылъ нѣсколько минутъ въ кельѣ, гдѣ осужденные проводили послѣдніе двадцать-четыре часа своей жизни. Вотъ другая коморка, куда въ полночь являлся монахъ, вѣстникомъ душегубства.

Я стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ узникъ садился на табуретъ, прислонялъ голову къ вдѣланному въ стѣну инструменту и дыханіе пациента прерывалось на-вѣки.

Дверь тихо отворялась на каналъ, выносили безобразный вѣшокъ, и таинственная гондола, при лунномъ сіяніи, отплывала въ каналъ Орфано. Покушеніе закинуть въ его струи неводъ—наказывалось смертю.

Piombi, темницы подъ свинцовою крышею дворца, нынче выкрашены и утратили свою зловѣщую наружность. Если бы намъ не указывали на слуховое окно, откуда ускользнулъ вѣтренникъ Казанова, вы бы и не подумали, что эти чердаки тоже были темницами. А если бы этотъ мелодраматическій побѣгъ не былъ историческимъ фактомъ, то возмож-

ность его подверглась бы сильному сомнѣнію. Казанова, съ врожденною веселостію, рассказываетъ въ своихъ запискахъ свои венеціанскія похождения.... Когда солнце отвѣсными лучами ударило въ свинцовые листы кровли, то темница Казановы превращалась въ потовую баню. По цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ, раздѣвшись до-нага, на койкѣ увлажненной проливнымъ потомъ; маленькое окно, и то переплетенное желѣзными пластинами, пропускало не столько воздуха, сколько комаровъ. Эти воинственные насѣкомыя, трубя во всю гор-тань, производили страшныя нападенія на заключеннаго, при малѣйшемъ его движеніи. Здѣсь же страдалъ Сильвіо-Пеллико....

И узники не рѣшались проронить ни жалобы, опасаясь перемѣщенія своего въ „колодцы“. Слухи носились, что море часто посѣщаетъ эти темницы. Заключенный остается по нѣскольку часовъ на своей койкѣ, какъ на островѣ, если не хочетъ ступить въ воду по-колѣно. Хлѣбъ и воду, приносимые одинъ разъ въ день, должно было потреблять безъ отлагательства: иначе, приходилось дѣлиться съ морскими крысами.

Что же касается до темницъ, устроенныхъ будто-бы ниже уровня водъ, то созданіемъ ихъ мы обязаны отнюдь не инквизиторамъ или дожамъ, а, просто, праздною фантазіи поэтовъ.

Отъ Цицерона и Саллюстія, которые раскрываютъ передъ нами ужасы темницъ римскихъ, сколько протекло вѣковъ, невыносимо-тяжкихъ для узниковъ, покуда Беккарія не возвысилъ голоса въ защиту челоуѣчества, опозореннаго варварскими уложеніями? Безспорно, венеціанскія тюрьмы справедливо пользовались своею мрачною славой; но, можетъ-статья, онѣ были не страшнѣе многихъ другихъ. Въ Венеціи не обременяли заточенныхъ кандалами: — привилегія, почти единственная въ исторіи. Если многіе были заключаемы на всю жизнь, то это служитъ нѣкоторымъ доказательствомъ, что смертная казнь въ Венеціи была рѣже, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Вспомните одну Севилью, хвалившуюся тѣмъ, что она пережгла шестнадцать тысячъ жертвъ, менѣе чѣмъ въ два десятка годовъ!

Извѣстно, что страхъ и таинственность были могущественнѣйшими рычагами венеціанской политики, и потому правительство не щадило никакихъ средствъ, чтобъ окружить себя всевозможными ужасами. Случалось, народъ, утромъ, на площади находилъ повѣшенныхъ, съ ярлыками, гласившими, что это заговорщики.... Но часто, это были невинные мертвецы, взятые на-прокатъ изъ госпиталя и обязанные повисеть для острастки народа, когда Совѣтъ—Десяти опасался какого-нибудь возмущенія.

Такия мысли занимали меня, когда я отыскалъ свою гондолу у ступеней пьядетты. Гондольщики, дремавшіе на гладкихъ, нагрѣтыхъ солнцемъ плитахъ мостовой, съ трудомъ подвигались по приглашенію моего баркарола и помогли ему снять съ гондолы душную каюту, которая можетъ быть неопытна при ночныхъ прогулкахъ, но, для обозрѣвающаго городъ, служить только помѣхой.

Защитившись отъ безпощаднаго солнца бѣлымъ пологомъ, мы поплыли мимо изящнаго зданія монетнаго двора, Зесса, гдѣ въ былыя времена ежегодно чеканились милліоны цеккиновъ. Мы плыли мимо вице-королевскаго сада, гдѣ за золоченой рѣшеткой зеленѣли благоухающія деревья. Прозрачность весенняго неба, пѣнье птицъ, распускающіеся цвѣты, все эти улыбки вѣчно-юной природы, представляютъ здѣсь поразительные контрасты съ ветшающими, печальными зданіями.

Вотъ парализованная венеціанская таможня, нѣкогда центръ коммерческаго міра. Вотъ великолѣпный храмъ, гдѣ статуи гораздо болѣе, чѣмъ модельщиковъ. Гондола моя скользила уже по соннымъ струямъ Большаго-Канала. Волшебна эта водяная улица, убранная мраморными дворцами. Мрачны, печальны почертившіе ихъ фасады, но поэтически-своеобразная архитектура этихъ зданій, выдвинутыхъ изъ воды, легкія навританскія аркады, узорчатые, случается даже — обитые виноградной дозой, балконы, подъ которыми безъ шума плыветъ ваша гондола, — все это создаетъ эффекты магическіе. Пышность столицы и тишина пустыни!

Передъ готическимъ портономъ, вмѣсто экипажей, стоятъ гондолы, привязанныя къ полосатымъ столбамъ, выставляю-

щимся изъ воды передъ каждымъ домоу. На мраморное крыльцо, опускающееся въ волны, приливъ бросаетъ пучки морскихъ растеній. Изрѣдка гондола, обитая чернымъ сукномъ, одиноко стремится по смарагдовымъ струямъ; еще рѣже, на какомъ-нибудь балконѣ, между чернѣющими колоннами, появляется розовое существо, сардонической улыбкой встрѣчающее чужестранца, который, какъ очарованный, или какъ лунатикъ, въ сотый разъ мчится вдоль по водяному проспекту.... Картина мрачная, но поразительная. Черный цвѣтъ, національный цвѣтъ Венеціи, теперь ей такъ приличенъ. Эти гондолы, кажется, носятъ трауръ по царицѣ Адриатикѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, вы видѣли картины Каналетти, значитъ знаете, что венеціанская роскошь въ прежнія времена и на украшеніе своихъ лодокъ расточала пурпуръ, бархатъ, позолоту. Теперь, перекрытая черной попоной каюты — подъ масть угрюмымъ, законченнымъ зданіямъ. Вѣка стерли съ этихъ пышныхъ фасадовъ и тиціановскія и безыменные фрески, но, взявши ихъ, наложили на мраморъ свой глубоко-поэтическій колоритъ. Посмотрите, какъ время довершаетъ созданія художника. Каждый барельефъ, каждая капитель, архитравъ и каріатида приобрѣли ту мягкость, окончанность, о какой не смѣетъ и помышлять наше творчество.

Красота сафирнаго неба, надъ массажи почернѣвшихъ зданій, придаетъ Венеціи глубоко-трогательный, элегическій характеръ. Вашъ умъ еще болѣе потемняется меланхоліей, когда гондола поравняется съ какимъ-нибудь дворцомъ, великолѣпнымъ призракомъ древней славы, падшаго величія; когда гребець произнесетъ имя Лоредано или Фоскари; или остановитесь передъ печальнымъ, почти разрушающимся палацомъ Мочениго, поглядѣть на любимый пріютъ Байрона. Венеція была его задушевнымъ городомъ, city of the heart. Британскіе ханжи съ непритворнымъ жаромъ лицемѣрія вопіали противъ соблазна, какимъ оглашена венеціанская жизнь геніяльнаго лорда.... Но волки, воюшіе на луну, лишатъ ли ее хоть капли блеска? Не однимъ творческимъ произведеніемъ поэтъ искупилъ здѣсь минуты своихъ эротическихъ заблужденій. Достаточно назвать четвертую пѣснь, Странствій

Чайльдъ-Гарольда“. Вотъ съ этого разрушающагося крыльца Байронъ сходилъ въ гондолу. Каждое утро, утомленный вдохновеніемъ, или оргіями венеціанской ночи, поэтъ, съ весломъ въ рукѣ, направлялъ бѣгъ своей гондолы къ далекому островку, къ армянскому монастырю, гдѣ по нѣсколькимъ часамъ сряду занимался армянскимъ языкомъ, для укрощенія своей пылкой души, какъ говорилъ онъ друзьямъ.

Дивный палаццо Гримани очень кстати занять почтампотомъ. Подъ его аркадами, прислонясь къ базѣ массивной колонны, при плескѣ волны, читаешь письма отъ близкихъ сердцу....

Мостъ Ріальто массивной, но свѣлой аркой нависъ надъ Большимъ-Каналомъ: это образецъ прочности постройки республики. Но не массаиъ истрійскаго мрамора и не рядами магазиновъ, которыми застроенъ этотъ мостъ, обязанъ онъ своей славой.... Ріальто! это слово напоминаетъ всю многопоблещую поэзію лагунъ, гондолъ и венеціанскихъ маскарадовъ....

У одного конца этого моста, единственнаго на Большомъ-Каналѣ,—существуетъ узкая полоса набережной, по здѣшнему обычаю, безъ перилъ. Тутъ проявляется въ полномъ разгарѣ шумная, энергическая жизнь.... рыбнаго рынка. Но, ради древняго венеціанскаго величія, не обращайте вниманія на здѣшняго пролетарія.... изучайте лучше лагунную ихтиологію, или пусть гондола ваша плыветъ дальше по водянному проспекту, между двумя рядами волшебныхъ дворцовъ и портиковъ. Вотъ арабскій дворецъ, съ изычными колонетками, съ стрѣльчатыми аркадами, напоминающій многія яркія страницы исторіи поэтическаго города. Это Са'Дого, палаццо, побывавшій уже въ рукахъ еврея-спекулятора и спасенный отъ разрушенія нашимъ княземъ А. Т. Вотъ еще мрачное, разрушающееся зданіе.

Но что это за цвѣтныя пятна на закопченомъ фасадѣ? Это фрески Тиціана и Джорджіоне, картины, смытыя дождями и влажнымъ дыханіемъ лагунъ. Вообще, за мостомъ Ріальто баснословныя зданія баснословной эпохи видны рѣже. Встрѣчаются скелеты дворцовъ полуоставленныхъ, полуразрушенныхъ; виднѣются изувѣченныя статуи святыхъ, каріатиды,

установка поддерживать карнизъ и сбросившія съ головы своей въковое ярмо. Эта картина была бы слишкомъ угрюма, еслибъ природа не покрыла новою жизнью мертвые камни: изъ-за стѣнъ, превращенныхъ въ ограды, вѣстами выглядываетъ зелень сада, виноградная лоза развѣшиваетъ свои фестоны надъ полу-разбитыми арками, кладетъ свои грозды на обваливающіяся капители.

Посреди этихъ декорацій, то граціозныхъ, то суровыхъ, то мрачныхъ, то улыбающихся — является восхитительный паллацо Вендрамини, одѣтый восточнымъ мраморомъ снаружи, исполненный парижскаго комфорта внутри. Это убѣжище бывшей герцогини Беррійской. Она приобрѣла дворець отъ бѣднаго потомка некогда знаменитой фамиліи, за сумму, какой стоилъ, можетъ-быть, одинъ карнизъ этого пышнаго зданія.

Венеціанскіе дворцы недавно продавались за безцѣнокъ. Сумма, за какую вы приобрѣли бы чистенько-штукатуренный домикъ въ Большой Подъяческой, могла-бы произвести васъ въ владѣльцы одного изъ поэтическихъ мраморныхъ палатовъ на Большомъ Каналѣ. Случались средства для приобретения и болѣе соблазнительныя. Обиѣдѣнные потомки патриціевъ, гордые своимъ дѣятельнымъ дворянствомъ, но вынужденные питаться скуднымъ содержаніемъ, рѣшались отдавать своихъ наследницъ, вмѣстѣ съ дворцами, иностранцамъ, лишь-бы зятя поддержали пышныя развалины. Еще недавно въ этихъ хороммахъ гнѣздилося аристократическое нищенство, молча ожидавшее послѣдняго своего издыханія....

Теперь Венеція подаетъ признаки жизни. Морской городъ сдѣлалъ съ твердою землею двумя желѣзными нитями. Трехверстный виадукъ выросъ изъ водъ лагуны, и паровозъ гремитъ надъ мирными волнами, которыя слышали до-нынѣ только плескъ весла, да звучныя баркароллы.

Венеція оживаетъ. Вездѣ слышенъ стукъ молота, визгъ пилы; барки, нагруженныя матеріалами, ползутъ по каналамъ. Старыя паллацы вздорожали. Многіе исчезли за свѣтлою лѣбовъ; многіе уже возобновлены. Графиня Девоазенъ (Тальони) отдѣлала разомъ три дома. Эти роскошныя убѣжища вполнѣ достойны своего назначенія: онѣ созданы для успокоенія той пары ма-

гическихъ (но увы! старѣющихъ) ножекъ, которая приютила въ восторгъ всю Европу.

Венеція оживаетъ. Если хотите ее видѣть такою, какова она была въ послѣдніе годы республики, или по-крайней мѣрѣ, въ тѣ дни, когда она, умирающая, шептала свое „совершившася!“ — поспѣшите. Морская Пальмира незамѣтно, но уже начинаетъ утрачивать свою оригинальную физиономію.

Передъ дворцами дожей, вмѣсто раззолоченнаго буцентавра, стоитъ зеленая гондола-омнибусъ. Своды многихъ храмовъ Палладія вытѣлены за-ново, безпощадно; кисть маляра посягаетъ даже на мраморъ капителей. Эти картины Тиціана, фрески Тинторетта, эти дворцы, статуи, мавзолеи Палладія и Сансовино — медленно погибаютъ подъ ударами времени и подъ руками усердныхъ возобновителей. И при всѣхъ усиліяхъ сохранить Венецію, она остается набальсамированной красавицей.

Венеціанская ночь, эта классическая ночь серенадъ и оргій, стилетовъ и поцѣлуевъ; лишилась также почти всей своей драматичности.... Только у неба не отнято ни атома прежняго блеску: оно все также серебрится и сверкаетъ, щедро усыпанное и матовыми и яркими звѣздами. При прозрачности атмосферы, звѣздъ видно здѣсь въ десять разъ болѣе, чѣмъ у насъ на сѣверѣ, въ великолѣпнѣйшую морозную ночь.

Въ мраморныхъ дворцахъ музыка, на лагунахъ смѣхъ и пѣсни слышатся рѣже; въ женщинахъ какъ будто недостаетъ любви; въ гондолахъ меньше тайны... Но все-таки венеціанская ночь еще можетъ очаровать.... по-крайней-мѣрѣ, полярное воображеніе. Я разстаюсь съ моимъ балкономъ весьма поздно. Не могу надышаться воздухомъ, освѣженнымъ на лагунахъ. Мраморъ балюстрадъ, на которыя я облокотился, еще не остылъ послѣ дневнаго жару. На пустынной водяной улицѣ темно и тихо. Изрѣдка блуждаетъ по ней огонекъ.... и по фосфорическимъ искрамъ, брызжущимъ изъ подъ весла, я узнаю гондолу; но гребецъ молчитъ, какъ будто боится нарушить сонъ мрачныхъ палацовъ. Издали долетаютъ до моего слуха звуки гитары и страстные ноты речитатива, безпрестанно заглушаемая мѣрнымъ плескомъ моря. Это какой-нибудь пародистъ съ береговъ Темзы или Дуная, помощью

нѣсколькихъ монетъ выпыталъ серенаду у гондольщика и слушаетъ ее съ какой-нибудь оперной Дездемоной....

Грустными мыслями стѣсняется мое сердце, всякій разъ, какъ въ эти темные часы слышу старинный, торжественный голосъ тысячелѣтней башни святаго Марка....

За-то никакая меланхолія не устоитъ подъ магическимъ вліаніемъ венеціанскаго утра, когда, при нѣжныхъ лучахъ италіанскаго солнца, увидите опять эти мраморныя аркады, эти арабскія галлерей и пышный, фантастическій фасадъ базилики, осыпанной летающими голубями, которые мистически садятся на головы готическихъ статуй.... Гондола подана. Надѣваю блузу туриста и отдаюся, на весь день, искусству и исторіи. —

Арсеналъ, снаряжавшій флоты Даноло, Пизани, Морозини, какъ праздный ветеранъ, говоритъ вамъ о славѣ давно-минувшихъ дней.

Струи того-самаго канала, который носилъ на себѣ воинственныя эскадры республики, колыхали теперь мою одинокую гондолу. Зубчатая стѣна, окружающія это обширное адмиралтейство, достаточно свидѣтельствуютъ о его прежнемъ значеніи.

Четыре мраморные льва, нѣкогда украшавшіе пирейскій портъ, охраняютъ входъ въ знаменитый арсеналъ. Но Венеція давно утратила свое могущество, какъ и Аѳины. Въ современной коммерческой столицѣ, эти львы были бы не лишены значенія.... Здѣсь, эти трофеи — горькая иронія....

Массивные столбы, своды, воздвигнутые для охраны флота отъ непогодъ, еще цѣлы; но галеръ не видно ни на водахъ, ни на стапеляхъ. На флагахъ, вѣсто крылатаго льва, — двуглавый орелъ. Магазины, доки, залы для храненія моделей и оружейныя, все устроено въ широкихъ размѣрахъ. При настоящихъ мелкихъ работахъ, всѣ эти сооруженія кажутся вдвое просторнѣе. Я слышалъ здѣсь не столько стуку кораблестроительныхъ инструментовъ, сколько бряцанія цѣпей на работахъ. Въ бассейнахъ покоились два австрійскіе фрегата, и тѣ разоруженные. Отъ знаменитыхъ венеціанскихъ галеръ остались однѣ только модели. Между ними хранятся подъ стекломъ двух-аршинный Буцентавръ, раззолоченный, крытый

малиновыиъ бархатомъ корабль безъ мачтъ; нижняя палуба его назначалась для гребцовъ; на верхней, пышно-украшенной крытой палубѣ—бархатный стулъ дожа; въ кормѣ золотая дверь, откуда онъ бросалъ красавицѣ Адриатикѣ свой обручальный перстень. Отъ подлиннаго Буцентавра, который ежедневно въ день Вознесенія, при звукахъ музыки, при грохѣ пушекъ, выплывалъ къ морю, покрывавшемуся, какъ приливою невѣсть, цвѣтами,—отъ того Буцентавра остался только треснувшій обломокъ какого-то аншпуга, выставленный на-показъ подлѣ трехъ бѣлыхъ, вызолоченныхъ императорско-королевскихъ гондолъ.

Палаты арсенала, обобраннаго, все еще сильно будятъ любопытство. Турецкіе бунчуки и знамена, трофеи лепантской битвы, ветшаютъ, нависшіе надъ тѣми самими мечами и арбалетами, которыми были завоеваны. Сколько тутъ тяжелыхъ панцырей и шлемовъ; но гдѣ героя, могущіе носить ихъ? Сколько копій, щитовъ, палицъ, сѣкиръ, кинжаловъ, и все это праздно, ржавѣеть; нынѣшнему Венеціанцу и не поднять ихъ. Вотъ желѣзные доспѣхи Генриха Четвертаго, пожалованные Венеціи въ память того случая, что она удостоила короля чести быть вписаннымъ въ золотую книгу. Надъ всѣми этими осколками древней славы Венеціанъ возвышается бюстъ съ надписью: „Francesco I.“

Въ числѣ бездѣлокъ, мнѣ показывали нѣсколько варварскихъ инструментовъ падуанскаго тирана, между которыми особенно остроумно придуманъ одинъ: это желѣзная рамка вершка въ три величину, съ четырьмя загнутыми ножами. Ревнивецъ, при своихъ отлучкахъ изъ дому, надѣвалъ эти вериги на прекрасное тѣло своей супруги, для предохраненія ея отъ всякихъ соблазновъ.

Неподражаема также карманная машинка, для пораженія человѣка, безъ шума, безъ огласки, напитанными ядомъ остриями. Страшныя орудія инквизиціи перенесены сюда же; ихъ сохранилось не много, но и въ этихъ остаткахъ „священнаго арсенала“ рѣзко проявляется мрачный духъ средневековаго изуверства. Не мало ужасались, что коранъ проповѣдывался посредствомъ ятагана. Но инквизиція,—она изобрѣла цѣлый арсеналъ адскихъ орудій, назвала его *sacro arsenale*,

объявляя притязанія на мнимую защиту Евангелія, книги братской любви и милосердія! Извѣстно, что инквизиція была учреждена для преслѣдованія еретиковъ; но еретиками у нея назывались, безъ разбора, Галилеи, Колумбы, Гуссы. Венеціанскіе олигархи примѣнили инквизицію къ политикѣ. Вотъ, передъ моими глазами цѣлая коллекція этихъ орудій: крючкова-тыя, паукообразныя ихъ формы, то на подобіе клещей, то на подобіе когтей, поселяють въ васъ и ужасъ и отвращеніе, смутно напоминая предсмертныя корчи.... Я подивился тщательности, съ какою отдѣланъ стальной шлемъ съ нагрудникомъ, сдавливавшій головы подозрѣваемыхъ; на немъ видно нѣсколько скважинъ, куда, въ казусныхъ случаяхъ, для полноты вопроса просовывались иглы....

Для полноты коллекціи, здѣсь недостаетъ только жаровни, на которой поджаривались подошвы обвиняемыхъ, намазан-ныя саломъ.

Сумасбродную мысль изысканія тайнъ души помощью огня и желѣза, католики заимствовали у язычниковъ. Но кого римское право подвергало пыткамъ? Рабовъ, считавшихся, во времена заблужденій политеизма, вещью, *res*. Инквизиція, напротивъ, пытала и рабовъ и патриціевъ, подозрѣваемыхъ и со-общниковъ, даже дѣтей, если имъ исполнилось девять лѣтъ; тогда какъ языческое право, въ послѣднемъ случаѣ удаляло этотъ срокъ на цѣлые пять лѣтъ. Въ дѣлахъ варварства инквизиція превзошла самое язычество.

Къ чести Венеціи, надо сказать, что она противилась, сколько могла, учрежденію въ республикѣ этого кроваваго трибунала.

Покорившись наконецъ требованіямъ Ватикана, она и тутъ обнаружила могучую индивидуальность своего характера, примѣнивъ инквизицію къ политикѣ и устранивъ отъ себя иго монашеской охлократіи.

Вообще, раннему и быстрому развитію венеціанской цивилизаціи содѣйствовали не только изумительные успѣхи торговли, но также и постоянное уклоненіе Венеціанъ отъ безусловной покорности главѣ католицизма. Въ то время, какъ почти весь христіанскій міръ преклонялся передъ тиарой, когда король англійскій признавалъ себя папскимъ вассаломъ,

король французскій, въ угоду папѣ, посылалъ цвѣтъ своего дворянства на вѣрную смерть въ пески Сиріи, Венеція одна умѣла отклонять неуиѣренныя притязанія. Она, за-долго до Лютера, не признавала непогрѣшимость папы. Ей не казались священными всѣ войны, затѣваемые честолюбиемъ или обскурантизмомъ; и когда папы, для своихъ политическихъ замысловъ и распрь, требовали сотни галеръ у республики,—она умѣла и отказывать. Венеція выдержала грозныя буллы десяти папъ. По три года храмы ея бывали заперты; но незблещимъ оставался общественный порядокъ, утвержденный въками.

Венеція была Парижемъ среднихъ вѣковъ: короли и богачи, страдавшіе ипохондріей, или тяжестью въ кошелькѣ, собирались сюда для кореннаго излеченія. Впродолженіе семи вѣковъ, Венеція была центромъ міра. XIV-й и часть XV-го вѣка—эпоха высочайшаго стоянія ея славы. Республика св. Марка на моряхъ не знала себѣ соперника. Негрепонтъ, Морей, Кипръ, Кандія признавали надъ собою ея владычество. Кадуцей Венеціи была могущественнѣе многихъ скиптровъ.

Каждый годъ гальоны ея стремились въ Каффу, въ Трибизондъ, въ Сирію, въ Египеть, въ Испанію, въ Англію, во Фландрію.

Чѣмъ не торговалъ Крылатый Левъ? Онъ не отказывался даже и отъ торгова невольниками.

Могущество Венеціи было огромно, но поддѣльно, какъ и ночва ея, сплоченная изъ свай. Два человека, безъ армій, безъ флотовъ, даже сами не предполагая того, разрушили это могущество. Имена этихъ страшныхъ героевъ—Колумбъ и Васко-де-Гама.

Послѣ открытія новыхъ морскихъ путей, Венеція, бывшая такъ долго центромъ европейской торговли, стала простымъ торговымъ пунктомъ.

Основаніе Венеціи—фактъ оригинальный; паденіе ея—фактъ, вызывающій на размышленіе....

Ш.

Въ области искусствъ—Венеціи досталась роль столько же блистательная, сколько оригинальная. Исторія Венеціи похожа на романъ; сама Венеція похожа на фантастическій міражъ. Много золота, но также много и генія нужно было для созданія, посреди водъ, мраморнаго города. Прежде всего, приходилось бороться съ природой. Тростниковыя хижины, построенныя по топкимъ, низменнымъ берегамъ протока Brenty, названнаго Большимъ-Каналомъ, были часто сносимы волнами прилива. Неимовѣрные труды употреблены на укрѣпленіе зыбучей почвы венеціанскаго архипелага. Цѣлые лѣса зарыты здѣсь въ землю. Не разъ Адриатика поглощала острова, уже застроенные, заселенные. У сѣверной Италіи есть свой Геркуланъ, своя Помпея, но залиты не лавой, а волнами морскими. Погибшіе города—Маламокко и Амміана. Слѣды этихъ островковъ понынѣ означены подводными развалинами. Не раньше какъ въ исходѣ XVI-го вѣка столица республики окончательно приняла ту своенравно-великолѣпную фizioномію, которая рѣзко отличаетъ Венецію отъ всѣхъ существующихъ городовъ. Не ищите въ ней монотонной красоты Турина или Милана. Въ Венеціи стѣснена была свобода мысли, но художественной фантазіи дана полная воля. Венеціанская архитектура не похожа ни на какую другую: это граціозная амальгама всѣхъ стилей, гармоническое сочетаніе вкуса мавританскаго съ готическимъ, съ византійскимъ и отчасти съ античнымъ.

Леди Морганъ назвала Венецію “морскимъ Римомъ”. Я въ свою очередь, скажу, что къ классическому городу цесарей романтическая Венеція относится, какъ драма Шекспира къ поэміи Virgilia.

Мрачное великолѣпіе Венеціи, можетъ быть сильнѣе потрясаетъ душу, чѣмъ римскія развалины. Но сравненія тутъ неумѣстны.

Городъ папъ наследовалъ сокровища античнаго міра; городъ дождей добывалъ все мечомъ или золотомъ, въ Греціи и Азіи.

У Рима были подъ рукой образцы для постройки своихъ памятниковъ.

Венеція должна была создавать самую почву.

Венеція своими музеями не можетъ соперничать ни съ Римомъ ни съ Флоренціею, но городъ Палладія, Сан-Микели, Сансовино, городъ расписанный Тиціаномъ, Веронезомъ, эта тихая, грустная Венеція, она сама цѣлый музей дивныхъ дворцовъ, храмовъ и полуразвалинъ.

Обитатели кирпичныхъ фабрикъ, съ шекотурочными пластами, мы невольно изумлены роскошью, съ какою здѣсь употреблены рѣдкіе мраморы почти въ каждомъ сколько-нибудь архитектурномъ зданіи. Бронза, порфиръ, яшма, лазурь, золото и драгоценныя каменья— вотъ матеріалы, считавшіеся необходимыми при постройкѣ здѣшнихъ храмовъ. Видъ мозаикъ, которыми окована базилика св. Марка, приводитъ въ изумленіе. Сколько артистовъ, сколько золота, сколько времени нужно было на исполненіе всѣхъ этихъ работъ? Колоссальная роскошь венеціанскаго правительства проявляется въ пышности каждаго общественнаго зданія. Едва ли что можетъ внушить живѣйшее понятіе о богатствѣ Венеціи, какъ зданіе часовъ, подлѣ собора св. Марка. На фасадѣ— лазурный дискъ, на которомъ бронзовыя изображенія знаковъ зодіака, солнце, указывающее часы однимъ изъ лучей своихъ, и луна, являющаяся во всѣхъ своихъ фазахъ. На верху, на башнѣ, у неподвижнаго колокола стоятъ два мѣдные гиганта съ молотами. Бой этихъ часовъ— даровое зрѣлище для зѣвакъ, которыхъ всегда не мало на площади св. Марка. Глаза всѣхъ обращаются на балконъ средняго этажа, гдѣ въ нишѣ возсѣдаетъ вызолоченная мадонна. При первомъ ударѣ въ колоколъ, боковая дверь на балконѣ сама собою открывается: появляется геній и за нимъ три волхва въ блестящихъ восточныхъ одеждахъ. Поравнявшись съ мадонной, геній судорожно подноситъ трубу къ устамъ своимъ, волхвы по-очередно, автоматически кланяются, и процессія исчезаетъ въ другой двери, при громкихъ, но мелодическихъ ударахъ звонарей-автоматовъ.

Много смысленности, еще болѣе цекиновъ, истощено въ средніе вѣка на подобныя предпріятія. Появленіе электриче-

скихъ телеграфовъ и пневматическихъ дорогъ, быть-можетъ, много замедлено разными причудами романтизма.

Нигдѣ, я думаю, кромѣ Рима, нѣтъ такого множества храмовъ, какъ въ Венеціи; и всѣ они представляютъ двойной интересъ: историческія воспоминанія здѣсь неразлучны съ чудесами искусства. Картины, фрески, статуи превращаютъ каждый храмъ въ музей. Когда атмосфера блещетъ ослѣпительнымъ солнцемъ, томитъ зноемъ, путешественнику дорога всякое хранилище прохлады и тѣни. Откиньте синюю завѣсу, войдите въ домъ Божій: вѣчная свѣжесть посреди мраморныхъ колоннадъ, кроткій свѣтъ, проникающій сквозь расписанныя стекла, все располагаетъ здѣсь къ думѣ о невѣдомомъ.... Готическая скамья, съ изящной рѣзбой, предлагается вамъ для душевной сіесты.

Въ церкви *Madia dei Frari* я посѣтилъ могилу Тиціана, этого столѣтняго дожа венеціанской школы живописи. Чужая рука начертала имя его на простомъ могильномъ камнѣ. Въ послѣдніе годы республики Канова предложилъ проектъ памятника великому живописцу и взялся исполнить работу безъ всякаго вознагражденія; но обстоятельства измѣнились, и памятникъ достался на долю самого ваятеля.

Храмъ святыхъ Іоанна и Павла, венеціанское *Campo-Santo*, производитъ впечатлѣніе, которое долго не забывается. Благородная простота этого готическаго зданія, сложеннаго изъ алыхъ кирпичей, изящные скульптурные орнаменты изъ бѣлаго мрамора, возвышающіе красоту фасада, не обременяя его, — все это запечатлѣно необыкновеннымъ вкусомъ. Даже огромная сквозная розета, которою увѣнчанъ стрѣлчатый сводъ портала, не кажется затѣйливою. Трезвость воображенія, воздержаніе отъ вычурности — качество рѣдкое въ готическомъ архитектурѣ.

Я прихожу сюда читать Данта и Уго-Фосколо. Это музей гробницъ. Солнечные лучи, проникая сквозь окна, покрытыя старинною живописью, падаютъ радужными оттѣнками на всѣ эти барельефы и статуэткы, на саркофаги и урны. Здѣсь,

подъ тѣнью вѣковыхъ сводовъ, освѣжаемыхъ вѣтеркомъ лагуны, покоятся всѣ дожи, всѣ воины, защитники республики. По выходѣ изъ храма, на площади вы увидите мраморнаго всадника, на изящномъ пьедесталѣ: это Коллеони, знаменитый генералъ республики. Онъ первый изъ Венеціанъ началъ употреблять въ дѣло пушки, въ тѣ времена, когда порохъ почитался страшнымъ зельемъ магіи.

Венеція давно уже не властвуетъ ни воинственнымъ духомъ ни богатствомъ, но доселѣ властвуетъ гениемъ художественнымъ. Эстетическое наслажденіе безпрестанно отвлекаетъ васъ отъ размышленія о жалкой существенности. Цѣлые дни провожу я въ здѣшней академіи художествъ; она помѣщена въ довольно-мрачномъ съ виду зданіи, на берегу Большаго-Канала. Во всякомъ случаѣ, удивительно видѣть старинный монастырь, превращенный въ академию. Основанная не болѣе какъ за сорокъ лѣтъ, она уже собрала въ свои изящныя галереи не мало замѣчательныхъ произведеній величайшихъ мастеровъ: венеціанская школа, по праву, здѣсь господствуетъ.

Передавать безцвѣтными словами теплоту, сладость, волшебство венеціанскаго колорита — было-бы попыткой, въ родѣ исполненія на гудкѣ — бетховенской симфоніи. Познать въ Венецію — въ Эскуриаль — въ Лувръ — или, по крайности, въ Эрмитажъ, и наслаждайтесь сами. Не вооружаясь излишней артистической эрудиціей, отличите картину венеціанскаго мастера отъ произведенія римской, флорентинской или болоньской школы: тайна очарованія у Тициановъ и Веронезовъ заключается не только въ блескѣ и гармоніи красокъ, но и въ красотѣ формъ, въ богатствѣ обстановки.

Немаловажное условіе эффектовъ колорита заключается въ выборѣ предметовъ, представляющихъ новодѣ къ блестящей игрѣ красокъ, къ неразрѣшимымъ переливамъ свѣта и тѣни: вотъ чѣмъ объясняется пристрастіе колористовъ къ роскошной наготѣ, къ богатымъ, волнующимся одеждамъ, къ вычурнымъ архитектурнымъ декорациямъ. Мысль Венеціанца любила облекаться въ формы цвѣтущія, улыбающіяся, и, случалось, по прихоти, увлеченію, или по омонности художника,

эта мысль терялась въ сладострастныхъ контурахъ обнаженнаго тѣла, въ блистательныхъ, но чисто-внѣшнихъ, атрибутахъ.

Идеалы религіознаго чувства, идеалы нравственной жизни созданы были другими школами живописи. Миръ духовный былъ разработанъ. Оставалось создать идеалъ міра внѣшняго, чувственнаго: Венеціанская школа проявила его въ полномъ блескѣ красоты и величія.

Рафаэль вдохновляется религіей, католической религіей, которая возвеличиваетъ духъ и угнетаетъ плоть, всякое возмущеніе ея называя грѣхомъ.

Тиціанъ же ищетъ идеаловъ внѣ предѣловъ природы.

Тиціановы Венеры (въ флорентинской трибунѣ), богини по названію, женщины по красотѣ, полной страсти и соблазна, способны самому закоренѣлому спиритуалисту внушить нѣкоторую снисходительность къ формѣ, къ матеріи.

Венеціанскіе мастера, какъ и бѣлая часть колористовъ, вообще, немножко сенсуалисты. Они даже способны самую идею принести въ жертву формѣ.

Венеціане не чуждались и религіозныхъ сюжетовъ; но католицизмъ въ этихъ картинахъ является въ формахъ почти-языческихъ. Эпикурейцы въ области искусства, живописцы здѣшніе очевидно не любили изображать сцены страданія, охотно избѣгали изможденныхъ, синевато-блѣдныхъ фигуръ. Венеціанская кисть любила земную жизнь въ полномъ ея блескѣ, во всей ея красотѣ. Уносясь въ небо, эти художники самый рай населяли чувственно-прекрасными формами. Въ цѣломъ ряду этихъ лучезарныхъ созданій, достаточно указать на „Свадьбу въ Канѣ“, сюжетъ, воспроизведенный нѣсколькими мастерами, или на „Блудную жену“, дивный трудъ Бонифачіо, — и вы ту-же минуту поймете — на какихъ предметахъ любило останавливаться воображеніе корифеевъ венеціанской школы. Тиціанъ, написавшій портреты Лукреціи Борджіи и Піетро Аретино, трудился надъ религіозными сюжетами уже подъ старость, когда душа ищетъ утѣшеній. Чикомьяра, первый президентъ венеціанской академіи, можно сказать, обезсмертилъ себя открытіемъ „Успенія“, одной изъ лучшихъ картинъ Тиціана. Долго это почеркѣвшее по-

лотно, это *caro d'orega*, оставалось забытымъ подъ сводами церкви *Magia del Fgari*. Чиконьяра добрался до него, обмылъ сиюною одинъ уголокъ, убѣдился въ несомнѣнности мастера, и предложилъ пастыру, вмѣсто этой, немного попорченной въ верхней части, картины, совершенно новую. Пастыръ принялъ предложеніе съ восторгомъ.

Изъ тинтореттовыхъ работъ замѣчательно здѣсь „Чудо святаго Марка, освобождающаго раба“. Но волшебство венеціанскаго колорита достигаетъ своей апогеи преимущественно въ картинахъ свѣтскаго содержанія. Восхитителенъ трудъ Париса Бордоне „Рыбакъ, приносящій дожу перстень его, найденный въ желудкѣ рыбы“. Въ этой картинѣ вамъ укажутъ на одинъ профиль, въ которомъ нельзя не замѣтить поразительнаго сходства съ физиономіею Наполеона.

Но, можетъ-быть, въ цѣлой Италіи я не видалъ ничего оригинальнѣе картины Беллино „Святые дары, уроненные въ каналъ“. Это историческій фактъ, перенесенный художникомъ на полотно съ дипломатическою точностью. Вообразите католическую процессію, внезапно разстроенную неосторожностью священнослужителя; вообразите діаконовъ, въ полномъ облаченіи, бросающихся въ воду, патеровъ, подающихъ шесты.... Тутъ и сенаторы стали кидаться въ воду; народъ суетится, женщины въ остолебѣніи.... Только негру все это кажется непонятнымъ, одинъ онъ глядитъ на все это рвеніе съ эіопскимъ равнодушіемъ....

Ваятелю венеціанская академія можетъ представить только вѣрныя гипсовыя копія съ образцовъ греческаго рѣзца и вообще съ замѣчательнѣйшихъ антиковъ Флоренціи, Рима и Неаполя. Коллекція обогащена слѣпками съ знаменитыхъ эгипсскихъ мраморовъ и съ барельефовъ Партенона, которые въ Лондонѣ были привѣтствованы рукоплесканіями археологовъ и проклятіями поэтовъ. Здѣсь-же хранится модель извѣстнаго произведенія Кановы „Тезей, поражающій Минотавра“. Мраморною группой, которая была заказана Кановѣ для украшенія одной изъ площадей Милана, я любовался въ Вѣнѣ. Въ народномъ саду тамъ для помѣщенія этого гениальнаго произведенія воздвигнуть пестумскій храмикъ.

Венеція не создала своей школы ваянія; однако жъ гені-

альтѣйшій ваятель новѣйшей эпохи принадлежить Венеціи. Канова здѣсь учился, здѣсь познакомился съ вдохновеніемъ. Обратившись къ изученію антиковъ, проникнувшись греческимъ воззрѣніемъ на природу, Канова, можно сказать, возродилъ чистоту вкуса въ ваяніи, испорченнаго вычурными произведеніями пресмниковъ Микеля-Анжело.

Въ венеціанской академіи я видѣлъ рѣзецъ Кановы, выставленный у порфировой урны, гдѣ покоится рука гениальнаго ваятеля.

Въ Венеціи что храмъ — то музей, что палаццо — то картинная галлерей.

Чей это палаццо? Все равно. Войдите: венеціанскіе дворцы принадлежать вамъ, мнѣ, художнику, археологу, летучей мыши.... Дверь открывается для званныхъ и незванныхъ. Широкая мраморная лѣстница торжественно ведетъ гостя въ чертоги среднихъ вѣковъ. Со стѣнъ смотрятъ на меня суровыя старческія лица съ серебристыми бородами, въ черныхъ колетахъ; подногрудныя дамы, въ газетовыхъ платьяхъ. Каждый шагъ по каменному полу звучно раздается подъ сводами...

Поднявшіе тканые обои, готическія кресла, источенныя червемъ, полуосыпавшаяся позолота карнизовъ, все заставляютъ думать объ отсутствіи хозяина.

Домашній арсеналъ опустѣлъ: нѣсколько ржавыхъ мечей и наковбниковъ выставлены въ залѣ, какъ-будто на продажу. Въ этихъ хоромахъ царствуетъ великолѣпная нищета, грандіозное неравенство. Старый ключникъ, въ истасканной дверей, систематически рассказываетъ сюжеты часто прекраснѣйшихъ картинъ, не преминетъ замолвить словечко о трудныхъ временахъ, о нынѣшнемъ владѣльцѣ палаццо — потомкѣ исторической фамиліи, и о томъ, что „Англичане“ ниче охлаждаютъ къ искусствамъ... Случалось, что подъ оболочкой чичероне скрывался самъ потомокъ исторической фамиліи...

Зайдите въ палаццо Барбериго: здѣсь долго гостилъ Тицианъ, а отъ такихъ востей хозяинъ рѣдко въ убыткѣ. Въ самомъ дѣлѣ, за гоотенричество заплачено съ лихвой, не однимъ гениальнымъ произведеніемъ. Въ этомъ же дворцѣ существуетъ послѣдняя * величайшаго италянскаго

Св. Себастьяна.

колориста. Девяносто-девяти-лѣтній живописецъ занимался окончательной отдѣлкой этой картины, когда чума, свирѣпствовавшая въ Венеціи, вырвала кисть изъ руки его; а красота концепціи, а сила исполненія, какими отличаются даже и послѣднія произведенія Тиціана, доказываютъ, что онъ далеко не пережилъ своего талапта, — прилѣтъ едва-ли не единственный въ лѣтописяхъ искусства.

Пусть наружность венеціанскихъ дворцовъ мрачна и уныла. Въ ихъ стѣнахъ — вѣчный праздникъ искусства. Великіе люди и великія дѣла Венеціи обрѣли новую жизнь силою творчества.

Въ палаццо Манфрини, между множествомъ картинъ, частью весьма замѣчательныхъ, частью достоинства сомнительнаго, я отыскалъ восхитительный женскій портретъ, не разъ привлекавшій сюда Байрона и отличенный восторженной октавой въ его „Бепло“. Трудно себѣ представить, чтобъ изображеніе могло дѣйствовать на душу, какъ живое существо; но картина Джіорджіоне одарена именно этимъ могуществомъ. Тайна волшебства заключается, можетъ-быть, въ томъ, что черты этой женщины, лишенная всякаго ложно-идеальнаго характера, прекрасны, но ни мало не выступаютъ изъ предѣловъ существенности.

Въ этой же галереѣ я видѣлъ истинно-характеристическій портретъ Аріоста. Это именно та открытая, немножко-фантастическая фізіономія, какую наше воображеніе любитъ надѣлать поэтовъ, но какую они такъ рѣдко обладаютъ. Вотъ наприлѣтъ, портретъ Петрарки.... Кто отгадалъ-бы, что это фізіономія аскетически-влюбленнаго поэта?... А эти приторно-сентиментальныя черты Лауры, съ какой стороны оправдываютъ онъ цѣлый водопадъ сонетовъ и канцонъ, гремящій про ея красоты?

Нельзя также не посѣтить дворецъ Микели, гдѣ сложены дѣла венеціанскихъ крестоносцевъ. Подлюбитесь на шпильку, на латы дожа Доменико Микели, который, по увѣренію хроникъ, мечомъ своимъ, при осадѣ Тира, изрубилъ до тысячъ Саррациновъ. Не много такихъ героевъ надо бы было для обращенія въ бѣготу цѣлой арміи. Но герои на

лагунахъ выродились. Для избѣженныхъ ихъ потомковъ тяжелы доспѣхи, иззубренные саррацинскими клинками.

IV.

Когда вы уже утомлены, ослѣплены осмотромъ всѣхъ этихъ поэтическихъ зданій и всѣхъ, вѣками скопленныхъ здѣсь, сокровищъ искусства, вы все-таки долго не рѣшитесь разстаться съ дивнымъ морскимъ городомъ. Ни Флоренція — Аены Италіи; ни Феррара съ воспоминаніями о Тассѣ не манятъ васъ впередъ. Васъ ждутъ Аппенины, покрытыя масляными рощами, Везувій, окруженный лимонными садами.... Напрасно! Вы уже отравлены африканскимъ вѣтромъ. Вы подъ чародѣйскимъ вліаніемъ венеціанскаго неба.... Самъ Байронъ не могъ совладѣть съ этимъ вліаніемъ, Байронъ, при своей твердости, испытанной въ долгой борьбѣ съ казуистами и ханжами трехъ соединенныхъ королевствъ.

Венеціанское небо не нѣжитъ глаза густой и мягкой синевой небесъ Сициліи; но продолжительная ясность и истинно-южная прозрачность здѣшняго неба наполняютъ самую меланхолическую душу веселостью. Надо смѣшать колеръ незабудки съ колеромъ сирени, чтобъ представить себѣ степень голубизны этого неба. Изрѣдка появляются на немъ лиловыя облачка, какъ на картинахъ Тинторетта.

Но что это сегодня глаза Венеціанокъ такъ тожно полузакрыты слабѣющими вѣками? И на узкихъ каналахъ и на горбатыхъ мостикахъ, вездѣ колеблются пестрые вѣеры, въ рукахъ, обнаженныхъ, какъ на балѣ. Всѣ движенія гибкаго торса Итальянки стали медлительнѣе, сладострастнѣе.

Гость съ африканскаго берега, Ширѣкко, посѣтилъ лагуны. Мои гиперборейскіе члены тоже начинаютъ исподволь размягчаться. Эти душные дни заставляютъ васъ быть буквально жаркимъ поклонникомъ сквознаго вѣтра и льдистыхъ шербетовъ, вещей убійственныхъ на сѣверѣ. Эти ночи, усыпляющія мысль, и растрavляющія сердце, онѣ созданы для любви и ея таинственныхъ перипетій.

Тишина Венеціи, по мнѣ, одна изъ главнѣйшихъ ея прелестей. Понятно, почему Байронъ такъ дорожилъ городомъ, гдѣ единственный экипажъ — лодка, гдѣ кони существуютъ только бронзовые. Поэту, мыслителю, привыкшему къ столичной жизни, но любящему отсутствіе городского шума, одна Венеція можетъ представить оба эти преимущества. Известно, что еще декретомъ республики, запрещено здѣсь ѣздить на лошадяхъ; да, признаться, и негдѣ: улицы — водяныя, по большей части безъ набережныхъ, а тѣсныя перекрестки, изъ которыхъ сплетенъ здѣсь цѣлый лабиринтъ, заслуживаютъ болѣе названіе корридоровъ. Для туземца, не выезжавшаго изъ Венеціи, конь такое же диво, какъ для насъ — шрафъ.

Когда прихотливый британскій поэтъ вывезъ себѣ съ твердой земли коня и скакалъ верхомъ по берегу Лидо, Венеціане сбѣгались смотрѣть на эти два живыя чуда, какъ на какого-нибудь буцентавра.

Въ Венеціи, наконецъ мнѣ удалось постигнуть всю поэзію знаменитаго *dolce far niente*. Утромъ, когда воздухъ еще налитанъ остатками ночной свѣжести, люблю сидѣть на великолѣпной площади св. Марка; въ тѣни аркадъ, пью флоріановскій замороженный кофе, и кормлю голубей, летающихъ ко мнѣ съ блистательной базилики. Въ былыя времена ихъ кормила республика.... За венеціанскія газеты я принимался болѣе изъ чувства почтенія, чѣмъ любопытства: возможно ли не читать газетъ на той самой площади, гдѣ онѣ появились впервые, гдѣ изобрѣтенъ этотъ могущественный рычагъ новѣйшей цивилизаціи? Разумѣется, проникнуть смыслъ политики того или другаго кабинета пытался я совершенно безуспѣшно.... То молоденькая Итальянка подходила съ полной корзинкой цвѣтовъ, и улыбаясь, подавала мнѣ нераспустившіяся розанъ.... То окружали меня полуодѣтые гондольщики и приблизительныя копія съ неаполитанскаго ладзарона: одинъ предлагалъ мнѣ морскихъ раковинъ, звѣздчатокъ, другой — заморскихъ сигаръ, третій — молодыхъ черепахъ, которыя съ боязливымъ любопытствомъ высовываютъ свою головку изъ подъ роговой брони, точь-въ-точь нынѣшніе итальянскіе публицисты, выглядывающіе на политическую арену.

Въ полдень, лежа на сафьянныхъ, набитыхъ пухомъ подушкахъ гондолы, люблю прогуливаться по зеленымъ струямъ Большаго-Канала. Задумчивый гондольщикъ не знакомъ съ октавами Аріоста и Торквата, но ловкимъ весломъ такъ нѣжно, такъ сладострастно покачиваетъ легкую гондолу.... Убаюканные этимъ ритмическимъ колебаніемъ, вы насильно убѣждаетесь, что гондола создана для таинственныхъ прогулокъ, для любви.... Вы невольно поглядываете на мавританскіе балконы, нависшіе надъ водою; вы ждете.... Вотъ за кружевной рѣшеткой мелькнетъ зендалетта, появится черный локонъ, заискрятся глаза.... бѣлая ручка броситъ вамъ розу.... Смѣтливый гондольщикъ васъ понялъ, пересталъ грести....

Но почернѣвшіе дворцы безмолвны и угрюмы. Влажный мохъ ползетъ изъ воды по мраморнымъ ступенямъ. Свицовые переплеты безъ стеколъ, закрытые ветхіе рѣшотчатые ставни, все говоритъ, что владельцы этихъ палацовъ давно покоятся въ могильныхъ склепахъ.

Но вотъ по волнамъ пронеслись звуки серенады.... Длинная цѣпь гондолъ плыветъ къ намъ на встрѣчу. Что за унылое пѣніе? Что это? Зажженные свѣчи! аскетическія лица монаховъ! черный гробъ посреди барки, обитой трауромъ.... Грустная встрѣча.... Но картина, безспорно, оригинальная. Эта мрачная сцена была бы еще новѣе, еслибъ фигура угрюмаго кормчаго, работающаго своимъ весломъ надъ грувней блѣдныхъ пассажировъ, не напоминала фигуры Харона.

Когда же моя лодка углубляется въ лабиринтъ тѣсныхъ водяныхъ закоулковъ, гдѣ потревоженные воды издаютъ запахъ разрытой могилы, сердце мое сжимается какъ-то болѣзненно. Два ряда высокыхъ, полупустынныхъ домовъ и надъ ними узкая голубая полоса неба; фундаменты, покрытые плесенью, полусгнившія двери; мѣстами клочекъ зелени, выглядывающей изъ-за полуразрушенной каменной ограды; — вотъ декорация этой сцены. Мѣстами, на полуразвалившемся крыльце море разложило свои раковины, и мога пришельца ихъ не потревожить.

Встрѣчаются и тутъ палацы; но прежде чѣмъ станете любоваться ихъ оригинальной красотой, вы пѣсѣтуете на

зодчаго, забросившаго свою мраморную поэму въ такую грущобу.

Со многихъ стѣнъ жалкимъ торгашествомъ сорваны восточные мраморы, и обезображенные дворцы напоминаютъ собою страшную фигуру микель-анджеловскаго Варѳоломея.

Сострадательный плющъ одинъ спѣшитъ прикрыть обнаженные члены этихъ каменныхъ скелетовъ. Не мало здѣсь оконъ, заколоченныхъ на-глухо полусгнившими досками; изъ-подъ готическихъ арокъ торчатъ желѣзныя печныя трубы, или жерди, на которыхъ просушивается бѣлье. Я видѣлъ изящныя балконы, загроможденные „пожитками бѣдной нищеты“; видѣлъ мраморныя перила, на которыхъ когда-то облокачивалась красавица, и на которыхъ теперь навѣшена разная ветошь. Подъ сводами, гдѣ бывало раздавались звуки сладостнаго итальянскаго нарѣчія, часто слышны неблагозвучныя фразы Крота.

При видѣ здѣшней нищеты и явнаго упадка во всѣхъ отношеніяхъ, прогрессистъ пожиметъ плечами, но художникъ и тутъ не останется въ накладѣ; и тутъ онъ отыщетъ свою картину, свою долю наслажденія. Сколько разъ я невольно останавливался на широкихъ ступеняхъ мостика (которыхъ здѣсь множество), и не могъ отвести глазъ отъ какого-нибудь стрѣльчатого окна, откуда лился мелодіи Чимарозы, точно сладостныя жалобы какой-нибудь влюбленной сирены. Какъ хороша была мечтательная Дездемона, появлявшаяся, посреди розъ и камелій, на балконѣ, который улыбающимся оазисомъ висѣлъ надъ черной водою. Венеція въ лѣтнюю пору богата цвѣтами, и любитъ украшаться ими, какъ женщина. Влажный воздухъ и теплая почва придаютъ здѣшнимъ цвѣтамъ веронезовскую яркость колорита. За то красота ихъ, какъ и красота женщинъ этого края, роскошна, но эфемерна.

Венеція бѣдна садами. Публичный садъ, разведенный при Наполеонѣ, на берегу лагуны, мало посѣщается. Венеціанка трудно разстается съ своей пьяццою. Лѣтніе жары, начинающіеся здѣсь въ маѣ, вытѣсняють богача изъ мраморныхъ стѣнъ на берега Brenty, въ улыбающіяся виллы, обвитыя виноградными ліанами.

Въ мраморномъ городѣ душины безоблачные дни, когда вѣтеръ дохнетъ Сагарой. Но благодатная лагуна всегда хранитъ немного прохлады. беру весло, и одинъ гоню свою легкую гондолу изъ мрачнаго канала, изъ-подъ Моста-Вздоховъ, на просторъ дремлющихъ водъ лагуны. Тамъ, широкая дорога моя обозначена двумя рядами свай, выставляющихся изъ воды. За этимъ колоссальнымъ частоколомъ, отливъ обнажаетъ зеленѣющія отмели, влажные островки, покрытые тростниками и снопами разнообразныхъ цвѣтушихъ водорослей: это пріютъ морскихъ птицъ, звѣздчатыхъ коралловъ и красивыхъ раковинъ, которыми нынче промышляетъ обнищавшая царица Адриатики. Прогулка по пустынной и довольно тощей рощицѣ Лидо располагаетъ къ грусти. Печальна эта лужайка съ бѣлѣющеюся семьей намогильныхъ плитъ: это послѣдняя пристань странниковъ, застигнутыхъ смертью на чужбинѣ. Не менѣе печальна эта крѣпость, защищаемая ржавыми пушками и инвалидами. Исчезнувшее за дальними дворцами солнце лишило меня возможности дочитать обстоятельную эпитафію, на тяжеломъ англійскомъ саркофагѣ.... Я воротился къ моей гондолѣ. Черный силуэтъ Венеціи, съ ея куполами и башнями, рѣзко обозначился на янтарныхъ и розовыхъ лучахъ заката. Небесное зарево чудно отразилось въ бездыханной лагунѣ. Я спрашивалъ себя — на яву ли я плыву къ этому городу-призраку, висящему въ ослѣпительной атмосферѣ, между моремъ и небомъ?..

Когда африканскій вѣтеръ за одно съ италійскимъ солнцемъ раскаляютъ мраморный городъ, наполняютъ его удушливымъ жаромъ, рѣдко кто отваживается открыть рѣшотчатый ставень; всѣ прячутся въ своихъ сумрачныхъ уголкахъ. Едва солнце понизилось за карнизы дворцовъ и золотитъ только верхи башенъ и саррацинскіе фризы св. Марка,—Венеція оживаетъ: пьятца и пьацетта, въ нѣсколько минутъ, покрываются гуляющими. Ни трескъ экипажей, ни пыль, не помѣшаютъ вамъ здѣсь подышать вечернимъ воздухомъ.... Въ венеціанскую прохладу я вѣрю только послѣ трехъ порцій мороженаго. Никто не попрепятствуетъ вамъ выкурить сигару. Тутъ великобританская леди и санктпетербургская барыня привыкаютъ прогуливаться въ толпѣ. Обще-

европейская шляпа, турецкій фесъ, шерстяной колпакъ гондольщика и преувеличенно-широкополая шляпа патера пользуются равными правами на площади св. Марка. Национальный костюмъ здѣшнихъ красавицъ давно унесенъ потокомъ парижскихъ модъ; но настоящая венеціанская горожанка до-сихъ-поръ чуждается шляпки и выходитъ изъ дому въ своемъ воагѣ, граціозно ниспадающемъ съ косы на плечи.

Венеціанская порода женщинъ знаменита издавна. Но красоту ихъ надо искать не столько въ правильности очертаній лица, сколько въ роскошно-развитыхъ формахъ, въ глубокихъ, искристыхъ глазахъ, въ густой, синевато-чорной косѣ.... Не удовольствуетесь этимъ, такъ ступайте въ отдаленныя кварталы: тамъ, за стеклами своей теплицы, таятся истинно-рѣдкіе экземпляры женской красоты. Мнѣ встрѣчались тамъ тиціановскіе типы, — съ золотистыми, кудрявыми волосами, съ ослѣпительнымъ колоритомъ тѣла: эти женщины волшебны-хороши, и путешественникъ, любуясь ими, сильно рискуетъ своимъ сердечнымъ спокойствіемъ. Графиня Гвичіоли очаровывала красотой этого-же рода. Байронъ и на Олимпѣ не нашель-бы себѣ музы прелестнѣе.

Широкое пространство водъ передъ Набережной-Славянь, въ этотъ часъ вечера, усыпано гондолами и открытыми барками. Венеціанскіе денди, освободившись отъ фрака, и стоя на кормѣ съ весломъ въ рукахъ, сами правятъ своей гондолой и соперничаютъ между собою въ ловкости, передъ мимо-плывущими или глядящими съ балконовъ синьорами. Умѣнье владѣть весломъ замѣняетъ здѣсь верховую ѣзду. Съ гондолой часто труднѣе справиться, чѣмъ съ конемъ, особливо если кругомъ васъ прелестныя женщины, полу-лежа въ своихъ щегольскихъ лодкахъ, смущаютъ вашъ духъ и томными взглядами и обольстительно-неподвижными позами.

Еще свѣтло, а газъ въ фонаряхъ уже вспыхнулъ. Вы не успѣете спросить — къ чему такъ рано?.... Какъ уже ночь покрыла городъ, день быстро смѣнился глубокимъ мракомъ, точно въ діорамѣ. Южные сумерки почти не примѣтны. Но что мнѣ за дѣло до ночи? Площадь святаго Марка освѣщается, какъ зала. На каменномъ паркетѣ выставлены, передъ кофейнями, тысячи соломенныхъ стульевъ, и всѣ они

заняты. Этой живой, говорливой толпѣ нужно шербетовъ, музыки, улыбокъ.... Подъ аркадами свѣтло и шумно. Модныя дамы, по старинному обычаю, принимаютъ тутъ визиты, глотая мороженое. Одной изъ прелестнѣйшихъ венеціанскихъ аристократокъ я былъ представленъ въ галерею передъ кофейнею Флоріана.

Странствующие пѣвцы и музыканты здѣсь, подъ открытымъ небомъ, изощряютъ свои таланты. Смазливая гитаристка, съ тетрадью нотъ въ рукѣ, собираетъ косвенную милостыню съ невнимательныхъ слушателей, которые, впрочемъ, весьма охотно платятъ за голосистыя каватины: звуками ихъ отиѣнно покрываются нескромныя разговоры. Бывали вечера, когда полный, отлично организованный, полковой оркестръ располагался посреди площади и услаждалъ сердца Венеціанъ блистательными увертюрами и воинственными маршами.... Невозможно создать концертную залу великолѣпнѣе площади Марка, съ ея аркадами, съ ея газовымъ освѣщеніемъ, и съ этимъ голубымъ куполомъ, особенно когда подъ нимъ матовымъ шаромъ виситъ италійская луна.

Только финалъ этихъ концертовъ немножко рѣзокъ: — заревая пушка грянетъ съ фортвовъ Лидо, и десять, десять барабановъ разомъ затрещатъ передъ дворцомъ дожей!..

Признаюсь, я предпочитаю этимъ грознымъ трелямъ самую плохую изъ оперъ синьйора Доницетти, какія исполняетъ миниатюрный театръ Apollo; поэтому роковой финалъ рѣдко заставлялъ меня на площади.

Послѣ спектакля, остатокъ ночи я провожу на венеціанскомъ раутѣ. Непринужденность лучшаго тона, смѣсь вопросовъ любовныхъ и политическихъ, весьма удовлетворительно обнаженные плечи и вѣчно-движущіяся опахала придаютъ этимъ *conversazioni* какую-то оригинальную прелесть. Въ заключеніе бесѣды, можете, съ балкона, видѣть солнце, поднимающееся надъ лагунами.

V.

Я живу на Большомъ—Каналѣ, близъ Ріальто, во дворцѣ....., превращенномъ въ гостиницу. На ивѣстъ древняго аристо-

кратическаго герба красуется вывѣска Leone Bianco. Недѣли три я ночевалъ въ отелѣ alla Luna, въ двухъ шагахъ отъ площади святаго Марка; двѣ опрятныя комнатки, съ монументальною двуспальной кроватью и съ угодливой прислугой, отдавались мнѣ въ этой гостинницѣ въ половину дешевле тѣхъ тревожныхъ ночлеговъ, на какіе, случалось, дорога осуждала меня въ нашихъ провинціяхъ. Но, я не привыкъ жить даромъ, и унорно изыскивалъ тайну этой дешевизны.... Она заключалась столько же въ развитіи общественнойности, сколько въ бѣдности итальянскаго народа вообще и Венеціанъ въ особенности.

Вообще, съ условіями матеріальнаго быта въ Венеціи можетъ быть въ ладу миниатюрнѣйшій кошелекъ скромнѣйшаго артиста. А спектакль, а кипрское вино, а женскія улыбки и мессинскіе апельсины — предлагаются просто за безцѣнокъ.

Теперь я живу совершенно по-венеціански. Подъ моимъ окномъ мутныя волны плещутся о мшистую стѣну. Меня усыпляетъ и пробуждаетъ ленеть наяды.... однакожь, чаще усыпляетъ. По вечерамъ, съ балкона, я слышу пѣсни гондольщиковъ; а днемъ — ихъ брань, которую можно почесть образцовою.

Первый визитъ путешественника, въ иностранномъ городѣ, неотъемлемо принадлежитъ банкиру. Это существо — настоящій ключъ отъ города. Въ Венеціи банкиры живутъ не только какъ феодальныя бароны, но и какъ поэты. Передо мной — старинной рѣзьбы кипарисная дверь, съ искомой надписью: Синьйоръ Б... и К°. Стучу тяжелымъ чугуннымъ кольцомъ. Дверь отворяется невидимой рукою. Вхожу въ пустынный сѣни; дверь таинственно за мною захлопнулась.... Зеленѣющій между плитами мохъ свидѣтельствуетъ о рѣдкости посѣтителей. Въ мраморную раковину каплетъ полузаглохшій водометъ; противъ него — статуя, съ пальцемъ, приложеннымъ къ устамъ. Съдой старичокъ, не ближе какъ на вершинѣ мраморной лѣстницы, привѣтствовалъ меня поднятіемъ своей черной шелковой шапочки; потѣмъ, оразвѣряя свою любезность съ обширностью предъявленнаго ему кредитива, съ улыбочкой, замѣтилъ, что онъ не приступаетъ

къ служенью Меркурію — безъ маленькаго поклона музамъ, и тутъ же указалъ мнѣ на коллекцію почернѣвшихъ полотентъ и рамъ всѣхъ размѣровъ.... Пуще всего мнѣ бросились въ глаза лоскутъ зеленого коленкору, кокетливо прикрывавшіе двѣ или три картины.... Вы догадываетесь, что это были безсмертныя произведенія Корреджіо, Гвидо Рени, или Вандика, продававшіеся за безцѣнокъ.... тысячь по двадцати за штуку.... Чтобъ не поддаться искушенію, берите свои лундоры, и спасайтесь отступленіемъ.

Послѣ изящныхъ зданій площади святаго Марка, какъ-то странно очутиться въ душномъ дедалѣ венеціанскихъ улицъ.... Это непосредственный переходъ отъ статуи Аполлона Бельведерскаго къ фигурѣ ветошника, отъ великолѣпія къ неряшеству. Изъ подъ мраморныхъ аркадъ вступаете въ переулочъ, шага въ три, рѣдко въ пять, шириною; вы пробираетесь между двумя непрерывающимися вереницами лавокъ, мастерскихъ и магазиновъ, оглушаемые зазывами и возгласами торговцевъ, и безпрестанно рискуя опрокинуть какую-нибудь корзину съ земляникой или съ *rommi d'oro*. Здѣсь нѣтъ надобности прибѣгать къ услугамъ лесежевскаго бѣса, для того, чтобъ видѣть изнанку человѣческаго быта: здѣсь она обращена наружу. Кузнецъ куетъ свое желѣзо, женщина чешетъ себѣ косу, продавецъ плодовъ не скрываетъ своего искусства подбирать абрикосы и сливы такъ, чтобы крупныя и спѣлыя были на виду; жена открыто ведетъ свою тридцатилѣтнюю войну съ мужемъ, мирная хозяйка варитъ кукурузу; закройщикъ задумывается надъ лоскутомъ сукна, съ яснымъ намѣреніемъ сдѣлать изъ чужаго камзола нѣкоторое извлеченіе въ свою пользу.... Но, всего видѣннаго въ этомъ живомъ калейдоскопѣ, не пересказать. Мостъ Ріальто, загроможденный нѣсколькими рядами магазиновъ и лавокъ, — центръ толкотни, всевозможныхъ криковъ и меркантильныхъ сдѣлокъ. Каждый встрѣченный здѣсь съдой Израильтянинъ представлялся, въ моемъ воображеніи, стариннымъ знакомцемъ, Шейлокомъ; и признаюсь, я-бы не предположилъ въ немъ слишкомъ большой изобрѣтательности, еслибъ онъ, этотъ эксцентрическій ростовщикъ, потребовалъ отъ меня

въ залогъ фунтъ моего мяса: магазинъ ювелира, контора банкира — здѣсь о-бокъ съ лавкой мясника....

Полагали, что порода уличныхъ инпровизаторовъ перевелась, какъ породы ихтіосавровъ и мамонтовъ.... Мнѣніе совершенно ошибочное. Посѣтите любой *traghelto*, — какъ здѣсь называются переулки, ведущіе къ каналу и оканчивающіеся пристанью: гондольщики, если они не спятъ, не ѣдятъ или не бранятся, то навѣрное слушаютъ рапсода, который доселѣ обладаетъ секретомъ — открывать настѣжь чужіе рты и кошельки.

Смышленные гондольщики забираются въ людное мѣсто и предлагаютъ вамъ свою барку на церковной паперти или подъ аркадами святаго Марка. Опытный баркароль, презирая вульгарные зазвы, съ ироническою серьезностью говоритъ вамъ: „Угодно синьору въ Триестъ ѣхать?“ — или: „Эти руки догребутъ до Константинополя“. И гондольщикъ съ самоувѣренностью тряхнетъ своими мускулистыми ручищами: правая рука у него заклеимена изображеніемъ его патрона, лѣвая — посвящена его патронессѣ; если же вы не удовольствуетесь этими ручательствами, оскорбленный лодочникъ покажетъ вамъ на груди своей ликъ мадонны, нататуированный каленой иглою.

Гондольщикъ безконечно вѣжливъ и услужливъ, при малѣйшей щедрости съ вашей стороны; нагль, грубъ, назойливъ, едва замѣтилъ, что вы покушаетесь на малѣйшую экономію.

Задумчиво стоитъ онъ на самомъ краю остроконечной кормы барки и, неутомимо работая своимъ единственнымъ весломъ, ловко и быстро гонитъ ее по тѣснымъ водянымъ переулкамъ. Если угодно, онъ назоветъ вамъ каждый палаццо, мимо котораго проскользнетъ ваша гондола.

Когда заговоришь съ гребцомъ про Тасса, Венеціанецъ грустно улыбается. Можетъ-статься, онъ никогда и не пѣлъ торкватовыхъ октавъ, но очевидно я пробудилъ въ курчавой головѣ мысль о золотой молодости, когда каналы еще кипѣли гондолами, а работы гондольщикамъ было все-таки вдесятеро болѣе; когда соблазнительныя венеціанскія ночи заманивали въ черную каюту и бархатный колетъ и кружев-

ную зендалетту, когда и на долю гребца выпадала частица блаженства — въ видѣ цекина.... Время это далеко. Шерстяной колпакъ, рубаха, штаны по колѣна и коротенькая трубка — вотъ все современное имущество гондольщика. Дырявый карианъ его давно незнакомъ съ дукатами. Гондольщикъ на этихъ романтическихъ волнахъ помышляетъ не о Тассѣ и не объ Ариостѣ, а о какомъ-нибудь рыжемъ *Inglese*, который бросается въ гондолу съ восхищеніемъ, какъ-будто въ раковину самой Афродиты и.... даже не подозреваетъ о существованіи тарифа. Какъ послѣ этого знаменитымъ сынамъ лагуны не негодовать на Австрійцевъ, подвергнувшихъ поэтическія гондолы прозаической тактѣ. Теперь, за цванцигеръ, гондола въ вашемъ распоряженіи на цѣлый часъ; за второй и слѣдующіе часы платится по полцванцигеру. За пять цванцигеровъ, то есть за серебряный рубль, гондола въ вашей власти цѣлый день; если берете втораго гребца, то прибавляете еще три цванцигера.

Каждый порядочный домъ держитъ здѣсь собственную гондолу, какъ у насъ держать экипажъ. Изящество ливреи частнаго гондольера зависитъ отъ обширности хозяйскаго кошелка и вкуса. Общественный лодочникъ ограничивается прикрытіемъ своего торса, что привлекаетъ глаза художниковъ и отталкиваетъ взгляды сентиментальныхъ туристокъ.

Въ Венеціи, если не хотите долго искать какой-нибудь домъ, садитесь въ гондолу: каналъ — почти всегда кратчайшій путь. Въ дедалѣ тѣсныхъ переулковъ и проходовъ непривычному легко заблудиться. Въ одну изъ первыхъ моихъ ночей въ Венеціи, случилось мнѣ, послѣ оперы, ошибкою направить шаги въ сторону, совершенно противоположную моему отелю. Отсутствіе газовыхъ фонарей, пустыньность закоулковъ, темень въ окнахъ, все это немножко поздно заставило меня догадаться, что я забрѣлъ въ самый центръ этого нефитческаго лабиринта. Плохо знакомый съ топографіей полу-морскаго, полу-сухопутнаго города, я полюбознствовалъ узнать названіе труппы, посѣщенной мною въ глухую полночь.... Каково-же былъ я озадаченъ, прочитавъ на стѣнѣ чоткую, впрочемъ нисколько не утѣшительную надпись: *Calle degli assassini!*...

Лампада, теплящаяся, передъ изображеніемъ мадонны, на углу дома, и ночной патруль, къ крайнему моему удовольствію, скоро разсѣли всѣ мои опасенія. Поселившись въ одномъ изъ подобныхъ закоулковъ, вы не мало подосадуете на закоптѣлую стѣну противоположнаго дома, придвинутую къ вашимъ окнамъ на разстояніе, дозволяющее сосѣду закуривать у васъ свои сигары, папирсы и табахитосы. Но когда въ одномъ изъ этихъ готическихъ оконъ промелькнетъ граціозная женская фигура, когда она, — можетъ-статься, ваша будущая Бьянка Капелло, — выйдетъ на балконъ, полюбоваться своими маньолими... вы немедленно примиритесь съ тѣсными раздѣлами венеціанскихъ улицъ.

Надо пожить въ Венеціи, надо художническимъ глазомъ взглядѣться въ ея красоты, чтобъ почувствовать ихъ и оцѣнить по достоинству. Любуйтесь городомъ дождей при праздничномъ блескѣ южнаго солнца, которое не утаитъ отъ вашего глаза ни малѣйшаго гротеска, ни тончайшаго орнамента, и даже на самыя мрачныя зданія набрасываетъ свой теплый, исполненный жизни колоритъ. Но, разумеется, никакому городу не прилично такъ ночное освѣщеніе, какъ Венеціи. Поблещая красавица, ветхій палаццо значительно выигрышаютъ при лунномъ полусвѣтѣ.

Когда яркая итальянская луна обливаетъ своимъ перломутровымъ свѣтомъ каменный паркетъ площади Святаго Марка, отбрасывая подъ ея аркады вавилоны синеватой тѣни, дивные памятники венеціанской архитектуры принимаютъ характеръ фантастическій.

Кудреватые мраморные фризы базилики, точно опущенные шнеки діаны, вырѣзываются на свѣтлосинемъ грунтѣ ночи, и статуи на вершинахъ ихъ, рисуясь на звѣздистомъ небѣ, при непрерывномъ мерцаніи звѣздъ, кажутся магически оживленными.

Я видѣлъ только одно зданіе, которое эффектиѣе святаго Марка, особливо въ лунную ночь, это миланскій соборъ. Но, между сказочно-великолѣпными зданіями, дворецъ дожей занимаетъ не послѣднее мѣсто. Ясный свѣтъ луны, обливающейся бланкомраморныя аркады снаружи, и глубокій мракъ, оменяющийся подъ сводами арабскихъ галлерей, — выказываютъ и

красоту линий и громадность зданія, и игривый рисунокъ этого мраморнаго кружева, легкаго и изячнаго, сотканнаго какъ—будто нѣжными руками шаловливыхъ волшебницъ, но прочнаго и нисколько неповрежденнаго столѣтіями.

Покуда луна еще не опустилась въ море, садитесь въ гондолу. Разбудите гондольщика, который спитъ у пристани, завернувшись въ черную попону, снятую съ гондолы, и, можетъ—быть, видитъ во снѣ, будто его избираютъ въ мужа Адриатики.... Проплывете Большой—Каналъ во всю длину его, отъ Santa Maria della Salute, гдѣ хранится прахъ Сансовино, до Santa Lucia, храма построеннаго Палладіемъ.... Въ теплую, бездыханную ночь полнолуныя, не знаю наслажденія болѣе элегическаго, не знаю сцены до такой степени уныло—прекрасной.

Поэты, эти привилегированные граждане Венеціи, не мало сѣтовали, услышавъ, что плѣнная „царица морей“, уже прикована къ материку рельсами. Но при видѣ этой трехверстной каменной цѣпи, этого легкаго строя двухъ сотенъ арокъ, вставшихъ изъ водъ лагуны. — всѣ элегіи возбуждаютъ только улыбку....

Вообразите римскій акведукъ, занесенный въ пустыню моря.

Городъ дождей отъ этой постройки отнюдь не утрачиваетъ своей оригинальной фizioноміи. Венеція остается морскимъ городомъ, но къ тысячи его чудесъ прибавилось тысяча первое: это вѣсть мостъ, желѣзная дорога и водопроводъ. Теперь, во время бури, Венеція, этотъ мраморный оазисъ посреди волнъ, уже не превращается въ морскую тюрьму. Впрочемъ, путешественнику, отправляющемуся отсюда на итальянскій берегъ, предоставлено избирать любой путь: плыть часа полтора въ романтической гондолѣ, или перенестись черезъ лагуну въ осемь минутъ времени, въ положительномъ вагонѣ. Путепроводъ такъ узокъ и длиненъ, что сначала вамъ кажется, будто мчитесь въ открытое море.... И эта легкая, изящная связь съ твердой землею, синѣющею вдаль, тѣмъ болѣе безукоризненна, что въ каждомъ изъ двѣнадцати устоевъ заботливо устроены мины: при первой надобности, всю эту

прекрасную цѣль есть возможность взорвать и разметать по лагуна́мъ.

При видѣ подобныхъ, истинно античныхъ сооружений, весьма трудно отрицать возрожденіе Венеціи. Железная дорога доставляетъ сюда легіоны туристовъ, антрепренеровъ, спекулянтовъ, и быстрѣе сообщаетъ идеи и всѣ открытія новѣйшей цивилизаціи.

Венеція первая въ Италіи освѣтилась газомъ. Надо прибавить, что газовые огни ей къ лицу, какъ красавицѣ алмазы.

Венеція встрепелулась. Дворцы, которыми она уже не дорожила, отдавъ ихъ во власть разрушенію, внезапно приобрѣли цѣнность, удостоились реставраціи. Молите Аполлона, чтобы эти изящные чертоги попадались не иначе, какъ въ художественныя руки.... Напоминайте по-чаще реставраторамъ, что всѣ художники по-меньшей-мѣрѣ на столько влюблены въ Венецію, на сколько аѳинскіе философы были влюблены въ Аспазію; что искаженіе историческихъ зданій — такой-же вандализмъ, какъ и выскабливаніе античныхъ пергаментовъ. Подъ рукой даровитаго строителя, зданіе Палладія возраждается почти въ первобытной своей красотѣ; напротивъ въ фасадѣ, побывавшемъ въ когтяхъ архитектора-ремесленника, отыскивать слѣды исчезнувшаго изящества — труднѣе, чѣмъ читать палимпсесты.

Освѣщайте улицы газомъ, сверлите артезианскіе колодцы, пожалуй освѣтите площадь св. Марка фонтаномъ.... но воздержитесь отъ дикихъ или меркантильныхъ проектовъ: не покушайтесь на расширеніе здѣшнихъ улицъ-корридоровъ; такое намѣреніе могло родиться въ туманахъ Лондона или Вѣны: южному человѣку дорогá тѣнь, прохлада; не бѣлите мраморныхъ аркадъ, не замѣняйте на мостикахъ каменныхъ балюстрадъ чугунными мѣщанскаго рисунка, въ городѣ, щеголяющемъ узорами арабскихъ рѣшотокъ; не заваливайте болѣе каналовъ: этимъ вы не сдѣлаете Венецію похожею на Миланъ, а только затрудните теченіе воды, и она вамъ отместитъ зловоніемъ.

Извѣстно, что въ Венеціи, независимо отъ цѣлой сѣти каналовъ, существуетъ обширная система переулковъ: но

водяной лабиринтъ отдѣленъ отъ сухопутнаго — почти повсемѣстнымъ отсутствіемъ набережныхъ.

Зданія кажутся выдвинутыми изъ моря, волны омываютъ массивные фундаменты. Главный фасадъ съ дверьми параднаго входа обыкновенно обращенъ на каналъ; задняя дверь — въ переулочекъ. Такимъ способомъ почти къ каждому дому можно пробраться и съ суши и съ моря.

Извѣстно, что венеціанскій лодочникъ и вообще простолюдинъ имѣетъ нравы неаполитанскаго ладзарона: солнце и море, храмы и площади — онъ считаетъ своею неотъемлемою собственностью. На набережной Славянь, подъ аркадами дворца, у входа въ церковь — онъ распоряжается, какъ дома. И что за неслыханная роскошь! — Онъ куритъ свою сигару, или трубочку, которая недлиннѣе сигары, прислонясь къ какой-нибудь порфировой или серпентиновой колоннѣ; онъ завтракаетъ на мраморной скамьѣ, въ виду этихъ волшебныхъ зданій; потомъ отдыхаетъ на теплыхъ ступеняхъ пристани, обратясь лицомъ къ морю, или эпикурейски покачивается въ своей гондолѣ. Вотъ итальянская жизнь на распахну, возможная только подъ такимъ гостеприимнымъ небомъ.

Самыя пошлыя сцены всенеднежнаго быта — превращаются здѣсь въ картину. Но всевозможные остатки трапезъ, заражающіе воздухъ, не понравятся, въ натурѣ, и самому страстному любителю фламандской школы. Это обстоятельство вызвало чистоплотныхъ Германцевъ на самыя рѣшительныя, то есть на самыя комическія, мѣры. На множествѣ домовъ появились метающагося въ глаза шрифта надписи: „Возбранається производить нечистоту, подъ опасеніемъ взысканія или денежнаго штрафа“. Сообразно съ степенью зловонности квартала, въ надписи допущены болѣе или менѣе циническіе варианты. На углахъ церквей, угроза смягчена до степени наставленія: „Rispettate la casa del Dio!“

Венеція, какъ поблекшая ракетка, требуетъ раззорительныхъ расходовъ на поддержаніе своихъ прелестей. Разумѣется, однихъ финансовыхъ средствъ на этотъ конецъ — недостаточно; необходимы и художественныя...

Во дворцѣ дождей мнѣ часто случалось видѣть, какъ —

Художникъ-варваръ кистью сонной
 Картинау гевія чертить
 И свой рисунокъ беззаконный
 На ней бессмысленно чертить...

Я рассказываю факты. Въ нижнемъ этажѣ этого дивнаго дворца—помѣщеніе гауптвахты; печныя трубы, безъ дальнѣйшихъ соображеній, высунуты въ окна, и дымъ пущенъ подъ мраморныя аркады! Художники, по-крайней-мѣрѣ, согласны между собою въ томъ, что роскошную Венецію можно было бы избавить отъ этого искусственнаго траура, Венецію, и безъ того уже съ излишествомъ покрытую мрачными красками вѣковъ и продолжительной агоніи.

Куда дѣвалась эта беззаботная, неисчерпаемая веселость Венеціи, ея блестящія церемоніи, частыя регаты, бѣги гондоль, ночныя серенады? Подъ аркадами Святаго Марка, гдѣ, бывало, патриціи, окруженные толпой замаскированныхъ понтеровъ обоего пола, метали банкъ надъ грудами цекиновъ.... нынѣ едва-едва увидишь скромную партію въ шахматы.

Отъ двухъ карнаваловъ, зимняго и лѣтняго, уцѣлѣлъ одинъ, и тотъ давно уже пересталъ кружить Европѣ голову своими обольстительными женщинами, анакреонтическимъ весельемъ масокъ, остроумными интригами и этими чудными ночами, исполненными почти языческаго сладострастія.

Не было столицы веселѣе Венеціи; теперь едва ли найдется столица печальнѣе. Только католическая церковь, вѣрная преданію, продолжаетъ давать свои праздники, съ молебнами и иллюминаціями. За долго до торжественнаго дня, на стѣнахъ церкви вы видите афиши, съ исчисленіемъ всѣхъ подробностей предстоящей церемоніи. Какой-нибудь храмъ Палладія поступаетъ въ полное распоряженіе затѣйливыхъ декораторовъ. Мраморныя колонны одѣваются пунсовымъ дамасомъ или бархатомъ. Архитектура переходитъ въ вѣденіе обойщиковъ. Въ день торжества, паперть усыпается миртами и лаврами. Порталь увѣшанъ гирляндами, колоссальными крестами и звѣздами, которые сплетаются изъ душистыхъ цвѣ-

товъ помощью всѣхъ прелестныхъ и набожныхъ ручекъ прихода.

За торжественно-гремящими фигурами Палестрины, которая весьма удачно заглушаютъ, хотя на полчаса, житейскія страданія,—слѣдуетъ проповѣдь.

Театры, какъ и всѣ другіе памятники венеціанской цивилизаціи, утратили значительную долю своего блеска. Отъ шестнадцати театровъ осталось четыре, да и изъ этихъ лучшій, Fenice, тушитъ свою рампу на все лѣто. Я посѣщалъ этотъ изящный театръ днемъ, подплывая къ его аркадамъ въ гондолѣ. Впрочемъ, главный фасадъ его обращенъ на небольшую площадь, откуда есть доступъ и пѣшеходамъ.

Опера, разсѣкаемая, по италіянскому обычаю, на двѣ части балетомъ, дается теперь на маленькомъ театрѣ Apollo. Трагедія... дозволена. Говорю дозволена, потому что въ послѣдніе годы республики, Совѣтъ-Десяти успѣшилъ запретить представленіе трагедій, на томъ основаніи, что подобныя зрѣлища излишне волнуютъ душу!

Однако жъ такъ какъ толпу надо же забавлять, то Венеціане содержали на своемъ иждивеніи пульчинелей и гаеровъ, которые ежедневно разсыпались по перекресткамъ.

Все измѣнилось здѣсь съ той поры, какъ площадь святаго Марка увидѣла австрійскіе вахт-парады, и на трехъ мачтахъ передъ соборомъ, гдѣ въ былыя времена развѣвались штандарты Морей, Кандіи и Кипра, стали, по праздникамъ, вывѣшиваться флаги съ изображеніемъ чернаго орла.

Надѣялись значительно оживить Венецію, учредивъ здѣсь porto-franco; но торговля все-таки пренебрегаетъ этимъ портомъ. Убийственный соперникъ Венеціи—Триестъ.

И куда старому аристократическому и художественному городу состязаться, въ напѣ положительный вѣкъ, съ молодымъ коммерческимъ городомъ.

Подъ аркадами Святаго Марка, въ этихъ невзрачныхъ магазинахъ, гнѣздится одинъ призракъ знаменитаго коммерческаго генія Венеціи. Торговля съ Востокомъ, нѣкогда блистательная, заключилась въ узкіе размѣры стамбульскаго магазина, гдѣ вы можете приобрѣсть себѣ нѣсколько картузовъ настоящаго турецкаго табаку, который мѣстная же таможня при-

метъ на себя трудъ отобразить у васъ, и гдѣ я, чуждающійся наркотическихъ наслажденій, купилъ себѣ настоящія мусульманскія туфли. Продавецъ, одѣтый по послѣдней багдадской модѣ, засыпалъ меня блистательнѣйшими метафорами... съ очевидною цѣлью—прикрыть, на сколько возможно, скудость своихъ товаровъ.

Лондонъ, Парижъ, Вѣна высылаютъ сюда избытокъ своей роскоши, излишки своихъ мануфактурныхъ произведеній, которые на половину потребляются здѣсь иностранцами.

Венеція живетъ на-счетъ своихъ прелестей, на иждивеніи обожателей, которые ея не покидаютъ, которыхъ у нея всегда цѣлая толпа.... Не то, чтобъ она тайкомъ не трудилась.... но гдѣ же возможность поддержать себя фабрикаціей лентъ или стекляруса? А миниатюрныя модельки гондолы и плохіе эстампы единственныхъ въ мірѣ зданій—раскупаются одними иностранцами.

Въ народѣ, замѣтна плачевная нищета, и физическая и нравственная.... А кругомъ васъ повсюду неоспоримыя слѣды прежняго благосостоянія, изумительныя зданія генія этого-самаго народа; а въ вашей памяти—его долгія и славныя борьбы для поддержанія четырнадцати-вѣковой независимости

Кто узнаетъ типъ древняго, надменнаго Венеціанца въ жалкомъ потомкѣ, упражняющемъ свою смѣтливость въ мелкихъ спекуляціяхъ надъ прекраснымъ трупомъ прежней влстительницы морей?

При всемъ томъ, трудно понять возможность утратить воспоминаніе о быломъ своемъ могуществѣ, когда оно такъ явственно и назидательно записано на бронзѣ и на мраморѣ.

Въ Венеціи народъ молчитъ; но за то дворцы, храмы, камни—говорятъ.... Сколько потрясающихъ думъ наводитъ на меня одна венеціанская базилика, кажущаяся мнѣ мавзолеемъ славному народу, который такъ энергически содѣйствовалъ обновленію въ Европѣ цивилизаціи.

Сколько разъ, стоя посреди площади св. Марка, я—чужеземецъ—не могъ безъ энтузіазма глядѣть на всѣ эти памятники былаго могущества, на всѣ эти трофеи древнихъ побѣдъ; сколько разъ хотѣлось мнѣ сказать, наполеоновскимъ

высокимъ слогомъ: Венеціане! четырнадцать вѣковъ смотрятъ на васъ съ вершины этихъ зданій!

Я оставилъ лагуны, быть можетъ, въ интереснѣйшій моментъ ихъ новѣйшей исторіи. На берегахъ Brenty, гдѣ впервые познакомился съ бѣлою итальянскою пылью, я погостилъ недолго. Прогулки по аллеямъ, перевитымъ виноградными фестонами, показались мнѣ черезчуръ буколическими.

Я спѣшилъ увидѣть Италію Данта, Рафаэля, Микеля-Анжелю.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ГАРОЛЬДЪ,

ПОСЛѢДНІЙ САКСОНСКІЙ КОРОЛЬ ВЪ АНГЛІИ.

=

РОМАНЪ ЭДУАРДА ВУЛЬВЕРА (1847).

=

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

КОСТИ МЕРТВЫХЪ

I.

Вильгельмъ, графъ Норманскій, сидѣлъ въ великолѣпной палатѣ своего руанскаго дворца; передъ нимъ стоялъ огромный столъ, заваленный различными свидѣтельствами разнообразныхъ трудовъ, которыми занимался его неутомимый и всеобъемлющій умъ, война, полководца, мыслителя и правителя.

Тутъ лежалъ планъ новаго шербурскаго порта, а подлѣ него рукопись любимой книги герцога: «Комментаріи Цезаря», изъ которыхъ, говорятъ, онъ заимствовалъ многіе приемы своего собственнаго военнаго искусства. Книга римскаго героя была наполнена помѣтками, примѣчаніями и приписками на поляхъ и между строкъ, писанными крупнымъ, смѣлымъ почеркомъ герцо-

га. Десятка два, или болѣе, длинныхъ стрѣлъ, съ различными усовершенствованіями въ перѣ или въ остріи было небрежно брошено на архитектурные рисунки новаго аббатства, и на проектъ льготной ему граматы. Въ открытомъ ларчикѣ, превосходной работы, которою отличались преимущественно англійскіе золотыхъ дѣлъ мастера, и бывшемъ въ числѣ подарковъ Эдуарда, лежали письма отъ разныхъ сосѣднихъ и отдаленныхъ влaстителей, искавшихъ дружбы или угрожавшихъ спокойствію герцога.

За спиною Вильгельма, на насѣтѣ, сидѣлъ его любимый норвежскій кречетъ, безъ клубочка; потому что воспитаніе его было доведено до высшей степени совершенства, — именно, что онъ не пугался гостей. Въ отдаленномъ концѣ палаты, безобразный тѣломъ карла, но съ удивительно-умнымъ и проищательнымъ лицомъ, чертилъ на мольбертѣ изображеніе битвы при Вальдедунѣ, бывшей однимъ изъ самыхъ блистательныхъ ратныхъ дѣлъ Вильгельма. Этотъ очеркъ рисовался для перенесенія его на каменныя искусными руками герцогини Матильды.

На полу, малолѣтній сынъ герцога мучилъ огромнаго бульдога англійской породы, который казался очень нерасположенъ играть, и отъ времени до времени ворчалъ и скалилъ свои бѣлые зубы. Въ чертахъ мальчика было нѣкоторое сходство съ Вильгельмомъ; но въ выраженіи его лица было болѣе откровенности, и менѣе ума; широкій складъ груди и плечъ также напоминалъ въ маломъ видѣ богатырское сложеніе герцога; но не обѣщалъ его высокаго, стройнаго роста, который одинъ придавалъ нѣкоторую гибкость и величественность его массивному и топорному складу. Послѣ возвращенія Вильгельма изъ Англій въ особенности, его атлетическія формы много утратили своей прежней, юношеской соразмѣрности, хотя еще и не были обезображены чрезмѣрною тучностью, болѣзнию почти столько же несвойственною норманскому племени, какъ и древнимъ Спартамцамъ. Впрочемъ, что составляетъ недостатокъ въ бойцѣ, въ государѣ нѣрѣдко служитъ красотою; такъ и богатырскій складъ герцога придавалъ его наружности видъ царскаго величія и физическаго могущества. Въ лицѣ его, еще болѣе чѣмъ въ сложеніи, обнаружилось вліяніе времени; короткіе черные волосы, отъ безпрестаннаго тренія шлема, совершенно вытерлись на вискахъ, и образовали двѣ лысины; а постоянное напряженіе хитраго и честолюбиваго ума изрыло глубокія морщины вокругъ его рысихъ глазъ и сжатыхъ губъ: такъ что только усиліе желѣзной воли, подобно искусству актера, могло воскресить въ этомъ лицѣ вы-

рѣшеніе благородной, рыцарской откровенности прежнихъ лѣтъ. Великій государь былъ уже не то, что прежній, смѣлый воинъ; онъ сталъ выше въ своемъ санѣ, но душа его утратила честь прежняго величія. При всѣхъ великихъ его достоинствахъ, какъ правителя, своенравный и властолюбивый его характеръ, съ трудомъ удерживаемый въ границахъ справедливости, врожденнымъ упрямствомъ невокорныхъ Нормановъ, уже давалъ угадывать, чѣмъ бы онъ могъ сдѣлаться, еслибъ было дано болѣе простору его пылкимъ страстямъ и необузданной волѣ.

Герцогъ сидѣлъ, подперши подбородокъ рукою; передъ нимъ стоялъ Малле-де Гравиль, и говорилъ съ большимъ жаромъ о чѣмъ-то повидимому очень занимавшемъ его государя.

— Довольно, сказалъ Вильгельмъ; теперь я вполне знаю страну и ея жителей.... Страна еще не проученная опытомъ и убѣжденная, что двадцать или тридцать лѣтъ мира должны продолжаться до конца вѣковъ; и которая по этому пренебрегаетъ средствами обороны, и не имѣетъ, кромѣ Довера, ни одной крѣпости на всемъ протяженіи отъ берега до столицы.... страна, которую должно покорить или утратить на вѣки въ одно сраженіе.... И племя — (тутъ герцогъ призадумался) — племя, продолжалъ онъ со вздохомъ, которое такъ трудно будетъ покорить, что, прагу, я не двиюсь тому, что оно не заботится объ устройствѣ крѣпостей для своей обороны. — Довольно объ этомъ; возвратимся къ Гарольду: — такъ ты думаешь, что онъ вполне достоинъ своей славы?

— Онъ едва ли не единственный изъ всѣхъ Англичанъ, сколько я ихъ не видалъ, получившій школьное образованіе; всѣ его способности такъ дивно уравновѣшены, и онъ съ ними соединяетъ такое благоразуміе и спокойствіе, что когда видишь и слушаешь его, кажется будто видишь мастерски построенную крѣпость, которой силы ни какъ не узнаешь съ перваго взгляду, не участвовавъ въ ея штурмѣ.

— Ошибаешься, сиръ де Гравиль, сказалъ герцогъ, лукаво и злобно мигнувъ своими темными, сверкающими глазами. — Ты же говорилъ мнѣ, что ему и въ голову не входила возможность моихъ умысловъ на англійскій престолъ.... что онъ охотно склоняется на твое внушеніе, пріѣхать самому къ моему двору за заложниками, — однимъ словомъ, что онъ не подозрителенъ.

— Правда, онъ несколько не подозрителенъ, отвѣчалъ Малле.

— А много ли, ты думаешь, толку въ хорошо построенной крѣпости, безъ часовыхъ и карауловъ?.... точно также плохо за-

идиешь самый способный и образованный уэль, безъ своего пэ-
рового, — подозрѣнія.

— Твоя правда, возразилъ рыцарь, пораженный справедливостью замѣчанія; — но Гарольдъ кровный Англичанинъ, а Англичане самое неподозрительное племя.

Вильгельмъ громко засмѣялся. Но смѣхъ его былъ внезапно прерванъ; злобное рычаніе поразило въ это мгновеніе его слухъ; онъ обернулся, и увидѣлъ сына, катавшагося по полу съ собакою, схватившись съ нею по видимому не на животъ, а на смерть.

Вильгельмъ въ одно мгновеніе былъ на мѣстѣ борьбы; но мальчикъ, бывшій въ то время подъ собакою, закричалъ: Не тронь, не тронь! я не хочу помощи; и самъ съумѣю справиться съ своимъ противникомъ. — Съ этими словами, непостижимымъ въ ребенкѣ усміемъ, онъ выпрямился на колѣнахъ, обхватилъ руками шею собаки, и сжалъ ее такъ крѣпко, что животное метало головою, шелкая вправо и влево кричкими челюстями. Еще нѣсколько минутъ, и оно было бы удалено.

— Теперь можно мнѣ идти на выручку доброй своей собакѣ сказалъ Вильгельмъ, съ веселою улыбкою прежнихъ лѣтъ; и не безъ напряженія своей богатырской силы, высвободилъ несчастное животное изъ крѣпкихъ объятій сына.

— Не хорошо, батюшка, сказалъ Робертъ, уже въ то время получившій прозваніе Керотконогаго; не хорошо, что ты вступаешься за врага своего сына.

— Да врагъ моего сына мое добро, мой храбрый витязь, отвѣчалъ герцогъ; и я могу съ тебя же потребовать отвѣта въ измѣнѣ государю, за то, что ты завелъ ссору и борьбу съ моимъ четвероногимъ вассаломъ.

— Не твое добро, батюшка; ты подарилъ мнѣ собаку еще щенкомъ.

— Сказки, Monseigneur de Courthouse; я его только одолжилъ тебѣ, чтобы поиграть, въ тотъ день, какъ ты вывихнулъ себѣ ногу, спрыгнувъ съ крѣпостной стѣны; а тебѣ несмотря на свою большую ногу, достало злости, замучить щенка до того, что во-
гналъ его въ лихорадку.

— Подарилъ или одолжилъ, — все равно, батюшка; что разъ попалъ въ мои руки, того я уже не выпущу; ты самъ дѣлалъ то же еще до меня, съ самой колыбели.

Герцогъ въ своемъ семействѣ былъ самымъ кроткимъ и слабымъ изъ людей; получивъ этотъ отвѣтъ, онъ схватилъ мальчика на руки, и нѣжно поцѣловалъ его. И не подозрѣвалъ онъ,

не смотря на свою дальновидную провидательность, что въ этомъ поцѣлѣ крылось сѣмя страшнаго проклятья, которое возникло на смертномъ одрѣ отца и кончилось бѣдствіемъ и гибелью сына.

Самъ даже Малле де-Гравиль нахмурилъ брови при видѣ этой родительской слабости; самъ карло Турольдъ покачалъ головою. Въ это мгновеніе вошелъ дежурный герольдъ, и доложилъ, что какой-то англійскій дворянинъ пріѣхалъ во дворецъ (вѣроятно по весьма спѣшному дѣлу, потому что едва онъ успѣлъ соскочить съ сѣдла, какъ лошадь его пала мертвая на мѣстѣ), и просить у герцога немедленной аудіенціи. Вильгельмъ опустилъ мальчишка на полъ, и приказалъ ввести чужеземнаго гостя. Потомъ онъ вышелъ въ другую комнату, сдѣлавъ знакъ де-Гравиллю, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, и сѣлъ въ свои герцогскія кресла; онъ любилъ придворный этикетъ, и рѣдко отступалъ отъ него.

Вскорѣ за тѣмъ одинъ изъ дворцовыхъ бояръ ввелъ посѣтителя, въ которомъ, по его огромнымъ усамъ, не трудно было узнать Саксонца; де Гравиль не безъ удивленія узналъ своего стариннаго друга, Годриха. Молодой тегиъ, поклонившись съ меньшею церемонностію, чѣмъ водилось при дворѣ Вильгельма, подошелъ къ подножію трона, и сказалъ на норманскомъ языкѣ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Графъ Гарольдъ шлетъ тебѣ поклоны, графъ Нормановъ. Твой вассалъ, Гви, графъ Понтъскій, забывъ рыцарскій законъ, поступилъ предательски съ графомъ Гарольдомъ, ѣхавшимъ на двухъ судахъ изъ Англии, чтобы посѣтить твой дворъ. Вѣтеръ и буря прибили его суда въ устье Соммы; вышедши тутъ на берегъ безъ всякаго опасенія, какъ мирный гость въ дружеской странѣ, онъ былъ схваченъ самимъ графомъ со-всюю своею дружиною, и заключенъ въ темницу Бельремскаго замка*; между-тѣмъ какъ я здѣсь говорю съ тобою, первый лордъ Англии, и журниъ англійскаго короля сидитъ въ тюрьмѣ, построенной для однихъ злодѣевъ. Вѣроломный графъ осмѣлился даже намекать о голодѣ, пыткѣ и смерти, въ намѣреніи ли исполнить угрозу, или въ подлой надеждѣ вынудить значительнѣйшій выкупъ. Наконецъ выведенный, можетъ-быть, изъ терпѣнія твердостью и презрѣніемъ графа, вѣроломный Гви позволялъ мнѣ ѣхать къ тебѣ вѣстникомъ отъ Гарольда. Онъ обращается къ тебѣ, какъ къ государю и другу: потеряешь ли ты, чтобы твой вассалъ удерживалъ его, какъ злодѣя или какъ врага?

* Belrem или Beaumont, — нынѣ Montreal.

— Благородный Англичанинъ, отвѣчалъ Вильгельмъ торжественно: это обстоятельство, которое гораздо менѣе зависитъ отъ меня, нежели ты, кажется, воображаешь. Правда, что Гви, графъ Понтъёскій, держитъ отъ меня ленъ; но я не имѣю никакого права надъ законами его земли; а по этимъ законамъ, онъ имѣетъ право жизни и смерти надъ каждымъ, кто претерпѣваетъ крушеніе на его берегахъ, или выброшенъ на его берега волнами. Мнѣ весьма прискорбно бѣдствіе, постигшее твоего доблестнаго графа, и что могу для него сдѣлать, то сдѣлаю; но я могу въ этомъ случаѣ обратиться къ графу Понтъёскому только какъ государь къ государю, а не какъ владыка къ вассалу. Между-тѣмъ прошу тебя отдохнуть и подкрѣпиться пищею; а я посмотрю, какія мѣры намъ принять, чтобы помочь Гарольду.

Лицо Саксонца подернулось печалью и уныніемъ при этомъ отвѣтѣ, столь несогласномъ съ его ожиданіемъ; онъ отвѣчалъ съ тою грубоватою прямою, которой не могло искоренить изъ его саксонскаго сердца пристрастіе къ утонченности норманскихъ нравовъ:

— Не трону пищи, не вкушу вина до тѣхъ поръ, графъ, пока ты не рѣшишь, какую помощь можешь ты подать — какъ рыцарь рыцарю, какъ человѣкъ человѣку, — тому, который подвергся этому бѣдствію единственно изъ довѣрія къ тебѣ.

— Увы! возразилъ лицемѣръ, тяжела отвѣтственность, которую ты, по незнанію своему нашей земли и ея законовъ, хочешь возложить на меня. Мнѣ стоитъ только сдѣлать одинъ неосторожный шагъ въ этомъ дѣлѣ, и горе твоему графу! Гви вспылчивъ и гордъ, и знаетъ свои права; онъ способенъ въ отвѣтъ на слишкомъ настоятельное заступленіе за свободу графа Гарольда прислать мнѣ его голову. Я боюсь, что много денегъ и большихъ земель будетъ мнѣ стоить выкупъ графа. Но успокойся; половина всего моего герцогства не покажется мнѣ слишкомъ высокою цѣною для спасенія Гарольда. Такъ ступай же, но кушай съ радостнымъ сердцемъ, и выпей вина за здоровье своего графа съ надеждою на Бога.

— Съ твоего позволенія, графъ, подхватилъ де Гравиль, мы пріятеля съ благороднымъ тегномъ, и я прошу тебя послать меня для наблюденія за тѣмъ, чтобы ему было сдѣлано достойное его сану угощеніе и ободрить и утѣшить его въ печали.

— Пожалуй, но послѣ; такого знатнаго гостя прежде всего долженъ принять мой первый столыникъ.

И обратившись къ герольду, онъ велѣлъ ему проводить сак-

своего тегна въ покон, занимаемые во дворцѣ Вильгельмомъ Фицосборномъ, и передать его на попеченіе графа.

Когда Саксонецъ вышелъ, съ уныніемъ и неудовольствіемъ въ лицѣ, и дверь за нимъ затворилась, Вильгельмъ всталъ и началъ въ восторгѣ радости ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ояъ мой! мой наконецъ! вскричалъ онъ; не какъ добровольный, свободный гость, а какъ выкупленный невольникъ. Ояъ мой,—графъ Гарольдъ! мой!... Ступай любезный Малле, къ этому кислому Англичанну; и смотри, протруби ему уши всеми сказками, какія только придумаешь, о жестокости и бѣшеномъ нравѣ Гви. Опшиши ему въ увеличенномъ видѣ все затрудненія, какія могутъ представиться мнѣ въ освобожденіи Гарольда. Увѣрь его въ опасности положенія узника, и въ огромность моего благодѣанія, если я его освобожу. Понимаешь?

— Я Норманъ, государь, отвѣчалъ де-Гравиль, съ лукавою улыбкою, а мы, Норманы, мастера накрыть полцарства самою не большою епанчею. Ты будешь доволенъ моими увѣщаніями.

— Иди же, иди, сказалъ Вильгельмъ; и вели мнѣ прислать немедленно... Ла-Франка... Нѣтъ, постой... не Ла-Франка, у него совѣсть слишкомъ щекотлива... развѣ Фицосборна... нѣтъ, онъ гордъ... сходи прежде всего къ моему брату, Одо, и проси его ко мнѣ немедленно.

Рыцарь поклонился и вышелъ; а Вильгельмъ продолжалъ ходить по комнатѣ, сверкая глазами и бормоча что-то между полуоткрытыхъ губъ.

II.

Долго шли переговоры между Вильгельмомъ и графомъ Понтъ-скимъ; сначала не было въ нихъ и рѣчи о выкупѣ, и герцогъ говорилъ гордымъ повелительнымъ тономъ, который онъ, вѣроятно, принималъ притворно, за тѣмъ чтобы растянуть переговоры; наконецъ Гви согласился отпустить знаменитаго узника за значительную сумму денегъ и великолѣпное помѣстье на рѣкѣ Ояѣ. Но былъ ли это дѣйствительно выкупъ, или только награда за условленную между ними хитрость, никто не могъ разрѣшить до нынѣ; предоставляемъ уму болѣе нашего провицательному угадать, которое предположеніе вѣроятнѣе. По окончаніи переговоровъ, Гви самъ отворилъ дверь тюрьмы; и послѣ того обращался съ Гарольдомъ также почтительно и привѣтливо, какъ прежде былъ къ нему жестокъ и высокомеренъ, стараясь пока-

зять видъ, что смотреть на все случившееся, какъ на дѣло вполне справедливое и законное, и теперь получившее благопріятный конецъ.

Онъ даже самъ, съ великолѣпною свитою проводилъ Гарольда въ замокъ Э, и только съ ласковою веселостію смѣялся короткими и гордыми отвѣтамъ графа на его привѣтствія и извиненія. Самъ Вильгельмъ пріѣхалъ въ замокъ, не славившійся впоследствии честностію и благородствомъ своихъ владѣтелей, на встрѣчу Гарольду; и, отложивъ въ сторону гордость этикета, заведеннаго имъ при своемъ дворѣ, вышелъ встрѣчать знатнаго гостя у воротъ; самъ помогъ ему сойти съ лошади, и дружески обнялъ его среди грома трубъ и литавръ.

Для большаго почету и гостю и хозяину былъ собранъ весь цвѣтъ славнаго дворянства, которое нѣсколько поколѣній обратили изъ дикихъ балтійскихъ разбойниковъ въ самое доблестное рыцарство всей Европы.

Тутъ были Гуго де-Монфоръ и Роже де-Бомонъ, знаменитые въ совѣтѣ и на полѣ битвы, и уже посѣдѣвшіе въ славѣ. Былъ тутъ и Гепри, сиръ де Ферреръ, получившій свое прозваніе, какъ полагають, отъ огромныхъ горновъ, пылавшихъ вокругъ его замка, и отъ наковалень, на которыхъ ковалось неотразимое въ бояхъ оружіе. Были тутъ и Рауль де-Танкарвилъ, старый воспитатель Вильгельма, потомственный постельничій норманскихъ графовъ; и Жофруа де Мандевиль, и Тустень-Бѣлокурый, котораго имя сохраняло еще, среди общаго искаженія названій, несомнѣнные признаки датскаго происхожденія; и Гуго де Гранмениль, только что возвратившійся изъ изгнанія; и Гомфрей де-Богенъ, котораго древній замокъ въ Каркютанѣ существуетъ до нынѣ; Сеиъ Джонъ, Лася, и д'Энкуръ, владѣтели обширныхъ земель между Меномъ и Уазомъ, и Вильгельмъ де Монфишѣ, и Рожѣ, прозванный въ насмѣшку Изувѣромъ, и Рожѣ де-Мортмеръ; и множество другихъ, которыхъ слава жива до нынѣ, но не въ ихъ родныхъ областяхъ Невстрійскихъ. Были тутъ также, въ бѣлыхъ мантияхъ сверхъ своей пышной одежды, знаменитѣйшіе сановники, которые съ возшествія Вильгельма на престолъ стяжали общую любовь и славу своею ученостію: Ланфранкъ, и правитель кутанскій и бекскій, и — первый по сану — Одо байскій.

Собраніе вельможъ было такъ многочисленно, что почти не оставалось мѣста на дворѣ для менше знатныхъ рыцарей и сановниковъ, которые однако, забывъ свою норманскую важность, толкали другъ друга, чтобъ взглянуть на льва, охранявшаго Анг-

лю. А между тѣмъ Гарольдъ, въ своей спокойной престетѣ казался также великъ, какъ нѣкогда на своемъ военномъ кораблѣ на Тонзѣ; какъ тогда, казался онъ назначеннымъ повелѣвать всѣми окружающими.

Дѣйствительно, всѣ, кому удалось видѣть его, когда онъ шелъ радомъ съ герцогомъ, восхищались его ростомъ, не уступающимъ въ высотѣ и прямизнѣ росту самаго Вильгельма, и его мѣтве массивнымъ, но болѣе соразимѣрнымъ и гибкимъ складомъ, въ которомъ опытный глазъ видѣлъ физическую силу почти равную силѣ герцога. Невольный шопоть восторга прошелъ по рядамъ зрителей при видѣ саксонскаго витязя, потому что никто въ мѣрѣ не цѣнилъ такъ наружныхъ достоинствъ какъ норманское рыцарство.

Герцогъ, ласково и непринужденно разговаривая съ Гарольдомъ, и въ тоже время наблюдая своими рыжими глазами каждое его движеніе, привелъ гостя въ потаенный покой въ третью ярусъ замка; тутъ содержались Гаконъ и Вольнотъ.

— Это, я полагаю, не покажется тебѣ удивительнымъ, сказалъ герцогъ; но удаюсь, чтобы не тревожить вашего свиданія.

Съ этими словами Вильгельмъ вышелъ; Вольнотъ бросился въ объятія брата, а Гаконъ робко подошелъ къ графу и коснулся его одежды.

Гарольдъ притянулъ его въ свои объятія, и прижалъ къ груди такъ-же нѣжно, какъ Вольнота; потомъ, какъ скоро успокоилась первая радость свиданія, онъ сказалъ племяннику:

— Помня тебя ребенкомъ, я собирался сказать тебѣ: — Будь мнѣ сыномъ. — Но теперь, видя тебя взрослымъ юношею, скажу тебѣ: — Заступи мѣсто своего отца, и будь мнѣ братомъ! — А ты, Вольнотъ, сдержалъ ли ты данное мнѣ слово? По платью ты Норманъ, — Англичанинъ ли ты еще по сердцу?

— Тс! шепнулъ Гаконъ; тс! У насъ есть поговорка, что и у стѣнъ бываютъ уши!

— Однако же, французскія стѣны едва ли что нибудь поймутъ въ нашемъ кентскомъ нарѣчій, сказалъ Гарольдъ съ улыбкою; и лицо его нѣсколько помрачилось.

— Правда, отвѣчалъ Гаконъ; они не поймутъ; говори по-саксонски, и мы безопасны.

— Безопасны? подхватилъ Гарольдъ.

— Опасенія Гакона одно ребячество, любезный братъ, сказалъ Вольнотъ; онъ обижаетъ герцога.

— Не герцога, а политику, которая обхватываетъ его кругомъ,

как атмосфера, возразилъ Гаконъ. Великодушно поступилъ ты, Гарольдъ, прѣбхавъ сюда за своими родственниками; — очень великодушно. Но лучше было бы для блага Англіи, изтомиться намъ здѣсь въ неволѣ, нежели тебѣ, надеждѣ и опорѣ Англіи, ступить ногою въ это сплетеніе злобы и хитростей.

— Молчи! вскричалъ Вольнотъ нетерпѣливо: для блага Англіи необходимо, чтобы Норманы и Саксонцы жили въ согласіи и дружбѣ.

Гарольдъ вперилъ свой пронизательный взоръ на брата и на племянника; и съ перваго взгляду прочелъ въ черныхъ глазахъ и въ грустномъ лицѣ Гакона признаки несравненно болѣе глубокаго и наблюдательнаго ума, нежели въ улыбающемся лицѣ Вольнота; потому что Гарольдъ умѣлъ не хуже своего отца читать въ сердцахъ людей, когда только врожденное простодушіе и довѣрчивость, крившіяся подъ его спокойно и холодно наружною, не усыпляли его пронизательности.

Отведя племянника немного въ сторону, онъ сказалъ ему:

— Кто предостережень, тотъ готовъ отразить опасность. Такъ ты думаешь, что этотъ сладкорѣчивый герцогъ способенъ покуситься на мою жизнь?

— На жизнь — нѣтъ; а на твою свободу, пожалуй.

Гарольдъ вздрогнулъ; кипѣвшія въ его душѣ страсти, которыя онъ обыкновенно обуздывалъ силою своей воли, заколыхали его грудь и засверкали въ его глазахъ.

— На мою свободу!... Пусть только осмѣлятся! Хотя бы войсками его было уставлено все пространство отъ его дворца до его береговъ, я пробью себѣ путь сквозь ихъ ряды.

— Развѣ ты считаешь меня трусомъ? воскликнулъ простодушно Гаконъ. — Однакоже развѣ меня не держитъ графъ цѣлые годы, безконечные годы, въ своей землѣ, противъ всякаго права и закона, и противъ воли самаго короля Эдуарда? Сладки его рѣчи, но мрачны его дѣла; не бойся насилія, а бойся коварства.

— Не боюсь ни того, ни другаго, отвѣчалъ Гарольдъ, выпрямившись во весь ростъ. — И не сожалѣю ни на одно мгновеніе, — нѣтъ, не сожалѣлъ даже въ тюрьмѣ того коварнаго графа, которому, если Богу угодно будетъ продлить мою жизнь, отплатчу за предательство огнемъ и мечемъ!... не сожалѣю о томъ, что прѣбхалъ сюда требовать освобожденія своихъ родственниковъ. Я прѣбхалъ требовать ихъ именемъ Англіи... силенъ ея силою, и огражденъ ея неприкосновенностью.

Но успѣвъ Гагонъ отвѣчать, какъ отворилась дверь, и вошелъ Рауль де Танкарвилль, первый постельничій норманскаго двора, со всею свитою Гарольда; за нимъ множество норманскихъ оруженосцевъ и слугъ несли богатые наряды.

Норманскій вельможа поклонился графу со всею утонченною вѣжливостію своего племени, и просилъ позволенія вести его въ баню, между тѣмъ какъ собственная его прислуга должна была приготовить ему богатое одѣяніе къ пиршеству, назначенному въ честь знатнаго гостя. Такимъ образомъ было пресѣчено дальѣйшее объясненіе Гарольда съ братомъ и племянникомъ.

Герцогъ соблюдалъ при своемъ дворѣ такой же строгій этикетъ, какой былъ соблюдаемъ при дворѣ французскаго короля; никто не виѣлъ права обѣдать за однимъ столомъ съ нимъ, кромѣ его семейства и почетныхъ гостей. Царедворцы его, гордые, необузданные бароны почтительно стояли за его кресломъ. Вильгельмъ Фицсборнъ, прозванный Гордымъ, самъ своими руками ставилъ на столъ вкусныя яства, приготовленіемъ которыхъ славились повсюду норманскіе повара. И дѣйствительно великіе люди были эти норманскіе повара; и не рѣдко за изготовленный ими необыкновенно вкусный кусокъ, выпадала имъ въ награду золотая цѣпь, или дорогой яхонтъ, или даже доброе помѣстье съ замкомъ. Завидная была доля поварамъ въ тѣ времена!

Вильгельмъ былъ самый очаровательный изъ людей, когда хотѣлъ кого-нибудь обласкать; а можно себѣ представить, что онъ не щадялъ никакихъ средствъ, чтобы обворожить своего дорогаго гостя. Еще любезнѣе его, если возможно, была его супруга. Герцогиня Матильда, женщина замѣчательная по своему образованію, своей красотѣ и по честолюбію, едва ли уступавшему честолюбію самого Вильгельма, умѣла съ рѣдкою ловкостью обращаться всегда бесѣду на предметы, пріятныя слуху Англичанина. Родство ея съ Гарольдомъ, черезъ бракъ ея сестры съ Гостигомъ, допускало между ними дружескую свободу, которою она очень искусно пользовалась; и она потребовала съ обворожительною улыбкою отъ молодаго графа, чтобы все свободное время, какое оставалъ ему герцогъ, онъ проводилъ съ нею.

Пиръ былъ оживленъ пѣснью самого великаго Тайльфера, который, по примѣру своей государыни, избралъ предметъ равнолестный для Нормановъ и Саксонцевъ; именно, помощь поданную Ролломъ Этельстану, и дружественный союзъ англійскаго короля съ основателемъ Норманскаго графства. Онъ искусно ввелъ въ свою пѣснь хвалу Англичанамъ, и прочности ихъ друж-

бы; а графиня зналаши и словами одобряла все, что относилось къ чести родины знатнаго гостя. Если Гарольду пріятны были эти косвенныя, поэтическія хвалы, то не менѣе удивляло его почтенеіе, которое оказывали пѣцу и герцогу и бароны; потому что однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ послѣдствій того благоговѣнія передъ однимъ богатствомъ, который затмилъ первоначальный характеръ Саксонцевъ, было неуваженіе къ пѣцамъ.

Многое замѣтилъ Гарольдъ съ самаго перваго дня при этомъ дворѣ, достойное похвалы и уваженія: воздержность, столь чуждую Англичанамъ, и которую сами Норманы не долго сохранили, когда переселились на англійскую почву; чинный порядокъ и благородное великолѣпіе, которыми отличалась феодальная система, которая такъ гармонически связывала государя съ вассалами и вассаловъ съ простыми рыцарями; — благосклонную любезность и образованный умъ царедворцевъ; просвѣщенную любовь къ музыкѣ, наукамъ, поэзіи, искусствамъ, которая выказывалась въ рѣчахъ не только герцога и герцогини, но и всѣхъ молодыхъ царедворцевъ всегда готовыхъ подражать и доброму и дурному примѣру государя. Все это поражало умъ Гарольда, какъ признаки истиннаго просвѣщенія и истиннаго царскаго величія; все это печалило и въ то же время вдохновляло его душу; — печалило мыслію, какъ далеко Англія отстала во многихъ отношеніяхъ отъ этого сравнительно ничтожнаго герцогства; и вдохновляло сознаніемъ, какъ много могъ сдѣлать одинъ великій вождь для блага и величія своего отечества.

Неблагопріятное впечатлѣніе оставшееся въ мысляхъ графа послѣ Гаионовыхъ предостереженій не могло не разсѣяться вскорѣ передъ любезностями, которыми его осыпали, и передъ престодушною откровенностію, съ которою Вильгельмъ, смѣясь, извѣщаясь въ томъ, что такъ долго задержалъ заложниковъ, — для того, любезный гость, говорилъ онъ, чтобы принудить тебя самого пріѣхать за ними. А какъ ты теперь здѣсь, то клянусь тебѣ, ты не выйдешь отсюда пона въ болѣе пріятныхъ воспоминанійхъ не забудешь жестокаго обращенія вѣроломнаго графа. Полно кусать губы, любезный Гарольдъ; предоставь мнѣ отметить за тебя коварному Гви. Равно или поздно, самое помѣстье, которое онъ у меня выманитъ, послужитъ мнѣ поведомъ новосвать съ нимъ; и тогда ты можешь пожалуй самъ прійти изъ за моря, чтобы перевѣдаться съ нимъ за свою обиду. Ты не повѣришь, какъ я радъ случаю отблагодарить шурина моего добраго брата и господина, за всѣ почести, которыми меня осыпалъ

англійскій король и его королевство. Завтра поѣдемъ мы въ Руанъ и отпразднуемъ твое посѣщеніе всякими рыцарскими увеселеніями, и клянусь тебѣ высшимъ покровителемъ норманскаго рыцарства, я не буду доволенъ, пока не вижу твоего имени въ числе самыхъ доблестныхъ своихъ рыцарей. Между-тѣмъ уже наступаетъ ночь; тебѣ же, вѣроятно, нужно уснуть.

Съ этими словами герцогъ самъ повелъ Гарольда въ назначенные ему покои, и принудилъ графа позволить ему отстегнуть вражку его пышнаго настаня. Отстегивая ее, герцогъ, будто случайно, провелъ рукой по всей правой рукѣ графа.

— А! вскричалъ она, свойственнымъ ему отрывистымъ голосомъ и съ живостью: эти жилы бывали въ дѣлѣ! Какъ ты думаешь, можешь ли ты натянуть мой лукъ?

— Кто могъ натянуть лукъ Улнессовъ? отвѣчалъ Гарольдъ, устремлявъ на Нормана свои смолочные, но проницательные голубые глаза.

Вильгельмъ невольно измѣнился въ лицѣ: онъ чувствовалъ, что онъ въ это мгновеніе болѣе походилъ на Улнесса, чѣмъ на Ахиллеса.

III.

Вильгельмъ и Гарольдъ вмѣстѣ, другъ подлѣ друга вѣхали въ славный городъ Руанъ, гдѣ рядъ блестящихъ праздниковъ и увеселеній, — изъ которыхъ принадлежали опыты «рыцарской доблести», и изъ которыхъ въ слѣдующемъ вѣкѣ образовались великолѣпные поединки и турниры — должны были ослѣпить зоры и обворожить умъ знатнаго гостя. И въ самомъ дѣлѣ, это была роковая чара, которая всего сильнѣе дѣйствовала на чужеземцевъ, пріѣзжавшихъ въ норманскую землю; она уже онорманила не одного молодого Саксонца. Но Гарольда хранила отъ этого вліянія его мужественная простота и пламенная любовь къ родинѣ, составлявшія главное величіе его души. Какъ ни ласкалъ и ни чествовалъ его, по свидѣтельству даже лѣтописцевъ наиболее пристрастныхъ къ Норманамъ, дворъ болѣе расположенный хулить Саксонца, нежели отдавать справедливость его заслугамъ: какъ ни дивились эти воинственные царедворцы и рыцари не только физической силѣ и смѣлости духа, которыя онъ являлъ въ этихъ чуждыхъ саксонскому витязю состязаніяхъ, но и его обращенію, его краснорѣчію, высокому уму и прочимъ его доблестямъ, — однако же онъ смотрѣлъ равнодушно и спокойно

на всё эти обаянія, кружившія голову большей части его соотечественниковъ.

Торжество перемежалось великолѣпными поѣздками по всѣмъ городамъ и крѣпостямъ герцогства; если вѣрить нѣкоторымъ писателямъ, Гарольдъ посѣтилъ даже въ сопровожденіи герцога французскаго короля Филиппа, въ Компьенѣ. По возвращеніи ихъ въ Руанъ, Гарольдъ и шесть тегновъ, составлявшіе его свиту, были торжественно приняты въ воинственное братство витазей, учрежденное Вильгельмомъ, и которое мы называемъ нынѣ, на основаніи лѣтописей слѣдующаго вѣка, рыцарями. Ихъ опоясали серебряными поясами, дали имъ въ руки дротикъ съ острымъ ялюгерани, и семь саксонскихъ тегновъ сдѣлались норманскими рыцарями.

Вечеромъ того дня, когда былъ совершенъ этотъ обрядъ, Гарольдъ сидѣлъ съ герцогиней и ея малолѣтними дочерьми. Красота одной изъ нихъ въ особенности поразила графа. Матильда подняла глаза съ своего вышиванья, и подозвала къ себѣ ту изъ малютокъ, которая заслужила столь сладкія для ея материнскаго слуха похвалы гостя.

— Аделиза, сказала она, положивъ руку на темнорусыя кудри дѣвочки; хотя мы не желали бы, чтобы ты такъ рано узнала какъ лживы и лживы людскія рѣчи, однако же нашъ благородный гость такъ извѣстенъ своею правдивостью, что ты можешь вѣрить его отзывамъ о твоей красотѣ. Помни его слова, и гордись ими, дочь моя; пусть это воспоминаніе хранитъ твою юность отъ поклоненій не столь доблестныхъ людей; и да награждаетъ тебя судьба супругомъ храбрымъ и прекраснымъ, какъ благородный графъ.

Малютка покраснѣла до ушей; но отвѣчала съ живостью избалованнаго ребенка, можетъ-быть по заданному ей заранѣе уроку:

— Любезная матушка, не хочу я другаго супруга, кромѣ самаго графа Гарольда; если же онъ не захочетъ взять себѣ Аделизу въ супруги, то она умретъ въ монастырѣ.

— Глухая дѣвочка, развѣ приходится дѣвницѣ сватать за себя жениха? сказала Матильда улыбаясь. Ты слышалъ ея слова, благородный Гарольдъ, что ты на это скажешь?

— Что она впередъ будетъ умнѣе, отвѣчалъ Гарольдъ, улыбаясь и цѣлуя малютку въ лобъ. Прекрасная Аделиза, когда тебѣ придетъ пора идти къ вѣнцу, время убѣлить мои волосы; и

ты презрительно улыбнешься, если Гарольдъ напомнитъ твоё общаніе.

— Пить, отвѣчала Матильда серьёзно: благородныя дѣвицы выбираютъ жениховъ не по лѣтамъ, а по доблести; — доблесть никогда не старѣетъ.

Гарольдъ былъ пораженъ торжественностью, съ которою Матильда произнесла эти слова, какъ бы желая дать серьёзное значеніе тому, что сначала казалось одною шуткою; какъ опытный царедворецъ, онъ тотчасъ понялъ, что около него разставляли сѣти, и потому отвѣчалъ полумутивно, полусеріозно:

— Къ-счастью, у меня на сердцѣ есть талисманъ, который оградитъ его отъ всякой красоты, даже этого двора.

Лицо Матильды помрачилось; въ это мгновеніе вошелъ Вильгельмъ съ обыкновенною своею живостью и помѣнялся съ герцогинею взглядами, которые также не укрылись отъ пронзительности Гарольда.

Однако герцогъ подошелъ къ Саксонцу, и сказалъ ему шутливо:

— Мы, Норманы, отъ природы не ревнивы; но правда, что домыслѣ не видали мы такихъ прекрасныхъ Саксонцевъ наединѣ съ нашими женами.... Гарольдъ, продолжалъ онъ серьёзно: у меня есть просьба къ тебѣ. Пойдемъ со мною.

Графъ послѣдовалъ за Вильгельмомъ въ его комнату, гдѣ собрались всѣ главные вожди, и о чемъ то разсуждали; Вильгельмъ носившій увѣдомить гостя, что рѣчь шла о походѣ на Бретонцевъ, и присоединилъ, что, зная его знакомство съ языкомъ, нравами и образомъ войны валлизскаго племени, родственнаго Бретонцамъ, онъ надѣялся на его помощь и содѣйствіе въ этомъ походѣ, который будетъ непродолжителенъ.

Графъ, можетъ-быть, былъ отчасти радъ въ душѣ, на старанія Вильгельма ослабить его своимъ могуществомъ отвѣчать блестящимъ примѣромъ собственнаго его воинскаго искусства и храбрости его саксонской дружины. Въ этомъ могла быть своя польза; во всякомъ же случаѣ недовко было отказаться отъ предложенія. Онъ обрадовалъ Вильгельма немедленнымъ согласіемъ; и остальная часть вечера, до глубокой ночи, была проведена за картами и планами крѣпостей и страны, которые предполагалось завоевать.

Всѣ норманскія хроники полны разсказовъ объ искусствѣ и храбрости, оказанныхъ въ этомъ походѣ Гарольдомъ и его Саксонцами. Одно личное мужество графа спасло, въ каэнонскомъ

проходѣ, цѣлый отрядъ Вильгельмовыхъ воиновъ отъ неминуемой смерти въ сыпучихъ пескахъ. Словомъ, доблесть саксонскаго вождя, если не затмила въ этомъ короткомъ, но блестящемъ походѣ воинской славы Вильгельма, то, безъ сомнѣнія, сравнялась съ нею.

Во все продолженіе похода, Вильгельмъ и Гарольдъ жили въ одной палаткѣ и держали одинъ столъ; самая искренняя дружба связывала ихъ, по видимому, какъ родныхъ братьевъ; между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ эти два человѣка, разные умомъ и способностями. — одинъ необходимый въ своей глубоко обдуманной хитрости, а другой въ своей мудрой, спокойной осторожности, — чувствовали, что между ними шла безмолвная борьба за владычество, подъ личиною дружбы и согласія.

Гарольдъ уже понималъ, что политическая цѣль, побуждавшая его предпринять путешествіе, не оправдалась; онъ чувствовалъ, хотя еще не могъ дать себѣ отчета въ причинахъ, что Вильгельму менѣе чѣмъ кому-либо могъ онъ свернуть тайну своего честолюбія, и отъ него всего менѣе могъ ожидать содѣйствія.

Однажды, во время короткаго перемирія съ защитниками осажденной крѣпости, Гарольдъ и Вильгельмъ стояли у входа своей палатки и смотрѣли на военные игры, которыми Норманы убивали скуку бездѣйствія, и въ которыхъ передъ всѣми отличался Тайльферъ. Вдругъ Вильгельмъ закричалъ Малле де-Гравиллю:

— Подай мнѣ мой лукъ.... Посмотримъ, Гарольдъ, не затмешь ли ты его.

Подали лукъ, и Саксонцы и Норманы столпились вокругъ двухъ вождей.

— Прибей свою перчатку къ тому дереву, Малле, сказалъ герцогу, взявъ въ руки лукъ и тщательно осматривая тетиву.

Потомъ онъ притянулъ лукъ къ самому уху, и стрѣла, проткнувъ перчатку, воткнулась въ стволъ до самой сердцевины съ такимъ силою, что могучее дерево задрожало отъ удара.

— Это не наше оружіе, сказалъ графъ: я маѣ, не привычному, не слѣдуетъ подвергать опасности честь англійскаго народа въ неразумномъ состязаніи съ рукою, согнувшею эту стрѣлу и путившею эту стрѣлу. Однако же и я покажу твоимъ норманскимъ рыцарямъ, что у насъ есть по-крайней мѣрѣ свое оружіе, которымъ мы можемъ отражать стрѣлы и поражать противниковъ.... Говорить, подай мнѣ мой щитъ и датскую сѣкиру.

И взявъ щитъ и сѣкиру изъ рукъ Годрита, Гарольдъ сталъ передъ деревомъ.

— Ну, благородный герцогъ, сказалъ онъ, выбирай свою самую длинную стрѣлу, прикажи десятерымъ самымъ искуснымъ своимъ стрѣлкамъ взять свои луки; я буду ходить вокругъ дерева, и пусть стрѣлы цѣлятся въ тѣ части моего тѣла, которыя не будутъ прикрыты моимъ щитомъ.

— Нѣтъ! вскричалъ Вильгельмъ: это будетъ просто убійство!

— Это не болѣе какъ опасность, которой мы подвергаемся каждое мгновеніе въ бою! возразилъ Гарольдъ, отходя къ дереву.

Кровь бросилась въ лицо Вильгельму; ливная жажда крови осушила ему горло.

— Если онъ этого хочетъ, сказалъ онъ, призывая стрѣлковъ: да не посрамится Нормандія. Цѣлитесь мѣтко, чтобы ни одна стрѣла не давала промаху; старайтесь только не попадать въ сердце или въ голову; кровоупусканіе лучшее лекарство отъ такой гордости.

Стрѣлки кивнули въ знакъ повиновенія и стали по мѣстамъ съ разныхъ сторонъ. Казалось, Гарольду не миновать было смерти, потому что, хотя съ тылу защищало его дерево, вращаясь околомъ него, онъ всегда оставалъ нѣкоторыя части своего тѣла неприкрытыми щитомъ; а по быстротѣ его движеній стрѣлкамъ невозможно было цѣлиться такъ, чтобы только ранить, а не убить его. Несмотря на то, графъ, по видимому, очень мало заботился объ отраженіи опасности; онъ безстрашно поднималъ обнаженную голову надъ щитомъ и однимъ взглядомъ своихъ неподвижныхъ глазъ, свѣтлыхъ в спокойныхъ средѣ опасности, обнималъ всѣ устремленныя въ него стрѣлы.

Въ одно мгновеніе пять стрѣлъ визгнуло въ воздухъ; но щитъ съ такою дивною быстротою обращался противъ каждой по очереди, что въ одно мгновеніе три стрѣлы отскочили отъ него и упали на землю, а двѣ другія переломались объ его твердую поверхность.

Между тѣмъ Вильгельмъ, выждавъ первый залпъ и улучивъ мигу, когда щитъ, обернувшись въ другую сторону, оставилъ грудь Гарольда совершенно обнаженною, пустилъ свою грозную. Благородный Тайльферъ, съ участіемъ истиннаго поэта, кричалъ: «Берегись, Саксонецъ!» Но бдительному Саксонцу не нужно было предостереженія. Гарольдъ, взглянувъ съ пренебреженіемъ на одинокую стрѣлу, не подставилъ ей щита, а взмахнувъ своею тяжелою сѣкирою, которою немногіе могли дѣйствовать

одною рукою, выступилъ на шагъ впередъ и перерубилъ стрѣлу на лету пополамъ.

Прежде чѣмъ громкое восклицаніе досады и изумленія успѣло слетѣть съ устъ Вильгельма, остальные пять стрѣлъ были уже отражены быстрымъ щитомъ также удачно какъ первыя.

Гарольдъ возвратился къ герцогу, и сказалъ ему съ веселою улыбкою:

— Это еще одна оборона, благородный герцогъ. А мало было бы толку въ сѣкирѣ, если бы она не могла также хорошо поражать какъ отбивать. Теперь прошу тебя, прикажи положить на этотъ полуразвалившійся каменный столбъ (остатокъ друидическаго язычества) шлемъ и кольчугу, которые устоятъ противъ самаго тяжелаго бердыша, и ты самъ посудишь, хорошо ли наша англійская сѣкира можетъ охранять нашу землю.

— Если твоя сѣкира разрубитъ шлемъ, бывшій на мнѣ при Бавентѣ, когда Франки бѣжали отъ меня съ своимъ королемъ, отвѣчалъ герцогъ съ злобною усмѣшкою, то я перестану уважать Цезаря, что онъ не придумалъ такого грознаго оружія!

Съ этими словами герцогъ вошелъ въ свою палатку и вскорѣ вышелъ изъ нея, неся шлемъ и кольчугу. Норманы, сражаясь обыкновенно на коняхъ, носили доспѣхи несравненно крѣпче и тяжелѣе чѣмъ Датчане и Саксонцы, которые ходили въ бой по большей части пѣшіе и, слѣдовательно, не могли такъ обременять себя; а если крѣпки и тяжелы были вообще доспѣхи Нормановъ, то можно себѣ представить, какой вѣсъ могъ выносить на себѣ сильный герцогъ. Вильгельмъ самъ своими руками положилъ кольчугу на полуразвалившійся друидическій камень, а на кольчугу шлемъ.

Гарольдъ долго и внимательно осматривалъ лезвее сѣкиры: она была такъ богато насѣчена золотомъ, что трудно было подъ этия вѣшныя блескомъ замѣтить съ перваго взгляду ея остроту. Гарольдъ наследовалъ эту сѣкиру отъ Канута-Великаго, который самъ, хотя и Датчанинъ, былъ небольшого росту и нѣжнаго склада, и потому принужденъ былъ замѣнять недостатокъ физическихъ силъ совершенствомъ оружія и искусствомъ. Славна была эта сѣкира еще въ рукѣ Канута, но во сколько разъ грознѣе стала она въ мощной рукѣ Гарольда. Схвативъ тяжелое оружіе обѣими руками и очертавъ имъ нѣсколько быстрыхъ круговъ въ воздухѣ, придававшихъ необычайную силу его натиску, графъ опустилъ его; при первомъ ударѣ шлемъ развалился на обѣ стороны, перерѣзанный пополамъ по самой серединѣ; при

второй ударъ — плотная калчуга была перерублена будто самый крупный элингранъ, и даже огромный осколокъ самого камня съ шумомъ покатылся на землю.

Норманы не могли опомниться отъ изумленія; Вильгельмъ былъ блѣднѣе какъ разсыпавшійся камень. Онъ чувствовалъ, что даже безпримѣрное искусство его скрывать свои мысли ему нѣмало. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни превосходилъ онъ Гарольда физическою силою, не зная хитростей, потребныхъ для владѣнія сѣкнрою, онъ не могъ и думать о соотязаніи съ такими, повидимому, болѣе чѣмъ смертельными ударами.

— Есть ли хоть одинъ человѣкъ подъ широкимъ небомъ, котораго рука могла бы совершить подобный подвигъ? воскликнулъ Брюсъ, предокъ знаменитаго Шотландца.

— Ни одного, отвѣчалъ Гарольдъ простодушно: а по крайней мѣрѣ тысячъ тридцать такихъ бойцевъ оставилъ я въ своемъ отечествѣ. Это, впрочемъ, былъ еще только подвигъ пустаго тщеславія; а сила удесяторяется въ правомъ дѣлѣ.

Эти слова довершили смущеніе герцога; боясь дать замѣтить, что онъ понялъ скрывавшійся въ нихъ смыслъ, онъ поспѣшилъ противъ воли пробормотать изъясленіе своего удивленія его искусству. Между тѣмъ Фицосборнъ, де-Богенъ и прочіе вожди какъ лживые рыцари разсыпались въ самыхъ искреннихъ и восторженныхъ похвалахъ воинскимъ доблестямъ гостя.

Сдѣлавъ знакъ де-Гравилло, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, герцогъ пошелъ къ палаткѣ своего брата, Одо Байёскаго, который, хотя никогда не принималъ участія въ сраженіяхъ, кромѣ необыкновенно важныхъ случаевъ, однако же всегда сопровождалъ Вильгельма въ его походахъ, затѣмъ, чтобы благословлять рати на бой, а также чтобы подавать свой голосъ на совѣщаніяхъ, потому что правитель былъ очень свѣдаущъ въ военной наукѣ.

Онъ былъ одинъ въ своей палаткѣ и сочинялъ нѣжное посланіе къ одной руанской красавицѣ, съ которою онъ разстался очень неохотно, чтобы идти въ походъ съ братомъ; не смотря на скромность Вильгельмова двора и на собственный свой суровый нравъ, Одо былъ счастливый герой не на одномъ полѣ брани. При входѣ Вильгельма, котораго нравственность на этотъ счетъ была очень чиста и строга, онъ поспѣшно сунулъ письмо въ лядунку, бывшую всегда при немъ, всталъ и сказалъ съ видомъ равнодушія.

— Но что съ тобою? отчего ты такъ встревоженъ?

— Одо, Одо, этотъ человекъ разрушаетъ всё мои планы.... дурачить меня.... я ужъ не знаю, съ которой стороны къ нему водступить. Я потратилъ.... Богу извѣстно, сколько я потратилъ, сказалъ герцогъ, вздыхая съ горестью скупца, принужденнаго открыть свои кладовыя: сколько я потратилъ на пирьы, празднества и турниры; кромѣ прекраснаго юнскаго помѣстья и денегъ, которыя выманилъ изъ моей казны жадный графъ понтьѣскій. И все это брошено безъ всякой пользы, пропало, растаяло какъ снѣгъ! проклятый Саксонецъ остался такимъ же Саксонцемъ, какъ будто никогда не видывалъ норманской славы, и не выкупали его норманскія сокровища изъ неволи и отъ гибели.... Нѣтъ, клянусь тебѣ, не дуракъ я, чтобы отпустить его на родину.... Посмотрѣлъ бы ты только, какъ онъ, волшебникъ, съ одного размаху перерубилъ мои доспѣхи, такъ легко, какъ-будто они свлечены изъ нововыхъ прутьевъ.... Ахъ, Одо, Одо! уныніе овладѣваетъ моимъ сердцемъ....

Между тѣмъ какъ Вильгельмъ говорилъ эти несвязныя рѣчи, Одо устремилъ вопрошающій взоръ на де Гравилъ, стоявшаго у входа палатки, и рыцарь рассказалъ ему въ короткихъ словахъ данный Гарольдомъ образецъ своей силы.

— Тутъ еще не отъ чего унывать, сказалъ Одо; только бы овладѣть человекомъ, а тамъ, чѣмъ сильнѣе вассалъ, тѣмъ могущественнѣе государь.

— Въ томъ-то и дѣло, что намъ имъ не овладѣть; я уже сдѣлалъ все, что только можно было, чтобы проникнуть въ его душу. Матильда почти прямо предложила ему руку прекраснѣйшей изъ моихъ дочерей. Ничто не ослѣпляетъ, ничто не прельщаетъ его. Ты думаешь, меня страшитъ сила его руки? Вздоръ; но меня приводитъ въ отчаяніе твердость и гордость души, дѣйствующей этою рукою; меня смущаетъ надменная мысль, крившаяся подъ его словами: «Такъ будетъ англійская сила хранить англійскую землю отъ жадности Нормановъ; такъ будутъ наши щиты и сѣкиры побѣждать ваши стрѣлы и доспѣхи!» Вотъ что онъ хотѣлъ сказать.... Братъ, братъ.... одинъ оборотъ его щита, одинъ взмахъ его сѣкиры высказали больше, чѣмъ все краснорѣчіе Цицерона. — Но, берегись! вскричалъ герцогъ свирѣпыимъ голосомъ: не то....

— Позволь мнѣ вымолвить слово, прервалъ де-Гравилъ, и предложить тебѣ совѣтъ....

— Говори, отвѣчалъ герцогъ.

— И такъ, если ты позволишь, я смиренно доложу тебѣ, что

ловецъ, когда хочетъ усмирить льва, не пресыщаетъ его, а истощаетъ. Левъ неустранимъ, когда видитъ передъ собою львиныхъ враговъ; но въ страданіяхъ и томленіи онъ утрачиваетъ свою природу. Ты сейчасъ говорилъ, что не отпустишь Гарольда обратно въ отечество....

— И не пушу! по-крайней-мѣрѣ, не иначе какъ, когда онъ не дастъ клятвы въ вѣрности, подхватилъ герцога.

— Попытайся же сдѣлать ему такое предложеніе, и увидишь, приблизитъ ли это тебя къ цѣли. Будь увѣренъ, что онъ отвергнетъ твое предложеніе, и отвергаетъ его съ презрѣніемъ!

— Съ презрѣніемъ? Миѣ ли смѣешь ты говорить о презрѣніи? гнѣвно вскричалъ герцогъ: Съ презрѣніемъ? вѣтъ у меня развѣ палачей, у которыхъ сѣкиры также остры, какъ Гарольдова? мѣя же узника не одѣта въ мою норманскую кольчугу.

— Прости меня, государь, отвѣчалъ Маллѣ съ гордостью: смѣло высказалъ я тебѣ свою мысль, за тѣмъ только, чтобы спасти тебя отъ необдуманнаго поступка, о которомъ ты самъ сталъ бы сожалѣть впослѣдствіи. По крайней мѣрѣ предупреди графа, дай ему обсудить свое положеніе.... дай ему на выборъ неволю или покорность тебѣ.... пусть онъ знаетъ, что ему не миновать одного изъ двухъ.... пусть увидитъ, какъ мрачны твои темницы, какъ крѣпки ихъ стѣны. Не грози ему лишеніемъ жизни — храбрый воинъ не боится смерти — самъ не грози ему ничѣмъ, пусть другіе внушатъ ему со стороны опасеніе за его свободу. Я хорошо знаю Саксонцевъ, и знаю самого Гарольда. Ихъ ничѣмъ не смиряешь такъ, какъ боязнию быть заключенными между четырехъ стѣнъ.

— Повнимаю, сынъ мой; сужденіе твое разумно, сказалъ Одо.

— Правда, сказалъ герцогъ протяжно: а я о томъ только и заботился, чтобы не родить въ его душѣ такихъ подозрѣній! Затѣмъ я, съ перваго же ихъ свиданія, поспѣшилъ удалить его отъ Вольвота и Гакона, которые въ норманскихъ бесѣдахъ вѣроятно многое подслушали, чего не слѣдуетъ передавать Саксонцамъ.

— Вольвотъ самъ уже почти Норманъ, возразилъ Одо съ улыбкою: онъ прикованъ узами любви къ одной прекрасной Норманкѣ, и, я думаю, предпочтетъ ея прелести счастью возвратиться на родину. Гаконъ напротивъ, какъ ты самъ знаешь, угрюмъ и бдителенъ.

— Тѣмъ лучше годится онъ въ собесѣдники Гарольду, сказалъ де Гравиль.

— Моя судьба, видно, вѣчно хитритъ и строитъ козни! слы-

залъ герцога съ глубокимъ вздохомъ, какъ-будто бы онъ былъ добрыйишій и простѣйшій изъ людей: но нечего дѣлать; я искренно люблю графа, и что дѣлаю, все для его же добра... то есть, сколько дозволяютъ мои законные права и притязанія на наследство моего брата Эдуарда.

— Конечно, подхватилъ Одо.

IV.

Всѣ послѣдующія сѣти, которыми старались онутать Гарольда, были придумываемы на основаніи этого рѣшенія. Вскорѣ послѣ того станъ снялся, и войско отправилось къ Байё. Обращеніе Вильгельма съ графомъ почти не измѣнилось противъ прежняго; но онъ очевидно избѣгалъ его прямыхъ объясненій о необходимости присутствія его въ Англіи, и невозможности долге отлагать отъѣздъ или же не отвѣчалъ на нихъ; подъ предлогомъ занятія дѣлами, онъ часто уходилъ отъ графа, въ особенности же не оставался съ нимъ наединѣ, и посылалъ вмѣсто себя Одо или Маллѣ де Гравиль занимать гостя. Все это наконецъ возбудило сильныя подозрѣнія въ умѣ графа, которыя подкрѣпляли съ одной стороны Маллѣ-де-Гравиль своими благонамѣренными отчасти намеками, а съ другой — Одо своими болѣе откровенными рѣчами. Первый старался ввертывать въ разговоръ, будто для поясненія Вильгельмова свирѣпаго характера, примѣры жестокости и мстительности, дѣйствительно помрачавшихъ нравъ норманскаго завоевателя; второй же почти безъ обиняковъ высказывалъ свое убѣжденіе въ томъ, что Гарольду еще долго пробыть въ норманской землѣ.

— Ты еще успѣешь, я надѣюсь, сказалъ онъ однажды графу, ѣхавшему подлѣ него верхомъ, помочь мнѣ научиться языку нашихъ предковъ. Въ окрестностяхъ Байё еще много говорятъ по-датски; это единственное мѣсто во всей Невстріи, гдѣ сохранились еще донынѣ языкъ и обычаи старины. Твои уроки могли бы принести мнѣ большую пользу. Въ годъ или въ полтора я надѣюсь довольно успѣть, чтобы быть въ состояніи свободно бесѣдовать съ тою частью моей братіи, которая не понимаетъ франческаго языка.

— Ты вѣрно шутишь, Одо, сказалъ Гарольдъ серьезно: ты самъ знаешь, что много черезъ недѣлю я долженъ ѣхать обратно въ Англію съ братомъ и племянникомъ.

Одо захохоталъ.

— Советую тебѣ, возлюбленный сынъ и графъ, быть поосторожнѣе, и не говорить этого такъ напрямки Вильгельму. Я и те уже замѣчаю, что ты оскорбилъ его своими необдуманными рѣ- чами; а кажется довольно ты уже наглядѣлся на герцога, чтобы знать, что когда его разгнѣваешь, отвѣты его коротки, а руки длинны.

— Ты самъ оскорбляешь герцога Вильгельма, возразилъ Гарольдъ съ негодованіемъ: предполагая, хотя бы и ради одной мутки, на что вы, Норманы, мастера, что онъ способенъ употребить насиліе противъ довѣрчиваго гостя.

— Нѣтъ, не противъ довѣрчиваго гостя, а противъ выкуп- леннаго узника. Конечно, братъ мой разсудитъ, что онъ купилъ у графа Гви права его на славнаго плѣнника. Впрочемъ, не по- чался! Норманскій дворъ не то, что понтьѣская темница; и если ждуть тебя оковы, то развѣ сплетенныя изъ розъ.

Отвѣтъ полный гнѣва и негодованія готовъ былъ сорваться съ устъ Гарольда, но былъ остановленъ знакомъ де-Гравилля, ко- торый приложилъ палецъ къ губамъ съ выраженіемъ страха и осторожности. Нѣсколько времени спустя, когда они сдѣлали при- валь, чтобы напоить лошадей, де-Гравиль подошелъ къ нему и сказалъ ему тихимъ голосомъ по-саксонски:

— Остерегайся Одо, и не говори съ нимъ слишкомъ откро- венно. Что говорится ему, все равно, что сказано Вильгельму; а герцогъ иногда бываетъ такъ горячъ, и такъ необдуманно дѣй- ствуетъ въ пылу страсти, что.... Но не хочу говорить о немъ дурного, или страшать тебя безъ нужды.

— Сиръ де Гравиль, сказалъ Гарольдъ, Одо Байѣскій не въ первый уже разъ намекаетъ мнѣ на насиліе; и не въ первый же разъ ты, безъ сомнѣнія, съ хорошимъ намѣреніемъ, предостере- гаешь меня противъ злобныхъ и коварныхъ замысловъ. Обра- щаясь къ тебѣ, какъ благородный человѣкъ къ благородному че- ловѣку, и прошу, по рыцарской твоей чести сказать мнѣ, не знаешь ли ты чего такого, по чему можно бы предполагать, что герцогъ намѣренъ подъ какимъ нибудь предлогомъ удержать ме- ня здѣсь въ неволѣ?

Должно сказать, что хотя де-Гравиль вызвался содѣйствовать очень неблагородной козни, однако же онъ оправдывалъ себя пе- редъ собственною совѣстью гораздо благороднѣйшимъ побужде- ніемъ, нежели угодливость своему повелителю; зная хорошо Вильгельма, его вспыльчивый нравъ, его необузданное честолю- біе и въ предъ чѣмъ не преклоняющуюся волю, онъ въ самомъ

дѣлъ боялся за жизнь Гарольда. И, какъ читатель, можетъ-быть, уже самъ догадался, онъ внушилъ эту систему устрашенія, которой теперь слѣдовали Вильгельмъ и его братъ, за тѣмъ именно, чтобы дать Гарольду возможность угадать готовимую ему участь, и остережся. По этому на вопросъ Гарольда, онъ отвѣчалъ откровенно:

— Графъ Гарольдъ, я буду отвѣчать на твой откровенный вопросъ по чести, какъ братъ твой по рыцарству. Я имѣю поводъ думать, и убѣжденъ, что Вильгельмъ не отпуститъ тебя обратно въ Англію до-тѣхъ поръ, пока ты не удовлетворишь его въ нѣкоторыхъ статьяхъ, которыя онъ, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени самъ объяснитъ тебѣ.

— А если я буду настаивать на томъ, чтобы онъ отпустилъ меня, не удовлетворишь его?

— Въ каждомъ замкѣ, что ты видишь на нашемъ пути, есть такое же глубокое подземелье какъ у графа Гви; а найдется ли другой Вильгельмъ, чтобы выручить тебя изъ власти Вильгельма?

— За моремъ есть государь еще могущественнѣе Вильгельма, и полки столь же смѣлые и храбрые, по крайней-мѣрѣ, какъ полки норманскіе.

— Любезный и могучій графъ, отвѣчалъ де-Гравиль, такія рѣчи свидѣтельствуя о неустрашимости твоей души; но они не произведутъ никакого впечатлѣнія на умъ такого глубокаго политика, каковъ герцогъ. Увѣренъ ли ты, — прости откровенность моихъ словъ, что король Эдуардъ пробудится изъ своей сонливости, и что онъ болѣе для тебя сдѣлаетъ, чѣмъ для твоего брата и племянника?... не будетъ ли только уговаривать?... Притомъ же, кто тебѣ ручается, что по представленію человека, котораго онъ вѣкогда такъ любилъ и уважалъ, какъ Вильгельма, онъ не будетъ даже радъ освободить свой престолъ отъ такого страшнаго подданнаго? Ты говоришь объ англійскомъ народѣ, вѣтъ сомнѣнія, народъ тебя любитъ, и готовъ умереть за тебя; но не въ правѣ никакого народа, а всего менѣе твоего, дѣятельно и единодушно приниматься за дѣло, когда вѣтъ у него вождей. Герцогъ знаетъ несогласія, раздрающія Англію не хуже васъ самихъ. Вспомни, въ какомъ онъ близкомъ родствѣ съ твоимъ братомъ честолюбивымъ Тостигомъ? Неужели ты не боишься, что самъ Тостигъ, графъ самой воинственной области во всемъ королевствѣ, не только будетъ силиться остановить порывъ народа въ твою пользу, но еще будетъ строить всевозможныя козни,

чтобы удержать тебя здѣсь, а ему остаться первымъ вельможею въ своемъ отечествѣ? Что касается до прочихъ вождей, кромѣ Гурта—за то онъ не болѣе какъ твой наиѣстникъ, есть ли между ними хоть одинъ, который не станетъ радоваться удаленію Гарольда? Ты навлекъ на себя вражду единственнаго дому, котораго могущество подходитъ къ твоему: наследниковъ—Леофрика и Альгара. Какъ-скоро твоя твердая рука будетъ удалена отъ бразды правленія, возникнутъ безпорядки и раздоры, и такъ займутъ умы людей, что они забудутъ объ узникѣ, томящемся на чужбинѣ, а будутъ только заботиться о безопасности своего очага и о неупущеніи своихъ личныхъ выгодъ. Ты видишь, что я знаю кое-что о состояніи твоей родной земли; но не думай, чтобы я всѣ эти свѣдѣнія собралъ въ собственныхъ поѣздкахъ и походахъ. Правда, многое я успѣлъ подмѣтити самъ, но гораздо болѣе узналъ изъ бесѣдъ Вильгельма, который получаетъ черезъ тысячу путей, изъ Фландріи, изъ Булони, изъ самой даже Англіи извѣстія обо всемъ что происходитъ отъ Доврекинхъ скалъ до Шотландскихъ украинъ.

Гарольдъ задумался; онъ понялъ весь объемъ окружавшихъ его опасностей; и въ то же время, признавая благоразуміе словъ де Гравилля и его знаніе дѣла, онъ быстро соображалъ въ умѣ своемъ образъ дѣйствія, которому ему надлежало слѣдовать въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Наконецъ онъ сказалъ:

— Не буду говорить о твоихъ замѣчаніяхъ на счетъ состоянія Англіи; но сдѣлаю одно только возраженіе. Ты несправедливо судишь о братѣ, моемъ Гуртѣ, говоря, что онъ не болѣе какъ наиѣстникъ Гарольда. Дай ему только цѣль, и ты увидишь, что онъ превзойдетъ самого отца нашего Годвина, и на полѣ битвы и въ совѣтѣ. Местъ за оскорбленнаго брата представить ему такую цѣль, и триста судовъ вступятъ немедленно въ Сену, чтобы требовать освобожденія узника, съ нѣсколькими тысячами ратниковъ, ни въ чемъ не уступающихъ тѣмъ, что вырвали Невстрию изъ рукъ короля Карла.

— Положимъ, что такъ, отвѣчалъ де-Гравилль. Но Вильгельму, который могъ отрубить руки и ноги собственнымъ своимъ поданнымъ за глупыя шутки, на счетъ его рожденія, ничего не будетъ стоить выколоть глаза плѣнному врагу. А какая польза въ самомъ обширномъ умѣ, и въ самой сильной мышцѣ, когда человѣкъ даже смотрѣть долженъ чужими глазами?

Гарольд невольно содрогнулся; но оправившись въ то же мгновеніе, сказалъ съ улыбкою:

— Послушать тебя, такъ твой герцогъ еще болѣе свѣтлый казалъ, нежели самъ дѣдъ его, Ролло.... Но ты говорилъ, что онъ желаетъ, чтобы я удовлетворилъ его насчетъ нѣкоторыхъ статей: какія же это статьи?

— А, это ты долженъ самъ угадать, или же онъ самъ долженъ тебѣ объяснить. Но вотъ онъ и самъ идетъ къ намъ.

Въ это время герцогъ, бывшій до того въ тылу, пришипорилъ коня, и поравнялся съ Гарольдомъ, вѣжливо извиняясь въ своемъ продолжительномъ отсутствіи; потомъ, поѣхавъ съ нимъ рядомъ, сталъ бесѣдовать съ прежнею своею веселостью и откровенностью.

— Кстати, любезный сподвижникъ, сказалъ онъ, я приготовилъ тебѣ на нынѣшній вечеръ собесѣдниковъ, которые, боюсь я, будутъ тебѣ пріятнѣе меня самого: Гаконъ и Вольнота. Братъ твой славный малый, я его очень люблю; но Гаконъ ужасно угрюмъ и дикъ. Но теперь не въ томъ дѣло; я было и забылъ сказать тебѣ, что нынче прискакалъ ко мнѣ гонецъ изъ Фландріи, съ разными вѣстями, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются и тебя. Въ Нортomberкомъ граствѣ, въ удѣлѣ твоего брата Тостига, сильное возмущеніе; носится слухъ, будто его строптивые вассалы намѣрены выгнать его, и избрать на его мѣсто другаго; поговаривали о сыновьяхъ Альгара.... такъ кажется назывался могучій графъ, что недавно умеръ? Эта вѣсть не очень утѣшительная для моего любезнаго брата Эдуарда, котораго силы быстро упадаютъ. Да хранитъ его боги еще долго.

— Вѣсти нехорошія, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ графъ, и я надѣюсь, что послѣ этого ты самъ убѣдишься въ необходимости немедленнаго моего отъѣзда. Благодарю тебя за твой милостивый приемъ, и за справедливое и великодушное твое заступленіе за меня у твоего вассала (Гарольдъ съ намѣреніемъ ударялъ на послѣднее слово) для выручки меня изъ постыднаго плѣна. Не оскорблю тебя предложеніемъ вознаграждать тебя, любезный государь, за заплаченный тобою выкупъ; но надѣюсь, что твоя супруга и прекрасные дѣти соизволятъ принять отъ меня нѣкоторые подарки, которые высоко цѣнятъ наши купцы.... Впрочемъ объ этомъ послѣ. Теперь же прошу тебя снабдить меня кораблемъ въ ближайшемъ портѣ.

— Объ этомъ, любезный гость и ратный братъ, мы успѣемъ поговорить въ другое время. Посмотри-ко на этотъ замокъ;

есть ли у васъ такіе въ Англіи? Посмотри что за стѣны, что за рвы!

— Грозное зданіе! отвѣчалъ Гарольдъ. Но извини меня, если я повторю свое....

— У васъ вѣдь нѣтъ такихъ твердынь въ Англіи? перебилъ герцогъ съ запальчивостью.

— Извини, возразилъ Англичанинъ; у насъ есть двѣ твердыни гораздо обширнѣе этой: Салисберійская равнина и Ньюмеркетская высота!... твердыни, на которыхъ уставятся пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, не нуждающихся въ другихъ стѣнахъ кромѣ своихъ щитовъ. Графъ Вильгельмъ, самые крѣпкіе окопы Англіи — ея народъ, и самые крѣпкіе ея замки — ея необозримыя равнины.

— Гмъ! положимъ что такъ, сказалъ герцогъ, кусая губы: но возвратимся къ нашему предмету; въ этомъ замкѣ, скажу тебѣ, Норманскіе герцоги держатъ своихъ государственныхъ узниковъ... Но тебя, благородный узникъ, примолвилъ онъ смѣясь, держимъ мы въ гораздо надежнѣйшей твердынѣ: въ нашей любви и въ нашемъ сердцѣ.

При этихъ словахъ онъ устремилъ глаза прямо въ лицо Гарольда, и взоры обоихъ встрѣтились. Взоръ герцога сверкалъ, но кратко и злобно; взоръ Гарольда былъ твердъ и спокоенъ, но полонъ упрека. И будто волшебною силою, взоры обоихъ долго были прикованы другъ къ другу, какъ взоры двухъ властителей къ себѣ, передъ началомъ кроваваго бою.

Вильгельмъ первый отвелъ глаза; и губы его задрожали и брови нахмурились. Онъ махнулъ рукою нѣкоторымъ изъ вѣхавшихъ везади вождей, чтобы они приблизились къ нимъ, прищпорилъ коня и уже не вступалъ въ особенный разговоръ съ графомъ. Отрядъ вѣхалъ не убавляя рыси, пока не достигъ одного замка, гдѣ онъ остановился на ночлегъ.

V.

Когда Гарольдъ вошелъ въ отведенную ему особую комнату въ замкѣ, Вольноотъ и Гаконъ уже ждали его. Рава, полученная имъ въ послѣдней стычкѣ съ Бретонцами, и вновь открывшаяся въ быстромъ переѣздѣ, послужила ему предлогомъ, чтобы провести вечеръ наединѣ съ своими родственниками.

Бесѣда съ ними наконецъ на свободѣ, Гарольдъ узналъ много, что должно было усилить его опасенія, и оправдать его пе-

дозрѣнія, на счетъ разстилаемыхъ вокругъ него сѣтей. Даже самъ Вольнотъ, при настоятельномъ распросѣ, не могъ не согласиться, что какъ герцогъ ни хвалился своею рыцарскою честью, душа его помрачилась самымъ неразборчивымъ на средства коварствомъ. Должно сказать, въ оправданіе его, что невольно долженъ онъ былъ съ юности приучиться оправдывать лицемѣріе, и смѣшивать мудрость съ коварствомъ, бывъ, съ осьми-лѣтняго возраста, безпрестанно окруженъ кознями своихъ родственниковъ, изъ которыхъ чаще выручала его хитрость чѣмъ сила. Гарольдъ съ горестью вспомнилъ что говорилъ ему на прощаньи король Эдуардъ, и увидѣлъ основательность его словъ, хотя не могъ еще угадывать, до какой степени они могли оправдаться. Неблагопріятныя вѣсти изъ Англій еще усиливали его лихорадочное, тревожное состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ вполне понималъ, что продолжительное отсутствіе его угрожало не только могуществу его дома и основанію его честолюбивыхъ надеждъ, но даже благоденствію и безопасности самаго государства. Въ первый разъ въ жизни, неясный, невыразимый страхъ объялъ его смѣлое сердце, — страхъ похожій на страхъ суетврія, потому что предметомъ его, какъ въ ужасѣ суетврія, было что-то невѣдомое; всего слѣдовало остерегаться, а не видѣлъ съ чѣмъ бороться. Онъ, готовый усмѣхнуться кратковременному страданію смерти, блѣднѣлъ передъ мыслью о вѣчномъ заключеніи; онъ, котораго упругое мужество выдерживало всѣ бури жизни и радовалось борьбѣ, дрожалъ передъ страхомъ вѣчнаго мраку, трепеталъ при мысли объ этомъ невыносимомъ лишеніи силы, свободы и дѣятельности, единственной надежды и отрады нашего желѣзнаго вѣка.

И какія же были эти таинственныя статьи, на счетъ которыхъ герцогъ желалъ отъ него удовлетворенія? Онъ пытался вывѣдать что-либо отъ своихъ юныхъ родственниковъ; но Вольнотъ очевидно ничего не подозрѣвалъ; во взорахъ Гакона видно было, что онъ кое-что знаетъ, но знаки его и выраженіе лица ясно показывали, что онъ ничего не откроетъ Гарольду. Изнуренный не столько волненіемъ, сколько усліями, чтобы скрыть его, — гордая черта англійскаго характера, которую такъ мало цѣнятъ и такъ рѣдко понимаютъ, — онъ наконецъ поцѣловалъ Вольнота, давно уже зѣвавшего, и послалъ его спать. Тогда Гаконъ заперъ дверь, и долго съ грустнымъ выраженіемъ смотрѣлъ на графа.

— Благородный дядя, сказалъ сынъ Свейнотъ, я съ самаго начала предвѣдѣлъ, что тебя ожидаетъ таже участь, которая по-

стигла насъ; только тебя еще окружать стѣнами и рвами; развѣ ты согласишься отказаться отъ своей природы, — которая тебя здѣсь не защититъ, — и притвориться тѣмъ...

— Этому не бывать! вскричалъ графъ, дрожа отъ долго таеннаго гнѣву;—я уже знаю всѣ коварныя, предательскія козни, которыми они окружаютъ вѣрившагося имъ гостя! Но если герцогъ осмѣлится нанести мнѣ такое оскорбленіе, это будетъ средя бѣлаго дня. Я найму первую лодку, какую увижу на его рѣкѣ, или у его береговъ, и горе тому, чья рука дерзнетъ коснуться моей руки, чтобы остановить меня.

Гаконъ устремилъ на Гарольда свои зловѣщіе глаза; въ ихъ холодномъ, безстрастномъ выраженіи было нѣчто, въ одно мгновеніе леденившее всякій энтузіазмъ, и убивавшее всякое мужество.

— Гарольдъ, сказалъ онъ, если ты хоть на одно мгновеніе увлечешься своею гордостью или справедливымъ негодованіемъ, ты погибъ на вѣки; одно неосторожное движеніе, одно оскорбительное слово, и ты самъ доставишь герцогу предлогъ, котораго онъ жаждетъ. Бѣгство не возможно. Впродолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, я день и ночь придумывалъ средства къ побѣгу; потому что я знаю, что по справедливости, давно прошелъ срокъ моему заложничеству; и не могъ придумать ни какихъ средствъ. Лазутчики приставлены ко мнѣ, и слѣдятъ за каждымъ моимъ шагомъ, и точно также, вѣроятно, слѣдятъ за тобою.

— Правда, сказалъ Гарольдъ; не могу я никогда отойти на три шага отъ лагеря или отъ отряда, чтобы какой нибудь рыцарь или царедворецъ не послѣдовалъ за мною, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Да поможетъ мнѣ Богъ хоть ради блага Англіи!... Но что ты присовѣтуешь мнѣ? Научи меня, Гаконъ; ты вступишь въ этой средѣ коварства и козней; мнѣ же она чужда; я въ ней какъ лѣной звѣрь среди огненнаго яруга.

— Если хочешь моего совѣта, отвѣчалъ Гаконъ, вотъ онъ. Помни всегда, что ты неволенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и дѣйствуй по принужденію; тебѣ всѣ простятъ подобныя вынужденныя дѣйствія.

Гарольдъ вскочилъ, и багровый румянецъ покрылъ его щеки.

Гаконъ продолжалъ:

— Когда разъ попадешь въ темницу, то уже на вѣки будешь скрытъ отъ взоровъ людей. Вильгельмъ самъ не посмѣетъ выпустить тебя, пока не лишитъ совершенно способовъ ему отомстить. Не хочь я клеветать на него, не скажу, что онъ самъ

способенъ на тайное убійство; но за то есть у него люди, которые прирутъ на себя эту обязанность. Онъ скажетъ въ полугнѣвъ необдуманное слово, и тотчасъ найдутся кровожадные клеветы, которые подхватятъ это слово на лету. Графъ Бретанскій былъ ему какъ бѣльмо на глазу; Вильгельмъ боялся его, какъ боится тебя; и графъ Бретанскій умеръ отъ яду въ собственномъ своемъ дворцѣ, среди своихъ подданныхъ. Въ оправданіи же себя въ твоей казни, открытой или тайной, Вильгельмъ не будетъ имѣть недостатка.

— Какъ, Гаконъ? Въ чемъ же могутъ Норманы обвинять свободного Англичанина?

— Вильгельмовъ родственникъ, Альфредъ, отвѣчалъ Гаконъ, былъ ослабленъ, подверженъ пыткамъ и умерщвленъ. При Руанскомъ дворѣ приписываютъ это злодѣяніе твоему отцу Годвину. Норманы, сопровождавшіе Альфреда, были хладнокровно перебиты, девять человѣкъ на десять; и эту рѣзню также приписываютъ твоему отцу, Годвину.

— Это адская клевета! вскричалъ Гарольдъ; я это уже доказалъ герцогу.

— Доказалъ?... Нѣтъ, овца ни чего не докажетъ, тамъ, гдѣ дѣло судить волкъ. Много, много разъ слыхалъ я какъ Норманы говорили объ этихъ дѣлахъ, и восклицали, что отомстятъ еще за избитыхъ братьевъ. Стоитъ только возобновить старое обвиненіе, пустить въ ходъ, что внезапная смерть Годвина была уликкою его злодѣяства, и самъ король Эдуардъ проститъ Вильгельму смерть твою. Но положимъ, что до этого не дойдетъ; что тебя ожидаетъ болѣе милостивое наказаніе; темница; положимъ, что Эдуардъ высадится съ англійскимъ войскомъ въ Нормандію, чтобы освободить тебя. Знаешь, какъ до нынѣ поступалъ Вильгельмъ съ заложниками? Онъ ставилъ ихъ впередъ своего войска, и выжигалъ имъ глаза въ виду обѣихъ ратей. Или ты думаешь, что онъ будетъ милостивѣе къ намъ и къ тебѣ? — Вотъ опасности, ожидающія тебя. Будь смѣлъ и чистосердеченъ, — и тебѣ не избѣгутъ ихъ; будь лукавъ и бдителенъ, общай и лицемѣръ, и ты ихъ проведешь.... Скрой свое львиное сердце подъ лисьей шкурою до тѣхъ поръ пока не выпутаешься изъ всѣхъ ихъ коварныхъ козней.

— Оставь меня, оставь меня, вскричалъ Гарольдъ вскочивъ. — Нѣтъ, постой. Ты кажется повялъ меня, когда я намекалъ тебѣ о...однимъ словомъ, чего хочетъ Вильгельмъ отъ меня?

Гаконъ осторожно осмотрѣлся кругомъ; подошелъ къ двери,

отвернул ее, и опять заперъ плотыѣ; потомъ возвратился къ Гарольду, и шепнулъ: — англійскаго престола!

Графъ отскочилъ, будто пораженный въ самое сердце, и потомъ опять вскричалъ: — Оставь меня... оставь меня одного. Идъ, идъ!

VI.

Только на единѣ могъ Гарольдъ дать волю чувствамъ, наполнившимъ его мужественное сердце; и они хлынули сначала въ такомъ беспорядкѣ, такимъ вихремъ, что прошло нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ онъ могъ ясно осмотрѣть весь ужасъ своего положенія.

Великій историкъ Италін замѣтилъ, что каждый разъ, какъ добрый, простодушный Германецъ бывалъ брошенъ среди хитрыхъ и пронырливыхъ Италіянцевъ, и испытывалъ ихъ двуличность и коварство, онъ тотчасъ дѣлался хитрымъ и коварнымъ самъ Италіянцевъ; въ отношеніи къ своимъ единоплеменникамъ сохранялъ онъ прежнее свое врожденное чистосердечіе и прежнюю честность; но въ отмщеніе обманувшимъ его коварнымъ сынамъ юга, и изъ презрѣнія къ нимъ, отплачивалъ имъ ихъ же оружіемъ; радовался когда ему удавалось перехитрить ихъ; а когда его упрекали въ лицемеріи, отвѣчалъ добродушно: — «Вы, Италіянцы, смѣете жаловаться на лицемеріе? Да какъ же поступить съ вами иначе, чтобы быть въ безопасности среди васъ?»

Нѣчто въ родѣ этого переворота всѣхъ врожденныхъ свойствъ произошло въ эту бурную ночь и въ душѣ Гарольда. Въ порывѣ негодованія онъ рѣшился не дать провести себя, какъ глупца, къ собственной гибели. Коварные поступки герцога лишили его права на истину, священно данную небомъ для охраненія человѣка; между нимъ и Гарольдомъ открывалась борьба ума съ умомъ, хитрости съ хитростью. Изъреди этого лицемернаго миру возникла война съ своими законами: засада на засаду, коварство на коварство.

Такого рода доводами старался саксонскій вождь оправдать свое рѣшеніе; и ихъ вопли освящала въ глазахъ его цѣль, замышляемая отъ его успѣха; а этою цѣлью представлялось его любви къ отечеству, нѣчто несравненно выше и священнѣе нежели личное его честолюбіе. Не было ни какаго сомнѣнія, что въ случаѣ, если бы онъ остался узникомъ въ Нормандіи во время смерти короля Эдуарда, этимъ было бы устранено единственное препят-

ствіе, преграждавшее Вильгельму путь къ английскому престолу. Къ тому времени, герцогъ могъ опять окружить дряхлаго короля своими норманскими наушниками; и что могло остановить его жадное честолюбіе, когда не было законнаго наследника престола, способнаго внушить довѣріе народу, и если бы сильное вліяніе Гарольда на витанъ было устранено? — Такимъ образомъ, собственная его свобода казалась Гарольду неразрывно связанною съ независимостью родной его земли; а для достиженія этой великой цѣли,—безопасности Англій,—всѣ средства считалъ онъ позволенными.

Когда онъ, на слѣдующее утро, присоединился къ отряду, одна только смертная блѣдность его лица могла бы изобличить тяжелую борьбу и страдавія ночи; онъ отвѣчалъ весело и непринужденно на ласковыя привѣтствія герцога.

Они ѣхали вмѣстѣ, съ нѣсколькими рыцарями; разговоръ былъ общій, и касался преимущественно характера страны, черезъ которую лежалъ имъ путь. Они находились уже въ самомъ сердцѣ Нормандіи, но вдали отъ большихъ городовъ, и невозможно было представить что-либо печальнѣе и несчастнѣе этихъ бѣдныхъ деревушекъ и запущенныхъ полей. Шалаши поселянъ были грязны и дурно построены; сами поселяне, которыхъ они встрѣчали по дорогѣ, были едва прикрыты лохмотьями, и казались истощены голодомъ; они униженно кланялись въ поляхъ норманскимъ всадникамъ; но свѣршпый огонь ненависти и остервененія загорался въ ихъ глазахъ, когда долетали до нихъ слуха скорбительныя рѣчи, которыми надменные повелители отвѣчали на ихъ привѣтствія. Потому что какъ Франки, такъ и Норманы обращались съ поселянами завоеванныхъ ими земель съ непростиительною жестокостью; они въ буквальномъ смыслѣ ненавидѣли и презирали ихъ; это было чуждое имъ и притомъ покоренное племя; Норманы же такъ недавно еще поселились въ этой странѣ, что въ ней не могло быть того слиянія и сродненія сословія, которое совершилось въ Англій нѣсколькими вѣками. Теовы въ Англій были рабы въ строгомъ смыслѣ; сеорлы, въ политическомъ отношеніи, были также въ безусловной зависимости отъ владѣльцевъ; но общественное мнѣніе смягчало суровость закона, и не допускало владѣльцевъ до злоупотребленія своей власти. Простой и грубый образъ жизни большей части саксонскихъ тегновъ, дѣлалъ не столь рѣзкимъ и ощутительнымъ различіе между владѣльцами и ихъ подчиненными; тѣмъ болѣе что владѣльцы даже ради собственной пользы, должны были за-

Бойтятся о томъ, чтобы поселане были сыты и хорошо одѣты, потому что не имѣли другихъ средствъ существованія; кромѣ своихъ стадъ и доходовъ съ своихъ полей. Всѣ преданія о правахъ Саксонцевъ свидѣлствуютъ о такой щедрости къ немущимъ, и такой заботливости о ихъ жизни и правахъ, которая въ сравненіи съ франкскими законами могутъ назваться образцомъ просвѣщеннаго человеколюбія. Но, что всего важнѣе, послѣдній изъ поселанъ никогда не терялъ надежды достигнуть когда нибудь повышенія въ другое, болѣе почетное сословіе; между тѣмъ какъ въ глазахъ Нормана послѣдній скотъ на его лугу былъ дороже несчастнаго поселанина. Мы не разъ уже унодобляли Нормановъ древнимъ Свартанцамъ; но ни въ чемъ они такъ не сходны, какъ въ презрѣніи къ бѣднымъ поселанамъ.

Вліяніе этого унизительнаго положенія отразилось и на правахъ поселанъ франкской земли; они жили какъ скоты, не имѣли даже понятія объ основномъ положеніи нашего вѣрованія — брехъ.

— Вытаращили на васъ глаза, подлые собаки! сказалъ Одо, указывая на проходившую мимо толпу этихъ несчастныхъ поселанъ. Безъ плети не научишь скотовъ этихъ знать господъ; Снажи, графъ Гарольдъ, такъ же ли они упрямы и буйны у васъ, въ Англіи?

— Нѣтъ; но за то послѣдній бѣднякъ не бываетъ у насъ одѣтъ въ такое рубище, и не живетъ въ такой конурѣ, отвѣчалъ Гарольдъ.

— А правда ли, что у васъ каждый смертъ можетъ сдѣлаться даже дворяниномъ?

— Каждый годъ бываютъ тому примѣры. Немудрено, что предки доброй четверти нашихъ англо-саксонскихъ тегновъ сами вахали землю, или занимались какою либо ремесломъ.

Герцогъ поспѣшилъ предупредить отвѣтъ недогадливаго Одо, и сказалъ протко:

— Въ каждой странѣ свой законъ; и мудрый правитель никогда не станетъ править ею по чужимъ законамъ. Но, благородный Гарольдъ, больно мнѣ что случай привелъ тебя посмотреть именно на большыя стороны моего царства. Знаю, что быть нашихъ поселанъ и наше хлѣбопашество требуютъ преобразованій; что мы надѣемся совершить съ помощью Ланеранка. Между-тѣмъ мы уже успѣли значительно улучшить состояніе

добрѣи части нашего чернаго народа въ безымянные городахъ. Въ торговлѣ и промышленности заключаются сила юности государства, и если поля наши безплодны, а те геринны наши бездожественны.

Гарольдъ кивнулъ головою, и продолжалъ идти въ задумчивости. Такъ вотъ это просвѣщеніе, которому она такъ дивилась! оно ограничивалось однимъ дворянствомъ, или много что кругомъ торговыхъ видовъ герцога. За этимъ кругомъ, на рубежахъ человѣчества, находилась масса народа; а съ ней и сравненія не было между норманнскимъ просвѣщеніемъ и англійскимъ. Тутъ Англія на нѣсколько вѣковъ опережала Нормандію.

Напоишь въ туманной дали показались верхи башенъ Байнсаго замка. Вильгельмъ предложилъ слѣдять припадъ въ очаровательномъ мѣстѣ, на берегу небольшого ручья, подъ тѣнью развѣсистыхъ дубавъ и буковъ. На споро раскинули для него и для Гарольда палатку; подлѣ сиреной транзее, онъ всталъ грава подлѣ руку и отвелъ его встараву отъ дружины, по берегу ручья.

Пройдя съ сотню шаговъ, они вышли на небольшую нѣсколькю дюкю, но очаровательную лужайку; это было мѣсто въ родѣ тѣхъ, что любилъ описывать старинные баллы, и въ замкѣ обыкновенно селился охотельникъ.

Герцогъ остановился у мшистаго мѣска, нависшаго надъ ручьемъ въ видѣ естественной скамьи, и сдѣлалъ знакъ своему спутнику, чтобы онъ садился; потомъ самъ сѣлъ подлѣ него, сталъ задумчиво подбирать камешки, лежавшіе на песчаномъ берегу, и бросать ихъ въ воду. Камешки пошли ко дну съ глухимъ шумомъ, образуя на поверхности воды круги, которые постепенно разширялись, и наконецъ пропадали; а вода текла съ тихимъ журчаніемъ, по назначенному ей пути, не заботясь о мшистомъ возмущеніи ея гладкой поверхности.

— Гарольдъ, оказалъ напоишь герцогъ, ты, боюсь я, воображалъ, что я шутилъ твоимъ справедливимъ желаніемъ скорѣе возвратиться въ свое отечество. Но у меня есть нѣчто на душѣ, очень важное для меня и для тебя, нѣчто тихое, что я долженъ непременно выказать тебѣ, прежде чѣмъ мы разстанемся. Много лѣтъ назадъ, въ этомъ сѣмомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ теперь съ тобою, сидѣли два отрока: твой король Эдуардъ, и твой князь Вильгельмъ. Увлеченный сладостнымъ уединеніемъ нѣбота, и заунывнымъ отдаленнымъ гуломъ, Эдуардъ заговорилъ о своей призваніи къ охотельнической жизни, и о томъ, какъ онъ былъ доволенъ своею изгнанническою жизнью въ Нормандіи. Никто не

могъ ожидать тогда, чтобы онъ могъ когда либо быть приведенъ на престолъ Альфредова. Я, одаренный болѣе возмѣстительнаго духомъ, и ревнуя о томъ какъ о себѣ самомъ, старался отклонить его отъ желанія замочиться въ келью, и далъ ему слово, что если когда либо представится случай и онъ будетъ нуждаться въ норманной помощи, и буду стоять за него тѣломъ и душою, и употреблю все средства, чтобы возвратитъ ему законное его наследіе... Смушаешь ли ты меня, Гарольдъ?

— Слушаю, государь, ушами и душою.

— Тогда Эдуардъ, сжимая мою руку, какъ и теперь жму твою, и благодаря меня, обѣщала, что если, сверхъ всякаго человѣческаго ожиданія, возвратится ему престолъ, то онъ, если уириетъ прежде меня, передъ смертью завѣщаетъ мнѣ свое наследіе... Зачѣмъ же ты отдернулъ свою руку?

— Отъ удивленія, герцогъ; продолжай.

— Послѣ этого, продолжалъ Вильгельмъ, когда мнѣ прислали твою родичей, какъ шлохмиковъ отъ могущественнѣйшаго дому въ Англій, — отъ единственнаго дому, который могъ бы разрушить намѣреніе моего брата, — я разумѣется, долженъ былъ видѣть въ этомъ подтвержденіе его обѣщанія, и свидѣтельства неискренности его намѣренія; въ этомъ мнѣніи подтвердилъ меня еще Робертъ Контерберійскій, которому вѣдѣтны были самыя душевные помыслы короля. Вотъ почему я такъ уперво удерживалъ заложниковъ и не внималъ настояніямъ Эдуарда, считая ихъ повольною уступкою требованіямъ твоимъ и твоего дому. Съ тѣхъ поръ сама судьба покровительствовала обѣщанію короля, и мнѣ справедливимъ надеждѣ, основаннымъ на этомъ обѣщаніи. Правда, что Эдуардъ нѣкоторое время, понапрасну, отрекался отъ своего юношескаго слова или колебался въ исполненіи его, и вызвалъ изъ чужбины своего родственника Этельнга, прямаго наследника своего престола. Но Этельнгъ умеръ; а сынъ его еще ребенокъ, и, если свидѣнія мои не лживы, по законамъ вашего государства будетъ устраненъ отъ престола, если Эдуардъ умретъ прежде чѣмъ онъ возмужаетъ. Къ тому же говорилъ мнѣ, что юный Эдгаръ не имѣетъ ни силы души ни ума, необходимыхъ для того, чтобы владѣть такимъ тяжелымъ саннетромъ, какъ въ англійскій. Король же мнѣ, съ самого твоего отъѣзда, былъ многократно посѣщаемъ желаннымъ недугомъ, и пожалуй не пройдетъ году, какъ его опуститъ въ могилу.

Тутъ Вильгельмъ приостановился, и принялся опять бросать

нашепки въ воду, посматривая невося на спящее, скрытое лицо Гарольда. Спустия нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ:

— Братъ твой Тостигъ, состоя въ столь близкомъ родствѣ съ моею довою, безъ сомнѣнія будетъ поддерживать мои притязанія; а въ случаѣ твоего отсутствія изъ Англїи, займетъ, я думаю, твое мѣсто, какъ глава Годвинова дому и его партїи. Но, чтобы доказать тебѣ, какъ мало я цѣню содѣйствіе твоего брата въ сравненїи съ твоимъ, и какъ я полагаюсь исключительно на тебя, я откровенно сообщилъ тебѣ то, что человекъ болѣе хитрый старался бы скрыть — именно, опасность угрожающую твоему брату въ собственномъ его удѣлѣ.... Теперь перейду прямо къ дѣлу. Я могъ бы удерживать тебя здѣсь въ неволѣ, какъ выкушеннаго плѣнника, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ бы безъ твоей помощи, на свой англїйскій престолъ; и знаю, что ты одинъ можешь поставить преграду моему законнымъ притязаніямъ, и одинъ можешь уничтожить королевское завѣщаніе, которымъ будетъ отказанъ мнѣ престолъ. Несмотря на то, и открываю тебѣ свою душу, и хочу одному твоему содѣйствію быть обязанъ престоломъ. Я вступаю съ тобою въ переговоры, любезный Гарольдъ, не какъ владыка съ вассаломъ, а какъ государь съ государемъ. Ты съ твоей стороны, будешь держать для меня Доврескую крѣпость, и когда наступитъ часъ, сдашь ее моему флоту; будешь во всемъ содѣйствовать мнѣ, чтобы взойти нѣпрямъ путемъ и съ согласїя самого Витана на престолъ Эдуарда, которыми я буду править по его законамъ, сообразуюсь во всемъ съ правами, обычаями и постановленїями англїйской земли. Могу сказать безъ похвалы, что не найдешь ты во всемъ мїрѣ болѣе могучаго короля для охраненїя Англїи отъ Датчанъ, и болѣе опытнаго правителя для попеченїя о ея благоденствїи. Я же, съ своей стороны, предлагаю тебѣ руку моею любимой дочери, Аделизы, съ которою ты будешь немедленно обрученъ; юную сестру твою, Тайру, ты выданы за кого либо изъ знатнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ моихъ бароновъ; за тобою останутся всѣ земли, достоинства, и помѣстья, которыми ты владѣешь въ настоящее время; а если, какъ я предвижу, братъ твой Тостигъ будетъ не въ состоянїи удержать свой обширный удѣлъ по сѣверную сторону Омбера, ты присоединишь его къ своему удѣлу. Сверхъ того, чего ты ни потребуешь отъ меня, въ залогъ моею любви или благодарности, или для того, чтобы утвердить свою власть и стать въ своихъ удѣлахъ независимымъ, могущественнымъ властителемъ, каковы, напримѣръ,

могучіе графы Прованскій или Анжуйскій во Франціи, которые только для виду держатъ земли леномъ отъ своего короля, — какъ и я самъ, буйный вассаль, держу Нормандію леномъ отъ Филиппа Французскаго, — дарую тебѣ все. На двѣхъ будутъ два короля въ Англіи, хотя по имени будетъ одинъ. И ты не только ничего не проиграешь со смертію Эдуарда, но еще выиграешь, чрезъ подчиненіе всѣхъ менѣе сильныхъ соперниковъ, в искреннюю дружбу и любовь благодарнаго Вильгельма... Что же, графъ?... долго ты заставляешь меня ждать отвѣта!

— То, что ты мнѣ предлагаешь, отвѣчалъ графъ, укритившись въ рѣшеніи предыдущей ночи, и стиснувъ посинѣвшія отъ ярости губы, — превышаетъ мои заслуги; это болѣе, чѣмъ можетъ желать знатнѣйшій вождь въ королевствѣ. Но Эдуардъ не воленъ завѣщать Англію, а я не могу дариться. Наслѣдство англійскаго престола зависить отъ Витана.

— А Витанъ зависить отъ тебя, вскричалъ Вильгельмъ, рѣзка. Я не требую невозможнаго, требую только, чтобы ты содѣйствовалъ мнѣ своимъ вліяніемъ; если оно не такъ всемогуще, какъ я полагалъ, тѣмъ хуже для меня. Что ты отъ того потеряешь?... Не стану я грозить тебѣ насміемъ; но ты самъ не могъ бы не посмѣяться надъ моею глупостію, если бы послѣ того, какъ я открылъ тебѣ свою тайну, я отпустилъ бы тебя,... за тѣмъ, чтобы ты, вмѣсто содѣйствія, предалъ меня.... Я знаю что ты любишь Англію, и я самъ люблю ее. Ты смотришь на меня, какъ на чужеземца, — да, я чужеземецъ; но развѣ Норманы и Датчане не одной крови дѣти? Ты, потомокъ роду Канутова, самъ знаешь, какъ любъ былъ народу Датчаннъ Кануть. Почему же Вильгельму не пользоваться такою же любовію? Кануть не имѣлъ ни какого права на англійскій престолъ, кромѣ права меча. Мои же права: родство съ Эдуардомъ; Эдуардово желаніе и завѣщаніе, согласіе Витана, которое ты доставишь своимъ вліяніемъ; — несомнѣнное происхожденіе моей жены изъ роду Альредова, такъ что въ дѣтяхъ моихъ будетъ возстановленъ престолъ его домъ и саксонскій родъ, по самому славному и древнему колену. Размысли обо всемъ этомъ, и скажи мнѣ: не имѣю я развѣ права на этотъ престолъ?

Гарольдъ молчалъ; герцогъ продолжалъ съ досадою:

— Если услыхъ монъ не довольно лестны моему плѣннику, сыну того великаго Годвина, который, по общему голосу — ложному, безъ сомнѣнія, — всѣхъ народовъ Европы, имѣлъ право жизни и смерти надъ моимъ двоюроднымъ братомъ Альредомъ

и пошлн норманскими рыцарями?... Или, можетъ быть, ты самъ домогаешься англійскаго престола, и я отырылъ свою душу сопернику?...

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гарольдъ, вѣдая этииъ мощнымъ усиленіемъ свои усиѣхи въ новой для него наукѣ лицемѣрія. Ты побѣдилъ, герцогъ Вильгельмъ; пусть будетъ, какъ ты желаешь.

Герцогъ не могъ удержать грознаго восклицанія восторгу; потому онъ повторилъ по порядку всѣ условія договора; Гарольдъ подтверждалъ каждое наклоненіемъ головы. За тѣмъ герцогъ дружески обнялъ графа, и оба пошли къ своей палаткѣ.

Между тѣмъ, какъ готовили лошадей, Вильгельмъ, улучивъ благопріятное мгновеніе, отвелъ всторону брата своего Оде; и неслѣ непродолжительнаго совѣщанія вполголоса, Оде вскопчилъ на своего бербера, далъ ему шпоры и оставивъ отрядъ, ускоркалъ во весь опоръ впередъ въ Байё. Весь тотъ день, всю ночь, и все слѣдующее утро, до самаго полудня, скакали гонцы и всадники на сѣверъ и на юденъ, на востокъ и на западъ, по всѣмъ славнѣйшимъ храмамъ Норманской земли; и драгоценный, священныиъ кладъ привели они изъ своихъ поѣздовъ къ великому торжеству, готовившемуся на слѣдующій день.

VII.

Чинное веселіе ужина показалось Гарольду зловнымъ ликованіемъ адской оргіи. Въ каждомъ лицѣ, казалось ему, читалъ онъ восторгъ демоновъ продажѣ души Англій. Самый тихій смѣхъ Нормановъ, славившихся своею веселостію въ дружеской бесѣдѣ, гремѣлъ въ ухахъ его хохотомъ неистоваго шабаша. Всѣ чувства его были въ томъ состояніи сверхъестественнаго напряженія, въ которомъ человекъ болѣе воображаетъ и угадываетъ, нежели видитъ и слышитъ. Каждое слово, сказанное Вильгельмомъ на ухо своему брату, раздавалось въ его ухахъ ясно какъ звукъ трубы; каждый взглядъ какаго нибудь накуренаго самовника, перемигивавшагося съ широкоплечимъ ратникомъ, палилъ глаза его молніею. Боль зашущенной раны присоединилась къ душевному страданію, чтобы изощрять его способности и въ тоже время перепутывать всѣ его понятія. Лихорадка была его тѣле и душу. Его будто метало между сномъ и бредомъ горлачи.

Поздно вечеромъ его повели въ комнату, гдѣ сидѣла герцогиня, одна съ Адмизею и вторымъ сыномъ, Вильгельмомъ. Это былъ мальчикъ рыжеволосый, бѣлый и румяный какъ его пред-

изъ Дании; ирочемъ не безъ нѣкотораго выраженія снѣдота, придававшаго ему своего рода красоту; одежда его, вопреки вѣнценъ и дорогимъ камешкамъ, уже изобличала страсть къ той ипшурной роскоши, на которую впоследствии рыжій король Вильгельмъ помѣнялъ чинную пышность отца, къ соблазну поданныхъ.

Гарольдъ былъ торжественно представленъ дѣвочкѣ, а за тѣмъ былъ совершенъ короткій обрядъ, который скептическому уму графа показались: наомышко надъ обрядомъ обрученія. Дѣвочкѣ, едва вышедшей изъ младенчества, быть супругою мужа, клонившагося уже къ зрѣлымъ лѣтамъ! Неотвѣтчивыя поздравленія мужикамъ въ его ушахъ, потомъ двѣ молніи сверкнули въ его туманныхъ глазахъ, и онъ увидѣлъ себя въ длинномъ корридорѣ, между Вильгельмомъ и Одо, ведшими его съ обѣихъ сторонъ подъ руки. Потомъ очутился онъ въ своей комнатѣ, обитой шпателью обоями, и усыпанной душистымъ надышемъ. Колокола пробили третій часъ ночи *; узкое окно въ толстой стѣнѣ было пробито такъ высоко, что не смотря на свой огромный ростъ, онъ не могъ достать до него рукою; да и то окно не впускало свѣту, потому что высокое сосѣднее зданіе заслоняло слабое мерцаніе звѣздъ. Душно было Гарольду. Все свое графство отдалъ бы онъ въ это мгновеніе, чтобы почувствовать навѣвъ холоднаго вѣтру своей родной страны, и услышать стонъ его въ чащѣ своихъ самовескихъ лѣсовъ. Онъ отворилъ дверь и выглянулъ. Высоко надъ стрѣльчатымъ сводомъ корридора висѣлъ фонарь. Подъ фонаремъ стоялъ богатырскаго роста часовой въ полномъ вооруженіи; и трепещущій свѣтъ фонаря падалъ красною полосою на желѣзную рѣшетку, которая ревниво замыкала выходъ. Гарольдъ поспѣшно затворилъ дверь, сѣлъ на постель, и закрылъ лицо судорожно сжимавшеюся рукою. Кровь была во всѣхъ его жилахъ такъ сильно, какъ будто хотѣла прорвать ихъ; прикосновеніе собственной руки жгло его точно огнемъ. Онъ вспомнилъ предсказанія Гильды въ роковую ночь у тевтожкаго кургана, побудившія его презрѣть просьбу Гурта, опасенія Эдвей, и предостереженія Эдуарда; они ожили въ его памяти, мрачныя, таинственныя, грозныя; и каждый разъ какъ онъ хотѣлъ собраться съ мыслями, затмѣвали его разсудокъ, то приводя его въ отчаяніе сознаніемъ безразсудства его дѣяній, то отыскивая его воображеніе отъ настоящей гибели бле-

* Полночь.

стащею картиною будущей славы. Изъ всѣхъ, заглавнѣй и гимновъ Валь, три строки огненными буквами горѣли въ его памяти, и вѣчно звучали въ его ухахъ, какъ совѣтъ данный ему рокомъ для руководства его дѣйствій.

Хитрость хитрость побѣдять,
И съ челомъ твоимъ короу
Сила вѣкъ не разлучить!

Долго сидѣлъ онъ такъ, грустный, мрачный, не раздѣваясь и не ложась, пока тревожный, прерывистый сонъ не застигъ его въ этомъ положеніи. Онъ спалъ долго, до перваго часу дня, когда шумъ шаговъ и говоръ въ сосѣдней кельѣ, пробудили его на дѣйствительность, еще болѣе мрачную, и почти столь же необъяснимую, какъ сонъ. Но въ это мгновеніе вошли Годритъ и Гаконъ, и первый спросилъ его съ нѣкоторымъ удивленіемъ, точно ли онъ уговорился съ герцогомъ, ѣхать въ этотъ день обратно въ Англію?

— Первый конюшій герцога, сказалъ онъ, приходилъ ко мнѣ, и говорилъ мнѣ, что герцогъ намѣренъ самъ, съ многочисленною дружиною, проводить тебя нынче вечеромъ до Гарольда, гдѣ приготовленъ уже корабль, для перевоза тебя въ Англію. Знаю также, что первый постельничій ходитъ по всѣмъ тегнамъ твоей дружины, и раздастъ имъ въ подарокъ отъ герцога кречетовъ, золотыя цѣпи, и шитья.

— Дѣйствительно такъ, сказалъ Гаконъ, въ отвѣтъ на проявившійся и вопрошающій взоръ Гарольда.

— Такъ види же скорѣе, Годритъ, вскричалъ Гарольдъ, вскочивъ на ноги, и приготоу все къ отъѣзду при первомъ звукѣ трубы. Никогда, я думаю, не трубила труба такъ сладко, какъ протрубитъ она намъ отъѣздъ обратно въ Англію. Спиши, Годритъ, спиши!

Какъ ни былъ Годритъ ослѣпленъ почестями, которыми былъ осыпанъ, и великолѣпиемъ, на которое насмотрѣлся при норманскомъ дворѣ, онъ былъ слишкомъ искренно привязанъ къ Гарольду, чтобы не радоваться его радости. Когда онъ вышелъ, Гаконъ сказалъ: — Такъ ты послѣдовалъ моему совѣту, дядя?

— Не спрашивай, Гаконъ. Прочь изъ моей памяти, все, что было между нами!

— Нѣтъ еще, сказалъ Гаконъ, съ тѣмъ мрачнымъ и недоуверчивымъ выраженіемъ въ голосѣ и въ лицѣ, которое, не смотря на его молодость, давало ему такой вѣсъ и такое вліяніе.—Нѣтъ

еще. Между-тѣмъ, какъ постельничій ходилъ по твоей дружинѣ съ подарками, я подслушалъ, изъ-за угла ограды дворцоваго двора, какъ герцога шептался съ Роже Наувфромъ, смотрителемъ замка. — «Поставь въ полдень вооруженный отрядъ въ проходъ, что подъ палатою совѣта; и пусть стражи идутъ на верхъ, какъ скоро я топну ногою; если же я пришлю тебѣ узника, не дивись, — а засади его.... Тутъ герцога приостановился, и Роже спросилъ: — «Куда, государь?» — «Куда, отвѣчалъ герцога свѣрымъ голосомъ, куда же какъ не въ Черную-башню? въ подземелье, гдѣ изгнилъ Мальвуазенъ?» — Нѣтъ, еще не долженъ ты забывать норманскаго коварства; пусть уста твои еще охраняютъ твою свободу.

Благородная, открытая душа, возсіявшая на лицѣ Гарольда при радостной вѣсти объ отъѣздѣ, внезапно опять сомкнулась при словахъ Гакона, какъ лѣстья отравленнаго цвѣтка; зрачки его глазъ углубились, и глаза приняли то странное, непроницаемое выраженіе, которое ставило въ недоумѣніе всѣхъ наблюдателей въ глазахъ его отца.

— Хитрость хитрость побѣдитъ! пробормоталъ онъ, потомъ вздрогнулъ, сжалъ руку, и улыбнулся.

Черезъ нѣсколько мгновеній, комната наполнилась такою толпою норманскихъ вельможъ, какая никогда еще не являлась привѣтствовать его пробужденіе. Когда были кончены всѣ обычные занятія утра, то есть, когда Гарольдъ позавтракалъ, и навѣстилъ Матильду, которая подтвердила извѣстіе о приготовленіяхъ къ его отъѣзду, и осыпала его подарками своего рукодѣля для его сестры королевы, и самыми лестными порученіями, время подходило уже къ полудню; а онъ еще не видалъ ни Вильгельма ни Одо.

Онъ сидѣлъ у Матильды, когда Фицосборнъ и Рауль-де-Танкарвилъ вошли съ необыкновенною торжественностью, и просили графа послѣдовать за ними къ герцогу.

Гарольдъ безмолвно повиновался; хотя онъ былъ приготовленъ къ тайной опасности, торжественностью пословъ, и предостереженіями Гакона, однако же онъ никакъ не подозрѣвалъ торжественности готовимой ему западни. Когда онъ вошелъ въ великолѣпную палату, Вильгельмъ сидѣлъ на тронѣ, въ герцогской мантии и съ мечемъ въ рукѣ; онъ сидѣлъ, выпрямившись и поднявъ голову, какъ бывало съ нимъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, и какъ изобразилъ его современный художникъ на знаменитыхъ байбѣскихъ коврахъ. За нимъ стояли Одо, и человекъ

двадцать знатнѣйшихъ вассаловъ; въ нѣкоторыхъ разстояніи отъ трона было поставлено нѣчто покоее на столѣ или на ограниченнѣй сундукъ, накрытый золотою парчею; исподатрою до самаго полу.

Немного дано было саксонскому вождю времени, чтобы удивляться или чтобы собраться съ мыслями.

— Подожди, Гарольдъ, сказалъ герцогъ полнымъ и звучнымъ голосомъ, который придаетъ таную силу повелѣнію. — Подожди, безъ страху, и безъ сожалѣнія. Передъ этимъ благороднымъ собраніемъ, — свидѣтелями твоего слова и поручителями за мою вѣрность, — требую, чтобы ты подтвердилъ клятвою данныя мнѣ тобою вчера обѣщанія; именно: содѣйствовать мнѣ въ снисканіи авглійскаго престола по смерти брата моего, короля Эдуарда; жениться на дочери моей Адельизѣ; и прислать сюда сестру твою, чтобы я, по уговору нашему, выдалъ ее за одного изъ достойнѣйшихъ моихъ графовъ. Приблизься, братъ Одо, и повтори благородному графу норманскія клятвенныя слова.

Тутъ Одо вышелъ впередъ, сталъ подлѣ таинственнаго сундука, накрытаго золотою парчею, и произнесъ отрывисто: — Ты клянешься, сколько то будетъ въ твоихъ силахъ, исполнить уговоръ свой съ Вильгельмомъ, герцогомъ Нормановъ, если будешь живъ, и Небо пошлетъ тебѣ помощь; а въ залогъ своей клятвы, положи руку на этотъ жезлъ. И онъ указалъ небольшой ларчикъ.

Все это такъ неожиданно нагрянуло на графа, котораго высокій умъ, какъ мы уже сказали, былъ отъ природы не такъ быстръ, какъ обширенъ и основателенъ; смѣлое сердце его, котораго нельзя было поколебать силою, было такъ внезапно обхвачено хитростью и коварствомъ; — мысль неизбежной гибели Англіи, если бы единотвенный человѣкъ, могшій спасти ее, погибъ въ норманской неволѣ, такъ возвышала голосъ свой изсреды бури, волновавшей его душу; — наконецъ опасенія Гакона и его справедливыя подозрѣнія такъ овладѣли имъ, что онъ безсознательно, будто сквозь сонъ положивъ руку на жезлъ, и уста его бессознательно повторили:

— Если буду живъ, и Небо пошлетъ мнѣ помощь.

И все собраніе повторило торжественно:

— Небо да пошлетъ ему свою помощь!

И мгновенно, по знаку Вильгельма, Одо и Рауль де-Таншривиль сдернули парчевый покровъ, и герцогъ приказалъ Гарольду взглянуть:

Какъ предъ челоуѣкомъ, опущеннаго изъ вызолоченной гробницы въ страшный склепъ, открываеся все ужасное безобразіе смерти, такъ было съ Гарольдомъ, при снятіи покровъ. Подъ нимъ были собраны все бранныя челоуѣческіе останки, которымъ преданіе приписывало чудную силу: тутъ были изсохшія тѣла и побѣлѣвшія кости мертвыхъ, оправленные въ золото, и покрытыя драгоценными каменьями; здѣсь изсохшія персты торчали изъ груды костей, и указывали на живаго, опутаннаго коварствомъ живыхъ; тамъ черепъ скалился изъ подъволпака. И мгновенно вспомнилъ Гарольдъ, ясно и уже понятно, давно забытый сонъ, или почти забытый среди дѣятельности его жизни, — вспомнилъ какъ вопонились вокругъ него и бѣсвовали кости мертвыхъ.

— При этомъ видѣ, говорить норманскій лѣтописецъ, графъ побѣдѣлъ и затрепеталъ.

— Страшна дѣйствительно твоя клятва, и понятно твое волненіе, сказалъ герцогъ. Мертвые слышали твою клятву, и пересказываютъ ее въ это мгновеніе на небѣ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ.

I.

Добрый старецъ Альредъ былъ призванъ Эдуардомъ, котораго въ отсутствіе Гарольда постигъ тяжелый недугъ. Этому недугу предшествовали и слѣдовали за нимъ таинственныя прозрѣнія бдѣтельныхъ дней, которые должны были постигнуть Англію послѣ его смерти; и вотъ почему король призвалъ почтеннѣйшаго Альреда, чтобы открыться ему и преслать совѣта.

Альредъ сидѣлъ одинъ, задумчиво въ своей кельѣ; уже было довольно поздно вечеромъ, а онъ только что воротился изъ загороднаго Гезеричаго дворца, отъ короля, и размышлялъ о бѣдѣ своей съ Эдуардомъ, которая очевидно очень встревожила его. Вдругъ дверь кельи быстро отворилась, и, оттолкнувъ восторгову слугу, хотѣвшаго обычнымъ порядкомъ доложить о немъ, вошелъ въ келью челоуѣкъ въ запыленномъ отъ долгаго пути платьѣ, и съ такою встревоженною наружностью, что Альредъ сначала принялъ его за незнакомаго, и только когда тотъ заговорилъ, узналъ въ немъ графа Гарольда. Но и тогда, взоры графа были такъ джн,

брови его такъ нахмурены, щеки такъ блѣдны, что онъ болѣе походилъ на тѣнь Гарольдова, нежели на самого Гарольда. Заперевъ дверь за слугою, графъ постоялъ нѣкоторое время на порогѣ; грудь его высоко воздымалась отъ душевнаго волненія, которое онъ тщетно силится подавить; наконецъ, будто отказавшись отъ бесполезныхъ усилій, онъ бросился къ ногамъ Альреда, обнявъ его колѣна, склонилъ на нихъ свою голову, и громко зарыдалъ. Добрый старецъ, звавшій всѣхъ сыновей Годвиновыхъ съ самаго ихъ дѣтства, и любившій Гарольда какъ роднаго сына, воздѣлъ руки надъ головою графа, и произнесъ тихое благословеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ графъ, смахивая съ глазъ вежко-ченныя волосы. — Не благословляй еще; выслушай меня сначала, а потомъ скажи какое утѣшеніе, какое убѣжище могутъ мнѣ подать твои слова.

Затѣмъ графъ поспѣшно разсказалъ мрачную повѣсть, уже извѣстную читателямъ, Бельремскій плѣнъ, задержаніе при Вильгельмовомъ дворѣ, опасенія, коварныя козни, бесѣду на берегу ручья, клятву на свой рыцарскій мечъ. Разсказавъ все это, онъ продолжалъ: — Я очутился на открытомъ воздухѣ, и не зналъ, до тѣхъ-поръ пока не стало палить меня солнце, что происходило въ душѣ моей. До-тѣхъ-поръ я былъ точно трупъ, который колдунья вызвала бы изъ могилы, и въ который она вдохнула бы не его душу, а существо безсознательно-покорное ей, имѣющее подобіе жизни, но не живое. А потомъ показалось мнѣ будто демонъ вылетѣлъ изъ моего тѣла, издѣваясь надъ низкими дѣлами, на которыя онъ подвинулъ плоть.... О отецъ.... отецъ! неужели нѣтъ разрѣшенія этой клятвѣ?... клятвѣ, которой я не могу исполнить? скорѣе буду клятвопреступникомъ, нежели предателемъ отечества!

Лицо Альреда было такъ же блѣдно, какъ Гарольдово, и старецъ долго не могъ отвѣчать.

— Слова мои могутъ связывать и разрѣшать, сказалъ онъ наконецъ; это власть вѣрренная мнѣ небомъ. Но продолжай; что же ты сказалъ наконецъ Вильгельму?

— Не знаю, ... не помню.... ничего не помню кромѣ, этихъ словъ: «Теперь отдай мнѣ тѣхъ, ради кого я предался въ твои руки; дай мнѣ возвратитъ Гакона въ лоно родной земли, а Вольвота въ объятія матери, и отпусти меня въ обратный путь....» И что же отвѣчалъ мнѣ коварный Норманъ, съ своими огненными взорами и ядовитою улыбкою? — «Гаконы отправится съ

тебю; онъ широта, а любовь дяди не довольно горяча, чтобы нызветь въ разлукѣ; Вольнотъ же, сынъ твоей матери, долженъ оставаться здѣсь, залогомъ твоей собственной вѣрности. Годвиновы заложники отнускаются, но я удержу заложника отъ Гарольда».

— Я взглянулъ на него, онъ прищурилъ глаза. Я возразилъ: Этого нѣтъ въ договорѣ. — Вильгельмъ отвѣчалъ: — Нѣтъ, но это его скрѣпа. — Тогда я отвернулся отъ герцога, подождать къ себѣ брата, и сказалъ ему: — Я прѣхалъ изъ за моря за тобою. Садись на своего коня, и поѣзжай со мною; потому что я не выйду изъ Норманской земли безъ тебя! — Вольнотъ отвѣчалъ: Нѣтъ; герцогъ Вильгельмъ сказалъ мнѣ, что заключилъ съ тобою договоръ, по которому я долженъ еще оставаться залогомъ твоей вѣрности; Нормандія же стала мнѣ родной землею, и я люблю Вильгельма какъ своего государя. — За этими послѣдовамо нѣсколько горячихъ словъ. Вольнотъ упорствовалъ, не слушалъ ни увѣщаній, ни приказаній, и безъ жалости растерзалъ мнѣ сердце, показавъ, что его сердце уже чуждо Англіи. О мать, мать, какъ покажусь я тебѣ на глаза?... Такимъ образомъ я возвратился съ Гакономъ. Когда я ступилъ ногою на англійскій берегъ, въ каждомъ утесѣ видѣся мнѣ образъ матери, въ стоиѣ вѣтра слышался мнѣ ея голосъ. И вдругъ, отъвѣщеніе, сковывавшее меня доселѣ, пропало; я гордо выпрямился, и почувствовалъ себя выше страха мертвыхъ костей. Глуное ухищреніе коварства! Будь я связанъ однимъ своимъ словомъ, или будь это слово скрѣплено обыкновенною клятвою, прочіе связывало бы оно мою душу, нежели подлый обманъ, тайныя ухищренія, и оскорбительное коварство. Но между-тѣмъ какъ я ѣхалъ въ Лондонъ, клятва преслѣдовала меня; блѣдные остовы, казалось, слѣдили за мною на моемъ конѣ; изсохшіе пальцы указывали на меня съ облаковъ; и тогда, отецъ, я вдругъ созналъ силу власти, которая вѣрнѣе руководитъ челоуѣка, нежели гордая совѣсть, измѣнившая мнѣ въ часъ испытанія! Я созналъ святость того верховнаго судилища, посредника между небомъ и челоуѣкомъ, которому я могъ открыть страшную тайну моей души, и воззвать, какъ зываю я къ тебѣ, припадая къ твоимъ ногамъ: Отецъ, отецъ, вели мнѣ умереть, или разрѣши меня отъ моей клятвы!

Альфредъ всталъ, выпрямился, и отвѣчалъ: — Еслибы я нуждался въ ухищреніяхъ, сынъ мой, и сказалъ бы тебѣ, что Вильгельмъ самъ разрѣшилъ теби отъ клятвы, удержавъ заложника,

вопреки смыслу преступнаго договора, что въ смыслъ словесъ клятвы завысочаетъ уничтожающее на слово: *сваг Бега благословитъ тебе начинаніе. Не благословитъ свѣтъ сына на ещеубійство; а ты сынъ Англіи!* — Не здѣсь такіе укрѣпенія пошлы и бесполезны. Ясенъ законъ, что я ниѣю право уничтожать клятвы, вынужденныя законѣмъ, обманомъ и угрозами; еще яснѣе законъ неба и человѣческой, что клятвы на совершеніе преступленія никогда не должно ни давать, ни исполнять. Поэтому, не разрываю тебя отъ обѣты, котораго ты не далъ бы даже ради блага Англіи, — не разрываю тебя отъ этого грѣха и немыслию еще о покаяніи, котораго ты долженъ замедлить это преступленіе.... Не запрещаю тебѣ покаянія своею клятву; и освобождаю и разрываю тебя отъ преступнаго обязательства. Если же я превышаю свою власть, то покаянію своею обязанность какъ человекъ; мои сѣдые волосы да будутъ мнѣ поставленіемъ.... Подемъ же, сынъ мой, надонъ видѣть передъ лицомъ неба и покаянію, да живущимъ ты цѣлою шпенію истины и добродѣтели одинъ часъ безумія и ослѣпленія.

И вѣтазъ и старецъ вали видѣть на-всень.

II.

Всѣ помыслы Гарольдовой души передъ одною пламеннею мыслью, — всиниъ успокоенія на лонѣ своей вѣры, услышать своею судьбу изъ устъ шурѣйшаго Саксонца старца. Если бы Альредъ отчалъ его клятву неразрѣшимаю, онъ сморѣе умеръ бы смертью Риваллина, но не покорился бы кантиллектою жизни. Дневъ былъ переворотъ, совершившійся въ душѣ этого человека, прежде столь утѣреннаго въ своихъ силахъ, что не признавалъ на землѣ другаго суди своихъ дѣйствій, кромѣ себя самого, а теперъ ставившаго всю свою жизнь въ зависимость отъ одного слова Альреда. Всѣ другіе помыслы уничтожились передъ этого одною мыслью, — отечество, мать, Дневъ, мораль, власть, поантка, честолюбіе! Нока лежало бремя на его душѣ, отъ былъ отверженецъ въ родной землѣ. Но тогда возшло солнце слѣдующаго утра и страшное бремя снято съ его сердца и жизни; — тогда возсталъ снова его врожденный оловѣнный разумокъ, и подкрѣпилъ слово служителя вѣры; — тогда, неомотра на чувство стыда и угрызения совѣсти при воспоминаніи объ обѣтѣ, онъ почувствовалъ себя разрѣшаннымъ, не отъ совершеннаго уже грѣха, а отъ болѣе тяжкаго грѣха, пред-

не может судить о силѣ, которую онъ придаетъ душѣ, или о слабости, въ которую онъ ее повергаетъ. И до тѣхъ-поръ, пока онъ не пойметъ этого, духовная сторона исторіи будетъ для него одинъ бѣлый листъ, или запечатанная книга. Онъ не пойметъ, что влекло свирѣпаго язычника, дремащаго и умиленаго, въ лоно вѣры; что населяло Египетъ отшельниками; что усѣвало дороги изъ Европы въ Азію кающимися убійцами; — не пойметъ, что въ древнемъ мірѣ, когда еще властвовалъ Зевсъ на Олимпѣ, крылось въ темномъ преданіи о покаяніи Аполлона, бога веселія, сходявшаго въ Аадъ; или почему грѣшникъ возвращался успокоенный и облегченный съ цѣлительныхъ жертвоприношеній Элевсинскихъ. Во вѣхъ этихъ высокихъ таинствахъ древняго и новаго міра, кроется основная истина необходимости человѣку покаянія и искушенія; подъ ихъ оболочкою сіяетъ будто радуга, сіяетъ завѣтъ примиренія человѣка съ божествомъ.

Едва Гарольдъ ожилъ, дѣйствительность обхватила его своими крѣпкими объятіями. Вѣсть о его возвращеніи уже прошла по городу, и комната его скоро наполнилась поздравителями и озабоченными друзьями. Послѣ первыхъ привѣтствій, каждый желалъ сообщить ему разные извѣстія, требовавшія немедленнаго его вниманія. Отсутствія его было достаточно, чтобы разонкнутъ половину звѣзьева, которыми держалось это нестройное государство.

Весь сѣверъ былъ вооруженъ. Нортонберская земля возстала, будто одинъ человѣкъ, противъ притѣсненій жестокаго Тостига; мятежники немедленно пошли на Юркъ; Тостигъ бѣжалъ въ отчаяніи, и никто не зналъ, гдѣ онъ скрывался. Сыновья Альгаровы вышли изъ своихъ мерційскихъ твердынь, и въ это время уже находились въ рядахъ Нортонберцевъ, которые, послѣ слухъ, набрали старшаго изъ нихъ, Моркара, на мѣсто Тостига.

Среди этихъ бѣдствій, здоровье короля истощалось со дня на день; умъ его былъ разстроенъ видѣніями. Многія прозрѣнія грядущихъ бѣдствій, срывавшіяся съ его языка въ часы этихъ мистическихъ видѣній, проникли въ народъ, и переходили изъ устъ въ уста, наращаясь обычными украшеніями. Все царство было подъ гнетомъ какаго-то мрачнаго, безотчетнаго ожиданія.

— Теперь все пойдетъ хорошо, говорилъ народъ; нашъ великій графъ, доблестный, мудрый Гарольдъ, нашъ возлюбленный Гарольдъ — возвратился въ родную землю.

Чувствуя, какъ онъ необходимъ для Англій, что всѣ взоры, всѣ надежды, всѣ сердца были обращены къ нему, и къ нему

одному, Гарольдъ стряхнулъ съ своей души злоторныя воспоминавiя, какъ левъ стряхиваетъ росу съ своей косматой гривы. Умъ его, такъ тускло теплвшійся, будто сквозь дымъ, въ непривычномъ ему состязанiи съ коварствомъ, запылалъ свѣтлымъ пламенемъ, какъ скоро нашлось ему достойное занятiе. Его слова влили бодрость въ упавшiя духомъ сердца. Распоряженiя его были быстры и рѣшительны. Между тѣмъ какъ его гонцы и всадники мчались во всѣхъ направленiяхъ, онъ самъ вскочилъ на лошадь, и поскакалъ въ Геверингъ.

Наконецъ передъ нимъ показалось это тихое и очаровательное убѣжище, точно бесѣдка среди цвѣтущаго саду. Это было любимое мѣстопребыванiе Эдуарда; онъ самъ построилъ его для своихъ благочестивыхъ бдѣнiй, прелъщенный лѣсистымъ уединенiемъ мѣста и мракомъ его обильной зелени. Здѣсь однажды, рассказывали, когда онъ ночью скитался по безмолвнымъ рощамъ, размышляя о небѣ и вѣчности, громкое пѣнiе соловьевъ прервало его благочестивую думу; досадуя на это развлеченiе, онъ молился, чтобы пѣнiе умолкло; и съ того дня, никто не слышалъ ни одного соловья въ Геверингскихъ рощахъ.

Проѣхавъ лѣсныя пустоши, освѣщенные печальнымъ, хотя и яркимъ осеннимъ солнцемъ, Гарольдъ подѣхалъ къ низкимъ скромнымъ воротамъ деревяннаго зданiя, покрытаго плющемъ, и другими вьющимися растенiями, а черезъ нѣсколько мгновенiй, онъ стоялъ передъ королемъ.

Эдуардъ съ трудомъ приподнялся съ постели, на которой онъ полусядъ, полулежалъ, подъ балдахномъ, опиравшимся на тонкiе столбики, и украшеннымъ сверху рѣзными изображенiями друидскихъ храмовъ; болѣзненное лицо его просiяло при видѣ Гарольда. За королемъ стоялъ человекъ съ датскою сѣкирою въ рукѣ, начальникъ королевской дворни; по знаку короля, онъ немедленно удался.

— Гарольдъ, наконецъ ты возвратился, сказалъ Эдуардъ слабымъ голосомъ; графъ приблизился къ нему, и съ горестью зашѣпталъ, какъ болѣзнь измѣнила его черты.— Ты возвратился, чтобы помочь ошѣившей рукѣ, изъ которой скоро выпадетъ земной скипетръ.... это правда, и я этому радуюсь.

Потомъ, всмотрѣвшись въ лицо Гарольда, съ котораго не исчезла еще блѣдность отъ недавнихъ страданiй, и которое въ это мгновенiе еще опечалилось участiемъ къ королю, онъ продолжалъ:

— Что же, человекъ міра сего отправлявшійся съ подлымъ уно-варіемъ на свои силы, и на совѣсть такихъ же людей міра, сего — что же, несправедливы были мои предсказанія? и доволенъ ли ты своею поѣздкою?

— Да, печально сказалъ Гарольдъ, твоя мудрость была прои-цательнѣе моего благоразумія, король; страшныя сѣти были мнѣ приготовлены и нашей родной землѣ, подъ предлогомъ обѣщанія, даннаго тобою Вильгельму, что онъ будетъ королемъ англійскимъ, если переживетъ тебя.

Эдуардъ смутился и лицо его подернулось неудовольствіемъ.

— Можетъ остаться, сказалъ онъ, занимаясь, что когда еще я не зналъ англійскихъ законовъ, и не понималъ, что царство не передается завѣщаніемъ, какъ домъ или помѣстье, такое обѣщаніе и сорвалось съ моихъ устъ, тѣмъ болѣе, что мысли мои тогда не клонялись къ мірскимъ дѣламъ. Впрочемъ меня не удивляетъ, что братъ мой памятливѣе меня и болѣе привязанъ къ мірскимъ благамъ... Помстятъ, въ этихъ темныхъ словахъ и въ твоей поѣздкѣ предвижу тучу бѣдствій, и потоки крови, готовящіяся въ будущемъ.

При этихъ словахъ глаза Эдуарда закатились и вперились неподвижно въ пустоту. Не смотря на тайное содроганіе, которое производило на Гарольда это дремотное созерцаніе, оно было ему облегченіемъ отъ сильнаго безпокойства; потому что онъ очень справедливо судилъ, что пробудившись изъ этого состоянія, Эдуардъ не будетъ спрашивать его о подробностяхъ и о тѣхъ сомнѣніяхъ совѣсти, въ которыхъ, онъ зналъ, что король былъ злохой судья.

Когда Эдуардъ, съ глубокимъ вздохомъ, сталъ возвращаться изъ этого міра видѣнія къ міру дѣйствительности, онъ протянулъ къ Гарольду свою изсохшую, прозрачную руку, и сказалъ:

— Видишь на моемъ пальцѣ перстень? онъ посланъ мнѣ свыше, какъ милосердное знаменіе, чтобы я готовилъ душу свою къ смерти. Ты можетъ-быть слышалъ, что однажды, какъ я возвращался изъ храма, меня останоавилъ престарѣлый пилигримъ, и просилъ у меня подаянія; я же не имѣя при себѣ чего-либо другаго, снялъ съ пальца перстень и отдалъ ему; и старикъ благо-словляя меня продолжалъ свой путь.

— Очень помню твое щедрое подаяніе, сказалъ графъ, потому что старикъ рассказывалъ о немъ повсюду, гдѣ проходилъ, и объ этомъ было много разговору.

Король едва примѣтно улыбнулся.

— Этому прошло уже много лѣтъ, продолжалъ онъ. Но въ нынѣшнемъ году нѣсколько Англичанъ, возвращаясь изъ отдаленныхъ странъ, встрѣтились съ двумя пилигримами, которые начали распространять ихъ обо мнѣ. И одинъ изъ нихъ почтеной и кроткой наружности, подавъ мнѣ перстень, и сказалъ: «Когда вы вернетесь въ Англiю, вручите этотъ перстень самому королю, и скажите ему, чтобы онъ принялъ этотъ даръ въ залогъ того, что въ одинъ день онъ увидится со мною; что за его подаю я приготовлю ему безсмертную награду; и что всѣ духи уже убираютъ для будущаго обитателя чертога, въ которыхъ не тѣютъ червь и моль». Изумленные Англичане спросили: «А какъ же намъ оказать ему, кто говорить съ нами? Пилигримъ отглаголь: «Ния мое Иовишъ». И съ этимъ видѣніемъ исчезло. Это тотъ самый перстень, который я подалъ старцу; и на четырнадцатую ночь послѣ твоего отъѣзда, онъ возвращенъ мнѣ чудеснымъ образомъ. Следовательно, Гарольдъ, земной срокъ мой близокъ, и я радъ, что возвращеніе твое избавляетъ меня отъ заботъ правленія, и позволяетъ мнѣ подумать о приготовленіи души своей къ радостному дню.

Подозрѣвая въ этомъ таинственномъ посланникѣ хитрость норманна Нормана, который, зная какъ ненадежно было здоровье Эдуарда, хотѣлъ можетъ-быть этимъ знаменьемъ устрашить его браваду совѣсть, и побудить его принять мѣры для довершенія давняго обѣщанія, Гарольдъ старался опровергнуть предчувствія короля; но Эдуардъ прервалъ его, и сказалъ съ необыкновенною твердостью, и съ выраженіемъ неудовольствія въ лицѣ и въ голосѣ:

— Не вступайся ты, съ своимъ человѣческимъ разумомъ, а лучше мужайся, и готовься къ страшнымъ бѣдствіямъ, которыя исполнены грядущіе дни!... Займись ты мірскими дѣлами. Вся земля наша смята возстаніями. Авлаѣтъ, вышедшій отъ мела при твоёмъ приходѣ, приходилъ докучать мнѣ своими печальными разсказами о кровенролитіи и опустошеніи. Пойди, распроси; — выслушай также гонцевъ отъ брата твоего Тестига, которые ждутъ въ сѣняхъ; пойди, возьми сѣкву и щить, собери земныя вонюхъ, суди и ряди; а когда воротитшься, — уви-

* Эту легенду разсказываетъ современный биографъ Эдуарда, и многіе другіе лѣтописцы; даже на воротахъ одного изъ дворцовъ вестминстерскаго аббатства, въ память ея, была поставлена группа, изображавшая Эдуарда и пилигрима.

дливъ съ какими великими восторгомъ можетъ король возвестись съ своего земнаго престола!... Иди.

Гарольдъ, тронутый больше, чѣмъ бывало въ прежнія времена, словомъ Эдуарда, отвернулся, чтобы скрыть свое лицо, и сказалъ:

— Желалъ бы я, чтобы мое сердце, среди своихъ мірскихъ заботъ, было такъ же чисто и ясно, какъ твое. Но, что можетъ, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлать смертный для охраненія твоего царства, и для отраженія бѣдствій, которыя ты презрѣваешь въ будущемъ, — я все сдѣлаю; и тогда можетъ-быть, въ часъ смерти, сойдеть и на меня милосердіе Неба.

Сказавъ это, онъ вышелъ.

Вѣсти, которыя онъ получилъ отъ Анлафа (престарѣлаго воина изъ Англо-Детчанъ), были гораздо важнѣе всего, что ему извѣстно было доселѣ. Моркаръ, храбрый сынъ Альгаровъ, былъ уже провозглашенъ мятежниками графомъ вортонберской земли; области Ноттингемская, Дербійская и Линкольская выставили за него все свое датское населеніе; вся Мерція поднялась подъ начальствомъ его брата Эдвина; и многіе изъ книрскихъ вождей уже присоединились къ союзнику умерщвленнаго Грешнта.

Графъ, не теряя времени, провозгласилъ ополченіе; множество стрѣлъ было переломано, и обломки, какъ символъ призыва къ ополченію, были разосланы по всѣмъ тегнамъ и всѣмъ городамъ. Новые гонцы отправились къ Гурту съ приказаніемъ собрать все воинство своего удѣла, и безъ остановокъ идти къ Лондону. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Гарольдъ возвратился въ городъ, и съ беспокойнымъ сердцемъ отправился къ матери, исполнить свою вторую обязанность.

Гита уже была приготовлена къ его горестному извѣстію, потому что Гаконъ, съ его согласія пошелъ къ ней впередъ, чтобы нанести первый ударъ ея ожиданіямъ. Безмолвной прощательности и смѣливости его, казалось, было суждено выручать Гарольда во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Съ своимъ смуглымъ, везнающимъ улыбки лицомъ, и сумрачною красотою, съ своею неотлучною тоскою, будто удрученный гнетомъ невидимаго рока, онъ уже неразрывно связался съ судьбою графа, будто его гоній, во гоній мрака.

Сердце отлегло у Гарольда, когда онъ вошелъ, и Гита, увидѣвъ его, протянула къ нему руки и сказала:

— Ты не исполнилъ обѣщанія, но не по своей винѣ. Не печалься; я довольна.

— Слава Богу, матушка...

— Я рассказалъ твоей матери, сказалъ Гаконъ, стоявшій, сложивъ руки, передъ огнемъ, котораго жаркое пламя разливало по временамъ красноватый отливъ на его блѣдное лицо и черные волосы;—я рассказалъ ей, что Вольноту мила его неволя, что онъ счастливъ въ своей клеткѣ. И мать твоя нашла утѣшеніе въ моихъ словахъ.

— Не въ однихъ твоихъ словахъ, сынъ Свейновъ, но и въ словахъ судьбы; я еще до прибытія твоего просилъ Бога о исполненіи многолѣтняго, слѣпаго желанія моего сердца; — молилась, чтобы Вольнотъ не переплывалъ моря съ своимъ братомъ.

— Какъ? вскричалъ изумленный графъ.

Гита взяла его за руку, и отвела въ противоположный конецъ обширной комнаты, будто желая, чтобы Гаконъ не слышалъ ея словъ. Гаконъ между тѣмъ отвернулся лицомъ къ огню, и задумчиво, неподвижными глазами смотрѣлъ на пылающее пламя.

— Не могъ же ты думать, Гарольдъ, сказала Гита, что когда ты отправился въ этотъ путь, предметъ моего страха и моихъ надеждъ, буду ли я спокойно сидѣть въ своихъ креслахъ и считать стежки въ дрожащихъ обояхъ? Нѣтъ; я каждый день вопрошала тайную науку Гильды, и проводила съ нею ночи у источника, надъ древнею могилою и ясеневыми рунами; я знаю, что ты прошелъ черезъ многія опасности, неволю, войну и козни коварства; знаю также, что Фюльгя моего Вольнота спасла ему жизнь; потому что если бы онъ возвратился въ свою родную землю, то возвратился бы только въ кровавую могилу.

— Это говорить Гильда? спросилъ графъ задумчиво.

— Такъ вѣщаетъ и вала, и руны и снѣгъ-лека! и тотъ же завѣтъ рока разстилаетъ мрачную тучу на челѣ Гакона! Не видишь развѣ ты перстъ смерти въ безмолвіи его устъ незнающихъ улыбки, и въ огнѣ его всегда тоскливыхъ глазъ?

— Нѣтъ, это мысль, врожденная юному узнику и взлелѣянная въ одинокихъ думкахъ неволи. Ты видѣла Гильду? А Эднѳъ, матушка, что Эднѳъ?...

— Эднѳъ здорова, отвѣчала Гита съ участіемъ, потому что она сочувствовала этой любви, которую осудилъ бы Годвинъ. Но она очень грустила по твоему отъѣздѣ; по цѣлымъ часамъ сидѣла, устремивъ глаза въ темную даль и вздыхала. И прежде еще чѣмъ Гильда угадала твое возвращеніе, Эднѳъ уже знала это; а тогда сидѣла съ нею; вдругъ она вскочила и вскрикнула: «Г-

рольдъ въ Англіи!» Какъ? почему ты это думаешь? спросила я. Она отвѣчала: «Я это чувствую по осязанію земли, по дыханію воздуха». Это уже больше чѣмъ любовь, Гарольдъ. Я знала двухъ близнецовъ, которые точно такъ же чувствовали приближеніе и удаленіе другъ друга, и въ разлукѣ были не разлучны другъ съ другомъ: Эдповъ двойня твоей душѣ. Иди теперь къ ней, Гарольдъ; такъ ты увидишь и сестру свою, Тайру. Бѣдняжка ужасно хворала все это время, и я просила Гильду помочь ей цѣлебными травами и чарами. Побывай у меня, прежде чѣмъ отправишься на помощь къ своему брату, Тостигу, и скажи мнѣ, какъ Гильда успѣваетъ съ моею больною дочерью.

— Буду, матушка. А ты не безпокойся: Гильда искусна въ наукѣ врачеванія... Благодарю тебя, что ты не укоряла меня въ томъ, что мнѣ не удалось исполнить своего обѣщанія. Спасибо и предсказаніямъ Гильды, если они утѣшаютъ тебя въ разлукѣ съ твоимъ любимцемъ.

Простившись съ матерью, Гарольдъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ черезъ городъ, къ мосту. Онъ принужденъ былъ ѣхать шагомъ, потому что прохожіе узнали его, и купцы и ремесленники высыпали изъ своихъ домовъ и лавокъ, чтобы привѣтствовать героя своей страны и своего времени.

— Англія спасена, Гарольдъ возвратился! кричали со всѣхъ сторонъ. Они радовались какъ дѣти моряка, который, промокнувъ насквозь, пристаетъ къ берегу несмотря на ярость бури. Привѣтливо и ласково отвѣчалъ Гарольдъ на ихъ привѣтствія взорами и словами, и махалъ шапкою проѣзжая сквозь толпу, тѣснившуюся по его пути.

Наконецъ онъ проѣхалъ городъ и мостъ; передъ нимъ уже тянулся длинный рядъ желтыхъ вѣтвей, склонившихся изъ садовъ черезъ дорогу къ римской мызѣ; онъ уже прищипорилъ коня, когда услышалъ за собою конскій топотъ, и, оглянувшись назадъ, увидѣлъ Гакона. Онъ дернулъ поводья, и сказалъ:

— Что тебѣ нужно, племянникъ?

— Тебя, отвѣчалъ Гаконъ, нагоняя его: быть съ тобою.

— Благодарю тебя, Гаконъ; но прошу тебя, оставайся у моей матери. Я желалъ бы ѣхать одинъ.

— Не отвергай меня, Гарольдъ! Англія для меня чужая земля, а въ домѣ твоей матери я только живѣе чувствую, что я сирота. Отнынѣ я посвятилъ свою жизнь тебѣ! Уже покойный отецъ мой завѣщалъ тебѣ мою жизнь, на горе или на радость. По это-

ну я приближаюсь къ тебѣ; будемъ неразлучны въ жизни и въ смерти!

Какое-то безотрадное содроганіе прошло, при этихъ словахъ юноши, по сердцу Гарольда. Онъ помнилъ, что совѣты Гаконвы впервые побудили его отказаться отъ своей врожденной, безстрашной прямоты, отражать хитрость хитростью, и такимъ образомъ внезапно его запутали въ собственныхъ его сѣтяхъ; и это воспоминаніе принимало уже нѣкоторую горечь къ состраданію и привязанности его къ сыну своего брата. Но, стараясь побѣдить это тяжелое чувство, какъ несправедливость и неблагодарность къ тому, чьему совѣту — какъ бы онъ ни былъ пагубенъ, и какъ бы самъ Гарольдъ ни раскаявался въ своемъ послушаніи, — онъ былъ обязанъ жизнью и свободою, онъ отвѣчалъ съ кротостью:

— Принимаю твой даръ и твою любовь, милый Гаконъ. Поткай со мною; но извини, если я буду тебѣ не веселымъ товарищемъ, потому что, когда душа бесѣдуетъ сама съ собою, уста молчатъ.

— Правда, сказалъ Гаконъ: но я и самъ не охотникъ болтать. Три вещи вѣчно безмолвны: дума, судьба и могилы.

Оба привспорили коней и поѣхали рядомъ, слѣдуя каждый теченію своихъ собственныхъ размышленій; длинный тѣни склопящагося дня, ложившіяся отъ мрачныхъ дубравъ и далекихъ холмовъ, боронясь съ необыкновенно яркою синевою неба. Всадники ѣхали то въ тѣни, то въ полномъ свѣтѣ; быки глазѣли на нихъ съ опушекъ лѣсу и изъ просѣкъ, и цапля пускала свой длиннй, тоскливый крикъ, взлетая съ пространныхъ болотъ, блиставшихъ въ дали въ лучахъ заходящаго солнца.

Гарольдъ всегда подъѣзжалъ къ жилищу валы съ задней стороны зданія, гдѣ стоялъ развалившійся храмъ, такъ тѣсно связанный съ новѣстью его жизни. Какъ скоро показался холмъ съ своими печальнымъ вѣнкомъ изъ сѣрыхъ камней, Гаконъ первый прервалъ молчаніе.

— Все по прежнему... точно во снѣ! сказалъ онъ вдругъ: холмъ, развалины, могильный курганъ.... Но гдѣ великій образъ могучаго?

— Развѣ ты уже видалъ это мѣсто? спросилъ графъ.

— Какъ же; еще ребенкомъ приводилъ меня сюда отецъ мой, Свейвъ; сюда же приходилъ я одинъ изъ твоего дому, что видѣется тамъ сквозь желтыя листья, наканунѣ того дня какъ оставилъ родину и поѣхалъ заложникомъ въ норманскую землю;

и здѣсь, у этого жертвенника, великая вала сѣвера пѣла свои руны на мою будущую судьбу.

— И тебѣ также! прошепталъ Гарольдъ, и потомъ спросилъ вслухъ: — Что же она тебѣ говорила?

— Что твоя жизнь перепутана съ моею въ моткѣ судьбы; что я выручу тебя изъ великой гибели и раздѣлю съ тобою еще большую.

— Юноша, сказалъ Гарольдъ съ горечью: эти лживыя предсказанія человѣческаго ума не ограждаютъ души отъ опасностей. Они только сбиваютъ насъ съ прямого пути загадками, которыя пламенное сердце толкуетъ сообразно собственному своему стремленію. Держись ты крѣпче за свой безхитростный юношескій разумъ, и полагайся только на чистоту своей души и на неусыпную защиту боговъ.

При этихъ словахъ онъ подавилъ невольный вздохъ и, соскочивъ съ лошади, пустилъ ее и пошелъ на холмъ. Взошедши на вершину, онъ остановился и оставилъ Гаконъ, который также сошелъ съ лошади и слѣдовалъ за нимъ. На половинѣ склона, обращеннаго къ развалившемуся периствилю, Гаконъ увидѣлъ дѣвушку, еще молодую и красотою превосходившую все чѣмъ могъ похвалиться норманскій дворъ. Она сидѣла на травѣ; другая дѣвушка, гораздо моложе ея, даже, по-видимому, едва вышедшая изъ дѣтства, полу-лежала у ногъ ея, опершись подбородкомъ на руку, и слушала съ безмолвнымъ вниманіемъ. Въ послѣдней Гаконъ немедленно узналъ Тайру, послѣднюю дочь Гиты, хотя видѣлъ ее только одинъ разъ, въ тотъ день какъ отправлялся къ норманскому двору. Лицо дѣвушки съ того времени мало измѣнилось; только взоры ея стали грустиѣе и щеки поблѣднѣли.

Невѣста Гарольдова пѣла пѣсню его сестрѣ, подъ мирной сѣнью осенняго вечера. Въ пѣсни ея воспѣвался любимый предметъ саксонскихъ баяновъ, таинственная жизнь, смерть и возрожденіе баснословнаго феникса.

ПѢСНЬ О ФЕНИКСѢ.

Тамъ на востокѣ, —
 Старцы вѣщаютъ, —
 Край есть далекій,
 Край благодатный.

Лучше вѣтъ въ мірѣ
Края того:
Воздухъ тамъ вѣтъ
Рошъ ароматомъ ;

Двери счастливымъ
Въ небо отверсты,
Сладко на землю
Льется ихъ пѣснь.

Тамъ не мертвѣтъ
Лугъ отъ морозу ;
Буря не свещетъ,
Дождикъ неидетъ.

Въ кругѣ волшебномъ,
Перьемъ сія,
Роши хранитель
Фениксъ жветъ.

Царь обитателей
Выси небесной,
Онъ проживаетъ
Тысячу лѣтъ.

Тутъ тяжеляють
Ветхія крылья,
Въ жизненномъ вихрѣ
Вѣкъ свой отживъ.

Фениксъ взлетаетъ
На дубъ высокій ;
Вѣтеръ гдѣ дремлетъ —
Строить гнѣздо ;

Вкругъ добываетъ
Травъ благовонныхъ,
Смоля многоцѣнныхъ
Онъ для гнѣзда.

Тамъ онъ, подъ небомъ,
Лѣта ждетъ лпхо.
Вотъ онъ дождался,
Лѣто пришло !

Свѣтлый лучъ солнца
Дивныя смолы

Вдруг зажигаетъ:
Вспыхло гнѣздо!

Время гнѣню,
Жизнью наскучивъ,
Въ благоуханьи
Фениксъ горитъ.

Вдругъ изъ-подъ пепла
Плодъ возникаетъ;
Въ плодѣ чудесномъ
Двигается червь.

Радостно, тихо,
Сѣтью цвѣтистой
Онъ обвиваетъ
Тѣло свое.

И изъ прекрасной
Ткани цвѣтистой,
Фениксъ выходитъ
Весель и ювь.

Вкругъ него птички
Съ пѣснями вьются,
Славой вѣчная
Рощи царя.

Гимны хваленья
Въ рощахъ несутся,
И именуютъ
Птичку царемъ.

Фениксъ изъ сѣти,
Выйдя на волю,
Въ небѣ летаетъ,
Въ травкѣ сидитъ.

Холмы и рощи
Онъ навѣщаетъ,
Мѣсто пріюта
Прежней любви.

Звѣзды на небѣ,
Дольнїй цвѣточекъ
Съ нимъ молодѣютъ
Радость дѣлать.

Вокругъ него вьются
Жителейъ неба
Ръзвыя стаи,
Съ пѣсню живой.

Гимномъ хваленя
Полнятся рощи,
Доли и воздухъ,
Въ славу царя.

Когда пѣсня умолкла, Тайра сказала :

— Ахъ, Эднѣ, кто не согласился бы охотно взойти на смертный костеръ, чтобы ожить новою жизнью подобно фениксу!

— Милая сестра, отвѣчала Эднѣ, пѣвецъ хотѣлъ представить въ образѣ дивнаго феникса, воскресеніе мертвыхъ.

— Но фениксъ, сказала Тайра печально, видитъ снова мѣста, гдѣ проводилъ свою жизньъ, видитъ предметы и мѣста, которые были ему дороги въ прежней жизни. А мы увидимъ ли ихъ, Эднѣ?

— Мѣста, намъ знакомыя, дороги намъ только ради милыхъ нашему сердцу существъ, отвѣчала Эднѣ. Съ этими милыми существами мы снова увидимся, а гдѣ они — тамъ наше небо!

Гарольдъ не могъ долѣе удерживать восторгъ. Въ одно мгновеніе онъ былъ подлѣ Эднѣ, и съ крикомъ радости прижималъ ее къ сердцу.

— Я знала, что ты прійдешь нынче вечеромъ, Гарольдъ; я это знала, шептала счастливая невѣста.

III.

Между тѣмъ какъ Гарольдъ и Эднѣ, полные своей любви, блуждали, рука объ руку, по окружнымъ рощамъ, и Гарольдъ изливалъ въ это сердце, — стяжавшее свою чистою и возвышенною любовью супружеское право успокоивать и утѣшать — горестную повѣсть единственнаго испытанія, изъ котораго онъ вышелъ съ пораженіемъ и стыдомъ, — Гаконъ приблизился къ Тайрѣ и сѣлъ подлѣ нея. Какое-то тайное сочувствіе влекло ихъ другъ къ другу; ихъ редила общая имъ тоска, происходившая изъ одного источника: сознанія тяготѣвшаго надъ ними рока; но въ дѣвочки эта тоска была скорѣе томная, покорная грусть, въ Гаконѣ же она была сурова и мрачна. Они бесѣдовали спол-

голоса, и страшенъ былъ предметъ ихъ разговора для такихъ юныхъ собесѣдниковъ. Пѣсня ли Эднелъ внушала имъ такіа грустныя размышленія, или это было вліяніе саксонскаго могильнаго кургана, мрачно и дико воздвигавшагося передъ ними между столбовъ друидическаго капища; во предметомъ ихъ разсужденія была — смерть. Будто заколдованные, какъ часто случается съ дѣтми, страхомъ чернаго-царя, они съ сладостнымъ трепетомъ останавливались на тѣхъ образахъ, съ которыми воображеніе сѣверныхъ племенъ слило мысль вѣчнаго покоя: на саванѣ, червѣ и бѣляющихъ костяхъ, на блуждающихъ тѣняхъ и чарахъ волшебника, вызывающаго мертвыхъ изъ гробовъ. Они говорили о тоскѣ души, покидающей землю еще во всей ея красѣ, и нездоровшія радости цвѣтущей юности; о грустномъ взглядѣ, который томныя очи ея бросятъ при разставаніи на послѣдній для нея лучъ солнца на землѣ. Потомъ представляли себѣ, какъ дрожащая отъ холоду душа, лишенная своего одѣянія, плоти, блуждаетъ по безотраднымъ пространствамъ. Тутъ Гаконъ вдругъ остановился, и потомъ сказалъ:

— Но тебя, сестра, еще ждетъ любовь, и всѣ радости жизни; не для тебя такая бѣсѣда.

Тайра грустно покачала головою.

— Нѣтъ, Гаконъ! вчера вечеромъ, когда Гильда вопрошала руны и выбирала зелья, чтобы облегчить недугъ, который сожигаетъ и гложетъ меня здѣсь, — съ этими словами дѣвочка прижала руку къ груди, — я замѣтила, что лицо ея нахмурилось и покрылось мракомъ; и я почувствовала, что судьба моя рѣшена. А когда ты такъ тихо сѣлъ подлѣ меня, Гаконъ, съ своими грустными, холодными глазами, мнѣ показалось, будто явился мнѣ вѣстникъ смерти. Но ты крѣпокъ и здоровъ, Гаконъ, тебѣ еще можно надѣяться на долгую жизнь.... Будемъ же говорить о жизни.

Гаконъ наклонился и прижалъ уста къ блѣдному лбу дѣвочки.

— Поцѣлуй и ты меня, Тайра.

Дѣвочка поцѣловала его. И долго еще они сидѣли безмолвно, прижавшись другъ къ другу, и любуясь заходящимъ солнцемъ.

Когда взошли звѣзды, Гарольдъ и Эднелъ возвратились къ холму. Лицо Гарольда было ясно, какъ сіяніе звѣздъ; чистая душа его возлюбленной вдохнула спокойствіе въ его душу, и ему казалась, въ его отрадномъ суетврїи, будто ему возвращенъ былъ его геній хранитель, и кости мертвыхъ выпустили его изъ своихъ адскихъ когтей.

Но вдругъ рука Эднелъ надрогнула въ его рукѣ, и дрожь пробѣжала по весну ея тѣлу. Взоръ ея устремился на глаза Гаконъ.

— Извини, любезный племянникъ, что я до-сихъ-поръ не вспомнилъ о тебѣ, сказалъ графъ. Эднелъ, это сынъ моего брата; ты, сколько мнѣ помнится, еще никогда не видала его?

— Видѣла, отвѣчала Эднелъ дрожащимъ голосомъ.

— Когда же, и гдѣ?

Эднелъ мысленно отвѣчала: — Въ свидѣннн; но уста ея молчали.

Гаконъ всталъ и взялъ ее за руку, между-тѣмъ какъ Гарольдъ обратился къ сестрѣ, бѣдной оестрѣ, которую онъ обязался послать къ норманскому двору. Тайра сказала жалобнымъ голосомъ:

— Возьми меня на руки, Гарольдъ, и заверни меня въ свой плащъ; я прозябла отъ печнаго холоду.

Графъ взялъ дѣвочку на руки, и долго смотрѣлъ печально на ея ввалилы щеки; потомъ онъ понесъ ее домой; Эднелъ пошла за нимъ съ Гакономъ.

— Гильда у себя? спросилъ Гаконъ.

— Нѣтъ; она ушла въ лѣсъ еще съ полудня, отвѣчала Эднелъ, съ услаиенъ; потому что она еще не могла оправиться отъ неловнаго страха, который наводило на нее присутствіе Гаконъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Гаконъ, оставившимся у входа, я пойду черезъ пустоши къ тебѣ домой, Гарольдъ, и предупреду сорлей о твоёмъ прибытіи.

— Я дождусь здѣсь возвращенія Гильды, отвѣчалъ Гарольдъ, и вернусь домой, можетъ-быть, уже поздною ночью; но я отдаю приказаніе Сексвольфу. На разсвѣтѣ мы поѣдемъ обратно въ Лондонъ, а оттуда выступимъ въ походъ на мятежниковъ.

— Все будетъ готово. Прощай, благородная Эднелъ. Прощай, Тайра; поцѣлуй меня еще разъ до будущаго свиданія.

Дѣвочка нѣжно обвила своими руками его шею, и поцѣловала его въ щеку, шепнула:

— Въ могилѣ, Гаконъ!

Юноша завернулся въ плащъ и отправился. Но онъ не сѣлъ на лошадь, — которая еще насласть по дорогѣ, между-тѣмъ какъ Гарольдова лошадь, болѣе знакомая съ мѣстомъ, преспокойно отыскала путь въ конюшню; — и онъ не пошелъ по просьбамъ къ дому дяди, а войдя въ друидическое капище, сталъ задумчиво у тевтовской могилы.

Ночь становилась темнѣе и темнѣе, звѣзды ярче и ярче разгорались на небѣ, ни малѣйшій шелесть въ воздухѣ не нарушала безмолвія ночи, какъ-вдругъ подлѣ Гакона раздался ясный, отрывистый голосъ:

— Чего ищешь безпокойная юность, въ обители спокойной смерти?

Въ числѣ странностей Гакона было то, что ничто не могло его ни изумить, ни поразить. Эта торжественность, это спокойствіе, эта грустная и бдительная опытность зрѣлыхъ лѣтъ въ цвѣтущей юности, вводили невольное ощущеніе страха, какъ иѣчто сверхъестественное. Не поднимая глазъ съ надгробнаго камня, онъ отвѣчалъ на неожиданный вопросъ:

— Такъ ты думаешь, Гильда, что шертвые спокойны?

Гильда положила ему руку на плечо, и наклонилась, чтобы всмотрѣться въ его лицо.

— Твое возраженіе справедливо, сынъ Свейшовъ. Во времена и во вселенной нѣтъ покою! Во всю вѣчность не найдеть душа покою; онъ ей невозможенъ. И такъ, ты возвратился въ родную землю?

— Возвратился... но зачѣмъ, пророчательница? Я помню, когда я былъ еще ребенкомъ, и подобно другимъ радовался солнцу и воздуху, ты отняла у меня на вѣкъ дѣтство и юность... Ты сказала отцу моему, что ирочно спуется нить моей судьбы, и что самый славный ея часъ будетъ послѣднимъ ея часомъ.

— Но ты былъ еще молодъ, — я и теперь вижу, какъ ты, малютка, сидѣлъ на травѣ и игралъ съ отцовскими крестомъ, — ты былъ слишкомъ молодъ, чтобы мои слова могли поразить тебя.

— Новое поле не извергаетъ зерна отъятая, а юная душа не отвергаетъ первыхъ внушеній таинственнаго страха. Съ того дня, Гильда, ночь стала мнѣ подругою, и смерть себе-сѣдницею. Помнишь ли ты также, какъ я, еще отрокъ, убивавъ изъ дому Гаральда въ его отсутствіе, стоялъ подлѣ тебя на этомъ холмѣ? въ ночь передъ моимъ отъѣздомъ въ норманскую землю? Тогда еще я сказалъ тебѣ, что единственною нѣжною мыслью, улаждавшею тоску моей души, когда всѣ мои родичи смотрѣли на меня только какъ на наследника Свейна, отверженца и убійцы, была любовь моя къ Гаральду; но что самая любовь эта была тосклива и ирочно, какъ знаменье грядущей скорби. И ты, пророчательница, прижала меня къ груди, и твой холодный поцѣлуй коснулся моихъ устъ и моего лба. И

тушь ма, у этого жертвенника и этого шурмана, вопрошивъ судьбу ластьяни и водою, посохомъ и заговорами, ты сказала мнѣ, чтобы я не отпадала, потому что, какъ мнѣ разглагольствовала ебтильма, такъ безсмертный изгнанникъ спасеть отъ гибели гордость и главу моего дому; — что съ этого часу плоть его судьбы ебтильма съ моею; а его судьба, — судьба царей и царствъ. Тогда радость засияла на моемъ лицѣ, и мнѣ показалось, будто юность снова затеплилась въ мракѣ моей души; и я спросила тебя Гильда, даю ли мнѣ дожидать дотого, чтобы испутивъ память отца. Ты шептала еседомъ надъ ластьяни, которая, рѣи огненными искрами, изображала человѣческую жизнь, и по третьему разу пламя взвилось и погасло; и голосъ изъ твоей груди, глухой, будто съ отдаленной вершины, отвѣчалъ: — «При вступленіи твоёмъ въ мужество, жизнь вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, и мгновенно обращается въ пепелъ». Такимъ образомъ я знала, что рокъ, положенный на юность, тяготѣлъ и надъ мужемъ, и вотъ я возвратилась въ родную землю, — къ славѣ и къ могилѣ.... Но, продолжая Гаконъ съ дикимъ восторгомъ, — съ моею судьбою еще связана славнѣйшая судьба въ Англии; ручей и рѣна соединяются въостѣ въ страшное море!

— Я этого не знаю, отвѣчала Гильда, поблѣдивъ, будто едроганъ передъ собою: никогда ни руны, ни источникъ, ни могила не открывали мнѣ ясно и опредѣлительно конца великаго попріща Гарольда; знаю только, изъ наблюденія его звѣзды, его величіе и славу; гдѣ же слава его тусклость, или гибель угрожаетъ его величію, я это знаю по звѣздамъ другихъ, которыхъ лучи борются съ лучами его звѣзды. До-тѣхъ-поръ, во великомъ случаѣ, пока свѣтлый и чистый духъ бодрствуетъ въ тихой обители жизни, духъ мрака и скорби не побѣдитъ совершенно.... Эдакъ дана Гарольду, чтобы быть его Фюльгюю, безмолвно благословляющею и охраняющею его; а ты....

— Гильда не договорила; она поспѣшно опустила еату на лице, и совершенно скрыла его.

— А я? спросилъ Гаконъ, приближаясь къ ней.

— Прочь, сызъ Свейновъ; нога твоя понираетъ могилу могучаго усопшаго!

И не говоря болѣе ни слова, Гильда пошла къ дому. Гаконъ молча слѣдовалъ за нею взоромъ. Смотри, пасшійся на обширной волнѣ развалившагося перистила, поднималъ головы, пробужденный ея шагами; сторожевыя собаки, бродившія между освѣщенныхъ звѣздами колоннъ, ласкались къ своей госпожѣ. Когда

она вошла въ домъ, и дверь скрыла ее изъ виду, Гаконъ пошелъ къ своей лошади.

— Какая мнѣ нужда, бормоталъ онъ, въ отвѣтъ, котораго она не можетъ или не съѣсть дать мнѣ? Не даны мнѣ въ удѣлъ ни любви женщины, ни земное честолюбіе. Единственное мое человѣческое чувство — любовь къ Гарольду! все мое земное честолюбіе — раздѣлять его судьбу. И любовь моя сильна какъ ненависть, вражда — какъ рокъ; она ревнива.... она не терпитъ соперника. Какъ переплетенная вѣстѣ раковина и морская трава, брошены мы вѣстѣ въ стремительный валъ; куда несетъ онъ?... куда?...

IV.

— Говорю тебѣ, Гильда, сказалъ графъ съ нетерпѣніемъ: говорю тебѣ, что я отнынѣ отрекаюсь отъ всякой другой вѣры, кромя вѣры въ Того, чьи пути сокрыты отъ нашихъ глазъ. Твой пѣсохъ и твоя наука не оградилъ меня отъ онаности, не укрѣпилъ. Пожалуй даже.... но будетъ объ этомъ. Не хочу я болѣе пытаться врачнаго искусства, не стану силиться различать страшную истину отъ нелѣпой лжи. Постараюсь забыть все, что мнѣ было предсказано, — не буду возлагать надежды на предсказанія, и не буду страшиться знаменій. Пусть идетъ душа къ будущему подъ щитомъ вѣры.

— Иди своимъ путемъ какъ хочешь, къ той же цѣли приведетъ онъ, видишь ли ты ее или не видишь.... Можетъ-быть, твое рѣшеніе и благоразумно, сказала Гильда съ неудовольствіемъ.

— Богъ мнѣ свидѣтель, не изъ личныхъ выгодъ, а для блага отчизны, продолжалъ графъ, принялъ я тяжелый грѣхъ на душу и нарушилъ истину. И одна отчизна можетъ искупить мой грѣхъ, принявъ мою жизнь, которую я отнынѣ навсегда посвящаю ей служенію. Отказываюсь отъ своекорыстнаго честолюбія, — не искупитъ меня болѣе себялюбивая власть; — исчезла для меня прелесть престола.... и развѣ для одной Эдион....

— Нѣтъ! даже ради Эдион, вскричала невѣста, выступая впередъ, даже ради Эдион, не вмешаешь ты другому голосу, кромя голосу твоей отчизны и твоей души!

Графъ быстро отвернулся; слеза блестя въ глазахъ его.

— О, Гильда, вскричалъ онъ: вотъ кто будетъ отнынѣ моею единственною волею; пусть ея благородное сердце одно толкуетъ намъ опредѣленіе будущихъ судьбъ!

На слѣдующій день Гарольдъ отпавился обратно въ городъ съ Гакономъ и съ многочисленнымъ поѣздомъ своихъ челядницъ. Они ѣхали молча, какъ наканунѣ; доѣхавъ до южнаго-предмѣстья, Гарольдъ своротилъ отъ мосту вѣво, спустился къ рѣкѣ, и сошелъ съ лошади передъ домою одного изъ своихъ дружинниковъ (отпущеннаго сеорля). Оставивъ тутъ свою лошадь, онъ сѣлъ въ лодку, и поѣхалъ съ Гакономъ къ укрѣпленному дворцу, стоявшему тогда на западномъ концѣ Лондона, приныкая къ рѣкѣ, и принадлежавшему вѣроятно къ вишвармъ укрѣпленіямъ стараго римскаго города. Этотъ старинный дворецъ, въ которомъ соединялись всѣ образы постройки и всѣ архитектуры, римская, саксонская и датская, была исправленъ въ послѣдній разъ Канутомъ; и изъ высокаго окна его въ третьемъ этажѣ, гдѣ находились королевскіе покои, былъ выброшенъ въ рѣку измѣнникъ Эдрикъ Стреомъ, основатель дому Годвинова.

— Куда мы ѣдемъ, Гарольдъ? спросилъ Гаконъ.

— Навѣстить юнаго Этеллинга, законнаго наследника саксонскаго престола, отвѣчалъ Гарольдъ твердымъ голосомъ. Онъ живетъ въ старомъ дворцѣ нашихъ королей.

— Въ Нормандіи говорятъ будто онъ слабоуменъ.

— Это ложь, отвѣчалъ Гарольдъ. Я тебя представляю ему, и ты увидишь самъ.

Гаконъ задумался, и потомъ сказалъ:

— Миѣ кажется, я угадываю твое намѣреніе; не слышкомъ ли ты необдуманно рѣшился, Гарольдъ?

— Я дѣйствую по совѣту Эдмунъ, отвѣчалъ Гарольдъ съ явнымъ волненіемъ: а между-тѣмъ, если предположеніе мое исполнится, я чрезъ это можетъ-быть лишусь возможности умилостивить Альреда.

— Такъ ты даже Эдмуню жертвуешь благу отчизны?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я согрѣшилъ, миѣ кажется, что у меня хватитъ на то силы, отвѣчалъ гордецъ съ смиреніемъ.

Лодка причалила въ небольшомъ заливѣ, или лучше сказать рѣвѣ, который врѣзался въ материкъ подъ черными, разваливающимися стѣнами крѣпостцы. Оба путника вышли на берегъ, и вошли черезъ римскую арку на дворъ, застроенный ветхими домами, построенными еще при Канутѣ на старинный саксонскій образецъ, изъ необтесанныхъ бревенъ, и уже полусгнившихъ, взошли на лѣстницу, вившуюся по стѣнѣ, сваружи дома, и пришли къ низкой и узкой двери, которая была отворена. Въ проходѣ увидѣли они

двухъ или трехъ королевскихъ челядинцевъ, въ синей одеждѣ и съ датскими сѣкирами, приставленныхъ къ юному Этелигу для прислуги, и пять или шесть слугъ, Нѣмцевъ, служившихъ еще отцу его при имперскомъ дворѣ. Одинъ изъ этихъ Нѣмцевъ ввелъ ихъ въ визкія и мрачныя переднія сѣни, гдѣ Гарольдъ съ удивленіемъ увидѣлъ Альреда Юркскаго, и трехъ тегавъ высокаго саву и древняго роду, и чистой саксонской крови.

Альредъ подошелъ къ Гарольду съ кроткою улыбкою на смиренномъ лицѣ и сказалъ:

— Я угадываю, и дай Богъ, чтобы не ошибся, что ты пришелъ сюда съ тою же цѣлю, какъ я, и какъ эти благородные тегны.

— Съ какою?

— Посмотрѣть, и посудить хладнокровно, таковъ ли, не смотря на юность лѣтъ, внукъ Эдмунда-Желѣзныя Ребра, чтобы мы могли посовѣтовать умирающему королю признать его своимъ наследникомъ, и предложить его витану, какъ достойнаго вождя нашей земли.

— Ты угадалъ, я пришелъ за тѣмъ же. Вашими ушами буду я слушать, и смотрѣть вашими глазами; какъ вы разсудите, такъ разсужу и я, сказалъ Гарольдъ, приближаясь съ Альредомъ къ тегнамъ, чтобы они могли слышать его отвѣтъ.

При входѣ Гарольда, вожди, принадлежавшіе къ партіи, некогда возстававшей противъ Годвинова дому, переглянулись между собою въ замѣшательствѣ и со страхомъ, но при послѣднихъ его словахъ, ихъ открытыя лица выразили искреннее удивленіе и радость.

Гарольдъ представилъ имъ племянника, котораго не по лѣтамъ степенный видъ и обращеніе произвели на нихъ очень благопріятное впечатлѣніе; одинъ только добрый Альредъ тяжело вздохнулъ, замѣтивъ въ чертахъ юноши мрачную красоту его преступнаго отца. Тегны заговорили съ безпокойствомъ о ненадежномъ здоровьѣ короля, о смутномъ состояніи королевства, и о необходимости, соединить, если можно, все голоса въ пользу достойнѣйшаго преемника престола. И въ голосѣ и въ обращеніи Гарольда, какъ и въ его сердцахъ, не было ничего, что изобличало бы въ немъ сознаніе собственнаго могущества и надежды, которыя онъ могъ основывать на этомъ собраніи. Между тѣмъ время шло, и лица тегновъ мало по-малу подернулись неудовольствіемъ; люди

гораме были они и великіе сатрапы *, и не по сердцу имъ было, что отрокъ, хотя и королевской крови, такъ долго заставлялъ ихъ ждать въ иррачныхъ сѣняхъ.

Навонецъ Нѣмецъ, ходившій доложить о ихъ приходѣ, возвратился, и пригласилъ ихъ слѣдовать за нимъ къ Этелнигу; хотя они понимали его слова, по сходству нѣмецкаго языка съ саксонскимъ, тѣмъ не менѣе чуждо и непріятно звучали они въ ихъ англійскихъ ушахъ.

Въ комнатѣ, сохранявшей еще нѣчто изъ неприхотливаго великолѣпія, давшаго ей Канутомъ, хорошенькій мальчикъ, лѣтъ тринадцати или четырнадцати, хотя на лицо онъ казался моложе, набивалъ птичью чучелу, чтобы на ней обучать молодого сокола, сидѣвшаго на насѣстѣ съ колпачкомъ на глазахъ. На это занятіе такъ привыкли смотрѣть, какъ на необходимую статью разумнаго воспитанія юношества, что лица тегновъ прояснились при этомъ видѣ, и они заключили, что королевичъ достойно проводилъ время. Въ другомъ концѣ комнаты, за столомъ покрытымъ книгами и всѣми письменными потребностями, сидѣлъ задумчивый Норманъ; это былъ наставникъ, которому Эдуардъ поручилъ обучать Этелнига норманскому языку. Полъ былъ усыпанъ игрушками, которыми играло нѣсколько дѣтей одинаковыхъ лѣтъ съ Эдгаромъ. Маленькая сестра его, Маргарита, сидѣла задумчиво поодаль отъ прочихъ дѣтей, и занималась рукодѣліемъ.

Когда Альредъ подошелъ къ Этелнигу, съ выраженіемъ, въ которомъ сливались почтительность подданнаго и отеческая любовь наставника, мальчикъ грубо закричалъ на какомъ-то диалектѣ, полу-германскомъ, полу-норманно-французскомъ нарѣчіи:

— Эй, не подходи такъ близко, испугаешь моего сокола.... Да смотри, куда идешь; раздавилъ всѣ мои игрушки, что мнѣ прислалъ добрый тегвъ Вильгельмъ, въ подарокъ отъ герцога.... Ослѣпъ ты, что ли, старикъ?

— Сынъ мой! отвѣчалъ Альредъ съ кротостью: игрушки годны для однихъ дѣтей, а царскіе сыновья должны ранѣе престыхъ людей выходить изъ дѣтскаго возраста. Брось свою чучелу и игрушки, и привѣтствуй благородныхъ тегновъ, и говори съ ними на нашемъ родномъ, саксонскомъ языкѣ.

— Стану я говорить по саксонски!.... на языкѣ черни! Гдѣ мнѣ

* Восточное названіе сатраповъ, было самымъ обыкновеннымъ титуломъ, которымъ Саксонцы очень не кетати величали своихъ полудикихъ дворянъ. Оно вѣроятно было заимствовано ими отъ византійскаго двора.

знать по-саксонски? развѣ только избравить сеоря или няшку. Король Эдуардъ не приказывалъ мнѣ учиться по-саксонски, а велѣлъ только учиться по-нормански; а Годфруа говоритъ, что когда я буду хорошо знать по-нормански, герцога Вильгельмъ пожалуетъ меня въ свои рыцари. Но сегодня не хочу я больше учиться ничему.

И мальчикъ съ досадою отвернулся отъ тегновъ и отъ наставника.

Саксонскія власти переглянулись между собою съ горестью и гордымъ презрѣніемъ. Гарольдъ, переселивъ свое отвращеніе, подошелъ къ Этелингу, и сказалъ ему ласково:

— Эдгаръ Этелингъ, ты уже не такой ребенокъ, чтобы не знать, что они обязаны жить для другихъ. Развѣ тебѣ не лестно будетъ жить для нашей дорогой отчизны, и для ея благородныхъ тегновъ, и говорить на языкѣ Альфреда-Великаго?

— Альфреда-Великаго! всѣ уши мнѣ прожужжали своимъ Альфредомъ-Великимъ, вскричалъ Этелингъ, надувшись: замучили меня имъ до полусмерти! Если я Этелингъ, то не мнѣ жить для другихъ, а пусть другіе живутъ для меня! Если вы не дадите мнѣ покою, я убѣгу въ Руанъ, къ герцогу Вильгельму; Годфруа говоритъ, что тамъ не будутъ меня мучить.

Затѣмъ мальчикъ, наскучивъ соколомъ и чучелою, бросился на полъ между прочихъ дѣтей, и сталъ вырывать у нихъ изъ рукъ свои игрушки.

Степенная Маргарита встала съ своего мѣста, подошла къ брату, и сказала ему чистымъ саксонскимъ языкомъ:

— Стыдись! если ты будешь такъ вести себя, я стану называть тебя *бабою*.

При этой угрозѣ самымъ оскорбительнымъ словомъ въ языкѣ, словомъ, которое послѣднему изъ сеорлей было страшнѣе смерти, и которымъ теперь грозили англійскому Этелингу, внуку саксонскихъ героевъ, тегны выступили впередъ, и не спускали глазъ съ мальчика, надѣясь, что онъ вскочитъ полный гнѣва и стыда.

— Называй меня, какъ тебѣ угодно, глупая сестренка, отбѣчалъ онъ равнодушно: я не Саксонецъ, и какое мнѣ дѣло до вашихъ мужицкихъ саксонскихъ названій!

— Довольно! вскричалъ знатнѣйшій и самый гордый изъ тегновъ, котораго усы даже крутились отъ гнѣву: Кто терпитъ, чтобы его называли бабою, тому не быть никогда королемъ!

— Не хочу быть королемъ, грубиянъ.... сѣдая борода, хочу

быть рыцаремъ, опоясать мечъ и держать дротикъ съ флюгеромъ. Убирайтесь прочь.

— Идемъ, сынъ мой, сказалъ Альредъ печально.

И медленными, не твердыми шагами пошелъ къ двери; тутъ онъ остановился, оглянулся назадъ: мальчикъ передразнивалъ его, указывая на него пальцемъ, а Годфруа, его норманскій наставникъ, улыбался отъ удовольствія. Альредъ покачалъ головою, и вышелъ съ товарищами въ переднія сѣни.

— Славный вождь сѣдымъ бородамъ! дивный король саксонской землѣ! вскричалъ одинъ изъ тегновъ: ни слова больше о твоёмъ Этелнигѣ, Альредъ!

— Ни слова о немъ, сказалъ Альредъ печально.

— Всему виною глупое воспитаніе; бѣднаго ребенка отдали на руки норманскому воспитателю и вѣмецкимъ насмѣшникамъ. Но дерево молодо; стараніемъ можно его выпрямить, сказалъ Гарольдъ.

— Нѣтъ, возразилъ Альредъ: напрасная надежда; не переделать уже того, что развилось обстоятельствами, и, боюсь я, самою природою. А не пройдетъ году, и престолъ нашъ будетъ стоять празденъ въ королевскихъ чертогахъ.

— Кто же? спросилъ Гаконъ: (простите невѣжеству юноши, прошедшаго столько лѣтъ въ неволѣ на чужбинѣ), кто же, при неспособности Этелнига, спасетъ царство отъ замысловъ норманскаго герцога, который, я знаю, разсчитываетъ на него какъ жнецъ на ниву, зрѣющую для его серпа?

— Кто? прошепталъ Альредъ.

— Кто? вскричали въ одинъ голосъ всѣ три тегна: Кто? какъ не достойнѣйшій, мудрѣйшій и хвѣбрѣйшій? Возстанъ, графъ Гарольдъ.... ты нашъ вождь!

И они вышли изъ дворца, не ожидая отвѣта.

V.

Вокругъ Нортемптона стояло воинство Моркароро, отборнѣйшіе люди изъ англо-датскаго населенія Портамбрин. Вдругъ произошла тревога по всему стану, будто къ оружію; юный графъ, Моркаръ, вышелъ изъ своей палатки, въ кольчугѣ и доспѣхахъ, но безъ шлема, и закричалъ:

— Глупцы мои ратные люди, что ждуть врага съ этой стороны; тутъ Мерція, а за вею Валлескія горы. Отсюда идетъ войско, которое братъ мой Эдвинъ ведетъ намъ на помощь.

Слова Моркаровы были тотчас разнесены по всему войску его вождями и разными гонцами; и кликъ страху обратился въ кликъ радости. Когда облако пыли, изъ-за котораго свершали при-ближавшіяся ряды дротиковъ, разсѣялось и улеглось въ тылу войска, два всадника выѣхали изъ передоваго отряда. Быстро неслись они, оставивъ далеко за собою отрядъ, а за ними неслись во весь опоръ два другіе, одинъ съ хоругвью Мерціи, а другой съ Краснымъ Львомъ Сѣвернаго Валлиса. Всадники прискакали прямо къ окопу, окружавшему Моркаровъ станъ; первый подѣхалъ съ обнаженной головой, и часовые узнали въ немъ Эдвина-Красавца, брата Моркарова. Самъ Моркаръ сошелъ съ холма, на которомъ онъ стоялъ, и братья обнялись среди радостныхъ кликовъ обонхъ войскъ.

— Привѣтствую и тебя, сказалъ Моркаръ, нашего сродника, Карадокъ, сынъ Гриффита Смѣлаго.

И Моркаръ протянулъ руку Карадоку, пасынку его сестры Альдиты, и поцѣловалъ его въ лобъ, по обычаю нашихъ предковъ. Юный королевичъ едва вышелъ изъ отрочества, а имя его уже воспѣвали барды, и кресовалось въ чертогахъ Гвнведа, окруженное рогомъ Гирлъ; потому что онъ не давалъ покою саксонской украйпѣ, и предалъ огню и мечу самую крѣпость, построенную Гарольдомъ.

Между тѣмъ какъ три вождя мѣшались привѣтствіями, и прежде тѣмъ Мерціане и Валлоны успѣли достигнуть лагеря, изъ-за колѣна дороги, съ противоположной стороны, между Тоусеестромъ и Дионстеплемъ, сверкнула молнія доспѣховъ, будто рѣка свѣту, и вдали раздались трубы и рога. Безмолвный страхъ разлился по всему стану; всѣ взоры съ беспокойствомъ обратились къ подходящему воинству. А среди ихъ влдѣлись безкрылыя птицы и шепъ короля англійскаго, и тигровыя головы Гарольдовы, два знамени, которыя, гдѣ ни показывались вмѣстѣ, всегда водружали знамя побѣды на твердыняхъ и на поляхъ, на которыя они влетали съ быстротою вихря.

Вожди мятежнаго войска удалились на высоту, находившуюся въ срединѣ стана, и созвали военный совѣтъ.

Молодые графы, не смотря на потомственную славу своего роду, были сами еще новички въ военной доблести и въ управленіи, и потому должны были покоряться рѣшеніямъ англо датскихъ вождей, избравшихъ Моркара. Вожди же, узнавъ знамя Гарольдово, въ одинъ голосъ совѣтовали отправить къ нему ширное посольство, представить ему угнетенія Тостига и право-

ту ихъ дѣла. — Графъ, сказалъ Гэмель Беорнъ, главный виновникъ и предводитель возстанія, — графъ человекъ справедливый и скорѣе согласится пролить собственную свою кровь, нежели кровь послѣдняго изъ вольныхъ жителей Англіи; онъ отдастъ намъ справедливость.

— Какъ, противъ роднаго брата? вскричалъ Эдвинъ.

— Противъ роднаго брата, если только убѣдится, что мы, правы, отвѣчалъ Беорнъ.

Прочіе вожди наклонили головы въ подтвержденіе его словъ. Свирѣпыя глаза Карадока засверкали молніею; но онъ молчалъ, и трепалъ только свой золотой обручъ.

Между тѣмъ передовою отрядъ королевскаго войска прошелъ подъ самыми стѣнами нортемптонскими, между городомъ и войскомъ мятежниковъ; и нѣсколько легко вооруженныхъ лазутчиковъ, ходившихъ посмотрѣть на этотъ величественный ходъ, съ тою удивительною неустрашимостью, которою отличались враждующія стороны въ междоусобицахъ того времени, возвратившись въ Моркарговъ станъ, разсказывали, что они видѣли самого графа въ первомъ ряду, безъ кольчуги и безъ доспѣховъ.

Видя въ этомъ обстоятельствѣ благоприятный знакъ, мятежные тегны рѣшились исполнить свое предположеніе; и человекъ двадцать знатнѣйшихъ тегновъ съвера пошли торжественно къ неприятельскимъ рядамъ.

Подлѣ Гарольда, на статномъ конѣ, въ доспѣхахъ, и надвинувъ на лицо смѣшной сивилійскій носъ, который носили въ то время почти всѣ сѣверные ратники, стоялъ Тостигъ, приставшій къ графу во время похода съ пятью или шестью десятками своей датской челяди. Во всей широкой Англіи не могъ онъ ни сядоу ни лестью приманить на свою сторону ни кого кромѣ этихъ пяти или шести десятковъ датскихъ наемниковъ. И можно было угадывать, что между братьями уже возникло несогласіе, потому что лицо Гарольда пылало, и онъ говорилъ строгимъ голосомъ: — Какъ ты ви убѣждай меня, я не могу лти проливать кровь своихъ единосемцевъ Англичанъ, не пригласивъ ихъ предварительно къ полюбовному окончанію распри, какъ всегда водилось у нашихъ старыхъ витязей и въ собственномъ нашемъ родѣ.

— Увѣряю тебя всѣми чертами съвера, вскричалъ Тостигъ, стыдно и подло говорить о мирѣ и полюбовномъ расчетѣ съ разбойниками и бунтовщиками. На что же ты пришелъ сюда, какъ не на казнь и месть?

— На судъ и расправу, Тостигъ.

— А! такъ ты пришелъ не на помощь брату?

— На помощь ему, если право, какъ надѣюсь, на его сторону.

Прежде чѣмъ Тостигъ успѣлъ возразить, ряды ратниковъ вдругъ разступились, и между нихъ приблизились посланцы, нортomberскіе Датчане, предшествуемые старѣйшимъ тегномъ.

— Клянусь кровавымъ рыцарскимъ мечемъ! вскричалъ Тостигъ; вотъ идутъ сами измѣнники, Гэмель Беорнъ и Глонсионъ. И ты намѣренъ ихъ выслушать?... Твоя воля, а я не хочу ихъ слушать; я кромѣ сѣкиры не знаю другаго отвѣту такимъ мошенникамъ.

— Братъ, эти люди храбрѣйшіе и славнѣйшіе вожди въ твоёмъ графствѣ. Ступай, Тостигъ; ты теперь не въ состояніи разсуждать толкомъ. Иди въ городъ, и пригласи горожанъ отворить городскія ворота королевскимъ полкамъ. А я выслушаю посланцевъ.

— Берегись же, когда рассудишь не въ пользу брата, проворчалъ свирѣпый ратникъ, и, махнувъ рукою въ знакъ презрѣнія, поспекалъ къ городскимъ воротамъ.

Гарольдъ между тѣмъ сошелъ съ лошади и сталъ подъ королевскою хоругвью; вокругъ него столпились саксонскіе вожди, стоявшіе поодаль во все время разговора его съ братомъ.

Нортomberцы приблизились, и съ торжественнымъ почтеніемъ поклонились графу.

Потомъ Гэмель Беорнъ повелъ рѣчь. Но не смотря на всё спасеніе и догадки Гарольда насчетъ жалобъ Нортomberцевъ на Тостига, истина, открывшаяся ему теперь, превзошла всё его опасенія и догадки; Тостига обвиняли не только въ ненасытномъ корыстолюбіи и незаконныхъ налогахъ, но даже въ самыхъ злодѣйскихъ и подлыхъ убійствахъ. Нѣсколько знатнѣйшихъ тегновъ, которыхъ вина заключалась въ томъ, что они возбудили его зависть, или противились его незаконнымъ поборамъ, были подъ мирнымъ предлогомъ завлечены въ его замокъ, и тамъ хладнокровно перерѣзаны его челядниками. Въ этой повѣсти свирѣпствъ и кровопролитій ожили нестования древнихъ языческихъ Датчанъ.

— Послѣ этого, сказалъ тегвъ въ заключеніе, можешь ли осуждать наше возстаніе?... Нашъ возсталъ не горсть людей, а возсталъ вся Нортomberская земля. Сначала насъ было двѣсти тегновъ, но сильная правотою нашего дѣла, мощь наша скоро

возрасла до мощи цѣлаго народа. Бѣдствія наши возбудили общее участіе даже ввѣ нашей области. Вездѣ на пути нашемъ пристають къ намъ друзья. Ты воюешь не съ горстью мятежниковъ, а съ половиною Англіи.

— А вы, тегны, отвѣчалъ Гарольдъ, война ваша съ Гостигомъ кончена; съ этого времени вы идете противъ короля и противъ закона. Обратитесь съ своими жалобами и съ челобитьемъ къ вашему государю и къ витаву; и если желанія ваши справедливы, они васъ лучше защитятъ, нежели окопы и желѣзные улицы.

— Теперь такъ, сказалъ Беорнъ, ударяя на эти слова; съ-тѣхъ поръ какъ ты въ Англіи, благородный графъ; мы охотно предоставимъ рѣшеніе нашего дѣла королю и витаву. Но пока тебя не было въ нашей землѣ, правосудіе отдало ее будто на произволь силы и сѣкиры.

— Благодарилъ бы я васъ за довѣріе ко мнѣ, сказалъ Гарольдъ, глубоко тронутый; но правосудіе въ Англіи не можетъ завистѣть отъ присутствія и жизни одного человѣка, и я не могу принять вашей рѣчи какъ пріятное привѣтствіе, потому что она оскорбительна для нашего короля и его совѣта. Вы взводите обвиненія, но не доказали ихъ; оружіе вѣдь не доказательство. Положимъ даже, что дѣйствительно горячій нравъ и общая вѣсъ людямъ погрѣшимость ума вовлекли Гостига въ проступки противъ васъ и противъ правды; однакоже надо принять въ соображеніе и его доблести, дѣлающія его достойнымъ властвовать надъ страной, которой берега и рѣки подвержены безпрестаннымъ набѣгамъ грозныхъ морскихъ королей. Гдѣ вы найдете вождя, котораго рука была бы крѣпче его руки, и сердце неустрашимѣе его сердца? Ктому же, онъ по матери сроденъ вашему племени. Во всякомъ же случаѣ, если вы примете его обратно на ваше графство, я, Гарольдъ, — а вы говорите, что имѣете довѣріе къ моему слову, — не только ручаюсь вамъ въ полномъ забвеніи всего прошедшаго, но еще обещаю отъ его имени, что впредь онъ будетъ править вами благоразумно и милосердо, по законамъ короля Канута.

— Этого мы и слышать не хотимъ, вскричали вожди въ одинъ голосъ, и надъ всѣми прочими возвышался голосъ Гэмеля Беорна съ своимъ грубымъ, датскимъ выговоромъ.

При этихъ словахъ прошелъ одобрительный ропотъ между саксонскими вождями, окружавшими Гарольда; и онъ почувствовалъ, что какъ онъ ни былъ всѣми любимъ и уважаемъ, если бы ему

достало духу, то не достало бы власти принудить этихъ гордыхъ ратниковъ идти на своихъ соотечественниковъ, возставшихъ за правое дѣло. Но онъ предвидѣлъ какія дурныя послѣдствія могло имѣть немедленное отверженіе требованій его брата; съ одной стороны, уступить требованіямъ вооруженной силы, значило унижить королевское достоинство; съ другой стороны, опасно было раздражить мстительнаго и властолюбиваго Тостига, который тотчасъ отправился бы за границу, и могъ по своимъ родственнымъ связямъ съ норманскимъ, фламандскимъ и датскимъ домами, найти тамъ сильныхъ покровителей. По этому графъ отложилъ дальнѣйшіе переговоры до другаго времени и мѣста, и назначилъ вождямъ свиданіе въ городѣ; между-тѣмъ онъ убѣждалъ ихъ обсудить еще разъ свои требованія, и представить ихъ, по крайней-мѣрѣ, въ такомъ видѣ, чтобы ихъ можно было передать королю, бывшему на пути къ Оксфорду.

Безполезно было бы описывать бѣшенство Тостига, когда братъ съ упрекомъ повторилъ ему взводимыя на него обвиненія, и потребовалъ оправданія. Оправдываться онъ и не могъ и не хотѣлъ; онъ не понималъ другаго закона кромѣ силы, и силою хотѣлъ чтобы его защищали. Не желая быть одинъ судьбою въ дѣлѣ брата, Гарольдъ возложилъ дальнѣйшее сужденіе о немъ на вождей различныхъ городовъ и областей, которые явились съ своими полками на его ратный призывъ; и велѣлъ Тостигу представить имъ свои оправданія и права.

Свирѣпый какъ тигръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тщеславный какъ женщина, Тостигъ согласился и явился въ собраніе вождей, въ горячей золотомъ и пурпуромъ одеждѣ, съ завитыми и раздушенными волосами, будто на пиршество. Вліяніе наружности челоука было такъ сильно въ тотъ невѣжественный вѣкъ, въ особенности же когда подкрѣплялось воинскою славою, что грозные судья, пораженные дивною красотою графа, почти готовы были забыть мрачную повѣсть его злодѣйствъ и угнетеній. Но онъ самъ погубилъ себя, безразсудно увлекшись своими необузданными страстями, прежде чѣмъ успѣлъ дойти до половины своей рѣчи; собственный отчетъ такъ явно осуждалъ его, выставя на видъ всю свирѣпость, всю алчность и несправедливость его права, что ропотъ негодованія вырвался изъ всѣхъ устъ, и благородные витязи даже не хотѣли дослушать его до конца.

— Довольно, вскричалъ Веббъ, прямодушный тегиъ кентскихъ степей; — довольно; мы ясно видимъ, что ни король, ни витанъ не можетъ возвести тебя снова на твое графство. Не хотимъ

мы слушать даже твоихъ гнусныхъ злодѣйствъ; клянемся тебѣ, если бы Нортумберцы тебя не прогнали, мы сами прогнали бы тебя.

— Клади свои сокровища на корабль и ступай къ своему тестю Балдуину Фландрскому, скажаль Торольдъ, рослый Англо-дотчанинъ изъ ливольнской области; потому что даже славное имя Гарольда едва ли спасеть тебя отъ изгнанія.

Тостигъ мрачно озирался на все собраніе; на всѣхъ лицахъ было написано то же негодованіе и та же ненависть.

— Все твои холопы, Гарольдъ! сказалъ онъ, скрежеща зубами; и не говоря болѣе ни слова, вышелъ изъ палаты совѣта.

Въ тотъ же вечеръ онъ выѣхалъ изъ города, и носившійъ разсказать Эдуарду повѣсть, произведшую столь неудачное впечатлѣніе на вождей. На слѣдующій день были выслушаны нортумберскіе послы; они предложили, какъ водилось въ большей части междоусобныхъ распръ, предоставить все дѣло рѣшенію короля и вѣтана; а между-тѣмъ обокмъ воинствамъ оставаться подь оружіемъ.

Предложеніе было наконецъ прінято. Гарольдъ отправился въ Оксфордъ, куда только что передъ тѣмъ, по настоянію Альфреда, предвѣдѣшаго какія важныя событія готовились въ королевствѣ, — прибылъ и самъ король.

VI.

На скоро былъ созванъ вѣтанъ. Въ высокое собраніе явились юные графы Моркаръ и Эдвинъ; но Карадокъ, досадуя что дѣло кончилось миромъ, ушелъ съ своими полками въ Валлисъ.

Всѣ государственные сановники собрались въ Оксфордъ для участія въ вѣтанѣ, отъ постановленій котораго зависѣло спокойствіе Англіи. Важность этихъ постановленій и трудность времени привлекли еще большее число членовъ, имѣвшихъ право подавать голосъ, чѣмъ мы видѣли на вѣтанѣ, собиравшемся по случаю возвращенія Годвина. Одна мысль преобладала во всѣхъ умахъ, передъ которою устроеніе одного графства, какъ это графство ни было важно, считалось ничтожно: — мысль о наследіи престола. И безсознательно, невольно обращались всѣ умы на Гарольда.

Жизнь короля очевидно угасала съ каждымъ днемъ; изъ роду Сердикова не оставалось ни одного наследника мужескаго полу, кромѣ отрока Эдгара; но кромѣ того, что малолѣтство устра-

няло его отъ престола, и что даже права его по рожденію не признавались саксонскими законами, — потому что по саксонскимъ законамъ тотъ, чей отецъ не былъ на престолѣ, не имѣлъ уже никакого права на этотъ престолъ, — слабость его ума, (который остался такимъ же мелкимъ и ребяческимъ до самой его смерти), была всеѣмъ извѣстна, и все радовались въ этомъ случаѣ строгости законовъ, устранившей его отъ вѣнца; слухъ о видѣніяхъ Эдуарда проникъ въ народъ, и внушалъ безотчетное опасеніе будущихъ бѣдствій; къ нему еще присоединились давно забытыя и вдругъ воскресшія предсказанія, принадлежавшія еще къ временамъ Мерлина. Наконецъ слухи о притязаніяхъ Норманскаго графа на саксонскій престолъ, искусно распущенныя Гакономъ, который всею силою своей души привязался къ славѣ и будущему величію Гарольда, мало по-малу созрѣли въ общее убѣжденіе. Все эти обстоятельства убѣдили cadaго въ необходимости избрать человека опытнаго въ войнѣ и въ правленіи, способнаго оградить царство отъ предстоящей гибели.

Крѣпко стояли за Гарольда не только все чисто саксонское народоваселеніе, но и значительная часть Англо-Датчанъ; все тѣны его обширнаго вессекскаго удѣла, примыкавшаго къ южнымъ и къ западнымъ берегамъ, отъ Сандвича пуста Темзы до мыса Ландседа въ Корваллисѣ, и включавшаго всеѣхъ вольныхъ людей Кентской области, считавшихся еще со временъ Цезаря образованнѣе всего остальнаго населенія Британіи, и со временъ Генриста имѣвшихъ вліяніе на прочія области королевства, вліяніе, съ которымъ могло спорить развѣ одно только воинственное могущество Англо-Датчанъ. За Гарольда же стояли многіе тѣны прежняго его графства, Восточной Англій, заключавшей Эссекское графство, большую часть Гертскаго, и простиравшагося до Кембриджа, Гентингдона, Порфолька и Шая. За него же были богатство, умъ, могущество Лондона и почти всеѣхъ торговыхъ городовъ и старые ратники, побѣждавшіе подъ его предводительствомъ. За него, наконецъ, была, по всему царству, не столь примѣтная, но тѣмъ могущественнѣйшая сила: — общественное мнѣніе и чувство народности.

Словомъ все сановники, за исключеніемъ вѣсколькихъ непосредственно окружавшихъ престолъ, забыли, въ часъ общей тревоги, свою старинную и далеко чувствшую корни неавазнь къ Годвинову дому; они помнили, по крайней мѣрѣ, что Гарольдъ никогда, въ военное или въ смутное время, не присвоилъ себѣ, силою или хитростью, ни одной десятины земли, принадлежавшей

нить, а этого нельзя было сказать ни объ одномъ графѣ тѣхъ временъ, ни даже о Леофрикѣ. Всѣ заразились общимъ энтузіазмомъ, какъ и должно быть.

Единственная партія, устранившаяся отъ общаго энтузіазму, была партія юныхъ сыновей Альгаровыхъ. Но грозна была эта партія: къ ней принадлежали всѣ старые друзья добродѣтельнаго Леофрика и доблестнаго Сиварда; она имѣла множество приверженцевъ даже въ Восточной Англіи, которою Альгаръ правилъ во время изгнанія Гарольдова; ей были преданы почти всѣ тегны Мерціи, цвѣтра государства, и вся земля Нортумберская; наконецъ она заключала въ своихъ обширныхъ предѣлахъ съ одной стороны грозный Валлисъ, а съ другой шотландскія владѣнія короля намѣстника Малькома, — онъ былъ самъ родомъ изъ Кумберской земли, — несмотря на его личную дружбу и привязанность къ Тостигу. Однакоже вся эта партія, за исключеніемъ однихъ, можетъ быть, молодыхъ графовъ, хотя она устранилась отъ большинства, готова была, при первомъ угожденіи ей, слить свои голоса съ друзьями Гарольда; она также громко и также искренно прославляла его, какъ Кентскіе Саксонцы или Лондонскіе горожане. Однимъ словомъ, всѣ партіи готовы были, въ эту минуту общей опасности, забыть старые раздоры; нужно было только удовлетворить Нортумберцевъ, и примирить друзей Гарольдовыхъ съ приверженцами Альгаровыхъ сыновей, чтобы единодушное избраніе Гарольда на царство стало нешзбѣжнымъ.

Между тѣмъ, графъ благоразумно устранился отъ участія въ рѣшеніи спора между Тостигомъ и юными графами. Онъ былъ слишкомъ справедливъ и слишкомъ благоразуменъ, чтобы употребить вліяніе своей партіи, еслибы это было даже возможно, въ пользу угнетенія и несправедливости, для того только, чтобы сохранить власть своему брату; съ другой же стороны, приличіе не позволяло ему идти открыто противъ брата; наконецъ, какъ мудрый правитель, не могъ онъ видѣть безъ безпокойства, переходъ такой огромной части государства въ руки сыновей его стариннаго врага, — въ руки соперниковъ его власти, въ такое время, когда благо, и можетъ быть спасеніе Англіи, требовали прочности и единства власти.

Но оковчательное достиженіе избранникомъ судьбы его великаго предназначенія рѣдко бываетъ плодомъ собственнаго его усилія. Онъ посѣялъ зерно въ прошедшее время, а жатва созрѣваетъ въ надлежащее время. Судьба его будто вырвана изъ собственныхъ его рукъ; величіе достается ему независимо отъ его

воли. Онъ сдѣлался потребностью, необходимымъ существомъ для народа; сдѣлался олицетвореніемъ своего вѣка; и когда лавровый или золотой вѣнецъ вѣнчаетъ его голову, самъ вѣкъ будто развернулся пышнымъ цѣтникомъ.

Тостить, поселившись отдѣльно отъ Гарольда въ пріищцѣ близъ Оксфордскихъ воротъ, не принималъ почти никакихъ мѣръ къ примиренію съ врагами или къ пріобрѣтенію друзей, а налагался на Эдуарда, который былъ сильно разгнѣванъ на бесновидный донъ Альгаровъ, и которому онъ представилъ, какъ унизительно было бы для королевской власти уступить требованіямъ вооруженныхъ мятежниковъ.

Оставалось три дни до срока, назначеннаго для собранія вѣтана; почти всѣ члены его уже съѣхались въ городъ. Гарольдъ смотрѣлъ задумчиво изъ окна дома, въ которомъ онъ жилъ, на пестряющія подъ нимъ улицы, на яркія одежды тегновъ и оруженосцевъ, мѣшавшіяся съ мрачными одеждами эрковъ и молодыхъ школьняковъ; — Эдуардъ, къ чести своей, возвратилъ школы знаменитому Оксфордскому университету, угнетенному и разоренному Канутовыми сыновьями. Между-тѣмъ, какъ онъ занятъ былъ этимъ зрѣлищемъ, вошелъ Гаковъ и доложилъ ему, что Альредъ Йоркскій и многіе тегвы и сановники желаютъ съ нимъ видѣться.

— Не знаешь ли зачѣмъ, Гаковъ?

Лицо Гакова было еще блѣднѣе обыкновеннаго, и онъ отвѣчалъ протяжно:

— Предсказанія Гильды начинаютъ сѣзрѣвать въ потыши.

Гарольдъ вздрогнулъ; его прежнее честолюбіе вдругъ охлыло, покрыло все лицо его живымъ румянцемъ, и сверкнуло въ глазахъ; однакоже онъ подавилъ радостное волненіе, и велѣлъ Гакову впустить посѣтителей.

Онъ вошелъ пепарно, и собраніе было такъ многочисленно, что скоро не осталось больше мѣста въ обширной залѣ. Гарольдъ, пріѣтствуя каждаго по очередно, увидѣлъ передъ собою могущественнѣйшихъ тегновъ Саксонской земли, первыхъ сановниковъ государства; и нѣрѣдко старинный врагъ стоялъ рядомъ съ самымъ недавнимъ другомъ. Всѣ они остановились у подножія узкаго возвышенія, на которомъ стоялъ Гарольдъ; онъ хотѣлъ пригласить стоявшихъ впередъ, но Альредъ остановилъ его.

Потомъ Альредъ началъ простую, но торжественную рѣчь. Онъ представилъ бѣдственное состояніе королевства, коснулся съ искреннимъ прискорбіемъ ненадежности здоровья короля и пресѣ-

ченія Сердикова роду; сказалъ откровенно, какъ онъ желалъ сначала, еслибъ было возможно, соединить всё голоса народа въ пользу юнга Этелинга, не смотря на его несовершеннолѣтiе; но что съ тѣхъ-поръ, онъ совершенно отказался отъ этой надежды и этого намѣренiя, и что всё вожди и всё сановники одинаково мнѣнiя на этотъ счетъ.

— Поэтому, продолжалъ онъ, — по долгамъ и добросовѣстномъ совѣщанiи между собою, мы всё, кого ты видишь передъ собою, пришли къ тебѣ, и предлагаемъ тебѣ, графъ Гарольдъ, наши руки и сердца, обѣщая употребить всё свои средства, чтобы приготовить тебѣ престолъ послѣ смерти Эдуарда, да возсядешь ты на немъ такъ же твердо, какъ сидѣлъ на немъ любой изъ королей англійскихъ и изъ сыновей Сердиковыхъ; — зная, что ты одинъ уже царствуешь въ сердцахъ англійскаго народа, что одной твоей мощной рукъ можемъ мы вѣрить охраненiе нашей земли, и твоей мудрости и справедливости вѣрить охраненiе нашихъ законовъ. — Какъ я говорю, такъ мыслимъ мы всё.

Гарольдъ слушалъ опустивъ глаза, и только по легкому движению его груди подъ алымъ кафтаномъ можно было замѣтить его волненiе. Но какъ скоро умолкъ общiй одобрительный говоръ, послѣдовавшiй за рѣчью Альреа, онъ подвинулъ глаза и сказалъ:

— Почтенный старецъ, и вы, достойные братья-тегвы, еслибы вы могли читать въ это мгновенiе въ моемъ сердцѣ, повѣрьте, что вы не нашли бы въ немъ тщеславной радости честолюбца, видящаго передъ собою величайшую изъ всѣхъ земныхъ наградъ. Вы увидѣли бы въ немъ искреннюю, невыразимую благодарность за ваше довѣрiе и вашу любовь, пламенное желанiе и усилiе освободить свое рѣшенiе отъ влiянiя всякаго себялюбиваго помыслу, и испытать себя только, въ санѣ ли короля или простымъ подданнымъ, я могу болѣе содѣйствовать благу Англiи. Простите же меня, если я не отвѣчу вамъ, какъ отвѣтило бы одно честолюбiе; и не считайте меня нечувствительнымъ къ славному удѣлу управлять, подъ покровомъ неба и руководствомъ нашихъ законовъ, судьбами англійскаго царства, — если я потребую времени для того, чтобы звѣснить принимаемую мною отвѣтственность, и предстоящiя затрудненiя. На моей душѣ лежитъ вѣчто, что я желалъ бы открыть вамъ, но чего не могу раскрыть передъ такимъ многочисленнымъ собранiемъ; и потому прошу васъ назначить изъ себя нѣсколько взбранныхъ людей, чтобы выслушать меня — такихъ людей, которые не могли бы увлечься лич-

вою дружбою ко мнѣ, и на благоразуміе которыхъ. вы можете положиться безусловно: — старѣйшихъ изъ вашихъ тегновъ, достойнѣйшихъ изъ среды васъ. Имъ откроюсь я, имъ открою свою душу; и ихъ рѣшенію, ихъ совѣтамъ покорюсь во всемъ: прикажутъ ли они мнѣ быть преданнымъ, вѣрнымъ слугою другому, кого они, можетъ быть, по выслушаніи меня рѣшатся избрать; или прикажутъ мнѣ приготовить свою душу достойно нести бремя королевскаго вѣнца.

Альфредъ поднялъ свои кроткіе взоры на Гарольда, съ выраженіемъ участія и одобренія; онъ угадалъ мысль графа.

— Ты избралъ правый путь, Гарольдъ; мы немедленно удалимся, и выберемъ тѣхъ, кому ты можешь свободно высказать свою душу, и чьему рѣшенію ты можешь покориться съ безусловнымъ довѣріемъ.

Альфредъ вышелъ, и вслѣдъ за нимъ вышло все собраніе.

Когда Гарольдъ остался одинъ съ племянникомъ, Гаконъ сказалъ ему отрывисто:

— Надѣюсь, что ты не сдѣлаешь такого безразсудства, Гарольдъ, не откроешь мнѣ клятвы, которую вынудилъ у тебя коварный Норманъ.

— Напротивъ, я рѣшился открыть ее, отвѣчалъ Гарольдъ хладнокровно.

Гаконъ началъ было отговаривать его, но Гарольдъ прервалъ племянника на первыхъ словахъ.

— Если Норманъ скажетъ, что Гарольдъ обманулъ его, то не хочу я, чтобы тоже могли сказать Англичане. Оставь меня. Не знаю почему, Гаконъ, но въ твоемъ присутствіи есть иногда такая же мрачная сила обаянія, какъ въ чарахъ Гильды. Иди, Гаконъ; не ты этому виноватъ, а суевѣрная слабость человѣка, котораго разумъ однажды унижился, или можетъ быть слишкомъ высоко вознесся, до призраковъ безумнаго вымысла. Пойди, и пришли мнѣ брата Гурта. Я желаю, чтобы онъ одинъ изъ моего дому присутствовалъ при этомъ торжественномъ рѣшеніи его судьбы.

Гаконъ потупилъ голову и вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Гуртъ. Его чистой, безгрѣшной душѣ Гарольдъ уже давно открылъ всѣ подробности своей несчастной поѣздки въ норманскую землю; и когда юный вождь пожалъ ему руку, и устремилъ на него свои свѣтлые, полные любви глаза, ему показалось, будто честь въ осязаемомъ образѣ стала подлѣ него.

Шестеро изъ достойнѣйшихъ сановниковъ, навболѣе извѣстныхъ своею ученостью, — не велика была ихъ ученость въ сравненіи съ ученостью норманской земли, но по крайней мѣрѣ они были умнѣе и свободнѣе большей части своихъ саксонскихъ современниковъ отъ тѣсныхъ, тогдашнихъ понятій вѣка; — и шесть вождей, отличившихся своею опытностью въ войнѣ и въ совѣтѣ, были избраны подъ мудрымъ руководствомъ Альреда, и пришли съ нимъ выслушать признанія графа.

— Стань подлѣ меня, Гуртъ... ближе, ближе! шепнулъ Гарольдъ; тяжело это признаніе для человѣческой гордости, и сожигаетъ душу стыдомъ; поэтому я желаю слышать у своего сердца бѣшеніе твоего смѣлаго и безукорнаго сердца.

Гарольдъ оперъ руны на плечо брата, и голосомъ дрожавшимъ сначала отъ смѣлаго волненія, но въ то же время приковывавшимъ вниманіе и сердца слушателей, Гарольдъ разсказалъ повѣсть своего испытанія.

Весьма различно было впечатлѣніе, произведенное на благородныхъ слушателей этимъ простымъ и откровеннымъ признаніемъ, но во всѣхъ оно возбудило болѣе содроганія передъ кознями коварнаго Нормана, нежели негодованія на клятвопреступника.

На мірскихъ владыкъ вынужденная клятва произвела довольно слабое впечатлѣніе; потому что однимъ изъ самыхъ горестныхъ недостатковъ саксонскаго законодательства было то, что опутать всѣ должности, отъ самой высшей до самой ничтожной, безконечнымъ множествомъ клятвъ, оно ослабило уваженіе къ нимъ и чувство истины; многія клятвы обратились въ пустой, законный обрядъ, какъ и донинѣ, у потомковъ Саксонцевъ, люди очень честные и правдивые смотрятъ на нѣкоторыя клятвы, сохранившіяся отъ тѣхъ вѣковъ невѣжества въ ихъ парламентскихъ обычаяхъ. А ни въ какой клятвѣ не допускалось такой свободы толкованія, какъ въ клятвѣ на вѣрность вождю; онѣ были открыто нарушаемы въ повторявшихся почти ежегодно мятежахъ, и это нисколько не ставилось въ укоръ нарушителю. Ни одинъ король-намѣстникъ не дѣлалъ набѣга на украины, ни одинъ графъ не поднималъ знамени мятежа противъ британскаго вассалейса, не нарушая данной имъ клятвы — быть добрымъ и вѣрнымъ служителемъ своему верхнему владыкѣ. Самъ Вильгельмъ Норманскій никогда не стѣснялся своею клятвою на вѣр-

ность, когда считалъ правымъ и полезнымъ возстать на своего владыку, короля французскаго.

Гораздо болѣе были встревожены клятвою вонны, и не столько собственно самою клятвою, какъ тѣмъ, что она была дана на мечѣ. Когда графъ окончилъ свое признаніе, они переглянулись между собою съ недоумѣніемъ и страхомъ, между тѣмъ какъ между мірскими владыками раздался громкій ропотъ негодованія на дерзкіе замыслы на ихъ родную землю, и презрѣнія къ мысли, будто клятва, вынужденная коварствомъ и насиліемъ, могла сдѣлаться орудіемъ мщѣны противъ цѣлаго народа.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Гарольдъ сказалъ:

— Я открылъ передъ вами свою душу, открылъ вамъ единственное обстоятельство, могущее воспрепятствовать мнѣ принять ваше предложеніе. Отъ исполненія этой вынужденной и гибельной для Англіи клятвы меня уволило разрѣшеніе почтеннаго Альреда, и собственная моя совѣсть. Буду ли я королемъ или останусь подданнымъ, я равно буду ставить живыхъ и ихъ вѣковое потомство выше костей мертвыхъ; выгнать на глаго пришельца мечемъ и сѣкирою, — считаю я лучшимъ искупленіемъ слабости устъ и заблужденія своего сердца. Но, зная прошедшее, вы можете быть сочтете благоразумѣйшимъ и безопаснѣйшимъ для блага отчизны избрать на царство другаго; — это вы и должны теперь рѣшить свободно и руководствуясь только совѣстью и пользою королевства.

Сказавъ это, онъ сошелъ съ возвышенія, и удалился съ братомъ своимъ Гуртомъ въ примыкавшую къ комнату мѣстельню. Взоры всѣхъ сановниковъ обратились къ Альреду. Онъ повторилъ имъ то, что говорилъ прежде Гарольду: представилъ различіе между клятвою и ея исполненіемъ, между меньшимъ грѣхомъ и большимъ, — тѣмъ, который люди могли отпустить, и тѣмъ, котораго они не имѣли права требовать, и который, будучи совершенъ, не могъ уже исправиться никакимъ покаяніемъ. Далѣе онъ признался, что одни только препятствія, которыя онъ предусматривалъ въ этомъ обстоятельствѣ, побудили его стараться о возведеніи на престолъ Этеллинга; но что, убѣдившись въ ея неспособности править Англіею даже въ спокойное время, онъ болѣе чѣмъ когда-либо отказывается отъ этой мысли въ такое время, когда норманскіе мечи уже точились на завоеваніе. Если найдется, сказалъ онъ въ заключеніе, человекъ, не менѣе Гарольда способный оградить насъ отъ опасности, — изберемъ его; если же нѣтъ....

— Нѣтъ такого человѣка! вскричали тегны въ одинъ голосъ.

— И если бы Гарольдъ, сказалъ одинъ старый тегнь, мудрейшій изъ всѣхъ, — еслибы Гарольдъ хотѣлъ сыграть съ нами штуку, чтобы достигнуть престола, не могъ бы онъ ничего придумать удачнѣе повѣсти, которую онъ намъ разсказалъ. Какъ, въ то время когда мы удостоверились, что самый сильный и неоприимый врагъ Англіи ждетъ только смерти Эдуарда, чтобы наложить на насъ чужеземное иго, намъ, — потому именно, что знаемъ это — отвергнуть единственнаго человѣка способнаго отразить его?... Гарольдъ далъ клятву! А кто же изъ насъ не давалъ клятвы, и не считалъ потомъ дѣломъ очень простымъ загляднеться на нарушение покаяніемъ, или дарами въ пользу бѣдныхъ? Лучшее средство укрѣпить Гарольда противъ его клятвы, это — показать ему нравственную невозможность исполнить ее, посадить его самого на престолъ. Чѣмъ мы лучше покажемъ исключному Норману, что Англіи нельзя отказывать заглашіемъ, или вышнѣннѣ какъ товаръ, — какъ не избравъ торжественно на видуаго того самаго вождя, котораго онъ болѣе всего опасался, какъ мы это видимъ изъ его коварныхъ ухищреній. Смѣшно будетъ, если Вильгельмъ вздумаетъ требовать отъ короля, чтобы онъ сошелъ съ престола и отдалъ ему то, что обѣщалъ, — положимъ даже, что обѣщаніе было добровольно, — когда онъ былъ еще простымъ подданнымъ.

Эта рѣчь; выражавшая образъ мыслей тегновъ, и подкреплѣнная предъидущими доводами Альреда, успокоила всѣхъ. Немного труда стояло убѣдить всѣхъ, что обыкновенныхъ покаяній и богатыхъ даровъ въ пользу храмовъ было достаточно, чтобы искупить оскорбленіе святыни.

Эти или подобныя размышленія прекратили всѣ сомнѣнія избравшаго совѣта; и Альредъ пошелъ въ молельню, чтобы позвать графа выслушать рѣшеніе. Братья стояли другъ подлѣ друга на колѣняхъ передъ небольшимъ жертвенникомъ и было что-то невыразимо трогательное въ ихъ униженномъ положеніи и сложенныхъ рукахъ, въ то самое время какъ вѣнецъ Англіи сходилъ на главу ихъ дому.

Братья встали, и по знаку старца послѣдовали за нимъ въ палату совѣта. Альредъ изложилъ имъ въ короткихъ словахъ результатъ совѣщанія. Гарольдъ отвѣчалъ твердымъ голосомъ, и не показывая въ лицѣ ни торжества, ни колебанія:

— Ваша воля да будетъ моею волею. Я желаю только быть на томъ мѣстѣ, гдѣ могу наиболѣе содѣйствовать благу нашей

общей отчужды. Вы, зная мою тайну, оставайтесь моимъ избранникомъ, постояннымъ совѣтникомъ; слишкомъ тяжела моя личная доля въ этомъ дѣлѣ, чтобы я могъ положиться на непогрѣшимость моего ума; судите же и радите за меня во всѣхъ дѣлахъ; ваши умы должны быть спокойнѣе и мудрѣе моего; а я во всемъ покорюсь вашему совѣту и рѣшенію. Только на такомъ условіи могу я принять возлагаемое на меня дѣло, — охраненія свободы цѣлаго народа.

Всѣ тегны поочередно положили руки въ Гарольдову руку, обѣщая ему вѣрность и преданность.

— Мнѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, сказалъ тотъ же старый тегизъ, котораго слова прекратили колебаніе прочихъ, — необходимо загладить всѣ раздоры въ королевствѣ, примирить съ нами Мерцію и Нортумберскую землю, и соединить все королевство въ одну плотную рать противъ врага. Ты, какъ братъ Гостигу, хорошо сдѣлалъ, что устранился отъ дѣятельнаго участія въ его дѣлѣ; и хорошо дѣлаешь, что предоставляешь намъ уладить необходимый союзъ между всѣми добрыми и храбрыми людьми.

— И въ этомъ отношеніи, какъ въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ общее благо, сказалъ Альредъ задумчиво, ты обѣщаешь подчиниться нашему совѣту, каковъ бы онъ ни былъ?

— Каковъ бы онъ ни былъ, только бы служилъ ко благу Англіи, отвѣчалъ графъ.

Грустная улыбка мелькнула на блѣдныхъ устахъ Альреда, и Гарольдъ опять остался наследникъ съ Гуртомъ.

VII.

Душою всѣхъ совѣтовъ и всѣхъ прѣсковъ въ пользу Гарольда, виновникомъ рѣшенія главныхъ вождей и всѣхъ послѣдующихъ событій, былъ Гаконъ.

Имя сына Свейна, первороднаго сына Годвиннова, — имя, на которомъ онъ могъ бы основать притязанія на престолъ лично для себя, — давало полную свободу дѣятельности его необыкновенно глубокаго и провнпцательнаго ума. Взросши среди хитрой практической политики норманскаго двора, взостривъ свои рѣдкія способности съ самаго дѣтства бдительностью и размышленіемъ, онъ безъ труда приобрѣлъ неограниченное вліяніе на простые умы безграмотныхъ и грубыхъ тегновъ. Убѣжденіе въ ранней смерти, съ которымъ онъ сроднился съ самыхъ юныхъ лѣтъ, дѣлало его равнодушнымъ ко всему, что занима-

лю другихъ; но также непоколебимо вѣровалъ онъ, что вся слава, вся доблесть, все величіе его краткой, обреченной судьбою жизни должны были отразиться на все отъ яркаго свѣту Гарольдовой судьбы; и потому единственнымъ желаніемъ его души, которая при другихъ обстоятельствахъ вѣроятно дошла бы до самой необузданной предприимчивости и безграничнаго честолюбія, — было содѣйствовать величію Гарольда. Никакой предразсудокъ, никакое вѣрованіе не могли остановить стремленія его мрачнаго энтузіазма. Какъ отецъ, на краю могилы готовить земное величіе сына, съ жизнью котораго онъ надѣется слить собственную свою жизнь; такъ и этотъ мрачный, осужденный рокомъ юноша съ дѣтства умершій для земли и для всѣхъ радостей и ощущеній сердца, устремлялъ взоры за предѣлы своей могилы, къ той жизни, на которую онъ переносилъ все свое честолюбіе.

Если можно олицетворить движущія силы, управлявшія блестящею судьбою Гарольда, воплотить ихъ, такъ сказать, въ живыхъ существахъ, съ которыми она была въ связи, то Эднѣе можно назвать олицетвореніемъ непорочной истины — Гурта представителемъ непоколебимаго долга, — Гильду, олицетвореніемъ пламеннаго, честолюбиваго воображенія; — Гаконъ же является воплощеніемъ мірской мудрости. И холодно, неутомимо трудилась мірская мудрость Гакона: то онъ совѣщался съ Альредомъ и приверженцами Гарольда; то запирался съ Эдвиномъ и Моркармомъ; то скользилъ какъ тѣнь изъ покоевъ большаго короля. Мудрость его предвидѣла всѣ препятствія, улаживала всѣ затрудненія; всегда дѣятельный и всегда спокойный, онъ устранялъ всѣ событія, управлялъ ими, будто непреложная рука невозмутимаго рока. Но было одно существо, съ которымъ Гаконъ видался чаще тѣмъ съ другими, — существо, которое только присутствіемъ Гарольда было привлечено въ этотъ кругъ тревожныхъ исканій, и котораго сердце, трепеща отъ радости, упивалось надеждами, что шептывали ему холодныя уста Гакона.

VIII.

На второй день послѣ предложенія тегновъ, къ Гарольду явился посланецъ отъ Альдиты. Она пріѣхала въ Оксфордъ, гдѣ жила съ юною дочерью короля Гриффита, и просила Гарольда навѣстить ее. Дѣятельный умъ графа, устраняясь отъ окружавшихъ его янтригъ, терзался тѣми безпокойными, лихорадочными думами, которыя тревожатъ часы бездѣйствія дѣ-

ительныхъ умовъ, и радъ былъ уйти на время отъ бесѣды съ собственными мыслями. Онъ отправился къ Альдитѣ. Царственная вдова уже сняла трауръ; она была одѣта съ пышаю, величественною роскошью саксонскихъ жевъ, и на лицѣ ея блистала снова горделивая красота ея юности. У ногъ ея сидѣла ея дочь, та самая, которая въ послѣдствіи вышла за мужъ за Флипса, столь извѣстнаго намъ изъ трагедіи Шекспира, и сдѣлалась прародительницею тѣхъ шотландскихъ королей, которыхъ блѣдныя тѣни проходили передъ глазами Макбета. Подлѣ ребенка Гарольдъ съ изумленіемъ увидѣлъ зловѣщее лицо Гакона.

Но какъ ни горда была Альдита, вся гордость ея исчезла въ болѣе вѣжныхъ чувствахъ женскаго сердца при видѣ графа, и она сначала не находила словъ, чтобы отвѣчать на его привѣтствія.

Мало по малу бесѣда оживилась до дружескаго довѣрія. Альдита коснулась слегка своихъ прошедшихъ горестей; дала замѣтить, что супружеская жизнь ея съ Гриффитомъ была такъ же полна семейныхъ огорченій, какъ царствованіе его было бѣдственна для двухъ народовъ, и что вспоминая съ ужасомъ о вѣроломномъ убійствѣ его, она болѣе оплакивала несчастнаго вождя, нежели любезнаго супруга. Потомъ она перешла къ распрямъ, сохранившимся еще между ея родичами и Гарольдовымъ домомъ, и говорила умно и разсудительно о желаніи молодыхъ графовъ свискать его милость и дружбу.

Между тѣмъ какъ она говорила это, Моркаръ и Эдвигъ вошли, будто печаянно, и привѣтствовали Гарольда, какъ было прилично ихъ взаимнымъ отношеніямъ; холодно, но не враждебно, почтительно, но безъ раболѣпства. По свойственной благороднымъ душамъ скромности, они избѣгали всего, что могло показаться намекомъ на дѣло, обсуживавшееся въ Витавѣ, и отъ котораго зависѣло, — быть ли имъ графами или изгнанниками.

Гарольдъ былъ очарованъ обращеніемъ графовъ; его влекло къ нимъ драгоценное для него воспоминаніе о послѣднемъ разговорѣ съ ихъ славнымъ дѣдомъ, Леофрикомъ, надъ трупомъ Годвина. Онъ вспомнилъ также свои собственныя слова: — Да будетъ всегда миръ между твоими родичами и моими! — И взглянувъ на прекрасныхъ, благородныхъ юношей, онъ не могъ не созваться, что Нортomberцы и Мерціане не могли сдѣлать лучшаго выбора. Впрочемъ разговоръ, ограничиваясь общими предметами, не могъ быть продолжителемъ; Гарольдъ всталъ, и молодые графы проводили его до дверей съ обычною вѣжливостью того времени.

Гаконъ, съ едва примѣтнымъ движеніемъ губъ, которое замѣняло у него улыбку, сказалъ:

— Благородные тегвы, не пожмете вы руки моему сроднику?

— Конечно, если графъ не отвергнетъ рукъ тѣхъ, которые надѣются никогда не быть вынужденными обнажить мечъ противъ героя Англіи, отвѣчалъ Эдвинъ, прекраснѣйшій и пріятнѣйшій изъ обоихъ братьевъ. Онъ самъ былъ отъ природы поэтъ, и потому всѣ доблестныя дѣла, даже соперника, возбуждали въ немъ энтузіазмъ поэта.

Гарольдъ протянулъ имъ въ отвѣтъ руку, и это дружеское, забывенное пожатіе руки было залогомъ дружбы трехъ племенъ Англіи.

Вышедши на улицу, Гарольдъ сказалъ племяннику:

— При моихъ отношеніяхъ къ юнымъ графамъ, твой вызовъ былъ очень неумѣстенъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гаконъ; ихъ дѣло уже рѣшено заранѣе въ ихъ пользу, а ты долженъ вступить въ тѣсный союзъ съ внуками Леофрика и преемниками Сиварда.

Гарольдъ не отвѣчалъ. Въ твердости и положительности, съ которою говорилъ юноша, было нѣчто не нравившееся ему; но онъ вспомнилъ, что Гаконъ былъ сынъ Свейна, перворожденнаго сына Годвинова, и что, еслибы не преступленія Свейна, Гаконъ могъ бы занимать то же мѣсто въ Англіи, которое онъ занималъ самъ, и подобно ему ожидать той же царстvenной судьбы.

Вечеромъ гонецъ изъ римской дачи, привезъ Гарольду два письма; одно было отъ Гильды, и содержало слѣдующія слова: «Опять грозитъ опасность, но въ образѣ блага. Берегись, болѣе всего берегись зла, скрывающагося подъ образомъ мудрости».

Другое письмо было отъ Эдвон; оно было довольно длинно для письма того времени, и каждое его слово выливалось изъ сердца.

Читая это письмо, Гарольдъ забылъ грозныя остереженія Гильды. Ему представился образъ Эдвон, — образъ власти, которая должна была наконецъ осуществить давно желанный союзъ, и наградить преданную любовь дѣвушки; всѣ мрачныя призраки, всѣ болѣе высокія надежды исчезли передъ этими отрадными мечтами; и сонъ его въ эту ночь былъ полонъ юношескихъ, сладостныхъ видѣній.

На слѣдующій день открылся витанъ. Засѣданіе было не такъ бурно, какъ ожидали; всѣ умы были заранѣе приготовлены; а въ дѣлѣ Тостига, факты были слишкомъ явны и гласны, число сви-

дѣтелей было слишкомъ огромно, чтобы судьи могли колебаться. Эдуардъ, на котораго Тостигъ возлагалъ всѣ свои надежды, съ свойственнымъ ему непостоянствомъ, уже перешелъ на болѣе справедливую сторону, отчасти по убѣжденіямъ Альреда и другихъ сановниковъ, а болѣе по внушенію Гакона, котораго степенность и скрытность снискали ему удивительное вліяніе на чинный и задумчивый нравъ короля.

Однако же, вслѣдствіе предварительнаго уговора или соглашенія противоположныхъ партій, дѣлу было дано такое направленіе, чтобы не слишкомъ оскорбить Тостига, и не довести его мстительнаго права до крайности; не было ни слова, ни объ изгнаніи его, ни о другомъ наказаніи, кромѣ простаго отрѣшенія отъ управленія графствомъ, которое онъ довелъ своими угнетеніями до мятежа. А въ благодарность за эту умѣренность одной стороны, другая обязалась поддержать и утвердить новое избраніе Нортонберцевъ. Такимъ образомъ Моркаръ былъ торжественно облеченъ въ санъ королевскаго намѣстника этого могущественнаго удѣла; а Эдвинъ былъ утвержденъ графомъ главной части Мерціи.

По обнародованіи этого рѣшенія, которое было принято съ громкимъ восторгомъ всею толпою, собравшеюся для выслушанія постановленій Витана, Тостигъ собралъ вокругъ себя свою наемную челядь, и вышелъ изъ города. Прежде всего онъ отправился къ Гитѣ, у которой жена его искала убѣжища; и послѣ долгаго совѣщанія съ матерью отправился съ надменною графинею къ морскому берегу, сѣлъ на корабль и поплылъ во Фландрію.

IX.

Гарольдъ сидѣлъ въ своей комнатѣ съ Гуртомъ, и бесѣдовалъ съ нимъ, долго спустя послѣ полуночи, когда неожиданно вошелъ Альредъ. Лицо старика было необыкновенно торжественно и мрачно, и пронзительный взоръ Гарольда тотчасъ угадалъ, что его привело въ такую позднюю пору какое-либо дѣло чрезвычайной важности.

— Гарольдъ, сказалъ Альредъ, садясь, наступилъ тебѣ часъ доказать, что ты говорилъ чистосердечно о готовности своей на всякую жертву для блага отечества, и что покорился во всемъ совѣтамъ и рѣшенію мужей, болѣе тебя свободныхъ отъ вліянія страстей, считая себя самого только орудіемъ блага Авліи.

— Говори, Альредъ, сказалъ Гарольдъ, блѣднѣя, и нѣсколько обезпокоенный торжественностью этой рѣчи. Я готовъ, если таково желаніе совѣта, оставаться подданнымъ и содѣйствовать къ избранію достойнѣйшаго короля.

— Ты не такъ понялъ меня, возразилъ Альредъ. Я не пришелъ требовать отъ тебя, чтобы ты сложилъ вѣнецъ, а чтобы ты разтерзалъ свое сердце. Постановленіе Витана отдаетъ Мерцію и нортomberскую землю сыновьямъ Альгаровымъ. Старыя раздѣленія гептархій, какъ ты самъ знаешь, едва стертые; даже нынѣ отчизна наша не одно плотное царство, а скорѣе нѣсколько независимыхъ государствъ, управляющихся своими законами, населенныхъ различными племенами, которыя имѣютъ своихъ королей-наи́стниковъ, называемыхъ графами, и признаютъ своихъ верховнымъ главою владыку британскаго. У Мерціи свой законъ и свой князь; у Нортomberіи свой датскій законъ и свой вождь. Чтобы избрать короля безъ междоусобной войны, необходимо, чтобы эти царства, — потому что это дѣйствительно отдѣльныя царства, — соединились съ Витанами, собирающимися въ другихъ мѣстахъ, и призвали ихъ постановленія. Только такимъ образомъ станетъ королевство едино и сильно противъ внѣшнихъ враговъ и противъ внутреннихъ безпорядковъ; это тѣмъ необходимѣе, что новые графы этихъ обширныхъ областей въ союзъ и дружбѣ съ домоу Гриффита, который еще живъ въ лицѣ сына его Карадока. Что если по смерти Эдуарда Мерція и нортomberская земля не захотятъ прузнать тебя его преемникомъ? Что если, въ то самое время, какъ намъ нужны будутъ всѣ наши силы для отраженія Нормана, Валлоны нагрянутъ на насъ съ своихъ горъ, а Шотландцы съ своихъ болотъ? Малькомъ Кумбрскій, нынѣ король шотландскій, искреннѣйшій другъ Тостигу, а народъ его стоитъ за Моркара. По истинѣ, этихъ однихъ опасностей довольно для новаго короля, хотя бы даже нечъ Вильгельмовъ поклонялся въ ножнахъ.

— Мудры твои совѣты, сказалъ Гарольдъ, но я уже зналъ напередъ, что кто носитъ царскій вѣнецъ, долженъ отречься отъ воюю.

— Нѣтъ, не то; есть средство и только одно, согласить всю Англію на твое избраніе, снискать тебѣ не холодный миръ, а горячее усердіе Мерціи и нортomberской земли; побудить первую охранять тебя отъ Валлоновъ, а вторую быть твоею защитою противъ Шотландцевъ. Однимъ словомъ, ты долженъ соединить-

ся узами крови съ ювыми графами.... долженъ жениться на ихъ сестрѣ Альдитѣ....

Графъ вскошилъ, будто пораженный громомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ: это невозможно! требуй всякой жертвы, но не этой.... лучше откажусь отъ престола, но не отъ сердца, которое дышетъ моимъ сердцемъ.... Ты знаешь, что я связанъ неразрывными узами съ моею сродницею Эдиною.... узами, освященными годами вѣры и ожиданія.... Нѣтъ, нѣтъ! сжался, сжался надъ моею любовью! Не могу я жениться на другой.... на всякую жертву готовъ я, но не на эту!....

Альфредъ, хотя и приготовился къ такому взрыву, былъ тронуть до глубины души этимъ неспритворнымъ страданіемъ; но онъ былъ непоколебимъ въ возложенномъ на него дѣлѣ, и продолжалъ:

— Увы, сынъ мой, таковы мы всѣ въ часъ испытанія: готовы на всякую жертву, кромѣ той, которую предписываютъ намъ долгъ и небо. Ты не въ правѣ отказаться отъ престола; или ты оставишь родную землю безъ правителя, предашь ее, пестерзанную безначаліемъ и распрями враждующихъ честолюбцевъ, въ жертву Норману. Отъ любви же отречься ты можешь и долженъ; тѣмъ болѣе, Гарольдъ, что хотя бы долгъ твой не предписывалъ тебѣ этого новаго союза, прежній союзъ твой былъ преступенъ, и какъ королю, подающему примѣръ всѣмъ своимъ подданнымъ, и собственная твоя совѣсть повелѣвала бы тебѣ отъ него отречься. Какъ тебѣ очистить недостойную жизнь служителей вѣры, если ты самъ будешь возставать противъ нихъ? Если же ты надѣялся, что королевская власть дастъ тебѣ возможность исходатайствовать разрѣшеніе на бракъ въ недозволенныхъ нашею вѣрою степеняхъ, и такимъ образомъ утвердить закономъ твое незаконное обрученіе, — вспомни, что тебѣ еще предстоитъ испросить гораздо труднѣйшую и важнѣйшую милость, — отпущеніе данной тобою Вильгельму клятвы. Конечно, верховный владыка не исполнитъ обѣихъ просьбъ. Которую же изъ двухъ милостей ты предпочтешь? ту ли, которая разрѣшитъ тебя отъ грѣха, или ту, которая удовлетворитъ твою любовь?

Гарольдъ закрылъ лицо руками, и громко зарыдалъ.

— Помогни мнѣ, Гуртъ, сказала Альфредъ, ты, чистая безукоризненная душа; помоги мнѣ, Гуртъ, уломать упрямое, но въ то же время утѣшить человѣческое сердце.

Гуртъ, пересиливъ собственную свою горестъ, сталъ на колѣна подлѣ Гарольда, и началъ въ простыхъ, но убѣдительныхъ словахъ подкрѣплять увѣщанія Альреда. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны были всѣ доводы разума; положеніе государства и новыя обязанности, лежавшія на Гарольдѣ, и доводы эти были неопровержимы; съ другой стороны было одно могучее сопротивленіе, которымъ любовь всегда встрѣчаетъ разумъ. Гарольдъ взнемогая въ борьбѣ своей души, продолжать рыдать, закрывая лицо руками.

— Невозможно, говорилъ онъ едва внятнымъ голосомъ, невозможно отречься отъ нея!.. отъ нея, которая всегда вѣрила и вѣрить моей любви.... любить меня.... которой вся юность поблекла въ терпѣливой любви ко мнѣ!.... отказаться отъ нея для другой... нѣтъ, не могу!.... Возьмите у меня престолъ!.... О, глупое человѣческое сердце, столько лѣтъ стремившееся къ своему проклятію!.... Возведите на престолъ Этелннга; мое мужество и моя опытность защитятъ его юность. Но этой жертвы.... нѣтъ не хочу.

Утомительно было бы досказывать эту продолжительную и бурную бесѣду. Всю ночь старецъ и братъ поочередно убѣждали его и умоляли, упрекали и утѣшали. Послѣднія звѣзды уже блѣднѣли на небѣ, въ храмахъ уже возвѣщали первый часъ дня *, а сердце Гарольдово еще всѣми силами отстаивало свою любовь. Наконецъ они благоразумно рѣшились оставить его наединѣ обдумать свое положеніе. Между тѣмъ какъ они выходили изъ замка, разсуждая вполъ-голоса о своихъ надеждахъ и опасеніяхъ, тѣмъ кончится душевная борьба графа, къ нимъ присталъ, на дворѣ, Гакопъ, и пытая своимъ печальнымъ взоромъ лица Альреда и брата, спросилъ ихъ, какъ они успѣли.

Старецъ покачалъ головой, и отвѣчалъ:

— Сердце человѣка крѣпче во плоти, нежели въ духѣ.

— Извини меня, отецъ, сказалъ Гакопъ, если я осмѣлюсь замѣтить, что краснорѣчивѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ союзникомъ въ этомъ дѣлѣ была бы сама Эднвъ. Не смотри на меня такъ недоувѣрчиво; потому именно, что она любитъ его больше собственной жизни, какъ скоро вы докажете ей, что безопасность графа, его слава, честь и долгъ требуютъ, чтобы онъ отказался отъ нея, что одна только его безразсудная любовь противостоятъ вашимъ совѣтамъ и благу отечества, — голосъ Эднвы станетъ могущественнѣе вашего.

* Шестъ часовъ пополудни.

Добродѣтельный старецъ, болѣе знакомый съ себялюбивымъ мужемъ, чѣмъ съ самоотверженіемъ женщины, отвѣчалъ только знакомъ руки. Но Гуртъ, незадолго женившійся на достойной его женщинѣ, сказалъ :

— Гаконъ, правъ, отецъ, и мнѣ кажется, постыдно будетъ и Гарольду и Эднѣ, если онъ, не посоветовавшись съ нею, броситъ ту, которая для него отвергла всѣхъ другихъ, и которая была ему предана въ сердцѣ, какъ-будто уже была съ нимъ обвѣчана. Оставимъ на время моего брата,—онъ никогда не былъ рабомъ страстей, и благо Англіи рано или поздно побѣдитъ въ немъ всякій себялюбивый помыселъ, — поѣдемъ немедленно къ Эднѣ, и скажемъ ей то, что мы говорили ему; или постой, — женщина, въ такомъ случаѣ, лучше убѣдитъ женщину, — откроемъ все нашей господинѣ, супругѣ Эдуарда,—она же сестра Гарольду и пламенно любитъ Эднѣ; — послѣдуемъ ея совѣту. Черезъ два дня мы будемъ назадъ.

— Поѣдемъ мы съ тобою за этимъ дѣломъ, сказала Гаконъ, замѣтивъ неохоту старца; а Альреду предоставимъ утѣшать графа въ тяжелой борьбѣ его сердца.

— Ты правъ, сынъ мой, отвѣчалъ Альредъ: такое дѣло приличіе ювошамъ и мирянамъ, чѣмъ мнѣ старыку.

— Поѣдемъ, Гаконъ, сказалъ Гуртъ отрывисто. Глубокую, тяжелую и невсцѣлимую рану наносу я своему возлюбленному, брату, и сердце мое обливается кровью; но самъ онъ училъ меня любить Англію какъ Римлянинъ любилъ Римъ.

X.

Существенная черта счастья, притекающаго изъ вѣжныхъ ощущенийъ сердца,—естъ спокойствіе; мы до тѣхъ-поръ не знаемъ огромности его вліянія на нашу вѣшнюю жизнь, пока оно не будетъ нарушено или уничтожено. Давъ миръ своему сердцу, человѣкъ даетъ волю своимъ силамъ и страстямъ, и онѣ плавно стремятся къ цѣлямъ и предметамъ, возбуждающимъ его дѣятельность или честолюбіе. Поглощенный этимъ вѣшнимъ занятіемъ, онъ въ какомъ то полуснѣ забываетъ цѣну домашняго спокойствія, дающаго крѣпость и силу способностямъ, которыя онъ употребляетъ на вѣшнюю дѣятельность. Но разстройте только эту едва ощущаемую, почти невидимую гармонію, и самыя отдаленныя даже струны его дѣятельной жизни разстроятся. Скажите самому дѣятельному человѣку, какого вы встрѣтите на

термицахъ, въ военномъ лагерѣ, или на подрищѣ государственной службы, человѣку повидному совершенно зарытому въ свою мирскую дѣятельность:—Нѣтъ у тебя болѣе семейства, низвержены твои домашніе бѣги; не знать тебѣ болѣе того скромнаго, тихаго домовѣства, которое своимъ правильнымъ, однообразнымъ ходомъ приводило въ движеніе болѣе могучія пружины твоей души! И немедленно исчезаетъ цѣль его дѣятельности; то, к чему прежде стремились всѣ способности, утраить все свое очарованіе. «Нѣтъ тебѣ болѣе дѣла, Отелло!» Мгновенно овъ проснется изъ ленивыхъ видѣній своего честолюбія, и вскрикнетъ съ невыразимой тоскою:—К чему мнѣ всѣ награды моего труда, теперь какъ ты динишь меня спокѣйствіа? Какъ ничтожны всѣ блага, добытыя дѣлою жизнью борьбы, вырванныя изъ рукъ тысячи соперниковъ и враговъ, въ сравненіи съ улыбкою, которой сладости я не постигала вполнѣ до тѣхъ поръ, пока не утратилъ ее на нѣтъ, и съ тѣмъ сознаніемъ своей безопасности отъ зла, которая я очертилъ въ довѣрѣи и сочувствіи любви!

То же было и съ Гарольдомъ въ этотъ часъ перелому его жизни. Эта чистая любовь, жившая одною надеждою, обратилась въ самое необходимое и самое возвышенное условіе его существованія; и эту любовь, къ полному обладанію которою каждый шагъ его славной судьбы повидному приближалъ его, овъ долженъ былъ вырвать на вѣкъ изъ своего сердца и своей жизни, въ то самое время когда овъ считалъ награду ея всего несомнѣннѣе, и когда овъ всего болѣе нуждался въ ея утѣшеніи! До тѣхъ поръ овъ жилъ этою любовью въ будущемъ — смиралъ голову бурной человѣческой страсти шепотомъ терпѣливаго ангела: — Еще немного, и твоя козлюбленная сядетъ подлѣ тебя на престолѣ.—А теперь, какое было это будущее? какъ безотрадно и безнадежно! Исчезла для него вся прелесть почестей, угасъ арій оиить славы; оставалось одно чувство долга въ борьбѣ съ требованіями его любви... и долга уже не облетѣнаго въ пышнѣ, радужные цвѣта, которыми прежде окружала его надежда славы и власти, а обнаженнаго, суроваго и непреложнаго, какъ холмистый рокъ древней Греціи.

Такъ сидѣлъ овъ, въ одинъ вечеръ, лицомъ къ лицу съ этимъ долгомъ, и уста его роптали съ отчаяніемъ:

— О, розовая поѣздка! о, обманчивая истина демономъ вдохновеннаго предсказанія!.. такъ вотъ жена, которую долженъ былъ дать въ мои объятія союзъ мой съ Норманомъ!...

На улицѣ подъ его окнами раздавались поспѣшные шаги воз-

вращавшихся по домамъ горожанъ, и шумные, веселые голоса изъ трактировъ, харчевень и различныхъ заведеній, наполненныхъ безпечною толпою пирующихъ. И среди этого нестройнаго шуму, послышались ему шаги, всходяшіе по наружной лѣстницѣ; они остановились у его дверей, и за нею послышался гдворъ двухъ голосовъ; звонкаго голосу Гурта, и другаго, еще мягче и сильно взволнованнаго. Графъ поднялъ голову, и сердце его забилось при слабомъ, едва уловимомъ звукѣ послѣдняго голоса. Тихо, медленно отворилась дверь, вошелъ человѣческій образъ, остановился на порогѣ, и другая рука, снаружи, затворила за нимъ дверь. Графъ вскочилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и въ то же мгновеніе Эднѳъ была у ногъ его, откинувъ назадъ фату, поднявъ на него глаза, сіяя неувѣдающею красотою и величіемъ самоотверженія.

— Гарольдъ, сказала она, ужели ты забылъ, какъ я, — давно уже, очень давно, — говорила тебѣ: Эднѳъ не могла бы любить тебя такъ сильно, если бы ты не любилъ Англію больше Эднѳъ?... Вспомни, Гарольдъ, вспомни эти слова!... Неужели ты думаешь, что теперь, послѣ того, какъ я столько лѣтъ смотрѣлась въ твою свѣтлую душу, я выучилась въ ней упоять свое женское сердце лучами доблестей благороднѣйшаго изъ людей, я теперь буду слабѣе чѣмъ была въ то время, когда едва понимала, что такое Англія и доблесть.

— Эднѳъ.... Эднѳъ! чюдъ значать эти слова?... Чтѣ ты знаешь?... Откого?... Чтѣ привело тебя сюда, дѣйствовать противъ себя самой?

— Не въ томъ дѣло, откого я знаю; но я знаю все. Чтѣ привело меня? Моя душа и моя любовь!

Вставъ на ноги, и схвативъ его руку обѣими руками, и не спуская глазъ съ его лица, она продолжала:

— Не стану говорить тебѣ: не огорчайся необходимостью разлуки! потому что я слишкомъ хорошо знаю твою вѣрность, твою любовь, твою душу великую и любящую. Но скажу: стань выше своей скорби, стань выше человѣческой природы для блага людей.... Да, Гарольдъ, я вижу тебя въ послѣдній разъ.... въ послѣдній разъ сжимаю твою руку, припадаю къ твоему сердцу и слышу его бѣвие... и уйду отсюда не уронивъ ни одной слезы.

— Нѣтъ, это невозможно, этого не будетъ! вскричалъ Гарольдъ съ отчаяніемъ. Тебя обманываетъ величайшій, но вредоносный восторгъ; пройдетъ его увлеченіе, и тебѣ останется одна тоска одинокаго сердца, — безнадѣжное уныніе убитой души!... Мы

сочетались узами, такими же священными, какъ узы вѣры... обручилися на могилѣ мертвыхъ; подъ сводомъ неба, по обрядамъ нашихъ праотцевъ! Узы эти не расторгимы. Если Англія нужна моя рука, пусть Англія беретъ ее съ этими узами, которыя расторгнуть, даже для моей отчизны, — было бы преступленіемъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься, возразила Эднъ дрожавшимъ голосомъ, и блѣдность горести смѣнила лихорадочный румянецъ ея щекъ. Ты ошибаешься. Любовь твоя такъ оградила меня отъ свѣту, что мой юный умъ не зналъ, или сердце забыло строгіе людскіе законы, и когда ты желалъ, чтобы мы любили другъ друга, я не могла вѣрить, чтобы эта любовь была преступленіемъ; и теперь я не повѣрю, чтобы она была преступленіемъ до вѣчнаго дня; но съ этого дня она стала преступна.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Гарольдъ... (дивное краснорѣчіе, къ которому приковывались тысячи ушей, трепеща въ волшебномъ обаяніи, покнянуло его въ часъ нужды, оставивъ ему только отрывистыя восклицанія, осколки собственного его растерзаннаго сердца). Нѣтъ, нѣтъ... не преступна... преступленіемъ будетъ только — оставить тебя!... Молчи... это одинъ тяжелый сонъ... Погоди, мы проснемся, и сонъ разбѣтается!... Благородное сердце, любящая душа... я не разстанусь съ тобою!

— Но я сама отрекусь отъ тебя! Не хочу, чтобы ты изъ-за меня, — изъ-за женщины, — поправъ честь, совѣсть, все на что Богъ сотворилъ твою великую душу!... нѣтъ! пусть лучше, если храмъ не дастъ мирнаго пріюта моей душѣ, пусть тѣло мое ляжетъ въ могилу! Гарольдъ, позволь мнѣ до конца быть достойною тебя и утѣшать себя мыслью, что, если не буду я подругою твоей жизни, — мнѣ не суждена эта славная доля! — по крайней мѣрѣ скажутъ благомыслящіе люди, вспоминая объ Эднъ: — «Она не наложила позору на Гарольдово ложе!»

— Но знаешь ли ты, сказалъ графъ, силясь говорить спокойно, что они требуютъ отъ меня не только отреченія отъ тебя, но отреченія для другой?

— Знаю! отвѣчала Эднъ.

И несмотря на сверхъестественную силу, которую придавало ей увлеченіе самоотверженія, двѣ другія слезы блеснули на ея густыхъ рѣсницахъ и медленно скатились по ея блѣднымъ щекамъ.

— Знаю, повторила она гордымъ голосомъ: но эта «другая» не Альдита, а Англія! Въ ней, въ Альдитѣ, долженъ ты видѣть

только благо твоей родной страны: съ нею долженъ ты сдѣть священную любовь къ отчизнѣ. Эта мысль примиритъ тебя съ твоею судьбою, а мнѣ будетъ утѣшеніемъ. Не для женщины попадаешь ты Эдней!

— Слушай, и почерпай изъ этихъ устъ силу и мужество, вѣщающія имя героя! сказалъ, сзади, спокойный, но полный участія голосъ.

И Гуртъ, вошедшій украдкою въ продолженіе этого разговора, не довѣряя, можетъ быть, результату такого продолжительнаго свиданія, или желая сократить его пытку, приблизился къ брату и вѣдно обидѣ рукою его стая.

— О! Гарольдъ, произнесъ она: дороже мнѣ послѣдней капли крови въ моемъ сердцѣ моя юная жена; но за одну десятую долю того священнаго признанія, которое возлагаетъ на тебя это тяжелое испытаніе, — да, за одну часть служенія свободѣ отчизны и закону, — я готова бы, безъ одного стону, отречься отъ нея навѣки. И если бы меня спросили, какъ стало мнѣ силы побѣдить любовь, я указалъ бы на тебя и отвѣчалъ: «Такъ училъ Гарольдъ мою юность своими наставленіями, и мое мужество — своею жизнью». Передъ тобою стоить, видимо, счастье и любовь, но съ ними стыдъ; и передъ тобою же невидимо стоить горе, съ горемъ же — благо Англій и вѣчная слава! Выбравъ.

— Выбравъ, сказала Эдней, когда Гарольдъ отвернулся къ стѣнѣ и прислонился къ ней, закрывая лицо.

Потомъ, тихо подошла къ нему, она опустилась на колѣна, прижала край его одежды къ губамъ и поцѣловала съ почтеніемъ и любовью.

Гарольдъ вдругъ обернулся и протянулъ къ ней объятія. Эдней не сопротивлялась этому вѣчному призыву; она встала, и рыдая бросилась ему на грудь.

Страстно и безмолвно было это послѣднее объятіе. Луна, свидѣтельница въ союзъ на языческой могилѣ, встала у друидческаго капища, смотрѣла, — блѣдна и холодна, — на вѣщаніе.

Спокойно и ясно горѣло свѣтло — затянула туча ея свѣтлымъ лицемъ — и Эдней ушла. Прошла туча, и изъ-за нея опять взглянула луна, свѣтла и спокойна; а гдѣ за вѣсколько мгновеній стоялъ на колѣнахъ дивный образъ и свѣтился прощальный взоръ Эдней, тамъ стоялъ неподвижный образъ и сверкалъ злобшій

взглядъ враждебнаго Свейдова сына. Но Гарольдъ прижалъ лицомъ къ груди Гурта, и не видѣлъ кто заступилъ мѣсто нѣжной, любящей Фюльгиа его жизни; ничего не видалъ во вселенной, крокъ гладкой завѣсы горя!

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

НОРМАНСКІЙ ИСКАТЕЛЕЦЬ И НОРВЕЖСКІЙ МОРСКОЙ КОРОЛЬ.

I.

Наступилъ вечеръ пятого января, — вечеръ, предсказанный королемъ Эдуардомъ, какъ часъ освобожденія его отъ земныхъ оковъ; и дѣйствительно, — оттого, можетъ-быть, что предсказанія слишкомъ потрясли слабое тѣло и воспримчивый духъ короля, — послѣдній вдухъ Сердикова роду быстро приближался къ вратамъ вѣчности.

Новыряемое волненіе царствовало вокругъ дворца и по всему Лондону. Вся рѣка передъ дворцомъ была покрыта лодками; на самомъ островѣ обширное пространство, отдѣлявшее дворецъ отъ берегу, было устлано озабоченными кружками. Едва прошло нѣсколько дней, какъ новый храмъ былъ торжественно открытъ; казалось, будто съ окончаніемъ этого зданія кончалось и назначеніе Эдуарда на землѣ. Подобно древнимъ царямъ египетскимъ, онъ самъ воздвигъ себѣ гробницу.

Едва ли не сильнѣе еще было общее волненіе, и не озабоченнѣе всѣхъ дѣла казначей-то тревожнымъ ожиданіемъ въ самомъ дворцѣ. Слѣды, корридоры, прихожія, залы, были наполнены тѣнами и служителями вѣры. И не одно извѣстіе о близкой кончинѣ короля бороздило днѣмъ абы и прерывало дыханіе. Не въ ту минуту, какъ великій вождь умираетъ, облекаются въ горесть о его утратѣ. Это бываетъ гораздо позднеѣ, когда уже червь прицѣпился за свое дѣло, и сравненіе между мертвымъ и живымъ не рѣдко превращается одного, чтобы клеветать другаго. Но пока духъ еще борется въ брешномъ тѣлѣ, когда глазъ только подергивается стекломъ, тогда жизнь кипитъ въ окружающихъ и шепчетъ: «Кто будетъ преемникомъ?» И въ этомъ отношеніи никогда такъ не колебались ожиданія между надеждою и страхомъ, какъ у смертнаго одра короля отшельника. Потому что до самыхъ отдѣльныхъ концовъ разнеслась молва о замыслахъ герцога Виль-

гельма; и всё трепетали, чтобы ненавистный Норманъ не получилъ единственнаго освещенія своимъ дерзкимъ притязаніемъ изъ устъ умирающаго короля. Хотя, какъ мы видѣли, король не имѣлъ собственно права завѣщать престолъ, и наследство его зависѣло отъ воли витана; однако же въ такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, при совершенномъ неимѣніи примаго наследника изъ царствовавшаго дому, кромѣ ребенка, равно слабаго тѣломъ и умомъ, и полу-чужеземца по рожденію и по воспитанію; при извѣстномъ смиреніи Эдуарда и его преданности вѣрѣ праотцевъ; и при чувствѣ соболѣзнованія и глубокаго уваженія, которое онъ возбуждалъ во всемъ народѣ; предсмертная воля его могла имѣть сильное вліяніе на витанъ и на избраніе преемника престола. Одни шептались между собою, блѣдыми устами, о недобрыхъ предвѣщаніяхъ, ходившихъ въ народѣ; другіе хранили мрачное молчаніе и только поднимали безпокойные взоры, когда какой-нибудь озбоченный служитель шелъ въ комнату короля, или выходилъ изъ нея.

Переносясь мысленно за осемь вѣковъ, войдемъ тихими, осторожными стопами въ эту комнату, памятную по многимъ позднѣйшимъ событіямъ и легендамъ бурной исторіи Англіи, извѣстный донинѣ подъ именемъ Расписанной Палаты, а прежде долго называвшейся Палатою Исповѣдника. Въ глубинѣ этого обширнаго и высокаго покоя, на возвышеніи и подъ великолѣпнымъ королевскимъ балдахномъ, стоялъ одръ смерти.

Въ ногахъ его стоялъ Гарольдъ; по одну сторону стояла на колѣнахъ Эдивъ, супруга короля, а по другую — Альредъ; всѣ знатнѣйшіе тегны, въ томъ числѣ Эдвинъ и Моркаръ, Гуртъ и Лео-вайнъ, и всѣ важнѣйшіе сановники находились на томъ же возвышеніи.

Въ противоположномъ концѣ палаты, королевскій врачъ разогрѣвалъ на жаровнѣ какое-то подкрѣпляющее зелье, а въ глубокихъ впадинахъ оконъ стояло множество королевскихъ челядинцевъ низшаго разряда, и — какъ люди слишкомъ ничтожные чтобы горевать о чемъ другомъ, кромѣ своего добраго господина — они плакали.

Король уже лежалъ неподвижно, съ полузакрытыми глазами; дыханіе его было слабо, но ровно. Два дня сряду онъ не говорилъ; но въ этотъ день онъ произнесъ нѣсколько словъ, показывавшихъ возвращеніе памяти. Рука его лежала на одвѣлѣ, въ рукѣ жены, которая горько плакала. Прикосновеніе ли ея руки, или тихій звукъ ея голоса, пробудилъ короля изъ уснувшаго

летаргін; онъ открылъ глаза, и устремилъ ихъ на стоявшую на колѣнахъ подлѣ кровати Эднелъ.

— Ахъ, сказалъ онъ, едва слышнымъ голосомъ, все также добра и кротка какъ всегда! Не думай, что я не любилъ тебя; тамъ будетъ прочтено во всѣхъ сердцахъ, и каждому будетъ дана своя награда.

Королева посмотрѣла на него сквозь слезы, туманншія ея глаза. Эдуардъ высвободилъ свою руку и возложилъ ее на ея голову. Потомъ онъ снялъ съ пальца перстень, и сказалъ едва слышнымъ голосомъ:

— Пусть онъ хранится въ новомъ храмѣ въ память вамъ обоимъ.

— Онъ ожилъ.... можетъ теперь намъ отвѣчать.... спросите его.... говорилъ не одинъ тегъ Альреду и Стиганду.

И Стигандъ, болѣе жестокосердый и болѣе привязанный къ бытамъ міра нежели Альредъ, приблизился къ постели, и наклонившись надъ подушкою, между королемъ и Альредомъ, сказалъ:

— Царственный сынъ, обрѣтающій вѣнецъ, передъ которымъ земной вѣнецъ, — что вѣнокъ дурака, сплетенный изъ сухихъ листьевъ, да не оставитъ насъ еще душа твоя. Кого укажешь ты намъ въ королѣ? кого увѣщаемъ мы нтъя по проложеннымъ тобою на землѣ стопамъ?

Король сдѣлалъ легкій знакъ нетерпѣнія; и королева, забывшая все, кромѣ своей женской горести, подняла взоръ и палецъ, чтобы остановить нарушителя покою умирающаго. Но дѣло было слишкомъ важно, и ожиданія были слишкомъ тревожны, чтобы такое же уваженіе къ покою умирающаго короля было возможно въ сердцахъ окружающихъ; тегны стали шумнѣе переговариваться между собою, и въ ропотъ, прошедшемъ по толпѣ, ясно слышалось имя Гарольда.

— Одумайся, сынъ мой, сказалъ Альредъ кроткимъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ: юный Этелвингъ еще слишкомъ незрѣлъ для такого труднаго времени.

Эдуардъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ, подхватилъ Норманъ, Вильгельмъ Лондонскій, стоявшій до-тѣхъ-поръ въ тылу, почти затерянный въ толпѣ саксонскихъ тегновъ, но не пропускавшій безъ вниманія ни одного взгляду и ни одного звуку: въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, выступая впередъ, если пресѣчется твой царскій родъ, кто ближе къ твоему сердцу и достойнѣе быть твоимъ преемникомъ, какъ не двоюродный братъ твой Вильгельмъ, графъ Нормановъ?

Грешно нахмурились брови всѣхъ тегиевъ, и въ рядкахъ ихъ раздался явный ропоть:

— Мѣтъ, мѣтъ! не хотишь мы Нормана!

Кровь бросилась въ лицо Гарольду, и рука его ухватилась за рукоять атагана; но какое другое движеніе не изблѣчило, какъ близко былъ этотъ вопросъ его сердцу.

Король нѣсколько времени лежалъ безмолвно, но, очевидно, силъ привести въ порядокъ свои мысли. Между-тѣмъ оба сановника, наклонившись надъ нимъ, ждали его отвѣта: Стигандъ съ нетерпѣливымъ любопытствомъ, Альредъ — съ кроткимъ участіемъ.

Наконецъ король, приподнявшись на одной рукѣ, а другою указывая на стоявшаго въ ногахъ постели Гарольда, сказалъ:

— Сердца ваши, я вижу, преданы графу Гарольду: такъ будь по вашему, я соглашусь на ваше желаніе.

Съ этими словами онъ опустился опять на подушку, королева издала пронзительный крикъ; всѣ столпились вокругъ постели; король лежалъ будто мертвый.

Услышавъ крикъ, и замѣтивъ необыкновенное движеніе въ толпѣ, врачъ поспѣшилъ съ другаго конца комнаты къ кровати умирающаго, говоря съ нетерпѣніемъ окружающимъ:

— Посторонитесь, дайте ему дышать свободнѣе; ему нуженъ воздухъ.

Толпа разступилась; лекаръ смочилъ блѣдныя уста короля теплымъ, крѣпительнымъ зельемъ; но дыханіе, казалось, не возвращалось, сердце не билось. Стигандъ и Альредъ стали на коѣшникъ у кровати, и толпа сошла съ возвышенія, собираваясь разойтись. Гарольдъ одинъ оставался; но онъ нерешалъ отъ ногъ къ изголовью.

Толпа уже дошла до половины палаты, какъ вдругъ страшный гололъ, будто изъ могилы, ошелѣнилъ всѣ сердца, и приковалъ всѣ ноги. Это былъ гололъ короля, громкій, внятный, полный, во всей силѣ воспринятой юности. Всѣ глаза съ одроганіемъ устремлялось на него, и останавливалось будто заколдованные волшебномъ словомъ.

Король сидѣлъ выпрямившись на постели; голова его возвышалась надъ головами стоявшихъ возлѣ него на коѣшникѣ сановниковъ, и всемо, сіяющіе глаза его обнимали всю залу.

— Да! сказалъ онъ въ раздумьи: будетъ ли это видѣніе или обманчивый призракъ, пошли мнѣ, Богъ, силу высказать его!

Тутъ онъ приростановился, и послѣ кънотораго молчанія продолжалъ:

— То было на берегахъ замерзшей Сены, и мишуло тому сегоднѣ тридцать одинъ годъ. Два почтенные старца, которымъ дарована была сила прозрѣнія будущаго, открыла мнѣ страшныя бѣдствія, которыя должны посѣтити Англiю, потому что Богъ, говорилъ они, по смерти твоей, предастъ Англiю въ руки врага, и вражескія рати будутъ ходить по всей землѣ твоей. Душа моя исполнилась горести и я спросилъ: Ужели ничто не можетъ отъвертнуть этой злой судьбы? Ужели не можетъ народъ мой искупить себя покаяніемъ, какъ въ древности искупили себя Нинивитяне? И предсказатели отвѣчали мнѣ: Нѣтъ, не будетъ конца этой бѣдствію, и не будетъ свято проклятіе до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ перерублено зеленое дерево, и не будетъ отторгнута часть его отнесена далеко; и пока она сама не возвратится къ древнему корню, не сросется со стволомъ, не раскинется пышнымъ цвѣтомъ и не принесетъ плода! Такъ вѣщали старцы, и вотъ сейчасъ, передъ тѣмъ какъ я заговорилъ, предстали они мнѣ снова, и стояли тутъ, у моей постели, стояли безмолвно, и покрытые блѣдностью смерти.

Эти слова, произнесенныя такъ спокойно, такъ разумно, едѣлались вдвое грознѣе отъ холоднаго положительнаго тону говорящаго. Все собраніе невольно содрогнулось; каждый старался укрыться отъ взгляду короля, который, казалось ему, былъ устремленъ именно на него. Вдругъ глаза умирающаго утратили свою холодную ясность, а голосъ его свое спокойное, положительное выраженіе; сѣдые волосы стали дыбомъ на его головѣ; все лицо его искривилось судорогами страха и ужасу; протянувъ руки и лопаясь на своемъ ложѣ, онъ сталъ произносить дрожащими устами нестройные отрывки изъ священныя книгъ, и наконецъ вскричалъ неистовымъ голосомъ:

— Сангелакъ, Сангелакъ!.... озеро крови! Торъ натянулъ лукъ свой.... Торъ обнажилъ свой мечъ.... Нисходитъ онъ, какъ ратникъ идетъ на брань, и гвѣвъ его сверкаетъ сталью, и пышетъ пламенемъ. Трещать подъ нимъ горы.... идетъ онъ.... и прахъ подъ его стопами!

Король, казалось, ожилъ только для этого грознаго предсказанія; едва послѣднія слова замерли на его устахъ, члены его окоченѣли, глаза потускли, и трупъ упалъ на руки Гарольду.

Во всемъ собраніи, на однихъ только устахъ мелькнула улыбка

небрія. Эта улыбка искривила блѣдные уста в острые черты Стиганда, когда онъ, сходя съ возвышенія среди толпы тегновъ и сановниковъ, сказалъ:

— И вы трепещете передъ видѣніями больного старика?

II.

Время года, обычное для ежегоднаго собранія народнаго сейма; недавнее открытіе новаго храма, на которое Эдуардъ созвалъ всѣхъ высшихъ сановниковъ; общее безпокойство, возбужденное безнадежнымъ состояніемъ его здоровья, и неизвѣстностію его преемника; — все способствовало къ тому, чтобы наскоро созванный витанъ сдѣлать достойнымъ, и по сану и по числу членовъ, рѣшить судьбою королевства въ такое трудное время, и приступить къ важнѣйшему избранію бывшему дотолѣ въ королевствѣ. Поспѣшно собрались тегны и сановники. Бракъ Гарольда съ Альдитою, совершившійся за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, соединилъ всѣ партіи съ его партіею; ни одинъ соперникъ не посмѣлъ противопоставить своихъ притязаній правамъ великаго графа; его избраніе было единодушно. Необходимость скорѣе прекратить въ эту критическую минуту безпокойство умовъ по всему королевству, и предупредить опасность противныхъ происковъ, не позволяла витану откладывать торжественное утвержденіе своего выбора; и за великолѣпнымъ погребеніемъ Эдуарда послѣдовало въ тотъ же день вѣчаніе Гарольда.

Обрядъ совершился въ храмѣ простомъ и мрачномъ, съ длинными рядами саксонскихъ аркъ и тяжелыхъ устоевъ. Въ этомъ-то храмѣ, соединявшемъ первобытное тевтонское зодчество съ послѣдними остатками римскаго, собрались свободные люди саксонскіе почтить избраннаго монарха; — перваго саксонскаго короля, съ тѣхъ поръ какъ Англія стала государствомъ; избраннаго не изъ Сердикова роду; перваго саксонскаго короля, возведеннаго на престолъ не блѣдными тѣнями баснословныхъ предковъ, возводившихъ свой родъ къ родоначальнику Тевтоновъ, а духами, не знающими смерти, вѣковѣчными раздавателями престоловъ и звѣздителями царскихъ домовъ, — мужествомъ и доблестью.

Два старѣйшіе сановника королевства, Альредъ и Стигандъ, ввели Гарольда во храмъ, сопровождаемые знатнѣйшими вождями витана, въ ихъ торжественныхъ одѣвіяхъ; между тѣмъ какъ соборъ возглашалъ пѣсни.

Вдругъ тише умолкло; Гарольдъ палъ ницъ, и своды храма снова задрожали отъ стройныхъ звуковъ тиши.

Когда тишина умолкла, сановники и тегны подняли своего вождя съ каменнаго полу, а Гарольдъ взошелъ на возвышеніе, и сталъ въ виду всей толпы. Это былъ остатокъ древняго тевтонскаго и скандинавскаго обычая, когда вожди сажали своего главнаго вождя на щиты, и носили его на плечахъ.

— И такъ, провозгласилъ старецъ Альредъ: мы избираемъ Гарольда, сына Годвинова, себѣ во владыки и короли. И тегны окружили тишею возвышеніе, положили руки на Гарольдовы колѣна, и по всему храму раздались слова ихъ: — Избираемъ тебя, Гарольдъ! себѣ во владыки и въ короли! И рядъ за рядомъ, строй за строемъ, провозгласила толпа: — Избираемъ тебя, Гарольдъ! себѣ во владыки и въ короли!

Смирненно стоялъ на возвышеніи, окидывая толпу спокойнымъ взоромъ, — Гарольдъ, король Англии и василейскій Великій Британіи.

Между тѣмъ, среди толпы, ни кѣмъ не замѣченная, прислонившись къ устью, стояла женщина съ опущенною на лицо фатою. Она приподняла на одно мгновеніе фату, чтобы взглянуть на величественный образъ короля, и слезы ручьями текли по ея щекамъ; но въ лицѣ ея не видно было выраженія печали.

— Ты не должна показываться толпѣ, чтобы подвергаться ея состраданію или презрѣнію, дочь королей столь же могучихъ какъ тотъ, что оставилъ тебя! прошепталъ голосъ надъ ея ушами; и величавый образъ Гильды, не опираясь ни на устои, ни на стѣну, явился подлѣ Эднелъ. Эднелъ наклонила голову, и опустила фату. Въ то же время король сошелъ съ возвышенія, приблизился опять къ престолу, и по рядамъ знатнѣйшей толпы, раздались слова его двойственнаго объѣта народу:

Строгое преслѣдованіе любостыжанія и несправедливости.

Справедливость и милосердіе въ судахъ.

И тысячи сердець отвѣчали смиреннымъ голосомъ: да будетъ по сему!

Потомъ народъ увидѣлъ издали сіяніе вѣнца надъ головою короля. Опять раздался голосъ Альреда, сначала тихій, потомъ повысившійся при слѣдующихъ словахъ: «Царствуй мощно и славно, поражай враговъ явныхъ и тайныхъ, да не выпадетъ изъ рукъ твоей скипетръ царства Англовъ и Саксовъ».

За тѣмъ послѣдовалъ символическій обрядъ вѣнчанія. Грѣхъ и шумъ могучіе, торжественные голоса, къ которымъ пристали

голоса всей толпы: «Да царствуетъ король!» Затѣмъ вѣнецъ, сіявшій въ дрожащей рукѣ Альреда, опустился неколеблемо на голову короля; въ царственные руки его вложили скипетръ власти и жезлъ правосудія, на утѣшеніе правынъ, и на страхъ злымъ. Опять возобновились гимны.

Тутъ Гильда протянула руку, чтобы вести Эднѣ изъ храма. Но Эднѣ покачала головою, и сказала слабымъ голосомъ: Еще разъ! одинъ только разъ!.... и почти безсознательными стопами протерлась впередъ.

Въ это мгновеніе, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она оставалась, толпа разступилась притаявъ дыханіе, и торжественное шествіе выступило по тѣсному проходу, образовавшемуся между плотныхъ стѣнъ народу. Савонники и тегны шли изъ храма во дворецъ; за ними слѣдовалъ король, одинъ, твердою, мѣрною поступью, съ вѣнцомъ на головѣ и скипетромъ въ рукѣ. Сильно забилося сердце въ груди Эднѣ; она наклонилась впередъ, и отдернувъ нѣсколько фату, съ любовью и съ гордостью смотрѣла на это благородное лицо, и истинно царскую поступь. Король прошелъ не выдавъ ее; для него уже не существовало любви.

III.

Ладья ринулась черезъ царственную Темзу. Колышась надъ водою, клики и пѣсни кишашаго на берегу народу, будто порывы вѣтру, потрясали холодный воздухъ Волчья-мѣсяца *. Вся атмосфера наполнялась именемъ короля Гарольда. Быстро разбивали воду весла гребцовъ, быстро подвигалась ладья; а лицо Гильды, мрачное и зловѣщее, было устремлено къ грознымъ башнямъ дворца, сіявшимъ ослѣпительною бѣлизною въ лучахъ зимняго солнца. Вдругъ Эднѣ отняла руку отъ груди, и поднявъ ее, сказала съ выраженіемъ глубокой страсти:

— О мать моей матери, не могу я болѣе жить въ домѣ, гдѣ самыя стѣны говорятъ мнѣ о немъ; тамъ все приковываетъ душу мою къ землѣ, а душа моя должна возвестись на небо. Насталъ день, предсказанный господинею Англіи,—порвалась наконецъ серебрянная струна. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ не повторила я ей тогда? Но нѣтъ, не раскаиваюсь я въ томъ; по крайней-мѣрѣ я знала, что значить быть любимой! Теперь же я удалюсь въ вольтемскій храмъ, паду передъ жертвенникомъ, который онъ построилъ для отшельниковъ и отшельницъ.

* Wolfmonth, январь.

— Эднѣ, возрасла вала, не корони своей юной жизни въ мнѣную могилу. Да, несмотря на все, что разлучаетъ васъ въ настоящее время, несмотря на новый, чуждый любви союзъ Гарольда, — въ небесахъ написано еще, и листья чѣмъ когда либо, что наступитъ день, въ который вы будете соединены на вѣки. Многие изъ видѣнныхъ мною образовъ, многие изъ слышанныхъ мною изреченій, — во снѣ или въ обаяніи монахъ чаръ, — тускнутъ въ слабѣющей памяти бодрствующей жизни. Но ни разу еще не тускло пророчаніе, что будетъ исполненъ данный на могилѣ обѣтъ.

— О, не покушай меня... не обманывай меня! вскричала Эднѣ, и лихорадочный румянецъ облилъ ея щеки. Ты знаешь, что это невозможно; онъ принадлежитъ другой, и въ словахъ твоихъ заключается великій грѣхъ.

— Нѣтъ грѣха въ опредѣленіяхъ судьбы, управляющей нами вопреки намъ самимъ. Дождись только, чтобы годичный оборотъ времени привелъ еще разъ день рожденія Гарольда; предсказанія мои созрѣютъ вмѣстѣ съ виноградомъ, и когда окрасятся ноги виноградарей, въ виноградный-мѣсяцъ *, Норны опять сведутъ васъ, и скрѣпятъ вашъ союзъ на вѣки.

Эднѣ безмолвно сложила руки, и устремила пристальный взоръ въ лицо Гильды; взглянула, и содрогнулась, сама не зная отъ чего.

Ладья причалила къ восточному берегу рѣки, за стѣнами города, а Эднѣ направилла стопы къ стѣнамъ вольтемокаго храма. Рѣзокъ былъ морозъ, и ярко блисталъ въ негрѣющихъ лучахъ солнца; обнаженные вѣтви деревъ были опушены прихотливою бахромою инея; а на головѣ Гарольда сіялъ царскій вѣнецъ! Вечеромъ Эднѣ слушала, въ стѣнахъ храма, лики; на дворѣ завывалъ вѣтеръ, и поднималась буря; грозный говоръ разрушительнаго урагана сливался съ тихимъ теченіемъ воды.

IV.

Тостигъ сидѣлъ въ золотыхъ чертогахъ бриггенскихъ, съ своею надменною супругою Юднѣю. Графъ и графиня играли въ шахматы, или въ игру, похожую на шахматы, забаву празднолюбцевъ того вѣка. Графиня совершенно разстроила игру своего мужа, и самолюбивый Тостигъ, видя неминуемое свое пора-

* Wuy-month, октябрь.

женіе, махнулъ рукою по доскѣ, и всѣ фигуры посыпались на полъ.

— Это единственное средство отвратить пораженіе, сказалъ Юдней, полу-улыбаясь, и съ досадою.

— Это средство смѣлаго и мудраго мужа, жена, отвѣчалъ Тостигъ, вставая; гдѣ нѣтъ надежды что-нибудь выгадать для себя, руби и жги все, что на попало! Но будетъ этого вздору! Душа моя не можетъ тѣшиться долго этою игрушечною войною; она увосется на войну настоящую. Отъ послѣднихъ извѣстій вино стало мнѣ не вкусно, и сонъ бѣжить съ моего ложа. Говорятъ, Эдуарду не пережить зимы, и повсюду разносится молва, что некому быть королемъ, кромѣ брата моего Гарольда.

— А когда братъ твой будетъ королемъ, возвратитъ ли онъ тебѣ твой графскій удѣлъ?

— Долженъ отдать! отвѣчалъ Тостигъ; и несмотря на наши распри, отдастъ, какъ скоро я отправлю къ нему пословъ съ покорностью. У Гарольда истинно саксонское сердце, которому дороги сыновья роднаго отца; къ тому же мать моя Гита, когда я бѣжалъ, старалась смверить мою жажду мести, уговаривая меня ждать терпѣливо и не терять надежды.

Едва Тостигъ успѣлъ произнести эти слова, какъ вошелъ начальникъ его датской челады, и доложилъ о прибытіи гонца изъ Англіи.

— Съ чѣмъ? вскричалъ графъ; съ какими вѣстями? пусть онъ войдетъ; хочу слышать ихъ отъ него самого.

Челядинецъ вышелъ, и вскорѣ привелъ гонца; это былъ Англо-Датчанинъ.

— Твой нахмуренный лобъ изобличаетъ бремя, удручающее твое сердце, сказалъ Тостигъ. Говори же, и не трать времени на слова.

— Эдуардъ скончался.

— Скончался? кто же король?

— Братъ твой избранъ и вѣнчанъ.

Графъ попеременно краснѣлъ и блѣднѣлъ, по мѣрѣ того какъ различныя чувства зависти и старинной вражды, оскорбленнаго самолюбія и ненависти, брали верхъ въ его необузданномъ сердцѣ. Но всѣ эти злобныя чувства смирились передъ мыслию о личной выгодѣ, отчасти же и передъ благоговѣніемъ къ успѣху, которое въ честолюбивыхъ душахъ нерѣдко производитъ то же дѣйствіе, что въ болѣе возвышенныхъ сердцахъ производитъ великодушіе; отчасти и передъ тщеславною радостью, что онъ могъ

взличаться королевскими братьями въ своемъ изгнаніи. Юдоча подошла къ нему съ сияющимъ радостью лицомъ, и сказала:

— Мы не будемъ болѣе принуждены вѣсть хлѣбъ состраданія хотя бы изъ руки отца. У Гарольда нѣтъ супруги, которую онъ могъ бы объявить передъ свѣтомъ, и посадить подлѣ себя на престолѣ; слѣдовательно твоя жена, Тостигъ, будетъ честна въ Англіи не менѣе, чѣмъ сестра ея въ Руанѣ.

— Кажется такъ, сказалъ Тостигъ. Что же вѣстникъ? что ты смотришь такъ угрюмо, и качаешь головою?

— Плоха надежда твоей супругѣ первенствовать въ чертогахъ короля; да и тебѣ плоха надежда получить обратно свой графскій удѣлъ, потому что братъ твой, за нѣсколько недѣль передъ полученіемъ вѣнца, ваялъ себѣ жену изъ дому твоего врага и губителя. Альдита, сестра Эдвина и Моркара, нынѣ господиня Англіи; и союзъ этотъ навсегда преграждаетъ тебѣ обратный путь въ нортонбергскую землю.

При этихъ словахъ графъ отшатнулся, будто пораженный невыразимымъ, смертельнымъ оскорбленіемъ, и нѣсколько минутъ стоялъ въ нѣмой ярости и изумленіи. Дивная красота его искажлась и представила безобразіе демона; онъ топнулъ ногою, и ужасное проклятiе прогремѣло съ его устъ. Потомъ, надменно нахнувъ гонцу рукою, чтобы вышелъ, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, въ мрачномъ волненіи.

Юдоча, свирѣпая и мстительная, подобно сестрѣ своей Матильдѣ, продолжала возбуждать ярость и жажду мести своего супруга тѣмъ острымъ ядомъ, который сокрытъ въ языки ея пола. Не мудрено, что въ причинахъ собственного ея ожесточенія не послѣднее мѣсто занимала женская ревность къ Альдитѣ. Впрочемъ и безъ этого сравнительно ничтожнаго повода гнѣва, въ бракѣ этомъ было довольно причинъ для довершенія распри между королемъ и его братомъ. Не могъ мстительный Тостигъ не воспылать самую непримиримую ненавистью не только противъ низложившаго его народа, но и противъ своего преемника; а по тому, женившись на сестрѣ его счастливаго соперника и побѣдителя, Гарольдъ долженъ былъ растравить самыя чувствительныя раны его души. Король этимъ бракомъ торжественно и всенародно одобрялъ и утверждалъ его низложеніе, открыто принималъ сторону его врага, отнималъ у него всякую возможность законнымъ путемъ возвратитъ себѣ утраченный удѣлъ, и, словани гонца, навсегда преграждалъ ему обратный путь въ нортонбергскую землю. Этого еще мало. Предположивъ даже возмож-

честь его возвращенія въ Англію и примиренія съ братомъ, эти ненавидимые враги, сдѣлавшись членами королевскаго семейства, должны были необходимо имѣть вліяніе на Гарольда и могли при каждомъ случаѣ смирать Тостига, поперечить ему во всемъ, уни-чтожать всѣ виды его на личное возвышеніе. Однимъ словомъ, враги его были въ самомъ станѣ брата.

Между-тѣмъ какъ онъ скрежеталъ зубами отъ ярости, тѣмъ свирѣпѣйшей, что онъ еще не видѣлъ средства вынести ея, Юдифь, слѣдуя нити своихъ собственныхъ размышленій, сказала:

— Если бы супругъ моей сестры, графъ Нормановъ, по законному своему праву наследовалъ двоюродному брату, королю Эдуарду, у меня была бы сестра на престолѣ, а супругъ ея былъ бы тебѣ болѣе вѣрныиъ и любящииъ братомъ, нежели Гарольдъ. Онъ не покидаетъ своихъ бароновъ; защищаетъ ихъ своимъ мечемъ, а возстающимъ противъ нихъ платитъ огнемъ и всѣлищею.

— А! вскричалъ Тостигъ, вдругъ остановившись. Поцѣлуй меня, жена, за это слово! Оно дало тебѣ власть и величіе, и указало мнѣ путь къ мести. Если хочешь послать поклонъ сестрѣ, вотъ тебѣ писало и пергамень: пиши скорѣе писца. Не пройдетъ солнце одного часу пути, какъ я буду уже въ дорогѣ къ графу Вильгельму.

V.

Герцогъ Нормановъ былъ въ руврейскомъ лѣсу или паркѣ, окруженный своими рыцарями, которые ожидали какого-нибудь новаго опыта его силы и искусства въ стрѣльбѣ изъ лука. Герцогъ собирался испытать нѣсколько новыхъ стрѣлъ, потому что онъ безпрестанно заботился объ усовершенствованіи этого оружія: то укорачивалъ, то удлинялъ древко, пересаживалъ перья и принаровлялъ его къ центру тяжести по самымъ утонченнымъ исчисленіямъ механики. Ожженный свѣжимъ воздухомъ морозной зимы, великій графъ весело и милостиво шутилъ и смѣлся, между-тѣмъ какъ его ловчіе привязывали живую птицу къ вѣхѣ, поставленной въ нѣкоторомъ разстояніи на обширной полянѣ.

— Pardex! воскликнулъ герцогъ Вильгельмъ: Кованъ Бретанскій и Филиппъ Французскій безжалостно осуждаютъ насъ на мѣръ, и я начинаю побаиваться, что никогда уже не будетъ побольше дѣлан нашихъ стрѣламъ, тѣмъ грудь того вернутаго труса.

Между-тѣмъ какъ герцогу шутило и смѣялось, сухія листья и вѣтеръ замолчали и закурились за его спиною, и въ то же мгновение показался всадникъ, несшійся во весь опоръ по затворѣннѣй отъ морозу полянѣ. Улыбка на лицѣ герцога смѣнялась надменнымъ хмуромъ.

— Дерзкій, невѣжливый всадникъ! пробормоталъ онъ: кто смѣетъ такимъ образомъ являться передъ графомъ и государемъ?

Всадникъ притаялся прямо къ герцогу и тутъ соскочилъ съ юны; конюха и вѣщица его были еще богаче герцогскихъ, но замылены и забрызганы грязью. Онъ не преклонилъ колѣна передъ графомъ Нормановъ и не снялъ шапки, но схватилъ руку удивленнаго Нормана не менѣе ослепною рукою, отвелъ его всторону отъ передворцевъ, и сказалъ:

— Узнаешь меня, Вальгельмъ? хотя не въ такомъ видѣ и не очень явился бы я къ твоему двору, если бы не привезъ тебѣ гѣна.

— Добро пошеловать, храбрый Тостигъ! сказалъ герцогу, еще не оправившись отъ изумленія. Но что значать твои слова? вѣсти твои должны быть радостны, если судить по твоимъ словамъ и по улыбкѣ.

Эдуардъ заснулъ сномъ могилы, — и Гарольдъ король всей Англіи!

— Король!... Англія!... король! бормоталъ Вальгельмъ, совершенно растерявшись отъ волненія. Эдуардъ умеръ!... стало-быть Англія моя!... король!... я король!... Гарольдъ клялся мнѣ; всѣ мои бояре и рыцари слышали его клятву!... и будутъ свидѣтелями ея!

— Слыхалъ я кое-какіе неясные намеки на это отъ своего тестя, графа Балдуина. Когда тебѣ будетъ досугъ, ты мнѣ расскажешь подробности; а между-тѣмъ даю тебѣ свое слово, какъ рыцарь и Саксонецъ, никогда, пока есть дыханіе на устахъ Гарольда, и пока бьется его сердце, никогда не отдастъ онъ вершинъ английской земли Норману.

Вальгельмъ поблѣднѣлъ и задрожалъ отъ волненія; онъ едва могъ держаться на ногахъ, и принужденъ былъ приклониться къ ближайшему дубу.

Съ безразличіемъ переговаривались между собою бояре и рыцари, и съ безпокойствомъ поглядывали въ ту сторону, гдѣ государь, почти скрытый отъ нихъ перелѣскомъ, такъ долго разговаривалъ съ всадникомъ, въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ узнали Тостига, супругу сестры Матильды.

Наконецъ, продолжая бесѣдовать съ озабоченнымъ видомъ, они

подожли вѣстѣ къ кружку царедворцовъ; и Вильгельмъ, подо- звавъ Танкарвилла, приказалъ ему проводить Тостига въ Руанъ, котораго башни видѣлись сквозь чашу бора.

— Отдохни и подкрѣпи свои силы, любезный братъ, сказалъ Вильгельмъ: повѣдайся и побесѣдуй съ Матильдою; я не занодно лянуся самъ.

Графъ сѣлъ на лошадь, и, милостиво поклонившись царедвор- цамъ, въ нѣсколько мгновеній скрылся за деревьями.

Тогда Вильгельмъ, сѣвъ на траву, задумчиво отпустилъ лукъ; часто вздыхалъ и хмурилъ брови; потомъ сказалъ своимъ царедворцамъ: « На сегодня будетъ забавляться! » всталъ и пошелъ одинъ въ самую чашу лѣса. Но вѣрный Фицосборнъ замѣтилъ его мрачность, и заботливо послѣдовалъ за нимъ. Герцогъ до- шелъ до берега Сены, гдѣ стояла его ладья, вошелъ въ нее и сѣлъ на лавку, не обращая вниманія на Фицосборна, который спокойно вошелъ за своимъ государемъ и сѣлъ на другую лавку.

Они доѣхали до Руана не обвинявшись ни однимъ словомъ. Какъ-скоро они достигли дворца, герцогъ, не навѣстивъ ни Ма- тильды, ни Тостига, пошелъ прямо въ обширную палату, гдѣ онъ обыкновенно держалъ совѣтъ съ своими баронами, и долго ходилъ взадъ и впередъ, « безпрестанно мѣняя положеніе, гово- рить лѣтосицецъ, то затягивая, то распуская шнуры своей шап- чы, то завязывая ихъ въ узлы ».

Фицосборнъ между-тѣмъ сходилъ къ Тостигу, который бесѣ- довалъ наединѣ съ Матильдою; возвратившись отъ него, сѣло подошелъ къ герцогу, чего никто не дерзалъ позволить себѣ кро- мѣ его, и сказалъ:

— Зачѣмъ, государь, смилшся ты скрывать то, что уже из- вѣстно, и о чемъ къ вечеру будутъ говорить всѣ и каждый? Тебя смущаетъ смерть Эдуарда, и то, что Гарольдъ, поправъ свою клятву, завладѣлъ англійскимъ престоломъ.

— Правда, отвѣчалъ герцогъ кротко и голосомъ самой безо- бидной души, удрученной жестокою обидою: смерть моего лю- безнаго брата, и вѣроломный поступокъ Гарольда сильно огор- чаютъ меня.

Фицосборнъ отвѣчалъ съ полу-серіозною, скандинавскою, полу- шутовскою франкскою философіею:

— К чему огорчаться, когда нельзя помочь дѣлу? а тѣмъ бо- лѣе, когда можно помочь? Смерти Эдуарда, разумѣется, не помо- жешь, а измѣнѣ Гарольда.... стоять только захотѣть. Нѣтъ у те- бя развѣ храброй дружины рыцарей и ратниковъ? Чего тебѣ не-

доставятъ, чтобы разбить Саксонца и завоевать его царство? Одной рѣшимости. Стоитъ начать великое дѣло, и оно уже исполнимо совершенно. Начни, графъ Нормановъ, а мы довершимъ.

Вильгельму только и нужна была помощь надменныхъ бароновъ, и въ ней онъ сомнѣвался. Услышавъ слова своего любимца, онъ бросилъ тяжелое притворство, поднялъ голову и глаза его засверкали.

— Ты такъ думаешь? сказалъ онъ: если такъ, то я лягу съ честью, что мы совершимъ это дѣло. Спѣши, Фицосборнъ, возбуждай сердца моихъ бароновъ, придавай силы ихъ мышцамъ; общай, грозь, но склоня ихъ! Широки земли Англiи, а щедротамъ побѣдителя нѣтъ предѣловъ. Иди, приготовь всѣхъ моихъ вѣрныхъ вассаловъ къ совѣту; подвигни ихъ на дѣло, которое будетъ славою и доблестиве всѣхъ дѣлъ, когда-либо одушевлявшихъ сердца и поднимавшихъ руку сыновей Роллы.

VI.

Не долго оставался Тостигъ при руанскомъ дворѣ: нигомъ было заключено условiе между честолюбивымъ герцогомъ и мстительнымъ предателемъ. Все, что было вѣкогда обѣщано Гарольду, теперь обѣщано Тостигу, съ тѣмъ, чтобы онъ содѣйствовалъ Норману въ завоеванiи англiйскаго престола.

Однако же въ душѣ Тостигъ былъ не совсѣмъ доволенъ. Изъ случайныхъ бесѣдъ съ сильнѣйшими баронами, которые смотрѣли на завоеванiе Англiи какъ на мечту сумасброда, онъ ясно увидѣлъ какъ сомнительно было, чтобы Вильгельмъ успѣлъ склонить своихъ вассаловъ на содѣйствiе, къ которому они не считали себя обязанными своими ленными отношенiями; во всякомъ случаѣ онъ предвидѣлъ проволочку, которая была крайне неприятна его запальчивой нетерпѣливости. Онъ принялъ предложенiе ему Вильгельмомъ два или три корабля, подѣ предложивъ, чтобы наблюдать берега Нортумбрin и попытаться произвести тамъ возстанiе въ собственную свою пользу. Но ничтожность оказываемаго ему содѣйствiя, — потому что Вильгельмъ, всегда подозрительный, не довѣрялъ ни его преданности, ни его могуществу, — еще усиливало его неудовольствiе. При всѣхъ своихъ порокахъ Тостигъ плохо умѣлъ притворяться, и, прощаясь съ герцогомъ, онъ не могъ скрыть своей досады и неудовольствiя.

— Будь что будетъ, сказалъ свирѣпый Саксонецъ, а никакой

чужеземецъ не достигнетъ англійскаго престола божь моею пощощи. Тебѣ первому я предлагаю егѣ; но ты долженъ во время явиться за нимъ, не то....

— Не то что? спросилъ герцога, кусая губы.

— Не то праотцовское племя Роллы перебьетъ тебя. Но когдѣ мой отучить копытомъ на дворъ. Прощай, герцогъ Нормандовъ! точи свои мечи, снасти корабли и погонай своихъ неподоротливыхъ бароновъ.

Когда Тостигъ уѣхалъ, Вильгельмъ сталъ рассказывать, что отшудтилъ его такимъ образомъ; онъ призывалъ своего мудраго совѣтника Ланфранка, который успокоилъ его.

— Не опасайся соперника, сынъ мой и государь, сказалъ онъ. Кости мертвыхъ будутъ за тебя; а ты, видно, еще не знаешь, какъ могучи ихъ безплотныя руни. Все, что можетъ сдѣлать Тостигъ, это — отвлечь силы Гарольдовы. Оставь его; пусть онъ сдѣлаетъ сначала свое дѣло; да и тогда не спиши. Много предстоитъ еще дѣла; должна собраться туча и долженъ образоваться въ ней огонь, прежде чѣмъ грянетъ громъ. Пошли къ Гарольду мирное посольство, съ проткнмъ утѣшавиємъ вспомнить свой договоръ и общаіе, и клятву на рыцарскомъ мечѣ. Пусть на твоей сторонѣ будетъ справедливость и законность, а тамъ....

— А тамъ?

— Въра грянетъ своимъ проплатиємъ на клятвеннопреступника.

Между-тѣмъ Тостигъ сѣлъ на корабль въ Гарелѣрѣ; но всѣ-его того, чтобы плыть къ сѣвернымъ берегамъ Англій, онъ поплылъ къ одной изъ фландрскихъ гаваней, и тамъ подъ различными предлогами, высадилъ свои норманскіе экипажи и замѣнилъ ихъ Фламандцами, Финнами и Скандинавами. Размышленія его во время перѣзда, возбуждали не довѣрять Вильгельму; и онъ продолжалъ путь свой, при попутномъ вѣтрѣ и благопріятной погодѣ, къ владѣніямъ своего дяди по матери, датскаго короля Сесйна.

И въ самомъ дѣлѣ, если сообразить всѣ вѣроятности, его перемѣна плана была очень благоразумна. Англійскій флотъ былъ многочисленъ, и англійскіе моряки повсюду славились своимъ искусствомъ. Норманы же были неопытны въ морской войнѣ, и не пользовались ни какою славою; самый флотъ ихъ едва только рождался. Следовательно высадка Вильгельма въ Англію была предпріятіємъ очень труднымъ и сомнительнымъ. Сверхъ того, допустивъ даже самый блистательный успѣхъ, не могъ ли графъ Тостигъ, знавшій хитрый и честолюбивый нравъ норманскаго

герцога, обабѣться, что съ нимъ ему будетъ несравненно труднѣе соудать, чѣмъ съ роднымъ дядею Свейномъ?

Такимъ образомъ, едва саксонскій графъ явился къ датскому королю, забывъ условіе, заключенное въ Руанѣ, онъ сталъ подстрекать своего дядю на славный подвигъ возвращенія себѣ Канутова престола.

Король Свейвъ былъ старый воинъ, храбрый, но осторожный и проницательный; за вѣсколко дней до прѣзда Тостига, онъ получилъ письмо отъ своей сестры Гиты, которая, вѣрная завшанію Годвина, признавала мудрымъ и справедливымъ все дѣйствія и рѣшенія Гарольда въ распрѣ его съ братомъ. Свейвъ былъ предостереженъ этими письмами, показавшими ему истинное положеніе дѣлъ въ Англіи; и когда Тостигъ объяснилъ ему цѣль своего посѣщенія, онъ отвѣчалъ ему съ улыбкою:

— Канутъ былъ великій мужъ, а я маленькій человекъ. Я едва успѣваю оградить свое датское королевство отъ алчности Норвежца, между тѣмъ, какъ Канутъ завоевалъ всю Норвегію, не проливъ капли крови, и не взмахнувъ меча; но какъ ни былъ онъ великъ, много сраженій стоило ему покореніе Англіи, и много труда ее удержаніе. Такъ не лучше ли маленькому человекъ управлять своимъ королевствомъ по своему уму-разуму, не гоняясь за удачею великаго Канута; — потому что удача дается однимъ великимъ мужамъ.

— Не такого отвѣта ждалъ я отъ своего витязя-дяди, сказалъ Тостигъ съ горькою усмѣшкою. Но найдутся другіе вожди, которыхъ не пугаютъ удалство и трудные подвиги.

Такимъ образомъ, говоритъ норвежскій лѣтописецъ, графъ разстался съ королемъ, очень имъ недовольный, и поспѣшилъ къ Гарольду-Гардрадѣ Норвежскому.

Истиннымъ героемъ сѣвера, любимцемъ войны и пѣсни былъ Гарольдъ-Гардрадъ! Во время страшной битвы при Стигльстадѣ, въ которой налъ братъ его, Олай, ему было только пятнадцать лѣтъ, а онъ былъ изрубленъ не хуже любого престарѣлаго въ боляхъ рубака. Спасшись съ поля битвы, онъ скрывался въ густомъ лѣсу, въ избѣ поселянина до-тѣхъ-поръ пока выслезъ отъ раевъ. Оправившись, онъ запѣлъ пѣсню о будущемъ славномъ днѣ, когда имя его возвеличится на покидаемой имъ родинѣ, — потому что въ Гардрадѣ ярко горѣла душа поэта, — и съ этою пѣснью пустился онъ рыскать по свѣту. Побывавъ въ Швеціи, на Руси, и послѣ многихъ удалыхъ дѣлъ на Востокѣ,

присталъ къ знаменитымъ тѣлохранителямъ греческихъ императоровъ, Верингамъ или Варягамъ, и скорѣ сдѣлался ихъ начальникомъ. Но онъ не поладилъ съ греческимъ предводителемъ императорскихъ войскъ,—Гирзовъ, какъ ихъ называетъ норвежскій лѣтописецъ,—и вслѣдствіе того удалился съ своими Варягами въ Сарацинскую Африку. Осымдесятъ замковъ, имъ взятыхъ или разоренныхъ, несмѣтная добыча золотомъ и дорогими камнями, и гораздо почетнѣйшая награда пѣснями скальдовъ, и хвалами витязей, свидѣтельствуютъ объ удачѣ великаго скандинавскаго витязя. Новые лавры, омытые въ крови, и новыя богатства, завоеванныя мечемъ, ожидали его въ Сициліи; оттуда онъ отправился въ Палестину, разметая передъ собою полчища Мослимовъ и воровъ.

По возвращеніи въ Царьградъ его взяла тоска по покинутой родинѣ. Тутъ же онъ услышалъ, что племянникъ его Магнусъ, побочный сынъ Олая, сдѣлался королемъ норвежскимъ, и онъ задумалъ самъ стяжать себѣ престолъ. Гардрада сдалъ свою должность въ службѣ Зои; но если вѣрить сказаніямъ скальдовъ, императрица Зоя любила смѣлаго вождя, котораго сердце было отдано племянницѣ ея Маріи. Чтобы удержать Гардраду въ Царьградѣ, на него взвели обвиненіе въ незаконномъ удержаніи не то добычи, не то жалованія, и заключили его въ тюрьму. Но боги хранятъ витязей въ опасности, и посылаютъ прекрасныхъ женъ имъ на выручку. Одна прекрасная Гречанка, вдохновленная сновидѣніемъ, взобралась на вершину башни, въ которой страдалъ узникъ, и спустила ему оттуда веревку. Съ помощью этой веревки Гардрада вышелъ изъ темницы, разбудилъ своихъ Варягъ, которые съ восторгомъ окружили любимаго вождя; потомъ отправился въ чертоги своей возлюбленной Маріи, посадилъ ее на свою ладью, и поплылъ въ Черное море. Добравшись до Новгорода, гдѣ находились его несмѣтныя богатства, отданныя имъ на сохраненіе вѣрному союзнику, князю новгородскому, онъ продолжалъ путь свой на сѣверъ, и послѣ многихъ удачныхъ дѣлъ, достойныхъ древняго морскаго короля, получилъ отъ Магнуса половину Норвегіи, а по смерти его, и все королевство. И не бывало до тѣхъ поръ на сѣверѣ такого мудраго и богатаго, такого смѣлаго и могучаго короля, и къ этому то королю явился графъ Тостигъ съ предложеніемъ англійскаго престола.

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ сѣверныхъ вечеровъ, когда зима начинала уже отступать передъ раннею весною, два человѣка

сидѣли подъ грубымъ навѣсомъ, сложеннымъ изъ необтесанныхъ сосновыхъ бревенъ, въ родѣ тѣхъ навѣсовъ, что путешественникъ донынѣ встрѣчаетъ въ Швейцаріи или въ Тироли. Навѣсъ этотъ былъ построенъ передъ заднею дверью, прорубленною въ заднемъ концѣ длиннаго, низкаго, неправильнаго деревяннаго стрессія, заключавшаго нѣсколько дворовъ и занимавшаго огромное пространство; выходъ этотъ былъ повидному устроенъ для того, чтобы прямо сходить къ морю; потому что скала, на которой возвышался этотъ грубый кровъ, стояла нависло надъ моремъ; и вдоль по ней были грубо высѣчены ступени, которыя вели къ самой водѣ. Берегъ въ этомъ мѣстѣ образовалъ довольно обширный заливъ, опоясанный смѣлою, причудливою грядою острокопачныхъ и разбитыхъ утесовъ; и подъ самыми утесами стояло на якорѣ семь военныхъ судовъ, высокихъ и статныхъ, которыхъ богато позолоченные носы и кормы сіяли въ лучахъ полной луны. Это необтесанное деревянное строеніе, казавшееся рядомъ смежныхъ между собою шалашей полудикаго народа, было дворцомъ Гардрады-Норвежскаго; но истинные чертоги его королевскаго величія, истинныя обиталища его могущества, были на палубахъ его военныхъ судовъ.

Свѣозъ мелкія оконныя сѣтки деревяннаго дому видѣлись свѣчи; надъ крышею взвивался столбъ дыму; изъ палаты, находившейся съ другой стороны дому, долетали нестройные звуки шумнаго веселья; и ненарушимая тишина воздуху, оцѣпененнаго морозомъ, и освѣщеннаго яркими звѣздами, своею противоположною, казалось, издѣвалась надъ суетою и грубостью людскаго прованія. Эта сѣверная ночь была почти также свѣтла, какъ полдень золотата юга; но во сто разъ величественнѣе въ своемъ безмятежномъ спокойствіи.

На столѣ подъ широкимъ навѣсомъ стояла огромная стопа изъ березоваго дерева, оправленная въ серебро и наполненная крѣпкимъ напиткомъ, и два рога, которыхъ объемъ соответствовалъ силамъ богатырей того вѣка. Два собесѣдника, казалось, не обращали вниманія на рѣзкій морозъ ночи; правда, что они были одѣты въ теплыя шкуры бѣлыхъ мѣдвѣдей. Но въ душѣ обонхъ ронялись горячія мысли, и они-то еще болѣе стопы и медвѣжьихъ шкуръ разогрѣвали кровь въ ихъ жилахъ.

Эти два собесѣдника были хозяинъ и гость. Первый всталъ съ своей лавки, волнуемый по видимому своимъ тревожными мыслями, вышелъ изъ подъ навѣсу, и стоялъ нѣкоторое время на сѣрой скалѣ, въ серебряномъ свѣтѣ луны; въ этомъ положеніи

онъ едва походилъ на человѣка, а скорѣе казался витяземъ давно минувшихъ вѣковъ, когда потопъ еще не разбросалъ этихъ утесовъ, и не проложилъ въ материкъ русла царству этого ледянаго моря; потому что Гарольдъ-Гардрада былъ выше росту всѣхъ людей новаго вѣку, именно въ пять норвежскихъ локтей*. Однако въ складѣ его не замѣчалось тѣхъ несообразностей, той тяжелой громадности, которая по большой части дѣлаютъ изъ человѣка, выходящаго изъ обыкновенныхъ предѣловъ человѣческаго росту и силъ, скорѣе какое-то чудовище чѣмъ предметъ почтенія. Напротивъ, складъ его былъ удивительно соразмѣренъ, и осанка полна благородства; единственный недостатокъ, замѣченный въ немъ лѣтописцемъ, заключался въ томъ, что руки и ноги его были слишкомъ велики, хотя и хорошо очерчены**.

Лицо его было образцомъ красоты скандинавскаго типа; волосы, пробранные надъ лбомъ, обнаруживавшимъ смѣлый духъ витязя и геній добра, ниспадали обильными, золотыми и шелковистыми кудрями на самыя плечи; коротенькая барда, и длинныя усы, одинаковаго цвѣту съ волосами, тщательно расчесанные, придавали особое выраженіе величія и мужества его прекрасной наружности; одинъ только былъ недостатокъ въ его лицѣ: одна бровь была нѣсколько выше другой, что придавало особую суровость его хмуры, и лукавство его улыбки; потому что онъ, какъ человѣкъ пылкой души, очень часто переходилъ отъ хмуры къ улыбкѣ.

Гарольдъ Гардрада стоялъ въ свѣтѣ луны и задумчиво смо-

* Древній норвежскій локоть былъ меньше нынѣшняго, и пять норвежскихъ локтей составляли около четырехъ датскихъ, то есть около осьми футовъ. Само собою разувѣется, что это показаніе лѣтописцевъ преувеличено; но вѣроятно, что Гардрада имѣлъ болѣе семи футовъ росту, потому что Гарольдъ англійскій давалъ ему на ногу лишь семь футовъ или сколько потребуется болѣе на его ростъ, превышающій обыкновенный ростъ людей.

** Изъ числа особенностей Скандинавскаго племени принадлежала имъ иность рукъ и ногъ. Одинъ ученый антикварій замѣтилъ, что у древнихъ скандинавскихъ мечей, хранящихся въ копенгагенскомъ музеѣ, рукоятки такъ малы, что въ нихъ не пройдетъ рука ни какаго новѣйшаго денди. Норманы всѣхъ долѣе сохранили эту особенность; а какъ они долго служили образцами европейскому дворянству, и многіе дома ставили себѣ въ высочайшую честь быть норманскаго происхожденія, то не мудрено, что отсюда родилось мнѣніе, будто маленькія руки суть признакъ аристократическаго рода. Нѣкоторые ученые принимаютъ эту черту за доказательство восточнаго происхожденія Скандинавовъ.

травъ на серебрястую зыбь моря. Тостигъ нѣсколько минутъ бѣзполезно наблюдалъ его изъ подъ навѣса, потомъ всталъ и подошелъ къ нему.

— Скажи, отчего слова мои такъ волнуютъ тебя, король Скандинавовъ?

— Развѣ слова какое-нибудь усыпительное зелье? возразилъ Норвежецъ.

— Любь мнѣ твой отвѣтъ, сказала Тостигъ улыбаясь, и люблю мнѣ смотрѣть, какъ глаза твои съ любовью устремляются на твои военные суда. Странно было бы тебѣ, проведенному пятнадцать лѣтъ въ бояхъ изъ за ничтожнаго датскаго королевства, колебаться теперь, когда дѣло идетъ о приобрѣтеніи всей Англіи.

— Я колеблюсь, отвѣчалъ король, потому что кому такъ долго благопріятствовало счастье, тотъ долженъ остерегаться, чтобы не утомить его покровительства злоупотребленіемъ. Осымнадцать большахъ сраженій выдержалъ я въ Сарацынской землѣ, и изъ всѣхъ вышелъ побѣдителемъ; никогда, ни въ родной землѣ ни на чужбинѣ, не испыталъ я пораженія и стыда. А съ одной ли всегда стороны дуетъ вѣтеръ?... и счастье надежнѣе ли вѣтру?

— Стыдись, Гарольдъ Гардрада, возразилъ свирѣпый Тостигъ; хорошіи корабліи проведетъ корабль не смотря ни на какіе вѣтры; а неустранимое сердце приковываетъ счастье къ своей хоругви. Всѣ народы твердятъ, что не бывало еще на сѣверѣ подобнаго тебѣ витязя; неужели же ты, въ лѣта мужества, согласишься покоиться на лаврахъ своей юности?

— Нѣтъ, не оболестишь ты меня такими рѣчами, какъ ни вторить имъ пылъ собственной моей души, отвѣчалъ король, который, подобно всѣмъ истиннымъ поэтамъ, былъ одаренъ твердымъ умомъ мудреца, и который даже былъ всѣмъ признанъ не только самымъ удалымъ, но вмѣстѣ и самымъ мудрымъ правителемъ сѣвера. — Укажи мнѣ ручательства успѣха, какъ бы передъ тобою былъ боязливый старикъ; потому что правитель долженъ быть разсудителемъ какъ старикъ, когда задумываетъ предпріятіе, и вылокъ какъ юноша, когда его исполняетъ.

Тутъ предатель въ короткихъ словахъ открылъ всѣ слабыя стороны державы брата. Казна, истощенная безразсудною и безполезною расточительностію Эдуарда; страна, не имѣющая ни крѣпостей, ни валовъ, даже въ устьяхъ рѣкъ; народъ, изнѣженный долгимъ миромъ, и до того привыкшій признавать его сѣверныхъ завоевателей, что одной побѣды достаточно было для

того, чтобы половина народонаселения стала требовать отъ Саксонцевъ примиренія съ врагомъ и уступки ему половины царства, какъ Эдмундъ принужденъ былъ уступить половину его Кануту. Въ особенности старался онъ представить въ преувеличенномъ видѣ, существовавшій еще въ Англіи страхъ Скандинавовъ, и родство Нортонберцевъ и восточныхъ Англовъ съ племенемъ Гардрады. Это родство, по его словамъ, не могло удержатъ ихъ отъ сопротивленія на первое время; но въ случаѣ успѣха, ручалось за скорое примиреніе ихъ съ чужеземнымъ игомъ. Наконецъ, онъ воспламенилъ честолюбіе Гардрады замѣчаніемъ, что графъ Нормановъ непременно захватитъ эту богатую добычу, если онъ самъ не предупредитъ его.

Всѣ эти доводы, и воспоминаніе успѣховъ Канута, убѣдили наконецъ Гардраду; и когда Тостигъ умолкъ, онъ протянулъ руку къ дремавшимъ своимъ военнымъ судамъ и сказалъ:

— Довольно; ты разлакомилъ клювы вороновъ, и возбудилъ мужество морскихъ коней!

VII.

Между тѣмъ, король англійскій Гарольдъ стяжалъ общую любовь своего народа, и былъ вѣренъ славѣ, пріобрѣтенной, когда онъ былъ еще графомъ. Съ самаго дня своего возшествія, онъ былъ милостивъ, кротокъ, и никогда не упускалъ случая явить свою щедрость и привѣтливость. Онъ частью отиѣнилъ, частью облегчилъ обременительные обычаи и налоги, введенные его предшественниками; увеличилъ жалованье своимъ служителямъ и ратникамъ, и во всемъ являлъ примѣръ всякой добродѣтели и кротости.

Извлекиши изъ этихъ лестныхъ отзывовъ современныхъ лѣтописцевъ ихъ сущность, мы должны заключить, что Гарольдъ былъ столько же мудрый правитель, сколько милостивый король, и что онъ старался утвердить свой престолъ на трехъ главныхъ опорахъ царской власти: благорасположеніи духовенства, бывшаго во враждѣ съ его отцомъ; любви народа, въ которой заключалось единственное его право на престолъ; и военной силѣ государства, которая была оставлена въ пренебреженіи его миролюбивымъ предшественникомъ.

Юному Этельнгу оказывалъ онъ почетъ, какимъ онъ прежде никогда не пользовался; олекая внука древняго королевскаго роду въ царское великолѣпіе, и надѣлая его богатыми помѣ-

стями, онъ старался въ то же время надѣлать самаго законнаго своего соперника большею властію, возвысивъ нѣжными попеченіемъ и мудрыми совѣтами его слабую отъ природы и обезумевшую чужеземнымъ воспитаніемъ душу, потому-что зависть и подозрѣніе не могли засть въ великую душу Гарольда. Такъ же благоразумно поощрялъ онъ всѣхъ чужеземныхъ купцовъ, селившихся въ Англіи; даже Норманамъ, укрывшимся отъ всеобщаго изгнанія по возвращеніи Годвина, позволилъ онъ мирно владѣть своими имуществами. «Однимъ словомъ, говоритъ англо-норманскій лѣтописецъ, никогда не бывало еще въ королевствѣ болѣе мудраго мужа, болѣе неустрашимаго въ бояхъ, болѣе умнаго въ законодательствѣ, болѣе совершеннаго во всякой доблести». «И неусыпно ревнуя о благѣ своего отечества, прибавляетъ печально саксонскій писатель, онъ не страшился никакихъ трудовъ на сушѣ или на морѣ».

Съ этого времени кончается частная жизнь Гарольда. Любовь, со всѣми своимъ очарованіемъ, умерла для него; исчезла свѣтлая жизнь фантазіи. Отнынѣ онъ не отдѣльный человекъ; онъ все государство, онъ представитель, олицетвореніе Саксонской Англіи; его власть и саксонская свобода должны жить вмѣстѣ, и вмѣстѣ пасть.

Истинное величіе души высказывается только въ ея проступкахъ. Какъ настоящее могущество ума мы узнаемъ изъ обилія средствъ и терпѣливой силы, которыми онъ выкупаетъ ошибку, такъ и величіе души мы измѣряемъ ея мужественнымъ возвращеніемъ къ свѣту, ея невольнымъ взлетомъ, послѣ проступка, обратившаго ея зрѣніе и сковавшаго ея крылья. Менѣе чистый и высокій духъ, чѣмъ Гарольдовъ, разъ вступивши въ мрачный кругъ волшебнаго суевѣрія, свылся бы съ этою низкою атмосферой; разъ сбившись съ пути истины и здраваго разума, онъ все глубже и глубже погружался бы въ вязкій илъ. Но Гарольдъ, наоборотъ своему современнику Макбету, вырвался изъ засады врага человечества. Не адскою Гекатою, а небесною Діаною являлась ему богиня ночи. До того часу, какъ онъ уклонился отъ человѣческаго разума, и предался обманамъ привидѣній; — до того дня, какъ мужество внезапно покинуло его сердце, чтобы сморщить его гордость, человѣческое начало было въ немъ сильнѣе божественнаго. Теперь же, очищенная сожигающимъ пламенемъ и укрѣпленная оглушившимъ ее паденіемъ, великая душа вознеслась надъ развалинами прошедшаго; ясная среди хмурыхъ буд-

цаго, сосредоточивая въ своемъ одиночествѣ судьбы человѣчества, и побораю всѣ ужасы времени сознаниемъ вѣчности.

Кероль Гарольдъ возвращался изъ Йорка, куда онъ ѣздилъ для того, чтобы упрочить новую власть Моркара въ Нортонбри, и лично удостовѣриться въ преданности Англо-Далчанъ; и возвратившись въ свои Вестминистерскіе чертоги, онъ напелъ въ нихъ гонца, ожидавшаго его съ посланіемъ отъ Вильгельма норманскаго.

Норманскій посолъ, босоногій и въ власяницѣ, подошелъ къ престолу саксонскаго короля. Тѣло его было истощено, лицо его блѣдно и болѣзненно.

— Такъ велѣлъ сказать тебѣ Вильгельмъ, графъ Нормановъ, началъ гонецъ Гюгъ Мерф. — Съ горестью и изумленіемъ узналъ онъ, что ты, Гарольдъ, давъ ему обѣщаніе, противно своей клятвѣ и долгу подданства завладѣлъ принадлежащимъ ему престоломъ. Однакоже, надѣясь на твою совѣсть, и прощая минутную слабость, онъ увѣщаетъ тебя, кротко, и по-братски, исполнить обѣтъ. Вышли ему свою сестру, чтобы отдать ее за одного изъ его бояръ; отдай ему Доврскую крѣпость; выступи съ своими полками къ берегу, на помощь ему, твоему законному государю, и отдай ему наслѣдіе его брата Эдуарда. Ты же будешь его правою рукою, получишь дочь его въ супруги, Нортонбрию въ удѣлъ, и да хранитъ тебя Богъ подъ своимъ покровомъ.

Блѣдность покрывала лицо и уста короля, но онъ отвѣчалъ съ твердостью:

— Юной сестры моей, увя! уже нѣтъ въ живыхъ; она скончалась на седьмую ночь по возшествіи моемъ на престолъ; одинъ прахъ ея, покоющійся въ могилѣ, могу я послать въ объятія жениха. Дочь графа не можетъ-быть моею супругою; супруга Гарольда сидитъ подлѣ него.

И онъ указалъ на прекрасную Альдиту, сидѣвшую въ золототканной парчѣ на престолѣ.

— Что жъ касается даннаго мною обѣта, продолжалъ король, я отъ него не отпираться. Но совѣсть разрѣшаетъ меня отъ обѣта, вынужденнаго силою и подлою неволею, и даннаго мною только для спасенія отечества, котораго независимость была окована вмѣстѣ со мною. Если обѣтъ дѣвы, отдающей только свою руку безъ вѣдома родителей, признается недѣйствительнымъ, то тѣмъ болѣе недѣйствителенъ обѣтъ, отдающій въ руки чужеземца судьбу цѣлаго народа, безъ его вѣдома и безъ разрѣшенія его законовъ. Престолъ Англіи вскопи зависитъ отъ воли одного народа,

объявляемой чрезъ его владыкъ на торжественномъ вѣщаніи. Онъ одинъ могъ располагать престоломъ, и отдалъ его мнѣ; я де вѣрю права сдать его другому, — и сойди я хоть сейчасъ въ могилу, онъ не можетъ перейти въ руки Нормана, а возвратится въ распоряженіе саксонскаго народа.

— И это твой отвѣтъ, сказалъ гонецъ, принявъ недовольный и мрачный видъ.

— Это мой отвѣтъ.

— Скорблю я о тебѣ, Гарольдъ, но долженъ передать слова Вильгельма: Съ мечемъ и въ доспѣхахъ придетъ онъ наказать клятвопреступника; и съ мечемъ добудетъ свое законное достоинствѣ.

— Съ мечемъ и въ доспѣхахъ, встрѣчу я хищника, на сушѣ и на морѣ, отвѣчалъ король, съ сверкающими глазами. — Ты кончай свое посланіе, можешь удалиться.

Посолъ отворотился и вышелъ.

— Не огорчайся наглостью посла, любезный супругъ, сказала Альдита. Какое дѣло тебѣ, королю, до клятвы, которую ты далъ будучи еще подданнымъ?

Гарольдъ не отвѣчалъ Альдитѣ, а обратился къ своему постельничему, стоявшему за его кресломъ.

— Братья мои здѣсь?

— Здѣсь, господня мой и король; здѣсь же и избранные твои совѣтники.

— Впусти ихъ.... Извини, Альдита; я долженъ заняться дѣлами, приличными одному мужамъ.

Альдита поняла приказаніе, и встала.

— Но скоро наступитъ часъ ужина, сказала она.

Гарольдъ уже сошелъ съ трона, и наклонился надъ стоявшимъ на столѣ ларцемъ съ бумагами.

— Здѣсь хватить пищи до утра, отвѣчалъ онъ; не жди меня.

Альдита вздохнула и вышла въ одну дверь, между-тѣмъ какъ въ противоположную дверь вошли тегны, наиболѣе пользовавшіеся довѣренностію Гарольда. Возвратившись къ своимъ почетнымъ дѣвушкамъ, Альдита вскорѣ забыла все, кромѣ того, что она опять королева; — все, даже прежній и менѣе вышній вѣнецъ, который рука настоящаго ея супруга разбила на главѣ сына Пендрагонова.

Первый вошелъ Леофвайнъ, веселый и безпечный какъ всегда; за нимъ слѣдовалъ Гуртъ, потомъ Гаконъ и съ десяткомъ знат-

нѣйшихъ тегновъ. Они усѣлись вокругъ стола, и Гуртъ заговорилъ первый.

— Тостигъ былъ у графа Вильгельма.

— Знаю, отвѣчалъ Гарольдъ.

— Идетъ молва, будто онъ перешелъ на сторону дяди нашего, Свейна....

— Я это предвидѣлъ, сказалъ король.

— И будто Свейнъ намѣренъ помочь ему покорить Англiю для Датчанъ.

— Посолъ мой предупредилъ Тостига у Свейна, съ письмами отъ Гиты; онъ сегодня возвратился. Свейнъ отказалъ Тостигу, и обѣщаетъ прислать пятьдесятъ судовъ съ отборными людьми, на помощь Англии.

— Братъ, вскричалъ Леофвайнъ, въ изумленiи; ты отражаешь опасность прежде, чѣмъ мы успѣваемъ ее угадывать.

— Тостигъ, продолжалъ король, не обращая вниманiя на похвалу, — Тостигъ первый придетъ на насъ съ оружиемъ; мы должны отразить его. Малькомъ Шотландскiй самый вѣрный другъ его; надо склонить его на нашу сторону. Отправляйся ты, Леофвайнъ, къ Малькому съ этими письмами. — Затѣмъ должны мы опасаться Валлиса. Поѣзжай ты, Эдвинъ Мердiйскiй, къ князю Валлискому; на пути распорядись, чтобы крѣпости и окопы по крайнамъ были усилены, и вели глубже прорыть рвы. Вотъ тебѣ наставленiя. — Вамъ извѣстно, тегны, что Норманъ прислалъ требовать нашего престола, и объявилъ, что идетъ на насъ войною. На разсвѣтѣ я поѣду къ нашей Сандвичской гавани, распорядиться о снаряженiи флота. Ты поѣдешь со мною, Гуртъ.

— На всѣ эти приготовленiя потребуется много денегъ, сказалъ одинъ старый тегнъ; а ты убавилъ налоги въ часъ нужды.

— Часъ нужды еще не насталъ; а когда настанетъ, народъ нашъ тѣмъ охотнѣе будетъ служить родной землѣ золотомъ и сталью. Въ домѣ Годвиновомъ было много золота и всякаго богатства; оно намъ послужитъ къ снаряженiю кораблей. Что тамъ у тебя Гаконъ?

— Твоя монета новаго чекапу, съ надписью на оборотѣ: *миръ*.

Кто изъ имѣвшихъ случай видѣть эту монету послѣдняго саксонскаго короля, — съ изображенiемъ на одной сторонѣ умной и мужественной головы, а съ другой на надписью — *миръ*, кто не былъ глубоко тронутъ простотою и многозначенiемъ этой надписи?

кто не вскопичалъ съ присмирѣнiемъ несчастной судьбы, которой не могла она отвратить?

— Миръ, сказалъ Гарольдъ, и рабство каждому, кто не отъѣзжаетъ на миръ миромъ. Да поможетъ мнѣ Богъ завѣщать миръ нашимъ дѣтямъ! Теперь же первое условiе мира, — готовиться къ войнѣ. Ты, Моркаръ, поспѣши назадъ въ Боркъ, и неуслыпно наблюдай устье Гомбера.

Затѣмъ, обращаясь поочередно къ каждому изъ тегиновъ, онъ назначилъ каждому мѣсто и обязанность; послѣ чего, бесѣда стала болѣе общая. Долго и заботливо разсуждали они о множествѣ необходимыхъ вещей, которыя долго гнили подъ небрежнымъ управленiемъ Эдуарда, и теперь требовали немедленнаго исправленiя и преобразованiя. Но бодрость и предусмотрительность Гарольда, котораго прежняя медлительность будто окрилась въ трудныхъ обстоятельствахъ, — какъ часто бываетъ у Англичанъ, — оживляла и ихъ; всѣ трудности казались ничтожными; бодрость и надежда одушевляли всѣ сердца.

VIII.

Гюгъ Мерро, посолъ Вильгельмовъ, возвратился въ Руанъ и передалъ герцогу отвѣтъ Гарольда, въ присутствiи Лавранка. Вильгельмъ выслушалъ его въ мрачномъ молчанiи, потому что всѣ усилiя Фицосборна склонить норманскихъ бароновъ на такой трудный походъ, и въ такомъ сомнительномъ дѣлѣ, остались безуспѣшны; и хотя герцогъ былъ приготовленъ къ гордому отказу Гарольда, однако же у него не было приготовлено никакихъ средствъ подкрѣпить свою угрозу и требованiе.

Онъ былъ такъ погруженъ въ свои мрачныя размышленiя, что не замѣтилъ даже, какъ Лавранкъ отпустилъ посла, не дожидаясь его приказанiя; онъ пробудился изъ этой тяжелой думы только тогда, когда почувствовалъ на своемъ богатырскомъ плечѣ тощую руку Лавранка, и услышалъ надъ своимъ сонливнымъ ухомъ его тихий голосъ:

— Мужайся, герой Европы! твое дѣло выиграно. Мужайся, и лавиши мнѣ своею рукою, смѣлою, будто вырѣзанною концемъ меча, вѣрющую грамоту къ французскому двору. Прикажи мнѣ ѣхать до заката; и когда я поѣду, полюбуйся закатомъ солнца; то будетъ солнце Саксонца, которое на вѣки закатится надъ Англією!

И Лавранкъ, мудрѣйшій политикъ своего вѣка, въ короткихъ

словахъ изложилъ внимательному Норману сущность доводахъ, которыми онъ намѣревался склонить французскій дворъ на сторону герцога, напирая въ особенноти на то, какую силу, какое могущество должно было придаѣть Вильгельму во всей Европѣ торжественное призначеніе его претензій на Англію. Пробудившись изъ усынія, свѣтлый умъ Вильгельма мигомъ понялъ всю важность предлагаемой ему мѣры. Онъ прервалъ Ланфранка, схватилъ перо и пергаментъ, и принялся поспѣшно писать. Немедленно были отданы лошади, и снаряжены всадники, и Ланфранкъ отъѣзжалъ съ приличною свитою на самое важное, по своимъ послѣдствіямъ, посылство, когда-либо посланное отъ норманскихъ герцоговъ къ французскому государю. Ободренная утѣшительными увѣреніями Ланфранка, неутомимая душа Вильгельма привязалась къ трудной задачѣ возбудить духъ удамства въ упрямыхъ баронахъ. Однако же прошло нѣсколько недѣль прежде чѣмъ онъ могъ даже созвать совѣтъ, составленный изъ его родичей и немногихъ наиболѣе преданныхъ ему владыкъ. Всѣ они были тайно склонены въ его пользу, и обѣщали служить ему тѣломъ и имуществомъ; но всѣ и каждый говорили, что онъ долженъ предварительно сходитьтайствовать согласіе всего герцогства на общемъ сеймѣ. Сеймъ былъ созванъ: на него явились не только бароны и рыцари, но и купцы и ремесленники,—рождающійся средній классъ благоденствующаго государства.

Герцогъ объявилъ сейму нанесенную ему обиду, свои права и замыслы. Собраніе не хотѣло совѣщаться въ его присутствіи, боясь подчиниться его вліянію; и Вильгельмъ долженъ былъ удалиться изъ палаты. Разнорѣчны были мнѣнія и бурно было совѣщаніе; безпорядокъ дошелъ наконецъ до того, что Фицосбортъ, вставъ среди собранія, вскричалъ:

— Зачѣмъ эти споры? зачѣмъ эти непримиримыя распри? Развѣ Вильгельмъ не государь вамъ? онъ имѣетъ нужду въ васъ; откажите ему въ своемъ содѣйствіи, и — вы знаете его, — клянусь, что онъ этого не забудетъ. Помогите ему, и, — вы знаете его, — вѣтъ предѣловъ его щедротѣ въ наградахъ за вѣрную службу и любовь.

Вдругъ встали всѣ бароны и купцы; избрали, послѣ долгихъ разсужденій, одного изъ среди себя, чтобы вести рѣчь, и выборный сказалъ:

— Вильгельмъ нашъ государь; но не довольно развѣ, что мы исправно платимъ ему свои подати? Мы не обязаны ему никакою службою за моремъ! И безъ того уже довольно мы истоще-

ны и обременены налогами, благодаря его походами. Одна неудача въ этомъ безразсудномъ и гибельномъ предпріятіи, и край нашъ разоренъ въ конецъ.

Громкія рукоплесканія послѣдовали за этою рѣчью; большинство сойма было противъ герцога.

— Если такъ, сказалъ хитрый Фицосборнъ, я теперь знаю способы и средства каждаго изъ присутствующихъ, и съ вашего позволенія, представлю нужды ваши графу, и предложу ему такое скромное пособіе, которое васъ не отягчитъ, и въ то же время будетъ угодно вашему государю.

Противники дались въ эту хитрую уловку, и Фицосборнъ, во главѣ всего собранія, пошелъ къ герцогу.

Фицосборнъ подошелъ къ возвышенію, на которомъ сѣдѣлъ Вильгельмъ, одинъ, съ своимъ тяжелымъ мечемъ въ рукѣ, и сказалъ:

— Государь, могу поручиться, что ни одинъ властитель никогда не имѣлъ такихъ вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ, какъ твои, и которые болѣе являли свою любовь и преданность всѣми тягостями, которые они несли для тебя, и налогами, которые они тебѣ платили.

Всѣобщій кликъ удовольствія подтвердилъ эти слова. — Такъ, такъ, хорошо! кричали громче всѣхъ куницы. Вильгельмъ взмурлыгалъ брови, и грозно взглянулъ на прерывателей. Фицосборнъ приветливо махнулъ рукою, и продолжалъ:

— Да, государь, много уже они сдѣлали для твоей славы и въ угоду тебѣ, и готовы сдѣлать еще болѣе.

Лица присутствующихъ вытянулись.

— Долгъ ихъ не обязываетъ оказывать тебѣ содѣйствіе за моремъ.

Лица присутствующихъ опять прояснились.

— Несмотря на то, они будутъ тебѣ содѣйствовать въ саксонской землѣ, какъ и во франкской.

— Какъ! вскричали здѣсь и тамъ нѣсколько голосовъ.

— Таше, друзья мои. И такъ, впередъ, государь, и не щади ихъ ни въ чемъ. Кто донынѣ поставлялъ тебѣ двухъ всадниковъ, поставитъ теперь четверыхъ; а кто....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! заревѣли двѣ трети собранія, мы не поручимъ тебѣ вести такую рѣчь; мы этого не говорили, и этого не будетъ!

Тогда вышелъ одинъ баронъ, и сказалъ: — Въ своей странѣ и

на оборону ея, будутъ мы служить графу; но содѣйствовать ему въ завоеваніи чужаго царства — никогда!

За нить вышелъ одинъ рыцарь, и сказалъ: — Если мы разъ согласимся служить ему двойную службу, она впродъ зачтется намъ въ законъ и обязанность; и мы станемъ нашими ратниками, а не будемъ уже вольными Норманами.

Наконецъ вышелъ одинъ купецъ, и сказалъ: — И мы и наши дѣти, будемъ вѣчно обременяемы налогами, въ угоду честолюбію одного человѣка, какъ скоро ему вздумается свергнуть съ престола того короля, или завладѣть другимъ царствомъ.

И все собраніе заревѣло въ одинъ голосъ:

— Не хотимъ, не хотимъ! этому не бывать!

Собраніе нѣгомъ разсыпалось на кружки въ десять, двадцать, тридцать человѣкъ, и всѣ махали руками и кричали, какъ разъяренная вольница. И прежде, чѣмъ Вильгельмъ успѣлъ, силою своей воли, затантъ свою ярость и утѣться, сжимая рукою меча, и скрежеща зубами, все собраніе разсѣялось.

IX.

По синему небу Англій прошла ясная гостья, — метеоръ что ли, комета, огненная звѣзда, — какой никто не видывалъ дотогѣ; она явилась осьмага числа передъ майскими календами; семь ночей горѣла она на небѣ, и лица бессонныхъ людей блѣднѣли въ ея зловѣщемъ заревѣ.

Струи Темзы потекли кровью въ ея лучахъ; вѣтеръ, играя на широкихъ волнахъ Гомбера, разбивалъ ихъ гребни въ огненные искры. Съ тремя хвостами, тонкими и длинными какъ жало дракона, пронеслась вѣстница гнѣва небеснаго среди сонна звѣздъ. Увидѣвъ ее, всѣ часовые вздрогнули на полуразвалившихся башняхъ, по морскому берегу и по украинамъ; народъ по ночамъ толпился по холмамъ и перекресткамъ посмотрѣть на страшную звѣзду. Боязливныя женщины тѣснились къ храмамъ, умолять Небо отвести страшное навожденіе. Могила саксонскаго вождя-прародителя вдругъ загорѣлась, будто молніею; Мортвирта смотрѣла съ кургана, и въ страшныхъ видѣніяхъ своихъ видѣла валквирій, стремившихся вслѣдъ огненной звѣздъ.

Король Гарольдъ стоялъ на кровлѣ своего дворца, и сложа руки смотрѣлъ на ночную путницу. По лѣстницѣ башни вбѣжалъ, неслышными стопами, Гаконъ, приблизился къ королю, и сказалъ:

— Слѣши къ оружію; причапись гонцы во весь оговоръ, довести тебѣ, что братъ твой Тостигъ причапись съ военными и съ разбойничьими судами, разорлетъ твои берега и рѣшетъ народъ.

X.

Тостигъ, съ выманившими у норманскаго герцога и у норвежскаго короля судами, на которые онъ посадилъ набранную имъ во Фландрію вольницу, поспѣшилъ отдѣлиться отъ хоругви Гардрады. Разоривъ островъ Вайтъ и Гемпшайрскіе берега, онъ поплылъ вверхъ по Гомберу, надѣясь, въ своемъ тщеславіи, найти еще приверженцевъ въ своемъ старомъ граствѣ. Но бдительный духъ Гарольда былъ повсюду. Моркаръ, предупрежденный королевскими гонцами, выступилъ противъ измѣнника и прогналъ его; оставленный болѣею частью собственныхъ своихъ кораблей, Тостигъ, съ двѣнадцатью мелкими судами, причапись къ берегамъ Шотландіи. Но и тутъ онъ былъ предупрежденъ саксонскимъ королемъ; Малькомъ отказалъ ему въ пособіи, и онъ принужденъ былъ удалиться къ Оркнейскимъ островамъ, гдѣ рѣшился поджидать флота Гардрады.

Такимъ образомъ, освободившись отъ одного врага, Гарольдъ могъ безмятежно готовиться къ отбою другаго, болѣе опаснаго; онъ принялся ограждать море и берега отъ нападенія Вильгельма Норманскаго. Такихъ огромныхъ силъ, морскихъ и сухопутныхъ, не имѣлъ дотогѣ ни одинъ король. Все лѣто суда его крейсировали по проливу; сухопутныя силы его стояли повсюду около берега.

Но вскорѣ стали ощутительны пагубныя послѣдствія безразсудной расточительности Эдуарда. Не было продовольствія, и нечѣмъ было платить войску. Ни одинъ изъ новѣйшихъ историковъ не обращалъ достаточнаго вниманія на ограниченность средствъ, которыми могъ располагать Гарольдъ. Послѣдній саксонскій король, избранникъ народа, не могъ дѣлать тѣхъ поборовъ, не могъ требовать тѣхъ налоговъ, которыми преемники его сдѣлались такъ могучи въ войнѣ, а подданные его начали помышлять, что нечего уже опасаться норманскаго вторженія. Лѣто прошло, наступила осень; вѣроятно ли было, чтобы Вильгельмъ осмѣлился пуститься на завоеваніе враждебной страны передъ самымъ наступленіемъ зимы? Саксонцы по своему отъ природы миролюбивому нраву, готовы были сражаться, когда это было необходимо, но ненавидѣли утомительныя приготовленія и

тяжелою помертвеваніи на войну, которая еще не за плечами; ихъ было требованіе отъ нихъ напряженіе. Успокоенные легкими отраженіемъ Гостига, они говорили: — Хороша штука, нечего сказать, что Норману хочется сунуть голову въ осиный рой! Пусть попробуетъ, если смѣетъ.

Однако же, отчаяннымъ усиленіемъ, и подвергаясь опасности лишиться народной любви, Гарольдъ собралъ достаточное войско, чтобы отразить одного врага. Съ самаго вступленія его на престолъ, неуныпная бдительность его не спускала глазъ съ Нормана, и лазутчики его доставляли свѣдѣнія обо всемъ, что происходило въ норманской землѣ.

А что происходило въ Вильгельмовыхъ совѣтахъ? Уныніе, въ которое ввергла его неудача на сеймѣ, было непродолжительно. Убѣдившись, что ему не совладать съ строптивымъ духомъ цѣлаго собранія, Вильгельмъ сталъ призывать купцовъ, рыцарей и бароновъ по одиначкѣ. Побѣжденные краснорѣчіемъ, общаіями, хитростью лукаваго Нормана, и невольнымъ страхомъ передъ его оубою; не поддержанные тѣмъ мужествомъ, которое слабыя души почерпаютъ въ числѣ единомышленниковъ, они согласились по одиначкѣ на желаніе графа, и обязались поставить требуемое количество денегъ, кораблей и людей. А между-тѣмъ Ланфранкъ неутомимо работалъ при дворѣ французскаго короля.

Вильгельмъ пировалъ съ своими баронами, когда Ланфранкъ сошелъ съ коня передъ его воротами, и вошелъ въ палату.

— Привѣтствую тебя, король Англіи, сказалъ онъ. Я привезъ тебѣ помощь Франціи противъ Гарольда и его приверженцевъ; привезъ тебѣ въ подарокъ англійскую землю и державу. Кто теперь отступится отъ тебя? Объяви свой военный позывъ не только въ Нормандіи, но и по всей Франціи.

Какъ скоро прошла молва объ этомъ, всѣ страны воспрянули, какъ при звукѣ трубъ крестовыхъ походовъ, которыхъ этотъ походъ былъ предвѣстникомъ. Изъ Мена и Анжу, изъ Пуату и Бретани, изъ Эльзаса и Фландріи, изъ Аквитаніи и Бургундіи, отовсюду засверкали мечи, и поскакали всадники. Разбойничьи атаманы изъ своихъ сѣрыхъ прирейнскихъ замковъ, охотники и разбойники изъ-подъ Альпъ, бароны и рыцари, слуги и бродяги, всѣ стремились подъ знамена Вильгельма на разграбленіе Англіи. Потому что рядомъ съ знаменемъ войны былъ вывѣшиваемъ воинскій позывъ: — Щедрая плата и обширныя земли каждому, кто захочетъ служить графу Вильгельму дротикомъ, мечемъ или самоубійствомъ.

А герцогъ, раздѣляя богатые земли Англии на норманскіе лены, говорилъ Фицосборну:

— У Гарольда не хватитъ ума обидать чужака того, что принадлежитъ мнѣ; я же имѣю право обидать и свое, и то, что принадлежитъ ему. Тому и быть побѣдителемъ, кто можетъ дарить и свое и чужое.

Вся Европа смотрѣла на англійскаго короля какъ на нарушителя клятвы, и на предпріятіе Вильгельма какъ на нравое дѣло; матери, блѣднѣвшія отъ страха, когда сыновья ихъ ходили поохотиться на кабановъ, сами посылали своихъ любимцевъ, вносить свои имена, въ вербовные листы Нормана Вильгельма. Всѣ приморскіе города Нейстрін кипѣли жизнью; во всѣхъ лѣсахъ раздавались удары топоровъ, срубавшихъ деревья для кораблей; съ каждой наковальни сыпалось железо изъ-подъ молота, ковавшего желѣзо въ шлемы и клинки. Все шовидному благопріятствовало герцогу Вильгельму. Конавъ, графъ Бретанскій, прислалъ было требовать норманскаго герцогства какъ своего законнаго наслѣдія; и спустя нѣсколько дней Конавъ, подобно отцу своему, умеръ, отравленный устьемъ своего рога, и тканью своихъ рукавицъ. А новый бретанскій графъ послалъ сыновей своихъ участвовать въ походѣ противъ Гарольда.

Грозное ополченіе собралось при устьѣ Соммы. Но погода долго стояла неблагопріятная; дули противные вѣтры, и шли проливные дожди.

XI.

Между-тѣмъ какъ война такимъ образомъ развѣвала пасть на Англію въ устьѣ Соммы, послѣдній и главнѣйшій изъ морскихъ королей, Гарольдъ Гардрада, сѣлъ на свой корабль, самый высочій и статный изъ трехъ судовъ, покрывавшихъ море вокругъ Солундара. И одному человѣку, по имени Гюрдиру, бывшему на королевскомъ кораблѣ, привидѣлся сонъ. Ему снилось, будто огромнаго роста вѣдьма стояла на Суленскомъ острову, съ валомъ въ одной рукѣ и колодою въ другой. Онъ видѣлъ, какъ эта женщина проходила по всему флоту; видѣлъ ее на каждомъ изъ трехъ-сотъ кораблей; въ кормѣ каждого корабля сидѣла земная птица, воронъ; и слышалъ онъ, какъ вѣдьма зацѣла:

Отъ востока его
Я на западъ маю;

Вижу пиръ въ томъ краю!
 Будеть вдоволь всего;
 Тамъ мой лакомый кусъ
 Чуетъ лакомый кусъ;
 Вижу бѣлыя кости,
 Вижу алый напитокъ.

Алчный воронъ сидитъ,
 Вкругъ гладитъ, сторожитъ;
 Вѣтеръ съ моря несетъ
 Паръ отъ павшихъ въ бою.
 Черный воронъ ужъ ждетъ
 Долю въ трупахъ свою.

Черезъ море вдвоемъ
 Мы къ добычѣ плывемъ;
 Я на пиръ съ нимъ лечу,
 Вѣстѣ съ нимъ сторожу,
 У него отниму
 Долю въ трупахъ свою.

Былъ также человѣкъ по имени Тордъ, на ближайшемъ кораблѣ къ королевскому; и этому человѣку тоже привидѣлся сонъ. Ему снилось, будто флотъ подходилъ къ берегу, а берегъ тотъ былъ Англія. И снилось ему, будто на берегу были выстроены двѣ многочисленныя рати, и множество знаменъ развѣвалось съ той и другой стороны. И передъ войскомъ жителей того берега вѣхала огромнаго росту безобразная вѣдьма, верхомъ на волкѣ; у волка же въ пасти былъ человѣческій трупъ, и кровь струилась по его челюстямъ, и капала на землю; и когда волкъ пожралъ трупъ, вѣдьма бросила ему въ пасть другой трупъ, потомъ третій и такъ далѣе; щелкнувъ нѣсколько разъ зубами, онъ пожралъ трупы одинъ за другимъ. Вѣдьма же между-тѣмъ запѣла:

За стѣною щитовъ
 И широкихъ знаменъ
 Не видать и луговъ:
 Весь обзоръ заслоненъ.

Но сквозь мѣдныя оплотъ,
 Съ поднебесныхъ высотъ
 Око Скады все зреть,
 Что земля ни таитъ;
 И надъ строемъ знаменъ
 И широкихъ раменъ,

Въ поднебесьи паря,
Пронизаетъ ихъ сѣнь,
И крыломъ мечеть тѣнь
На чело короля.

И въ предвѣстье его
Неизбѣжной судьбы,
Будь могнлой костямъ
И трепещущей плоти,
Пасть кровавая волка,
На которомъ скачу я
Передъ стаей, что алчетъ
Теплой крови людей, —
Съ королемъ!

Сѣрый волкъ, утоляй
Жажду въ крови людской:
Крови намъ черезъ край
Будеть вдоволь съ тобой!

Пиромъ звѣрю и птицѣ
Будеть пища попроще;
А колдунья себѣ
Избереть повкуснѣй,
И ей пищею будетъ
Самъ король мертвецовъ,
Какъ поскачетъ она
Передъ полчищемъ грознымъ,
Что на брань поспѣшаетъ
Кровь людей проливаетъ,
Съ королемъ.

И самъ король Гарольдъ также видѣлъ сонъ. Ему предсталъ во снѣ мертвый братъ его, Олай, и пропѣлъ мертвецъ королю-блану:

Передъ ночью паденья
Въ полдень силы, я былъ
Смѣлъ какъ ты въ часъ сраженья,
И какъ ты пиръ любилъ.

Какъ въ могилѣ мы кротки
И какъ въ жизни горды!
Какъ минуты коротки
Между сна и борьбы!
Для живущаго мало
Необъятныхъ мировъ.

Для умершаго стадо
Трехъ довольно шаговъ.

Но вмѣстимость огромна
Этихъ двухъ, трехъ шаговъ;
Есть въ нихъ уголъ укромный
Для колѣнъ всѣхъ вѣковъ!

Но Гарольдъ Гардрада знать и хотѣлъ ни вѣдѣтъ, ни сновъ; и корабли его поплыли далѣе. Въ виду Оркнейскихъ острововъ присоединился къ нему Тостигъ, и это грозное ополченіе показалося скорѣ близъ береговъ Англій. Ополченіе высадилось въ Кливлендъ, и всѣ береговые жители бѣжали или безропотно покорялись при страшномъ имени Скандинавовъ. Съ богатою добычею поплыли они далѣе, къ Скарборо; но тутъ горожане были мужественны, и городъ окруженъ крѣпкими стѣнами. Скандинавы взобрались на высокій холмъ надъ городомъ, зажгли огромный деревянный костеръ, и стали бросать горящія головы на городскія кровли. Пламя обхватывало домъ за домомъ, и среди пожара и рушащихся зданій бросались ратники Гарольда. Много было убито народу, много награблено добычи; и городъ, разоренный и лишенный защитниковъ, покорился огню и мечу.

Потомъ флотъ поплылъ вверхъ по Гемберу и по Оузу, и высаживалъ свою рать въ Ричолъ, неподалеку отъ Йорка; но Моркаръ графъ Нортomberскій вышелъ со всѣми своими силами, отборными людьми рослаго и крѣпкаго англо-датскаго племени.

Тогда Гардрада выставилъ впередъ свое знамя, называемое Ландъ-Эйдомъ, то есть разорителемъ земли, и возгласивъ свою походную пѣснь, повелъ свои полки въ бой:

Криводомъ былъ бой, но непродолжителенъ. Англійское войско разбило да голову, и бѣжало въ Йоркъ, а разоритель земли съ торжествомъ развернулся подъ городскими воротами. Изгнанный вождь, какъ бы онъ ни былъ жестокъ и ненавистенъ, всегда сохранить нѣсколько приверженцевъ между негодяями и сорванцами; а успѣхъ всегда доставить союзниковъ между трусами и слабодушными; немудрено послѣ этого, что множество Нортomberцевъ тотчасъ перешло на сторону Тостига. Въ самомъ гарнизонѣ города поднялся раздоръ и мятежъ; Моркаръ будучи не въ силахъ удержать горожанъ въ повиновеніи, принужденъ былъ удалиться съ тѣми, кто остался вѣренъ отечеству и королю, и Йоркъ отворилъ ворота побѣдоносному хищнику.

Получивъ извѣстіе о вторженіи этого врага на сѣверъ коро-

доставъ, Гарольдъ принужденъ былъ перевести туда всё войско, разсташенныя по южному берегу для отраженія поздняго вторженія Вильгельма. Это было уже въ сентябрь, въ глубокую осень; уже прошло осемь мѣсяцевъ послѣ того, какъ Норманъ объявилъ свою наглую угрозу. Дерзнетъ ли онъ еще явиться? — Во всякомъ случаѣ, придетъ или нѣтъ, этотъ врагъ еще впередъ, а другой уже проникаетъ въ сердце королевства.

Нидлая едота Юрка разила страхъ и уныніе по всей окрестной странѣ; Гардрада и Тостигъ были веселы и спокойны; много времени пройдетъ, думали они, прежде чѣмъ король Гарольдъ умѣетъ прийти съ юга на сѣверъ.

Скандинавскій лагерь стоялъ у Стеффордскаго мосту, и наступалъ день, назначенный для торжественнаго вступленія завоевателя въ Юркъ. Суда его стояли на рѣкѣ, по другую сторону города, и значительная часть войска была на судаяхъ. День былъ жаркій, и ратники Гардрады скинули съ себя тяжелые доспѣхи, и веселились, разсуждая о богатой добычѣ, готовившейся имъ въ городѣ, трунили надъ храбростью Саксонцевъ, и упивались заранѣе красотою саксонскихъ дѣвъ, которыхъ не умѣли защитить отцы и братья. Вдругъ между ними и городомъ поднялось и покатилося густое облако пыли. Выше и выше клубилось оно, катилось ближе и ближе, и сквозь пыль засверкали щиты и дротикки.

— Это что за рать идетъ къ намъ? спросилъ Гарольдъ Гардрада.

— Должно быть изъ городу, въ который мы вступаемъ побѣдителями, отвѣчалъ Тостигъ: — дружескіе Нортomberцы, бросившіе Моркара, чтобы пристать ко мнѣ.

Рать все ближе и ближе; ярче и ярче сверкало оружіе, будто ледяныя искры.

— Впередъ Разорителя земли! крикнулъ Гардрада; къ оружію! стройся!

И тотчасъ, избравъ трохъ изъ самыхъ проворныхъ и удалыхъ своихъ ювошей, онъ послалъ ихъ къ кораблямъ съ приказаніемъ спѣшить къ нему на помощь; потому что сквозь пыль явственно видѣлось уже среди сверкающихъ дротиковъ знамя англійскаго короля.

Гарольдъ въ ночи вошелъ въ Юркъ, незамѣченный врагомъ, усмирилъ мятежъ, ободрилъ упавшихъ духомъ горожанъ, и теперь, какъ грѣшъ на крыльяхъ вѣтра, грянулъ онъ, чтобы очистить воздухъ Англій отъ тучъ сѣвера.

Оба войска стали посѣшно строиться. Гардрада построилъ

свою рать въ кругъ; сначала она образовала длинную, но не глубокою линію, которой крылья огибались въ видѣ дуги, пока не сомкнулись щитами. Стоявшіе въ первомъ ряду, уставили древки своихъ дротиковъ въ землю, наклонивъ ихъ впередъ, такъ что остріе было на высотѣ груди всадника; второй рядъ держалъ ихъ еще наклоннѣе, остріемъ не выше груди лошади, образуя такимъ образомъ двойную рогатку противъ натиска конницы. Въ срединѣ круга былъ поставленъ Разоритель земли, окруженный плотною стѣною щитовъ; за этою стѣною было обычное мѣсто короля и его тѣлохранителей при открытіи сраженія. Тостигъ же стоялъ впереди, съ своею нортomberскою хоругвою, съ изображеніемъ льва, и съ своею отборною дружиною.

Между тѣмъ какъ Скандинавы строились описаннымъ образомъ, англійскій король располагалъ свои силы въ гораздо надежнѣйшій строй, который онъ перенялъ и усовершенствовалъ изъ обычнаго военнаго строя Датчанъ. Его строй, доселѣ непобѣдимый подъ его начальствомъ, представлялъ треугольникъ, такъ что въ атакѣ на непріятеля, онъ представлялъ вражескому оружію наименьшую поверхность, а при отбоѣ, всѣ три линіи обращались къ нападающему лицомъ. Король Гарольдъ окинулъ взоромъ смыкающіеся ряды, и обратившись къ Гурту, ѣхавшему подлѣ него, сказалъ:

— Не будь тамъ одного человѣка, съ какою радостью грянули бы мы на сѣверныхъ хищниковъ!

— Согласенъ съ тобою, отвѣчалъ Гуртъ печально; я такъ же о немъ думалъ, и чувствую, что эта мысль сковываетъ мнѣ руки.

Король задумался, и опустилъ наличникъ своего шелома.

— Тегны, сказалъ онъ вдругъ, десяткамъ двумъ всадниковъ, окружавшихъ его; — за мною. И дернувъ поводья своей лошади, онъ поскакалъ прямо къ той части непріятельскаго войска, гдѣ рязѣвалась надъ дротиками нортomberская хоругвь Тостига. Тегны послѣдовали за нимъ въ безмолвномъ недоумѣніи. Подѣхавъ къ грозному строю, къ самой хоругви Тостига, король остановилъ коня, и сказалъ:

— Тостигъ, сынъ Годвина и Гиты, находится ли при хоругви нортomberскаго графства?

Съ поднятымъ наличникомъ, въ норвежской буркѣ, накиннутой на блестящіе доспѣхи, выѣхалъ графъ Тостигъ на этотъ голосъ, и приблизился къ брату.

— Что тебѣ надо отъ меня, надменный врагъ?

Саксонскій всадникъ нѣсколько немолчалъ; потому нѣжными, дрожащими отъ прискорбїи голосомъ, сказалъ протяжно:

— Братъ твой, король Гарольдъ, шлетъ тебѣ поклонъ. Допустимъ ли ны, чтобы сыновья одной матери вели безбожное междоусобіе въ странѣ своихъ отцовъ?

— А что дастъ король Гарольдъ своему брату? отвѣчалъ Тостигъ; нортomberскую землю онъ уже отдалъ сыну врага своего дому.

Саксонецъ колебался; стоявшій подлѣ него всадникъ отвѣчалъ за него.

— Если Нортomberцы согласны принять тебя снова, Нортomberїя принадлежитъ тебѣ; Моркару же король отдастъ прежнее свое вессекское графство; если же Нортomberцы отвергнутъ тебя, ты получишь всѣ удѣлы, которые король Гарольдъ обѣщаль Гурту.

— Согласенъ, отвѣчалъ Тостигъ, и сталъ повидному колебаться; но между тѣмъ король Гарольдъ Гардрада, узнавъ о переговорахъ, выѣхалъ изъ рядовъ на своемъ ворономъ конѣ, въ сіяющемъ золотомъ шлемѣ, и приблизился на небольшое разстояніе отъ переговорщиковъ.

— А! воскликнулъ Тостигъ, обернувшись, и увидѣвъ стлавшуюся на равнинѣ огромную тѣнь сѣвернаго исполина. Если я приму это предложеніе, что дастъ Гарольдъ, сынъ Годвинновъ, моему другу и союзнику Гардрадѣ норвежскому?

При этихъ словахъ саксонскій всадникъ гордо поднялъ голову, и окинувъ взоромъ огромный ростъ Гардрады, отвѣчалъ громко и внятно:

— Семь футовъ земли на могилу, или, — такъ какъ онъ выше росту обыкновеннаго человѣка, — на столько болѣе, сколько потребуется на его трупъ!

— Въ такомъ случаѣ поѣзжай назадъ, и скажи брату моему Гарольду, чтобы онъ готовился къ битвѣ; потому что не допущу я, чтобы скалды и витязи норвежскіе говорили, что Тостигъ заманилъ короля ихъ себѣ на помощь, чтобы предать его по томъ врагу. Онъ пришелъ сюда, и я съ нимъ, добыть себѣ землю, какъ добываютъ ее храбрые витязи, или умереть, какъ они умираютъ.

Тутъ одинъ всадникъ, казавшійся гораздо моложе другихъ и нѣжнѣе складомъ, шепнулъ саксонскому королю:

— Не трать болѣе времени; не то полки твои стануть подозрѣвать измѣну.

— Братия любовь вырвала изъ моего сердца, Гидонъ, отвѣчалъ король, и сердце мое опять запылало одною любовью къ родной Англій.

Онъ махнулъ рукою, повернулъ коня, и удалился. Ваоръ-Гардрады не опускался со статнаго всадника.

— Кто такой, спросилъ онъ спокойно, кто этотъ человѣкъ, что такъ хорошо говоритъ?

— Король Гарольдъ, отвѣчалъ Тостигъ отрывисто.

— Какъ! вскричалъ Норвежецъ, покрасѣвъ; и ты не сказалъ мнѣ этого прежде? Никогда не возвратился бы онъ къ себѣ, и уже не довелось бы ему рассказывать о судьбѣ этого дня!

При всей свирѣпости Тостига, при всей его зависти, ненависти къ Гарольду и предательствѣ къ Англій, въ его саксонской душѣ были еще слабыя и грубыя понятія о чести, и онъ отвѣчалъ съ гордостью:

— Неосторожно поступилъ Гарольдъ, и подвергся большой опасности; но онъ пришелъ съ предложеніемъ мнѣ мира и власти, и если бы я выдалъ его, я былъ бы не соперникомъ его, а убійцею.

Норвежскій король улыбнулся одобрительно, и обращаясь къ своимъ вождямъ, сказалъ сухо:

— Человѣкъ этотъ былъ поменьше многихъ изъ насъ, а молодецки сидѣлъ на стременахъ.

Затѣмъ удалой вождь, соединившій въ себѣ всѣ черты вѣка, сошедшаго вмѣстѣ съ нимъ въ могилу, и представлявшій въ себѣ олицетвореніе племени, изъ котораго произошли Норманы, запѣлъ, своимъ звучнымъ и полнымъ какъ звуки органа голосомъ, импровизированную воинскую пѣсню. Но дошедши до половины, онъ вдругъ остановился, и сказалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ:

— Нѣтъ, эта пѣснь плохо сложена; попробую лучше.

Онъ провелъ рукою по лбу, подумалъ нѣсколько; лицо его озарилось огнемъ вдохновенія, и онъ снова запѣлъ дивную пѣсню. На этотъ разъ, папѣвъ, разиѣръ, слова, все такъ чудно согласовалось съ собственною восторженностью, и съ энтузіазмомъ его сподвижниковъ, что никакія слова не выразятъ ихъ волшебнаго дѣйствія. Пѣснь эта была точно чарующая сила тѣхъ рунъ, отъ которыхъ, говорятъ, Берсеркеры воспламенялись изступленною яростью войны.

Между тѣмъ саксонская фаланга выступила ровнымъ и твердымъ шагомъ, и черезъ нѣсколько минутъ завязалась битва. Она

палась атакою англійской конницы, по обыкновенію мелочливой, подъ предводительствомъ Леовайна и Гакома. Но двойной рядъ норманскихъ дротиковъ представлялъ непроходимую роетку, и всадини, не смѣя набѣжать на нее, объѣхали только желѣзный кругъ, и не нанесли противникамъ другаго вреда, кромѣ того, что могли сдѣлать мечами и сулицами. Король Гарольдъ между тѣмъ спѣшился, и по обыкновенію пошелъ съ отрядомъ вѣхоты; онъ находился въ срединѣ треугольника, откуда могъ лучше распорядить его движеніями. Избѣгая стороны, гдѣ начальствовалъ Тостигъ, онъ двинулъ свой отрядъ на самый центръ непріятельскихъ силъ, гдѣ Разоритель земли, развѣвався высоко надъ стѣною щитовъ, означалъ присутствіе исполнителя Гардрады.

Воздухъ, въ буквальномъ смыслѣ заволокло тучею летящихъ стрѣлъ и сулицъ. Саксонцы далеко не могли состязаться съ Скандинавами въ этомъ родѣ боя; однако же король Гарольдъ удерживалъ пылъ своихъ ратниковъ, которые горѣли нетерпѣніемъ схватиться съ непріателемъ грудь съ грудью. Онъ самъ, стоя на возвышеніи, и подвергаясь опасности болѣе послѣдняго изъ ратниковъ, внимательно слѣдилъ за движеніями конницы, и поджидалъ предвѣдливой минуты, когда Норвежцы, ободренные его мнимою робостью, и слабостью конныхъ атакъ, поднимутъ свои дротвки, и сами пойдутъ въ атаку. Эта минута настала; не будучи въ состояніи долѣе удерживать своего воинственнаго пылу, воспламененные звукомъ трубъ, звономъ оружія и воинственными нѣсиями своего короля и скальдовъ, Норвежцы двинулись на непріятеля.

— Къ сѣкирамъ, дружно! вскричалъ Гарольдъ; и мгновенно выйдя изъ середины впередъ, повелъ отрядъ.

Оглушителейъ былъ напоръ этой искусной фаланги, мигомъ она прорвала кругъ, и врѣзалась въ стѣну щитовъ; сѣкира короля Гарольда первая потрясла эту желѣзную стѣну, и нога его первая вступила во внутренней рядъ, охранявшій Разорителя земли.

Тогда изъ подъ грознаго знамени вышелъ самъ Гарольдъ Гардрада, также спѣшенный; съ крикомъ и пѣніемъ вогушмъ онъ, огромными шагами, въ самую чашу схватившихся ратниковъ. Онъ бросилъ свой щитъ, и махая обѣими руками своими огромнымъ мечемъ, валвалъ имъ людей справа и слѣва, пока не очистилъ все пространство вокругъ себя. Англичане, отступая со страхомъ передъ этимъ образомъ нечеловѣческой силы и ро-

ету, оставили впереди одного только неробящего мужа, прогнать путь исполнну.

Въ это мгновение битва, по характеру своему, не принадлежала къ столь позднему, сравнительно, времени; а болѣе походила на эпизодъ глубочайшей древности; казалось Торъ и Одинъ снова сошли на землю. За бойцомъ исполнномъ, веселись его скалды, распустивъ подъ шеломами свои длинныя, вьющіеся волосы, возглашая свои воинственные гимны, и упоенные изступленіемъ битвы. И Разоритель земли, подвигаясь вслѣдъ за ними, свертывался и развертывался, такъ что казалось будто изображенный на немъ огромный воронъ ожилъ, и страшно захлопалъ крыльями. А противъ исполнна, одинъ, съ спокойнымъ, но бдительнымъ взоромъ, съ поднятою сѣкирою, готовый ринуться впередъ или уклониться отъ удара, но твердый какъ дубъ противъ бѣгства, стоялъ послѣдній король саксонскій.

Стремительно ринулся Гардрада впередъ, и мечъ его опустился съ такою силою, что щитъ короля Гарольда распался пополамъ, и самъ онъ упалъ на колѣна. Но быстрѣе взмаху этого меча вскочилъ онъ опять на ноги; и Гардрада не успѣлъ еще поднять головы, наклоненной напряженіемъ удару, какъ сѣкира Саксонца рушилась такъ мѣтко на его шлемъ, что исполннъ зашатался, мечъ выпалъ изъ его рукъ, и онъ отшатнулся назадъ, между-тѣмъ какъ скалды и вожди поспѣшно окружили его. Этотъ удамой подвигъ Гарольда удержалъ Англичанъ отъ бѣгства; увидѣвъ, что любимый вождь ихъ былъ почти отрѣзанъ отъ нихъ толпою враговъ, и несмотря на то мужественно пробивалъ себѣ путь впередъ, къ грозному ворону, они ободрились, тѣсно сомкнули свои ряды, и возгласивъ: Впередъ! дружнымъ напоромъ пробивались къ нему; и опять завязался ровный, жаркій, рукопашный бой. Между-тѣмъ Гардраду отвесли поодаль, сняли съ него взятый шлемъ, и онъ опомнился отъ самаго сильнаго удара, отъ котораго когда либо мутилось у него въ глазахъ и нѣмѣли руки. Оправившись, онъ бросилъ шлемъ, и съ непокрытою головою, на которой золотистые волосы горѣли какъ лучи солнца, бросился опять въ схватку. Опять рушились передъ нимъ шлемы и доспѣхи; опять увидѣлъ онъ среди толпы поразившую его руку; опять ринулся онъ, чтобы однимъ ударомъ кончить битву и войну, но въ это мгновение визгнула стрѣла, пущенная издали невидимою рукою, и вонзилась въ горло, котораго уже не прикрывалъ шлемъ; глухой, прерывистый звукъ, будто стонъ погребальной пѣсни, вылетѣлъ изъ устъ, кровь хлы-

була изъ рта, и вѣтякъ, судорожно захвативъ руками, палъ мертвый на землю. При этомъ видѣ, ряды Норвежцевъ огласились таинкимъ воплемъ страха, горести и ярости, что самая битва на мгновение приостановилась отъ общаго трепету.

— Впередъ! вскричалъ саксонскій король: пусть земля наша приметъ въ свои пѣдра нарушителя ея мира. Впередъ, къ знаменамъ, и побѣда за нами!

— Впередъ, къ знаменамъ! вскричалъ Гаконъ, который въ это мгновение приблизился къ королю, весь окровавленный тужими ранами, и пѣшій, потому что лошадь подъ нимъ была убита. Высоко развѣвалось врачье знамя, хлопая и свища по вѣтру, какъ-будто у ворона былъ голосъ, какъ вдругъ передъ самымъ Гарольдомъ, между нимъ и хоругвью явился братъ его Тостигъ, котораго всегда легко было узнать по блеску его доспѣховъ и золотому шитью на епанчѣ, по его свирѣному смѣху и надменной рѣчи.

— Затѣмъ колебаться? вскричалъ Гаконъ: рази, ради блага своего!

Гарольдъ судорожно схватилъ руку Гакона, опустилъ сѣкиру, отвернулся, и отошелъ съ тайнымъ содроганіемъ.

Тутъ оба войска остановили свой напоръ; потому что оба были въ ужасномъ разстройствѣ, и рады были дать врагу минуточку отдыха, чтобы самими собрать и построить свои разсыпанные ряды.

Норвежцы были не изъ тѣхъ войскъ, которые покидаютъ поле битвы оттого, что предводитель ихъ убитъ; напротивъ они тѣмъ отчаяннѣе дрались, пылая отомстить за смерть вождя; но смотря на то, если бы не смѣлость и быстрота, съ которыми Тостигъ преградилъ Гарольду путь къ хоругви, сраженіе для нихъ было бы проиграно.

Пользуясь приостановкою военныхъ дѣйствій, Гарольдъ призвалъ Гурта, и сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Ради Бога! Гуртъ, поѣзжай къ Тостигу, и убѣди его, теперь какъ Гаррада убить, убѣди его принять наши мирныя предложенія. Предложи ему все, на что мы можемъ согласиться безъ безчестія себѣ: милосердіе и свободное возвращеніе на родину всѣмъ Скандинавамъ.... Но спаси меня.... спаси насъ отъ необходимости пролить братнюю кровь.

Гуртъ приподнялъ налечникъ, и поцѣловалъ закованную въ сталь руку, сжавшую его руку.

— Иду! сказали они. И вошли съ ненавистною гонимымъ, и съ однимъ только трубочемъ, въ неприятельскія рдани.

Гарольдъ въ сильномъ волненіи ждалъ его возвращенія; никто не могъ подозрѣвать, какія горькія, какія жгучія мысли раздирали это сердце, у котораго, на пути къ власти, были отняты, одинъ за другимъ, всѣ предметы его любви. Не долго ждалъ онъ; не успѣлъ еще Гуртъ возвратиться, какъ единодушный рывъ ярости, на который отвѣчалъ трескъ тысячъ щитовъ, извѣстилъ его о безуспѣшности посланія.

Гостигъ не хотѣлъ даже выслушать Гурта иначе, какъ въ присутствіи норвежскихъ вождей; а когда пѣлъ посольства была изложена, всѣ закричали въ одинъ голосъ:

— Скорѣе трупы наши лягутъ горами одинъ на другой, чѣмъ мы оставимъ поле, на которомъ палъ нашъ король.

— Ты слышишь, сказалъ Тостигъ: что они говорятъ, то скажу и я.

— Не на меня падеть и этотъ грѣхъ! сказалъ Гарольдъ, торжественно воздѣвая руку къ небу. И такъ, исполнимъ долгъ свой.

Къ этому времени подоспѣла къ Норвежцамъ помощь съ кораблей, и это сдѣлало послѣдовавшій за тѣмъ бой на нѣкоторое время сомнительнымъ. Но Гарольдъ въ эту минуту былъ такимъ же искуснымъ предводителемъ, какимъ онъ былъ передъ тѣмъ неустранимымъ бойцомъ. Онъ крѣпко держалъ воиновъ въ неразрывномъ строю; если даже случалось, что напоръ превосходной силы отрѣзалъ частіцу отъ общаго строя, эта частица немедленно строилась въ тотъ же неотразимый треугольникъ. Одинъ Норвежець, ставъ на стенфордскомъ мосту, долго защищалъ этотъ проходъ; болѣе сорока Саксонцевъ, говорятъ, погибло отъ его руки. Англійскій король послалъ ему свое королевское слово, что не только жизнь его будетъ пощажена, но даже будетъ оказанъ приличный почетъ его мужеству; однако же гордый витязь не сдался, и наконецъ палъ отъ сулицы, пущенной рукою Гакона. Какъ-будто онъ былъ воплощеніемъ непобѣдимаго скандинавскаго бога войны, съ смертью его угасла послѣдняя надежда викинговъ. Но они не отступали и падали на мѣстахъ; многие, безъ удара, просто умирали отъ изнуренія и отъ тяжести доспѣховъ. Когда мракъ ночи началъ стлаться по равнинѣ, Гарольдъ стоялъ среди разбитой стѣны щитовъ, опираясь ногою на трупъ знаменосца, и держа руку на древкѣ Разорителя воиновъ.

Водь тамъ лежить тѣло твоего брата, шепнулъ Ламонъ королю, отирая кровь съ своего клинка, и опуская его въ ножны.

ХП.

Юный Олай, сынъ Гаррады, по счастью былъ спасенъ отъ этой рѣзни. На судахъ еще оставался сильный отрядъ Норвежцевъ; а съ нимъ нѣсколько престарѣлыхъ и благоразумныхъ вождей, которые, предвидя результатъ сраженія, и зная, что Гаррада не оставитъ поля, гдѣ водрузилъ своего Разорителя земли, иначе, какъ побѣдителемъ или трупомъ, почти силою удержали его сына на кораблѣ, и не допустили раздѣлить участь отца. Но прежде чѣмъ корабли успѣли выйти въ море, дѣятельныя и умныя мѣры саксонскаго короля преградили имъ обратный путь. Тогда смѣлые викинги, построивъ свои щиты стѣною вокругъ лачтъ, рѣшились по крайней мѣрѣ умереть смертью витязей. Но на слѣдующее утро король Гарольдъ вышелъ самъ на берегъ, а за нимъ знатнѣйшіе вожди и ратники, оставивъ дротики остриемъ внизъ, торжественно несли тѣло убитаго лѣвца-короля. Они остановились на берегу; и шлюбка тотчасъ поплыла къ норвежскому флоту съ переговорщикомъ, который пригласилъ вождей высадить избранныхъ изъ себя, еподъ предводительствомъ самого королевича, принять тѣло ихъ короля, и выслушать предложеніе саксонскаго государя.

Викинги, ожидавшіе, что ихъ станутъ рѣзать безъ всякихъ переговоровъ, не поколебались принять это предложеніе. Двѣнадцать знатнѣйшихъ вождей, изъ оставшихся въ живыхъ, и самъ Олай, сошли въ шлюбку; Гарольдъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ братьями своими, Леовайномъ и Гуртомъ, и сказалъ:

— Король вашъ дрисель войною на цародъ, ни въ чемъ передъ нимъ не виновный; онъ заплатилъ виру за свое неправо дѣло, а мы не воюемъ съ мертвыми. Отдайте браннымъ остаткамъ почести, достойныя храбраго витязя. Мы отдаемъ вамъ безъ выкупа и безъ условій, то что не можетъ болѣе вредить вамъ. — Что же до тебя, юный королевичъ, продолжалъ король, глядя съ состраданіемъ на статную, отроческую осавку, и на гордую, но глубокую горестъ, выражавшуюся въ лицѣ Олая: Мы побѣдили, но не хотимъ рѣзать. Возьми столько кораблей, сколько тебѣ нужно для остающихся въ живыхъ. Предлагаю тебѣ для перевозки ихъ двадцать три корабля. Возвратись на свои родные

берега, и оборонил ихъ, какъ мы оборонили своя. Довольны ли вы?

Между вождей былъ одинъ владыка Оркадскихъ острововъ; онъ вышелъ впередъ, преклонилъ колѣно передъ королемъ, и сказалъ:

— Владыка Англии, вчера побѣдилъ ты тѣло, сегодня покорилъ ты наши души. Никогда болѣе да не пойдутъ великодушныя Скандинавы войною на берега того, кто такъ честитъ умершихъ и милуетъ живыхъ.

— Да! сказали вожди, и все преклонили колѣна передъ Гарольдомъ.

Юный Олай одинъ стоялъ нѣкоторое время въ нерѣшимости; передъ нимъ лежало на носилкахъ тѣло убитаго отца, а мечь считалась еще доблестью въ сердцѣ морскаго короля. Но когда онъ поднялъ глаза на Гарольда, онъ уже не могъ противиться влиянію кроткаго и пріятливаго величія Саксонца; онъ протянулъ руку королю, и, поднявъ лѣвую, сказалъ:

— Общаю вѣчную вѣру и дружбу тебѣ и Англии.

Тогда все вожди встали и окружили носилки; но ни одна рука не приподняла въ виду побѣдителя золототканнаго покрыва, которымъ было накрыто тѣло доблестнаго короля. Носилки медленно понесли къ шлюбкѣ; Норвежцы слѣдовали за нимъ торжественнымъ, погребальнымъ шагомъ. Только когда носилки были поставлены на королевскій корабль, раздался плачь и стонъ, громкій и полный глубокой, неподдѣльной горести; затѣмъ пережившій скальдъ прошѣлъ надъ нимъ дикую, вдохновенную пѣснь.

Сборы Норвежцевъ были коротки, и данныя имъ для возвращенія на родину суда скоро снялись съ якоря и поплыли внизъ по рѣкѣ. Гарольдъ слѣдилъ за ними съ берегу.

— Вотъ, сказалъ онъ наконецъ, вотъ удаляются суда, въ послѣдній разъ привесшія губительнаго ворона къ берегамъ Англии.

И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ походѣ потерпѣли эти непобѣдимые дотолѣ бойцы самое ужасное пораженіе, какое они когда-либо знали. На этихъ носилкахъ лежалъ послѣдній внукъ Берсеркеровъ и морскихъ королей. И къ чести Гарольда вспомнимъ, что не Норманомъ, а имъ, истымъ Саксонцемъ, былъ поправъ на англійской почвѣ Разоритель Земли.

— Да, подхватилъ Гакопъ: мнѣ кажется, что твое предрѣченіе справедливо. Но не забывай потомка Скандинавовъ, графа Руанскаго.

Гарольдъ напрягнулъ и обратился къ своимъ вождямъ.

— Велите трубить трубамъ и собираться въ походъ. Мы пойдемъ въ Йоркъ: устроимъ грабство, соберемъ добычу и потонемъ назадъ, друзья мои, на югъ. Но сначала преклонимъ колѣно, Гаюмъ, сынъ брата моего Свейна: въ виду неба, въ виду витязей совершилъ ты свои подвиги на открытомъ полѣ; и да будешь ты награжденъ достойными почестями! Не въ еуетныя побрянушки норманскаго рыцарства облакаю я тебя, а ставлю тебя однимъ изъ старшаго братства правителей и военачальниковъ. Овонсаю тебя собственнымъ своимъ набедронникомъ изъ чистаго серебра; влагаю въ руку твою собственный свой мечъ изъ булатной стали, и повелѣваю тебѣ: встань и займи мѣсто въ соитѣ и на полѣ ратномъ на ряду съ владыками Англій, графъ Гертеордскій, и Эссекскій. — Юноша, продолжалъ король шопотомъ, склонившись надъ блѣднымъ лицомъ племянника: не благодарю тебя. Я самъ обязанъ тебѣ благодарностью. Въ тотъ день, какъ свершились злодѣяніе и смерть Тостига, ты омылъ ния брата моего Свейна! Теперь въ путь, въ городъ нашъ Йоркъ!

Великое было пированіе въ Йоркѣ; а по обычаямъ саксонскихъ государей, король не могъ не присутствовать на побѣдномъ пиру своихъ теговъ. Онъ сидѣлъ на верхнемъ концѣ стола, между своихъ двухъ братьевъ. Моркаръ, котораго отъѣздъ изъ города лишилъ его участія въ битвѣ, возвратился въ этотъ день съ братомъ своимъ Эдвинномъ, котораго онъ ѣздилъ звать на помощь. И если юные графы завидовали славѣ, которой они не раздѣляли, то была благородная зависть.

Весело и шумно было пированіе; и живая пѣсня, давно забытая въ Англій, проснулась, какъ всегда бываетъ въ часъ радости и славы. Какъ бывало въ дни Альфреда, арфа переходила изъ рукъ въ руки; воинственно и сурово звучала она подъ перстами Англо-Датчанина; нѣжно и задумчиво вторила голосу Англо-Саксонца. Но воспоминаніе о Тостигѣ, — несмотря на его преступленіе, — о братѣ, павшемъ въ войнѣ съ братомъ, тяжелымъ камнемъ лежало на душѣ Гарольда. Однако же онъ такъ привыкъ жить для одной Англій, не звать ни горя ни радости, кромѣ ея горя и ея радостей, что мало по-малу, сильнымъ напряженіемъ своей желѣзной воли, онъ сбросилъ съ себя мрачную думу. Музыка и пѣсни, вино и яркій свѣтъ тысячи свѣчъ, и радостный видъ длинныхъ рядовъ храбрыхъ витязей, которыхъ сердца бились за одно дѣло, и руки одержали одну побѣду съ нимъ самимъ, все это настроило его духъ къ участию въ общей радости.

Когда воступила речь, Леселайт, которого сердце билось для широкія мажъ сердце Гурри для друзей сердца, всталъ и предложилъ казравшій кубокъ: черта, наиболее связывающая наибшіе обычаи Англіи съ ея стиривою. И шумный говоръ гулки при видѣ пріятнаго лица молодого граа. Онъ еналь шапку, мажъ требовало пріаичіе *, пріаилъ етепенный видъ и шепчалъ:

— Съ позволенія моего господина и короля, и всей честной беседы, гдѣ есть много особъ, съ устами которыхъ мое предположеніе было бы пріятнѣе и лестнѣе, осмѣливаюсь напомнить вамъ, что Вильгельму, графъ Нормановъ, затѣваетъ вечернюю прогулку съ родъ той, что совершила покойный гость нашъ, Гарольдъ Гаррада.

Презрительный смѣхъ раздался со всѣхъ концовъ палаты.

— А какъ мы, Англичане, слыземъ народомъ гостепріимнымъ и даемъ каждому широкую хлѣбъ и соль, вино и печельгъ, то я думаю, что одинъ день угощенія, вотъ все, чего ожидаетъ графъ Нормановъ отъ насъ Англичанъ.

Разгоряченные и разселенные виномъ гости, громкимъ разомъ одобрили эту выходку.

— И такъ, выпьемъ Вильгельму Руашскому! И, — говоря словомъ, которое теперь на устахъ у каждаго, и которое, я надеюсь, наши добрые грамоты передадутъ внукамъ нашихъ внуковъ, чтобы они твердили его на память, — если онъ такъ полюбилъ саксонскую землю, то дадимъ ему отъ всего сердца семь футовъ земли на вѣки вѣновъ.

«Выпьемъ Вильгельму Норманскому!» проревѣли парующіе; и новъ гости съ насмѣшливою торжественностью снимали шапки, дѣлали ручку и кланялись. «Выпьемъ Вильгельму Норманскому!» громко по всѣмъ палатамъ; какъ-вдругъ, среди всеобщаго веселья, вбѣжалъ человекъ, запыханный и покрытый грязью, поспѣшно протерся сквозь ряды парующихъ, бросился къ трону Гарольда, и вскричалъ:

— Вильгельму Норманскій высадился на суссекскій берегъ съ такимъ грознымъ околченіемъ, которому подобнаго не видаво въ Англіи, и разоряетъ всѣ окрестныя области вдоль и поперекъ!

* Саксовны сажались за столъ въ шапкахъ.

ГАРОЛЬДЪ,

ПОСЛѢДНІЙ САКСОНСКІЙ КОРОЛЬ ВЪ АНГЛІИ.

РОМАНЪ ЭДУАРДА ВУЛЬВЕРА (1847).

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГАСТИНГСКАЯ БИТВА.

I.

Въ самой глуши лѣсовъ, окружавшихъ жилище Гильды, мрачное болото отражало въ гладь своей стоячей воды спокойныя тѣни позолоченныхъ осенью деревьевъ. Какъ часто случается въ старыхъ лѣсахъ, по близости людскаго жилья, деревья отъ частыхъ порѣзокъ остались малорослыми, и вѣтви росли изъ дуплистыхъ и узловатыхъ стволовъ приземистыхъ дубовъ и буковъ; огромный объемъ поросшихъ мохомъ и бѣлыми лишайми или обвитыхъ плющомъ стволовъ свидѣтельствовали глубокую старость деревьевъ; но сучья, которыя пускала ихъ жалкая, изувѣченная жизнь, или были слабы и дробились на бесчисленное число вѣтокъ, или сосредоточивались на одинокомъ, искривленномъ сукѣ; пощаженомъ тоноромъ дровосѣка. Всѣ деревья получили отъ него искривленный, изуродованный, причудливый видъ — признаки ихъ древности и тощей жизни; провозглашавшіе среди безмолвія пустыни разрушительный духъ челоуѣка.

Т. ХСІV. — Отд. II.

Это было въ первыхъ часахъ ночи; осенняя луна ясно и величаво красовалась на синеѣ неба. По другую сторону болота отъ времени до времени показывались вѣтвистые рога оленей, поднимавшихъ при малѣйшемъ шумѣ головы надъ кустарникомъ, подъ которыми улеглись на ночь; въ ближайшія просѣки выбѣгали зайцы и кролики поиграть или повскать лакомою травой, или летучая мышь летала по землѣ, гоняясь за лѣсною молью. Изъ самой чащи лѣсу выступили медленныя человѣческія стопы, и Гильда остановилась на краю болота. Прежнее ясное, холодное спокойствіе исчезло съ ея лица; горесть и безпокойство овладѣли душою вала, среди мнимаго ея отрѣшенія отъ тревогъ душевныхъ, которыя она думала читать въ сердцахъ другихъ. Черты ея лица были изрыты и измождены заботою и быстрыми успѣхами старости; глаза горѣли безпокойнымъ, блуждающимъ огнемъ; казалось, будто высокій умъ поколебался наконецъ, разбитый въ прахъ въ своей гордости.

— Одиночество! пробормотала она вполголоса: обречена на вѣчное одиночество! Внука, которую я взростила, чтобы быть ей матерью королей, которой судьба съ самой колыбели казалась опредѣленною на царство и любовь, которую я лелѣяла и любила, въ которой были сосредоточены всѣ мои надежды, въ которой я переживала вновь всѣ радости человѣческой жизни, — внука оставила меня, оставила съ растерзаннымъ сердцемъ, изнывая и медленно сходя въ могилу подъ безотрадною сѣнью храма. Ужели вся моя наука — ложь? Ужели боги, которыхъ Одинъ перенесъ съ скинскаго востока.... Но наступаетъ виноградный мѣсяцъ; еще нѣсколько ночей, и солнце, которое, по всѣмъ предсказаніямъ, должно было закатиться надъ союзомъ короля и его невѣсты, приведетъ опредѣленный день: а Альдита еще жива, и Эдвоэ томится въ тоскѣ; и война стоитъ между невѣстою и жертвенникомъ.... Такъ, духъ мой утратилъ свои силы, и оставилъ меня удрученною мракомъ ночи, слабою, дряхлою и безнадешною женою!

Крупныя слезы сознавیا человѣческаго безсилія потекли по щекамъ вала. Въ это мгновеніе раздался тихій, но тѣмъ не менѣе ужасный хохотъ. Вала обратилась въ ту сторону, и увидала на краю болота что то похожее на упавшій пень, или на колоду, въ какихъ пастухи поить скотъ; такъ неподвижно, такъ неопредѣленно лежало это загадочное существо на краю болота, среди густой болотной травы. Какъ ни тихъ былъ его хохотъ, но отъ него стыла кровь въ жилахъ.

Существо это стало медленно ворочаться, встало, приняло человеческій образъ; и прорицательница узнала въ ней ту же самую вѣдму, которую она разбудила на могилѣ саксонскаго витязя.

— Гдѣ же хоругвь? сказала вѣдма, положивъ свою руку на руку Гильды, и устремивъ на нее мутные и слизистые глаза: гдѣ хоругвь, которую твои сѣнныя дѣвушки ткали для графа Гарольда? Зачѣмъ бросила ты эту работу, которую любовь начала для короля Гарольда? Спиши домой, и вели своимъ дѣвушкамъ сидѣть всю ночь за работою; очаруй ее рунами и чарами сенда. Отнеси хоругвь королю Гарольду въ свадебный даръ; потому что день его рожденія будетъ днемъ его союза съ прекрасною Эдвюью!

Гильда безмолвно смотрѣла на безобразное существо; и прежняя гордость ея была такъ унижена, что царственная прорицательница, которая прежде посмотрѣла бы съ презрѣніемъ на эту подлую тварь, дерзавшую пускаться въ ея великую науку, теперь затрепетала передъ нею въ суевѣрномъ страхѣ.

— Подобная ли ты мнѣ смертная? спросила она послѣ непродолжительнаго молчанія: или одно изъ тѣхъ существъ, которыя часто являются пастухамъ, когда въ туманъ и ненастье, они гонять свои стада? одно изъ тѣхъ существъ, о которыхъ люди не знаютъ, дѣти ли они земли или ада? бывали ли они подвергнуты удѣлу и условіямъ плоти, или же составляютъ особое страшное племя между плотью и духомъ, равно ненавистное богамъ и людямъ?

Страшная вѣдма покачала головою, будто отказывая въ отвѣтъ на вопросъ, и сказала:

— Сядемъ у смраднаго, гнилаго, болота, и если ты хочешь быть такъ же мудрою какъ я, пробуди всѣ испытанныя тобою скорби и обиды; наполни душу свою ненавистью, и пусть каждая мысль твоя будетъ проклятіемъ. Ничто не сильно на землѣ, кромѣ воли; а ненависть для воли тоже, что желѣзо въ рукахъ ратника.

— А, вижу, сказала Гильда; ты принадлежишь къ той подлой породѣ, котораго волшебная сила пронстекаетъ не изъ стремящейся къ небу души, а изъ злобы адскаго сердца. Между мной и тобою не можетъ-быть ничего общаго. Я изъ роду тѣхъ, кого всѣ безусловно чествли и передъ кѣмъ всѣ благоговѣли, какъ передъ прорицателемъ воли небесной; и пусть лучше отуманено и ослаблено будетъ мое прозрѣніе, человеческими ощущеніями надежды и любви, чѣмъ просвѣтителся огнемъ злобы, которую Локъ и Рана питаютъ къ дѣтямъ человѣковъ.

— Неужели ты будешь так слабодушна и мягкосердна, — сказала вѣдьма съ злобымъ презрѣніемъ, — зная что другая заступила мѣсто твоей Эдионъ, и что всѣ мечты твоей жизни разрушены? — Ты не возненавидишь человѣка, оскорбившаго и тебя и ее? — человѣка, который никогда не стяжалъ бы престола, еслибы ты не взлелѣяла въ его сердца честолубія и жажды власти? — Вспомни все это, и — прокляни!

— Проклятiе мое изпепелило бы сердце, прикованное къ его сердцу, отвѣчала Гильда; потомъ вдругъ присовокупила, будто желая укрыться отъ собственныхъ помысловъ: — Да не говорила ли ты мнѣ сама сейчасъ, что обидя будетъ изглажена и что невѣста станетъ еще его супругою въ назначенный день?

— Такъ ступай же домой... домой! твои хоругви очерованными челнокомъ; шей ее золотомъ и зерномъ бурмицкииъ, какъ прилично королевской хоругви; потому что, говорю тебѣ, гдѣ будетъ водружена эта хоругвь, тамъ сожметъ Эдионъ возлюбленнаго въ супружескія объятія. И совершится *хвата*, которую ты читала на магальномъ камнѣ и въ храмѣ мстительныхъ боговъ древняго Брита.

— Мрачная дочь Гелы, сказала прорицательница, боги ли или духи ада вдохновили тебя, но голосъ въ моей душѣ говоритъ мнѣ, что ты провинила истину, до которой не достигала моя наука. Послушай: ты бѣдна и безпріютна, я дамъ тебѣ столько золота, что хватитъ на весь твой достаточной вѣкъ, если ты согласишься стать со мною у жертвенника Тора, и своею черною наукою разгадаешь тайны, передъ которыми уничтожается мой разумъ. Что я ни прорѣвала, всегда все исполнялось; но совѣтъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ духъ мой читалъ руны и сны, листья и воду, звѣзды и свѣтлыхъ мертвецовъ. Супругъ мой убитъ въ цѣтѣхъ лѣтъ; дочь лишилась разума и взыла отъ горести; супругъ ея зарѣзанъ у собственнаго отца. Свейнъ, котораго я любилъ какъ роднаго сына... — Тутъ вала остановилась, силась преодолѣть тоску и волненіе своего сердца. — Но я любила ихъ всѣхъ, продолжала она печальнымъ голосомъ сжавъ руки на груди; для всѣхъ вопрошала я будущее. И будущее обещало славу и величіе; я мангла ихъ къ высокой цѣли; а когда наступилъ опредѣленный часъ, обѣщаніе судьбы не исполнилось, но какъ?... вотъ и теперь, Эдионъ, послѣдній въ моемъ родѣ, Гарольдъ, гордость моей гордости!... Говори, дочь ночи и омерзѣнія, можешь ты разобрать пути, въ которыхъ бьется духъ мой, бессмысленный какъ муха въ сѣти паука?

— На третью ночь послѣ вынѣшней, стану я съ тобою передъ жертвенникомъ Тора, и разгадаю завѣтъ своихъ, неизвѣстныхъ и немилостивыхъ, которымъ ты служила вѣрою и усердіемъ. И прежде, чѣмъ взойдетъ солнце, величайшая тайна земли обнажится передъ твоимъ духомъ!

Когда вѣдьма кончила, туча поволокла луну; когда же луна опять вышла изъ-за тучи, вѣдьма уже исчезла. Только на поверхности смраднаго омута, плыла водяная крыса между густымъ тростникомъ; между деревьями пролетѣла сова, тяжело хлопая своими сѣрыми крыльями; а въ травѣ сверкали кровавые глаза ядовитой жабы.

Пльда пошла медленно домой, и сѣныя дѣвушки ея всю ночь работали надъ таинственною хоругвью. И всю ночь, на дворѣ, и въ разрушенномъ перистилѣ, со страхомъ и съ яростью выли и лаяли сторожевыя собаки. А подѣ окномъ комнаты, гдѣ работали дѣвушки и гдѣ прорицательница произносила свои чары, — лежало темное, безобразное существо, и злобно что то бормотало; на это-то существо выли и лаяли со страхомъ и съ яростью сторожевыя собаки.

II.

Все въ Вестминстрскомъ дворцѣ отзывалось смущеніемъ и уныніемъ тяжелаго часу; — все, кромѣ палаты совѣта, гдѣ пріѣхавшій въ предыдущую ночь Гарольдъ совѣщался съ своими тегнами. Былъ уже вечеръ: дворцовые дворы и палаты были наполнены вооруженными людьми, и почти каждый часъ пріѣзжали гонцы и всадники съ суссекскихъ береговъ. Въ сѣняхъ и проходахъ толпились паредворцы, перешептываясь между собою, какъ въ день кончины короля Эдуарда. Стигандъ, блѣдный и озабоченный, прошелъ между нихъ. Всѣ бросились къ нему, за совѣтомъ и ободреніемъ.

— Не идти ли намъ къ королевскому ополченію? спросилъ одинъ молодой рыцарь, помянувъ своихъ собратьевъ; — ободрять ратныхъ людей пѣснями?

— Вздоръ, отвѣчалъ Стигандъ; если мы это сдѣлаемъ, а Норманъ будетъ побѣдителемъ, что станется съ нашими землями? Герцогъ идетъ на Гарольда, а не на Англію. Если онъ убьетъ Гарольда....

— Что же?

— Намъ останется еще Этеллингъ. Останемся мы здѣсь, чтобы

охранять послѣднюю вѣтвь Сердикова роду, прошепталъ Стигандъ, и пошелъ далѣе.

Въ палатѣ, гдѣ король Эдуардъ испустилъ духъ, сидѣла вдовствующая королева, съ своею преемницею Альдитою, съ Гитою и другими боярскими женами, и ожидала рѣшенія совѣта. У одного изъ оконъ стояли, сжавъ другъ другу руки, юная жена Гурта, и невѣста безпечнаго Леофвайна. Гита сидѣла одна, склонивъ голову на руки, въ глубокой горести, оплакивая судьбу своего преступнаго сына, и эта новая утрата растравляла вновь не зажившія еще раны сердца по недавней смерти Тайры. Вдова Эдуарда тщетно старалась утѣшить благочестивыми увѣщаніями Альдиту, которая, едва обращая на нее вниманіе, вскакивала отъ времени до времени въ трепетъ и вѣтерпѣнія, шепча про себя: — Уже ли я лишусь и этого вѣнца?

Въ палатѣ совѣта шло жаркое преніе о томъ, благоразумнѣе ли было немедленно дать сраженіе Вильгельму, или дождаться, чтобы войско Гарольдово подкрѣпилось силами, которыя онъ велѣлъ собрать въ быстромъ переѣздѣ изъ Йорка, и которыя онъ ожидалъ въ скоромъ времени.

— Отступая передъ врагомъ, сказалъ Гуртъ, мы завлечемъ его въ незнакомую страну, передъ самымъ наступленіемъ зимы, и онъ останется безъ продовольствія. Идти на Лондонъ онъ едва ли рѣшится; а если и рѣшится, мы къ тому времени успѣемъ пргготовиться его встрѣтить. Мое мнѣніе, не подвергать успѣха всего похода случайности одного сраженія.

— Это твоё мнѣніе? сказалъ Вебба съ негодованіемъ. — Я увѣренъ, что не такъ разсудилъ бы отецъ твой; и не такъ мыслятъ Кентскіе Саксонцы. Норманы разоряютъ всѣ земли твоихъ подданныхъ, Гарольдъ; живутъ грабежемъ, какъ разбойники, въ отчинѣ короля Альфреда. Не думаешь ли ты, что народъ твой бодрѣ пойдетъ сражаться за отечество, когда услышитъ, что король его отступается передъ опасностью?

— Твоя рѣчь мужественна и благоразумна, сказалъ Гаконъ; и всѣ взоры устремились на юнаго сына Свейнова, какъ на того, кто всѣхъ лучше зналъ нравъ вепріятельскаго войска и искусство его предводителя. — У насъ теперь рать ободренная и воспламененная побѣдою надъ врагомъ, доселѣ считавшимся непобѣдимымъ. Кто побѣдилъ Норвежца, не отступитъ передъ Норманомъ. Побѣда еще болѣе зависитъ отъ духа войска, чѣмъ отъ числа. Каждый часъ промедленія ослабляетъ бодрость духа; а увѣрены ли мы, что оно увеличитъ число войска? Не мечта нор-

навскаго герцога должны мы болѣе всего страшиться, а его хитраго ума. Повѣрьте мнѣ; если мы не пойдѣмъ на него немедленно, онъ прямо пойдетъ на Лондонъ; и будетъ объявлять по всей дорогѣ, что онъ пришелъ не затѣмъ, чтобы завладѣть престоломъ, а чтобы наказать Гарольда. Страхъ его грознаго ополченія, не встрѣтивъ сопротивленія, разольется паническимъ ужасомъ по всей землѣ. Многіе соблазнятся его лживыми убѣжденіями, другіе будутъ застрашены силою, которой король не смѣетъ встрѣтить силою. А когда онъ будетъ въ виду города, горожане и люди торговые не устроятся, думаете вы, одной мысли о грабежѣ и разореніи? При первомъ загорѣвшемся домѣ, они готовы будутъ завопить о мнрѣ и помилованіи. Городъ нашъ не въ состояніи выдержать осады; его стѣны давно обрушились, а Норманы прославились въ осадномъ искусствѣ. Довольно ли мы тѣсно связаны между собою, въ особенности при недавнемъ воцареніи новаго рода, чтобы не могли родиться между нами козни и распри? Приди Вильгельмъ — и кто намъ поручится, что не выставятъ новаго претендента на престолъ? хоть бы малолѣтняго Эдгара? И съ какимъ позоромъ падѣмъ мы тогда, отъ собственныхъ несогласій! Притомъ, хотя никогда еще различныя области нашей земли не были такъ дружны между собою, какъ нынѣ, однакоже между ними существуютъ еще разграниченія, и сосѣдъ смотритъ на сосѣда, какъ на чужаго. Нортмберцы, пожалуй, не тронутся, чтобы подать руку помощи Лондону, а Мерція будетъ держаться въ сторонѣ отъ нашихъ опасностей. Положимъ же, что Вильгельмъ возьметъ Лондонъ; вся Англія упадетъ духомъ и разединится; каждый округъ, каждый, городъ будетъ заботиться только о томъ, чтобы ему самому остаться цѣлу. Намъ говорятъ, что медленіемъ мы ослабимъ силы врага. Нѣтъ, мы только истощимъ свои. Скучна, правда, наша казна; но взявъ Лондонъ, Вильгельмъ овладѣетъ и этою казною и сверхъ того, всеѣмъ богатствомъ нашихъ горожанъ. А чѣмъ мы будемъ тогда содержать войско? придется обирать народъ и возстановлять его противъ себя. И гдѣ держать намъ войско? чѣмъ его оборонять? гдѣ наши крѣпости? гдѣ наши горы? Медлительная война годна въ странѣ покрытой горами и ущельями, или крѣпостями и окопами. Тегны и ратники, нѣтъ у васъ другихъ крѣпостей, кромѣ вашей груди и кольчугъ. Откажитесь отъ нихъ, — и мы погибли.

Общій одобрительный говоръ былъ отвѣтомъ на рѣчь Гакона, который звѣненъ обстоятельства, на которыя большая часть

историковъ не обратила достаточнаго вниманія, повялъ необходимость прибѣгнуть къ разуму храбрыхъ сердецъ, и отразить незаконное нападеніе немедленнымъ сопротивленіемъ.

Гарольдъ всталъ и сказалъ:

— Благодарю васъ, братья Англичане, за одобреніе, которымъ вы отвѣчали собственнымъ моимъ мыслямъ въ устахъ Гакона. Попустимъ ли мы, говорить, что король вашъ бросился выгонять роднаго брата изъ предѣловъ оскорбленной Англіи, и отступилъ передъ мечемъ чужеземца Нормана? По дѣломъ стали бы мои храбрые подданные бѣгать изъ подъ моей хоругви, если бы она лѣниво развѣвалась надъ стѣнами этого дворца, между тѣмъ какъ вооруженный хищникъ раскинулъ лагерь свой въ сердцѣ Англіи. Вильгельмовы силы, каковы бы они ни были, насколько не уменьшатся чрезъ наше медленіе; наша боязнь только усиливъ ихъ. Мы не знаемъ въ точности какъ велико его ополченіе; извѣстія мѣняются съ каждымъ гонцомъ; измѣнчивая молва то увеличиваетъ ихъ, то уменьшаетъ. Развѣ мы не можемъ выставить немедленно нашихъ опытнѣйшихъ бойцовъ, цвѣтъ нашихъ ратей, побѣдителей Гардреды? Ты правъ, Гуртъ, въ томъ, что не слѣдуетъ подвергать успѣха всего дѣла случайности одной битвы. Правда. Но ей подвергнется одинъ Гарольдъ, а не Англія. Положимъ, что мы выиграемъ сраженіе; чѣмъ оно скорѣе совершится, тѣмъ славнѣе будетъ подвигъ, и тѣмъ прочнѣе миръ, внутренній и внѣшній, которому лучшимъ основаніемъ служить всегда убѣжденіе въ силѣ, не оставляющей оскорбленія ненаказаннымъ. — Положимъ, что мы его проиграемъ; славная смерть короля можетъ обратить пораженіе въ побѣду. Почему бы примѣру нашему не возбудить и не воспламенить всѣхъ остающихся въ живыхъ? Что подаетъ благороднѣйшій примѣръ, и болѣе способный одушевить согражданъ на оборону отечества: спяны ли живыхъ вождей, или славная смерть витязей лицомъ къ врагу? — Будь что будетъ, жизнь или смерть, мы по крайней-мѣрѣ разрѣдимъ норманскіе ряды, и груди нашихъ тѣлъ послужатъ окопамъ для прегражденія имъ пути. По-крайней-мѣрѣ мы покажемъ остальной Англіи какъ сыны ея должны защищать родную землю! А если, какъ я надѣюсь, въ каждой авглійской груди бьется сердце, подобное Гарольдову, какое дѣло, что падеть король? Отечество бессмертно.

Онъ умолокъ, и вынулъ изъ ноженъ свой булатный мечъ; по примѣру его, мигомъ обважались всѣ мечи; и въ эту минуту

въ каждой груди, по крайней мѣрѣ въ палатѣ собранія, забилося сердце Гарольда.

III.

Вожди разошлись, чтобы готовить войско къ предстоявшему на слѣдующій день походу; Гарольдъ же съ своими братьями вошелъ въ комнату, гдѣ женщины ожидали рѣшенія совѣта. Это было ихъ прощальнымъ свиданіемъ. Король рѣшился, сдѣлавъ послѣднія военныя распоряженія, провести ночь въ Вольтгемскомъ храмѣ; братья же его должны были ночевать при вѣрныхъ имъ отрядахъ, въ городѣ и въ посадахъ. Одинъ Гаконъ оставался при отрядѣ, расположенномъ внутри и вокругъ дворца.

Они вошли въ комнату, и тотчасъ каждое сердце отъяскало болющееся для него сердце; въ многочисленномъ собраніи никто, казалось, и не примѣчалъ присутствія другаго. Гуртъ склонилъ свою благородную голову надъ обливающимся слезами лицомъ юной супруги, въ послѣдній разъ припадавшей къ его груди. Безпечный Леофвайнъ, съ улыбкою на устахъ, но дрожащимъ голосомъ вмѣстѣ утѣшалъ и журнулъ юную дѣву, обѣщавшую стать подругою жизни, которой его веселый нравъ обѣщалъ непрерывное счастье; и по временамъ срывалъ поцѣлуй съ щеки, уже не думавшей о защитѣ.

Но холоденъ былъ поцѣлуй Гарольда въ лобъ Альдиты; съ тайнымъ презрѣніемъ, и съ горькимъ воспоминаніемъ о болѣе высокой любви, успокоивалъ онъ страхъ, пронестекавшій изъ однихъ себялюбивыхъ помысловъ.

— О Гарольдъ, сказала Альдита, не увлекайся неразумнымъ удалствомъ; береги жизнь свою ради меня. Безъ тебя, что станется со мною? Могу ли я даже здѣсь оставаться безопасно? Не благоразумнѣе ли будетъ бѣжать въ Йоркъ, или просить убѣжища у Малькома Шотландскаго?

— Не дайте, какъ черезъ три дня, отвѣчалъ Гарольдъ, придутъ въ Лондонъ твои братья. Повинуйся ихъ распоряженіямъ, дѣйствуй какъ они заблагоразсудятъ, по полученіи извѣстія о моей побѣдѣ или смерти.

Гарольдъ вдругъ остановился, услышавъ за собою дрожащій голосъ юной супруги Гурта, которая говорила сквозь рыданія мужу:

— Подумай обо мнѣ, мой возлюбленный; все помыслы твои

должны принадлежать теперь Англiи. А если.... если.... — Тутъ голось ея прервался, но оправившись, она продолжала съ гордостью: — Что же? и тогда жена твоя будетъ безопасна, потому что она не переживетъ своего супруга и отчизны!

Король отошелъ отъ своей супруги, и обнялъ невѣстку.

— Благородная душа! сказалъ онъ; пока подобны тебѣ будутъ наши жены и матери, Англiя переживетъ паденiе тысячи королей.

Онъ отвернулся, и преклонилъ колѣна передъ Гитюю. Она обвила руками его широкую грудь, и горько зарыдала.

— Скажи, Гарольдъ, скажи, что я не попрекала тебя смертью Тостига. Я повиновалась завѣщанiю моего супруга Годвина. Всѣ твои дѣйствiя считала я мудрыми и правосудными, ужели теперь лишусь я и тебя? И всѣ остающiеся мнѣ сыновья идутъ съ тобою.... всѣ кромѣ узника Вольнота, котораго я болѣе не увижу. О Гарольдъ, не оставь мою старость бездѣтною!

— Матушка, любезная матушка, въ твоихъ объятiяхъ оживаю я новою жизнью и крѣпнетъ мое сердце. Нѣтъ, никогда не попрекала ты меня смертью моего брата, не попрекала ни чѣмъ, что предписывалъ мнѣ долгъ мужа. Не ропщи же, если долгъ призываетъ насъ опять. Мы, чрезъ тебя, сыновья царственныхъ богатырей; а чрезъ отца — вольныхъ Саксонцевъ. Радуйся, что у тебя остаются три сына, за которыхъ ты можешь просить Небо, чтобы оно послало крѣпость и успѣхъ ихъ рукамъ, и на чьихъ могилахъ, если они падутъ, ты не будешь проливать слезъ стыда и позора!

Тутъ вдова короля Эдуарда, — которая до сихъ поръ, блѣдная и съ полураскрытыми устами, слушала Гарольда, — не могла долѣе удержать своего человѣческаго, женскаго сердца; она бросилась къ Гарольду, стоявшему еще на колѣнахъ передъ Гитюю, стала на колѣна подлѣ него, и съ любовью и отчаянiемъ сжала его въ своихъ объятiяхъ.

— Братъ, вскричала она; братъ, котораго я любила такъ пламенно, когда мнѣ была воспрещена всякая другая любовь; когда повелитель мой далъ мнѣ вѣнецъ, но не отдалъ своего сердца; когда, вспоминая счастливые, давно минувшiе дни юности, въ которые ты былъ моимъ покорнымъ ученикомъ, и мы вмѣстѣ мечтали о грядущихъ свѣтлыхъ дняхъ блаженства и славы, и любя тебя любовью, какъ мнѣ казалось, слишкомъ похожую на

любовь слабой матери къ смертному сыну, — я просила Бога, чтобы онъ далъ мнѣ силу отрѣшиться сердце отъ всѣхъ земныхъ узъ.... о Гарольдъ, прости мнѣ теперь мою холодность. Я содрогаюсь твоей рѣшимости; трепещу мысли, что ты долженъ идти на того, кому ты присягалъ въ покорности.... Не сердись, я, я покорюсь волѣ твоей, моего брата и короля; знаю, что ты избралъ путь, который указываетъ тебѣ совѣсть и повелѣваетъ долгъ. Но возвратись — ты, который, — тутъ голосъ ея понизился — подобно мнѣ принесть въ жертву свое семейное счастье на алтарѣ отчизны; возвратись, братъ мой Гарольдъ, и я не буду болѣе молить небо, чтобы оно дало мнѣ силу не любить тебя такъ пламенно!

Тутъ во всей комнатѣ послышались одни тихія рыданія и отрывистыя восклицанія. Всѣ столпились въ одинъ кружокъ; — Леофвайнъ съ своею невѣстою, Гуртъ съ своею женою, и даже сама Альдита, увлеченная высокимъ самоотверженіемъ окружающихъ, — всѣ столпились вокругъ Гиты, матери трехъ хранительей злостачной земли, и стали на колѣна подлѣ Гарольда.

IV.

На колѣнахъ передъ ступенями вольтгемскаго храма молилась въ эту ночь Эднъ за Гарольда.

Она поселилась въ небольшомъ домикѣ, примыкавшемъ къ этому славному храму; но дала слово Гильдѣ не начинать своего искуса, пока не минуетъ день рожденія Гарольда. Сама она уже не вѣрила знаменьямъ и предсказаніямъ, обманывавшимъ ея юность, и убившимъ ея жизнь; и духъ ея теперь сталъ спокойнѣе, и покорился своей судьбѣ. Но вѣсть о нашествіи Нормана и о возвращеніи въ столицу побѣдоноснаго короля проникла и въ это мирное убѣжище; и любовь, слившаяся въ сердцѣ ея съ вѣрою, привлекла ее къ подножію этого уединеннаго храма. И между-тѣмъ, какъ она стояла на колѣнахъ, освѣщенная одною луною, смотрѣвшюю сквозь высокія окна, слухъ ея внезапно поразили приближающіеся шаги и шепчущіеся голоса. Она вскочила въ страхъ; — дверь храма отворилась настежь, показались факела, и въ толпѣ сановниковъ и рыцарей между Осгуда и Эйлреда, вошелъ самъ король. Онъ пришелъ въ послѣднюю ночь передъ походомъ раскаяться въ единственномъ

грѣхъ, который могъ оледенить его руку и задавить его душу въ часъ нужды отечества.

Эднѣ подавила крикъ, который готовъ былъ вырваться изъ груди ея, когда факела освѣтили блѣдное, озабоченное и грустное лицо Гарольда, и тотчасъ прокралась между тяжелыхъ саксонскихъ устоевъ, въ тѣнь прилегающей стѣны. Савонники и король, занятые своими заботами, не обратили вниманія на удивительную, блуждающую тѣнь. Они приблизились къ жертвеннику и стали пѣть гимны; потомъ король медленно опустился на колѣна. Но между тѣмъ какъ Осгудъ держалъ руки надъ наклоненною головою короля, со свода храма сорвало корнизъ, который чуть не упалъ на голову короля, наклонившагося передъ Осгудомъ.

Невольный ужасъ охладилъ сердца присутствующихъ, кромѣ Эднѣ, стоявшей слишкомъ далеко, чтобы видѣть знаменье, и самаго короля, надъ которымъ оно произносило приговоръ; потому что лицо его было закрыто руками. Тяжелый камень лежалъ у него на сердцѣ, и не нужно ему было другихъ знаменій, кромѣ собственной тоски.

Долго и безмолвно стоялъ на колѣнахъ король; когда же онъ всталъ, и запѣли измѣнившимися и дрожащими голосами послѣднюю пѣсню, Эднѣ тихо прокралась вдоль стѣны, и пройдя въ небольшую дверь, ушла въ свое убѣжище. Долго стояла она неподвижно, подавленная силою волненія, которое возбудило въ ней внезапное появленіе Гарольда. Какъ трепетало, при видѣ его, сердце дѣвушки, полное любви! Дважды уже присутствовала она, сестра его души, невидимо, тайно, поодаль, при этихъ обрядахъ, и смотрѣла на него. Она видѣла его въ часъ славы и величія, съ вѣнцомъ на головѣ, и видѣла въ часъ бѣдствія и страданія, когда голова короля повергалась въ прахъ. И она радовалась его величію, котораго не могла раздѣлить; теперь же... о теперь, какъ желала бы она повергнуться въ прахъ подлѣ него!

Факела пылали на дворѣ; храмъ опять опустѣлъ; люди медленно возвращались въ свои жилища; одинъ только человекъ остановился, своротилъ въ сторону и подошелъ къ воротамъ болѣе скромнаго убѣжища: послышался легкій стукъ въ дубовые ворота, и сторожевая собака залаяла. Эднѣ вздрогнула, и прижала руку къ трепещущему сердцу. Къ дверямъ ея комнаты приближались шаги, и чрезъ мгновеніе вошла женщина, и пригласила ее идти внизъ, проститься съ родственникомъ своимъ, королемъ.

Гарольдъ стоялъ въ простомъ покоѣ, служившемъ приѣмною;

одна свѣча, высокая и тонкая, горѣла на дубовомъ столѣ. Женщина ввела Эднѣ за руку, и по знаку короля удалилась. И вотъ еще разъ на землѣ, увидѣлись разлученные любовники насдинѣ.

— Эднѣ, сказалъ король, голосомъ, въ которомъ ничье ухо, кромѣ ея, не замѣтило бы борьбы: не думай, чтобы я пришелъ нарушать твой покой, или преступно напоминать тебѣ невозвратное прошедшее: на груди моей, гдѣ я вѣкогда по старинному обычаю отцовъ, написалъ твое имя, теперь написано имя той, которая заняла принадлежавшее тебѣ мѣсто. Прошедшее перешло въ вѣчность; но я не могъ отправиться на битву, съ которой нѣтъ возврата, на которую я рѣшился поставить свой вѣнецъ или жизнь — не увидѣвшись еще разъ съ тобою, чистый геній хранитель моихъ счастливейшихъ дней. Не буду просить тебя о прошеніи мнѣ всѣхъ горестей, которыми я въ слѣпотѣ человеческихъ мечтаній, оплатилъ за твою покорную, преданную, чистую любовь! Ты одна, можетъ быть, на землѣ знаешь душу Гарольда; и если онъ виновенъ передъ тобою, ты увидишь въ виновникѣ и въ жертвѣ прегрѣшенія однихъ дѣтей желѣзнаго долга, рабовъ неутомимаго неба. Не прошенія твоего пришелъ я просить, Эднѣ, мой чистый, свѣтлый геній!... Тутъ голосъ его прервался, и онъ склонилъ передъ нею свою вѣчную голову, какъ передъ богиней.

— О, если бы мнѣ дана была сила простить тебя! вскричала Эднѣ, мужественнымъ усиленіемъ воли подавляя потокъ слезъ, готовый политься изъ глазъ ея:—но да, я имѣю эту силу! не собственнымъ своимъ достоинствомъ стяжала я ее, а всѣмъ, чѣмъ обязана тебѣ. Обладательствованное сердце имѣетъ силу благословлять. И чѣмъ не обязана я тебѣ... той самой любви, даже въ своей скорби? Любви твоей сошла на меня, бѣдную сироту, взрослую въ домѣ волшебницы. Духъ мой пробудился въ этой любви: каждый мыслель, отрывавшійся отъ земли, и возносившійся къ небесамъ, былъ влитъ въ мое сердце тобою. Я твое твореніе и твой раба; если бы уста твои искушали меня на грѣхъ, грѣхъ показался бы мнѣ безгрѣшнымъ въ твоихъ устахъ; но ты сказала:—Истинная любовь—добродѣтель; и я стала поклоняться добродѣтели изъ любви къ тебѣ. Укрѣпленная, очищенная твоею свѣтлою бесѣдою, отъ тебя получила я силу отречься отъ тебя; отъ тебя научилась я искать убѣжища подъ кровомъ вѣры: отъ тебя получила я твердое вѣрованіе, что совершится еще нашъ союзъ! Не на этой переходящей землѣ, какъ мечтастъ бѣдная Гильда въ своей слѣпой мудрости, — а тамъ, тамъ, въ той

странѣ, гдѣ всякій духъ исполненъ любви. Да, душа Гарольда! есть сила и святость въ благословеніи, которое изречетъ надъ тобою — тобою же искупленная и очищенная душа!

И лицо дѣвы, въ то время какъ она произносила эти слова, и положила руку, дрожавшую не земною страстью, на царственную голову, ожидавшую ея прощенія, озарилось такою чудною, такою неземною красотою, что если бы чистый духъ рая хотѣлъ явиться глазамъ смертнаго, онъ принялъ бы ея образъ.

Такъ прошло нѣсколько мгновений въ глубокомъ молчаніи; но въ этомъ безмолвіи, бремя спало съ души Гарольда; она просвѣтлѣла, и бодро восприняла, готовая безтрепетно встрѣтить будущее.

Объятія и поцѣлуи не осквернили прощанія этихъ двухъ чистыхъ, высокихъ душъ, разставшихся на порогѣ могилы. Это было не прощаніе двухъ смертныхъ, а объятіе двухъ душъ, отрѣшавшихся изъ своихъ бранныхъ оболочекъ въ безконечность. Только когда рѣзкій воздухъ осенней ночи обхватилъ его, и луна заиграла на вѣтренныхъ его защитѣ кровахъ и полянахъ; Гарольдъ сталъ прежнимъ земнымъ героемъ; и Эднъ только возвратившись въ свою безотрадную келью, когда страхъ наступающей битвы вытѣснилъ образъ Гарольда изъ ея мыслей, сдѣлалась прежнему скорбящею женщиною.

Вскорѣ по разсвѣтѣ, дальняя родственница Годвинову дому, вошла въ келью Эднъ; но она сама была въ такомъ страхѣ и волненіи, что не замѣтила волненія дѣвочки. Въсть о знаменн, означавшемъ особенное покровительство неба Гарольду, разнеслась уже по обоимъ храмамъ, и наполнила всѣхъ таинственнымъ ужасомъ; Осгудъ и Эйльредъ были объаты такимъ безпокойствомъ и такою тоскою, что въ простодушной и благодарной любви своей къ вѣнценосному своему благодѣтелю, они на разсвѣтѣ еще оставили храмъ, рѣшившись слѣдовать за королевскою ратью, и бодрствовать близъ страшнаго поля сраженія. Эднъ выслушала разсказъ родственницы, не вымолвивъ слова. Страхъ ея овладѣлъ и ею; а примѣръ Осгуда и Эйльреда пробудилъ единственную мысль, которая свѣтилась еще въ непропцаемомъ иракѣ, объявшемъ ея сердце и разумъ; и когда эта женщина, въ полдень, пришла опять въ ея келью, Эднъ не было... Она ушла... ушла одна, и никто не зналъ зачѣмъ, и никто не могъ угадать куда.

На разсвѣтѣ Гарольдъ приближался къ мосту столицы; тутъ предстало ему англійское войско во всемъ своемъ блескѣ. Оно

величественно тянулось через мость; сѣкиры, дротикки и хоругви горѣли въ лучахъ солнца. Когда онъ посторонился, и ряды стали проходить мимо него, поднялся громкій и радостный кликъ: — Боже, храни короля Гарольда! перенесся через рѣку, разбудилъ сонное эхо въ древнемъ римскомъ дворцѣ, раздался въ палатахъ, возобновленныхъ Канутомъ, и слылся, будто отъбитый хоръ, съ моленіями жрецовъ на могилѣ Себбы, и на могилѣ Эдуарда,

Король съ радостнымъ лицомъ и ласковымъ взоромъ привѣтствовалъ ряды, и потомъ удалился въ тылъ, гдѣ, съ незапамятныхъ временъ, по обычаю саксонскихъ монарховъ помѣщалась королевская хоругвь, среди лондонскихъ горожанъ и мидльсекскихъ дружинъ. Поднявъ случайно глаза, онъ увидѣлъ вмѣсто своей старой хоругви съ изображеніемъ тигровыхъ головъ, новое, великолѣпное и странное знамя. На золотомъ полѣ было изображеніе сражающагося витязя; доспѣхи на немъ были покрыты бурмицкими зернами, а каймы знамени горѣли въ лучахъ восходящаго солнца рубинами, аметистами и изумрудами. Пока онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на великолѣпное знамя, Гаконъ, ѣхавшій рядомъ съ знаменосцемъ, приблизился къ нему и подалъ ему письмо.

— Ночью, сказалъ онъ, послѣ того какъ ты оставилъ дворецъ, пришло множество вновь набранныхъ воиновъ преимущественно изъ Гертфорда и Эссекса; но самые рослые изъ нихъ, самые неустрашимые и искусные въ военномъ дѣлѣ, были ратные люди Гильды. Они-то принесли съ собою эту хоругвь, на которую она расточила всѣ дорогіе камни, доставшіеся ей черезъ длинный рядъ ея скандинавскихъ предковъ отъ Одинна, основателя всѣхъ сѣверныхъ престоловъ. Такъ, по крайней-мѣрѣ, рассказываютъ посланные отъ твоей сродницы.

Гарольдъ, между-тѣмъ, уже перерѣзалъ шелковинку, которое было обвязано письмомъ, и читалъ его; содержаніе письма было слѣдующее:

«Король Англіи, прощаю тебѣ горести моей внуки. Кому земля даетъ пропитаніе, тотъ обязанъ защищать ее. Посылаю тебѣ въ дань лучшіе плоды, родящіеся на поляхъ и въ лѣсахъ вокругъ дому, который супругъ мой получилъ отъ щедротъ Канута: мужественныя сердца и крѣпкія мышцы!... По матери своей Гитѣ, ты, подобно мнѣ, происходишь отъ воинственнаго бога сѣвера, котораго родъ никогда не пресѣчется; прими же, защитникъ саксонскихъ дѣтей Одинна, хоругвь, которую я вышила

жемчугомъ и камнями, привезенными съ востока родоначальникомъ Азовъ. Да будетъ стопа твоя тверда какъ любовь, и рука мощна какъ смерть, подъ сѣнью хоругви Гильды, и въ сѣннѣи, которымъ сокровища Одинновы озарятъ чело короля! Затѣмъ Гильда, дочь королей, шлетъ поклонъ Гарольду, предводителю мужей».

Гарольдъ подвѣлъ глаза съ письма, и Гаконъ продолжалъ:

— Ты не можешь представить себѣ, какой восторгъ возбудила въ твоихъ ратникахъ эта хоругвь, которой они приписываютъ волшебную силу, и которую одно имя Одинна дѣлаетъ священною, по крайней мѣрѣ въ глазахъ свирѣпыхъ Англо-Датчанъ.

— Хорошо, Гаконъ, отвѣчалъ Гарольдъ съ улыбкою. Пусть прежде очистятъ чару Гильды, и да проститъ намъ небо употребленіе чаръ, которые возбуждаютъ новое мужество въ сердцахъ защитниковъ отечества. Но намъ не мѣшаетъ немножко побѣстать, потому что войско должно пройти мимо холма, гдѣ стоитъ древній жертвенникъ и саксонскій курганъ; Гильда будетъ безъ сомнѣнія поджидать нашего прохода, и намъ надо остановиться, чтобы поблагодарить ее за хоругвь, и еще болѣе, я думаю, за ея ратниковъ. Вонъ тѣ рослые молодцы, кажется, что идутъ такъ стройно и все въ кольчугахъ, передъ лондонскими Ггорожанамя, ея дань нашему ополченію?

— Такъ точно, отвѣчалъ Гаконъ.

Король удержалъ лошадь, чтобы поровняться съ отрядомъ, и привѣтствовать его своимъ королевскимъ словомъ; потомъ остался съ Гакономъ еще далѣе въ тылу, какъ будто затѣмъ, чтобы осмотрѣть огромный обозъ съ продовольствіемъ и оружіемъ, всегда слѣдовавшій за саксонскимъ войскомъ, и служившій къ укрѣпленію его лагеря. Но когда они подъѣхали къ холму, мимо котораго войско прошло гораздо прежде, король и Гаконъ сошли съ коней и пѣшкомъ вошли въ обширный кругъ кельтскихъ развалинъ.

Близъ тевтонскаго жертвенника представились имъ два совершенно неподвижныя существа; но одно лежало, растянувшись на землѣ и, казалось, погруженное въ глубокой сонъ или мертвое; другое же сидѣло подлѣ него, будто сторожило мертвое тѣло, или охраняло спящаго. Лицо послѣдняго не было видно, потому что оно опирало локти на колѣна, и закрывалось руками. Въ лицѣ же лежащаго, подошедши ближе, они узнали датскую пророчательницу. На блѣдномъ лицѣ ея была написана

смерть въ самыхъ ужасныхъ чертахъ; невыразимая тоска и леденящій ужасъ выражались въ складкахъ и напряженныхъ жилахъ лба, въ искривленныхъ устахъ, и дикомъ, стеклянномъ блескѣ открытыхъ глазъ. При восклицаніи изумленія, вырвавшимся изъ груди двухъ неожиданныхъ посѣтителей этого жилища безшолвія и ужасу, живое существо зашевелилось; подняло голову, опирая его однако же по прежнему на руки; и если бы нѣтъ представился сѣверный упырь, ползущій надъ взрытою могилою, они едва ли такъ бы содрогнулись, какъ передъ злобнымъ, адскимъ выраженіемъ этого загадочнаго существа.

— Кто ты? спросилъ король; и по какому случаю тѣло благородной Гильды валется подъ открытымъ небомъ, лишённое приличныхъ ему почестей? Эта смерть не можетъ быть отъ руки природы.... Смотри, Гаконъ, глаза выпучены, всѣ черты скорченны какъ бываетъ у того, кого ужасъ злодѣйскаго убійства убиваетъ прежде, чѣмъ успѣетъ коснуться его сталь. Говори, вѣдьма.... или ты опѣмѣла?

— Осмотри тѣло, отвѣчала вѣдьма: не найдешь на немъ ни одной раны; осмотри горло: нѣтъ на немъ слѣдовъ насилія. Я много перевидала ихъ на своемъ вѣку, а на этомъ трушѣ нѣтъ ничего подобнаго. Ты сказалъ правду: ужасъ убилъ ее! Ха, ха, ха! она хотѣла знать,—и узнала; хотѣла вызывать мертвецовъ и духовъ ада,—и дозвалась; хотѣла разгадать загадку,—и разгадала! Блѣдный король и мрачный юноша, хотите знать, что видѣла Гильда?.... Ха, ха, ха! спросите у нея въ царствѣ тѣни, гдѣ она поджидаетъ васъ. А! и вы также хотѣли проникнуть тайны будущаго! Пресмыкайтесь въ прахъ, какъ черви! ползайте по своей землѣ! Одна такая ночь, какою тѣшитесь въ часъ своего веселья презираемая вами вѣдьма, оледенитъ кровь въ вашихъ жилахъ, сожметъ жизнь въ вашихъ звницахъ, обратитъ васъ въ труны, подобные тому, что лежитъ у вашихъ ногъ, ва содрогаете и на диво подобнымъ вамъ червямъ!

— Какъ! вскричалъ король, топнувъ ногою.—Бѣги, Гаконъ, забудь весь домъ; созови всѣхъ служанокъ, приведи палача и людей, чтобы схватить этого подлаго вѣрона.

Гаконъ повиновался; но когда онъ возвратился съ изумленною и содрогательною прислугою, вѣдьмы уже не было, а король стоялъ опираясь на жертвенникъ, съ потушенными глазами, со смущеніемъ и мрачною душою въ лицѣ.

Тѣло вальс отнесли домой; и король, пробудясь изъ своей та-

желой думы, велѣлъ призвать жрецовъ и приказалъ имъ творить свои обряды по душѣ усопшей. Потомъ, вставъ на колѣна передъ тѣломъ, онъ закрылъ ему вѣки, сгладилъ морщины и печально приложилъ уста къ оледенѣвшему лбу. Исполнивъ этотъ священный долгъ, онъ оперся на руку Гакона, и пошелъ къ мѣсту, гдѣ они оставили своихъ лошадей. Въ лицѣ Гакона не видно было ни удивленія, ни страха; эти чувства казались неизвѣстными его мрачной, угрюмой, безстрастной душѣ; сходя съ холма, онъ сказалъ спокойно:

— Какія бѣдствія предсказала тебѣ вѣдьма?

— Гаконъ, отвѣчалъ король, наше будущее,— то, къ которому должны теперь стремиться наши взоры, и которое мы должны готовиться встрѣтить неустрашимо, — тамъ, на суссекскомъ берегу. Эти знаменья и видѣнія, — одни тѣни умершаго вѣрованія, привидѣнія высылаемыя изъ могилы трепещущимъ язычествомъ; они пугаютъ насъ затѣмъ только, чтобы отвлекать отъ исполненія нашихъ обязанностей... Смотри: вокругъ насъ стоятъ развалины всѣхъ вѣрованій, по очереди заставляющихъ сердца людей трепетать ложнымъ страхомъ; вотъ храмъ древнихъ Бритовъ; вотъ храмъ языческихъ Римлянъ; вотъ истлѣвающій жертвенникъ нашего праотеческаго Тора! Въ этихъ разбитыхъ образахъ лежатъ вокругъ насъ осколки минувшихъ вѣковъ. Возникъ новый вѣкъ, и новое, истинное вѣрованіе вытѣснило прежнія. Будемъ держаться простыхъ истинъ, доступныхъ нашему разуму: свято исполнять долгъ свой здѣсь; знаніе же будетъ дано намъ только въ будущей жизни.

— А эта будущая жизнь.... не близка ли она? прошепталъ Гаконъ.

Онъ молча сѣлъ на коней; но прежде чѣмъ нагнали войско, будто по невольному влеченію, оба остановились и оглянулись назадъ. Мрачно и тоскливо стояли храмъ и жертвенникъ; казалось, будто съ таинственною смертію Гильды умеръ навѣки и ихъ послѣдній, догорающій духъ, — духъ мрака и свирѣпства, воинственный, волшебный сѣверъ. А на окраинѣ лѣсу стоялъ еще въ тѣни, мрачный и неопредѣленный образъ безымянной вѣдьмы, и, протянувъ руку, указывалъ на нихъ съ видомъ карающей угрозы! Какъ будто, при всякой вѣрѣ, — какъ она ни проста, и какъ ни ясна и свѣтла ея истина— есть врожденное суевѣріе на предѣлѣ между міромъ видимымъ и невидимымъ, которое всегда найдетъ своихъ служителей и послѣдователей, пока небо не озаритъ вселенной полнымъ блескомъ своей славы, и не разсѣветъ съ нею послѣднюю тѣнь!

V.

На обширной равнинѣ между Пьюнси и Гастингсомъ, герцогъ Вильгельмъ построилъ свое ополченіе. Въ тылу онъ поставилъ деревянную крѣпостцу, которая была привезена на кораблѣ, разобранная по частямъ, и которая должна была служить убѣжищемъ на случай отступленія. Суда свои онъ велѣлъ вывести въ открытое море и потопить, чтобы этимъ отнять у своихъ разнородныхъ и многочисленныхъ полковъ всякую мысль о возвращеніи на родину безъ побѣды. На нѣсколько миль тянулись его передовые посты, и были на сторожѣ день и ночь, чтобы предупредить нечаянное нападеніе. Избранное имъ мѣстоположеніе было чрезвычайно удобно для движеній конницы, которой не видно до того ничего подобнаго въ Англіи, а можетъ-быть и на всей землѣ; почти каждый всадникъ былъ рыцарь, а каждый рыцарь годился самъ въ вожди. На этой равнинѣ Вильгельмъ дѣлалъ безпрестанные смотры своему войску, придумывалъ, прилаживалъ, испытывалъ и переживалъ всѣ хитрости, какія могла потребовать эта великая битва. Но всего тщательнѣе, всего неутомнѣе заботился онъ о маневрѣ притворнаго отступленія. Только развѣ авторъ какой-нибудь новѣйшей драмы съ такимъ же усердіемъ прилаживаетъ каждое лицо, каждый взглядъ, каждое движеніе, чтобы составить изъ нихъ картину, надъ которою долженъ опуститься занавѣсъ среди оглушительныхъ рукоплесканій, съ какимъ хитрый Норманъ училъ каждого воина, прилаживалъ каждое движеніе, чтобы заманить храбраго противника. Атака пѣхоты, ея отбой, притворное замѣшательство, отрывистые крики отчаянія; отступление, сначала неохотное и мѣстное, потомъ общее и поспѣшное, наконецъ бѣгство въ условномъ безпорядкѣ; потомъ, по условному знаку, мгновенное возвращеніе къ строю, нападеніе конницы изъ засады, движеніе вокругъ преслѣдующаго врага, отраженіе отряда въ тылъ, чтобы воткнутымъ въ землю дротиками отрѣзать Саксонцевъ отъ главныхъ силъ ихъ, и отъ оставленной позиціи; все это было придумано и слажено съ самымъ изумительнымъ мастерствомъ въ дѣлѣ военнаго искусства, и схвачено съ ловкостью взрослыхъ на этомъ дѣлѣ ветерановъ.

Не съ полудикими витязями Сѣвера бороться тебѣ теперь, Гарольдъ, не съ ихъ праотцовскими военными приѣмами; на тебя идетъ воинство устроенное; вся хитрость Рима руководствуетъ богатствомъ Сѣвера.

Между тѣмъ какъ глаза герцога разгорались, глядя на эти упражненія пѣхоты и конницы, на блескъ оружія, и развѣваніе знаменъ, на движеніе и перестрой рядовъ, на завѣды, объѣзды, обороты конницы — и могучій голосъ его отдавалъ приказанія, Малле-де-Гравиль, начальствовавшій надъ передовыми постами, прискакалъ во весь опоръ, и сказалъ ему, задыхаясь:

— Король Гарольдъ приближается съ своимъ войскомъ, со всевозможною поспѣшностью. Онъ очевидно хочетъ грянуть на насъ въ распахъ.

— Стой! вскричалъ герцогъ, поднявъ руку, и окружавшіе его рыцари мгновенно остановились, какъ одинъ человѣкъ. Отдавъ нѣсколько короткихъ, но ясныхъ распоряженій брату своему Одо, Фицосборну и нѣкоторымъ другимъ вождямъ, герцогъ взялъ довольно многочисленный отрядъ конныхъ рыцарей, и поскакалъ съ нимъ къ Гравилеву передовому посту, чтобы собственными глазами взглянуть на подходящаго противника.

Всадники проскакали равнину, вступили въ борьбу, печально окрашивавшуюся въ золотистые отливы осени, и выѣхавъ изъ него, увидѣли блескъ саксонскихъ дротиковъ, тянувшихся по вершинамъ небольшихъ холмовъ. Какъ ни коротко было время, употребленное Вильгельмомъ на осмотрѣніе позиціи врага, оно было достаточно его вождямъ, чтобы привести обширный лагерь въ надлежащій порядокъ для встрѣчи противника. Вильгельмъ, взойдя на возвышеніе, отвернулся отъ саксонскихъ мечей, блестящихъ на противоположныхъ холмахъ, къ своимъ быстроходнымъ рядамъ, и сказалъ съ суровою улыбкою:

— Я полагаю, что саксонскій хищникъ, если онъ находится при войскѣ на тѣхъ высотахъ, дастъ намъ время перевести духъ. Небо отдаю его вѣнецъ въ наши руки, а тѣло его воронамъ, если онъ осмѣлится спуститься внизъ.

И действительно, какъ военачальнческій глазъ герцога ожидалъ отъ умнаго военачальника, такъ и случилось. Дротикъ остановился на высотахъ. Скоро стало очевидно, что англійскій полководецъ понималъ, что имѣлъ дѣло не съ Гардрадомъ, котораго можно было взять въ распахъ, что жюла не преувеличили ни числа, ни строгаго строе норманскихъ силъ, и что побѣда должна даться не тому кто будетъ смѣлѣе, а кто будетъ хитрѣе.

— Онъ совершенно правъ, сказалъ Вильгельмъ задумчиво; не думайте, мои вожди, что подъ желѣзнымъ шлемомъ Гарольда найдете вы горячую голову дурака. Какъ названо на нашей картѣ это мѣсто, взрѣзанное холмами и долинами? Странно, что мы

не обратили вниманія на его важность, и допустили соперника занять его. Какъ оно называется, не припомнить ли кто изъ васъ?

— Какой-то саксонскій мужикъ, сказалъ де-Гравиль, говорилъ мнѣ, что это мѣсто называется Сенлакомъ или Санглагомъ*, или какъ-то въ этомъ родѣ, на ихъ безомысленномъ нарѣчїи.

— Ну, воля твоя, возразилъ Гранмениль; а мнѣ кажется, что это названіе будетъ скоро всѣмъ знакомо; и оно звучитъ въ моихъ ушахъ нисколько не бессмысленнымъ нарѣчїемъ; напротивъ оно полно смыслу, — злобѣщаго смысла. Санглакъ — озеро крови.

— Санглакъ! сказалъ герцогъ, будто стараясь что-то припомнить; — гдѣ бы это я слышалъ такое названіе прежде? оно мнѣ что-то помнится сквозь сонъ.... Санглакъ.... Санглакъ!... да, ты правъ, намъ придется пройти черезъ озеро крови.

— Однакоже, возразилъ де-Гравиль, астрологъ твой предсказывалъ, что ты завладѣешь англійскимъ царствомъ безъ сраженія.

— Бѣдный астрологъ! сказалъ Вильгельмъ; корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, погибъ. Глупецъ, нечего сказать, кто беретъ предсказывать будущее другимъ, а самъ не видитъ на вершокъ передъ носомъ, что ожидаетъ его самаго! Безъ сраженія не обойдется, но еще не теперь. Послушай, Маме, ты долго гостилъ у хищника, и даже, если не ошибаюсь, нѣсколько полюбилъ его, — что отецъ понятво, потому что ты сражался съ нимъ рядомъ. послужи же мнѣ службу; ступай въ саксонскій станъ съ Гюгомъ Мегрѣ, и подкрѣпи посланіе, которое я поручу ему.

Гордый и шекотливый Норманъ сказалъ:

— Было время, графъ Вильгельмъ, когда я поставилъ бы себя за честь вести переговоры съ храбрымъ графомъ Гарольдомъ; но съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ надѣлъ вѣнецъ, я считаю безчестьемъ и позоромъ тратить слова съ невѣрнымъ долгу своему рыцаремъ и съ нарушителемъ клятвы.

— Однакоже, сдѣлай это не въ службу, а въ дружбу, сказалъ Вильгельмъ; и отвѣдя рыцаря въ сторону, продолжалъ: — потому что, скажу тебѣ откровенно, я не совсѣмъ спокоенъ на счетъ удачи сраженія. Эти люди воспламенены воспоминаніемъ недавней побѣды надъ величайшимъ витяземъ, когда либо являвшимся

* Поле сраженія близъ Гастингса до завоеванія Англїи Норманами называлось Сенлакомъ, а послѣ завоеванія Санглагомъ.

въ Норвегін; они будутъ драться на родной землѣ, и подѣ предводительствомъ челоѣка, котораго я читалъ и изучалъ еще тщательнѣе, чѣмъ Коментаріи Цезаря, и въ которомъ не смотря на его клятвопреступленіе я не могу не признать рѣдкаго военачальническаго ума. Если намъ удастся достичь своей цѣли безъ сраженія, не будетъ предѣловъ моей благодарности тебѣ, и я, пожалуй, готовъ буду признать твоего астролога великимъ челоѣкомъ, несмотря на его плохой конецъ.

— Конечно, сказалъ де-Граваль съ важностью, непростительнымъ пренебреженіемъ къ памяти звѣздочета было бы — не попытаться доказать, что наука его была не жива. Сами Халдеи....

— Провалиться тебѣ съ твоими Халдеями, пробормоталъ герцогъ съ досадою. Поѣдемъ со мною назадъ въ лагерь; я дамъ тебѣ наставленіе, и снаряжу своего посла:

— Де-Граваль, продолжалъ герцогъ, возвращаясь къ войску, вотъ краткѣе мое порученіе. Я не думаю, чтобы Гарольдъ согласился на мои требованія и сложилъ вѣнецъ, и желаю только посѣять сомнѣніе и недовѣріе въ его вождяхъ, и если можно, возбудить ихъ къ беспорядкамъ. По этому не требую отъ тебя, чтобы ты унижалъ свое рыцарское достоинство, стараюсь подолститься къ хищнику; напротивъ, тебѣ слѣдуетъ только смѣло объявить его клятвопреступленіе, и встревожить его людей. Можетъ-быть они принудятъ его вступить въ переговоры; а вѣроятнѣе, что они станутъ бѣгать изъ подѣ его знаменъ; во всякомъ случаѣ, званіе неправоты его дѣла охладитъ ихъ мужество.

— А, теперь понимаю, благородный графъ; можешь положить на меня, что я не ударю лицомъ въ грязь: буду говорить какъ прилично Норману и рыцарю.

Между-тѣмъ, Гарольдъ, видя что не было никакой надежды взять непріятели въ располхъ, рѣшился воспользоваться всѣми выгодами, какія представляла мѣстность. Занявъ весь рядъ холмовъ, онъ тотчасъ принялся окапываться за глубокими рвами и крѣпкими тынами. Довыитъ каждый, кто видитъ это мѣсто, невольно признаетъ рѣдкое военачальническое искусство, съ которымъ саксонскій вождь избралъ свою позицію, и принялъ свои мѣры къ оборонѣ. Онъ окружилъ главную силу своего воинства настоящимъ брустверомъ противъ натиска конницы. Крѣпкій плетень, составленный изъ крѣпкихъ кольевъ и жердей, переплетенныхъ пивкомъ, и защищенный глубокимъ ровомъ, уничтожалъ дѣйствіе оружія, въ которомъ Вильгельмово войско было

всего искусства, и котораго вовсе не было у Гарольда; свойство же мѣстности принуждало противника идти въ атаку взбираясь вверхъ, подъ сулицами и камнями, которые Саксонцы могли метать въ нихъ изъ за своихъ укрѣпленій.

Между тѣмъ какъ поспѣшно копались рвы и быстро воздвигались шетни, король развѣзжалъ по работамъ, ободряя всѣхъ словомъ и взглядомъ, раздавая приказанія, и дѣлая распоряженія. Вдругъ, случайно оглянувшись, онъ увидѣлъ Гакона, ведшаго къ нему, по подъему холма, жреца и ратника, въ которомъ, по флюгеру на его дротикѣ, и по изображенію на щитѣ, не трудно было узнать норманскаго рыцаря.

Въ это время его окружали Гуртъ и Леовайнъ, и тѣ изъ теговъ, которые управляли округами; всѣ они пришли за приказаніями. Король сошелъ съ лошади, и знакомъ велѣвъ имъ слѣдовать за нимъ, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ только что было водружено его королевское знамя. Остановившись тутъ, онъ сказалъ съ задумчивою улыбкою:

— Я вижу, что норманскій графъ посылаетъ намъ пословъ; вы, защитники Англии, должны вмѣстѣ со мною выслушать, что скажетъ намъ Норманъ.

— Если онъ посылаетъ не за тѣмъ, чтобы просить своимъ ратнымъ людямъ позволенія безопасно возвратиться въ Руанъ, то напрасно трудится; отвѣтъ нашъ будетъ коротокъ, отвѣчалъ грубоватый кентскій тегвъ, Вебба.

Между тѣмъ гонецъ и норманскій рыцарь приблизились, и остановились въ нѣсколькихъ шагахъ; Гаконъ же вышелъ впередъ и сказалъ равнодушно:

— Я нашелъ этихъ людей близъ нашихъ передовыхъ постовъ; они желаютъ говорить съ королемъ.

— Подъ своею хоругвю выслушаетъ король норманскаго хищника, отвѣчалъ Гарольдъ Пусть говорятъ.

Передъ Гарольда предстало то же угрюмое, мрачное, злобщее лицо, съ смертною блѣдностью, выглядывавшее изъ власяницы, которое онъ уже видѣлъ въ Вестминстерскихъ палатахъ, и Гюгъ Мегрѣ началъ:

— Отъ имени Вильгельма, герцога Нормановъ на полѣ, и графа Руанскаго въ своихъ чертогахъ, наследника всѣхъ земель Англии, Шотландіи и Валлоновъ, отчiny брата его Эдуарда, явился я къ тебѣ, графу Гарольду, его присяжнику.

— Переменяя титулы, или убирайся, сказалъ Гарольдъ съ гнѣвомъ, и обычное, краткое величіе его лица смѣнилось полумоч-

нымъ бракомъ.—Что скажетъ Вильгельмъ, графъ чужеземцевъ, Гарольду, королю Англовъ, и владыкѣ Британіи?

— Объявляя твое притязаніе незаконнымъ, отвѣчаю тебѣ, продолжалъ Меррѣ: Во-первыхъ, предлагаетъ тебѣ Вильгельмъ, какъ и прежде, Нортумберское графство, до самыхъ границъ шотландскаго короля, съ тѣмъ, чтобы ты исполнилъ свою клятву, и возвратилъ ему престолъ.

— Я уже отвѣчалъ, что не имѣю права располагать англійскимъ престоломъ; народъ мой окружаетъ меня, готовый защищать оружіемъ избраннаго имъ короля. Что далѣе?

— Далѣе, общается тебѣ Вильгельмъ вывести свое воинство изъ твоей земли, съ тѣмъ, чтобы ты, твой совѣтъ и твои вожди покорились суду короля французскаго, предоставивъ ему рѣшить, кто изъ двухъ, ты или мой государь имѣетъ болѣе правъ на престолъ.

— На это позволю отвѣчать мнѣ, какъ государственному совѣтнику, сказалъ одинъ изъ его тегновъ. — Неслыхано еще никогда въ Англии, чтобы французскій дворъ имѣлъ право ставить надъ нами королей.

— Притомъ, сказалъ Гарольдъ, съ горькою усмѣшкою, если свѣдѣнія мои не лживы, онъ изволилъ уже рѣшить, что наша саксонская земля принадлежитъ Норману. Я отвергаю судью, не имѣющаго надо мною никакого законнаго права суда, и не признаю его оскорбительнаго рѣшенія. Все ли теперь?

— Еще остается одно предложеніе, отвѣчалъ посолъ угрюмо; его объяснитъ тебѣ этотъ рыцарь. Но прежде чѣмъ я удалюсь, и ты съ своими единомышленниками будешь предашь небесной карѣ, я долженъ еще передать тебѣ рѣчь владыки, который выше и сильнѣе Вильгельма Руанскаго. — Гарольдъ, клятвopеступникъ, ты проклятъ.

При этихъ словахъ, которые впервые открыли англійскимъ вождямъ, что надъ ихъ королемъ и надъ всѣмъ ихъ царствомъ таготѣло грозное проклятіе, тегны и рыцари поблѣднѣли и съ трепетомъ переглянулись между собою. Явный ужасъ прошелъ по всему воинственному собранію, кромѣ трехъ человекъ,—Гарольда, Гурта и Гакона.

Самъ король не могъ удержать своего гнѣву и негодованія при этой дерзкой угрозѣ приговоромъ, который, не ограничиваясь одною его головою, грозился уничтожить самостоятельность и права цѣлаго народа. Онъ быстро подошелъ къ послу, и норманскіе лѣтописцы утверждаютъ, что онъ поднялъ руку, чтобы повер-

гнать глашатая на землю. Но Гуртъ удержалъ его, и съ спокойнымъ лицомъ и свѣтлымъ взоромъ, въ которомъ горѣло одно благородное негодованіе, сталъ между королемъ и посломъ.

— Ты, сказалъ онъ, котораго уста расточаютъ такія слова, а сердце служить замысламъ коварства, закрой лицо фатою, и иди назадъ къ посланному тебѣ. Слышали вы, тегны и рыцари, слышали вы, какъ лицемерный посолъ предлагалъ, подъ предлогомъ мира и желанія правосудія, чтобы Франкъ былъ судьей между нашими королемъ и Норманомъ? и еслибы вы дались въ его сѣти, вамъ оставалось бы только униженно сиклонить головы передъ приговоромъ самозваннаго суда, который, безъ вашего согласія, дерзаетъ самовольно распоряжаться свободнымъ народомъ и драгоценнымъ королевствомъ!

— Правда, правда! вскричали тегны, оправившись отъ страха перваго мгновенія, и пылая негодованіемъ на коварную уловку, крышующую надъ сдѣланнымъ имъ предложеніемъ. Не хотимъ его слушать далѣе; прочь коварнаго посла.

Блѣдное лицо посла стало еще блѣднѣе; онъ, казалось, самъ испугался поднятой имъ бури, и, трепеща передъ гнѣвными лицами собранія, поспѣшилъ укрыться за спиною своего товарища рыцаря, который во все это время не говорилъ ни слова, а стоялъ неподвижно, съ опущеннымъ налѣчникомъ, какъ стальная статуя. Эти два посла, одинъ въ власняницѣ, а другой въ желѣзныхъ доспѣхахъ, были будто представители олицетворенія двухъ силъ, готовившихся обрушиться на Гарольда и на Англію.

Увидѣвъ внезапное пораженіе своего товарища, рыцарь выступилъ впередъ, и отбросилъ назадъ шлемъ, такъ что онъ весь повисъ на затылкѣ; открывъ лицо и часть гладко остриженной головы, Малё-де-Гравиль сказалъ:

— Вожди и ратные люди Англіи, проклятіе лежитъ на васъ за преступленіе одного человѣка! снимите его съ себя: пусть проклятіе и его послѣдствія падутъ на голову одного виновнаго. Гарольдъ, именующій себя королемъ Англіи, отвергнуши два милостивѣйшихъ предложенія моего товарища, выслушай, что говорить тебѣ Вильгельмъ норманскій устами своего рыцаря, — нѣкогда бывшаго твоимъ гостемъ, почитателемъ и другомъ: — Хотя шестьдесятъ тысячъ человѣкъ подъ хоругвью ждутъ его приказаній, — а сколько я успѣлъ замѣтить, ты едва можешь выставить за свое неправое дѣло треть этого числа, — однако же Вильгельмъ готовъ отречься отъ всякихъ преимуществъ, кромѣ тѣхъ, которыя заключаются въ силѣ руки и въ правотѣ дѣ-

ла; и я, въ присутствіи твоихъ тегновъ, приглашаю тебя рѣшить споръ вашъ о царствѣ единоборствомъ. Согласенъ ты на конѣ и въ кольчугѣ, съ мечемъ и дротикомъ, помѣряться одинъ на одинъ съ Вильгельмомъ Норманскимъ?

Прежде чѣмъ Гарольдъ успѣлъ отвѣчать, и можетъ-быть увлеченъ личною храбростію, которой не смѣли оспаривать даже самые злые его норманскіе клеветники, въ дни торжества клеветы, — всѣ тегны вскричали почти въ одинъ голосъ:

— Нѣтъ; единоборство двухъ человекъ не можетъ рѣшать судьбы тысячъ!

— Никогда! подхватилъ Гуртъ. Смотрѣть на эту войну какъ на частный споръ двухъ вождей о томъ, кому владѣть престоломъ, — значило бы оскорблять весь народъ. Какъ скоро хищникъ вступилъ на нашу землю, онъ идетъ не на одного короля, а на весь народъ. Самое это предложеніе твоего норманскаго графа, — который не умѣетъ даже говорить на нашемъ языкѣ, — показываетъ какъ мало онъ знаетъ наши законы, по которымъ, подъ управленіемъ нашихъ родныхъ королей, отчизна наша также близка и дорога каждому изъ насъ, какъ и самому королю.

— Ты слышалъ изъ этихъ устъ отвѣтъ всей Англіи, сирѣ де-Гравилъ, сказалъ Гарольдъ; я могу только повторить и подтвердить его. Не отдамъ я Вильгельму престола взами́въ безчестія и грабства, не признаю и суда. Не нарушу начала, связывающаго въ нашемъ царствѣ короля и народъ, пресовнѣ одной своей рукѣ право располагать судьбою и правами живущихъ, и ихъ верожденныхъ еще потомствъ; не лишу даже послѣдняго изъ своихъ ратниковъ счастья и чести биться за свою родную землю. Если Вильгельмъ желаетъ помѣряться со мною, онъ найдетъ меня тамъ, гдѣ жарче будетъ горѣть битва, и гдѣ поле чаще будетъ усыяно грудами труповъ его воиновъ, найдетъ меня защищающимъ эту хоругвь, или наступающимъ на его собственную. И такъ само небо да разсудитъ насъ!

— Да будетъ твоя воля, отвѣчалъ Маллѣ де-Гравилъ, торжественно, и надвигая свой шлемъ на лицо. Берегись измѣнникъ рыцарскому слову, клятвopреступникъ, и хищникъ престола! Мертвые, невинно павшіе возстанутъ войною на тебя.

Послы отвернулись безъ привѣтствія и безъ поклоу, и безмолвно удалились.

VI.

Остальная часть дня и весь слѣдующій день употреблены обоими воиствами на окончаніе своихъ приготовленій къ битвѣ.

Вильгельмъ охотно медлилъ сколько было возможно объявленіемъ сраженія; потому что онъ еще не терялъ надежды, что Гарольдъ оставитъ свою крѣпкую позицію и станетъ дѣйствовать наступательно; сверхъ того ему хотѣлось дать время своимъ клеветамъ довести до изступленія фанатизмъ всѣхъ, ополчавшихся подъ хоругвью, своими представленіями объ умѣренности Вильгельмова посольства, и о преступной надменности Гарольдова отъказа.

Съ другой стороны, Гарольдъ считалъ каждое промедленіе выигрышемъ, потому что оно давало ему возможность болѣе укрѣпить свои окопы, и возможность дождаться подкрѣпленій, которыя онъ велѣлъ набрать и выслать, или которыя могъ подвигнуть патриотизмъ народа. Но увы! эти подкрѣпленія были рѣдки и скудны; пришло вѣскольکو бродягъ изъ ближайшихъ мѣстъ, но не пришло подкрѣпленіе отъ Лондона, и негодующее отечество не высылало несмѣтныхъ полчищъ. Въ самомъ дѣлѣ, самая слава Гарольда, самый успѣхъ, постоянно сопровождавшій его во всѣхъ походахъ, усвливали это глупое равнодушіе народа. Его тяжелый умъ не могъ себѣ представить, чтобы тотъ, кто недавно еще разбилъ грозныхъ Норвежцевъ, подъ предводительствомъ могучаго Гардреды, могъ быть побѣжденъ этими и грушками Французами, какъ величали въ Англіи Нормановъ; тѣмъ болѣе, что по свойственному всѣмъ островитянамъ пренебреженію къ сосѣдамъ, народъ вовсе не зналъ Нормановъ, и помнилъ только, что видѣлъ какъ они разбѣжались во всѣ стороны по возвращеніи Годвина изъ изгнанія.

И это еще было не все: въ Лондонѣ составлялись козни въ пользу юваго Этелинга. Родовое право, какъ его ни устранять, такъ врожденно человѣку, что даже самый отдаленный потомокъ древняго роду всегда найдетъ вѣскольکو приверженцевъ. Осторожные торговцы сочли благоразумнѣйшимъ не вступаться дѣлательно за царствующаго короля въ настоящей его борьбѣ съ норманскимъ претендентомъ; множество мнимыхъ политиковъ проповѣдывали, что всего лучше для отечества оставаться до поры до времени въ нейтральномъ положеніи. Предположивъ даже худшее, твердили они, предположивъ, что Гарольдъ будетъ побѣжденъ или убитъ, — не лучше ли беречь свои силы на защи-

ту Этелинга? Вильгельмъ могъ имѣть личныя причины ссоры съ Гарольдомъ, но не могъ имѣть никакого неудовольствія на Эдгара; онъ могъ желать низложенія Годвинова сына; но статочное ли дѣло, чтобы онъ дерзнулъ низложить потомка Сердикова, правнанаго наследника Эдуарда? И есть причины думать, что Стигандъ и большая часть саксонскихъ тегновъ были такого же мнѣнія.

Но въ массѣ народа не было предвѣренной извѣстности изъ притворности къ тому или другому вождю. Если онъ оставилъ Гарольда безъ содѣйствія въ часъ опасности, причину тому должно искать въ себлюбивой неподвижности, въ упрямой самонадѣянности, въ долгомъ мирѣ и невѣжественномъ суевѣрїи, которыя ослабили всѣ старыя пружины саксонской души; въ томъ равнодушіи ко всему старому, которое родилось изъ презрѣнія къ стариннымъ мнѣніямъ и родамъ; въ томъ бояливомъ духѣ разсчета, который родило неомѣренное уваженіе къ богатству, и который побуждалъ людей бояться оставить свои ремесла или поля, чтобы подвергнуться трудностямъ и опасностямъ похода, или даже утратить свое имущество въ случаѣ успѣха чужеземца.

Многіе, свыкнувшись уже съ чужеземными королями, и помня, что хорошо имъ было и подъ управленіемъ Канута, говорили: «Какое дѣло намъ кто сидитъ на тронѣ! тотъ или другой, король все равно будетъ править по нашимъ законамъ.» Другіе твердили обычный доводъ лѣнныихъ, тяжелыхъ умовъ: «Еще успѣемъ! одержать одну побѣду, еще не значитъ завоевать Англію. Будетъ Гарольдъ пораженъ; ну, такъ тогда будетъ пора намъ ополчиться.»

Ко всѣмъ этимъ причинамъ бездѣйствія и отпаденія надо еще присоединить духъ вадменной вражды и зависти, существовавшій между неслившимися еще влолѣвъ племенами. Нортонберскіе Датчане, не довольно еще проученные недавнею выручкою ихъ отъ Норвежцевъ, смотрѣли съ неблагодарнымъ равнодушіемъ на войну, ограничивавшуюся еще однимъ южнымъ берегомъ. Обширная область Мерціи также мало была расположена тронуться съ мѣста, въ дѣлѣ, не касавшемся ея прямо. Юные же графы этихъ двухъ областей были еще слишкомъ новы въ управленіи ихъ, чтобы имѣть сильное вліяніе на подданныхъ; къ тому же они находились въ это время не въ своихъ столицахъ, а въ Лондонѣ, и оставались тутъ вѣроятно затѣмъ, чтобы не давать воли виновникамъ тайныхъ козвей въ пользу Этелинга. Такъ мало принесли пользы, въ часъ величайшей нужды, бракъ Гароль-

да съ Альднутою; а для этой пользы онъ пожертвовалъ счастьемъ своей жизни!

Не должно забывать въ исчисленіи обстоятельствъ, оковавшихъ силы Англіи въ этотъ тяжелый часъ испытанія, самое положеніе теововъ, дѣлавшее все низшее сословіе совершенно равнодушнымъ къ судьбѣ отечества. Слишкомъ поздно воспрянулъ народный духъ среди нарушенія всѣхъ обѣщаній, но подъ желтвоею пятою норманскаго поработителя. Если бы этотъ духъ пробудился на одинъ только день во всей своей мощи, при Гарольдѣ, сколько было бы отвращено бесполезнаго кровопролитія и бѣдствій! Вѣчный позоръ малодушнымъ отступникамъ, вѣчная слава павшимъ въ защитѣ родной земли! Вся надежда Англіи заключалась въ скудныхъ рядахъ безсмертнаго воинства, стоявшаго на гастингскомъ полѣ. Долго будетъ тамъ храниться, въ утѣху жалкому людскому тщеславію, списокъ именъ хищниковъ-завоевателей. А въ какой скрижали записаны ваши имена, храбрые защитники родной земли?... О, да услышится на небесахъ молитва дѣвственной королевы! и вы, души славныхъ умершихъ, да возстанете изъ могилъ, очищенные отъ всѣхъ грѣховъ, и имена ваши, забытыя на землѣ, да будутъ сіять чистыми, славными лучами среди ликовъ небесныхъ!

Пасмурно стеллился вечерній мракъ, и восходящія звѣзды тускло мерцали сквозь накопившіяся тучи; Гарольдъ, кончивъ все свои приготовленія и распоряженія, сидѣлъ въ своей палаткѣ съ Закономъ и Гуртомъ, а передъ ними стоялъ человѣкъ, родомъ полу-Французъ, только что возвратившійся изъ норманскаго лагеря.

— Такъ ты вмѣшался въ норманское войско, и не былъ замѣченъ? спросилъ Гарольдъ.

— Не совсѣмъ такъ, государь: былъ замѣченъ. Я вступилъ какъ-то въ бесѣду съ однимъ рыцаремъ, который, какъ я слышалъ послѣ, называется Маллѣ де-Гравилемъ. Онъ лгиво принималъ, будто вѣрляя всѣмъ моимъ сказкамъ, корнямъ, помылъ меня съ такимъ радушіемъ и такою любезностью, какъ бы равняло себя госю, и потому вдругъ сказалъ мнѣ: «Гарольдомъ лазутчикъ, ты пришелъ подсмотреть силу норманскаго воинства. Твое желаніе будетъ исполнено; иди за мною!» И повелъ меня по всѣмъ рядамъ, — я былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха. И скажу тебѣ, король, что я считалъ бы себя несчастливымъ какъ солдатъ, и неострашимымъ мнѣ воина морская, если бы не то, что —

какъ оно ни покажется тебѣ невѣроятнымъ, — я видѣлъ между ними больше рыцарей чѣмъ ратниковъ.

— Ты шутишь! сказалъ Гуртъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, не шучу. Я видѣлъ ихъ по цѣлымъ тысячамъ.

Гарольдъ продолжалъ спрашивать лазутчика. Улыбка пропала съ его лица при разказахъ не только о смѣтныхъ силахъ врага, но еще объ огромныхъ запасахъ сулицъ и стрѣлъ, и почти невѣроятномъ числѣ конницы.

Когда лазутчикъ былъ отпущенъ, король обратился къ своимъ братьямъ.

— Какъ вы думаете? спросилъ онъ: не съѣздитѣ ли намъ самимъ посмотрѣть на силы врага? Ночь скоро совсемъ стемнѣетъ, кони наши быстры и не подкованы желѣзомъ какъ у Нормановъ: трава насъ не выдастъ. Какъ вы думаете?

— Славная мысль, вскричалъ веселый Леофвинъ. Я очень радъ посмотрѣть на кабана въ его логовищѣ, прежде чѣмъ дамъ ему отвѣдать острія своего дротика.

— А у меня, сказалъ Гуртъ, во всѣхъ жилахъ бьетъ лихорадка, и я не прочь освѣжить ее ночнымъ воздухомъ. Поѣдемъ: я знаю всѣ пути и тропинки въ этой сторонѣ, потому что я прежде не разъ хаживалъ сюда съ соколомъ и собаками. Только пождемъ, чтобы ночь совершенно стемнѣла, и чтобы все улеглось.

Тучи затянули все небо и угрюмо висѣли надъ землею; туманъ холодно и сѣро стлался по дальнимъ мѣстамъ, когда четыре саксонскіе вождя сѣли на лошадей и отправились на свое тайное и опасное предпріятіе.

Не взяли они съ собой
 Челюдинцевъ удалыхъ,
 Взяли только щитъ стальной,
 Да копье, да мечъ на злыхъ,

говорятъ первый пѣвецъ норманскихъ подвиговъ.

Гуртъ служилъ проводникомъ. Пройдя мимо своихъ собственныхъ часовыхъ, они вступили въ небольшой лѣсъ, и съ извилистой тропинки по временамъ могли видѣть разведенные огни, которые разливали красноватый свѣтъ на норманскій станъ.

Вильгельмъ придвинулъ свое войско миль на двѣ отъ самыхъ передовыхъ постовъ Саксонцевъ, и ставилъ свои ряды на меньшее пространство; такимъ образомъ саксонскіе вожди, при свѣтѣ огней на сторожевой цѣпи, могли составить себѣ довольно вѣр-

ное понятіе о грозномъ воинствѣ, съ которыми они должны были бороться на слѣдующій день. Мѣсто, на которомъ они стояли, было довольно высоко и прикрыто тѣнью бора; сверхъ того они вѣдали передъ собою одинъ изъ тѣхъ широкихъ рововъ, часто встрѣчавшихся по саксонскимъ границамъ; такъ, что даже въ случаѣ, если бы ихъ замѣтили, ихъ отдѣляла отъ врага преграда, черезъ которую не легко было пройти.

Норманскій лагерь представлялъ настоящій военный городокъ. Сжатые и правильные ряды плетеныхъ изъ вѣтвей шалашей для простыхъ ратниковъ, образовали широкія улицы, которыя вели къ палаткамъ рыцарей, и къ болѣе просторнымъ и роскошнымъ шатрамъ графовъ и бароновъ. Тутъ развѣвались хоругви Бретани и Авижу, Фландріи, Бургундіи, и даже Франціи, потому что въ норманскомъ войскѣ было нѣсколько французской вольницы, которая присвоила себѣ право итти подъ знаменемъ своего отечества. На самой серединѣ военнаго городка возвышался великолѣпный шатеръ самого Вильгельма; и передъ входомъ его сіялъ золотой драконъ, украшавшій древко хоругви. Во всѣхъ концахъ лагерь раздавались стукъ молотковъ по наковальнямъ оружейниковъ, мѣрные шаги часовыхъ, ржаніе и фырканіе лошадей. По рядамъ шалашей и палатокъ безпрестанно входили и выходили изъ кузницъ рослые и здоровые работники, которые несли кольчуги, бердыши и стрѣлы. Ни одного звука пировапія, ни веселаго смѣху не слышно было въ станѣ; все суетилось и хлопотало, но съ важностью и степенностью разсудительныхъ людей, готовящихся на великое дѣло. Стоя безмолвно на пригоркѣ, саксонскіе вожди могли сквозь далекій говоръ разслышать тяжелое дыханіе другъ друга.

Наконецъ, изъ двухъ палатокъ, стоявшихъ по правую и по лѣвую руку герцогскаго шатра, раздался свѣтлый, серебристый звонъ, будто звонъ небольшихъ серебряныхъ колоколовъ. При этихъ звукахъ, по всему лагерю прошло примѣтное движеніе. Стукъ молотковъ умолкъ, и ратники и рыцари высыпали изъ зеленыхъ шалашей и сѣрыхъ палатокъ; безконечные ряды живыхъ людей построились по улицамъ лагерь, оставляя по серединѣ свободный, хотя и узкій проходъ. Саксонцы увидѣли, при свѣтѣ тысячи факеловъ, длинные ряды рыцарей и отшельниковъ, шедшихъ по разнымъ улицамъ, въ своихъ бѣлыхъ мантияхъ. Гдѣ они останавливались—ратники становились на колѣна, и первые воздвигали надъ ними руки въ знакъ покровительства неба. Вдругъ изъ одной изъ боковыхъ улицъ, съ окранны лагерь, въ

виду всего воинства, выступилъ самъ Одо. И къ самымъ послѣднимъ, къ самымъ презрѣннымъ членамъ воинства, къ поденщикамъ, оторваннымъ отъ своихъ мирныхъ и смиренныхъ ремеслъ, къ отверженцамъ и гною европейскаго общества, — сорванцамъ, набраннымъ изъ альпійскихъ или рейнскихъ разбойничьихъ шаекъ, — ко всѣмъ подходилъ братъ герцога, самый надменный человѣкъ, котораго честолюбіе уже тогда шѣтло въ верховные сановники. Сторожевые огни разливали свой красный свѣтъ на его надменное лицо и бѣлоснѣжную мантию, между-тѣмъ какъ дѣти гнѣва и войны на колѣнахъ окружали его.

Гарольдова рука сильно стиснула руку Гурта, и прежняя ненависть его къ этому человѣку выразилась въ его горькой улыбкѣ и шопотѣ. На лицѣ Гурта были написаны только печаль и безпокойство.

Въ это мгновеніе, когда весь рой ратниковъ вышелъ изъ шалашей и палатокъ, они могли вполнѣ увидѣть чрезвычайное неравенство ихъ силъ съ силами противника; и сверхъ численнаго превосходства — страшное, фанатическое мужество, которое одушевляло военный городъ съ одного конца до другаго, освящая въ глазахъ его несправедливость.

Саксонскіе вожди не говорили ни слова. Но когда воины-отшельники прошли въ отдаленнѣйшія части лагера, ратники въ ближайшемъ концѣ скрылись въ своихъ шалахахъ, и ряды факеловъ двинулись въ отдаленнѣйшія улицы, будто ряды движущихся звѣздъ. Гуртъ тяжело вздохнулъ, и поворотилъ лошадь, чтобы не видѣть этого прискорбнаго зрѣлища.

Но едва вожди проѣхали половину лѣсу, какъ изъ неприятельскаго лагеря раздалось торжественное пѣніе множества голосовъ. Потому что въ это время наступилъ третій часъ ночи*; а въ этотъ часъ, по повѣрью того вѣка, и добрые и злые духи носились надъ землею.

Съ невыразимымъ величіемъ, полная торжественности и тоски, неслась эта пѣснь по тяжелому и мрачному воздуху, и раздавалась сквозь тѣшу лѣса; она звучала въ ушахъ всадниковъ, дотѣхъ-поръ, пока они не выѣхали изъ лѣса, и веселые сторожевые огни съ собственныхъ ихъ холмовъ не освѣтили ихъ пути. Быстро и безмолвно проскакали они равнину, миновали сторожевую цѣпь, и стали подниматься по склону холмовъ, гдѣ были расположены главные силы. Какъ не похожи были поразившіе

* Полночь.

ихъ здѣсь звуки, на то, что они слышали за лѣсомъ! Многочисленные кружки ратниковъ сидѣли около яркихъ огней, и рога и стопы съ виномъ весело ходили изъ рукъ въ руки; непрестанные задравные возгласы, хохотъ, отрывки изъ старыхъ пѣсень, временъ короля Ательстана, или,—гдѣ сидѣли Англо-Датчане,—болѣе оживленныхъ и огненныхъ пѣсень сѣверныхъ морскихъ грабителей, все отзывалось временами язычества, когда война была отрадою людей, а Валгалла ихъ небомъ.

— По истивѣ, сказалъ Леофвинъ, съ сіяющимъ лицомъ: вотъ звуки и зрѣлище, отъ которыхъ становится легче на сердцѣ послѣ унылыхъ пѣсень и длинныхъ лицъ тѣхъ стриженныхъ головъ. Клянусь тебѣ, я чувствовалъ, какъ кровь стыла въ моихъ жилахъ, когда ихъ погребальное пѣніе раздалось сквозь лѣсъ. Эй, Сексвольфъ, мой добрый молодецъ! подай-ко намъ свой полный рогъ вина, да смотри, знай мѣру, мой отважный витухъ; завтра нужны намъ будутъ крѣпкія ноги и холодныя головы.

Услышавъ прѣвѣтствіе молодого графа, Сексвольфъ, шировавшій на славу съ нѣсколькими сѣдыми тѣлохранителями Гарольда, вскочилъ и подалъ ему рогъ, съ любовью и преданностью смотря на его улыбающееся лицо.

— Заруби себѣ на память слова брата, Сексвольфъ! сказалъ Гарольдъ строгимъ голосомъ: руки, которыя будутъ пускать завтра въ насъ стрѣлы, не будутъ дрожать отъ цѣлой ночи шированья.

— Не дрогнутъ и наши руки, господишъ мой и король, снѣло отвѣчалъ Сексвольфъ: головы наши выдержать и вино и удары; а... (тутъ онъ сталъ говорить почти шопотомъ) въ войскѣ идетъ такая молва, что намъ-де не сдобровать, что я ни за всѣ удѣлы твоихъ благородныхъ братьевъ не хотѣлъ бы вести ихъ въ бой, не давъ имъ повеселиться эту ночь.

Гарольдъ не отвѣчалъ, а пошелъ далѣе; когда онъ поравнялся съ храбрыми Кентскими Саксонцами, чистыми сыновьями саксонской земли, и самыми ревностными приверженцами Годвинова дому, его встрѣтило такое искреннее, такое радостное, такое полное любви и преданности ура, что его королевское сердце встрепенулось въ его груди. Онъ сошелъ съ лошади, вошелъ въ кружокъ ратниковъ, и съ величественною откровенностью спрашивалъ любимаго вождя, благодарилъ каждого ласковою улыбкою и одобрительнымъ словомъ. Потомъ онъ сказалъ повелительно:

— Черезъ часъ идо, чтобы шированіе кончилось: послан-

цы обойдутъ вездѣ, чтобы соблюсти мое приказаніе. Тогда ложитесь спать и выспитесь крѣпко, мои храбрые молодцы, а завтра бодро вставайте съ жаворонками!

— Будетъ исполнено по твоему приказанію, возлюбленный нашъ король, вскричалъ Вебба, ведя рѣчь отъ имени всѣхъ ратниковъ. Не бойся за насъ, мы готовы на животъ и на смерть за тебя!

— На животъ и на смерть за тебя, и за родную землю! подхватила вся кентская дружина.

Близъ королевскаго шатра, подъ хоругвью, было болѣе порядку и чинности, и менѣе разгуду; потому что тутъ стояли собственные тѣлохранители короля и лондонскіе и мидльсекскіе охотники: люди болѣе развитые въ своихъ понятіяхъ, чѣмъ масса войска, и потому имѣвшіе болѣе точное поватіе о могуществѣ норманскаго оружія.

Гарольдъ вошелъ въ свой шатеръ, бросился на свое ложе, и погрузился въ глубокую думу; братья и Гаконъ безмолвно стояли передъ нимъ, не спуская съ него глазъ. Наконецъ Гуртъ подошелъ къ нему, преклонилъ передъ нимъ колѣна, съ почтительностію не водившеюся въ ихъ частныхъ сношеніяхъ, и взявъ его руку, смотрѣлъ нѣкоторое время ему въ лицо прослезнившимися глазами, и потомъ сказалъ:

— О, Гарольдъ! никогда не обращался я къ тебѣ съ просьбою, которая была бы тобою отвергнута; не отринь же и этой просьбы; всѣхъ труднѣе будетъ она тебѣ для исполненія; но ни на одной не имѣлъ я права такъ наставлять. Не думай, возлюбленный братъ и король, чтобы я безъ всякаго уваженія, необдуманно растравлялъ самую кровавую рану твоего сердца. Но, силою или коварствомъ выманена твоя клятва, ты во всякомъ случаѣ присягалъ Вильгельму, и присягалъ на рыцарскій мечъ; не выходи въ эту битву.... да, я вижу, эта же мысль таятся и въ твоей душѣ; она отзывалась тебѣ нынче утромъ въ словахъ посла; она же терзала тебя при видѣ грознаго лагеря; избѣгай этой битвы! не ходи самъ съ оружіемъ на человѣка, съ которымъ ты связанъ присягою!

— Гуртъ, Гуртъ! вскричалъ Гарольдъ, поблѣднѣвъ и задрожавъ.

— Мы, продолжалъ братъ его, мы, по-крайней-мѣрѣ, не давали клятвы; насъ никто не обвинитъ въ клятвopеступленіи; надъ нашими головами безслѣнъ громъ человѣческаго проклятія. Наша война справедлива, мы только защищаемъ отечество. Предоставь

намъ сражаться завтра безъ тебя; самъ же иди назадъ къ Лондону, и набирай свѣжія войска; если мы побѣдимъ, опасность нивозалась; если же ляжемъ, ты отметишь за насъ. А Англія не погибла, пока ты живъ.

— Гуртъ, Гуртъ! вскричалъ опять Гарольдъ, съ трогательнымъ выраженіемъ упрека.

— Совѣтъ Гурта благоразуменъ, сказалъ Гаконъ отрывисто: слова его полны мудрости. Пусть родичи короля ведутъ воинство въ сраженіе; самъ же король пусть спѣшить съ своими тѣлохранителями къ Лондону, и пусть на пути своемъ все истребляетъ и опустошаетъ; затѣмъ, чтобы въ случаѣ если Вильгельмъ разобьетъ насъ, не найти ему продовольствія; тогда и побѣда ему ни къ чему не послужитъ, потому что, прежде чѣмъ ему можно будетъ идти на Лондонъ, у тебя, государь, будутъ свѣжія силы, не менѣе его силъ.

— Въ самомъ дѣлѣ Гаконъ судить и говорить мудрѣе сѣдой бороды; не даромъ прожилъ онъ столько лѣтъ въ Руанѣ, сказалъ Леофвайнъ. Послушайся его, любезный Гарольдъ, и предоставь намъ перевѣдаться съ Норманами; мы выберемъ ихъ еще поглаже, чѣмъ выбрилъ ихъ бородобрѣй.

Гарольдъ умоляющимъ взоромъ смотрѣлъ то на того, то на другаго изъ говорящихъ; но при выходѣ Леофвайна и онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Вы справедливо караете меня, братья, за мысль, которая нѣсколько времени гнѣздилась въ моей душѣ.

Гуртъ перебилъ короля, и сказалъ съ безпокойствомъ:

— Отступитъ со всѣмъ воинствомъ къ Лондону, и избѣгать битвы съ Норманомъ до-тѣхъ-поръ, пока силы наши не будутъ равнѣе?

— Да, я такъ думалъ, сказалъ Гарольдъ съ удивленіемъ.

— Такъ полагалъ нѣкоторое время и я, сказалъ Гуртъ печально: но теперь поздно. Теперь такая мѣра будетъ походить на бѣгство, и не доставитъ ни какихъ выгодъ отступленія. Между-тѣмъ, молва разнесетъ приговоръ французскаго двора; весь народъ упадетъ духомъ и растеряется; тотчасъ лягутъ соперники съ притязаніями на престолъ.... все царство распадется на враждебныя партіи.... Нѣтъ, это дѣло невозможное.

— Невозможное, повторилъ Гарольдъ спокойно. А если войско не можетъ отступить, кому слѣдуетъ стоять тверже и неустрашивѣе, какъ не вождю его и королю? Миѣ, Гуртъ, послать другихъ бороться съ враждебною судьбою, а самому бѣжать? Миѣ

оправдать низкій приговоръ французскаго двора, испугавшись его бесплодной угрозы? Мнѣ утверждать и подкрѣпить клятву, отъ которой разрѣшаются меня совѣсть и законъ, бросивъ дѣло своей отчизны, обороною которой я могу смыть съ себя проступокъ? Мнѣ отдать другимъ страданія насильственной смерти или славу побѣды? Гуртъ, ты жесточе самого Нормана. Мнѣ, сынъ Свейновъ, мнѣ разорять и опустошать вѣренную страну, истреблять живы, которыхъ не могу защитить? О, Гаконъ! это дѣло предателя и злодѣя. Нѣтъ, какъ ни преступна моя клятва, никогда не повѣрю, чтобы небо, за преступленія одного человѣка карало милліоны людей. Что намъ бояться неравенства силъ, и угрозъ глупой молвы? Будемъ только крѣпко стоять въ своихъ окопахъ; сплотимся всѣ въ непроницаемую стѣну; и волна разобьется объ насъ, какъ объ скалу; не зайдетъ еще завтра солнце, а мы увидимъ какъ приливъ отступить назадъ, оставляя, какъ море оставляетъ за собою тину, тѣла убитыхъ хищниковъ. — И такъ до завтра, прощайте; обвините меня, любезные братья.... поцѣлуй меня Гаконъ. Идите теперь въ свои ставки, усните спокойно, и пробудитесь при звукѣ трубъ на радость честной войны.

Графы медленно удалились изъ королевскаго шатра; всѣхъ же медленнѣе Гуртъ. Когда всѣ вышли, и Гарольдъ остался одинъ, онъ окинулъ шатеръ быстрымъ, беспокойнымъ взоромъ, и потомъ, бросился на колѣна. Грудь его высоко воздымалась, все тѣло дрожало отъ глубокой тоски и страданія, и прерывающійся голосъ простоналъ:

— Если преступленію моему нѣтъ прошенія, и клятва моя нерасторжима, на меня, на меня одного, Боже воинствъ, да обратится гнѣвъ твой! Не карай ихъ..... пощади ихъ..... пощади Англію!

VII.

Четырнадцатаго октября тысяча - шестьдесятъ - шестаго года, норманское воинство построилось въ боевой порядокъ. Оно торжественно приняло обѣтъ отъ войска во всю жизнь свою не употреблять мясной пищи въ годовщину этого дня. Онъ сѣлъ на своего бѣлосвѣжнаго скакуна, и сталъ уже передъ своею конницею, въ ожиданіи прихода брата своего, герцога. Войско было раздѣлено на три большія рати.

Первую рать вели Рожѣ-де-Монгомери и Вильгельмъ Фицос-

борь; въ ней заключались всѣ силы Пикардїи и Буловскаго графства, и буйные Франки: Годфруа Мартель, и славный пѣмецкій вождь Гуго. Аланъ Желѣзная рукавица, герцогъ бретанскій и Эмери, баронъ буарскій, вели вторую рать, заключающую главную часть союзныхъ войскъ Бретани, Менской области и Пуату. Къ той и другой рати было присоединено значительное число Нормановъ, подъ предводительствомъ собственныхъ ихъ вождей.

Третья рать заключала цвѣтъ воинственной Европы, славнѣйшія имена норманскаго племени; одинъ изъ этихъ рыцарей носилъ французскіе титулы, замѣнившіе ихъ прародковскія скандинавскія прозвища, напримѣръ сиръ де Бофу, свръ д'Аркуръ, сиръ д'Абвилъ, де-Молѣвъ, Монфншѣ, Гранмениль, Ласѣ, д'Энкуръ, д'Аньеръ; другіе же, среди болѣе пышныхъ титуловъ сохраняли еще старинныя названія, подъ которыми отцы ихъ наводили ужасъ на берега Балтики: Осборвъ и Тонстенъ, Маллѣ и Бульверъ, Брандъ и Брюсъ. Этою ратью предводительствовалъ самъ герцогъ Вильгельмъ. Тутъ же помѣщалась главная часть его безпримѣрной конницы, которой, впрочемъ, было приказано въ случаѣ нужды подавать помощь и другимъ двумъ ратямъ. Тутъ же былъ и запасный полкъ. Любопытное дѣло, что Вильгельмова тактика представляетъ удивительное сходство съ тактикою послѣдшаго великаго покорителя народовъ; та и другая основывалась, во первыхъ, на силѣ и быстротѣ натиска; и во вторыхъ, на огромной запасной силѣ, которая съ рѣдкою точностью, въ самую рѣшительную минуту обращалась на слабѣйшіе пункты непріятельской арміи.

Всѣ всадники были покрыты съ ногъ до головы кольчугами¹, и вооружены дротиками, тяжелыми бердышами, и продолговатыми, грушевидными щитами, на которыхъ изображался мечъ или драконъ. Стрѣлки, на которыхъ Вильгельмъ полагалъ большую надежду, находились въ значительномъ числѣ во всѣхъ ратахъ; они были вооружены гораздо легче: на головѣ шлемы, но на груди кожаные или стеганные нагрудники, и такіе же наожники.

Прежде чѣмъ вожди разѣхались по мѣстамъ, они собрались вокругъ Вильгельма, котораго Фяцосборнъ нарочно затѣмъ вызвалъ, чтобы показать имъ висѣвшія у него на шеѣ знаки.

¹ Въ то время кольчуги шились на холстѣ или на сукно, въ концѣ Крестовыхъ походовъ ихъ стали дѣлать изъ кожи, вѣшая кольцо одно въ другое.

На герцога еще не было его тяжелого панциря. Стоя на возвышеніи, въ виду всего войска, онъ весело бесѣдовалъ съ своими баронами. За нимъ развѣвалась его хоругвь, а подлѣ него конюхи держали его испанскаго ратнаго коня, Байра. Потомъ, въ виду всего войска, началъ онъ надѣвать свои доспѣхи; оруженосцы въ поныхахъ подали ему прежде всего спинку. Сувѣрные Норманы поблѣднѣли, потому что это считалось дурною примѣтою.

— Не на знаменья и гаданія возлагаю я свою надежду, а на Бога, сказалъ находчивый герцогъ: а все-таки это хорошая примѣта, отъ которой у самыхъ боязливыхъ должно сердце прыгать отъ радости; это значитъ, что послѣдній будетъ первымъ, что герцогство станетъ королевствомъ, а графъ — королемъ! Эй, Ролло де Терни, какъ нашъ потомственный знаменосецъ, займи принадлежащее тебѣ по праву мѣсто, и крѣпко держи хоругвь.

— Благодарю, отвѣчалъ де-Терни; сегодня не буду я держать знамени, потому что мнѣ нужна правая рука на добрый мой бердышъ, а лѣвая на конскія поводья и на вѣрный щитъ.

— Ты правъ, и мы же будемъ въ потерѣ, лишивъ себя тако-го славнаго рубаки. Готье Жифаръ, сиръ де-Лонгваль, ты будешь у знамени.

— Много мнѣ чести, государь, отвѣчалъ Готье, но извини. Голова моя сѣда, а рука слаба, и послѣднюю силишку, что въ ней остается, хотѣлось бы мнѣ употребить на истребленіе Англичанъ, во главѣ своей удалой дружины.

— Ради Бога, вскричалъ Вильгельмъ, нахмуривъ брови: или вы, мои строптивые вассалы, сговорились оставить меня въ этотъ часъ нужды?

— Не то, отвѣчалъ Готье: но у меня многочисленная дружина рыцарей и наемныхъ ратниковъ; будутъ ли они такъ удало драться безъ своего сѣдаго вождя?

— Дѣло. Такъ поди же ты, Тонстенъ-бѣлый, сынъ Роллы, сказалъ Вильгельмъ: ты будешь держать знамя, которое еще до захода солнца осѣнитъ голову твоего короля!

И на этотъ зовъ вышелъ молодой рыцарь, рослый и здоровый, какъ его предокъ Датчанинъ, и ухватился за древко хоругви.

Затѣмъ Вильгельмъ, совершенно вооруженный, только безъ шелому, вскочилъ въ одинъ приемъ на своего коня. Кликъ удивленія и восторгу раздался между вождями и рыцарями.

— Видать ли когда такой молодець-король? спросилъ виконтъ де-Туаръ.

И войско подхватило эти слова, и они радостнымъ кликомъ прогремѣли по всѣмъ рядамъ, съ чела до тылу, и съ праваго крыла до лѣваго, между-тѣмъ какъ Вильгельмъ выѣхалъ съ царскимъ величіемъ въ выраженіи лица и въ осанкѣ. Онъ поднулъ руку и все умолкло, и онъ заговорилъ, по выраженію лѣтписца, голосомъ громкимъ какъ серебряный звукъ трубы:

— Норманы и ратники, искони прославляемые устами людей! Не изъ одной своей пользы привелъ я васъ сюда, за широкое море; что стяжаю я, то стяжаете и вы. Если я завоюю страну, вы раздѣлите ее между собою. Сражайтесь по мѣрѣ вашихъ силъ, не щадите ни труда, ни крови; нѣтъ отступленія, и нѣтъ пощады! Не изъ одной личной пользы пришелъ я сюда, а чтобы наказать измѣны и злодѣйства Англичанъ, и отомстить за весь нашъ народъ. Они избили вашихъ братьевъ Датчанъ, въ роковую ночь Бриса; они же умертвили Альфреда, брата послѣдняго своего короля, и перерѣзали девять десятыхъ бывшей при немъ норманской дружины. И вотъ они стоятъ передъ вами, злодѣи, и ждутъ себѣ достойной казни; — вы будете свершателями этой казни! Никогда, даже въ правомъ дѣлѣ, не отличались Англичане воинскою доблестью и не славились воинскими подвигами. Вспомните только, какъ мало труда стоило Датчанамъ покорить ихъ! А вы чѣмъ же хуже Датчанъ? или я, чѣмъ хуже Канута? Побѣдою отомстите вы за братьевъ, и стяжаете себѣ славу, почести, земли, добычу, — да, такую добычу, какаѣ не снилась вамъ въ самыхъ заветныхъ вашихъ мечтахъ.— Пораженіе — мало того, отступленіе на одинъ шагъ, предастъ васъ непріятельскому мечу; нѣтъ вамъ средства спасенія, потому что суда не годны въ употребленіе. Впередѣ у васъ — непріятель, позади — море! Норманы, вспомните удалыя дѣла вашихъ братьевъ въ Сициліи! а передъ вами страна въ десятеро богаче Сициліи! Удѣлы и пощестья ожидаютъ тѣхъ, кто останется въ живыхъ, — слава тѣхъ, кто падеть подъ хоругвью мою! Впередѣ, и возгласите воинскій кликъ Нормановъ; кликъ, передъ которымъ столько разъ бѣжали славнѣйшіе паладины Бургундіи и Франціи: — Съ нами Богъ!

Между-тѣмъ Гарольдъ, не менѣе дѣятельный и не менѣе искусный въ своихъ военныхъ приемахъ, также строилъ свои полки. Онъ раздѣлилъ все свое воинство на двѣ рати: одна была впереди окоповъ, другая за окопами. Кентцы, по незапамятному

праву, стояли во главѣ первой, подъ славную хоругвью Генгиста, съ изображеніемъ бѣлаго коня. Отрядъ этотъ былъ построенъ англо-датскимъ клиномъ; передніе ряды треугольника были одѣты въ тяжелые панцири, и вооружены огромными щекрами и щитами. За этими рядами, внутри клина стояли стрѣлки, прикрытые вѣшними, тяжело-вооруженными рядами. Малочисленная, ничтожная вравненіи съ норманскою конница разставлена была очень искусно, тамъ откуда ей легче было тревожить и развлекать грозную неприятельскую конницу, налетая на нее, но не отваживаясь на настоящую битву. Другіе отряды легко вооруженныхъ войскъ, пращниковъ, сулицниковъ и стрѣлковъ были разставлены въ удобныхъ мѣстахъ, подъ прикрытіемъ мелко-го лѣсу, кустарнику и ровъ. Нортонберцы — то есть, все воинственное населеніе сѣвернаго берега Гомбера, Йоркскаго графства, Вестморланда, Кумберланда, и прочая, — къ стыду своему и на гибель всей Англіи, не участвовали въ этотъ сраженіи, за исключеніемъ очень небольшого числа, приставшаго къ Гарольду на походъ къ Лондону. Но тутъ были смѣшанные племена Гирфордскаго и Эссекскаго графствъ, и чистые Саксонцы изъ Суссекской и Суррейской земли, и сильный отрядъ богатырскихъ Англо-Датчанъ изъ земель Линкольнской, Илайской и Норфолькской. Были тутъ также люди полу-бритской старинной крови, изъ Дорсета, Сомерсета и Глостера.

Всѣ они были размѣнены по наследственному, трогательному обычаю народа, болѣе привыкшаго къ оборонительной войнѣ, чѣмъ къ наступательной. Старшій въ родѣ велъ своихъ сыновей и родичей; десять родовъ, подъ названіемъ десятка, соединялись подъ начальствомъ избраннаго ими вождя; десять десятковъ опять избирали общаго вождя изъ наиболѣе любезныхъ миролюбивому народу; и такъ далѣе, по всѣмъ степенямъ рода, деревни, города, все графство соединялось подъ начальствомъ своего графа. Такимъ образомъ каждый бился на глазахъ всѣхъ своихъ родичей, сосѣдей, друзей, и имъ самимъ избранныхъ вождей. И диво ли послѣ того, что каждый дрался съ отчаяннымъ мужествомъ.

Вторую рать составляла собственная дружина или тѣлохранители Гарольда, — испытанные ратники, издавна приверженные его дому, сподвижники всѣхъ его славныхъ походовъ; кромѣ нихъ тутъ былъ отборный отрядъ отважныхъ Восточныхъ Англовъ, и дружины поставленныя Лондономъ и Мидльсексомъ. По искусству своему во владѣніи оружіемъ и въ строю, по воинствен-

ному праву и богатырскому сладу; происходя отъ воинственныхъ Датчанъ и сильныхъ Саксонцевъ, они занимали высокое мѣсто между самыми надежными войсками. Въ этой же рати заключалось запасное войско. Вся рать была окружена плетнями и окопами, въ которыхъ находилось только три отверстія, оставленыя для того, чтобы черезъ нихъ дѣлать вылазки, или въ случаѣ нужды впустить передовой отрядъ, для прикрытія его отъ слишкомъ жаркихъ нападеній непріятеля. Все тяжелое войско было въ кольчугахъ, и имѣло щиты, подобные норманскимъ, но гораздо легче; легкое же войско было въ полотнянныхъ стеганыхъ, иные же въ кожаныхъ кафтанахъ; шлемы ихъ были кожаные; оружіе состояло въ дротикахъ, сулицахъ, мечахъ и палкахъ. Но главнымъ оружіемъ саксонскаго войска были большой щитъ и огромная сѣкира; они владѣли ею съ необыкновеннымъ искусствомъ, будучи гораздо крупнѣе складомъ и сильнѣе Нормановъ, которые утратили часть физическихъ преимуществъ своего племени черезъ смѣшеніе съ болѣе мелкимъ племенемъ Франковъ, а еще болѣе черезъ презрѣніе къ саксонскимъ управленіямъ.

Сѣвъ на легкаго и быстрога коня, назначавшагося не для сраженія, а для быстрыхъ развѣздовъ между рядовъ, — потому что по древнему обычаю, англійскіе короли сражались пѣшіе, чтобы показать, что гдѣ они сражались, тамъ не могло быть и въ поминѣ объ отступленіи, — Гарольдъ выѣхалъ передъ передовую рать, сопровождаемый братьями. Голова его была не покрыта, какъ и у его противника. Но невозможно представить себѣ болѣе разительной противоположности, чѣмъ между этими двумя героями; между широкимъ, гладкимъ лбомъ Саксонца, его свѣтлорусыми волосами, раздѣленными на серединѣ головы, и ниспадавшими въ густыхъ кольцахъ на воротъ кольчуги, его свѣтлыми и спокойными голубыми глазами, нѣсколько впадыми отъ правительственныхъ заботъ, и разгорѣвшимися краскою благородной гордости щеками, его высокимъ и статнымъ, хотя худощавымъ ростомъ, наконецъ его величественною простотою, чуждою всего великолѣпія и театральной важности, которая любила Вильгельмъ, — и нахмуренными свирѣпымъ гнѣвомъ и хитростью бровями, гладко остриженными волосами, черными, сверкающими какъ у тигра глазами, и широкимъ, даже топорнымъ складомъ надменнаго Нормана. И привѣтствіе англійскаго войска своему любимому вождю и королю было также чистосердечно и громко, какъ привѣтствіе, встрѣтившее Вильгельма; свѣтлымъ и

полнымъ голосомъ, привычнымъ къ бурѣ народныхъ собраній, заговорилъ онъ, и слова его пронеслись по внимательнымъ рядамъ:

— Сегодня, друзья и Англичане, дѣти нашей общей отчизны, сегодня будете вы драться за свою родную землю. У графа Нормановъ многочисленное войско, знаю, и не скрываю отъ васъ его силы. Это войско собралъ онъ, обѣщавъ каждому долю въ разтерзанной Англїи. Онъ уже заранѣе въ своихъ чертогахъ и въ лагерѣ раздробилъ нашу землю на клочки; а свирѣпо дерутся хищники въ надеждѣ на добычу! Но онъ знатнѣйшимъ своимъ вождямъ не можетъ обѣщать болѣе благородной награды чѣмъ та, которую я предлагаю послѣднему изъ васъ: свобода отцовской земли, и неприкосновенность нашихъ правъ и законовъ! Вы слышали о бѣдствїяхъ, которыя терпѣли въ старину отцы ваши отъ Датчанъ; но эти бѣдствїя были ничто, по истинѣ, всравненїи съ тѣмъ, чего мы можемъ ожидать отъ Нормановъ. Датское племя было намъ родное по языку и по закону, и кто нынче отличить Датчанина отъ Саксонца? Они же, Норманы, захотятъ править нами на чуждомъ намъ языкѣ, по закону, который считаетъ престолъ справедливою добычею меча, и дробить землю отцовъ между вооруженными наемниками. Мы уняли Датчанина, и наши жрецы укротили его буйную душу; они же, Норманы, дѣлаютъ друновъ союзниками несправой войны, и идутъ на грабежъ и на хищничество подъ ея оскорбленною хоругвью. Они, отверженцы всѣхъ народовъ, хотятъ поработить васъ. Вы деретесь какъ братья, на глазахъ своихъ отцовъ и избранныхъ вождей; деретесь за женъ, которыхъ не хотите предать въ руки хищниковъ; деретесь за дѣтей, чтобы спасти ихъ отъ вѣчнаго рабства; деретесь за свои храмы, омраченные ихъ чужеземнымъ знаменемъ! Чужеземные отшельники такіе же угнетатели, какъ чужеземные бароны и короли! Да не помышляетъ никто объ отступленїи; каждый вершокъ земли, который вы отдадите, есть часть родной земли. Я готовъ все положить въ эту битву. Помните, что гдѣ бы вы ни были, вездѣ глазъ мой будетъ устремленъ на васъ; поколеблется строй, или отшатнется, вы услышите между вами голосъ вашего короля. Крѣпко держите строй; помните, тѣ изъ васъ, кто ходилъ со мною на Гардраду, что тогда только восторжествовало наше оружіе надъ Норвежцами, когда быстрыя нападенїя наши выбили ихъ изъ строя. Учитесь изъ ихъ примѣра; ни подъ какимъ видомъ не разстроивайте боеваго порядка, и даю вамъ слово вождя, никогда не оста-

вливаемаго поля безъ побѣды, что вы не будете разбиты. Въ эту минуту, какъ я говорю вамъ, вѣтеръ надуваетъ паруса норвежскихъ судовъ, везущихъ на родину тѣло убитаго Гардреды. Довершите нынче торжество Англій; положите на эти холмы новую гору изъ труповъ побѣжденныхъ враговъ! И когда, по прошествіи вѣковъ и въ далекихъ странахъ, скальды и пѣвцы будутъ славить доблестные подвиги, совершенные за правое дѣло, пусть они скажутъ: — Онъ былъ храбръ, какъ тѣ, что бились подлѣ Гарольда, и смели съ луговъ Англій полчища кичливаго Нормана.

Едва радостное ура саксонскаго воинства заключило эту рѣчь, какъ съ сѣверо-запада отъ Гастингса показалась въ полномъ виду первая рать Нормановъ.

Гарольдъ, посмотрѣвъ на нихъ нѣкоторое время, и не вида движенія прочихъ отрядовъ, сказалъ Гурту:

— Если это все, что они осмѣливаются выслать на насъ, побѣда наша.

— Посмотри тамъ, сказалъ зловѣщій Гаконъ, указывая на безконечные ряды латъ, заблестѣвшіе изъ-за лѣсу, изъ котораго саксонскіе вожди въ предъидушую ночь наблюдали непріятеля. И едва этотъ отрядъ вышелъ изъ лѣсу, какъ съ третьей стороны показалось славное рыцарство подлѣ начальствомъ герцога. Всѣ три рати разомъ шли въ атаку, два на оба крыла саксонскаго передоваго полка, а третья, норманская, на окопы.

Среди герцогской рати развѣвалась священная хоругвь, а впереди ея, и впереди всего воинства ѣхалъ какой-то страшный ратникъ исполинскаго росту, и пѣлъ воинскую пѣснь:

Карла про дѣла великаго
И про подвиги Роланда,
Оливера и вассаловъ
Въ битвѣ павшихъ Ронсевальской.

Рыцари-отшельники уже не пѣли своихъ священныхъ пѣсень, а глухіе и хриплые сквозь наливники голоса ихъ хоромъ вторили воинственной пѣснѣ балла. Этотъ вопль-балла, ѣхавшій передъ герцогомъ и его конницею, казался обезумѣвшимъ отъ радости и жажды войны; онъ бросалъ мечъ свой на воздухъ, какъ фокусникъ, ловко схватывалъ его на лету, махалъ и кружилъ имъ какъ бѣшеный, и, наконецъ, будучи не въ силахъ долѣе удерживать свой дикій восторгъ, далъ шпоры коню, и подскакавъ на нѣсколько шаговъ къ отряду саксонской конницы, закричалъ:

— На Тайльфера, на Тайльфера! кто выйдет на Тайльфера. И голосъ и движенія его вызывали кого-нибудь на единоборство.

Одинъ запальчивый молодой тегль, знавшій романскій языкъ, вышелъ впередъ и сирестилъ мечъ съ баявомъ; но Тайльферъ, отразивъ ударъ съ ловкостью, болѣе похожею на проворство фокусника, чѣмъ на искусство бойца, живо подбросилъ мечъ свой на воздухъ и подхвативъ его опять съ невѣроявною быстротою, перерубилъ несчастнаго Саксовца съ маковки шелома до лопатокъ; потомъ переѣхавъ черезъ трупъ, онъ съ хохотомъ и крикомъ сталъ вызывать другаго противника. Выѣхалъ второй, и участь его была та же самая. Англійскіе всадники стали со страхомъ переглядываться между собою; этотъ боецъ, съ своимъ пѣніемъ, хохотомъ и фокусничествомъ, казался имъ не рыцаремъ, а демономъ; и это одно единоборство, до начала сраженія и въ виду всего войска, было бы достаточно, можетъ-быть, чтобы смутить духъ Англичанъ, если бы Леофвайтъ, посланный передъ тѣмъ съ порученіемъ отъ короля, въ окопы, не возвратился къ своему отряду. Безпечное и неустрашимое сердце его было возмущено надменностью Нормана и очевиднымъ страхомъ саксонскихъ всадниковъ; забывъ свои болѣе важныя обязанности, онъ далъ шпоры коню, и не обжая мечъ, а только прикрывшись щитомъ и поднявъ дротикъ надъ головою, направилъ свою небольшую лошадку на закованнаго въ доспѣхи коня норманскаго исполнна. — Иди напѣвать свои пѣсни фуриямъ, зловѣщій Орфей, закричалъ онъ на романскомъ языкѣ. Тайльферъ бросился впередъ, мечъ его переломился объ саксонскій щитъ, и въ то же мгновеніе, пронзенный насквозь дротикомъ, онъ палъ мертвый подъ копыта своего коня.

Горестное восклицаніе прошло по норманскимъ рядамъ; самъ Вильгельмъ, выѣхавшій впередъ, чтобы полюбоваться на удалство своего любимаго пѣвца, былъ сильно огорченъ его смертью. Между-тѣмъ Леофвайтъ медленно подѣхалъ къ норманскимъ рядамъ, остановился, и бросилъ свой дротикъ среди ихъ, такъ мѣтко, что молодой рыцарь, шагахъ въ двухъ отъ герцога, пошатнулся на сѣдлѣ, застоналъ и повалился на землю.

— По сердцу ли вамъ, Норманы, штуки саксонскихъ штукарей? сказалъ Леофвайтъ, медленно поварачивая коня, и возвращаясь къ своему отряду. Тутъ онъ возобновилъ своимъ всадникамъ увѣщаніе не забывать данныхъ имъ приказаній, то есть, избѣгать прямой борьбы съ норманскою конницею, а только тре-

вожить и развлекать ихъ, и истреблять отсталыхъ. Потомъ весело запѣвъ саксонскую пѣсенку, будто и въ немъ разыгралось поэтическое вдохновеніе отъ пѣсенъ убитаго норманскаго баяна, онъ поѣхалъ обратно къ окопамъ.

VIII.

Вольтемскіе старцы, Осгудъ и Эйльредъ на разсвѣтъ достигли мызы, въ полмили въ тылу отъ Гарольдовой позиціи, гдѣ были оставлены валовыя лошади, перевозившія тяжелое оружіе, снаряды, ямущество и продовольствіе саксонскаго войска; онѣ были поставлены на окруженныхъ тыномъ дворахъ мызы. Много собралось тутъ народу обоего пола и всякаго званія; одни проводили время въ тревожномъ ожиданіи, другіе въ безпечной бесѣдѣ, третьи въ молитвѣ.

Мызникъ, съ своими сыновьями и съ годными въ военную службу сеорлями, присталъ къ королевскому войску, подъ начальствомъ графа Гурта *. Но на мызѣ оставалось множество теововъ, слишкомъ старыхъ, чтобы нести бремя войны, и ребятишекъ; первые глядѣли на лошадей съ глупымъ равнодушіемъ, вторые смотрѣли съ дѣтскимъ любопытствомъ, болтали и рѣзались. Тутъ же были многія жены саксонскихъ ратниковъ, которыя, по обычаю своей земли, послѣдовали за мужьями въ походъ; были тутъ и жены нѣкоторыхъ сосѣднихъ лордовъ, чьихъ супружеская любовь также влекла къ роковому полю. Нѣсколько позади стоялъ небольшой полуразвалившійся деревянный храмъ, съ растворенными настежь дверями, представляя на случай нужды неприкосновенное убѣжище; онъ былъ наполненъ народомъ.

Сеорли съ радостью пристали къ нѣсколькимъ собратьямъ, которые, облокотившись на низкій заборъ, устремили взоры на ошетинившееся оружіемъ поле. Поодаль отъ нихъ и въ сторонѣ отъ толпы, стояла женщина, съ опущенною на лицо фатою, безмолвная и по видимому погруженная въ глубокую думу.

Между тѣмъ какъ земля дрожала подъ глухимъ топотомъ норманскихъ полчищъ, и рѣзкіе звуки трубъ и клики сражающихся раскатывались по воздуху, два старца отшельника, слѣдовавшіе

* Но возмездіемъ Гарольда на престолъ, обширное Вессекское графство было раздроблено, и часть, заключавшая Суссекскую область (прежній удѣлъ его дѣда Волгюта), была отдана въ удѣлъ Гурту.

за саксонскимъ воинствомъ, пріѣхали изъ окоповъ къ мызѣ. Толпы любопытныхъ съ поспѣшностью и безпокойствомъ окружили ихъ.

— Битва началась, сказалъ одинъ старецъ, торжественно. Молитесь за Англію, потому что никогда еще не угрожала ей народу такая опасность отъ человѣковъ.

Незнакомка съ опущенной фатою вздрогнула при этихъ словахъ и пробудилась изъ своей думы.

— А король?... король? вскричала она безпокойнымъ, дрожащимъ голосомъ; — гдѣ онъ?... гдѣ король?

— Дочь моя, отвѣчалъ старецъ, мѣсто короля у своей хоругви; но я оставилъ его въ челѣ передоваго полка. Гдѣ онъ теперь, я не знаю.... вѣроятно тамъ, гдѣ жарче кипитъ битва, и гдѣ сильнѣе напирать непріятель.

За тѣмъ старцы сошли съ лошадей и вошли на дворъ, гдѣ ихъ опять окружили жены сражающихся, и закидали распросы. Бѣдняжки воображали, что добрые отшельники должны были непременно черезъ все поле и среди всего воинства отличить ихъ мужей; потому что каждой изъ нихъ въ это мгновеніе казалось, что весь міръ держится одною жизнью того, за кого трепетало ее сердце.

Эти старцы успокаивали и утѣшали всѣхъ, сколько было въ ихъ силахъ; потомъ они вошли въ храмъ, куда послѣдовали за ними всѣ, кто только могъ въ немъ помѣститься.

Между-тѣмъ сраженіе шло въ полномъ разгарѣ.

Обѣ Вильгельмовы рати, заключавшія союзныя войска, тщетно пытались окружить англійскій передовой полкъ, и взять его въ тылъ: эта храбрая фаланга не имѣла тылу; со всѣхъ сторонъ представляла она непріятелю плотный фронтъ; щиты образовали непроницаемую стѣну противъ стрѣлъ и сулицъ, а дротики частую рогатку противъ лошадей. Вильгельмъ зналъ, что ему не было возможности проникнуть къ окопамъ, пока передовой полкъ стоялъ твердо на своемъ мѣстѣ; подходя къ нему близко, онъ съ удивленіемъ убѣдился въ его силѣ и счелъ необходимымъ переимѣнить свой образъ дѣйствія. Онъ присоединилъ своихъ рыцарей къ другимъ отрядамъ, быстро развилъ свое войско на множество колоннъ, и оставивъ большіе промежутки между стрѣлками, которые продолжали пускать тучи стрѣлъ, велѣлъ тяжелой пѣхотѣ идти со всѣхъ сторонъ на треугольникъ, и прорвать его ряды, чтобъ приготовить путь атакѣ конницы.

Гарольдъ, находясь еще въ центрѣ передоваго полка среди

своихъ кентскихъ удалцовъ, продолжалъ ободрять ихъ голосомъ и рукою; какъ скоро Норманы стали подходить, онъ соскочилъ съ лошади, и пошелъ пѣшкомъ туда, гдѣ должно ожидать сильнѣйшаго напору.

Вотъ нагрянули Норманы, — пошелъ рукопашный бой, встопорю дротикн и копя, замахали мечн и сѣкиры. Норманская пѣхота валилась какъ трава подъ косою, передъ богатырскою слою Англичанъ, сомкнутыхъ въ плотную стѣну, и передъ ихъ многолѣтнею опытностью въ своемъ образѣ войны. Тщетно въ промѣжуткахъ непріятельскихъ колоннъ какъ громъ обрушилась на нихъ вся сила храбрыхъ рыцарей; тщетно сыпались на нихъ непрерывныя тучн стрѣлъ и сулицъ.

Одуревленные присутствіемъ короля, который сражался между ними какъ простой ратникъ, и котораго глазъ въ то же время всегда былъ готовъ предусмотрѣть угрожающую опасность, и голосъ — предвѣстить о ней, Кентцы стояли непоколебимо, не уступая ни на шагъ земли. Норманская пѣхота заколебалась, и начала отступать; Англичане, тою же плотно сомкнутою стѣною тѣснили ихъ шагъ за шагомъ. И кликъ ихъ: — Впередъ! впередъ! за святой крестъ! — почти заглушалъ уже слабѣющій кликъ: — Эй, Ролло, Ролло!

— Призываю небо въ свидѣтели! вскричалъ Вильгельмъ. Наши ратники просто бабы въ норманскомъ платьѣ. Эй, дротикн на выручку! За мной въ атаку, сиръ д'Омалъ и де-Литтенъ.... за мной грозный Брюсъ и де-Мортенъ.... за мной, де-Гравиль и Гранмениль!...

И Вильгельмъ, съ славнѣйшими своими рыцарями, какъ ударъ грому ринулся на щиты и дротикн. Но Гарольдъ, бывшій передъ тѣмъ въ дальнѣйшихъ рядахъ, мигомъ очутился на мѣстѣ опасности. По одному его слову, весь первый рядъ сталъ на колѣна, держа передъ собою щиты, и оставивъ дротикн противъ конскихъ грудей. Въ то же время второй рядъ, схвативъ сѣкиры въ обѣ руки, наклонился впередъ, чтобы рубить и разить; а стрѣлки, стоявшіе въ срединѣ треугольника, пустили густой залпъ стрѣлъ, и колонна перваго ряду храбрыхъ рыцарей повалилась на землю. Брюсъ заматался на сѣдлѣ; сѣкира отрубила грозную правую руку д'Омалю; де-Гравиль, сбитый съ лошади, покотился къ ногамъ Гарольда. Вильгельмъ, благодаря собственной богатырской силѣ и силѣ своего коня, пробился до третьяго ряда, и разилъ направо и лѣво своею желѣзною палецею, пока не почувствовалъ, что ноги его коня подъ нимъ подкашивались; онъ рванулся на-

заядь, и едва успѣлъ вырваться изъреди непріятеля, и ускакать изъ подъ его оружія, какъ его Боаръ, весь изрубленный сквозь свои стальные доспѣхи, грохнулся наземь. Рыцари тотчасъ окружили своего вождя. Двадцать бароновъ соскочили съ лошадей, чтобы отдать ихъ ему. Онъ схватилъ перваго попавшагося ему подъ руку коня, вскочилъ на ноги, въ сѣдло, и поскакалъ къ своему войску.

Между-тѣмъ де-Гравиль лежалъ у ногъ Гарольда; застежки его шелому лоннули отъ напряженія, и шлемъ свалился съ головы; Гарольдъ уже занесся было на него, но узнавъ своего прежняго гостя остановился.

Поднявъ руку, чтобы остановить стремленіе своихъ ратниковъ, великодушный король сказалъ коротко: — Вставъ и иди къ своимъ: намъ здѣсь не до пѣвиныхъ. Ты назвалъ меня невѣрнымъ своему слову рыцаремъ; но я Саксонецъ, а ты былъ у меня гостемъ, ты сражался рядомъ со мною, и не умрешь отъ моей руки. Иди.

Де-Гравиль не отвѣчалъ ни слова; но черные глаза его устремились на короля съ выраженіемъ глубокаго уваженія и состраданія; потомъ вставъ медленно, онъ отвернулся и пошелъ по тѣламъ своихъ убитыхъ земляковъ.

— Стой! закричалъ король стрѣлкамъ; этотъ человѣкъ отвѣдалъ нашей хлѣба соли, и оназалъ намъ нѣкогда услугу. Онъ уже заплатилъ свою виру.

И не было пушено ни одной стрѣлы.

Между тѣмъ, едва норманская пѣхота, уже начавшая отступать, увидѣла паденіе герцога, котораго узнавала по доспѣхамъ и по лошади, — какъ она съ громкимъ, отчаяннымъ крикомъ: — Герцогъ убитъ! — поворотила и пустилась бѣжать въ ужасномъ безпорядкѣ.

Успѣхъ сраженія явно клонился на сторону Саксонцевъ, и Норманамъ уже не оправиться бы отъ смущенія и страха, которые поселили въ ихъ рядахъ эти два слова: — Герцогъ убитъ! — еслибы у Гарольда была достаточная конница для того, чтобы воспользоваться первою удачею, или если бы самъ Вильгельмъ не бросился между бѣгущихъ, не отбросилъ назадъ шелома, и не показалъ имъ своего лица, горѣвшаго свирѣпымъ гнѣвомъ и презрѣніемъ.

— Я живъ, холопы! кричалъ онъ, я живъ! смотрите въ лицо вождю, который никогда еще не шрощалъ трусости. Трепещите передо мною еще болѣе тѣмъ передъ тѣми Англичанами, не смо-

тря на то, что на нихъ изречена казнь и проклятіе! Вы Норманы?... вы?... мнѣ стыдно за васъ!

И упреками и бравью, утѣщеніями и угрозами, обѣщаніями и даже нѣсколькими ударами плашмя бердыша самымъ упрямымъ, онъ успѣлъ остановить бѣгущихъ, снова построить ихъ, и разсѣять общій страхъ. За тѣмъ онъ возвратился къ своимъ отборнымъ рыцарямъ, и сталъ осматривать поле сраженія. Тутъ онъ замѣтилъ проходъ, который саксонскій передовой полкъ, двинувшись впередъ за отступающимъ непріателемъ, оставилъ за собою, и черезъ который его рыцари могли проникнуть къ онепамъ. Онъ задумался, и непокрытое его лицо вдругъ просіяло. Оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ Малле де-Гравилля, уже сидѣвшаго опять на лошади, и сказалъ ему отрывисто:

— Клянусь небомъ, любезный рыцарь, мы уже думали, что ты отошелъ къ праотцамъ!... намъ очень пріятно, что ты живъ, и можешь еще надѣяться дожить до англійскихъ графовъ.... Поѣзжай же теперь къ Финдосборну, и скажи ему вѣстовое слово: — Силъность города беретъ. — Поѣзжай же скорѣе.

Де Гравилль поклонился, и стрѣлою пустился черезъ равнину.

— Ну, мои вожди и рыцари, весело сказалъ Вильгельмъ, застегивая шлемъ, и взявъ отъ конюха другой дротикъ;—до сихъ поръ была одна закуска, теперь же пойдетъ настоящій пиръ. Сиръ де-Танкарвилль, передай всѣмъ всадникамъ приказъ: Въ атаку, на знамя!

Приказъ переданъ по рядамъ, затопали конскія копыта, и все Вильгельмово рыцарство повесело по равнинѣ въ тылъ саксонскаго передоваго полка, и на окопы.

Гарольдъ безъ труда угадалъ цѣль этого движенія, и увидѣлъ, что присутствіе его нужнѣе въ окопахъ, чѣмъ въ передовомъ полку. Онъ тотчасъ остановилъ свой отрядъ, сдалъ начальство Лосвайну, и еще разъ кратко, но убѣдительно повторилъ ратникамъ свое утѣщеніе поминать приказанія вождей, и ни под какимъ предлогомъ не разстраивать своего треугольника, въ плотнотѣ котораго заключались ихъ сила и спасеніе, какъ противъ конницы, такъ и противъ численнаго превосходства непріателя. За тѣмъ онъ вскочилъ на лошадь, и съ однимъ Гакономъ поскакалъ черезъ равнину въ противоположномъ направленіи Норманнъ. При этомъ онъ долженъ былъ сдѣлать огромный объѣздъ, въ тылъ экоманъ, проѣзжая въ виду мысы и собравшейся

на ней въ трепетномъ ожиданіи толпы. Онъ замѣтилъ женскія платья, и Гаконъ сказалъ ему:

— Тамъ ждутъ жены, чтобы привѣтствовать возвращающихся побѣдителей.

— Или искать мужей между убитыми, отвѣчалъ Гарольдъ. — А насъ, Гаконъ, будетъ ли кто искать насъ, если мы ляжемъ?

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ увидѣлъ женщину сидѣвшую подъ одинокимъ терновымъ кустомъ, не далѣе какъ на выстрѣлъ лука отъ окоповъ. Король пристально взглянулъ на нее, но лицо ея было закрыто опушеною фатою.

— Бѣдняжка, прошептала онъ; вся жизнь ея души, можетъ быть, въ битвѣ! — Дальше, дальше, закричалъ онъ, потому; — сраженіе приближается въ эту сторону!

При звукѣ этого голоса, женщина подняла голову, встала, протянула руки, и выступила впередъ. Но саксонскіе вожди уже отворотились лицомъ къ близъ лежавшему входу окоповъ, и не видѣли ея движенія, между тѣмъ какъ топотъ несущихся лошадей, и трескъ и ревъ сраженія заглушили ея слабый болѣзненный крикъ.

— Еще разъ, еще разъ слышала его голосъ! прошептала женщина, и снова сѣла неподвижно подъ одинокимъ терновымъ кустомъ.

Когда Гарольдъ и Гаконъ вѣхали въ окопы и сошли съ лошадей, громкій кликъ: — Король, король! за права нашихъ отцовъ! раздался въ ближайшихъ рядахъ, и въ самую пору, чтобы ободрить находившихся въ противоположномъ концѣ, на которыхъ всю силою напирало норманское рыцарство.

Ивовый плетень уже былъ во многихъ мѣстахъ пробитъ и изрубленъ конскими копытами и бердышами; острые шипы, торчавшіе на налобникахъ норманскихъ коней, во многихъ мѣстахъ уже блестяли въ окопахъ, когда Гарольдъ явился на мѣсто дѣйствія. Съ его появленіемъ ходъ дѣла совершенно измѣнился; изъ смѣлыхъ всадниковъ, успѣвшихъ пробиться въ окопы, ни одинъ уже не вышелъ изъ него; люди, лошади, доспѣхи, равно рушились подъ тяжелыми ударами сѣкиръ; и Вальгельмъ, опять отбитый и смятый, принужденъ былъ отойти съ досадою и убѣжденіемъ, что такихъ окоповъ, и съ такими защитниками, не взять конницею. Медленно опустились рыцари по косогору, и Англичане, ободренные этимъ успѣхомъ, готовы были выйти изъ своей твердыни, и пуститься въ погоню, если бы громкій голосъ Гарольда не удержалъ ихъ. Пользуясь кратковременнымъ

бездѣйствіемъ и покоемъ, онъ дѣятельно принялся за исправленіе и укрѣпленіе плетня. Когда это дѣло было окончено, онъ обратился къ Гакову и окружающимъ его тегнамъ, и радостно сказалъ имъ:

— Съ помощью Божіей, мы можемъ еще выиграть это сраженіе. А знаете ли, что нынче мой счастливый день! — день, въ который донынѣ всѣ предпріятія мои вѣнчались успѣхомъ, въ войнѣ и въ мирѣ, день моего рожденія?

— Твоего рожденія! вскричалъ Гаковъ съ удивленіемъ.

— Да; развѣ ты этого не зналъ?

— Нѣтъ, не зналъ.... а странно, вѣдь нынче же день рожденія герцога Вильгельма! Что сказали бы астрологи и звѣздоучеты о встрѣчѣ такихъ двухъ созвѣздій?

Наличникъ скрылъ блѣдность, покрывшую при этихъ словахъ лицо Гарольда; рука его опустилась. Загадочное сновидѣніе его юности опять ясно представилось его памяти, какъ уже представлялось однажды, въ норманскихъ чертогахъ; опять предсталъ ему таинственная рука изъ за облака.... опять раздался таинственный голосъ: — Вотъ звѣзда, озарившая рожденіе побѣдителя! — опять послышались ему слова Гильды, когда она объясняла сновидѣніе — загадочная пѣснь, которую уеопшій вли духъ возгласилъ устами валы. Пѣснь эта гремѣла въ его ушахъ; глухо и мрачно звучала она среди реву битвы:

И съ челомъ твоимъ корону
Сила вѣкъ не разлучить.
Доколь мертвые, пылая мстью
На живыхъ войной не встануть.
Доколь солнца лучъ послѣдній
Смертный бой не освѣтитъ
Двухъ свѣтилъ враждебныхъ;
И, оставивъ тишину могилы,
Мертвые войной не встануть,
И въ гнѣвъ на живыхъ пойдутъ!

Исчезло видѣніе, замерла пѣснь, какъ дыханіе тускнѣть сіяніе стали, и исчезаетъ съ нею. Пропалъ слѣдъ дыханія, и твердая сталь снова засіяла; шумъ и крики въ противоположномъ концѣ поля, надъ которыми возвышался побѣдный клякъ Нормановъ, пробудили короля и напомнили ему грозное настоящее. Въ словахъ, отвезенныхъ де Гравилемъ Фицосборну, заключалось приказаніе привести въ исполненіе улаженную заранѣе хитрость: сдѣ-

лать нападеніе на саксонскій передовой полкъ, и пуститься потомъ въ притворное бѣгство. Хитрость эта была сыграна такъ искусно, что не смотря на приказанія Гарольда, несмотря даже на увѣщанія Леофайна, — который при всей своей безпечности и веселости, былъ искусный полководецъ, — смѣлые Англичане, разгоряченные продолжительною борьбою и видимою побѣдою, не выдержали и пустились въ поговю. Они стремительно бросились за бѣгущими, разстроивъ свою непреодолимую до селѣ фалангу; и тѣмъ запальчивѣе, что Норманы, повидимому, неосторожно обратили свое бѣгство къ мосту, гдѣ были скрытыя рвы и провалы, въ которые Саксонцы надѣялись загнать непріятеля. Эта роковая ошибка совершилась въ то самое время, какъ Вильгельмъ съ своими рыцарями былъ отбитъ отъ окоповъ. Съ громкимъ хохотомъ злобной радости указалъ онъ имъ на разстроившихся Саксонцевъ, далъ шпоры коню, и присоединился съ своими рыцарями къ пуатуанской и булонской конницѣ, бросившейся въ тылъ разстроившему отряду. Норманская пѣхота уже обернулась; конница, расположенная въ засадѣ, уже вылетѣла изъ кустарника близъ крытыхъ рововъ. Неприступный передовой полкъ, былъ много окруженъ, смятъ, раздробленъ на части; конница давила его, и врѣзалась въ него спереди, съ тылу, справа и слева.

Одна суррейская и суссекская дружина осталась на своемъ мѣстѣ съ Гуртомъ; но она принуждена была тронуться, чтобы идти на выручку товарищей; и стройный порядокъ ея движенія не только приостановилъ на время рѣзню, но даже почти далъ другой оборотъ дѣлу. Пользуясь своимъ знаніемъ мѣстности, Гуртъ завлекъ непріятеля на крытые провалы, находившіеся шагахъ въ двухъ стахъ отъ собственной его засады; тутъ погибло такое несмѣтное число чужеземцевъ, что, по словамъ лѣтописца, провалы были набиты ихъ трупами врововъ съ равниною. Не смотря на это истребленіе, и на все усилія военачальническаго искусства поправить прежнюю ошибку, Саксонцы не могли долго бороться съ такимъ превосходнымъ числомъ враговъ. А между тѣмъ, цѣлый отрядъ подъ начальствомъ Годеруа Мартеля, по приказанію Вильгельма, занялъ пространство оставшееся свободнымъ между окопами и мѣстомъ, гдѣ проходило сраженіе, такъ что когда Гарольдъ взглянулъ, вся подошва холма была опоясана сталью, и ему не было никакой надежды пробраться на помощь передовому полку. Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, и только движенія лица и рукъ и подавленные восклицанія изобличали

сбившіеся въ сердцѣ его надежду и страхъ. Наконецъ онъ вскричалъ:

— Молодецъ Гуртъ! отважный Леофайнъ! взгляните на ихъ хоругви.... вправо, вправо!... славно, храбрый Веббъ!... А, оми идуть сюда.... Кливъ смыкается.... прорѣзаетъ себѣ путь сквозь самую середину непріятеля!...

И дѣйствительно, разрозненные остатки Англичанъ, во имѣя возможности соединиться, построились въ нѣсколько мелкихъ отрядовъ, въ видѣ везишваго клина, и поднимъ щиты надъ головами подъ градомъ стрѣлъ и сулицъ, тѣснѣе лошадами, шли съ разныхъ сторонъ по равнинамъ и носогорамъ, къ окопамъ; передъ ними былъ грозный отрядъ Мартеля, а сзади шли по пятамъ безчисленные полчища Вильгельмовы. Король не могъ долѣе удержаться. Онъ выбралъ пятьсотъ еще довольно свѣжихъ людей, несомнѣнной храбрости и опытности, и велѣвъ остальнымъ стоять твердо, спустился съ холмовъ, и неожиданно грянулъ въ тылъ Мартелеву отряду, составленному на половину изъ Нормановъ и Бретонцевъ.

Эта вылазка, — отчаянная, но сдѣланная въ самую пору, способствовала отступленію разрозненныхъ Саксонцевъ, и прикрыла его. Многие, правда, были отрезаны; но Гуртъ, Леофайнъ прорѣзали своимъ отрядомъ путь къ Гарольду, и вступили въ окопы. Но пятамъ ихъ ворвались и ближайшіе непріятельскіе ряды; но тотчасъ же были вытѣснены, при радостныхъ кликахъ Англичанъ.

Но увы! не велико было число спасшихся такимъ образомъ; и не было никакой надежды, чтобы оставшіеся еще въ живыхъ и разбросанные по равнинѣ отрядцы могли пробить себѣ путь на содѣйствіе братьямъ.

А въ этихъ разброшенныхъ остаткахъ заключались едва ли не единственные люди, которые, видя невозможность побѣды, и пользуясь своимъ знаніемъ мѣстности, спаслись бѣгствомъ съ Сангласкаго поля. Однако же въ окопахъ нити не унывали; время было уже далеко за полдень, и даже вѣшніе окопы были еще не тронуты. Позіція казалась неприступна, какъ каменная крѣпость; сказать правду, храбрѣйшіе даже изъ Нормановъ приходили въ отчаяніе, когда смотрѣли на холмъ, съ котораго былъ отбитъ самъ Вильгельмъ. Герцогъ въ послѣдней схваткѣ получилъ нѣсколько ранъ; подъ нимъ уже была убита третья лошадь. Ряды его рыцарей и дворянства ужасно порѣдѣли, потому что они подвергались опасности съ отчаянною храбростью.

И Вильгельмъ, послѣ истребленія почти половины англійскаго войска, со стыдомъ и гнѣвомъ долженъ былъ слышать ропотъ неудовольствія и унынія при мысли о приступѣ къ высотамъ, на которыхъ были окопаны остатки мужественнаго непріятеля. Въ эту критическую минуту, Одо, бывшій до-тѣхъ поръ въ тылу со служителями слѣдовавшими за нимъ въ походъ, выѣхалъ на открытое поле, гдѣ всѣ отряды приводили въ порядокъ строй. Подъ бѣлою мантией его былъ надѣтъ тяжелый панцирь; голова его была не покрыта, а въ правой рукѣ его былъ мечъ. Огромная палица моталась на лѣвой его рукѣ на ремнѣ. За бѣлосвѣжнымъ конемъ Одо тянулся весь запасный полкъ, совершенно свѣжій; онъ еще не былъ въ дѣлѣ, не раздѣлялъ страха прочихъ отрядовъ, и горѣлъ гнѣвомъ и негодоваіемъ на медлительность побѣды.

— Это что? вскричалъ старикъ; вы колеблетесь? вы трепещете, когда колосья скошенъ, и вамъ остается только собирать жатву? Какъ? вы дрожите, сыны Одина? Оставьте своего герцога, если хотите; но дерзнете ли вы отступить отъ владыки, который сильнѣе человѣковъ. Смотрите, я ѣду рядомъ о-бокъ брату съ обнаженною головою, и съ мечемъ въ рукѣ. Кто откажется служить своему государю — только трусь; кто же откажется служить Богу — тотъ отступникъ!

Свирѣпый кликъ, заключившій эту рѣчь, слова Одо, а еще болѣе свѣжія силы, приведенныя имъ на помощь, ободрили упавшій духъ войска. И все воинство Вильгельмово, котораго колонны покрывали всю равнину, сливаясь съ свѣрымъ горизонтомъ, двинулось со всѣхъ сторонъ стройною, плотною стѣною на окопы. Убѣдившись въ бесполезности конницы до тѣхъ поръ, пока окопы не будутъ разрушены, Вильгельмъ поставилъ впередъ всю свою тяжелую пѣхоту и стрѣлковъ; они должны были идти на проломъ окоповъ, которыхъ входы были тщательно забиты.

Когда они стали подниматься по косогору, Гарольдъ обратился къ Гакону, и сказалъ:

— Гдѣ твоя сѣкира?

— Гарольдъ, отвѣчалъ Гаконъ голосомъ еще болѣе мрачнымъ чѣмъ обыкновенно. Я хочу быть твоимъ щитовосцемъ, потому что ты долженъ до конца сраженія имѣть обѣ руки свободными для твоей сѣкиры, и щитъ тебѣ не поможетъ. Рази же ты, а я буду закрывать тебя.

— Стало быть, ты любишь меня, сынъ Свейновъ? я никогда въ этомъ сомнѣвался.

— Я люблю тебя, какъ лучшую часть своей жизни, и съ твоей жизнью кончится и моя жизнь: закрывая грудь Гарольда, щитъ мой будетъ защищать собственное мое сердце.

— Я сказалъ бы тебѣ, что тебѣ надо еще жить, бѣдный юноша, шепнулъ Гарольдъ; но къ чему будетъ жизнь, если мы проиграемъ это сраженіе?... Блаженны будутъ умершіе!

Едва уста его произнесли эти слова, какъ онъ уже находился на окопахъ, и мгновеннымъ взмахомъ сѣкиры свалилъ блестящій надъ ними шеломи. Но шеломи слѣдуютъ за шеломами; рой за роємъ, идутъ они, какъ стая голодныхъ волковъ на путника, или бѣлыхъ медвѣдей на ладью; число ихъ все прибываетъ, не смотря на истребленіе ихъ братьевъ. Норманскія стрѣлы затмѣваютъ воздухъ: съ роковою шѣткостью налетаютъ онѣ на каждую голову, на каждую руку, возвышающуюся надъ плетнемъ. Норманы лѣзутъ на окопы; передніе ряды падаютъ подъ саксонскою сѣкирою; но новыя тысячи взбираются по трупамъ предшественниковъ: тщетна мощь Гарольда, и если бы въ каждомъ Саксонцѣ была мощь Гарольда, и та была бы бесполезна! Первый рядъ окоповъ взять; онъ пробить, раздавленъ напоромъ, изрубленъ бердышами, заваленъ трупами. Повсюду раздаются радостныя, рѣзкіе клики: — Эй, Ролло, Ролло! — Коня фыркаютъ и раздуваютъ ноздри, и несутся въ атаку. Высоко по воздуху машетъ тяжелая палица Вильгельма; и подлѣ него сіяетъ норманскій мечъ.

— Впередъ Норманы! дарю вамъ графства и отчины! кричитъ герцогъ.

— Впередъ, сыны Одина! вѣчное блаженство храбрымъ! кричитъ Одо.

Перваго окопу какъ не бывало; Саксонцы отстаиваютъ вершокъ за вершкомъ, шагъ за шагомъ; но сила давить ихъ и тѣснить во второй окопъ. И тутъ опять тѣ же рои непріятелей, та же отчаянная борьба, тотъ же крикъ и ревъ.... И второй окопъ пробить. Саксонцы запираются въ третій.... вотъ передъ Норманами гордо развивается хоругвь авглійскаго короля; золотое шитье и таинственные камни горятъ въ лучахъ склоняющагося къ западу солнца. Вокругъ Гарольда собраны послѣдніе остатки авглійскаго воинства, запасный полкъ: герои, не знавшіе еще пораженія, не утомленные еще сраженіемъ, свѣжіе тѣломъ и духомъ. Окопы здѣсь толще и плотнѣе, крѣпче и выше; прикрѣпленные желѣзными цѣпями къ крѣпкимъ деревяннымъ столбамъ и желѣзнымъ тычинамъ; заставлены обозными телѣгами и грудами

полѣнья; баррикады, передъ которыми самъ Вильгельмъ останавливается въ невольномъ страхѣ, а Одо подавляетъ восклицаніе, неприничное его устамъ.

Передъ хоругвью, въ челѣ ея защитниковъ стояли Гуртъ, Леовайнъ, Гаконъ и Гарольдъ; послѣдній опирался на сѣкиру, потому что онъ былъ во многихъ мѣстахъ тяжело раненъ, и кровь струилась сквозь кольца и швы его доспѣховъ.

Живи, Гарольдъ, живи! пока ты живъ, не умреть саксонскія Англія!

Стрѣлковъ въ англійскомъ войскѣ было немного съ самаго начала битвы; большая часть ихъ находилась въ передовомъ полку, а тѣ, которые оставались въ окопахъ, давно перестрѣляли всѣ свои стрѣлы; непріятель слѣдовательно могъ пріостановиться и перевести духъ. А между тѣмъ норманскія стрѣлы летали густою тучею; но Вильгельмъ съ прикорбіемъ замѣчалъ, что всѣ они втыкались въ высокія плетень, и не наносили желаннаго вреда.

Онъ призадумался, и послалъ одного изъ своихъ рыцарей призвать троихъ изъ стрѣleckихъ начальниковъ. Они тотчасъ явились.

— Развѣ вы не видите, глупцы, сказалъ герцогъ, что ваши стрѣлы и сулицы безъ всякой пользы втыкаются въ новыя плетень? Стрѣляйте вверхъ; пусть стрѣлы падаютъ въ окопы сверху, какъ мечь духовъ, — прямо съ неба! Подай сюда лукъ, стрѣлокъ... вотъ такъ.

И не сходя съ лошади, герцогъ натянулъ лукъ; стрѣла взвилась вверхъ и опустилась въ самую середину запаснаго полка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хоругви.

— Такъ; пусть хоругвь будетъ вамъ мишенью, сказалъ герцогъ, отдавая лукъ.

Стрѣлки удалились. Приказъ быстро прошелъ по отряду, и черезъ нѣсколько мгновеній желѣзный дождь неожиданно посыпался на несчастныхъ Англичавъ, прямо сверху, пробивая кожаныя шапки, и даже желѣзные шлемы. Внезапность заставила ихъ невольно оглянуться вверхъ, и тѣмъ удесятерила вредъ.

Тяжелый стоиъ многихъ грудей раздался изъ окоповъ въ ушахъ Нормановъ.

— Теперь, сказалъ Вильгельмъ, имъ остается только закрывать головы щитами, оставляя сѣкиры безъ употребленія, или разить и гибнуть подъ стрѣлами. Теперь впередъ, на окопъ! На той хоругви вижу я уже ожидающій меня вѣнецъ!

Однако же Англичаве еще стоятъ непоколебимо; за толстыми

и плотными плетнями, на небольшомъ пространстве, болѣе сразительномъ ихъ малочисленности, никакое оружіе не беретъ ихъ кромѣ стрѣлъ. Каждый Норманъ, осмѣливающійся взбираться на окопъ, въ то же мгновеніе сваливается и тѣло его катится подѣ ноги испуганнымъ лошадямъ. Солнце все ниже и ниже, примѣтно склоняется къ багровому горизонту.

— Кришите! кричитъ голосъ Гарольда: держитесь только до ночи, и вы спасены. Еще часъ мужества, и вы спасли отечество.

— Гарольдъ и вѣра праотцевъ! раздается въ отвѣтъ.

Отбитый опять, Вильгельмъ рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ своей роковой хитрости. Онъ замѣтилъ часть окопа, болѣе отдаленную отъ бдительнаго ока Гарольда, котораго ободряющій голосъ герцога безпрестанно узнавалъ среди треску и реву приступа; въ этомъ мѣстѣ окопъ былъ слабѣе, и грунтъ ниже; но его охраняли люди, на опытность и искусство которыхъ Гарольдъ хотѣлъ вполнѣ полагаться.—Англо-Датчане его графства восточной Англій. Туда герцогу направилъ отборный отрядъ тяжелой вѣхоты, которую онъ самъ обучалъ съ оособенною тщательностію своей любимой хитрости; къ нимъ онъ присоединилъ отрядъ стрѣлковъ. Братъ его, Одо, въ то же время повелъ огромный отрядъ рыцарей, подѣ начальствомъ Рожѣ де Бомона, на есѣдніи высоты (гдѣ нынче находится городокъ Бетль), для наблюденія и содѣйствія этому плану. Пѣхота приступила къ назначенному мѣсту, и послѣ непродолжительной, но отчаянной схватки, успѣла сдѣлать большой проломъ въ укрѣпленіяхъ. Но этотъ временной успѣхъ только болѣе одушевилъ услія осажденных, и непріятель, тѣсясь вокругъ пролома и въ него, рядами валился подѣ ихъ сѣкврою. Наконецъ тяжелая норманская вѣхота начинаетъ колебаться, подаваться назадъ... обращать тылъ, отступать въ безпорядкѣ по косоугору... бѣжить; одни стрѣлки естоятъ твердо на половинѣ косоугора. Англичанамъ кажется, что имъ ничего не будетъ стоять истребить этотъ отрядъ... они не могутъ устоять противъ искушенія. Измученные и озлобленные, доведенные почти до остервененія градомъ стрѣлъ, отъ которыхъ нѣтъ имъ никакой защиты, Англо-Датчане бросаются на пятки норманской пѣхоты, и, пылая желаніемъ изрубить стрѣлковъ, оставляютъ проломъ безъ прикрытія.

— Впередъ! кричитъ Вильгельмъ, поскакавъ къ пролому.

— Впередъ! кричитъ Одо: мертвые встали изъ гробовъ, и ринула своихъ ратныхъ коней на живыхъ!

Норманскіе рыцари бросаются за ними. Но Гарольдъ уже у пролома, и собравъ горсть удалцовъ, готовыхъ возстановить разрушенныя укрѣпленія.

— Смыкай щиты! держись крѣпко! кричитъ король.

Передъ нимъ, на коняхъ, стояли Брюсъ и Гранмениль. Дротики ихъ были уставлены противъ груди Гарольда; но Гаконъ закрывалъ ее щитомъ. Схвативъ сѣкиру въ обѣ руки, король махнулъ, и дротикъ Гранменля разлетѣлся по-поламъ; конь Брюса грохнулся, съ разбитымъ черепомъ; всадникъ и конь покатались по окровавленной травѣ.

Но ударъ бердыша де-Ласи перерубилъ щитъ Гаконъ; самъ Гаконъ упалъ на колѣна отъ силы размаха. Съ поднятыми клинками и мотая по воздуху пальцами, ломаются норманскіе рыцари въ проломъ.

— Сверху, сверху, береги голову! кричитъ королю зловѣщій голосъ Гакона.

При этомъ предостереженіи король поднимаетъ свои сверкающіе глаза.... Что же вдругъ остановило его?... отчего сѣкира падаетъ изъ его рукъ?... Въ то самое мгновеніе, какъ онъ обратилъ лицо къверху, съ визгомъ опустилась смертоносная стрѣла, прямо ему въ лицо, и воткнулась въ безбоязненный глазъ.

Король зашатался, отскочилъ на вѣскольکو шаговъ назадъ и упалъ къ подножію своей великолѣпной хоругви. Дрожа отъ боли, онъ отчаянною рукою переломилъ древко стрѣлы; но остріе осталось въ глазу. Гуртъ съ прискорбіемъ наклонился надъ братомъ.

— Продолжай сраженіе! простовалъ король едва слышнымъ голосомъ: скрывай мою смерть отъ войска! За вѣру праотцевъ! на спасеніе Англіи!... горе!... горе намъ!...

Собравъ послѣднія силы, онъ вскочилъ на ноги, сжалъ правую руку, и тотчасъ же опять упалъ мертвымъ.

Въ то же мгновеніе сильный и дружный напоръ конницы къ хоругви опрокинулъ цѣлый рядъ Саксонцевъ, и завалилъ тѣло короля грудями убитыхъ.

Одинъ изъ первыхъ въ этомъ числѣ палъ несчастный Гаконъ. Шеломъ его былъ разрубленъ пополамъ, лицо струилось кровью, но въ блѣдности смерти сохраняло то же невозмутимое спокойствіе, которымъ отличалось при жизни. Онъ упалъ головою на грудь Гарольда, съ любовью прижалъ свои кровавыя уста къ окровавленной щекѣ короля, вдохнулъ и — умеръ.

Отчаяніе придадо Гурту нечеловѣческую силу. Ступая по тру-

намъ своихъ родичей, онъ сталъ одинъ противъ всѣхъ рыцарей; опасность, угрожавшая родной хоругви, собрала вокругъ него послѣдніе остатки англійскаго воинства, и ихъ отчаянное мужество еще разъ отразило напоръ осаждающихъ.

Но укрѣпленіе уже было наполнено непріятелями; повсюду разивались по мрачному воздуху флюгера и хоругви, будто съ праздничнымъ весельемъ. Высоко надъ всѣми моталась палица герцога и сіялъ мечъ его брата. Ни одинъ Англичанинъ не искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прижавшись плотною стѣною къ подвою очарованной хоругви, они всѣ были избиты, но дорого продали Норману свою жизнь. Одинъ за другимъ пали подъ роднымъ знаменемъ, дружинники Гильды. За ними палъ вѣрный Сексвольфъ. Палъ и храбрый Годритъ, искушивъ смертью десятковъ Нормановъ, свое юношеское, безразсудное пристрастіе къ норманщинѣ. Потомъ палъ, — послѣдній изъ кентскихъ удальцовъ, пробившихъ себѣ путь изъ разстроеннаго передоваго полку къ окопамъ, — прямодушный и мужественный Вебба.

И въ этотъ даже вѣкъ, когда въ жилахъ каждаго Тевтонца струилась еще кровь полубога Одинна, одинъ человекъ могъ удерживать мощь цѣлаго полка. Съ изумленіемъ, съ благоговѣніемъ и почти со страхомъ видѣли Норманы, сквозь толпу, — здѣсь, передъ самыми головами своихъ лошадей, одного витязя, подъ стѣкирою котораго разлетались дротики и валились шеломы, — и тамъ, у самой хоругви, по груди заваленнаго трупами, другаго еще грознѣйшаго витязя, непобѣдимаго среди общаго паденія сподвижниковъ. Первый палъ, наконецъ, отъ палицы Рожера де-Монгомери. — Такъ, — неизвѣстный норманскому пѣвцу, сохранившему въ своей поэзіи его подвиги, но не имя, — палъ юный Леофайнъ. И въ смерти, какъ при жизни, безпечная улыбка освѣтила его уста.

Другой еще стоялъ у очарованной хоругви; хоругвь еще разивалась по воздуху, съ своимъ таинственнымъ изображеніемъ разящаго витязя, окруженнымъ драгоцѣнными камнями, которые блистали вѣкогда въ вѣнцѣ Одинна.

— Дарю тебѣ честь сбить это гордое знамя! закричалъ Вильгельмъ, обращаясь къ одному изъ своихъ любимыхъ и доблестнѣйшихъ рыцарей, Роберту де-Тессену.

Молодой рыцарь съ восторгомъ бросился къ знамени; но не успѣлъ онъ къ нему прикоснуться, какъ палъ подъ стѣкирою неукротимаго его защитника.

— Колдовство! вскричалъ Фицосборнъ: нечистая сила! Это не человекъ, а дьяволъ!

— Пощади его.... пощади храбраго витязя, кричали въ одну голосъ Брюсъ, д'Эжуръ и де-Гравиль.

Глаза Вильгельма гнѣвно сверкнули на дерзнувшихъ просить о пощади, и онъ погналъ коня своего по трупамъ убитыхъ, осѣненный священною хоругвью, которую несъ вслѣдъ за нимъ Томстенъ. Онъ подѣхалъ къ подножію хоругви, и между рыцаремъ-герцогомъ и самсонскимъ витяземъ завязалось непродолжительное единоборство. Но и тутъ храбрый вождь палъ не отъ меча Нормана, а отъ истощенія, потому что тѣло его было покрыто сегою ранъ; и герцогскій бердышъ возился только въ надающій трупъ. Такъ, послѣдній у хоругви, палъ Гуртъ.

Солнце уже зашло; первая звѣзда блеснула на небѣ; Разлищій Витязь былъ низверженъ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ, одинокій и полуразрушенный, среди стоячихъ водъ, стоитъ жертвенникъ храма сраженія *, водрузился блестящій драконъ, украшавшій вершину древа священной хоругви норманскаго завоевателя.

IX.

Подлѣ самой хоругви былъ раскинутъ шатеръ Вильгельма-Завоевателя, и самъ герцогъ сидѣлъ въ немъ за иршескимъ столомъ. По всей равнинѣ блуждали факелы, будто блудящіе огни на болотѣ, потому что герцогъ дозволилъ саксонскимъ женамъ отыскивать тѣла своихъ мужей. И между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ съ своими приближенными, бесѣдовалъ и смѣялся, вошли въ шатеръ два почтенныхъ старца; ихъ смиренная наружность, урученныя горестью лица и грубыя власяницы представляли печальную противоположность разгулу и великолѣбію побѣднаго пиря.

Они подошли къ герцогу, и преклонили передъ нимъ колѣна.

— Вставьте, сказалъ Вильгельмъ съ кротостью. Мы пришли отомстить за оскорбленіе правъ нашихъ; не думайте же, что мы станемъ сами нарушать ихъ. Напротивъ, мы уже дали обѣтъ воздвигнуть на этомъ самомъ мѣстѣ храмъ, который будетъ первымъ и бо-

* Battle-Abeu, основанная Вильгельмомъ на мѣстѣ гастингской битвы, и такъ названная въ память ея. Близъ нея возникъ впоследствии и городъ Battle.

гавѣиши въ королевствѣ, и дабы къ отдаленѣйшему потомству дошла слава храбрыхъ Нормановъ, павшихъ на этомъ полѣ.

— Безъ-сомнѣвнѣ, сказалъ Одо, съ лукавою усмѣшкою, они слышали уже объ этомъ вашемъ намѣреніи, и пришли просить себя кельи въ будущемъ храмѣ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Осгудъ печальнымъ и ломаннымъ норманскимъ языкомъ: у насъ есть свой любезный храмъ въ Волтемѣ, достаточно одаренный государемъ, котораго побѣдило твое оружіе. Мы пришли просить только дозволенія похоронить въ нашемъ храмѣ останки того, кто вчера еще былъ королемъ всей Англии, — нашего благодѣтеля, Гарольда!

Лицо герцога нахмурилось.

— И вотъ, носѣвшю подхватилъ Эйльредъ, вытаскивая изъ подъ рясъ кожаный кошель: мы принесли съ собою все золото, какое могли найти въ своихъ бѣдныхъ храмахъ, потому что мы еще заранѣе сомнѣвались въ успѣхѣ сраженія.

И онъ вынималъ золото къ ногамъ завоевателя.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Вильгельмъ съ свирѣпою злобою: мы не возьмемъ золота за тѣло измѣнника; хотя бы даже сама Гита, мать князика, предлагала его столько, сколько вѣситъ тѣло ея сына. Проклятый пусть останется безъ погребенія, и пусть князья птицы кормятъ его тѣломъ своихъ птенцовъ!

Двоимъ отвѣтъ встрѣтила въ собраніи эти слова: зѣвкое одобреніе со стороны подменныхъ въ побѣдѣ насмѣшковъ, и ровоть неудовольствія, и благороднаго негодованія со стороны большей части норманскаго дворянства.

Однако же лицо Вильгельма осталось мрачнымъ по-прежнему: въ глазахъ его горѣла злоба. Политика подкрѣпляла въ его душѣ побужденія неблагородной мести; онъ зналъ, что только отерпѣніемъ памяти убитаго короля, какъ подлагае измѣнника и проклятаго клятвенпреступника, могъ онъ оправдать замышляемое разореніе побѣжденныхъ, и отобраніе земель, которыхъ его вожди и рыцари ожидали себѣ въ награду.

Едва умолкли одобреніе и ровоть, какъ женщина, повидною соседняя вельдѣ за пресвитеромъ, и до-тѣхъ цоръ нахѣвъ не шри-щѣнная, быстро и безъ шума подошла къ стулу герцога, и не преклоня колѣна, сказала тихимъ голосомъ, но такъ, что всѣ присутствующіе могли ясно разслушать ея слова:

— Норманъ, именемъ всѣхъ женъ Англии говорю тебѣ, что ты не имѣешь права такъ ругаться надъ благороднымъ виланомъ, который положилъ жизнь за твою родную землю и нѣтъ дѣтей!

Говоря это, она откинула фату назадъ; волосы ея разсыпались въ беспорядкѣ по плечамъ, блистая какъ золото въ лучахъ безчисленныхъ свѣточей, которыми былъ освѣщенъ ширшескій столъ; и дивная красавица, не знавшая соперницъ между двумя и женами Англіи, являлась образомъ карающаго духа изумленнымъ глазамъ герцога и рыцарей, едва смѣвшихъ переводить дыханіе. Только два раза въ жизни видѣла Эдней этого грознаго мужа. Въ первый разъ, когда юная дѣвочка, вырванная изъ мечтативъ невинной любви веселымъ звукомъ его трубъ и великолѣпнѣе его знаменъ, остановилась у подножія поросшаго травой холма; и въ другой разъ, когда въ часъ его торжества и среди развалинъ Англіи на Санглакскомъ полѣ, переживъ душою изнывшее въ страданіяхъ сердце, благородная и вѣрная жена заступалась за павшаго вѣтзая.

Не преклоняя колѣна и не склоняясь передъ надменнымъ побѣдителемъ, съ блѣднымъ лицомъ и гордымъ взглядомъ, стояла она передъ герцогомъ; и когда она умолкла, благородные бароны смѣло и громко одобрили ея рѣчь.

— Кто ты? спросилъ Вильгельмъ, изумленный, если не смиренный ея величїемъ. Мнѣ кажется, будто я уже видѣлъ когда-то твое лицо; не жена ли Гарольда? или, можетъ-быть, его сестра?

— Государь, сказалъ Осгудъ, она была невѣстою Гарольда, но какъ они состояли въ родствѣ, то блюстители нашихъ законовъ воспротивились ихъ союзу, и они покорились ихъ волѣ.

Изъ толпы пирующихъ вышелъ Маллѣ-де-Гравиль, и сказалъ: — Государь, ты обѣщалъ мнѣ земли и графство; вмѣсто этихъ незаслуженныхъ милостей, дозвожь мнѣ похоронить съ приличною почестью тѣло Гарольда; онъ далъ мнѣ нынче жизнь, дозвожь же мнѣ отплатить ему однимъ, чѣмъ могу — могилкою!

Вильгельмъ молчалъ; но ясно высказавшееся мнѣніе собранія, а можетъ-быть и благороднѣйшія побужденія собственнаго сердца, — потому что сердце его, пока не было возвращено ухищреніями политики и ожесточено мстительностію и самозастїемъ, было не чуждо великодушныхъ и героическихъ помысловъ, — укротили его гнѣвъ и убѣдили его. Герцогъ сказалъ съ кротостію Эдней:

— Ты не напрасно обратилась къ норманскому рыцарству: упрекъ твой былъ справедливъ, и я каюсь въ словахъ, сказанныхъ сгоряча. Маллѣ-де-Гравиль, мы согласны на твою просьбу; и предоставляемъ тебѣ избраніе мѣста, и попеченіе объ отдачѣ

приличной чести тѣлу того, чья душа не подлежитъ уже человѣческому суду.

Пирваніе кончилось. Вильгельмъ-Завоеватель почивалъ на своемъ ложѣ, и приближенные къ нему норманскіе рыцари дремали вокругъ него, мечтая о будущихъ своихъ баронствахъ. А факела все еще печально блуждали взадъ и впередъ по равнинѣ смерти, и въ безмолвіи ночи слышался вблизи и вдали вопль несчастныхъ женъ.

Малле де-Гравиль, сопровождаемый Осгудомъ и Эйльредомъ и нѣсколькою факельщиками, продолжалъ отыскивать тѣло убитаго короля; но всѣ поиски его казались тщетными. А время шло. Печальный шаръ осенней луны достигъ уже своего полудня, и присоединялъ свою слабую помощь къ красному свѣту факеловъ. Выхода изъ герцогскаго шатра, искатели нечаянно разошлись съ Эдньюю; она ушла одна въ другую сторону, и пропала изъ виду въ вратной пустынѣ. Эйльредъ сказалъ съ горестнымъ уныніемъ:

— Мы, можетъ-быть, уже прошли мимо трупа, котораго ищемъ, и не узнали его; потому-что лицо могло быть обезображено ранами. За тѣмъ-то наши саксовскія жены и матери обыкновенно ходятъ на мѣсто битвы, и узнаютъ тѣхъ, кого ищутъ, по тайнымъ примѣтамъ, извѣстнымъ одному семейству.

— Такъ, подхватилъ Норманъ; понимаю; по словамъ или изреченіямъ, которыя, по обычаю вашей страны, ратники накалываютъ на тѣлѣ, какъ залогъ любви, или для предохраненія себя отъ сглазу, заговору или несчастія.

— Такъ точно, отвѣчалъ Эйльредъ; поэтому очень жаль, что мы разошлись съ тою дѣвушкою; она могла бы дать намъ руководство.

Разсуждая такимъ образомъ, они печально повернули назадъ, чтобы возвратиться въ герцогскій шатеръ.

— Посмотрите, сказалъ де-Гравиль, какъ близко эта женщина подошла къ шатру герцога, — смотрите, къ самому подножію священной хоругви, заступившей мѣсто Разящаго Витязя! Ей Богу, сердце сжимается, когда посмотришь, какъ она усиливается поднять тяжелые трупы.

Старцы подошли къ означенному мѣсту, а Осгудъ вскричалъ почти радостнымъ голосомъ:

— Это прекрасная Эднэ! Сюда... факела сюда! скорѣ!

По окончаніи сраженія тѣла убитыхъ были послѣдно и небрежно отброшены отъ знамени, чтобы очистить мѣсто для хоругви побѣдителя, и для пиршескаго шатра, и они лежали вокругъ, сваленныя безъ разбору одно на другомъ. Эднэ безмолвно, при одномъ слабомъ свѣтѣ луны, отыскивала въ грудкахъ тѣло своего возлюбленнаго. Когда де Гравиль и Остудъ подошли къ ней съ людьми, она махнула рукою съ видомъ нетерпѣнія, будто рвуя къ нимъ своего мертвеца; но какъ прежде она не искала ихъ помощи, такъ и не отвергала ее теперь. Она оставила ихъ продолжать поиски, сама же съ тихимъ стономъ стояла подле нихъ на колѣнахъ, слѣдя за каждымъ ихъ движеніемъ, и печально качая головою, по мѣрѣ того, какъ они снимали шлемъ за шлемомъ, и подносили факела къ носилчатымъ и обезображеннымъ лицамъ. Наконецъ яркій, красный свѣтъ ихъ ужалъ на блѣдное лицо Гакона, — гордое и иррачное, какъ при жизни.

— Племянникъ короля! вскричала де-Гравиль; — самъ король долженъ быть здѣсь же, во близости!

Эднэ вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и перестала стонать.

Рыцарь и старецъ сняли шлемъ съ другаго трупа, и взглянувъ на него, отворотились съ отвращеніемъ и ужасомъ; лицо было все изрублено и обезображено ранами; и въ немъ только что можно было угадывать человѣческій образъ. Но при видѣ этого лица, безумный крикъ вырвался изъ груди Эднэ.

Она всочила на ноги, съ силою и съ гнѣвомъ оттолкнула искавшихъ, припала надъ лицомъ мертвеца, и принялась дикими своими волосами отереть съ него застывшую кровь; потомъ судорожными пальцами стала отстегивать пряжку нагрудника. Де-Гравиль наклонился, чтобы помочь ей; но она оттолкнула его, и вскричала: — Нѣтъ, яѣтъ; — онъ мой теперь, — мой!

Изрѣвавъ руки до крови, она наконецъ отстегнула колычугу; одежда подъ нею была вся въ крови. Она отдернула складки; на груди мертвеца, надъ самымъ сердцемъ, было наколото, старинными саксонскими буквами, слово: *Эднэ*; а нѣсколько ниже, болѣе свѣжая надпись: *Англия*.

— Смотрите, сметрите! вскричала дѣвушка раздрающимъ голосомъ. И сжавъ мертваго въ свѣжхъ объятіяхъ, она цѣловала его уста, называла его самыми вѣжными именами, и говорила съ нимъ будто съ живымъ.

Но оставалось сомнѣніе, что цѣль поисковъ достигнута; глаза любви узнали мертваго.

— Ты мой теперь, шептала невѣста; наконецъ мы соединены навѣки! о Гарольдъ! не обманули насъ судьбы!

И вѣжно прижавъ голову къ груди мертваго, она улыбнулась, и — уснула непробуднымъ сномъ смерти.

Въ восточномъ концѣ вольтемскаго храма, за жертвенникомъ долго показывали гробницу послѣдняго саксонскаго короля, съ простою и трогательною надписью: *Гарольдъ злосчастный*. Но, не подъ этимъ камнемъ, если вѣрить лѣтописцу, который, лучше тѣмъ кто либо, долженъ былъ знать истину, покоился прахъ того, въ чьей могилѣ была погребена цѣлая эпоха въ лѣтоисхъ человѣчества.

— Пусть прахъ его, сказалъ Вильгельмъ Норманскій, пусть прахъ его охраняетъ берега, которые жизнь его безумно защищала. Пусть волны морскія напѣваютъ ему погребальную пѣсню, и оползутъ его могилу; и пусть духъ его хранитъ страну, перешедшую нынѣ подъ владычество Нормана!

И Маллѣ де-Гравиль охотно исполнилъ волю своего повелителя; потому-что его благородное рыцарское сердце видѣло одинъ почетъ, тамъ гдѣ крылось недостойное поруганіе. Онъ понималъ, что самъ Гарольдъ не могъ бы избрать себѣ могилы, болѣе достойной его англійской души и римской смерти.

Вольтемская гробница отвергла бы прахъ вѣрной невѣсты, которой сердце перестало биться на груди отысканнаго жениха; милосердіе была могила въ храмѣ вселенной, и вѣчный гулъ моря сталъ ихъ брачною и погребальною пѣснюю.

Повинуясь чувству поэзіи и любви, составлявшему главную черту норманскаго рыцарства, Маллѣ де-Гравиль дозволилъ смерти соединить тѣхъ, кого разлучила суровая жизнь. На кладбищѣ, окружавшемъ скромную саксонскую часовню, на берегу моря, близъ того мѣста, гдѣ Вильгельмъ вышелъ на берегъ, одна могила приняла тѣла обрученныхъ; а вольтемская гробница почтила только одно имя.

Прошло съ тѣхъ-поръ осемь вѣковъ, и гдѣ теперь Норманъ, и гдѣ вѣтъ Саксонца? Малая урна, въ которой помѣстился вели-

кій владѣтель ", лишена даже его праха; а безгробная тѣнь несчастнаго защитника отечества донинѣ охраняетъ его берега, и паритъ надъ его морями. Душа твоя, Саксонецъ Гарольдъ, успокоенная и примиренная, улыбается, взирая на благоденствующую саксонскую землю!

• Надгробная надпись Вильгельма-Завоевателя гласитъ :

Rex magnus parva jacet hic Gulielmus in urna
Sufficit et magno parva domus domino.

Полагаютъ, что прахъ его былъ вырытъ нѣсколько столѣтій спустя послѣ его смерти.

РАФАЭЛЬ.

=

СТРАНИЦЫ ИЗЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ЖИЗНИ

АЛЬФОНСА ДЕ-ЛАМАРТИНА.

=

ПРОЛОГЪ.

Настоящее имя друга, который писалъ эти страницы, было не Рафаэль. Мы, друзья его, часто въ шутку такъ его называли, потому что въ юности онъ очень походилъ на портретъ того Рафаэля, который можно видѣть въ Римѣ въ галлерей Барберини, во Флоренціи во дворцѣ Питти, и въ Парижѣ въ Луврскомъ Музеумѣ. Мы давали ему это имя также, потому что отличительной чертой характера было такое живое чувство прекраснаго въ природѣ и въ искусствѣ, что душа его была только, такъ сказать, прозрачностью вещественной и идеальной красоты, разбросанной въ твореніяхъ Бога и человѣковъ. Это происходило отъ чувствительности дотого изящной и тонкой, что пока время ее не притупило, она доходила въ немъ почти до болѣзненнаго состоянія. Мы говорили, намекая на это невральгическое чувство, которое называютъ тоской по родицѣ, что онъ страдалъ тоской во небѣ. Онъ соглашался, улыбался вѣдетъ съ нами.

Страсть къ художественному сдѣлала его несчастнымъ. При дру-

гихъ условіяхъ она доставила бы знаменитность. Владѣй кистью, онъ написалъ бы дѣвъ Фоливью, — рѣзцомъ онъ изваялъ бы Психею Кавовы; будь ему извѣстенъ языкъ, на которомъ пишутся звуки, онъ положилъ бы на ноты воздушныя жалобы морскаго вѣтру въ фибрахъ итальянскихъ тополей или дыханіе спящей дѣвушки, мечтающей о томъ, кого она не хочетъ назвать. Если бы онъ былъ поэтомъ, онъ написалъ бы стансы Эрминіи Тасса, Шекспировъ разговоръ Ромео и Юліи при лунномъ сіяніи и портретъ Гандѣ, лорда Байрона.

Онъ любилъ добро столько же какъ и изящное, но не потому только, что оно есть благо, а оттого еще, что оно прекрасно. Онъ былъ честолюбивъ не по характеру, а по воображенію. Если бы онъ жилъ во времена древнихъ, онъ домогался бы почестей какъ Цесарь, говорилъ бы какъ Демосенъ, умеръ бы какъ Катонъ. Но привужденъ будучи несчастьемъ вести жизнь темную, онъ впалъ въ праздность и сдѣлался мечтательнымъ. У него были крылья, а не доставало воздуха, чтобы распушить ихъ. Онъ жилъ недолго, поглощая пространство взоромъ и не имѣя возможности пробѣжать его. Міръ для него заключался въ мечтѣ.

Знаете ли вы портретъ юнаго Рафаэля, о которомъ я говорилъ вамъ сейчасъ? Это — шестнадцатилѣтнее личико, немного блѣдное, нѣсколько тусклое отъ римскаго солнца. На щекахъ еще цвѣтеть пушокъ дѣтства. Скользящій лучъ свѣту какъ будто играетъ на бархатной кожѣ. Юноша опирается локтемъ о столъ; рука поддерживаетъ голову, пальцы удивительно изящныя, впечатлѣли легкую, бѣловатую полоску на подбородкѣ и щекѣ. Ротъ нѣженъ, грустенъ, мечтателенъ, носъ тонокъ съ легкимъ синеватымъ отблѣскомъ между глазъ, какъ будто сквозь нѣжность кожи просвѣчивается лазурь жилъ. Глаза темно-голубые подобно апеннинскому небу до восходу солнца, глядятъ вдаль съ легкимъ уклоненіемъ къ небу: подумаешь, смотреть выше природы. Они проникнуты свѣтомъ до два; но немного влажны отъ лучей, разведенныхъ въ росѣ или въ слезахъ. Лобъ — сводъ чуть-чуть выпуклый; на немъ видѣются подъ тонкой оболочкой мускулы клавиры мыслей; виски размышляютъ, уши слушаютъ. Черные голоса обрѣзанные неровно въ первый разъ нескусной рукою товарища-ученика или сестры бросаютъ тѣни на щеку и руку. Маленькая, плоская, черная бархатная шапочка покрываетъ маковку и спадаетъ на лобъ. Проходя мимо этого портрета задумываешься и грустишь, самъ не зная отчего. Это гений —

дтѣ, мечтающій на порогѣ судьбы своей прежде чѣмъ переступить. Это душа у дверей жизни. Что станетъ съ нею?

Пробавьте же шесть лѣтъ къ возрасту этого мечтающаго мальчика, обрисуйте сильнѣе эти черты, подерните это лицо загадкой, сморщите лобъ, сгустите волосы, сотрите блескъ съ этихъ глазъ, подгрустите эти губы, увеличьте ростъ, придайте болѣе выпуклости мускуламъ, переищите итальяскій костюмъ времени Льва-Десятаго на мрачную и однообразную одежду юности, воспитаннаго въ простотѣ полей, который требуетъ отъ нея, только одѣть его благопристойно и будетъ портретъ совершенно похожій на Рафаэля въ двадцать лѣтъ.

Родъ его былъ бѣдный, хотя и древній въ Форезскихъ горахъ. Отецъ прои́влялъ шпагу на плугъ какъ испанскій дворянинъ, а вочести на честь, которая стоитъ всѣхъ почестей. Мать молодую, прекрасную женщину, можно было принять за сестру, такъ она на него походила! Она была воспитана въ роскоши и изяществахъ столицы, отъ которыхъ остался въ ней только ароматъ бесѣды и маверъ, неспаримый какъ запахъ серальской паствы въ хрусталѣ, гдѣ она лежала.

Удалившись въ горы съ мужемъ, которымъ любовь ее подарила съ дѣтми. — цѣлью всѣхъ ея радостей и гордости, она ни о чемъ не сожалѣла, и закрыла книгу юности на трехъ словахъ: Богъ, мужъ, дѣти. Особенно любила она Рафаэля. Она бы желала доставить ему царство, но къ несчастію только сердцемъ могла она поднять его въ гору. Удѣлъ обрушивалъ болѣе и болѣе и часто до основанія ихъ скромное состояніе и ея мечты.

Два бѣдные старца, преслѣдуемые послѣ терроризма за мистическія вѣрованія, укрылись въ горахъ, нашли убѣжище въ ея доми и полюбили Рафаэля, который тогда воспитывался на колѣнахъ у матери. Они предвѣщали ему не знаю что, назначили звезду, и сказали матери, слѣдуйте за нимъ сердцемъ! Мать охотно вѣрять! Она упрекала себя, потому что была набожна; но вѣрила имъ. Легковѣріе это поддерживало ее во многихъ нештативахъ, но бросало въ усилія свыше силъ, для повышенія Рафаэля, и наконецъ обмануло.

Я звалъ Рафаэля съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Послѣ матери онъ любилъ меня больше всѣхъ на свѣтѣ. Окончивъ науки мы сошлись въ Парижѣ, потомъ въ Римѣ. Его увезъ туда родственникъ отца, списывать рукописи въ ватиканской библиотекѣ. Онъ пристрастился къ языку и генію Италияцевъ, говорилъ по

итальянски лучше чѣмъ на родномъ языкѣ; иногда вечеромъ подъ тополями вдалы Памелли въ присутствіи заходящаго солнца и звездъ Римлянъ, разбросанныхъ по долинѣ, выпровоживала стаю, трогавшіе меня до слезъ! Но онъ не хотѣлъ писать.

— Рафаэлъ, говорилъ я ему часто, зачѣмъ ты не пишешь?

— Ахъ, отвѣчалъ онъ: развѣ вѣтеръ вышлетъ то, что веселитъ онъ подъ нашими головами въ этихъ звучащихъ листьяхъ? Развѣ море записываетъ стenanія береговъ своихъ? Ничто не хорошо изъ того что написано. Между-тѣмъ что чувствуешь и что выражаешь, прибавлялъ онъ грустно, такая же разница какъ между душой и двадцать-четырьмя буквами азбуки, то есть, безконечность. Какъ хочешь ты на тростниковой флейтѣ передать гармонію сферъ?

Я разстался съ нимъ въ Римѣ и сошелся опять въ Парижѣ. Онъ тогда напрасно старался, по связямъ матери, составить себѣ дѣлательное положеніе въ свѣтѣ, которое сняло бы тяжесть съ души и облегчило бы его участь. Молодые люди, одинаковыхъ съ нами лѣтъ, искали его знакомства; женщины благосклонно смотрѣли на него на улицѣ. Въ гостинныхъ онъ не бывалъ, и изъ всѣхъ женщинъ любилъ только мать.

Вдругъ мы потеряли его изъ виду въ продолженіи трехъ лѣтъ. Послѣ мы узнали, что его видѣли въ Швейцаріи, въ Германіи, въ Савойѣ, и потомъ зимою, по почтамъ, на одномъ мосту и на набережной въ Парижѣ. Наружность его показывала чрезвычайную бѣдность. Только нѣсколько лѣтъ позже узнали мы объ немъ подробности. Хотя онъ былъ въ отсутствіи, однако мы все думали объ немъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которыхъ нельзя забыть.

Наконецъ случай свелъ насъ черезъ двѣнадцать лѣтъ. Вотъ какимъ образомъ: я получилъ наслѣдство въ его провинціи, и поѣхалъ туда продать землю. Освѣдомляюсь о Рафаэлѣ. Матѣ говорятъ, что онъ лишился отца, матери и жены въ продолженіи многихъ лѣтъ; что бѣды по нимѣнію поразили его послѣ бѣдъ сердечныхъ, что отъ владѣній предковъ остались ему только старая, четвероугольная, полуразрушенная башня на берегу оврага, садъ, огородъ, лугъ въ оврагѣ и пять или шесть десятинъ не совсемъ удобной земли. Онъ обрабатывалъ ихъ двумя тощими поровами и отличался отъ сосѣдей-мужиковъ только книгами, которыя бралъ съ собой въ поле и держалъ въ одной рукѣ, другою управляя плугомъ. Но теперь уже нѣсколько ведѣлъ не выходилъ

онъ изъ хижины. Думали даже, не отправился ли онъ въ одно изъ тѣхъ продолжительныхъ путешествій, которыя тянулись по нѣсколькѣ лѣтъ. Какъ жаль, говорили, его любить всѣ въ окресткѣ. Онъ бѣденъ, а дѣлаетъ добро съ много богача. Изъ шерсти его овецъ ткуть на фабрикахъ отличныя сукна. По вечерамъ онъ учитъ дѣтей изъ ближайшихъ деревушекъ чтенію, письму, рисованію, позволяетъ имъ грѣться у своего камна; раздаетъ имъ свой хлѣбъ; а Богъ знаетъ, есть ли у него лишній хлѣбецъ въ такой неурожайный годъ каковъ нынѣшній.

Такъ говорили мнѣ о Рафаэлѣ. Я хотѣлъ видѣть по-крайней-мѣрѣ домъ стараго друга, и велѣлъ свести себя до подошвы бугра, на которомъ башня черноватаго цвѣту, выстроенная между нѣсколькихъ хлѣбовъ, торчала изъ букета орѣшниковъ и буковъ. Я прошелъ по древесному суку почти высохшій потокъ, катившійся на днѣ оврага, и поднялся по тропинкѣ скользящихъ подъ подошвой камешковъ. Двѣ коровы и три барава паслись на опаленныхъ бокахъ бугра, подъ присмотромъ почти слѣпаго служителя, который читалъ молитвы по четкамъ, сидя на древнемъ валломъ гербѣ, упавшемъ съ полукруглой надверной черекладныи.

Онъ мнѣ сказалъ, что Рафаэль не уѣхалъ, что онъ боленъ уже два мѣсяца и, по его мнѣнію, выйдетъ изъ башни только на кладбище, и тощей рукой указалъ мнѣ кладбище на противоположномъ холму.

— Можно ли видѣть Рафаэля? спросилъ я.

— О! конечно! отвѣчалъ старикъ: взойдите по ступенькамъ и дерните за снурокъ зашелки, въ залѣ, на-право. Вы найдете его въ постели, кроткаго какъ ангелъ, простосердечнаго какъ ребенокъ! прибавилъ онъ, утирая глаза рукой.

Я вошелъ по крутой, длинной и разломанной лѣстницѣ. Ступеньки, лѣпившіяся къ стѣнѣ башни, оканчивались деревянной площадкой, топорной работы, и маленькой крышей, съ которой черенцы валялись на лѣстницѣ. Я дернулъ за снурокъ лѣвой ладери и вошелъ. Никогда не забуду этого зрѣлища. Комната была обширная. Она занимала все пространство между стѣнами башни, освѣщалась двумя большими окнами съ каменнымъ крестомъ вместо рамы и со стеклами, запыленными и перебитыми въ переплетѣ изъ свинцовыхъ косопродолговатыхъ квадратовъ. Потолокъ составляли толстыя бревна, закоптѣлыя отъ дыму; полъ вымощенъ кирпичемъ; высокій камень, съ боковыми колонками,

грубой фугованной обдѣлки. Въ немъ, на желѣзной перекладинѣ, висячій горшокъ съ картофелемъ, подъ которымъ дымилась вѣтвь, горѣвшая съ одного конца. Въ комнатѣ не было другой мебели кромѣ двухъ высокихъ креселъ съ спинками, изъ тисненнаго дерева, обитыхъ пепельной матеріей, которой первоначальный цвѣтъ невозможно было различить. Большой столъ, вполонну закрытый скатертью небѣленаго полотна, въ которую былъ завернуть хлѣбъ; другая половина стола была завалена бумагами и книгами, разбросанными какъ ни попало; наковецъ, кровать съ столбами, источенными червями, съ синими саржевыми занавѣсками, завязанными вокругъ столбовъ, чтобы пропустить воздухъ изъ открытаго окна и игру солнечныхъ лучей на одѣло.

Человѣкъ еще молодой, но истощенный сухоткой и нищетой, сидѣлъ на краю постели, и въ ту минуту какъ я отворилъ дверь, бросалъ крошки хлѣба стаѣмъ ласточекъ и воробьевъ, порхавшихъ у ногъ его на полу.

При шумѣ моихъ шаговъ птицы разлетѣлись на карнизъ, столбики и на закраины балдахина кровати. Я узналъ Рафаэля, несмотря на блѣдность и худобу. Лицо его, утративъ молодости, ни въ чемъ не измѣнило своего характера; только измѣнился родъ красоты; теперь это была красота смерти. Черные волосы висѣли по плечамъ какъ у земледѣльца послѣ дневнаго поту. Длинная, но расположенная съ природной симметрией борода, не закрывала граціозный очеркъ губъ, выпуклость щекъ, сводъ глазъ, тонкость носа, задумчивую впадину висковъ, бѣлизну кожи. Рубашка, открытая на груди, выказывала тощее, но мускуловатое туловище, которое придамо бы величіе еге стану, если бы слабость позволила выпрямиться.

Онъ узналъ меня съ перваго взгляду, сдѣлалъ одинъ шагъ, раскрывъ руки, чтобы обнять меня, и упалъ на край постели. Я подошелъ къ нему. Сначала мы плакали, потомъ стали говорить. Онъ разсказалъ мнѣ про свою жизнь, которую судьба или смерть все обрѣзывала, въ ту минуту какъ онъ думалъ сорвать цвѣтъ или плодъ; потерю отца, матери, смерть жены, дочери, потомъ несчастія другаго роду; невольную продажу отцовскаго имѣнія, наконецъ удаленіе въ этотъ обломокъ наслѣдія, гдѣ единственный товарищъ ему — старый пастухъ, служащій безъ жалованья изъ привязанности къ дому и роду хозяина; наконецъ, про изнурительную болѣзнь свою, которая свалила меня на землю, говорилъ онъ, вмѣстѣ съ осенними листьями и положить на деревенскомъ кладбищѣ, возлѣ тѣхъ кого онъ любилъ. Чувствительность его

воображенія проявлялась даже въ смерти. Видно было, что онъ сообщалъ ее мысленно муравѣ и мху, которые цвѣли на его могилѣ!

— Знаешь ли ты, что больше всего меня огорчаетъ? сказалъ онъ, указывая пальцемъ на бахрामу птичекъ, усѣвшихся на карнизѣ кровати: мысль, что будущей весной эти бѣдныя крошки, послѣдніе друзья мои, напрасно станутъ искать меня въ башнѣ. Онѣ не найдутъ уже ни разбитаго стекла, чтобы влетать въ комнату, ни шерстинку изъ моего тюфика на полу для гнѣздъ своихъ. Но кормилица, которой я оставляю свое небольшое имущество, будетъ пещись о нихъ пока жива, продолжалъ онъ какъ-будто для утѣшенія самого себя: а тамъ.... Богъ!

Aux petits des oiseaux il donne la pâture.

Онъ растрогался говоря о птичкахъ. Видно было, что нѣжность, оттолкнутая или отвятая людьми, укрывалась въ животныхъ.

— Проведешь ли ты нѣсколько времени въ нашихъ горахъ? сказалъ онъ.

— Да, отвѣчалъ я.

— Тѣмъ лучше, продолжалъ онъ: ты закроешь мнѣ глаза и позаботишься, чтобы вырыли мою могилу какъ можно ближе къ могиламъ матушки, жены и моей дочери.

Онъ попросилъ меня потомъ подвинуть къ нему рѣзной сундучекъ, закрытый мѣшкомъ мансу, въ углу комнаты. Я поставилъ сундучекъ на кровать. Онъ вынулъ оттуда множество бумагъ, молча разрывалъ ихъ въ продолженіи получаса и просилъ кормилицу бросить при немъ доскутки въ огонь. Тутъ было множество стиховъ на всѣхъ языкахъ, бездна страницъ, наполненныхъ отрывками, отдѣленными по числамъ какъ воспоминанія.

— Зачѣмъ ты сожигаешь все это? спросилъ я робко. Развѣ человекъ не долженъ оставлять нравственнаго, также какъ и вещественнаго наслѣдства, тѣмъ кто переживетъ его? Ты сожигаешь, можетъ быть, мысли и чувства, которыя оживотворили бы душу?...

— Не мѣшай мнѣ, сказалъ онъ. Въ этомъ мірѣ довольно слезъ, нѣтъ никакой нужды оставлять лишнихъ капель на сердцѣ человека. Туда, прибавилъ онъ, указывая на стихи, упали весеннія перушки моей мысли, она ливлетъ съ тѣхъ поръ какъ у

цей выросли крылья вѣчности. И онъ продолжалъ раздирать и сожигать покаймствъ я смогрѣлъ на безплодные окрестности сквозь разбитыя стекла окна.

Наконецъ онъ подозвалъ меня къ постели.

— Возьми, сказалъ онъ, спаси только эту небольшую рукопись, у меня недостаетъ силъ сжечь ее. После моей смерти кормилца сдѣлаешь изъ этихъ бумагъ свертокъ для сѣмянъ. Я не хочу, чтобы осквернилось имя, которымъ полна она. Возьми и сохрани ее до тѣхъ поръ пока узнаешь, что я умеръ. После моей смерти сожги или сбереги ее до старости, чтобы пробѣгая ее вспоминать иногда обо мнѣ.

Я взялъ свитокъ, спряталъ его въ карманъ и ушелъ, давъ себѣ слово приходить каждый день, чтобы облегчить кончину Рафаэля дружескими попеченіями и разговорами. На лѣстницѣ я встрѣтилъ десятка два ребятшекъ, которые шли съ деревянными башмаками въ рукахъ на уроки, которые онъ продолжалъ давать имъ даже на смертномъ одрѣ; немного далѣе деревенскій священникъ шелъ провести съ нимъ вечеръ. Я почтительно поклонился священнику. Онъ замѣтилъ покрасившіе глаза мои и отвѣчалъ на поклонъ съ грустнымъ сочувствіемъ.

На другой день я воротился въ башню. Рафаэль скончался ночью. Колоколъ сосѣдней деревни начиналъ звонить къ похоропамъ. Женщины и дѣти выходили изъ домовъ и плакали смотря на башню. На зеленомъ полѣ возлѣ церкви рыли могилу у креста!....

Я подошелъ къ двери: ласточки порхали и щебетали у открытаго окна, влетали и вылетали безпрестанно какъ будто гнѣзда ихъ были опустошены.

Послѣ, читая эти страницы я вонялъ зачѣмъ онъ окружалъ себя птицами и чтѣ напоминали онъ ему до смерти.

РАФАЭЛЬ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Есть мѣста, климаты, времена года, часы, виѣшнія обстоятельства, до того гармонирующіе съ извѣстными впечатлѣніями сердца, что природа какъ будто составляетъ часть души, а душа часть природы. Отдѣлите сцену отъ драмы, а драму отъ сцены—сцена обезцвѣтится, чувство исчезнетъ. Отнимите бретанскіе утесы у Ренея, пустынный саванна у Аталы, швабскіе туманы у Вертера, волны облитыя солнцемъ и горы дышашія зноемъ у Павла и Варгивин, и вы не поймете ни Шатобриана, ни Бернардена де Сель-Пьерра, ни Гёте. Мѣста и дѣла, тѣсно, душевно связаны между собою, потому что природа одна и таже и въ сердцѣ человѣка и передъ его глазами. Мы — дѣти земля. Одна и таже жила течетъ въ ея сокахъ и въ нашей крови. Все что земля, нать наша, какъ будто ощущаетъ и говоритъ глазамъ въ своихъ формахъ, видахъ, наружности, грусти и великолѣпіи, находитъ отзвѣвъ въ насъ. Чувство можно хорошо понять только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зачалось оно.

При входѣ въ Савою, природный лабиринтъ глубокихъ долинъ, спускающихся какъ ложе потоковъ отъ Симплона, Св. Бернарда, и горы Сеннсъ къ Швейцаріи и Франціи, одна долина пошире и не такъ закрытая горами какъ другія, отдѣляясь въ Шамбери отъ узла Альповъ, разстлала ложе зелени, рѣкъ и озеръ къ Женево и къ Анси, между горой Кота и высокими стѣнообразными Борекскими горами.

На-лѣво, гора Кота, на протяженіи двухъ миль, поднимается къ небу высокую, мрачную, однообразную линію безъ всякихъ изгибовъ на вершинѣ. Слово огромный валъ, выведенный подъ терпасаъ. Едва на восточной оконечности два или три острыхъ зубца стѣноватой скалы, прерываютъ геометрическое однообразіе ея формы, и наводятъ на мысль, что не человѣческая рука, а рука Божія расколожила эти громады. Къ Шамбери подошла гора Кота

разстлается съ какой-то вѣгой по долинамъ. Онѣ образуютъ по скату нѣсколько уступовъ и холмовъ, покрытыхъ елями, орѣховыми и каштановыми деревьями, перевитыми вьющимися виноградными лозами. Сквозь эту густую и почти дикую растительность бѣгутъ изрѣдка сельскіе домики, выказываются высокія колоколни бѣдныхъ деревушекъ или чернѣютъ старыя башни зубчатыхъ замковъ прежнихъ вѣковъ. Ниже, долина, бывшая прежде обширнымъ озеромъ, сохранила впадину, зубчатые берега, выдавшіеся мысы своей прежней формы. Только вмѣсто воды тамъ струятся зеленыя и желтыя волны тополей, луговъ, пивъ. Нѣсколько площадокъ, повыше, прежде бывшія островками, выдаются среди этой болотистой долины. На нихъ домики, покрытые соломой утопаютъ подъ вѣтвями деревъ. За этии высохшимъ бассейномъ, гора Кота еще обнаженнѣе и круче, погружаетъ свое каменное подножіе въ воду озера, столь же голубаго какъ небесный сводъ, въ который она упирается головой. Озеро это около шести миль длиною и, попеременно, то въ одну, то въ три мили шириной, не такъ закрыто горами со стороны Франціи. Напротивъ къ Савоѣ оно вливается безпрепятственно въ небольшія бухты и заливы между холмами, покрытыми лѣсомъ, высокими виноградными лозами и фиговыми деревьями, обмакивающими листья свои въ водахъ его. Оно кончается на необозримомъ пространствѣ у подошвы Шатильонскихъ скалъ, которыя раскрываются, чтобы выпустить излишекъ озера въ Роду. Отъ Комбское аббатство, гробница савойскихъ принцевъ возвышается на гранитномъ подножіи къ сѣверу, бросая тѣни своихъ обширныхъ обителей на воды озера. Прикрытое цѣлый день отъ солнца стѣною горы Кота, это зданіе напоминаетъ, окружающею его мрачностью, вѣчную ночь, которой оно служитъ порогомъ для принцевъ, сошедшихъ съ трона въ его склепъ. Только вечеромъ лучъ заходящаго солнца отражается на минуту на стѣнахъ его, какъ-будто указывая людямъ пристань жизни при окончаніи дня. Нѣсколько рыбацкихъ лодокъ безъ парусовъ скользятъ безмолвно по глубокимъ водамъ подъ горными утесами. По ветхости ихъ обшивки онѣ сливаются цвѣтомъ съ мрачной окраской скалъ. Стрватые орлы безпрестанно вьются надъ скалами и лодками, какъ бы желая оспорить добычу у сѣтей или напасть на птицъ-рыболововъ, слѣдующихъ за бороздой лодокъ вдоль берегу.

Маленькій городокъ Эзъ въ Савоѣ, дымящій, шумный и пахучій отъ источниковъ горячихъ и стѣрныхъ водъ, расположенъ

уступами на широкомъ и крутомъ пригоркѣ виноградныхъ лозъ, луговъ, огородовъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Длинная аллея столѣтнихъ тополей подобно тѣмъ тисовымъ безконечнымъ аллеямъ, которыя въ Турціи ведутъ къ кладбищамъ, соединяетъ городъ съ озеромъ. На право и на-лѣво отъ дороги луга и поля, пересѣкаемые каменистымъ и часто высохшимъ ложемъ горныхъ потоковъ, отгѣнены исполинскими орѣховыми деревьями, на вѣтвяхъ которыхъ виноградныя лозы, толстыя какъ американскія ліаны, повѣсили свои вѣтви и ягоды. Издали виднѣется, сквозь промежутокъ деревьевъ и лозъ синее озеро, которое то блеститъ, то блѣднѣетъ смотря по облакамъ и по часамъ дня.

Когда я пріѣхалъ въ Эзъ, толпа уже разсѣялась. Гостиницы и гостиницы, гдѣ на подобныхъ съѣздахъ лѣтомъ тѣнятся иностранцы и празднующіеся, были всѣ закрыты. Оставалось только нѣсколько дряхлыхъ бѣдняковъ, сидящихъ на солнцѣ у воротъ самыхъ бѣдныхъ трактировъ и нѣсколько неизлѣчныхъ таскавъ слабыя ноги въ жаркіе часы дня по сухимъ листьямъ, упавшимъ ночью съ тополей.

Осень была пріятная, не ранняя; она находилась уже въ той порѣ когда листья, пораженные утреннимъ морозомъ и расцвѣченныя на мгновеніе розовымъ цвѣтомъ, лютуютъ дождемъ съ виноградныхъ лозъ, съ вишневыхъ и каштановыхъ деревьевъ. Туманъ разстилался до полудня какъ обширное ночное наводненіе по всѣмъ мѣстамъ долины, выставляя только вершины самыхъ высокихъ тополей въ долину, холмы возвышающіеся какъ острова, и зубцы горъ какъ мысы или подводные камни на океанѣ. Порывы теплаго южнаго вѣтру сметали эту пѣну съ земли, когда солнце поднималось высоко на небо. Вѣтры эти спирались въ ущельяхъ горъ и разъяренные этими утесами, водами и деревьями, шумѣли звучно, грустно, мелодически, то громко, то чуть слышно и какъ будто пробѣгали въ нѣсколько минутъ всѣ гаммы радости, силы и грусти природы. Душа волновалась до дна. Потомъ они исчезали какъ говоръ духовъ небесныхъ, которые пролетѣли и летятъ все далѣе. Безмолвій, такихъ какія слѣдовали, ухо не ощущаетъ ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ: тутъ замиралъ даже шелестъ дыханія. Небо принимало опять ясность почти итальянскую. Альпы утопали въ безчисленномъ и бездонномъ горизонтѣ; капли утренняго тумана звучно падали на сухіе листья или сіяли искрами на лугахъ. Часы эти были кратковременны. Синеватыя, свѣжія вечернія тѣни быстро скользили, развиваясь саваномъ на горизонтѣ едва насладившемся послѣдними лучами солнца. При-

рода какъ-будто умирала, но какъ умираетъ молодость и красота во всей своей прелестьи и лютости.

Такая страна, такое время года, такая природа, молодость и изнеможеніе всего вокругъ меня чудно согласовались съ моимъ собственнымъ изнеможеніемъ. Изнеможеніе природы увеличилось мое, очаровывая его. Я погружался въ глубокую грусть. Но эта грусть была жива и до того полна мыслей, впечатлѣній, внутреннихъ сообщеній съ безграничною свѣтлостью въ душѣ моей, что я не могъ желать избавиться отъ нее. Мужская болѣзнь, не болѣзнь — съ ощущеніемъ не боли, а пріятности, въ которой и самая даже смерть похожа на сладострастный обморокъ въ безконечномъ. Я рѣшился предаться ей весь, отдалиться отъ всякаго общества, которое бы могло меня разбѣять, окружить себя безмолвіемъ, уединеніемъ, холодною среди встрѣчаемаго тамъ свѣта; одиночество ума было покровомъ, свозъ который я не хотѣлъ видѣть людей, а только Бога и природу.

Проѣзжая Шанбери, я встрѣтился съ другомъ моимъ Людовикомъ ***. Я нашелъ его въ томъ же расположеніи въ какомъ былъ самъ. Уста, отверженныя съ презрѣніемъ отъ жизни, неузнанный гений, душа углубленная въ самое утомительное помыслие. Людовикъ указалъ мнѣ уединенный домъ въ верхней части города, гдѣ принимали больныхъ бы. Этотъ домъ, который соединялся съ отставнымъ лекаремъ съ женою, соединялся съ отставнымъ лекаремъ рога туда шла между истопниками. Странно было окруженъ портиками, каменными балконами, лонные луга и чащи каштановыхъ деревьевъ въ горамъ лужайками и оврагами, по которымъ бѣжали козы. Людовикъ обещалъ мнѣ, какъ только устроитъ кой-какія удобства, я въ Шанбери послѣ смерти матери, потому что нашъ разочарованію Страдать вмѣстѣ, а не слаждаться. У горя связь совѣтъ, для сближенія двухъ сердець. Людовикъ — истиннымъ существомъ, котораго я боялся болѣзненно. Я ожидалъ его не

Меня приняли вѣжливо и ласково. Комнату мнѣ дали съ окномъ въ садъ. Другія комнаты были пусты. Двери

также опустѣлъ. За нимъ сидѣлъ уже только домашніе и трое или четверо заноздалыкъ большихъ изъ Шанбери и Турина. Эти большіе вѣрѣхали на воды послѣ толпы, чтобы найти недорогія квартиры и жизнь экономную, сообразную съ ихъ бѣдностью. Тамъ не было ничего съ кѣмъ бы я могъ поговорить или заключить случайное дружество. Старый докторъ съ женою очень это чувствовали, и осылались на запоздалое время года и на разѣхавшихся слишкомъ рано посѣтителей. Старикъ говорилъ съ очевиднымъ восторгомъ и съ нѣжнымъ, сострадательнымъ участіемъ о молодой женщинѣ, иностранкѣ, оставшейся на водахъ въ слѣдствіе разслабленія, которое чего добраго могло перейти въ недлennую сухотку. Она вѣскольکو мѣсяцевъ занимала одна съ горничной самую уединенную комнату въ домѣ, и никогда не сходила въ общую залу; обѣдала всегда въ своей комнатѣ и ее можно было видѣть только у окна, выдававшася въ садъ, сквозь виноградную занавѣску, или на лѣстницѣ, когда она возвращалась съ прогулки на ослѣ между горскихъ избушекъ.

Мнѣ было жаль эту молодую женщину такъ же уединяющуюся какъ я, одну, въ чужой странѣ, больную, потому что она искала тутъ здоровья, и конечно грустную, если она избѣгала шуму и даже взоревъ толпы. Но мнѣ вовсе не хотѣлось ее видѣть, сколько не удивлялись при мнѣ ея грація и красота.

Съ сердцемъ исполненнымъ пеплу я былъ утомленъ ничтожными и непрочными связями, изъ которыхъ ни одна, исключая привязанности бѣдной Антонины, не сохранялась свято въ менихъ воспоминаніи, стыдился этихъ легкомысленныхъ и непрочныхъ связей, раскаивался съ душой, уязвленной проступками, сухой и бесплодной отъ отвращенія къ низкому упоенію; къ тому же я былъ робокъ и остороженъ по характеру и въ обращеніи. У меня и въ заводѣ не было той самоувѣренности, которая иныхъ мужчинъ подвигаетъ на азартныя фамиліярности, и нисколько не думалъ о томъ, чтобы увидать и быть замѣченнымъ. Еще менѣе я думалъ любить. Напротивъ я наслаждался съ ѣдкой и лживой гордостью, что затушилъ это ребяческое чувство въ моемъ сердцѣ, и довольствовался самъ собою, чтобы страдать или чувствовать на землѣ. А счастью я не вѣрилъ болѣе.

Дни проводилъ я въ своей комнатѣ съ книгами, которые другою присылалъ изъ Шанбери. Послѣ обѣда пробѣгалъ одинъ дикія горы, обрамляющія эзскую долину со стороны Италіи, возвращался вечеромъ изнуренный усталостью, садился за ужинъ,

потомъ уходилъ въ свою комнату и оставался по цѣлымъ часамъ у окна. Я созерцалъ горизонтъ, привлекающій мысли души какъ бездна привлекаетъ того кто наклоняется къ ней, какъ будто хочетъ открыть ему тайну, и засыпалъ въ этомъ морѣ мыслей, на которомъ не искалъ береговъ, пробуждался при первыхъ лучахъ солнца, при шумѣ горячихъ ключей, погружался въ ванну и послѣ завтрака снова принимался за тѣже прогулки и за ту же грусть какъ наканунѣ.

Иногда вечеромъ наклонясь къ окну въ садъ я примѣчалъ у другаго открытаго, освѣщеннаго окна, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего, лицо женщины подобно мнѣ облокотившейся. Она откидывала съ челы длинные черныя пряди волосъ и смотрѣла въ садъ, блиставшій луною, горами, горизонтомъ. Въ этой свѣлотѣни я только могъ различить чистый, блѣдный, прозрачный профиль, обрамленный черными волнами мягкихъ, разложенныхъ по вискамъ волосъ. Лицо это рисовалось на свѣломъ грунѣ окна, освѣщеннаго комнатной лампой. Я слышалъ также иногда по временамъ женскій голосъ: онъ произносилъ нѣсколько словъ или отдавалъ приказанія домашнимъ. Немного иностранный, хотя чистый выговоръ, лхорадочный, томный, нѣжный, но необыкновенно звонкій звукъ этого голоса, котораго душу слышалъ я не разслушивая словъ, трогалъ меня. Голосъ этотъ оставался какъ продолжительное эхо въ ухахъ моихъ долго послѣ того какъ окно закрывалось. Я не слышалъ ничего похожего на него даже въ Италіи. Онъ звучалъ между полусжатыми зубами какъ эти маленькія, стальные лиры, на которыхъ играютъ мальчишки на Архипелагѣ, помѣстивъ ихъ между губами, вечеромъ на берегу моря. Я наблюдалъ этотъ голосъ, не думая, что онъ навсегда и такъ глубоко прозвучитъ въ моей жизни. На утро я уже о немъ не думалъ.

Только однажды, возвращаясь до вечера черезъ садовую калитку я увидѣлъ ближе иностранку. Она грѣлась на теплыхъ солнечныхъ лучахъ, сидя на скамейкѣ у стѣны на западѣ. Она не слыхала стуку затворенной мною калитки и думала, что была одна. Я могъ долго любоваться ею не будучи видимъ. Между ея и мною было только разстояніе въ двадцать шаговъ и завѣсъ переплетовъ, съ которыхъ первые холода оборвали виноградныя листья. Тѣмъ послѣднихъ листовъ, качавшихся на лозахъ, боролась одна на ея лицѣ съ лучами солнца, которымъ, казалось, она позволяла плавать на мягкой поверхности его. Станъ ея казался

выше обыкновеннаго, какъ станъ этихъ мраморныхъ купальщицъ красиво закутанный въ полотно, черезъ складки котораго природа восхищаетъ васъ своею прелестью не показывая формъ. Широкия и свободныя складки платья обвивали ее точно такимъ же образомъ, изъ подъ драпировки бѣлой шали, прильнувшей къ тѣлу, выдѣлись только ея руки съ худыми продолговатыми пальцами, скрещенныя на груди. Она небрежно перебирала въ нихъ одну изъ тѣхъ дикихъ красныхъ гвоздикъ, которыя цвѣтутъ въ горахъ подъ свѣгомъ и называются *oeillet roûte*, не знаю почему. Складка шали, приподнятой въ видѣ капюшона, прикрывала голову, предохраняя волосы отъ вечерней сырости. Томительно осѣвъ всѣмъ тѣломъ, склонивъ шею на лѣвое плечо, закрывъ вѣки отъ солнечнаго блеску, черными, длинными рѣсницами, съ чертами неподвижными, блѣдная, погруженная въ безмолвныя мысли, она по всему походила на статую смерти, но смерти прелекательной, которая избавляетъ душу отъ человѣческихъ страданій и уноситъ въ области свѣту и любви подъ лучи счастливой и вѣчной жизни. Шумъ шаговъ монахъ на сухихъ лѣстяхъ заставилъ ее открыть глаза. Они были цвѣту свѣтлаго моря или лазурнаго камня, исписаннаго темными жилами, и вырѣзанные въ острейшій овалъ, немного прикрытые опущенными вѣками и окружены отъ природы этой темной бахромой черныхъ, длинныхъ рѣсницъ, какой восточныя женщины добиваются искусственно, чтобы усилить удареніе взгляду и придать энергію томности и что-то дикое сладострастію. Взоръ этихъ глазъ какъ будто выходилъ изъ разстоянія, какого послѣя никогда не встрѣчалъ ни въ одномъ человѣческомъ глазѣ. Онъ совершенно походилъ на тѣ звѣздные огни, которые какъ бы ищутъ по ночамъ тронуть и потрясти васъ, пробѣжавъ милліоны милліоновъ верстъ въ небесномъ пространствѣ. Греческій востъ соединился ланіей почти безъ уклоненія со лбомъ высокимъ и суженнымъ, словно сжатымъ сильной мыслью; губы были немного тонки и легко загнуты по угламъ привычной складкой грусти; зубы казались скорѣе изъ перламутра чѣмъ изъ слоновой кости, какъ у дѣвъ влажныхъ береговъ моря и острововъ; лицо овальное начинавшее худѣть къ вискамъ и внизу рта; скорѣе фізіономія мысли, а не человѣческаго существа. И сверхъ общей мечтательности выраженія какая то томность, колеблющаяся между страданіемъ и страстью, которая не позволяетъ взору оторваться отъ этого личика, не унеся съ собой его вѣчнаго образа.

Въ цѣломъ это было явленіе заразительной болѣзни души подъ чертами самой величественной и привлекательной красоты, которая когда-либо выходила изъ грезы чувствительнаго человѣка.

Я почтительно ей поклонился, пройдя въ аллею мимо ея; моя скромная наружность и опущенные глаза какъ будто просили прощенія, что неволью развлекало ее. Легкая краска покрыла ея бѣлые щеки при моемъ приближеніи. Я возвратился въ свою комнату дрожа, и самъ не зная, что это за вечерняя дрожь прохватила меня. Я увидѣлъ черезъ нѣсколько минутъ, что молодая женщина также воротилась домой, бросивъ равнодушный взглядъ на окно мое. Я видалъ ее послѣ въ тѣ же часы, въ слѣдующіе дни въ саду или на дворѣ, никогда не думая и не смѣя подойти къ ней. Иногда я встрѣчалъ ее на лужайкахъ горныхъ избушекъ; дѣвочки погоняли осла ея и собирали ей землянику; иногда въ лодкѣ на озерѣ. Я показывалъ ей мое участіе и сосѣдство только почтительнымъ и важнымъ поклономъ; она отвѣчала мнѣ съ меланхолической разсѣянностью и мы расходились каждый по своей дорогѣ на горѣ или водѣ.

Однако я чувствовалъ себя грустнымъ и сбитымъ съ пути въ тотъ вечеръ, когда не видался съ нею днемъ, безотчетно сходилъ въ садъ, и оставался тамъ, несмотря на ночной холодъ, не спускавъ глазъ съ ея окна. Мнѣ было трудно уйти, не увидѣвъ ея тѣни сквозь занавѣски, не услышавъ ноты фортепіанъ или чуднаго звука голоса.

Комната, которую занимала она вечеромъ, была подлѣ моей. Онѣ отдѣлялись только толстой дубовой дверью, запертой двумя задвижками. Мнѣ смутно слышался шумъ шаговъ, шорохъ платья, шелестъ листовъ перебираемой книги. Мнѣ казалось даже иногда, что я слышу дыханіе. Я инстинктивно поставилъ столъ и лампу возлѣ этой двери, потому что чувствовалъ себя не такъ одинокимъ, слыша легкія движенія жизни около меня. Я воображалъ, что живу вдвоемъ съ этимъ невѣдомымъ приложеніемъ, которое нечувствительно наполняло собою мое дневное время. Словомъ у меня втайнѣ завелся всѣ мысли, всѣ усердія, всѣ утонченности страсти, прежде чѣмъ я догадался, что люблю. Любовь для меня была не въ такомъ-то признакъ, не въ взглядѣ, въ притязаніи, въ виѣшнемъ обстоятельствѣ, противъ которыхъ я могъ предохранить себя; она походила на невидимыя миазмы, разсыпанные въ окружающей меня атмосферѣ, въ воздухѣ, въ свѣтѣ, въ умиротворяющей природѣ, въ одиноществѣ моего существованія, въ

таинственномъ сближеніи другаго существованія, казаншагося такъ же одинокимъ, какъ мое, въ долгихъ прогулкахъ, которыя, разлучая меня съ нею, давали мнѣ еще живѣе чувствовать безотчетное влеченіе, обратно притягивавшее меня къ ней, въ бѣломъ платьѣ, примѣченномъ издали сквозь горныя ели, въ черныхъ волосахъ, развѣваемыхъ вѣтромъ по краямъ лодки, въ шагахъ на лѣстницѣ, въ свѣтѣ окна, въ легкомъ скрипѣ еловаго паркета подъ ногами въ ея комнатѣ, въ шорохѣ пера на бумагѣ когда она писала; даже въ безмолвіи этихъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ, которые она проводила въ чтеніи, писаніи, въ мечтахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; въ очарованіи этой фантастической красоты, которую я видѣлъ и не смотря, и закрывъ глаза, сквозь стѣну, какъ будто прозрачную для меня.

Впрочемъ чувство это не смѣшивалось во мнѣ ни съ какой нескромной торопливостью, ни съ какимъ любопытствомъ, чтобы проникнуть тайну этого уединенія и слабую преграду нашей, такъ сказать, добровольной разлуки. Чтò мнѣ за дѣло, говорилъ я, до этой женщины, больной сердцемъ или тѣломъ, в случайно встрѣченной среди горъ въ чужой странѣ. Я отрясъ, такъ я полагалъ, по-крайней мѣрѣ, пыль съ ногъ монахъ и не хотѣлъ снова привязаться къ жизни, ни душевнымъ, ни чувственнымъ союзомъ, особенно ни какой сердечной слабостью. Я глубоко презиралъ любовь, потому что звалъ подъ этимъ именемъ только притворство, кокетство, вѣтренность или оскверненіе, исключая любви Антонины, которая была только восхитительнымъ ребячествомъ чувствъ, цвѣткомъ, свалившимся съ стебля до часа благоуханія.

И кто была эта женщина? Такое ли существо, какъ я, или призракъ, живой метеоръ, пробѣгающій по небу воображенія, не оставляя другихъ слѣдовъ, кромѣ быстрого ослѣпленія глазъ? Родилась ли она въ моемъ отечествѣ или въ далекой странѣ, на какомъ-нибудь восточномъ или тропическомъ островѣ, куда я не могу послѣдовать за нею, обожая нѣсколько дней и оплакивая навсегда. И было ли сердце ея свободно отвѣчать моему? Правдоподобно ли, чтобы такая упительная красота проскользнула по свѣту, дошла до зрѣлости, приближавшейся даже къ концу юности и на пути своемъ не зажгла никого изъ тѣхъ, на комъ остановился взоръ ея? Были ли у ней отецъ, мать, сестры, братья? Не замужемъ ли она? Не пахотился ли во вселивной Человѣкъ, временно отдѣленный отъ нея непонятными обстоятельствами, на который жилъ ея, какъ она жила его сердцемъ.

Я повторялъ себѣ все это съ тѣмъ, чтобы прогнать невольное обаяніе, безнадежное, и всё-таки восхитительное. Я не хотѣлъ даже освѣдомляться, находилъ недостойнымъ своего стоицизма стараться проникнуть невѣдомое. Миѣ казалось благороднѣе и пріятнѣе плакать по немъ.

Но у семейства стараго доктора не было такой же сердечной гордости, чтобы уважать эту тайну. Любопытство, свойственное хозяевамъ домовъ, которые живутъ иностранцами, перетолковывало за столомъ всѣ обстоятельства, всякую вѣроятность, самое бѣглое замѣчаніе, которое только можно было собрать о молодой иностранкѣ. Не спрашивая, даже избѣгая объ ней разговору, я узналъ-то не многое, что проглядывало изъ этой скромной жизни. Напрасно прерывалъ я разговоръ. Онъ возобновлялся каждый день за столомъ: мужчинъ, женщинъ, дѣтей, дѣвушекъ, купальщицъ, слугъ, горныхъ проводниковъ, лодочниковъ, всѣхъ она поразила, разстрогала, не говоря ни съ кѣмъ. Она была мыслью, уваженіемъ, разговоромъ, удивленіемъ каждаго. Есть такія существа, которыя сіяютъ, ослѣпляютъ, увлекаютъ все въ свою притягательную сферу, не думая, не желая, даже не зная о томъ. Подумаешь, что у вѣкоторыхъ натуръ есть своя система, какъ у звѣздъ; около нихъ вращаются взгляды, души, мысли спутниковъ въ ихъ собственномъ движеніи. Сила ихъ — физическая и нравственная красота, оковы — очарованіе, испареніе — любовь. За ними слѣдишь на землѣ и до неба, куда онѣ равно скрываются, и когда не видишь ихъ болѣе, глаза остаются ослѣплены сіяніемъ. Или не глядишь или ничего не видишь. Даже и толпа различаетъ этихъ высшихъ существъ, не знаю, по какимъ-то признакамъ, удивляется, не понимая ихъ, какъ слѣпой отъ рожденія чувствуетъ лучи не видя солнца.

Я узналъ такимъ образомъ, что молодая женщина жила въ Парижѣ; мужъ ея былъ старикъ, прославившійся въ послѣднемъ вѣкѣ трудами, которые составили эпоху въ открытіяхъ человѣческаго ума. Онъ усыновилъ эту молодую иностранку, которой красота и гениальность его поразили, чтобы оставить ей послѣ себя имя и богатство. Она любила его какъ отца, писала къ нему каждый день письма — журналъ души и впечатлѣній. За два года она впала въ изнеможеніе, испугавшее мужа. Ей предписали перемѣну воздуха и путешествіе на югъ; немощи старика не позволили ему послѣдовать за нею, онъ поручилъ ее друзьямъ въ Лозаннѣ, съ которыми она объѣхала Швейцарію и Италію. Пе-

ремѣна климата не достаточно возстановила ея силы, и женеvский докторъ, опасаясь болѣзни сердца, привезъ ее на воды въ Эзъ. Въ началѣ зимы онъ долженъ былъ прїѣхать за нею, чтобы отвезти въ Парижъ. Вотъ что узналъ я объ этой жизни, уже столь дорогой мнѣ, хотя я упорствовалъ въ той мысли, что совершенно равнодушенъ къ каждой подробности. Я чувствовалъ немного болѣе сердечнаго умиленія къ этой восхитительной красотѣ, въ самомъ цвѣтѣ затронутой болѣзвью, которая свѣдаетъ жизнь, взошряя ошущенія и усиливаетъ пламя, угрожая погасить его. Встрѣчая иностранку на лѣстницѣ, я отъискивалъ глазами непрямѣтныя черты страданія въ углахъ поблѣднѣлыхъ губъ и вокругъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ, часто впалыхъ отъ безсонницы. Меня интересовали и ея прелести, и эта тѣнь смерти, съвозъ которую она казалась мнѣ скорѣе ночнымъ привидѣніемъ нежели существенностью. Вотъ и все. Жизни наши текли такъ же сближенныя разстояніемъ, и раздѣленныя неизвѣстностью, какъ въ началѣ.

Высокія вершины Савои начали блѣтть отъ перваго снѣгу; я отказался отъ прогулокъ въ горахъ. Прїятная и продолжительная теплота послѣднихъ октябрьскихъ дней сосредоточилась въ долинѣ. Воздухъ былъ еще тепелъ на берегахъ и водахъ озера. Длинная, тополевая аллея, которая ведетъ туда, была полна въ полдень очаровательными для меня сіяніемъ солнца, колебаніемъ вѣтвей, шорохомъ вершинъ. Я проводилъ большую часть дня на водѣ. Лодочники меня знали, они, говорятъ, еще помнятъ мои продолжительныя плаванія въ самые отдаленныя заливы и дикія бухты береговъ Франціи и Савои. Молодая иностранка также иногда отправлялась, но не въ столь дальній путь. Лодочники гордятся, что везуть ее, внимательные къ малѣйшему признаку свѣжести облаковъ или вѣтру заботились ее предупредить: они предпочитали ея жизнь и здоровье платѣ потеряннаго дня. Одинъ только разъ они ошиблись, общали переѣздъ и возвращеніе удобное, чтобы посѣтить развалины Отъ-Ковбскаго аббатства, расположеннаго на противоположномъ берегу. Едва проѣхали они двѣ трети пути, какъ порывъ вѣтру, вырвавшійся изъ узкихъ ущелій ронской долины, поднялъ и запѣшилъ короткія волны, какъ тотъ вѣтеръ, который поражаетъ и опрокидываетъ лодки при поворотѣ мыса на морѣ. Лодочка безъ паруса, съ трудомъ удерживаемая равносїемъ веселъ, прыгала какъ орѣховая скорлупа на безпрестанно увеличивавшихся волнахъ. Возвратиться было невозможно, а

до высокихъ Отъ-коибскихъ утесовъ предстояло полчаса пути, полные утомленія и опасностей. Судьба или предназначеніе души моей направило въ этотъ день перѣшительный парусъ мой на озеро въ тотъ самый часъ. Я плылъ на большой лодкѣ съ четырьмя сильными гребцами, на островъ въ глубинѣ озера къ родственнику друга моего Шанбери, мосьё де-Шатильону. Замокъ его былъ на скалѣ на вершинѣ этого острова. Намъ оставалось только нѣсколько ударовъ веселъ до шатильонской пристани, когда глаза мои машинально слѣдившіе за лодкой большой прииѣтили ея бѣдственное положеніе и опасную борьбу съ шорывами вѣтру. Я и гребцы мои поворотили по общему сердечному движенію, бросились въ середину озера и бури на помощь погибающей лодочкѣ, которая часто исчезала подъ пѣнистымъ горизонтомъ. Мучительно и страшно было безпокойство души моей въ продолженіи того часа, который надо было употребить, чтобы проѣхать всю ширину озера. Наконецъ мы достигли лодочки, когда она касалась берегу. Длинный валъ бросилъ ее въ нашихъ глазахъ на песокъ у подошвы развалинъ облатства.

Мы вскрикнули отъ радости и на перерывъ бросились въ воду, чтобы скорѣе поспѣть къ лодкѣ и довести до берегу большую. Бѣдный лодочникъ призывалъ насъ на помощь знаками скорби и съ криками отчаянія; указывалъ рукою на дно лодки, которой намъ еще не было видно. Подойдя мы увидѣли въ лодкѣ молодую даму въ обморокѣ. Ея ноги, тѣло и руки были покрыты ледяной водой и клочками пѣны, только одинъ бюстъ выдавался изъ воды, а голова какъ у мертвой прислонилась къ небольшому деревянному сундуку, въ который на кормѣ лодочки запирають сѣти и провизию. Волосы развѣвались вокругъ шеи и плечъ какъ крылья черной птицы, полу поглощенной водою на краю пруда. На лицѣ, съ котораго краска не совѣтъ сбѣжала, видѣлось спокойствіе самаго безмятежнаго сна. Это была та сверхъестественная красота, что послѣдніе вздохъ оставяеть на лицѣ умершей дѣвушки, какъ прелестнѣйшій лучъ жизни на чертахъ, которыя ово хочетъ обоготворить въ памяти переживающихъ. Ни прежде ни послѣ никогда не видалъ я ее такъ божественно преобразованной. Развѣ смерть была днемъ для этого божественнаго личика, или Богъ хотѣлъ дать мнѣ въ этомъ первомъ и торжественномъ впечатлѣніи предчувствіе и образъ той неизмѣнной формы, подъ которой мнѣ суждено было погребсти эту красоту въ моей памяти, вѣчно видѣть и призывать?

Мы бросились въ лодку, чтобы поднять умирающую съ лоджа пѣли и отнести за скалы. Я положилъ руку къ ней на сердце какъ на мраморный шаръ, приблизилъ ухо къ губамъ какъ къ спящему ребенку. Сердце билось неправильно, но сильно; дыханіе было чувствительно и тепловато; я понялъ что это продолжительный обморокъ, слѣдствіе страха и холода воды. Одинъ изъ лодочниковъ приподнял ноги, я прислонилъ голову и плечи къ груди ея, и мы донесли ее такимъ образомъ безъ признаковъ жизни до домика рыбака, который подъ Отъ-коибской скалой служилъ гостиницей лодочникамъ, когда они водили любопытныхъ на развалины. Домикъ этотъ состоялъ изъ узкой, темной, дивной залы со столомъ, заваленнымъ хлѣбомъ, сыромъ и бутылками. Деревянная лѣстница вела отъ камину на верхъ къ нижней комнаткѣ, освѣщенной слуховымъ окномъ, выдававшимся на озеро. Почти все пространство было занято тремя кроватями, закрывавшимися деревянными дверцами, какъ глубокіе шкафы. Семейство рыбака тутъ спало. Мать и обѣ дочери, которыя мы передали безчувственную больную, сами удалившись изъ спальни за дверь, положили ее на тюфякъ у камину, развели пріятный огонь изъ соломы и вѣтвей дроку, разшнуровали, сняли платье, чтобы высушить, вытерли члены и волосы покрытые водою, потомъ отнесли ее все еще безчувственную на кровать, гдѣ разостлали бѣлыя простыни, нагрѣтыя теплыми камнями по обычаю горныхъ крестьянъ. Напрасно старались они пропустить ей въ горло нѣсколько капель уксусу и вина, чтобы возвратитъ къ жизни. Видя что всѣ старанія напрасны, всѣ усилія бесполезны, онѣ принялись испускать рыданія и крики, снова призвавшіе насъ въ домъ. «Барышня умерла, барыня скончалась! остается только плакать и итти за священникомъ», кричали онѣ. Испуганные лодочники присоединились къ женщинамъ и ужасъ воплей удвоился. Я бросился на лѣстницу, вошелъ въ комнату, наклонился къ постели, сумерки еще освѣщали ее. Я дотронулся до лба; онѣ горѣли; разслушалъ слабое, но правильное дыханіе, пошеревѣнно, то поднимавшее, то опускавшее простыню на грудь, заставилъ молчать женщинъ, далъ эку одному изъ лодочниковъ и послалъ его за докторомъ. Минѣ сказали, что въ двухъ миляхъ отъ Отъ-коибъ въ деревнѣ, расположенной на площадкѣ горы Кота, жилъ какой-то докторъ. Лодочникъ побѣжалъ опростетью. Другіе сѣли за столъ, успокоенные увѣренностью, что молодая барыня не умерла. Женщины приходили и уходили изъ комнаты

въ залу, изъ погреба въ курятникъ, приготовляя ужинъ. Я устылся на мѣшокъ съ маисовой крупой у постели возлѣ ногъ, скрестивъ руки на колѣнахъ, устремивъ глаза на неподвижное лицо и на закрытыя вѣки иностранки. Настала ночь. Одна изъ дѣвушекъ закрыла ставень слуховаго окна, и повѣсила на стѣну небольшую лампу; свѣтъ падалъ на простыню и на лицо спящей, какъ свѣтъ восковой свѣчи на саванъ. Я послѣ бодрствовалъ такимъ образомъ надъ другими лицами, но тѣ уже не пробуждались!...

Можетъ-быть никогда ни взглядъ ни душа молодаго человѣка не погружались, впродолженіи столь долгихъ часовъ, въ такое сильное и чудное созерцаніе. Вся, такъ сказать, между смертью и любовью, я неспособенъ былъ понять, что́ ночь приготовляла мнѣ въ своемъ таинствѣ, или что́ утро хотѣло возвратитъ съ пробужденіемъ и жизнью въ этомъ ангельскомъ личикѣ, покоившемся у меня передъ глазами: вѣчное ли горе или вѣчное обожаніе? Судорожныя подергиванія во снѣ, не будучи довольно сильны, чтобы пробудитъ ее, откинули простыню и обнажили плечо. Волосы раскинулись въ черныхъ и густыхъ прядяхъ. Шея опущенная на изголовье сгибалась подъ тяжестью головы, отброшенной назадъ и немного склоненной на правую щеку. Одна рука выдавалась изъ подъ одѣяла и обвивала шею. Видѣлся только бѣлый какъ слоновою кость локоть, отдѣлявшійся отъ сѣраго цвѣту толстой холстинной рубашки, которую надѣли на нее крестьянки. На пальцѣ руки, утонувшей въ волосахъ, блестѣло золотое кольцо съ крошечнымъ рубиномъ, на которомъ отражался свѣтъ лампы. Дѣвушки заснули не раздѣваясь на полу. Мать дремала на деревянномъ стулѣ. Когда запѣлъ цѣтухъ на дворѣ, онѣ снявъ обувь сошли съ лѣстницы работать; я остался одинъ.

Первый блескъ утренней зари почти нечувствительно просвѣчивался сквозь разщелины закрытаго ставня. Я открылъ его, надѣясь, что свѣжій, утренній бальзамическій воздухъ озера и горъ, и можетъ быть даже первые луча солнца, будутъ имѣть вліяніе общаго пробужденія природы на эту жизнь, которую я хотѣлъ бы пробудитъ цѣною своего собственнаго жизненнаго дыханія. Свѣжій и почти ледяной воздухъ распространился по комнатѣ и загасилъ полу-потухшую лампу. Но постель осталась безъ движенія. Я слышалъ какъ женщины молились внизу до начала дневныхъ работъ. Мысль также помолитъся пришла мнѣ на серд-

це, какъ она приходитъ ко всякой душѣ, которая чувствуетъ себя при концѣ слять и нуждается, чтобы таинственная и сверхъестественная сила присоединилась къ бессильному напряженію желаній. Я сталъ на колѣна на полу, сложивъ руки на краю постели и устремивъ взоръ на молодую женщину. Долго, пламенно, до слезъ молился я. Наконецъ глаза мои дотога наполнились слезами, что я не могъ уже разглядѣть лица той, о чьемъ пробужденіе такъ страстно умолялъ. Я-бы провелъ цѣлые часы не замѣчая продолжительности времени и не чувствуя боли колѣнъ на камнѣ, дотога душа была поглощена однимъ ощущеніемъ и одной волей. Вдругъ машинально вытирая глаза рукою, я почувствовалъ, что другая рука дотронулась до моей и упала тихо на мою голову, какъ будто хотѣла откинуть волосы, открыть лицо и благословить меня. Я вскрикнулъ, взглянулъ, глаза большой были открыты, ротъ дышалъ и улыбался, рука протянута ко мнѣ и я услышалъ эти слова: «О, Боже, благодарю Тебя! У меня есть братъ».

Свѣжестъ утра пробудила ее, пока я молился, съ лицомъ, утопущимъ въ слезахъ. Она имѣла время увидѣть горячность моего состраданія и моляत्वъ. Она уже пришла въ себя, на столько, что могла узнать меня при свѣтѣ вливавшемся полными лучами въ комнату. Лишившись чувствъ въ одиночествѣ и равнодушій, она пробуждалась въ состраданіи въ участіи и можетъ быть любви набожнаго незнакомца. Лишенная всякаго душевнаго родства въ небрежно брошенномъ цвѣтѣ жизни, она вдругъ нашла возлѣ себя лицо, положеніе, попеченіе, молитвы, слезы юнаго брата и имя это вырвалось у ней изъ сердца и губъ, когда возвратилось чувство счастья съ ощущеніемъ жизни.

— Братъ! о, нѣтъ, вскричалъ я, почтительно отдаляя руку, протянутую ко мнѣ какъ будто былъ недостойнъ прикоснуться: нѣтъ, не братъ, а невольникъ, живая тѣнь вашихъ шаговъ, вмѣсто всякаго счастья на землѣ онъ проситъ у неба только права вспоминать объ этой ночи и сохранить навсегда образъ сверхъестественнаго явленія, которое заставляетъ его желать слѣдовать за нимъ въ могилу и только одно можетъ помочь ему перенести жизнь.

По мѣрѣ того какъ эти смущенныя и нерѣшительныя слова вырывались изъ устъ монахъ вполголоса, розовый цвѣтъ жизни возвращался на ея щеки, грустная улыбка, какъ упорное недоумѣніе къ счастью, разливалась по губамъ, глаза приподнятые къ

нобу какъ-будто слушали слова, отвѣчавшія на ея мысль. Никогда переходъ отъ смерти къ жизни, отъ сна къ существованію не былъ такъ очевиденъ на лицѣ. Изумленіе, томность, упоеніе, спокойствіе, грусть, радость, робость, нѣга, грація и сиромышность, все вдругъ выразилось на ея чертахъ, освѣженныхъ пробужденіемъ, раздѣленнымъ юностью. Сіяніе ея освѣщало мрачныя альковы какъ утренній свѣтъ. На этомъ лицѣ и въ этомъ безмолвіи было болѣе выраженій, болѣе отиратій, болѣе призваній, болѣе безконечности чѣмъ въ милліонахъ словъ. Лицо человека — языкъ, глазъ. Физиономія въ молодости — клавиатура, которую страсть пробѣгаетъ взглядомъ. Она передаетъ отъ души къ душѣ таинства безмолвной связи, непередаваемые ни на какой земной языкъ. Моя физиономія навѣрно также показывала друга взору, такъ жадно покоившемуся на моихъ чертахъ. Еще влажная одежда, темныя пряди длинныхъ волосъ, тысячу разъ взерошенныхъ ночью моею рукою, шея съ развязаннымъ галстукомъ, глаза впалые отъ бессонницы, лицо блѣдное отъ волненія, почти религиозный энтузіазмъ, съ которымъ я преклонялся передъ святостью страдающей красоты, безпокойство, волненіе, радость, удивленіе, полусвѣтъ этой обнаженной комнаты, среди которой я стоялъ, не смѣя сдѣлать шагу какъ будто боясь разрушить очарованіе, глаза мои съ невытертыми каплями слезъ, ослабленные первыми лучами солнца, все придавало лицу моему мугушественное выраженіе и прозрачность нѣжности, которыми конечно не пришлось бы ей встрѣтить продолженія долгой жизни.

Будучи не въ состояніи вынести отраженный ударъ этихъ волненій и внутреннюю вибрацію этого безмолвія, я позвалъ женщину. Онъ пришелъ, и раскричался отъ удивленія при видѣ этого воскресенія, казавшагося имъ чудомъ. Въ ту же минуту вошелъ докторъ, за которымъ я носылалъ накануне. Онъ предписалъ спокойствіе и настой горныхъ травъ, утишающихъ движенія сердца, успокаивалъ всѣхъ насъ, увѣряя, что этотъ недугъ у молодыхъ женщинъ часто проходитъ съ лѣтами, что онъ только излишняя чувствительность, черезъ которую избытокъ жизни походилъ на смерть, однако жъ смертью не будетъ, развѣ только когда внутреннія горести не сдѣлаютъ его нравственными причинами и не превратятъ въ привычную меланхолію, въ неизлечимую неспособность жить. Пока женщины искали въ лугахъ травъ, предписанныхъ докторомъ, а прачки гладили горячимъ утю-

гомъ мокрое платье въ нижней залѣ, я вышелъ изъ дому и побѣжалъ одинъ въ развалины древняго аббатства.

Но сердце было слишкомъ полно собственными впечатлѣніями, чтобы думать съ участіемъ о прежнихъ пустынныхъ мѣстахъ. Я изумился только какъ природа скоро овладѣваетъ пустыми мѣстами и жилищами, оставленными людьми, какъ живая архитектура кустарниковъ, пускающихъ корни въ известъ, терновнику, развѣивающагося плюща, висящихъ левкоевъ, вьющихся растеній, бросающихъ густое покрывало на стѣнные проломы, превосходить холодную симетрію камней и мертвое украшеніе монументовъ человѣческаго рѣзца! Въ вѣтрѣ, въ водахъ, въ птицахъ, въ звучномъ эхѣ озера и лѣсовъ подъ обрушивающимися столбами, подъ скрытыми трапезами, подъ разломанными и вислыми сводами пустой церкви стараго аббатства столько было солнца, благоуханія, жужжанія и поэзіи. Природа — первосвященникъ, поэтъ и музыкантъ небесный. Ласточкино гнѣздо, гдѣ итенцы призываютъ и пріѣтствуютъ отца и мать подъ разломаннымъ карнизомъ стараго храма; вздохъ морскаго вѣтру, какъ будто приносяшіе подъ окустылы обители горъ, трепетаніе паруса, стеванія волны и послѣднія ноты пѣсви рыбаковъ; душистыя испаренія, вробѣгающія повременамъ своды; листочки цвѣтовъ, сыплющіеся на гробницы, колебаніе зеленой занавѣски, украшающіе стѣны; звучное эхо шаговъ посѣтителя, раздающееся въ подземельяхъ, гдѣ спали мертвые; все это такъ же благочестиво, умилятельно, безиредѣльно впечатлѣніями какъ былъ древній храмъ во всемъ блескѣ своемъ.

Въ эту минуту я не довольно владѣлъ мыслями, чтобы отдать себѣ отчетъ въ этихъ неопредѣленныхъ размышленіяхъ. Я подошелъ на челобѣка, освободившагося отъ ужасной тяжести, который дышетъ полнымъ дыханіемъ, растягивая сжатые мускулы и ходитъ туда и сюда во всей своей силѣ какъ-будто хочетъ проглотить пространство и вдохнуть весь воздухъ въ свои легкія. Тяжесть, отъ которой я освободился было мое собственное сердце. Отдавъ его мнѣ казалось, что я въ первый разъ достигъ полноты жизни. Человѣкъ до того созданъ для любви, что только чувствуетъ себя человѣкомъ съ той минуты какъ сознаеть, что любить полной душой. До-тѣхъ-поръ онъ ищетъ, безнекоится, волнуется, блуждаетъ въ своихъ мысляхъ; съ той минуты онъ останавливается, отдыхаетъ, онъ погруженъ до дна судьбы своей.

Я сѣлъ на оббитой плющомъ стѣнѣ высокой, обширной, раз-

рушенной террасы, господствовавшей надъ озеромъ. Свѣсивъ ноги надъ бездною, блуждая взоромъ по блестящей безграничности воды, сливавшихся съ блестящей безграничностью неба, я не могъ сказать, дотога двѣ лазури смѣшивались на горизонтѣ, гдѣ начиналось небо, гдѣ кончалось озеро. Мнѣ казалось будто я самъ плавалъ въ чистомъ зѣврѣ и погружался въ всемірный океанъ. Но внутренняя радость, въ которой плавалъ я была въ тысячу разъ безграничѣе, блестящѣе, неизмѣримѣе атмосферы, съ которой я сливался. Но эту радость или скорѣе эту внутреннюю ясность мнѣ невозможно было самому опредѣлять. Это была какая-то неизмѣримая тайна, открывавшаяся во мнѣ ощущеніями, а не словами; чтѣ-то похожее на чувство глаза, который входитъ въ свѣтъ послѣ мраку; ослѣпительное сіяніе, опьянѣніе безъ головокруженія, миръ безъ изнуренія и безъ неподвижности. Я бы прожилъ въ этомъ состояніи столько же тысячелѣтій, сколько волнъ бросаетъ озеро на песокъ береговъ своихъ, не замѣчая, что я живу болѣе секунды, чѣмъ заключается ихъ въ каждомъ изъ моихъ дыханій. Таково должно быть прекращеніе чувства продолжительности времени для безсмертныхъ въ небѣ: непреложная мысль въ мигутой вѣчности!...

Это ощущеніе не имѣло въ себѣ ничего точнаго, явственнаго, опредѣленнаго во мнѣ. Оно было слишкомъ полно, чтобы измѣрять его, слишкомъ едино, чтобы быть раздѣлено мыслью и анализировано размышленіемъ. Не красоту сверхъестественнаго существа обожалъ я въ ней, потому что тѣнь смерти еще лежала между этой красотой и моими глазами; не гордость быть любимымъ ею, потому что мнѣ было еще неизвѣстно, былъ ли я чѣмъ другимъ кромѣ утренняго сна въ глазахъ ея; ни надежда обладать ея прелестями, потому что уваженіе стояло такъ высоко надъ низкой чувственностью, что моя мысль не могла на немъ остановиться; ни тщеславіе побѣды надъ женщиной, потому что холодное тщеславіе никогда не касалось души моей, и въ этой пустыни у меня не было никого, передъ кѣмъ осквернить любовь, разглашая и тщеславясь ею; ни надежда приковать ея судьбу къ моей, потому что я зналъ, что она принадлежала другому; ни увѣренность видѣть ее, ни блаженство слѣдовать по стопамъ, потому что я былъ не свободнѣе ея и черезъ нѣсколько времени судьба должна была раздѣлить насъ; наконецъ не увѣренность быть любимымъ, потому что я ничего не зналъ объ ея сердцѣ кромѣ одного движенія и одного слова признательности!

Это было совсѣмъ не то, а чувство безкорыстное, чистое, тихое, безплотное, спокойствіе, что нашель наконецъ давно желанный и никогда не встрѣченный предметъ обожанія и поклоненія, страдающаго по недостатку кумира, отъ котораго изнываетъ душа по высшей красотѣ, до-тѣхъ-поръ пока мы увидѣли предметъ этого поклоненія, пока душа не привязалась къ нему какъ соломинка къ магниту, или пока она съ нимъ не смѣшалась и не уничтожилась въ немъ какъ дыханіе въ волнахъ вдыхательнаго воздуха.

И странное дѣло! я не торопился ее увидѣть, услышать голосъ, приблизиться, поговорить на свободѣ съ нею — всей мыслью в всю жизнь мою. Я увидѣлъ ее и увезъ съ собою; ничто отнынѣ не могло отнять у души моей это владѣніе: въ-близни, въ-дали, въ отсутствіи, въ присутствіи, я содержалъ ее въ себѣ; ко всему остальному я былъ равнодушенъ. Совершенная любовь терплива, потому что неограниченна и чувствуетъ себя вѣчною. Вырвать ее у меня можно было только съ сердцемъ. Я чувствовалъ, что этотъ образъ во мнѣ какъ свѣтъ въ глазѣ, на который взглянулъ онъ, воздухъ въ груди, который вздохнула она, мысль въ душѣ, съ которой зачалась она. Я видѣлъ ее, это было довольно; для созерцанія видѣть, значитъ — наслаждаться. Блескъ ея коснулся до меня, я остался обвить ея лучами. Она не могла отнять ихъ отъ меня, какъ солнце не можетъ взять назадъ тѣхъ лучей, которыми освѣтило природу. Я чувствовалъ, что въ сердцѣ у меня не будетъ ни мраку, ни холоду, хоть бы я прожилъ тысячу лѣтъ, потому что она будетъ блистать тамъ всегда какъ въ эту минуту.

Это убѣжденіе придавало любви моей безпечность неизмѣнности, спокойствіе увѣренности, полноту безграничности, неукротимое упоеніе радости, которое никогда не могло утихнуть. Часы проходили, я не считалъ ихъ, въ увѣренности, что передо мною часы безконечные. Каждый вѣчно будетъ возвращать мнѣ это внутреннее присутствіе. Я могъ на цѣлое столѣтіе разстаться съ этимъ существомъ и ни на одинъ день не уменьшилась бы вѣчность любви моей! Я ходилъ, садился, вставалъ, бѣгалъ, замедлялъ шаги, ступалъ не ощущая земли подъ ногами, какъ тѣ призраки, которыхъ неосвязаемость воздушной натуры ихъ, приподнимаетъ, и которые скользятъ по землѣ, не оставляя на ней слѣдовъ. Я раскрывалъ объятія воздуху, озеру, свѣту, какъ-будто хотѣлъ объять природу и поблагодарить, что она воплотилась и

оживилась для меня въ этомъ существѣ, которое соединяло въ моихъ глазахъ всё ея таинства, все великолѣпіе, всю жизнь, все упоеніе! Падалъ на колѣна на камни или тершовникъ разваливъ не чувствуя ихъ, на края пропасти не видя ихъ! произносилъ безсвязныя слова, терявшіяся въ шумъ волнъ озера, погружалъ въ небесную лазурь долгіе и прощательныя взгляды, чтобы гниломъ признательности присоединить небеса къ восторгу моего блаженства. Я былъ уже не человѣкъ, а живой, поющій, молящійся, вызывающій, благодарящій, обожающій гимнъ; сердце полное упоеніемъ, безумная, волнующаяся душа, тѣло, которое не чувствуетъ болѣе своей плоти и не вѣрить ни во время, ни въ пространство, ни въ смерть, дотога жизнь любви, вспыхнувшей во мнѣ придала мнѣ чувство, преждевременное наслажденіе и полноту безсмертія.

Я примѣтилъ, что часы бѣгутъ, уже тогда какъ полуденное солнце достигло до вершины монастырскихъ стѣнъ. Я побѣжалъ по лѣсамъ, по скаламъ, по пнямъ. Сердце билось такъ сильно, какъ-будто хотѣло вырваться изъ груди. Приблизясь къ гостиницѣ, я увидѣлъ на углу, за домомъ, большую, у стѣны, на камнѣ, который придвинули туда обитатели этой пустыни. Ея бѣлое платье блистало отъ солнца на зелени луга. Тѣнь стѣнаго скирда защищала лицо. Она читала книгу, открытую на ея колѣнахъ и время отъ времени прерывала чтеніе, играла съ горными ребятишками, которые принесли ей цвѣтовъ и каштановъ. Примѣтивъ меня, она хотѣла встать и подойти ко мнѣ. Это движеніе придало мнѣ бодрости, я приблизился самъ. Она приняла меня красяща съ дрожащими руками. Это не укрылось отъ моихъ взоровъ и удвоило робость. Странность нашего положенія дотога смущала насъ обомъ, что мы долго не находили что сказать. Наконецъ она сдѣлала мнѣ робкій и едва замѣтный знакъ, приглашая сѣсть на краю скирда, недалеко отъ нея. Мнѣ вообразилось, что она ждала меня и оставила для меня мѣсто. Я почтительно сѣлъ. Безмолвіе между нами все продолжалось. Мы оба очевидно искали и не находили обыкновенныхъ словъ, которыми размѣниваются какъ фальшивой монетой разговора, и которые скрываютъ, а не открываютъ мысли: боясь сказать слишкомъ много или слишкомъ мало, мы удерживали душу на устахъ, продолжали безмолвствовать и молчаніе это увеличивало наше замѣшательство. Наконецъ опущенные взоры наши поднялись въ одно время и встрѣтились, я увидѣлъ такую бездну

чувствительности въ ея взорѣ; она, конечно, увидѣла столько невинности и глубины въ моемъ, что мы не могли отвести глазъ другъ отъ друга. Слезы вдругъ выступили изъ нашихъ сердецъ и мы инстинктивно закрыли глаза рукою, чтобы затаять наши мысли.

Не знаю, сколько времени оставались мы такимъ образомъ. Наконецъ она сказала мнѣ трепещущимъ, хотя немного принужденнымъ и нетерпѣливымъ голосомъ:

— Вы плакали обо мнѣ; я назвала васъ братомъ; вы назвали меня сестрой и мы не смѣемъ говорить другъ съ другомъ? Безкорыстная слеза незнакомаго сердца.... этого не стоить жизнь моя и до сихъ-поръ она еще не доставила мнѣ столько....

Потомъ, съ легкимъ выраженіемъ упрека, она продолжала:

— Развѣ я стала вамъ чуждою съ тѣхъ-поръ, какъ не имѣю болѣе нужды въ вашихъ попеченіяхъ. А я, прибавила она рѣшительнымъ и безпечнымъ тономъ: мнѣ извѣстно только ваше имя и ваше лицо, а я знаю уже и вашу душу. Въ цѣлое столѣтіе не могла бы узнать я больше.

— А я бы не хотѣлъ никогда знать того, что дѣлаетъ изъ васъ существо, живущее нашею жизнью, связанное такими же какъ мы узами съ этимъ грустнымъ свѣтомъ; мнѣ нужно знать только одно, что вы были на землѣ, позволяли мнѣ любоваться на васъ изъ-дали, и вѣчно помнить васъ!

— О, не обманывайтесь! продолжала она: не считайте меня обоготворенной мечтой вашего сердца; мнѣ будетъ слишкомъ тяжело когда эта химера улетитъ. Считайте меня тѣмъ, что я на самомъ дѣлѣ, бѣдной женщиной, умирающей въ отчаяніи, въ одиночествѣ смертнаго томленія, и которая не унесетъ отъ земли ничего божественнаго состраданія. Вы это увидите, когда я скажу вамъ кто я, прибавила она: но прежде объясните мнѣ то, что беспокоитъ меня съ тѣхъ поръ какъ я увидѣла васъ въ саду. Зачѣмъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, съ такой кроткой наружностью, вы одни и такъ печальны? Зачѣмъ вы избѣгаете присутствія общества хозяевъ дома? зачѣмъ блуждаете по безлюднымъ мѣстамъ горъ и озера, или запираетесь въ своей комнатѣ? свѣча горитъ у васъ очень поздно ночью? Нѣтъ ли у васъ въ сердцѣ тайны, которую вы хотите довѣрить только уединенію?

Она ждала съ очевиднымъ безпокойствомъ, опустивъ глаза, чтобы скрыть впечатлѣніе, которое отвѣтъ мой произведетъ въ душѣ ея.

— Тайна моя, отвѣчалъ я, заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакой тайны, чувствовать тяжесть сердца, котораго никакой восторгъ не поднималъ до сихъ поръ въ груди моей. Пытаясь вѣсколько разъ отдавать неполное чувство, я былъ принужденъ отнимать его назадъ, съ горечью, съ отвращеніемъ, и при такихъ обстоятельствахъ, которыя у меня, еще такъ молодаго и чувствительнаго, отвяли навсегда желаніе любить.

Тогда я рассказалъ ей, ничего не скрывая, все что могло заинтересовать ее въ моей жизни: о рожденіи моемъ въ скромномъ и бѣдномъ состояніи; объ отцѣ, солдатѣ древнихъ временъ, о матери, жевщицѣ самой утонченной чувствительности, усовершенствованной въ молодости изяществомъ литературы; о страхахъ дѣвущахъ съ ангельской набожностью и простотою; о природномъ образованіи среди горныхъ дѣтей моей родной страны; о легкой и страстной способности учиться; о принужденной праздности, о путешествіяхъ, о первой серіозной дрожи сердца возлѣ молоденькой дочери неаполитанскаго рыбака; дурныя связи по возвращеніи въ Парижъ; вѣтренность, безпорядки, собственный стыдъ, въ которые увлекли меня эти связи; страсть къ военному состоянію, обманутая миромъ въ ту минуту какъ я располагался вступить въ армію, выходъ въ отставку, путешествія безъ цѣли, безнадежное возвращеніе въ отеческій домъ, снѣдавшую меня грусть, желаніе умереть, разочарованіе, наконецъ физическое изнеможеніе, слѣдствіе душевнаго утомленія, которое подъ волосами, подъ чертами, подъ наружною свѣжестью двадцатичетырехлѣтняго возраста, скрывало преждевременную дряхлость души и отвращеніе отъ жизни человѣка, пожилаго и утомленнаго жизнью.

Разсказывая о сухости, объ отвращеніи и отчаяніи моего существованія, я внутренно наслаждался, потому что не чувствовалъ ихъ болѣе. Одинъ взглядъ оживилъ меня всего. Я говорилъ о себѣ какъ о мертвомъ; новый человѣкъ возродился во мнѣ.

Кончивъ, я подыалъ на нее глаза какъ на моего судью. Она дрожала и была блѣдна отъ волненія:

— Боже! вскричала она, какъ вы заставили меня дрожать!

— Отчего? спросилъ я.

— Оттого, отвѣчала она, что еслибы вы не были такъ несчастны и одиноки, между нами было бы однимъ сходствомъ меще. Вы бы не чувствовали необходимости сожалѣть о комъ-нибудь, а я разсталась бы съ жизнью увидѣвъ тѣнь души моей

только въ зеркалѣ, гдѣ представлялось мнѣ мое холодное изображеніе!.... Исторія вашей жизни, продолжала она, перемеживъ полъ и нѣкоторыя обстоятельства, есть исторія моей собственной жизни. Только ваша начинается, а моя....

Я не допустилъ ее докончить.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ я глухо, прижавъ губы къ ея ногамъ и судорожно обвинивъ ее руками, какъ бы за тѣмъ, чтобы удержать на землѣ, нѣтъ, нѣтъ, она не кончается, а если и такъ, то для обоихъ насъ!....

Я испугался и движенія и крика вырвавшихся у меня неволью и не смѣлъ поднять голову.

— Встаньте, сказала она важнымъ, но вовсе безъ гнѣва, голосомъ, не обижайте пыль, въ тысячу разъ ничтожнѣе той, въ которой вы грязните ваши прекрасные волосы. Она улетитъ скорѣе и неосязаемѣе при первомъ осеннемъ дуновеніи! Не обижайте себя на счетъ бѣднаго созданія, которое теперь передъ вами. Оно только тѣнь юности, тѣнь красоты, тѣнь любви, которую вы можете - быть почувствуете и увидите тогда какъ эта тѣнь исчезнетъ.... Сберегите сердце для тѣхъ, кто долженъ жить, отдайте смерти только то, чтѣ должно отдавать мертвымъ, дружескую руку, чтобы поддержать ихъ при послѣднемъ шагѣ жизни, и слезу, чтобы оплакать ихъ!....

Важное, обдуманное и безропотное выраженіе, съ которымъ она произнесла эти слова, заставили меня затрепетать до глубины сердца. Но поднявъ на нее глаза, видя какъ лучи заходящаго солнца освѣтили это лицо, на которомъ юность чертъ и ясность выраженія блистали все болѣе и болѣе, я не могъ повѣрить, чтобы смерть скрывалась въ признакахъ, сіяющихъ жизнью. Впрочемъ чтѣ мнѣ было за глѣю до того? Если это ангельское явленіе было смертью, я обожалъ смерть! Можетъ быть безграничная и полная любовь, томившая меня, и заключалась въ смерти? можетъ быть Богъ указывалъ мнѣ свѣтъ, готовый угаснуть на землѣ, для того чтобы я преслѣдовалъ этотъ лучъ шагъ за шагомъ могилы, до самого неба.

— Не мечтайте, а выслушайте меня!

Она сказала это не съ выраженіемъ любовницы, притворяющейся серіозною, но тономъ матери молодой еще, или старшей сестры, которая уговариваютъ брата или сына.

— Я не хочу, чтобы вы привязывались къ обманчивой наружности, къ грезамъ, къ мечтѣ. Я хочу, чтобы вы знали кому вы

такъ отважно отдаете душу, которую я не могу взять не обманувъ ея. Жизнь казалась мнѣ всегда дотога гнусной, дотога невозможной, что я отказалась бы отъ самаго высочайшаго блаженства, если бы надо было приобрести его обманомъ. Украденное счастье будетъ для меня не счастьемъ, а угрызениемъ.

На губахъ ея было столько серьезной непорочности, въ выраженіи столько искренности, въ глазахъ столько чистоты, что мнѣ показалось, будто я вижу безсмертную истину въ этомъ чистѣйшемъ образѣ, при солнечномъ сіяніи, открывающую голосъ ушамъ, взгляды глазамъ, душу сердцу. Я прилежъ на скирдѣ у ногъ ея, облокотившись о землю, положивъ голову на кисть правой руки, не спуская глазъ съ этихъ устъ, которыхъ ни одного уклоненія, ни одного движенія, ни одного вздоха не хотѣлъ я потерять.

«Я родилась, такъ начала она, около отчизны Виргиніи, потому что воображеніе поэта создало отечество для мечты своей, на одномъ изъ тропическихъ острововъ. Вы можете это видѣть и по цвѣту волосъ и по цвѣту лица, который гораздо блѣднѣе чѣмъ у европейскихъ женщинъ, можете слышать по выговору, который я никогда не могла стереть съ устъ моихъ. Мнѣ приятно сохранить этотъ выговоръ, потому что онъ остался единственнымъ воспоминаніемъ о небѣ моего дѣтства. Онъ напоминаетъ мнѣ что то такое жалобное, поющее въ волнѣ морской въ знойные часы подъ кокосами. Вы должны примѣчать это особенно по той несправимой лѣнности моихъ позъ и моихъ шаговъ, которая такъ рѣзко отличается отъ вертлявости Француженокъ и обнаруживаетъ въ нашей креольской душѣ склонность къ довѣрью и естественность нѣсколько дикую, неспособную ни къ лицемѣрству ни къ скрытности.

Фамилія моя ***, имя Юлія. Мать моя погибла въ кораблекрушеніи, спасаясь бѣгствомъ изъ Сенъ-Доминга во время избіенія Бѣлыхъ. Меня бросало волной на берегъ. Одна негрятка наша, вскормила и черезъ нѣсколько лѣтъ возвратила меня отцу. Ограбленный, изгнанный, больной отецъ привезъ меня, шестилѣтняго ребенка, во Францію съ сестрой старше меня. Онъ скоро рѣ умеръ въ Бретани у бѣдныхъ родственниковъ, принявшихъ насъ къ себѣ. Я воспитывалась тамъ до смерти второй матери, которою подарилъ мнѣ изгнаніе. Когда исполнилось мнѣ двѣнадцать лѣтъ, правительство взяло на себя пещись о моей участи какъ о сиротѣ креола, оказавшаго услуги отечеству. Меня воспитывали во всемъ блескѣ роскоши, и въ дружескихъ ласкахъ

цвѣту этихъ пышныхъ домовъ, куда государство принимаетъ дочерей гражданъ, умершихъ за отечество. Я наживала себѣ годы, дарованія и то, что называли тогда красотой. Серіозная и грустная прелесть, которая была не что иное какъ цвѣтокъ тропическихъ растений, распускающійся на нѣсколько дней подъ чуждымъ небомъ. Но эта красота и эти бесполезныя дарованія не радовали ничьихъ глазъ, ничьей привязанности за оградой, гдѣ я была заперта. Подруги, съ которыми я заключала то дѣтское дружество, что становится какъ будто родствомъ сердца, одна за другою возвращались къ матерямъ или выходили замужъ. Меня не призывала мать, не посѣщала ни одна родственница; ни одна молодая человѣкъ не слышала обо мнѣ въ свѣтѣ и не предлагала мнѣ руки. Меня огорчали постепенные отъѣзды всѣхъ друзей, огорчало отчужденіе цѣлаго свѣта и это вѣчное вдовство сердца, случившееся со мною еще до любви. Я часто плакала тайнѣ, внутренно упрекала негритянку, зачѣмъ она не допустила меня погибнуть въ волнахъ отечества, не столь жестокихъ какъ волны того свѣта, куда забросила меня судьба.

Человѣкъ пожилой и знаменитый, время отъ времени, посѣщалъ отъ имени императора заведеніе для народнаго воспитанія и освѣдомлялся объ успѣхахъ воспитанницъ въ наукахъ и искусствахъ, преподаваемыхъ первыми учителями столицы; ему безпрестанно представляли меня какъ самый совершенный образецъ воспитанія, получаемого сиротами. Съ самаго дѣтства онъ обходился со мною съ особеннымъ предпочтеніемъ.

— Какъ я сожалею, говорилъ онъ иногда такъ громко, что я могла слышать: зачѣмъ у меня нѣтъ сына.

Однажды меня позвали къ начальницѣ. Тамъ ждалъ меня знаменитый старикъ. Онъ казалось былъ смущенъ не меньше меня.

— Годы идутъ равно для всѣхъ, сказалъ онъ наконецъ; но для васъ они долги, для меня коротки! Вамъ семнадцать лѣтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы достигнете того возраста когда домъ этотъ долженъ возвратитъ васъ свѣту. Но для васъ нѣтъ свѣта, у васъ нѣтъ и отечества, нѣтъ отеческаго крова, ни состоянія, ни родственниковъ во Франціи. Землей, на которой вы родились, владѣютъ негры. Недостатокъ этого независимаго положенія и покровительства беспокоитъ меня за васъ уже нѣсколько лѣтъ. Существовать труднѣе, для молодой дѣвушки, значить подвергать себя безпрестаннымъ засадамъ и огорченіямъ. Убѣжище у друзей нещадно и унижительно для благородной души. Чрезвычайная красота, пожалованная вамъ природой — блескъ, при ко-

торомъ не скроется бѣдность состоянія и который манить къ себѣ порокъ какъ блескъ золота манить вора. Гдѣ думаете вы укрыться отъ горя или опасности жизни?

— Не знаю, отвѣчала я. Съ нѣкотораго времени я начала думать, что только Богъ или смерть могутъ спасти меня.

— О! перебилъ онъ съ грустной и нервѣшительной улыбкой: есть другое спасеніе, которое пришло мнѣ въ голову, но я не смѣю вамъ предложить его.

— Говорите, отвѣчала я, вы уже такъ давно приняли со мною взглядъ и голосъ отца, что повинуюсь вамъ, мнѣ будетъ казаться, будто я повинуюсь родному отцу.

— Отцу? перебилъ онъ, о! тысячу разъ счастливъ тотъ, у кого есть такая дочь какъ вы! простите, что я смѣлъ иногда предаваться подобной мечтѣ. Выслушайте меня, сказалъ онъ болѣе важнымъ и болѣе нѣжнымъ голосомъ, и отвѣчайте со всею свободой и со всею размышленіемъ сердца:

Я доживаю послѣдніе года; скоро откроется для меня могилка; у меня нѣтъ родственниковъ, кому бы я могъ оставить единственное наслѣдство: скромную знаменитость имени и небольшое состояніе, пріобрѣтенное трудами. До сихъ поръ я жилъ одинъ, единственно углубленный въ умственные занятія, которыя истощили и озарили жизнь мою.

Достигая конца жизни, я замѣчаю съ горестью, что не начиналъ жить, потому что еще не любилъ. Уже не время воротиться на дорогу къ счастью, вмѣсто дороги къ славѣ, по которой къ несчастью я пустился; но я не хотѣлъ бы умереть не оставивъ въ чьей нибудь памяти то продолженіе бытія нашего въ чужомъ бытіи, что называется чувствомъ. Это чувство не можетъ быть другое кромѣ кое-какой признательности. Чувствую что отъ васъ хотѣлось бы сердцу получить ее. Но для этого надо, прибавилъ онъ робко, чтобы вы имѣли довольно мужества принять въ глазахъ свѣта и только для свѣта, имя, руку, привязанность старика, который будетъ отцомъ подъ титуломъ супруга и возьметъ отъ этого титула только право принять васъ въ домъ свой и любить какъ дочь!

Онъ замолчалъ и удалился. отказываясь получить въ тотъ день отвѣтъ; но отвѣтъ былъ уже на губахъ моихъ. Между всѣми посвѣтителями это былъ единственный человекъ, который показалъ ко мнѣ другое чувство кромѣ того обыкновеннаго и почти дерзкаго удивленія, что выказываютъ взгляды и восклицанія, скорѣе обидные чѣмъ лестные для невинности и робости. Я не

знала любви. Я чувствовала только пустоту произведенную отсутствием всякой семейной привязанности, и мнѣ казалось сладостно найти ее у отца, котораго сердце такъ великодушно меня усыновило. Я находила пріютъ честный и вѣрный отъ неизвѣстностей того быта, въ который мнѣ должно было кинуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: ния способное пролить обаяніе на женщину, которой оно служило бы блестящей діадемой; волосы бѣлые, но поблѣвшіе подъ лучами славы, которая каждый день полагать своихъ любимцевъ; лѣта почти въ четверо превышавшія мои, но черты чистыя и величественныя, внушавшія уваженіе къ времени, безъ отвращенія къ старости; наконецъ лицо, на которомъ гений и доброта — двѣ красоты преклонныхъ лѣтъ, — привлекали даже взглядъ и привязанность дѣтей....

Въ тотъ день когда я должна была выйти навсегда изъ сиротскаго заведенія, я вошла не какъ жена, а какъ дочь въ домъ моего мужа. Свѣтъ такъ называлъ его; но онъ самъ хотѣлъ, чтобы я не звала его иначе какъ отцомъ. Онъ имѣлъ для меня все уваженіе, всю любовь, всѣ попеченія отца; сдѣлалъ изъ меня блистательный и осыпаемый лестью цвѣтъ многочисленнаго и избраннаго общества, изъ знаменитѣйшихъ старцевъ въ литературѣ, въ философіи и политикѣ, которые блистали въ концѣ послѣдняго столѣтія.... выбралъ мнѣ друзей и руководительницъ между женщинами, знаменитыми по достоинствамъ и талантамъ; самъ ободрялъ меня къ этимъ привязанностямъ сердца или ума, которыя могли разсѣять и развлечь однообразную жизнь мою въ домѣ старика. Въмѣсто строгости или ревности онъ съ снисходительнымъ вниманіемъ искалъ знакомства со всеми замѣчательными мужчинами, которыхъ общество могло быть для меня привлекательно. Онъ былъ бы счастливъ, еслибы я отличила кого-нибудь въ толпѣ и его предпочтеніе послѣдовало бы за мной. Я была кумиромъ и обожаніемъ этого дома. Общее поклоненіе и спасло меня, можетъ быть, отъ всякаго предпочтительнаго чувства. Я была такъ счастлива, меня столько душили куревіями, что не было времени ощутить у себя сердца. Къ тому же, въ сношеніяхъ моего мужа со мною было столько вѣжной отеческой привязанности, хотя эту вѣжность онъ ограничивалъ только тѣмъ, что прижималъ меня иногда къ сердцу и цѣловалъ въ лобъ, откидывая рукою мои волосы. Я боялась разстроить что-нибудь въ своемъ счастьи и дотронувшись до него, даже съ намѣреніемъ пополнить. Мужъ мой иногда шутя упрекалъ меня

въ равнодушіи, говорилъ, что чѣмъ болѣе я буду счастлива, тѣмъ болѣе онъ самъ будетъ счастливъ моимъ блаженствомъ.

Однажды только разъ я думала, что полюбила и любима. Мужъ: чина съ именемъ сіяющимъ отъ геціи, могущественный высокою милостію государя, обольстительный окружавшей его славой и царужностью, хотя перешелъ уже возрастъ зрѣлости, привязавъ ко мнѣ казался такъ торжественно, что блескъ этого торжества обманулъ даже меня. Я была упрека не гордостью, но пристрастностью и изумленіемъ. Я любила нѣсколько времени иди скорѣя любила мечту, которую создала сама себѣ подъ его именемъ. Я хотѣла уже уступить чувству, принявъ за страстную нѣжность души то что, у него было только чувственнымъ порывомъ. Но любовь его мнѣ опротивѣла когда, я узнала ея свойство; мнѣ стало стыдно моего заблужденія и я заключилась болѣе чѣмъ когда нибудь въ однообразіе моего холоднаго счастья.

Утромъ серіозныя умственные занятія и увлекательное чтеніе въ библиотекѣ моего мужа: я любила служить ему ученицей; днемъ вмѣстѣ съ нимъ удивленные прогулки въ огромномъ сець-клускомъ или редонскомъ лѣсу; вечеромъ немногочисленный кругъ друзей, по большей части серіозныхъ и пожилыхъ, разговаривающихъ обо всемъ съ дружеской свободой. Всѣ эти холодныя, но снисходительныя сердца, казалось, стремились къ моей юности по тому склоню, который заставляетъ чувство струиться долой изъ сердца стариковъ, какъ вода изъ подъ снѣговъ вершинъ, обитаемыхъ стужей. Вотъ вся жизнь моя. Юность, утоная подл снѣгомъ бѣлыхъ волосъ; теплая атмосфера этихъ стариковскихъ дыханій, въ которой я сохранялась, по конецъ концовъ разслаблялась и истлѣвала. Между этими душами и моею лежало слишкомъ много лѣтъ. О! чего не дала бы я, чтобы имѣть друга или подругу одного возраста со мною, чтобы согрѣть немного при этомъ прикосновеніи мысли застывшія во мнѣ, какъ утрення роса на травкѣ, слишкомъ близкой къ этимъ горвымъ ледникамъ.

Мужъ часто смотрѣлъ на меня съ грустью: онъ началъ пугаться томности моего голоса и блѣдности лица. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало придать воздуху душѣ моей и движенія сердцу, безпрестанно побуждалъ ко всѣмъ пріятнымъ развлечениямъ, которыя только могли извлечь меня изъ меланхоліи; поручалъ знакомымъ дамамъ, вѣжно принуждалъ являться на празднества, на балы, въ спектакли. Сіяніе моей юности и моего лица могли бы золотить меня радостью и обдавать гордостью отъ упоенія, которыя я разливала вокругъ себя. На другой день онъ входилъ

ко мнѣ въ комнату, когда я просыпалась, заставлялъ рассказывать о впечатлѣніи, которое произвела я; о взглядахъ, которые приняла; о сердцахъ, которые тронула.

— А вы сами, говорилъ онъ тономъ кроткаго вопроса: вы не чувствуете ничего изъ всего что внушаете вокругъ себя? Развѣ ваше двадцатилѣтнее сердце родилось такимъ же старымъ какъ мое? О! какъ бы я желалъ, чтобы вы въ этихъ всѣхъ обожателяхъ нашли для предпочтенія существо высшей сущности, которое когда-нибудь дополнило бы чистой любовью ваше счастье, и послѣ меня продолжило бы мою вѣжность, обновивъ ее!

— Мнѣ довольно вашей дружбы, отвѣчала я: я не страдаю, ни о чемъ не мечтаю, я счастлива.

— Да, продолжалъ онъ: но вы старѣете въ двадцать лѣтъ. О! подумайте, что вы должны закрыть мнѣ глаза! Помолодѣйте! любите! живите во что бы то ни стало, чтобы мнѣ не пришлось васъ пережить!

Онъ призывалъ доктора за докторомъ. Всѣ они, утомивъ меня разспросами, соглашались, что мнѣ угрожаютъ спазмы сердца. Первые признаки этой болѣзни уже показались. Мнѣ нужны были, по ихъ словамъ, сильное сотрясеніе жизни, передвиженіе силъ привычекъ, полная перемѣна воздуху и неба, чтобы возвратитъ моей восточной натурѣ, простуженной въ парижскихъ туманахъ, расширительность и упругость, необходимыя для воскресенія въ ней жизненной дѣятельности. У мужа моего не стало дѣла за пожертвованіемъ, надеждѣ спасти меня, отрадѣ быть постоянно со мной. Ни лѣта, ни служебныя обязанности не позволяли ему провожать меня, и онъ поручилъ меня одному иностранному семейству, которое везло двухъ дѣвушекъ, почти одного возраста со мною въ Италію и Швейцарію. Я два года путешествовала съ этимъ семействомъ; видѣла горы и моря, напомнившія мнѣ природу дѣтства, дышала теплымъ и энергическимъ воздухомъ волянъ и горныхъ ледниковъ, но ничто не могло возвратитъ мнѣ увядшую юность сердца, хотя на лицѣ моемъ она обманывается иногда мои собственные глаза. Женевскіе доктора прислали меня сюда какъ послѣдній опытъ ихъ искусства и велѣли оставаться здѣсь до тѣхъ поръ пока будетъ солнечный лучъ на осеннемъ небѣ. Потомъ я поѣду къ мужу. Ахъ, какъ бы мнѣ было приятно показать ему дочь выздоровѣвшую, помолодѣвшую, сіющую надеждой на будущее! Но чувствую, что я возвращусь только за тѣмъ, чтобы опечалитъ послѣдніе дни его и, можетъ-быть, угаснутъ на его рукахъ. Но все-равно, продолжала она съ

покорностью, походившею почти на радость: я не покину землю, не увидавъ брата такъ долго желаннаго — брата души, такъ страстно желаннаго болѣзненнымъ мистикомъ до-сей-поры безуспѣшно, брата, котораго благовременный образъ напередъ обездѣлтилъ для меня всѣ дѣйствительныя существа! Да, продолжала она, закрывая глаза длинными розоватыми пальчиками, сквозь которые просочились одна или двѣ слезы: да, мечта ночей моихъ воплотилась въ ваши черты, вынче утромъ при моемъ пробужденіи!... О! если бы еще было не поздно жить! Я бы хотѣла теперь жить цѣлые вѣка, чтобы продлить чувство этого взора, который плакалъ надо мною, и этого голоса, прибавила она вдругъ, открывъ глаза, поднятые къ небу: этого голоса, который называлъ меня сестрой!... и который не отниметъ у меня этого сладостнаго шмели, продолжала она съ выраженіемъ и взоромъ вѣжно вопрошательнымъ: ни во время жизни, ни послѣ моей смерти?...

Голова моя упала, уничтоженная блаженствомъ, къ ногамъ ея, уста прижались къ нимъ не находя словъ. Послышались шаги лодочниковъ. Они пришли сказать, что озеро спокойно, и дневнаго свѣту только доставаетъ на то, чтобы переѣхать на савойскій берегъ. Мы послѣдовали за ними. И она и я, оба мы шлепая, какъ будто въ опьяненіи. О! кто можетъ описать, что я ощущала, когда ея гибкое, но изнеможенное страданіемъ тѣло, сладостно опиралось на меня, какъ будто она находила невольную отраду чувствовать сама и мнѣ дать чувствовать то, что я отнынѣ единая сила ея истомы, единое упованіе ея слабости, единая опора для ея отчужденія отъ земли. Я еще слышу, по простествіи двадцати лѣтъ, шумъ сухихъ листьевъ подъ нашими ногами; вижу еще двѣ длинныя тѣни, отбрасываемыя заходящимъ солнцемъ влѣво, на траву какъ подвижной саванъ, слѣдующій за молодостью и любовью, чтобы преждевременно погребсти ихъ! чувствую вѣжную теплоту плеча возлѣ моего сердца и трепетаніе пряди волосъ, отбрасываемой озернымъ вѣтромъ къ лицу моему; помню, какъ губы старались удержать эту прядь, чтобы успѣть поцѣловать! О! время! сколько вѣчности душевныхъ радостей погребаетъ ты въ подобныя минуты! или скорѣе какъ ты бессильно погребети, какъ бессильно заставить забыть!

Вечеръ былъ такъ же спокоенъ и тепелъ какъ накаунѣ буренъ и холоденъ на водѣ. Горы плавали въ легкомъ фіолетовомъ оттѣнкѣ, отъ котораго онѣ казались еще громаднѣе и какъ-будто исчезали вдали. Нельзя было сказать, горы ли это или огромныя подвижныя стеклянныя тѣни, сквозь которыя проглядывало теп-

лое небо Италія. Небесная лазурь была испещрена маленькими пурпуровыми облачками, подобно окровавленнымъ перьямъ, выпадающимъ изъ крыла лебедя, растерзаннаго орломъ. Встѣхъ съ окончаніемъ дня.

Продолговатыя, перламутровыя волны набрасывали только легкую бахрामу изъ пѣны къ подошвѣ скалъ, откуда висѣли смоченныя фиговые листья. Дымъ изъ хижинъ, разбросанныхъ по бокамъ горы Кота, поднимался къ верху, вдоль горъ, между тѣмъ какъ каскады спускались внизъ, въ овраги, какъ водяной дымъ. Волны озера были такъ прозрачны, что, свѣсившись изъ лодки, можно было видѣть тѣнь весель и нашихъ лицъ, и такъ теплы, что, смочивъ кончики пальцевъ, чтобы слышать журчаніе борозды, проведенной нашей рукою, чувствовалась только ласка подъ легкимъ, сладострастнымъ содроганіемъ воды. Небольшой занавѣсъ, какъ въ венеціанскихъ гондолахъ, отдѣлялъ насъ отъ лодочниковъ. Она лежала на скамейкѣ, служившей ей постелью, облокотясь о подушку, обернувшись шалью противъ вечерней сырости; плащъ мой, сложенный въ нѣсколько разъ, закрывалъ ей ноги. Лицо ея то скрывалось въ тѣни, то сіяло отъ послѣднихъ розовыхъ отблесковъ солнца, висящаго надъ вершиной черныхъ елей, и монастыря картезіанскихъ братій. Я лежалъ на кучѣ сѣтей на днѣ лодки, съ сердцемъ полнымъ, съ безмолвными устами, съ глазами на ея глазахъ. Зачѣмъ намъ было говорить, когда солнце, горы, воздухъ, ночь, вода, весла, сладострастное качаніе лодки, легкая пѣна борозды, слѣдовавшей за нами съ журчаніемъ, наши взгляды, безмолвіе, дыханіе, души, настроенныя на одинъ ладъ, такъ божественно говорили за насъ? Мы скорѣе какъ-будто инстинктивно боялись, чтобы малѣйшій звукъ голоса, или словъ, не разрушилъ очарованіе подобнаго безмолвія, воображали, что скользимъ съ лазури озера на возвышенный горизонтъ неба, не видя ни оставляемыхъ береговъ, ни тѣхъ, къ которымъ подѣзжали.

Я услышалъ какъ одинъ в.дохъ сильнѣе и глубже другихъ медленно слетѣлъ съ губъ ея, какъ-будто грудь, тѣснимая невидимой тяжестью передала въ одномъ этомъ вздохѣ все дыханіе долгой жизни.

— Вы страдаете? спросилъ я грустно.

— Нѣтъ, отвѣчала она: это не страданіе, а мысль.

— О чемъ же вы думаете такъ глубоко? продолжалъ я.

— Я думала, отвѣчала она, что если бы Богъ въ эту минуту поразилъ неподвижностью всю природу; если бы солнце повисло

такъ съ своими кругомъ, полупогруженное за ели, похожіе на рѣсницы небесныхъ вѣкъ; если бы свѣтъ и мракъ остались такъ смѣшаны и на ясны въ атмосферѣ, озеро къ той же прозрачности, воздухъ въ той же теплотѣ, два берега въ томъ же разстояніи отъ лодки, тотъ же лучъ эфирнаго свѣту на вашемъ челнѣ, тотъ же взглядъ вашего состраданія передъ моиими глазами; то же чувство радости къ сердцѣ, а бы пришла наконецъ то, чего еще не приходила съ тѣхъ поръ какъ мысля и мечтаю.

— Что же? спросила я съ безпокойствомъ.

— Видимость въ одномъ мгновеніи и безконечность въ одномъ ощущеніи, вскричала она, оприкинувшись на бортъ лодки, какъ будто затѣвъ, чтобы взглянуть на воду и избавить меня отъ замигательства отвѣчать. Но я имѣлъ глупость отвѣтить пошлой «разой», къ несчастью попавшейся мнѣ на губы вмѣсто цѣломудреннаго и невнятнаго обожанія, которое наполняло сердце. Смыслъ былъ тотъ, что подобнаго счастья мнѣ недостаточно, если оно не будетъ обѣщаніемъ и предвкусеніемъ другаго блаженства. Она повала и покрасѣла за меня еще болѣе чѣмъ за себя, обернулась съ лицомъ запечатлѣннымъ ощущеніемъ оскверненной святости и голосомъ столь же нѣжнымъ, но такъ трогательнымъ и торжественнымъ, какъ я еще не слыхалъ у ней, сказала мнѣ тихо:

— Вы огорчили меня, придвиньтесь ближе и слушайте. Не знаю, чувствую ли я къ вамъ и вы ко мнѣ то, что называется любовью въ бѣдномъ и запутанномъ языкѣ свѣта, гдѣ тѣ же слова служатъ къ выраженію вещей схожихъ между собою только по звуку, который издаютъ они на губахъ человѣка; и не хочу знать: и вы, угожаю васъ тоже, никогда не знаете! Мнѣ извѣстно только, что это самое высшее и полное счастье, котораго душа живаго существа можетъ домогаться отъ души, глазъ, голоса другаго существа похожаго на нее, котораго ей не доставало и которое дополняетъ ее встрѣтившись съ нею! Возлѣ этого безградичнаго счастья, этого взаимнаго стремленія мыслей къ мыслямъ, чувствъ къ чувствамъ, души къ душѣ, что смѣшиваетъ ихъ въ одно нераздѣльное бытіе и дѣлаетъ также нераздѣльнымъ какъ лучи заходящаго солнца и восходящей луны, когда они встрѣчаются въ одномъ небѣ и смѣшиваются въ одномъ эфирѣ, можетъ ли быть другое счастье, грубое изображеніе перваго, столь же далекое отъ невещественнаго и вѣчнаго союза душъ какъ пылъ далека отъ звѣздъ и минута отъ вѣчности? Не знаю, не хочу, и не буду никогда знать, прибавила она съ выраженіемъ

амъ презрительной грусти, которой загадочный смрадъ я сначала не поняла. Но, продолжала она, съ дѣвой цвѣтъ, голоса и дорждя: цвѣсты, какъ-будто отдававшихъ всю ее мнѣ: что за дѣло, до слуха? Я люблю васъ. Цѣлая природа скажетъ за меня если бы, а не сказала; или лучше дайте мнѣ сказать это громко первой, скажутъ за двухъ; мы любимъ другъ друга!

— О! скажите! скажите еще! повторите тысячу разъ! вскрикнула я, вставая какъ безумный и добѣгая бодящими шагами, лодку, которая трещала и качалась у меня подъ ногами. Скажемъ, скажемъ Богу и людямъ, небу и землѣ, вѣрнымъ и глухимъ, студіямъ, будемъ говорить это вѣчно и пусть вся природа повторитъ это за нами!...

Я упала на колѣна передъ нею, сложивъ руки и закрывъ лицо.

— Успокойтесь, сказала она положивъ палецъ мнѣ на губы, и выслушайте меня не прерывая.

Я съѣзъ и умолкъ.

— Я уже сказала вамъ, продолжала она, или скорѣе не сказала, а воскликнула изъ глубины души: я люблю васъ! да, я люблю васъ со всѣмъ ожиданіемъ, со всѣми мечтами, со всѣмъ нетерпѣніемъ двадцати-осьмилѣтней безплодной жизни, которую провела я смотря и не видя, отъискивая и не находя того, что внутреннее чувство открыло мнѣ въ предчувствіи, котораго тайной были вы! Но я узнала и полюбила васъ слишкомъ поздно, если вы понимаете любовь какъ всѣ люди ее понимаютъ, и какъ вы сами понимали ее сейчасъ въ этомъ нечестивомъ и легкомысленномъ словѣ, которое вы сказали мнѣ. Слушайте же, продолжала она, и поймите хорошенько: я ваша, я отдаюсь, принадлежу вамъ какъ себѣ самой, я могу это сказать, ничего не отнимая у отца, который всегда хотѣлъ видѣть во мнѣ только дочь. Ничто не вѣщаетъ мнѣ принадлежать вамъ совершенно, и я удержу отъ себя только то, что вы сами велите мнѣ сохранить. Не удивляйтесь языку, не похожему на языкъ европейскихъ женщинъ, онѣ любятъ и чувствуютъ, что любимы слабо, боятся потерять внутрення желанія, отрывъ тайну, которую хотятъ, чтобы у нихъ вырвали насильно. Я не похожа на нихъ ни отчизной, ни сердцемъ, ни образованіемъ. Я воспитана мужемъ-философомъ, у меня нѣтъ ни суевѣрія, ни слабости, ни опасенія, которыя заставляютъ обыкновенныхъ женщинъ, повиноваться челоу не передъ своей совѣстью, а передъ другими судьей. Я слѣбую указаніямъ, только разсудка, чувства и совѣсти. Ни одинъ изъ этихъ трехъ,

оракуловъ моей жизни не запрещаетъ принадлежать вамъ, вся душа моя понергда бы меня въ ваши объятія, если бы вы могли быть счастливы только этой цѣной! Но неужели мы захотимъ связать наше счастье съ этимъ скоротечнымъ упоеніемъ, котораго добровольное лишеніе доставляетъ въ тысячу разъ болѣе наслажденія душѣ, чѣмъ удовлетвореніе можетъ доставить чувствамъ? Не болѣе ли повѣримъ мы невещественности и вѣчности нашей любви, когда она останется на высотѣ чистой мысли, въ областяхъ недосягаемыхъ для перемѣны и для смерти, нежели, когда она сойдетъ до презрительнаго свойства обыкновенныхъ ощущений, увизится и осквернится въ неблагородныхъ наслажденіяхъ? Къ тому же, прибавила она, послѣ короткаго молчанія, покраснѣвъ какъ будто щеки ея приблизились къ огню, если когда-нибудь вы станете въ часъ мнительности и бреда требовать отъ меня такого доказательства самоотверженія, такъ знайте же, что это было бы съ моей стороны пожертвованіе — мало того личнымъ достоинствомъ. а цѣлой жизнью; душа моя, говорятъ, можетъ испариться въ одномъ вздохѣ; лишивъ меня невинности любви моей, вы въ тоже время лишите жизни; вмѣсто воображаемаго блаженства, въ вашихъ объятіяхъ будетъ одна тѣнь и вы можете быть поднимете только смерть!...

Мы оба долго оставались безмолвными. Наконецъ со вздохомъ вырвавшимся изъ глубины груди, я сказалъ ей:

— Я понялъ васъ и клятва вѣчной невинности моей любви произвешена въ сердцѣ прежде, чѣмъ вы потребовали ея.

Рѣшимость эта, казалось, ошастливила ее и удвоила плѣнительную свободу ея вѣжности. Ночь распростерлась надъ озеромъ; звѣзды неба глядѣлись въ воду; безмолвіе природы усыпляло землю. Вѣтеръ, деревья, волны позволяли слышать въ насъ скоротечныя впечатлѣнія чувства и мысли, которыя тихо говорятъ въ сердцахъ счастливыхъ. Лодочки напѣвали намъ протяжныя и однообразныя псалмопѣнія, похожія на положенныя на ноты волненія воды у береговъ. Это заставило меня подумать объ ея голосѣ, безпрестанно звучавшемъ въ ухахъ моихъ.

— Ахъ если бы вы ознаменовали для меня эту восхитительную ночь нѣсколькими звуками, брошенными на эти волны, на эти тѣни, чтобы онѣ остались на всегда полны вами? сказалъ я.

Я сдѣлалъ лодочникамъ знакъ замолчать и утишить шумъ веселья, съ которыхъ капли упали на воду серебристыми нотами, какъ музыкальный аккомпаниментъ. Она запѣла ту шотландскую балладу вмѣстѣ и лирическую и пастушескую, гдѣ дѣвушка, остав-

лежал любовникомъ, бѣднымъ матросомъ, отправившимся искать счастья въ Индію, рассказываетъ, что родители, наскучивъ ждать возвращенія молодого человѣка, выдали ее за старика, съ которымъ та была бы счастлива, если бы не мечтала о томъ, кого первая полюбила. Баллада эта начинается такъ:

Quand les moutons sont dans la bergerie,
Que le sommeil aux humains est si doux
Je songe, hélas! aux chagrins de ma vie.
Et près de moi dort mon bon vie léroux.

Послѣ каждаго куплета есть длинный припѣвъ протяжныхъ нотъ безъ словъ, убаюкивающій душу на волнахъ безконечной грусти, наполняющій глаза слезами голоса; потомъ рассказъ начинается въ слѣдующемъ куплетѣ съ глухимъ, отдаленнымъ звукомъ, сожалѣющаго, страдающаго и безропотнаго воспоминанія. Если греческія строфы Сафо—оговь любви, эти шотландскія ноты могутъ назваться слезами жизни и кровью сердца, смертельно ужаленнаго судьбою. Не знаю кто написалъ эту музыку, но кто бы онъ ни былъ, да благословитъ его небо за то, что въ нѣсколькихъ нотахъ онъ нашелъ безконечность человѣческой грусти въ мелодическомъ стenanіи голоса! Съ того дня какъ только слышу я первые такты этой аріи, я убѣгаю какъ чело-вѣкъ, преслѣдуемый призракомъ; а когда чувствую необходимость облегчить сердце слезами, внутренно напѣваю жалобный припѣвъ и тотчасъ готовъ заплакать, а я не плачу никогда!

Мы достигли до вала небольшого пролива, куда пристаютъ суда; это Эзская гавань; она находится въ полмили отъ города. Было за полночь. На валу не было уже ни каретъ ни ослонъ, чтобы довести путешественниковъ до города, а дорога такъ длинна, что бѣдная больная женщина не могла дойти вѣшкомъ... Напрасно постучавшись въ двери двухъ или трехъ сосѣднихъ жилищъ, лодочники предложили довести барыню до Эза. Весело сяди они весла съ колецъ, привязывавшихъ ихъ къ борту, связали вѣсты веревками сътей, положили на нихъ подушку изъ кожи и такимъ образомъ составили гибкія носилки, на которые положили иностранку. Потомъ четверо изъ нихъ подняли на плечи концы веселъ, и пошли, не сотрясая носилокъ никакимъ качаніемъ, кромѣ легкаго колебанія отъ шаговъ. Я хотѣлъ оспорить у нихъ счастье нести часть этой милой тяжести, но она оттолкнула меня съ ревнивымъ усердіемъ. Я шелъ возлѣ носилокъ, положивъ правую руку въ руки больной, чтобы она могла облокотиться и придерживаться за меня, не допускалъ ее соскользнуть

съ узкой подушкой, на которой она лежала. Мы шли такимъ образомъ медленно и тихо, при сіяніи полной луны по длинной тополиной аллеѣ! О! какъ оказалась ниѣ коротка эта аллея! и какъ бы я желалъ, чтобы она довела насъ такъ до послѣдняго шага въ жизни! Она не говорила со мной, я тоже не сказалъ ей ничего; но чувствовалъ какъ ея тѣло довѣрчиво опиралось на мою руку, чувствовалъ какъ ея холодныя руки обвивали мою, и время отъ времени невольное пожатіе, теплое дыханіе на моихъ пальцахъ показывали мнѣ, что она приближала уста къ рукамъ моимъ, чтобы отогрѣть ихъ. Нѣтъ, никогда въ подобномъ безчеловѣчьи не содержалось столько нѣжныхъ націній! Мы были счастливы блаженствомъ вѣка въ одну часъ. Когда мы дошли до дому стараго доктора и донесли большую до порога ея дверей, дѣлный мѣръ обрушился между нами. Я почувствовалъ, что рука моя смочилась слезами, вытеръ ихъ губами и волосами и не раздѣляясь бросился на постель.

Напрасно нѣворачивался я на изголовьи, я не могъ заснуть. Тысячи обстоятельствъ двухъ послѣднихъ сутокъ (представлялись уму моему съ такой силой и съ такими противоположными впечатлѣніями, что я не могъ повѣрять, что они кончились; я видѣлъ и слышалъ все какъ наканунѣ. Лихорадка души сообщилась чувствамъ. Я вставалъ и ложился двадцать разъ, не находя спокойствія. Наконецъ я отказался отъ него, хотѣлъ волненіемъ шаговъ обмануть волненіе мыслей, открылъ окно, перелстывалъ книги, не понимая ихъ, быстро ходилъ по комнатѣ, переставлялъ столъ и стулъ, чтобы найти хорошее мѣстечко и окончить ночь сидя или стоя. Весь этотъ шумъ слышался въ сосѣдней комнатѣ. Шаги мои смущали бѣдную больную, которая, конечно, также не спала. Я слышалъ какъ полъ затрещалъ подъ легкими стопами, какъ они приблизились къ дубовой двери, запертой двумя задвижками и отдѣлявшей ея комнату отъ моей. Я приложилъ къ двери ухо и услышалъ сдерживаемое дыханіе и шелестъ промоклаго платя у стѣны. Свѣтъ лампы падалъ сквозь щели на мой полъ. Это была она; она была тутъ, также приложивъ ухо, въ нѣсколькихъ линіяхъ отъ моего чела: она могла слышать біеніе моего сердца.

— Не болѣны ли вы, сказалъ тихо голосъ, который бы я узналъ по одному выдоху.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, но я слишкомъ счастлива! Избытокъ счастья также лихорадоченъ какъ избытокъ тоски. Эта лихорадка

живи, я не боюсь въ, не убиваю, я бодрствую, чтобы наслаждаться ею.

— Дети, сказала она, ступайте спать пока я не сплю, теперь я должна бодрствовать надъ вами!

— Но вы сами, зачѣмъ не спите? закричалъ я тако.

— Я не хочу спать, отвѣчала она, чтобы не потерять ни на одну минуту то чувство блаженства, которое наполняетъ меня. Мнѣ недолго наслаждаться радостью, я не хочу потерять нѣтъ ни одной капли въ забвеніи сна. Я была тутъ, чтобы уединить васъ, можетъ быть, и, по крайней мѣрѣ, чувствовать себя воцѣл васъ.

— О! прошептала я тихо, зачѣмъ такъ далеко? зачѣмъ между нами эта стѣна?

— Развѣ между нами эта дѣверь, а не наша воля, не наша клитва? сказала она. Посмотрите! если ваши шаги удерживаетъ только эта вещественная преграда, вы можете переступить ее!

И я слышалъ какъ рука ея отодвигала задвижку.

— Да, вы можете, продолжала она, если въ васъ нѣтъ ничего сильнѣе вашей любви, что бы превышало, поработало вашъ языкъ, да, вы можете переступить, продолжала она голосомъ болѣе страстнымъ и торжественнымъ, я хочу быть обязана всѣмъ только вамъ самимъ; вы найдете любовь равную вашей, но, я сказала вамъ, въ этой любви вы найдете также мою смерть!

Избытокъ волненія, пылкій порывъ сердца къ этому голосу, нравственное насилие, отталкивавшее меня, заставили меня пасть уничтожимымъ, въ положеніи человека смертельно раненаго, на порогъ этой запертой двери. Я слышалъ какъ она тамъ съ другой стороны была на подушку дивана, которую бросила на полъ. Мы продолжали часть ночи тихо разговаривать ексвозь промежутокъ, оставленные этой грубой столярной работой между поломъ и косяками двери. Искреннія выраженія, неупотребляемыя въ обыкновенномъ языкѣ людей, колеблющихся какъ ночныя грѣвы между небомъ и землей, часто прерываемыя долгимъ безмолвіемъ, въ продолженіи котораго сердца говорятъ тѣмъ сильнѣе; тѣмъ болѣе недостаетъ на губахъ словъ, чтобы выразить неизлечимый разговоръ. Наконецъ молчаніе становилось все продолжительнѣе, голоса слабѣе и я заснулъ отъ усталости, приложивъ щеку къ стѣнѣ и сложивъ руки на козлахъ.

Когда я пробудился, солнце было уже высоко на небѣ и наводило мою комнату лучезарными отраженіями. Осенній пламенный порхалъ и клевалъ съ щебетаніемъ виноградныя лозы и

смородиновые кусты у меня подь окномъ; какъ-будто вся природа пробудилась, украсилась, освѣтилась и оживилась для меня, чтобы праздновать день нашего возрожденія къ новой жизни. Все что шумѣло въ домѣ казалось мнѣ также радостнымъ какъ я былъ самъ. Я слышалъ только легкіе шаги горячичной, которая ходила туда и сюда по корридору, принося завтракъ госпожѣ; дѣтскіе голоса горныхъ дѣвочекъ, принесшихъ цвѣты съ береговъ ледниковъ, топотъ и колокольчики лошаковъ, ожидавшихъ ее на дворѣ, чтобы везти на озеро или подь ели. Я переѣхнулъ платье, запачканное пылью и пѣной, вымылъ впаалье и покраснѣвшіе отъ бессонницы глаза, причесалъ всклокоченные волосы, надѣлъ кожаные штблеты альпійскаго охотника за верблюдомъ, взялъ ружье и сошелъ за общій столъ, гдѣ старый докторъ завтракалъ съ семействомъ и жильцами.

За столомъ разговаривали о буре на озерѣ, объ опасности, которой подвергалась молодая иностранка, объ обморокѣ ея въ Отъ-Ковбѣ, о двухъ-дневномъ отсутствіи, о томъ какъ я былъ счастливъ, что мнѣ удалось встрѣтить и привезти ее накануне. Я просилъ доктора испросить у нея отъ моего имени позволенія освѣдомиться о здоровьи и сопутствовать въ прогулкѣ. Онъ воротился съ нею такъ прелестною, трогательною и оживленною счастьемъ, какою еще ея никто не видалъ. Она ослѣпила всѣхъ, а смотрѣла только на меня. Я одинъ понималъ эти взгляды и эти двусмысленныя слова. Проводники съ криками радости посадили ее на колеблющіяся кресла съ ступеньками, что служатъ сѣдламъ савойскимъ женщивамъ. Я шелъ пѣшкомъ за лошакомъ съ звонкими колокольчиками, который несъ ее въ этотъ день къ самымъ высокимъ измамъ горной площадки.

Мы провели цѣлый день почти не говоря: мы уже безъ словъ совершенно понимали другъ друга. То мы любовались блестящей шамберійской долиной, какъ-будто углублявшейся и расширявшейся по-мѣрѣ того какъ мы выше поднимались; то останавливались у каскадовъ, которыхъ пыль, расцвѣченная солнцемъ, обвивала насъ струистой радугой, казавшейся намъ сверхъестественной рамкой и таинственнымъ вѣнцомъ нашей любви; то мы срывали послѣдвіе цвѣты на покатыхъ лужайкахъ изъ, разбѣивались ими какъ понятными только для насъ однихъ буквами благоуханной азбуки природы; то поднимали каштаны, забытые на землѣ, чистили ихъ, чтобы сварить вечеромъ на огнѣ ея каминна; то садились подь послѣдними горными избушками, уже оставленными ихъ обитателями, говорили другъ другу

какъ были бы счастливы такіе два существа какъ мы, брошенныя судьбою въ одну изъ этихъ пустынныхъ лачужекъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ древесныхъ сучьевъ и досокъ, по близости звѣздъ, при шумѣ вѣтра въ еляхъ, при содроганіи льду и сѣговъ, отдѣленные отъ людей пустыней одиночества, и наполняющіе только собою жизнь, налитую въ разливъ однимъ чувствомъ!

Вечеромъ мы медленно воротились, и грустно взглянули другъ на друга, какъ будто навсегда оставили наши владѣнія и счастье за нами. Она ушла въ свою комнату, я остался ужинать съ хозяевами и жильцами. Послѣ ужина я, по условію, постучался въ ея дверь. Она приняла меня какъ друга дѣтства послѣ долгаго отсутствія. Съ этихъ поръ я проводилъ съ ней всѣ дни, всѣ вечера. Обыкновенно находилъ я ее на диванѣ, обитомъ бѣлымъ холстомъ, въ углу между окномъ и каминомъ: на небольшомъ столѣ горѣла мѣдная лампа, лежали книги, письма, полученные или начатыя; днемъ, чайный ящичекъ краснаго дерева, подаренный мнѣ при отъѣздѣ, и который съ того времени не оставалъ болѣе моего каминна, и двѣ чашки голубаго и розоваго китайскаго фарфору, въ которыхъ мы пили чай въ полночь. Добрый старикъ докторъ обыкновенно входилъ со мною поговорить съ своей больной, но черезъ полчаса этотъ превосходный человѣкъ, примѣтивъ, что мое присутствіе способствуетъ болѣе чѣмъ его совѣты и ванны къ возстановленію здоровья, столь драгоценнаго для всѣхъ, оставлялъ насъ однихъ съ нашими книгами и разговорами. Въ полночь я цѣловалъ руку, протянутую мнѣ черезъ столъ, уходилъ въ свою комнату, и ложился только тогда, когда у ней не слышно было никакого шума.

Мы вели еще вмѣстѣ пять и долгихъ и короткихъ недѣль эту искривленную, восхитительную жизнь вдвоемъ; долгихъ, если я перешелъ къ безчисленнымъ трепетаніямъ блаженства, которыя онѣ пересчитали въ нашихъ сердцахъ; короткихъ, если подумаю о быстрой незамѣтности наполнявшихъ ихъ часовъ! Казалось, что по тому чуду природы, которое возобновляется одинъ разъ въ десять лѣтъ, осень, соучастница нашего счастья, согласилась съ нами, чтобы продолжить его. Весь октябрь и большая половина ноября походили на воскресшую весну зимы, забывшей только листья въ могилахъ. Вѣтеръ былъ теплый, воды голубые, ели зеленныя, облака розовыя, солнце блестящее. Только дни были коротки; но длинные вечера у теплаго пепла ея каминна болѣе сближали насъ. Они ставили насъ исключительно другъ передъ

другомъ, мѣшали взглядамъ и душѣ испаряться въ блескъ вѣшной природы. Мы предпочитали ихъ длиннымъ лѣтнимъ днямъ. Нашъ блѣскъ былъ въ насъ самихъ. Мы чувствовали его сильнѣе, запираясь въ комнаты въ продолженіи вечернихъ и ночныхъ нолбрскихъ сумерекъ, при звукѣ перваго паденія инея или снѣгу въ стекла оконъ, при стenanіяхъ осенняго вѣтру; этотъ дождливый вѣтеръ казалось отталкивалъ насъ въ самихъ себя и кричалъ намъ: «сѣшите пересказать другъ другу все, что никогда не было высказано вашими сердцами, и все, что должно быть сказано, прежде чѣмъ мужчина и женщина умрутъ, потому что я — глазъ тѣхъ приближающихся ненастныхъ дней, которые разлучать васъ».

Мы постепенно посѣтили вмѣстѣ всѣ бухты, всѣ волны, всѣ вески озера, всѣ вершины, всѣ хребты, всѣ ущелья, всѣ тайныя долины, всѣ гроты, всѣ каскады, сжатые между разсѣдками савойскихъ скалъ. Мы видѣли болѣе величественныхъ и прелестныхъ мѣстъ, таинственныхъ уединеній, очаровательныхъ пустынь, домиковъ, висящихъ между безднами и облаками на выдающихся карнизахъ горъ, болѣе садовъ, молочно-бѣлнстыхъ водъ на покатыхъ лугахъ, еловыхъ и каштановыхъ лѣсовъ, открывавшихъ мрачную колоннаду взорамъ и отражавшихъ звукъ нашихъ голосовъ подъ ихъ сводами, чѣмъ сколько бы нужно было для того, чтобы укрыть цѣлый міръ любовниковъ! На каждомъ изъ этихъ мѣстъ мы оставляли по вздоху, по восторгу, по благословенію. Мы молили ихъ вслухъ или тихо, сохранить воспоминаніе о часѣ, проведенномъ нами вмѣстѣ, о мысляхъ, которыя они намъ внушили, о воздухѣ, который вдыхали въ насъ, о каплѣ воды, выпитой изъ пригоршня, о листѣ или цвѣткѣ сорванномъ нами, о слѣдахъ нашихъ ногъ, напечатлѣнныхъ на влажной травѣ, и возвратитъ все это намъ когда нибудь съ частичкой бытія, оставленной здѣсь во время проходу и отдыха, чтобы не потерять ни капли блаженства, переполюявшаго наше сердце и чтобы опять отыскать всѣ эти минуты, всѣ восторги, всѣ эти теченія существа вашего въ вѣрное хранилище вѣчности, гдѣ все опять отыщется, и это дыханіе, которое излетѣло изъ груди и эта минута, которую считаешь невозвратно потерянною. Можетъ-быть никогда со времени сотворенія этихъ озеръ, потоковъ, гранитовъ, столь нѣжные и пылкіе гимны не возносились къ Богу съ этихъ горъ! Въ нашихъ душахъ было довольно жизни и любви, чтобы оживить всю эту природу, воды, небо, землю, скалы, деревья, кедры и сосны, и заставить ихъ издать вздохи, по-

рывы, объятія, голюса, крики, благоуханіе, п.мчя, способное наполнить цѣлое святилище природы еще обнярнѣе и безмолвнѣе той, гдѣ мы блуждали. Если бы земной шаръ былъ созданъ для насъ однихъ, насъ однихъ достало бы, чтобъ населить, оживотворить его, придать голосъ, слова, благословеніе и любовь на цѣлую вѣчность! Пусть скажутъ послѣ этого, что душа человѣческая не безконечна! Кто же чувствовалъ границы своему бытію, своему могуществу существовать и любить, возлѣ обожаемой женщины, въ виду природы и времени, подъ взоромъ Бога? О, любовь! пусть трусы тебя боятся, а злые изгоняютъ! Ты жрица этого міра, оракулъ безсмертія, огонь жертвенника! безъ твоего сіянія человѣкъ не догадался бы о вѣчности!

Эти шесть недѣль были для меня огненнымъ крещеніемъ, оно преобразовало душу, очистило отъ пятенъ, грязнѣвшихъ ее до тѣхъ поръ. Любовь была факеломъ, который зажегъ меня и освѣтилъ мнѣ вдругъ природу, міръ, самого меня и небо. Я позналъ ничтожество этого міра, увидѣвъ какъ онъ исчезалъ передъ одной искрой истинной жизни! Я краснѣю за самого себя, смотрѣя въ прошедшее и сравнивая себя съ чистотою и совершенствомъ той, кого я любилъ. Я входилъ въ небо душъ, проникая глазами и сердцемъ въ это море красоты, чувствительности, чистоты, грусти и любви, открывавшихся частъ отъ часу болѣе въ глазахъ, въ голосѣ, въ разговорѣ небеснаго созданія, явившагося мнѣ! Сколько разъ я становился передъ нею на колѣна, прижавъ голову къ травѣ, въ положеніи и съ чувствомъ обожанія! Сколько разъ просилъ я ее, какъ просить существо другой сущности, вымыть меня въ ея слезахъ, сжечь въ пламени, вдохнуть въ дыханіи, чтобы во мнѣ не осталось ничего моего, кромѣ чистой воды, которою она вымыла меня, небеснаго огня, которымъ сожгла, новаго дыханія, которымъ оживила новое бытіе мое! чтобы я сдѣлался ею, или чтобы она сдѣлалась мною, и чтобы само небо не могло ни узнать ни раздѣлить то, что чудеса любви преобразовали и смѣшали!... О! если у васъ есть братъ, сынъ или другъ, который никогда не повялъ добродѣтели, молитте небо, чтобы оно внушило ему такъ любить! Показѣсть онъ любить, онъ будетъ способенъ ко всякой преданности, ко всякому героизму, чтобы сравняться съ идеаломъ своей любви. А когда онъ перестанетъ любить, въ душѣ его останется навсегда отзвукъ вкуса небесной сладости, отъ которой ему опротивитъ воды порока, и взглядъ, тайно поднятый къ источнику, откуда ему дали однажды надѣться!

Не могу сказать какъ я стыдился самого себя въ присутствіи той, которую любилъ! но упреки ея были такъ нѣжны, но взгляды, хотя пронизательныя, такъ сладостны, но прошеніе такъ божественно, что смиряясь передъ нею я не чувствовалъ себя униженнымъ, но возстановленнымъ и возвышеннымъ. Я воображалъ даже, что чувствую какъ во мнѣ самомъ распускаются чистота и великолѣпіе, которыя ея сіяніе только отражало на мнѣ. Я безпрестанно сравнивалъ ее невольно съ другими женщинами, которыхъ случилось мнѣ встрѣчать! Исключая Антонины, являвшейся мнѣ какъ простодушное дѣтство Юліи, исключая моей матери, на которую она походила святостью и зрѣлостью, никакая женщина не выдерживала въ моихъ глазахъ ни малѣйшаго сближенія. Одинъ изъ ея взглядовъ набрасывалъ иракъ на всю остальную мою жизнь. Разговоры ея открывали мнѣ глубину, пространство, деликатность, изящество, божественность чувства и страсти, переносившія меня въ невѣдомыя области, гдѣ я воображалъ дышать въ первый разъ роднымъ воздухомъ моихъ собственныхъ мыслей. Все чтò было во мнѣ легкомысленнаго, тщеславнаго, ребяческаго, сухаго, проническаго или ѣдкаго въ умѣ, въ продолженіи дурныхъ годовъ юности исчезло до такой степени, что я не узнавалъ самого себя. Разставаясь съ нею, я чувствовалъ себя добрымъ, воображалъ чистымъ, находилъ степень восторгъ, мольбу, внутреннюю набожность, горячія слезы, которыя текутъ не изъ глазъ, а восходятъ какъ источникъ, скрытый въ глубинѣ нашей наружной сухости, и омываютъ сердце, не растлѣвая его. Я общался никогда не сходить съ этихъ небесныхъ, но не голово-кружителейъ высотъ, куда ея нѣжныя упреки, голосъ, одно присутствіе были способны возносить меня. Словно вторичную дѣвственность души пріобрѣталъ я подъ лучами вѣчной дѣвственности любви ея. Я не могъ сказать, было ли болѣе набожности чѣмъ обаянія въ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ отъ нея, до того страсть и обожаніе смѣшивались тутъ поровну и измѣняли въ мысляхъ моихъ тысячу разъ въ одну минуту любовь въ поклоненіе и поклоненіе въ любовь! О! не послѣдняя ли это вершина любви: восторгъ въ обладаніи совершенной красотою и сладость въ высочайшемъ обожаніи?... Все чтò она сказала казалось мнѣ вѣчнымъ, все на чтò она взглянула священнымъ. Я завидовалъ землѣ, по которой она ступала; лучи солнца, окружавшіе ее въ прогулкѣ, казались мнѣ счастливы, что дотронулись до нея. Мнѣ бы хотѣлось отдѣлать его навсегда отъ волиъ воздуху, и собрать воздухъ, который разсѣвала

она передо мною своимъ дыханіемъ; я бы хотѣлъ оправить въ раму пустое мѣсто, которое оставляла она въ пространствѣ, удаляясь для того, чтобы никакая тварь ниже ея совершенствомъ не заняла его никогда, пока земля существовать будетъ! Наконецъ я видѣлъ, чувствовалъ, обожаю все сквозь этотъ кумиръ моей любви!.... Если бы жизнь продолжалась въ подобномъ состояніи души, природа остановилась бы, кровь перестала бы течь, сердце забыло бы биться, или скорѣе же было бы ни движенія, ни замедленія, ни утомленія, ни стремительности, ни смерти, ни жизни въ нашихъ чувствахъ; была бы только вѣчная и живая окаменѣлость всего существа нашего въ другомъ существѣ. Это состояніе должно походить на состояніе души вмѣстѣ и уничтоженной и живущей въ Богѣ!

Какое счастье! Низкія желанія чувственной страсти уничтожились — потому что она такъ хотѣла — въ полномъ обладаніи души одного другамъ. Счастіе дѣлало меня, какъ это бываетъ всегда, добрѣе и религіознѣе чѣмъ прежде, и это счастье, единеніе вдвоемъ — Эдемъ нѣжныхъ душъ, — открытіе, дѣлаемое ею каждый день въ моей мысли какой нибудь разоблаченной бездны, соответственной таинствамъ собственной души ея; осенній воздухъ въ горахъ, которыя сохраняютъ, какъ печи нагрѣтыя дѣтотъ, теплоту солнца даже возлѣ снѣговъ; отдаленныя прогулки къ избушкамъ и на водѣ; качаніе въ лодкѣ или на спицѣ лошаковъ, похожее на колебаніе легкихъ и долгихъ морскихъ волнъ, пѣнистое молоко, приносимое къ ней утромъ и вечеромъ въ буквыхъ чашахъ, изваянныхъ пастухами, а болѣе всего этотъ сладостный восторгъ, этотъ тихій бредъ, это непрерывное головокруженіе души, которую первая любовь поднимаетъ съ земли, какъ на крыльяхъ и водить отъ мыслей къ мыслямъ, отъ мечты къ мечтѣ, по новому небу, въ безпрестанномъ развеселеніи сердца; все это очевидно возстановляло ея здоровье. Съ утра до вечера она молодѣла. Какъ будто выздоровленіе души сообщалось чертамъ. Лицо ея, немного измятое вначалѣ, вокругъ глазъ, этия тусклыми или синеватыми пятнами, похожими на отпечатокъ пальцевъ смерти, принимало полноту щекъ, жаръ крови, свѣжесть цвѣта, бархатистый пушокъ молодой дѣвушки, долго ходившей по горамъ, гдѣ щеки ея щипалъ первый холодный вѣтеръ ледниковъ; вѣки потеряли тяжесть, глаза тѣнь, губы складки. Взоръ безпрестанно плавалъ въ блестящемъ туманѣ души; паръ жгучаго сердца, сгустившійся на глазахъ, въ слезахъ, непрерывно поднимающихся, но изсушенныхъ этимъ самымъ огнемъ,

онѣ не текутъ никогда! Наружность ея принимала силу, движенія гибкость, шаги легкость и живость ребенка. Каждый разъ когда она возвращалась со мною съ прогулокъ по двору, старый докторъ съ семействомъ вскрикивали отъ чудной перемены, произведенной одними сутками въ ея здоровьи и отъ сіянія юности и жизни, которыми она ослѣпляла.

Въ самомъ дѣлѣ счастье какъ будто имѣло лучи и разсыпало вокругъ нея атмосферу, которая обвивала ее и тѣхъ, кто на нее смотрѣлъ. Эта лучезарность красоты, эта атмосфера любви не совсѣмъ, какъ думаютъ, одно только воображеніе поэтовъ. Поэтъ видитъ лучше то чтó ускользаетъ отъ ослѣпленныхъ или разсѣянныхъ взглядовъ толпы. Объ одной предственной дѣвухкѣ часто говорилъ, что она освѣщала ночную тѣмноту. Объ Юліи можно было сказать, что она согрѣвала воздухъ вокругъ себя. Я ходилъ, жилъ, обвитый теплымъ испареніемъ обновляющейся красоты ея, другіе чувствовали это мимоходомъ.

Когда я возвратился въ комнату, я чувствовалъ себя даже въ полдень какъ бы въ тюрьмѣ безъ воздуха и безъ свѣту. Самое блестящее солнце уже не освѣщало меня, если не отражалось въ глазахъ моихъ черезъ нее. Чѣмъ болѣе я ее видѣлъ, чѣмъ болѣе приходилъ отъ нее въ восторгъ, тѣмъ менѣе могъ думать, что это существо одинакой натуры со мной. Я искалъ для нея имени, не находилъ, и назвалъ ее тайвой! Подъ этимъ неопредѣленнымъ и неяснымъ именемъ я воздавалъ ей поклоненіе, связывавшееся съ землею, нѣжностью, — съ мечтой, восторгомъ, — съ дѣйствительностью, присутствіемъ, — съ небомъ, обожаніемъ!

Она наконецъ вышудила меня признаться, что я писалъ иногда стихи, но я никогда ихъ не показывалъ ей. Впрочемъ она не слишкомъ любила эту искусственную и условную форму языка, которая если не идеализируетъ, то портитъ простоту чувства и впечатлѣнія. Характеръ ея былъ слишкомъ быстръ, слишкомъ глубокъ и серьезенъ, чтобы подчиниться условіямъ, очеркамъ и длиннотамъ писанной поэзіи. Она сама была поэзія безъ лиры. Откровенная какъ сердце, простая какъ первое слово, мечтательная какъ ночь, сіяющая какъ день, быстрая какъ молнія, безграничная какъ пространство. Душа ея была безконечной гаммой, которую никакая просодія не могла бы положить на ноты, голосъ — непрерывнымъ пѣніемъ, съ которымъ не могла сравниться никакая гармонія стиховъ. Если бы я долго прожилъ съ нею, я бы никогда не читалъ и не писалъ стиховъ. Она была для меня живой поэмой природы и меня самого. Мои чувства отзыва-

лись въ ея сердцѣ, образы въ ея взглядахъ, мелодія въ голосѣ! Къ тому же матеріальная и ярко звонкая поэзія осемнадцатаго столѣтія и имперіи, поэзія, которой главнѣйшіе томы, какъ на-примѣръ, Деліль и Фонтанъ, находились въ ея комнатѣ, не годилась для насъ. Душа ея, рассказанная на мелодическихъ волнахъ тропика, была настоящее жерло скорби, думы и любви, которыхъ не могли бы выдохнуть всѣ голоса воздуха и воды. Она пыталась иногда читать при мнѣ эти книги и восхищаться ими на основаніи ихъ знаменитости, но отбрасывала ихъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ; они оставались глухи подъ ея руками, какъ оборванные струны, которыхъ звука напрасно добиваешься стуча по клавиатурѣ. Нота ея сердца звучала только въ моемъ, но не могла ни какъ раздаться оттуда. Стихи, которыми она вдохновила меня, раздались на ея могилѣ. До смерти она не знала, кого любила. Я былъ для нея братомъ. Ей не было нужды до того, что я былъ поэтомъ для всѣхъ. Моего въ любви моей не было ничего, кромѣ меня самого.

Только однажды я невольно открылъ ей слабый поэтический даръ, который она была далека подозрѣвать или желать во мнѣ. Другъ мой Людовикъ пріѣхалъ провести нѣсколько дней съ нами. Вечеръ проходилъ до полночи въ чтеніи, въ дружескихъ разговорахъ, въ мечтаніяхъ вслухъ, въ грусти, въ улыбкахъ. Мы удивлялись этимъ тремъ юнымъ судьбамъ, незадолго неизвѣстныхъ другъ другу, а теперь упріютившимся и слившимся въ одно торжество подъ одной кровлей, у одного камина, при шумѣ одной и той же осенней бури въ долинѣ савойскихъ горъ: мы старались прозрѣть, какой игрой случая одинъ и тѣ же вѣтры жизни насъ разговяютъ или примчатъ снова къ одной точкѣ. Эти взгляды на горизонтъ нашей жизни наконецъ стали печалить насъ. Мы оставались безмолвными, облокотясь на чайный столикъ. Однажды Людовикъ, который былъ поэтъ, почувствовалъ, что въ душѣ зазвучала грустная нота и хотѣлъ записать ее. Она дала ему карандашъ и бумагу. Онъ написалъ на мраморномъ каминѣ нѣсколько жалобныхъ и смоченныхъ слезами строкъ, какъ погребальныя строфы *Жильбера*; онъ походилъ на Жильбера и написалъ бы эти строфы, которыя проживуть столько же, какъ стованія Іова на языкѣ людей:

Au banquet de la vie, infortuné convive,
 J'apparus un jour, et je meurs,
 Je meurs, et sur ma tombe, où lentement j'arrive,
 Nul ne viendra verser des pleurs!

Стихи Людовика растрогали меня. Я взялъ карандашъ изъ его рукъ, удалился въ глубину комнаты и написалъ стихи, которые умрутъ со мною и не будутъ узнаны ни кѣмъ; первые стихи, вышедшіе изъ сердца, а не изъ воображенія. Я прочелъ ихъ, не смѣя поднять глазъ на ту, къ которой они обращались. Вотъ они, но нѣтъ вычеркиваю ихъ; весь мой гевій былъ въ любви, и исчезъ вмѣстѣ съ нею.

Окончивъ чтеніе этихъ стиховъ, я увидѣлъ на лицѣ Юліи, освѣщенной отблескомъ лампы, выраженіе удивленія, столь нѣжнаго, красоты столь сверхъестественной, что я оставался въ неизвѣстности, какъ мои стихи говорили, между ангеломъ и женщиной, между любовью и колѣнопреклоненіемъ. Последнее чувство одержало верхъ въ душѣ моей и моего друга. Мы упали на колѣна передъ диваномъ и поцѣловали кончикъ черной шали, закрывавшей ея ноги. Эти стихи показались ей только мгновеннымъ и отдѣльнымъ изліаніемъ чувства, которое я питалъ къ ней. Она похвалила ихъ, но никогда не упоминала о нихъ болѣе. Она лучше любила наши естественные разговоры, даже мечтательное безмолвіе возлѣ другъ друга, чѣмъ эту игру ума болѣе оскверняющую, чѣмъ выражающую душу. Людовикъ оставилъ насъ черезъ нѣсколько дней.

Послѣ первыхъ стиховъ, слабой строфы непрерывнаго сердечнаго гимна, она просила меня написать оду; она хотѣла послать ее, какъ дань восторгу и пробу моего таланта одному парижскому знакому, котораго очень уважала и любила. Это былъ епископъ де-Бональдъ. Я зналъ только его фамилію и славу философскаго законодателя, которая справедливо окружала его имя. Я написалъ эту оду въ одну ночь, и прочелъ ее утромъ, подъ горнымъ каштановымъ деревомъ, той, которая вдохновила ее. Она заставила прочесть ее три раза и вечеромъ списала своей легкой, но твердой рукой. Почеркъ ея скользилъ какъ тѣнь крыльевъ мысли на бѣлой бумагѣ, съ быстротою, изяществомъ, ясностью полета птицы въ воздухѣ. На другой день, она отослала оду въ Парижъ. Епископъ де-Бональдъ далъ ей благовѣщій отзывъ о моемъ талантѣ. Это было началомъ моихъ сношеній съ этимъ превосходнымъ человекомъ, котораго характеру я удивляюсь, и котораго люблю съ тѣхъ поръ, не раздѣляя его мнѣній. Мое присоединеніе къ его символамъ, еще неизвѣстнымъ мнѣ, было угожденіемъ любви, послѣ оно было данью добродѣтели. Но епископъ де-Бональдъ былъ, подобно де-Местру, однимъ изъ тѣхъ прорицателей прошедшаго, однимъ изъ тѣхъ стар.

цвѣтъ, согбенныхъ идеями, передъ которыми преклоняешься съ благоговѣніемъ. Сидя на порогѣ будущаго, они не хотятъ войти туда, и только остаиваются на короткое время послушать чудные стоны мыслей и дѣлъ, умирающихъ въ человеческомъ умѣ!

Это не была уже осень, а пріятная зима, еще освѣщенная и согрѣваемая по временамъ солнцемъ, выказывавшимся изъ облаковъ. Мы еще обманывали себя и говорили, что это осень. Намъ такъ страшно было узнать зиму, которая должна была разлучить насъ! Снѣгъ часто падалъ утромъ легкими бѣлыми пятнами на бенгальскія розы и сухоцвѣтъ въ саду, какъ бѣлый пухъ съ лебедей, слившихся ночью на небесахъ, гдѣ мы видѣли, какъ они разсѣкали воздухъ. Въ полдень снѣгъ таялъ отъ солнца, на озерѣ часто бывали восхитительные часы. Движеніе и дыханіе водъ охлаждали, отражая ихъ, послѣдніе лучи года. Фиговыя деревья, повисшія со скалъ, расположенныхъ къ югу на волнахъ, прикрытыя бухтами, сохраняли еще широкіе листья. Отраженіе солнца еще придавало этимъ скаламъ цвѣтъ, блескъ и теплоту лѣтнихъ вечеровъ. Только часы эти были быстры какъ бѣгъ веселья, которыя катали насъ возлѣ свѣтлыхъ, подводныхъ камней, образующихъ берегъ озера къ югу. Свѣтъ солнца, скользящій по елямъ, по зеленому мху, по зимнимъ птицамъ, богаче опереннымъ, богѣ рѣзвымъ и ручнымъ, чѣмъ весеннія, изобиліе и извилистая пѣна тысячи каскадовъ, которые распространяясь по наклоннымъ лугамъ, встрѣчаются въ оврагахъ, откуда съ журчаніемъ и звучными брызгами падаютъ съ высоты гладкихъ и черныхъ скалъ въ озеро; мѣрный шумъ веселья, жалобная борозда, проводимая ими, которая, казалось, разливалась на насъ, какъ-будто дружескій голосъ, скрытый подъ волнами, таинственныя стenanія, сопровождающія ихъ своими сожалѣніями; наконецъ сверхъестественная пѣга, которую ощущали мы въ этой свѣтлой и горячей атмосферѣ другъ возлѣ друга, отдѣленные отъ земли водяной бездною, обливали насъ по временамъ такимъ сладострастнымъ ощущеніемъ бытія, такой полнотой внутренней радости, такимъ изліяніемъ мира въ любовь, что выше этого блаженства нельзя было вообразить. Но къ нему примѣшивалось чувство сожалѣнія, что оно было при концѣ; каждый ударъ веселья отзывался въ нашихъ сердцахъ какъ шагъ дня, приближавшій насъ къ разлукѣ. Почему знать, не упадутъ ли завтра въ воду эти дрожащія листья? не покроется ли густымъ ложемъ снѣга этотъ мохъ, на которомъ мы сидимъ; не погребутся ли въ туманѣ приближающейся ночи,

въ океанѣ блѣднаго и мрачнаго неба эти блестящія скалы, это голубое небо, эта свѣтлая вода?

Глубокій вздохъ вырывался изъ груди при этихъ мысляхъ, мы предавались имъ оба въ одно время, не смѣя сообщить изъ опасенія вызвать несчастіе назвавъ его. О! кто не чувствовалъ въ жизни этого безпечнаго и, такъ сказать, безбудущнаго счастья, когда жизнь сосредоточивается въ одномъ часѣ, который хотѣлось бы сдѣлать вѣчнымъ, между тѣмъ какъ чувствуешь, что онъ ускользаетъ минута за минутой, прислушиваеся къ маятнику часовъ указывающаго секунды, смотря на стрѣлку, поглощающую часъ на циферблатѣ, привѣчая колесо кареты, котораго каждый оборотъ укорачиваетъ пространство, прислушиваеся къ шуму лодки, оставающей воду сзади и приближающей насъ къ берегу, гдѣ надо будетъ сойти съ неба мечтаній на холодный и жесткій берегъ сущестственности.

Однажды послѣ обѣда, когда мы восхитительно качались въ лодкѣ, на солнцѣ, въ спокойной и теплой бухтѣ, между двумя рукавами горы Кота, при отдаленномъ шумѣ небольшого каскада образовавшаго какъ бы непрерывное пѣніе подъ гротомъ, гдѣ онъ протекаетъ прежде чѣмъ теряется въ безднѣ воды, лодчики сошли на землю, чтобы взять сѣти, оставленные тамъ накануне. Мы остались одинъ въ лодкѣ, плохо привязанной веревкой къ вѣткѣ фиговаго дерева; качка согнула и сломала вѣтвь, увлекши насъ, такъ что мы этого не примѣтили, въ средину бухты въ трехъ стахъ шагахъ отъ перпендикулярныхъ скалъ, которыя обрамляютъ ее. Воды озера имѣли, въ этомъ мѣстѣ, бронзовый цвѣтъ, этотъ блескъ растопленнаго металла, который придаетъ имъ всегда отражающаяся тѣнь высокихъ утесовъ, соседство отвѣсныхъ скалъ, показывающихъ неизмѣримую глубину волнъ, въ ложѣ, которое никто не посмѣетъ измѣрить. Я могъ взять весло и приблизиться къ берегу; но удаленіе отъ всякой живущей природы придавало намъ восхитительную дрожь. Мы хотѣли бы такъ исчезнуть не на морѣ съ берегами, но на безбрежномъ горизонтѣ. Мы не слышали уже голосовъ лодочниковъ, которые шли вдоль по савойскому берегу и были скрыты отъ насъ мысами; до насъ доносилось только отдаленное и непрерывное вспѣиваніе каскада, нѣсколько порывовъ вѣтру, время отъ времени пробѣгавшихъ по неподвижному воздуху, съ гармоническимъ стеганіемъ елей и едва слышныя, незамѣтные удары волнъ по бокамъ лодки, которыя волновались только отъ движенія нашего дыханія.

Солнце и тѣнь горы раздѣлили по ровну нашу лодку, нощь былъ на солищѣ, корма въ полу-свѣтѣ. Я сидѣлъ у ногъ Юліи, на днѣ лодки какъ въ первый, день когда я привезъ ее изъ Отъ Комба. Мы наслаждались вызывая памятью и всѣми разными обстоятельствомъ тотъ день, ту таинственную и душевную эру, отъ которой міръ начался для насъ, потому что день этотъ былъ чи-слоиъ нашей встрѣчи и любви. Юлія лежала на скамейкѣ, свѣсивъ руку за бортъ, другою облокотилась на мое плечо и играя локонми моихъ длинныхъ волосъ; я откинулъ голову назадъ, чтобы изъ всего горизонта глазамъ видѣнъ былъ только сводъ небесный и ея лицо, рисовавшееся на голубомъ грунтѣ неба. Лицо ея было наклонено надъ моимъ, для созерцанія своего солнца въ моментъ чель, и своего свѣту въ моихъ глазахъ. Выраженіе счастья, спокойнаго, глубокаго, неизъяснимаго было разлито по всѣмъ ея чертамъ и придавало лицу блескъ и прозрачность души, достойныхъ той небесной рамки, въ которой я смотрѣлъ на нее съ обожаніемъ. Вдругъ я вижу, она блѣднѣетъ, приподнимается, закрываетъ рукою глаза и лицо, задумывается, молчитъ, потомъ отнимаетъ руки, омоченныя нѣсколькими каплями слезъ и вскрикиваетъ съ выраженіемъ ясной и спокойной рѣшимости: «О! умремъ!...»

Послѣ этого слова она оставалась съ минутою безмолвною, потомъ продолжала:

— О! да, умремъ, если землѣ нечего болше дать намъ, а небу обѣщать!

Она долго смотрѣла вокругъ на небо, на горы, озеро, на волны прозрачныя и полублестящія подъ тѣнью лодки.

— Видишь ли ты, сказала она, — въ первый и послѣдній разъ говоря со мною, она употребила этотъ торжественный или дружескій образъ выраженія, смотря потому къ Богу ли или къ людямъ обращаемся, — видишь ли ты какъ все приготовлено около насъ для божественнаго обморока нашей жизни? Посмотри на солнце одного изъ прелестнѣйшихъ нашихъ годовъ: оно закатывается, чтобы, можетъ-быть, не встать завтра; вотъ горы: онѣ глядятся въ послѣдній разъ въ это озеро и простираютъ до насъ длинныя тѣни и какъ бы говорятъ: «Погребитесь подъ протянутымъ вамъ саваномъ; вотъ чистыя, свѣтлыя, глубокія, безмолвныя волны: онѣ готовятъ намъ несчастное ложе, куда никто не придетъ ни разбудить насъ, ни сказать: «Пойдемъ». Ни одинъ человѣчскій взоръ насъ не видитъ. Никто не узнаетъ какую тайну пустая лодка выброситъ завтра на прибрежную скалу. Ни одна складка

воля не откроетъ любопытнымъ или равнодушнымъ то мѣсто, гдѣ два тѣла, обнявшись, ускользнуть подѣ волну; гдѣ двѣ души соединятся въ вѣчномъ зорѣ. Никакой звукъ не останется отъ насъ на землѣ кромѣ шума складки волны, которая закроется за нами!... О! умремъ въ этомъ объятіи души и природы, при которомъ мы почувствуемъ одно только сладострастіе смерти! После мы захотимъ умереть и умремъ, можетъ быть не такъ счастливыми! Я старѣе тебя нѣсколькими годами. Разница эта, незамѣтная теперь, увеличится со временемъ. Эта крошка прелести, въ моемъ лицѣ, что тебя обворожила, скоро завянетъ. Въ твоихъ глазахъ останется только воспоминаніе и изумленіе исчезнувшаго восторга. Къ тому же я могу быть для тебя только душою... ты почувствуешь необходимость другаго счастья.... я умру отъ ревности, если ты найдешь его съ другой женщиной.... умру отъ горести если увижу тебя несчастнымъ черезъ меня!... О! умремъ, умремъ! задушимъ эту сомнительную или зловѣщую будущность въ послѣднемъ вздохѣ, который, по-крайней-мѣрѣ, будетъ на губахъ нашихъ только чистѣйшимъ вкусомъ совершеннѣйшаго блаженства!...»

Душа моя шептала мнѣ въ ту же минуту и съ такой же силой, то, что губы ея говорили ушамъ, что лицо высказывало глазамъ, что природа торжественная, безмолвная, плачевная въ великолѣпнѣ послѣдняго часа, передавала мнѣ чувствамъ; такимъ образомъ, что оба голоса, которые я слышалъ, одинъ внутри, другой снаружи, повторяли мнѣ одни слова, какъ будто одинъ изъ этихъ голосовъ былъ только эхомъ или переводомъ другаго. Я забылъ всю вселенную и отвѣчалъ: «Умремъ!»....

Осемь разъ обвинялъ я около ея и моего тѣла, тѣсно соединенныхъ какъ въ саванѣ, рыбацки сѣти, попавшіяся мнѣ подѣ руку; поднималъ ее на рукахъ, оставленныхъ свободными и хотѣлъ броситься съ нею въ волны.... Въ эту минуту какъ порывъ ногъ моихъ готовъ былъ повергнуть въ пропасть насъ обоихъ, я почувствовалъ, что ея блѣдная головка опрокинулась, какъ тяжесть мертваго тѣла, на мое плечо, а тѣло осѣло на колѣна. Избытокъ волненія, счастье умереть вмѣстѣ, опередили самую смерть: она лишилась чувствъ въ моихъ объятіяхъ. Мысль воспользоваться ея обморокомъ, чтобы увлечь безъ вѣдома я можетъ быть противъ ея воли въ собственную мою могилу, овладѣла мною съ внезапнымъ ужасомъ. Я согнулся подѣ тяжестью на дно лодки, поспѣшилъ развязать веревки и положилъ ее на скамейку. Долго страхалъ я, руками смоченными въ озерѣ, капля холодной воды

со рта и съ губъ ея. Не знаю сколько времени оставалась она безъ чувствъ, безъ краски, безъ голоса. Когда я замѣтилъ, что она отарываетъ глаза и возвращается къ жизни, настала ночь и нечувствительная качка волнъ увлекла насъ на средину озера!

— Богъ не допустилъ, сказалъ я; мы живемъ; то что казалось намъ правомъ вашей любви, не было ли двойнымъ преступленіемъ? Развѣ у насъ нѣтъ никого, кому мы принадлежимъ на землѣ?... и никого на небѣ? прибавилъ я почтительно указывая взоромъ и рукою на твердь небесную, какъ-будто видѣлъ тамъ судью и властелина судебъ.

— Не будемъ говорить объ этомъ, сказала она скоро и шопотомъ; никогда не будемъ говорить! Вы захотѣли, чтобы я жила, я буду жить; я преступна не въ томъ, что желала умереть, а что хотѣла увлечь васъ съ собою.

Въ ея голосѣ и взглядѣ была какая-то горечь и какъ бы нѣжный упрекъ.

Когда въ жизни есть такіе часы какъ тѣ, которые мы провели вѣстѣ, я обожаю жизнь.

На этотъ разъ къ ней быстро возвратились и краска и спокойствіе. Я взялъ веслы и тихо привелъ лодку къ песчаному берегу. Тамъ слышались голоса лодочниковъ, которые зажгли огонь подъ скалой. Мы проѣхали озеро мечтая и возвратились домой въ безмолвіи.

Вечеромъ, войдя къ ней въ комнату, я нашелъ ее у стола въ слезахъ; нѣсколько распечатанныхъ писемъ валялись между чайными чашками.

— Мы бы лучше сдѣлали если бы умерли вдругъ, потому что для меня начинается долгая смерть разлуки, сказала она, указывая на письма съ женовскимъ и парижскимъ штемпелемъ.

Мужъ писалъ ей, что его начинаетъ беспокоить долгое отсутствіе ея въ такое время года, которое можетъ сдѣлаться суровымъ днемъ отъ дня, что онъ самъ слабѣетъ съ каждымъ мѣсяцемъ, и что желалъ бы обнять и благословить ее передъ смертию. Его грустная настойчивость приправлялась отеческими вѣжностями и веселыми намеками на красиваго брата, заставляющаго ее позабывать другихъ друзей. Другое письмо было отъ женовскаго доктора, который долженъ былъ отвезти ее въ Парижъ. Онъ писалъ ей, что принужденъ поспѣшно ѣхать къ владѣтельному германскому принцу, который проситъ его помощи, и что вмѣсто себя онъ посылаетъ ей почтеннаго и вѣрнаго челоуѣка, который проводить ее въ Парижъ и будетъ ей и ла-

кеемъ и разсылнымъ. Человѣкъ этотъ пріѣхалъ и отъѣздъ былъ назначенъ на другой день.

Извѣстія эти, хотя ожидаемыя каждый день, поразили насъ какъ-будто никогда не должны были случиться. Мы провели долгій вечеръ и почти половину ночи въ безмолвіи, съ сухими глазами, облокотившись другъ передъ другомъ на маленькій столикъ, не смѣя ни смотрѣть, ни говорить, изъ опасенія заплѣсть слезами, прерывая это долгое, безмолвное томленіе нашихъ мыслей только нѣсколькими отрывистыми и разсѣянными словами, произнесенными глухимъ голосомъ; эти слова отдавались въ комъ патъ какъ капли слезъ на гробъ. Я тотчасъ рѣшился также ѣхать.

Другой день былъ кавуизъ нашей разлуки. Утро, какъ бы пренебрегая намъ, встало блестяще и теплѣе чѣмъ въ самый лонный октябрьскій день.

Пока укладывали вещи, мы поѣхали на лошадкахъ и съ проводниками, въ долину и на горы проститься и какъ-бы расположить посты нашей любви по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы свачала увидались, потомъ встрѣчались, потомъ гуляли вѣстѣ, гдѣ сидѣли, разговаривали, любили, въ продолженіи долгаго и божественнаго сообщенія между этой удивенной природой и нами. Мы начали съ Трессервы, прелестнаго холма! Онъ возвышается какъ длинный бугоръ зелени, между эской долиной и озеромъ. Бока его отвѣсныя къ водѣ, покрыты каштановыми деревьями, достойными сицилійскихъ. Вѣтви ихъ, распростертыя надъ бездной, обрамляютъ небо или голубые кусочки озера, смотря по тому вверхъ или внизъ смотришь. На подернутыхъ мохомъ корняхъ этихъ красивыхъ деревьевъ, передъ которыми проходятъ молодые мужчины и женщины, болѣе всего мечтали мы въ наши часы созерцанія. Оттуда мы сошли по крутому скату къ небольшому уединенному замку, который называется *Вон роит*. Эта башня такъ закрыта со стороны земли трессервскимъ каштанникомъ, со стороны озера глубокими изгибами бухты, что съ трудомъ можно примѣтить и гуляя по холму и плавая на небольшомъ буржесскомъ морѣ. Терраса, покрытая нѣсколькими фиговыми деревьями, отдѣляетъ замокъ отъ песчанаго берега, гдѣ непрерывно умираютъ, пѣнась, лижутъ, лещутъ голубоватые язычки волнъ. О! какъ мы завидовали счастливымъ владѣльцамъ этого невѣдомаго людямъ гнѣзда, скрытаго между вѣтвями и водами, извѣстнаго только птицамъ озера, южнымъ вѣт-

рэмъ и солнцу! Мы тысячю разъ благословили его спокойствіе, и пожелаемъ укрыть такіа сердце какъ ваши!

Отъ Bon port мы возвратились, обогнувъ оконечность треесср-скаго холма, къ сѣверу на высокія горы возвышающіяся надъ шамберійской долиной въ Женевѣ. Мы увидѣли площадки, пастбища, хижины, закрытыя орѣшникомъ, вершины, устланныя дерномъ, гдѣ паслись телята. Колокольчики ихъ безпрестанно звенять, когда они ходять по травѣ, чтобы предостеречь пастуховъ, стерегущихъ ихъ издали. Мы подыались до послѣднихъ избушекъ. Ледяной зимній вѣтеръ сорвалъ уже тамъ верхи травъ. Мы припомнили восхитительныя часы, которые проводили тамъ, слова, которые произносили, планы совершеннаго отчужденія отъ свѣта, которые дѣлали, вздохи, которые вѣряли горному вѣтру и лучамъ, чтобы они передали ихъ небу. Мы призвали къ себѣ всѣ эти улетѣвшіе блаженныя и мирныя часы, всѣ слова, всѣ грезы, всѣ движенія, всѣ взгляды, всѣ стремленія, какъ изъ оставленаго дома берутъ все драгоценное. Мы мысленно погребли въ деревянныхъ стѣнахъ этихъ избушекъ, закрытыхъ до весны, всѣ эти сокровища, всѣ воспоминавія, всѣ надежды, какъ залогъ душъ нашихъ, чтобы найти ихъ неприкосновенныи по возвращеніи, если только намъ суждено было когда нибудь сюда возвратиться!

Мы сошли по широкимъ лѣсястымъ площадкамъ до пѣнистаго ложа каскада. Тамъ воздвигли небольшой надгробный памятникъ прелестной молодой женщины, мадамъ де-Брокъ. Эта несчастная жертва упала нѣсколько лѣтъ тому, увлеченная вихремъ воды, въ глубину грота, откуда пѣна принесла долгое время спуска ея бѣлое платье, почему и тѣло ея нашли. Любовники часто садятся возлѣ этой влажной могилы. Сердца ихъ сжимаются; руки сближаются при мысли, что отъ оступившаго скользкомъ камня зависить ихъ непрочное блаженство!

Отъ этого каскада, который называется теперь *Мадамъ де-Брокъ*, мы безмолвно пошли къ озеру. Съ подошвы замка *Свѣтаго Иннокентія* можно обозрѣть все его пространство. Тутъ мы сошли съ лошаковъ подъ высокую и нѣкогда еще уединенную дубраву дубовъ, разбросанныхъ и пересѣкаемыхъ верескомъ. Високаго богатый колонистъ, возвратившійся изъ Индіи, выстроилъ прелестный сельскій домъ и развелъ сады на родительскомъ участкѣ. Мы пустили разнузданныхъ лошаковъ пастись въ лѣсу подъ присмотромъ провожавшихъ пастъ ребятъ, и пошли одинъ отъ дерева къ дереву, отъ прогалины къ

прогалинѣ до той полосы земли, откуда блистало намъ озеро и слышалось журчаніе воды. Дубрава Святаго Иннокентія есть мысъ, выдающійся на средину волнъ въ самой печальной и необитаемой части берега. Онъ окапчивается у скалъ сѣрватаго граниту, омываемыхъ пѣной, когда вѣтеръ поднимаетъ ее, сухихъ и блестящихъ, когда воды спадаютъ. Мы сѣли каждый на одномъ изъ смѣжныхъ камней. Прямо противъ насъ, на другой сторонѣ озера, чернѣлось Отъ Конбское аббатство. Мы смотрѣли на небольшое бѣловатое пятно, блиставшее внизу мрачныхъ террасъ монастыря. Это былъ домъ рыбака, куда обонхъ насъ бросили волны, чтобы вѣчно соединить случайностью этой встрѣчи; это была комната, гдѣ протекла вмѣстѣ и печальная и божественная ночь, рѣшившая наши участи!

— Такъ! сказала она, простирая руку надъ озеромъ и указывая пальцемъ на свѣтлую точку, едва примѣтную вдаль и въ тѣни противоположнаго берега. Найдется ли мѣсто, востанетъ ли такой день, прибавила она грустно, когда воспоминаніе о происходившемъ между нами, въ эти бессмертные часы покажется вамъ только вдаль будущаго какъ это пятнышко на мрачномъ грунтѣ того берега?

Я не могъ отвѣчать на эти слова, до того выраженіе этого голоса, это сомнѣніе, открытая перспектива смерти, неостоятельна, непрочно, возможности забвенія, разбила мнѣ сердце и наполнила душу предчувствіемъ. Я залился слезами, но скрылъ ихъ рукой оборотившись къ вечернему вѣтру, чтобы онъ высушилъ ихъ незамѣтно на моихъ глазахъ! Но она увидала ихъ.

— Рафаэль, продолжала она вѣжливѣе: нѣтъ, вы никогда меня не забудете. Я это знаю, чувствую, но любовь коротка, а жизнь долговременна. Послѣ меня вы проживете много лѣтъ. Вы извѣдаете все, что есть въ природѣ сладостнаго, сильнаго, горькаго на губахъ человѣческихъ. Вы будете—человѣкъ! Я чувствую это по вашей чувствительности вмѣстѣ и мужественной и жественной. Вы будете человѣкъ! во всемъ ничтожествѣ и во всей величинѣ этого слова, которымъ нарекъ Богъ одно изъ самыхъ невыразимыхъ своихъ твореній! Въ каждомъ вздохѣ вашемъ доставеть силы на тысячу жизней! Вы будете жить во всей энергіи и во всей обширности этого слова: жизнь! А....

Она остановилась на минуту и, опустивъ голову, подвинула глаза и руки къ небу, какъ бы благодаря его.

— Я жила!.... довольно жила, продолжала она довольнымъ голосомъ, когда продышала столько, что вздохнула, и могу уве-

сти съ собою безвозвратно навѣяніе единственной души, которой ждала я на землѣ, души способной оживотворить меня въ самой смерти, изъ холоду и тьмы которой вытянули вы меня, вдыхая воздухъ въ грудь мою!.... Я умру въ юности и умру теперь безъ сожалѣнія, потому что истощила въ одномъ дыханіи эту жизнь, которую вы не истощите, прежде чѣмъ эти прелестные темные локоны побѣлѣютъ какъ пѣна, орошающая ваши поги!

Это небо, этотъ берегъ, это озеро, эти горы были мѣстомъ дѣйствія моей настоящей жизни. Поклянитесь мнѣ до того смѣшать въ вашей памяти, это небо, этотъ берегъ, это озеро, эти горы, съ воспоминаніемъ обо мнѣ, чтобы образъ этого священнаго мѣста остался въ васъ отнынѣ неразлученъ съ моимъ собственнымъ образомъ; чтобы эта природа въ вашихъ глазахъ и я въ вашемъ сердцѣ составляли одно!.... чтобы, прибавила она, когда послѣ долгаго времени вы увидите эту вѣжскую и великолѣпную природу, сядете на берегу этихъ волнъ, станете прислушиваться къ вѣтру и журчанію, чтобы вы увидѣли и услышали меня присутствующую, живую и любящую какъ теперь!....

Она не могла кончить и также залилась слезами. О! какъ мы плакали! шумъ заглушаемыхъ рукою рыданій смѣшивался съ стечаніемъ воды на песокъ. Слезы наши образовали морщинки въ зеркалѣ стоячей воды у нашихъ ногъ. Черезъ двадцать лѣтъ я не могу писать объ этомъ не рыдая!

О, люди! не беспокойтесь объ вашихъ чувствахъ, не бойтесь, чтобы время унесло ихъ. Въ могущественныхъ отзывахъ памяти нѣтъ ни *сегодня*, ни *завтра*, а есть только *всегда*. Тотъ кто пересталъ чувствовать, не чувствовалъ никогда! Есть дѣйствительно: память чувствъ, которая притупляется вмѣстѣ съ чувствами и затериваетъ тлѣнныя вещи, и память души, для которой время не существуетъ, которая оживаетъ во всѣхъ пунктахъ прошедшаго и настоящаго ея существованія; способность души, у которой, такъ какъ у самой души, есть вседѣйственность, всемѣстность и безсмертность духа! Успокойтесь, любящіе: время имѣетъ только власть надъ часами, а не надъ душами.

Я хотѣлъ говорить и не могъ. Рыданія говорили, слезы клялись за меня. Мы встали, подошли къ поговщикамъ муровъ, и возвратились, при заходящемъ солнцѣ, длинной тепловатой аллеей, гдѣ Юлія такъ долго держала мою руку въ палачишѣ, продолживъ первой поѣздки, которую мы сдѣлали вмѣстѣ. Когда проходили длянное предмѣстье ливинъ, предшествующее городскимъ

воротамъ, влощадъ и горную улицу Эза, вѣтъ оконъ и съ порогами дверей найтъ кланялись печальнымъ лица, какъ вѣжливыя души вращаются съ двумя забодздалыми ласточками, оставающимися послѣ всѣхъ зубцы городскихъ стѣнъ. Бѣдныя женщины вставали съ каменной скамейки, гдѣ прями возѣ дому, дѣти оставали козъ и лошаковъ, которыхъ вели съ луговъ; всѣ обращались кто изглаголомъ, кто словомъ, кто безмолвнымъ поклономъ къ молодой барыни и къ тому, кого считали ея братомъ. Она была такъ хороша, такъ мила, такъ любима! Точно будто послѣдній лучъ года удалялся отъ долины!

Поднявшисъ изъ городъ, мы сошли съ лошаковъ и отпустили ребятшекъ. Не желая потерять ни одного часу изъ этого послѣдняго дня, который не совѣтъ еще угасъ на розовомъ свѣту Альповъ, мы медленно пошли одинъ по глубоко-прорытой дорогѣ, ведущей къ саду, расположенному въ видѣ террасы, одного хорошенькаго домика, называемаго *château Chevalier*. Съ этой террасы взоръ свободно обозрѣваетъ городъ, озеро, ронскіе хребты, площадки, ущелья и вершины альпійскаго пейзажа, которому это мѣсто служитъ какъ бы платформой, возвышающейся среди панорамы. Мы сѣли на древесный пенъ, лежавшій на землѣ, облокотились на парапетъ террасы и неподвижныя, безмолвныя, смотрѣли попеременно или вдругъ на различныя мѣста, наполняемыя нами впродолженіи шести недѣль нашими взглядами, словами, разговорами, мечтами вдвоёмъ и вздохами. Когда эти мѣста постепенно исчезли въ сумеркахъ и въ мракѣ; когда осталось только немного полунощнаго сіянія въ западномъ углу горизонта, мы оба вдругъ вскочили не стоворившись и убѣжали, оборачиваясь назадъ, словно невидимая рука изгнала насъ изъ Эдема, жестоко провѣдая шаги наши всею декорацией нашего счастья и пахнѣхъ любовныхъ упоеній.

Мы воротились домой; вечеръ былъ печаленъ. Я долженъ былъ провожать Юлію до Лона на козлахъ кареты. Когда стрѣлка ея карманныхъ часиковъ показала полночь, я ушелъ, чтобы дать ей время уснуть немного до утра. Она проводила меня до двери. Я открылъ ее.

— До завтра! сказалъ я, цѣлуя руку, протянутую мнѣ въ корридорѣ. Она ничего не отвѣчала, но я слышалъ какъ она рыдала прошептала сквозь зубы за запираемой мною дверью.

— Для насъ нѣтъ завтра!

Нѣтъ, ихъ было нѣсколько, но краткіе и горькіе какъ послѣднія капли опорожняющаго бокала. Мы поѣхали въ Шамберн до

развѣту, чтобы не показана при дневномъ свѣтѣ щека, побѣдѣвшихъ отъ безсонницы и глазъ, покрасѣвшихъ отъ слезъ. Мы провели тамъ ночь въ небольшой гостиницѣ итальянскаго предѣлѣ. Эта гостиница съ деревянной галлерей, выдававшейся изъ сада, пересѣзанной рѣчкой, на нѣсколько часовъ продолжала наши мечты, напоминая галлерию, уединеніе и безмолвіе нашего зскаго жилища.

Мы хотѣли, прежде чѣмъ оставимъ Шамбери и илгую его долину, поѣхать въѣсть домикъ Жанъ Жава Руссо и мадамъ де-Варенсъ aux Charmettes. Пейзажъ — только мужчина или женщина. Чтѣ Воклюзъ безъ Петрарки? чтѣ Соррента безъ Тасса? чтѣ Сицилія безъ Теокрита? чтѣ Параклетъ безъ Элоизы? чтѣ Авенъ безъ мадамъ де Варенсъ? чтѣ Шамбери безъ Жанъ Жава Руссо? небо безъ лучей, голосъ безъ эха, мѣсто безъ души! Человѣкъ оживаетъ не только человекъ, но и нѣкую природу. Одно бессмертіе онъ унести съ собой въ небо, другое оставить въ освященныхъ нѣтъ мѣстахъ. Отъскывая его слѣды, нѣтъ находимъ и какъ будто дѣйствительно разговариваешь съ нѣтъ!

Мы взяли съ собою томъ «Исповѣди», въ которомъ шарлоттскій поэтъ описываетъ это сельское убѣжище. Руссо бросилъ туда перья прератности судьбы, и приняли объятія молодой, прелестной женщины, прошедшей черезъ случайности и крушенія подобно ему. Эту женщину природа создала какъ будто нарочно изъ добродѣтели и слабости, чувствительности и вольности, смиренія и гордости, чтобы заставить вылупиться юности этого страннаго генія, въ душѣ котораго содержался вѣтъ мудрецъ, любовникъ, философъ, законодатель и безумецъ. Въ рукахъ другой женщины, разцвѣта можетъ быть советъ другая жизнь. Въ мужчинѣ встрѣчаешь всегда первую, любимую нѣтъ женщину. Счастливъ тотъ кому бы попалась мадамъ де-Варенсъ до ея посрамленія. Это былъ идолъ чудесный, но уже оскверненный. Она сама увидѣла поклоненіе, воздаваемое ей душой новой и любящей. Любовь этого юноши и этой женщины — страница изъ *Дафниса и Хлои*, вырванная изъ книги и найденная на чистомъ прелестницы.

Чтѣ нужды; это была первая любовь или первый бредъ этого юнаго красавца. Мѣсто, гдѣ родилась эта любовь, бесѣдка гдѣ Руссо сдѣлалъ первое признаніе, комната, гдѣ онъ покраснѣлъ отъ перваго волненія; дворъ, гдѣ ученикъ гордился нисхожденіемъ къ самымъ низкимъ работамъ, которыми выслуживала

объ любовницъ въ лицѣ покровительницы; разбросанные кашти новыя деревья, въ тѣни которыхъ они сидѣли вмѣстѣ и говорили о религіозныхъ предметахъ, перебивая ихъ ребяческими ласками; два эти личика такъ хорошо обрамленныя въ этотъ пейзажъ, такъ хорошо сливающіяся съ этой дикой, удлинненной и таинственной какъ они, природой; все это имѣетъ для поэтовъ, для философовъ, для любовниковъ, скрытую но глубокую привлекательность. Ей отдаешься безотчетно. Для поэтовъ это первая страница души, которая была поэмой; для философовъ — колыбель переворота; для любовниковъ — гнѣздо первой любви.

Мы шли, разговаривая объ этой любви, по кремнистой тропинкѣ въ глубинѣ оврага, что ведетъ aux Charmettes. Мы были одни. Даже пастухи оставили сухія лужайки и безлюдный штгородъ. Солнце блеснуло сквозъ нѣсколько быстрыхъ облаковъ. Лучи, сосредоточенныя въ прикрытыхъ бокахъ оврага, были тамъ гораздо жарче; плетовки порхали въ кустарникахъ почти у насъ подъ руками. Мы останавливались время отъ времени и сидѣли на вытертой травѣ тропинки, чтобы прочесть одну или двѣ страницы «Исповѣди» и слиться, такъ сказать, въ одно съ мѣстоположеніемъ.

Мы видѣли какъ юный странникъ, почти въ ломотьяхъ, стучится у двери въ Аниси, и краснѣя подаетъ рекомендательное письмо прелестной затворницѣ, въ пустынной тропинкѣ, ведущей отъ дому къ церкви. Молодой человекъ и юная затворница такъ живо намъ представлялись, что казалось будто они ждутъ насъ, будто мы ихъ увидимъ въ окно или въ садовой аллеѣ aux Charmettes. Потому мы опять пускались въ путь и опять останавливались. Мѣсто это вмѣстѣ и привлекало и отталкивало насъ, какъ мѣсто, гдѣ любовь была открыта и осквернена. Для насъ оно не имѣло этой опасности. Мы должны были вѣчно вспоминать о немъ столь же чистымъ и божественнымъ какъ носили въ нашихъ душахъ.

— О! говорилъ я внутренно: если бы я былъ Руссо, чего не сдѣлала бы изъ меня эта другая мадамъ де Варенсъ, которая столько же выше шарметской, сколько я самъ ниже Руссо не чувствительностью, но гениемъ?

Мы шли по круто вклонной тропинкѣ, обсаженной тамъ и сямъ старыми орѣховыми деревьями. На расплетающихся по почвѣ корняхъ этихъ деревъ нѣкогда играли любовники. На право, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье сжимается, какъ-бы совершенно закрываясь для прохожаго, на террасѣ изъ дикихъ, дурно сколо-

ченыхъ камней, стоитъ домъ мадамъ де Варенсъ. Это небольшое кубическое строеніе съ дверью и двумя окнами и со стороны террасы, и со стороны сада; наверху три низкія комнаты, въ уровень съ землей большая зала, безъ мебели, съ портретомъ мадамъ де Варенсъ въ молодости. Прелестное личико ея, сквозь пыль закопчелаго полотна, блеститъ красотой, мечтательностью и веселостью. Бѣдняжка! если бы она не встрѣтила этого мальчика, шатавшагося на большой дорогѣ, если бы не открыла ему дверей и сердца, этотъ чувствительный и страдающій геній заглохъ бы въ грязь. Встрѣча эта похожа на случайность, но она была назначеніемъ этого великаго человѣка подъ наружностью первой любовницы. Эта женщина спасла его, образовала, воспламенила въ уединеніи, въ свободѣ, въ любви, какъ эти гуріи Востока, что приготовляютъ изступленныхъ мурдовъ сладострастіемъ къ страдальческой смерти. Она придала ему мечтательное воображеніе, женственную душу, вѣжнѣйшій голосъ, страсть къ природѣ. Сообщивъ ему свою мечтательную душу, она внушила восторгъ къ женщинамъ, къ молодымъ людямъ, къ любовницамъ, къ бѣднымъ, къ угнетеннымъ, къ несчастнымъ своего вѣка. Она дала ему цѣлый міръ, а онъ заплатилъ ей неблагодарностью!... Она доставила ему славу, а онъ завѣщалъ ей позоръ!... Но потомство должно быть благодарно за нихъ и простить слабость, доставившую намъ генія. Когда Руссё писалъ гнусныя страницы о своей благодѣтельницахъ, онъ не былъ уже Руссё, а жалкій безумецъ. Кто знаетъ? можетъ быть его большое и помутившееся воображеніе, заставлявшее его видѣть обиду въ благодареніи, ненависть въ дружбѣ, также представило ему прелестницу въ чувствительной женщинѣ и цинизмъ въ любви? Я всегда это подозрѣвалъ. Прошу благоразумнаго человѣка составить правдоподобно характеръ, придаваемый Руссё своей любовницѣ; противорѣчащіе элементы, соединенные имъ въ этой женской натурѣ. Одинъ изъ этихъ элементовъ исключаетъ другой. Если у ней было довольно души, чтобы обожать Руссё, она не любила въ то же время Клавдія Авè. Если она оплакивала Клавдія Авè и Руссё, она не любила парикмахерскаго подмастерья. Если она была набожна — она не тщеславилась слабостями, а оплакивала ихъ. Если она была трогательна, прелестна и снисходительна, какъ Руссё ее описываетъ, она не была принуждена отыскивать обожателей между бродягами большихъ дорогъ и на улицахъ. Если она притворялась набожной въ подобной жизни — она была женщина расчетливая и лицемерка. Если она была лице-

Нѣрка — она не была женщиной откровенной, ястосердечной, какъ изображена она въ «Исповѣди». Портретъ этотъ несправедливъ. Это вымышленныя сердце и голова. Тутъ есть тайна и, можетъ-быть, она заключается скрѣе въ прихотливой рукѣ живописца, чѣмъ въ свойствахъ женщины, которую онъ изображаетъ. Не надо ни обвинять живописца, не владѣвшаго уже своимъ сужденіемъ, ни вѣрить портрету, который обезображиваетъ восхитительное созданіе, послѣ перваго очерка.

Что до меня, я иногда не думалъ, чтобы мадамъ де Варенсъ узнала себя въ недозрительныхъ страшицахъ старости Руссо. Я всегда возстановлялъ ее въ моемъ воображеніи такъ какъ она явилась въ Аниси юному поэту прелестною, чувствительною, нѣжною, немножко вѣтренною, собственно не чуждой благочестія, расточительною на доброту, падкою на любовь, огоражающей отъ желанія смѣшать сладостныя имена матери и любовницы въ привязанности къ этому ребенку, брошенному ей Провидѣніемъ и усыновленному необходимостью любить. Вотъ вѣрный и правдивый очеркъ, который старики въ Шамбери и Аниси слышали тысячу разъ и всегда одинаково отъ нихъ отцовъ. Душа самого Руссо свидѣтельствуетъ противъ этихъ обвиненій. Откуда бы взялась у него эта высокая и нѣжная пажожасть? эта женственная меланхолія сердца, эти тонкія и деликатныя клавиши чувствительности, если бы женщина не отдала ихъ ему съ сердцемъ? Нѣтъ! женщина, которая создала такого человѣка, не можетъ быть цинической прелестницей, это — Элоиза, но Элоиза жившая въ любовь, а не въ мерзость и развратъ. Прошу Руссо, молодого и влюбленнаго, сказать по совѣсти, не чистая ли правда все это? а Руссо, старшкѣ, угришному ворчуу, клеветнику на чловѣчество, а не вѣрю, и часто отправляюсь aux Chagrettes покакъ мечтаю мадамъ де-Варенсъ, болѣе трогательною и обольстительною въ моихъ глазахъ и въ моемъ сердцѣ, чѣмъ въ его!

Одна бѣдная женщина развела намъ огонь въ комнатѣ мадамъ де-Варенсъ. Привыкнувъ къ посѣщеніямъ туземцевъ, къ ихъ длиннымъ и умилительнымъ бесѣдамъ, на этомъ театрѣ первыхъ дѣтъ знаменитаго человѣка, садовница, не обращая на насъ вниманія, продолжала свои занятія въ кухнѣ и на дворѣ. Она оставила насъ мирно грѣться или свободно разгуливать изъ комнаты въ садъ, изъ сада въ комнату. Садъ, облитый солнцемъ, окруженный небольшою стѣной, раздѣляющей его отъ виноградниковъ, но уже безъ травъ и овощей, загражденный тысячами растеніями, прокурнякомъ и крапивою, подходилъ на деревенское над-

быше, куда по воскресеньямъ крестьяне идутъ грѣться на зимнѣе солныцѣ, у церковныхъ стѣнъ, протанувъ ноги на могилы. Аллеи, когда те усыпанные пескомъ, теперь смоченныя влаждою земли и желтымъ дохонъ, достаточно показывали заустѣнѣе, въ которое привело ихъ отсутствіе хозяевъ. О! какъ бы намъ хотѣлось найти тамъ слѣдъ ноги мадамъ де-Варенсъ, съ того времени, когда она ходила отъ дерева къ дереву, отъ лозы къ лозы, съ корзинкой въ рукѣ, собирать груши или виноградъ, забавляясь съ воспитанникомъ или духовникомъ! Но въ домѣ отъ нихъ не осталось другихъ слѣдовъ кромѣ ихъ самихъ! Ихъ имена, память, образъ, солныце, которое они видѣли, воздухъ, которымъ дышали, и который какъ будто еще блистаетъ ихъ молодостью, согрѣтъ ихъ дыханіемъ, звучитъ ихъ голосомъ, обвиваютъ растѣи же свѣтомъ, тѣми же дыханіемъ, тѣми же мечтами, тѣми же шумомъ, что очаровывали ихъ весну!

Я видѣлъ, по задумчивости, по безмолвію Юлія, что впечатлѣніе этого святилища любви и гевія трогаетъ ее столь же глубоко какъ меня. Она иногда убѣгала меня, чтобы одной собраться съ мыслями, какъ-будто боялась сообщить ихъ мнѣ, входила согрѣться въ домъ, покажѣтъ я былъ въ саду; возвращалась въ садъ и садилась на каменную скамейку у бесѣдки, когда я приходилъ къ ней къ камнцу. Наконецъ я нашелъ ее въ бесѣдкѣ; послѣдніе дожелтѣвшіе виноградные листья висѣли готовые сорваться съ вѣтви и позволяли солнцу обдвигать и какъ бы облекать ее лучами.

— О чемъ вы думаете безъ меня? сказалъ я голосомъ нѣжнаго упрека. Развѣ я когда-нибудь думаю одианъ?

— Ахъ, вы не повѣрите, отвѣчала она: я думала о томъ, что желала бы быть мадамъ де-Варенсъ не одинъ годъ для васъ, если бы даже пришлось провести остатокъ дней въ одиночествѣ и видѣть намать обо мнѣ въ подношеніи, подобно ей! если бы вы были также неблагодарны и такой же клеветникъ какъ Руссо!... Какъ она счастлива! продолжала она, блуждая взоромъ по небу, какъ-будто бы искала и увидѣла образъ странной женщины, которой завидовала: какъ она счастлива! она могла принести себя къ жертву тому, кого любилъ!

— О! какая неблагодарность и какое осквернѣніе для васъ самихъ и для нашего счастья! отвѣчалъ я медленно, ведя ее къ дому по сухимъ дветѣямъ, хрустѣвшимъ у ней подъ ногами. Развѣ я показывалъ хоть одианъ словомъ, для взглядомъ, или вздохомъ, что къ моему горькому, но совершенному блаженству чего-нибудь

недостаетъ? Развѣ вы не постигаете въ вашемъ ангельскомъ воображеніи, что для другаго Руссо — если бы природа создала двухъ — можетъ быть другая мадамъ де Варенсъ? Юная, дѣвственная, чистая, ангель, любовница и сестра, которая отдала всю душу, всю неприкосновенную и безсмертную душу вмѣсто этихъ тѣнныхъ прелестей? отдала ее потерянному и найденному брату, юному, заблудившемуся, и также скитающемуся по міру, какъ сынъ часоваго мастера? открыла этому брату, вмѣсто дома и сада, свѣтлое жерло своей вѣжности? очистила его въ своихъ лучахъ? омыла отъ перваго поношенія водою своихъ слезъ? отвратила навсегда отъ всякаго другаго сладострастія, кромѣ созерцанія и внутренняго обладанія? научила его наслаждаться лишениями, что тысячу разъ выше этихъ чувственныхъ пресыщеній, которое скоты раздѣляютъ съ человѣкомъ? начертала ему путь въ жизни, усѣявъ его мерцаніями своихъ взглядовъ, которыми она взлелеяла его; возбудила его къ славѣ и добродѣтели, наградивъ жертвой этой мысли: что слава, добродѣтель, пожертвованія, все сочтено ему въ сердцѣ любовницы, все скопляется въ ея любви, все умножается въ признательности, все соединяется съ этимъ сокровищемъ признательности, которое наполняется здѣсь, а откроется только въ небѣ?...

Однако говоря такимъ образомъ, я упала уничтоженный, закрывъ лицо обѣими руками вдали отъ нея, на стулъ, у стѣны. Я долго не говорилъ ни слова.

— Уйдемъ, сказала она, мнѣ холодно, это мѣсто не годится для насъ!

Мы дали нѣсколько денегъ доброй женщицѣ и медленно отправились по дорогѣ въ Шамбери.

На другой день Юлія уѣзжала въ Ліонъ. Вечеромъ Людовикъ *** пришелъ къ намъ въ гостиницу. Я уговорилъ его ѣхать со мною на нѣсколько недѣль къ моему отцу. Домъ нашъ былъ на дорогѣ изъ Ліона въ Парижъ. Мы пошли вмѣстѣ къ шамберійскимъ сѣдельникамъ отыскать коляску, въ которой бы могли на почтовыхъ слѣдовать за каретой моею подруги до того города, гдѣ намъ надо было разстаться. Мы нашли, что искали.

До разсвѣта мы были въ дорогѣ и безмолвно скакали по излучистымъ ущельямъ Савон, которыя у бовоазенскаго моста открываются на кремнистыя и однообразныя долины Дофиннѣ. На всякой станціи мы выходили изъ коляски, чтобы у дверецъ кареты осведомиться о здоровьи бѣдной больной. Ахъ! каждый оборотъ колеса, удалявшій ее отъ жизненнаго источника, най-

деннаго ею въ Савоѣ, казалось похищаль у ней краску съ лица и возвращалъ глазамъ и чертамъ это изнеможеніе и скрытную лихорадку, которыя поразили меня, какъ красота смерти въ первый разъ какъ я ее увидѣлъ. Приближеніе минуты, когда мы должны будемъ ее оставить, очевидно сжимало ей сердце. Между Еловой Башней и Лиономъ мы вошли въ ея карету, чтобы развезти ее на нѣсколько миль. Я попросилъ ее сѣсть для моего друга романсъ шотландскаго матроса. Она послушалась, но при второмъ куплетѣ, который рассказываетъ объ отъѣздѣ любовниковъ, сходство вашего положенія съ отчаянной грустью балладныхъ нотъ въ ея голосѣ, до того растрогали ее, что она вмѣстѣ съ нами залилась слезами, и набросила черную шаль, какъ покрывало на лицо; она долго рыдала подъ этой шалью. На послѣдней станціи съ ней сдѣлался обморокъ, продолжавшійся до дверей лионской гостиницы. Мы помогли горничной отнести ее на кровать. Вечеромъ она оправилась и на слѣдующій день мы продолжали дорогу до Макона.

Тамъ должны были мы разстаться. Другъ мой и я дали наставленія ея разсыльному. Мы ускорили прощаніе, боясь увеличить зло, продолживъ горестное волненіе, какъ поспѣшно раздраютъ рану, которой крика не хотятъ слышать. Другъ мой уѣхалъ въ деревню къ моему отцу, куда я долженъ былъ послѣдовать за нимъ на другой день.

Но едва Людовикъ уѣхалъ какъ я почувствовалъ себя не въ состояніи сдержать данное ему слово. Мысль оставить Юлію въ слезахъ продолжать долгую зимнюю дорогу, на попеченіи двухъ слугъ, не зная не занеможетъ ли она одинокая въ какой-нибудь гостиницѣ, не умретъ ли тщетно меня призывая, не давала мнѣ покою. У меня не было больше денегъ. Добрый старикъ, ссудившій меня двадцатью-пятью лувдорами, умеръ во время моего отсутствія. Я взялъ часы, золотую цѣпочку, подаренную мнѣ нѣсколько лѣтъ тому, пріятельницей матушки, нѣсколько драгоценныхъ вещицъ, эполеты, сабли, серебряныя галуны съ мундра, завернулъ все въ плащъ, и отправился къ бриллианщику матушки: онъ далъ мнѣ тридцать пять лувдоровъ за все. Оттуда я побѣжалъ въ гостиницу, гдѣ спала Юлія, призвалъ разсыльнаго и сказалъ ему, что издали провожу карету до парижскихъ воротъ, но не хочу, чтобы госпожа его это примѣтила, изъ опасенія, чтобы она не воспротивилась изъ вниманія ко мнѣ; спросилъ у него имена городовъ и гостиницъ, гдѣ онъ думалъ останавливаться по дорогѣ, чтобы останавливаться тамъ же и заранѣе

щедро наградилъ его за скромность. На почтѣ я вѣзалъ лошадей и ухаживалъ черезъ полчаса послѣ кареты, за которой хотѣлъ слѣдовать.

Никакое непредвидѣнное препятствіе не помѣшало мнѣ тайно и невидимо наблюдать надъ судьбою, за которой я слѣдовалъ. Разсылный тайно увѣдомлялъ на почтѣ о приближеніи коляски и удерживалъ для нея двухъ лошадей. Я находилъ на станціи совсѣмъ готовую упряжь, ускорилъ и замедлялъ ѣзду, смотря потому, хотѣлъ ли я отдалиться или приблизиться къ каретѣ, спрашивалъ почтальонка о здоровьи молодой барыни, которую они везли передо мною, съ высоты холмовъ видѣлъ издали въ долину какъ карета мчалась въ туманѣ или на солнцѣ, унося съ собою мое счастье. Мысль моя опережала бѣгъ лошадей, бросалась въ карету, любовалась Юліей, спящей въ грѣзкахъ, полныхъ мною, или плачущею въ мечтахъ о протекшихъ дняхъ. Я съ трудомъ понимаю теперь какъ у меня достало довольно власти надъ собою, чтобы противиться впродолженіи ста двадцати миль, внутреннему порыву, непрерывно толкавшему меня къ каретѣ, за которой я скакалъ, не хотя ее настичь, въ которой заключалась вся душа моя, между-тѣмъ какъ одно тѣло, нечувствительное къ снѣгу и ледяному дождю, слѣдовало разбитое толчками пути, перебрасывавшими его отъ ухаба къ ухабу и изъ одной стужи въ другую, не чувствуя собственныхъ своихъ страданій. Но опасеніе причинять Юлія пагубное волненіе, возобновить сцену раздражающаго продавія, мысль бодрствовать въ видѣ любящаго ангела-хранителя съ небеснымъ безкорыстіемъ надъ ея безопасностью, пригвоздила меня къ моему рѣшительности.

Въ первый разъ Юлія вышла изъ отенской гостиницы; а я въ ближнемъ трактирѣ въ предмѣстїи. На разсвѣтѣ оба экипажа, одинъ въ виду другаго, слова мчались по длинной волнистой и бѣловатой полосѣ, дорогой сквозь сѣроватыя степи и лѣса друидическихъ дубовъ въ верхней Бургундіи. Мы остановились въ городкѣ Аваллонъ, она въ среднѣхъ, я на краю города. На другой день мы катили къ Саду. Снѣгъ, скопленный сѣверными вѣтрами около высокихъ и безплодныхъ мѣстъ Lucy le Bois и Vermanton, падалъ большими полу-жидкими хлопьями на горы и на дорогу и заглушалъ стукъ колесъ. Едва можно было въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою различить туманный горизонтъ сквозь снѣжную пыль, поднимаемую вихремъ съ окружающихъ нивъ. Ни ухомъ, ни глазомъ нельзя было различить разстояніе между двумя экипажами. Вдругъ я замѣтилъ передъ собою,

подъ головою лошадей, карету Юлію, остановившуюся на дорогѣ. Разсыльный, сойдя съ козла, стоялъ на подножкѣ и кричалъ съ видомъ отчаянія. Я срыгнувъ на землю, полетѣлъ къ дверцамъ по первому движению, которое было сильнѣе благоразумія, и бросился въ карету, гдѣ горничная усиливалась привести въ чувство госпожу, упавшую въ обморокъ отъ утомленія и бури, а можетъ быть также отъ сердечной тревоги. Что я чувствовала, поддерживая въ моихъ объятіяхъ эту обожаемую головку продолженіи долгаго безчувственного часу, и желая и страшась, чтобы она услышала и не узнала голоса мой, призывавшій ее къ жизни, между тѣмъ какъ рассыльный ходилъ за огнемъ и горячей водою въ отдаленныя хижаны, а горничная держала на колѣняхъ оледенѣлыя ноги госпожи, терла и прижимала ихъ къ груди, чтобы согрѣть: никто не можетъ ни понять этого ни разсказать, если не чувствовалъ какъ смерть и жизнь боролась въ его сердцѣ!

Наконецъ вѣжныя старанія, дѣйствіе кувшиновъ съ горячей водою, принесенныхъ рассыльнымъ, дѣйствіе моихъ рукъ на ея руки, моего дыханія на ея лобъ, притянули теплотворъ къ окрестностямъ. Краека, возвращавшаяся на щеки, слабый и продолжительный вздохъ, вырвавшійся изъ губъ, показали мнѣ, что она пробуждается отъ обморока. Я вилулся изъ кареты на дорогу, чтобы она не увидала меня, когда откроетъ глаза, и оставался съ минуту у колесъ немного назади, закрывъ лицо плащемъ. Я велѣлъ слугамъ молчать о моемъ появленіи, они сдѣлали мнѣ знакъ, что путешественница совершенно пришла въ себя. Я слышалъ какъ она пролепетала, пробудившись, эти слова какъ бы до сѣбъ:

— О! если бы Рафаэль былъ здѣсь! я думала, что это Рафаэль!

Я бросился въ коляску; лошади поскакали, огромное разстояніе скоро раздѣлило насъ. Вечеромъ я пошелъ въ гостиницу, въ Саванъ, гдѣ она остановилась, осведомиться о состояніи ея здоровья. Разсыльный увѣрилъ меня, что она оправдалась и спитъ спокойно.

Я ѣхалъ за ней слѣдомъ до Фоссара, — почтовой станціи возлѣ городка Монтрѣ. Въ этомъ мѣстѣ дорога изъ Саванъ въ Парижъ раздваивается, одна идетъ чрезъ Фонтенеблѣ, другая чрезъ Меланъ. Последняя короче нѣсколькими милями, я поѣхалъ по ней, чтобы нѣсколькими минутами опередить Юлію въ Парижъ и видѣть какъ она выйдетъ изъ кареты, у дверей ея жилища. Я заплатилъ двойные прогоны и задолго до ночи пріѣхалъ въ го-

ступеницу, гдѣ обыкновенно останавливался въ Парижѣ. При наступленіи ночи я всталъ на одной изъ парижскихъ набережныхъ напротивъ дома, который Юлія такъ часто мнѣ описывала, и узналъ его, какъ будто провелъ тамъ жизньъ. Внутри, сквозь стекла я увидѣлъ движеніе входящихъ и уходящихъ тѣней какъ въ домѣ, гдѣ ждутъ необычайнаго гостя. На потолкѣ въ ея комнатѣ я замѣтилъ отраженіе зажженного въ каминѣ огня. Къ окну нѣсколько разъ подходилъ старикъ, смотрѣлъ и прислушивался къ шуму на набережной. Это былъ ея мужъ, ея отецъ. Привратники стояли у открытыхъ дверей, время отъ времени выходили за порогъ и также прислушивались. Фонарь, качаемый бурнымъ декабрскимъ вѣтромъ, то бросалъ быстрый и блѣдный свѣтъ на мостовую передъ домомъ, то потухалъ. Наконецъ почтовая карета быстро выѣхала изъ улицы и остановилась подъ окнами дома. Я бросился туда, и сталъ въ тѣни столба у дверей возлѣ тѣхъ, гдѣ остановилась карета. Я видѣлъ какъ слуги спустились къ дверцамъ, какъ Юлія сошла въ объятія старика, который обнялъ ее, какъ отецъ обнимаетъ дочь послѣ долгаго отсутствія; съ трудомъ подвинулся онъ по ступенькамъ лѣстницы, поддерживаемый привратникомъ. Карету опростали, ночтальонъ повелъ поставить ее въ сарай въ другую улицу, двери затворились, я воротился на прежнее мѣсто къ парапету рѣки.

Я долго смотрѣлъ оттуда на освѣщенные окна дома Юліи, старался разглядѣть, что происходитъ внутри. Я видѣлъ обыкновенныя движенія людей, которые носятъ чемоданы, развязываютъ свертки, устанавливаютъ мебель при вѣздѣ хозяевъ. Когда это движеніе утихло, огни перестали перебѣгать изъ одной комнаты въ другую и комната старика въ первомъ этажѣ одна освѣтилась полусвѣтомъ ночной лампы, я различилъ сквозь стекла нижней комнаты стройный и гибкій ставъ Юліи, рисовавшійся въ тѣни съ минутой неподвижной на бѣлыхъ завѣскахъ. Нѣсколько времени она оставалась въ этомъ положеніи; потомъ я видѣлъ какъ она, не смотря на холодъ отворила окно, смотрѣла съ минутой на Сену близъ меня, какъ будто бы глаза ея остановились на мнѣ по сверхъестественному откровенію любви, потомъ отвернулась и смотрѣла долго на сѣверъ на звѣзду, на которую мы часто привыкли любоваться и общались каждый съ своей стороны смотрѣть въ отсутствіи, какъ бы назначая свиданіе нашимъ душамъ въ недосягаемомъ уединеніи небесъ. Я почувствовалъ этотъ взглядъ какъ-будто онъ упалъ огненнымъ углемъ на мое сердце. Я повѣлъ, что наши души соединились въ

людей мысли Рѣшимость моя печала. Я бросился черезъ набережную, чтобы приблизиться къ окну и закричать ей слово, по которому она узнала бы брата у своихъ ногъ. Въ ту самую минуту она затворила окно, стукъ каретъ заглушилъ мой крикъ, свѣтъ погасъ въ комнатѣ, я остался неподвиженъ среди набережной. Часы на сосѣднемъ зданіи пробали полночь. Я подошелъ къ двери и судорожно поцѣловалъ ее, не смѣя постучаться, сталъ на колѣна на порогѣ, просилъ камень сохранить для меня высшее благо привезенное мною и вършенное его стѣнамъ, и удался.

Я уѣхалъ на другой день изъ Парижа, не выдавшись ни съ однимъ изъ тамошнихъ моихъ друзей. Я внутренно наслаждался, что у меня не было ни одного взгляду, ни одного слова, ни одного шагу не для нея. Остальной міръ уже не существовалъ для меня. До отъѣзду я бросилъ на городскую почту записку къ Юли. Она должна была получить ее при пробужденіи. Въ этой запискѣ только были эти слова: «Я слѣдовалъ и невидимо бодрствовалъ надъ вами. Я не могъ оставить васъ, не увѣрившись, что вы переданы попеченіямъ тѣхъ, кто васъ любитъ. Взира въ полночь когда вы открыли окно и вздыхая смотрѣли на звѣзду, я былъ тутъ! Вы бы могли слышать мой голосъ. Когда вы прочтете эти строки, я буду уже далеко!..»

Я путешествовалъ день и ночь въ такомъ круговоротѣ мыслей, что не чувствовалъ ни холоду, ни голоду, ни разстоянія, и пріѣхалъ въ М^{***}, какъ будто вышелъ изъ сна, почти не помня, что ѣздилъ въ Парижъ. Другъ мой Людовикъ ^{***} ждалъ уже меня въ деревенскомъ домикѣ моего отца. Присутствіе его было мнѣ пріятно. Я могъ, по крайней мѣрѣ, говорить ему о той, которой онъ восхищался столько же какъ я. Мы спали въ одной комнатѣ. Часть ночей проходила въ разговорахъ объ этомъ божественномъ явленіи. Онъ былъ ослѣпленъ имъ не мнѣе моего, и считалъ фантастической мечтою женщины выше обыкновенныхъ, каковы Беатриче Данта, Елеонора Тасса, Лаура Петрарки или Викторія Колонда, изъ которыхъ каждая была вмѣстѣ и поэтъ и любовница и героиня; лица, проходящія по землѣ почти не дотрогиваясь до нея и не останавливаясь, только для того, чтобы очаровать взгляды въсколькихъ избранныхъ любви, чтобы увлечь души ихъ къ безсмертнымъ стремленіямъ, чтобы быть sursum corda отборныхъ воображеній. Чтѣ до Людовика, онъ не смѣлъ возвысить свою любовь наравнѣ съ восторгомъ. Его вѣжное, болѣзненное и равноуязвленное сердце, было тогда полно трогательнымъ образомъ

одной бѣдѣ и набожной сироты родственницы его. Онъ былъ бы счастливъ, еслибы могъ на ней жениться и жить въ незнѣствѣ и мирѣ въ домѣ шамберійскихъ холмовъ. Недостатокъ состоянія обоихъ бѣдныхъ любовниковъ удерживалъ ихъ на границахъ грустной и живиной дружбы изъ опасенія повторить семейные нѣжи ихъ въ нищету и передать бѣдность дѣтямъ. Дѣвушка умерла черезъ нѣсколько лѣтъ отъ унынія и удивленія. Это было одно изъ самыхъ малыхъ личиковъ, какія угасли при моихъ глазахъ за недостаткомъ въ лучахъ сироты. Ея лицо, гдѣ видѣлись остатки цвѣтущей юности, равно готовой расцвѣсть и угаснуть, было самымъ милымъ и изящнымъ отпечаткомъ добродѣтели несчастныхъ, которую называютъ безропотностью. Она ослѣбла отъ слезъ, пролитыхъ тайнѣмъ продолженія долгихъ лѣтъ ожиданія и незнѣствѣности. Я встрѣтилъ ее однажды по возвращеніи изъ Италіи. Ее вела за руку маленькая сестра въ шамберійской улицѣ. Услыхавъ мой голосъ, она поблѣднѣла и ошуюю искала опоры своей рукой.

— Извините, сказала она, но когда я прежде слышала этотъ голосъ, мнѣ слышался съ нимъ другой.

Бѣдная дѣвушка! теперь она въ небѣ слышитъ голосъ своего любовника!

Какъ были долги эти два мѣсяца, которые мнѣ надо было провести вдали отъ нея то въ деревнѣ то въ городѣ, въ домѣ батюшки, прежде чѣмъ наступило время, когда я долженъ былъ соединиться съ Юліей въ Парижъ! Я истощалъ въ теченіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, содержаніе, получаемое отъ батюшки, тайныя пособія матушкиной нѣжности, кошелекъ друзей, чтобы заплатить долги, которые мотовство, игра, путешествія заставили меня сдѣлать. У меня не было ни какихъ средствъ, чтобы достать сумму, необходимую для поѣздки въ Парижъ, даже, чтобы жить тамъ въ уединеніи и въ недостаткѣ. Мнѣ надо было ждать января мѣсяца, срока одной изъ третьей батюшкинаго малолѣтки, также того времени, когда богатый, но строгій дядя, добрый по благоразумію старухи тѣтки обыкновенно присылали мнѣ кофакіе подарочки. Я надѣялся съ помощью всѣхъ этихъ средствъ, собрать сумму въ шестьсотъ или осемьсотъ франковъ, достаточную для житья въ Парижѣ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Эта утѣренность не была унижительною для моего тщеславія, потому что жизнь моя заключалась въ одной любви. Всѣ сокровища міра я употребилъ бы только на то, чтобы купить дева, который я жаждалъ провести съ нею!

Дни ожиданія были наполнены мыслью объ ней. Мы оба по-свищали другъ другу все часы нашего дня. Утромъ пробудившись она записалась, чтобы писать ко мнѣ. Въ тоже самое время я писалъ къ ней съ своей стороны. Наши страницы и мысли скрещивались, все почтовые повозки съ письмами забрасывали одна другую на дорогѣ въпросами, отвѣтами, объясненіями, переканкались, перепутывались безъ пропуска даже однихъ сутокъ. Такимъ образомъ, по настоящему, между нами было только нѣсколько часовъ разлуки: вечеромъ и ночью, и то я наполнялъ ихъ ея созерцаніемъ, окружалъ себя ея письмами, открывалъ ихъ на столѣ, разбрасывалъ на постели, училъ наизусть, говорилъ самому себѣ самыя страстныя и трогательныя мѣста, придавалъ имъ ея голосъ, выраженіе, изгладъ, движенія, отвѣчалъ ей и наконецъ до того умѣлъ обманывать себя въ дѣйствительности ея присутствія, что становился грустенъ и нетерпѣливъ, когда прерывали меня, зовя обѣдать или къ гостямъ. Мнѣ казалось, что ее вырываютъ у меня, прогоняютъ изъ моей комнаты. Въ продолжительныя прогулки по горамъ или туманнымъ и безграничнымъ лугамъ, окружающимъ рѣку, я уносилъ съ собою ея утреннее письмо, садился нѣсколько разъ на скалы, или на берегъ рѣки, или на льдины, чтобы перечитывать его, и каждый разъ, мнѣ казалось, что я отрывалъ тамъ или слово или намекъ, ускользнувшіе отъ меня. Помню, что я машинально направлялъ эти прогулки къ сѣверу, какъ-будто каждый шагъ по направленію къ Парижу приближалъ меня къ ней и уменьшалъ разстояніе, раздѣлявшее насъ. Въ этомъ намѣреніи я шелъ иногда очень далеко по парижской дорогѣ. Когда надо было возвращаться, я долго боролся самъ съ собой. Мнѣ было грустно, я оборачивался нѣсколько разъ къ той точкѣ горизонта, гдѣ дышала она, возвращался тяжело и медленно. О! какъ я завидовалъ крыльямъ воронъ, покрытыхъ снѣгомъ, которыя летѣли къ сѣверу сквозь туманъ! о! какъ мнѣ было тяжело видѣть кареты, катившіяся по парижской дорогѣ! сколько бы дней отдалъ я изъ бесполезной юности моей, чтобы быть на мѣстѣ этихъ праздныхъ стариковъ, которые разсѣянно смотрѣли сквозь стекла дверецъ на уединеннаго, молодаго человека, идущаго по дорогѣ наперекоръ сердцу! О! какъ короткіе декабрскіе и январскіе дни казались мнѣ бесконечно долгими! Между всеми часами для меня былъ только одинъ пріятный часъ, когда я слышалъ изъ комнаты шаги, трещотку и голосъ фактора, раздававшего письма у дверей. Лишь только бывало его заслышу, я отворялъ окно, видѣлъ какъ

онъ шелъ до улицѣ съ руками, полными писемъ, какъ отдавалъ ихъ служавкамъ, и ждалъ, чтобы ему заплатили портовые деньги. Какъ я проклиналъ медленность этихъ добрыхъ женщинъ, которыя цѣлый вѣкъ не кончали пересчитывать деньги! Прежде чѣмъ факторъ звонилъ у дверей нашего дома, я уже перепрыгивалъ лѣстницу, пробѣгалъ стѣны и весь дрожа стоялъ на порогѣ. Покамѣсть старикъ перебиралъ связку писемъ, я старался увидѣть конвертъ изъ тонкой голландской бумаги и адресъ прекраснаго англійскаго почерка, которые показывали мнѣ мое сокровище между всей этой грубой бумагой и тяжелыми надписями торговыхъ или обыкновенныхъ писемъ. Я схватывалъ письмо дрожа, глаза мои покрывались облакомъ, сердце билось, ноги подгибались. Я прикрывалъ письмо платьемъ, боясь встрѣтить кого-нибудь на лѣстницѣ, и чтобы такая частая перепуска не показалась подозрительною матушкѣ, убѣгалъ въ свою комнату, запирался на замокъ, чтобы на свободѣ и безъ помѣхи поглощать страницы. Сколько слезъ, поцѣлуевъ, укушеній, напечатлѣвалъ я на бумагѣ! Ахъ! когда послѣ столькихъ лѣтъ я открылъ пакетъ писемъ, сколькихъ словъ, истертыхъ губами, и доставало къ смыслу фразъ, смытыхъ или разодранныхъ слезами или восторгомъ!

Послѣ завтрака я возвращался въ свою комнату, чтобы еще разъ перечестъ письмо и отвѣчать. Это были самые восхитительныя и лихорадочныя часы изъ всего дня. Я бралъ четыре листа самой тонкой и самаго большаго формата голландской бумаги, которую Юлія прислала мнѣ изъ Парижя для этого употребленія, и каждая страница, исписанная сверху до низу, и на поляхъ и поперегъ строчекъ, содержала тысячи словъ. Каждое утро я наполнялъ эти листы и находилъ ихъ слишкомъ скоро наполненными и слишкомъ тѣсными для страстнаго и бурнаго изліянія мыслей. Въ этихъ письмахъ не было ни начала, ни конца, ни середины, ни грамматикки, ни того, что обыкновенно называютъ слогомъ: Это была моя душа, обнаженная передъ другою душою, выражающая, или скорѣе лепечущая тревожныя ощущенія, наполнившія ея съ помощью недостаточнаго языка людей. Языкъ этотъ не такъ былъ образованъ, чтобы выражать невыразимое; несовершенныя знаки, пустыя слова, ледяной языкъ, которые полнота, сосредоточиваніе и огонь душъ нашихъ расплавляли, какъ трудноплавкій металлъ, и составляли изъ нихъ какой-то неопредѣленный, зорпый, пламенѣющій, ласковый языкъ, какъ языки огненные, не имѣющіе ни для кого смысла, и который мы одни

понимали, потому что онъ былъ въ насъ однихъ! Никогда это измѣненіе души не останавливалось у меня и не простывало. Если бы твердь небесная была одной страницей и мнѣ позволено было наполнить ее моею любовью, въ этой страницѣ не помѣстилось бы все, что я чувствовалъ въ себѣ! Я останавливался только тогда, какъ четыре листа были исписаны, а мнѣ все казалось, что я ничего не сказалъ! и въ самомъ дѣлѣ я ничего не сказалъ, потому что кто можетъ пересказать безконечное?

Эти письма, въ которыхъ не заключалось ни какого притязанія на умъ, и которыя были для меня не твореніемъ, а наслаженіемъ, чудно бы пригодились въ послѣдствіи, если бы Богъ предъазначилъ мнѣ говорить людямъ или изображать оттѣнки, томленіе, бѣшенство страстей души въ произведеніяхъ воображенія. Я могу сказать, что безсознательно боролся въ нихъ, какъ отчаянный, противъ бѣдности, суровости, упорства языка, который принужденъ былъ употреблять за незнавіемъ языка небесъ! Сверхъестественныя усилія, чтобы побѣдить, смягчить, растянуть, согнуть, утончить, разцвѣтить, воспламенить или заглушить выраженія; необходимость выразить словами самыя душевные и неуловимые оттѣнки чувства, самое зѣрное стремленіе мысли, самыя непреодолимые порывы и самое обузданное цѣломудріе страсти, наконецъ даже взгляды, позы, вздохи, безмолвіе, томленіе, уничтоженіе сердца въ обожавшій невидимаго предмета любви, всё эти усилія, говорю я, отъ которыхъ ломалось перо подъ пальцами, какъ упорное орудіе, заставляли его однако, даже слабое, находить иногда слово, оборотъ, органъ, крикъ, который оно искало, чтобы придать голосъ невозможному. Я не говорилъ никакимъ языкомъ, но вырывалъ крикъ изъ сердца, и меня дѣливали. Когда я вставалъ со стула, послѣ этой жестокой и возхитительной борьбы съ словами, съ перомъ и съ бумагой, я помню, что несмотря на зимній холодъ въ комнатѣ, ледяной потъ катился по лицу. Я отворялъ окно, чтобы освѣжиться и выдереть волосы.

Но эти письма были не только криками любви, а чаще всего воззваніемъ, созерцаніемъ, мечтами будущаго, перспективой веба, утѣшеніемъ, мольбой.

Любовь эта по сущности своей, лишая насъ тѣхъ наслаженій, что расслабляютъ сердце, удовлетворяя чувственность, открывала

во мнѣ источникъ набожности, помутившіеся или изсякшіе отъ недостойныхъ удовольствій. Это чувство восходило въ душѣ моеѣ до высоты и чистоты небесъ. Я усмивался поднять вмѣстѣ со мной до неба, на крыльяхъ моего пламеннаго и почти мистическаго воображенія, эту другую страдающую и изсохшую душу. Говорилъ о Богѣ, единомъ совершенствѣ, способномъ создать это сверхъ человеческое совершенство красоты, генія, вѣжности, единомъ величїи, могущемъ вмѣстить неизмѣримость нашихъ помысленій; единей безконечности, неисчерпаемой и бездонной, въ вѣдрахъ которой поглощалась любовь, зажженная въ насъ его пламенемъ, сожигавшая насъ другъ другомъ, и заставившая наконецъ испариться въ воздухъ, испущенномъ въ него. Я утѣшалъ Юлію въ жертвахъ, которыя долгъ привуждалъ насъ приносить здѣсь для болѣе совершеннаго счастья; выказывалъ ей заслугу этихъ жертвъ въ глазахъ превѣчнаго возмездника нашихъ дѣяній; благословлялъ чистоту и безкорыстіе сокрушенныхъ чувствъ нашихъ, потому что они должны были доставить намъ негнѣвное и ангельское блаженство въ безконечной атмосферѣ чистыхъ духовъ; даже выдавалъ себя счастливымъ и воспѣвалъ гимны покорности судьбѣ, на которую самая любовь, но любовь высочайшая осудила насъ; заклиналъ Юлію не думать о моемъ горѣ и самой не горевать; показывалъ ей мужество, презрѣніе къ земному счастью, которыя очень часто заключались только въ моихъ словахъ; приносилъ ей въ жертву все, что было человѣчнаго во мнѣ; возвышался до безплотности духовъ, чтобы она не подозрѣвала страданія или сожалѣнія въ моемъ обожаніи; умолялъ ее искать въ умилительной и питательной религіи, въ тѣни храмовъ, въ колѣнопреклоненіи и воззваніи ближайшихъ надеждъ, утѣшеній, вѣрнѣйшихъ и ту сладость, которыя я самъ вкушалъ въ дѣтствѣ. Она возвратила мнѣ чувство благочестія, я сочинялъ для нея эти пламенные и спокойныя молитвы, которыя восходятъ къ небу, какъ пламя, но пламя такое, что вѣтеръ не можетъ поколебать; просилъ ее читать эти молитвы въ тѣ часы дня и ночи, когда я самъ буду ихъ произносить; чтобы наши мысли, соединенныя одними словами, вознеслись вмѣстѣ въ одинъ часъ, въ одно воззваніе!.... потомъ орошалъ все слезами; оставляя слѣды на словахъ, слѣды свои краснорѣчивѣе и благоговѣйнѣе самыхъ словъ. Украдкой отпирался я бросить на почту этотъ мозгъ изъ моихъ костей и возвращаясь чувствовалъ себя облегченнымъ, какъ будто сбросилъ часть тяжести съ своего сердца.

Но каковы бы ни были непрерывныя усилія, безпрестанное напряженіе юнаго и горячаго воображенія, чтобы зажечь мои письма, пожирившимъ меня огнемъ, чтобы создать языкъ вздохъ и чтобы заставить мою душу, вылитую въ самомъ пылу ея на бумагу, переступить разстояніе, раздѣлявшее ея отъ души Юліи, въ этой борьбѣ противъ безсилія выраженій, Юлія всегда побѣждала меня. Въ письмахъ ея было болѣе выраженія въ одной фразѣ, чѣмъ у меня на осьми страницахъ; въ ея письмахъ можно было дышать ея дыханіемъ, видѣть въ строчкахъ взглядъ; ощущать въ выраженіяхъ теплоту губъ, на которыхъ онѣ образовались; ничего не тратилось, не испарилось изъ нея въ томъ медленномъ и тяжеломъ переходѣ отъ чувства къ слову, отъ котораго простываетъ и блѣднѣетъ лава сердца подъ перомъ мужчины. У женщинъ нѣтъ слога, вотъ почему онѣ говорятъ все такъ хорошо. Слогъ — одежда, а въ устахъ или подъ рукою женщины душа обнажена. Словно Венера слова, она вынырываетъ изъ чувства нагою; рождается сама отъ себя, удивляется своему рожденію и обожаетъ ее, прежде чѣмъ она заговорила.

Какія письма! какое пламя! какой полусвѣтъ! какія краски! какое выраженіе! какой огонь и какая чистота, смѣшаны въ одно; словно огонь и прозрачность въ алмазѣ, какъ жаръ и стыдливость на челѣ любящей дѣвушки! какое сильное простодушіе! какое неизякаемое изліяніе! какое внезапное пробужденіе въ томности! какое пѣніе и какіе крики! А тамъ какіе печальные возвраты къ былому: словно неожиданныя ноты въ концѣ пѣсни! А тамъ — какія ласки въ словахъ, которыя такъ и чувствуешь, скользять по лбу, какъ тѣ дыханія, которыми мать навѣваетъ душу свою на лобъ первоулыбающагося ребенка! Какое сладостное качаніе словами въ полъ - голоса, фразами въ полъ - мысли, задумчивыми и шепчущими, которыя кажется обливаютъ васъ лучами, шопотомъ и тащатъ непримѣтно, по дремотѣ слоговъ къ покою любви, ко сну души до самаго поцѣлуя той странницы, на которой сказано: Прощай! прощаніе и поцѣлуй, которые подхватываешь безъ шелесту, берешь такъ же тихо какъ они лежали на губахъ.

Я вазель всѣ эти письма, перелистывалъ эту переписку страницу за страницей, подобранную и тщательно переплетенную послѣ смерти, рукою благочестивой дружбы; письмо отвѣчающее

другому съ первой записки до послѣдняго слова, написаннаго рукою уже захваченной смертью, но еще укрѣпленной любовью. Я перечиталъ и сжегъ ихъ со слезами, запершись какъ для совершенія преступленія, двадцать разъ оспаривая у пламени полу-сожженную страницу, чтобы перечестъ ее еще разъ!.... — Зачѣмъ? говоришь ты. — Я сжегъ ихъ потому что самый пепелъ ихъ былъ бы слишкомъ горячъ для земли и я бросилъ его вѣтрамъ небеснымъ!

Наконецъ насталъ день, когда я могъ счесть часы, раздѣлявшіе меня отъ Юліи. Всѣ небольшія средства, которыя я могъ собрать, не доходили до суммы достаточной, на содержаніе себя въ Парижѣ три или четыре мѣсяца. Матушка видѣвшая мое безпокойство, не зная настоящей причины, вынула изъ послѣдняго изъ своихъ ларчиковъ, уже опустошенныхъ нѣжностью, большой брилліантовый перстень. Тихонько и со слезами супула она его мнѣ въ руку.

— Я страдаю столько же какъ ты, Рафаэль, сказала она грустно, видя какъ бездѣйственная молодость твоя проходитъ въ праздности уѣзднаго городишка или въ мечтаніяхъ по полямъ. Я всегда надѣялась, что дары, которыми Богъ благословилъ тебя съ самаго нѣжнаго дѣтства, выкажутъ тебя свѣту и откроютъ богатую и почетную карьеру. Бѣдность, съ которой мы боремся, не позволяетъ намъ самимъ открыть ее тебѣ. Богу это не было угодно до сихъ поръ. Надо безропотно покоряться его волѣ: она всегда ведетъ къ лучшему. Но я съ отчаяніемъ вижу тебя въ этомъ нравственномъ изнеможеніи, которое смѣняетъ безплодныя усилія. Попытаемъ счастья еще разъ. Уѣзжай когда здѣшняя земля жжетъ тебѣ ноги. Поживи въ Парижѣ. Постучись осторожно и съ достоинствомъ въ двери старыхъ друзей нашего семейства, которые теперъ въ ходу. Выкажи тѣ дарованія, которыми природа тебя надѣлила. Невозможно, чтобы начальники новаго правительства не старались привязать къ себѣ молодыхъ людей, способныхъ служить, поддерживать, украсить царствованіе государей, дарованныхъ намъ Богомъ. Твоему бѣдному отцу очень трудно воспитывать шестерыхъ дѣтей и не уронить свое званіе въ бѣдствіяхъ нашей пустынной жизни. Родственники твои добры и нѣжны, но не хотятъ понять, что нуженъ свободный воздухъ и дѣйствіе для пожирающей дѣятельности двадца-

тигитной души! Вотъ моя послѣдняя драгоценность. Я обѣщала матушкѣ разстаться съ этимъ перстнемъ въ крайней необходимости. Возьми, продай его, пусть онъ послужитъ на то, чтобы провести нѣсколько лишнихъ недѣль въ Парижѣ! Это послѣдній залогъ вѣрности, который я бросаю для тебя въ лотерею судьбы! Онъ принесетъ тебѣ счастье, потому что я бросаю съ этимъ перстнемъ всё моё, всю нѣжность, всю заботливость мою къ тебѣ.

Я взяла перстень, поцѣловавъ руку матушки и уронила слезу на бриллиантъ. Онъ послужилъ мнѣ не къ тому, чтобы искать или выжидать милости могущественныхъ людей, которые отвергивались отъ моего ничтожества, но прожить три мѣсяца божественной жизнью сердца, которой одинъ день стоитъ столѣтій величія. Этотъ священный бриллиантъ былъ для меня клеопатриной жемчужиной, распушенной въ бокалъ моей жизни; онъ помилъ меня нѣсколько времени любовью и блаженствомъ!

Я совершенно переѣхался въ то время изъ уваженія къ безпрестаннымъ пожертвованіямъ матушки и отъ сосредоточенія всѣхъ мыслей въ одну: увидѣть кого я любилъ и продолжить какъ можно долѣе самой строгой экономіей тѣ короткіе дни, которые мнѣ можно было провести съ Юліей. Я сдѣлался расчетливъ и скупъ какъ старикъ. Мнѣ казалось, что каждая изъ держанная копейка была часомъ блаженства или затерянной каплей жизни. Я рѣшился жить какъ Жанъ Жакъ Руссо ничѣмъ или не многимъ; отнять у тщеславія, у одежды, у пищи все, что мнѣ хотѣлось отдать святому упоенію души. Однако я смутно надѣялся извлечь для любви пользу изъ моего таланта, который знали только не многіе друзья, изъ нѣсколькихъ стиховъ. Въ три протекшіе мѣсяца я написалъ въ бессонные часы, небольшой томъ любовныхъ, мечтательныхъ и благочестивыхъ стихотвореній, смотря потому, какія ноты, нѣжныя или важныя, настроивало во мнѣ воображеніе. Я старательно и самымъ лучшимъ почеркомъ переписалъ эти стихи; читалъ ихъ частью батюшкѣ, превосходному, но разборчивому судѣ. Нѣкоторые друзья выучивали отрывки ихъ наизусть. Я перепелъ мое поэтическое сокровище въ папку и зеленую бумажку, цвѣтъ благовѣщій для ожидаемой славы.

Я открылъ эти стихи отъ матушки, потому что ея цѣломудрен-

ная и благочестивая непорочность духа возмущалась бы античнымъ сладострастіемъ нѣкоторыхъ элегій. Я надѣялся, что добросердечная грація и крылатый энтузіазмъ этихъ стихотвореній прельстятъ попятливаго издателя, что онъ купитъ или по крайней мѣрѣ согласится напечатать его на свой счетъ, и что вкусъ публики, подстрекнутый новостью этого слога, выключившагося въ лѣсу, брызнувшаго изъ родника, доставитъ мнѣ состояніе и извѣстность.

Мнѣ нечего было заботиться отыскивать квартиру въ Парижѣ. Одинъ изъ друзей моихъ, молодой графъ де-В*** только что возвратившійся изъ путешествія, долженъ былъ провести тамъ зиму и весну. Онъ предложилъ мнѣ раздѣлить небольшую комнату, занимаемую имъ надъ комнатою привратника въ великолѣпномъ домѣ маршала де-Ришліе въ улицѣ Neuve-Saint Augustin. Этотъ домъ былъ послѣ срытъ. Графъ де-В***, съ которымъ я переписывался почти ежедневно, зналъ обо всемъ. Я далъ ему рекомендательное письмо ко Юліи, чтобы онъ узналъ душу моей души и понялъ если не бредъ, то по крайней мѣрѣ обожаніе мое къ этой женщинѣ. Съ перваго взгляду онъ точно понялъ и раздѣлялъ мой восторгъ. Письма, которыя онъ писалъ мнѣ, были наполнены уваженіемъ и почти благоговѣніемъ къ этому грустному явленію, висящему между жизнью и смертію, по удерживаемому, говорилъ онъ, неизъяснимой любовью ко мнѣ. Онъ не переставалъ говорить мнѣ объ ней, какъ о небесномъ дарѣ, подаренномъ Богомъ глазамъ моимъ и сердцу. Этотъ даръ долженъ былъ возвысить меня выше человѣчества, пока я буду покрытъ его божественнымъ сіяніемъ. Убѣжденный въ сверхъестественномъ и святомъ свойствѣ нашей привязанности, В*** считалъ любовь вашу добродѣтелью, хотѣлъ быть повѣреннымъ и посредникомъ между нами. Юлія съ своей стороны говорила мнѣ о В*** какъ объ единственномъ другѣ достойномъ меня, къ которому она хотѣла бы увеличить мою дружбу, а не уменьшитъ изъ недостойной сердечной ревности. Оба торопили меня ѣхать. В*** одинъ зналъ тайныя причины и матеріальную невозможность, удерживавшія меня до-тѣхъ-поръ. Несмотря на всю преданность, которую до самой смерти доказывалъ онъ мнѣ постоянно во время превратностей моей жизни, тогда онъ не былъ въ состояніи уничтожить эти препятствія. Мать его истощила свои средства, чтобы дать ему воспитаніе достойное его званія и отправить пу-

тешествовать по Европѣ. Онъ возвратился по уши въ долгахъ, и могъ предложить мнѣ только уголокъ въ квартирѣ, за которую платило его семейство. А во всемъ остальномъ онъ въ то время былъ также бѣденъ и такъ же связанъ какъ я тѣмъ стѣсненнымъ домашнимъ положеніемъ, которое Горацій такъ жестоко опредѣлялъ: *Res angusta domi*.

Я уѣхалъ изъ М*** въ одной изъ маленькихъ одноколку, составленныхъ изъ деревянной скамейки на оси и изъ четырехъ колевъ воткнутыхъ въ носилки, съ покрывкой изъ смоленого холста противъ дождя. Такую одноколку везетъ одна лошадь, которая смѣняется всякія четыре или пять миль отъ села до села. Въ то время она служила къ провозу каменщиковъ изъ Бурбоннѣ изъ Оверна, усталыхъ пѣшиходовъ и бѣдныхъ солдатъ, которые натерли себѣ ноги въ походѣ и старались добраться за нѣсколько грошей до этапнаго поста.

Мнѣ не было ни стыдно ни тяжело такъ пошло путешествовать. Если бы я шелъ босыми ногами по снѣгу, я былъ бы не менѣ гордъ и счастливъ. Я, такимъ образомъ, сберегъ одинъ или два лундора, которыми могъ купить дни блаженства. Я доѣхалъ до парижской заставы, не примѣтивъ мостовой на дорогѣ. Ночь была темная, дождь лилъ ливнемъ. Я набросилъ на плеча дорожный плащъ и постучался въ двери скромной квартиры графа В***.

Онъ ждалъ меня, обнялъ, заговорилъ объ Юліи. Я не уставалъ спрашивать и слушать его. Въ этотъ самый вечеръ я долженъ былъ увидѣться съ Юліей!... В*** пойдетъ увѣдомить ее о моемъ приздѣ и приготовить къ радости. Когда все разойдется изъ гостиной Юліи, В*** выйдетъ послѣдній и придетъ сказать мнѣ въ сосѣдную кофейную, о томъ, что она одна, и я побѣгу броситься къ ея ногамъ. Уже послѣ всѣхъ этихъ свѣдѣній я вздумалъ высушить платье у каминна, закусить кое что и поселиться въ темномъ альковѣ въ передней. Эта передняя освѣщалась крошечнымъ окномъ и нагрѣвалась печкой. Я одѣлся съ благопристойной простотою, которая не заставила любившую меня, краснѣть за меня передъ ея друзьями.

Въ одиннадцать часовъ мы вышли съ В*** пѣшкомъ, и дошли вѣстѣ до окна, уже знакомаго мнѣ. У двери стояло три кареты.

В*** вошелъ; я отправила ждать его въ условленномъ мѣстѣ. Какъ оказался мнѣ дологъ этотъ часъ! Какъ проклиналъ я развѣдушныя можетъ быть посѣтителей, которыхъ невольная дѣкучливость, чтобы провести нѣсколько праздныхъ часовъ, оставляла, безъ вѣдома, порывъ двухъ сердецъ, считавшихъ муку свою по каждому біенію! Наконецъ В*** показался. Я бросилась по его слѣдамъ. Онъ оставилъ меня у двери, а вошелъ.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ЖИЗНЬ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА.

=

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

=

ГЛАВА XI.

Въ половинѣ 1814 г. Карамзинъ оканчивалъ дописывать княженіе Василя Іоанновича Третьяго и помышлялъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы издать тамъ свою исторію.

Блаженной памяти Императрица Марія Ѳеодоровна въ 1814 году, сорвавъ въ розовомъ павильонѣ своемъ розанъ, поручила сенатору Юлію Александровичу Нелединскому-Мелецкому отправить его въ знакъ памяти къ Н. М. Карамзину, находившемуся тогда въ подмосковной князя Петра Андреевича Вяземскаго. Вотъ по этому случаю отвѣтъ Николая Михайловича Нелединскому:

«Давно оставленный розами, могъ ли я ждать къ себѣ такой гостьи? Развертываю, удивляюсь, читаю остроумное письмо съ любопытствомъ, нетерпѣніемъ — и вдругъ отъ живѣйшей признательности чуть не плачу. Важный исторіографъ любитъ розою, какъ пастушокъ. Она священна; не смѣю цѣловать ея, но смѣю гордиться ею. Какимъ наградамъ

позавидую? Вопреки старинной пословицѣ о розахъ, моя роза будетъ нетлѣнною; будетъ всегда благоухать для моего сердца милостію богини Павловской, напоминая мнѣ прекрасный вечеръ, тихое сіяніе катящагося къ западу солнца, на лазуревомъ небѣ, бѣсъдѣку Флоры, а въ ней добродѣтельную Государыню Императрицу и любезнѣйшую Великую Княгиню, съ благоволеніемъ внимающихъ чтенію скромныхъ стиховъ, которые только въ сію минуту сдѣлались счастливыми. А вы, любезный чтець, одушевивъ мои строфы голосомъ чувства, сдѣлайте другое одолженіе автору: повергните его къ священнымъ стопамъ богини съ усерднѣйшимъ изъявленіемъ сердечной благодарности.

«Теперь должно отгадать загадку*. Авторъ былъ счастливъ, но чтець не совсѣмъ, хотя сдѣлалъ между Августѣйшею Матерію и Сестрою Александра, истинно великаго; хотя онѣ смотрѣли чтецу въ глаза, и слушали его со вниманіемъ!... *Лютній вечеръ, близость воды, дымъ жертвъ*.... довольно для Эдипа; отвѣтствую сфинксу апологомъ персидскаго стихотворца Сади:

«Великій Хозрой, побѣдивъ множество народовъ, сдѣлалъ въ садахъ своихъ на тронѣ; предъ нимъ стояли вельможи рядами въ глубокомъ безмолвіи. Царь спросилъ: «о чемъ вы думаете?» Вельможи отвѣчали съ низкимъ поклономъ: «о гибели враговъ твоихъ. Всѣ лежатъ въ землѣ. Кто отнынѣ дерзнетъ беспокоить тебя?» — «Комаръ», сказалъ царь: «укусивъ меня, онъ скрылся отъ моей мести». Вельможи бросились за комаромъ. Царь улыбнулся, сошелъ съ трона и возвратился во дворецъ, потирая свой лобъ».

«Выпускаю правоученіе басенника; но не случилось ли съ вами того же, что съ великимъ Хозроемъ? Комары самые злѣйшіе враги мои въ свѣтѣ. Вамъ досталось отъ нихъ за меня, потому что я, миролюбивый гражданинъ, нещадно проливалъ ихъ кровь въ своей жизни.

«Простите, не скажу для васъ ничего новаго, говоря о душевной къ вамъ привязанности и высококонечтанія».

Въ октябрѣ того же года историографъ писалъ къ брату: «Я не знаю, поѣдемъ ли мы въ Петербургъ, куда влечетъ меня намѣреніе издать написанные мною томы исторіи. Пишу царя Ивана Васильевича; но не думаю, чтобъ я могъ продолжать далѣе; слабѣютъ силы и охота. Хотѣлось мнѣ

* Встрѣтно, помѣщенную въ письмѣ Пеллѣвскаго къ Карамзину.

въ прибавокъ описать исторію нашего времени, т. е. наше-
ствіе Французовъ; но едва ли эта мысль исполнится по раз-
нымъ обстоятельствамъ» (М., 20 окт. 1814 г.).

Извѣстно, что Карамзинъ находился въ частой перепискѣ
съ Н. И. Новиковымъ; но изъ переписки этой сохранились
только письма, относящіяся именно къ этому же времени.
Вотъ онѣ :

Первое письмо. «Изъ сочиненій вашихъ . писалъ Нови-
ковъ къ Карамзину, шестой и седьмой томы я съ возмож-
нымъ мнѣ вниманіемъ прочиталъ отъ доски до доски; о
пріятномъ, хорошемъ и прекрасномъ говорить теперь ничего
не буду, но что касается до философіи, о томъ хочу нѣсколько
словъ сказать. Извините меня, мой любезный, что я съ нею
не со всѣмъ согласенъ; я нахожу. въ ней болѣе пылкости во-
ображенія и увлеченія въ царство возможностей, нежели осно-
вательности. Но я думаю, что нынѣ и вы сами не будете на
все согласны. Скажите мнѣ, угадалъ ли я, что въ письмахъ
«Мелодора къ Филалету», и «Филалета къ Мелодору», также
и въ разговорѣ о счастіи названъ Филалетомъ покойный лю-
безный молодой человекъ П....; потому что при чтеніи сихъ
піесъ мнѣ казалось, что обоихъ васъ вижу. Молодой Фила-
летъ со стоическою холодностію философствуетъ, а фило-
софія холодная мнѣ не нравится; истинная философія, ка-
жется мнѣ, должна быть огненна, ибо она небеснаго проис-
хожденія; однако, любезнѣйшій мой, не забывайте, что съ
вами говоритъ идиотъ (невѣжда), не знающій ни какихъ язы-
ковъ, не читавшій ни какихъ школьныхъ философовъ, и они
никогда не лезли въ мою голову: это странность, однако
истинно было такъ, но о семъ въ другое время. И у меня
есть свой Филалетъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ
одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ между прочимъ:
«покажите мнѣ науку, которая была бы совершеннымъ, а не
поддѣланнымъ отпечаткомъ творенія! которая могла бы ве-
сти меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бѣга! чрезъ
которую могъ бы я вѣрно придти къ познанію всѣхъ тайнъ, въ
натурѣ скрытыхъ!»

«Ежели кто захочетъ согласиться умомъ и сердцемъ со
мнѣніемъ моего Филалета, — что кажется и должно сдѣлать,
ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова
другихъ, — такъ философія вашего Филалета должна остано-
виться и призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣ-

дующихъ не будутъ совершенно согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ бесполезны. Что есть философія и откуда она? Изобрѣтена ли человѣкомъ, или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она человѣческая. А мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣкѣ во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ и перемѣнятся въ другія новыя; намъ любезнѣе всего новое, новое и новое. Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій; за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота, и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ газами, то есть пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? не письмами, но фолиантами развѣ можно описать оныя. Любезные древніе философы совсѣмъ не такъ разумѣли философію; но о семъ много бы говорить было надобно, а потому я сію матерію окончу.

«Извините меня, любезный другъ, что я кое-что сказалъ смутно, и безпорядочно, что только по слабости моей въ мысль пришло.

Второе письмо. «Сердечно сожалью, любезнѣйшій другъ мой Николай Михайловичъ, о худомъ здоровьѣ вашемъ, равно и о томъ, что не сказали вы мнѣ о болѣзни вашей. Можетъ быть я нѣсколько и помогъ бы вамъ, ибо по благости Господней имѣю въ медицинѣ, хотя небольшое, однако изрядное основаніе. Ежели вы не уѣхали еще въ Петербургъ, то скажите мнѣ о болѣзни вашей хотя коротко. И ваше письмо застало меня очень нездоровымъ; но въ моихъ припадкахъ одно только лекарство — терпѣніе.

«Вы меня обрадовали, сказавъ, что не стоите за философію и пр. Я думаю, что тотъ только можетъ назваться прямо ищущимъ, который, хотя и ошибаясь, однако искалъ истину, и наконецъ во истину найдетъ истину; ибо Христосъ Спаситель нашъ сказалъ: «Ищите и обрящете, толкайтесь и отворится вамъ, просите и дастся вамъ». И въ другомъ мѣстѣ сказалъ: «Ищите прежде Царствія Божія и правды его, а прочее все приобрѣтено вами будетъ».

«Вамъ 49 лѣтъ. Это годъ климатеричный; вамъ сей годъ есть годъ полной чести и славы, а миѣ этотъ годъ былъ полонъ скорби и печали. Какъ различно поступаетъ съ нами Милосердіе Божіе; одного ласкою, другаго розгою влечетъ къ себѣ: блаженъ, кто и то и другое употребляетъ въ пользу свою!»

«Сердечно сожалѣю, и буду сожалѣть, ежели не увижу васъ до отъѣзда вашего въ С.-Петербургъ. Я желалъ бы дня два провести съ вами въ искренней и сердечной бесѣдѣ о томъ, что для насъ нужнѣе всего; но мы должны во всемъ покоряться воли Божіей. Теперь по-крайней-мѣрѣ желаю того, чтобы вы возвратились въ Москву въ августъ, такъ можетъ быть Господь благословилъ бы дозволить миѣ увидѣться съ вами. Вы говорили также, что желали бы поговорить со мною о нѣкоторыхъ статьяхъ моего письма послѣдняго, и я сердечно бы этого желалъ, наипаче потому: 1) что пишу не своею рукою и къ диктатурѣ не привыкъ; сказываю, какъ мысль приходитъ, а не въ порядкѣ, какъ бы я желалъ; 2) что слабость моя мѣшаетъ сказывать, и малѣйшее слово въ то время миѣ сказанное, прерываетъ нить. Духъ нашъ наружными обстоятельствами угнѣтается, и какъ бы упадаетъ, но когда онъ вступить въ дѣйствование, выходя изъ состоянія страдательнаго, тогда и наружная машина наша укрѣпляется и дѣлается свободною.

«Кстати: вы упомянули въ письмѣ вашемъ о меланхолиі: я принималъ это слово, въ сочиненіяхъ вашихъ не рѣдко употребляемое, за обыкновенное выраженіе *пріятной задумчивости*, но въ письмѣ выражено какъ будто вы подвержены сей болѣзни, что меня опечалило; но я надѣюсь подать вамъ средство къ истребленію оной.... Читайте Апостольскія Дѣянія, и весь Новый Заветъ; читайте чаще, замѣчайте отличнѣйшіе тексты, и ежели дѣйствительно подвержены вы ипохондріи, то отъ сего лѣкарства она совершенно истребится. Послушайтесь совѣта отличнѣйшаго *ученика любви* Святаго Іоанна; онъ въ четвертой главѣ перваго посланія совѣтуетъ испытывать духовъ; прочитайте не только всю главу, но и всѣ его посланія и самое Евангеліе, имъ писанное; что касается до его Апокалипсиса, то онъ для насъ весьма, весьма высокъ. Многіе марали бумагу, ниша изъясненіе онаго; но ежели бы они воистину разумѣли одну только главу, или часть только оной, то никогда бы не дерзнули изъяснять онаго. Мойсей описалъ намъ тво-

реніе и паденіе человѣка, а Св. Іоаннъ въ откровеніи своемъ описалъ возстановленіе и возведеніе человѣка гораздо въ высшую степень, нежели въ какой онъ былъ въ Раѣ; кратко сказать, Мойсей показалъ намъ Альфу, а Святой Іоаннъ Омегу.

«Кажется мнѣ, что я никогда бы не пересталъ писать къ вамъ и изливать на бумагу мысли и сердце мое, исполненное искренней любви къ вамъ и желанія вамъ всего добра или блага, не толко временнаго, но паче вѣчнаго; однакожь и сему положить должно границы».

Письма Новикова вообще весьма для насъ важны, по многимъ причинамъ. Съ одной стороны, онѣ даютъ средства вполне понять отношенія Новикова къ Карамзину: съ другой — онѣ достаточно опредѣляютъ необыкновенную въ свое время личность Новикова.

Въ іюлѣ 1815 года Карамзинъ доканчивалъ осьмой томъ «Исторіи Государства Россійскаго» и писалъ къ брату:

«А если Богъ дастъ намъ миръ, и будемъ здоровы, то зимою опять начну помышлять о Петербургѣ, чтобы издать твою Исторію и тѣмъ доставить себѣ возможность къ воспитанію дѣтей и къ заплатѣ долга, если Богъ поможетъ. Дописываю осьмой томъ, содержащій въ себѣ завоеваніе Казани и Астрахани; а въ девятомъ надобно описывать владычество Царя Ивана Васильевича» (Ост., 24 іюля 1815 г.).

Въ ноябрѣ 1815 г. историографъ писалъ къ Тургеневу:

«Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Десять дней тому, какъ мы погребли милую нашу дочь Наташу, а другія дѣти въ той же болѣзни, въ скарлатинѣ. Не скажу ничего болѣе. Вы и добрый Жуковскій объ насъ пожалеете. — Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать цѣну и знаки вашей дружбы, только не легко говорить. Отвѣчаю на главное, на наше *omnis moriis*. *Жить* есть не писать исторію, не писать трагедіи, или комедіи; а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все другое любезный мой пріятель, есть шелуха, — не исключая и моихъ восьми или десяти томовъ. Чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея. Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ, въ минуту невольнаго живаго чувства написалъ: *douss paix de l'ame, résignée aux ordres de la Providence!* Даже Спиноза гово-

рять о необходимости какой-то неясной любви къ Вышнему для нашего благоденствія! — Мало разницы между мелочными и такъ называемыми важными занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣляйте, что и какъ можете, только любите добро; а что есть добро — спрашивайте у совѣсти. Быть статсъ-секретаремъ, министромъ, или авторомъ, ученымъ: все одно!

Обнимаю васъ въ заключеніе. Пока живу и дввжусь, при-сылайте мнѣ относящееся къ Русской Исторіи: Византійцевъ, Лерберга, Круга. Прошу васъ изъяснить мою душевную признательность Алелунгу: умѣю цѣнить достоинство труда его. — Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться въ Москву посмотрю на купленное Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ «Слово о полку Игоревѣ»: это любопытный подлогъ. Простите. Еще разъ обнимаю васъ съ искренностію дружбы. На вѣки преданный вамъ» (Ост., 7 ноября 1815 г.).

О другихъ обстоятельствахъ жизни исторіографа въ 1815 году мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній: не сохранилось ни писемъ къ брату, ни къ Александру Ивановичу Тургеневу, по-крайней-мѣрѣ онѣ не приведены еще во всеобщую извѣстность.

Гораздо богаче письмами 1816 годъ. Въ самомъ его началѣ исторіографъ писалъ къ брату:

«Имѣю намѣреніе чрезъ двѣ недѣли ѣхать въ Петербургъ, чтобы представить Государю осемь томовъ моей исторіи. Великой Княгини уже не могу тамъ застать къ сожалѣнію. Впрочемъ, чему быть, то будетъ. Императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ милостиво звала меня въ Петербургъ; Самъ Государь нѣкогда изъявлялъ желаніе видѣть меня тамъ. Уже не время откладывать печатаніе Исторіи; старѣюсь и слабѣю, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти» (М., 19 янв. 1816 г.).

Вотъ довольно замѣчательное письмо Карамзина къ Тургеневу, писанное въ апрѣлѣ этого года:

«Любезнѣйшій мой Александръ Ивановичъ! Дружеское письмо ваше, отъ третьяго апрѣля, тронуло меня до глубины сердца. Знаю, что вы меня любите; но когда это чувствую, тогда въ сердцѣ моемъ дѣлается какое-то особенное движеніе. Мы, два Сибиряка; платимъ и даемъ въ займы другъ другу; раз-

считаемся вѣрно въ день послѣдней земной разлуки. Однако же могу посмѣяться надъ вами: надъ вашею въ меня вѣрою! Она не обманетъ васъ только въ одномъ смыслѣ: вѣрте моею искренности и дружбѣ; остальное не важно. Я не мистикъ и не адептъ; хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ, хочу любить какъ можно болѣе, не мечтаю даже и о вознагражденіи нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ среду, не много получше того, какъ мы были во вторникъ, и довольно для насъ лѣнивыхъ! Жуковскій есть истинный намъ братъ. Съ такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствуетъ Арзамасъ! Я видѣлъ вашу матушку и поѣду къ ней на сѣдмь дней, чтобы поговорить объ васъ. Очень желаю свѣдать что нибудь навѣрное о Царскомъ Селѣ: мнѣ хотѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, а не въ Петербургъ, гдѣ у меня нѣтъ пристанища. Вамъ все поручаю; можете напомнить и доброму, обязательному Гнязю. Жаль будетъ мнѣ оставить Москву: это мирная гавань! Не говорю о людяхъ: говорю только о своемъ спокойствіи. Да будетъ, что угодно Всевышнему! — Простите. Обнимаю васъ крѣпко. Навѣки преданный вамъ» (М., 13 апр. 1816 г.).

Въ маѣ Карамзинъ собрался ѣхать въ Петербургъ и писалъ къ брату:

«Думаемъ послѣ завтра ѣхать въ Петербургъ, или, лучше сказать, Царское Село, гдѣ Государь приказалъ отвести мнѣ домъ на лѣто. Еще не знаю, останусь ли въ Петербургъ, или въ августѣ возвращусь въ Москву печатать свою Исторію. Петербургскіе типографщики требуютъ слишкомъ дорого за тисненіе, да и жить тамъ весьма не дешево» (М., 16 мая 1816 г.).

Приѣхавъ въ Петербургъ и обжившись нѣсколько, исторіографъ пишетъ къ Василю Михайловичу изъ Царскаго Села:

«Уже третью недѣлю живемъ здѣсь, и довольно пріятно. Я былъ у Государя и видѣлъ Его въ другой разъ на балѣ въ Павловскѣ у Императрицы. Онъ такъ милостивъ, что два раза присылалъ спрашивать о здоровьѣ жены моей, которая было занемогла отъ простуды. Впрочемъ еще не знаю, останусь ли здѣсь для печатанія моей исторіи, или возвращусь въ Москву. Жить въ Петербургѣ очень дорого; могу много задолжать въ два года. Царское Село есть прекрасное мѣсто

и, безъ сомнѣнія, лучшее вокругъ Петербурга. Здѣсь все напоминаетъ Екатерину. Какъ перемѣнились времена и обстоятельства! Часто въ задумчивости смотрю на памятники Чесмы и Кагула» (Царское Село, 12 июня 1816 г.).

Окончивъ осьмой томъ своей исторіи послѣ четырнадцати лѣтъ самой томительной и трудной работы, Карамзинъ поднесъ ее (8 декабря 1816) Императору Александру. Государь принялъ этотъ трудъ съ благоволеніемъ, повелѣлъ напечатать, безъ цензуры, пожаловалъ Карамзину чинъ статскаго совѣтника, орденъ Святой Анны 1-й степени, и шестьдесятъ тысячъ рублей на изданіе. Въ рескриптѣ, данномъ по этому случаю на имя Карамзина Императоромъ Александромъ, сказано: «Мы удостоивлены, что сіе послужитъ вамъ ободреніемъ къ совершенію труда, который передастъ имя ваше, вмѣстѣ съ славными подвигами предковъ, потомству».

Императоръ Александръ самъ предварительно разсматривалъ, въ рукописи, оконченные осемь томовъ исторіи и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. — Съ того времени Карамзинъ поселился въ Петербургѣ и продолжалъ по прежнему трудиться надъ своей исторіей.

По полученію средствъ на изданіе первыхъ осьми томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзинъ провелъ весь 1817 годъ въ чтеніи корректуръ своего историческаго труда, какъ это видимъ изъ писемъ его къ брату.

Въ февралѣ 1817 года Николай Михайловичъ писалъ:
«Давно я не писалъ къ вамъ, и винюсь предъ собою. Часто бываю нездоровъ, беспокоюсь о дѣтяхъ, часто нездоровыхъ; хлопочу съ типографіями, съ утра до вечера занимаюсь корректурами — и время проходитъ. Веселья для меня уже нѣтъ на свѣтѣ: благодарю Бога за нѣкоторыя минуты тихія и пріятныя. Ѣздить лѣнюсь. По праздникамъ бываю во Дворцѣ, съ поздравленіемъ, или на балѣ; въ двѣ недѣли разъ обѣдаю у вдовствующей Императрицы. Государя вижу только издали. Только одинъ разъ Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ; но на сихъ дняхъ изъявилъ мнѣ боль-

шую милость тѣмъ, что по моей просьбѣ велѣлъ причислить къ герольдіи одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника, удаленнаго отъ дѣлъ. Будучи связанъ пріязнію съ этимъ человекомъ, я осмѣлился написать къ Императору письмо, которое имѣло счастливое дѣйствіе. Это обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Буду любить Его, пока живу на свѣтѣ. Люди здѣсь довольно привѣтливы; но я уже старѣюсь и не имѣю охоты таскаться изъ дому въ домъ. Иногда посѣщаютъ насъ пріятели, и мы проводимъ вечера веселуно. Думаемъ, напечатавъ Исторію, возвратиться въ Москву, чтобы тамъ кончить жизнь.... Не знаю, будемъ ли въ Царскомъ Селѣ. Корректуры также привязываютъ меня къ городу» (Спб. 18 Февр. 1817 г.).

Помышляя провести послѣдніе годы жизни въ Москвѣ, Карамзинъ объ ней только и думалъ, что видимъ и въ письмѣ къ брату, писанномъ въ мартѣ того же года:

«Живемъ, какъ и прежде, болѣе семейственно, нежели въ свѣтѣ. Иногда заглядываю во Дворецъ; бываю у милостивой ко мнѣ Императрицы вдовствующей, а Государя вижу мелькомъ; однако жъ онъ изъясняетъ милостивое къ намъ вниманіе, когда встрѣтится съ нами.

«Впрочемъ съ утра до вечера занимаюсь изданіемъ моей «Исторіи», т. е. печатаніемъ. Это еще продолжится около года. Тогда, если будемъ живы, возвратимся въ Москву, чтобы кончить жизнь въ тишинѣ» (Спб., 27 марта 1817 г.).

Занятый исключительно своими корректурами Карамзинъ писалъ въ маѣ:

«На сихъ дняхъ мы переѣхали въ Царское Село, въ тотъ же домикъ. Наслаждаемся прекрасными мѣстами и прекраснымъ временемъ. Императрицы обошлись съ нами милостиво: мы у нихъ были съ поклономъ и обѣдали въ Павловскѣ; а Государя видѣли въ саду. Онъ также милостиво разговаривалъ съ нами. Впрочемъ думаемъ жить уединенно. И здѣсь главнымъ дѣломъ моимъ будетъ печатаніе исторіи: изъ города присылаютъ ко мнѣ корректуры; теперь печатаютъ 2, 3, 4, 5 и 6 томы; готовъ одинъ первый; надѣюсь однакожъ, что все кончится къ декабрю—и тогда немедленно отправлю къ вамъ, любезный братъ, всѣ восемь томовъ. Въ послѣднемъ дошелъ я только до 1560 года и остановился на зло-

дѣйствахъ Іоанна Грознаго. Богъ знаетъ, буду-ли продол-жать! По крайней мѣрѣ, теперь занимаюсь единственно печатаніемъ. Боюсь отвыкнуть отъ сочиненія. Впрочемъ я до-волью трудился. Да будетъ, что угодно Богу!

«У насъ, слава Богу, все тихо, а въ Европѣ кожной и го-лодно и мрачно. Во многихъ земляхъ свирѣпствуютъ болѣз-ни отъ худой пищи. Между тѣмъ шумятъ о конституціяхъ. Сапожники, портные хотятъ быть законодателями, особенно въ ученой нѣмецкой землѣ. Покойная Французская рево-люція оставила семя, какъ саранча: изъ него выползаютъ гад-кія насѣкомыя. Такъ кажется. Впрочемъ будетъ, чему быть надобно по закону Вышней Премудрости. Еслибы у меня былъ веселый характеръ, то я сталъ бы смѣяться; но буду-чи меланхоликомъ, хмурю брови на дерзкую глупость, на безстыдное шарлатанство, на подлое лицемѣріе, въ тоже время смиряясь душою передъ Богомъ. Жизнь моя склоняет-ся къ западу» (Царское Село 22 мая 1817 г.).

«И нынѣшнее лѣто, любезный братъ, писалъ Николай Ми-хайловичъ, насъ очень ласкаютъ и въ Царскомъ Селѣ и въ Па-вловскомъ: за то мы умѣемъ быть признательными въ глу-бинѣ души и къ доброму милостивому Государю и къ доб-рымъ Императрицамъ. Однакожь вслѣдъ за Дворомъ не по-ѣдемъ въ Москву: зимою съ малолѣтними ѣхать тяжело; а исторія моя не отпечатается прежде декабря. И такъ, если будемъ живы, встрѣтимъ Государя весною въ Царскомъ Се-лѣ; проживемъ здѣсь до августа, а тамъ отправимся въ ста-рушку Москву доживать вѣкъ, хотя милостивый Импера-торъ и говоритъ, что намъ лучше остаться здѣсь. Я уже стар-ѣюсь: неизвинительно быть суетнымъ, когда могила передъ глазами, а польза сомнительна: способности мои уже не цвѣ-тутъ, а вянуть, какъ думаю. Остальное надо посвятить продолженію исторіи» (Царское Село, 14 августа 1817 г.).

Въ октябрѣ исторіографъ писалъ:

«Винюсъ предъ вами и предъ собою, не писавъ такъ давно. Типографскіе хлопоты отнимаютъ у меня время и свободу духа. Къ новому году авось отдѣлаюсь. Между тѣмъ при-шлю къ вамъ по той почтѣ первый томъ, а зимою остальные семь, если Богъ дастъ.... Мы разстались со Дворомъ какъ не-льзя лучше. Государь въ Царскомъ Селѣ заѣзжалъ къ намъ

прощаться. Императрицы также до самаго отъѣзда были милостивы. Теперь живемъ уединенно въ пустомъ Петербургѣ, хотя и великолѣпномъ. Если спросите, кого здѣсь люблю больше? то скажу въ отвѣтъ: Государя, Императрицъ и Неву! Въ самомъ дѣлѣ, ни кто насъ здѣсь столько не ласкалъ, не поилъ и не кормилъ, какъ Дворъ, особенно въ лѣтніе мѣсяцы. Дай Богъ только, чтобы хорошо раздѣлаться съ исторіею, и чтобы хотя въ старости зажить въ своемъ домикѣ... Денегъ проживаемъ много, хотя во всемъ роскошномъ себѣ отказываемъ. Худо, если «Исторія» не поправитъ нашего состоянія» (Спб., 26 октября 1817 г.).

Когда Императорскій Дворъ отправился на зиму, въ Москву, возникавшую изъ собственнаго пепла, Карамзинъ погостилъ также въ стѣнахъ древней столицы, и по желанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны, написалъ очеркъ ея памятниковъ, подъ заглавіемъ «Записка о московскихъ достопамятностяхъ, для нѣкоторой особы. Ѳхавшей изъ Петербурга въ Москву». Вотъ что самъ авторъ говорить объ этомъ бѣгомъ своимъ взглядѣ на древнюю столицу.

«Я писалъ «Записку о московскихъ достопамятностяхъ» на память; могъ иное забыть, но не забылъ главнаго». Здѣсь Карамзинъ описываетъ сначала прежнюю исторію Москвы, потомъ всѣ ея историческія достопамятности и окрестности. Статья эта была напечатана въ «Украинскомъ Вѣстникѣ», издававшемся въ Харьковѣ и возбудила сильную критику Каченовскаго, который доказывалъ, что записка эта не можетъ принадлежать перу исторіографа по своимъ ошибкамъ, и что она подложна. Но не смотря на такую строгую критику, Карамзинъ внесъ ее въ собраніе своихъ сочиненій, изданное 1820 году съ слѣдующею оговоркою: «Авторъ согласился напечатать здѣсь эту записку единственно для того, что она безъ его вѣдома, была напечатана въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» съ ошибками.—Не смотря на упреки Каченовскаго, статья эта очень интересна. Въ концѣ ея Карамзинъ говоритъ: «Въ заключеніе скажемъ, что Москва будетъ всегда истинною столицею Россіи. Тамъ средоточіе царства, всѣхъ движеній торговли, промышленности, ума гражданскаго. Красивый, великолѣпный Петербургъ дѣйствуетъ на государство въ смыслѣ просвѣщенія, слабѣе Москвы, ку-

да отцы везутъ дѣтей для воспитанія, и люди свободные ѣдутъ насладиться пріятностями общежитія. Москва непосредственно даетъ губерніямъ и товары и моды и образъ мыслей. Ея полу-азіятская фізіономія, смѣсь пышности съ неопрятностію, огромнаго съ мелкімъ, древняго съ новымъ, образованія съ грубостію, представляетъ глазамъ наблюдателя нѣчто любопытное, особенное, характерное. Кто былъ въ Москвѣ, знаетъ Россію». * Тутъ сказано еще многое въ пользу Москвы, и заключено словами: «Москва заслуживаетъ имя *доброй*».

Карамзинъ оканчиваетъ 1817 годъ письмомъ къ брату:

«Давно уже послалъ я къ вамъ первый томъ исторіи: надѣюсь, что вы его получили. Въ исходѣ гевваря, какъ думаю, выдамъ наконецъ всѣ восемь томовъ.

«Мы, благодаря Бога, почти совсѣмъ здоровы. Утѣшаемся дѣтьми, живемъ тихо и видимъ мало людей. Говорятъ, что Дворъ не возвратится сюда прежде іюня. Располагаемся прожить здѣсь до августа, не долѣе; хорошо, еслибъ къ тому времени хотя половина книги моей сошла съ рукъ, и съ честью для автора. — Коротко ли вы познакомились съ вашимъ губернаторомъ? Такъ ли онъ молодъ духомъ, какъ прежде? — Еще не знаю, буду ли продолжать исторію по изданіи осьми томовъ. Все въ рукъ Божіей: и моя судьба и моя исторія» (Спб., 27 дек. 1817.):

Приведемъ разсказъ Стурдзы о встрѣчѣ съ Карамзинымъ, относящійся къ первымъ временамъ пребыванія Николая Михайловича въ Петербургъ, именно къ 1817 году.

«Очень памятно мнѣ то время, пишетъ Стурдза, когда Карамзинъ переселился изъ Москвы въ Петербургъ, по зову Императора Александра-Перваго; въ то время, когда скромный труженикъ явился на судъ сѣверной столицы съ безсмертными плодами тринадцати-лѣтнихъ трудовъ своихъ надъ отечественною исторіею. Предубѣжденія личныя и самородное чувство зависти, которое гнѣздится въ чловѣкѣ естественномъ, кривые толки педантовъ и свѣтскихъ людей, все умолкло, онѣмело при его появленія. Почтенный старецъ А. С. Шишковъ чистосердечно и публично отрекся отъ прежнихъ сво-

ихъ невыгодныхъ мнѣній о писателѣ Карамзинѣ. Не прошло мѣсяца, и маститый старецъ полюбилъ въ немъ человѣка, преклонилъ главу предъ изящной чистотою его слога, однимъ словомъ, влюбился въ его творенія и въ него самаго, что впрочемъ неудивительно; ибо мудрая кротость Карамзина, его непринужденное радушіе сильны были обезоружить противниковъ и порицателей, даже самыхъ упорныхъ. Горечь, злорадство, униженіе другихъ и высокое мнѣніе о себѣ такъ были чужды уму и сердцу Карамзина, что въ лѣтописяхъ всеобщей литературы равнаго ему въ незлобїи отыскать не возможно. Я встрѣтилъ въ первый разъ Карамзина въ гостинной Софїи Петровны Св.: онъ читалъ намъ вслухъ блистательный отрывокъ изъ своей Исторїи, а именно сказаніе о Дмитрїѣ Донскомъ. Я внималъ ему въ толпѣ слушателей, отчасти любопытныхъ, отчасти недобровѣрявшихъ его учености и таланту. Сквозь легкомысліе и вѣжливое лицемѣріе нѣкоторыхъ проглядывало глубокое, иногда забавное изумленіе. Эти домашнія чтенія повторялись во многихъ почетныхъ домахъ; вездѣ сыпались на автора похвалы, которыя онъ принималъ безъ услады и восторга, просто, съ неподражаемымъ добродушіемъ. Заслуженное имъ прежде сего сочувствіе и одобреніе Монарха, столь пламенно любившаго человѣчество, могло ли не быть для Карамзина лучшимъ залогомъ успѣха такихъ трудовъ, въ коихъ болѣе всего дышетъ и отзывается любовь къ человѣчеству! Блестящій кругъ друзей, почитателей, обступилъ тогда любезнаго писателя. Нѣкоторымъ изъ нихъ я былъ обязанъ знакомствомъ съ нимъ. Великій писатель, со свойственною ему любезностію, обратилъ снисходительное вниманіе на мою незначительность. Драгоценнымъ звѣномъ этой связи былъ статъ-секретарь, графъ Иванъ Антоновичъ Каподистрїя; между государственнымъ человѣкомъ и государственнымъ бытописателемъ возникла дружба, упрочилось взаимное довѣріе; они понимали другъ друга и находили для себя особенное услажденіе въ частыхъ бесѣдахъ, оживляемыхъ высокимъ единомысліемъ. Карамзинъ объяснялся по-французски какъ нельзя лучше, соединяя духъ Русскаго съ европейскою образованностію, и на равнѣ съ Каподистрїей вѣрилъ въ будущее вселенское предопредѣленіе Россїи. Съ этой стороны они сроднились совершенно, и остались друзьями до той самой роковой эпохи, которая сперва увлекла Каподистрїю въ произвольное затворничество къ берегамъ Женев-

скаго озера, потомъ вызвала на новые подвиги въ Грецію и на страдальческую кончину.....»

1818 годъ увѣнчалъ Карамзина вѣчною славю.

Появленіе «Исторіи Государства Россійскаго», надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 300 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяць, чего не ожидалъ самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества: она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ иномъ и не говорили, какъ о колоссальномъ, невѣроятномъ историческомъ трудѣ Карамзина.

Въ февралѣ этого года, по выходѣ «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзинъ писалъ:

«Между-тѣмъ исторія моя вышла: я поднесъ ее Государю, обѣдалъ у него, былъ въ кабинетѣ.... По сію пору исторія расходится хорошо: осталась только половина экземпляровъ. Весьма желаю сбыть ее съ рукъ до отъѣзда въ Москву, чтобы не тащить обоза книжнаго за собою.... А мы, любезный братъ, остаемся при своемъ твердомъ планѣ ѣхать въ Москву около августа: тамъ я жилъ, тамъ мнѣ и умереть. Люблю Государя, Императрицъ, и смотрю въ свою нору» (Спб., 12 февраля 1818 г.).

«Исторія моя вся разошлась еще въ концѣ февраля: теперь здѣшніе книгопродавцы торгуютъ у меня второе изданіе и соглашаются дать мнѣ 50,000 въ пять лѣтъ; это не много, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія. — На сихъ дняхъ я читалъ библейскую рѣчь вашего губернатора. Молодецъ! я слышалъ, что она полюбилась Императору и князю Голицыну: это главное!» (Спб., 8 апр. 1818 г.).

«О возвращеніи нашемъ въ Москву не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго прежде іюля: тогда начнется второе тисненіе моей исторіи, и если увижу, что оно можетъ идти безъ меня, то въ августѣ поѣдемъ; а если увижу противное, то останемся здѣсь еще на годъ: чего мнѣ не хочется; но будетъ, какъ Богу угодно. 8 мѣсяцевъ жили мы въ Петербургѣ, какъ въ деревнѣ; мало выѣзжали, мало людей видѣли, и я спокойно продолжалъ свою исторію. Переѣдемъ ли въ Царское Село, не знаю. Слышу стороною, что Государь приказалъ очистить

для насъ прежній домикъ; но между-тѣмъ не дано мнѣ знать о томъ отъ царскосельскаго начальника, а лѣто уже въ срединѣ» (Спб., 10 июня 1818 г.).

Живя уже въ Царскомъ Селѣ въ концѣ августа исторіографъ писалъ:

«Нынѣшній день добрый Государь нашъ уѣхалъ за границу на четыре мѣсяца. Вчера былъ у насъ въ смиренномъ домикъ, чтобы проститься съ К. А. и со мною. Всякую недѣлю мы обѣдали у него раза два. Онъ изъясняетъ ко мнѣ даже и нѣкоторую милостивую довѣренность въ разговорахъ. Нельзя не любить его всею душою, когда видимъ его вблизи и слышимъ разсужденія прекрасныя» (Царское Село, 27 авг. 1818 г.).

Въ ноябрѣ Карамзинъ удостоился получить письмо отъ Виртембергской Королевы, Екатерины Павловны, которая и внѣ отечества, продолжала переписку съ исторіографомъ. «Съ большимъ удовольствіемъ» — писала къ нему Королева — «я получила чрезъ матушку письмо ваше, Николай Михайловичъ; благодарю васъ за оное, какъ и за прежнее отъ 31-го маія. Дружба и память ваша (говорю тоже какъ и вы, въ двойномъ смыслѣ) мнѣ весьма пріятны. Благодарю васъ и за участіе, которое вы берете въ умноженіи моего семейства. Богъ далъ мнѣ дочь, здоровую, милую. Вообще не знаю, чѣмъ я заслужила всѣ Его ко мнѣ милости. Счастіе мое совершенно; не имѣю другаго желанія, какъ чтобы оно продолжилось. Двѣ недѣли мы здѣсь наслаждались удовольствіемъ видѣть матушку. Теперь ожидаемъ Михаила Павловича; потомъ Константина Павловича, а въ началѣ будущаго мѣсяца Государя и Государыню. Не боюсь наскучить вамъ, описывая мою радость: вы меня пріучили говорить съ вами откровенно. Вы ко мнѣ рѣдко пишете, и я не могу согласиться съ вами, чтобы это было къ лучшему. Пишите болѣе, и читайте менѣе конституцій Германіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи вижу національныя репрезентации, я выучилась цѣнить вѣсь словъ. Хорошіе законы, хорошо исполняемые: вотъ лучшая конституція. Читаю вашу исторію и наслаждаюсь ею; но, не прогнѣвайтесь: печать очень худа, глаза портить; жаль, потому что книга голову наполняетъ хорошими вещами. Поклонитесь отъ меня милой вашей супругѣ, которую я всегда люблю всѣмъ серд-

цемъ. Король поручилъ мнѣ васъ благодарить за все то, что вы ему ласковаго говорите. Не забывайте меня, и вѣрьте всегда, что никто вамъ не желаетъ болѣе добра» (13 ноября 1818 г.).

Въ 1818 г. Карамзинъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, и по этому случаю произнесъ 5 декабря въ Академіи рѣчь.

Второе изданіе «Исторіи» удержало Карамзина въ Петербургѣ. Вотъ что писалъ историографъ къ брату въ концѣ этого года:

«Мы привязаны теперь къ Петербургу вторымъ изданіемъ исторіи. Это мнѣ грустно. Люблю быть свободнымъ. Не перестаю думать о Москвѣ. Впрочемъ отдаю себя во власть Божію. Если мнѣ опредѣлено не умереть въ Петербургѣ, то, безъ сомнѣнія, выѣду изъ него.

«Не работа для меня опасна, а всякое внутреннее волненіе: нервы у меня такъ раздражены, какъ у женщины въ родахъ. Черезъ три дня ожидаюгь Государя. Люблю его всею душою, но не позволяю себѣ мечтать о продолженіи его милостей. Я уже старъ для Двора. Ни съ кѣмъ изъ ближнихъ людей Государевыхъ у меня нѣтъ ни малѣйшей связи. Одинъ добрый, умный графъ Каподистрія доказывалъ мнѣ пріязнь свою и тотъ ѣдетъ, какъ слышно, лѣчиться теплымъ климатомъ въ свое отечество» (Спб., 19 дек.).

Въ 1819 г. на Карамзина поступило нѣсколько доносовъ, писанныхъ личными его врагами. Узнавъ объ этомъ онъ отвѣчалъ: «Будучи и моложе, я не хотѣлъ сражаться съ нашими литературными забіяками. Пусть они единоборствуютъ..... вступаются будто бы за Іоанна Грознаго. И тутъ ничего не предпринимаю: есть Богъ и Царь! Если моя такъ называемая слава мыльный пузырь, то Богъ съ нею. Желаю не сердиться, и кажется едва ли сержусь».

Замѣчательно также письмо Карамзина отъ 17 октября 1819 г., въ которомъ онъ говорилъ съ Императоромъ Александромъ, какъ мы говоримъ съ Богомъ и съ совѣстью, съ совершеннымъ самоотверженіемъ.

Сохранилось еще письмо Карамзина, писанное имъ въ томъ же году къ К. Н. Батюшкову, находившемуся тогда въ Неаполѣ:

«Любезнѣйшій Константинъ Николаевичъ! Хотя и поздно, но тѣмъ не менѣе искренно благодарю васъ за ваше дружеское письмо, которое мы, друзья ваши, нѣсколько разъ читали съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Мыслимъ, чувствуемъ и наслаждаемся съ вами. Не завидую вамъ единственно для того, что стараюсь ничему не завидовать. Помпея для меня любопытнѣйшій монументъ римскихъ древностей: не достааетъ однихъ лицъ и голоса. Тутъ въ одинъ часъ лучше, очевидно не узнаемъ Римлянъ, нежели въ десять лѣтъ чтенія. Чѣмъ мы ближе къ старости, тѣмъ болѣе любимъ старину, тѣмъ краснорѣчивѣе бесѣдуемъ съ нею, видя далѣе взадъ, нежели впередъ. А васъ люблю еще болѣе старины и всѣхъ памятниковъ, между которыми вы гуляете тѣломъ и душою; но прошу не сказывать того Аптикваріямъ. Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя и любезнаго въ любезныхъ: оно есть душа души: свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами-ли, прозою-ль, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно. — Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье, что оно уже цвѣтетъ, и плодомъ будетъ милое дитя съ вѣнкомъ лавровымъ для родителя: поэма, какой не бывало на Святой Руси! Такъ ли, мой добрый поэтъ? говорю съ улыбкой, но безъ шутки. Сохрани васъ Богъ еще хвалить лѣнь, хотя бы и прекрасными стихами! Напишите мнѣ.... Батюшкова, чтобы я видѣлъ его какъ въ зеркалѣ, со всѣми природными красотами души его, въ цѣломъ, не въ отрывкахъ; чтобы потомство узнало васъ, какъ я васъ знаю, и полюбило васъ, какъ я васъ люблю. Въ такомъ случаѣ соглашаюсь долго, долго ждать отвѣта на это письмо. Спрошу: что дѣлаетъ Батюшковъ? зачѣмъ не пишетъ ко мнѣ изъ Неаполя? И если невидимый геній шепнетъ мнѣ на ухо: Батюшковъ трудится надъ чѣмъ-то безсмертнымъ, то скажу: пусть его молчитъ съ друзьями, лишь бы говорилъ съ вѣками! Но вы насъ такъ любите, что я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ о себѣ, о женѣ, о дѣтяхъ. Мы благодаримъ Бога: это все! К—ны живы, здоровы и ничѣмъ не прослужились передъ вами. — Дочитываю корректуры VII тома, второй эдиціи: авось допишу и IX томъ къ лѣту. Общіе друзья наши также не перемѣнились. — Скажу вамъ за достопамятность, что мы нашли способъ прожить внѣ города шесть мѣсяцевъ, отъ 26 апрѣля до 20 октября. Лѣто здѣсь было удивительное, не хуже италійскаго. Не скрою однакожь, что завтра отправимся въ Пе-

тербургъ уже по снѣгу!—Наконецъ, простите. любезнѣйшій другъ, обнимаю васъ нѣжно. Будьте здоровы, спокойны, дѣятельны, веселы, и разлюбите насъ единственно тогда, когда мы перестанемъ васъ любить, или сдѣлаемся недостойны любви вашей; quod absit» (Царское село, 20 октября 1819 г.).

Въ концѣ года Карамзинъ писалъ брату изъ Петербурга: «Живемъ болѣе уединенно. Второе изданіе моей исторіи приходитъ къ концу, Желаю если можно, дописать девятый томъ лѣтомъ, издать его въ Петербургѣ и ждать смерти, гдѣ Богъ велитъ» (24 дек.).

Къ этому времени относится весьма интересная статья О. В. Булгарина, подъ заглавіемъ: «Встрѣча съ Карамзинымъ».

Въ 1819 году, въ зимніе вечера собирались къ одному содержателю пансіона въ Петербургѣ (Французскому дворянину) любители литературы; это былъ родъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ бывалъ Карамзинъ, куда явился и Булгаринъ. Вотъ какъ онъ описываетъ встрѣчу съ исторіографомъ.

«...Началось чтеніе Мольеровой пьесы. Вдругъ дверь въ залъ потихоньку отворяется, и входитъ человѣкъ, высокаго роста, не молодыхъ лѣтъ и прекрасной наружности. Онъ такъ тихо вошелъ, что ни мало не разстроилъ чтенія, и, пробираясь за рядомъ креселъ, присѣлъ въ самомъ концѣ полукруга. Орденская звѣзда блестѣла на темномъ фракѣ, и еще болѣе возвышала его скромность. Другой вошелъ бы съ шумомъ и шарканьемъ, чтобъ обратить на себя вниманіе, и получить почетное мѣсто. Незнакомецъ никого не обезпокоилъ. Я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и участіемъ. Черты его лица казались мнѣ знакомыми, но я не могъ вспомнить, гдѣ и когда я видѣлъ его. Лице его было продолговатое; чело высокое, открытое, носъ правильный, римскій. Ростъ и губы имѣли какую-то особенную пріятность и, такъ сказать, дышали добродушіемъ. Глаза не большіе, нѣсколько сжаты, но прекраснаго разрѣза, блестѣли умомъ и живостью. Въ половину посѣдѣлые волосы зачесаны были съ боковъ на верхъ головы. Физиогномія его выражала явственно душевную простоту и глубокую проникательность ума. Отличительныя черты его лица были двѣ большія морщины при окончаніи щекъ, по обѣимъ сторонамъ рта. Я, по невольному влеченію, искалъ его взгляда, который, казалось, говорить душѣ что то сладостное, утѣшительное.— На его оду-

шевленной физиогноміи живо отражались всё впечатлѣнія, производимыя чтеніемъ. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера, не ускользнули отъ его вниманія. Неудовольствіе изображалось на лицѣ, какъ облако въ чистой водѣ, когда чтець дошелъ до нѣкоторыхъ плоскостей, встрѣчающихся въ комедіяхъ Мольера, жертвовавашаго иногда вкусу для своего современнаго партера. Я не сводилъ глазъ съ незнакомца, и разбѣрялъ по его ощущеніямъ мои собственныя. — Дошла очередь до моей статьи. Она была написана мною вслѣдствіе моего спора съ Французами о нѣмецкой трагедіи, и заключала въ себѣ обзорѣніе и краткій разборъ Шиллеровыхъ драматическихъ твореній. Прежде, я хладнокровно представлялъ мои бездѣлки на судъ снисходительныхъ любителей словесности, но на этотъ разъ сердце мое забилося сильнѣе: я чувствовалъ, что въ незнакомцѣ имѣю знающаго и опытнаго судью. Во время чтенія г. Сень-Мора, я съ боязнію поглядывалъ на незнакомца, и старался вычитать мой приговоръ на его лицѣ. Счастіе мнѣ благоприятствовало: я съ радостію примѣтилъ, что незнакомецъ былъ доволенъ. — Кончилось чтеніе, слушатели встали съ мѣсто своихъ, и начался разговоръ. Съ нетерпѣніемъ подбѣжалъ я къ хозяину, чтобы спросить, объ имени занимательнаго незнакомца. «Это Карамзинъ!» — отвѣчалъ хозяинъ, и поклонился къ нему, благодарить за посѣщеніе. «Карамзинъ!» — воскликнулъ я такъ громко, что онъ обернулся и посмотрѣлъ на меня. Вся нервическая моя система потряслась при семъ магическомъ имени, и всё усыпленные воспоминанія моей юности вспорхнули въ одно время. Есть ли одинъ грамотный человекъ въ Россіи, въ хижинѣ и въ чертогахъ, отъ береговъ Камчатки до Вислы, который бы не зналъ имени Карамзина? Есть ли одинъ образованный иностранецъ, который бы не соединялъ имени Карамзина съ воспоминаніемъ о просвѣщеніи Россіи? — Я видѣлъ гравированный портретъ, и теперь повѣрялъ давно знакомыя черты писателя, котораго каждая строка прочтена мною по нѣскольку разъ. Съ юности моей я былъ свидѣтелемъ его успѣховъ, его славы. Я членъ того поколѣнія, въ которомъ онъ сдѣлалъ литературный переворотъ. Онъ заставилъ насъ читать русскіе журналы своимъ Московскимъ Журналомъ и Вѣстникомъ Европы; онъ своимъ Аоніадами и Аглаей ввелъ въ обычай альманахи: онъ письмами «Русскаго путешественника» научилъ насъ описывать легко и пріятно наши стран-

ствія; онъ своими несравненными повѣстями привязалъ свѣтскихъ людей и прекрасный полъ къ русскому чтенію: онъ сотворилъ легкую, такъ сказать, общественную прозу; онъ первый возжегъ свѣтильникъ грамматической точности и правильности въ слогѣ, представивъ образцы во всѣхъ родахъ; онъ познакомилъ всѣ состоянія Россіянъ съ отечественною исторіею, очистивъ ее отъ архивной пыли.— Такъ вотъ Карамзинъ! вотъ исполнѣтъ русской словесности! Различіе въ мнѣніяхъ на счетъ изложенія исторіи, ни мало не ослабляло во мнѣ чувства уваженія къ великому мужу, и не затемняло его великихъ заслугъ и дарованій. Я смотрѣлъ на него съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ древніе взирали на изображеніе олицетворенной славы и заслуги.

«Господинъ Сень-Моръ знакомъ былъ съ Карамзинымъ. Я попросилъ г-на Сень-Мора представить меня великому писателю; что и было тотчасъ исполнено.— «Я согласенъ съ вами на счетъ трагедіи, сказалъ онъ мнѣ, послѣ перваго пріѣзта. Классики требуютъ слишкомъ точнаго соблюденія трехъ единствъ; романтики отвергаютъ всѣ условія искусства. Вы справедливо говорите, что надлежало бы выбрать средину между двумя крайностями. Три единства слишкомъ стѣсняютъ кругъ дѣйствія; соединеніе отдаленныхъ эпохъ въ драмѣ развлекаетъ вниманіе, и ослабляетъ занимательность цѣлаго. Пусть появится другой Рассинъ во Франціи— и онъ сдѣлаетъ переворотъ въ мнѣніяхъ, ибо людей должно убѣждать не теоріями изящнаго, а примѣрами». При сихъ словахъ, Карамзинъ пріятно улыбнулся, и примолвилъ: «Я говорю не на счетъ вашей теоріи: говорить правду все-таки надобно. Слѣдствія приходятъ послѣ.— Карамзинъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ на счетъ моего пребыванія за границею; но какъ ни время, ни мѣсто не позволяли распространяться въ разговорахъ, то я долженъ былъ съ горестью отстать отъ Карамзина, и уступить свое мѣсто другимъ. Я просилъ у него позволенія, посѣтить его. Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: — «Въ девять часовъ вечера, я пью чай въ кругу моего семейства. Это время моего отдыха. Милости просимъ: я всегда буду радъ вамъ. Прошу за просто, безъ предварительныхъ визитовъ».

Я не преминулъ воспользоваться этимъ позволеніемъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился къ Карамзину. Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ г-жи Муравевой, въ верхнемъ этажѣ. Меня впустили въ залу безъ

доклада; въ первой комнатѣ за круглымъ чайнымъ столикомъ, на которомъ стоялъ самоваръ, помѣщалось цѣлое семейство Карамзина; самъ онъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ полукругѣ посѣтителей. Карамзинъ встрѣтилъ меня въ половинѣ комнаты; дружески пожалъ руку: произнесъ громко мою фамилію, представляя другимъ собесѣдникамъ, и просилъ садиться. Въ его пріемахъ, обращеніи и во всѣхъ движеніяхъ соединялось глубокое познаніе свѣтскихъ приличій съ какимъ-то необыкновеннымъ добродушіемъ и простою патріархальныхъ временъ. Каждое его слово, каждое движеніе шло прямо отъ сердца. Находясь въ обществѣ незнакомыхъ людей, въ первый разъ въ домѣ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія и принужденія. Общество составлено было изъ людей разнаго званія и происхожденія: русскихъ первоклассныхъ чиновниковъ, литераторовъ и иностранцевъ; но всѣ сіи разнородныя части спаивались въ одно цѣлое умомъ и душею хозяина. Въ обращеніи его не видно было, чтобы онъ отдавалъ кому-либо преимущество на счетъ другаго. Добродушная его нѣжность разливалась равно на всѣхъ. Онъ говорилъ со всякимъ однимъ тономъ, и слушалъ каждаго съ одинаковымъ вниманіемъ. Люди сближались между собою — Карамзинымъ. Всѣ преимущества нисходили или возвышались на одинакую степень въ его присутствіи. Онъ былъ душею, и не видимо давалъ направленіе и располагалъ движеніями членовъ своего общества.

«Въ это время, когда я познакомился съ Карамзинимъ, весьма въ немногихъ домахъ въ Петербургѣ принимали литераторовъ и вообще всѣхъ гостей по ихъ внутреннему достоинству. Я говорю теперь о Карамзинѣ. Сей великій писатель былъ любезнѣйшимъ человекомъ въ обществѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ искусство бесѣдовать, которое вовсе различно съ искусствомъ рассказывать. Хорошій разскащикъ нравится намъ иногда, когда мы расположены слушать; но человекъ, умѣющій поддерживать разговоръ и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо онъ умѣетъ быть и слушателемъ и разскащикомъ.

«Карамзинъ охотно говорилъ по-русски — и говорилъ прекрасно. Иностранные языки онъ употреблялъ только съ иностранцами. Въ его рѣчахъ не было изысканныхъ выраженій и смысловъ на авторовъ, столь утомительныхъ въ разговорахъ, но рѣченія его сами по себѣ имѣли полноту и круглость; онъ никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая во-

обще хладнокровіе въ разговорахъ, онъ воспламенялся только, когда рѣчь заходила о Россіи, объ исторіи и объ его старинныхъ друзьяхъ. Тогда фizioномія его одушевлялась особенною выразительностью, и взоры искрѣли. Онъ никогда изъ вѣжливости не соглашался съ чужимъ мнѣніемъ вопреки собственнаго убѣжденія, но не спорилъ, а умѣлъ своему противорѣчію сообщать такую иѣжкость и снисходительность, что всегда побѣждалъ своего противника, который если не перемѣнял мнѣніе, то по-крайней-мѣрѣ долженъ былъ замолчать. Карамзинъ никогда не хотѣлъ торжествовать въ разговорѣ, и если примѣчалъ, что противникъ его уклонялся отъ противурѣчій, то иѣжно, ласково и постепенно, не перескакивая быстро къ другому предмету, перемѣнялъ разговоръ, выводилъ всегда своихъ собесѣдниковъ на самыя блестящія мѣста разговорнаго поприща.

«Въ этотъ вечеръ разговоръ начался о сравнительномъ состояніи простаго народа въ Россіи и во Франціи. Я сказалъ: «Францію вообще можно сравнить съ галантерейною вещью, лучшей филиграновой работы, съ финифтью; а Россію можно уподобить слитку золота. На видъ Франція имѣетъ преимущество, но на вѣсъ — Россія». Карамзинъ улыбнулся: «Правда», сказалъ онъ: «что Россія тяжела на политическихъ вѣсахъ Европы, и что массивное ея состояніе на долго предохранитъ ее отъ ломки и измятія. Но извините, примолвилъ онъ: «въ сравненіи своемъ, вы позабыли сказать, какой формы слитокъ?»—«Каждая форма пріятна для глазъ», отвѣчалъ я: «если въ нейсоблюдена гармонія».—«Если такъ, согласенъ», сказалъ Карамзинъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ распространился въ похвалахъ веселости и уму Французскаго народа. Карамзинъ сказалъ: «Вы правы: но въ Русскомъ народѣ веселость и умъ также врожденные качества. Не мудро веселиться подъ свѣтлымъ небомъ Франціи, подъ тѣнью каштановъ, среди виноградниковъ, по близости большихъ городовъ; но у насъ, среди трескучихъ морозовъ въ дымныхъ избахъ, или въ тяжкомъ трудѣ краткаго лѣта, крестьянинъ всегда веселъ, всегда поетъ или шутитъ. У насъ безъ школъ поселяне выучиваются самуочкою грамотѣ, и разрядъ нашихъ сельскихъ поэтовъ и романистовъ едва ли не многочисленнѣе класса привилегированныхъ литераторовъ. Много ли можно насчитать тѣхъ счастливицевъ, которыхъ сочиненія сохраняются столь долго, какъ русскія пѣсни и сказки? Общее правило: счастье состоитъ въ томъ,

чтобы довольствоваться малымъ; а нѣтъ человѣка въ мірѣ, который имѣлъ бы менѣе нужды какъ русскій крестьянинъ, и который бы такъ охотно и такъ весело трудился». Разговоръ обратился на русскія сказки и пѣсни, и Карамзинъ, объясняя красоты нѣкоторыхъ пѣсней и занимательность сказокъ примолвилъ: «Я давно уже имѣлъ намѣреніе собрать и издать русскія пѣсни, если возможно, расположивъ хронологическимъ порядкомъ, и присоединить къ нимъ историческія и эстетическія замѣчанія. Другія занятія отвлекли меня отъ сего предпріятія, но я не отказался отъ него. Я недоволенъ всѣми нашими собраніями; въ нихъ нѣтъ ни выбора, ни порядка». — Само по себѣ разумѣется, что всѣ мы искренно пожелали, чтобы Карамзинъ исполнилъ свое предпріятіе.

«Первое мое посѣщеніе продолжалось два часа. Я не могъ рѣшиться оставить бесѣду:— мнѣ такъ было хорошо и весело! Умъ и сердце безпрестанно имѣли новыя, легкія, пріятныя занятія. Я хотѣлъ по модному обычаю вытти изъ комнаты, не простясь съ хозяиномъ, но Карамзинъ не допустилъ меня до этого. Онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку (по-англійски), и пригласилъ посѣщать его. Я видѣлъ почти всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ и литераторовъ на твердой землѣ Европы, во время моего странствія; но признаюсь, что весьма не многіе изъ нихъ произвели во мнѣ такое впечатлѣніе при первой встрѣчѣ какъ Карамзинъ, и это отъ того, что весьма не многіе имѣютъ такое добродушіе въ обращеніи, такую простоту въ приемахъ, какъ имѣлъ Карамзинъ; что онъ при обширныхъ свѣденіяхъ звалъ искусство бесѣдовать, и наконецъ, что въ каждомъ его словѣ видна была душа добрая, благородная. Вотъ магнитъ сердецъ!

«Нѣскольکو дней спустя послѣ перваго моего посѣщенія, я встрѣтилъ Карамзина въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, пѣшкомъ, по утру въ восемь часовъ. Погода была самая несносная: мокрый снѣгъ падалъ комками и ударялъ въ лице; оттепель испортила зимній путь. Одинъ только процессъ, или другая какая бѣда, могли выгнать человѣка изъ дому въ эту пору. Я думалъ, что Карамзинъ меня не узнаетъ, ибо онъ два раза только видѣлъ меня, и то вечеромъ. Но онъ узналъ меня. Я изъясилъ ему мое удивленіе, что встрѣчаю его въ такое время. «Я имѣю обыкновеніе», сказалъ Карамзинъ: «прогуливаться пѣшкомъ поутру до десяти часовъ. Въ эту пору я возвращаюсь домой къ завтраку. Если я здоровъ, то дурная погода не мѣшаетъ мнѣ; напротивъ того, послѣ та-

кой прогулки лучше чувствуемъ пріятность теплаго кабинета». — «Но должно сознаться», возразилъ я: «что вы выбираете не лучшія улицы въ городѣ для своей прогулки». — «Необыкновенный случай завелъ меня сюда», отвѣчалъ Карамзинъ. «Чтобъ не показаться вамъ слишкомъ скрытнымъ, я долженъ вамъ сказать, что я отыскиваю одного бѣднаго человѣка, который часто останавливаетъ меня на улицѣ, называетъ себя чиновникомъ, и проситъ подаваніе именемъ голодныхъ дѣтей. Я взялъ его адресъ, и хочу посмотрѣть, что могу для него сдѣлать». Я взялся сопутствовать Карамзину. Мы отыскивали квартиру бѣднаго чиновника, но не застали его дома. Семейство его въ самомъ дѣлѣ было въ жалкомъ положеніи. Карамзинъ далъ денегъ старушкѣ, и спросилъ ее о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни отца семейства.

«Выходя изъ воротъ, мы встрѣтили его, но въ такомъ видѣ, который тотчасъ объяснилъ намъ загадку его бѣдности. Карамзинъ не хотѣлъ обременить его упреками: онъ покачалъ только головою, и прошелъ мимо. — «Досадно», сказалъ Карамзинъ, улыбаясь: «что мои деньги не попали туда, куда я назначилъ ихъ. Но я самъ виноватъ: мнѣ надлежало бы прежде освѣдомиться объ его поведеніи. Теперь буду умнѣе, и не дамъ денегъ ему въ руки, а въ домъ».

«Благородный человѣкъ! Вотъ какъ онъ услаждалъ свои прогулки передъ утреннею работою. Мудрено ли послѣ этого, что каждая его строка дышетъ любовью къ человѣчеству, ко всѣму доброму, полезному. Бюффонъ справедливо сказалъ, и Карамзинъ повторилъ: что человѣкъ изображается въ слогѣ своемъ. Правильность, нѣжность, простота, занимательность слога Карамзина, были отпечатками его характера. Различіе въ мнѣніяхъ никогда, не могло ослабить уваженія къ нему въ человѣкѣ благомыслящемъ. Отдаленное потомство скажетъ: Карамзинъ, былъ великій писатель, и — благородный, добрый человѣкъ. Одно стоитъ другаго. Но какое счастье, если это соединено въ одномъ лицѣ!»

Живя въ Петербургѣ, Карамзинъ обыкновенно проводилъ лѣтнее время въ Царскомъ селѣ, гдѣ Государь предложилъ ему прелестный китайскій домикъ * въ дворцовомъ саду. Благоволеніе Императора Александра къ Карамзину было такъ велико, что онъ самъ удостоивалъ его своими посѣще-

* Грѣтъ говорить дворцовый флигель.

ніями, находя удовольствіе въ его бесѣдѣ, которая происходила въ *зеленомъ кабинетѣ*: такъ Императоръ Александръ называлъ большую аллею царскосельскаго сада. Разговаривая откровенно съ Государемъ, Карамзинъ часто пользовался расположеніемъ его, чтобы ходатайствовать за несчастныхъ. Когда пріѣхалъ изъ Москвы другъ Карамзина Дмитріевъ, то по волѣ Государя ему былъ отведенъ домъ противъ самаго жилища исторіографа. Дмитріевъ пришелъ къ Государю, изъявить благодарность.... — «Я знаю, за что вы хотите меня благодарить, сказалъ съ улыбкою Императоръ Александръ, я хотѣлъ васъ свести глазокъ на глазокъ съ Николаемъ Михайловичемъ».

Въ маѣ 1820 г. Карамзинъ писалъ къ брату изъ Царскаго села:

«Нынѣшній годъ думаемъ провести въ Петербургѣ. Если Богъ дастъ мнѣ зимою кончить и напечатать девятый томъ исторіи, то можемъ въ слѣдующее лѣто отправиться въ Москву. Впрочемъ не дѣлаю плановъ: живу день за день» (25 мая).

XII.

Въ 1821 г. Стурдза еще разъ встрѣтился съ Карамзинымъ. «Въ послѣдствіи, и не ранѣе 1821 года, ознаменованнаго смертію Наполеона и возстаніемъ православной Греціи, говоритъ Стурдза, я опять встрѣтился съ Карамзинымъ въ Петербургѣ, многообразно искушенный и переплавленный въ горнилѣ испытаній житейскихъ. Въ то время давно уже выеился и свѣтилъ на небосклонѣ Россіи величественный маякъ исторіи Карамзина, надъ коимъ онъ продолжалъ трудиться еще съ надеждою достроить оный. Нашъ исторіографъ, неизмѣнно привѣтливый и скромный, охотно возобновилъ знакомство со мною, началъ ѣздить ко мнѣ, и просиживалъ по нѣскольку часовъ въ моемъ домѣ. Онъ отменно любилъ мирныя пренія, искренно радовался противорѣчію, ни когда не сердился и не утомлялся въ продолженіи этихъ задушевныхъ бесѣдъ. Чѣмъ болѣе забывалъ личную славу, тѣмъ мы усерднѣе вспоминали о ней. На стезѣ жизни мнѣ никогда не случилось встрѣтить писателя, менѣе самолюбиваго и болѣе благосклоннаго къ рождающимся талантамъ. Чего не сдѣлалъ онъ для Пушкина, то умѣряя порывы сего своенравнаго генія,

то горячо вступаясь за виновнаго и заботливо пролагая ему новые пути къ достиженію родной ему славы и знаменитости? Въ семь отношеніи сколь многіе и многіе остались у незабвеннаго въ долгу! Забывчивость эту можно приписать отчасти тревожному движенію нашего вѣка, который не рѣдко стоя на одной точкѣ, въ упоеніи гордости мечтаетъ, что ушелъ далеко впередъ.— Не говоря о достоинствѣ Карамзина, какъ историка, стоитъ только взглянуть на его великія заслуги русскому слову, чтобы признать въ немъ высокое историческое лицо, одно изъ лучшихъ украшеній будущей русской исторіи. То, что сдѣлалъ Сперанскій въ пользу государственнаго и дѣловаго слога, то самое совершенно Карамзинымъ на поприщѣ отечественной словесности. Въ трудахъ сихъ двухъ необыкновенныхъ людей проявляется какое-то паралельное шествіе, логическій переходъ отъ преобразованія къ преобразованіямъ, всегдашняя разборчивость вѣрнаго вкуса и благоразумная смѣлость нововодителей, постоянно благоговѣющихъ къ старинѣ и святынь.

«Второе воспитаніе, совершившееся подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ ревнителей просвѣщенія съ отливомъ XVIII столѣтія, сообщило юношескому уму Карамзина направленіе не во всемъ вѣрное, сбивавшееся на стезю тогда модной филантропіи, частію изнѣженной, частію лицемѣрной. Но путешествіе по Западу, заданное въ урокъ Карамзину по окончаніи ученія, хотя и сблизило юношу съ примрачными мечтателями Германіи и Швейцаріи, не могло однако же одолѣть въ немъ природнаго, здраваго, русскаго смысла. Оно, напротивъ, доставило ему случай видѣть вблизи и осязать умомъ много блестящихъ призраковъ, которыми плѣнялось его воображеніе. Онъ сохранилъ простую вѣру, притаившуюся въ его душѣ, не разлюбилъ старины, не измѣнилъ скромнымъ обѣтамъ посильнаго служенія отечеству, и никакъ не подружился съ духомъ современнаго высокомерія. Это было и осталось сокровеннымъ источникомъ постоянно возрастающихъ трудовъ его на поприщѣ словесности и наукъ. Карамзинъ не переставалъ учиться, наставляя другихъ; мало-помалу переходилъ отъ пріятнаго къ полезному, отъ мелкихъ произведеній къ важнѣйшимъ, шелъ, такъ сказать, объ руку съ своими читателями, смиренно воспитывая ихъ и себя. Его «Исторія Государства Россійскаго» подобна зданію огромному, вышина коего обличаетъ глубину и многотрудность прочнаго основанія. Время очень немногихъ догадокъ его

опровергло; добросовѣстность историка подаетъ читателямъ ключъ къ отысканію ошибокъ его, въ богатомъ запасѣ его примѣчаній. Конечно, его розысканія о происхожденіи Славянъ не совсѣмъ удовлетворительныя, и сужденія его о Востокѣ отзываются предрасудками западной образованности; но, въ оправданіе Карамзина, замѣтимъ, что надъ колыбелью каждаго народа простерта непроницаемая пелена, которую поднять и знаменитѣйшимъ историкамъ не удавалось. Что же касается до взгляда его на Востокъ, онъ не всегда вѣренъ, потому что рѣшительно насъ такъ воспитываютъ. Однако загляните въ его исторію: съ какимъ усердіемъ слѣдить онъ въ ней постепенное развитіе христіанства въ нашемъ отечествѣ! То, что ускользнуло отъ его взора, приводится теперь въ стройный составъ похвальными трудами новѣйшихъ изслѣдователей. И нравы, языкъ, обычаи древней Руси какъ занимаютъ его! Съ какимъ усердіемъ ловить онъ недосказанныя слова лѣтописцевъ, и пишетъ картину Русскаго народа въ разные времена, вопреки несправедливой укоризнѣ тѣхъ, кои стараются увѣрить насъ, что Карамзинъ, зацѣпившись государствомъ, забылъ о народѣ! Этотъ обдуманнѣйшій укоръ впервые вышелъ изъ устъ нашего знаменитаго гостя Гумбольдта; и не удивительно, потому что и величайшему естествоиспытателю, роющемуся въ утробѣ земной, недосугъ заняться ея поверхностію. Но то удивительно, что бѣглое слово, мимоходомъ сказанное остроумнымъ иностранцемъ, тайникомъ природы, это слово подхватили Русскіе, и на немъ пытались соорудить историческое зданіе, лучше и полнѣе Карамзинскаго труда.

«Слогъ безсмертнаго повѣствователя выше всякой похвалы; выдержанный безъ образца, онъ сдѣлался образцовымъ, и если въ немъ желалось бы иногда болѣе упругости и твердаго выраженія мыслей, то эта излишняя мягкость часто уступаетъ вдохновенію бытописателя. Въ исторіи Карамзина много страницъ и цѣлыхъ отрывковъ, въ которыхъ мысли и чувства выражены съ непреоборимою силою; таковы, на примѣръ: Куликовская битва, нашествіе Тамерлана, взглядъ на реформацію XVI вѣка и яркія черты жестокости времени Іоанна IV.

«Нѣрѣдко случалось мнѣ слышать упреки исторіи Карамзина и за то, что авторъ вывелъ изъ творенія своего невѣрныя и одностороннія заключенія. Нѣкто, ревностный читатель безсмертнаго его труда, однажды при мнѣ выразилъ ему са-

тому это замѣчаніе. Карамзинъ отвѣтитъ на сіе вопросомъ: «Вы, можетъ быть, правы; но скажите мнѣ, какое впечатлѣніе производитъ на васъ моя исторія? Если оно несогласно съ моимъ мнѣніемъ, то въ этомъ я не вижу бѣды. Добросовѣстный трудъ повѣствователя не теряетъ своего достоинства потому только, что читатели его, узнавъ съ точностію событія, разногласяютъ съ нимъ въ выводахъ. Лишь бы картина была вѣрна,— пусть смотрятъ на нее съ различныхъ точекъ.

«Въ заключеніе скажемъ: Николай Михайловичъ Карамзинъ, живой примѣръ безпримѣрнаго добродушія, незлобія и даровитости ума, началъ и открылъ для насъ періодъ народнаго самосознанія. До него Россія походила на тѣ полярныя страны, въ которыя должно пробираться по сугробамъ и глубокимъ снѣгамъ, при багровомъ отливѣ сѣверныхъ сіяній или въ полуночномъ мракѣ. Онъ проложилъ и разработалъ стези къ знанію прошедшаго; а безъ сего знанія нравственная жизнь и доблесть какого бы то ни было народа поглощается долупреклоннымъ влеченіемъ къ веществу или раболѣпствомъ ко всему чужеземному. Такая заслуга выше всѣхъ заслугъ, вособенности, когда человѣкъ не ниже великаго писателя. Горѣ тому, кто не чистою жизнію порочитъ изящество своихъ умственныхъ произведеній! Но Карамзинъ, и въ семейномъ кругу, и на службѣ отечеству, и въ скромной хранилѣ ученаго, и въ сношеніяхъ съ миромъ и людьми, оправдалъ аксіому Цицерона, гласящаго, что ораторъ долженъ быть— *vir bonus*. И подлинно, гармонія созерцательности съ дѣятельностію, какъ умирительный напѣвъ на слова и чувства высокія, миритъ насъ съ неравенствомъ способностей и дарованій, убѣждаетъ насъ въ первобытномъ единствѣ истины и красоты, однимъ словомъ, кладетъ свѣтлую печать Божескаго избранія на мысли и труды, на самыя страданія человечества.

«Безвременная, ничѣмъ не замѣняемая кончина Карамзина, похищеннаго у Россіи, у родныхъ и друзей его, въ ту эпоху жизни, когда старость только что осѣнила зрѣлое мужество, эта утрата не для него, а для насъ ознаменовалась обстоятельствомъ, которыхъ память должна быть сохранена. Историкъ нашъ, больной тѣломъ, но бодрый духомъ, жилъ тогда въ Таврическомъ дворцѣ, по милости Царской. Для него сваряжали фрегатъ, на которомъ онъ думалъ отплыть въ Италію. Сыновняя любовь къ незабвенному В. А. Жуков-

скаго сердобольно и зорко слѣдила признаки усилившагося въ немъ недуга. Отъ нѣжнаго его участія не могла укрыться горькая забота больного о будущей судьбѣ любимыхъ имъ супруги и дѣтей. Онѣ уже сиротѣли по предчувствію, и добрый отецъ, среди разрушенія земной его хранины, смотрѣлъ душою вдаль, за предѣлы гроба; его смущали частые приливы тоски и маловѣрія. Но немного времени прошло со дня возшествія на престолъ Императора Николая I, какъ рука вѣрнаго друга привезла больному державный отвѣтъ на всѣ недоумѣнія и тревоги отеческаго сердца Карамзина. Ему и семейству его пожалованъ пенсіонъ, значительность коего, или, точнѣе, поучительная безпримѣрность, далеко превзошла всѣ надежды великаго труженника. Страдалецъ, изумленный и вмѣстѣ тронутый до глубины души, вздумалъ заботиться о томъ, какая послѣ сихъ щедротъ достанется въ удѣлъ награда заслугамъ и подвигамъ, выше его собственныхъ. И это едва ли не самая прекрасная и умилительная черта благородной и безкорыстной души и жизни нашего исторіографа.

17 іюля 1822 г. Карамзинъ писалъ къ А. Д. Балашеву, и просилъ его о защитѣ 130 душъ крестьянъ Николая Михайловича, находившихся въ Мценскомъ уѣздѣ.

«.....Драгоценности рязанскія теперь разсматриваю: Государю угодно было прислать ихъ ко мнѣ. Можетъ быть, вѣковъ пять это лежало въ землѣ. Работа и греческія буквы надписей весьма древни. Подробное описаніе, изъясненія и догадки оставляю нашимъ записнымъ антикваріямъ. У насъ теперь гоститъ Иванъ Ивановичъ и живетъ въ одномъ изъ здѣшнихъ китайскихъ домиковъ, но уже думаетъ о возвращеніи въ Москву послѣ петергофскаго праздника, вопреки пустымъ, ложнымъ слухамъ о новомъ вступленіи его въ службу: ни ему не предлагали, ни онѣ не мыслить о томъ, желая доживать вѣкъ свой на свободѣ».

«Скоро останемся въ Царскомъ Селѣ пустынноиками. Государь отправится на конгрессъ, какъ слышно, въ началѣ августа; Императрица вдовствующая переѣдетъ въ городъ прежде сентября, а мы хотѣли бы прожить здѣсь до октября, какъ бывало.

«Сдѣлайте одолженіе, напомните объ насъ, о мужѣ и женѣ, милостивой государынѣ Еленѣ Петровнѣ, и примите увѣ-

реніе въ душевномъ высокопочитаніи и въ искреннѣйшей преданности, съ коими имѣю честь быть» (Царское Село 17 іюля 1822 г.).

Въ началѣ 1823 Карамзинъ писалъ къ брату:

«Работаю довольно и хожу пѣшкомъ, десятый томъ моей исторіи готовъ, но я отложилъ печатать его до будущей осени, чтобы кончить свою исторію Лжедмитрія» (Спб. 16 января (1823 г.).

Въ мартѣ этого года Карамзинъ писалъ:

«Помышляю иногда о Москвѣ; но не хотѣлось бы на старости перемѣнить мѣста, тѣмъ болѣе, что и сыновья подрастаютъ» (Спб. 17 марта 1823 г. къ брату.).

«Я былъ дѣйствительно при дверяхъ гроба отъ моей горячки, которая, видно, давно во мнѣ готовилась, хотя и не чувствительно; ибо я въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ хвалился своимъ здоровьемъ. Я умеръ бы легко, не чувствуя смерти: но Богъ услышалъ молитвы жены моей и оставилъ меня еще жить до времени. Государь и Императрицы оказали въ этомъ случаѣ трогательное ко мнѣ благорасположеніе. Ихъ медики лечили меня съ особенною ревностію. Теперь я оправляюсь, но все еще имѣю нѣкоторую слабость» (Царское Село, 6 августа 1823 г.).

Въ концѣ этого года исторіографъ писалъ къ брату:

«Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ моей исторіи, десятого и одиннадцатаго. Хорошо, если они также разойдутся, какъ девятый томъ. Кромѣ авторскаго честолюбія, это могло бы поправить наши экономическія обстоятельства.— По своимъ лѣтамъ и меланхолическимъ мыслямъ я уже совсѣмъ не праздничный человѣкъ. Люблю сидѣть дома, или бродить пѣшкомъ по улицамъ. Сердце мое охладѣло и къ удовольствіямъ общества» (Спб., 1 декабря 1823 г.).

Отъ 1824 г. имѣемъ два слѣдующія письма исторіографа къ Василию Михайловичу:

«Спѣшу извѣстить васъ, писалъ Николай Михайловичъ къ своему брату въ августѣ, что Государь будетъ въ Сим-

бирскѣ 5 сентября, и что онъ желаетъ васъ видѣть; прощаясь со мною сказала: «что приказываешь къ своему брату? Вѣроятно, что я увижу его въ Симбирскѣ, гдѣ пробуду три дня». Увидите какъ онъ милостивъ, въ сердцѣ вашемъ останется пріятное воспоминавіе» (Царское Село, 17 августа 1824 г.).

Въ концѣ того же года Карамзинъ писалъ въ Симбирскѣ:
 «По обыкновенію занимаюсь своею работою, описываю мятежное царствованіе Шуйскаго, но двѣнадцатый томъ долженъ быть уже послѣднимъ. Если Богъ дастъ мнѣ описать воцареніе Михаила Феодоровича, то докончу мою исторію обзорѣніемъ новѣйшей исторіи до самыхъ нашихъ временъ» (Царское Село, 24 октября 1824 г.).

Въ 1824 году Карамзинъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

О жизни и трудахъ исторіографа въ 1825 году можно судить по слѣдующимъ письмамъ.

Въ іюнѣ исторіографъ писалъ къ брату:

«К. А. хотѣла взять меня въ Ревель, чтобы купаться въ морѣ, но я упрямился, желая посвятить нынѣшній годъ работѣ. Кажется однакожь, что немного напишу, часто не домогая. Хотѣлось бы скорѣе кончить, прежде охлажденія душевнаго. Впрочемъ, какъ Богу угодно».

«Государь возвратился изъ Варшавы съ прежнимъ добрымъ къ намъ расположеніемъ, а мы встрѣтили Его съ прежнею любовью. Въ искреннѣйшей привязанности къ Нему и къ обѣимъ Императрицамъ нахожу сердечное услажденіе» (Царское Село, 22 іюня 1825 г.).

Письмо къ А. И. Тургеневу:

«Любезный другъ! Сердечно благодаримъ васъ за три истинно дружескія письма, скоро одно за другимъ полученные изъ Берлина, Дрездена и Карльсбада. Вы объ насъ думаете, а мы объ васъ; съ живѣйшимъ участіемъ, радуюсь всѣмъ пріятностямъ вашего путешествія, которое должно освѣжить васъ для будущей постоянной, буднешней жизни въ отечествѣ: вотъ польза, душа пріятностей! Все чужое есть для насъ только зрѣлище: смотри, а дѣла не забывай. Вы еще въ дол-

гу у Россіи. То есть, уже напоминаю вамъ о возвращеніи, и даю срокъ не весьма дальній: годъ, полтора, не болѣе, или надобно идти въ отставку, чего крайне ни для государства, ни для васъ не желаю. «Въ дому отца моего многи обители суть». Не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ найдется для васъ дѣятельность полезная; чѣмъ менѣе другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя. Для насъ, Русскихъ съ душою, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать, можемъ въ Германіи, Франціи, Италиі, а дѣло дѣлать, единственно въ Россіи; или—нѣтъ гражданина, нѣтъ челоуѣка; есть только двуножное животное, съ брюхомъ. Такъ мы съ вами давно разсуждали: значить, что я не перемѣнилъ понятій въ ваше отсутствіе; съ ними, вѣроятнo, и закрою глаза, для здѣшняго свѣта.

Будьте вы здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и съ нами» (Царское Село 6 сентября 1825 г.).

Извѣстное письмо Карамзина къ Дмитріеву:

«Любезный другъ! Въ отвѣтъ на милое письмо твое скажу, что о вкусахъ, по старому латинскому выраженію, не спорять. Я точно наслаждаюсь здѣшнею тихою, уединенною жизнью, когда здоровъ и не имѣю душевной тревоги. Всѣ часы дня заняты пріятнымъ образомъ: въ девять утра гуляю по сухимъ и въ ненастье дорогамъ вокругъ прекраснаго, не туманнаго озера, славимаго и въ «Conversations d'Emilie» (сочиненіе Жанлис): въ одиннадцатомъ завтракаю съ семействомъ и работаю съ удовольствіемъ до двухъ, еще находя въ себѣ душу и воображеніе (Карамзинъ сохранилъ ихъ до послѣдней минуты): въ два часа на конѣ, не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ: тряусь, качаюсь — и веселъ; возвращаюсь съ аппетитомъ, обѣдаю съ моими любезными, дремлю въ креслахъ, и въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю въ дали на огни домовъ, слушаю колокольчикъ скачущихъ по большой дорогѣ, и не рѣдко крикъ совы; возвратясь свѣжимъ, читаю газеты, журналы.... книгу; въ девять часовъ пьемъ чай за круглымъ столомъ, и съ девяти до половины двѣнадцатаго, читаемъ съ женою съ двумя дѣвками (дочерьми) замѣчательныя мѣста изъ Валь-

теръ-Скоттова романа, но съ невинною пищею для воображенія и сердца, всегда жалѣя, что вечера коротки.....

«Работа слѣдалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло! Знаю что и какъ пишу; въ своемъ такомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ; я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и человечеству. Ну, пусть никто не читаетъ моей исторіи: она есть, и довольно для меня.... За немнѣишемъ читателей, могу читать себѣ и бормотать сердцу, *гдѣ и что* хорошо (вотъ слова Карамзина, излившіяся въ дружескомъ чистосердечіи). Миѣ остается просить Бога единственно о здоровѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ, до той минуты, «какъ лебедь на водахъ Меандра пропѣвъ, умолкнетъ навсегда». Чтобъ чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы, я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь способности ума авторству.... Такъ пишутъ къ друзьямъ изъ уединенія!» (Ц. С., 22 окт. 1825 г.).

Жаль, что не знаемъ всего письма! Карамзинъ какъ бы по тайному чувству близкой смерти, завѣщалъ послѣднія мысли и чувства свои только достойному другу; но онѣ слѣдвались собственностію всѣхъ чувствительныхъ сердецъ, и драгоценны для нихъ, какъ завѣтъ предковъ къ потомству.

Послѣ этого Карамзинъ писалъ къ графу Коподистрѣн, знаменитому президенту Греціи и своему другу *:

«Свиданіе съ любезнымъ Б...мъ было для меня пріятнѣе обыкновеннаго; онъ много рассказывалъ намъ объ васъ, и всѣ подробности о вашемъ здоровѣ, о вашемъ наружномъ видѣ (матеріальномъ выраженіи не матеріальнаго), были для насъ удовлетворительны. Но къ сожалѣнію многіе вопросы о состояніи прекрасной души вашей, о занятіяхъ дѣятельнаго вашего ума, о вашемъ столь всегда вѣрномъ образѣ мыслей на счетъ происшествій нашего времени, остались безъ отвѣта. Слушая однако нашего общаго друга, который такъ

* Письмо къ графу Коподистрѣн написано Карамзинымъ на французскомъ языкѣ; переводъ, помѣщенный здѣсь сдѣланъ В. А. Жуковскимъ.

много передавалъ мнѣ свои разговоры съ вами, я иногда забывался: мнѣ казалось, что слышу васъ самихъ. Какъ было завидно для меня то счастье, которымъ онъ насладился въ вашемъ обществѣ. Мои скопляющіеся голы, шаткость моего здоровья, печальныя обстоятельства, насъ разлучающія и которымъ конца не вижу, все это заставляетъ меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. По утѣшеніе себѣ говорю: «хотя онъ и далеко, но объ насъ «помнить»; а мы безсмертны. Соединеніе душъ не прекращается съ жизнію матеріальною: пережившій сохраняетъ «воспоминаніе; отошедшій, быть-можетъ, болѣе выигрываетъ нежели теряетъ. Земные путешественники слишкомъ «разсѣянны: имъ нѣтъ досуга заботиться о дружбѣ; не прежде какъ бросивъ свой посохъ, мы можемъ предаться вполне «привязанностямъ своего сердца: тогда растерянное во времени будетъ отыскано въ вѣчности». — Такіе разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня теперь гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ: они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей исторіи, подвигающейся къ окончанію (даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ, если же нѣтъ, то нѣтъ). Такъ! я старѣюсь, не уставая (быть можетъ придетъ и то). О какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ ближнихъ, для столькихъ народовъ!....»

«Мы на сихъ дняхъ переѣхали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ ненарушимомъ уединеніи: какъ далеко была отъ меня скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически! Сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одишь совершенно. Работа, чтеніе, осеннія, нерѣдко ночныя прогулки имѣли для меня прелесть неизъяснимую. Не слишкомъ боюсь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ и любилъ повторять съ Ж. Ж. Руссо, что засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи, я доиваю по каплямъ сладкое бытіе земное; я радуюсь имъ по своему, не прихвѣтно для зависти. Подходя въ концу жизни, я благодарю Бога за все, что Онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ-быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить

ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать: и что же? я могъ описать одни только варварскія времена его исторіи; меня не видали ни на полѣ сраженія, ни въ совѣтахъ государственныхъ; зная однако, что я не трусъ и не лѣнивецъ, говорю самому себѣ: «такъ было угодно Богу», и не имѣя смѣшной авторской спеси, вхожу не стыдясь въ общество нашихъ генераловъ и нашихъ министровъ.... Но довольно! я заговорился, и кажется слишкомъ много для одного минушнаго свиданья съ вами въ вашей Женевѣ. Краткость жизни требуетъ лаконизма; но что же дѣлать? и самая мысль, что мы такъ мало имѣемъ здѣсь времени для многословія, заставляетъ насъ иногда быть неумѣренно многословными съ нашими друзьями.

«Перейду теперь къ историческому: воспоминаніе объ васъ живетъ въ Россіи. Государыня Елисавета Алексѣевна поручила мнѣ написать вамъ, что она продолжаетъ по прежнему принимать въ васъ искреннее участіе: Она такъ прямодушна! И Государь ни мало къ вамъ не перемѣнился; онъ знаетъ цѣну вашей души и вашихъ высокихъ дарованій. Удостоивъ насъ въ городѣ однажды своимъ посѣщеніемъ, онъ много, много объ васъ говорилъ, и съ такимъ чувствомъ, которое меня порадовало. Я люблю его болѣе и болѣе, не помышляя ни о какихъ милостяхъ, ни о какомъ вліяніи, то есть, не тревожа себя ни мало тѣмъ, что никакого вліянія не имѣю. Богъ одинъ читаетъ во глубинѣ сердца?.... Говорить ли вамъ о нашемъ теперешнемъ мучительномъ безпокойствѣ, которое, надѣюсь, пройдетъ прежде нежели вы получите письмо мое? Нашъ любезный, нашъ добрый Императоръ боленъ простудною лихорадкою въ Таганрогѣ: болѣзнь не опасна, но сердце дрожитъ за него. А Государыня Елисавета Алексѣевна въ письмѣ отъ 3-го ноября, которое я имѣлъ счастье получить отъ нея, увѣдомляетъ насъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше. Она очень огорчена смертію короля Баварскаго....»

Осенью 1825 года Александръ отправился въ Таганрогъ, заботясь о доставленіи Государынѣ спокойнаго пребыванія въ лучшемъ климатѣ. Тутъ постигла его самого преждевременная смерть (19 ноября).

Въ декабрѣ здоровье Карамзина еще болѣе разстроилось.

Къ чувствуемому Карамзинымъ изнуренію отъ непрерывнаго напряженія умственныхъ силъ, отъ необыкновенныхъ трудовъ присоединилась еще душевная скорбь о потерѣ любимаго имъ Государя.

«Простите мнѣ мое долговременное молчаніе. Все лѣто былъ я хилъ здоровьемъ; осенью поправился и хотѣлъ писать къ вамъ уже изъ города, куда переѣхалъ изъ Царскаго Села 15 ноября: но черезъ два дня узнали мы о болѣзни Государя и съ той минуты я уже не могъ ничѣмъ спокойно заниматься. Александра любилъ я какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если я смѣю такъ сказать. Онъ самъ называлъ меня своимъ искреннимъ другомъ. Его величіе и слава конечно давали этой связи еще особенную для меня прелесть. Не думалъ я пережить Его и надѣялся оставить въ Немъ покровителя моимъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ Нему осталась безкорыстною. Новый достойный Государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ. Я слишкомъ старъ, и думаю только кончить, если дастъ Богъ, двѣнадцатый томъ исторіи, чтобы куда нибудь удалиться отъ Двора, въ Москву ли, или въ нѣмецкую землю для воспитанія сыновей; здѣсь ученье дорого и не такъ легко. Впрочемъ предаюсь и тутъ въ волю Божию. Нынѣ мы живы, а завтра гдѣ будемъ? Если не Александръ, то небесный отецъ нашъ не покинетъ моего семейства, какъ надѣюсь» (Спб., 10 января 1826 г.).

Силы его ослабѣвали. Въ началѣ весны 1826 года онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ, куда его переселили, чтобы онъ свободнѣе могъ пользоваться чистымъ воздухомъ. Между тѣмъ онъ надѣялся поправить свое здоровье путешествіемъ (въ Италіи, на благословенныхъ берегахъ Арно). «У пошвы Апеннинъ допишу исторію» и взоръ его прояснился. Государь Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о его желаніи, Всемилостивѣйше пожаловалъ ему на дорогу 50,000 рублей, и повелѣлъ для отправленія его, снарядить фрегатъ; уже готовъ былъ фрегатъ для перевезенія его въ Южную Францію.... Въ это время Карамзинъ былъ пораженъ новымъ прискорбіемъ, узнавъ о смерти Государыни Елисаветы Алексѣевны, что сильно подѣйствовало на него.

22 апрѣля 1826 г. Карамзинъ писалъ къ А. Ѳ. Малиновскому.

«Я опять умираю, и къ собственному моему удивленію остался пока между живыми, вынесши жестокою болѣзнь съ тѣломъ, уже изнуреннымъ, съ душою, смятенную происшествіями, съ сердцемъ печальнымъ. Такъ было угодно Богу! Ему же угодно было вселить въ меня и чувство необходимости ѣхать въ лучшій климатъ для выздоровленія, что думаютъ и всѣ медики. Царь, по особенной милости, далъ мнѣ средство, и жалуетъ даже фрегатъ, чтобъ плыть на немъ въ Бордо. Искренно скажу, что не безъ сердечнаго сожалѣнія оставляю Петербургъ, гдѣ Государь и Императрицы оказываютъ мнѣ столько благоволенія; но должно опять сдѣлаться полнымъ человѣкомъ т. е. здоровымъ. А къ вамъ, друзья московскіе, сердце и воображеніе мое обращаются съ нѣжностію: ѣду простясь, а возвращеніе въ Рукъ невидимой столь неизвѣстно! Между тѣмъ срокомъ полагаемъ два года».

«На сихъ дняхъ отправлю въ архивъ ящикъ съ большею частію бумагъ и книгъ, которые еще были у меня; удерживаю, для окончанія XII тома, весьма не многія. Мнѣ писать еще двѣ главы: наслаждаюсь мыслию изображать характеры и дѣйствія россійской исторіи и любоваться вдали вершинами Апеннинскими. Безъ работы хотя самой легкой, для меня нѣтъ отдыха. Для формы напишу графу Нессельроду объ удерживаемыхъ мною книгахъ и бумагахъ.

«Я еще очень слабъ, на корабль думаемъ съѣсть 8 іюня».

Жизнь его мало по малу угасала.... Послѣдніе дни его были озарены душевною радостью, при полученіи письма Государя Императора Николая Павловича, свидѣтельствовавшего безпримѣрное благоволеніе и трогательное участіе:

«Николай Михайловичъ! Растроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество, и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали до нынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытъ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ и своими трудами какъ писатель. Импера-

торъ Александръ сказалъ вамъ: Русской народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете въ изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю чтобы путешествіе было вамъ полезно и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія Главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Николай.

Въ Царскомъ Селѣ, мая 13 дня 1826 года.

Въ этой бумагѣ заключался Высочайшій указъ министру финансовъ (отъ 13-го мая), которымъ Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ, производить дѣйствительному статскому совѣтнику Карамзину, по случаю его отъѣзда за границу для излеченія своего здоровья, по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобъ сумма эта, обращаема я ему въ пенсіонъ, была послѣ него производима сполна его женѣ, и по смерти ея также сполна дѣтямъ сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ.

Семейство исторіографа, предувѣдомленное о благодѣяніи Государя Императора, заливалось слезами и не знало, какъ объявить эту радость страдальцу, лежавшему на смертномъ одрѣ. Наконецъ нѣжная супруга воспользовалась удобнымъ временемъ, когда больной подкрѣпилъ нѣсколько ослабѣвавшія силы и поднесла ему рескриптъ. Прочитавъ его, Карамзинъ сказалъ: *это доказательство, что я долженъ умереть!*... Потомъ хотѣлъ видѣть приложенный указъ, на который лились благодарныя слезы. Изъ указа онъ узналъ, что ему, а послѣ смерти семейству его, Государь Императоръ жалуетъ *пятьдесятъ тысячъ рублей* ежегоднаго пенсіона.... Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ. *Это уже слишкомъ много!* произнесъ Карамзинъ. Окружающіе, проливая горькія слезы, старались успокоить его тѣмъ: что онъ получилъ отъ справедливаго Монарха по своимъ заслугамъ, что государство отъ того не потерпитъ. Карамзинъ не переставалъ повторять тѣ же слова.

Растроганный такою неожиданною милостію, Карамзинъ собралъ послѣднія силы, слабѣющею рукою выразилъ глубокую къ Монарху благодарность въ слѣдующихъ строкахъ:

Всемилостивѣйшій Государь!

«Рескриптъ, которымъ Вы меня осчастливили третьяго дня, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ съ воспоминаніемъ о незабвенномъ Александрѣ, съ хвалою смиренному исторіографу сверхъ его достоинства — омочилъ слезами блѣдное мое лице. Прочитавъ указъ къ министру финансовъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось однакожь въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой Царской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзинныхъ, осыпанная милостями двуху Монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ Царскому Дому. О! какъ желаю выздороветь, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ, чтобы посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнный Государь, и любезному отечеству. Вчера не могъ я писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія Ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы вырезать вполне моей признательности.

Повергаюсь и проч.

20 мая въ четвергѣ, утромъ, Карамзинъ еще говорилъ объ Италіи, но вскорѣ впалъ въ совершенное разслабленіе и безпамятство, и тихо умеръ 22 мая 1826 года, во второмъ часу по полудни, на рукахъ родныхъ и друзей. «Лишенный тѣлесныхъ силъ, онъ не могъ благословить дѣтей своихъ наружными знаками», — писалъ одинъ изъ свидѣтелей его кончины — «но вся жизнь его была для нихъ благословеніемъ».

Карамзинъ умеръ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ нѣкогда жили Потемкинъ и великій Суворовъ. Прахъ Карамзина преданъ землѣ 25 мая и покоится въ Невскомъ Монастырѣ, на новомъ кладбищѣ, на правой сторонѣ отъ вѣзда въ монастырскія ворота. По желанію, изъявленному имъ предъ смертью, погребеніе происходило безъ всякихъ церемоній. Почетнѣйшія лица, пребывающія въ здѣшней столицѣ, вельможи, ученые и литераторы, Русскіе и иностранцы, присутствовали на немъ. Государь Императоръ, при-

нивавшій во все продолженіе болѣзни Карамзина нѣжнѣйшее въ судьбѣ его участіе, почтилъ наканунѣ погребенія послѣднимъ цѣлованіемъ прахъ своего подданнаго. — На белой мраморной доскѣ, лежащей на бѣлыхъ же мраморныхъ стѣнкахъ, и служащей надгробнымъ памятникомъ историографа, нѣтъ никакой надписи; но на сторонахъ памятника, на одной начертаны дни его рожденія и кончины, а на другой, около изображенія креста, слова: «Блаженн чисти сердцемъ, яко тии Бога узрятъ». Памятникъ огороженъ желѣзною рѣшеткою, за которою нѣсколько кустовъ сирени, посаженныхъ друзьями покойнаго — княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ и Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Они трое опустили въ могилу гробъ историографа.

Вотъ какъ описываетъ Жуковскій послѣдніе дни Карамзина.

«Первое извѣстіе о кончинѣ Государя принесено было ему (т. е. Карамзину) мною: услышавъ о ней, онъ сталъ на колѣни, поднялъ глаза къ небу, молчалъ, молился мыслию, потомъ горько заплакалъ. Но онъ и самъ уже былъ на краю гроба, когда ему сказали, что и Государыня Елисавета Алексѣевна скончалась. Я желалъ бы, но не умѣю, описать его въ эту минуту; желалъ бы найти выраженіе для наименованія того набожнаго (уже потухающаго) взгляда, который онъ, не сказавъ ни слова, поднялъ къ небу, какъ будто провожая туда милую душу, и того движенія руки, которымъ онъ какъ будто передавалъ ее Всевышнему. Въ это время онъ находился въ Таврическомъ дворцѣ, куда переселили его въ началѣ весны, дабы онъ могъ свободнѣе пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Было рѣшено, что онъ отправится въ Южную Францію; былъ готовъ фрегатъ, для перевезенія его въ Марсель. И онъ ни мало не подозрѣвалъ, чтобы смерть его была такъ близко; онъ занимался настоящимъ; думалъ о будущемъ, думалъ о довершеніи великаго труда своего. Благодаря отеческой заботливости Государя Николая Павловича, который, какъ истинный представитель своего народа, изъявилъ Карамзину, въ достойной его наградѣ, благодарность свою и Россія, онъ былъ избавленъ отъ всякаго безпокойства о судьбѣ своего семейства; съ какою то младенческою ясностію души онъ дѣлалъ планы для своей заграничной жизни. «Теперь я богатъ», говорилъ онъ: «могу завести себѣ верховую

ловядь; востоянное движеніе поможетъ мнѣ возстановитъ мое здоровье». Но было опредѣлено иначе: онъ не пережилъ мая. Принужденный также по причинѣ болѣзни покинуть въ началѣ сего мѣсяца Россію, я не имѣлъ отрады быть при немъ въ послѣднюю его минуту; но я съ глубокимъ благоговѣніемъ видѣлъ его приближающагося къ сей минутѣ; я видѣлъ умирающаго Карамзина, и никогда это видѣніе не изгладится изъ души моей. При мысли о концѣ такого чело-вѣка, о переходѣ такой души въ тотъ міръ, гдѣ у Отца обителей много, всѣ наши понятія о жизни, смерти и безсмертіи преобразуются для насъ во что-то свѣтло-очевидное. Кто зналъ внутреннюю жизнь Карамзина, кто зналъ, какъ онъ всегда былъ непороченъ въ своихъ побужденіяхъ, какъ въ немъ всѣ живыя, независимыя отъ воли движенія сердца были по какому-то естественному сродству согласны съ правилами строгаго разума, какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ нѣжнѣйшимъ чувствомъ, какой онъ былъ (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенецъ, и какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ владычествовала въ его жизни, управляя его желаніями и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая житейскія его радости и печали, и соединяя его бытіе въ одну гармонию, которая только съ послѣднимъ вздохомъ его умолкла для земли, дабы навѣки продолжиться въ мірѣ иномъ; словомъ, кто имѣлъ счастье проникнуть въ тайну души Карамзина, для того зрѣлище смерти его было освященіемъ всего, что есть прекраснаго и высокаго въ жизни, и подтвержденіемъ всего, что вѣра обѣщаетъ намъ за гробомъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: «Списываю вторую главу Шуйскаго: еще главы три съ обзорѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всѣму міру, не холодный, но съ движеніемъ руки на встрѣчу потопству, ласковому и не спѣсивому, какъ ему угодно. Призываюсь, желаю довершить съ нѣкоторою полнотою духа, правостию сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно доплыть до берега. Жаль если захлѣбнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь удара. Но да будетъ воля Божія». Послѣ этой главы Карамзинъ написалъ еще двѣ, представилъ ужасную картину состоянія Россіи въ смутное время, показалъ издали зарю освобожденія отъ враговъ, но здѣсь пораженный болѣзнію, остановился на словахъ: *«Оргшекъ не сдавался»*. — Пере вы-

пало изъ рукъ нашего исторіографа и трудъ его до сихъ поръ не имѣлъ продолжателя.

Карамзинъ занимался два года сочиненіемъ 12-го тома, который долженъ былъ заключиться возшествіемъ на престолъ царя Михаила Феодоровича. Неоконченный томъ былъ напечатанъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставленъ авторомъ, подъ редакцію его друга Дмитрія Николаевича (нынѣ графа) Блудова.

Не лишнимъ считаемъ привести предисловіе, написанное къ этому тому графомъ Блудовымъ. Здѣсь читатель найдетъ самыя вѣрныя свѣденія о судьбѣ послѣдняго тома историческаго труда Карамзина.

«Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца «Исторіи Государства Россійскаго».

«Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще дозволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручилъ намъ быть издателями XII тома его исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожь хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить примѣчанія къ написаннымъ уже главамъ. Но судьбѣ было угодно, чтобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуты ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія четырехмѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери, когда мысли тѣхъ, кои доселѣ его оплакиваютъ, не могли быть заняты ничѣмъ инымъ, собранныя имъ для составленія примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время, чтобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Отъ сего и отъ нѣкоторыхъ другихъ, не важныхъ для публики обстоятельствъ, замедлилось изданіе книги, какъ намъ извѣстно съ нетерпѣніемъ ожидаемой.

«Всѣ приложенныя нами примѣчанія суть не что иное какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго исторіографа показаніямъ. Что касается до текста, кажется нѣтъ нужды говорить, что онъ представляется читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первыя четыре главы, даже и начало пятой, за исключеніемъ лишь не многихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія, стеченію обстоятельствъ, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было,

какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра; манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному историографу въ то время, когда онъ самъ близко склонялся къ гробу.

«Карамзинъ не имѣлъ несчастья пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти также живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его исторіи. Въ семъ XII томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобы быть совершеннѣйшимъ, читателя, умѣющіе цѣнить изящное, найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія. Необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей автора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя, такъ сказать, оживотворяютъ разсказъ историка, искусство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины, послѣдствія, съ безпристрастіемъ и пронизательностію философа, богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

«Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Василія Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ междоцарствія прерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется, сіе не ослабляетъ и можетъ быть еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи».

Историческій трудъ Карамзина вѣковое явленіе въ нашей литературѣ; ни до него, ни послѣ него, не встрѣчаемъ ничего подобнаго.

Что бы не говорили и писали противъ достоинства этого произведенія мы вполне убѣждены, что «Исторія Государства Россійскаго» навсегда останется непоколебимымъ памятникомъ русской литературы XIX столѣтія, и точкою исхода русской критической исторіи.

Послѣ появленія историческаго труда Карамзина показа-

лись не критики на это важное произведение отечественной литературы а неблагонамбрённые нападки, порожденные завистью людей желавших только нарушить душевное спокойствіе исторіографа. Въ непродолжительномъ времени послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ осьми томовъ мы находимъ въ «Вѣстникѣ Европы», томъ самомъ журналѣ, которому положилъ начало Карамзинъ: «Письма кievскаго жителя». Въ нихъ заключаются нападки на нѣкоторыя слова, выраженія и мѣста, не «Исторіи государства Россійскаго», нѣтъ, а предисловія! Эти письма открыли дорогу мнимой критикѣ, по которой, можно сказать, спотыкались, жалкіе судьи, не смѣвшіе однакожь коснуться самой исторіи.

Всѣ такія замѣчанія, конечно, не основательны, если и допустить даже, что предисловіе, мѣстами, и не выдержитъ критики. На предисловіе, находящееся при огромныхъ сочиненіяхъ, можетъ нападать только тотъ, кто никогда не занимался продолжительными изслѣдованіями, не произвелъ ничего такого, что стоитъ писателю много времени и труда. Знакомые съ дѣломъ ближе, согласятся, что при самомъ превосходномъ сочиненіи можетъ быть довольно слабое предисловіе. Писатель, посвятившій цѣлыя годы своей жизни какому-нибудь предмету, до того свыкъся, сроднился съ нимъ, что предметъ дѣлается его душою, мыслию, которая насквозь проникаетъ все его существо. Какъ же требовать отъ писателя, чтобы онъ, преисполненный своимъ предметомъ, еще не пришедшій въ себя отъ богатства мыслей и образовъ, которые не остыли въ его душѣ, — сосредоточилъ, сжалъ, высказалъ ихъ въ нѣсколькихъ строкахъ, представивъ голый скелетъ того, что облечено имъ въ такую роскошную одежду?

Лучшій современный разборъ «Исторіи государства Россійскаго» былъ помѣщенъ въ «Сѣверномъ Архивѣ»; но и здѣсь большая часть критики посвящена предисловію, обзорѣнію историческихъ матеріаловъ, которыми пользовался Карамзинъ, и обзору самыхъ первыхъ временъ Русскаго государства. Затѣмъ слѣдуютъ разборы IX, X, XI и XII томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», написанные подъ вліяніемъ предъидущаго, но уже болѣе поверхностные, все же имѣющіе свое значеніе. Критическія статьи Арцыбашева на «Исторію Государства Россійскаго» болъшею частью ничего не доказываютъ. Арцыбашевъ былъ человекъ, который сводилъ механически лѣтописи, не имѣлъ исторической эрудиціи, не имѣлъ вѣрнаго взгляда на предметъ, отсталъ отъ вѣка, и что болѣе,

вовсе не понималъ въ чемъ именно состоитъ критика. Труды Арцыбашева замѣчательны, какъ механическія сводки лѣтописцевъ и только.

Гораздо дѣльнѣе критическія замѣчанія Ходаковского, но только нѣкоторыя. Многія опроверженія этого ученаго основаны на его особенной какой-то славянской филологіи, которой законы были извѣстны ему одному, и при строгомъ критическомъ разсмотрѣніи не имѣютъ никакого значенія.

Однакожъ надобно замѣтить, что Карамзинъ вовсе не обращалъ вниманія на своихъ критиковъ. Вотъ что отвѣчалъ онъ, по этому случаю, И. И. Дмитріеву: «а ты, любезнѣйшій, все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣчать на критики. Нѣтъ, я лѣнивъ, хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благодарнымъ, умѣю не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я, какъ папа, безгрѣшенъ. Все это дрянъ и пустота. Такъ мнѣ часто кажется; желаю, чтобъ и тебѣ казалось». Какое ангельское незлобное сердце!

Критика Н. Полеваго — не болѣе какъ желаніе — перетолковать всю исторію Карамзина на изнанку, съ европейской точки зрѣнія. Во всѣхъ событіяхъ русской исторіи Полевой видѣлъ какую то связь съ событіями остальной Европы, чего никогда не бывало. Иногда, впрочемъ, попадаютъ у него замѣчанія, весьма основательныя; но Полевой не видѣлъ другихъ актовъ при опроверженіи Карамзина, кромѣ одного важнаго акта — своего остроумія. Онъ можно сказать наряжалъ многихъ героевъ «Исторіи государства Россійскаго» въ костюмы своего собственнаго изобрѣтенія.

Объ остальныхъ разборахъ и говорить нечего.

Все доселѣ написанное въ опроверженіе заслугъ Карамзина не имѣетъ никакого основанія, и вовсе не вредитъ славѣ исторіографа. Это лучше всего подтвердитъ безпристрастное дальнѣйшее потощество. Что въ великомъ трудѣ Карамзина можно опровергнуть многое, объ этомъ никто не споритъ. Трудъ Карамзина — трудъ человѣческій, и ему, конечно, не чуждо все свойственное дѣламъ человѣческимъ вообще. Карамзинъ первый взялся у насъ за такое дѣло, о которомъ и въ настоящее время, — когда историческіе матеріалы все болѣе и болѣе приводятся въ извѣстность, — никто не рѣшился бы и подумать; при всемъ томъ Карамзинъ доказалъ двѣнадцатью томами своего труда, что онъ имѣлъ довольно смѣль, чтобы приступить къ подобному предпріятію. Въ наше время сколько открыто и сколько издано актовъ, отысканныхъ въ

глубинѣ Руси, которые не могли быть извѣстны исторіографу: какая же тутъ особенная заслуга, если мы имѣя ихъ въ рукахъ можемъ замѣтить ничтожную погрѣшность въ трудѣ Карамзина, происшедшую именно отъ недостатка достовѣрныхъ матеріаловъ.

Теперь намъ остается сказать собственное мнѣніе объ историческомъ трудѣ Карамзина.

Въ наше время, когда въ послѣдніе 25 лѣтъ науки такъ быстро подвинулись впередъ, а многія получили даже совершенно новое значеніе и направленіе, въ особенности исторія и филологія, «Исторія Государства Россійскаго» все-таки остается великимъ произведеніемъ великаго писателя. Для дѣйствительно полезной критики на «Исторію Государства Россійскаго», надо предпринять двѣнадцатилѣтній походъ въ область археологіи и критики, какой совершилъ самъ Карамзинъ. Конечно, такой походъ будетъ теперь гораздо легче, ибо многое, чѣмъ пользовался Карамзинъ въ рукописи, теперь уже издано (хотя и необъяснено критикомъ; такъ напримѣръ изданія археографической коммисіи). Результатомъ этого похода можетъ быть только убѣжденіе, что Карамзинъ не имѣя вернѣйшихъ данныхъ объ извѣстномъ событіи, долженъ былъ пользоваться тѣми, какія у него были подъ рукой, отъ чего и могла произойти не одна ошибка. Но за всѣмъ тѣмъ никто не въ правѣ сказать, что Карамзинъ искажилъ то или другое событіе, что онъ провелъ въ своемъ трудѣ ложную идею, ложный взглядъ на вещи, и ввелъ другихъ въ заблужденіе, какъ дѣлали это послѣдующіе историки; словомъ, никто не можетъ упрекнуть Карамзина въ недобросовѣстности.

Однакожь такъ какъ въ настоящемъ живомъ поколеніи не найдется писатель, который бы посвятилъ себя на совѣстливый ученый разборъ труда нашего исторіографа, по этому и нѣтъ надежды имѣть основательную критику «Исторіи государства Россійскаго».

Карамзина можно обвинять развѣ только въ томъ, что у него кратко и слабо изложенъ донсторическій періодъ Руси и первый періодъ русской исторіи до Ярослава Великаго.

Но отъ подобнаго труда отказался и польскій историкъ, Нарушевичъ. Онъ вовсе не выпустилъ въ свѣтъ перваго тома своей исторіи, а передѣлывалъ его нѣсколько разъ, и стыдъ и страхъ удерживалъ его издать въ свѣтъ начало польской исторіи.

Чтобы и въ наше время объяснить доисторическій періодъ и первый періодъ русской исторіи, для этого требуется нѣсколько специальныхъ изыскателей, изъ которыхъ каждый можетъ просидѣть по 12 лѣтъ и послѣ долгихъ и труднѣйшихъ изысканій мы узнаемъ, что Варяги были Варяги, Славяне были Славяне, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были родные братья. При настоящемъ состояніи историческихъ наукъ, даже у насъ въ Россіи, необходимо, чтобы вяряжскій вопросъ былъ рѣшенъ специальнымъ ученымъ, занимающимся и знающимъ скандинавскія древности, скандинавскую литературу и исторію.

Вопросъ объ историческомъ значеніи и характерѣ Славянъ, издревле обитавшихъ въ Россіи, долженъ быть рѣшенъ человекомъ, знающимъ превосходно славянскую исторію, филологію и литературу. Сверхъ того требуется, чтобы онъ изучилъ византійскіе письменные памятники, и объяснилъ положительно и критически, что знали о насъ Греки. Но даже эти многостороннія знанія будутъ недостаточны, если къ нимъ не присоединить изслѣдованій восточныхъ писателей о древней Руси, сказаній западныхъ европейскихъ писателей о Россіи и жителяхъ ея, и, наконецъ, не разобрать критически богатѣйшую польскую историческую литературу. Каждый изъ этихъ предметовъ, по своей обширности, требуетъ спеціальнаго изученія, а между тѣмъ Карамзинъ рѣшалъ всѣ эти вопросы одинъ. Поэтому ему легко было ошибиться и блуждать въ хаосѣ, не будучи ни ориенталистомъ, ни славянистомъ, ни знаткомъ классическихъ литературъ, археологін и дипломатики! Притомъ, виноватъ ли Карамзинъ, что въ его время не имѣли еще понятія о такомъ спеціальному изученіи матеріаловъ русской исторіи; что предшественникамъ его, Татищеву и Щербатову, не приходило въ голову рѣшать эти вопросы? Но не напиши Карамзинъ того, что мы встрѣчаемъ въ «Исторіи Государства Россійскаго», въ первыхъ главахъ перваго тома, и наша исторія была бы также безъ начала, какъ и польская исторія Нарушевича.

Въ наше время, конечно, каждый изъ этихъ вопросовъ уже нѣсколько изслѣдованъ, но все же не рѣшенъ окончательно; и если бы кто вздумалъ основать свои показанія на однихъ теперешнихъ данныхъ, подготовленныхъ для каждаго изъ этихъ вопросовъ, тотъ не избѣгнулъ бы неполноты, въ которую попалъ и Карамзинъ. Начиная съ того мѣста, гдѣ русская исторія дѣлается достовѣрнѣе, и гдѣ

не было недостатка въ отечественныхъ памятникахъ, Карамзинъ выполнилъ свое дѣло, какъ нельзя лучше и добросовѣстно. Можно только замѣтить, что онъ придавалъ излишнее значеніе древнему великому княжеству Кіевскому и его государямъ; но въ эту ошибку онъ могъ быть вовлеченъ недостаткомъ историческихъ матеріаловъ.

Карамзина укоряютъ еще въ томъ, что онъ не оцѣнилъ историческихъ матеріаловъ, т. е. исторической литературы, въ своемъ введеніи: замѣчаніе это тоже не совсемъ справедливо, ибо всѣ историческіе матеріалы, которыми Карамзинъ пользовался, оцѣнены имъ, съ тою только, разницею, что онъ не собралъ своихъ замѣчаній вмѣстѣ и не образовалъ изъ нихъ цѣлаго, но разсѣялъ въ видѣ примѣчаній. Но особеннѣе возстаютъ на Карамзина за его систему исторіи. Будь у насъ критика болѣе развита, тогда, конечно, подобное замѣчаніе показалось бы смѣшнымъ; но мы не станемъ ему удивляться, а возразимъ критикамъ труда Карамзина, что, ни у одного народа историческая дѣятельность не переходила отъ формы лѣтописи прямо въ ученую, критико-философскую исторію. Укажите намъ гдѣ это было? Тутъ есть еще середина, которую нужно наполнить; это лѣтописно-критическая исторія — переходъ отъ лѣтописи къ настоящей прагматической исторіи; за этимъ слѣдуетъ критическая обработка матеріаловъ, а за нею уже исторія въ полномъ ея значеніи. Исторія Карамзина есть именно эта лѣтописно-критическая, переходная исторія.

Всѣ событія, имѣвшія вліяніе на судьбу государства, указаны, оцѣнены имъ болѣе или менѣе, и наука, если не вполне удовлетворяется его исторіей въ настоящемъ видѣ, то по крайней мѣрѣ имѣетъ въ ней всѣ данныя, на которыхъ должна основываться система, и обладаетъ многими замѣчаніями, которыя должны войти въ систему. Въ трудѣ Карамзина сохраняется богатый запасъ свѣдѣній всѣхъ родовъ о русской исторіи, и Карамзинъ сдѣлалъ ее извѣстнѣе, не только для многихъ, но даже для самыхъ строгихъ судей своихъ. Онъ передавалъ свое знаніе съ сердечнымъ участіемъ, какъ самъ онъ выразился въ предисловіи: чувство *мы, наше*, оживляетъ повѣствованіе, — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго, или души слабой, не сносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, яркость. Написавъ онъ ученую исторію при тогдашнемъ состояніи

исторической науки — она уже давно была бы забыта и не принесла бы намъ пользы, какъ всякій не зрѣлый плодъ. Карамзинъ же, трудясь во имя науки, въ то самое время хотѣлъ дать историческую опору новому русскому обществу; напомнить ему, что оно имѣетъ свое прошедшее; утвердить народность. Вотъ главная цѣль труда Карамзина, которая увѣщчалась неимовернымъ успѣхомъ. Благотворное вліяніе этого колоссальнаго труда на русское общество было неслышанное и вполнѣ вознаградило писателя за жертву, которую принесъ онъ наукѣ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что исторія Карамзина никогда не дожидется критики, а съ другой стороны такая критика излишняя; трудъ его достигъ своей цѣли: теперь уже настало для Россіи время—приготавливать матеріалы для критико-философской исторіи, в первый опытъ такой исторіи слѣланъ, на основаніи труда Карамзина, Н. Г. Устряловымъ.

Изъ множества матеріаловъ, приведенныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ біографіи Карамзина, видно, что онъ былъ кроткаго нрава, нѣженъ въ обращеніи съ своимъ семействомъ, чрезвычайно обходителенъ въ обществѣ, говорилъ обдуманно и живо. Карамзинъ каждый день находилъ часы досуга не для однихъ знаменитыхъ посѣтителей, но для всѣхъ имѣвшихъ нужду въ немъ, принималъ ихъ съ ласкою родственной любви, и благотворилъ, желалъ казаться имъ предупредительнымъ, заботливымъ другомъ, какъ бы скрывая отъ себя самага свои благодѣянія.

Всѣ свои труды, заслуги и славу Карамзинъ ставилъ ни во что, предъ достоинствомъ собственно человѣческимъ.

Карамзинъ во всю свою жизнь старался никого не оскорбить, и во всемъ замѣчать болѣе хорошее, нежели дурное. Вотъ нѣсколько его мыслей и правилъ:

«Любовь къ добру, и любовь къ изящному внушаетъ намъ болѣе хвалить достойное похвалы, нежели осуждать то, что осуждать невозможно».

«Низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ оужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься уничиженіемъ другихъ, но самый легкій умъ находитъ несовершенства; только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты».

«Низкія страсти упижаютъ, охлаждають дарованія; пламень его есть пламень добродѣтели.»

«Истинно ученые презирають похвалу и брань невѣждъ».

«Раскаяніе есть заря добродѣтели.»

Карамзинъ не оставилъ послѣ себя никакихъ записокъ, но всю жизнь его намъ болѣе или менѣе извѣстна.

Сорокъ лѣтъ провелъ Карамзинъ съ перомъ въ рукѣ за письменнымъ столомъ, окруженный книгами и въ дали отъ свѣта. Онъ жилъ умомъ, чувствомъ, воображеніемъ, для удовольствія благородному влеченію души своей къ содѣйствию славы и общему благу отечества, а не для пріобрѣтенія временныхъ почестей и отличій. Карамзинъ не посѣщалъ шумнаго торжища, на которомъ славагромкимъ, но скоропроходящимъ звукомъ провозглашаетъ имена своихъ поклонниковъ; Карамзинъ въ спокойномъ наслажденіи своимъ достоинствомъ, предвидѣлъ для себя славу прочнѣйшую. Умъ свѣтлый, плѣнительный, истинное краснорѣчіе сердца, дарованія превосходныя, служившія къ славы отечества, душа чистая, возвышенная чувствительность, стремившаяся къ истинному и прекрасному, дѣятельность, скромная въ блескъ заслугъ, жаръ любви къ человѣчеству, любезность въ обхожденіи очаровательная, все это соединилось въ Карамзинѣ.

Цѣлыхъ сорокъ лѣтъ Русскіе восхищались твореніями Карамзина. Съ воспоминаніями юности нашей сливается воспоминаніе наслажденія, которое чувствовали мы, читая его творенія, съ пламеннымъ жаромъ сердца, жаднаго новыхъ чувствъ и ума, раскрывающаго очаровательный міръ мыслей. Почтимъ благодарнымъ, неизмѣннымъ воспоминаніемъ память Карамзина. Имя его будетъ незабвенно въ исторіи нашего просвѣщенія. Душа писателя видна въ твореніяхъ. Въ первыхъ сочиненіяхъ Карамзина узнаете согрѣвающее душу чувство добра. Въ слѣдующихъ раскрывается его обширный умъ и неизмѣнная до самого гроба любовь къ изящному и ревностное усердіе ко благу и счастью человѣчества.

Всѣ сочиненія Карамзина, издавныя въ разное время, а также разсѣянныя въ издаваемыхъ имъ журналахъ, собраны и напечатаны первый разъ съ 1803—1804 годъ, въ Москвѣ, въ восьми частяхъ; второе изданіе вышло въ 1815—1818 г. въ Москвѣ. Переводы изданы отдѣльно и составили девять томовъ. Третье изданіе сочиненій Карамзина явилось въ 1820 году въ девяти томахъ; четвертое въ 1834—1835 г., девять томовъ; пятое изданіе 1848 г., въ С. Петербургѣ, въ трехъ томахъ.

Нѣкоторыя изъ сочиненій Карамзина переведены на нѣмецкій, англійскій и французскій языки и помѣщены въ свое время въ разныхъ иностранныхъ журналахъ; нѣкоторые же отрывки были переведены и на греческій языкъ. «Письма русскаго путешественника» переведены на нѣмецкій языкъ, а съ него на англійскій и напечатаны въ Лондонѣ 1803 г., въ трехъ томахъ.

«Исторія Государства Россійскаго» напечатана въ первый разъ въ С. Петербургѣ съ 1816—1818, восемь томовъ, въ 8; второе изданіе тамъ же въ 1818—1820, восемь томовъ; девятый томъ вышелъ въ 1821 году; десятый и одиннадцатый въ 1823 году; двѣнадцатый томъ вышелъ въ 1829 г. Третье изданіе 1830—1831; четвертое 1833—1835; пятое изданіе 1842—1843 года.

А. СТАРЧЕВСКІЙ.

ПАНАГОТИ АЛЕКСИАНУ.

Россія готовилась подвигами своихъ моряковъ изумить Европу, нанести рѣшительный ударъ оттоманскому флоту тамъ, гдѣ Турки и не ожидали того, и тѣмъ заставить Порту отказаться отъ вѣншательства въ дѣла Польши, слѣдственно признать диктаторское первенство Екатерины Великой въ событіяхъ, которыми занято было вниманіе всѣхъ сѣверо-восточныхъ народовъ. Въ Кронштатѣ и Архангельскѣ снаряжались двѣ эскадры, для выступленія въ Средиземное море. «Что могутъ сдѣлать Русскіе на водахъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ?» восклицали тогдашніе европейскіе политики. «Въ первый разъ Московиты явятся на Средиземномъ морѣ; опытныхъ моряковъ нѣтъ въ русскомъ флотѣ; искусныхъ адмираловъ также нѣтъ: такъ что же въ состояніи сдѣлать Русскіе противъ многочисленныхъ морскихъ силъ Турціи?» Такъ разсуждали въ западной Европѣ; но Екатерина вполнѣ сознавала силы русскаго народа, и въ 1769 году повелѣла Спиридову и Элфинстону выступить въ походъ; а въ слѣдующемъ году поручила главное начальство надъ соединенными эскадрами графу Алексію Григорьевичу Орлову, который давно жаждалъ воинской славы, и съ неустрашимостью соединялъ отважную рѣшимость на все.

Но и Турція, подстрекаемая Франціей, еще не унывала при извѣстіяхъ о торжествѣ русскаго оружія. Французскіе инженеры и артиллеристы дѣятельно обучали подданныхъ султана, исправляли старыя укрѣпленія, возводили новыя. Грозные Дарданел-

лы были приведены въ оборонительное положеніе баронами Тоттомъ, который съ пятью-стами Французовъ сперва дѣйствовалъ по порученію версальскаго двора, а потомъ и совершенно перешелъ въ службу брата солнца и луны. Предводитель морскихъ силъ Оттоманской Порты, турецкій капитанъ паша былъ чело-вѣкъ неопытный; но за то, первый по немъ, Гассанъ-бей отличался смѣлостью и опытностью. Выступая въ походъ, онъ сказалъ своему повелителю: «чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли — истребить враговъ, мы должны сдѣлаться съ ихъ кораблями и взлетать на воздухъ».

Восторжествовать надъ такимъ храбрецомъ было не легко, однакожъ не совсѣмъ не возможно. Храбрые моряки изъ Грековъ и Адриатическихъ Славянъ, по единовѣрію, спѣшили предлагать свои услуги русскому правительству, при первомъ слухѣ о намѣреніи Императрицы послать нашъ флотъ въ Средиземное Море. Это было тѣмъ важнѣе для насъ, что всѣ они — или, по крайней-мѣрѣ, болѣею частию — знали восточные языки, слѣдственно могли облегчать наши сношенія съ Сирією, Египтомъ, даже съ самими Турками и греческими островами, жители которыхъ заодно съ Морейцами желали свергнуть турецкое иго. Въ числѣ этихъ лицъ, стремившихся подъ флагъ Екатерины, были между прочими братья Алексіано: старшій, *Панагіоти*, пріобрѣтшій громкую извѣстность во время архипелажской экспедиціи бесчестнаго героя, довершившій свои подвиги Очаковскою битвою, подъ предводительствомъ отважнаго принца Нассау-Зигена, и *Александръ Алексіано*, который былъ командиромъ фрегата Констанція и за выводъ христіанскаго судна изъ одного варварійскаго порта получилъ орденъ Святаго Георгія четвертаго класса.

Панагіоти Алексіано вступилъ въ русскую службу въ февралѣ 1769 года, въ Ливорно. Обширныя его связи съ греческими островитянами, этими природными моряками, внушили мысль русскому начальству воспользоваться благопріятнымъ обстоятельствомъ и употребить способнаго и предприимчиваго Грека для отысканія пилотовъ (лоцмановъ). Панагіоти и братъ его исполнили возложенное на нихъ порученіе. Навербованные ими лоцманы отправлены къ эскадрѣ адмирала Спиридова, которая въ томъ же году развила русскій флагъ на водахъ Средиземнаго моря. Отославъ съ братомъ своимъ набранныхъ людей къ нашему флоту, Панагіоти получилъ новое порученіе: закупать порохъ, свинець, оружіе и снаряды; все это было имъ отправляемо на греческихъ

судахъ. Въ 1770 году, онъ принялъ начальство на кораблѣ Ростиславъ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ присоединился къ русскому флоту.

Между тѣмъ въ Средиземное море пришла другая наша эскадра, предводимая контръ-адмираломъ Эльфинстовомъ, а графъ Орловъ открылъ военныя дѣйствія покореніемъ нѣсколькихъ крѣпостей въ Пелопонезѣ, слѣдствіемъ чего было возстаніе морейскихъ и архипелажскихъ Грековъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ оставилъ Морею, и съ двумя кораблями прибылъ къ соединившемуся нашему флоту, надъ которымъ принялъ главное начальство. Пользуясь одержавною надъ Турками поверхностью, онъ преслѣдовалъ непріятеля, въ намѣреніи не дать ему уйти къ Дардавелламъ и усилиться соединеніемъ съ остальными кораблями Порты. Оттоманскій флотъ, двукратно потерпѣвъ пораженіе при Наполи ди Романинъ, 23 числа подъ вечеръ былъ достигнутъ Орловымъ, въ проливѣ за островомъ Хиосомъ. У Турокъ было 16 линейныхъ кораблей, 16 фрегатовъ и множество малыхъ судовъ; у насъ только 9 кораблей и нѣсколько судовъ меньшаго размѣра: числительное превосходство было явно на сторонѣ непріятеля, но Орловъ разсчитывалъ не на многочисленность, а на храбрость, и смѣло рѣшился вступить въ бой съ врагомъ, вдвое сильнѣйшимъ.

Настало 24 іюня, славный день хиосской битвы. Впереди въ авангардѣ стали корабли Европа и Евстафій, на которомъ находился адмиралъ Спиридовъ съ Ѳеодоромъ Григорьевичемъ Орловымъ; за ними выдвинулись корабли Трехъ Святителей, Януарій и Трехъ Іерарховъ, на которомъ присутствовала главнокомандующій всѣми нашими силами, Алексѣй Григорьевичъ Орловъ; на шестомъ кораблѣ, Ростиславѣ, находились князь Юрій Долгорукій и Панагіоти Алексіану; корабль Не-тронъ-меня поставленъ седьмымъ, Святославъ восьмымъ, Саратовъ девятымъ. — Европа и Евстафій первые двинулись противъ непріятеля и вторглись въ ряды непріятельскаго флота; за ними послѣдовали и прочіе; эскадра Эльфинстова, составлявшая арріергардъ, находилась въ нѣкоторомъ отдаленіи. Евстафій, сражаясь противъ трехъ линейныхъ турецкихъ кораблей, сѣялся еще съ 90-пушечнымъ кораблемъ капитана-паша; Русскіе и Турки отчаянно дрались въ абордажной схваткѣ, когда запылалъ корабль капитана-паша. Евстафію угрожала та же участь: отцѣпиться отъ загорѣвшагося корабля не было никакой возможности. «Корабля не спасти, спасемъ хоть людей», сказалъ Спиридовъ Орлову, и от

далъ кричать: «спасайся что можешь!». Довольство человѣкъ экипажа перешли на шлюбки; отважный Орловъ и заслуженный адмиралъ сошли послѣдними. Едва успѣли они удалиться на ружейный выстрѣлъ, оба корабля съ трескомъ и громомъ взлетѣли на воздухъ.... Ужасъ оцѣнилъ сердца сражающихся; выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ замолкли.... «Братъ погибъ! отмстимъ за брата!» вскричалъ Алексѣй Григорьевичъ, увидѣвъ гибель Евстафія, и приказалъ всѣмъ нашимъ кораблямъ устремиться на непріятеля: «истребимъ флотъ султана или погибнемъ!». Но Турки успѣли уже обрубить якорные канаты и на всѣхъ парусахъ кинулись въ чесменскій портъ, подъ защиту крѣпостныхъ пушекъ. Попутный вѣтеръ благопріятствовалъ Туркамъ; только онъ одинъ и не допустилъ Орлова, обрадованнаго вѣстію о спасеніи брата и адмирала, довершить побѣду истребленіемъ турецкаго флота въ тотъ же самый день.

Однакожь гибель Турковъ была неизбежна: по распоряженію Орлова, Русскіе заперли непріятельскій флотъ въ чесменской гавани. Двадцать пушекъ, поставленныхъ Турками на берегу, не могли измѣнить судьбы, ожидавшей морскую силу Оттоманской Порты. Русскіе готовили четыре брандера; на военномъ совѣтѣ положено контръ-адмиралу Грейгу съ четырьмя кораблями и двумя фрегатами произвести ночью на 26 число атаку и дать храбрымъ возможность употребить въ дѣло брандеры. Панагіоти Алексіано на своемъ Ростиславѣ находился въ числѣ этихъ четырехъ избранныхъ, которымъ доставалась славная доля — погибнуть или уничтожить турецкій флотъ.

Солнце скрылось. Четыре корабля, прикрывая брандеры, направились къ чесменскому порту; то были: Не-тронъ-меня, безстрашнаго капитана Ильина, Ростиславъ Панагіоти Алексіано, Саратовъ и Европа. Турки отчаянно встрѣтили ихъ залпомъ изъ всѣхъ орудій, бывшихъ на корабляхъ. Завязалась общая битва; загорѣлось нѣсколько турецкихъ судовъ, но Русскимъ было этого не довольно. Замѣшательство Турковъ не укрылось отъ вниманія зоркихъ враговъ, и вскорѣ пламя охватило все суда поклопниковъ Магомета. Флотъ султана исчезъ: пятнадцать кораблей, шесть фрегатовъ, нѣсколько шебекъ, бригантинъ, галеръ и фелукъ, всего сто судовъ, сдѣлался жертвою пламени; спасся только одинъ корабль съ пятью меньшими судами, и то лишь потому, что безусловно отдался на волю побѣдителей. Турковъ погибло болѣе двадцати тысячъ. Утроенное солнце освѣтило страш-

взле картину разрушенія на водах чесменской гавани, сѣдѣвшій на кровлю и долго краснѣвшихъ кровавый дѣбѣ, вѣроятно ужасную ночь съ 25 на 26 іюня.

Уничтоженіе турецкаго флота въ битвахъ между Хиосомъ и Чесмою и потомъ въ чесменской гавани, предавъ намъ во власть почти весь Архипелагъ, привело въ изумленіе Россію и всю Европу. Рываость мужественнаго Грека, вступившаго въ нашу службу, не осталась забытою, и, черезъ семь лѣтъ послѣ того, чесменскій герой засвидѣтельствовалъ, что «господинъ флота капитанъ-лейтенантъ Панагіоти Алексіано, во время сраженія и сожженія турецкаго флота подъ Чесмою, показывалъ храбрость и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества, и обще съ братомъ своимъ вывелъ турецкую полугалеру.» Замѣчательно, что эти строки начертаны Орловымъ въ Москвѣ двадцать четвертаго жъ іюня (1777 года).

Знаніе греческаго языка и прежнія связи съ греческими островами были употребляемы храбрымъ капитаномъ на пользу своего отечества, Россіи. Въ іюнѣ же 1770 года Панагіоти Алексіано былъ посланъ на островъ Лемносъ, имѣлъ тамъ у себя подъ командою до двухъ-сотъ Грековъ, пѣшихъ, и держалъ форпосты до снятія десанта. Послѣ того ему данъ фрегатъ «Святой Павелъ», одинъ изъ купленныхъ на Средиземномъ Морѣ; этимъ судномъ онъ уже и командовалъ во все время бытности на тамошнихъ водахъ. Главнымъ портомъ нашихъ морскихъ силъ въ Архипелажской Экспедиціи была Ауза, на островѣ Паросѣ. Слѣдуя къ этому порту, Алексіано спасъ французскій купеческій корабль отъ нападенія двухъ дульциниотскихъ шебекъ, взялъ его на буксиръ и привелъ въ Аузу. Въ январѣ 1771 года адмиралъ Спиридовъ послалъ Панагіоти, подъ командою бригадира Барша, занять между островами Патосомъ и Леро проходъ къ Дарданелламъ, и брать непріятельскія суда съ грузомъ, военными и съѣстными запасами. Панагіоти успѣшно исполнялъ возложенное на него порученіе: онъ захватилъ два турецкія вооруженныя судна (одно малое, а другое о десяти пушкахъ), взялъ въ плѣнъ тридцать Турковъ и освободилъ христіанъ, которыхъ съ острова Канди влекли на продажу въ невольники; потомъ забралъ три французскія судна, шедшія съ провіантомъ въ Константинополь и Солунь (Фессалоники); въ мартѣ мѣсяцѣ взялъ на островѣ Леро крѣпость, изъ которой вывезъ ядра, порохъ и оружіе, а крѣпостныя пушки заклепалъ и бросилъ. Всѣ эти суда, вмѣстѣ съ плѣнниками и добычею, онъ доставилъ въ Аузу, гдѣ

присланная комиссия немедленно выдѣлила зановую часть приза каждому командиру и каждой командѣ, что сильно заохотило греческихъ и славянскихъ мореходцевъ впускаться въ отдѣльные разбѣды.

Отсюда, въ апрѣлѣ того же 1771 года, Панагіоти Алексіано назначенъ въ эскадру бригадира Борисова къ анатоійскимъ берегамъ. Исполняя порученіе своего командира, онъ подѣ островъ Станціо смегъ турецкій военный корабль; на островѣ Касѣ взялъ въ плѣнъ двѣ разбойничьи полугалеры, со всею артиллеріей, при чемъ сдался и весь ихъ экипажъ, состоявшій на каждомъ суднѣ изъ сорока человѣкъ; тутъ же взяты еще четыре турецкіе трекатера. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Борисовъ послалъ Панагіоти съ небольшою эскадрою изъ греческихъ судовъ на западную сторону острова Станціо; тамъ Алексіано высадился подѣ крѣпостью Цефало, овладѣлъ ею, взялъ одиннадцать пушекъ и до шестидесяти человѣкъ плѣнныхъ. Наградомъ за этотъ подвигъ былъ орденъ Святаго Георгія четвертаго класса.

Слѣдующій годъ еще замѣчательнѣе въ жизни Панагіоти: отправленный Борисовымъ подѣ крѣпость Родось, онъ взялъ непріятельскій трекатеръ съ десятью пушками и тридцатью человѣками экипажа; одну полку, которая шла къ берегамъ Анатолиі, съ цѣлю забрать тамъ военныхъ для перевозу въ Родось, гдѣ надлежало усилить крѣпость; одну фелуку, посланную Зеэромъ пашею съ канатомъ и парусами для укомплектованія турецкихъ фрегатовъ въ Будрумѣ; послѣ того овладѣлъ шестью французскими судами, на которыхъ везли Туркамъ провіантъ изъ Салоникъ и Кандіи въ Константинополь. Кромѣ того, по знакомству Алексіано съ восточными азыками, его же собирали для посылокъ на берега Анатолиі; эти посылки сопровождался иногда схватками съ непріателемъ, но храбрый и ловкій Панагіоти умѣлъ избѣгать разставленныхъ ему сѣтей, гдѣ хитростью, а гдѣ оружіемъ отдѣлывался отъ Турковъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ поддерживалъ сообщеніе между Орловымъ и нашею эскадрою, находившеюся въ Дарданеллахъ, и былъ посланъ туда, отвезти двухъ курьеровъ въ первую армію и потомъ обратно во Флотъ; а въ октябрѣ, получилъ новое, важнѣшее порученіе.

Когда побѣды русскихъ войскъ, на сухомъ пути и на морѣ, склонили султана приступить къ конгрессу въ Фокшвахъ, константинопольскій диванъ принялъ намѣреніе воспользоваться временемъ перемирія для увеличенія своихъ силъ на театрѣ войны, вопреки условію—оставаться обѣими сторонами въ томъ самомъ

положеніи, въ какомъ онѣ находились до начала переговоровъ. На сирійскомъ, египетскомъ и вараарійскихъ берегахъ Турки укрѣпляли приморскіе города, дѣятельно строили суда, и новыя эскадры готовились выступить въ море; воевавшему съ Турками Али-бей египетскому, осажденному въ Яфѣ, угрожала совершенная гибель. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, получивъ извѣстіе о коварствѣ непріятеля, приказалъ Панаготи Алексіано взять одинъ фрегатъ, одну полаку и одну фелуку, выйти изъ паросской гавани въ море и собрать вѣрныя свѣдѣнія о замыслахъ и дѣйствіяхъ Турковъ на островѣ Родосѣ и на берегу Сиріи до устьевъ Нила. Шестаго октября 1772 года Алексіано вышелъ изъ паросскаго порта Тріо. Жестокій противный вѣтеръ удалялъ отъ него полаку, бывшую подъ командою Паламида, и задерживалъ Панаготи почти двѣ недѣли въ пути. Дванадцатаго числа, находясь на высотѣ Кипра, Алексіано узналъ, что два большіе турецкіе корабля, вышедшіе изъ александрійской гавани, стоятъ на якорѣ подъ пушками дамѣтской крѣпости, а другіе находятся въ Александріи, готовясь къ отплытію подъ Яфѣ, и только ждутъ изъ Дамаска своего военачальника, Селима-Бей, которому султанъ поручилъ побудить Сирійцевъ и Египтянъ поднятіемъ знамени Магомета къ вооруженію противъ невѣрныхъ. Узнавъ объ этомъ, Алексіано рѣшился предупредить соединеніе этихъ судовъ и поспѣшилъ къ Даміеттѣ. Онъ прибылъ туда 21 октября съ фрегатомъ и фелукою, и приблизившись къ непріятелю, внезапно поднялъ на своихъ судахъ русскій флагъ. Сильный перекрестный огонь съ кораблей и крѣпости не могъ воспрепятствовать смѣлому русскому капитану-лейтенанту овладѣть однимъ небольшимъ турецкимъ судномъ, ворваться въ портъ и послѣ двухъ-часоваго отчаяннаго боя одержать блистательную побѣду: онъ сжегъ одинъ корабль, а другое судно загналъ на берегъ. Турки потеряли множество убитыхъ и раненыхъ, спасаясь на мелкихъ судахъ и даже вплавъ стараясь достигнуть берега.

Панаготи, ободренный удачею, не хотѣлъ довольствоваться прибрѣтеннымъ торжествомъ: отдаляясь отъ непріятельскихъ выстрѣловъ съ крѣпости, онъ поспѣшилъ противъ Селима-бей, чтобы не допустить его къ Яфѣ подкрѣпить осаждавшихъ Али-бей. На другой же день, 22 октября, передъ полуднемъ онъ встрѣтилъ двѣ турецкія полаки, на которыхъ находились: Селимъ-бей, явычаръ-ага и еще четыре аги съ двумя-стами пятидесятью явычаръ, пятнадцатью пушками и пятью флагами. Подпустивъ бей на весьма близкое разстояніе, Панаготи Алексіано

идрутъ выставилъ русскій флагъ и отиривъ осланный огонь по неприятелю, обратилъ его назадъ, заставивъ отквасться отъ намеренія идти въ Яфу *.

Вѣсть о сожженіи турецкихъ кораблей въ Даміеттѣ и о побѣдѣ надъ Селимъ-беемъ съ быстротою молніи распространилась по сирійскому и египетскому берегамъ. Неожиданность полнѣшняго Панагіоти Алексіано и его смѣлыя, даже до дерзости отважныя дѣйствія противъ неприятеля навела паническій страхъ на Турковъ; молва не замедлила преувеличить слухи о силѣ Русскихъ, и пропела ужасное смятеніе въ Александрію, гдѣ народъ со страхомъ началъ ожидать прибытія цѣлой русской эскадры. Александрійскій паша, не надѣясь отразить врага, приказалъ разоружить все суда и снять съ нихъ войско для защиты крѣпости и гавани. Пользуясь ужасомъ, наведеннымъ на Турковъ, Алексіано производилъ смѣлые разбѣды у египетскихъ береговъ, пресѣкъ всю неприятельскую торговлю и распространилъ тревогу по всему поморью Египта и Сиріи, куда долженъ былъ спѣшить къ нашему союзнику, Али-бею.

Въ половинѣ ноября Панагіоти Алексіано прибылъ подъ Яфу гдѣ соединился съ Али-беемъ и Шехъ-Дагеромъ. Они поручили свои суда храброму русскому капитанъ-лейтенанту. Удачными дѣйствіями Панагіоти Яфа наконецъ принуждена была сдаться на капитуляцію и была возвращена Али-бею. Тогда Алексіано возвратился къ нашему флоту въ Миконъ (одинъ изъ Цикладскихъ острововъ), съ двумя призами, плѣнниками и благодар-

* Въ жизнеописаніяхъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, составленныхъ Кротоковымъ и Ушаковымъ, упоминается объ этомъ случаѣ; но говорится, что Селимъ-бей съ тремя агани сдались военнопленными, что на его суднѣ взято нами Магометовъ штандартъ, 7 знаменъ, 4 серебряныя пера, которыми жалуетъ султанъ за отличныя заслуги, 4 булавы, 3 топора (!), 3 щита (!), 1 большія лавры, 2 флага и 8 пушекъ со множествомъ разнаго оружія. Откуда взято это извѣстіе, неизвѣстно. Я рѣшился слѣдовать аттестату, который былъ выданъ Панагіоти Алексіано самимъ графомъ Орловымъ, 24 іюня 1777 года, а въ этомъ аттестатѣ сказано просто, что Алексіано «видя намѣреніе ихъ, въ Яфу слѣдованіе пресѣкъ и обратилъ ихъ назадъ». Неужели Орловъ и Алексіано *забыли* бы упомянуть о такомъ громкомъ происшествіи, каково рассказываемое господами Кротоковымъ и Ушаковымъ, повторяющимъ другъ друга слово въ слово?... Во всякомъ случаѣ оффиціальныи документъ, аттестатъ, заслуживаетъ гораздо болѣе вѣроятія, нежели слова двухъ компиляторовъ, неизвѣстно на чемъ основанныя.

нынѣ писаномъ Али-бею къ Чесменскому герою за прусылку отъ важнаго Панаготи, вполне достигшаго цѣли, предложенной графомъ.

Весною 1773 года Алексіано вновь вышелъ въ море. Ему да- ны были фрегатъ и семь греческихъ судовъ съ тремя сотнями Грековъ, для десанта въ городъ Барутъ. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ вы- ступилъ изъ порта Ауза, соединился въ Маковѣ съ капитаномъ Кожуховымъ и вмѣстѣ отправились къ мѣсту назначенія. Они оса- дили Барутъ, принудили городъ едаться на капитуляцію и полу- чили триста тысячъ шіастровъ контрибуціи, которую раздѣлили между собою и командою. Въ июлѣ 1774 года, вице адмиралъ Едмановъ поручилъ Панаготи отплыть съ фрегатомъ и двумя полугалерами къ Дарданелламъ и производить развѣды по ру- мелійскому берегу. Неисполнивъ это порученіе, Алексіано вошелъ въ Саросскій Заливъ и приблизившись къ острову Могрису, выса- дился тамъ въ заливѣ Дерикадія, поставилъ батарею на берегу и началъ обстрѣлывать крѣпость, которую наконецъ и овладѣлъ; оставшіеся гарнизонъ (пятьдесятъ человекъ) отпущенъ на капи- туляцію, но безъ оружія; шестнадцать пушекъ, въ томъ числѣ двѣ большія мѣдныя, множество пороху, ядере, пистолетовъ, ру- жей, ножей и четыре фелуки съ досками и желѣзомъ достались побѣдителю. Прочія фелуки преданы имъ огню. Для поддержанія осажденныхъ, уже шли семь турецкихъ полугалеръ и двѣ бри- гантинны. Но это подкрѣпленіе опоздало: крѣпость была въ ру- кахъ нашихъ и, обращенная въ пепелъ, превратилась въ груду развалинъ. Турецкія же суда, встрѣченные побѣдителемъ на воз- вратномъ пути, обращены въ бѣгство, съ потерей одного за- значнаго на берегъ, и вся добыча благополучно доставлена отсталымъ Алексіано къ нашему флоту.

При началѣ второй турецкой войны, Алексіано является уже къ чинѣ бригадира, на Дибировскомъ Лиманѣ, сподвижникомъ храбраго впаца Нассау Зигена, благосклонностію котораго по- ставлено пользовался. Въ это время (1788) только что вступилъ въ русскую службу контръ адмираломъ извѣстный американ- скій корсаръ Поль Джонсъ (Paul Jones); пылкій, предприимчивый, онъ ревновалъ славу Нассау-Зигена, не поладилъ съ нимъ, а ме- жду-тѣмъ долженъ былъ раздѣлить съ нимъ начальство надъ флотомъ. Алексіано назначенъ совѣтникомъ предприимчиваго и славолюбнаго контръ-адмирала; скоро между ними возникли неудовольствія. Считая Алексіано человекомъ ума ограниченнаго, Поль Джонсъ постоянно старался унижить его, и даже отчаянную

храбрость истребителя египетской эскадры вызывалъ *солжнительною*.... Но дѣла то и не оправдываютъ такихъ пристрастныхъ суждений; а единодушные отзывы современниковъ служатъ лучшимъ опроверженіемъ характеристики нашихъ героевъ, которыхъ слѣдуетъ выставить трусами безпокойно-честолюбивымъ искатель приключеній.

Лѣтомъ 1788 года двѣ турецкія эскадры поплыли къ устью Днѣпра. Истребить наши силы въ Лиманѣ, взять Кишуринъ, потомъ Херсонъ и возстановить власть Оттоманской Порты надъ Крымскимъ полуостровомъ: таковы были повелѣнія, обнародованныя турецкимъ генералъ-адмираломъ, на котораго и возложено было привести ихъ въ исполненіе. — Но и наши тоже готовились. Дивизія Суворова подъ Кишуриномъ была усилена; у контръ адмирала Джонса находились 5 линейныхъ кораблей, отъ 60 до 80 пушекъ и 8 фрегатовъ; отважному принцу Нассау-Зигену вѣрена гребная флотилія, состоявшая изъ 65 легкихъ судовъ, галеръ, ботовъ, пловучихъ баттарей и 80 казацкихъ лодокъ. Имъ предоставлена была честь встрѣтить непріятеля.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ стала подъ Очаковымъ первая турецкая эскадра (10 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 53 мелкихъ судовъ); въ шести миляхъ отъ Очакова бросила якорь вторая эскадра (8 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ, 24 шебеки и бомбардирскія лодки).

6 (17) іюля, русская флотилія подошла къ непріятелю на пять верстъ, вытянувъ линію отъ сѣверо-востока къ юго западу до самаго турецкаго берега. 7 Іюля началось сраженіе. Русская гребная лиманская флотилія поимѣстлась впереди линіи контръ адмирала Джонса; на правомъ флангѣ оставленъ резервъ подъ командою капитана второго ранга Винтера. Въ четыре часа утра, принцъ Нассау далъ сигналъ готовиться, а самъ съ Джонсомъ поѣхалъ въ лодкѣ разузнавать непріятеля. Когда приблизились къ непріятелю, 36 турецкихъ лодокъ вышли изъ линіи и открыли сильный огонь; весь турецкій флотъ началъ подвигаться къ нашему. Видя, что Турки хотятъ вести суда свои вдоль берега на правое наше крыло, принцъ Нассау выдвинулъ лѣвое крыло, а Джонсъ повелъ въ дѣло свою эскадру. Турки сѣло пошлѣ впередъ; когда же Русскіе стали сильно вредить имъ, капитанъ-паша прилетѣлъ на кирлангачѣ и своимъ появленіемъ ободрилъ Турковъ, уже начинавшихъ колебаться. Нашимъ надлежало преодолѣть 57 непріятельскихъ судовъ. Джонсъ открылъ пальбу изъ всѣхъ своихъ судовъ; принцъ Нассау послалъ три

двойныя шлюпки, двѣ бомбардирскія лодки, баттарю и галеру — разстроятъ правый флангъ непріятеля; въ то же время вошелъ въ линію нашъ резервъ и устремился на лѣвое крыло Турковъ. Не прошло двухъ часовъ отъ начала сраженія, какъ два турецкіе судна были взорваны на воздухъ и два сожжены; замѣшательство непріятельскаго флота усилилось еще болѣе, когда осемнадцати ихъ галеръ и шебекъ, поврежденныхъ нашими выстрѣлами, должны были укрыться за боевою линією капитанъ-паша сражался отчаянно, но, не смотря на всѣ усилія, принужденъ былъ отступить въ безпорядкѣ ко второй своей эскадрѣ; противный вѣтеръ удержалъ Русскихъ отъ преслѣдованія.

Въ слѣдующіе дни происходили незначительныя сшибки, а между тѣмъ на концѣ Клибурнской косы Суворовъ поставилъ баттарю о четырехъ пушкахъ (16 и 24 фунтовъ) для защиты обонхъ фарватеровъ. Два баталіона орловскаго полка стояли при ней для прикрытія.

Капитанъ-паша, соединившись съ второю эскадрою, изготавился къ новому нападенію. Въ надеждѣ на искусство своихъ лоцмановъ, онъ рѣшился пойти отмелями между Очаковымъ и гаванью Глубокою, гдѣ ихъ находится столько, что и малое судно едва можетъ пробраться между ними безопасно. 16 (27) іюля положено привести это въ исполненіе. Корабль Гассанъ паши сѣлъ на мель; паша пересѣлъ на кирлангачъ, и послѣ многихъ усилій, поставилъ флотъ свой противъ нашего лѣваго фланга. Увѣренныя въ побѣдѣ, Турки палили всю ночь, и въ 4-мъ часу утра 17 (28) іюля пошли на всѣхъ парусахъ противъ нашихъ. Принцъ Нассау поручилъ правый флангъ гребной флотиліи бригадиру Алексіано, а лѣвый повелъ лично на Турковъ. Черезъ часъ, одинъ изъ лучшихъ турецкихъ семидесяти пушечныхъ кораблей сѣлъ на мель; за нимъ и семидесяти пушечный самага Гассанъ-паша. Къ нему подошли два фрегата, но они не могли ничего сдѣлать. Русскіе воспользовались этимъ: гребныя суда приближались къ сѣвшимъ на мель турецкимъ кораблямъ; черноморскіе казаки вошли на бортъ. Турки защищались упорно. Болѣе часу продолжалась отчаянная схватка. Наконецъ, три наши пловучія батареи, три галеры и двѣ шлюпки, занявъ промежутокъ, остававшійся за мелководьемъ позади эскадры, открыли губительный огонь и заставили Турковъ искать спасенія въ бѣгствѣ къ Очакову. Четыре часа съ половиною длился отчаянный бой и кончился побѣдою Русскихъ. «Никогда я не видывалъ ужаснѣйшаго побоища», говорятъ принцъ Нассау-Зигенъ въ донесеніи Потем-

книгу объ истребленіи турецкаго флота. Больше 2,000 Турковъ погибли въ водахъ и пламени; полторы тысячи сдѣшсь нѣтъ въ плѣнъ; нашъ уронъ состоялъ изъ 200 убитыхъ и 800 тяжело раненныхъ. Сѣвшіе на мель корабли, по невозможности спасти ихъ, сожжены.

Алексіано находился на кораблѣ «Святаго Владиміра». Принцъ Нассау-Зигенъ, свидѣтельствуя передъ Потемкинымъ о *безпримирной храбрости* вообще *всѣхъ* своихъ подчиненныхъ, говоритъ, что «бригадиръ Алексіано не покидалъ его ни на минуту и, по справедливости, долженъ раздѣлить съ нимъ (принцемъ) то небольшое достоинство, которое принадлежитъ начальнику, повелѣвающему *такими* подчиненными, которымъ *стоитъ* только *приказать* — и уже *быть* *увѣреннымъ* въ *побѣду*».

Девятнадцатаго іюля, въ полночь, капитанъ-паша снялся съ якоря и поплылъ мимо Кинбурна въ открытое море. Когда флотъ его поравнялся съ Суворовскою батареею, она осыпала авангардъ его каменными ядрами: нѣсколько судовъ было взорвано, много посажено на мель. Утромъ наши мелкія суда пошли на разстроеннаго непріятеля; четыре фрегата и линейные корабли были сожжены, два фрегата и одинъ корабль спустили флагъ. Битва кончилась въ полдень. Турки потеряли осемь большихъ, семнадцать гребныхъ судовъ и до пяти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. Наша потеря состояла изъ девяти-сотъ осмидесяти человѣкъ. Гассавъ-паша ушелъ еще ночью съ авангардомъ и не прежде вечера узналъ объ участи остальной части своего флота. Принцъ Нассау преслѣдовалъ бѣгущихъ 1 и 2 августа, сжегъ еще два фрегата и семь галеръ, взявъ въ плѣнъ пять другихъ, и такимъ образомъ уничтожилъ весь флотъ, стоявшій подъ Очаковымъ.

Обрядованный торжествомъ русскаго оружія, принцъ Нассау-Зигенъ съ достойнымъ своимъ сподвижникомъ посвятилъ въ отечъ «великолѣпнаго князя Тавриды». Въ дорогѣ ихъ провело до насилья проливнымъ дождемъ. Черезъ два дня Паннахъ Алексіано возвратился на свой корабль: сильнѣйшая горячка ^{Очаковъ} овладѣла быстро. Всѣ пособія медиковъ остались напрасны: 8 августа 1788 года Алексіано скончался, утѣшевный на одрѣ смерти призвательностію Повелительницы Сѣвера: повышение двумя чинами и прекрасное помѣстье въ Бѣлоруссіи, награды; обильнейшии ему за день до смерти, были послѣдними наградами щедрой Монархини герою.

Кончивъ разсказъ о жизни Панагіюти Алексіано, обратимся къ его обвинителю, Поль Джонсу.

Этотъ храбрый, но безпокойный и неуживчивый американскій корсаръ, вступивъ въ русскую службу, не поладилъ не только съ принцемъ Нассау-Зигеномъ, но и съ свѣтлѣйшимъ княземъ Таврическимъ, который предложилъ честолюбивому контръ-адмиралу, вмѣсто главнаго начальства надъ всеми черноморскими силами нашими, только лишь команду надъ транспортною флотиліею Азовскаго Моря. Искатель приключеній, оскорбленный предпочтеніемъ, оказаннымъ принцу Нассау-Зигену, уѣхалъ въ Херсонъ; въ концѣ декабря (1788) прибылъ въ Петербургъ и вскорѣ навсегда оставилъ Россію: онъ удалился въ Парижъ, и тамъ года черезъ три умеръ въ бѣдности, всѣми забытый. Вотъ причина его ненависти къ Нассау-Зигену, вслѣдствіе которой онъ называетъ принца и его любимца Алексіано людьми *храбрости сомнительной, ума ограниченнаго*, а при описаніи военныхъ дѣйствій выставляетъ ихъ трусами и безумцами.

Записки Поль Джонса издавы подъ заглавіемъ «Memoirs of Rear-Admiral Paul Jones». (Лондонъ, 1833). Нѣсколько отрывковъ изъ нихъ помѣщено въ 1846 году въ «Академическихъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 218—221, 224—230) подъ названіемъ «Журналъ Лиманской Кампаніи 1788 года» и «Дополненіе къ журналу Лиманской Кампаніи». Джонсъ увѣряетъ, что капитаны втораго ранга: Кефально, Абольяниновъ, капитанъ-лейтенанты Маккиннъ и Савитскій, выслушавъ *переводъ изъ излеченія* изъ подлиннаго протеста, приготовленнаго Джонсомъ для поднесенія Государыни, не нашли въ немъ *ничего противнаго истинѣ*. Но все ли имъ было читано? и почему жъ никто изъ нихъ не скрѣпилъ этого *изъ излеченія* своею подписью? Притомъ же, видя подпись одного лишь секретаря, невольно возникаетъ и другой вопросъ: *былъ ли въ самомъ дѣлѣ читанъ этотъ протестъ офицерамъ?* не было ль тутъ *увертки* со стороны находившаго Американца, желавшаго хоть чѣмъ-нибудь оправдаться передъ потомствомъ?

Къ сожалѣнію, авторитетъ Джонса увлекъ къ несправедливому сужденію объ Алексіано и принцѣ Нассау Зигенѣ переводчика этихъ записокъ. Этотъ господинъ *Ал. Ск.* въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 года (№ 186) сообщилъ публикѣ аттестатъ, выданный Панагіюти Алексіано графомъ Орловымъ-Чесменскимъ; но силу оффиціальнаго свидѣтельства вознамѣрился

уничтожить, или по-крайней-мѣрѣ значительно ослабить своими личными *предположеніями*, основанными Богъ знаетъ на чемъ, и, въ эпохѣ мнимаго торжества, объявлять: «Мы не придаемъ особенной важности подвигамъ Алексіано». Спрашивается: почему же? «Въ ту эпоху подобныхъ подвиговъ было много; много было подвиговъ славнѣе этихъ: мы объ нихъ забыли или, вѣрнѣе, мы объ нихъ ничего не слышали». Такъ что же отсюда слѣдуетъ? Обязанность потомства — сохранять подвиги предковъ въ благородной памяти къ ихъ заслугамъ, а не забывать ихъ, не уничтожать силы заслугъ тѣмъ, что такихъ подвиговъ было много. Да чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

И потомство, безъ сомнѣнія, скорѣе повѣритъ свидѣтельству чужеземскаго героя, Али-Бей египетскаго и принца Нассау-Загена объ Алексіано, чѣмъ бездоказательнымъ обвиненіямъ, введемымъ на *умершаго* уже въ то время Панагиоти, американскимъ искателемъ приключеній и усиліямъ нѣкоего господина Ал. Ск. ослабить слова графа Орлова о храбрости Грека, который службою усыновилъ себя Россіи. Побѣдитель при Чесмѣ умѣлъ цѣнить заслуги Алексіано: «Во все время продолжаемой службы, подъ командою моею, писалъ Орловъ-Чесменскій о Панагиоти въ 1777 году, онъ велъ себя какъ храброму и искусному офицеру надлежитъ, и всѣ поручаемыя ему дѣла исполнялъ съ полнымъ преданіемъ и усердіемъ; поведенія хорошаго и къ *производству* (произведетву) достоинъ». Али-Бей Египетскій, въ 1772 году, при возвращеніи Алексіано изъ Сирійской Экспедиціи къ Орлову, въ письмѣ къ графу отзывался съ похвалами объ отважномъ морякѣ и употребилъ слѣдующее выраженіе: «Посылаю къ вамъ многохвалнаго ваши Панагиоти Алексіано». Наконецъ уже въ 1788 году, за нѣсколько дней до смерти, Алексіано могъ быть утѣшенъ и отзывомъ другаго своего начальника-героя, что принадлежитъ къ числу «такихъ подчиненныхъ, которыми стѣбитъ только приказать — и уже быть увѣренными въ побѣду».

И. С—ВЪ.

=

ЕЛИСАВЕТА КУЛЬМАНЪ

И ЕЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

=
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.
=

Елисавета Кульманъ родилась въ С. Петербургѣ 5 іюля 1808 года. О происхожденіи, поселеніи и пребываніи Кульмановъ въ Россіи скажемъ только, что родоначальникъ ихъ выѣхалъ изъ Эльзаса * въ Москву въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, и вступилъ въ военную службу, въ которой служилъ и всѣ потомки его, безъ исключенія. Одинъ изъ нихъ находился при взятіи города Нарвы, близъ котораго, съ того времени, семейство Кульманъ владѣло не большимъ помѣстьемъ, продавшимъ потомъ дѣдомъ Елисаветы, въ слѣдствіе поручительства за своего друга. Отецъ ея, Борисъ Ѳеодоровичъ, и младшій его братъ, оставшись сиротами, получили воспитаніе въ домѣ Эссена, весьма добраго человѣка и друга ихъ отца. На шестнадцатомъ году отъ роду Борисъ вступилъ въ военную службу; въ чинѣ штабдартъ-юнкера былъ въ сраженіи при Кагулѣ, и вскорѣ произведенъ въ корнеты. Онъ служилъ сперва подъ начальствомъ Румянцова-Задунайскаго, а послѣ подъ начальствомъ Суворова, до взятія Варшавы; много разъ тяжело былъ раненъ, и переведенъ въ рижскій кирасирскій полкъ, шефомъ котораго былъ Герцогъ Александръ Виртембергскій. Наконецъ Кульманъ перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ коллежскаго совѣтника.

* Въ Эльзасѣ до сихъ поръ существуетъ семейство Кульманъ. Одинъ изъ членовъ его, какъ видно изъ парижскихъ журналовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ неоднократно подвизался въ палатѣ депутатовъ. Къ этому же семейству принадлежалъ и естественспытатель Кульманъ, на котораго Бюффонъ вѣрѣдко ссылается въ своихъ твореніяхъ.

Когда же другъ его, статскій совѣтникъ и берггауптманъ, Медеръ, былъ назначенъ начальникомъ надъ горными заводами въ Перии, онъ сопровождалъ его туда вмѣстѣ съ старшею сестрою Елисаветы, Марією, и вскорѣ тамъ умеръ въ домѣ дочери своей, вышедшей за мужъ за чиновника тамошняго горнаго вѣдомства. Изъ семи сыновей его, три старшіе вступили въ военную службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ; четыре младшіе воспитывались въ С. Петербургѣ въ первомъ и второмъ кадетскихъ корпусахъ, а въ 1812, 1813 и 1814 годахъ были выпущены въ армию. Два старшіе, Павелъ и Александръ, отличились въ Прейсшъ-Эйлаускомъ сраженіи, а въ послѣдствіи и при Рущукѣ, гдѣ оба были убиты; третій же, Дормедонтъ, одинъ изъ первыхъ взлѣзъ на непріятельскую стѣну. Пятый, Борисъ, былъ въ сорока-двухъ сраженіяхъ и стычкахъ, и, не смотря на то что всегда предводительствовалъ какимъ нибудь отрядомъ застрѣльщиковъ, никогда не бывалъ раненъ. Шестой, Николай, молодой человекъ съ большими дарованіями, долженъ былъ вступить въ гвардію, однако, по собственному желанію, былъ записанъ въ армию. Но лишь только онъ прибылъ въ полкъ, какъ послѣдовало Лейпцигское сраженіе; онъ храбро дрался, и палъ на полѣ битвы.

Елисавета родилась ребенкомъ здоровымъ, но совсѣмъ не крѣпкого тѣлосложенія. Кормилицей ея, какъ всѣхъ ея братьевъ и сестры, была мать ея. Очевидцы увѣряютъ, будто повивальная бабка, осматривая голову дитяти, предсказала, что она будетъ дѣвочка съ большими способностями, но что проживетъ не долго. Хотя впоследствии это и сбылось, но мы все таки сомнѣваемся въ возможности такого предсказанія, а упоминаемъ о немъ потому только, что оно имѣло влияние на образъ мыслей и на дѣйствія Елисаветы, когда она случайно о томъ узнала. Будучи одного года и шести мѣсяцевъ, она не имѣла еще ни одного зуба и, не смотря на то, выговаривала слова внятно и чисто, не только по однопачкѣ, но даже по нѣсколькучу сряду. Обстоятельство это весьма беспокоило ея родителей, но потомъ, спустя нѣсколько дней, вдругъ большая часть зубовъ стали быстро прорѣзываться одинъ за другимъ, не причиня ей особенной боли, ни ослабленія.

Воображеніе кажется пробудилось у нея очень рано, судя по тому, что пересказали намъ ея родители, а именно, что у нея сонъ мало отличался отъ бдѣнія. Она рѣдко засыпала тихимъ и крѣпкимъ сномъ, а обыкновенно, такъ сказать, повторяла во снѣ все то, что дѣлала на яву; то громко, то тихо говорила, снѣлась, или пѣла. Особенно на яву происходили вещи, которыя можно приписать только чрезвычайно живому воображенію. Въ доказательство приведемъ два примѣра.

Ничто такъ не изумляло ее, какъ исчезаніе пролитой на землю или на песокъ воды. Она пристально глядѣла на то мѣсто, и съ возрастающимъ удивленіемъ слѣдила за тѣмъ, какъ исчезала вода; наконецъ это удивленіе доходило до высшей степени въ ту минуту, когда мѣсто, гдѣ прежде была вода, становилось сухо. —

Она ничего не пугалась, кромѣ шапки съ черной бараньей опушкой. Уже издали смотрѣла она на нее со страхомъ, и дрожала, когда ужасный предметъ приближался къ ней. Ничѣмъ нельзя было ее заставить дотронуться страшной шапки. — Въ послѣдствіи только объяснилось, отчего она такъ удивлялась исчезанію пролитой воды, и такъ пугалась черной бараньей шапки. Однажды она примѣтила, какъ одинъ изъ ея братьевъ, выпивъ изъ кружки воды, вылилъ остальное на землю. Только что вода исчезла, Елисавета весело вскричала: «Она выпшла!» т. е. земля; потомъ жалостнымъ голосомъ прибавила: «ей хотѣлось пить». А когда однажды мать непременно хотѣла знать, отчего Елисавета такъ боится бараньей шапки, то она отвѣчала, что опушка состоитъ изъ черныхъ червячковъ, и она боится, чтобы они ее не укусили. Сколько она была смѣла въ обращеніи со всѣми прочими животными, столько же боялась всѣхъ ползущихъ насѣкомыхъ. Даже отъ гусеницъ, какъ онѣ иногда ни бываютъ красивы, она удалялась, и не могла ихъ видѣть.

Но воспримчивость, склонность къ чудесному, по видимому, уже тогда преобладала въ Елисаветѣ. Родители ея сказывали, что бывало въ первую зиму своей жизни, когда принесутъ огня, она пресаживала передъ нимъ по дѣлымъ часамъ, и, держа ручки свои между свѣчей и глазами, съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ и видимымъ удивленіемъ и радостью разглядывала проецировавшую между пальцами алую кровь, не обнаруживая своихъ ощущеній ни единымъ звукомъ. Тогда она какъ будто забывала даже о людяхъ, которые держали ее на рукахъ. Еще поразительнѣе стала эта склонность къ чудесному лѣтомъ, когда Елисавета почти все время находилась на чистомъ воздухѣ. Правда, цвѣты, каждая букашка, каждая бабочка, птичка, кусты и деревья, все ее привлекало, все ей нужно было разглядѣть. Но всѣ эти окружающіе ее предметы становились для нея чудомъ, когда они приходили въ движеніе отъ вѣтра, или отъ собственнаго возбужденія. Съ этой минуты и неодушевленное казалось ей живымъ. Первое ея ощущеніе было изумленіе, смѣшанное съ боязнью; но ноль скоро боязнь исчезала, уступая мѣсто удовольствію, тогда-то сердечныя ея чувствованія говорили, тогда-то начинались у нея тѣ несвязныя и для другихъ еще непонятныя рѣчи съ самой собою, которыя, спустя нѣсколько лѣтъ, превратились въ настоящіе мемуары, открывавшіе душу ея.

Семи мѣсяцевъ она уже говорила, твердя свои какія нибудь выдуманныя слова, отчасти же переиначивъ аъ монашескомъ видѣ у другихъ; но ей не исполнилось еще 2 года, когда она стала изъясняться совершенно вѣрно, хоть и не твердо. За то съ згнлѣмъ поръ она сдѣлалась сущою болтуней, умолкая только когда овладѣвалъ ею сонъ. Она какъ будто дѣлала сморъ всему, живому и неживому; называла всякую вещь по имени, а вънѣ, любимыя ею предметы, еще разнѣми нѣжными именами.

Вскорѣ въ ней обнаружилось новое свойство, которое въ послѣдствіи удерживало въ надлежащихъ предѣлахъ склонность ея къ чудесному, или, справедливѣе сказать, къ мечтательности. Едва она свыклась съ произношеніемъ названій предметовъ и умѣла говорить коротенькія рѣчи, употребительныя въ ежедневномъ быту, какъ уже въ ней обнаружилась потребность въ ясныхъ и точныхъ понятіяхъ. Напримѣръ, ей недовольно было знать, что вотъ это цвѣтокъ. Примѣтивъ уже, что онъ сложенъ изъ нѣсколькихъ частицъ, она хотѣла знать названія всѣхъ этихъ частицъ. Тогда нашла она въ матери своей отличнѣйшую наставницу. Съ неослабнымъ терпѣніемъ отвѣчала она на всѣ вопросы своей дочери, стараясь по возможности объяснять ей все, на что только она обращала вниманіе, и оказала ей величайшую услугу тѣмъ, что тогда уже стала приучать ее называть каждую вещь и каждую составную ея часть настоящими ихъ именами. Владѣя русскимъ и нѣмецкимъ языкомъ въ совершенствѣ, г-жа Кульманъ лучше всѣхъ могла быть руководительницею дочери въ эти рѣшительныя годы.

Рѣчи — выраженіе мыслей. Изъ здравыхъ рѣчей можемъ заключить о существованіи здравыхъ мыслей, и отъ здравыхъ рѣчей рождаются здравыя мысли. Тогда только разумъ человѣческій твердо ступаетъ на поприщѣ своихъ изысканій и дѣятельности, когда онъ, для cadaго новаго развиваемаго имъ понятія, тотчасъ находитъ соотвѣтствующее ему слово, которое можетъ заключить въ себѣ новую его находку. Если въ сочиненіяхъ Елисаветы Кульманъ нѣтъ ни одной мысли темной, или неточной, то этимъ она обязана неусыпнымъ стараніямъ своей матери, которая передала ей русскій, а потомъ и нѣмецкій языкъ въ возможной чистотѣ.

Мы уже сказали, что Елисавета была внимательна ко всему, что происходило около нея. Она примѣчала то, что многія дѣти оставляютъ безъ вниманія. Вотъ одинъ примѣръ. — «Ахъ! маменька, какъ я рада, что вы пришли домой!» — «Отчего же?» — «Я ужасно испугалась». — Чего? — «Я ходила по двору, и, кромѣ меня, никого тамъ не было. Вдругъ, вижу, передо мной на землѣ ползетъ черная преобладающая женщина, распустя волосы, и все за мной идетъ. У нея были предлинныя руки. Когда я шла изъ дому на улицу, она была позади меня, когда же я возвращалась домой, она шла впереди. Ужасъ, что такое, и я никакъ не могла отъ нея отвязаться. Я стану, и она станетъ. Все у нея было черно, голова, платье, руки, ноги, все; и все ноги ея касались моихъ ногъ. Какъ я обрадовалась, когда наша сосѣдка пришла домой. Я побѣжала къ ней на встрѣчу, и вмѣстѣ съ нею пошла въ горницу. Я взглянула въ окошко на дворъ, но гадкая черная женщина пропала». Съ трудомъ растолковала ей г-жа Кульманъ, что она видѣла собственную свою тѣнь; бѣднажка, вѣрно съ испугу, не могла вдругъ этому повѣрить.

Читатель не взыщетъ что мы, говоря о ребенкѣ, обратимъ его вниманіе на нѣкоторые предметы; мы желаемъ представить доказательства того, что сказали нѣсколько выше. По нашему мнѣнію, два случая неоспоримо свидѣтельствуютъ, что въ этомъ трехлѣтнемъ ребенкѣ уже проявился здравый разумокъ. Однажды одинъ изъ четырехъ ея меньшихъ братьевъ, — старшихъ трехъ она никогда не видала, и въ то время ихъ уже не было въ живыхъ, — сказалъ при ней: «Насъ здѣсь пятеро, столько сколько пальцевъ на рукѣ». А чтобы понять, что дальше слѣдуетъ, надобно знать, что пятый, шестой и седьмой братья были почти одинаковаго роста, а четвертый въ то время старшій, ниже всѣхъ, и къ тому жъ довольно толстъ. «Да, это правда», отвѣчала Елисавета: «Борисъ, Николай и Иванъ три средніе пальца, я мизинецъ, а Петръ.... тутъ она приостановилась и взглянула съ усмѣшкой на старшаго брата, — Петръ большой палецъ». — Пришелъ гость. Онъ сталъ спрашивать Елисавету, между прочимъ, что она съ утра дѣлала, и что завтракала. — «Сегодня я ѣла одинъ хлѣбъ, отъ того, что у маменьки не было чаю». Гость ушелъ, и часа черезъ два прислалъ съ человѣкомъ чаю. Елисавета видѣла въ окошко, какъ пришелъ и потомъ ушелъ слуга; тутъ вскорѣ вошла въ комнату мать и сказала: — «Душа моя, Богъ послалъ намъ чаю!» Помолчавъ не много, Елисавета спросила: «Маменька, какъ же это Ефимъ (такъ звали слугу) полѣзъ на небо и досталъ у Бога чаю?»

Быть можетъ мы ошибаемся, но въ этомъ вопросѣ мы видимъ новое свойство дитяти. Причина этого вопроса находится, какъ намъ кажется, въ живости чувствъ ребенка, и походить на жажду узнать, какъ возможно привести въ исполненіе это желаніе. Въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія приведемъ слѣдующіе случаи.

Въ это время бѣдное дитя потеряло не только трехъ старшихъ братьевъ своихъ, но еще и отца, и какъ одну, такъ и другую потерю ощущало очень живо, не смотря на нѣжный возрастъ. Съ кончиною ея отца не только пропала вся надежда на перемѣну къ лучшему въ положеніи ея семейства, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ становилось песомнѣннѣе, что все примѣтно приходить къ худшему. При жизни своей Кульманъ (отецъ) дѣлился съ своими, тѣмъ малымъ что имѣлъ; теперь, когда его не стало, изсякъ и этотъ скудный источникъ. Жалобы матери и братьевъ не могли ускользнуть отъ вниманія ребенка, такъ нѣжно созданнаго внимательнымъ ко всему; а уединеніе, въ которомъ она жила, и которое обыкновенно прерывалось только по воскресеньямъ приходомъ братьевъ, разумѣется должно было усиливаться въ ней эти печальныя впечатлѣнія, и наконецъ настроить ее такъ, что и мысли и глаза ея почти невольно возносились къ небу, такъ какъ, по увѣренію окружавшихъ ее, для нихъ уже не оставалось надежды на землѣ. Отъ того неудивительно, если она, вопреки своей врожденной веселости, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда она не привыкла къ этому новому порядку вещей,

не рѣдко ощущала и питала въ себѣ желаніе найти такой путь, который могъ бы возстановить прежнія сношенія ея съ отцемъ.

Означивъ оба главные свойства характера Елисаветы, воображеніе и чувствительность, кажушіяся намъ основаніемъ всего того, чѣмъ она стала въпослѣдствіи, мы позволимъ себѣ нѣсколько удалиться отъ нашего предмета.

Заблужденіе ли это, или читатель согласится съ нами, когда мы утвердительно скажемъ, что поэту должно родиться бѣднымъ? Бѣдность кажется намъ настоящей почвою для развитія поэзіи. Воображеніе пѣжнаго существа, самнымъ небомъ предвѣщеннаго быть поэтомъ, безъ помощи своей, безъ того, чтобы оно могло дать себѣ отчетъ въ этомъ, видитъ золотые сны. На яву, какъ во снѣ, ему мечтаются лучшія поля, лучшее небо, лучшее солнце и лучшій мѣсяцъ, нежели представляетъ ихъ вѣшній міръ. Тамъ возвышаются у него золотые чертоги и величавые образы, съ которыми дѣйствительность никогда не можетъ сравниться. Съ этими мыслями мало по малу, и невольно, дѣйствіемъ силы, не удерживаемой никакими границами, сочетаются понятія о беззаботной, съ избыткомъ всеми благами надѣленной жизни, отъ которой скудость и ограниченность дѣйствительнаго быта отличается какъ ночь ото дня. Какое должно быть естественное слѣдствіе такого рѣзкаго противорѣчія? Воображеніе мечтательнаго дитяти уносится пзъ ежедневнаго быта въ свой идеальный міръ, оставаясь тамъ на свободѣ до тѣхъ поръ, покада земная обязанность не повлечетъ его противъ воли опять въ дѣйствительность. Неохотно, медленно, спускается оно съ высотъ своей воздушной области на землю, однако съ твердымъ намѣреніемъ, въ первое благоприятное мгновеніе, снова улетѣтъ въ свои любимыя небесныя края. Если все это примѣнить къ положенію Елисаветы, то склонность ея къ мечтательности объясняется сама собою. Холодная хижинка, кусокъ хлѣба, униженіе считается у всеѣхъ окружающихъ, — за исключеніемъ развѣ немногихъ благородныхъ душъ, — почти за нишую, и не смотря на то, довольно рано возникшее чувство нѣкотораго превосходства надъ этими самыми ее окружающими людьми; все это невольно переносило ее въ область фантазіи, гдѣ она чувствовала себя богатою и значущею, и пребывала въ дѣйствительности не болѣе, какъ сколько принуждали ее къ тому связывавшія ее обстоятельства. Этому естественному расположенію духа содѣйствовали еще нѣкоторые благоприятные случаи, о которыхъ не смѣемъ умолчать.

Когда дѣтскій разумъ ея былъ въ состояніи понимать сказку, то, за неимѣніемъ куколъ и игрушекъ, которыхъ нѣ на что было купить, придумали, для питанія вѣчно бодрствующаго ума ея, занять его этими чудесными, восхищающими и разумъ и сердце золотыми райскими плодами. Такимъ образомъ она очутилась въ кругу сказочниковъ, которыхъ, пожалуй, можно было почесть прародителями потомками разскащиковъ *Тысячи и одной ночи*; то были

мать, дядя, братья и будущій наставникъ. Каждый рассказывалъ по своему, но всё рассказывали хорошо. Въ этомъ уже видна рука Провидѣнія, хотѣвшаго, вопреки бѣдности, навести покровительствуемое имъ существо на ту стезю, по которой ему предназначено идти. Положеніе Елисаветы было въ высшей степени бѣдное, но за то и въ высшей степени поэтическое; мы смѣемъ даже сказать, что нельзя было и пожелать ничего лучшаго для будущей писательницы.

Когда рассказывали, ребенокъ весь обращался въ слухъ, и чудесныя сказки въ видѣ картинъ запечатлѣвались въ сокровищницѣ дѣтской памяти, день ото дня расширявшейся. А какъ у нея рано началъ развиваться и здравый разумокъ, то черѣдко случалось, что она, по окончаніи рассказа, просила растолковать ей то или другое обстоятельство, которое было для нея не совсѣмъ понятно. Подобными случаями въ особенности пользовались мать и наставникъ, чтобы исправлять въ ней понятія, сколько позволялъ нѣжный возрастъ, и полагать всегда равновѣсіе между разумомъ и воображеніемъ. Равно примѣтили въ этомъ юномъ умѣ какое-то стремленіе къ познанію причины того и другаго, и слово отъ чего? уже тогда находилось въ словарѣ ребенка. Иногда невольно надобно было прибѣгать къ новымъ баснямъ, чтобы удовлетворить ея любопытству. Такъ напримѣръ, случилось однажды, когда ей захотѣлось знать откуда она произошла. Такъ какъ она сдѣлала этотъ вопросъ своей матери при хозяйнѣ дома, который чрезвычайно любилъ Елисавету, то онъ, взявъ ее за руку, повелъ въ свой садъ, занимавшій бѣольшую часть двора, и, указывая на два яслинныя куста, росшіе въ тѣни италіянскаго тополя, сказалъ: «Видишь-ли, душенька, эти два яслинныя куста? Вотъ, сюда прилетѣлъ однажды журавль съ красной корзинкой въ клюву, въ которой ты лежала, да и положилъ тебя на травку, потомъ пришли папенька и маменька, увидали тебя и повесилъ въ своей домъ.» Дѣвочка ни мало не сомнѣвалась въ справедливости этого объясненія, и бывало въ послѣдствіи, если кто ее спрашивалъ, откуда она явилась, то она, съ выраженіемъ безусловной вѣры, отвѣчала: «Меня принесъ журавль въ красной корзинкѣ, и положилъ въ саду у хозяйки, на траву, тамъ, гдѣ растутъ два яслинныя куста. Угодно, я вамъ покажу, гдѣ это?» За то, съ того дня, всё три свидѣтеля ея появленія въ этотъ подлунный міръ стали для нея много уважаемыми и искренно любимыми существами, отъ которыхъ и въ радости и въ печали она ничего не таила, у которыхъ искала утѣшенія въ одной, и участія въ другой.

Упомянувъ случайно о лунѣ, мы распространимся о предметѣ, нѣсколько похожемъ на предъидущій, и также имѣвшемъ не малое вліяніе на душу ребенка.

Окрестности хижины, въ которой жила г-жа Кульманъ, въ то время (за 30 лѣтъ предъ симъ) были таковы, что сводъ неба опу-

скался къ землѣ почти со всѣхъ сторонъ одинаково низко, и Елисавета со двора безпрепятственно могла провожать солнце и мѣсяцъ, отъ восхода до заката. Если она тогда уже давала мѣсяцу предпочтеніе, выразившееся ясно въ ея стихотвореніяхъ, то мы готовы приписать это поперемянному исчезанію и появленію этого небеснаго свѣтла, которое заставило дитя вообразить, что мѣсяцъ еще чудеснѣе солнца. Вѣрно то, что Елисавета болѣе была привязана къ мѣсяцу, нежели къ солнцу. Но возможно также, что привязанность эта возникла и отъ другаго обстоятельства. Домикъ ихъ стоялъ въ самой серединѣ двора, однимъ окномъ, довольно большимъ, въ сравненіи съ двумя другими окошками, на западъ. Если бывало полнолуніе, и, въ такомъ случаѣ, мѣсяцъ находился на югѣ, то первую забавою Елисаветы было бѣгать взадъ и впередъ отъ западнаго угла дома до восточнаго, и такимъ образомъ играть съ мѣсяцемъ въ прятки. Но, конечно, правильнѣе сказать, что мѣсяцъ игралъ съ нею въ прятки, по крайней мѣрѣ такъ она полагала. Не можемъ устоять противъ искушенія, рассказать одинъ случай, обстоятельства котораго мы слышали отъ нея самой, и которое, повидному, не мало содѣйствовало къ подкрѣпленію ея мѣтнія о чудесномъ свойствѣ мѣсяца. Постараемся передать по возможности этотъ случай собственными ея словами: «Мы были въ гостяхъ у дяденьки, и обѣдали тамъ. Когда подали кофе, тѣтенька дала мнѣ каравай; она купила его нарочно для меня. Послѣ обѣда, дяденька и еще три пріятеля его начали играть. Маменька торопилась домой, отъ того что намъ далеко было идти; тогда тѣтенька поскорѣй велѣла подать чаю, чтобы мы подольше у ней пробыли. Когда мы вышли изъ дому, мѣсяцъ уже былъ на небѣ. Мы шли немножко скорѣе обыкновеннаго; перешли Исакиевскій мостъ; вдругъ оглядываюсь, и, что-жъ? мѣсяцъ вмѣстѣ съ нами перешелъ черезъ Неву. Какъ это онъ сдѣлалъ? Черезъ Исакиевскій мостъ онъ не переходилъ, я это знаю; ни черезъ Троицкій, тоже; я смотрѣла туда, когда мы шли по Исакиевскому, и непремѣнно увидала-бы его, если-бы онъ переходилъ мостъ въ одно время съ нами. Если же ему непремѣнно хотѣлось перебраться на Васильевскій островъ, куда мы шли, то все таки ему надобно-бы было переѣхать на лодкѣ, и то, если у него были съ собой десять копѣекъ, чтобы заплатить за перевозъ; а иначе, если бъ ему вздумалось заплатить только двѣ копѣйки, то пришлось-бы дожидаться по крайней мѣрѣ полчаса, покуда лодка наполнилась людьми. Мы съ маменькой ужъ знаемъ это; отъ того мы лучше любимъ идти въ обходъ, черезъ мостъ. Облаковъ-же не было на небѣ, чтобъ перешести мѣсяцъ черезъ Неву.»—Изъ всего этого мы заключаемъ, что она считала мѣсяцъ не только существомъ чудеснѣйшимъ на свѣтѣ, но и лучшимъ другомъ своимъ, который всегда только показывался, когда солнце и весь міръ отдыхали, и она съ матерью однѣ оставались на дворѣ. Сколько извѣстно она съ величайшимъ вниманіемъ наблюдала за теченіемъ его, и ниѣ-

да свои собственные выраженія, чтобы означать всякій разъ его состояніе. *Мѣсяцъ сидитъ на сараѣ*, — деревянное строеніе, стоявшее наискосокъ влѣво отъ домика, и отдѣленное отъ маленькаго дворика (также отгороженнаго отъ большаго двора палисадникомъ) только крошечнымъ садикомъ Елисаветы; *мѣсяцъ разговариваетъ съ березами сосѣда*, — восемь березъ, стоявшихъ на югѣ и въ полдень освѣнявшихъ тѣнью ея садикъ; *мѣсяцъ купается въ прудѣ*, — изрядная лужа на юговосточной сторонѣ, любимое мѣсто сосѣднихъ гусей и утокъ, видимое кое-гдѣ сквозь отверстія досчатаго забора; *мѣсяцъ пошелъ въ гости въ замокъ*, — зданіе, возвышавшееся посреди сада, въ нѣкоторомъ отдаленіи, на востокъ, и вохожее нѣсколько на древній рыцарскій замокъ. Но всего милѣе было для Елисаветы мѣсяцъ тѣмъ, что онъ сберегалъ ея матери нѣсколько копѣекъ, освѣщая ихъ спальню, которой окно, обращенное къ югу, не закрывали по этому ставнямъ въ мѣсячныя ночи: мать же и дочь не могли спать въ потьмахъ. О человѣкѣ на дувѣ Елисавета можетъ быть и слыхала, но сопровождающаго его собака — собственная ея выдумка; въ послѣдствіи они послужили ей предметомъ для двухъ гениальнѣйшихъ и трогательнѣйшихъ ея стихотвореній. — Расскажемъ здѣсь въ немногихъ словахъ происшествіе, которое случилось гораздо позже, но которое подтверждаетъ то, что мы сказали, и обнаруживаетъ достойную примѣчательную черту въ нравѣ Елисаветы. Идучи однажды въ сопровожденіи матери и учителя рисованія по улицѣ, она встрѣтила старуху нищую, которой мать ея, смотря по обстоятельству, всякую недѣлю давала нѣсколько копѣекъ. Елисавета позвала ее по имени. Кто это? спросилъ учитель рисованія. — «Старушка, которую я очень люблю» отвѣчала Елисавета. — А за что вы ее любите? — Разъ вечеромъ она пришла къ намъ; на ту пору мы не только не могли дать ей нѣсколько копѣекъ, но у насъ самихъ не на что было купить масла для ночника. Ночь была не мѣсячная, и я ужъ напередъ боялась. Тогда собравшись съ духомъ, я сказала ей: «Старушка, одолжи мнѣ шесть копѣекъ.» — «На, возьми хоть двадцать, голубушка! Сегодня мнѣ посчастливилось.» — «Нѣтъ, старушка, будетъ съ насъ и шести, или, пожалуй, и десяти копѣекъ: намъ надобно купить масла, а денегъ нѣтъ.» — «И, полно! бери всѣ двадцать копѣекъ. Мнѣ хватитъ и безъ того на цѣлые два дня.»

Теперь, если бросить общій взглядъ на все приведенное нами до сихъ поръ, можно, кажется, полагать, что тогда уже настало время для Елисаветы, когда въ воображеніи ея вся природа представлялась единымъ, во всѣхъ частяхъ своихъ оживленнымъ цѣлымъ, и когда вопросы, съ которыми она обращалась или къ природѣ вообще, или къ одному какому-нибудь предмету ея, никогда не оставались безъ отвѣта. Наблюденія, которыя мы въ то время дѣлали надъ Елисаветою, открыли намъ, что она, одушевляя все окружавшее ее неживое, неутонимо вопрошала оживленные такимъ образомъ предметы о природѣ и свойствахъ ихъ,

объ образѣ ихъ мыслей и дѣйствіяхъ, о назначеніи ихъ и отношеніи къ человѣку. Сдѣлавъ же вопросъ, она тотчасъ какъ будто сама превращалась въ вопрошаемый предметъ, и, становясь цвѣткомъ, бабочкою, птичкою, деревомъ, рѣкою, облакомъ, мѣсяцемъ и небомъ, сама и отвѣчала на свой вопросъ, хотя отвѣтъ этотъ, какъ всякій понимаетъ, состоялъ не въ чемъ иномъ, какъ въ выводѣ того, что она сама примѣтила въ вопрошаемыхъ предметахъ. Биографъ ея, сказавъ гдѣ-то въ своемъ превосходномъ сочиненіи *, что она ничему не училась въ школѣ, описалъ въ двухъ словахъ особенности характера Елисаветы. Природа сдѣлала ее поэтомъ безъ всякой человѣческой помощи; даровала ей способность, не только познавать особеннымъ образомъ все окружающее, но и передавать свои впечатлѣнія съ измѣненіями, причиненными ея характеромъ; наконецъ съ избыткомъ удѣлила ей вмѣстѣ и матеріалъ и форму, эти два основныя качества художника всякаго рода. Полагаясь на свисхожденіе читателей, мы, для поясненія дѣла, войдемъ въ подробности.

Представимъ себѣ пятилѣтнюю дѣвочку, сидящую у порога своей хижины и устремляющую пристальный взглядъ на травяную былинку, которая одиноко возвышается на горсточкѣ земли, перемѣшанной съ пескомъ. «Кто ты, и откуда ты?» спрашиваетъ она наконецъ былинку. Помолчавъ не много, съ тѣмъ, чтобы мысленно поставить себя на мѣсто былинки, даже совѣмъ въ нее превратиться, она отвѣчаетъ: «Я дитя земли. Наше жилище тихое и темное. У насъ ни солнца не видать, ни птицъ не слышать. Съ крыши по каплѣ течетъ вода; мы пьемъ ее, какъ молоко матери. Когда мы выйдемъ изъ колыбели, мать говоритъ намъ: Дѣти, пробейтесь сквозь крышу! тогда вы увидите солнце и услышите пѣніе птицъ; тогда подлетятъ къ вамъ прекрасныя бабочки, будутъ васъ привѣтствовать и любоваться вашимъ зеленымъ нарядомъ; а недалеко отъ себя вы увидите фіалку, ландыши и розу!»

Мы заговорили о цвѣтахъ, этой самой ранней страсти Елисаветы, продолжавшейся во всю ея жизнь. И тутъ мы принуждены распространиться. Хозяинъ дома, о которомъ мы уже однажды упомянули, возвращаясь однажды домой, считалъ пріятнѣйшимъ отдохновеніемъ смотрѣть за своимъ садомъ, насажденнымъ такъ, что зрѣніе, слухъ, обоняніе и вкусъ наслаждались равно. Но при всемъ его страхѣ о малѣйшемъ ущербѣ со стороны нескромныхъ посѣтителей, онъ всегда охотно впускалъ въ свой садъ Елисавету, даже когда, будучи занятъ какой-нибудь садовой работою, онъ не могъ наблюдать за нею на другомъ концѣ сада. Онъ съ перваго дня замѣтилъ, съ какимъ восторгомъ и съ какимъ почтеніемъ подходила дѣвочка къ произведеніямъ его Флоры и Помоны. Про

* *Жизнеописаніе дѣвицы Елисаветы Кульманъ*, сочиненіе А Шлегель-тенко.

все можно было сказать, что она, входя въ садъ, оставляла руки свои у калитки. Мы сами были свидѣтелями, что, гуляя по саду, она все время держала ручки свои за спиною. Не разъ видали мы, какъ она, ставъ на колѣни передъ какимъ-нибудь низевьимъ цвѣткомъ и наклонившись надъ дерномъ, окаймлявшимъ дорожку, вдыхала въ себя запахъ цвѣтка, не касаясь ни его, ни дерна. Когда эти два страстные любителя цвѣтовъ, хозяйинъ и она, сходились вмѣстѣ, то болтовнѣ ихъ не было конца. Каждый сообщалъ другому свои замѣчанія; если это было что нибудь особенное, то хотя бы одинъ былъ занятъ на другомъ концѣ саду, онъ бросалъ на минуту свое дѣло и прибѣгалъ, чтобы вмѣстѣ удивляться и толковать о найденной диковинѣ. Всякій разъ, когда хозяйинъ возвращался домой, Елисавета или бѣжала ему на встрѣчу, или стояла у рѣшетки сада и смотрѣла издали на милые цвѣты. «Мнѣ жаль бѣдняжки, сказалъ онъ однажды, иногда она такъ долго меня дожидается; лучше разведемъ ей посреди ея дворышка маленькій садикъ, гдѣ бы она могла веселиться покуда меня нѣтъ дома». И дѣйствительно, онъ самъ принялся за дѣло; натаскавъ земли, огородилъ ее плетнемъ, насадилъ цвѣтовъ, которые въ клумбу, по серединѣ сада, а которые кругомъ около плетня, кромѣ того мѣста, гдѣ была калитка, выходившая на кругобразную дорожку, по обѣимъ сторонамъ обложившую дерномъ. Потомъ, спусти нѣсколько недѣль, когда въ квартирѣ наставника, при передѣлкѣ печи, оказались лишними четыре маленькія, очень красивыя гипсовыя урны, онъ выпросилъ ихъ для себя и разставилъ, въ видѣ украшеній, во четыремъ угламъ Елисаветинаго садика. Представьте себѣ радость малютки, когда она вступила во владѣніе своего, какъ она говорить гдѣ то въ своихъ стихахъ, «царскаго сада!»

Тутъ въ этомъ саду сидѣла въ одинъ лѣтній вечеръ Елисавета, окруженная своими цвѣтами, которые, также какъ и весь садикъ ея, уже находились въ тѣни отъ стоявшаго вблизи сарая, когда добрый и столь любимый ею хозяйинъ, воротившись домой, закричалъ ей, идучи къ большому саду (такъ назывался его садъ, для отличія отъ ея сада; иногда она называла большой садъ тополевымъ, или яминнымъ садомъ, потому что тамъ находились пре-красный тополь и милые ей яминные кусты): «А что, Лизанька, пособишь ты мнѣ сегодня поливать цвѣты?» — Но она, не пикнувъ, сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ не говорилъ такъ громко; потомъ тихонько и на цыпочкахъ подошла къ нему и шопотомъ сказала: «Они спятъ!» — Кто спитъ? — «Мои цвѣты». — Ну, вотъ вздоръ какой! — «Ни чуть не вздоръ, Иванъ Егоровичъ, право они спятъ. Придите посмотрите». Она взяла его за руку, и оба на цыпочкахъ приблизились къ саднику. «Почемъ же ты знаешь, что они спятъ?» — Да потому, что они повѣсили головки и закрыли глаза. — «Это я не въ первый разъ вижу. Тутъ оба они пошли въ большой садъ. Только что они вошли, Елисавета шепнула: «И ваши цвѣты спятъ; взгляните-ка на эти астры!» — Астры,

на которыя она указывала, стояли уже въ тѣни; не далеко же оттуда возвышались нарциссы.—«За то ужъ нарциссы не спятъ! скажешь хозяйницъ; вишь какъ вытаращили глаза». — Погодите! вѣдь они стоятъ на солнцѣ. Когда солнце уйдетъ, тогда они тоже закроютъ глаза и заснутъ. И астры спятъ, отъ того, что уже не видятъ солнца». — Минута молчанія. — «Но, можетъ быть, нарциссы спятъ какъ зайцы». — Какъ же они спятъ? — «А съ открытыми глазами». — Кто это тебѣ сказалъ? — «Андрей Ильичъ Суворовъ *». — «А опъ почему знаетъ?» — «Какъ же, опъ бывалъ на охотѣ, и видалъ зайцевъ во всякую пору дня.... Что? бывали вы на охотѣ?» — «Нѣтъ, я не охотникъ стрѣлять». — «Ну, такъ вы и не могли этого замѣтить.... Впрочемъ, это хорошо, что вы не любите охотиться. Видите, я очень люблю Андрея Ильича Суворова, но когда онъ заговоритъ о дичи, которую застрѣлилъ, мнѣ всегда больно его слушать. Бѣдныя твари живутъ себѣ въ лѣсу, и не мѣшаютъ намъ жить въ городѣ. За чѣмъ же ихъ убиваютъ? Онѣ также сотворены Богомъ, какъ и мы. Разумѣется я испугалась бы, еслибъ приближалъ къ намъ волкъ или медвѣдь; но мнѣ все таки жалко, что ихъ убиваютъ. Пусть они себѣ гуляютъ въ своихъ лѣсахъ, какъ мы гуляемъ у себя въ саду. Однако надо поливать цвѣты. — Оба принялись за дѣло. Не прошло и пяти минутъ, какъ Елисавета подбѣжала къ хозяйнѣ и сказала: «Пойдемте! Ну, кто теперь правъ: вы, или я? Посмотрите на этотъ макъ! Развѣ онъ не закрываетъ глазъ?» — «Да, правда, онъ спитъ».

Не было травки, даже самой ничтожной, которую любознательная дѣвочка не хотѣла-бы знать по имени, и странно бывало слышать, какъ она цѣлый рядъ растеній называла одни нѣмецкими, другія англійскими, а нынѣ и латинскими именами, потому что учитель ботаники Елисаветы былъ Англичанинъ, изъяснявшійся изрядно по-нѣмецки, но плохо по-русски. Что касается до практическаго отдѣленія этой науки, то учитель и ученица совершенно другъ съ другомъ соглашались. Елисавета твердила названныя ей имена до тѣхъ поръ, покуда не затверживала ихъ въ памяти такъ, что они уже никогда оттуда не выходили. Не то было съ теоріею, особенно съ физиологическою частью ботаники. Пожилой любитель утверждалъ, что прозябаніе цвѣтовъ подчинено однимъ и тѣмъ же законамъ съ прочими растеніями, то есть что первоначально цвѣточное сѣмя развивается въ землѣ, потомъ надъ землею, постепенно пускаетъ стебельки, листочки и цвѣты. Юная же любительница, соглашаясь съ этою системою во всемъ, относительно корней, ствола и листьевъ, въ остальномъ, собственно относящемся до цвѣтка, отвергала ее безусловно, не слушая никакихъ доводовъ. Ей казалось яснымъ, что трава, листья, кустарникъ и дерево одинаковымъ образомъ развиваются, начиная отъ сѣмени

* Сослуживецъ и другъ отца ея.

до совершеннаго ихъ образованія; но цвѣты, — нѣтъ, это казалось ей невозможнымъ, на то они были слишкомъ прекрасны. Она имѣла свои доказательства, на которыя невозможно было возражать, коль скоро она начинала ихъ изъяснять. Напримѣръ, Елисавета разсказывала, что дѣлала наблюденія надъ постепеннымъ развитіемъ розана до самаго того времени, когда по оконченостямъ его вѣтокъ появлялись яйцеобразныя зеленныя шишечки; потомъ, подъ вечеръ, она немного захворала; это нездоровье продолжалось ровно полторы сутки, такъ что во весь слѣдующій день она не видала своего розана. За то какую невыразимую радостью подарило ее первое утро ея выздоровленія, въ ту минуту, какъ она увидела свой розанъ! Цвѣтокъ весь распустился! Это Богъ приходилъ ночью и своею рукою прикрѣпилъ розу на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была зеленая шишечка. Послѣ этого доказательства, только упрямый Англичанинъ осмѣлился спросить: «Да развѣ ты видѣла Бога?» «Ай, ай, Иванъ Егоровъ! возразила Елисавета, покачивая головой; стало быть вы позабыли вашъ катихизисъ, что спрашиваете меня объ этомъ? Богъ есть духъ, хотя бы Онъ и днемъ явился, такъ я не увидела бы Его». — «Что же такое духъ? опять спросилъ побѣжденный Англичанинъ». — «Если вы этого не знаете, такъ я вамъ объясню: духъ что-то такое, что есть, но чего не видать».

Если читатели найдутъ, что мы слишкомъ распространились, что бы разсказать этотъ случай, то насъ извинять двѣ причины. Во-первыхъ, мы видимъ тутъ, что у Елисаветы воображеніе и разумъ находились всегда въ равновѣсін, а во-вторыхъ не лишне сказать, что этотъ самый разговоръ заставилъ будущаго ея наставника, употребить всѣ силы и всѣ зависящія отъ него средства, способствовать развитію чрезвычайныхъ способностей, которыми Небо надѣлило этого ребенка.

Если Елисавета предполагала душу въ ничтожномъ мохѣ и простой травкѣ, то какъ же ей было не предполагать души въ ея любимыхъ цвѣтахъ? Да, для нея, все, ее окружающее, имѣло душу, которая болѣе или менѣе питала къ ея собственной душѣ дружественныя чувства и раздѣляла съ нею радости и печали.

Однако не только земное, то есть на поверхности земли находящееся, имѣло у нея душу; нѣтъ, но и все принадлежащее двумъ другимъ мірамъ, то есть верхнему и пренсподнему, говоря ея языкомъ. Что же она разумѣла подъ этими названіями? Все видимое въ пространствѣ воздуха составляло первый міръ; все же движущееся въ глубинѣ водъ — второй. Каждое облачко, каждая туча казалась ей существомъ одушевленнымъ; а всякое отраженіе предметовъ земныхъ, или воздушныхъ, въ зеркалѣ водъ, она почитала чудесными обитателями удивительнѣйшаго изъ всѣхъ трехъ міровъ, пренсподняго. Ибо предметы царства воздушнаго представлялись ея воображенію подобно предметамъ земнымъ, въ ихъ настоящемъ положеніи, то есть головою вверхъ, а ногами внизъ; но не то было

съ предметами водянаго царства, гдѣ все представлялось наперекоръ ея ожиданіямъ, все головою внизъ, а ногами вверхъ.

Но до чего касались ея чувства, то она обнимала съ любовью. Тогда она не имѣла еще понятія о злѣ и его послѣдствіяхъ. По ея понятіямъ, кошка, подстерегавшая птичку, поджидала ее съ тѣмъ, чтобы поиграть съ нею, какъ бывало она сама гонялась за бабочкой, не для того, чтобы отнять у нея свободу и смотрѣть, какъ бѣдняжка будетъ биться между пальцами, стараясь вырваться, но только, чтобы полюбоваться пестрыми ея крылышками, и сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ о ея житьѣ-бытьѣ, на которые она, по обыкновенію своему, разумѣется, сама же и отвѣчала. Отъ того то она однажды такъ удивилась, когда увидѣла, что служанка хозяйна ударила свою кошку, которая сидѣла притаившись.—«За чѣмъ ты бьешь кошку?»—«За тѣмъ, что она хочетъ поймать птичку и съѣсть».—«Быть не можетъ!» Однако съ той поры, Елисавета, казалось, меньше стала довѣрять кошкамъ, и перестала ласкать ее по прежнему. Не смотря на пятилѣтній возрастъ, она почитала паука, при всей его непривлекательной наружности, безвреднымъ, даже добрымъ твореніемъ. Никогда ей на умъ не приходило мѣшать пауку, когда онъ работаетъ, или истреблять паутину, хотя ей еще не было тогда извѣстно, что пауки предвѣщаютъ погоду. Однажды, гуляя по двору, она увидала въ углу между дровянымъ сараемъ и досчатымъ заборомъ, составлявшимъ границу владѣній хозяйна дома, паутину, въ серединѣ которой былъ большой паукъ, окруженный нѣсколькими убитыми имъ мухами и одной, которую онъ еще добывалъ. Скоро послѣ того пришла мать ея, и Елисавета сказала ей:—«Маменька, посмотрите, какъ паукъ стережетъ мухъ, покуда онѣ спокойно около него спятъ».—«Нѣтъ, душенька, онѣ не спятъ, онѣ мертвы».—«Что вы, маменька? Сегодня я пришла позже и видѣла только конецъ, но сколько разъ я видѣла, какъ паукъ впускалъ муху въ свою паутину. Когда она придетъ къ нему въ гости, онъ идетъ ей на встрѣчу, обнимаетъ ее, и по невозможности уводить, вѣрно въ свою гостиную, то есть въ самую середину паутины. Тутъ они еще немножко ласкаютъ другъ друга, потомъ муха перестаетъ двигаться, вѣрно, чтобы отдохнуть послѣ дальняго пути, или даже и заснуть, какъ дѣлаетъ Андрей Ильичъ, когда, уставъ ходить по городу, онъ идетъ къ намъ и бросится на диванъ. Но паукъ смиренно присядетъ возлѣ гостя, чтобы не потревожить ея отдыха, или сна». Госпожа Кудманъ, искусная въ наукѣ воспитанія, оставила дочь свою въ этомъ заблужденіи, имѣя въ виду, что не должно потрясать, а еще менѣе уничтожать въ дѣтяхъ мысли объ общемъ человѣколюбіи, о господствующей въ природѣ между всѣми тварями взаимной любви, такъ какъ, къ сожалѣнію, и безъ нашего содѣйствія, слишкомъ рано само собой приходятъ разочарованія. Дѣти же рѣдко бываютъ такъ окружены, чтобы могли долго оставаться

въ этомъ райскомъ заблужденіи, или чтобы, однажды изъ него вышедши, были въ состояніи снова погрузиться въ него.

Мы видимъ изъ этого, сколько выигривала одушевленная природа въ воображеніи Елисаветы отъ такого взгляда на вещи. Какія подраздѣленія, особенно въ царствѣ животныхъ, должныствовали быть въ ея зоологической системѣ; подраздѣленія, не существующія въ дѣйствительномъ мірѣ и оставшіяся неизвѣстными и Бюфону, и Ласенеде, и Кювье, несмотря на всѣ ихъ обширныя познанія. Напримѣръ, знали ли эти три зоолога о существованіи овецъ съ тремя или пятью ногами, или козловъ безъ бороды и съ тремя или шестью рогами? Конечно нѣтъ, также какъ и коней съ крыльями. Въ невѣжествѣ своемъ, они назвали подобныхъ коней Пегасомъ и Гиппогрифомъ; но еслибъ они смотрѣли глазами Елисаветы, то поставили бы Пегаса и Гиппогрифа въ разрядъ зоологій, а не мифологій, куда они ошибочно ихъ изгнали. А пуще всего единорога. Всѣ три естествоиспытателя оспаривали его существованіе, тогда какъ она видала единорога, пасущагося на голубой небесной равнинѣ. А царица змѣй, съ діадемою изъ цѣльнаго алмаза, сіяющею подобно солнцу на головѣ ея? Ее изгнали въ баснословный міръ, но Елисавета не разъ собственными глазами видѣла ее возвышавшуюся стоймя гдѣ-нибудь на небесномъ утесѣ.—Маменька, Иванъ Егоровичъ, Карлъ Викторовичъ *, Софья Карловна **, не мѣшаютъ мнѣ рассказывать все, что я видѣла на небѣ; и вѣдь никто не скажетъ, что они не умные люди. Но этотъ Александръ Ивановичъ ***, которому въ каникулы разъ двадцать въ часъ повторяешь, что ему пора приготовляться къ экзамену; эта Любовь Карловна ****, которая считаетъ себя умнѣе всѣхъ, оттого, что она генеральская дочь, они смотрять на меня какъ на дурочку, всякій разъ, какъ я начну рассказывать, безъ всякихъ прибавленій, все, что мнѣ такъ часто случалось видѣть на небѣ, не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ — (вѣдь я не слѣпа, — мои глаза получше ихъ глазъ); и мало того что видѣла, а еще хорошенько все разсматривала, и нарочно запомнила, потому-что оно показалось мнѣ очень страннымъ.»

У водянаго міра были опять другія особенности. Тамъ уже она ничему не дивилась и все понимала съ-тѣхъ-поръ, какъ услышала гдѣ-то выраженіе: «Они ходятъ на головѣ,» слѣдствіемъ чего естественно было то, что она этимъ однимъ выраженіемъ: «Они ходятъ на головѣ,» стала разрѣшать всѣ прежнія загадки водянаго міра. Птица, обращающая ноги свои къ намъ, зрителья, и летающая такимъ образомъ на спинѣ; домъ, обращенный крышею внизъ, а порогомъ вверхъ; лѣсъ съ опущенными

* Имя и отчество ея наставника.

** Придѣльница ея матеря.

... И **** молодые знакомые.

внизъ вершиннами деревьевъ, все это были для нея вещи ясныя и понятныя: «Они *стоятъ* на головѣ, какъ обитатели водянаго міра *ходятъ* на головѣ.» Однако человѣческой разумъ въ изслѣдованіяхъ своихъ всегда доходитъ только до извѣстной высоты или глубины; далѣе онъ встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія и переступаемыя границы; всегда остается для него нѣчто неизяснимое, превышающее его разумъ, его понятливость. Часто виновата въ томъ врожденная лѣность человѣческаго разума; прошедши далекое разстояніе, онъ не въ силахъ принудить себя пройти еще немного, чтобы достигнуть цѣли.—А на самомъ дѣлѣ водянаго міра находится огромная равнина, довольно похожая на наше небо: что бы это такое было? Вотъ одно, чего не могу себѣ объяснить!» — Однако это было тоже, что и все другое, отраженіе самого неба; но таковъ уже разумъ человѣчскій! — Вотъ и система міра Елисаветы.

Между частыми измѣненіями, которымъ было подвержено здорье Елисаветы, ей минуло пять лѣтъ. До этого возраста, она всѣмъ была обязана природѣ, и только изрѣдка пособіемъ людей. Теперь наступили для нея новыя времена. До-сихъ-поръ еще не было рѣчи о книгахъ; теперь надобно было ввести ее и въ это святилище. Въ этомъ дѣлѣ совершенно положились на наставника; и какъ онъ отнюдь не одобрялъ методы, обучать дѣтей съ самаго ранняго возраста, то и тѣ не многія книги, которыя принадлежали семейству, были тщательно спрятаны отъ глазъ Елисаветы, чтобы не возбудить въ ней слишкомъ рано желанія, удовлетворить имъ свою неограниченную любознательность. Но обстоятельство, эти настоящіе воспитатели человѣческаго рода, опредѣлили иначе. Самъ наставникъ ея, первый, противъ ожиданія своего, нарушилъ начертанный имъ планъ воспитанія. Онъ купилъ однажды у отъѣзжавшаго знакомаго своего четыре части *Живописнаго Міра* Баумгартена, и подарилъ ихъ своей питомицѣ. Отлично раскрашенныя картинки какъ разъ ввели ее въ таинства царствъ животныхъ и ископаемыхъ. Но не смотря на приложенный къ картинкамъ весьма сообразный съ цѣлю текстъ, никто не думалъ учить Елисавету чтенію; довольствовались прежней методою, называть только по имени все, что дѣтя видѣло. Елисавета познакомила со всѣми расписанными въ книжкахъ живописными и ископаемыми, называла ихъ по имени безошибочно, — исправляя даже нечаянные или умышленные промахи стороннихъ лицъ, — сначала по-нѣмецки, а впослѣдствіи и по-французски, по-англійски, по-италіянски, даже по-латыни, такъ какъ названія были означены и на этомъ языкѣ, и потому еще, что это очень ей нравилось, съ-тѣхъ-поръ какъ она познакомила съ латинскими названіями въ урокахъ ботаники. Когда она знала назусть всѣ названія, ей читали вслухъ изъ книги что-нибудь такое, что могло бы ее забавлять. Черезъ это самое отступленіе отъ первоначальнаго плана, неутомимое на вопросы, ненасытно

любопытное дѣтя было наведено на другія мысли. Она сама захотѣла учиться читать. Имѣя всегда передъ глазами цѣль свою, не удивительно, что она приложила всевозможное стараніе, чтобы выучиться азбукѣ, то есть знать первыя три или четыре страницы; едва она справлась со слогами и односложными словами, какъ уже сама отъ себя вздумала испытать, не удастся ли ей читать по своимъ книжкамъ съ картинками; а какъ и это удалось лучше, нежели она и другіе ожидали, то она уже не хотѣла и слышать про азбуку. Эта уступчивость не замедлила принести неожиданную пользу; ибо не прошло трехъ недѣль, какъ Елисавета уже бѣгло могла читать все, что было писано на нѣмецкомъ языкѣ въ этихъ книгахъ. Теперь-то она была въ своей стихіи; теперь она могла читать сама, и никому не быть въ тягость, всякій разъ, какъ пожелаетъ научиться чему нибудь въ своихъ большихъ книгахъ.

Расхваливъ столько нашу малютку, не должно однако умолчать объ одной ея шалости, чтобы не выдавать ее лучшею, чѣмъ она была.

Къ г-жѣ Кульманъ всякое утро рано приходилъ добренькій пожилой мужичекъ, съ рѣдкими волосами и сѣдою бородой, разнощикъ хлѣба и сухарей; его звали Гаврила. Онъ всегда былъ въ восторгѣ отъ Елисаветы, хвалилъ ее за то, что она такъ рано встаетъ, и не могъ надивиться тому, что такая маленькая дѣвочка возится съ такими большими книгами. Часто просилъ онъ ее разсказать ему что-нибудь изъ нихъ, и Елисавета исполняла его желаніе не только охотно, но еще такъ, что старичекъ пуще сталъ дивиться. До этого еще она выдумала себѣ забаву, подражать голосу тѣхъ лицъ, которыя иногда говорили при ней на иностранныхъ языкахъ. Первый былъ хозяинъ дома, часто разговаривавшій при ней по-англійски съ землякомъ своимъ; другой былъ пріятный пожилой Французъ; третій Италіанецъ, продавецъ зонтиковъ, и еще нѣкоторые другіе, вхожіе какъ къ нимъ, такъ и къ хозяину дома. Въ такомъ случаѣ она по-видимому особенно примѣчала за повышеіемъ и понижеіемъ голоса, потому-что нѣсколько лѣтъ спустя она утверждала, что въ самомъ далекомъ разстояніи отъ разговаривающихъ, въ которомъ нельзя разобрать словъ, хотя и слышно голосъ, она тотчасъ можетъ узнать, на какомъ языкѣ они говорятъ, предполагая, что говорятъ на своемъ родномъ языкѣ. Вотъ однажды ей и пришло въ голову утвердить Гаврилу, будто она, кромѣ русскаго и нѣмецкаго, говоритъ еще на многихъ другихъ языкахъ. Однако она дала этому такой оборотъ, что ей не нужно было лгать. Она начала говорить ему названія многихъ животныхъ изъ своего *Животнаго Мира*, сперва по-русски, потомъ по-нѣмецки, а тамъ и по-англійски — «Какъ? Вы и по англійски говорите?» спросилъ Гаврила. Въместо утвердительнаго отвѣта, она начала говорить ему всѣ англійскія названія и понижая голосъ такъ, что можно было

ручаться, что она говорить не рядъ именъ, а цѣлыя англійскія фразы. Гаврила не нашелъ словъ, чтобы выразить свое удивленіе. Тутъ кто то, забавлявшійся этимъ дурачествомъ, сказалъ домашнимъ русскимъ языкомъ: «А что ты думаешь, Гаврила! вѣдь она говорить тоже по французски и по италіянски.» — «Нѣтъ!» — Отъ мигнулъ Елисаветъ, и она съ тою же скоростью начала говорить прежнія названія по французски. — «Ну, а во италіянски?» спросилъ Гаврила, столько же удивленный, сколько подстрекаемый любопытствомъ. — И наша маленькая шалуныя, ну повторять тоже самое по италіянски. Гаврила перекрестился, и сказалъ: «Чудо! Отъ роду въ первый разъ вижу и слышу такія вещи!» И въ избыткѣ своего восторга онъ вынулъ изъ корзины большую сдобную булку и подаль ея Елисаветъ. Она покраснѣла, и не хотѣла брать ея; однако бывшее тутъ лице опять мигнуло ей, и Елисавета, хотя не безъ замѣшательства, приняла подарокъ, поблагодаривъ добраго Гаврилу... Въ послѣдствіи мы узнали отъ самого разношника, что онъ пересказалъ все это своему хозяину, прибавивъ, что Кульманъ люди не богатые; хозяинъ, не менѣе его удивлявшійся, позволилъ ему отпускать г-жѣ Кульманъ хлѣбъ въ долгъ, когда она будетъ не при деньгахъ, до пяти рублевой суммы. Это позволеніе хозяйна очень пригодилось Елисаветѣ и ея матери.

Честный разношникъ, и добросердый хозяинъ твой, хлѣбники! Вы были первыми благодѣтелями Елисаветы. Безъ васъ, она часто была бы принуждена ложиться спать *не такъ*, какъ сказано гдѣ-то въ ея стихотвореніяхъ:

Я всегда сыта ложусь!

Не надобно думать, чтобы способъ этотъ, называть предметы на нѣсколькихъ языкахъ, распространяли далѣе того, что содержалось собственно въ ея книгахъ съ картинками. Если она и начала учиться раньше, нежели предполагали, то все же, кромя русскаго и нѣмецкаго, на которыхъ она въ то время говорила уже довольно бѣгло, ее не учили больше никакому языку. Это было благоразумно.

Но несмѣтно было богатство мыслей Елисаветы отъ позата ея занятія, и чрезвычайно благодѣтельно то направленіе, которое принялъ у нея теперь образъ мыслей, безъ всякой сторонней помощи. До сихъ-поръ она жила болѣе въ вымышленномъ, нежели въ дѣйствительномъ мірѣ, и воображеніе ея достигло необыкновенной высоты, такъ, что почти господствовало надъ всѣми другими умственными способностями. Слѣдовательно, всеяне кетати предсталъ случай, который постепенно и безъ принужденія выманилъ ее изъ облачной сѣры въ дѣйствительность, или, лучше сказать, уравновѣсилъ дѣйствительность съ воображеніемъ. Весело было наблюдать за ходомъ этой необычайной памяти, которою природа на-

дѣлала Елисавету, и возгѣ этой великой способности видѣть развитіе не менѣ врожденнаго ей остроумія. Теперь пришла ея очередь рассказывать. Мать, братъ, — одинъ младшій еще не вступалъ тогда въ военную службу, — хозяинъ дома и наставникъ, всѣ, которые прежде забавляли ее сказками, теперь должны были слушать ея рассказы о всѣхъ диковинахъ, о которыхъ она начтлась въ своихъ книгахъ. Обыкновенно рассказъ начинался вопросомъ: — «Знаете ли вы, какъ и гдѣ, такая-то или другая птица съѣтъ свое гдѣздо?» — Чтобы сдѣлать ей большое удовольствіе, надобно было отвѣчать: — «Нѣтъ, не знаю; пожалуйста, расскажите?» — Тогда, придвинувъ свою скамеечку поближе къ слушателю, она начинала рассказывать ему читанное, но съ такою точностью, что, посмотрѣвъ въ книгу, всякъ могъ думать, что она выучила это наизусть, если бы къ рассказу своему она не примѣшивала почти столько же собственныхъ своихъ замѣчаній, сравненій, даже съ такими предметами, которые вовсе не относились къ настоящему, что ясно показывало, что во время чтенія разсудокъ ея былъ въ безпрестанной дѣятельности. Иногда къ этому примѣшивалось и чувство, и въ такомъ случаѣ рассказъ ея становился истинною импровизаціей, не лишенною поэтическаго достоинства.

Для образчика рассказовъ Елисаветы изъ естественной исторіи, сообщимъ ея рассказъ о райской птицѣ, сколько можемъ припомнить ея сущія столько лѣтъ.

«Видали-ли вы когда нибудь райскую птицу?» — «Нѣтъ». — «Вотъ чудесная птица! Куда равняться съ нею пѣтуху нашего хозяина, какъ онъ ни красивъ! Конечно, пѣтухъ больше, въ два, три раза. Какая у нея миленькая крошечная головка! А шейка — сверху желтая, какъ матовое золото; снизу зеленоватая, но тоже золотистая. Спинка ея точно рыжеватый каштанъ, но брюшко темнѣе, какъ настоящій каштанъ. Это еще ничего, а посмотрѣли бы вы на ея перья, длинные предлинныя: она словно фрейлина съ длиннымъ зеленымъ бархатнымъ шлейфомъ. Въ книгѣ сказано, что прежде люди думали, будто эта чудесная птица изъ рая, что она безъ ногъ и все летаетъ по воздуху. Но потомъ сказано, открыли ложь, которую нарочно распустили Индѣйцы. Они ловили этихъ птицъ вѣтвцами, обрѣзывали имъ ноги, и продавали потомъ глупымъ путешественникамъ за какихъ-то диковинныхъ тварей. — Однако, съ позволенія книги, я этому не вѣрю. Возможно-ли, чтобы Индѣйцы были такіе злые люди, чтобы обрѣзывали ноги, не только у такой прекрасной птицы, но и у всякой? И отъ чего бы ей не быть изъ рая? Развѣ тотъ, кто писалъ книгу, видѣлъ, откуда она прилетѣла? И отъ чего-бы ей не летать все по воздуху? У нея такія длинныя перья и она такъ легка, что и безъ этого точно плаваетъ по воздуху. Ужъ какъ неуклюжа утка, а недавно гусь, а вѣдь плаваютъ-же они по водѣ. А когда она устанетъ, райская птица, то можетъ также съѣтъ на облака и прогуливаться на нихъ, какъ въ лодкѣ, или на плоту. Она живетъ воздухомъ! Отъ чего

бы вѣтъ? Она живетъ воздухомъ, какъ рыба водою. И я увѣрена что тотъ, кто писалъ книгу, позабылъ главное: онъ ни слова не говоритъ объ ея голосѣ. Я думаю, что райская птица поетъ, на то у нея видъ слишкомъ умный; да чтобъ райская птица не пѣла, это невозможно. У нея есть также маленкій братецъ въ прекрасной алой курточкѣ. «Ха, ха, ха! вѣрно она ему очень пристала!»

Послѣ этого, заглянувъ въ книгу и увидѣвъ противъ изображенія райской птицы удода, мы спросили. «А это, что за птица?» — Удодъ.... пресмѣшная птица, съ огромнымъ пернатымъ шлемомъ, какъ у жандармовъ. Онъ не дурень собою, но имѣетъ большой порокъ — онъ неопрятенъ. Вьетъ гнѣздо свое изъ грязи и разной нечистоты, за что ему дали два имени, не весьма для него похвальные. — «Ну, какъ же его еще зовутъ?» — Одни зовутъ его грязнымъ пѣтухомъ, другіе даже — вонючимъ.... Нѣтъ, спасибо, такого названія я ни за что на свѣтѣ не хотѣла-бы имѣть!

Тутъ, подобно молніи, блеснула въ умѣ нашемъ мысль: обращаетъ-ли Елисавета вниманіе также и на примѣты разнородныхъ животныхъ? По этому мы спросили: какъ же сотворены ноги у удода? — «Ноги?...» Ну, такъ, чтобы онъ могъ лазить и ходить: спереди у него три, а сзади одинъ палецъ.» — «А клевь его?» — «Клевь?...» Клевь у него тупой и согнутъ дугою; къ тому-же у него тупой треугольный коротенькій языкъ.» — «А клевь райской птицы?» — «Въ книгѣ онъ не описанъ, но, кажется, у нея такой-же, какъ у удода. У всѣхъ птицъ этой породы одинаковый клевь, согнутый дугою, а сверху съ горбикомъ. Самый замѣчательный между ними, это тукачъ, или перцеѣдъ, у котораго клевь длиною въ три вершка, хотя весь онъ не больше голубя. Это тамбуръ-мажоръ, ха, ха, ха!»

Не нужно больше доказательствъ, чтобы имѣть понятіе, какъ велика была любознательность Елисаветы и съ какимъ стараніемъ она собирала всякаго рода познанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ примѣчаемъ, что воображеніе всегда было вѣрнымъ спутникомъ этой любознательности, чтобы извлекать пользу изъ собираемаго и обрабатывать его по-своему, хотя иногда и съ ущербомъ для науки, какъ это случилось съ райскою птицею. Такимъ-то образомъ, Елисавета множествомъ познаній изъ естественной исторіи западала память свою, одинаково твердую для предметовъ разнаго рода, какъ важныхъ, такъ и ничтожныхъ. Вотъ одинъ только случай въ доказательство объема ея памяти, служащей, по времени, дополненіемъ къ описанію ея перваго дѣтства.

Однажды, будучи еще по третьему году, она была съ матерью въ квартирѣ хозяина дома и, по обыкновенію своему, вертѣлась около круглаго, снизу до верху уставленнаго цвѣтами станка, разглядывая и нюхая каждый цвѣтокъ, во не дотрогиваясь ни до одного. Между хозяйномъ и матерью ея завязался разговоръ о какой-то бумагѣ; тутъ, то одно, то другое прерывало ихъ, и наконецъ хозяйниъ удалился въ боковую комнату и спряталъ бумагу.

Три года спустя, хозяйну вдругъ понадобилась эта бумага; онъ искалъ ее по всему дому, и нигдѣ не могъ найти. Еще въ тотъ же день онъ пришелъ къ г-жѣ Кульманъ, и, между прочимъ, сталъ говорить о потерянной бумагѣ. Онъ помнилъ только то, что разъ говорилъ объ ней г-жѣ Кульманъ, но когда и гдѣ, это онъ позабылъ. Елисавета, между тѣмъ, все время играла съ старой куклой, единственной, которую она имѣла во всю свою жизнь. Она также въ полголоса разговаривала съ нею, представляя въ одно время и себя и куклу. Но видно природа не даромъ дала Елисаветѣ два уха: однимъ она внимала сочиняемымъ ею отвѣтамъ куклы, а другимъ слышала все, что говорили, или что вообще происходило около нея. Между прочимъ, хозяинъ сказалъ:—«Я обыскалъ весь домъ, и не могу найти этой бумаги; а она мнѣ крайне нужна теперь». Тутъ Елисавета, положивъ въ сторону свою куклу, подошла къ хозяйну и сказала:—«Иванъ Егоровичъ! не о той ли бумагѣ вы говорите, которую вы разъ, уже очень давно, показывали маменькѣ, когда мы были у васъ въ гостиной? Вы въ тотъ день подарили мнѣ георгиню, а я сказала вамъ, что вы потеряете пуговницу отъ вашего сюртука, которая висѣла на одной ничточкѣ. Я также спросила у васъ, какъ зовутъ одно растеніе, котораго я прежде у васъ не видала; вы мнѣ отвѣчали, что это порода кактуса, отъ чего я громко засмѣялась: я думала вы шутите, и долго не понимала, какъ можно было назвать такимъ нехорошимъ именемъ такое прекрасное растеніе, или скорѣе цвѣтокъ. Скоро потомъ пришелъ плотникъ, которому вы хотѣли что то заказать, но онъ долго не понималъ васъ. За этимъ слѣдовали еще другія подробности. Если вы эту бумагу ищете, такъ я знаю, гдѣ она. Вы отнесли ее къ себѣ въ кабинетъ и спрятали въ ящикъ того шкапика, что стоитъ на лѣво отъ дверей, въ углу». Хозяинъ немедленно пошелъ домой, сталъ искать, и нашелъ бумагу. Онъ скоро воротился, неся въ рукахъ горшокъ съ цвѣтами, и, не входя еще въ комнату, закричалъ: «Лизанька, милое мое дитя!» потомъ, когда она отворила ему дверь, продолжалъ: «Ты правду сказала; я нашелъ бумагу; въ награду несу тебѣ одинъ изъ моихъ трехъ кактусовъ, на которомъ будутъ такіе-же прекрасные цвѣты, какъ на двухъ другихъ. Ты моя безцѣнная, ты моя память!»

Чтобы послѣ опять не возвращаться къ ея памяти, и чтобы дать читателю по мѣрѣ возможности полное понятіе объ этомъ отличительномъ ея природномъ дарованіи, мы расскажемъ еще два позавѣйшія событія.

Ей было девять лѣтъ, когда наставникъ, по какому-то случаю, спросилъ ее: «Вы знаете, сколько орденовъ колоннъ?» — «Знаю, отвѣчала она съ значительною улыбкою: семь». — «Какъ семь?» — «Пять». — «Пять или семь, какъ вамъ угодно, возразила она съ тѣмъ-же видомъ». — «тосканскій, дорическій, іоническій, коринтскій и римскій»; сказалъ наставникъ. — «А пестумскій и египетскій, прибави-

ла Елисавета, улыбаясь». — «Кто это вамъ сказалъ?» — «Вы сами, хотя не мнѣ собственно, а при мнѣ». — «Не можетъ быть!» — «Увѣрю васъ». — «Когда же?» — «О! тому уже болѣе двухъ лѣтъ». — «Не знаю, какими судьбами вздумалъ-бы я утверждать, что семь орденовъ колоннъ». — «Вы и не утверждали, но сказали такъ: «Теперь по справедливости можно бы было сказать, что существуетъ семь орденовъ колоннъ». — «Кажется, у меня также память хороша, но напрасно хочу припомнить причину или поводъ, которые могли-бы заставить меня сказать это». — «Если позволите, я расскажу вамъ все какъ было». — «Извольте». — «Это было въ пятницу; вашихъ учениковъ повезли въ театръ и предоставили вамъ на волю ѣхать съ ними, или другимъ образомъ распорядиться вашимъ вечеромъ. Вы пришли къ намъ и застали у насъ хозяина дома и Андрея Ильича (Суворова), которые разговаривали между собой о построеніи крѣпостей, и особенно о весьма дешовомъ способѣ устраивать насыпи. Вы долго и со вниманіемъ ихъ слушали, наконецъ Андрей Ильичъ сказалъ: «Но мы вамъ наскучили нашимъ разговоромъ.» «Ни мало, я слѣшаю съ удовольствіемъ, хотя и не знатокъ въ этой отрасли архитектуры». — «А я знатокъ», прервалъ васъ хозяинъ, и захохоталъ. Тутъ разговоръ кончился, мы стали пить чай, исключая хозяина, отъ того что онъ позже нашего пьетъ чай; потомъ вы стали рассказывать. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ домѣ, въ которомъ вы находитесь, вы имѣли случай видѣть великолѣпно изданное французское сочиненіе объ Египтѣ, заключавшее въ себѣ всѣ памятники и естественныя достопримѣчательности этой страны. Отсюда вы перешли къ архитектурѣ, при чемъ хозяинъ сказалъ: — «Ну, въ этомъ мы всѣ знатоки, по крайней мѣрѣ явные любители». Упомянувъ мимоходомъ о почетномъ титулѣ, данномъ вамъ однимъ изъ знатныхъ гостей. когда васъ попросили перевести греческія надписи, встрѣченныя въ этомъ великолѣпномъ твореніи, — и сдѣлавъ намъ описаніе развалинъ стовратныхъ Оливъ, состоявшихъ изъ четырехъ городовъ, которыхъ имена я еще помню.... «Тутъ прервалъ ее вставивъ: «Какъ называются эти четыре города?» — «Луксоръ и Карнакъ на правомъ берегу Нила, МедINETъ-Абу и Гурна на лѣвомъ». Сдѣлавъ намъ это описаніе, вы стали рассказывать о какомъ-то храмѣ, который вы однако не называли, у него-то колонны имѣютъ капители изъ превосходно отдѣланныхъ лотусовыхъ листьевъ, такъ точно какъ у коринтскихъ колоннъ капители сдѣланы изъ акантовыхъ листьевъ. Послѣ того вы замѣтили: «Капители эти имѣютъ такой красивый видъ, что хочется, сверхъ обыкновенныхъ пяти орденовъ колоннъ и предложеннаго уже пестумскаго, принять еще седьмой египетскій». Вотъ, на чемъ основывается мой отвѣтъ, и, признаюсь вамъ, я никогда не думаю о пяти обыкновенныхъ орденахъ колоннъ безъ того, чтобы не вспомнить о капителяхъ изъ лотусовыхъ листьевъ, которые, по мнѣ, не уступаютъ акантовымъ. Что же касается до пестумскихъ колоннъ, о

которыхъ вы уже прежде говорили, то я потому ихъ помню, что онѣ вдоль прорѣзаны выемками и не имѣютъ подножій.»

Разговаривая однажды съ своимъ наставникомъ о возможности отставать отъ пороковъ и усвоить себѣ добрыя качества, она спросила, какой легчайшій способъ, чтобы въ этомъ отношеніи сдѣлать быстрые и большіе успѣхи. Наставникъ, который обыкновенно всегда выжидалъ, чтобы питомцы его сами отъ себя захотѣли усовершенствовать себя, или пожелали достигнуть какой-нибудь нравственной или ученой цѣли (къ чему онъ самъ непріятно подавалъ поводъ), и тогда уже не упускалъ воспользоваться самымъ дѣйствительнымъ образомъ благоприятною минутою, такъ точно поступилъ и теперь.—«Я не знаю, отвѣчалъ онъ, способа лучше Франклинова». Послѣ чего онъ вкратцѣ разсказалъ жизнь послѣдняго, чтобы въ глазахъ ея придать болѣе важности и вѣсу его методѣ.—«Къ тому-жъ способъ этотъ самый простой. Надобно сдѣлать таблицу, и означить въ ней одинъ подъ другимъ всѣ пороки, отъ которыхъ хочешь отстать. Вверху же таблицы показать числа мѣсяца».

	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.
Ложь.	+	+	+		+							+			
Льбость.	+	+	+		+		+	+						+	
Беспорядокъ.	-	+			+					+				+	
Гнѣвъ.	+	+		+	+		+		+				+		+
Непослушаніе.	+	+			+	+	+		+				+	+	
Невоздержность.	+		+	+	+		+	+		+					

Эту таблицу должно взять каждый вечеръ передъ сномъ, мысленно пройти всѣ событія дня; потомъ, въ какомъ порокѣ мы провинились, обозначить его подъ числомъ дня крестикомъ или звѣздочкою, нисколько себя не щадя. Въ какой же порокѣ не впадали, то мѣсто остается бѣло. Тогда мысленно раздѣляешь дни на печальные, утѣшительные, счастливые и блаженные. Печальные, когда всѣ, или почти всѣ, мѣста отмѣчены знаками; утѣшительные, когда три или четыре мѣста остались бѣлы; счастливые, когда всего только одинъ, или много что два знака стоятъ; блаженные, когда нѣтъ ни одного. По прошествіи недѣли надобно замѣтить, въ какой порокѣ мы чаще всего впадали, и потомъ остерегаться его пуще всѣхъ. Изъ обозрѣнія этой таблицы выходитъ радость, или печаль; первая, когда мы замѣчаемъ успѣхи въ исправленіи; вторая, когда все повторяется тѣ же пороки. Однако послѣднее не должно устрашать насъ, ни мѣшать новымъ большимъ попыткамъ къ исправленію. Франклинъ ручается, что мы добьемся желаемого, если только крѣпко захотимъ. — Отъ васъ же, продолжалъ наставникъ, можно ожидать болѣе, нежели обыкновенно требуютъ отъ дѣтей. Совѣтую вамъ, къ этому вечернему испытанію совѣсти присовокупить еще другое, пріятное и также очень полезное упражненіе. Скажу даже, что какъ

то на сердце, такъ это на разумъ вашъ благодѣтельно подѣйствуетъ. Окончивъ всѣ ваши занятія, испытайте свою совѣсть, начните перебирать мысленно все, что приходило вамъ на умъ, съ минуты пробужденія вашего по этотъ часъ упражненія. Сначала это покажется трудно, по причинѣ множества предметовъ; но продолжайте только, не уставая, и что день, то легче вамъ будетъ. Когда вы привыкнете каждый вечеръ дѣлать такимъ образомъ переключку вашимъ мыслямъ, тогда попытайтесь изслѣдовать, какъ одна мысль возникла отъ другой, или какъ одна мысль повела къ другимъ мыслямъ, которыя часто не имѣютъ съ нею ни малѣйшей связи. Я васъ увѣряю, не пройдетъ и двухъ недѣль какъ занятіе это обратится для васъ въ забаву, изъ которой извлечете необыкновенную пользу. Вы желаете со временемъ писать стихи (тутъ она улыбулась), а поэты болѣе всѣхъ другихъ художниковъ должны волюнѣ владѣть своимъ воображеніемъ, управлять имъ, вмѣсто того, чтобы имъ быть управляемымъ, или, скорѣе, сбиваемымъ съ пути. Смѣйте только! Ручаюсь вамъ за успѣхъ, такъ точно какъ Франклинъ отвѣчаетъ за успѣхъ своего нравственнаго способа.

Около мѣсяца прошло въ прилежномъ и двоякомъ упражненіи, когда между ею и наставникомъ опять завязался долгій разговоръ о второмъ упражненіи, разума и воображенія. «Упражненіе, которому вы меня научили, сказала Елисавета, чрезвычайно пріохочиваетъ къ себѣ, хотя, какъ вы впередъ сказали, оно точно не легко. Пріятно въ немъ то, что иногда менѣе, чѣмъ въ пять минутъ, можно объѣздить весь свѣтъ. А что всего чуднѣе, мысль, не имѣющая съ послѣдующею никакой связи, вдругъ, не увидишь какъ, точно волшебною силою переброситъ васъ къ ней. Напримеръ, я думала о холмѣ, потомъ о горѣ, что весьма просто, потому что оба предмета однородные; потомъ перешла къ Альпамъ, Пиренеямъ, къ Атласу, Андамъ; все это еще естественно; но вдругъ приходитъ мнѣ на умъ, постой! какъ одѣваются жрицы солнца въ Кивто? Какъ убраны у нихъ волосы? Ну, скажите сами, что общаго между волосами жрицъ солнца и холмомъ, о которомъ я сначала думала? Но едва я нѣсколько секундъ задумалась о нарядѣ этихъ жрицъ, какъ уже очутилась во дворцѣ Аладина, въ его золотыхъ и серебряныхъ чертогахъ. Какъ тутъ опять согласить дворецъ Аладина съ волосами жрицъ солнца? Вотъ увеселительная сторона упражненія. Трудность же заключается въ томъ, что рѣдко удается уловить ту мысль, которая причинила переходъ отъ одного явленія къ другому, потому что съ каждымъ новымъ явленіемъ воображенію моему представляется не полдюжины предметовъ, нѣтъ, съ полсотни, со сто, и болѣе того въ одно и то же время, и притомъ такъ ясно и живо, что я часто не знаю на чемъ именно остановиться. Признаюсь вамъ откровенно, хотя это не моя вина, и происходитъ не отъ лѣности или вѣтрости, что нерѣдко нить связи выпадаетъ у

меня изъ рукъ, и я по неволѣ принуждена оставить это, какъ есть. Я замѣтила еще то неудобство, что рѣдко успѣваешь окончить дѣло. Иногда я только до полудни дохожу съ своими воспоминаніями, какъ маленька придетъ сказать, что пора мнѣ Богу молиться и идти спать. Но когда я успѣваю пройти въ умѣ весь день, то я примѣтила странную вещь: мнѣ кажется, будто мои послѣднія мысли, то есть тѣ, которыя возникли у меня за какойнибудь часъ до того, не принадлежатъ къ тому же дню, что мои первыя утреннія мысли. Мнѣ кажется, будто эти послѣднія относятся къ другому, прошлому дню, такое большое представляется мнѣ разстояніе между тѣми и другими. Утреннія мысли кажутся мнѣ какими-то давнымъ-давно знакомыми, понятными и самыми обыкновенными, тогда какъ младшія ихъ сестры, мысли вечернія, точно окружены лучезарнымъ сіяніемъ. Это однако забавно! Впрочемъ, будьте увѣрены, что я, не смотря на всѣ трудности, буду продолжать свои упражненія, и весьма можетъ быть, что я наконецъ слажу съ ними также, какъ сладила со многими другими вещами. Римъ не въ одинъ день построенъ, по любимой поговоркѣ Ивана Егоровича, когда онъ бываетъ заваленъ работою въ саду и не можетъ съ нею справиться».

Изъ этого отчета ученицы наставникъ ясно видѣлъ всѣ особенности ея воображенія и памяти. Онъ назвалъ ея воображеніе панорамическою камеръ-обскурю, которая съ одинаковою точностію принимала въ себя всѣ части представлявагоса ей зрѣлища, врѣзывала ихъ у себя, какъ на мѣди, и потомъ передавала ихъ памяти на вѣчное сохраненіе. Тысячу разъ онъ испыталъ, и приведенные случаи это доказываютъ, что Елисавета живо вспоминала не однѣ только главныя черты прошедшаго событія, но также и самыя маловажныя постороннія обстоятельства, которыя не имѣли другой связи и сродства съ самымъ событіемъ, кромѣ бывшей одновременности съ нимъ.

Елисаветѣ исполнилось теперь шесть лѣтъ. Изъ *Живописнаго Мира* своего, единственнаго сочиненія, бывшаго у ней до-сихъ-поръ въ рукахъ, она почерпнула уже столько свѣдѣній, сколько въ силахъ собрать дѣтя ея возраста, разумѣется, одаренное необыкновенными природными способностями; кромѣ того она читала и говорила по-русски и по-нѣмецки бѣгло и правильно.

Этимъ послѣднимъ преимуществомъ она была обязана своей матери. Госпожа Кульманъ знала нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ, и мы никогда не слышали грамматической ошибки въ ея выраженіяхъ. Люди знающіе увѣряютъ, что она точно также знала по-русски, а намъ самимъ, какъ свидѣтелю, памятно еще, что даже такіе люди, которые другимъ преподавали русскій языкъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, хотя не прежде, какъ послѣ упорнаго сопротивленія, и навѣрное не изъ вѣжливости или изъ угожденія, часто приставали къ ея мнѣнію. Госпожа Кульманъ сама обучала всѣхъ своихъ дѣтей, куда они находились подъ ея надзоромъ,

и исполняла эту обязанность съ рѣдкою добросовѣстностью. Въ обученіи языковъ первую ея заботою было, чтобы дѣти выговаривали каждое слово какъ можно внятнѣе и чище; всякій разъ поправляла ихъ ошибку, приучала ихъ къ употребленію всегда только опредѣленныхъ словъ, для выраженія своихъ понятій и мыслей, и при всякомъ случаѣ показывала имъ различіе между сходными выраженіями. Посредствомъ этихъ четырехъ правилъ, она успѣла выучить всѣхъ своихъ дѣтей, смотря по ихъ способностямъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ, тому роду выраженія своихъ мыслей, въ которомъ сама она могла служить имъ примѣромъ. Подъ такимъ-то руководствомъ и Елисавета выучилась по-русски и по-нѣмецки. Кромѣ того, она обладала самымъ пріятнымъ голосомъ, какой только мы слышали, среднимъ между густымъ и тонкимъ, благозвучнымъ и въ высшей степени гибкимъ.

Воспитатель долженъ пособлять природѣ, а не господствовать надъ нею. Онъ не можетъ дать питомцу своему дарованіе, въ которомъ отказала ему природа; но съ другой стороны, ложнымъ направленіемъ очень можно сдѣлать негоднымъ природное дарованіе. Наставникъ Елисаветы вскорѣ повалѣ, что онъ принужденъ будетъ идти съ нею уже не тою дорогою, которую онъ до сихъ-поръ проходилъ со всѣми учениками. Тутъ представлялась ему природа, которая во всякомъ случаѣ, и безъ чужаго руководства, развилась бы, даже, подобно мощному подземному источнику, и тогда пробилась бы наружу, когда бы ей явно заградилъ всѣ выходы. И такъ онъ увидѣлъ, что вся его обязанность состоитъ въ томъ только, чтобы устранять на пути всѣ препоны, и всѣ нужныя для упражненія и образованія этой природы вещи сдѣлать ей доступными: услуга, очень униженная, какъ всякій видитъ, и на которую онъ долженъ былъ рѣшиться, если не хотѣлъ сдѣлать болѣе вреда, чѣмъ добра. За то первая заслуга его передъ Елисаветою въ томъ и состоитъ, что онъ, будучи молодъ и не чуждъ академической снѣси, не гнушался этимъ низкимъ ремесломъ работника.

Сперва онъ положилъ себѣ начать собственно ученіе, когда Елисаветѣ исполнится семь лѣтъ; но увидѣвъ послѣ, что ему надобно взятъ за это раньше. Отъ того онъ началъ съ седьмага года то, что прежде хотѣлъ предпринять въ началѣ осьмага.

Почеркъ руки наставника былъ очень хорошъ, и Елисавета не разъ видала тетради его письма. Однажды, когда по видимому болѣе обыкновеннаго поправилась ей одна такая тетрадь, ей вздумалось спросить: «Вѣрно, писать не легко?» — «О, нѣтъ! отвѣчалъ наставникъ, не хотите ли учиться писать?» — «Хочу!» сказала Елисавета, улыбаясь. — Хорошо! Первый разъ, что я буду къ вамъ, я принесу съ собою все что нужно для письма. Онъ сдержалъ слово; принесъ стекляночку чернилъ, бумаги, наливанной особымъ образомъ, писанные имъ самимъ отрывки будущей азбуки, и нѣсколько очиненныхъ перьевъ. — «Однако эти буквы не похожи на

тѣ, которыя я видѣла», сказала Елисавета, посмотрѣвъ на прописи.— «Да, писать то же, что домъ строить; покуда, я принесъ вамъ кирпичей, досокъ и бревенъ». — Елисавета засмѣялась.— «Это головы, ноги и туловища будущихъ буквъ». — Она опять засмѣялась. Дѣло въ томъ, что эти прописи содержали въ себѣ основныя начала буквъ, подчиненныя линиямъ, соразмѣрнымъ ихъ объему, вышнимъ, или длиннѣ, или обѣимъ вмѣстѣ. Первые опыты ученицы натурально были довольно забавны, такъ что каждая новая черточка возбуждала смѣхъ ученицы и наставника. Во второй разъ замѣчена перемѣна. Вѣроятно, въ промежуткѣ трехъ сутокъ пробудилось честолюбіе Елисаветы, и вмѣшалось въ дѣло. Рука ея стала тверже; она списала почти четвертую долю буквенныхъ прописей, что не мало ее радовало. Менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли она окончила эти первоначальныя опыты; послѣ чего надобно было приступить къ постройкѣ дома. Мы нарочно приводимъ здѣсь эти иногда странныя сравненія наставника, потому что это принадлежитъ къ его методѣ обученія, всегда содержать учениковъ своихъ въ веселомъ духѣ, и, если предметъ сухой, или трудноватый, заставлятъ ихъ во время урока не только улыбаться, но нѣрѣдко и хохотать. Чѣмъ труднѣе, чѣмъ скучнѣе бываетъ урокъ, тѣмъ наставникъ старается быть веселѣе, тѣмъ большую веселость старается пробудить и въ ученикахъ своихъ. Съ Елисаветою это обращеніе имѣло еще другую выгоду. Сравненія наставника подстрекали ученицу дѣлать то же. Такъ, напримѣръ, всѣмъ видоизмѣненіямъ нѣмецкой буквы *i* (Елисавета начала съ нѣмецкой азбуки) она давала особенныя названія: одно і называлось у нея епископскою тростью, другое *ë* змѣею, третье *ÿ* клювомъ попугая, и ни одно изъ этихъ именъ не произносила она безъ смѣху. Такъ тоже въ послѣдствіи она сравнила большія буквы *ſ* и *Ж* съ лебедями, изъ которыхъ у послѣдняго шея и клювъ закинуты назадъ. Наконецъ, почти каждая буква получила особое прозвище, такъ что обѣ азбуки, большая и малая, сдѣлались сущимъ римскомъ остроуміемъ. Не останавливаясь долго на предметѣ обученія ея письму, мы присовокупимъ, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ она писала весьма четко, спустя годъ очень мило, на девятомъ году такъ хорошо, какъ самъ наставникъ, а въ послѣдствіи она даже превзошла его.

Между тѣмъ, когда Елисавета пріобрѣла уже нѣкоторый навыкъ въ письмѣ, наставникъ однажды сказалъ: «Знаете ли вы, для чего выдуманно письмо?» а какъ на этотъ вопросъ, разумѣется, Елисавета не могла отвѣчать, то наставникъ продолжалъ: «Не правда ли, что слова слетаютъ прочь, какъ бабочки? Сказавъ слово, его уже не воротишь. Не смотря на то, иногда слова такого рода, что очень хотѣлось бы удержать ихъ. Напримѣръ, вы слышите слова какой нибудь пѣсни; не вслѣдствіи въ состояніи запомнить ихъ такъ скоро и легко, какъ вы; иной на другой день, какъ ни сматся, а не можетъ ничего припомнить. Стало быть, какъ

долженъ быть пріятель способъ, которымъ можно уловить и удержать этихъ летучихъ бабочекъ, такъ, чтобы онѣ уже не могли уйти отъ насъ? Это одна выгода. Но письмо доставляетъ намъ еще другую, гораздо большую выгоду. Я напримѣръ уже такъ давно нахожусь въ разлукѣ съ матерью, братьями и сестрами, съ друзьями и знакомыми, которыхъ люблю и которые меня любятъ, сколько избѣгнулъ я печали, сколько ощутилъ радостей отъ письма! Я напишу письмо, запечатаю его, повесу на почту, и въ двѣнадцать дней всѣ близкіе сердцу моему имѣютъ извѣстіе обо мнѣ; а я, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, имѣю извѣстіе отъ нихъ. Я вижу изъ глазъ вашихъ, что вы хотите спросить меня, какъ сдѣлать, чтобы достигнуть обѣихъ цѣлей? Ничего нѣтъ легче, имѣйте только терпѣніе. Кто желаетъ достигнуть двухъ цѣлей, долженъ посмотреть, которая изъ нихъ ведетъ къ другой. По открытіи же надобно всѣми силами стараться достигнуть этой первой цѣли; и обыкновенно случается такъ, что при достиженіи первой, мы уже прошли половину дороги ко второй. Гнаться же за обѣими вдругъ, значило бы подражать собакѣ, которая въ одно время хочетъ поймать двухъ зайцевъ. Что выйдетъ? Они, поспѣшно отвѣчала Елисавета, низко ей поклонятся и скажутъ: «Счастливо оставаться, сударыня, не скоро мы съ вами увидимся. И ни одинъ ей не попадется». И такъ, вы видите, я говорилъ правду. Стало быть, прежде всего постараемся поймать бабочекъ, взять ихъ въ руки; тогда писаніе писемъ придетъ само собою. Въ чужихъ краяхъ, добрымъ и благоправнымъ дѣтямъ даютъ сѣтки для ловли бабочекъ, чтобы они, поймавъ могли ихъ разсматривать вблизи, не трогая руками, и не повредили бы прекрасныхъ цвѣтныхъ крылышекъ. Пойманная въ сѣтку бабочка сидитъ тамъ, какъ бы въ просторной клеткѣ сидѣла птичка; дитя разглядываетъ ее со всѣхъ сторонъ, послѣ чего выпускаетъ ее вонъ, и бѣжитъ опять за другою. Я тоже хочу научить васъ ловлѣ бабочекъ, или, что все равно, ловлѣ словъ. До-сихъ-поръ вы читали для того, чтобы знать, что писано въ вашей книгѣ. Теперь какъ вамъ извѣстно почти все, что въ ней содержится, надобно, чтобы вы прочли эту самую книгу, или другую, если эта вамъ надобна, — тутъ Елисавета прервала наставника восклицаніемъ: «О нѣтъ, — совсѣмъ другимъ образомъ. — «Какъ же?» — «Нѣтъ ничего легче этого новаго образа чтенія, только онъ требуетъ вниманія! Останавливайтесь на каждомъ словѣ и примѣчайте, изъ какихъ буквъ оно составлено. Сначала довольно съ васъ будетъ одной строчки, или менѣе того, потому что, какъ вамъ уже извѣстно по опыту, всякое начало трудно. Затвердивъ хорошенько въ памяти всѣ слова одной строки, также какъ и буквы, изъ которыхъ всякое слово составлено, закройте вашу книгу, возьмите перо и напишите на бумагѣ по порядку каждое слово тѣми же самыми буквами. Когда вы написали, раскройте снова книгу, и сравните написанное вами съ печатнымъ. Если окажется, что всѣ слова одинаковы съ одинаковы-

ми буквами, тогда бабочки пойманы, онъ у васъ въ сѣткѣ, то есть въ вашей памяти, съ тою только не малою разницею, что онъ остаются тамъ навсегда, и вы имѣете ихъ подъ рукою, когда онъ вамъ понадобится. Не придется, можетъ быть, и недѣль, какъ вы будете въ состояніи написать ужъ не одну, а цѣлыхъ двѣ или три строчки вдругъ; если же старіеіе ваше продолжится, и, какъ я заранѣе въ томъ увѣренъ, съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться, тогда вы въ полгода выучитесь писать маленькія письма. Видите ли, что, достигнувъ одной цѣли, вы уже въ половину достигнете второй. Скорѣе же за работу!!!»

Читатель, пожалуй, получатъ не весьма выгодное мнѣніе о наставникѣ Елисаветы, и скажутъ про себя: «Возможно-ли требовать, чтобы бѣдная шестилѣтняя малютка самоучкой выучилась правописанію, этой самой скучной и самой сухой части въ изученіи языковъ?— Мы сами согласились бы съ нимъ, если бы это требованіе было произвольное со стороны наставника, а не слѣдствіе его произвольнаго положенія. Онъ первый видѣлъ, что требуетъ отъ своей ученицы чрезвычайнаго, но онъ вмѣстѣ съ нею находился подъ гнетомъ неотразимой необходимости. Будучи домашнимъ наставникомъ, онъ могъ располагать только воскресными, да нѣкоторыми праздничными днями. Когда же вспоминаемъ, что въ то время онъ самъ еще былъ молодъ и любилъ общество, то можно простить его при мысли, что онъ не тратилъ своихъ досужные часы на собственные удовольствія и развлеченія, но охотно жертвовалъ ихъ на воспитаніе своей ученицы. Къ тому же Елисавета имѣла мать, которая въ затруднительныхъ случаяхъ могла подавать ей совѣты. Надобно замѣтить, что эти самыя усилія, явно несообразныя съ ея возрастомъ, положили основаніе неутомимой ея дѣятельности въ послѣдствіи. Есть правы, для которыхъ никакая трудность, никакое препятствіе не велики, и, вѣроятно, Елисавета тоже была такого нрава. Какъ скоро наставникъ скажетъ ей: «Это не трудно! это легко! очень легко!»,—и надобно признаться, что онъ не скупился на подобныя выраженія.— то какъ-бы ни былъ труденъ предметъ, казался ей легкимъ. Довѣренность ея къ наставнику, возрастая съ каждымъ новымъ опытомъ, стала безпредѣльна. А онъ на это всегда и разсчитывалъ. Когда, бывало, кто нибудь сдѣлаетъ ему возраженіе, подобное тому, какое мы сейчасъ сдѣлали, онъ всегда имѣлъ готовый отвѣтъ: — «Да, вы совершенно правы, и замѣчаніе ваше въ тысячѣ случаевъ, относительно другихъ, было бы у мѣста, только не здѣсь, не въ отношеніи этой дѣвочки, которую природа создала особеннымъ образомъ. Я знаю мѣру ея способностей, силъ, дарованій, и оттого не стану требовать отъ нея невозможнаго; не удастся моя попытка, тогда я соглашусь съ вашимъ мнѣніемъ и совѣтомъ; но я увѣренъ, что успѣхъ будетъ. Казалось, двѣ природы сошлись тутъ вмѣстѣ: одна умѣвшая руководствовать, другая слѣдовать руководству. Вскорѣ

Елисавета точно также, казалось, предчувствовала, что одинъ ея наставникъ умѣетъ руководствовать ею, какъ онъ былъ увѣренъ, что ему одному извѣстны свойства его ученицы; по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, во всемъ, что касалось особенно до наукъ, только его совѣту она слѣдовала. Елисавета не отвергала ничего благонамѣреннаго совѣта, но представляла его всегда на судъ своему судѣ, и если онъ одобрялъ совѣтъ, то она слѣдовала ему.

Возвратимся къ правописанію. Наставникъ не ошибся: спустя полгода Елисавета писала по диктовкѣ безошибочно.

То была память, что и побудило наставника сдѣлать отвѣтъ, который могъ быть примѣнемъ и ко всѣмъ занятіямъ, основаннымъ на памяти! «Какая отличная память!» сказалъ кто-то изъ присутствующихъ. «Да, отвѣчалъ наставникъ, память *стереотипная*. — А въ эту минуту, когда мы это пишемъ, можно было-бы по причинѣ живописующихъ свойствъ этой памяти, такъ же справедливо назвать ее *дагерротипною*. Но останемся при правописаніи». — «Наловили мы бабочекъ», сказалъ однажды наставникъ Елисаветѣ; хотѣли сдѣлать онѣ въ просторной клѣткѣ вашей памяти; теперь надобно привести ихъ въ порядокъ!»

Елисавета еще больше открыла свои большіе глаза и молчала, въ ожиданіи того, что послѣдуетъ. «Мы начнемъ учиться грамматикѣ!» продолжалъ наставникъ. — «Что это такое?» спросила Елисавета. — «Грамматика—наука распределять рѣчи на полки, и каждому полку указать свое мѣсто». — «А, такъ мы будемъ играть въ солдаты?» сказала Елисавета, смѣясь. — «Точно такъ, но за невѣдѣніемъ оловянныхъ, какъ это бываетъ у дѣтей богатыхъ, мы станемъ играть въ бумажные, въ печатные». — «Елисавета засмѣялась». — «Скажите, грамматика трудна?» — «О, очень легка!» Немножко прилежанія, немножко вниманія, да упражненія, и довольно, чтобы сдѣлаться грамматикомъ, такъ точно какъ вотъ это тѣсто,— на-ту пору, на другомъ столѣ лежало приготовленное на пироженіи сырое тѣсто, — простоявъ часа два въ жару въ печкѣ, превратится въ ватрушки. — Тутъ снова раздался смѣхъ наставника и ученицы.

Наставникъ полагалъ, что нельзя никогда облегчить дѣтамъ изученія какой-бы то ни было грамматки, и, въ преподаваніи своемъ, всегда сообразовался съ этимъ правиломъ. Должно отдать ему справедливость, что никакой наставникъ не давалъ въ руки ученикамъ своимъ болѣе сокращенной грамматки, чѣмъ онъ. Писанныя имъ грамматки не требуютъ большого расхода бумаги; самая пространная умѣщалась всегда менѣе, чѣмъ на одномъ листѣ. Онѣ состояли исключительно изъ однихъ образцовъ для имени существительныхъ и прилагательныхъ, для мѣстоименій и глаголовъ, съ исключеніемъ всякихъ уклоненій. Онъ говаривалъ, что всѣмъ уклоненіямъ можно выучиться изъ чтенія, и отъ того при всякомъ случаѣ обращалъ вниманіе учениковъ на встрѣтившеся уклоненіе.

И такъ онъ далъ своей ученицѣ эту листовую грамматикку; растолковалъ ее, заставляя какъ написанное, такъ и сказанное крѣпко затвердить въ памяти, и дѣло пошло какъ нельзя лучше. Между тѣмъ, зная, что грамматика всегда будетъ сухою, или по крайней мѣрѣ не привлекательною наукою, онъ вздумалъ соединить ее съ другими, приятными, но, правду сказать, нынче слишкомъ пренебрегаемымъ искусствомъ: онъ далъ Елисаветѣ первую часть лирическихъ стихотвореній Маттисоной Антологіи, присовокупивъ шуточно: — «Вотъ вамъ и пространная грамматика». Первое, что понравилось Елисаветѣ въ этой мнимой грамматикѣ, была картинка на заглавномъ листѣ; потомъ, пробѣжавъ первый строки, она спросила: «Ахъ! такъ стало быть пространная грамматика есть собраніе пѣсень?» — Именно, отвѣчалъ онъ, улыбаясь; и мало по малу вы можете даже выучить наизусть эти пѣсни, по мѣрѣ того какъ будете успѣвать въ сокращенной грамматикѣ.

Не будучи грамматиккою, книга эта по крайней мѣрѣ замѣнила собраніе примѣровъ, и тѣмъ болѣе соответствовала этой цѣли, что замѣшанные оттуда примѣры отличались своею краткостью. «Для дѣтей, говаривалъ онъ, надобно всегда имѣть въ запасѣ немножко сластей. Нельзя же требовать отъ бѣдныхъ малютокъ, чтобы она безъ сопротивленія глотали горечь науки, — потому что въ каждой наукѣ бываетъ ея по немногу. Отъ того, чѣмъ горче наука, тѣмъ больше надобно ее подслащать. И чѣмъ старѣе становился наставникъ, тѣмъ больше бывало у него въ карманѣ лакомствъ. По величинѣ даннаго гостинца можно было заключить о степени прилежанія ученика, какъ во время урока, такъ и въ заготовленіи имъ заданнаго; но съ досадою и ворча покидалъ наставникъ учебный столъ, когда лѣность или неблагопріятіе ученика принуждали его уносить съ собою принесенный запасъ наслажденія, потому что и тутъ онъ не отступалъ ни на волосъ отъ строгой справедливости.

Такъ, между дѣломъ и забавой, Елисаветѣ минуло семь лѣтъ. Предсказаніе наставника сбылось: она умѣла написать письмецо. Сообщаемъ для любопытныхъ два такіе документа.

«У Ивана Егоровича три котенка. Я всегда его любила, но сегодня я сказала, что онъ скверный человекъ. Онъ велѣлъ служанкѣ бросить въ воду двухъ котятъ. Я этого не слыхала, а мнѣ служанка сказала. Она не солжетъ. Никогда я такъ не плакала. Служанка хотѣла уже идти. Я вѣщицалась въ ея платье и не пускала ея. Тогда она сказала: миленькая Елисавета Борисовна, вѣдь Иванъ Егоровичъ изъ дому меня выгонитъ, если я этого не сдѣлаю. Нѣтъ, сказала я ей, отдай мнѣ котятъ, и скажи ему, этому скверному человеку, что ты потопила ихъ. Но служанка отвѣчала: а если онъ послѣ увидитъ котятъ у васъ, тогда онъ все таки прогонитъ меня. Нѣтъ, сказала я. Тогда скажи ему въ глаза, что я вырвала котятъ у тебя изъ рукъ, что я побѣжала съ ними домой и, убѣгая, сказала, что онъ скверный человекъ. Онъ

постылятся и не скажетъ тебѣ ни слова. Ну, не права-ли я? Приходите къ намъ, если можете».

«У васъ нѣтъ ни гроша. Маменька выходила со двора, чтобы у кого вѣбудъ попросить, но никого не застала. Я сказала маменькѣ: напишите Карлу Викторовичу, онъ дастъ, если у него есть. Онъ добрый человекъ. А маменька сказала: нѣтъ, у меня духу нѣтъ. Тогда я сказала, если у васъ нѣтъ духу, маменька, то у меня есть духъ. Сколько разъ онъ говорилъ мнѣ: когда у васъ чего не будетъ, напишите ко мнѣ и пришлите Ивана. Я боюсь только ночи. Какъ не будетъ денегъ, такъ нельзя будетъ и масла купить для ночника».

Читатели видятъ, что не только разумъ, память и расудокъ Елисаветы развились, но также сердце и нравъ ея, и находились въ равновѣсїи съ умственными способностями. Долго не могла она простить хозяину дома за то, что онъ хотѣлъ потопить котятъ. Онъ не могъ растолковать себѣ ея обращеніе; эта обыкновенно такъ разговорчивая съ нимъ дѣвочка стала молчалива, а предупредительность ея совсѣмъ исчезла. Наконецъ г-жа Кульманъ рѣшила ему загадку, потому что служанка умолчала обо всемъ. Тогда онъ еще пуще полюбилъ Елисавету, а чтобы опять войти у нея въ милость, онъ выдумалъ и увѣрялъ ее, будто служанкѣ приказывалъ только показать ей котятъ и сказать, что ей велѣно утопить ихъ, желая знать что Елисавета на это скажетъ.—«Это вы напередъ могли отгадать; скорѣе я половнику своего кушанья отдавала бы котятамъ, чѣмъ допустила-бы утопить ихъ».

Вообще, никогда нравъ ея не выказывался такъ рѣзко, какъ въ случаяхъ дѣйствительной, или мнимой несправедливости: тогда она обнаруживала твердость души, которая сдѣлала бы честь даже взрослому. Казалось ей было врожденно заступаться за обиженныхъ.

Но несправедливо было-бы полагать, что теперь, когда расудокъ и воля ея начали развиваться, воображеніе стало въ тѣни и утратило нѣсколько прежней своей живости. Нѣтъ; живость и избытокъ воображенія остались тѣ же, только выиграло оно въ правильности.

Такъ какъ водяное царство, по выраженію объясненной уже нами системы міра Елисаветы, то есть, Нева находилась внѣ круга зрѣнія ея, а земля ограничивалась для нея дворомъ, хозяйскимъ и ея собственнымъ садами, да улицею, слѣдовательно заключалась въ весьма тѣсныхъ границахъ, то истиннымъ ристалищемъ, любимымъ просторомъ ея фантазіи сдѣлалось воздушное царство, небо. Про него говаривала она иногда: *мое небо*. Оно ей принадлежало со всеми его неисчислимыми превращеніями видовъ; отсюда почерпала она картины для воплощенія, для олицетворенія своихъ мыслей и чувствованій; оно объясняло ей предметы, о которыхъ обыкновенный человекъ не можетъ составить себѣ понятія, ни образа. Правда, что она видѣла на небѣ то, чего сто другихъ тутъ-

же не увидали бы. Она очень вѣрно выразилась однажды впоследствии на счетъ этой подмоги неба для олицетворенія ея мыслей: «Только что мнѣ кажется, будто я вижу на небѣ слабый и шаткій очеркъ какогонибудь въ воображеніи моемъ возникшаго и уже оконченнаго образа, а иногда и цѣлой картины, какъ, спустя нѣсколько секундъ, оно представляетъ мнѣ желаемое изображеніе явственно и во всемъ его объемѣ.» Ангелы, страждущіе по небу, или по собственному хотѣнію, или для исполненія Божіихъ велѣній, на далекомъ или близкомъ разстояніи, бывали явленія, которыя исключались только въ рѣдкіе ясные и безоблачные дни; часто малѣйшее облачко превращалось въ жителя неба; и если на ту пору она сама была задумчивѣе, тогда этотъ житель неба всрѣдко превращался въ преобразеннаго отца ея, или покойныхъ братьевъ, изъ которыхъ трое старшихъ, никогда ею не виданныхъ, она узнавала по присутствію отца. Радости небесныя не изгладили въ отцѣ и сыновьяхъ воспоминанія о женѣ и дочери, о матери и сестрѣ; не смотря на то, что на небѣ они не вѣдаютъ никакой печали, но всѣки принимаютъ живѣйшее участіе въ судьбѣ своихъ близкихъ на землѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ видѣній впоследствии были увѣковѣчены Елисаветою въ ея стихотвореніяхъ.

Желая возстановить необходимое между воображеніемъ и разсудкомъ равновѣсіе, наставникъ полагалъ, что пора познакомить Елисавету съ дѣйствительнымъ подлуннымъ міромъ, т. е. учить ее Исторіи и Географіи. Онъ началъ съ Священнаго Писанія, которое одно въ состояніи, постепенно, и безъ слишкомъ рѣзкихъ противоположностей, вывести дѣтскій возрастъ изъ живущаго въ немъ невиннаго міра въ настоящій, увы! не совершенный міръ человѣческой. Къ тому-жъ оно такъ обильно всякаго рода утѣшеніями, такъ богато прелестными, дѣтскому сердцу нравящимися событіями! Оно избавляетъ родителей и наставниковъ отъ труда учить дѣтей никогда непривлекательной строгой нравственности; дѣтя видятъ тамъ правоученіе на дѣлѣ; примвѣръ Исаака и Иосифа говорятъ ему все, что дѣлать и чего избѣгать.

Надобно было видѣть радостное изумленіе Елисаветы при первомъ ея взглядѣ на ландкарты. Наставникъ купилъ у пріятеля своего пять картъ, представлявшихъ видъ земли въ цѣломъ и четыре части свѣта отдѣльно, и подарилъ ихъ своей ученицѣ въ осьмой день ея рожденія. — «Я не такую представляла себѣ землю! Какой у Европы прекрасный голубой цвѣтъ! и какой чудесный розовый у Азій! Африка точно такого цвѣта, какъ прекрасный чижикъ Ивана Егоровича! а эта Америка съ своимъ двуцвѣтнымъ зеленымъ! Я всегда думала, что земля вездѣ одинаковая, черная или сѣрая, какъ на дворѣ и въ саду.» Наставникъ съ первыхъ словъ понялъ ея мысли, но остерегался выводить ее изъ пріятнаго заблужденія. Не будемъ тревожить милыхъ грѣзъ дѣтства! Увы, слишкомъ рано знакомится оно съ дѣйствительностью, часто советѣмъ не поэтической! Дадимъ ему по крайней мѣрѣ время собраться столько съ

силами и духомъ, чтобы оно могло выдержать настоящій видъ вещей, и не забудемъ *Идола Саудскаго*, Шиллера: юноша приподнял завѣсу, и на всю жизнь остался тѣмъ. Изъ своего міра веселыхъ грѣзъ онъ былъ низринутъ въ лютую пустыню ежедневнаго быта, и вѣкъ свой не могъ оправиться отъ этого паденія.

Елисавета въ очень короткое время познакомилась съ голубою Европою и розовою Азіею, съ желтою Африкою и зеленою Америкою. Видъ земель, направленіе горъ, теченіе рѣкъ, положеніе городовъ, все опять стерсотипно впечатлѣвалось въ ея памяти. Она не забывала и объ островахъ. Это были дѣти, которыя болѣе или менѣе смѣло плавали въ морѣ вокругъ своихъ матерей. Въ это время Елисавета читала путешествія Кампе. Этого-то добрый человекъ потрудился объяснить ей основательно, что земля во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта, и даже въ пятой черная.

«Равновѣсіе установлено, думалъ наставникъ; ученица моя въ половинѣ девятаго года, я могу уже впустить ее въ область поэзи». И Геллертъ и Геснеръ ввели ее въ міръ сладкозвучія и красоты.

Но тотъ же самый наставникъ, который, какъ мы видѣли прежде, далъ Елисаветѣ собраніе Маттисоновыхъ стихотвореній, съ намѣреніемъ сдѣлать ей пріятнѣе трудъ, при изученіи правописанія, теперь сталъ поступать совсѣмъ наперекоръ этому правилу. Очевидно у него была мысль, что ученица его, которую онъ отвынѣ сталъ угощать амбросіею поэзи, въ промежуткахъ времени непремѣнно должна глотать по немногу полыни, и уже безъ меду. Не потому чтобы французское правописаніе, о которомъ идетъ рѣчь, представлялось Елисаветѣ въ видѣ невкуснаго лекарства; но, во всякомъ случаѣ, только отъ такого ума, какъ ея, можно было требовать, чтобы она выучилась французскому (какъ впоследствии еще труднѣйшему англійскому) правописанію самоучкою. Однако наставникъ и тутъ не ошибся въ расчетѣ. Ученица въ опредѣленное время принимала извѣстныя доли горькаго лекарства, а если иногда онѣ казались ей уже черезъ чуръ горькими, то она утѣшала себя мыслью, что какая нибудь Геллертова басня, или Геснерова идиллія вознаградитъ ее за это. Къ тому-же мудрый наставникъ выставлялъ ей французскій языкъ, не какъ языкъ отдѣльнаго народа, а какъ языкъ всемірный. «Счастливы Французы! говаривалъ онъ обыкновенно, онъ знаетъ только одинъ свой языкъ, и, не смотря на то, пробивается черезъ весь свѣтъ!» Подобныя восклицанія не были забываемы Елисаветою, и она привыкла къ мысли, что французскій языкъ есть связь всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ.

Но отсюда произошло слѣдствіе, котораго наставникъ ни мало не ожидалъ. Здѣсь трудности, какъ мы уже упомянули, были для Елисаветы тѣмъ значительнѣе, что французское правописаніе въ самомъ дѣлѣ непостояннѣе, причудливѣе всякаго другаго, и что на этотъ разъ надобно было стараться не объ одномъ только пра-

воисавин, но и о бѣгломъ разговорѣ на этомъ языкѣ. Но, на бѣду, въ обонхъ случаяхъ не доставало пособія. Съ наставникомъ своимъ Елисавета могла говорить только въ тѣ дни, когда онъ былъ свободенъ отъ своихъ обязанностей воспитателя, и мотъ проводить съ нею время; а мать ея, помогавшая ей столько въ нѣмецкомъ языкѣ, хотя и говорила по-французски, но не такъ хорошо, какъ по-русски и по-нѣмецки; притомъ въ произношеніи ея отзывалось ея происхожденіе, а она никакъ не хотѣла, чтобы дочь ея переняла у нея какую либо погрѣшность противъ правилъ языка, и отъ того никогда не говорила при ней по-французски. Изъ того вышло, что Елисавета должна была удовольствоваться своими книгами. Эти книги были: отличный переводъ всѣхъ Камповыхъ путешествій, которыя она съ удовольствіемъ прочла вторично на новомъ языкѣ; — Беркева Другъ дѣтей; сокращенная Бюффонова Естественная Исторія для дѣтей, и одна часть Путешествій Леваллана. Словомъ, слѣдствіемъ усилій Елисаветы въ этомъ неблагопріятномъ положеніи было то, что она такъ усвоила себѣ образъ изложенія своихъ руководителей на этомъ новомъ поприщѣ, что вмѣсто того, чтобы выражаться какъ можно короче, говорила по-французски такъ точно, какъ писали авторы ея книгъ, періодами; что однако, далеко не походя на педанство, напротивъ, въ ея устахъ казалось природнымъ дарованіемъ, придававшимъ всему, что она ни говорила, неизъяснимую пріятность. Впослѣдствіи, эта вѣтѣватость въ рѣчи непримѣтно перешла у нея и въ другіе языки.

Однако пора послѣдовать за нею въ преддверіе поэзіи — ея будущаго назначенія. Она уже знала наизусть нѣсколько Маттисоновыхъ стихотвореній; пѣла нѣмецкія пѣсни, которыя слышала отъ матери; но о стопосложеніи и рѣмѣ еще ничего не знала, во весьма простой причинѣ, что никто не говорилъ ей объ этомъ. Наставникъ не прежде хотѣлъ учить ее теоретической части поэзіи, какъ по ознакомленіи ея съ сущностью этого искусства и съ нѣкоторыми поэтами. Не разъ она дѣлала ему вопросы относительно слогуударенія и рѣмы, но онъ всегда притворялся, что не слышитъ, заговаривалъ о другихъ предметахъ, и такимъ образомъ эта статья всегда оставалась ветроутою. Но какъ человѣческой природѣ, по видимому, свойственно самой пролагать себѣ путь тамъ, гдѣ она встрѣчаетъ препятствія, или, по крайней-мѣрѣ, окружающее ее не благопріятствуетъ ей, то это случилось и съ Елисаветою. Вопреки молчанію наставника, она примѣтила, что рѣма состоитъ во взаимномъ единозвучіи конечныхъ слоговъ двухъ словъ, которыя хотя и раздѣлены между собою другими словами, но вскорѣ одно за другимъ слѣдуютъ; что стихъ состоитъ изъ извѣстнаго числа слоговъ и составляетъ одну строчку, которая начинается всегда большою буквою, не взирая на смыслъ и свойство словъ. Изъ этого немногаго уже видны пытливыи умъ ея и логику, потому-что она приблизи-

тельно открыла все, что можно сказать вообще о стихѣ и реченьѣ. Но она не довольствовалась этими замѣчаніями. Когда въ недрахъ земли скрывающемуся роднику на поверхности ея отражается дорога камень, то онъ пытается прорвать себѣ выходъ на право, или на лѣво, или подъ самымъ камнемъ. Наставникъ Елисаветы на частые ея вопросы не отвѣчалъ ничего; а чтобы безъ обиняковъ спросить о причинѣ его молчанія, Елисавета была слишкомъ скромна; ужъ конечно онъ не отъ невѣдѣнія молчалъ, онъ, о которомъ пріятель отца ея, Суворовъ, говорилъ по лѣтамъ своимъ быть наставнику отцемъ, во многихъ случаяхъ говаривалъ: этотъ человекъ все знаетъ. Стало-быть, думала она, тутъ есть другія причины, которыя проникнуть она не въ правѣ *. Но тихонько писать стиха ей никто не запрещалъ, а что не запрещено, то можно дѣлать. Она это и сдѣлала. Какъ ни слабы иногда подобные опыты, а все-таки каждый охотно ихъ послушаетъ. Это источникъ, изъ котораго въ послѣдствіи образуется потокъ; это выраженіе самобытной природы, еще чуждой искусства. Можетъ-быть, мы ошибаемся, но намъ они кажутся, подобно серебряной и золотой рудѣ, драгоценными и достойными еохраненіи произведеніями. Мѣняетъ же минералогъ чистое и вычищенное золото и серебро на грубые куски руды, гдѣ оба металла соединены съ девятью десятими совершенно безвлезной для него примѣси? Вотъ два такіа естественныя произведенія. Въмѣсто введенія къ первому, скажемъ что вѣроны были въ большомъ уваженіи у Елисаветы. Еще въ малолѣтствѣ она почитала ихъ невинно-страждущими, которые должны довольствоваться всѣмъ, что пошлетъ имъ случай, такъ какъ люди (неизвѣстно, почему) ненавидятъ ихъ. «Право, маменька, сказала она однажды, вѣроны какъ мы; живутъ они на концѣ города, довольно бѣдно, и тѣмъ еще несчастнѣе насъ, что люди ихъ ненавидятъ».

I. УТРЕННЯЯ МОЛИТВА ВѢРОНА. *

Куда-бъ я ни пришелъ,
Сейчасъ меня оттолъ
Говляють люди. Вонъ, дурной,
Негодный вѣронъ сколной!
Но Богомъ не оставленъ я;
Богъ кормитъ всадній день меня.
Онъ людитъ больше подастъ,
Овечкѣ меньше подастъ,
А мнѣ такъ столько, чтобы сытъ
Во всяку пору могъ я быть.
Спасибо, Господи, Тебѣ,
Что въ вуждѣ помогаешь мнѣ.

* Эти доводы наставникъ ея слыхалъ отъ нея самой, когда причины его упорнаго молчанія кончались.

II.

Какъ вѣтерокъ
 Теперь легокъ!
 Онъ дуетъ мнѣ
 Въ лице, а не
 Вдѣять его.
 Люблю его.
 Въ ушахъ жужжитъ,
 Какъ будто говорить
 Мнѣ здравствуй онъ.
 Какъ счастливъ онъ,
 Что послѣ дней,
 Холодныхъ столярныхъ дней,
 Вновь можетъ взять,
 Меня лѣзать.
 Люблю его,
 Но не того,
 Что такъ летитъ,
 Столбами пыль крутитъ,
 Того гляди,
 Что шапку съ головы
 Онъ вдругъ сорветъ.
 Люблю, какъ онъ поидетъ
 Передъ собой
 Гонять гурьбой
 На небѣ облака.
 Но облака,
 Онъ черныя одни
 Гоняетъ съ небесъ,
 А малыхъ онъ
 Не гонять вонъ,
 Не тронетъ ихъ,
 И станеть тихъ,
 Когда они
 Плывуть вблизи.
 Ты, добрый вѣтръ,
 Ты радъ смотреть,
 Какъ въ небѣ все
 Она себѣ
 Идутъ въ смиреннѣ.
 И, просто, заглядывае!
 Между собой
 Хранять покой,
 Ни дать, ни взять,
 Толпа лѣзать.

* Все приведенныя здѣсь стихотворенія Елисаветы Кульманъ, написаны ею на нѣмецкомъ языкѣ, и находятся въ Sämmtliche Gedichte von Elisabeth Kulmann. Leipzig 1814—1815—1847. Упоминаемъ объ этомъ, чтобы читатели не приняли перевода за подлинныя произведенія гениальной Кульманъ.

При вступленіи Елисаветы въ эту новую область, первую заботою наставника было, дать ей понятіе о различіяхъ слога. Онъ полагалъ три рода слоговъ: нисшій, высшій и поэтический. Но какъ голая теорія не годится для столь нѣжнаго возраста, то онъ и здѣсь пошелъ своею дорогою. Онъ взялъ нѣсколько Геллертовыхъ басенъ и Геснеровыхъ идиллій, сказавъ своей ученицѣ, что въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ составляютъ примѣры поэтическаго слога; потомъ далъ ей двѣ собственныя его передѣлки изъ нихъ, изъ которыхъ одна тѣмъ отличалась, что была лишена всякаго рода украшенія, ограничиваясь только существеннымъ составомъ предмета и повѣствованіемъ нераздѣльно съ нимъ связаннымъ обстоятельствомъ; другая-же, сверхъ всего этого, кое-гдѣ сохранила еще нѣкоторыя прикрасы, и обращалась не только къ разуму, но нерѣдко и къ сердцу, или возбуждая участіе, или предостерегая отъ заблужденій. Первый родъ передѣлки онъ назвалъ примѣромъ нисшаго, а второй примѣромъ высшаго слога. Черезъ это ученица стала уже нѣсколько понимать разницу слоговъ. Эти три слога назвалъ онъ тогда повѣствовательнымъ, ораторскимъ и стихотворнымъ, и посредствомъ какъ письменныхъ, такъ и изустныхъ примѣровъ старался показать ей, какимъ образомъ въ извѣстныхъ случаяхъ должны поступать бытописатель, ораторъ и поэтъ, чтобы достигнуть своей цѣли.—«Какая, продолжалъ онъ, цѣль бытописателя?» — «Дать намъ ясное понятіе о какомъ либо событіи». — «А цѣль вѣтня, въ этомъ-же случаѣ?» — «Заставить насъ одобрить или порицать приключившееся». — «А цѣль поэта?» — «Такъ живо изобразить намъ происшествіе, какъ-бы мы сами его видѣли передъ собою.—Бытописатель говоритъ разуму, вѣтня сердцу, поэтъ воображенію. Бытописатель насъ поучаетъ, вѣтня убѣждаетъ, поэтъ очаровываетъ. Бытописатель повѣствуетъ намъ всѣ обстоятельства случая или событія, не заботясь о томъ, производятъ ли они на насъ впечатлѣніе, или нѣтъ; вѣтня рассказываетъ намъ то же самое, но такимъ образомъ, что мы не остаемся равнодушными, потому что онъ старается или плѣнить насъ, или оттолкнуть; наконецъ поэтъ, такъ сказать, переноситъ насъ посреди самаго происшествія, заставляетъ насъ самихъ участвовать въ немъ; такъ рассказъ его ясенъ, точенъ, оживленъ и увлекателенъ!—Благодаря этимъ немногимъ, но рѣзкимъ очеркамъ трехъ различныхъ родовъ слоговъ, выставленныхъ въ яркомъ свѣтѣ посредствомъ избранныхъ примѣровъ, Елисавета очень рано получила высокое понятіе о поэзии и поэтахъ, и не заблуждалась въ томъ, что будто сущность поэзии заключается въ римѣ. «Вотъ, кажется,—говорила она самой себѣ, а въ послѣдствіи и громко высказала свои мысли, — причина, почему мой наставникъ никогда не отвѣчалъ мнѣ на мои частыя вопросы и намеки касательно римы.» И она не ошиблась въ этомъ предположеніи, и спокойно покорялась своей судьбѣ, когда и послѣ этого еще нѣкоторое время наставникъ, много говоря о сущности поэзии, ни

словомъ не заикался о заковахъ рѣшмы. Кромѣ помннутыхъ уже выгодоѣ, скоро представилась для нея еще та важная выгода, что она была уже въ состояннн сама дѣлать то, что довольно долгое время дѣлала при ней наставникъ; а именно разлагать Гесперовы идилліи на ихъ составныя части, возвращать имъ повѣствовательный видъ ихъ, занятіе, которое по мнѣнію наставника было очень важно.

Тогда уже онъ предвидѣлъ, что вѣчно бодрствующая дѣятельность ума его ученицы рано или поздно, и безъ его содѣйствія, разрѣшится собственными произведеніями, и потому считалъ необходимымъ положить имъ основаніе. Для этого онъ пріучалъ ее въ каждомъ поэтическомъ произведеніи отыскивать основную мысль; находить, какъ къ этой мысли присоединяются прочія; которыя между ними — необходимая принадлежность, и которыя произвольное украшеніе предмета; словомъ, онъ пріучалъ ее подчинять строжайшему логическому порядку мысли чужихъ произведеній, а потомъ и свои собственные, безъ ущерба ихъ богатству.

Несмотря на то, что все существо ея по видному клонилось къ поэзін, однако отъ наблюдательнаго глаза не могло укрыться проявленіе въ ней другаго стремленія, которое уступало первому, можетъ-быть, только по силѣ обстоятельствъ. Елисавета неоднократно, то шутками, то просьбами напоминала наставнику о его общаннн, повторенномъ при многихъ случаяхъ, выучить ее италіанскому языку; но онъ всегда подъ какимъ нибудь предлогомъ уклонялся отъ исполненія своего общанія. Истинная же причина его отбѣжканія была, дать Елисаветѣ время, какъ можно болѣе усовершенствовать себя въ трехъ уже извѣстныхъ ей языкахъ, и, чрезъ неослабное сравненіе, утвердиться въ своихъ понятіяхъ о языкѣ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи не стало бы времени на подобныя наблюденія и изслѣдованія. Поэтому онъ намѣренъ былъ преподавать ей языки по своей собственной методѣ.

Эта метода очень проста. Ученику даютъ книгу, которую онъ уже читалъ на извѣстномъ ему языкѣ, такъ что содержаніе ея совершенно ему знакомо. А какъ при всемъ томъ, для изученія всякаго языка требуется нѣсколько грамматическихъ свѣдѣній, то въ то же время ученику даютъ примѣры склоненія членовъ, именъ существительныхъ и прилагательныхъ, мѣстоименій и спряженія глаголовъ, все по общимъ правиламъ, пропустивъ все исключенія. Эту грамматику, на нномъ языкѣ вмѣщающуюся даже менѣе, чѣмъ на лнстѣ, ученикъ выучиваетъ безъ труда въ два дня, а между тѣмъ она уже служитъ ему руководствомъ во время чтенія. Положимъ, что ему дадутъ читать Робинсона Кэмпбелла; безъ помощи словаря, или наставника, онъ прочтетъ половину перваго вечера, слѣдуя при этомъ совѣстливо данному ему наставникомъ еще въ началѣ совѣту: какъ можно лучше затверживать въ памяти слова новаго языка. — А, такъ это метода Жако-

то? — И да, и нѣтъ. Въ сущности обѣ методы одно и тоже. Но, кромѣ того, что наставникъ Елисаветы употреблялъ свою методу по-крайней-мѣрѣ двѣнадцатью годами ранѣе, чѣмъ имя Жакото загремѣло въ Европѣ, она отличается отъ Жакото еще въ слѣдующемъ. Прежде, чѣмъ учитель дастъ ученику книгу въ руки, онъ напередъ большую часть ея отмѣтитъ знаками ударенія, и потомъ, въ продолженіе одного или двухъ дней, медленно и внятно читаетъ передъ ученикомъ вслухъ нѣсколько страницъ, дабы онъ примѣчалъ, какъ всѣ новыя для него звуки новаго языка, такъ и особенное въ немъ возвышеніе и пониженіе голоса. Когда ученикъ освоится съ правильнымъ произношеніемъ новыхъ звуковъ, тогда учитель и ученикъ читаютъ тоже самое вслухъ вдвоемъ, до тѣхъ поръ, покада послѣдній не въ состояніи читать одинъ. Во время этихъ упражненій ученикъ уже успѣлъ разобратъ или отгадать большую часть словъ, не смотря на ихъ различіе отъ наиболѣе схожаго съ нимъ языка; совершенно же чуждыя, или исключительна новому языку принадлежащія слова, учитель ему самъ объясняетъ, требуя тогда уже отъ него и разбора тѣхъ и другихъ по имѣющейся у него сокращенной грамматикѣ. Но какъ скоро ученикъ показалъ въ этомъ нѣкоторое умѣнье, учитель тотчасъ ставляетъ его каждую рѣчь въ книгѣ подвергнуть всѣмъ измѣненіямъ, къ какимъ только она способна; то есть періодъ, находящійся, напримѣръ, въ настоящемъ времени, единственномъ числѣ, первомъ лицѣ, постепенно переводитъ во второе и третье лице того же числа и времени, потомъ въ первое, второе и третье лице множественнаго числа настоящаго же времени; когда это сдѣлано безъ затрудненія, тогда тотъ же періодъ переводится въ прошедшее время, и, по-прежнему, сперва въ первое, потомъ во второе и третье лице единственнаго числа, и въ первое, второе и третье множественнаго числа; наконецъ, этотъ періодъ такимъ же образомъ переводятъ и въ будущее время. Чрезъ это одна и та же рѣчь мало по малу является въ осьмнадцать различныхъ видахъ. Если въ ней есть имена прилагательныя и мѣстоименія, то и они постепенно подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ, а ученикъ, не догадываясь, что прошелъ между тѣмъ всю грамматику, такимъ образомъ еще болѣе ее затверживаетъ. Ухо, глаза, языкъ и память съ каждымъ днемъ болѣе знакомятся съ новымъ языкомъ, такъ что не удивительно, если ученикъ, даже съ посредственными способностями, но имѣющій охоту, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, при случаѣ умѣетъ употребить кстатѣ слова и рѣчи, находящіяся въ его книгѣ, то есть если онъ о прочитанномъ въ состояніи разговаривать съ своимъ учителемъ, или съ кѣмъ нибудь другимъ. Что касается до Елисаветы, то она обыкновенно, много-много что черезъ три мѣсяца уже говорила на новомъ языкѣ, то есть на живомъ. Для латинскаго же и греческаго языковъ требовалось нѣсколько мѣсяцевъ болѣе, по причинѣ ихъ большихъ видоизмѣненій и большаго совершенства. Но

какъ скоро она находилась на этой степени успѣха, то сейчасъ принималась за переводы, или съ новаго языка на извѣстные уже ей языки, или на оборотъ. Въ такомъ случаѣ она, обыкновенно, не напишетъ бывало слова, выраженія, вѣрность котораго, она не могла бы доказать ссылкою на читанныя ею книги; тутъ чудесная ея память съ быстротою и отчетливостью, удивительными не менѣе великаго объема ея, приходила къ ней на помощь. Только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгала она къ словарю, — если только таковой былъ у нея. Но въ этихъ переводахъ она старалась не объ одной лишь правильности въ выраженіяхъ, но также о подражаніи подлиннику во всѣхъ оборотахъ, переходахъ, сочетаніяхъ рѣчей, пріятности и красотѣ слога; словомъ, старалась мастерски справиться съ тѣмъ, что казалось ей особою принадлежностью новаго языка.

Послѣ трехъ или четырехъ уроковъ италіянскаго языка, Елисавета объявила своему наставнику, что по всей вѣроятности она ни одному языку не будетъ учиться съ такимъ усердіемъ, какъ италіянскому, потому что послѣдній, ей казалось, превосходитъ всѣ прочіе въ пріятности и гармоніи. И она сдержала слово. Она учила свои италіянскіе разговоры съ необыкновеннымъ прілежаніемъ и терпѣніемъ. Спусти три мѣсяца она говорила по-италіянски такъ бѣгло и пріятно, что всякій удивлялся.

Ей былъ уже десятый годъ, и день рожденія ея приближался. Любимымъ лакомствомъ бѣдой дѣвочки были пряники. Наставникъ, помня это, купилъ самый большой пряникъ, какой только могъ достать; вырѣзалъ изъ него середину на три дюйма въ ширину, на пять въ длину и на два съ половиною въ глубину, положилъ туда миниатюрное изданіе Тассова Освобожденнаго Іерусалима, — очень вѣрное и уже довольно рѣдкое, подъ заглавіемъ: «Гофредо», — покрылъ книжку кускомъ отъ вырѣзки, который прикрѣпилъ миндалинами, и въ такомъ видѣ поднесъ этотъ пряникъ своей ученицѣ въ день ея рожденія. На розовой оберткѣ, въ видѣ ленты, были слѣдующіе стихи:

Моя наружность меловая
Твоими глазами и вкусу льститъ.
Но сладость подлинно большая
Въ сердцѣ у меня лежитъ.

Однако наставникъ хотѣлъ, чтобы Елисавета не прежде трогала пряникъ, какъ послѣ стола, когда должна была подчивать имъ гостей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предупредилъ ее, что по нѣмецкому обычаю (пряникъ же былъ любскій) его слѣдуетъ ломать, а не пожемъ рѣзать. Представьте себѣ весьма естественное вѣтерпѣніе Елисаветы, когда она, какъ послѣ сказала, при одномъ взглядѣ на пряникъ, и не читавъ еще стиховъ на немъ, догадалась, что тутъ что нибудь да кроется, а слова паставника еще усилили въ ней это предчувствіе. Радость-же ея при видѣ освобожденнаго

отъ своей оболочки Тасса, была выше всякаго описанія. Она цѣловала книгу и плясала кругомъ по всей маленькой горницѣ. «У меня Тассо! Я буду читать Тасса! я выучу его наизусть отъ начала до конца!» Такъ, забывъ про столъ и про гостей, восклицала она по нѣскольку разъ съ искренностью, которая тронула всѣхъ присутствовавшихъ.

Она сдержала слово. Въ тотъ же день она исчислила, по сколько строфъ ей надобно будетъ учить каждый день, чтобы въ извѣстное время знать наизусть всю книжечку; но уже на третій день она отступила отъ своего счета, по которому опредѣляла было три строфы въ день, а черезъ недѣлю она и совсѣмъ его бросила, выучивая когда шесть, когда девять и болѣе строфъ въ день, смотря по обстоятельствамъ.

Здѣсь, при чтеніи Тассовой поэмы, обнаружилось, какъ мало иногда нуждается великій талантъ въ посторонней помощи! Елисавета сама собою угадывала мѣста преннианія, которыя на италіянскомъ измѣняются почти въ каждомъ стихѣ; также угадала постепенное возвышеніе и пониженіе голоса и многія другія тайны декламаціи, которой часто такъ трудно выучить непосвященныхъ.

Здѣсь наставнику въ первый разъ представился случай, обратить вниманіе Елисаветы на различіе между языкомъ прозы и поэзіи. Ни въ одномъ языкѣ разница ихъ такъ рѣзко не обозначена, какъ въ италіянскомъ: это, можно сказать, два совершенно различные между собою языка. По совѣту наставника, Елисавета завелась тетрадкою, въ которой отмѣчала всякое исключительно поэзіи свойственное слово, и всякій поэтический оборотъ. Сверхъ того наставникъ далъ ей новую таблицу склоненій именъ существительныхъ и прилагательныхъ, мѣстоименій и спряженій глаголовъ, со всѣми ихъ усѣченіями и преобразованіями, такъ что вскорѣ языкъ Тасса сталъ для нея столько же понятенъ, какъ и языкъ прозаическаго писателя. За то невозможно было выказать болѣе старанія и вниманія; видно было, что она трудилась изъ любви; ничто въ словахъ наставника не казалось для нея маловажнымъ или лишнимъ; чѣмъ иѣжнѣе бывали отѣвки рѣчей и выраженій, тѣмъ больше она старалась понять ихъ въ точности и во всемъ ихъ объемѣ.

Въ это же время исполнилось другое пламеннѣйшее ея желаніе. Она прочла всѣ творенія Геснера; тогда явились Галлеръ, Готтеръ, Клейстъ, Глеймъ и Якоби, и теперь рѣчь шла уже не объ одномъ только содержаніи, но и о вѣдшей формѣ изложенія. Наставникъ началъ учить ее слоударенію и словоупотребленію, при всякомъ случаѣ посвящая ее въ таинства размѣра и благозвучія. И здѣсь показывалъ онъ ей различіе между прозою и поэзіею, какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ; и здѣсь рвеніе Елисаветы со дня на день увеличивалось. Очевиднѣе всего было оно въ подражаніяхъ писателямъ, которыя она сочиняла въ то время, и въ ко-

торыхъ хорошее наставникъ хвалилъ, а плохое хулилъ, разумѣлся, съ надлежащею умѣренностью; за то онъ всегда радъ былъ превозносить всякую собственную ея мысль и всякую удачную новизну. Будучи вполне убѣжденъ, что природа назначила ее быть поэтомъ, онъ хотѣлъ заранѣе приучить ее къ оригинальности. А чтобы соблюсти нѣкоторое равновѣсіе въ языкахъ и доказать всеобщую примѣняемость правилъ, онъ читалъ съ нею Деллеллевы описательныя стихотворенія.

Въ этихъ занятіяхъ протекло полгода, когда случайныя обстоятельства возбудили въ Елисаветѣ желаніе учиться английскому языку, и съ наступавшимъ новымъ годомъ положено было вступить на новое поприще. Давнишній другъ Елисаветы, которому она была обязана своими ботаническими познаніями, своими цвѣтами и своимъ крошечнымъ садикомъ, однажды, какъ природный Англичанинъ и верховный судья, судилъ и рѣшилъ такъ: «Скоро тебѣ можно ѣхать въ Оксфордъ или Кембриджъ, и записаться въ студенты!» И съ тѣхъ поръ онъ говорилъ съ нею не иначе, какъ по англійски.

Осенью того-же года въ домашнемъ быту г-жи Кульманъ произошли перемѣны, которыя, хотя и принесли въ послѣдствіи несказанную для Елисаветы пользу, все таки причинили множество воспоминавій, жалкихъ и пріятныхъ. Два лица, которыя поддерживали мать и дочь деньгами и разными жизненными припасами, умерли, отчего бѣдное ихъ содержаніе чувствительно потеряло. Тогда хозяинъ дома сжался надъ ними и сбавилъ цѣну за квартиру, но и эту бездѣлицу г-жа Кульманъ съ трудомъ могла уплачивать, а къ зимѣ она не знала откуда взять дровъ. Небо вступило за бѣдныхъ. Въ эту самую осень статскій совѣтникъ Медеръ, бывший начальникъ горныхъ заводовъ въ Перми, былъ вызванъ оттуда въ Петербургъ и назначенъ начальникомъ Горнаго Корпуса. Онъ и, еще болѣе, тѣща его, были самыми старинными знакомыми семейства Кульманъ и знали послѣднихъ еще въ ихъ благосостояніи. Посѣщая часто семейство г. Медера, мать и дочь познакомились у нихъ также съ священникомъ Корпуса, отцемъ Абрамомъ, почтеннымъ, ученымъ и всѣмъ любимымъ старцемъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ лишился жены, а не долго и единственной своей дочери. Лишь только этотъ добросердечный мужъ узналъ о стѣсненномъ положеніи матери Елисаветы, то предложилъ ей опорожнившуюся въ жильѣ его комнату вмѣстѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Для Елисаветы произошли еще другія выгоды отъ этой перемѣны жительства. Г. Медеръ имѣлъ двухъ дочерей, одну ровесницу съ Елисаветою, другую годомъ моложе. Этотъ достойный отецъ, окончивъ свои служебныя занятія, остальное время посвящалъ воспитанію своихъ дочерей. Поведеніе Елисаветы и уже тогда примѣтныя великія дарованія ея свискали ей въ такой высокой мѣрѣ благосклонность его, что онъ вскорѣ дозволилъ ей

учиться вмѣстѣ съ его дочерью всему, что нѣтъ преподавали. Ему была обязана Елисавета уроками рисованія, танцованія и музыки; и уроками ботаники, минералогіи, физики и математики; которые онъ преподавалъ самъ. Сверхъ того объ дочери его сѣлались ей подружки и оставались ими до самой смерти Елисаветы; она же имѣла удовольствіе отплатить хотя отчасти своимъ подружкамъ за благодѣянія, которыми осыпалъ ее челоуѣколюбивый отецъ ихъ. Объ дочери въ обращеніи съ Елисаветою усовершенствовались въ нѣмецкомъ языкѣ, и выучились у нея италіянскому и англійскому.

Таковы были новыя отношенія Елисаветы. Она жила теперь въ Горномъ Корпусѣ, но мысли, чувствованія и желанія ея по прежнему вращались около хижины, гдѣ протекло ея дѣтство. За то, когда бывало время и возможность, мать и дочь ходили навѣщать своего стараго хозяина и свое старое жилище. Последнее, будучи очень мало, нѣсколько лѣтъ оставалось ненанятымъ, къ великому удовольствію Елисаветы, потому что во все это время, ничто не препятствовало ходу ея мыслей и чувствованій, которымъ почти невозможно было разстаться съ этимъ любимымъ мѣстомъ.

Но возвратимся назадъ, чтобы сообщить читателю происшествія, случившіяся въ послѣдніе пять мѣсяцевъ пребыванія Елисаветы въ ея любимой хижинѣ.

Весною 1819 года, прежде чѣмъ Елисаветѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, вмѣстѣ съ появленіемъ первыхъ цвѣтковъ, стали распускаться и первые цвѣты ея поэтическаго таланта, если и не въ такомъ множествѣ и не такъ быстро одинъ за другимъ, но все таки не проходило сначала недѣли, а послѣ почти ни одного дня безъ какого нибудь поэтическаго слѣда. Всякое начало трудно, даже для умовъ наиболѣе благоволимыхъ природою. Придумать и сложить нѣсенку, или другіе стишки, почти ничего не стоило Елисаветѣ; иное дѣло была рима. Къ тому-жъ Елисавета имѣла дѣло съ учителемъ, который въ этомъ отношеніи былъ строгій, неумолимый судья. Не потому, чтобы онъ полагалъ сущность поэзій въ римѣ; вовсе нѣтъ, но онъ думалъ, что довольно небольшого навыка и принужденія, чтобы совладать съ римою и что она, какъ вещь второстепенная, потому именно и не должна подавать поводъ къ осужденію. Въ этомъ случаѣ Елисавета находилась точно въ такомъ отношеніи къ своему наставнику, въ какомъ нѣкогда находился Геснеръ къ Рамлеру, если смотрѣть на послѣдняго только какъ на критика. Какъ Геснеръ не написалъ стиха, который былъ-бы вполне одобренъ Рамлеромъ, такъ и Елисаветинъ наставникъ все настаивалъ на такія римы, которыя могли-бы выдержать всѣ нападки, даже въ самыхъ коротенькихъ стихахъ, любимыхъ ученицею. Въ скромности своей она говаривала, что «не годится ей писать длинныхъ стиховъ, чтобы не подумали, что она хочетъ тягаться съ великими поэтами.» Извѣстно, что чѣмъ

стихи короче, особенно когда они соединены въ одинаковѣи строфы, тѣмъ и рима, даже для искусныхъ римачей, становится довольно трудною. Нѣтъ, можетъ быть, другаго нѣмецкаго стихотворца, который писалъ-бы съ такими прекрасными, совершенно непогрѣшительными римами, какъ Маттиссонъ. Но мы были-бы въ заблужденіи, еслибъ думали, что онѣ, особенно въ коротенькихъ стихахъ, не стояли ему труда, хотя это вовсе не примѣтно. Подобныхъ-то стиховъ требовалъ наставникъ отъ своей ученицы. При всемъ желаніи отдать ему полную справедливость, мы не можемъ однако, по крайней мѣрѣ здѣсь, не обвинять его въ строгости, доходившей чуть-ли не до педантизма, хотя и признаемъ, что онѣ достигъ своей цѣли, и, стало быть, не безъ причины упорствовалъ въ своемъ наставленіи. Не осталось и четвертой доли стиховъ, цисанныхъ въ то время Елисаветою въ римахъ и самымъ коротенькимъ размѣромъ, потому что, какъ всегда бывало, едва успѣешь написать что нибудь, какъ листокъ уже исчезаетъ изъ рукъ автора, и всего чаще безвозвратно; однако и изъ небольшого числа оставшихся мы видимъ, что нигдѣ рима не господствуетъ надъ мыслью. Съ другой стороны не можемъ умолчать и о томъ, что Елисавета нѣрѣдко жаловалась на риму и да «невозможность выразить въ римахъ свои мысли такъ, какъ онѣ представляются душѣ нашей.» Эти и подобныя выраженія возбуждали вниманіе наставника; онѣ вспомнилъ, что еще въ его молодости Гесенеро отступничество произвело на него сильное впечатлѣніе, и въ теперешнихъ обстоятельствахъ ово неоднократно приходило ему въ голову; но, какъ уже сказано, онѣ былъ чуждъ, котораго не скоро можно было принудить къ отступленію, который шагъ за шагомъ, и то послѣ жестокой борьбы, оставлялъ поле сраженія. Однако разъ Елисавета, не лишняя хитрости, надумала показать ему два стихотворенія одинаковаго содержания, одно въ четырехстотныхъ римованныхъ строкахъ, какихъ онѣ обыкновенно требовалъ, а другое напротивъ, того-же размѣра, но съ опущеніемъ жевскихъ римовъ въ первомъ и третьемъ стихѣ; къ тому-же второе почти двумя третями длиннѣе перваго и, какъ должно думать, обработанное съ величайшимъ стараніемъ. Когда-же наставникъ, посмотрѣвъ на оба, улыбулся и качаясь головою, Елисавета осмѣлилась его спросить, можно-ли такимъ образомъ писать стихи, такъ какъ, по ея мнѣнію, совсѣмъ почти неважно, что нѣтъ жевскихъ римовъ. Наставникъ, которому тутъ опять пришло на умъ отступничество Гесенера и обильно его изъясняющимъ страхомъ, подвергнуть себя участи Рамлера, кивнула головою въ знакъ согласія, и судьба римы была рѣшена. Елисавета была также не много упряма, и ни за что не позволяла бы отнять у себя пріобрѣтенную выгоду, и еще съ такимъ трудомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Съ тѣхъ поръ не проходило дня безъ новаго произведенія, или по крайней мѣрѣ, двухъ дней сразу безъ новаго сонета; такъ стала она теперь называть свои стихотворе-

нія, въ слѣдствіе одного пріятнаго событія, случившагося около этого времени

Однажды у хозяйна были гости, все Англичане. Послѣ стола онъ повелъ ихъ черезъ дворъ въ садъ, какъ вдругъ вправо они услышали пріятный женскій голосъ, читавшій что-то громко на незнакомомъ языкѣ. Хозяинъ подалъ знакъ гостямъ не трогаться съ мѣста и слушать. То былъ голосъ его любимицы Елисаветы, которая, сѣдя въ своемъ садикѣ, твердила наизусть строфы изъ Освобожденнаго Іерусалима Тасса, такимъ оживленнымъ и гибкимъ голосомъ, что казалось, будто пѣла. Когда она перестала, невидимые слушатели громко захопали, и, предводимые хозяйномъ, приблизились къ Елисаветѣ. «Говорите съ нею по-англійски, сказалъ хозяинъ гостямъ; она говорить не хуже насъ, и, какъ ни молода, а знаетъ половину всѣхъ европейскихъ языковъ.» Елисавета покраснѣла, но на вопросы дамъ и мужчинъ отвѣчала безъ затрудненія. — «Вы любите нашъ языкъ?» спросилъ одинъ гость — «Люблю, отвѣчала Елисавета, и всѣхъ Англичанъ люблю, если они такіе добрые, какъ вотъ этотъ, указывая на хозяйна». Все общество было тронуто. Гости по-одначкѣ разговаривали съ нею. Одинъ изъ мужчинъ спросилъ:—«Есть у васъ англійскія книги?»—«Есть переводъ Телемака», отвѣчала Елисавета. «Позвольте мнѣ черезъ общаго нашего друга переслать вамъ кой-какія сочиненія, которыя вѣрно доставятъ вамъ удовольствіе».—«А я, сказала одна изъ дамъ, пришлю вамъ италійское сочиненіе, которое будетъ очень подѣлить вамъ вашему Тассу». Елисавета поблагодарила обонхъ, а на другое утро пришелъ къ ней хозяинъ съ узломъ въ рукѣ, въ которомъ были: Мильтоновы сочиненія въ двухъ частяхъ съ превосходными картинками; англійскій переводъ Геснеровыхъ идиллій, и лондонское изданіе твореній Петrarки, также съ двумя прекрасными картинками; а между книгами и подѣ ними лежали завернутые въ бумагу: красивый шейный платочекъ, пара перчатокъ, лента, нитка синнихъ бусъ, небольшою альбомъ, карандашъ въ серебряной оправѣ и красивенькій перочный ножикъ. Елисавета была внѣ себя отъ радости. «Душенька, сказалъ хозяинъ, сдѣлай дружбу, напиши нѣсколько строкъ моимъ пріятелямъ въ доказательство, что я исполнилъ ихъ порученіе».—«О! я напишу имъ, какъ только умѣю лучше. Если и будутъ ошибки, такъ что-жъ! знаютъ, что я Русская, а не Англичанка». Остальное время дня она провела въ разматриваніи прелестныхъ картинокъ въ твореніяхъ Мильтона и Петrarки, и прочла нѣсколько сонетовъ послѣдняго, которые она поняла безъ труда, привыкнувъ уже къ слогу Тасса.—«Да они такой-же длины, какъ мои; разница только въ двухъ стихахъ болѣе или менѣе, чѣмъ у меня, потому что мои строфы все одинаковыя и четырехстрочныя. Назову-же и я свои стихи сонетами. А со временемъ, когда напишу стихи подлиннѣе, назову ихъ пѣснями, какъ называлъ Петrarка свои».

Но какъ было ей устоять противъ двойнаго искушенія: читать на англійскомъ Геснеровы идилліи, и, еще большаго, познакомиться-

ся съ «Потеряннымъ Раемъ», про который она много наслышалась отъ своего наставника?—«Я не прочь отъ того, чтобы вы читали Геснера по-англійски, тѣмъ болѣе, что для того вы не имѣете во мнѣ ни малѣйшей надобности; но читать Мильтона еще не пора. Намъ предстоитъ сперва работа, за которую непременно надобно взяться, и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока не будемъ въ состояніи отвѣтиться на чтеніе довольно труднаго Мильтона. Можетъ быть, черезъ полгода я исполню ваше желаніе и начну читать съ вами «Потерянный Рай». Доводы же наставника, иногда не совсѣмъ даже ясныя, всегда почитались у Елисаветы тѣмъ-то священнымъ, и въ тотчасъ и безпрекословно она повиновалась. Спустя нѣсколько дней наставникъ объяснилъ понятіе. Видя отвращеніе ученицы своей къ римѣ, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ спасти поэзію, и для того сказалъ Елисаветѣ: «Рима уподобляется широкому и блестящему плащу, подъ пышными складками котораго можно иногда скрывать нѣкоторые недостатки; но если вы откажитесь отъ нея, тогда всѣ части поэтическаго произведенія должны быть непогрѣшны. Слова, выраженія, обороты, благозвучіе, все должно быть избрано съ большею тщательностью, потому что тогда отъ взора читателя не ускользаетъ ни малѣйшій недостатокъ, и поэтъ уже не можетъ складывать вину на какія либо узы. Вообще слогъ долженъ быть тогда возвышеннѣе. Чтобы научиться этому, я не знаю лучшаго средства, какъ ввести васъ въ школу Клопштока. Вы тѣмъ находите на пѣвца Мессіады, что онъ также не любилъ римы; и въ духовныхъ его пѣсняхъ, единственномъ его твореніи, писанномъ въ римахъ, видно, что онъ стоилъ ему труда. И такъ совѣтую вамъ, прилежнымъ и внимательнымъ чтеніемъ его сочиненій, научиться къ слогу, который можетъ заставить позабыть объ отсутствіи римы. Мы начнемъ съ его трагедій, и, посредствомъ ихъ, приготовимъ себя къ разумнѣио Мессіады». Елисавета принялась за чтеніе этого творца новой германской литературы со рвеніемъ, которое не могло оставаться безъ важныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ она нисколько не думала совсѣмъ отказываться отъ римы, послѣ того, какъ сбросила съ себя нѣкоторое бремя ея. Теперь, напротивъ, когда рима уже почти не стоила ей труда, Елисавета почитала ее тѣмъ, что рима была въ самомъ дѣлѣ, то есть, однимъ изъ средствъ къ достиженію цѣли, которую имѣетъ всякое поэтическое произведеніе.

Околоэтого времени у наставника и ученицы часто заходилъ разговоръ о сущности и назначеніи поэзіи, о подражаніи и оригинальности, о слогѣ и образѣ изложенія; въ этихъ разговорахъ наставникъ старался какъ можно яснѣе выражать свои мысли, чтобы ученица его была въ состояніи смотрѣть на это любимое ея искусство съ надлежащей точки зрѣнія, и чрезъ то какъ можно болѣе удалиться отъ подражанія. Для него страсть къ подражанію казалась величайшимъ и непротятельнѣйшимъ преступленіемъ въ поэзіи. Лучше двѣ ваши собственные мысли, чѣмъ двадцать занятыхъ у чу-

нихъ. Отъ снѣженія своего съ тужить, цѣлое принимаетъ видъ вохщевшаго, и тогда, прошай всякое прятаніе на ния художницы. Надобно, чтобы художникъ всегда могъ сказать: «Это мое! Я не Рафаэль и не Микель-Анжело; я просто списываю народъ сосѣдней деревенской корчмы; но вымысль, распорядокъ и исполненіе, все мое.» Изъ этихъ немногихъ словъ видно, какъ наставникъ дорожилъ оригинальностью, и былъ совершенно правъ. — «Мнѣ самой кажется, сказала однажды Елисавета, что всякое произведеніе должно имѣть свою собственную физиономію, для отличія отъ произведеній другихъ художниковъ; но я признаюсь, что для меня именно это кажется самымъ мудренымъ во всякомъ предпріятіи. Я часто говорю себѣ: — «Конечно, оригинальность прекрасная вещь, но какъ ея достигнуть?» — «Оно не легко, отвѣчалъ наставникъ, но возможно. Вы согласны, что одинъ и тотъ-же предметъ, разсмотрѣнный въ одно время десятью человѣками, вѣроятно на другъ даже не дѣлаетъ одинаковаго впечатлѣнія?» — «Разумѣется! мы видимъ это на каждомъ шагу. Десять человѣкъ судятъ объ одномъ и томъ-же произведеніи, и каждый думаетъ различно.» — «Но если я требую отъ художника оригинальности, то это не значитъ, чтобы взгляды его на вещи и его дѣйствія не имѣли ничего общаго съ мыслями прочихъ людей, тогда я хотѣлъ-бы, чтобы онъ былъ чудачкомъ; — ни мало, а только, чтобы онъ имѣлъ въ себѣ нѣчто отличное отъ товарищей его по художеству, такъ чтобы свѣдущій читатель съ перваго взгляда могъ сказать: «Въ этомъ я узнаю того-то, въ этомъ произведеніи видна рука мастера.» Теперь, если приписать все это къ вамъ, я советовалъ-бы, при каждомъ сочиненіи, о какомъ-бы то ни было предметѣ, всегда точно въ такомъ видѣ передавать бумагѣ ходъ вашихъ мыслей, въ какомъ онъ представляется воображенію вашему, и не заботиться о томъ, такъ-ли представили-бы себѣ, или выразили бы тоже самое Геснеръ, Галлеръ, Клейстъ, Глеймъ или Якоби. Въ этомъ самомъ спѣшеніи мыслей обнаружится оригинальность вашего образа мыслей и чувствованій; въ немъ-то откроется предъ читателемъ ваша собственная и внутренняя природа, и оно-то представитъ вамъ существомъ, различнымъ отъ Геснера, Галлера, Клейста, Глейма, Якоби и многихъ другихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Само собою разумѣется, что въ мысляхъ должна господствовать связь, а въ выраженіяхъ ясность и грамматическая правильность: бредъ-же и всякому не понятный языкъ рождаетъ безомыслицу, а не оригинальность».

Такъ училъ наставникъ. Ученица, между тѣмъ, обо всемъ единственно всегда долго и прилежно размышляла, и при первомъ случаѣ сообщала наставнику выводы этого размышленія. Такъ однажды она сказала ему: «Мнѣ кажется, что предметомъ поэзій могутъ быть только миръ и люди.» — «Да.» — «Но, чтобы изобразить миръ и людей, надобно знать ихъ.» — «Конечно.» — «Но у меня весь миръ составляютъ: небо, сколько его вижу надъ собою, оба сада,

дворъ и улица; а людей я знаю только по тѣмъ тридцати человѣкамъ, съ которыми маменька и я знакомы.» — «Правда. Ну, и опишите этотъ миръ свой этихъ знакомыхъ своихъ.» — «Вы сказали, что поэзія есть живое изображеніе внѣшняго и внутренняго міра. Можно ли послѣ этого, все окружающее насъ, даже чувства и ощущенія, представить въ видѣ живыхъ лицъ, т. е. заставить ихъ говорить, какъ напримѣръ, птицу, дерево, цвѣтокъ, камень?» — «Отъ чего же вѣтъ?» — «Разумѣется я заставила бы говорить всякаго, и цвѣтокъ и камень по своему.» — «Теперь понимаю васъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляю, что вы уже нашли себѣ кругъ дѣйствія. Если со временемъ произведете на свѣтъ, то, что теперь, можетъ быть, не довольно ясно представляется вамъ въ умѣ, то можете быть увѣрены, что ваши поэтическія произведенія не будутъ лишены оригинальности».

Елисавета Кульманъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что гений самъ себѣ пролагаетъ дорогу. Одна услуга, какую постороннее пособіе можетъ оказать ему, это разсѣвать туманъ, которымъ нное еще закрыто для него, и этимъ дать ему возможность ясно видѣть будущую цель свою. Мы видимъ ее дѣйствующею, здѣсь въ первое время ея поэтическаго бытія какъ поэтъ природы. Проходя первыя четыре ея картинныя галереи, или *Собранія картинъ*,* находимъ, что она старалась изобразить словами и картинами большую часть того, что по ея мнѣнію составляетъ предметъ поэзи: она описываетъ окружающій ее миръ, — или вѣрнѣе, ту часть міра, которая, въ ея крайне ограниченномъ положеніи, была для нея доступна, — окружающихъ ее животныхъ, цвѣты, растенія, и кое гдѣ собственный свой не блистательный бытъ. Но въ четырехъ слѣдующихъ картинныхъ галереяхъ видимъ, что она уже сбѣгла шагъ впередъ. Она раздвигаетъ окружающія ея границы, избираетъ своимъ кругомъ дѣйствія всю природу, и рѣчь ея получаетъ высшій полетъ. Она прибѣгаетъ къ той-же хитрости, что свачала, когда она принудила наставника облегчить для нея слишкомъ тяжелыя оковы рѣшмы, и даже совсѣмъ освобождаетъ себя отъ нея теперь, когда только ей вздумается, такъ какъ, по ея словамъ, могутъ встрѣтиться случаи, гдѣ всякое приужденіе, исключая бѣлыхъ стиховъ, воспрещаетъ ему полное изображенію хода нашихъ мыслей. Наставникъ, хотя сначала и неохотно, уступилъ и здѣсь; вскорѣ однако онъ имѣлъ случай не раскаиваться въ этомъ. Вѣроятно картины этихъ четырехъ галерей не имѣли бы столько жизни и дѣятельности, если бы яго рѣшмы еще тяготило Елисавету. Замѣтимъ также, что между ними есть три стихотворенія, которыя, какъ увидимъ впоследствии, удостоивались похвалы величайшаго поэта Германіи.

* Сочиненіе, написанное Елисаветою Кульманъ на нѣмецкомъ языкѣ.

ПОСЛѢДНІЯ ЗАПИСКИ
О ЧАРЛЗЪ ЛЭМЪ,

ИЗДАНЫЯ Т. ТАФОРДОМЪ *.

=

Въ мрачной комнатѣ, ветхая мебель которой, освѣщенная послѣдними лучами заходящаго солнца, блестѣла сомнительною и степенною чистотою, составляющею печальную изящность нище-

* Постоянные читатели этого изданія не забыли, конечно, представленнаго въ немъ нѣкогда очерка жизни самаго милаго изъ англійскихъ литераторовъ, самаго плѣнительнаго изъ юмористовъ, самаго благосклоннаго изъ критиковъ, который обладалъ даромъ открывать красоты въ скукѣ и талантъ подъ спудомъ наружной бездирности. всегда добродушнаго, всегда веселаго, кроткаго, наивнаго, оригинальнаго Лэма (Charles Lamb). Такіе характеры, рѣдкіе цвѣты человѣческой природы, не забываются. Не въ то время, когда очеркъ былъ представленъ, Записки о Лэмѣ, по семейнымъ уваженіямъ, оставались еще въ рукописи. Ничье уваженіе эти устранились кончиною особъ, о которыхъ приходилось въ нихъ говорить, и другъ покойнаго Лэма, шестеръ Thomas Tolbuid, возобновилъ трогательную память объ немъ изданіемъ остальныхъ свѣдѣній. Никто, конечно, изъ читателей прежнихъ памятниковъ этого любезнаго и фантастическаго характера. вѣсть и насмѣшливаго и чувствительнаго, надъ усѣбником котораго такъ часто дрожала сердечная слеза, въ своеправномъ и сладкомъ слогѣ котораго царствовала такая беззаботность, такое расположеніе къ веселости и счастью; никто, конечно, не предполагалъ, что это былъ только занавѣсъ, брошенный на ужасныя душевныя страданія, что эта наружность, такая тихая, игривая, ребяческая, скрываетъ отъ свѣта жестокою драму и сверхъестественное геройство.

ты, собрались четыре особы. Двѣ старушки, изъ которыхъ одна прикованная параличемъ къ длинному стулу, занимають мѣсто около очага и разговариваютъ о хозяйствѣ. У стола сидитъ старикъ, машинально тасуя колоду картъ и играя съ самимъ собою въ фантастическій пикетъ, въ которомъ партнеры, его правая и лѣвая рука. Противъ бѣднаго игрока, шьетъ, съ какою то лихорадочною торопливостію, молодая женщина; по временамъ она подымаетъ съ нетерпѣніемъ усталую голову и внезапно раздраженіе загарается въ глазахъ; но скоро взоръ ея снова принимаетъ выраженіе тихой, робкой покорности, которою горести нищеты съ раннихъ поръ надѣляютъ существа отъ природы мечтательныя и обреченныя на страданія. Старикъ - дитя, ея отецъ, женщина разбитая параличемъ - мать, другая старушка ея тетка. Иногда посреди тишины, боль исторгаетъ у матери стоны, дочь бѣжитъ къ ней и съ нѣжною заботливостію поправляетъ ее. Когда добрякъ кончилъ свою баснословную партію и сбравъ карты спрашиваетъ отчего не возвратился до-сихъ поръ Чарльзъ, мать отвѣчаетъ на это горькимъ разсужденіемъ о неблагодарности и невнимательности дѣтей: «Чарльзъ сдѣлалъ ученымъ! Чарльзъ зѣваетъ на выставленныя книги букиниста, или толкуетъ съ Колриджемъ; хорошо онъ думаетъ о своихъ родителяхъ! Вѣроятно кака-нибудь особенная работа задержала его долге обыкновеннаго въ конторѣ, возражаетъ Мери, желая защитить брата. О! дѣти всегда стоятъ другъ за друга, съ досадою замѣчаетъ мать. Чарльзъ, добрый сынъ, нѣжно говорятъ тетка, вступаясь за племянника и Мери. Чарльзъ баловень твой, сухо отвѣчаетъ больная. Въ эту самую минуту Чарльзъ отворяетъ дверь. Чарльзъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, сухошавый; лицо у него умное и задумчивое, взглядъ разсѣянный, но блестящій какою то внутреннею улыбкой. Онъ заботливо спрашиваетъ о здоровьи матери, ласково встрѣчаетъ добрую тетку, нѣжно и долго жметъ руку сестры; потомъ сѣло усѣвшись противъ отца, беретъ колоду картъ, съ трескомъ проводитъ ихъ между пальцами, и среди ворчанья матери, играетъ до обѣда съ восхищеннымъ старикомъ.

Такая сцена происходила почти каждый вечеръ, въ началѣ 1795 года, въ бѣдномъ домишкѣ стараго Лондона, въ семействѣ Чарльза Лэма. Это семейство, испытанное всевозможными бѣдствіями, принадлежало къ числу тѣхъ, о которыхъ сказано: *благенни страждущіе!* Всѣ средства его къ существованію ограничивались маленькимъ пенсіономъ старика отца, скуднымъ жаловань-

емъ Чарлза, занимавшагося въ продолженіи трехъ лѣтъ, въ конторѣ Индійской Компаніи и ничтожною платою, которую взносила тётка за свое содержаніе: средства эти были такъ недостаточны что Мери принуждена была пособлять трудами рукъ своихъ. Къ лишеніямъ нищеты присоединялась болѣзнь, и Лэмъ, для забавы старика, впавшаго въ дѣтство, а сестра Мери для облегченія матери, употребляла все свои досуги и всю заботливость. До сихъ поръ въ борьбѣ съ горестями и скукою жизни, у Лэма было три подпоры: дружба Колриджа, сонъ любви, и любовь сестры. Для него поэзія воплощалась въ единственномъ его другѣ, блистательномъ, краснорѣчивомъ, восторженномъ Колриджѣ; но Колриджъ недавно уѣхалъ изъ Лондона. Въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія его здѣсь, Лэмъ провелъ много прекрасныхъ вечеровъ, съ знаменитымъ поэтомъ въ его маленькой комнатѣ въ благовѣщенскомъ трактирѣ: здѣсь въ двоёмъ они курили, пили чай, упивались поэзіею, съ восторженною симпатіею двухъ юныхъ душъ, оплодотворяющихъ одна другую. Невинныя оргіи ума! Ихъ только и зналъ Лэмъ, и съ отъѣздомъ Колриджа, это воспоминаніе стало для него милою мечтою и предпочтительнымъ развлеченіемъ. Любовное видѣніе привело къ этому воспоминанію другой образъ и другую грусть: то была одна изъ тѣхъ раннихъ грезъ любви, которыми мы увлекаемся въ лѣта дѣтства. Лэмъ воспѣвалъ ее въ простыхъ, понятныхъ душѣ сонетахъ, вѣявшихъ столь же легкимъ ароматомъ, какъ самый призракъ, къ которому они относились: «Мы были два милые ребенка; она была моложе, гораздо моложе и прекраснѣе.—Было время, когда мы оба любили быть вмѣстѣ, когда мы оба плакали, если насъ разлучали... Возлюбленная! Кто мнѣ скажетъ гдѣ ты, въ какомъ прелѣствомъ эдемѣ тебя можно найти; я бы пошелъ искать тебя черезъ весь пространный міръ». Поэтический дѣтскій бредъ? и когда видишь, какъ Лэмъ въ своихъ письмахъ къ Колриджу разбираетъ каждый стихъ своихъ советовъ, то не знаешь, что занимаетъ его всего болѣе въ этой игрѣ, выборъ словъ или чувства, которыя они выражаютъ. Должно было остановиться на этихъ блѣдныхъ грезахъ любви, потому что Лэмъ, кромѣ ихъ, не зналъ другихъ въ жизни. Онѣ исчезли предъ дружбою сестры, которой онъ говорилъ въ это время, болѣе трогательнымъ голосомъ: «Если изъ устъ моихъ вырвалось нѣсколько горькихъ словъ, или какая вибудъ грустная жалоба, или суровый упрекъ, то это было одно лишь заблужденіе больной души и смущенной мысли; пусть стихи эти послужатъ мнѣ слабымъ искупленіемъ!... Ты

часто слушала печальную пѣснь о моей больной любви, оплакивая вмѣстѣ со мною скорбь, со мною, который такъ дурно платитъ долгъ любви, тебѣ Марія, тебѣ подруга и сестра моя! Бѣдный Лэмъ! увидятъ слабо ли онъ заплатилъ этотъ долгъ; онъ заплатилъ его жизнью своею!

Это мрачное одиночество, въ которое ввергнуть былъ Лэмъ въ среднѣ 1795 года, сдѣлалось для него пагубно. Въ семействѣ его было расположеніе къ безумію: оно вкоренилось въ немъ въ слѣдствіе склонности его къ мечтательности, которая становится потребностью и наслажденіемъ для нѣжныхъ душъ, преслѣдуемыхъ несчастіями міра дѣйствительнаго, ихъ окружающаго. Однажды, когда умъ Лэма совершалъ одно изъ своихъ причудливыхъ странствованій, безуміе заняло въ его головѣ пустое мѣсто. Лэмъ заключенъ былъ на нѣсколько недѣль въ домъ умалишенныхъ. Получивъ свободу, онъ поспѣшилъ писать къ Колриджу. Онъ говорилъ ему о своемъ помѣшательствѣ съ трогательною веселостью. «Колриджъ, писалъ онъ ему, не знаю какія сцены страданій испытали вы въ Бристолѣ. Что касается до меня, моя жизнь въ послѣднее время была нѣсколько разнообразна. Шесть недѣль, которыми окончился протекшій годъ и начался настоящій, вашъ нижайшій слуга провелъ весьма пріятно, въ домѣ умалишенныхъ въ Гокстонѣ. Теперь я сталъ нѣсколько благоумнѣе и не кусаю никого; но я былъ помѣшанъ и мое воображеніе увлекало меня въ бездну бредней, изъ которыхъ можно бы было составить цѣлый томъ, если бъ ихъ описать.» Въ другомъ письмѣ, онъ снова говорилъ о своемъ безуміи, припоминая наслажденія, которыя вкушалъ въ дружбѣ Колриджа, описывая тоску нравственнаго уединенія, въ которое онъ снова впалъ, послѣ отъѣзда его друга. «Вы пріѣхали въ Лондонъ и я видѣлъ васъ въ ту минуту, когда сердце ваше обливалось кровью отъ свѣжихъ ранъ. Какъ вы, я страдалъ обманутою надеждой; и у васъ была пѣсня, плачь которыхъ утѣшаетъ плачущихъ; слухъ мой внималъ имъ съ сочувствіемъ, и сладко отзывались онѣ на душѣ моей. Прочитывая въ вашей книжечкѣ піесу, которой вы дали названіе «Вздохъ», мнѣ казалось, что я васъ слышу. Я представлялъ себѣ маленькую, дымящую комнату въ благовѣщенскомъ трактирѣ, гдѣ мы проводили вмѣстѣ зимнія ночи, убаюкивая нашу скорбь поэзіею. Когда вы оставили Лондонъ, я почувствовалъ ужасную пустоту въ сердцѣ. Въ эту минуту я былъ разлученъ съ двумя любезными существами! Съ какимъ блаженствомъ я совершилъ бы съ вами жизненный путь!

«Вы примѣшивали въ свои разговоры столько прелестныхъ образовъ, что я забывалъ мою грусть; но, въ ваше отсутствіе, на меня упала волна меланхолическаго и затопила мой рассудокъ. Я испѣлся, но чувствую опѣвленіе, которое дѣлаетъ меня равнодушнымъ къ надеждамъ и опасеніямъ этой жизни. Иногда, я хочу обратиться къ религіи, но привычки сильны, и мое усердіе ограничивается, увы! нѣсколькими скоротечными мгновеніями уединенной набожности. Ваши письма исторгли меня изъ летарціи и возвратили мнѣ чувство бытія. Продолжайте писать; я не буду вамъ слишкомъ докучать. Когда набуду я позабавлю васъ разсказомъ о моемъ странномъ безуміи. Иногда я обращаю взоры назадъ, на то состояніе въ которомъ находился, грустный взглядъ завистя; потому что въ то время я наслаждался многими часами истиннаго счастья. Не думайте, Колриджъ, что вы испытали все величіе и силу фантазіи, если не были сумасшедшимъ. Теперь, при сравненіи, мнѣ все кажется безсмысленнымъ.» Изъ каждой строки видно, что эта переписка—жизнь Лэма. Колриджъ намѣревался издать новую книгу стихотвореній и по братской дружбѣ, хотѣлъ, чтобы къ его спону Лэмъ присоединилъ и свои соеты. Лэма забавляло это изданіе; напитанный чтеніемъ поэтовъ шестнадцатаго вѣка, романтикъ, какъ и его другъ, онъ съ утонченнымъ вкусомъ разбираетъ оттѣнки словъ, оборотовъ, извѣстность поэтическаго выраженія. Въ мѣстѣ своего увлеченія, онъ возвращается къ надеждѣ; но тотчасъ же прибавляетъ съ граціознымъ юморомъ: «Надежда, хорошенькая дѣвочка, живая, съ голубыми глазами и я всегда въ восторгѣ отъ ея общества; но охотно бы отказался отъ ея посѣтителей, которыхъ она приводитъ за собой; ея младшая сестра, Боязнь, злой ребенокъ съ блѣдными щеками, робкій, дрожащій, который цѣпляется за шнурки передника своей сестры и хочетъ идти за нею повсюду.» А сколько блѣдный мальчикъ, только что освободившійся отъ безумія, признателевъ за внимательность Колриджа! «Благодарю за ваши частыя письма; вы одинъ, съ кѣмъ я переписываюсь, и могу прибавить, вы единственный другъ, какого я ниѣю на свѣтѣ. Я никуда не хожу и у меня нѣтъ вовсе знакомыхъ. Такъ какъ я отъ природы не словоохотливъ и не слишкомъ обходительнъ, то никто не ищетъ моего общества или вовсе обо мнѣ не думаетъ и меня оставляютъ одного. А*** иногда навѣщаетъ меня, какъ-будто по обязанности, и пробываетъ не болѣе десяти минутъ. Можете судить теперь сколько я благодаренъ вамъ за письма. Однако, чтобъ переписка эта не была вамъ въ тя-

«гость!» Онъ часто повторяетъ это съ трогательнымъ душевнымъ безпокойствомъ. «Колриджъ, для такого вразнаго какъ я, разумѣется весьма пріятно писать и получать письма, но я все не наищу совершенно завладѣть вашимъ временемъ и не требую слишкомъ частыхъ отвѣтовъ. Посвящайте мнѣ одинъ лишь часъ скуки; пишете мнѣ тогда только, когда вамъ нечего другаго дѣлать.» Кажется видны тревожную заботливость любящей женщины, которая готова на все пожертванія, боясь насмучить и чрезъ то потерять любовь необходимую для ея счастья.

Такимъ образомъ несчастный юноша силится возвратиться къ жизни; онъ снова обратился къ прежнимъ занятіямъ: утро проводилъ въ конторѣ Индійской Компаніи, а вечеромъ игралъ въ карты съ своимъ дряхлымъ отцомъ или писалъ Колриджу; какъ вдругъ ужасное несчастье поразило его семейство, обреченное на всевозможныя роковыя испытанія.

Въ сестрѣ Лэма уже замѣтны были признаки расстройства ума. Дни же, посвящаемые безконечной работѣ, а ночи проводимыя въ безсонницѣ, возмѣ матери, совершенно истощили ея рассудокъ. Въ одинъ день, въ припадкѣ неистовства, она умертвила свою мать. Въ Times отъ 26 сентября 1796 года напечатаны были изъ этой ужасной сцены, слѣдующія подробности описанныя безстрастнымъ и трагическимъ слогомъ протокола.

«Въ пятницу, послѣ полудня, уголовный судья и комиссія присяжныхъ свидѣтельствовали трупъ одной благородной женщины, по сосѣдству Голборна, умершей отъ раны нанесенной ей на каиушѣ дочерью. По изслѣдованіи оказалось, что въ то время, когда семейство собиралось обѣдать, дѣвица схватила со стола ножъ и грозила имъ маленькой дѣвочкѣ ея ученицѣ, гоняясь за нею по комнатамъ. При словахъ матери, которая хотѣла ее удержать, она перестала преслѣдовать ребенка и съ пронзительнымъ крикомъ подошла къ матери. На шумъ прибѣжалъ хозяинъ дома, но было уже поздно. Онъ нашелъ мертвую мать, на стулѣ, пронзенную въ сердцѣ, дочь, стоявшую надъ нею, съ блуждающими зорами, съ ножомъ въ рукѣ, и старика, ея отца, плачущаго возмѣ, съ окровавленнымъ лбомъ, раненымъ вишкою, брошенною съ бѣшенствомъ дочерью. За нѣсколько дней до этого семейство замѣтило въ этой дѣвицѣ припадки помѣшательства, которые увеличились въ среду вечеромъ до того, что на другой день рано утромъ, братъ ея пошелъ за докторомъ Паттерномъ; но его не настало дома. Надо полагать, что у молодой

женщины былъ уже однажды поврежденъ разсудокъ. Комиссію присяжныхъ приписала это происшествіе — *безумію*.

Лэмъ писалъ Колрвджу:

« Любезнѣйшій другъ мой,

« Уайтъ (White), или кто-нибудь изъ моихъ друзей, или газе-
« ты, вѣроятно уже извѣстили васъ о страшномъ бѣдствіи по-
« стигшемъ наше семейство. Я скажу вамъ только: моя несча-
« стная, моя любимая сестра, въ припадкѣ помѣшательства, умер-
« твила свою родную мать. Я послѣлъ только, чтобы вырвать
« изъ рукъ ея ножъ. Она теперь въ домѣ умалишенныхъ, от-
« куда, боюсь, чтобы не перевезли ее въ богадѣлю. Богъ со-
« хранилъ мнѣ разсудокъ; я ѣмъ, пью, сплю и мнѣ кажется, что
« я въ полномъ умѣ. Мой бѣдный отецъ легко раненъ, и я не
« оставляю ни его, ни мою тетку. Мистръ Норрисъ, изъ школы
« синихъ, оказалъ намъ много добра; у насъ нѣтъ другаго друга;
« но благодаря Бога, я спокоенъ, не теряю присутствія духа, и
« въ состояніи дѣйствовать, какъ слѣдуетъ. Напишите мнѣ пись-
« мо, сколько возможно проникнутое религіею, но не упоминайте
« о случившемся. Для меня, прошедшаго не существуетъ, и мнѣ
« приходится болѣе, чѣмъ чувствовать.

« Всемогущій Богъ да сохранитъ насъ подъ своимъ покровомъ.

Ч. Лэмъ.

« Не говорите мнѣ о поэзіи; я истребилъ въ конецъ всю суету
« этого рода.

« Здравый смыслъ убѣдитъ васъ не говорить объ этомъ ни слова
« вашей любезной супругѣ. Некитесь о вашемъ семействѣ; у ме-
« ня остается довольно еще разсудка и силы, для попеченія о
« моемъ. Пожалуйста не думайте пріѣзжать; пишите. Я не захочу
« видѣть васъ, если вы пріѣдете. Всемогущій Богъ, да любитъ
« васъ и насъ всѣхъ.

Ч. Лэмъ.

Это первая минута скорби, скорби нѣмой, которая въ глубинѣ сердца удерживаетъ вопль и только по временамъ вырывается короткими, прерывчатыми словами. У Лэма осталась одна мысль, не обезумѣть! Сойди онъ съ ума, что станется съ отцомъ - ребенкомъ, съ умирающей теткой и бѣдной сестрой, невольною убійцею матери, заключенною въ домъ умалишенныхъ. Теперь ему непозволительно обезумѣть; этотъ молодой человѣкъ, который самъ едва успѣлъ выдти изъ дома сумасшедшихъ, который сейчасъ еще почти желалъ безумія, какъ восторженнаго состоянія, собираетъ всѣ остатки разума и силы и вооружается противъ собственной чувствительности. Онъ болѣе не сойдетъ съ

ума; чувство долга совершаетъ въ немъ чудо; самоотверженіе и преданность къ ближнему побѣдятъ безуміе. Въ послѣдствіи, по временамъ, грудь его будетъ переполняться слезами, и потокъ ихъ выступитъ наружу сильными судорожными движеніями; по временамъ, пронзительная нота будетъ прерывать его холодныя, обдуманныя рѣчи. Во второмъ его письмѣ къ Колриджу высказывается болѣзненная и высокая борьба, которая по очереди то разбивается, то укрѣпляетъ эту геройскую душу.

« Любезнѣйшій другъ мой,

« Ваше письмо было мнѣ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Вы будете рады, я знаю, услышать, что наше положеніе нѣсколько улучшается. Бѣдная моя сестра, несчастное, невольное орудіе суда Всемогущаго надъ нашимъ семействомъ, возвратились къ разсудку и страшному воспоминанію прошедшаго; ужасно это чувство, — оно будетъ тяготѣть надъ нею до конца жизни, но покорность судьбѣ и справедливая оцѣнка несчастія, умѣряетъ горечь этого чувства. Она выздоравливаетъ, и уже начинаетъ различать поступокъ совершенный въ припадкѣ горячки отъ страшнаго злодѣйства, отъ убійства матери. Я ее видѣлъ. Сегодня утромъ, я нашелъ ее спокойною и веселою; но веселою не до непримечія, не до забывчивости: то, что случилось возмущаетъ ее глубоко, но нѣжно. Съ самаго начала, какъ ни ужасна и отчаянна была болѣзнь ея, я не переставалъ вѣрить въ крѣпость ея души и религіозныхъ ея правилъ; и предвидѣлъ время, когда она можетъ возвратиться къ спокойствію. Благодареніе Богу! Колриджъ, это-чудо, но я во все время сохранилъ твердость духа; даже въ этотъ страшный день, среди этой ужасной сцены, я не утратилъ спокойствія души, которое присутствовавшимъ могло показаться равнодушіемъ; это спокойствіе, однако же, было не отчаяніе. Будетъ ли безумно или грѣшно сказать, что меня болѣе всего поддерживала религія? Я чувствовалъ что кромѣ сожалѣнія, мнѣ предлежитъ другое дѣло. Въ этотъ первый вечеръ, тетка лежала въ безчувствія, будто мертвая; отецъ съ повязкой на лбу, равенный дочерью, которую онъ нѣжно любилъ, и которая не менѣе любила его; трупъ умерщвленной матери лежалъ въ сосѣдней комнатѣ, а я между тѣмъ оставался крѣпокъ духомъ. Я не смыкалъ глазъ во всю ночь, но лежалъ не чувствуя ни ужаса, ни отчаянія. Я не лишился однако же сна. Мнѣ одному предстояла вся забота о семействѣ; потому что братъ, вообще несклонный къ ухаживанію за стариками и боль-

«ными, въ это время страдалъ ногою; я оставался одинъ. Маленькое происшествіе даетъ вамъ понятіе о томъ, какъ я управляю самимъ собою. День или два послѣ рокового дня, у насъ былъ за обѣдомъ языкъ, посоланный дома нѣсколько недѣль назадъ. Когда я съѣлъ, я почувствовалъ что-то въ родѣ угрызенія совѣсти. Этотъ языкъ приготовила Мери для меня, и я могъ ѣсть его, когда она была такъ далеко отъ меня! Мнѣ пришла мысль, которая утѣшила меня: если я предамся новавшимъ меня чувствамъ, то каждый стулъ, коммодъ, каждая вещь, въ состояніи причинить душѣ моей самыя жестокия боли; надо взять верхъ надъ этими слабостями. Надѣюсь, что этого нельзя принять за недостатокъ истинной чувствительности. Однакожъ я не слишкомъ поддаюсь холодному разсудку. На другой день (я считаю съ страшнаго дня), по заведенному при добрыхъ случаяхъ обыкновенію, въ нашей комнатѣ ужинало до двадцати человѣкъ; меня уговаривали ѣсть, — потому что я отъ этого никогда не отказывался. — Гости разговаривали довольно весело. Одинъ изъ нихъ пришелъ по дружбѣ, другіе по влеченію любвишества, нѣкоторые по участію; я уже было присѣлъ къ нимъ, какъ вспомнилъ, что моя бѣдная, мертвая мать лежала возлѣ, въ сосѣдней комнатѣ, — мать, которая въ продолженіи всей жизни своей, желала только счастья дѣтямъ. Негодование, глубокая скорбь, что-то въ родѣ угрызенія совѣсти, овладѣли мною. Снѣдаемый душевнымъ безпокойствомъ, машинально вошелъ я въ сосѣдную комнату и упалъ на колѣни предъ гробомъ, моля о прошеніи небо и ту, которую такъ скоро могъ позабыть. Я сталъ спокойнѣе; одна лишь эта сильная душевная тревога поборола, и кажется, облегчила меня.

«Я говорю вамъ объ этомъ потому, что люблю повѣрять вамъ все, что происходитъ во мнѣ. — Друзья оказали намъ много добра. Самъ лн-Грейсъ, бывшій въ это время въ городѣ, провелъ со мною первыя три или четыре дня, и братски посвятивъ мнѣ все свое время, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ забавлялъ моего бѣднаго отца, говорилъ съ нимъ, читалъ ему, игралъ съ нимъ въ карты, — память бѣднаго старика такъ слаба, что онъ зашамался игрою, какъ будто вичего не бывало, а между тѣмъ уголовный судья производилъ слѣдствіе..... — Мистеръ Норрисъ, изъ больницы Христа Спасителя, былъ мнѣ совершеннымъ отцемъ, а мистриссъ Норрисъ — матерью, хотя мы не имѣли права на такое съ ихъ стороны вниманіе. Одинъ джентельменъ, братъ моеи крестной матери, отъ котораго мы не могли тре-

«Бовать никакой помощи, прислалъ моему отцу двадцать фунтовъ стерлинговъ, и, чтобы увѣнчать благодѣнія висносланныя Богомъ, въ подобную минуту, на наше семейство, одна старая дама, кухня моего отца и моей тетки, женщина съ состояніемъ, возьметъ тетку къ себѣ и усладитъ послѣдніи дни ея жизни.— Тетка моя поправилась, ей гораздо лучше; мысль, что она уйдетъ, радуется ее. Она великодушно предлагаетъ продолжать намъ плату, которую давала отцу за свое содержаніе. И такъ всего на все отцу; мнѣ и на старую служанку, которая ужъ жила за мнѣ, когда меня не было дома, приходилось въ годъ отъ ста семидесяти до ста осмидесяти фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ мы могли удѣлять по-крайней мѣрѣ до шестидесяти фунтовъ, Мери, пока она будетъ находиться въ Ислингтонѣ, а она должна оставаться тамъ до смерти отца... Она очень поправилась доброй смотрительницѣ дома умалишенныхъ и ея дочери, прелестной молодой женщиной; я слышалъ отъ самой сестры, что она ихъ очень любить обѣихъ и хочетъ съ ними остаться. Бѣдное созданіе! на дняхъ она говорила мнѣ, что въ бѣдѣмъ она должна провести всю жизнь; что этого желаетъ одинъ изъ братьевъ, а другой принужденъ будетъ согласиться; что она не разъ замѣчала въ себѣ разстройство умственныхъ способностей и, проходя мимо дома сумасшедшихъ, не рѣдко думала: «Мнѣ суждено здѣсь окончить дни свои....» Если отцу, старой служанкѣ и мнѣ не достаточно будетъ ста тридцати или ста двадцати фунтовъ стерлинговъ въ годъ, чтобы жить въ довольствѣ, то скорѣе будемъ терпѣть нужду, чѣмъ согласусь видѣть Мери въ богадѣльнѣ!... Моя бѣдная сестра единственное существо въ свѣтѣ, для которой я не зналъ эгонзма. Бѣдная, любезная душа! въ другомъ письмѣ, для собственного своего удовольствія, я распространюсь о ея прекрасныхъ качествахъ, потому что я понималъ ее совершенно: если не ошибаюсь, то даже въ самомъ горестномъ положеніи, въ какомъ можетъ только находиться человѣкъ, она всегда сохраняетъ величіе и доброту души. Богъ да поддержитъ ее въ томъ состояніи духа, въ какомъ она теперь!»

Ч. Лэмъ.

«Благопріятныя обстоятельства, о которыхъ я вамъ говорилъ, довели разсудокъ мой до крайности, противоположной отчаянію. — Я подвергался опасности быть слишкомъ счастливымъ. Ваше письмо навело меня на первыя мои впечатлѣнія. За себя я надѣюсь,— за Мери я не ручаюсь,— что сохранию во

«всю жизнь воспоминаше и впечатлѣніе о случившемся, столь же живо, какъ теперь. Это происшествіе не маловажно и Богъ не велитъ, чтобы мы смотрѣли на него легкомысленно. Пока живу, я буду разсудительнымъ, осмотрительнымъ и глубоко-религіознымъ, и такимъ образомъ мы оба можемъ избѣгнуть въ будущности безумія, если это угодно Богу!

Ч. Л.

Несчастная безумная продолжала поправляться; — Лэмъ съ вѣжными безпокойствомъ слѣдилъ за ходомъ выздоровленія. Мерв, говорилъ онъ однажды своему другу, спокойна и весела. У меня вѣтъ съ собою записочки, которую она написала ко мнѣ; хотя мы видимся каждый день, все таки намъ пріятно переписываться. Со мной вѣтъ ея письма, но я могу сказать его наизусть: — «Я уже не вижу ужасныхъ сновъ, писала она мнѣ. Въ полночь, когда мнѣ случается просыпаться, возлѣ уснувшей сидѣльницы, посреди шума, который производятъ окружающіе меня сумасшедшія, я уже не боюсь. Кажется тѣнь матери нисходитъ ко мнѣ: она мнѣ улыбается и позволяетъ мнѣ наслаждаться жизнью и разсудкомъ, которыми Богъ надѣлилъ меня. Въ небѣ я свижусь съ нею; тогда она лучше пойметъ меня. Моя бабушка также лучше узнаетъ меня; она уже не скажетъ мнѣ, какъ обыкновенно говаривала: «Пошли, о чемъ же думаетъ твой бѣдный разстроенный мозгъ?» Бѣдная Мерв! прибавляетъ Лэмъ, продолжая подробности, проливающіе яркій свѣтъ на страшную тайну этой драмы и этого безумія; и точно, моя мать никогда не понимала ее. Она любила ее, какъ любила насъ всѣхъ, любовью матери; но по идеямъ, чувствамъ, взгляду на вещи, совершенно различествовала съ своею дочерью, которую никогда не понимала какъ слѣдовало: она не знала до какой степени любила ее Мерв, очень часто отвѣчала на ея ласки, на ея дочернее измѣненіе сердечныхъ чувствъ, холодно и недобѣрчиво. Все таки она была добрая мать!» Лэмъ хотѣлъ было снова перевезти сестру въ домъ, но родные и сосѣди воспротивились этому. Его старая тетка не могла привыкнуть къ новой жизни, у своей богатой родственницы, которая отослала ее къ Лэму, умирающую. «Моя бѣдная старая тетка, писалъ онъ къ Корриджу, которую вы звали тихою, которая болѣе всѣхъ заботилась обо мнѣ, когда я былъ въ школѣ, которая едва плетясь приносила мнѣ сласти, а я, какъ настоящій школьникъ, недоволенъ былъ ея попеченіями и краснѣлъ когда она приходила, садилась на ступени лѣстницы, ожидая нашего выхода изъ грамматиче-

скаго класса, потомъ открывала свой передникъ и давала мнѣ какой нибудь лакомый кусокъ, отложенный для меня; это доброе дряхлое созданіе, теперь на смертномъ одрѣ. Я не могу вынести этой мысли. Ея болѣзнь я приписываю удару, нанесенному ей нашими черными днями, и отъ котораго она не совсѣмъ еще опомнилась. Она говоритъ, бѣдное существо! что довольна своимъ возвращеніемъ къ намъ, чтобы умереть на моихъ глазахъ. Я всегда былъ ея баловнемъ». У каждаго изъ насъ простодушиновъ была такая тетка. Наконецъ, вечеромъ, когда Лэмъ, проведя день въ конторѣ индiйской компаніи и утомленный семи или осьми часовою работою, возвращался домой, то до ужина, по просьбѣ отца, садился съ нимъ играть. Однажды, проигравъ нѣсколько часовъ Лэмъ попросилъ старика позволить ему пойти писать: «Если ты не хочешь играть со мною, сказалъ со вздохомъ отецъ, то ты можешь вовсе не приходить». Отвѣчать на это было нечего и Лэмъ снова взялъ карты.

Между тѣмъ, какъ трагическое событіе все болѣе и болѣе терялось въ прошедшемъ, Лэмъ робко сталъ возвращаться къ прежнимъ поэтическимъ упражненіямъ; мало по-малу онъ снова начиналъ выказывать въ перепискѣ, ту милую и умную изысканность стиховъ и словъ, съ которою онъ критиковалъ стихотворенія своего друга и свои собственные. Воспоминаніе о вечерахъ, проведенныхъ въ благовѣщенскомъ трактирѣ, время отъ времени пробуждало въ немъ порывы энтузіазма; мечтая о тѣхъ пріятныхъ часахъ, онъ вздыхалъ, но потомъ упрекалъ себя въ этихъ невинныхъ сожалѣніяхъ, какъ будто въ нечестивой мысли. «Эти жалобы мнѣ не идутъ. Мнѣ остается только сравнивать мое настоящее положеніе, теперешнее состояніе души моей, мои виды, съ тѣмъ, что были они два мѣсяца назадъ — только два мѣсяца! О! другъ мой, я опасаюсь забыть ужасные уроки, которые мнѣ давы были! Напоминайте мнѣ объ нихъ, обратите меня къ моей обязанности! Серьезно говорите со мною въ своихъ письмахъ!» Несчастный! его опасеніе было предчувствіемъ. Онъ лишился отца. Несмотря на всѣ возраженія, онъ перевелъ къ себѣ сестру! Увы! онъ не долго наслаждался своимъ добрымъ дѣломъ. Старая тетка также умерла. Мери Лэмъ ухаживала за ней съ живѣйшею заботливостью. Утомленіе и горестъ снова пробудили въ ней припадки помѣшательства. Нужно было передать ее въ руки врачей. Лэмъ, оставшись одинъ въ этомъ домѣ, опустошенномъ безуміемъ и смертію, снова, взнуренный грустью, обратился къ своему единственному другу:

«Мой любезный Колриджъ!

«Я пишу къ вамъ, по влеченію бѣдствія, которое можетъ вы сказать свою скорбь. Въ пятницу, около одиннадцати часовъ вечера умерла тѣтка; Мери, изнеможенная усталостью и горестью, снова заболѣла, и я долженъ былъ вчера перевезти ее. Я одинъ остаюсь въ домѣ, въ обществѣ трупа тѣтки. Завтра я похороню ее, и тогда буду совершенно одинъ, съ кошкою, которая будетъ напоминать, что въ домѣ этомъ обитали живыя существа, подобныя мнѣ. Сердце мое разрывается, и я не знаю, гдѣ искать утѣшенія. Мери выздоровѣетъ, но ужасно подумать, что она подвержена возобновленію такихъ припадковъ. То же не послѣднее несчастіе, что ея положеніе и вся исторія нашего семейства, извѣстна всѣмъ людямъ, насъ окружающимъ. Мы и-которымъ образомъ отиѣчены. Простите, что я беспокою васъ; но мнѣ не съ кѣмъ говорить. Прошедшую ночь я провелъ въ домѣ, подъ открытымъ небомъ, потому что не могъ вынести этой перемѣны и этого одиночества; но я спалъ дурно, нужно обратиться къ постелѣ. Завтра я постараюсь упросить переночевать у меня одного изъ моихъ знакомыхъ. Я совершенно разбитъ. Голова совсѣмъ разстроена. Я желалъ бы даже смерти Мери. Богъ да благословитъ васъ!

Ч. Лэмъ.

Мери снова возвратилась къ разсудку, какъ предвидѣлъ Лэмъ. Онъ перемѣнилъ квартиру, чтобы избавитъ замѣчаній сосѣдей, наводившихъ на него страхъ. Чтобы получить разрѣшеніе взять къ себѣ сестру, Лэмъ долженъ былъ торжественно дать обязательство, имѣть за нею присмотръ по смерти ея. Давая это обѣщаніе, Лэмъ отказывался отъ всякой мысли о любви и женитьбѣ. Въ то время, когда онъ располагалъ такимъ образомъ своею жизнію, его единственное достояніе заключалось въ ста фунтахъ стерлинговъ жалованья, которое онъ получалъ въ конторѣ индійской компаніи, и ему было двадцать два года отъ роду.

На двадцать-второмъ году отречься отъ всѣхъ радостей, которыя сулятъ жизнь! на двадцать-второмъ году принести въ жертву ближнему молодость, свободу, надежды и желанія! на двадцать-второмъ году положить существованію своему непреходимыя границы и сказать себѣ: Никогда ты не покинешь сестру, одоливаемую перемежающимся бѣшенствомъ, никогда ты не освободишься отъ рабской службы въ конторѣ, которая тебѣ противна и отвратительна: ты молодъ, а будешь сидѣльцемъ; ты ро-

дился поэтось, а останешься прикащикомъ! Можетъ быть вы полагаете, что это нравственное самоубійство, которое при всемъ своемъ величїи, тѣмъ не менѣе подавляетъ самыя счастливыя, самыя прекрасныя дарованія. Нисколько; жизнь Лэма убѣждаетъ въ противномъ. Когда Лэмъ рѣшился безвозвратно связать свое существованіе съ существованіемъ сестры, когда рѣшился продолжать переписывать оффиціальныя бумаги въ лиденгольстрестской конторѣ, когда онъ поселился и устроился въ центрѣ Лондона, для него началась новая жизнь, освѣщенная чувствомъ выполненнаго долга. Съ этого времени, ни одну горькую жалобу не пронесемъ уста его; онъ уже не просилъ утѣшенія, а самъ утѣшалъ другихъ; душа его была ясна, умъ свободенъ, фантазія имѣла вольный полетъ. Начертавъ навсегда свой путь въ дѣйствительности, онъ открылъ предъ собою безпредѣльныя области идеальнаго; подчинивъ себя скромному быту простаго гражданина, онъ нашелъ возмездіе за свое пожертвованіе, и сталъ оригинальнѣйшимъ изъ юмористовъ, любимѣйшимъ изъ писателей, счастливейшимъ изъ людей.

Около 1800 года онъ писалъ, что рѣшился сколько возможно болѣе наслаждаться промежутками своей печальной драмы. Поэтическая чувствительность скоро возвратилась къ нему. Его дружескія связи, въ этомъ случаѣ, доставили самую нѣжную помощь. Черезъ Колриджа, Лэмъ сдружился съ молодыми поэтами этой плодотворной литературной эпохи, Вордсвортомъ, Соути, которые въ послѣдствіи приобрѣли такую извѣстность. Эти благородные молодые люди совершали тогда въ литературѣ переворотъ. Удалившись въ деревни, на горы, на берега озеръ, они возвратили англійскую поэзію къ естественности, свободѣ, къ романтизму вѣка Елисаветы. Они продолжали литературное обновленіе, котораго предтечею былъ Куперъ. Лэмъ, надѣленный воображеніемъ совершенно симпатизировавшимъ этому движенію, присоединился къ нему изданіемъ своихъ стихотвореній въ книжкѣ Колриджа, и еще болѣе своею перепискою съ зачящиками. Важные поэтические подвиги были не по немъ. «Я читаю мало, писалъ онъ Колриджу, который возбуждалъ его къ честолюбивымъ покушеніямъ, память у меня слаба, и я съ трудомъ удерживаю то, что читаю; я не освоился съ сочиненіями, которыя требуютъ системы». Но если онъ не былъ способенъ къ сильнымъ созданіямъ, за то не было критики лучше его. Онъ былъ поэтической организаціей мелодраги. Онъ зналъ какъ свои пять мальцовъ, поэтовъ вѣка Елисаветы, и съ безошибочностью знатока, который по аромату ви-

на узнаеть его доброту, судить о достоинствѣ стиха, фразы, слога.

Лэмъ былъ романтикъ. Въ эту эпоху жизни, съ 1800 по 1805 годъ, онъ рѣдко встрѣчался съ своими литературными единовѣрцами и изрѣдка пользовался своими ежегодными отпусками, чтобы свидѣться съ ними въ селахъ, гдѣ они жили. За то онъ постоянно находился въ обществѣ съ однимъ изъ своихъ школьныхъ товарищей, по имени Джорджъ Дайеръ. Лэмъ и Дайеръ представляли самую странную антитезу, самую смѣшную противоположность. Дайеръ добрый и простой мзлый, былъ воплощенное *общее мѣсто*, классикъ по преимуществу, защитникъ истертой литературной рутинны, впрочемъ невѣжда, не ловкій и напыщенный, какъ ни одинъ классикъ; Лэмъ, который любилъ оригинальность до безумія, и былъ въ литературѣ демономъ невозможнаго, дурачился и вертѣлся вокругъ величественнаго Дайера, и съ самою вѣжвою злостью подшучивалъ надъ нимъ, а большой ребенокъ смотрѣлъ на это, какъ на остроу. Переписка его за это время, представляетъ рядъ насмѣшекъ надъ бѣднымъ Дайеромъ, между которыми иногда проглядываетъ дружеское расположеніе.

«Заговоривъ о поэзіи, пишетъ онъ къ Колраджу, я долженъ сообщить вамъ, жителю отдаленной части нашего острова, куда не могла долетѣть до васъ такая добрая вѣсть, что Джорджъ Дайеръ приготовилъ два огромные тома стихотвореній и критикъ. Они парятъ надъ городомъ и грозятъ упасть на него нынѣшнею зимою. Первый томъ содержитъ всякаго рода стихотворенія, кромѣ личной сатиры, отъ которой Джорджъ, въ своемъ оригинальномъ объявленіи, навсегда отказывается, намѣкая объ этомъ похвальномъ намѣреніи между цѣною книги и спискомъ подписчиковъ. Второй томъ исключительно посвященъ критикѣ; къ совершенному удовольствію литературнаго міра оно полагаетъ конецъ всякимъ возраженіямъ и доказываетъ, что пастушескій родъ созданъ Теоокритомъ, и усовершенствованъ Виргиліемъ и Пѣпомъ; что Грей и Мазовъ, которые, по мнѣнію Джорджа, между собою очень сложны, одарены достаточнымъ количествомъ поэтическаго огня и истиннаго лирическаго гения; что избытокъ ума Каудлея (урокъ новѣйшимъ писателямъ).... О! Джорджъ, Джорджъ, голова твоя всегда заблуждается, а сердце всегда говоритъ правду. Зачѣмъ у меня нѣтъ силы, равной мощи желаніямъ! Я возвалъ бы къ горожанамъ твоей родины, и они пришли бы толпою на трубный звукъ твоего объявленія и стали

«бы оспаривать другъ у друга мѣсто въ списокѣ твоихъ подвѣсчичковъ! Но я могу положить въ твой карманъ только двѣнадцать шиллинговъ, которые навѣрно не долго побудутъ въ немъ, выйдя изъ кошелька почти такого же пустаго, какъ и твой. Не жалко ли, что столько прекрасныхъ литературныхъ произведеній должны пропасть? Но, право, я замѣчаю, что готовъ впасть въ такой родъ слога, какой Лонгинъ и Діонисій Галварнасскій по справедливости называютъ натянутымъ».

Это огромное сочиненіе Джорджа Дайера, просто цѣлая исторія: Лэмъ не устаетъ говорить объ немъ.

«Джоржъ Дайеръ единственный литераторъ, съ которымъ я имѣлъ счастье быть въ дружбѣ; тѣмъ больше его вижу, тѣмъ больше ему удивляюсь: онъ воплощенная доброта. Если бъ я могъ навѣрно расчитать день его смерти, то написалъ бы романъ, героемъ котораго былъ бы Джоржъ; я схватилъ бы всѣ его черты. Джорджъ привелъ ко мнѣ доктора А... Докторъ большой чудакъ, геній по части землѣдѣлія; онъ завязываетъ штаны у колѣна веревкой и утверждаетъ, что имѣетъ причину жаловаться на министровъ. Докторъ заговорилъ объ энической поэмі, какого-то Вилке, подъ названіемъ «Эпигониада», въ которой, увѣрялъ онъ, сначала до конца не было ни одного эническаго стиха, и всѣ приключенія и характеры скопированы съ Гомера. Джорджъ, который не обращалъ вниманія на первыя слова доктора, едва только услышалъ имя Гомера, вскопчилъ и объявилъ, что онъ хочетъ сейчасъ же видѣть поэму; гдѣ ее найти? Эпическая поэма, въ осемь тысячъ стиховъ, и онъ никогда не слыхивалъ объ ней! Вѣроятно въ ней много хорошаго и ему необходимо видѣть ее, потому что онъ глубоко изслѣдовалъ этотъ предметъ въ своемъ опытѣ объ энопей. Джорджъ глубоко изслѣдовалъ и оду, онъ также приготовилъ диссертацию о драмѣ и сравненіе театровъ англійскаго и нѣмецкаго. Зная, что онъ преимущественно занимается родомъ лирическимъ и сомнѣваясь въ его свѣдѣніяхъ по части драматургіи, я спросилъ Джорджа, какія онъ читалъ англійскія пьесы. Я узналъ, что онъ читалъ Шекспира, котораго называетъ геніемъ оригинальнымъ, но неправильнымъ, что впрочемъ иногда встрѣчается порядочное.... Съ Флетчеромъ, Фордомъ, Марло, Масингеромъ и прочее, онъ, кажется, вовсе незнакомъ.

«.....Бѣдный Дайеръ, продолжаетъ Лэмъ, какъ будто раскаяваясь въ своей невинной насмѣшкѣ, друзья его должны остере-

«гаться подливать масла на огонь. Если бъ было въ моей власти, я оградилъ бы его отъ всякой новой мысли, я бы не отворилъ двери ни одному критику, пока онъ не поклонится своимъ Виргилиемъ, написать его однимъ старыми, здравыми идеями, и знакомыми звуками его любимыхъ писателей, — Грея, Акенсейда и Мазона. Въ этихъ звукахъ, сколько бы разъ они не повторялись, не будетъ ничего тягостнаго, ничего опаснаго «для него».

Прослѣдимъ до конца эту каррикутуру. Вотъ несчастное приключеніе, которое оправдываетъ заботливость Лама объ умственныхъ способностяхъ великолѣпнаго Дайера.

«Джорджъ съ ума сошелъ, но такъ съ ума сошелъ, что надобно связать его. Съ недѣлю назадъ я пошелъ навѣстить его. Первый признакъ, который поразилъ и убѣдилъ меня въ горькой истинѣ, были нанковые панталоны, въ четверо шире надлежащей мѣры, которые сумасшедшій называлъ новыми. Они въ букввальномъ смыслѣ были окрашены въковую грязью, но онъ утверждалъ, что они чисты. Онъ готовился отправиться съ визитомъ къ одной дамѣ, онъ шекотливый въ этомъ отношеніи: «вотъ причина почему онъ надѣлъ въ этотъ день нанковые панталоны. Онъ метался, прыгалъ, поддегивалъ свои панталоны, туго стягивалъ на своихъ поэтическихъ чреслахъ невыносимый «шляфрокъ»; потомъ открывалъ его всѣмъ зефирамъ, которые «влетали въ каждую щель, дверь, окно, нарочно сдѣланныя, для «того, чтобъ выгонять такихъ нахаловъ. Онъ искалъ коррек-турнаго листа, и схватилъ счетъ прачки; брался за поэмы Блумфильда и бросалъ ихъ съ отчаяніемъ. Я не могъ добиться отъ него ни одного отвѣта; умъ его ни на одну десятую часть секунды не оставался въ покоѣ, ему надобно было сейчасъ же «итти къ типографщику.... Несчастный случай.... Онъ отпечаталъ пятьсотъ экземпляровъ его стихотвореній, для раздачи «подписчикамъ, а все введеніе надобно «передѣлать.... Введеніе «на осьмидесяти страницахъ, а онъ только сегодня утромъ за-«сѣтилъ, что на первой страницѣ этого введенія высказано кри-«тическое начало, которое радикально ложно и дѣлаетъ никуда «не годными всѣ послѣдующіе выводы. Введеніе должно быть «уничтожено, хотя оно обошлось ему по-крайней мѣрѣ въ трид-«цать фунтовъ стерлинговъ, считая печать и бумагу.... Навресе-«но друзья стараются отклонить его отъ этой глупости, Джорджъ «непоколебимъ и всѣ наши нападенія отражаетъ неопровержимую «истинной: — Мы не должны вводить людей въ заблужденія».

Вотъ какъ дорого обошлось быть классикомъ съ Лэмомъ.

Лэмъ въ это время сдѣлался самостоятельнымъ. Онъ находилъ большое удовольствіе курить вечеромъ въ бесѣдѣ съ друзьями, или, когда былъ одинъ, за чтеніемъ Короля Лира и за бутылкою портвейна. Онъ поступилъ въ сотрудники одного журнала, писалъ для него эпиграммы и маленькія стихотворенія. То, что получалъ за эту мелкую поэзію, нѣсколько округляло его незначительный доходъ; но скоро онъ лишился участія въ журналѣ. «Мнѣ надобно что-нибудь дѣлать, писалъ онъ, иначе мы будемъ очень бѣдны. Иногда я задумываю написать—фарсъ, но планы мои разлетаются: это искра, которая вечеромъ поднимается съ дымомъ моей трубки и утромъ исчезаетъ. Но теперь, когда я простился съ моимъ шилымъ врагомъ, табакомъ, можетъ быть я благородно примусь за работу. Къ чорту работа! Я желалъ бы, чтобы цѣлый годъ былъ праздникомъ; я увѣренъ, что бездѣлье, совершенное бездѣлье, настоящее состояніе человѣка... Перо и чернила, приказчики и конторы, посланы намъ въ наказаніе за нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ этимъ старымъ бѣсомъ, вода предлогомъ, будто бы торговля соединяетъ отдаленные берега, распространяетъ и подвигаетъ впередъ науку, духовное благо и прочее, и прочее. Бѣдный приказчикъ, какъ и всѣ мы, мстилъ своему ремеслу, отзываясь объ немъ какъ нельзя хуже. Онъ любилъ иногда писать къ Вордсворту, знаменитому лакисту, на бланкахъ своей конторы, и прерывалъ поэтическія бредни восклицаніями подобными этому: «Меня зовутъ укладывать хлопчатую бумагу. Но къ чему говорить вамъ объ этомъ, у васъ не хватитъ ума, чтобы понять великую тайну укладки, процентовъ, доходовъ за складку товаровъ, паевъ». Онъ жаловался также на чрезвычайную утомительность конторской службы, которая отнимала у него по девяти часовъ въ день. «Умъ у меня такъ измученъ ею, говорилъ онъ, что сонъ мой ничто иное, какъ рядъ грезъ о дѣлахъ, которыя не дѣлаются, о помощникахъ, которые мнѣ не помогаютъ, о страшной отвѣтственности». Наконецъ позже, въ 1815 году, онъ восклицалъ: «О! счастливый Парижъ, жилище праздности и удовольствія! Я слышу отъ нѣкоторыхъ Англичанъ, возвращающихся изъ Парижа, что тамъ не видать на улицахъ ни одной конторы.

Провались они сквозь землю и этотъ лавочный городъ и эти купцы копѣечники, которыхъ Богъ, по словамъ Дретона, понустилъ въ видѣ язвы египетской на этотъ прекрасный островъ.»

Не смотря на всѣ эти проклятія, Лэмъ благоразумно и честно сохранилъ мѣсто прикащика до 1824 года, до того времени, когда директоры компаніи дали ему за тридцати-двухъ-лѣтнюю службу хорошій пансіонъ. Для него это мѣсто было тѣмъ же, что переписка нотъ для Руссо. Въ наше время, чего не достало многимъ даровитымъ людямъ, чтобы укрѣпить талантъ, выказать его вполне и жить счастливыми? Одного только — мужества, списывать насущный хлѣбъ, переписывая поты какъ Руссо, или работая въ конторѣ какъ Лэмъ.

Литература однакожъ должна была хоть немного увеличить его способы къ существованію. Мы видѣли, что Лэмъ задумывалъ шуточную комедію; онъ поставилъ ее въ 1806 году на сцену Друри-Лэнскаго театра, подъ названіемъ довольно оригинальнымъ: *М. Н...* Ее освистали какъ нельзя хуже. Не успѣвъ этотъ нисколько не огорчилъ Лэма. Онъ не предупредилъ друзей о своемъ намѣреніи, но послалъ имъ всѣмъ забавное извѣщеніе о паденіе его пьесы. «Сюжетъ недовольно питателенъ, писалъ онъ Вордсворту, Джонъ булъ любить пищу по-солондѣе чѣмъ одна буква.» Спустя нѣсколько времени, около 1808 г., сестра его начала писать «Шекспировскія повѣсти», трудъ щекотливый, въ которомъ онъ помогалъ ей; но онъ всегда утверждалъ, что въ этомъ общемъ произведеніи, лучшія мѣста принадлежатъ сестрѣ. Въ слѣдующемъ году они вмѣстѣ издали прекрасную книжку: «Стихотворенія для дѣтей». Между-тѣмъ друзья его вступали въ битвы болѣе громкія. Колриджъ, этотъ великій умъ, тяготясь своимъ богатствомъ, расточалъ свой гений въ тысячи опытахъ, бросался отъ поэмы къ драмѣ, отъ поэзіи къ политикѣ, отъ политики къ метафизикѣ, основывалъ и уничтожалъ журналы, обзорѣнія и посреди этихъ тревоженій предавался гибельному наслажденію опиумомъ. Вордсвортъ изъ своей романтической Оиванды въ Кумберлендѣ, высылалъ каждый годъ въ свѣтъ свои поэмы, такія тихія, такія сладостныя, такъ вроникнутыя безмолвіемъ, безконечнымъ миромъ, и, можно сказать, нѣжною, святою любовью къ полямъ; но эти произведенія падали среди критики, какъ поджигательныя снаряды. Вокругъ этихъ свѣжихъ, спокойныхъ поэтическихъ произведеній, завязывалась неистовая борьба и поднимались шумъ и нылъ полемики. Старые классики испускали яростные крики передъ этими простыми и задушевыми стихами, въ которыхъ полустигшія не идутъ мѣрнымъ шагомъ, попарно, какъ мужъ съ женой. — Другіе критики, чуждые предразсудковъ, приверженцы антера-

турной реформы, поклонники великой поэзіи XVI вѣка, но болѣе возмужалые характеромъ, жестоко упрекали Вордсворта въ такъ называемыхъ ими, натянутости, въ ребячествѣ, жеманствѣ. — Впередѣ ихъ былъ главный редакторъ журнала *Edinburgh Review*, блестящій и страшный Джеффри. *Quarterly Review*, основанный съ намѣреніемъ испровергнуть политическое вліяніе *Edinburgh Review*, охотно принималъ подъ свою защиту литературныя жертвы Джеффри. Когда стихотвореніе Вордсворта, «Повѣдка», появилось въ свѣтъ, Соути, одинъ изъ основателей и главныхъ редакторовъ *Quarterly Review*, предложилъ Лэму помѣстить въ этомъ журналѣ его разборъ произведенія ихъ общаго друга. Послѣ долгой нерѣшительности, и робкаго недоумѣнія, Лэмъ принялъ предложеніе Соути. Ему лучше хотѣлось, чтобъ Колриджъ взялъ на себя исполненіе этого тяжелаго труда. Ему не по силамъ были подобныя работы. Онъ пишетъ съ трудомъ, говорилъ онъ Вордсворту въ одномъ письмѣ; онъ не можетъ принудить себя просидѣть за письменнымъ столомъ цѣлый часъ; онъ бонтса, чтобы его критика не превратилась совершенно въ панегирикъ, выборъ цитатъ ставить его въ затрудненіе, и, Богъ знаетъ что! Чтобы произвестъ что нибудь, онъ отказался отъ джина. Наконецъ, послѣ многихъ передѣлокъ, Лэмъ, какъ бы осужденный на казнь, отдалъ свою статью главному редактору Джеффору. И точно, это была казнь, но болѣе жестокая чѣмъ предполагалъ ее Лэмъ. Книжка *Quarterly* выходитъ; Лэмъ бѣжитъ къ одному книгопродавцу, беретъ сырое еще *in octavo* и ищетъ себя между неразрѣзанными страницами. Увы! его статья дѣйствительно напечатана, но искаженная, испещренная бессмыслицею. Бѣдный Лэмъ! онъ, такой вѣжливый, уточенный, страшный охотникъ до мелочей, какъ живописецъ XIV вѣка! варварская рука, рука Джеффора (сапожникъ! говорилъ Лэмъ въ порывѣ негодованія) прошла толстою ниткой прихотливый узоръ его тонкаго кружева. Самыя изящныя его украшенія замѣнились пошлыми, обветшалыми фразами. — Невѣжда! Олухъ! кричалъ Лэмъ, осмѣлялся поправлять слогъ, написанный цвѣтами лучшихъ мастеровъ! «потому что, писалъ онъ Вордсворту, стихи я предоставляю сильнѣйшему; но въ прозѣ я считаю себя бѣсомъ». Преступленіе поправить было нельзя; только Лэмъ поклялся, что онъ уже не попадетса болѣе въ лавку правильной критки.

Лэмъ болѣе всего отличился въ «*London magazine*», основанномъ въ 1820 году. Начало этого журнала было блистательно. Въ

главъ его сотрудниковъ были: великій критикъ Газлиттъ, задушевный другъ Лэма 1806 года, Барри Корнуаль Квинси, авторъ «Призваній употребителя опиума» и главный редакторъ Джонъ Скоттъ, прекрасный умъ, пылкій писатель. Въ этомъ журналѣ Лэмъ напечаталъ свои прелестныя фантазіи, подъ псевдонимомъ Еліа. Между тѣмъ, въ слѣдствіе жаркаго спора съ «Blackwood magazine», несчастный Скоттъ былъ убитъ на дуэли. Съ этого времени «London magazine», сталъ мало по-малу приходить въ упадокъ. Лэмъ оставилъ его прежде совершеннаго его паденія, въ одно время со многими изъ отличившихъ его сотрудниковъ. Въ числѣ удалившихся былъ одинъ, который возбуждалъ тогда своими странностями, простодушное участіе и любопытство Лэма, по которому въ послѣдствіи долженъ былъ произвести на своей родинѣ еще болѣе странное ощущеніе своими преступленіями. Этотъ странный сотрудникъ Лэма назывался Thomas Geriffiths Wainwright (Венрайтъ).

Однажды въ кругу редакторовъ «London magazine», появился молодой человекъ лѣтъ подъ тридцать, съ военною осанкою, съ изысканностью отчаяннаго франта, съ поверхностнымъ, бойкимъ и нахальнымъ тономъ совершеннаго фата. Этотъ новый пришлецъ представленъ владѣльцамъ журнала; многіе говорили другъ другу на ухо, что онъ былъ драгунскій офицеръ и промоталъ не одно свое состояніе; чтобы отдохнуть отъ бурныхъ приключеній молодости, онъ намѣренъ теперь завязаться періодическою литературою, съ граціозною небрежностью любителя. Участіе его въ дѣлѣ общемъ было уже опредѣлено; онъ рисовалъ кистью ловкою и снѣлою; портфель его переполненъ былъ блестящими эскизами; поэтому онъ взялъ на себя отдѣлъ изящныхъ искусствъ. Венрайтъ, имя льва писателя, принялъ псевдонимъ Japus Weather Cock, что значитъ флюгерокъ. Его статьи назывались «Сентиментальныя наблюденія надъ художествами, Януса Флюгерка,—продолженіе которыхъ будетъ, когда заблагоразсудится автору». Подъ этимъ заглавіемъ Венрайтъ писалъ нелѣпости, также натянутыя, какъ его скюртукъ, пошлости съ такими же претензіями, какъ банты у его галстуха, фантазіи, также невѣроятныя, какъ его перстни и булавки, это былъ франтъ бруммель, съ перомъ въ рукѣ. Венрайтъ удостоилъ Лэма нѣкоторымъ благорасположеніемъ. Нашъ юмористъ, лакомый до оригинальностей, радуясь, что успѣлъ поправиться фашьювебельному повѣсѣ, оплатилъ Венрайту тѣмъ же: онъ не понималъ въ своемъ ослѣпленіи, что этого фата, будь онъ хоть честный чело-

вѣкъ, надобно отправить къ литературѣ модныхъ журналовъ. Но и такой судьбы не готовила будущность этому щеголю. Плуть (chevalier d'industrie) до сихъ поръ существуетъ въ Англіи въ самыхъ колоссальныхъ размѣрахъ, подымаясь до высшей степени даундизма и впадая потомъ въ мошенничество и злодѣянія. Венрайтъ прошелъ этотъ путь, среди трагической таинственности. Въ 1830 году, онъ жилъ въ имѣніи, которое по наслѣдству досталось ему съ женою и двумя ея сестрами, сиротами: старшая была прекрасная, молодая дѣвушка лѣтъ двадцати. Онъ достигъ того неизбежнаго перелома въ жизни мота, когда всякія хитрости уже истощены, когда самого себя приходится отдать на съѣденіе голодной стаѣ займодавцевъ. Последнее его убѣжище назначено было въ продажу. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ явился съ молодою своею свояченицею въ контору застрахованія жизни, и застраховалъ ее подъ такимъ условіемъ, чтобы наслѣдникамъ ея была выдана премія въ три тысячи фунтовъ стерлинговъ, если она умретъ ранѣе трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ молодую дѣвушку, которая не знала къ чему все это клонилось, водили изъ конторы въ контору, и таже самая операція повторялась такъ часто, что смерть ея должна была доставить наслѣдникамъ осьмнадцать фунтовъ стерлинговъ. Венрайтъ тогда только остановился, когда не нашлось уже болѣе конторы, готовой принять подобнаго залога. Скоро несчастная дѣвушка захворала и послѣ двухъ-дневной болѣзни, умерла. Венрайтъ потребовалъ преміи; общества застрахованія, не смѣя обвинять его въ убійствѣ, подали жалобы на подлогъ и отказались отъ платежа. Венрайтъ, вынужденный оставить Англію, отправился во Францію, гдѣ былъ задержанъ, какъ путешествующій подъ чужимъ именемъ. При немъ нашли стрихнинъ и онъ просидѣлъ шесть мѣсяцовъ въ тюрьмѣ. По возвращеніи въ Англію въ 1837 году, онъ снова былъ арестованъ и приговоренъ къ ссылкѣ за подлогъ. Лэмъ не дождался этого событія въ жизни несчастнаго, который успѣлъ на мигъ обольстить его добродушіе: онъ умеръ въ 1834 году.

Я уже сказалъ, что въ 1825 году онъ оставилъ контору индійской компаніи. Последніе его годы исключительно принадлежать жизни литературной. Слава его росла со дня на-депъ, и вмѣстѣ съ нею любовь, которую онъ внушалъ къ себѣ. Къ этому послѣднему успѣху онъ былъ болѣе всего чувствителенъ. «Какъ я люблю быть любимымъ, весело писалъ онъ однажды къ миссъ Вордсвортъ, мнѣ льстятъ въ журналахъ, въ маленькихъ обзорѣ-

нѣхъ, трѣхмѣсячныя обзорѣнія смотрять съ высока, но и дѣтъ со временемъ придется спуститься, если не хотѣть, чтобы дѣсты ихъ были потерянная бумага.» Они дѣйствительно и спустились; однажды лордъ меръ пригласилъ его обѣдать, его, простаго прикащика, вмѣстѣ съ двумя директорами индѣйской компаніи. «Онъ никогда не видалъ меня въ лицо, ни я его; и все это потому только что пишу въ журналѣ!» Въ концѣ этихъ скромныхъ торжествъ, какъ при тягостномъ началѣ его поприща, мы его встрѣчаемъ опять рядомъ съ сестрою, съ тою же къ ней предавностью и заботливостью. Часто, въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ, къ ней возвращалась прежняя, страшная болѣзнь. За вѣсколко мѣсяцевъ до смерти Лэма, съ нею повторился припадокъ, который онъ описываетъ такъ: «Для меня не повесть оставаться одному съ сестрою. Когда она тиха, я предпочитаю сея бредъ здравому смыслу людей. Сердце въ ней потемнѣло, но не исчезло; оно проявляется по временамъ, и въ ней видна борьба могучаго разсудка съ волнами потопляющими его. Нигдѣ я не могу быть такъ счастливъ, какъ подъ кровомъ ея обитаемымъ». Въ одинъ изъ этихъ сумерекъ разума, она лишилась брата. Всякое, слишкомъ живое ощущеніе, всякая перемена привычки грозила ей возобновленіемъ припадковъ. Особенно губельны были для нея поѣздки за городъ; поэтому-то въ грустной предусмотрительности, она всегда брала съ собою рубашку, названную для сумасшедшихъ, когда отправлялась съ братомъ къ Газлиттамъ въ Винтерслѣкъ, или къ Вордесвортамъ въ Грасмиръ. По этой-то причинѣ Лэмъ постоянно жилъ въ Лондонѣ и довольствовался фантастическими путешествіями по селамъ. Самымъ большимъ удовольствіемъ Лэма и сестры, когда она чувствовала себя здоровою, было послѣ дневныхъ занятій, ходить въ Друри-Ленъ, или прогуливаться вокругъ театровъ, если не заманивалъ ихъ спектакль. «Тогда, говорилъ Лэмъ, мы забывали опасенія; мы крѣпикъ какъ утесы; вѣтеръ утихаетъ для стриженнаго агнца (Shorn Lambes, игра словъ на имя Лэма)». Но большимъ праздникомъ для Лэмовъ, была среда: ихъ назначенный день.

Если бы осенью или зимой, въ среду вечеромъ, около десяти часовъ, вы вошли въ залу Лэмовъ, вы нашли бы у нихъ кругъ людей, которые произвели блистательное и глубокое вліяніе на движеніе идей въ Англіи въ первую четверть нынѣшняго столѣтія. Низенькія комнаты были убраны скромно, но съ удобствомъ, въ каминѣ сверкала яркій огонь, старомодная мебель лоснилась только отъ времени, но твореніе Гогарта, домашній ларъ Лэма,

геніе Кэсі, высказываю на стѣнахъ залы свою трогательную иди шуточную философію. За однимъ изъ двухъ ломберныхъ столовъ сидѣлъ Лэмъ противъ Годвина, Годвина, начальника этого цоксѣнія и по лѣтамъ и по суровой смѣлости его политическихъ теорій. Его гигантская голова склонилась какъ бремя слишкомъ тагостное для его малаго и слабого тѣла. Этотъ радикальный эссеистъ обладалъ изяществомъ въ манерахъ, свойственнымъ старшимъ дворянамъ; но погруженный въ отвлеченныя мечтанія, онъ не имѣлъ гибкости ума въ разговорѣ, и нерѣдко, на этихъ собраніяхъ, когда онъ вставалъ изъ-за вѣста, Горнъ Шукъ, извѣстный памфлетчикъ, любилъ сбивать его съ толку быстротою своей ѣдкой болтовни. Въ одномъ углу Чарльзъ-Ллойдъ, поэтъ, другъ Колриджа, мечталъ о таинствахъ христіанства, а рядомъ съ нимъ Leigh-Smith (Лишь-Гоуъ), одинъ изъ бойцовъ этой группы, самыхъ жаркихъ и болѣе выносившихъ нападки, можетъ-быть только что выйдя изъ тюрьмы, куда онъ былъ засажоъ за какую-нибудь статью въ журналѣ Examiner, сіялъ однако жъ въ ореолѣ остроумной изящности и граціозной веселости. Къ часамъ десяти зала наполнялась. Тогда появлялся Газднатъ, блистательнѣйшій, глубочайшій изъ критиковъ; онъ началъ живописцю, но только въ прекрасной прозѣ нашелъ колоритъ своему воображенію и душѣ. Онъ возвращался изъ оперы, гдѣ чудный голосъ миссъ Стифенъ, усыпилъ на минуту его политическій гнѣвъ; Газднатъ жалѣлъ, что Наполеонъ, идолъ его, потерялъ сраженіе при Ватерлоо: это было опасной темой его краснорѣчивѣйшихъ выходовъ. Между гостями были и актеры; важный Листонъ, миссъ Келли, равно превосходная въ фарсѣ и мелодрамѣ, и Чарльзъ Кемблъ, котораго благородный видъ, вездѣ куда онъ ни являлся, бросалъ аристократическій отблескъ. Въ этихъ вечерахъ участвовали всѣ плебейскія знаменитости литературы.

Здѣсь встрѣтили бы вы всѣхъ товарищей Лэма, неисключая нашего стараго знакома, добраго Джорджа Дайера. Напяливъ короткіе панталоны, какъ школьникъ, слишкомъ скоро выросшій, утопая въ широкомъ фракѣ, какъ провинціальный педантъ, отправляющійся къ министру, онъ не опасаясь ни малѣйшей злости, подставляетъ свою глупую фигуру дружнымъ стрѣламъ насмѣшливаго общества. Добрякъ съ любобытствомъ распрашиваетъ Лэма, и вотъ уже удовольствовень. Онъ хотѣлъ узнать таинственнаго автора романовъ Веверли; Лэмъ шепнулъ ему на ухо что это лордъ Каэтри, только что возвратившійся съ Вѣн-

снаго Конгресса. Даже въ числѣ средѣ Лэма, были рѣдкія празднества, о которыхъ задолго говорили, которыхъ съ жадностью ожидали; то были дни, когда Вордсвортъ или Колриджъ заѣхавъ въ Лондонъ, общали посѣтить Лэма. Вордсвортъ, начальникъ школы, отверженной тогда неистовыми криками, встрѣчаемъ былъ въ этомъ маленькомъ храмѣ съ пламенною набожностью. Колриджъ, хотя менѣе уважаемъ, производилъ однакожъ на слушателей, вліяніе болѣе обстоятельное. Онъ былъ метафизикъ и поэтъ; мысли его оригинальныя, непредвидѣнныя, облекались въ картины, и въ краскахъ выраженія сіяли внутреннимъ свѣтомъ, какъ матовые огни венеціанской иллюминаціи. Когда Колриджъ говорилъ о поэзій, то по словамъ Лэма, былъ выше всѣхъ людей. При первыхъ искрахъ его электрической рѣчи, при первыхъ звукахъ его музыкальнаго голоса, частныя разговоры прекращались, болтовня ума умолкала предъ говоромъ разума, игроки оставляли вистъ и общая бесѣда, увлекаемая восторженностью Колриджа переходила къ вдохновеннымъ звукамъ Платонова разговора.

Въ обыкновенныя среды, послѣ того какъ всѣ соберутся, горничная Бекки, подѣ непосредственнымъ распоряженіемъ миссъ Лэмъ, подавала англійскій ужинъ: холодную говядину, жареный картофель, огромную кружку съ пѣнистымъ портеромъ, горячую воду и ликеры изъ грока. Потомъ, мало-по-малу собраніе расходилось: въ залѣ оставались еще четверо или пятеро изъ самыхъ близкихъ: Газлиттъ; Thomas Barnes (Бернзъ), главный редакторъ газеты Times; Talford (Таффордъ), авторъ этихъ воспоминаній о жизни Лэма; Haydon, несчастный живописецъ, котораго самоубійство, три года назадъ произвело такое тягостное ощущеніе. Тогда начинался новый вечеръ. Газлиттъ, обыкновенно чрезвычайно робкій посреди многочисленнаго общества, въ эту минуту пріобрѣталъ свободу мысли и легкость разговора: онъ говорилъ о тѣхъ старыхъ поэтахъ вѣка Елисаветы, которыхъ онъ такъ хорошо изучилъ; миссъ Лэмъ раздѣляла его энтузіазмъ и присоединяла свои тонкія оцѣнки къ остроумнымъ сужденіямъ критика. Бернзъ представлялъ краснорѣчивыя замѣчанія о Данте, и старался разъяснить красоты суроваго поэта Лэму, который не хотѣлъ знать никого кромѣ Шекспира. Юмористъ отличался своими толкованіями на «Короля Лира», о которомъ онъ навечталъ статью въ журналѣ Reflector, находившемся подѣ дирекцію Лью-Гонта. Въ подобныхъ-то разговорахъ, въ этотъ таинственный часъ ночи, между такими изящными умами, разгоряются во

всей своей силѣ поэтической чувства и наслажденія. Въ эти-то минуты отырываются, въ новыхъ видахъ, тѣ богатства выраженія, посредствомъ которыхъ созерцательная мысль человѣка съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе объемлетъ и глубже проникаетъ природу; въ эти-то минуты развертывается та духовная и поэтическая симпатія, изъ которой рождаются философскія и литературныя школы.

Такимъ образомъ среды Лемовъ имѣютъ, въ современной исторіи англійскаго общества, отличительный характеръ. Люди, которые сходились тамъ, единодушно давали раздольное и благородное движеніе идеямъ. Это были мужественные и блистательные плебей, соединявшіе съ отвагою свойственною людямъ, трудящимся надъ усовершенствованіемъ человѣчества, вѣру, усердіе, обаяніе, которые озаряютъ художника, думающаго объ одной вѣчной красотѣ. Въ литературѣ всѣ они старались объ уничтоженіи и очищеніи сотрассеній струны поэтической, о распространеніи и оживленіи клавишей выраженія.

Если сердце у васъ уже бьется при видѣ стремленій и успій, которыя имѣютъ цѣлью возвышеніе человѣка, то подавно васъ растрогаетъ это зрѣлище дѣятельныхъ, предпринимчивыхъ, полныхъ энтузіазма умовъ, которые перемѣшивались съ неуспѣшнымъ соревнованіемъ и отважно помогали другъ другу въ ихъ восходящемъ шествіи. Среды Лема были для нихъ атмосферою, въ которой они запасались дыханіемъ, чтобы потомъ каждый левъ, разливать его во всѣхъ своихъ твореніяхъ. Оживлять вдохновеніе, увлеченіе, мужество, которые умираютъ въ индивидуальномъ одиночествѣ, собирать въ соединенную силу различныя дарованія, которыя разсыпались бы не замѣтно, и всѣми этими средствами распространять на общество глубокое и прочное дѣйствіе, постоянно подымать общій уровень, вотъ въ чемъ заключается неоцѣннмое влияніе этихъ домашнихъ собраній, гдѣ образуются и тѣсно связываются между собою симпатизирующіе умы. Тѣ умы, о которыхъ идетъ рѣчь, открытые всему: философіи, политикѣ, искусствамъ, стояли на рубежѣ отдѣляющемъ литературу отъ свѣта; съ этихъ то мѣстъ они мощно содѣйствовали общественному успѣху своей эпохи. Общественный успѣхъ въ самомъ дѣлѣ двоякъ; онъ состоитъ, съ одной стороны изъ духовнаго развитія и успѣха идей, съ другой, изъ практическихъ усовершенствованій, каждодневнаго осуществленія лучшаго, и успѣха вещей матеріальныхъ. Въ первой своей формѣ онъ есть дѣло поэтовъ, мыслителей, ученыхъ и художниковъ; во второй,

онъ принадлежитъ людямъ дѣловымъ, промышленнымъ и политическимъ. Въ обществахъ здравыхъ и хорошо организованныхъ, люди, мыслители и искусства, люди практическіе и государственные идутъ впередъ, каждый по линіи своего призванія; первые не считаютъ за ничто свое посланіе, заставляя мыслить своихъ современниковъ и не думаютъ вовсе признавать обязанности людей государственныхъ. Тамъ слава сэръ Роберта Пилля не внушаетъ зависти Вордсворту; тамъ полеть умственной жизни паритъ надъ жизнью политической, тамъ есть успѣхъ. Но въ государствахъ подобныхъ Франціи, гдѣ каждая вещь и каждый человѣкъ совращается съ своего пути, гдѣ перемишляются всѣ права, гдѣ честолюбіе переходитъ границы, гдѣ послѣдній писецъ посягаетъ на портфель министра, гдѣ дикость хочетъ быть президентомъ республики, гдѣ сіакровые фазтоны садятся на колесницу солнца, тамъ все стремится къ своему паденію. Такимъ образомъ мы видимъ во Франціи, что скудость умственная распространяется вѣдетъ съ политическимъ безпорядкомъ; мысли покинутыя тѣми, которыхъ посланіемъ было питать живые источники мысли, гніютъ въ безмысленномъ застоѣ; невѣжество быстро охватываетъ умъ народа и къ довершенію безчестія, безстыдные шарлатаны сами себя выдаютъ за Христофоровъ Колумбовъ при каждой помлости, которую они проповѣдуютъ возрастающей толнѣ глупцовъ.

Этотъ дѣятельный, но исключительно умственный и литературный характеръ собраній Лэма становится еще виднѣе, если послѣдуя Тафорду, сравнимъ ихъ съ болѣе извѣстными собраніями лорда Голланда. Гостепрѣимство лорда оставило воспоминаніе во всей просвѣщенной Европѣ. Holland-House походилъ на французскій салонъ осемнадцатаго вѣка; въ немъ умъ и свѣтская изящность проникались мужественнымъ допovenіемъ жизни политической. Литературѣ принадлежало почетное мѣсто у благороднаго племянника Чарльза Фокса, но аристократія и политика у него преобладали; люди, которые одной ногой стояли въ политикѣ, а другой въ литературѣ, какъ Меклинтошъ и Меколл, служили жевою соединительною чертою между обоими мірами. Тамъ каждую субботу, главы партій выговъ отдыхали отъ недѣльныхъ битвъ въ бесѣдѣ съ блистательными дамами, поэтами и художниками. Это было соединеніе всѣхъ знаменитостей, всѣхъ талантовъ, олушвленное изящною учтивостью; здѣсь, какъ будто въ своей стѣнѣ чувствовалъ себя на свободѣ молодой живописецъ или молодой писатель, которымъ въ первый разъ въ жизни случилось быть съ перами Англии или посланниками. Подобный салонъ,

Кругъ круга неслучайно посвященнаго жизни литературной, каковъ былъ кругъ Лэма, представлялъ нейтральную территорію, гдѣ совершалось соединеніе двухъ успѣховъ, успѣха идей и успѣха вещей, которыя мы сейчасъ только опредѣлили. Союзъ необходимъ, потому что литературная жизнь, отдѣленная отъ свѣта, легко можетъ впасть въ развратъ ума и цыганскую оргію.

Каждымъ образомъ Лэмъ сдѣлался центромъ воюющей литературы своей партіи и школы, понятво изъ предъидущаго, если эти странницы сохранили хотя слабый отпечатокъ его характера. Лэмъ былъ одаренъ душою въ высшей степени симпатическою; первыя его востачія, его геройская и непрерывная заботливость о бѣдной сестрѣ, еще болѣе умягчили его душу, иѣжную отъ природы; онъ былъ не способенъ вредить другому, и малыя его качества располагають къ нему всякаго. Притомъ же такой добрый другъ! При всей ограниченности его состоянія, бережливость дозволяла ему быть щедрымъ. Онъ всегда готовъ на услугу. Нерѣдко, угадывая тѣсныя обстоятельства друга, онъ впадалъ въ карманъ жилета банксовый билетъ въ пятьдесятъ, во сто фунтовъ стерлинговъ, потомъ, при встрѣчѣ съ тѣмъ, когѣ имѣлъ въ виду, совалъ ему въ руку деньги, умолялъ его принять, и откалъ причиналъ ему истинную горестъ. Оригинальность ума придавала особенную прелесть его разговоры. Отъ прежняго расположенія къ помѣшательству у него осталось какое-то легкомысліе, кака-я-то вѣтренность мысли; живость ума въ немъ была нѣсколько не естественною, слишкомъ рѣзва, будто послѣ бокала шампанскаго; онъ внезапными скачками переходилъ отъ дурачества къ задушевнымъ ощущеніямъ, отъ фарса къ серьезному. Впрочемъ, умъ его почти всегда шелъ объ руку съ самымъ здравымъ смысломъ. «Въ его разговорахъ и сочиненіяхъ, говоритъ Газзитъ, интереснѣе всего сторона серьезная. Никто лучше его не умѣлъ вмѣстить въ полдюжину полуслова, болѣе глубокомыслія, краснорѣчія и остроумія. Его остро-ты жгучи какъ слезы; онъ игрою словъ изслѣдовалъ до глубины каждый вопросъ». Ббльшей части друзей его оставалось неизвѣстною драма, которая раздражила, приувеличила противоположности въ характерѣ Лэма: иногда они не могли объяснить себѣ нѣкоторыхъ странностей, болѣзненныхъ судорогъ этого достойнаго любви чело-вѣка; тотъ только, кто зналъ всю силу души, все благородство сердца Лэма, кто зналъ, съ какимъ высокимъ самоотверженіемъ онъ посвятилъ жизнь свою страждущей сестрѣ, тотъ только смотрѣлъ на его ребячество съ почтитель-

вымъ участіемъ и на добродѣтель его съ сердечнымъ удивленіемъ. Я уже сказалъ, что самопожертвованіе Лэма не охладѣло до конца. Впрочемъ, бѣдная сестра достойна была такой заботливости. Въ ту половину жизни, когда ее не постигало безуміе, она дарами ума и прелестью характера увѣчала прекрасныя качества Лэма. По словамъ Газзита, на котораго я снѣть ссылаюсь, у нее было болѣе смыслу и разсудка, чѣмъ у многихъ женщинъ. Самое безуміе ея, говорить, было изящно и граціозно; часто во время припадковъ, она воображала, что живетъ во времена королевы Анны и ея отрывочныя рѣчи походили на драгоценныя обломки брилліантоваго языка той эпохи. Она почти всегда угадывала приближеніе болѣзни, по признакамъ, часто несъятаннымъ; тогда она сама просила увезти ее изъ дому. Однажды Чарльзъ Ллойдъ встрѣтилъ за заставой Лондона брата и сестру, шедшихъ медленно со слезами на глазахъ, и подойдя къ нимъ узналъ, что Лэмъ ведетъ сестру въ домъ сумасшедшихъ. Кажется, что Провидѣніе могло бы однимъ дыханіемъ угасить обѣ жизни, такъ тѣсно между собою связаныя. Однако жъ Чарльзъ умеръ въ 1834 году, а Меря пережила его тринадцатью годами, но могила Лэма, можно сказать, закрылась въ тотъ только день, когда сестра соединилась съ нимъ на маленькомъ эдмонтонскомъ кладбищѣ.

=

ЗАПИСКИ О РОССИИ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Опредѣливъ фактами важность для губерній пролегающихъ черезъ нее водяныхъ путей сообщенія, мы не можемъ сдѣлать того же относительно сухопутныхъ сообщеній: у насъ нѣтъ даже приблизительныхъ данныхъ числа рукъ и капиталовъ, занятыхъ извозомъ и содержаніемъ извозничества. А между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что пролегающія черезъ губернію санкт-петербурго-московское шоссе, торговыя дороги въ Ярославль, Гжатскъ, изъ Бѣжецка въ Весьегонскъ и другія, ведущія къ пристанямъ вышневолоцкой системы, приводятъ въ движеніе значительную часть народонаселенія губерній. Въ особенности для нея важно санктпетербурго-московское шоссе, самая проѣзжая дорога въ цѣлой имперіи. Въ Москвѣ, бывшемъ правительственномъ центрѣ государства и настоящемъ средоточіи его промышленности, слетаются въ одинъ узелъ почти всѣ пути, соединяющіе отдаленныя оконечности необозримаго пространства Россіи; Петербургъ же стягиваетъ ихъ оттуда къ себѣ и слѣдуетъ въ одинъ главный трактъ.

Проѣздъ по такому тракту не можетъ быть незначителенъ и долженъ имѣть сильное вліяніе, по-крайней-мѣрѣ, на мѣста, прилегающія къ нему, то есть, на окрестности ста шестидесяти-шести съ половиною верстъ протяженія тракта. На шоссе, въ пре-

дѣлахъ тверской губерніи, есть два заставныхъ дома для шоссейныхъ сборовъ; въ одномъ изъ нихъ, втеченіи 1845 года, было выдано ярлыковъ на 57,684 лошади, въ другомъ — на 21,884; но эти цифры нисколько не могутъ служить, не только для опредѣленія вліянія шоссе на благосостояніе жителей губерніи, но даже и для опредѣленія мѣры проѣзда по шоссе, потому что въ обоихъ заставныхъ домахъ выдаются ярлыки только для тѣхъ проѣзжихъ, которые выѣзжаютъ на шоссе въ промежуточномъ между ними пространствѣ. Сверхъ того, многіе освобождены отъ платежа шоссейныхъ сборовъ. Значеніе для губерніи санктпетербурго-московской желѣзной дороги, — входящей въ нее въ двадцати семи верстахъ отъ Вышняго Волочка и выходящей изъ нея въ сорока верстахъ за Тверью, — вокуда опредѣлить невозможно. Вѣроятно, она значительно усилитъ мануфактурную и заводскую дѣятельность губерніи, по природѣ неземледѣльческой, имѣющей неистощимый запасъ топлива (дрова и торфъ) и обладающей водными сообщеніями для полученія сырыхъ матеріаловъ изъ самыхъ отдаленныхъ частей Россіи. Въ настоящее время большое число жителей добываетъ себѣ пропитаніе работою на желѣзной дорогѣ; а многіе небольшими подрядами успѣли даже составить значительные капиталы. Наибольшія выгоды пріобрѣли жители деревень, находящихса подлѣ самой линіи дороги. Матеріалы, не приносяшіе имъ до того времени никакой пользы (песокъ и камень) пошли въ дѣло за весьма значительную цѣну. Строевой лѣсъ, со времени начатія работъ, также чрезвычайно вздорожалъ.

Чтобы показать какія мѣстности губерніи наиболѣе выиграли отъ работъ на желѣзной дорогѣ, и могутъ еще болѣе выиграть по устройствѣ ея, опишемъ направленіе линіи этой дороги.

Начиная отъ границы валдайскаго уѣзда, линія желѣзной дороги идетъ черезъ болото Булдыри, потомъ черезъ узкій переіеекъ между озерами Имоложье и Островною, у деревни Зарѣчьи; далѣе, по болоту Кулики до деревни Лютивли, передъ городомъ Вышнимъ Волочкомъ пересѣкаетъ рѣку Цюу, и проходитъ въ разстояніи двухъ-сотъ сажени къ востоку отъ города. Направленіе дороги ломаное для обхода нѣсколькихъ озеръ, находящихся на этомъ пространствѣ. Мостъ черезъ рѣку Цюу о двухъ отверстіяхъ, по двадцати сажени; у деревни Лютивли желѣзная дорога пересѣкается Боровницкою. За Цюю линія дѣлаетъ поворотъ влево, для обхода рѣки Тверцы, пролегаетъ по болоту Сидоровскому, потомъ Святенскому и Гумевскому на протяженіи двадцати-двухъ верстъ; всѣ эти болота покрыты мелкимъ лѣсомъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Вышняго Волочка желѣзная дорога пересѣкается Вышневолоцко-Бѣжецкою. Отъ деревни Елисаветина линія идетъ почти по совершенно прямому направлею, на протяженіи шестидесяти верстѣ, до деревни Старцева. Здѣсь грунтъ земли заключаетъ въ себѣ много булыжнаго камня, хрща и песку; линія дороги пересѣкаетъ три болота: Флишковское, Баргонское и Кавское, и двѣ дороги: карельскую, идущую отъ Выдропуска въ Тверь, и новоторжско-бѣжецкую. Торжокъ остается отъ дороги вправо въ тридцати-пяти верстахъ. За Старцевымъ линія дѣлаетъ изломъ вправо, проходитъ черезъ болото, называемое Кулицкинымъ Мохомъ, пересѣкаетъ рѣку Тверцу у деревни Андреяновой, гдѣ строится мостъ о трехъ пролетахъ, каждый въ двадцать-осемь сажень; далѣе — московское шоссе, на третьей верстѣ отъ тверскаго заставнаго дома къ Торжку и, наконецъ, рѣку Волгу, въ двухъ верстахъ выше Твери, гдѣ устроивается мостъ, совершенно одинакихъ размѣровъ съ мостомъ черезъ Тверцу. За Волгою, въ верстѣ, линія проходитъ черезъ рѣку Тьмаку по мосту, имѣющему отверстіе въ пятнадцать сажень, направляется въ обходъ высотъ, прилегающихъ къ Твери, идетъ мѣстностію лѣсною; при деревнѣ Новой проходитъ черезъ рѣку Шошу мостомъ о двухъ пролетахъ, каждый въ двадцать осемь сажень, и вступаетъ за Шошею въ предѣлы московской губерніи. Въ шести верстахъ за Волгою линія пересѣкаетъ дорогу, ведущую изъ Твери въ Волоколамскъ.

Если, по неизмѣннѣю данныхъ, нельзя опредѣлить цифрами промышленной важности сухопутныхъ сообщеній тверской губерніи, важности, зависящей отъ географическаго положенія тѣхъ пунктовъ, между которыми пролегаютъ дороги, то взглянемъ, по крайней-мѣрѣ, на значеніе дорогъ въ отношеніи къ промышленности и на то, въ какой мѣрѣ онѣ, по своимъ качествамъ, облегчаютъ или затрудняютъ сообщенія. Главнѣйшій трактъ, пролегающій по губерніи, санктпетербурго-московское шоссе, можетъ служить образцомъ изящнаго устройства: черезъ рѣки и каналы перекинуты вездѣ нарядные мосты, по обѣимъ сторонамъ дороги разбросаны красивыя казармы, и въ прежде бывшихъ путевыхъ дворцахъ, на станціяхъ, устроены роскошныя гостиницы, гдѣ путника могутъ во всякое время удовлетворить всѣмъ своимъ требованіямъ относительно стола и помѣщенія. Существованіе же въ Москвѣ и Петербургѣ нѣсколькихъ конторъ дилжансовъ для производства сообщеній между этими двумя пунктами, и благо-

дѣтельное въ послѣднее время учрежденіе покойныхъ петровыхъ каретъ, летающихъ стрѣлою по гладкой поверхности шоссе, доставляютъ путешествующимъ всевозможныя удобства для дешеваго, скорого и пріятнаго перѣзда этого пространства. Принимая станицу, нельзя невольно не пожалѣть о нашихъ предкахъ, не знавшихъ подобныхъ удобствъ и тратившихъ много дорогаго времени въ тяжкихъ перѣздахъ изъ одной столицы въ другую, по сызучивъ пескамъ и траской деревянной мостовой, о которой одно воспоминаніе приводитъ въ ужасъ. Теперь на всемъ пространствѣ этого тракта дорога совершенно удобна во всякое время года, особенно начиная отъ станціи Городни (бышей въ древнія времена городомъ) до Выдронуска. Отъ Выдронуска же до Вышняго Волочка хотя и есть гористыя мѣста, а на послѣдней станціи, къ этому городу отъ Торжка, даже порядочная гора, называемая Логовою; но пролегающее по нимъ шоссе значительно сгладило ихъ возвышенность, такъ что развѣ только весною, въ сильную грязь, да осенью — въ гололедницу, представляется иногда нѣкоторое неудобство въ проѣздѣ, и то только для тяжелыхъ экипажей. Зимой по всему этому тракту, какъ и по всѣмъ вообще дорогамъ въ Россіи, отъ большихъ сѣвговъ дѣлаются ухабы; но здѣсь и это неудобство отвращается наблюденіемъ начальства Путей Сообщенія и менѣе чувствительно, нежели на прочихъ трактахъ.

На всемъ разстояніи дороги, начиная отъ станціи Городни до станціи Бахмаръ, устроены на рѣкахъ и протокахъ постоянные мосты, исключая города Твери и Мѣдновскаго-яма, гдѣ на пересѣкающихся шоссе рѣкахъ Волгѣ и Тверцѣ, сдѣланы мосты на плашкоутахъ; а потому весною и осенью, при разлитіи и замерзаніи этихъ рѣкъ, хотя и встрѣчается остановка въ слѣдованіи экипажей отъ переправъ на паромъ, сурмакахъ или лодкахъ, но переправы эти производятся всегда съ такою поспѣшностію, что ежедневное сношеніе между двумя столицами никогда не прерывается. Разливъ рѣки Тьмаки, по шоссе между Тверью и Большою Переицкскою, также иногда затрудняетъ сообщеніе; но этотъ разливъ бываетъ чрезвычайно рѣдко.

Проходя черезъ Тверь, санктпетербурго-московское шоссе отдѣляется отъ себя два губернскіе тракта, идущіе параллельно берегамъ Волги. Первый изъ нихъ направляется на юго-западъ, пролегая черезъ Старицу и Зубцовъ до Гжатска, соединяется въ послѣднемъ съ большимъ симлевскимъ трактомъ. Второй простирается на сѣверо-востокъ, черезъ Корчеву и Колосинъ, идетъ

на Угличъ и Ярославль. Ояъ отдѣляется отъ себя въ Колязинѣ другой уѣздный трактъ, ведущій черезъ Кашинъ, Бѣжецкъ и Красный Холмъ, въ Восъегонскъ, гдѣ этотъ трактъ соединяется съ большимъ, идущимъ изъ Костромы черезъ Ярославль въ Санктпетербургъ. Въ Вышнемъ Волочкѣ отъ санктпетербургско-московскаго шоссе отдѣляется еще небольшой уѣздный трактъ, ведущій въ городъ Осташковъ, гдѣ ояъ и оканчивается.

Все это почтовые тракты, но въ губерніи есть еще нѣсколько торговыхъ дорогъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ промышленномъ отношеніи, важнѣе почтовыхъ. Таковы напримѣръ: дорога Осташковско-Ржевская, изъ Углича въ Вышній Волочокъ, изъ города Старицы въ Старую Русу, изъ Торжка въ Осташковъ.

Сдѣлаемъ очеркъ почтовыхъ и торговыхъ дорогъ:

Дорога отъ Твери черезъ Старицу къ Зубцову до ставціи Скоросовой, по направленію въ городъ Гжатскъ, кромѣ переправъ на паромахъ черезъ рѣку Волгу въ двухъ городахъ, никакихъ другихъ неудобствъ не представляетъ. Въ весеннее же время, при большомъ разлитіи водъ, черезъ рѣку Вазузу переправа производится на сомикахъ и лодкахъ. Въ самомъ городѣ Твери этотъ трактъ пересѣкаетъ Тьмаку по хорошо устроенному мосту; но при вскрытіи рѣки и тутъ бываетъ переправа на сурिकाхъ. На протяженіи описанной дороги обозы ходятъ только между Зубцовымъ и Гжатскомъ, изъ Калужской, Орловской и Смоленской губерній. Городъ Зубцовъ, находясь при двухъ судоходныхъ рѣкахъ, Волгѣ и Вазузѣ важенъ, по своимъ пристанямъ, которыхъ положеніе тѣмъ выгоднѣе, что барки строящіяся на устьѣ Вазузы нагружаются на сухомъ пути и поднимаются водою при разлитіи рѣки безъ всякой другой помощи. Иногородные купцы, пользуясь этимъ удобствомъ, доставляютъ свои грузы на здѣшнія пристани зимнимъ путемъ. Зимніе грузы преимущественно состоятъ изъ сала, пеньки, хлѣба, и чугунныхъ издѣлій; лѣтніе изъ пуха и перьевъ. Все это отправляется весной въ Петербургъ. Въ зимніе мѣсяцы дорога довольно хороша. Отъ тракта, идущаго на Гжатскъ, въ Зубцовѣ, отдѣляется еще небольшой уѣздный трактъ, ведущій въ Ржевъ, городъ производящій значительную торговлю хлѣбомъ, саломъ и пенькою, которые привозятся сюда изъ Смоленской и Калужской губерній. Этими товарами суда нагружаются въ самомъ городѣ и отправляются потомъ въ большомъ количествѣ мѣстнымъ купечествомъ внизъ по Волгѣ. Во Ржевѣ черезъ рѣку Волгу построенъ купцомъ Дьяковымъ, на собственное его иждивеніе, плашкоутный мостъ, ко-

торый разводится весною и осенью, во время разлитія и замерзанія рѣки; тогда жители города сообщаются между собою посредствомъ перевоза. Дорога отъ Зубцова въ Ржевъ въ весьма хорошемъ состояніи, и хотя на столь незначительномъ протяженіи есть три оврага, изъ которыхъ къ одному, на четвертой, верстѣ отъ Ржева, спуски довольно круты и представляются въ видѣ горъ, но проѣздъ совершенно безопасенъ и мосты въ хорошемъ состояніи. Зимомъ же, во время большихъ снѣговъ, иваче не возможно проѣхать по всему этому тракту, начиная отъ самой Твери до Ржева, какъ гусемъ. Изъ Ржева, какъ замѣчательнаго торговаго города, идетъ нѣсколько торговыхъ трактовъ; изъ числа ихъ важнѣе, направляющіеся на города Бѣлый и Осташковъ. По тракту изъ Ржева въ Бѣлый ходятъ обозы съ солью и сельдами въ Смоленскъ, преимущественно зимою, а изъ Духовщины и Смоленска возятъ пеньку и паклю до Ржева. По тракту въ Осташковъ, возятся въ Петербургъ (преимущественно зимою для избѣжанія дорогой цѣны за кормы по шоссе), произведенія орловской, калужской и смоленской губерній; наиболѣе идетъ постное масло, солонина, сало, пенька и сахаръ съ свеклосахарныхъ заводовъ; лѣтомъ гоняется скотъ. Эта дорога въ осташковскомъ уѣздѣ не содержится въ исправности, соответствующей ея торговой важности, и въ весеннее и осеннее время проѣздъ по ней бываетъ весьма затруднителенъ; а въ Ржевскомъ уѣздѣ проѣздъ по ней весьма хорошъ.

Дорога изъ Твери въ Калязинъ чрезвычайно затруднительна отъ большаго числа переправъ, особенно въ весеннее и осеннее время. Начиная отъ самаго города Твери, гдѣ должно переправляться чрезъ Волгу и Тверцу на паромахъ, до первой станціи Юрьево-Повольской, на разстояніи $25\frac{1}{2}$ верстъ, имѣется весною и осенью еще три переправы: черезъ два безымянныя ручья и рѣчку Шепиловку. Отъ станціи Юрьево-Дввинчей до города Корчевы на разстояніи $20\frac{1}{2}$ верстъ, четыре переправы: черезъ одинъ безымянный ручей, рѣчки Черную и Бабию и рѣку Сось; черезъ послѣднюю перевозъ производится на плоту, укрѣпленномъ канатомъ, а черезъ ручей и рѣчки въ лѣтнее время устраиваются мосты. Дорога до Корчевы частію глинистая, частію песчаная, но вездѣ ровная, исключая извѣстное торговое село Кимры, гдѣ есть довольно большая гора, при спускѣ съ которой необходимо должно тормозить экипажи. Отъ Корчевы до Калязина весною и осенью значительное число переправъ: три черезъ Волгу, двѣ чрезъ рѣки Медвѣдцу и Кашнику, и болѣе пятнадцати че-

резь небольшіе рѣчки и ручьи; всё эти переправы довольно затруднительны. Лѣтомъ же на всѣхъ рѣкахъ и ручьяхъ устроены мосты, а на Волгѣ и Медвѣдицѣ ходятъ паромы посредствомъ каната.

Изъ Калязина къ Кашину и далѣе до станціи Юркиной идетъ дорога ровная и удобная для ѣзды во всякое время года, исключая весну и осень, когда при вскрытіи рѣки Волги производится переправа на большихъ лодкахъ, не столько удобная, какъ производящаяся въ лѣтнее время черезъ ту же рѣку на самолетѣ въ самомъ Калязинѣ.

Отъ Юркинской станціи къ городу Бѣжецку дорога большею частію вымощена бревнами и для ѣзды довольно безпokoйна. По этой дорогѣ живутъ Корелы. Отъ Бѣжецка до заштатнаго города Краснаго Холма и далѣе до города Весеьгонска, дорога частію болотистая, вымощенная бревнами, частію гористая; грунтъ земли сѣропловатый и мѣстами песчаный, а потому во всякое время года проѣздъ здѣсь не слишкомъ удобенъ; весною же и осенью отъ сильныхъ грязей, особенно утомителенъ. Къ тому же отъ станціи Овинищъ до Весеьгонска дорога плетъ лѣсомъ и большею частію по бревенчатой мостовой; за станціею Баскаки есть двѣ довольно высокія горы: одна въ селѣ Кесоѣ, другая въ деревнѣ Иванъ Горѣ. Что же касается до рѣкъ: Кашинки, Астрѣчани, Мологи, Нелединой и прочихъ рѣчекъ, пересекающихъ весь этотъ трактъ, начиная отъ Кашина до Весеьгонска, то на нихъ устроены постоянные мосты и проѣздъ безпрепятственъ во всякое время года, исключая небольшой промежутокъ весною, когда бываютъ слишкомъ большіе разливы; тогда по нѣкоторымъ изъ этихъ рѣкъ переправа производится на плотахъ; зимою же, во время большихъ снѣговъ, по всему этому тракту, какъ и вообще по всѣмъ уѣзднымъ трактамъ въ Россіи, не бываетъ другой ѣзды какъ гусемъ. По дорогѣ отъ Твери въ Весеьгонскъ (или вѣрнѣе отъ Корчевы и Колязина) ходятъ обозы преимущественно зимою изъ Углича, Ростова и изъ-за Москвы съ битою дворовою птицею, соловиною, дичью и полотномъ. Обозы, слѣдующіе въ Петербургъ, обыкновенно не доходятъ до Весеьгонска, а сворачиваютъ на Устюжну отъ села Кесемы. Лѣтомъ изъ Кашина возятъ въ Калязинъ виноградныя вина, гдѣ они перекладываются на лодки, и отправляются водою до Нижняго Новгорода, а привозимый изъ Нижняго хлѣбъ доставляется по этой же дорогѣ изъ Калязина въ Кашинъ.

Генеральный трактъ, пролегающій изъ Ярославля въ Санкт-

петербургъ по сѣверо восточной сторонѣ тверской губерніи, чрезъ городъ Весьегонскъ, не представляетъ столь удобнаго и спокойнаго проѣзда, какъ главный московскій трактъ. Горы, пески, болота, бревенчатая мостовая и фашиновые гати встрѣчаются въ большомъ изобиліи на всемъ его пространствѣ, а зимою приходится терпѣть отъ множества ухабовъ. Между станціями Суминской и Суковой, въ девяти верстахъ отъ этой послѣдней, есть въ селѣ Николѣ Высокомъ гора, спускъ съ которой, по величинѣ и крутизнѣ ея, безъ принятія предостерегательныхъ мѣръ, опасенъ, тѣмъ болѣе, что при окончательномъ ея скатѣ течетъ безымянная рѣчка, на которой устроенъ мостъ. Затѣмъ въ осьми верстахъ до станціи Стрекачевой пересѣкаетъ почтовую дорогу рѣчка Звана, разливающаяся весною на триста сажень въ ширину; въ это время устраивается чрезъ нее переправа на плоту, состоящая подъ надзоромъ земской полиціи. Въ трехъ же верстахъ отъ города Весьегонска, весною разливается протекающая по городской землѣ рѣчка Рѣня; на двѣ версты болѣе нежели соединяясь съ разливомъ рѣчки Мологи, текущей мимо города, она затопляетъ не только большую часть его строеній, но и сосѣдственные лѣса и приливается даже къ ближайшимъ селеніямъ. Въ это время для переправы почти и проѣзжающихъ, устраивается отъ города перевозъ на паромѣ и лодкахъ во всю ширину разлива рѣчки; а по достиженіи такимъ образомъ городского ея берега, дѣлается объѣздъ съ тракта въ-сторону, вокругъ города на три версты. Въ самомъ городѣ во все продолженіе разлива ѣзды на лошадяхъ не бываетъ: жители сообщаются между собою на лодкахъ. Лѣтомъ чрезъ рѣчку Рѣню производится постоянный перевозъ на плоткахъ; на рѣкѣ же Званѣ устроивается мостъ.

Трактъ, отдѣляющійся съ шоссе отъ Вышняго Волочка въ Осташковъ, разительно отличается отъ всѣхъ прочихъ трактовъ тверской губерніи. Природа собрала по этой дорогѣ, на протяженіи 126 верстъ, всѣ преграды, какія можетъ только встрѣтить путешественникъ въ медленномъ и утомительномъ пути: лѣса, камни, овраги, горы, болота, пески, фашиновые гати и деревянные мостовыя немовѣрно затрудняютъ проѣздъ по этому тракту во всякое время года; весною же, при разлитіи рѣкъ, проѣздъ въ иныхъ мѣстахъ вовсе пересѣкается: такъ на 26-ой верстѣ отъ Вышняго Волочка, около деревни Покрова, версты на три совершенно нигдѣ не бываетъ проѣзда; а по фашивному возвышенію, идущему городскойю землею отъ самого города, ѣзда бываетъ чрезвычайно трудна. Изъ значительнѣйшихъ переправъ на

этомъ трактѣ, наиболѣе затруднительны: та, что производится на плоту черезъ рѣку Цну, при Язырѣ, и другая на — паромѣ, подъ самымъ городомъ Осташковымъ, черезъ заливъ озера Селигера на полторы версты разстоянiя; послѣдняя существуетъ и въ лѣтнее время. Весною и осенью отъ вѣхъ этихъ препятствiй, въ особенности между Кузнецовымъ и Черновозомъ, вѣщты спаздываютъ десятью и двѣнадцатью часами. Въ зимнее же время проѣзжающiе слѣдуютъ къ Осташкову черезъ озеро Селигеръ, по льду, около четырехъ верствъ и вообще путь до Вышняго-Волочка сокращается почти на шестнадцать верствъ, но въ то же время отъ глубокихъ снѣговъ не бываетъ другой ѣзды, какъ гусемъ, такъ-что при встрѣчѣ двухъ экипажей, одинъ долженъ непремѣнно сворачивать въ снѣгъ и ожидать проѣзда другаго; къ тому же зимняя дорога бываетъ чрезвычайно коленста и всегда выбита отъ большой перевозки лѣса изъ Осташковского уѣзда. Этотъ лѣсъ вывозится и сваливается на берегъ рѣки Цны, близъ Эскинской станци, для славки его при вскрытiи рѣки, въ Вышняго-Волочокъ, гдѣ изъ него строятся барки. Трактъ отъ Вышняго-Волочка въ Осташковъ, кромѣ почтовой гоньбы, мало приноситъ пользы, потому-что торговыхъ сношенiй между Осташковымъ и Волочкомъ почти нѣтъ, а отправляющiеся въ Петербургъ или Москву осташковскiе жители выѣзжаютъ на шоссе въ Валдаѣ, или Торжкѣ.

Отъ Осташкова вышневолоцкiй трактъ продолжается въ Старую Русу, но отсюда онъ становится важнѣе почтового. Это главный путь для сообщенiя Осташкова съ Санктпетербургомъ и по немъ возятся всѣ произведенiя осташковскихъ кожевенныхъ заводовъ, бумажное хлопье для бумагопрядильной фабрики, равно какъ и всѣ колониальные товары, закупаемые въ Петербургѣ Осташковымъ и другими городами, лежащими на верхнихъ частяхъ Волги. Хотя эта дорога содержится въ исправности, но не смотря на то проѣздъ по ней весною весьма затруднителенъ, особенно между Сопками и Ревеницею. Несравненно важнѣе Вышневолоцко-Осташковской почтовой и даже Осташковско-Старорусской дороги, торговая дорога изъ Вышняго-Волочка въ городъ Угличъ. Это одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ путей, проходившихъ черезъ тверскую губернiю. По немъ въ зимнее и лѣтнее время ходятъ обозы въ Петербургъ съ различными произведенiями ярославской губернiи, преимущественно огородными; также съ краснымъ товаромъ, льномъ, полотномъ, пряжью. Зимой возятся въ большомъ количествѣ разная колотая птица, ветчина, соло-

вина, дичь, масло и прочее. Сверхъ того, въ значительномъ числѣ товары съ нижегородской ярмарки, которые требуется доставить въ Петербургъ скорѣе чѣмъ то возможно водянымъ путемъ. Наконецъ по ней ѣздить въ весьма большомъ числѣ фуры съ пассажирами, состоящими изъ уроженцевъ ярославской губерніи, отправляющихся для разныхъ промысловъ въ Петербургъ. Состояніе этой дороги далеко не соответствуетъ ея важности. Проходя по мѣстамъ болотистымъ, она состоитъ болѣею частію изъ деревянныхъ мостовыхъ, которыя требуютъ непрерывныхъ починковъ, но по нередкню жителей эти починки рѣдко или небрежно производятся. Собщеніе между Кузнецовымъ и Вышнимъ Волочкомъ совершенно прервалось на цѣлыя пять лѣтъ, и нельзя было ѣздить иначе, какъ по старой бѣжецкой дорогѣ. Теперь, хотя эта дорога въ вышневолоцкомъ уѣздѣ и починена, но проѣздъ по ней всё-еще неудобенъ, и, вѣроятно, въ скоромъ времени опять сдѣлается весьма затруднительнымъ.

Отъ шоссе, у Торжка, отдѣляется нѣсколько торговыхъ трактовъ: на Ржевъ (возять въ Торжокъ кожи, пеньку и масло); на Старицу (возять въ Петербургъ масло и пеньку) и, наконецъ, на Осташковъ, имѣющей значительную коммерческую важность. По немъ идетъ большая часть мануфактурныхъ произведеній московской и владимірской губерній, назначаемыя въ продажу въ новгородской и остзепскихъ губерніяхъ. Эта послѣдняя дорога содержится весьма исправно и потому проѣздъ по ней весьма удобенъ и только въ мѣтели собщеніе нѣсколько затрудняется огромными снѣжными сугробами, особенно у Свиныхъ хребтовъ.

Сдѣлавъ частный обзоръ путей, пролегающихъ по тверской губерніи, скажемъ теперь нѣсколько словъ объ нихъ въ совокупности. Большая часть трактовъ проходитъ лѣсами, которые перемежаются множествомъ селеній и усадебъ. Кромѣ лѣсовъ, по дорогамъ, вездѣ въ большомъ изобиліи встрѣчается мелкій кустарникъ, исключая уѣзды осташковскій, корчевской, весьеговскій и часть кашинскаго, богатые большими лѣсами. По главному московскому тракту, отъ яма Мѣднаго къ городу Торжку, есть также мѣстами красивыя березовыя рощи и кустарники. Лѣса, въ зимнее время, не только удобны, но даже и полезны для дорогъ, потому что, при сильныхъ снѣгахъ и мѣтеляхъ, защищаютъ ихъ отъ сугробовъ и такимъ образомъ облегчаютъ проѣздъ. Не рѣже приходится дорогамъ пролегать и чрезъ мѣста болотистыя, особенно въ уѣздахъ весьеговскомъ, корчевскомъ, бѣжецкомъ, вышневолоцкомъ и осташковскомъ. Здѣшнія

болота весною и осенью, при постоянныхъ дождяхъ, не мало препятствуютъ слѣдованію не только частныхъ экипажей, но и самыхъ почтъ. Преимущественно же страдаетъ этимъ неудобствомъ дорога отъ Калязина къ Вельегонску, начиная отъ Семёновска до села Хабацка, на протяженіи четырехъ три четверти верстахъ, и до деревни Бродъ. Отъ станціи же Овнинщъ къ Вельегонску, болото простирается на десять верстъ, и весною бываетъ тутъ такая топь, что нѣтъ почти никакой возможности ѣхать, равно какъ и отъ ручья Реброва до села Васюнина. Впрочемъ, исключая весну и осень, когда нѣтъ возможности бороться съ природою, всѣ почтовые дороги по тверской губерніи тщательно поддерживаются внимательными распоряженіями гражданскаго начальства и вѣдомства путей сообщенія.

Намъ остается для полноты описанія мѣстности тверской губерніи, сказать нѣсколько словъ о ея естественныхъ произведеніяхъ и о климатѣ, чтобы потомъ удобнѣе можно было рассмотреть, какое употребленіе сдѣлали Тверитяне изъ средствъ, данныхъ имъ природою. Эти средства въ отношеніи естественныхъ произведеній вообще бѣдны. Да и чего можно ожидать отъ страны, наполненной болотами, озерами, имѣющей непостоянный климатъ и почти вездѣ неплодную почву. Всѣ произведенія края достаются туземцамъ съ большими трудами и съ малыми процентами за эти труды. Царство животное и растительное тверской губерніи общее всей средней Россіи; о произведеніяхъ этихъ царствъ и объ употребленіи ихъ мы будемъ имѣть случай говорить при обзорѣ промышленности губерніи.

Въ геологическомъ же отношеніи тверская губернія въ цѣломъ ея составѣ еще мало изслѣдована; о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ея мѣстностяхъ, особенно о западной ея части, писалъ Фалькъ, Палласъ, Севергинъ и въ послѣднее время офицеры корпуса горныхъ инженеровъ. По ихъ замѣчаніямъ горы, находящіяся въ оставковскомъ уѣздѣ, и образующія Алаунскую и Волжскую возвышенности, состоятъ изъ слоевъ земель и горныхъ породъ, лежащихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: черноземъ съ селитрою или безъ нея, во многихъ мѣстахъ также красная желѣзистая земля, болѣе или менѣе отвердѣвшая; подъ нею лежитъ слой песку разнаго рода и цвѣта, наполненный углекислою известью, особенно къ сторонѣ Селвгера; глубже перемежаются безъ порядка красная или сѣрая глина, красный или бѣлый слоистый песокъ, который мѣстами такъ твердъ, что образуетъ настоящій песчаникъ. Небольшіе прожилки желѣзной руды, шпа-

та и гипса, пересѣкая известняки, также появляются въ глинтѣ. Вся Селижаровка течетъ по известняку. Между Волгой и Селижаровкой лежатъ множество ячеистыхъ и звѣздчатыхъ коралловъ въ голышахъ и извести. За Селижаровкою высокіе берега Волги состоятъ изъ бурой глины, смѣшанной съ пескомъ; но въ нѣсколькихъ верстахъ передъ Ржевомъ поднимается надъ рѣкою известковая возвышенность, и оканчивается въ нѣсколькихъ верстахъ за Зубцовымъ. На этомъ пространствѣ замѣчается въ известковомъ камнѣ, почти въ шести футахъ надъ водою, слой нѣсколько бурога кремня съ темнокрасными крапинками, почти подобнаго яшмѣ. Въ небольшихъ кремневыхъ ящерахъ почти вездѣ породились кварцовыя кристаллы. Около села Андреевола, не далеко отъ истока рѣки Западной Двины изъ озера Охвата, находятъ горный хрусталь, халцедонъ, сердолики и болотное желѣзо. Желѣзная охра добывается въ значительномъ количествѣ и опыты показали, что изъ нея можно получать красную и желтую краски. Болотныя руды находятся также около Осташкова, торфъ по рѣкѣ Сяговкѣ. Около Андреевола есть золото содержащая земля; но до сихъ поръ не открыто еще золотыхъ припсковъ, которые бы стоили обработки: самое обильное содержаніе есть четверть золотника золота на сто пудовъ земли. На берегахъ рѣки Шегриной (въ новоторжскомъ уѣздѣ) находятся зерна и пластинки чистаго серебра. На Циѣ, у деревень Подола и Алаковой, лежитъ красивый бѣлосѣроватый мраморъ съ красными прожилками. Ложбина Мсты на весьма обширномъ протяженіи есть известковый пластъ; дно рѣки покрыто окаменѣlostями. Въ высокомъ лѣвомъ и крутомъ берегу Мсты находится неправильными и скудными слоями каменный уголь, изъ котораго иногда получается горное масло. Слѣды каменнаго угля находятся также и около верховьевъ рѣки Западной Двины, ниже озера Охвата.

Минеральныя воды въ тверской губерніи находятся: 1) Адрипольскія на границахъ осташковскаго и торопецкаго уѣздовъ, 2) Высоковскія въ кашинскомъ уѣздѣ, 3) Корчевскія въ 7 верстахъ отъ города Корчевы и 4) Кашинскія.

Только Адрипольскія и Высоковскія воды были изслѣдованы.

Адрипольскія воды состоятъ изъ нѣсколькихъ желѣзныхъ ключей, насыщенныхъ известью и угольною кислотою; нѣкоторыя содержатъ въ себѣ въ меньшемъ количествѣ магnezію и сѣрно-водородный газъ, — смѣсь придающая имъ пороховый запахъ. Вода главнаго колодца заключаетъ въ себѣ въ 100 фунтахъ атнекар-

скаго вѣса 2 грана углекислаго желѣза, гранъ углекислой извести, $\frac{1}{2}$ грана сѣрвокислой извести, $1\frac{1}{4}$ грана углекислой и сѣрвокислой магнезін, $\frac{1}{4}$ грана вытяжнаго начала, всего 5 грановъ. Вкусъ этой воды влажущій, температура лѣтомъ не превышаетъ $+10^{\circ}$ Р. Цѣлебная сила доказана свидѣтельствомъ многихъ заслуженныхъ врачей и особъ, изцѣлявшихся отъ агоническихъ болѣзней. Помѣщенія при этихъ водахъ устроены весьма удобныя; но въ настоящее время, по неимѣнію при нихъ врача, прїѣздъ больныхъ совершенно прекратился.

Высоковскія воды имѣютъ температру два градуса ниже атмосфернаго воздуха, вкусъ слабый и желѣзновлажущій, запахъ пороховой; составныя части ихъ недовольно плотно соединены, и нельзя употреблять воду иначе какъ на мѣстѣ. Въ ней химическими опытами открыто присутствіе углекислой извести, углекислаго желѣза, селенитаго, клейкихъ частей, мною экстрактивнаго вещества и слѣды магнезін. Пороховой запахъ воды происходитъ болѣе отъ углероднаго, нежели сѣропеченковаго газа. По имѣнію нѣкоторыхъ врачей, Высоковскія минеральныя воды имѣютъ силу укрѣпляющую, возбуждающую, и съ большою пользою могутъ служить въ нервныхъ болѣзняхъ. Нѣкогда существовали при нихъ строенія для помѣщенія больныхъ, которыхъ сѣзжалось довольно много; теперь все заведеніе уничтожено, и эти воды совершенно оставлены.

Климатъ тверской губерніи, принадлежащей къ сѣверной полость Имперіи, вообще суровый. Зима въ ней, впрочемъ, умѣреннѣе нежели въ губерніяхъ, лежащихъ подъ одинакою съ нею широтою, но восточнѣе; за то лѣто гораздо прохладнѣе. Эти свойства, принадлежащія приморскимъ странамъ, объясняются въ тверской губерніи множествомъ находящихся въ ней озеръ, рѣкъ и болотъ, которыя дѣлаютъ воздухъ весьма влажнымъ. Впрочемъ сдѣланное замѣчаніе болѣе относится къ сѣверной полость губерніи, сходствующей климатомъ съ Петербургомъ, нежели къ южной, которая въ этомъ отношеніи почти не различается отъ московской губерніи.

Метеорологическія наблюденія производятся только при Тверской Врачебной Управѣ, въ самомъ городѣ Твери и потому не могутъ служить для опредѣленія температуры сѣверныхъ частей губерніи. По этимъ наблюденіямъ средняя температура года въ Твери по Реомюру $+4^{\circ}$ $74'$. Въ самые сильные морозы ртуть рѣдко опускается ниже -25° Р. и то на весьма непродолжительное время, возвышеніе же ея въ жары почти никогда не достигаетъ $+30^{\circ}$ Р.

Весна, судя по вскрытію рѣкъ, большею частію начинается въ послѣднихъ числахъ марта. Замѣчено, что рано начавшаяся весна, обыкновенно дѣлается, въ концѣ апрѣля или началѣ мая, холодною, и нерѣдко сопровождается въ то время обильными снѣгами. Растенія показываются въ началѣ мая къ Николину дню, цвѣтутъ въ іюнѣ, а созрѣваютъ въ августѣ. Проявленіе грозъ, какъ зависящее отъ болѣе или менѣе случайнаго напряженія электричества, неопредѣлительно. По мнѣнію поселянъ, частыя грозы предвѣщаютъ хорошій урожай. Старожилы замѣчаютъ, что онѣ уже нѣсколько лѣтъ какъ сдѣлались рѣже и слабѣе прежняго, что можно объяснить отчасти истребленіемъ лѣсовъ. Морозы начинаются обыкновенно въ октябрѣ, иногда, хотя и рѣдко, въ сентябрѣ. Утренники (то есть когда при пониженіи температуры земля по утрамъ подергивается инеемъ) появляются въ августѣ, и даже иногда въ концѣ іюля. Снѣгъ сплошь покрываетъ землю большею частію не ранѣе второй половины ноября или самыхъ первыхъ чиселъ декабря. Рѣки покрываются льдомъ въ продолженіе ноября, ранѣе или позже, смотря по силѣ и постоянству морозовъ. Воздухъ, хотя и весьма влажный, особенно въ сѣверныхъ частяхъ, не оказываетъ ощутительнаго вреднаго вліянія ни на постоянныхъ жителей, ни на пріѣзжихъ. Вѣтры преимущественно дуютъ съ сѣверо-востока и сѣверо-запада. Первый изъ нихъ сухой и рѣзкій; второй по большей части сыровато холодный, сопровождается обыкновенно раннюю весну и осень, при чемъ идутъ продолжительные дожди.

Вотъ все что можно сказать о природѣ тверской губерніи. Мы не вдавались въ подробныя описанія отдѣльныхъ предметовъ мѣстности, каковы напримѣръ рѣки, озера и прочее. Эти подробности затемнили бы общую картину края, заслонили бы тѣ изъ его особенностей, которыя имѣютъ главное и неоспоримое вліяніе на направленіе народной дѣятельности.

Изложимъ теперь взаимное отношеніе мѣстности къ жителямъ. По населенію своему тверская губернія занимаетъ среднее мѣсто въ кругу другихъ губерній имперіи, именно двадцатипятое. Въ ней жителей, по отчету тверскаго гражданскаго губернатора за 1845 годъ, 661,248 мужскаго и 678.336 женскаго пола; всего 1,339,584 душъ.

Всѣхъ крестьянъ въ губерніи, по свѣдѣніямъ гражданскаго начальства за 1845 годъ, считается 581,824 мужскаго и 609,264 женскаго пола; всего 1,191,088. Изъ числа ихъ, государственныхъ 182,837 мужскаго пола и 198,442 женскаго пола; удѣльныхъ

23,667 мужскаго и 26,077 женскаго пола; помѣщичьихъ 345,078 мужскаго и 354,672 женскаго пола; вольныхъ хлѣбопашцевъ 4,320 мужскаго и 5,046 женскаго пола, ямщиковъ 4,563 мужскаго и 5,420 женскаго пола, дворовыхъ людей 21,358 мужскаго и 19,507 женскаго пола. Государственные крестьяне есть во всѣхъ уѣздахъ губерніи, но наибольшее число ихъ въ бѣжецкомъ уѣздѣ, около 32,000 мужскаго пола; наименьшее въ ржевскомъ, около 3,000 мужскаго пола. Удѣльныхъ крестьянъ въ старинскомъ, зубцовскомъ, оставковскомъ и корчевскомъ уѣздахъ совсѣмъ нѣтъ; а наибольшее число ихъ въ новотсржскомъ, бѣжецкомъ и весьеговскомъ (до 7,000 мужскаго пола) уѣздахъ. Помѣщичьихъ крестьянъ во всѣхъ уѣздахъ отъ 25 до 38,000 душъ мужскаго пола.

Тверскіе крестьяне—или Русскіе или Кореллы. Число первыхъ несравненно многочисленнѣе послѣднихъ; но сколько именно тѣхъ и другихъ, не опредѣлено. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ племенъ въ составъ народонаселенія губерніи входитъ незначительное число поселенныхъ Петромъ Первымъ, плѣнныхъ Летовъ, Эстовъ, Лифляндцевъ, Шведовъ и Поляковъ. Но всѣхъ этихъ инородцевъ едва примѣтны теперь слабыя слѣды; съ принятіемъ православнаго вѣроисповѣданія поселенцы сдѣлались совершенно Русскими. Остатки ихъ встрѣчаются въ сѣверной части тверской губерніи, около санктпетербурго-московскаго шоссе. Здѣшніе Русскіе, по варужному виду, болѣе финскаго, нежели славянскаго происхожденія. Они средняго роста, чаще переходящаго въ низкій, чѣмъ въ высокій, имѣютъ рыженатый цвѣтъ волосъ, у дѣтей совершенно бѣлый, глаза небольшіе, сѣрые; носъ весьма рѣдко правильный. Эти характеристическія черты финскаго племени еще рѣзче и ярчѣ выказываются у женщинъ. Различіе между тверскимъ крестьяниномъ и чисто русскимъ жителемъ, напримѣръ, ярославской губерніи, нельзя объяснить однимъ только влияніемъ климата и мѣстныхъ причинъ. Вѣроятно древнія финскія племена Весь и Меря, обрусѣвъ и утративъ свой коренной языкъ,—чему примѣры видимъ и въ другихъ частяхъ имперіи,—образовали большую часть народонаселенія вышней тверской губерніи.

Близость столицъ, множество торговыхъ путей, пересѣкающихъ губернію, и оттого большое стеченіе въ нее народа со всѣхъ концовъ Россіи, произвело сильное влияніе на развитіе идей и способностей жителей тверской губерніи. Между ними встрѣчается менѣе предрасудковъ и менѣе предубѣжденій противъ нововве-

домѣй, нежели между обитателями другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Тверской крестьянинъ иногда не позволяетъ себѣ обмана въ сношеніяхъ съ людьми, между которыми онъ живетъ; названіе *мошенникъ* страшитъ крестьянина и удерживаетъ его между своими отъ плутней, которыя онъ позволяетъ себѣ съ чужими. Вообще можно сказать, что воровство весьма рѣдко случается по деревнямъ, оно обыкновеннѣе въ городахъ между мѣщанами: кража лѣса считается не важнымъ преступленіемъ, менѣе позорнымъ, нежели всякое другое воровство, что происходитъ отъ небреженія, въ которомъ до-сихъ-поръ находилась лѣсная часть. Въ сношеніяхъ своихъ не только съ высшими классами, но даже съ незнакомыми людьми одинаковаго съ ними состоянія, тверскіе крестьяне необыкновенно учтивы, что даже удивляетъ того, кто выдалъ другія мѣста Россіи. Гостепріимство также сохраняется въ прежней силѣ: бѣднякъ прохожій можетъ быть увѣренъ, что вездѣ его накормятъ даромъ, тѣмъ Богъ послалъ.

Главнѣйшій предметъ роскоши сельскихъ жителей — одежда. Синій кафтанъ, съ дорогимъ кушакомъ у мужчинъ, и малиновый, часто шелковый сарафанъ у женщинъ, составляютъ необходимую принадлежность каждаго зажиточнаго семейства; у бѣдныхъ кафтанъ изъ сѣраго или бураго сукна. Зимой (иногда и лѣтомъ) всѣ ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ. На головѣ, отъ Новгорода до Твери, видишь черную полярковую шляпу, низкую, съ небольшимъ разтрубомъ къ верху, широкими полями, по большей части съ лентой и пряжкой. За Тверью, къ Москвѣ, шляпа превращается въ узкополую, остро-верхую, обвитую посредствѣ пестрой лентой. Парни-щеголи, особенно лихіе амщики, носятъ еще на шляпѣ розанъ, павлинье перо, или какое-нибудь другое украшеніе. Лапти въ послѣдніе годы совершенно почти вышли изъ употребленія, и вѣроятно въ скоромъ времени будутъ извѣстны только по преданію. Впрочемъ въ теплое время, дома, крестьяне иногда еще носятъ лапти и оучи. Прежде рубаха шилась изъ грубаго холста, теперь съ умноженіемъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ распространился ситецъ; и на большой дорогѣ почти только и видишь пестрыя хлопчато-бумажныя рубахи, въ которыхъ преобладающимъ цвѣтомъ непремѣнно долженъ быть красный, потому что у Великороссовъ *красный* и *прекрасный* повліянія тождественныя. Женщины около Торжка и Твери носятъ кокошанки вышиною около фута и до трехъ футовъ въ окружности; а въ другихъ мѣстахъ употребляется красная ша-

вочка, по большой части бархатная, вышитая золотомъ, и часто унизанная жемчугомъ; она облегаетъ лицо и придаетъ ему хорошій видъ. За-просто крестьянки обвязываютъ голову платкомъ. Сверхъ исподницъ онѣ обыкновенно носятъ сарафаны шерстяной матеріи, у бѣдныхъ самодѣльной, у достаточныхъ сиваго сукна. Сверхъ сарафановъ зимою женщины носятъ мѣховыя душегрѣйки, а въ большіе холода также какъ и мужчины овчинныя тулупы. Душегрѣйки у зажиточныхъ крестьянокъ часто обшиваются золотыми галунами и подбиваются дорогимъ мѣхомъ. Этотъ нарядъ не разъ приводилъ въ восторгъ иностранцевъ-путешественниковъ. Вообще щегольство увлекаетъ тверскихъ поселянъ въ большія издержки. Первый признакъ зажиточности крестьянина — самоваръ, употребленіе котораго здѣсь повсемѣстно. Въ сельскомъ быту жители непривередливы. Въ постройкахъ сдѣлуютъ почти неизмѣнно обычайми отцовъ, не принимая ни какихъ улучшеній. Только волоковыя окна выходятъ изъ употребленія. Архитектура и устройство избъ большею частью великорусскія, но мѣстами переходятъ къ финскому типу, а потому описаніе того и другаго устройства жилья мы сдѣлаемъ на своемъ мѣстѣ, напримѣръ, въ ярославской и петербургской губерніяхъ. Здѣсь замѣтимъ только что избы Тверитянъ не могутъ похвалиться тою опрятностью, чистотою воздуха, которыя отличаютъ жилье, напримѣръ, ярославскаго или вологодскаго крестьянина. Множество таракановъ и клоповъ дѣлаютъ ночлеги въ деревняхъ весьма тягостными для непривычнаго. Притомъ, при терешшемъ чрезвычайномъ уменьшеніи строеваго лѣсу, крестьяне большею частью не могутъ уже строиться такъ прочно, какъ строились ихъ дѣды.

Храмовые сельскіе праздники составляютъ важныя ежегодныя событія въ однообразной жизни поселянина. Въ эти дни вся деревня принимаетъ торжественный видъ. Каковъ бы ни былъ урожай, есть ли деньги или нѣтъ, всякій готовъ заложить послѣднее, лишь бы сварить пиво и поподчивать гостей, во множествѣ собирающихся изъ окрестныхъ деревень. Ни одного проѣзжаго, какого бы званія онъ ни былъ, крестьяне не пропустятъ мимо своей деревни, особенно на проселочныхъ дорогахъ, безъ того, чтобы не поднести ему ковша пива, который непременно должно выпить, чтобы не обидѣть хозяевъ. Съ этихъ сборищъ обыкновенно разносятся всѣ тѣ нелѣпые слухи, которые такъ занимаютъ умы легковѣрныхъ поселянъ; здѣсь, несмотря на ми-

ролюбіе и кротость даже хмѣльнаго русскаго мужика, начало большой части дѣлъ, требующихъ вмѣшательства земскаго суда.

По уму, по смѣтливости, тверскаго мужикъ уступаетъ, напри- мѣръ, Ярославцу, но несмотря на то отличается здравымъ смы- сломъ и находчивостью.

Это доказывается разнообразной дѣятельностью Тверитянъ, какъ въ губерніи, такъ и вѣдъ ея; объ этомъ мы поговоримъ подробно при обзорѣни промышленности тверскаго губерніи.

Развитіе умственныхъ способностей тверскихъ поселянъ рѣ- ко выражается въ ихъ разговорѣ, всегда связномъ, логичномъ. Народный языкъ большею частью правиленъ и способенъ къ переда- чѣ высшихъ понятій. Названія предметовъ сельскаго быта весьма опредѣлительны и часто живописны. Мѣстные выраженія соста- влены такъ удачно и соотвѣтственно духу русскаго языка, что понятны безъ всякаго объясненія, даже тому, кто въ первый разъ ихъ слышитъ. Это впрочемъ можно сказать о большей ча- сти великороссійскихъ губерній. Въ языкѣ тверскихъ крестьянъ нѣтъ особеннаго просторѣчья, непонятнаго высшему классу, и на оборотъ, для каждаго простолюдина понятенъ книжный языкъ. Это залогъ будущаго повсемѣстнаго образованія Россіи, залогъ удобства, легкости распространенія въ народѣ извѣстнаго рода и извѣстной степени просвѣщенія. О направленіи народнаго обра- зованія и степени его развитія мы еще будемъ имѣть случай говорить при описаніи промышленности, съ направленіемъ кото- рой, по нашему мнѣнію, должно быть связано и народное обра- зованіе; оно должно быть мѣстнымъ и твердо опираться на условія народной дѣятельности. Особенности въ нарѣчій тверскихъ поселянъ слѣдующія: въ осташковскомъ и частью въ Новоторжскомъ уѣздѣ буква ч вездѣ замѣняется буквою ц; на- примѣръ рѣцка, вмѣсто рѣчка. Въ новоторжскомъ уѣздѣ и ча- стью въ вышневолоцкомъ ѣ всегда произносится какъ и, съ вѣрностью, которая можетъ разрѣшить всѣ сомнѣнія на счетъ употребленія буквъ ѣ или е. Поселяне говорятъ: мни (мнѣ), гди (гдѣ) и проч. Въ весьеговскомъ и бѣжецкомъ уѣздахъ вы- говоръ приближается къ вологодскому чистымъ произноше- ніемъ гласной о. Вообще оно чище въ деревняхъ, находящихся на торговыхъ путяхъ. — Путешественники и русскіе и ино- странные вообще хвалятъ смышленость и любознательность тверскаго крестьянина. — Эта любознательность Тверитянъ вы- ражается даже въ мѣлочахъ. Вы пріѣзжаете на станцію, къ вамъ всегда сбѣгается толпа народа, осматриваютъ со всѣхъ сторонъ

вашъ экипажъ, идутъ пересуды, толки, усердные прислужничества въ перепряжкѣ лошадей. Не думайте, что толпа, которая васъ окружила, праздный, лѣнивый народъ; что у этой толпы много досужихъ часовъ. Нѣтъ, здѣсь проглядываетъ любознательность русскаго человѣка, замѣчательная черта его характера о всемъ посудить, подивиться чужому и непременно найти въ немъ недостатокъ. Въ окружившей толпѣ рѣдко увидишь женщинъ: все мужики и мальчишки. Въ уѣздахъ отдаленныхъ отъ большихъ трактовъ, гдѣ экипажъ и проѣзжій рѣдкость, иногда сбѣгаются и женщины; но чаще, онѣ, завидѣвъ экипажъ, высыпаютъ на высокія крыльца своихъ избъ, и тѣсно прижавшись другъ къ другѣ, смотрятъ на проѣзжаго какъ на невидаль; стоять пойти къ нимъ, толпа тотчасъ прячется въ избу. — Иностранцы говорятъ, что это еще остатокъ перехода къ восточнымъ нравамъ! Но когда застанешь дѣвушекъ за пляской на улицѣ, онѣ не только не разбѣгутся, но даже какъ-будто незамѣтятъ проѣзжаго: плясуны и плясуньи обыкновенно серьезны и такъ углублены въ свое важное занятіе, что ничто не можетъ развлечь ихъ. — Подумаешь эти люди веселятся по обязанности, по заказу, не отъ души.... плясовые пѣсни вторятъ пляскамъ: онѣ также заунывны.... Въ долгіе зимніе вечера любимое препровожденіе времени молодыхъ людей обоюго пола составляютъ *посидѣлки*. Здѣсь начало законныхъ и незаконныхъ связей. Въ тверской губерніи безнравственность незамужнихъ повсемѣстна, и влечетъ за собою весьма пагубные результаты. Сельскіе жители, къ несчастью, полагаютъ, что должно стыдиться не распутства, а только послѣдствій его. Это увлекаетъ поселокъ къ прекращенію беременности употребленіемъ разныхъ травъ, растущихъ въ изобиліи по болотамъ; — обычай тѣмъ болѣе пагубный, что онъ ускользаетъ отъ всякаго наказанія, и едвали можетъ быть прекращенъ какими-нибудь мѣрами.

Послѣ Русскихъ наибольшее количество народонаселенія губерніи составляютъ Карелы, — народъ финскаго происхожденія, говорящій однимъ изъ нарѣчій этаго языка. Достоверно неизвѣстно, въ какую эпоху и по какому случаю Карелы переселились, или были переселены въ предѣлы тверской губерніи; но судя по многимъ мѣстнымъ историческимъ фактамъ, это переселеніе случилось въ эпоху, предшествовавшую царствованію Іоанна Грознаго. Переселеніе безъ сомнѣнія произведено одновременно, потому что Карелы въ самыхъ противоположныхъ концахъ губерній

говорятъ совершенно одинаковымъ нарѣчіемъ, но почти не понимаютъ своихъ одноплеменниковъ, живущихъ въ Финляндіи и Заонежскомъ краѣ. Большая часть ихъ принадлежитъ удѣльному вѣдомству; помѣщичьи карельскія имѣнія Высочайше жалованы въ прошедшемъ столѣтіи. Наибольшее число Карелъ живетъ въ новоторжскомъ, вышневолоцкомъ, бѣжецкомъ и весьегонскомъ уѣздахъ, гдѣ они почти сплошь занимаютъ длинную полосу земли, тянущуюся по направленію на сѣверо-востокъ, по теченію Мологи, къ мѣсту соединенія границъ тверской, новгородской и ярославской губерній. Отдѣльно живутъ они въ оставковскомъ уѣздѣ, въ имѣніи господина Олонкина, около Пухтинной горы; въ зубцовскомъ, въ бывшемъ имѣніи помѣщика Новосильцова, и въ кашинскомъ, въ Прилуцкой волости удѣльнаго вѣдомства.

Въ образѣ жизни, одеждѣ и степени просвѣщенія, Карелы почти ничѣмъ не отличаются отъ Русскихъ, своихъ сосѣдей; но въ характерѣ у нихъ есть нѣкоторыя особенности. Главнѣйшую составляетъ чрезвычайное упрямство во всемъ. Заставитъ Карела признаться въ чемъ-нибудь, когда онъ рѣшился молчать, совершенно невозможно ни ласками, ни угрозами. Вообще они весьма недовѣрчивы и скрытны, — главная причина множества между ними раскольниковъ. Мстительность также составляетъ общее свойство Кареловъ; они рѣдко увлекаются запальчивостью, а выжидаютъ удобнаго случая, чтобы отомстить безъ всякой для себя опасности. Въ предпріятіяхъ своихъ Карелы гораздо осторожнѣе Русскихъ, но уступаютъ имъ въ смѣлности. Нельзя также не отдать имъ справедливости въ томъ, что они вообще честны, вѣрны данному слову, имѣютъ особенное уваженіе къ семейнымъ узамъ, хотя цѣломудренность незамужнихъ и мало соблюдается. Въ домашнемъ быту Карелы нѣсколько опрятнѣе Русскихъ. Хотя между собою Карелы говорятъ на природномъ языкѣ, но, за исключеніемъ дѣтей, всѣ, болѣе или менѣе, хорошо изъясняются по-русски, и находясь во владѣніи одного помѣщика, не разбирая народности, охотно вступаютъ во взаимные браки.

Послѣ крестьянъ, второй большой отдѣлъ народонаселенія губерній составляютъ горожане, то есть купцы и мѣщане. Въ этомъ отдѣлѣ много степеней: между богатымъ образованнымъ купцомъ и погрязшимъ въ невѣжество мѣщаниномъ, конечно, неизмѣримое разстояніе; но не смотря на то, даже между крайностями, есть много общаго, опредѣляющаго характеристику со-

словія. Во всѣхъ слояхъ его одни и тѣже нравы, обычаи, вездѣ проглядываетъ общая природа, болѣе или менѣе облагороженная, очищенная. Купцы и мѣщане преимущественно Русскіе. Поголовно купеческаго сословія въ губерніи считается 4,617 мужскаго и 4,421 женскаго пола. Изъ числа купцовъ почетныхъ гражданъ 181 мужскаго пола, первой гильдіи 31 мужскаго пола, второй гильдіи 146 мужскаго пола, третьей гильдіи 4,440 мужскаго пола. По числу лицъ купеческаго сословія первое мѣсто занимаетъ Торжокъ (877 мужскаго пола), потомъ Осташковъ (674 мужскаго пола), Тверь (566) и Кашинъ (555). Замѣчательно, что въ Кашинѣ наибольшее число почетныхъ гражданъ, а купцовъ первой гильдіи въ Вышнемъ Волочкѣ и Торжкѣ. Въ Твери совсѣмъ нѣтъ купцовъ первой гильдіи.

Купечество тверской губерніи производитъ огромные обороты и извлекаетъ большія выгоды изъ транзитной торговли. Богатѣйшіе купцы владѣютъ капиталами отъ одного до 10,000,000 рублей и болѣе. Въ частной жизни большая часть купцовъ, даже самыхъ богатыхъ, удержали во всей чистотѣ старинныя преданія, сохраняли еще бороду и національную одежду; употребляютъ пищу самую простую; въ убранствѣ комматъ любятъ золото и арко блестящія украшенія, поражающія глаза своимъ безукоснѣмъ; купеческія жены и дочери ведутъ жизнь почти затворническую. Вообще къ чести тверскихъ купцовъ должно сказать, что они не стыдятся своего состоянія, а гордятся имъ. Въ нихъ не замѣтно стремленія выходить въ дворяне; рѣдко соглашаются выдать своихъ дочерей за людей, не принадлежащихъ къ ихъ сословію. До сихъ поръ они весьма мало обращали вниманіе на воспитаніе дѣтей своихъ; но теперь нѣкоторые уже начинаютъ пожимать пользу образованія, и съ недавняго времени помѣщаютъ сыновей въ коммерческое училище. Воспитаніе женскаго пола до сихъ поръ еще у многихъ въ совершенномъ пренебреженіи. Вообще за исключеніемъ торговыхъ сѣлокъ, купцы мало входятъ въ сношенія съ дворянами; оба эти класса до сихъ поръ какъ-то чуждаются другъ друга. Исключеніе составляетъ вышеупомянутое купечество, болѣе другихъ измѣнившееся въ коренныхъ обычаяхъ своего сословія. Замѣтимъ, что многіе изъ богатыхъ купцовъ, особенно ржевскихъ и новоторжскихъ, старообрядцы; это объясняетъ отчужденіе, въ которое они поставили себя и свои семейства, и наконецъ отвращеніе, которое они питаютъ ко всѣмъ новымъ обычаямъ.

Мѣщанъ въ губерніи 28,434 мужскаго и 34,732 женскаго

пола; они составляют главное народонаселение городов; въ уѣздахъ живетъ ихъ очень не много, только тамъ, гдѣ пролегаютъ главные тракты, гдѣ есть пожива отъ содержанія постоялыхъ дворовъ, трактировъ и тому подобнаго; въ бѣжецкомъ и весьегонскомъ уѣздахъ совѣтъ нѣтъ мѣщанъ. Мѣщане самый испорченный классъ народонаселенія губервіи: онъ утратилъ чистоту, патриархальность нравовъ и не замѣнилъ этой утраты образованіемъ; оттого превратность въ понятіяхъ, ложные взгляды на жизнь, долгъ и обязанности.... У мѣщанина умно торговать значить — ловко обманывать; весело съ наслажденіемъ пожить — тоже что пить безъ просыпу; любовь одчо съ распутствомъ. Нашъ крестьянинъ до сихъ поръ еще мало нуждается въ грамотности, въ школахъ: онъ вѣчно съ сохой, съ топоромъ. Другое дѣло мѣщанинъ; онъ самъ себѣ хозяинъ: для него грамотность кладъ, пятьдесятъ процентовъ на умъ и смѣтливость; во при грамотности нужно и направленіе. Хорошее нравственное направленіе необходимо мѣщанину не только для него самого, но и по отношенію его къ крестьянину.

Мѣщанинъ между молодыми крестьянами всегда играетъ роль *бывалаго*, всезнайки.... ему почетъ и въ мѣстѣ и въ словѣ, его рѣчь имѣетъ вѣсъ, его примѣръ производитъ вліяніе на деревенскую молодежь, и вотъ почему, между прочимъ, вредна испорченность этого класса. Это тѣмъ болѣе важно, что мѣщане, по временамъ, разсѣваются по губервіи для продажи разныхъ мѣлочей и для промѣна ихъ на предметы гуртовой торговли мѣстнаго купечества.

Вопреки общепринятому мнѣнію не замѣтно, чтобы нравственность была чище въ тѣхъ городахъ, которые лежатъ въ сторонѣ, вдали отъ торговыхъ путей, и свободны отъ постоя войскъ. Главный зародышъ всѣхъ дурныхъ наклонностей должно, какъ кажется, искать въ недостаточномъ присмотрѣ за дѣтми, которые проводятъ время въ совершенной праздности до тѣхъ поръ, пока физическія ихъ силы не позволяютъ имъ заниматься какою-нибудь работою. Можно полагать, что учрежденіе дѣтскихъ пріютовъ, каковъ напримѣръ въ Твери, будетъ имѣть самыя благодѣтельные послѣдствія въ отношеніи нравственности городскихъ жителей.

Совершенно необыкновенное явленіе представляетъ собою Осташковъ. Жители этого города по образованности далеко опередили всѣ прочіе города тверской губервіи. Кромѣ обыкновенныхъ народныхъ школъ въ Осташковѣ на счетъ градскаго Об-

щества, устроено еще училище для дѣвочекъ, повидимому вполне достигающее своей цѣли, потому что въ городѣ почти нѣтъ безграмотныхъ женщинъ. Замѣчательна также склонность оставковскихъ жителей къ изящнымъ искусствамъ. Многие изъ нихъ занимаются съ успѣхомъ живописью и музыкой: оставковскіе церковные пѣвчіе извѣстны въ цѣлой губерніи. Мѣщане сами устроили у себя постоянный театръ, который превосходить всѣ ожиданія. Какъ доказательство просвѣщенія можно привести и то, что въ цѣломъ Осташковѣ нѣтъ ни одного раскольника. Всѣмъ этимъ городъ обязанъ нѣсколькимъ богатымъ и провидѣющимъ купцамъ, ревностно старающимся объ образованіи своихъ согражданъ. Не исключая даже Таря, Осташковъ есть единственный изъ всѣхъ городовъ губерніи, имѣющій у себя публичную бібліотеку.

Одежда горожанокъ тверской губерніи, и въ особенности ихъ головные уборы весьма разнообразны. Каждый городъ имѣетъ свой оригинальный нарядъ, который неизмѣнно переходитъ отъ одного женскаго поколѣнія въ другое. Пестрота и тяжелая пышность, общій ихъ характеръ, придаютъ весьма странный видъ воскреснымъ гуляньямъ, которыя составляютъ публичное развлеченіе городскихъ жительницъ. Бѣлила и румяна въ повсемѣстномъ употребленіи.

Переходимъ къ духовенству. По многочисленности это третій классъ народонаселенія губерніи. Монашествующихъ въ губерніи 208 мужскаго и 311 женскаго пола. Они живутъ въ семнадцати мужскихъ и четырехъ женскихъ монастыряхъ.

Монаховъ изъ дворянъ почти нѣтъ. Классъ *блага духовенства* состоитъ изъ священнослужителей, которыхъ считается до 3,360 мужскаго пола (при нихъ 3,820 женскаго пола) и изъ церковнослужителей, которыхъ 4,385 мужскаго пола (при нихъ 4,960 женскаго пола).

Тверская епархія раздѣляется на 976 приходовъ, въ числѣ ихъ однокомплектныхъ 841, двухкомплектныхъ 147 и трехкомплектныхъ 18 приходовъ. Духовенство въ тверской епархіи содержится: а) при тверскомъ кафедральномъ соборѣ и кашинскомъ деспресовскомъ соборѣ — штатнымъ жалованьемъ и доходами, приобретаемыми отъ богослуженій; б) при соборахъ: новоторжскомъ, преображенскомъ, ржевскомъ, успенскомъ и при церкви царицы Пречистой Каменики, новоторжскаго уѣзда, — штатнымъ жалованьемъ, доходами, получаемыми отъ богослуженій и добровольнымъ отъ прихожанъ подаваніемъ за исправленіе требъ, а

духовенство Пречистой Каменной церкви и отъ земли, находящейся при ней; в) при градскихъ церквахъ—доходами, получаемыми отъ прихожанъ и отъ другихъ усердствующихъ имъ за отправление богослуженій и исправленіе требъ; за тѣмъ г) духовенство сельскихъ церквей содержится посредствомъ хозяйственнаго распоряженія церковною землею и доходами отъ прихожанъ; и сверхъ того вспомогательнымъ окладомъ отъ казны.

Четвертый большой отдѣлъ народонаселенія—*дворяне*. Потомственныхъ дворянъ въ губерніи 3,500 мужскаго и 3,425 женскаго. Личныхъ дворянъ 1,710 мужскаго и 1783 женскаго. Наибольшее число потомственныхъ дворянъ въ оставшковскомъ уездѣ 857 мужскаго и 673 женскаго, и въ вышневолоцкомъ 467 мужскаго и 401 женскаго пола. Эти цифры зависятъ не отъ количества помѣщичьихъ въ нихъ имѣній, въ означенныхъ уѣздахъ, а отъ мелкопомѣщичества самыхъ дворянъ. Личныхъ дворянъ почти во всѣхъ уѣздахъ по-ровну, потому что они, образуя городское благородное сословіе, состоятъ исключительно изъ гражданскихъ должностныхъ лицъ.

Потомственные дворяне, землевладѣльцы, кромѣ очень богатыхъ людей, уѣзжающихъ на зиму въ Москву или Петербургъ, живутъ большею частью въ своихъ помѣстьяхъ, мало дѣлютъ сношеній не только съ Тверью, даже съ своими уѣздными городами, и бываютъ въ нихъ исключительно по необходимости: на выборахъ, по дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ, для мелочной закупки жизненныхъ потребностей и наконецъ для сбыта разныхъ сельскихъ произведеній. При патріархальной, уединенной жизни небогатыхъ помѣщиковъ нельзя и ожидать, не только быстроты даже движенія въ уровень современной жизни. Тверскіе, вышневолоцкіе, оставшковскіе и новоторжскіе дворяне нѣсколько образованнѣе, потому что большая часть ихъ живетъ зимою въ своихъ уѣздныхъ городахъ. Всѣ вообще здѣшніе дворяне имѣютъ болѣе склонности къ военной службѣ нежели къ гражданской; они даже въ отставку предпочитаютъ свои сельскія занятія службѣ по выборамъ, за исключеніемъ званій губернскаго и уѣздныхъ предводителей. Частью по этому, а частью и по недостатку средствъ, большая часть дворянскихъ дѣтей получаютъ воспитаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; съ недавняго только времени многіе начали для элементарнаго образованія помѣщать своихъ дѣтей въ губернскую гимназію. Относительно благосостоянія тверскаго дворянства можно замѣтить, что малочисленные помѣщики вообще не принадлежатъ къ числу богатыхъ

въ государствѣ. Хотя и есть много имѣній во владѣніи лицъ, извѣстныхъ по своему богатству; но эти лица большею частью не имѣютъ даже усадьбъ въ своихъ помѣстьяхъ и распоряжаясь ими черезъ управителей, живутъ въ деревняхъ большею частью по нуждѣ. Недостатокъ денежныхъ капиталовъ весьма ощутителенъ между тверскимъ дворянствомъ. Незаложенныхъ помѣщичьихъ имѣній въ губерніи такъ мало, что они составляютъ весьма рѣдкое исключеніе. Въ 1845 году, изъ числа всѣхъ 5,227 помѣщичьихъ имѣній, опредѣлено было взять въ опеку 1,712, за неплатежъ банковыхъ процентовъ. Имѣній, которыя не находились въ опекѣ, въ томъ же году, было всего 1,327. Постоянно живущихъ въ губерніи потомственныхъ дворянъ въ 1845 году считалось 1,942; ихъ 372 владѣютъ помѣстьями болѣе ста душъ, и 1,570 мевѣ.

Говоря вообще о тверскихъ дворянахъ, нельзя не упомянуть объ особенномъ ихъ разрядѣ, принадлежащемъ къ благородному сословію не по образу жизни, а только по своимъ правамъ. Это — такъ называемые мелкопомѣстные дворяне или *баре*, которыхъ много въ оставшковскомъ и особенно въ вышневолоцкомъ уѣздѣ. Въ послѣднемъ есть цѣлыя деревни, населенныя исключительно одними барами. Таковы деревни Хвошня и Стригово. Всѣ эти баре принадлежатъ къ древнему дворянству, и фамиліи ихъ записаны въ шестую родословную книгу; но отъ размноженія и постепеннаго раздробленія имѣній они впали въ такую бѣдность, что большая часть ихъ не имѣютъ уже вовсе крестьянъ; другія семейства владѣютъ одною душою, часто какимъ-нибудь несовершеннолѣтнимъ мальчикомъ или дѣвкою. Баре видѣ не служатъ, и уже много поколѣній состоятъ изъ недорослей; они почти всѣ безграмотны и живутъ навболѣе въ обществѣ соседнихъ крестьянъ. Еще недавно баре вели совершенно переходную жизнь, прогашивая по цѣлымъ недѣлямъ у богатыхъ помѣщиковъ и забавляя ихъ пѣснями, плясками, шутовствомъ, и тому подобнымъ. Теперь, когда число охотниковъ до этихъ удовольствій уменьшилось, баре обратились къ промысламъ и занимаются частію земледѣіемъ, частію же навнимаются на баркахъ въ сходочные. Зимомъ баре и барыни отправляются объѣздомъ къ окрестнымъ помѣщикамъ, выпрашивая у нихъ вспоможеніе, всего чаще состоящее изъ стараго платья, мѣрки гороху, картофеля, и прочее.

Кромѣ четырехъ главныхъ отдѣловъ народонаселенія губерніи есть еще нѣсколько подраздѣленій: разночинцевъ 877 мужскаго

и до 700 женскаго пола; оставшихъ нижнихъ чиновъ 5,107 мужскаго и 3,420 женскаго пола; иностранцевъ до 130 мужскаго пола. Есть еще два разряда народоваселенія, хотя и постояннаго, но не принадлежащаго губерніи безусловно, — неводнореннаго въ ней, — это до 24,000 военно служащихъ, до 3,000 безсрочно-отпускныхъ и до 11,500 солдатскихъ женъ.

Всѣ коренные жители тверской губерніи православнаго вѣроисповѣданія. Число лицъ другихъ вѣроисповѣданій совершенно незначительно и состоитъ большею частью изъ людей, только временно живущихъ въ губерніи. Римско-католическаго вѣроисповѣданія 275 мужскаго и 102 женскаго пола, лютеранскаго и реформатскаго 130 мужскаго и 117 женскаго пола, и магометанскаго 12 мужскаго пола.

Народъ несравненно суевѣриѣ въ глухихъ сторонахъ уѣздовъ бѣжецкаго и вельегонскаго, нежели въ людскихъ уѣздахъ, лежащихъ по направлевію московскаго шоссе и вышневолоцкаго судоходнаго пути. Въра въ пріяты, въ заговоры, въ дурной глазъ и наконецъ въ таинственное врачеваніе болѣзней распространена не между одними поселянами. Колдуны пользуются общимъ довѣріемъ; къ нимъ обыкновенно обращаются во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Демонологія простаго народа весьма многосложна: есть духи, благопріятствующіе людямъ, помогающіе имъ въ ихъ занятіяхъ, и присматривающіе за порядкомъ въ домѣ въ отсутствіе хозяина; есть также духи враждебные, преимущественно обитающіе въ лѣсахъ, болотахъ, нежилыхъ строеніяхъ, и вслѣдствіе старающіеся вредить человѣку. Не много найдется поселявъ, не видавшихъ домовыхъ и лѣсныхъ, которые, по убѣжденію народа, совершенно похожи на людей, но только не носятъ креста на груди, и встрѣчаясь съ крещенымъ человѣкомъ, отворачиваютъ лицо въ сторону. Безъ сомнѣнія, бѣглые и бродяги, скрывающіеся по лѣсамъ и ночью заходящіе въ селенія, разыгрываютъ роль этихъ таинственныхъ существъ. Бѣснующіеся и кликуши до-сихъ поръ еще составляютъ почти неизбѣжную принадлежность всякаго большаго сборища простаго народа; нечестовые крики ихъ слышатся почти при каждой торжественной церковной церемоніи. Поселане полагаютъ также, что человѣкъ приближающійся къ смерти обыкновенно видитъ ее заранѣе; она появляется предъ нимъ въ видѣ страшнаго незнакомаго женщины, и потомъ мгновенно исчезаетъ. Исканіе кладовъ составляетъ одну изъ страстей, наиболѣе волнующихъ умы поселявъ. Вся тверская губернія, особенно же часть ея, прилежащая къ Мо-

логи, заключаетъ въ себѣ множество кургановъ, которыхъ назначенія отгадать невозможно. По мнѣнію поселянъ, эти курганы хранятъ въ себѣ несмѣтныя сокровища, сокрытыя въ нихъ со времени латовскаго раззоренія; но добыть эти сокровища можетъ только знающій слово, долженствующее разрушить заклятіе, съ которыми они были зарыты. Нерѣдко въ лѣсахъ можно найти окопы, вѣроятно когда-то ограждавшіе жилое мѣсто, котораго и слѣды уже совершенно исчезли: народное суевѣріе обыкновенно предполагаетъ, что на такомъ мѣстѣ стоялъ некогда монастырь, опустившійся въ землю, вмѣстѣ съ жившими въ немъ отшельниками, и что теперь, по большимъ праздникамъ, слышится на этихъ мѣстахъ подземный колокольный звонъ. Такия повѣрья существуютъ особенно о земляныхъ окопахъ, находящихся на рѣкѣ Мстѣ, въ окрестностяхъ села Млева (въ вышневолоцкомъ уѣздѣ).

Въ Кашинѣ, въ день Святаго Петра и Павла бываетъ гулянье при Клобуковѣ монастырѣ, у родника, гдѣ по преданію, стоялъ идолъ Купалы; тамъ въ Петровъ день, умываются изъ родника для поправленія здоровья.

Старообрядцы и раскольники въ тверской губерніи довольно многочисленны, и разбѣяны повсюду, за исключеніемъ Осташкова и его уѣзда, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ.

Старообрядцевъ въ особенности много живетъ во Ржевѣ, Твери и Торжкѣ; у нихъ нѣтъ большаго фанатизма; они только полагаютъ, что богослуженіе по стариннымъ книгамъ и съ прежними обрядами пріятнѣе Богу, чѣмъ принятое нынѣ господствующею церковью. Старообрядцы сохраняютъ должное уваженіе къ духовной іерархіи и имѣютъ своихъ поповъ, поставляемыхъ нашими архіереями. Часто въ одномъ и томъ же семействѣ, можно видѣть супруговъ, изъ которыхъ одинъ старообрядецъ, а другой принадлежитъ къ православной церкви, и это не разстригаетъ ихъ согласія. Большею частью строгаго старообрядства придерживаются только старики; молодые же люди, находясь на заработкахъ, часто отстаютъ отъ вѣры отцовъ, а по возвращеніи домой снова обращаются къ ней.

Изъ всего этого видно, что старообрядцы, безъ сомнѣнія, исчезнутъ сами собою съ распространеніемъ просвѣщенія во всѣхъ классахъ общества.

Старообрядцы въ торговыхъ предпріятіяхъ своихъ дѣйствуютъ единодушно, поддерживая другъ друга, и оказывая взаимную по-

моощь. Это обстоятельство и общая ихъ трезвость причиною, что дѣла у нихъ идутъ большею частью удачно.

Народное просвѣщеніе. Въ тверской губерніи народъ образованнѣе, нежели въ великороссійскихъ губерніяхъ, удаленныхъ отъ судоходныхъ системъ; онъ прямо смотритъ на вещи, всегда ловче берется за дѣло, и въ промыслахъ не чуждается улучшеній. Тутъ, особенно въ последнее время, во всѣхъ классахъ народонаселенія проявилось сильное стремленіе къ образованію, даже у простаго народа составилось убѣжденіе, что грамотный человѣкъ работаетъ въ десятеро противъ неграмотнаго и отъ этого каждый достаточный крестьянинъ старается обучить своего сына. Конечно грамотность — не есть образованіе, а только первая ступень къ нему, ступень и къ добру и къ злу; но здѣсь природа и обстоятельства ведутъ съ этой ступени, по большей части, къ добру, къ хорошимъ заработкамъ, къ благосостоянію, которое есть вѣрный признакъ народной образованности, и намъ кажется, что направленіе образованія тогда только вѣрно, когда оно прямѣйшею дорогою ведетъ къ благоденствію. Въ тверской губерніи, однако же, нужно развитіе грамотности болѣе нежели гдѣ нибудь, потому что въ ней, по большей части, живетъ народъ промышленный, торговый. Здѣсь грамотность можетъ быть средствомъ развитія благосостоянія жителей. Правительство устроило въ казенныхъ имѣніяхъ 45 сельскихъ училищъ, а въ удѣльныхъ 8; въ помѣщичьихъ имѣніяхъ всего только 5 сельскихъ школъ (въ вышеволоккомъ уѣздѣ). Городскіе жители даютъ первоначальное образованіе своимъ дѣтямъ въ городскихъ школахъ, гдѣ число учащихся простирается до 2,000 мужскаго и до 120 женскаго пола. Дворяне по большей части отдають дѣтей въ военно-учебныя заведенія и не многіе въ гимназіи. Всѣхъ учебныхъ заведеній въ губерніи 114; изъ нихъ въ городахъ: гимназія, мужской пансіонъ, 3 женскихъ пансіона, 33 гражданскихъ училища и 18 духовныхъ. Изъ публичныхъ библиотекъ замѣчательна только оставковская. Всѣхъ училищъ въ губерніи 326, учащихся 7,050, въ томъ числѣ только 240 дѣвочекъ. Изъ этого отчасти видно, какъ мало обращено вниманія на образованіе женскаго пола. Въ деревняхъ, при настоящемъ народномъ бытѣ, грамотность для женщинъ, конечно, роскошь, которою онѣ едва ли были бы въ состояніи и пользоваться; но въ среднемъ классѣ она для нихъ необходима, какъ средство приобрѣтенія образованія, которое, въ

свою очередь, послужить средством движенія впередъ нашего молодаго поколѣнія. Лучшая школа для ребенка, школа матери, — если матери дано хорошее направленіе, истинное образованіе соотвѣтственное званію и положенію въ обществѣ. Впечатлѣнія дѣтства сливаются съ вашей природой и образуютъ убѣжденія, съ которыми верѣдко ложимся мы и въ могилу.

Съ 1836 до 1846 года среднія числа движенія народонаселенія слѣдующія: въ городахъ родившихся 1,997 мужскаго и 1,835 женскаго пола; всего 3,832 человекъ; умершихъ 2,041 мужскаго и 1,865 женскаго пола; всего 3,916 человекъ; бракомъ сочетавшихся 670 паръ. Въ уѣздахъ родившихся 28,035 мужскаго и 27,291 женскаго пола; итого 55,328 человекъ; умершихъ 20,907 мужскаго и 21,208 женскаго пола, всего 42,115; бракомъ сочеталось 11,640 паръ. Изъ этого видно, что въ городахъ число умершихъ превышало число родившихся 44 мужскаго и 30 женскаго пола; въ уѣздахъ же, напротивъ, число родившихся превышало число умершихъ 7,128 мужскаго и 6,083 женскаго пола. Эти числа близко подходят къ дѣйствительному приращенію народонаселенія. По ревизіи 1794 года (пятой) въ тверской губерніи считалось 974,000 жителей обоюгаго пола, а по послѣдней (осьмой 1833 года) 1,305,482 обоюгаго пола. Самое большое число умирающихъ, болѣе половины, состоитъ изъ дѣтей. Большое изобиліе водъ, текучихъ и стоячихъ, развивая сырость воздуха, отчасти располагаетъ къ особеннымъ климатическимъ болѣзнямъ, какъ то, къ простуднымъ лихорадкамъ и ревматизмамъ. По увѣренію врачей, лихорадки бываютъ особенно жестоки и трудновлечимы у живущихъ вокругъ Вышняго Волочка, въ большей части оставшковскаго уѣзда, въ долині рѣки Шоши и въ весьегоновскомъ уѣздѣ. Въ Вышнемъ Волочкѣ замѣчено вредное вліяніе воды на здоровье жителей. При запорѣ Заводскаго резервуара, Цна мелѣетъ до того, что вода въ ней дѣлается желтаго цвѣта и столь мутною, что почти не можетъ быть употребляема для питья. При спускѣ воды изъ резервуара рѣка наполняется; но спущенная вода, стоявшая долго во время лѣтнихъ жаровъ въ резервуарѣ также не можетъ не измѣниться въ своихъ свойствахъ, и оказываетъ болѣе или менѣе вредное вліяніе, преимущественно обнаруживающееся въ болѣзненныхъ явленіяхъ, происходящихъ отъ зарожденія глистовъ. Особенно примѣтна глиста ленточная, которою бываютъ одержимы даже дѣти. Это вредное вліяніе могло бы быть устранено

вырытіемъ въ городѣ колодезь. Въ настоящее время нѣкоторые изъ жителей добываютъ себѣ воду изъ ключей, лежащихъ въ трехъ верстахъ отъ города; другіе очищаютъ ее посредствомъ угольезъ, и только низшій классъ народа употребляетъ воду въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ рѣкѣ.

Во время продолжительной и сырой осени иногда показываются въ губерніи повсемѣстно горячки и кровавые поносы. Причину послѣднихъ можно приписать грибамъ, употребляемымъ крестьянами въ большомъ количествѣ, и часто, по бѣдности, безъ соли, также капустнымъ кочерыжкамъ. Нельзя не упомянуть еще о жестокой болѣзни, иногда появляющейся въ разныхъ уѣздахъ тверской губерніи, и еще недавно (въ апрѣлѣ 1845 года), свирѣпствовавшей между крестьянами нѣкоторыхъ казенныхъ селеній старицкаго уѣзда. — Это такъ называемая злая корча (*Rhaphana*). Больные чувствуютъ сначала головную боль, усталость, слабость во всемъ тѣлѣ, потомъ судорожное сведеніе въ рукахъ и ногахъ, при желудочныхъ боляхъ и неправильныхъ изверженіяхъ; далѣе припадки увеличиваются болѣе и болѣе, замѣчается совершенное притупленіе понятій, и болѣзнь безъ помощи врача кончается смертью. Полагаютъ, что главная причина этой болѣзни заключается въ употребленіи хлѣба, выпеченнаго изъ недоброчащенной ржаной муки, когда семена не дозрѣли и смѣшаны въ большомъ количествѣ съ рожками (*secale cornutum*).

Главный путь изъ Москвы въ Петербургъ, работы на желѣзной дорогѣ и судоходство привлекаютъ въ тверскую губернію изъ самыхъ отдаленныхъ частей Россіи большое число людей, нерѣдко зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями, которыя, сообщаясь туземцамъ, увеличиваютъ число смертности въ народѣ. Изъ числа повальныхъ болѣзней особенно замѣчательна, бывшая въ 1846 году, нервическая горячка или брюшной тифъ (*typhus abdominalis*). Эта болѣзнь началась въ оставковскомъ уѣздѣ, въ чистахъ, сопредѣльныхъ съ новгородскою и псковскою губерніями, потомъ обнаружилась въ уѣздахъ: вышневолоцкомъ, тверскомъ, новоторжскомъ, ржевскомъ и старицкомъ. Больныхъ было 770 человекъ, изъ числа которыхъ умерло 96.

Жители тверской губерніи населяютъ 12 уѣздныхъ городовъ, одинъ заштатный (Красный Холмъ), одинъ посадь (Погорѣлое городище) и 10,507 деревень. Въ городахъ живетъ 44,791 человекъ мужскаго и 36,676 женскаго пола, всего 81,467 человекъ; въ по-

садъ 879 мужского и 830 женскаго пола, всего 1,709 человекъ; въ деревняхъ 615,578 мужскаго и 640,830 женскаго пола, всего 1,256,408 человекъ; слѣдовательно городскіе и посадскіе жители относятся къ сельскимъ какъ 1:15. Это отношеніе существуетъ почти во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ. Въ восточныхъ и сѣверныхъ пропорція измѣняется въ пользу сельскихъ жителей; такъ, напримѣръ, въ вологодской губерніи отношеніе городскихъ жителей къ сельскимъ какъ 1:21, въ пермской какъ 1:24; въ западныхъ губерніяхъ, на оборотъ, городская жизнь болѣе развита, нежели въ тверской (въ виленской отношеніе 1:9) въ южныхъ и малороссійскихъ тоже (въ екатеринославской отношеніе 1:12, въ харьковской 1:10). О состояніи народонаселенія въ городахъ тверской губерніи мы будемъ говорить особо: здѣсь замѣтимъ только порядокъ городовъ по числу домовъ.... Первое мѣсто занимаетъ Тверь (665 каменныхъ домовъ); за нею слѣдуютъ: Торжокъ (400), Вышній Волочекъ (243), Осташковъ (207), Ржевъ (137), Кашинъ (59), Колязинъ (81), Старица (67), Бѣжецкъ (27), Весьегонскъ (5), Зубцовъ (17), Погорѣлое Городище (1 каменный и 313 деревянныхъ), Красный Холмъ (1 каменный и 255 деревянныхъ), и Корчева (14 каменныхъ). Во всѣхъ городахъ тверской губерніи 1,930 каменныхъ домовъ и 13,585 деревянныхъ. Это значитъ на каждый домъ (даже въ Твери) приходится около 5 человекъ обоюга пола. Во всѣхъ деревняхъ тверской губерніи считается 173,700 дворовъ; слѣдовательно, на каждую деревню приходится по 16 дворовъ, и на каждый дворъ около 7 человекъ обоюга пола. Изъ этого видно, что деревни тверской губерніи болѣею частью маленькія; и дѣйствительно, изъ 10,507 деревень 4,012 содержатъ менѣе 10 дворовъ и только 273 имѣютъ болѣе 50 дворовъ. Этому причиной, вѣроятно, пересѣченная мѣстность губерніи, не позволяющая селиться большими массами, какъ это бываетъ на югѣ, въ странахъ степей.

Селенія въ этой губерніи, также какъ и во всѣхъ великороссійскихъ, строятся обыкновенно по протяженію дороги, образуя одну улицу. Есть нѣкоторыя большія селенія, которыя такимъ образомъ тянутся по дорогѣ болѣе, чѣмъ на версту; немногія изъ нихъ образуютъ нѣсколько улицъ, и то болѣею частью въ слѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ мѣстности. Тѣ, которыя расположены по берегамъ большихъ рѣкъ, обыкновенно строятся параллельно ихъ теченію, и если дорога перпендикуляр-

на къ направлению рѣки, то измѣняетъ свое направленіе, преле-
дя прѣбрежными селеніями. При каждой харчевнѣ, которыя
особенно много по дорогѣ изъ Углича въ Вышній Волочокъ, на-
ходятся просторныя крытыя двѣры. Въ порчевскомъ уѣздѣ, въ
хорошей отстройкѣ, можно зайти въ селенія Кширу, Столяницы и
деревню Богущину; въ невоторжскомъ село Выдронускъ; въ оста-
шковскомъ Салитаровскую Слободу. Всѣхъ хуже выстроены дере-
вни въ сѣверо-западной части останковскаго уѣзда.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ТАБАКЪ

и

ТАБАЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ЕВРОПѢ, АМЕРИКѢ И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ВЪ РОССИИ.

=

Табакъ и употребленіе его были перенесены въ Европу, мореплавателями, открывшими Америку. Едва они успѣли ступить на землю Новаго Свѣта, какъ обычай курить табакъ, вообще распространенный между туземцами, поразилъ отважныхъ пришельцевъ. Когда Христофоръ Колумбъ присталъ къ острову, названному имъ Санъ-Сальвадоромъ, двое людей изъ его экипажа были посланы имъ для обозрѣнія мѣстности.

«Они встрѣтили на пути своемъ», говоритъ Колумбъ въ своемъ журналѣ, «множество туземцевъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, державшихъ въ рукахъ свертки сухой травы, которой они какъ будто наслаждались благоуханіемъ». Епископъ Ласъ-Казъ, въ своей исторіи Америки, поясняетъ, что свертки, упоминаемые Колумбомъ были нѣчто въ родѣ пустыхъ, деревянныхъ стволовъ наполненныхъ сухими листьями, которыхъ одну сторо-

ну они смачиваютъ, а другую зажигаютъ, вдыхая въ себя ихъ дымъ. Ласъ-Казъ прибавляетъ, что Индѣйцы называютъ эти пустыя тростники *табакосами*, названіе, которое и до-сихъ-поръ жители Гаваны даютъ сигарамъ. Около 1518 года Фердинандъ Кортесъ прислалъ нѣсколько зеренъ этого растенія королю Карлу-Пятому. Сорокъ лѣтъ спустя, президентъ Нико, французскій посланникъ въ Португалію, получивъ въ подарокъ отъ одного фламандскаго купца, возвратившагося изъ Америки, табачное растѣніе, посѣялъ его въ своемъ саду, и извѣдавъ нѣкоторые особенныя его свойства, переслалъ королевѣ Катеринѣ Медичи, которая такъ пристрастилась къ нему, что ввела его въ употребленіе, и обычай нюхать и курить распространился съ неизвѣрною скоростью.

Въ Германію табакъ занесенъ въ 1570 году испанскими войсками; во время тридцатилѣтней войны употребленіе его было уже всеобщимъ. Конрадъ Геснеръ зналъ табакъ еще въ 1565 году и въ 1575 растеніе уже было изображено въ космографіи Андрея Теве (Thevet). Въ Англію куреніе табаку перешло изъ Виргиніи въ 1580 году, а изъ Англіи введено уже въ Голландію. Въ Турціи табакъ введенъ въ 1605 году. Въ Швеціи онъ вошелъ въ употребленіе уже послѣ 1650 года. Въ Россіи первые свѣдѣнія о табакѣ получены во время Іоанна Грознаго.

Судьба табаку, если можно такъ выразиться, представляетъ что-то страшное, потому что не смотря на всѣ возстанія противъ него, употребленіе его не уничтожилось, а напротивъ распространилось все болѣе и болѣе. Даже на самомъ Востокѣ, гдѣ употребленіе табаку такъ обще и повсемѣстно, первоначально издаваемые были самыя строгія постановленія противъ куренія и нюханія. Султанъ Амуратъ-Четвертый предавалъ употреблявшихъ табакъ смертной казни. Въ Персіи рѣзали носы. Король Іаковъ Первый приказалъ издать противъ употребленія табака брошюру. Папа Урбанъ-Осьмой отрѣшалъ отъ церкви тѣхъ, кто нюхалъ табакъ въ храмахъ. Донъ Бартоломео де-Камара, епископъ саламанскій, въ 1635 году запретилъ священникамъ употребленіе табака передъ священнодѣйствіемъ и два часа послѣ окончанія его; кромѣ того взыскивалась со всякаго мирянина за то же самое пеня въ тысячу мораведовъ. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, французскіе проповѣдники гремѣли противъ этого растенія съ своихъ кафедръ. Самыя медики доказывали вредность его. Пеандръ, медикъ-философъ, въ своей табакологіи, изданной въ 1622 году, называетъ его промзрастеніемъ вредящимъ

не только уму, но и сердцу. Знаменитый Фагонъ защищалъ публично тезу: «Ergo, ex tabaci usu frequenti vitae summa brevior» и приэтомъ въ забывчивости самъ вынувъ табакерку и понюхавъ заставилъ своихъ противниковъ замѣтить ему что слѣдовательно: «Non ergo poset cerebri tabacum». Но не смотря на всѣ эти возстанія, обычай курить и нюхать не только распространился, но даже начали предполагать въ табачномъ растеніи множество дивныхъ и спасительныхъ свойствъ. По тогдашнимъ понятіямъ табакъ изцѣлялъ всѣ недуги: какъ-то мигрень, водяную, подагру, укушенія гадовъ и бѣшеныхъ собакъ, словамъ всѣ болѣзни, противъ которыхъ оставались безсильными всѣ тогда вѣстныя медицинскія средства. Распространились слухи что дикіе употребляли табакъ какъ вѣрное средство противъ яда, которымъ напивались стрѣлы ихъ и отправляясь на войну носили съ собою оленья рога наполненные табачнымъ сокомъ или просто сухіе листья, которые тотчасъ заживляли всякую рану какъ бы она ни была смертельна. Общественная признательность дала за эти цѣлебныя свойства этому растенію разныя наименованія. Табакъ назывался то никоціаною, *посланническою травою*, то *королевиною травою*, то *травою Медичи*, то *травою кардинала де-Сентъ-Круа* и *Нунція Турнандона*, старавшихся всѣми силами распространить его употребленіе, и наконецъ даже *святою травою* по причинѣ его удивительныхъ свойствъ. Но изъ всѣхъ названій данныхъ этому растенію какъ въ Европѣ такъ и въ Америкѣ (въ послѣдней даже въ каждой области именовали его различно, какъ то: *пицильтомъ*, *петуномъ*, *іальтомъ*, *іоли*, *перебунукомъ*) сохранилось лишь одно общее *табако* или табакъ, происходящее отъ острова Табаско, на которомъ Кортесъ далъ первое сраженіе противъ Индѣйцевъ и открылъ на немъ это растеніе, приспособленное тамошними жителями ко многимъ домашнимъ нуждамъ и потребностямъ. Полагаютъ что первоначально на этомъ самомъ островѣ и открытъ былъ табакъ самими туземцами и послѣ уже распространился по всей Америкѣ. У однихъ натуралистовъ и въ медицинѣ остался онъ подъ неизмѣннымъ названіемъ *herba nicotiana*.

Табакъ принадлежитъ къ семейству паслѣнниковъ² (*solanum*), заключающихъ въ классѣ своемъ столько ядовитыхъ, одуряющихъ растеній, каковы бѣлена, красавица, боли-головъ и прочія. Виды табаку многообразны и отличаются одинъ отъ другаго формою и величиною листьевъ; впрочемъ всѣ виды этого растенія обладаютъ одинаковыми свойствами. Табакъ есть растеніе

однолѣтнее и состоитъ изъ цилиндрическаго, вѣтвистаго ствола, вышиною болѣе метра, украшеннаго широкими листьями, усѣянными на своихъ вершинахъ большими розоватыми, ярко-зеленоватыми или голубоватыми цвѣтами, смотря по полу (мужескому и женскому) и классу, къ которому принадлежитъ. Плодъ табачный состоитъ изъ продолговатыхъ янцевидныхъ почекъ, заключающихъ въ себѣ множество неправильно округленныхъ мелкихъ зеренъ. Всѣ части табачнаго растенія и всего болѣе листья, издаютъ непріятный запахъ, сносный тогда только когда листья вымочены и выдѣланы, или когда къ нему привыкнешь. По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ сильный и раздражающій запахъ и послужилъ поводомъ къ тому, что табачное растеніе было первоначально употребляемо какъ всеобщее средство отъ всѣхъ недуговъ. Въ настоящее время табакъ употребляется только въ медицинѣ ветеринарной или въ видѣ мази для уничтоженія насѣкомыхъ, впивающихся въ кожу животныхъ, или въ видѣ примочки раздражающей. Барышники употребляютъ также табакъ какъ отуманивающее и приводящее въ отупленіе средство, чтобы скрыть пороки продаваемыхъ ими лошадей. Впрочемъ табачное растеніе, въ самомъ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ многія сильно дѣйствующія свойства, которыя химики старались открыть и отдѣлить дѣйствіе однихъ началъ отъ другихъ. Но не смотря на всѣ усилія многихъ извѣстныхъ ученыхъ всѣ эти свойства еще мало извѣстны. Самое замѣчательное начало табачнаго растенія есть *никотина*, открытая первоначально Вокеленомъ. Составныя части ея узнаны только еще въ недавнее время. Это родъ яда дѣйствующаго и убивающаго съ самою удивительною скоростію, даже въ самомъ маломъ приѣмѣ, особливо когда дать его животнымъ на тощахъ. Но такъ какъ присутствіе *никотины* въ табачномъ растѣніи очень незначительно, то и дѣйствіе его при употребленіи табаку весьма мало замѣтно и дѣйствуетъ не болѣе какъ легкое, наркотическое, притупляющее средство, и то на людей не успѣвшихъ привычкою отстранить отъ себя такое вліяніе. Что же касается до другихъ сильно дѣйствующихъ началъ, скрытыхъ въ табачномъ растѣніи, то онѣ и до сихъ поръ еще хорошо не открыты. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что химическій анализъ не замедлитъ узнать какъ токсическія такъ и терапевтическія дѣйствія табака на животный организмъ.

Въ самомъ дѣлѣ различныя дѣйствія табака на животный организмъ, кажутся съ перваго взгляда странными, но если взять въ соображеніе, что результаты этихъ явленій зависятъ отъ пред-

разноложениа и разнаго тѣлосложениа и количества употреблениа табаку, странность эта сглаживается. Употребляемый какъ лекарство, табакъ притупляетъ жизненность и органической отправления; употребляемый какъ ядъ, онъ уничтожаетъ жизненную систему, приведя ее предварительно въ сильное раздраженіе. Не будемъ говорить объ удивительныхъ изцѣленіяхъ, которыя ему приписывали (иногда то параличъ, то столбнякъ проходили будто отъ волшебной силы его): скажемъ только что долгое время табакъ употребляли какъ вѣрное промывательное для возбужденія жизни въ утопленникахъ, которыхъ внутренности лишеныя всякой чувствительности были возбуждаемы его раздражающимъ свойствомъ. Многіе предполагали даже: что сильный, табачный дымъ и даже запахъ есть самое полезное средство противъ заразы чумы; но примѣры заставили сомнѣваться въ этомъ благотельномъ дѣйствіи табака.

Случаи отравленія табакомъ не рѣдки, и вредъ отъ него, къ сожалѣнію, доказанъ основательнѣе и положителнѣе чѣмъ сомнительныя цѣлебныя свойства. Употребляемый какъ наружное средство, табакъ менѣе опасенъ, хотя и приводятъ многіе случаи, въ которыхъ онъ, будучи прикладываемъ къ тѣлу, въ кожныхъ болѣзняхъ, производить въ ранахъ « Антоновъ огонь », всегда оканчивавшійся мучительною смертію. Чтò же касается до вредности атмосферы, наполненной табачными атомами и испареніями, доказываемой многими учеными, какъ-то: Рамозини, Фуркруа, Коссикуромъ, и другими, то она, какъ кажется, только предполагается, потому что работники, занимающіеся выдѣлкою табака, такъ и работающіе на табачныхъ фабрикахъ, не бываютъ подвержены никакимъ особеннымъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые бы могли подтвердить это вредоносное вліяніе.

Посмотримъ теперь, какое вліяніе имѣетъ употребленіе табаку, въ отношеніи физиологическомъ.

Извѣстно, что табакъ употребляется въ видѣ дыма — куреніе, въ видѣ порошка — нюханіе, и въ видѣ надѣйской травы, бетеля — жеваніе. Нѣтъ сомнѣнія, что Индѣйцы начали употреблять табакъ и курить его, вкладывая сухіе табачные листья въ тростники, для отогнанія насѣкомыхъ, которыя отлетали отъ его вѣдкаго дыма, и которыя такъ многочисленны въ странахъ Америки. Это доказывается также тѣмъ, что Лапландцы тоже зажигаютъ около своихъ жилищъ разныя пахучія травы, для удаленія звѣрей и другихъ животныхъ, вредящихъ ихъ запасамъ. Послѣ

тростниковъ, употребляемыхъ какъ необходимый аппаратъ, видѣсь трубки, сперва — алебастровыя, потомъ глиняныя и всякаго рода, производство которыхъ занимаетъ на Востоку до 20,000 человекъ, въ Голландіи до 8,000, во Франціи до 6,000, въ Бельгій до 4,000. Кроме-того, въ Германіи существуютъ для трубокъ особенныя фабрики, на которыхъ они выдѣлываются изъ фарфору и фаянсу.

Не представляясь страннымъ явленіемъ между диками Америки, употреблявшими табакъ съ дѣлюю чисто необходимою и полезною, можетъ показаться довольно страннымъ употребленіе табаку Европейцами; и это тѣмъ болѣе, что первоначальныя ощущенія, при куреніи и нюханіи, никакъ не располагаютъ въ ихъ пользу. Обыкновенно при первоначальномъ употребленіи табаку, — въ видѣ ли дыма, или въ видѣ порошка, — во всемъ человѣческомъ организмѣ происходитъ будто какое-то отравленіе: круженіе головы, тошнота и притупленіе чувствительности нервной системы. По мѣрѣ того, какъ общій примѣръ заставляетъ людей курить или нюхать, симптомы эти уничтожаются мало по-малу и привычка дѣлается дотога сильною, — что рѣдко случается, — чтобы, привыкшіе къ употребленію табаку, бросали курить или нюхать.

До-сихъ-поръ нѣтъ никакихъ данныхъ, для того, чтобы можно было утвердительно сказать: дѣйствуетъ ли точно табакъ разрушительно на наше здоровье и вообще нашъ организмъ и, наконецъ, уменьшается ли отъ него средняя пропорція жизни между тѣми, кто привыкъ курить или нюхать? Впрочемъ, не замѣчая никакихъ особенныхъ признаковъ этого вліянія на организмы сильныя и вполне развитыя, можно сказать утвердительно, что табакъ дѣйствуетъ разрушительно на слабыя и не вполне развитыя организмы, особливо на дѣтей. Употребленіе табаку препятствуетъ ихъ нормальному развитію и притупляетъ умственные способности, производя, по своему наркотическому свойству, то же самое, что производитъ у взрослыхъ, мало-по-малу опиумъ. Вообще неумѣренное употребленіе табаку располагаетъ людей къ бездѣйствію, притупляетъ эвергію, и стѣбитъ только указать на таверны, въ которыя удаляются отъ семейныхъ очаговъ Англичане, Голландцы и Фламандцы, чтобы убивать въ нихъ время, за трубкою и кружкою пива, безъ пользы и молча, чтобы послѣднее доказательство было принято за одно изъ достовѣрныхъ и заслуживающихъ вѣроятія.

Употребленіе табаку въ видѣ порошка, или нюханіе, не такъ

древне какъ куреніе. «Удовольствіе, — какъ выражается Нейандръ въ своей табикологіи, — вдыхать въ себя черезъ поздравные органы табачную пыль, принимая ее за благоуханный порошокъ», было прежде обычаемъ чисто аристократическимъ, и дареніе табакерки было исключительно дареніемъ царскимъ, замѣнявшимъ въ прежнія времена, особливо во Франціи, при Людовикѣ-Четырнадцатомъ, всѣ прочіе виды наградъ. Нюханіе табаку не приноситъ столько вреда организму нашему сколько куреніе, потому что дымъ табачный проникаетъ иногда не только въ самую глубь горла, но и доходитъ до легкихъ. Послѣдній родъ употребленія табаку есть — жеваніе. Оно употребительно между моряками по невозможности имѣть всегда подъ рукою готовый крошечный табакъ, такъ и потому, что приобрѣтеніе невывѣланнаго табаку менѣе цѣнно. Эта привычка замѣчается также и у простаго народа многихъ приморскихъ странъ.

Быстрое распространеніе обычая курить и нюхать табакъ обратили на него наконецъ вниманіе правительствъ, и многія европейскія государства не замедлили обложить налогомъ этотъ новый родъ потребленія, распространеніе котораго видимо общало значительный доходъ.

Разсмотримъ теперь состояніе табачной промышленности, какъ въ Европѣ такъ и въ Америкѣ.

Области американскаго материка, въ которыхъ табачная промышленность свободна, суть: Соединенные Штаты и Антильскіе Острова. Въ Соединенныхъ Штатахъ табачная промышленность преимущественно ограничивается отправленіемъ въ Европу листового табаку. Вывѣланный же табакъ, и приспособленный какъ для куренія такъ и для нюханія, весь потребляется на самомъ мѣстѣ: и право, какъ воздѣлыванія такъ и продажи, не подчинено никакой подати и никакому контролю. Податью и контролемъ облагается только табакъ, предназначенный къ вывозу въ американскаго материка, и по этому всѣ табачные листья, отправляемые плантаторами и торговцами въ Европу, подвергаются осмотру въ нарочно устроенныхъ для того магазинахъ и свидѣтельствуются чиновниками, получающими за это жалованье отъ самого правительства. Эти чиновники осматриваютъ табачные свертки или кароты, и удостовѣряются въ достоинствѣ каждой изъ нихъ. Это свидѣтельствованіе каротъ производится не такъ строго въ Виргиніи какъ въ Мариландѣ, гдѣ всѣ сорта табаку вносятся въ особо учрежденный для этого реестръ. По обращеніямъ, взятымъ отъ каждой кароты, смотря по достоинству и

сорта табаку, налагается на вывозный товар условенная пошлина. Сорта, признанные надсмотрщиками низкими и негодными къ продажѣ въ Европѣ, или потребляются на мѣстѣ или отправляются только въ одну Голландію и ганзеатическіе города. Впрочемъ, формально вывозъ табаку не ограниченъ никакими точными постановленіями.

Количество десятинъ, на которыхъ ежегодно сѣется табакъ, простирается до 60,000 въ такомъ порядкѣ:

Въ Виргиніи	26,000	квал. дес.
Въ Мариландѣ	14,000	— —
Въ западныхъ областяхъ (преимущественно въ Кентуки)	20,000	— —

Сборъ табаку простирается до 65,000,000 килограммовъ, изъ которыхъ 13,000,000 потребляется внутри самыхъ областей, а 52,000,000, по цѣнѣ на наши деньги отъ 48 до 49 рублей ассигнаціями за каждые 100 килограммовъ, вывозится въ Европу на 40,000,000 и 42,000,000 франковъ.

Вывозимый табакъ доставляется въ разныя европейскія государства въ слѣдующей пропорціи:

	Изъ Виргиніи.	Изъ Мариланда.	Изъ западныхъ американскихъ областей.
Въ Англію	13,600,000	226,607	2,992,000 кил.
— Францію	3,400,000	226,667	272,000 —
— Голландію	2,720,000	7,253,333	1,902,000 —
— Италію и Испанію	1,360,000	—	2,720,000 —
— Россію и друг. области	3,400,000	7,490,000	1,906,000 —
	24,400,000	15,186,627	9,792,000 кил.

Сумма всего привознаго табаку 49,218,667 кил.

Это количество относится только къ табаку, вывозимому въ листьяхъ. Главный же вывозъ выдѣланнаго табаку заключается въ табакѣ, изготовленномъ для жеванія, для котораго существуютъ въ Америкѣ, преимущественно въ Виргиніи, множество фабрикъ. Точнаго количества, какъ листового табаку такъ и сигаръ, выдѣлываемыхъ въ Гаваннѣ и Кубѣ опредѣлить нельзя.

На Антильскихъ островахъ, фабрикація, сѣяніе и продажа табаку не обложена никакимъ налогомъ и только вывозный табакъ подвергается пошлинѣ до шести франковъ пятидесяти сантимовъ

за каждые сорокъ-шесть килограмовъ невыдѣланнаго табаку, или за каждую тысячу сигаръ.

Число сигарочныхъ фабрикъ, какъ въ Гаваннѣ такъ и на островѣ Кубѣ также трудно опредѣлить приблизительно; но чтобы показать до чего онѣ многочисленны, стоитъ только добавить, что эти фабрики снабжаютъ сигарами, если можно такъ выразиться, цѣлый мѣръ.

Въ Гаваннѣ собирается ежегодно до трехъ миллионовъ килограмовъ листоваго табаку, изъ которыхъ двѣнадцатая часть, то есть, двѣсти пятьдесятъ-тысячъ килограмовъ потребляется и распродается на мѣстѣ, а все прочее вывозится въ Европу. Кромѣ того изъ Гаванны вывозится по-крайней-мѣрѣ до двухъ-сотъ миллионовъ сигаръ въ слѣдующей пропорціи:

Въ Соединенные Штаты	100	милліоновъ.
— Англію	50	_____
— Испанію	20	_____
Во Францію	10	_____
— Россію и другія европейскія области	20	_____
<hr/>		
Итого	200	милліоновъ.

Ежегодный сборъ табаку въ остальной части острова простирается до 1,840,000 килограмовъ листоваго табаку, изъ которыхъ четыре пятыхъ долей вывозится въ Европу, кромѣ множества сигаръ, которыхъ цѣнность впрочемъ не такъ значительна какъ цѣнность свгаръ, дѣлаемыхъ въ самой Гаваннѣ.

Порто-Рикко и твердый американскій материкъ, особливо Виргинская область доставляютъ въ Европу курительный табакъ преимущественно употребляемый только въ большомъ количествѣ, въ Голландіи и Германіи. И такъ табачная промышленность составляетъ для Америки не только огромный доходъ, но даже, нѣкоторымъ образомъ, главное народное богатство и источникъ государственнаго благосостоянія; такъ что Европа, не смотря на повсемѣстное почти въ ней воздѣлываніе табаку не можетъ и до-сихъ-поръ еще освободиться отъ вліянія американской торговли и платить ей дань за табакъ, котораго превосходство передъ европейскимъ не подвержено никакому спору. Изъ этого очевидно, что европейскія области не имѣютъ той выгоды которую имѣютъ Американцы, оставляя табачную промышленность промышленностію свободною. Между-тѣмъ, всё-таки, въ двѣнадцати европейскихъ государствахъ табачная промышлен-

ность остается еще свободною. Въ Дании, Швеции и Норвегii, Голландii, Бельгии, великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, герцогствѣ Баденскомъ, Виртембергѣ, великомъ герцогствѣ Пфальцскомъ, Саксонiи, Швейцарiи и Венгрии воздѣлываніе табуку и продажа его не подчинены никакому контролю и не обложены налогомъ.

Въ Дании, Швеции и Норвегii воздѣлываніе табуку и промышленность имъ незначительны по причинѣ суровости климата. Трудно вѣрно опредѣлить количество единичнаго потребленія табуку въ этихъ трехъ областяхъ. Можно положить, что они производится въ Дании до одного килограмма, тридцати граммовъ на человѣка, а въ Норвегii до пяти-сотъ-тридцати граммовъ на каждомъ потребителѣ.

Въ Россіи начало табачной промышленности можно отнести только ко второй половинѣ царствованія Императора Петра-Великаго, со времени постоянныхъ сношеній нашихъ съ Голландцами и открытія Англичанамъ Архангельскаго порта. До Петра-Великаго въ Россіи не сѣяли табуку, да и самая торговля имъ была незначительна, хотя она и началась еще, какъ мы сказали, со временъ Иоанна.

Извѣстно, что съ 1553 года, съ того времени какъ буря занесла въ Бѣлое Море капитана Ченслера, Англичане начали привозить между другими товарами и табуку. Этотъ табуку былъ самаго плохаго качества, бракъ; но Русскіе, незаконные съ лучшими, охотно вымѣнивали его на мѣхъ и другіе товары. Запрещеній на табуку у насъ не было до Михаила Феодоровича. Феодоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ не упоминаютъ о табуку; привозъ его тогда еще не могъ быть значителенъ, а потому и не обращалъ на себя вниманія правительства. Потомъ, когда на Россію нахлынули самозванцы и она обратилась въ позорище междоусобій и сдѣлалась на цѣлые полвѣка театромъ раззорительныхъ войнъ, въ это несчастное время и нѣкогда и некому было думать о развитіи или уничтоженіи новой отрасли заграничной торговли. Пользуясь смутными дѣлами, Англичане и вообще иностранцы начали привозить въ Россію табуку въ большомъ количествѣ, и продавая сначала дешево, распространили его употребленіе. Дешевизна табуку, продаваемаго въ Россіи зависѣла отъ его качества; но по мѣрѣ того какъ онъ болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе и по мѣрѣ требованія лучшихъ сортовъ, выросли и цѣны. Наконецъ Михаилъ Феодоровичъ обратилъ вниманіе на «раззорительное зелье», и въ Россіи, какъ и вездѣ, открылось гониміе на табуку. Началомъ гониміи было запрещеніе продавать

табакъ надъ опасеніемъ пытки, сѣченія и даже смерти. И цорю и правительству, вѣстѣ, обратили свои усилія на покоренію распространившагося обычая курить и нюхать, въ особенности нюхать. Должно однако же замѣтить, что правительству пришлое за дѣло строже нежели церковь, между-тѣмъ какъ въ западной Европѣ это было на оборотъ: наша церковь не отлучала и не проклинала любителей табаку, въ то время какъ на Западѣ, даме гораздо позднѣе, при Урбанѣ-Осьмомъ и Инноентіи-Дѣвнадцатомъ нюхавшіе табакъ предавались проклятію. У насъ гоненія на табакъ не были слѣдствіемъ суевѣрія, а происходили отъ благаго намеренія правительства истребить раззорительную потребность людей, вовсе небогатыхъ, каковы напримѣръ чиншники, промышленники и вѣліе торговцы. Это ясно доказывается нѣкоторыми изъ царскихъ грамотъ и отписокъ, состоявшихся еще въ царствованіе Михаила Федоровича. Такъ напримѣръ въ одной изъ таковыхъ отписокъ изъ Тобольска въ Туруханскіе говорится: «Вѣдомо учинилось въ Руси, изъ русскихъ городовъ многіе торговые и великіе люди привозаютъ въ сибирскіе города и привозятъ съ собою въ нилыя мѣста табакъ, и у тѣхъ торговыхъ людей и у исланикъ людей сибирскихъ городовъ служивые люди и великіе табакъ покупаютъ дорогою цѣною; нудъ табаку по 100 рублей и больше и пьютъ тотъ табакъ вмѣсто вина и пропиваются хуже вина. Отъ сего многіе обвиняли и одоужали; да и торговые и промышленные люди, которые съ Руси въ сибирскіе города прітекаютъ для своихъ промысловъ и торговъ, тотъ табакъ покупаютъ же, а отъ сего пропиваются, на промыслы не ходятъ, потому что на промыслы податятся не чѣмъ, и въ томъ государевой пошлинѣ чинится убыль; а на Москвѣ и во всѣхъ русскихъ городахъ о табакѣ давно заповѣдь учинена крѣпкая и прочее.» Замѣчательно, что въ отпискѣ ни гдѣ не упоминается о грѣховности табаку, а выставляются, для запрещенія, причины чисто нравственныя. Гоненіе на табакъ, начавшееся при Михаилѣ Федоровичѣ, въ особенности усилилось при Алексѣѣ Михайловичѣ и продолжалось до перваго заграничнаго путешествія Петра-Великаго. По уложенію Царя Алексея за употребленіе *зелія табачища* рвали воздръ, наказывали плетьми, отнимали на Государя мѣшкіе и казали; въ томъ же уложеніи опредѣлялась награда за поимку табачищниковъ и наказаніе за оупущеніе ихъ. Но и въ уложеніи нѣтъ никакихъ признаковъ, будто бы запрещеніе табаку произошло отъ суевѣрія. Если бы въ тогдашней Россіи куреніе и нюханіе табаку считалось грѣхомъ, преступленіемъ противъ

установъ церкви, то Царь не рѣшился бы отъ своего лица продавать богопротивное земле, что нѣкоторое время дѣлалось при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Сибири; да и самое употребленіе табаку не разпространилось бы такъ сильно, какъ это было. Въ описаніи путешествія англійскаго посланника Карамла, прожившаго въ 1663 году три мѣсяца въ Вологдѣ, говорится, что всѣ Русскіе охотно употребляютъ табакъ, особенно курительный, димомъ котораго они натягиваются, до обмороковъ. Впрочемъ, у насъ какъ и вездѣ, въ высшихъ классахъ первоначально вошелъ въ употребленіе нюхательный табакъ, такъ что въ первыхъ указахъ наиболѣе упоминается о нюханіи табаку, нежели о некуреніи. Не смотря на строгіе указы Царей, при помощи дурныхъ таможенъ и вообще плохо устроенной полицейской части, табакъ везли въ Россію отовсюду, черезъ Архангельскъ, черезъ западныя границы и Литву, черезъ Астрахань и въ особенности много изъ Малороссіи, бывшей тогда въ подданствѣ Польши. Изъ указовъ Нерчинскому и Тобольскому воеводамъ видно, что употребленіе табаку въ особенности сильно было разпространено въ Сибири; тамъ его не только курили и нюхали, но даже и съѣли. Когда, съ одной стороны отъ сильнаго привоза табаку, а съ другой отъ повторявшихся запрещеній на его употребленіе, цѣны на табакъ спали, и слѣдовательно роскошь сдѣлалась менѣе раззорительной, тогда и правительство умѣрило свои гоненія. Въ первыхъ указахъ Петра Великаго, изданныхъ противъ табаку, наказанія за его употребленіе уже значительно уменьшились: вмѣсто рѣзанія носовъ, лишенія живота, являются сначала битые плутомъ, потомъ тюрьма, пени, и такъ далѣе, все легче и легче. Въ указахъ говорится, чтобы не курили въ острогахъ, въ тюрьмахъ, въ магазинахъ, слѣдовательно гоненія на табакъ приняли характеръ не болѣе какъ предохранительныхъ мѣръ. Петръ Великій при изученіи Россіи вполнѣ узналъ, что табакъ вездѣ курятъ, нюхаютъ, продаютъ и покупаютъ, несмотря на запрещенія и наказанія; увѣрился, что употребленіе табаку во многихъ мѣстахъ изъ прихоти переродилось уже въ потребность и потому справедливо рѣшилъ, что если излишнюю и отчасти вредную роскошь невозможно искоренить, то слѣдуетъ по-крайней мѣрѣ, изъ ея развитія извлечь возможные выгоды для государства. Въ слѣдствіе этого учрежденіе Петръ, въ бытность свою въ Голландіи, въ 1697 году, согласился на просьбу графа Пемброка, дозволить англійскому купечеству ввозъ табаку, съ платою за такое право определенной пошлины. Съ этого времени разрѣшено свободное

употребленіе табаку въ Россіи и явная нѣтъ торговля. Петръ рѣшился продажу табаку отдать на откупъ и опредѣлить съ каждаго сорта утѣренную пошлину. Такъ, съ табаку, разводимаго внутри государства опредѣлено брать десятину, съ виргинскаго и квастера по пяти алтынъ съ пуда, съ тонкаго (польскаго, вывозимаго также изъ Швеціи) по три алтына и двѣ деньги съ фунта, съ листоваго и витаго черкаскаго десять денегъ съ фунта. Въ то же время для сбора пошлинъ Петръ учредилъ заставы и таможи какъ на границахъ, такъ и внутри государства во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ. Однакожъ, несмотря на распоряженія, Царя откупщиковъ на табакъ не явилось. Тогда Петръ нашелъ выгоднымъ согласиться на предложеніе лорда Кармортона о предоставленіи ему исключительно права снабжать Россію табакомъ съ платой за это право 200,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1698 году наши полномочные послы Лефорть и Головкинъ заключили договоръ съ Кормартеномъ, по которому ему разрѣшалось, въ теченіи семи лѣтъ, ежегодно ввозить въ Россію по шести милліоновъ фунтовъ табаку (по 16,000 бочекъ, въ каждой по 500 фунтовъ) и въ то же время запрещалось разводить табакъ въ Малороссіи и привозить его въ Россію изъ другихъ государствъ.

Изъ этого договора отчасти можно судить и о мѣрѣ потребленія табаку въ тогдашней Россіи; — мы сказали отчасти, потому что дѣйствительное количество потребленія было несравненно болѣе обусловленнаго привоза. Договоръ, вскорѣ по его заключеніи, оказался не выгоднымъ для Россіи, потому что пошлина въ двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ далеко не вознаграждала тѣхъ выгодъ, которые могли бы получаться казною, въ видѣ пошлинъ, за привозъ табаку изъ другихъ государствъ; поэтому договоръ соблюдался не строго. Такъ, въ самый годъ заключенія договора былъ изъ Китая привозъ табаку, называемаго *шаръ*, съ платою пошлины по два алтына и двѣ деньги съ фунта. Казна сама постоянно покупала этотъ табакъ для вымѣна на мягкую рухлядь, верблюдовъ, лошадей и другіе товары. Подобныя этому отступленія отъ договора заставляли англійскаго посланника лорда Витворта жаловаться Царю и требовать отъ него, или строгаго возобновленія договора, или покупки всѣхъ запасовъ табаку, привезеннаго Англичанами въ Россію. Петръ не могъ не обратить вниманія на эту жалобу и собственно для удовлетворенія ее повторилъ запрещеніе ввоза табаку въ Россію всѣмъ кромѣ Англичавъ. Между-тѣмъ истекъ семилѣтній срокъ договора.

съ Англією и правительство посѣшило взять на себя торгъ табаконъ, устрояя продажу его по образцу питейной. Не желая въ то же время ссориться съ Англичанами, союзъ и дружба которыхъ была полезна для Россіи по случаю разрыва съ Карломъ Двѣнадцатымъ, Петръ приказалъ въ 1705 году по истеченіи срока договора скупать весь авглійскій табакъ, находящійся въ Россіи. Продажа казеннаго табаку началась по слѣдующимъ цѣнамъ: фунтовый по два алтына и двѣ деньги за фунтъ; второй—по двѣ деньги за аршинъ; третій—шесть алтыновъ за фунтъ. Въ то же время за тайную продажу табаку постановлено половину товара брать въ казну, а четверть этой половины отдавать извѣстнику; сверхъ того обличенный ссылался въ Азовъ или въ Сибирь на каторгу. Но вѣроятно, казенная продажа табаку не приносила казѣ большихъ выгодъ, потому что черезъ десять лѣтъ она была отменена и отдана снова на откупъ. Между тѣмъ употребленіе и разведеніе табаку въ Россіи съ каждымъ годомъ распространялось. Петръ Великій слѣдя за успѣхами табачнаго производства и оцѣнивая тѣ выгоды, которыя оно доставляетъ государству, употреблялъ, съ своей стороны, всѣ поощрительныя мѣры.

Онъ выписывалъ сѣмяна и мастеровъ, строилъ мельницы для крашенія, толченія и витья табаку въ рули по образцу голландскихъ; а главное, старался объ улучшеніи табачныхъ плантацій. При этихъ заботахъ главное вниманіе Государя было обращено на Малороссію изстари снабжавшую Россію своимъ табаконъ; при Петрѣ тамъ начали разводить американскіе сорта.

Первая табачная фабрика, заведенная Петромъ Великомъ, устроена по образцу голландскихъ въ Ахтыркѣ, мѣстѣ избранномъ по большому количеству собираемаго въ Малороссіи десятиннаго табаку. Для работъ на ней Государь выписалъ иностранныхъ мастеровъ и опредѣлилъ къ нимъ для помощи и ученія малороссійскихъ мальчиковъ. Для содержанія фабрики Петръ прислалъ къ ней пятьсотъ нятдесять крестьянскихъ дворовъ, и назначилъ работникамъ хорошее жалованье. Для утвержденія табачной фабрикаціи въ Россіи необходимо было постоянно слѣдить и помогать ея развитію. Петръ до самой своей смерти заботился объ этомъ; но наследники его, кромѣ Петра Второго, разрѣшившаго посѣвъ и вольную продажу табаку, до самой Екатерины Второй, совершенно опустили изъ виду табачную промышленность, изрѣдка только обращая на нее вниманіе. Участіе въ табачномъ откупѣ Шувалова, едва не истребило этотъ промыселъ

въ Россіи. Къ счастью, откупной контрактъ заключенный на двадцать лѣтъ, кончился ранѣе срока по случаю смерти откупщика. У насъ въ это время табачное производство дотою уже расширилось, что малороссійскій табакъ въ большомъ количествѣ началъ вывозиться за границу, частью съ пошлинами, учрежденными Петромъ-Вторымъ, частью и безъ пошлины, какъ напримеръ въ Финляндію, Эстляндію и Англию, черезъ Архангельскъ въ Норвегію и черезъ Астрахань въ Персію. Недобросовѣстность Шувалова едва-было не только не уничтожила отпуска нашего табаку за границу, но даже помѣшала и разведенію его внутри Россіи. Шуваловъ началъ примѣшивать къ продаваемому табаку постороннія вещества для приданія ему тяжести; отъ этого цѣна на русскій табакъ быстро упала, отпускъ его за границу почти прекратился и въ Малороссіи уничтожились многія плантаціи.

Екатерина Вторая съ первыхъ лѣтъ своего царствованія заливала жадное состояніе, до котораго была доведена русская промышленность и въ то же время оцѣнила важность и необходимость ея для Россіи, богатой плодородными землями, способными для произрастенія табаку. Поэтому она рѣшилась воспринять подавленную промышленность и начала уничтоженіемъ табачнаго откупа и разрѣшеніемъ вольной продажи табака со взносомъ съ каждаго пуда, вывозимаго за границу, учрежденной Петромъ-Вторымъ пошлины по двадцати копѣекъ. Между-тѣмъ, Императрица поручила дѣйствительному статскому совѣтнику Тешлову подать свое мнѣніе объ усовершенствованіи табачнаго промысла. Тешловъ, знатекъ этого дѣла, изложилъ порученіе Императрицы блестяще, и поданный имъ проектъ объ усовершенствованіи табачной промышленности въ Россіи заслужилъ Высочайшее одобреніе. На основаніи правилъ изложенныхъ въ этомъ проектѣ, нѣкоторые плантаторы табаку дѣйствовали почти до послѣдняго времени. Награждая Тешлова и выѣсть дѣйствуя для развитія табачной промышленности, Императрица назначила его подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ, главнымъ правителемъ всѣхъ табачныхъ плантацій въ Россіи. Такимъ образомъ было положено прочное начало нашей табачной промышленности. Вслѣдъ за распоряженіемъ Императрицы явились новыя плантаціи табака мариландскаго, виргінскаго, тютюна и бакуна, сортовъ, которые Тешловъ призналъ наиболѣе приличными для разведенія въ Россіи.

Въ то же время въ Ромнахъ учреждена главная контора, для

завѣдыванія табачными плантаціями и для снабженія, безденежно, сѣмяннами американскаго табаку всѣхъ желающихъ разводить его. Контора была обязана, кромѣ того, снабжать плантаторовъ, тоже безденежно, инструкціями разведенія и ухода за американскимъ табакомъ. Для привлеченія частныхъ лицъ къ дѣятельности по табачному промыслу, Императрица предоставила каждому плантатору полное право, снятый имъ табакъ продавать въ Россіи, отправлять за границу и ставить въ казну, которая кромѣ того, что покупала табакъ, предлагала еще, сверхъ условленной цѣны, награды за произведеніе первыхъ тысячу пудовъ. Эта награда раздѣлялась на слѣдующіе разряды: за первые выработанные двѣсти пудовъ табаку давалось по пяти копѣекъ за пудъ, за вторые двѣсти пудовъ по четыре копѣйки за пудъ, за третьи двѣсти пудовъ по три копѣйки за пудъ, за четвертые по копѣйкѣ за пудъ. Впрочемъ табакъ принимался въ казну только тогда, когда онъ подходилъ достоинствомъ къ привозному американскому. Независимо отъ мѣръ для разведенія табаку Екатерина Вторая заботилась и о распространеніи заведеній для его обработки. Такъ въ 1764 году издано постановленіе, что кто заведетъ табачную фабрику, тому дозволяется десять лѣтъ продавать табакъ беспошлинно за границу и внутрь государства. Для наблюденія за отдѣлкою нашего табаку секретно были выписаны изъ-за границы мастера, изъ которыхъ въ особенности замѣчательнъ Бушѣ, получившій въ 1766 году за свое мастерство значительныя привилегіи. Съ Бушѣ, въ 1767 году, по докладу президента канцеляріи опекуинства иностранныхъ дѣлъ Оршва былъ сдѣланъ контрактъ, на условіяхъ, имѣвшихъ благотѣльное вліяніе на дальнѣйшее усовершенствованіе обработки русскаго табаку. Эти условія слѣдующія: 1) Бушѣ былъ обязанъ завести въ Петербургѣ табачную фабрику и выдѣлывать на ней до шести тысячъ пудовъ извѣстныхъ тогда въ Россіи сортовъ табаку, всего цѣною среднимъ числомъ на 32,500 рублей. 2) Онъ долженъ былъ выучить своему мастерству отъ двадцати до тридцати мальчиковъ, съ платою за каждаго по шестисотъ и осмисотъ рублей; сверхъ-того казна на содержаніе ихъ отпускала по шестидесяти рублей въ годъ. Изъ числа этихъ мальчиковъ, лучшихъ, послѣ десятилѣтняго ученья, определено посылать, для усовершенствованія, на три года за границу, для чего Бушѣ обязался выучить ихъ по-французски и по-нѣмецки. 3) Бушѣ соглашался вызвать въ Россію искусныхъ табачныхъ мастеровъ. Къ числу выгодъ, предоставленныхъ ему,

принадлежало позволеніе вывозить, втеченіе десяти лѣтъ, табакъ своего издѣлія за границу съ пошлиною въ первые три года по двѣ копѣйки, во вторые три года по сорока копѣекъ, а въ послѣдніе четыре года по осьмидесяти копѣекъ съ пуда. Ему было дано десять тысячъ рублей занмообразно для покупки строевнїя подѣ фабрику и шесть тысячъ рублей на первое обзаведеніе. Кромѣ того для улучшенїя русскаго табака Бушѣ позволялся безпошлинный привозъ втеченіе десяти лѣтъ шестисотъ пудовъ сѣмь домингепскихъ и гаванскихъ листовъ табаку (фабрика отдавалась ему также на десять лѣтъ) и до шестисотъ пудовъ морской соли на обработку табаку. Такимъ образомъ, въ 1768 году, явилась первая табачная фабрика въ С. Петербургѣ, долженствовавшаяся сдѣлаться рассадникомъ будущихъ русскихъ табачныхъ фабрикантовъ. И дѣйствительно, число табачныхъ фабрикъ вскорѣ увеличилось. Между тѣмъ правительство продолжало употреблять всѣ мѣры для поднятїя табаководства: съ плантаторовъ разводившихъ американскїя сѣмена не брали, при отпускѣ ихъ табака за границу, пошлины, тогда какъ съ простаго табака брали по три копѣйки съ пуда; дали, въ 1778 году, особую инструкцію браковщикамъ и тому подобное. Главнѣйшія операціи табачной промышленности тогда сосредоточивались въ двухъ компанїяхъ: петербургской, завѣдывавшей обработкою табака, выращеннаго въ Россїи и заключавшей контракты съ купцами, поставлявшими его за границу, — короче завѣдывавшей табакомъ по снятіи его съ полей, и въ роменской компанїи, заботившейся о размноженїи плантацій, посѣвѣ, сборѣ табаку и дѣлавшей подряды для поставки и обработки. Эти компанїи, зная нужды и потребности разныхъ частей Россїи, имѣли средства удовлетворять ихъ лучше частныхъ плантаторовъ, больше сбывали своего табаку внутри государства и распространяли его дѣлательно за границу. Заботливость правительства о развитїи табачной промышленности скоро принесла желаемые плоды. При Елисаветѣ и Петрѣ-Третьемъ русскаго табаку никто не курилъ кромѣ простолюдиновъ и онъ продавался рѣдко дороже пятидесяти и шестидесяти копѣекъ за фунтъ, а при Екатеринѣ-Второй явились сорта русскаго табаку по два и два рубля пятидесяти копѣекъ за фунтъ. Сами Французы, предубѣжденные по милости Шувалова противъ русскаго табаку, были весьма довольны его образцами, посланными въ Парижъ Тепловымъ. Русскій табакъ, выдѣланный Бушѣ, дотога былъ хорошъ, что съ

дозволенія правительства, подъ Императорскимъ гербомъ и иттенцелемъ продавался подъ разными иностранными именами и формами. Независимо отъ торговли русскимъ табакомъ производилась огромная торговля и привознымъ иностраннымъ. Съ 1763 года было дозволено свободно торговать китайскимъ табакомъ *шаръ* съ пошлиною по десяти копейкѣ съ фунта; въ это же время ввозилось много табаку бразильскаго и канастера съ пошлиною по 1 рублю 55 $\frac{1}{8}$ копѣйки съ пуда. Въ порты Охотскаго Моря былъ дозволенъ беспошлинный ввозъ табаку. Русскія плантаціи, несмотря на развитіе ихъ, далеко не удовлетворяли внутренней потребности государства, особенно въ отношеніи къ хорошимъ сортамъ табаку, которые тогда разводились въ одной Малоросіи. Притомъ, въ то время за исключеніемъ мастерской Бушѣ и двухъ-трехъ другихъ, у насъ почти не было и заведенія для обработки хорошаго табаку, такъ что люди высшаго общества по необходимости курили иностранный вакштабъ и турецкій табакъ.

При Императорѣ Александрѣ Первомъ со стороны правительства не было сдѣлано ничего непосредственно для табаку; но раздача земель въ 1803 году, въ южномъ краѣ Россіи, для разведенія красильныхъ и торговыхъ растений, принесла значительную пользу и для табачной промышленности. Притомъ, вначалѣ нынѣшняго столѣтія лучшее знакомство нашихъ помѣщиковъ съ хозяйствомъ, дало имъ возможность оцѣнить пользу и выгоды воздѣлыванія табака и выучиться обработкѣ его. Съ этого времени не только число плантаціи начало ежегодно увеличиваться, но и прежнія значительно улучшились; отъ того число табачныхъ фабрикъ, втеченіе пяти лѣтъ, вдругъ увеличилось (въ четверо. До 1812 года въ Россіи было только шесть табачныхъ фабрикъ, а въ 1816 году число ихъ возрасло до двадцати четырехъ. Послѣ 1812 года правительство обратило особенное вниманіе на табакководство. Изъ числа мѣръ для улучшенія его главнѣйшее было выписываніе черезъ министерство финансовъ лучшихъ американскихъ сѣмянъ, которые потомъ разсылались по губерніямъ. Приобрѣтеніе нѣкоторыхъ закавказскихъ провинцій еще болѣе подняло нашу табачную промышленность. Но главную эпоху въ исторіи нашего табакководства составляетъ основаніе, въ 1819 году, Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства. Это общество обративъ особенное вниманіе на табакъ, начало свои полезныя для него дѣйствія распространеніемъ свѣдѣній, необходимыхъ для табакководства. Въ его земледѣльческомъ жур-

налѣ явились любопытныя статьи о состояніи табачнаго промысла въ Россіи, наставленіе о разведеніи табаку, указанія на лучшія о табакѣ сочиненія, описанія способовъ воздѣлыванія его въ Америкѣ, Голландіи, Франціи; наконецъ съ 1828 года Общество начало разсылать лучшія американскія сѣмяна въ тѣ мѣста, гдѣ разводили табакъ. Въ 1832 году, несмотря на трудность доставать сѣмяна въ Виргиніи, Общество выписало значительное ихъ количество и начало разсылать предводителямъ дворянства для раздачи желающимъ. Сверхъ-того Общество исходатайствовало учрежденіе трехъ премій, въ двѣ тысячи рублей, въ тысячу двѣсти и въ восемьсотъ рублей, и назначило четыре золотыя медалы, каждая въ двадцать червонцевъ, за разведеніе одной или болѣе десятихъ табаку равнаго достоинствомъ американскому. Такимъ образомъ Императорское Московское Общество сельскаго хозяйства, для развитія табаководства употребило всѣ возможныя для него средства,—и распространеніе познаній, и раздачу лучшихъ сѣмянъ, и награды, и поощренія. Эти усилія частныхъ людей, совокупно съ заботами правительства, произвели для табаководства благодѣтельныя послѣдствія. И производящая и обрабатывающая промышленность дотого возвысилась, что правительство еще въ 1838 году признало возможнымъ обложить продажу приготовленнаго табаку всѣхъ сортовъ, какъ привознаго, такъ и внутренней выдѣлки изъ русскихъ и иностранныхъ листьевъ, платежемъ акциза. Сборъ этого акциза окончательно утвержденъ въ 1840 году. Онъ производится только съ табаку приготовленнаго, слѣдовательно плантаторы имѣютъ полное право свободно безъ акциза продавать собственный табакъ въ натуральномъ видѣ, то есть, въ листьяхъ, папушахъ или другаго рода связкахъ. Эту продажу они могутъ производить одинаково свободно и внутри Россіи и за границу, могутъ сбывать табакъ всюду: — изъ своихъ домовъ, на рынкахъ и ярмаркахъ, оптомъ или въ розницу; но не плантаторамъ свобода продажи неприготовленнаго табаку воспрещается изъ домовъ, казармъ, квартиръ и другихъ мѣстъ не имѣющихъ на то права.

Прежде нежели опишемъ настоящее состоящее табачной промышленности въ Россіи, скажемъ о мѣрѣ распространенія табачнаго акциза и его условіяхъ. Акцизъ распространяется не на всѣ мѣста государства. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе занимаются табаководствомъ, мелочная продажа низкихъ (IV и V) сортовъ табаку мѣстнаго произведенія, крошеного и тертаго, производится безъакцизно. Въ разрядахъ этихъ губерній закономъ вклю-

ченъ: таврическая, херсонская, екатеринославская, черниговская, полтавская, харьковская, кievская, подольская, саратовская, астраханская, оренбургская и тифлисская, а также Бесарабская область, Сибирь и Закавказье, временно, вовсе освобождены отъ акциза. Акцизъ взыскивается посредствомъ наклеиванія бандеролей. Бандероли для табаку внутренней выдѣлки раздѣляются на пять сортовъ I, II и III для табаку (тертаго или крошеннаго) изъ приготовленныхъ сортовъ; IV для табаку (тертаго или крошеннаго) изъ натуральныхъ листьевъ или стебельковъ; V сортъ для табаку курительнаго изъ листьевъ, стебельковъ или корешковъ. Однако на табакъ третій или крошеный въ сигарахъ, руляхъ и каротахъ изъ натуральныхъ русскихъ или иностранныхъ листьевъ, при высшемъ отборномъ качествѣ можетъ быть наклеиваемъ также бандероль I, II и III сорта, смотря по добротѣ, выбору листьевъ и цѣнѣ ихъ. Бандероли выдаются изъ уѣзднаго казначейства по требованіямъ табачныхъ фабрикъ или домашнихъ заведеній, предъявившихъ свои билеты, а для IV и V сортовъ или для высшаго и отборнаго качества изъ натуральныхъ русскихъ листьевъ, за наличныя деньги, съ роспискою въ полученіи.

При вывозѣ табаку внутренняго приготовленія за границу деньги за бандероли возвращаются только тогда, когда вывозъ производится моремъ черезъ санктпетербургскую и рижскую таможи. Табаку привозному, неготовленному, присвоивается только одинъ родъ бандероля для оптовой продажи; на табакъ же иностранный, приготовленный, учрежденъ тоже одинъ родъ бандеролей для раздробительной продажи.

За исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ частей Имперіи, все государство способно къ произращенію табаку, чему доказательствомъ служить повсемѣстное его воздѣлываніе, начиная отъ Финляндіи до бывшихъ мусульманскихъ провинцій за Кавказомъ. Еще Теплоу, сравнивая Малороссію съ Виргиніей, говоритъ, что хогя Виргинія и южнѣе Малороссіи, по окруженная съ двухъ сторонъ моремъ и подверженная сильнѣе вѣтрамъ, она, по климату, подходитъ къ ней и мало превосходитъ ее въ физическихъ средствахъ для табаководства. Слѣдовательно, въ отношеніи къ табачной промышленности Россія и тогда занимала почетное мѣсто между европейскими государствами и стояла выше Голландіи, особенно если согласиться съ замѣчаніемъ того же Теплоу, что малороссійскій табакъ, заключая въ себѣ больше масляныхъ частей и солей, нежели виргинскій, сильнѣе и душистѣе его. Но

тогда у Россіи еще не было владѣній южнѣе Малороссіи; пріобрѣтеніе Крыма, Бессарабин, береговъ Чернаго Моря и закавказскихъ провинцій доставило намъ по табаководству большія преимущества предъ всѣми другими государствами Европы. Разсмотрѣніе состоянія табачной промышленности въ Россіи не можетъ быть сдѣлано въ общихъ чертахъ; по этому для изображенія состоянія нашего табаководства необходимо прослѣдить развитіе его во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ есть табачныя плантаціи. Начнемъ съ сѣвера.

1) Въ Финляндіи потребность на табакъ, относительно числа жителей, наибольшая противъ другихъ мѣстъ государства. Здѣсь почти каждый Финнъ или нюхаетъ, или курить, или наконецъ жуетъ табакъ, и часто одинъ и тотъ же человекъ употребляетъ его во всѣхъ трехъ видахъ. Этимъ объясняется развитіе въ довольно большихъ размѣрахъ табаководства въ такой сѣверной странѣ, какъ Финляндія. Конечно табакъ, произрастающій въ Финляндіи, низкихъ сортовъ и идетъ преимущественно для собственнаго потребленія; но такъ какъ потребленіе это велико, то и плантаціи табуку значительны, особенно въ юго-западной Финляндіи. Впрочемъ, Финляндцы не довольствуются домашнимъ табакомъ; привозъ его въ предѣлы княжества едва ли не превосходитъ привозныхъ другихъ товаровъ. Между прочимъ туда много идетъ табуку и изъ внутренней Россіи. 2) Сибиряки также страстные охотники до табуку; здѣсь онъ разводится, по-крайней мѣрѣ, со временъ Алексѣя Михайловича. Теперь, особенно въ окрестностяхъ Иркутска, жители усѣбно разводятъ простой табакъ и продаютъ его туземнымъ народамъ и въ Китай. Первые опыты посѣва въ Сибиріи американскаго табуку были сдѣланы въ 1821 году въ окрестностяхъ Иркутска; по попытка оказалась неудачною; въ 1833 году еще разъ попробовали сѣять американскій табакъ около Барнаула, и на этотъ разъ успѣхъ былъ чрезвычайно удовлетворительнъ; теперь въ тѣхъ мѣстахъ американскій табакъ уже не рѣдкость. Кромѣ иркутской губерніи табачныя плантаціи есть въ нѣкоторыхъ уѣздахъ тобольской и томской губерній. 3) Въ ярославской губерніи опыты разведенія табуку были неудачны, конечно, не отъ грунта или климата, а отъ непривычки жителей къ уходу за табакомъ, и отъ неумѣнья возвращать его. Не смотря на то, губернія по табачной промышленности занимаетъ почетное мѣсто, перерабатывая болѣе 120 пудовъ нюхательнаго и до 6,800 пудовъ курительнаго табуку другихъ губерній. 4) Въ рязанской губерніи извѣстенъ табакъ, называемый березнискимъ, плантаціи

котораго находятся въ окрестностяхъ города Рязани; но онъ не высокаго достоинства и дѣлается только нюхательный. Опыты разведенія американскаго табаку не удались. 5) Въ *Лифляндіи*, не смотря на малоземелье, табаководство, относительно климата, стоитъ на высокой степени совершенства. Въ особенности здѣсь развиты табачныя фабрики. Рига есть центръ табачной промышленности всего западнаго края Россіи: сюда везуть табакъ для обработки изъ Витебска, Малороссіи и частью даже изъ средней Россіи. Изъ Риги много русскаго табаку идетъ за границу, равно какъ и ввозится иностраннаго. 6) Въ *орловской* и *тульской* губерніяхъ разведеніе американскаго табаку идетъ успѣшно. 7) Въ *воронежской* губерніи начали разводитъ американскій табакъ съ 1828 года; и теперь эта промышленность тамъ въ цвѣтущемъ положеніи; быстрѣе она развивается въ уѣздахъ новохоперскомъ, павловскомъ и богородицкомъ. Наибольшее число плантацій у колонистовъ и въ особенности въ рибенсдорфскихъ поселеніяхъ. 8) Въ *саратовской* губерніи табаководствомъ занимаются тоже наиболѣе въ колоніяхъ; особенно сильно оно развито въ Сарептѣ, гдѣ до сихъ поръ составляетъ важнѣйшій промыселъ, и потому въ екатеринославскомъ округѣ. Впрочемъ, плантаціи есть и у помѣщиковъ саратовской губерніи, гдѣ собирается до 5,000 пудовъ табаку, изъ числа котораго, только небольшое число американскаго, а весь остальной нѣмецкій. Здѣшній табакъ въ Россіи извѣстенъ подъ народнымъ названіемъ колонки и околонки. На шести фабрикахъ губерніи обрабатывается табакъ ежегодно на сумму до 225,000 рублей серебромъ. 9) Въ *харьковской* губерніи табаководство началось съ 1833 года и подаетъ хорошія надежды. 10) Въ *полтавской* губерніи воздѣлываніе табаку ведется съ временъ гетманства. Начало малороссійскаго табаководства современно царямъ Михаилу Федоровичу и Алексѣю Михайловичу; здѣсь, по малоземелью губерніи этотъ промыселъ для многихъ замѣняетъ хлѣбопашество; онъ производится, наиболѣе, въ уѣздахъ роменскомъ, гадячскомъ, прилудкомъ, лохвицкомъ и пирятинскомъ; особенно уважается табакъ лохвицкаго уѣзда. Въ полтавской губерніи сѣютъ преимущественно амерфорскій табакъ, но нѣкоторые помѣщики начали сѣять и американскій. На трехъ фабрикахъ губерніи воздѣлывается слишкомъ на 30,000 рублей серебромъ. 11) Въ *черниговской* губерніи табаководствомъ занимаются также равно какъ и въ полтавской. Въ настоящее время табакъ приноситъ хозяевамъ наибольшія выгоды въ уѣздахъ нѣжинскомъ, конотопскомъ, сосницкомъ, березинскомъ и от-

части козельскомъ. Въ этихъ уѣздахъ десятина, при хорошемъ смотрѣніи, даетъ 70 пудовъ сухаго листа. Впрочемъ сборъ табаку очень хорошъ и вообще во всей губерніи. Казенныя плантаціи, по малому количеству земли незначительны. По черниговской губерніи табаководство находится большею частію въ рукахъ казаковъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Успѣшнѣе идетъ табачная промышленность въ нѣжинскомъ уѣздѣ: здѣсь сѣютъ бакунъ, американскій табакъ и бунтиковыи (желтый). Американскій табакъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ родится добротою въ 29 рублей пудъ и приноситъ съ десятины 2,784 рубл. Казаки же иногда продаютъ свой по 15 копѣекъ пудъ. Черниговская губернія продаетъ свой табакъ большею частію въ Нѣжинѣ; въ Россію и за границу (особенно въ Австрію) идетъ бакунъ, а рубанка и амерфорскій въ Сибирь. Изъ Нѣжина много доставляется табаку также въ Москву, гдѣ его примѣшиваютъ къ листьямъ иностраннаго. Вообще, табаководство въ черниговской губерніи развито въ большихъ размѣрахъ, и при лучшемъ знаніи дѣла промышленниками могло бы стать на высокую степень совершенства и тѣмъ значительно уменьшить привозъ въ Россію иностраннаго табаку. 12) Въ *киевской* губерніи табаководство незначительно: оно производится почти исключительно для собственнаго употребленія. 13) Въ землѣ войска довскаго эта промышленность не сдѣлала большихъ успѣховъ; табакъ сѣется преимущественно простой и то для себя въ немногихъ ставищахъ. Попытки надъ сѣяннами турецкаго табаку не удалась. 14) По *астраханской* губерніи табачный промыселъ также въ посредственномъ положеніи, несмотря на то, что табакъ родится въ губерніи хорошаго качества и даетъ весьма значительный урожай. Табаководство началось здѣсь только съ 1838 года. 15) По *Бессарабіи* табакъ сѣется самый простой и почти нигде не сбывается, кромѣ небольшого вывоза въ херсонскую губернію и Молдавію. Здѣсь табаководствомъ занимаются только въ уѣздахъ кншепевскомъ, хотинскомъ и сергѣевскомъ. 16) Въ *херсонской* губерніи табакъ съ особеннымъ успѣхомъ разводится въ казенныхъ селеніяхъ, близъ Дубоссара и въ тираспольскомъ уѣздѣ. Здѣсь сѣется два сорта табаку: одинъ у мѣстныхъ жителей, подъ именемъ «бессарабскаго» и «обыкновеннаго», продается по десяти рублей за пудъ. Изъ него въ Одессѣ изготовляются самыя простыя сигары, расходящіяся въ большомъ количествѣ; изъ него же Евреи дѣлаютъ «крутянскъ» (отъ города Крутыхъ), нюхательный табакъ. Другой сортъ, «бакунъ» или «махорскій», простой зеленый табакъ; онъ

цѣнится въ пять и шесть рублей за пудъ и приноситъ крестьянамъ значительныя выгоды. Несмотря на то, они сѣютъ его исключительно въ огородахъ столько, сколько нужно для выручки на уплату податей и повинностей. Разведеніе американскаго табаку покуда еще незначительно, но быстро подвигается впередъ. Этотъ табакъ продается по двадцати рублей за пудъ. 17) По *Екатеринославской* губерніи табакъ разводится разныхъ сортовъ и съ большими успѣхомъ. У Мариуполя и въ новомосковскомъ уѣздахъ сѣютъ гаванскій, виргинскій, мариландскій, абако, фериоландскій и литьпортъ. По Днѣпру и по прибрежью Азовскаго Моря сѣютъ много простаго табаку. 18) *Крымъ* по почвѣ и климату самое удобное мѣсто въ Россіи для разведенія табаку; несмотря на то, развитіе табачной промышленности началось здѣсь не болѣе двадцати осьми лѣтъ назадъ; до того она была въ самомъ младенческомъ состояніи; табакъ сѣялся туземцами въ столь значительномъ количествѣ, что даже для внутренняго потребленія на полуостровѣ его привозилось значительное количество изъ Аватоліи и Турціи. Въ 1820 году министерство финансовъ обратило на Крымъ особенное вниманіе и начало посылать туда сѣмена лучшаго американскаго табаку, опредѣливъ награды и преміи разводителямъ. Съ 1829 года въ этомъ приняло участіе и Общество сельскаго хозяйства. Промышленность быстро распространилась и на полуостровѣ явился табакъ достоинствомъ неуступающій американскому. Теперь привозъ въ Таврическую губернію турецкаго табаку самый незначительный; между тѣмъ какъ табакъ, произрастающій въ Крыму, постоянно въ большомъ количествѣ вывозится въ сосѣднія губерніи, а частію и за границу. Кромѣ американскаго и турецкаго табаку, двухъ главныхъ сортовъ, разводимыхъ на полуостровѣ, сѣется тамъ такъ-называемый крымскій табакъ, весьма похожій на турецкій и, вѣроятно, переродившійся американскій. 19) Въ *Закавказьѣ*, климатъ котораго, въ отношеніи къ табачной промышленности, превосходитъ климатъ самой Виргиніи, соединены всѣ условія для успѣшнаго воздѣлыванія табаку. Несмотря на то, его разводится тамъ слишкомъ мало, въ сравненіи съ тѣмъ сколько бы можно получить, такъ, что иногда недостаетъ даже для потребленія края. Между-тѣмъ Закавказье и ставропольская губернія могли бы снабжать табакомъ всю Россію. Въ Грузіи, Дагестанѣ и Мингреліи сѣютъ преимущественно турецкій табакъ и очень мало американскаго; на линіи казаки и поселенцы сѣютъ только простой табакъ для собственнаго потребленія.

Изъ обзорѣнія табаководства на различныхъ мѣстностяхъ государственнаго видаю, что обширнѣйшія плантаціи табаку находятся въ Малороссіи и саратовской губерніи; это значитъ, что промышленность еще далеко не получила полного развитія, потому что обширнѣйшія и лучшія плантаціи должны бы быть въ Крыму, въ Закавказьѣ и въ Новороссійскомъ Краѣ. Изъ простаго курительнаго русскаго табаку у насъ извѣстнѣйшій — «иѣжнинскій», изъ нюхательнаго — «сарептскій», расходящійся въ большомъ количествѣ по всей Россіи. Сколько именно производится табаку въ Россіи, съ точностію опредѣлить невозможно. Приблизительно, принимая въ соображеніе акцизные сборы, отнускъ табаку за границу и отчасти количество земли, занятой плантаціями, можно положить, что въ Россіи ежегодно воздѣлывается табаку на сумму до 14,000,000 рублей серебромъ. Изъ этого количества идетъ за границу не болѣе какъ на 100,000 рублей серебромъ (Въ 1846 году пошло по европейской торговлѣ на 45,204 рубль серебромъ; по азіатской — на 53,000 рублей серебромъ). Все остальное затѣмъ количество потребляется въ самой Россіи. Казалось бы, такое огромное потребленіе табаку должно сильно развитъ табачную фабрикацію; но на дѣлѣ этого нѣтъ. Табачныя фабрики находятся преимущественно не въ главныхъ мѣстахъ производительности, а въ столицахъ и портовыхъ городахъ. Это доказываетъ, что у насъ фабрики заведены болѣе для обрабатыванія привознаго табаку, нежели своего. И дѣйствительно, всѣ низкіе сорта табаку расходятся въ Россіи преимущественно въ сыромъ видѣ; потребители ихъ, простонародіе, сами для себя обрабатываютъ табакъ. Фабричная дѣятельность развивается насчетъ потребителей средняго и высшаго классовъ общества. Иностраннаго табаку привозится въ Россію ежегодно по европейской торговлѣ до 147,800 пудовъ, на сумму до 2,454,000 рублей серебромъ; по азіатской торговлѣ до 165,640 пудовъ, на сумму до 2,527,000 рублей серебромъ; всего на сумму до 4,981,000 рублей серебромъ. Иностраннѣйшій табакъ приходитъ къ намъ по большой части въ листахъ и обдѣлывается на нашихъ фабрикахъ; въ сигарахъ и крошеннаго табаку привозится немного. Всего же обрабатывается табаку на нашихъ фабрикахъ на сумму до 12,000,000 рублей серебромъ; слѣдовательно русскаго табаку обрабатывается съ небольшимъ миллиономъ на семь, и такъ какъ въ обработку идетъ лучшій табакъ, болѣе цѣнный, то слѣдовательно изъ общей массы табаку, произрастающаго въ Россіи, обрабатывается на фабрикахъ какая-нибудь третья часть, не болѣе. По на-

стоящее время всѣхъ табачныхъ фабрикъ въ Россіи, по послѣднимъ извѣстіямъ, доставленнымъ въ статистическое отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, считается дѣйстви двадцать-одна, изъ которыхъ въ Петербургѣ сорокъ-семь, и въ Москвѣ — сорокъ. Число рабочихъ, занимающихся на русскихъ табачныхъ фабрикахъ, простирается до двадцати-тысячъ человекъ. Замѣчательно возрастаніе количества табачныхъ фабрикъ: въ 1812 году ихъ было только шесть, въ 1816 — двадцать-четыре, въ 1825 — тридцать-пять, въ 1840 — сто одиннадцать. Между многочисленными табачными фабриками можно упомянуть о немногихъ именахъ, встречаемыхъ въ табачной промышленности, какъ-то: Фалера, Тулинова, Гребнева, Мусатова, Козлова и прочихъ; только одно имя Жукова разносится по цѣлой Россіи. Преимущественно на всѣхъ этихъ фабрикахъ разрабатывается сортъ табака называемый *вакштафъ*, болѣе всего требуемый. Турецкаго табаку въ Россіи потребленіе не такъ велико; онъ большею частію выписывается любителями изъ Одессы. Изъ фабрикъ преимущественно приготовляющихъ этотъ сортъ табака передъ прочими сортами могутъ похвастаться главными Богосова въ Санкт-Петербургѣ и Бостанжоглу въ Москвѣ. Прочіе табачные фабриканты хотя и производятъ довольно значительный торгъ; но вся ихъ коммерческая дѣятельность ограничивается тѣми губерніями и тѣми городами, въ которыхъ они находятся.

Во Франціи, кардиналъ Ришелье первый обложилъ, въ 1621 году, табачную промышленность податью въ сорокъ су съ каждаго ста фунтовъ выдѣланнаго для потребленія табака. Этотъ налогъ оставался неизмѣннымъ до 1697 года, когда табакъ взяли на откупъ частныя лица, обязавшись платить правительству за монопольное право распродажи и воздѣлыванія сумму 150,000 ливровъ. Въ 1718 году налогъ этотъ, платимый откупомъ, возросъ до четырехъ милліоновъ, а въ 1790 онъ уже простирался до 32,000,000 ливровъ. Пропорція изумляющая. Количество продаваемаго табаку простиралось до 7,000,000 килограммовъ и откупъ имѣлъ барыша до 6,000,000 ливровъ. Подъ управленіемъ этого откупа засѣвъ и выдѣлка табаку частнымъ людямъ были воспрещены совершенно и семь фабрикъ находившихся въ Парижѣ, Діепуѣ, Морле, Тонентѣ, Сеттѣ, Гаврѣ, Тулузѣ и Валансиеннѣ удовлетворяли потребностямъ цѣлой Франціи. Только три провинціи: Франшъ-Конте, Фландрія и Альзасъ пользовались привилегіею воздѣлывать и продавать табакъ независимо отъ откупа; но эта привилегія была обложена такою вы-

секою податью и подчинена столькимъ формальностямъ, что табачная промышленность въ этихъ трехъ провинціяхъ была весьма незначительна. Законы относительно подрыва откупа въ табачной торговлѣ до того были строгіе, что тѣмъ которые рѣшались вестъ тайную, произвольную торговлю, угрожали не только огромныя пени и штрафы, но даже галеры и смертная казнь. Наконецъ, въ 1791 году дозволено было всякому воздѣлывать и свободно торговать табакомъ, внутри государства, и только запрещено было, безъ особенной пошлины обрабатывать и торговать табакомъ привознымъ. Доходъ правительства, какъ предсказывалъ это Наполеонъ, можно опредѣлить, до 90,000,000 франковъ.

Потребленіе табака во Франціи представляетъ слѣдующую пропорцію: 6,400,000 килограмовъ табаку нюхательнаго, 9,600,000 килограмовъ курительнаго, всего 16,000,000 килограмовъ, что составляетъ на человѣка 190 граммовъ нюхательнаго и 287 курительнаго табаку. Эта пропорція съ каждымъ годомъ значительно измѣняется и идетъ все въ возрастающей прогрессіи. Изъ Франціи вывозится въ другія европейскія государства болѣе всего нюхательный табакъ, курительный же весь почти потребляется на мѣстѣ.

Въ Англіи, табачная промышленность, будучи предоставлена общему воздѣлыванію и торговлѣ, все таки между-тѣмъ обложена довольно высокою пошлиною, которая доставляетъ правительству значительный доходъ. Король Іаковъ Первый подвергъ первый табачную промышленность таможенному налогу. Карлъ Первый объявилъ ее монополенною отъ правительства, но междоусобныя войны продолжавшіяся во все время его царствованія и постоянно содѣйствовавшія разнымъ измѣненіямъ, какъ государственныхъ такъ и торговыхъ постановленій, уничтожили введенную имъ монопольную систему и сдѣлали какъ обработку, такъ ввозъ, вывозъ и торговлю табакомъ свободными и доступными каждому, кто только желалъ заниматься табачною промышленностью. Это значительно благопріятствовало ей, равно какъ и засѣву туземнаго табаку, которымъ при Іаковѣ-Первомъ занимались очень не многіе.

Количество табаку потребляемаго въ Англіи, простирается ежегодно, судя по четырнадцатилѣтней сложности, до 19,706,000 килограмовъ, что составляетъ на человѣка до 933 граммовъ. Это количество табаку засѣвается и обрабатывается все внутри государства, въ которомъ считается до 740 табачныхъ фабрикъ,

употребляющихъ для своихъ производствъ до 29,000 работниковъ.

Шотландія до 1783 года и Ирландія до 1830 года пользовались правомъ свободной разработки и распродажи табаку. Не съ этихъ годовъ в онѣ были подчинены общимъ установленіямъ изложеннымъ для цѣлаго острова въ декретѣ короля Георгія-Третьяго.

Въ Пруссіи табачная промышленность подвергалась разнымъ измѣненіямъ. Въ 1766 году, Фридрихъ Великій учредилъ на нее налогъ; и хотя этотъ налогъ уничтоженъ въ 1787 году, однако свободное воздѣлываніе и продажа табаку, все таки предоставлены были опредѣленному числу плантаторовъ и промышленниковъ. Въ 1798 году право воздѣлыванія табака объявлено совершенно свободнымъ, а въ 1819, не измѣнивъ прежняго положенія о свободной продажѣ, воздѣлываніе табаку было обложено податью, смотря по собираемому его количеству. Налогъ этотъ доставлялъ прусскому правительству до 500,000 рублей серебромъ на наши деньги. Въ 1828 году подать была уже взимаема не съ количества собираемаго табака, а съ стоимости каждаго сорта и количества засѣваемой земли, какъ мѣрною болѣе вѣрное и видимое для контроля.

Количество засѣваемого табака простирается въ Пруссіи до 10,000 десятинъ; сборъ табака доходитъ до 13,000,000 килограммовъ; потребленіе внутри государства — до 17,320,000 килограммовъ, что составляетъ на человѣка 1 килограммъ 310 граммовъ. Сколько именно находится табачныхъ фабрикъ въ Пруссіи, положительно неизвѣстно; онѣ съ каждымъ годомъ умножаются равно какъ и самое потребленіе табаку.

Въ Бельгіи выдѣлывается табаку не болѣе 500,000 килограммовъ; привозится же изъ Америки и Голландіи до 7,000,000. Значительныхъ табачныхъ фабрикъ считается здѣсь до 400, кромѣ маловажныхъ, занимающихся выдѣлкою табаку для отпреленія его во Францію въ видѣ контрабанды.

Въ Голландіи собирается табаку до 2,500,000 килограммовъ, изъ которыхъ 2,000,000 вывозится за границу государства. Изъ Америки ввозится въ Голландію 13,500,000 килограммовъ, изъ которыхъ вывозится въ свою очередь до 11,000,000, слѣдовательно въ Голландіи потребляется табаку до 2,500,000 американскаго. Табачныхъ фабрикъ въ Голландіи считается до 500, въ томъ числѣ 24 огромнѣйшихъ, употребляющихъ на выдѣлку табака до 10,000 работниковъ. Количество потребляемаго табака на человѣка приходится 1 килограммъ 310 граммовъ.

Въ герцогствѣ Баденскомъ количество потребляемаго табака

приходится 680 граммъ на человѣка. Въ королевствѣ Виртембергскомъ 106 граммъ. Въ герцогствѣ Нассаускомъ 1 килограммъ 260 граммъ.

Государства, въ которыхъ табачная промышленность представлена откупу суть: Португалія, королевство неаполитанское, великое герцогство тосканское и Швейцарія.

Въ Португаліи существуютъ три табачныя фабрики, употребляющія до 1,600 человѣкъ работниковъ, вырабатывающихъ ежегодно табаку до 1,300,000 килограммовъ, изъ которыхъ двѣ трети привозятся изъ Бразиліи. Откупъ платитъ ежегодно до 7,500,000 франковъ.

Въ тосканскихъ областяхъ существуетъ только одна фабрика, находящаяся во Флоренціи. Она употребляетъ на производство свое до 360 работниковъ, производитъ выдѣланнаго табаку до 402,000 килограммовъ и платитъ ежегодно правительству 1,400,000 франковъ.

Въ королевствѣ неаполитанскомъ засѣвается до 400 гектаровъ земли, производящихъ около 500,000 килограммовъ табака разныхъ сортовъ. Откупъ имѣетъ двѣ фабрики, занимающія производствомъ своимъ до 1,280 работниковъ и доставляющія ежегодно до 750,000 килограммовъ выдѣланнаго табаку. Впрочемъ количество это не можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ потребления табаку, которое должно быть гораздо значительнѣе по причинѣ контрабандной торговли, производящейся очень дѣятельно. Контрабандный табакъ привозится болѣе всего изъ Беневенто, Сициліи и острова Мальты. Изъ Мальты болѣею частію доставляются сигары, употребляемыя по ихъ дешевизнѣ, болѣе всего простымъ народомъ. Чтобы положить предѣлъ такому подрыву своей торговли, откупъ учредилъ въ Неаполѣ нѣсколько лѣтъ назадъ магазины, въ которыхъ единственно дозволено продавать весь табакъ не туземнаго посѣва и выдѣлки. Доходы отъ табачной торговли откупъ раздѣляетъ съ правительствомъ и кромѣ того платитъ ему ежегодно 4,050,000 флоринъ.

Шесть государствъ европейскихъ, въ которыхъ табачная промышленность составляетъ монопольное право правительства суть: Испанія, герцогство пармское, сардинская область (материкъ и островъ Сардинія), римская область и Австрія, кромѣ Венгріи.

Политическія смуты волнующія Испанію значительно уменьшили доходъ правительства, который имѣло оно отъ монопольной продажи и воздѣлыванія табаку. Въ 1805 году, доходъ отъ

продажи разныхъ видовъ табака простирается до 42,000,000 франковъ, а въ 1844 году, мадритскіе банкиры, которые предлагали взять табакъ на откупъ, едва соглашались, за право приобрести эту монопольную продажу, дать испанскому правительству 21,000,000. Кроме того, не смотря на всѣ принятыя мѣры, контрабандная торговля табакомъ болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ увеличивающаяся, и весьма сильно вредитъ тѣмъ выгодамъ, которыя бы могла принести монополія. По этому же самому трудно опредѣлить и количество потребленія табака въ Испаніи.

Въ герцогствѣ Пармскомъ существуетъ только одна табачная фабрика, производящая до 150,000 килограммовъ табаку и приносящая чистаго дохода до 600,000 франковъ. Единичное потребленіе табака въ Пармѣ впрочемъ довольно значительно, потому что приходится до 800 граммовъ на человѣка.

Въ Сардинскомъ королевствѣ существуютъ три табачныя казенныя фабрики. Онѣ находятся въ Туринѣ, Генуѣ и Ницѣ, и производятъ до 1,500,000 килограммовъ табаку, который весь потребляется на самомъ мѣстѣ. Изъ привознаго табака ввозится въ сардинское королевство только нюхательный испанскій и гаванскія сигары.

Доходъ правительства отъ монопольной продажи табака простирается ежегодно до 7,000,000 франковъ.

Въ Римской области количество собираемаго табаку простирается до 550,000 килограммовъ, которыхъ впрочемъ еще недостаточно для откупнаго управленія, потому что потребленіе табака простирается ежегодно до 900,000 килограммовъ. Въ Римской области находятся три казенныя табачныя фабрики: въ Римѣ, Киаваделлѣ и Болоньи, на которыхъ выдѣлывается по крайней мѣрѣ до пятидесяти различныхъ сортовъ табаку разнаго достоинства, котораго цѣнность весьма разнообразна.

Въ австрійскихъ владѣніяхъ, исключая Венгріи, обработываніе табака и торговля имъ рѣшительно воспрещена частнымъ лицамъ. Количество табаку, закупаемаго въ Австріи простирается до 20,000,000 килограммовъ.

Вотъ краткій очеркъ табачной промышленности въ Европѣ, промышленности, которая все увеличивается годъ отъ году, процвѣтаетъ и помрачаетъ своимъ страннымъ успѣхомъ другія болѣе полезныя и необходимыя для человѣчества промышленности.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛѢ.

=

СТАТЬЯ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Въ настоящее время, весьма немногія страны западной Европы въ состояніи удѣлять, для заграничнаго отпуска, избытки хлѣбныхъ продуктовъ, и въ этомъ отношеніи Россія имѣеть значительный перевѣсъ надъ другими европейскими государствами. Хлѣбъ собственнаго произведенія вывозится въ немаловажномъ количествѣ только изъ Даніи, Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ владѣній; эта отрасль торговли въ тамошнихъ портахъ основана преимущественно на сбытѣ пшеницы въ Великобританію, которая служитъ главнѣйшимъ истокомъ для этого хлѣба и по особеннымъ обстоятельствамъ своей хлѣбной торговли, до новѣйшаго времени, снабжалась пшеницею большею частью изъ ближайшихъ нѣмецкихъ портовъ. Преобразование англійскаго закона о привозѣ иностраннаго хлѣба вѣроятно будетъ способствовать, какъ мы уже говорили выше, значительному умноженію привоза пшеницы и другихъ хлѣбныхъ продуктовъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ. Развитію этой отрасли нашей торговли, не можетъ препятствовать совмѣстничество другихъ европейскихъ государствъ; ибо возрастающія тамъ нужды внутренняго потребленія болѣе и болѣе ограничиваютъ способы къ заграничному отпуску хлѣба. Въ хлѣбной торговлѣ возникаетъ и уси-

живается нынѣ совмѣстничество такихъ странъ, которыя прежде не принимали въ ней дѣятельнаго участія или даже вовсе не отпускали хлѣбныхъ продуктовъ за границу. Вывозъ хлѣба изъ дунайскихъ портовъ Молдавіи и Валахіи быстро возрастаетъ; Салоника и другіе порты Европейской Турціи также отпускаютъ хлѣбъ изъ окрестныхъ странъ, и единственно недостатокъ внутреннихъ сообщеній препятствуетъ тамъ развитію этой отрасли отпускной торговли. Со временемъ Венгрія, уже нынѣ отпускающая нѣкоторое количество хлѣба чрезъ Фіуме, вѣроятно усилитъ сбытъ его при усовершенствованіи сообщеній хлѣбородныхъ ея областей съ адриатическими портами. Египетъ, служившій некогда житницею для портовъ Средиземнаго моря, и съ упадкомъ своего земледѣлія утратившій важное значеніе въ хлѣбной торговлѣ, нынѣ стремится къ умноженію сбыта хлѣбныхъ продуктовъ, изобильно производимыхъ въ Нильской долинѣ. Наконецъ, сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, утвердившіе свое преобладаніе въ торговлѣ пшеничною мукою по вывозу ея въ Вестъ-Индію и южную Америку, сбываютъ этотъ продуктъ также въ западной Европѣ, и тамъ ощутительно уменьшаютъ потребность въ привозѣ туда пшеницы изъ Россіи. Сверхъ того, въ недавнемъ времени, по случаю появленія картофельной болѣзни, открылся значительный сбытъ кукурузы изъ Соединенныхъ Штатовъ; привозъ ея въ западную Европу, преимущественно въ Великобританію и въ Ирландію, ограничилъ тамъ расходъ другихъ хлѣбныхъ продуктовъ.

Это возрастающее съ разныхъ сторонъ совмѣстничество въ хлѣбной торговлѣ еще никогда такъ сильно не обнаруживалось какъ въ 1846 и 1847 году, когда многія страны Европы, пораженныя неурожаемъ хлѣба и картофеля, должны были отовсюду снабжаться хлѣбными продуктами. По чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ тогда находилась эта торговля, она достигла необыкновеннаго развитія во всѣхъ странахъ, отпускавшихъ хлѣбъ за границу. Тогдашнее ея состояніе не можетъ служить, однако, мѣриломъ нормальныхъ способовъ этихъ странъ для заграничнаго сбыта ихъ хлѣбныхъ продуктовъ: чрезмерно высокія цѣны на хлѣбъ въ портахъ вознаграждали въ ту пору за большіе расходы, съ которыми была сопряжена его доставка изъ внутреннихъ мѣстъ на заморскіе рынки. Чтобы судить о значеніи новыхъ для хлѣбной торговли истоковъ, которые уже начали состязаться въ ней съ Россією, нужно изслѣдовать обыкновенный ходъ тамошней торговли, ея сред-

ства и постепенное ихъ развитіе. Это изслѣдованіе покажетъ въ какомъ отношеніи Россія можетъ опасаться сильнѣйшаго совмѣстничества по заграничному отпуску хлѣба.

Турція могла бы принадлежать къ числу избыльнѣйшихъ хлѣбомъ государствъ, если бы внутреннее ея состояніе благопріятствовало успѣхамъ земледѣлія; но въ нынѣшнемъ положеніи этой страны, количество производимаго въ ней хлѣба бываетъ достаточно только для мѣстнаго продовольствія, за исключеніемъ Молдавіи и Валахіи, откуда, въ новѣйшее время, стали вывозить хлѣбъ въ иностранныя земли чрезъ дунайскіе порты, *Галацъ* и *Браиловъ*. До открытія свободнаго судоходства по Дунаю, отпускъ хлѣба изъ дунайскихъ княжествъ былъ запрещенъ турецкимъ правительствомъ, для обезпеченія продовольствія Константинополя. Съ тѣхъ поръ какъ это запрещеніе отменено, вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ изъ Галаца и Браилова значительно усилился. Изъ этихъ портовъ отправляютъ пшеницу и кукурузу въ Константинополь, Триестъ, Геную, Ливорно, Марсель и въ Англію. Въ Галацъ и Браиловъ учреждены иностранныя конторы для закупки тамошнихъ произведеній и для удобнѣйшаго сбыта европейскихъ товаровъ, допускаемыхъ тамъ къ привозу съ умѣренными пошлинами. Свободная торговля въ дунайскихъ портахъ, конечно, будетъ болѣе и болѣе привлекать туда капиталы, съ помощью которыхъ оживится въ этомъ краѣ внутренняя промышленность и умножится вывозъ продуктовъ тамошняго земледѣлія и скотоводства.

Слѣдующая таблица показываетъ въ какой мѣрѣ увеличился заграничный сбытъ хлѣба изъ дунайскихъ княжествъ съ 1837 года. Черезъ Галацъ и Браиловъ отпущено:

	Пшеницы.	Кукурузы.
Въ 1837 году	350,000	213,000 четвертей.
— 1838	494,000	157,000 — —
— 1839	499,866	248,000 — —
— 1840	509,014	354,959 — —
— 1845	645,794	372,001 — —
— 1846	513,644	623,815 — —
— 1847	807,440	1,200,013 — —

Въ послѣдніе три года, сложный отпускъ изъ этихъ двухъ портовъ составлялъ 1,966,978 четвертей пшеницы и 2,195,829 четвертей кукурузы.

Сравнимъ теперь этотъ отпускъ съ вывозомъ тѣхъ же хлебовъ изъ нашихъ южныхъ портовъ.

По трехлѣтней сложности (1845, 1846 и 1847) отпущено пшеницы:

Изъ Одессы	6,530,586	четвертей.
— Таганрога	1,337,816	— —
— дунайскихъ портовъ Измаила и Рени	448,984	— —
— прочихъ южныхъ портовъ	2,501,275	— —

И того 10,818,661 четвертей.

Сложное количество пшеницы, вывезенной изъ Галаца и Браилова, въ это трехлѣтне, составляло 30% одесскаго отпуска, почти на 47% превышало таганрогскій отпускъ и уступало только на 27% совокупному отпуску изъ прочихъ южныхъ портовъ Россіи, кромѣ дунайскихъ: вывозъ пшеницы изъ нашихъ дунайскихъ портовъ (Измаила и Рени) составлялъ менѣе пятой доли того количества, какое вывезено изъ Галаца и Браилова. Развѣтвіе хлебной торговли въ этихъ двухъ портахъ имѣло весьма неблагоприятное вліяніе на торговлю соседственныхъ съ ними дунайскихъ портовъ Россіи: вывозъ бессарабской пшеницы чрезъ Измаилъ и Рени значительно уменьшился съ 1837 года. Сложный отпускъ изъ этихъ портовъ въ 1837 и 1838 году простирался до 672,561 четверти или 336,280 четвертей въ годъ, а въ 1839 по 1844, г. включительно, въ теченіе шести лѣтъ, отпущено только 695,569 четвертей или среднимъ числомъ въ годъ не болѣе 115,918 четвертей; наконецъ въ послѣднее трехлѣтне, при чрезвычайномъ требованіи на пшеницу въ черноморскихъ портахъ, средній отпускъ ея чрезъ наши дунайскіе порты доходилъ только до 149,660 четвертей.

Такое постепенное уменьшеніе отпуска пшеницы изъ бессарабскихъ портовъ нельзя не приписать возрастающему совмѣстничеству Галаца и Браилова въ этой отрасли хлебнаго торгова, совмѣстничеству, которое становится болѣе и болѣе ощутительнымъ и для другихъ южныхъ портовъ Россіи. Иностранцы, получивъ изъ Галаца и Браилова, въ послѣдніе три года, около двухъ милліоновъ четвертей пшеницы, уменьшили на это количество свои закупки въ нашихъ черноморскихъ портахъ, и нельзя не ожидать, что съ развитіемъ хлебопашества и съ улучшеніемъ внутреннихъ сообщеній въ дунайскихъ княжествахъ, вывозъ пшеницы изъ этого края со временемъ можетъ значительно увеличиться.

Въ новѣйшее время, увеличился также заграничный сбытъ кукурузы,

которая воздѣлывается въ Молдавіи и Валахіи въ большомъ количествѣ, для народнаго продовольствія. До 1846 года кукуруза вывозилась изъ Галаца и Браилова только въ Константинополь, Триестъ и Италію, а въ 1846 и 1847 году потребовалась во Францію, и преимущественно въ Великобританію. Усилившіяся сбытъ кукурузы изъ этихъ дунайскихъ портовъ можетъ еще болѣе ограничить не очень значительный отпускъ другихъ родовъ хлѣба изъ южной Россіи: по трехлѣтней сложности 1845, 1846, и 1847 года кукурузы вывезено изъ Галаца и Браилова 2,195,829 четвертей, а изъ нашихъ южныхъ портовъ только 146,343 четверти, тогда какъ вывозъ другихъ родовъ зерноваго хлѣба (кроме пшеницы) простирался только до 1,057,962 четвертей; следовательно, въ этомъ періодѣ, вывозъ одной кукурузы изъ Галаца и Браилова былъ вдвое болѣе совокупнаго отпуска ржи, ячменя и овса изъ всѣхъ нашихъ южныхъ портовъ.

Кромѣ Молдавіи и Валахіи, другія страны Европейской Турціи, изобилующія также хлѣбными продуктами, сбываютъ ихъ за границу въ небольшомъ количествѣ, отъ того что недостатокъ и затруднительность сообщеній между портовыми и внутренними мѣстами препятствуютъ значительному вывозу хлѣба. По этой же причинѣ, Константинополь до сихъ поръ снабжается хлѣбными припасами отчасти изъ черноморскихъ и дунайскихъ портовъ, хотя соседственныя области Турціи изобилуютъ хлѣбомъ всякаго рода.

Изчислено, что на продовольствіе Константинополя нужно до 250.000 кило въ мѣсяцъ или до 3.000.000 въ годъ, то есть 520.000 четвертей, въ томъ числѣ дунайской пшеницы 215.000, румелійской 175.000 и русской (изъ крымскихъ, бессарабскихъ и азовскихъ портовъ) до 130.000 четвертей. Сверхъ того, въ Константинополь ежегодно привозится изъ Одессы пшеничной муки отъ 200 до 300 тысячъ пудовъ. Русская пшеница, по хорошей ея добротѣ, требуется для примѣси къ низшимъ сортамъ дунайской и румелійской.

Въ Константинополь производится значительный торгъ хлѣбомъ для сбыта въ соседственныя мѣста. Одесская пшеница проходитъ болѣею частью транзитомъ и покупается только для отправки въ иностранныя порты, а на мѣстное употребленіе не требуется, отъ того что она дороже привозимой изъ крымскихъ, азовскихъ и дунайскихъ портовъ. Количество румелійской, дунайской и русской пшеницы, продаваемой въ Константинополь, для отпуску въ Архипелагъ, Кандію и

Грецію, доходить до 350.000 четвертей, при большомъ требованіи тамъ на хлѣбъ, что случается обыкновенно при недостаткѣ подвозовъ туда изъ Египта. Кукуруза употребляется въ Константинополь только во время чрезмѣрной дороговизны пшеницы, и постоянно сбывается отсюда на Ионическіе острова и въ Адриатическіе порты. Привозъ кукурузы, получаемой обыкновенно изъ Дунайскихъ портовъ, простирается около 170.000 четвертей въ годъ. Ячмень для мѣстнаго употребленія, доставляется въ Константинополь изъ окрестностей, а привозимый изъ Крымскихъ и Дунайскихъ портовъ, покупается для Туниса и Алжира. Ежегодный привозъ ячменя изъ Дунайскихъ портовъ доходитъ отъ 40,000 до 50,000 четвертей. Оттуда же получаютъ турецкіе бобы, которые составляютъ важную статью потребленія въ Константинополь. Казна покупаетъ ихъ для войска, особенно для флота. Армяне и Греки употребляютъ большое количество бобовъ для постной пищи: годичный расходъ ихъ составляетъ не менѣе 350,000 четвертей.

И такъ, при нынѣшнемъ состояніи земледѣлія и внутреннихъ сообщеній въ Европейской Турціи, значительнѣйшій отпускъ хлѣба производится только изъ дунайскихъ портовъ; въ обыкновенные годы отсюда сбываются хлѣбные продукты, наиболее въ Константинополь, Архипелагъ, Грецію и другихъ соседнихъ мѣстахъ, а при большомъ требованіи на хлѣбъ въ южной или западной Европѣ, Галацъ и Браиловъ отправляютъ его и въ тамошніе порты.

Египетъ, при неистощимомъ плодородіи своей почвы, можетъ сдѣлаться ближайшею житницею для всѣхъ странъ, прилежащихъ къ Средиземному морю. Лѣтъ тридцать тому, большое количество пшеницы, ячменя и бобовъ вывозилось изъ Египта, въ Триестъ, Ливорно, Геную, Мальту, Италію и разные порты Леванта. Отпускъ хлѣбныхъ продуктовъ изъ Египта значительно уменьшился, съ распространеніемъ тамъ воздѣлыванія хлопчатой бумаги, которое отвлекло земледѣльцевъ отъ хлѣбопашества. Египетскій паша, извлекавшій большой доходъ отъ продажи этаго продукта въ иностранныхъ земляхъ, предпочтительно поощрялъ разведеніе хлопчатника; но эта отрасль промышленности нынѣ уже не представляетъ прежнихъ выгодъ, ибо цѣны на хлопчатую бумагу значительно понизились отъ усилившагося привоза ея изъ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и по той же причинѣ вывозъ этаго продукта изъ Египта въ западную Европу

сталъ уменьшаться. Это обстоятельство побудило египетскаго пашу приложить большее попеченіе о сбытѣ хлѣбныхъ продуктовъ, и не смотря на монополію его въ продажѣ ихъ для заграничнаго отпуска, вывозъ разнаго хлѣба изъ Египта, въ короткое время значительно увеличился: въ 1839 году отпущено 206,966 четвертей, въ 1840 611,780, а въ 1841 году 1,284,056 четвертей. Пшеница, ячмень, бобы и въ маломъ количествѣ кукуруза вывозятся болышею частью въ Мальту, Ливорно, Триестъ, Константинополь, Архипелагъ и Сирію. Съ 1846 года египетскій паша разрѣшилъ свободный вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ, но не смотря на облегченіе ихъ отпуска изъ Египта при чрезвычайномъ требованіи на хлѣбъ въ 1846—47 году, весь вывозъ пшеницы, кукурузы, ячменя и бобовъ простирался въ 1846 году только до 658,752 четвертей, а въ 1847 возвысился до 1,784,069 четвертей; въ томъ числѣ отпущено:

Пшеницы	556,428	четвертей.
Кукурузы	113,734	— —
Ячменя	329,640	— —
Бобовъ	784,267	-- --

Отпускъ пшеницы изъ Египта при необыкновенномъ развитіи хлѣбной торговли въ 1847 году, усилившейся противъ 1846 года почти на 130 процентовъ все еще былъ въпятеро менѣ одесскаго и равнялся только таганрогскому. Сборъ пшеницы, при хорошемъ урожаѣ въ этой странѣ, доходилъ въ тридцатыхъ годахъ до 1,200,000 четвертей, но въ обыкновенную жатву едва составлялъ половину этого количества. Если воздѣлываніе пшеницы въ Египтѣ увеличится вдвое, то и въ такомъ случаѣ весь ея сборъ, даже въ изобильные годы, не превзойдетъ ту пропорцію этого хлѣба, какая обыкновенно вывозится изъ Одессы.

Въ отношеніи къ заграничному сбыту хлѣбныхъ продуктовъ вообще, Египетъ, въ настоящее время, уступаетъ первенство не только Южной Россіи, но и дунайскимъ княжествамъ. Нельзя однако не принять въ соображеніе, что съ водвореніемъ внутренняго благоустройства земледѣліе можетъ значительно распространиться въ этой плодородной странѣ, и что Египетъ, по своему географическому положенію, гораздо ближе черноморскихъ и дунайскихъ портовъ къ тѣмъ рынкамъ, которые въ настоящее время снабжаются оттуда хлѣбными припасами.

О вывозѣ хлѣба изъ другихъ странъ Сѣверной Африки, прилежащихъ къ Средиземному Морю, - пять новѣйшихъ достоверныхъ свѣдѣ-

ний: известно только, что некоторое количество хлебных продуктов вывозится из Туниса большою частью в Мальту, а из Марокко, до временамъ, случаются отправки хлеба въ соседственные порты Пиринейскаго полуострова, въ Гибралтаръ и въ Англiю.

Обозрѣвъ ближайшіе къ Европѣ источники заграничнаго отпуска хлебныхъ продуктовъ, обратимся теперь къ Сѣверной Америкѣ, которая, въ послѣдніе годы, приобрѣла столь важное значеніе въ этой торговлѣ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, хлебопашество распространялось до сихъ поръ по мѣрѣ приращенія ихъ народонаселенія, которое тамъ быстро увеличивается отъ непрерывнаго прилива переселенцевъ изъ Европы. Въ 1790 году считалось въ Соединенныхъ Штатахъ около четырехъ милліоновъ жителей, а въ 1840 году, — когда была послѣдняя народная перепись, — число ихъ возрасло до семнадцати милліоновъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія посѣвы пшеницы занимали тамъ до 370,000, а въ 1840 году 1,740,000 десятинъ; съ 1790 до 1840 года урожай, потребленіе, и отпускъ пшеницы составляли слѣдующія количества.

	Собрано: пшеницы	Употреблено:			Вывозо верномъ и муком.	бушелей *
		на продо- вольствіа.	на посѣвъ, портъ око- ту и проч.	Вывозо верномъ и муком.		
Въ 1790 году	17,000000	10,700,000	1,550,000	4,750,000		
— 1800 —	22,000000	16,600,000	2,100,000	3,300,000	—	
— 1810 —	30,000000	22,880,000	2,800,000	4,320,000	—	
— 1820 —	38,000000	27,990,000	4,150,000	5,900,000	—	
— 1830 —	50,000000	39,125,000	4,800,000	6,175,000	—	
— 1840 —	80,000000	60,950,000	7,790,000	11,200,000	—	

Сборъ пшеницы, возраставшій съ умноженіемъ ея посѣвовъ, поступалъ почти исключительно на внутреннее потребленіе, которое отъ приращенія числа жителей, возрасло съ 1790 до 1840 года почти вшестеро (на 460%), между тѣмъ какъ вывозъ пшеницы увеличился безъ малаго вполтора раза (на 138%). Пропорція ея сбыта въ иностранныя земли составляла относительно внутренняго урожая въ 1790 году 28 процентовъ, въ 1800 15, въ 1810 14½, въ 1820 15½, въ 1830 12½, въ 1840 году 14 процентовъ. И такъ, въ теченіе сорока лѣтъ, эта пропорція почти не измѣнилась.

* Шесть бушелей равняется одной четверти.

Отпускъ пшеницы (зерномъ и мукою) претставлялъ чрезъ каждое десятилетіе съ 1800 года постоянное приращеніе, но исключивъ средній вывозъ съ 1800 до 1820 года и съ 1820 до 1840 года, по двадцатилетнимъ сложностямъ, и сравнивъ эти періоды съ послѣдующимъ пятилетнимъ (съ 1840 до 1845 года) находимъ, что значительнѣйшее приращеніе вывоза пшеницы и пшеничной муки относится къ этому послѣднему періоду.

Средній отпускъ.	Пшеницы.	Пшеничной муки.	Итого.
съ 1800 до 1820 года	33,864	794,743	828,609 четвертей
— 1820 — 1840 —	7,973	737,949	745,922 —
— 1840 — 1845 —	142,589	1,165,833	1,308,422 —

Этотъ выводъ показываетъ, что отпускъ пшеничной муки, равно какъ и пшеницы, уменьшившіяся въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, съ 1840 года увеличился, такъ что въ последнее пятилетіе отпущено пшеницы на 321% а пшеничной муки на 46% болѣе, чѣмъ въ первый періодъ. Нельзя не замѣтить ири томъ, что вывозъ пшеницы изъ Соединенныхъ Штатовъ, не смотря на значительное приращеніе его въ новѣйшее время, весьма маловаженъ въ сравненіи съ отпускомъ тамошней пшеничной муки и составляетъ ничтожное количество противъ вывоза пшеницы изъ разныхъ европейскихъ портовъ.

Обращаясь къ заграничному сбыту американской пшеничной муки, взглянемъ на распределеніе ея отпуска въ эти три періода. Въ слѣдующей таблицѣ количество муки показано бочками (въ 196 фунтовъ каждая) въ которыхъ она отправляется за море.

Средній отпускъ:	Въ 1800—20 г.	1820—40 г.	1840—45 г.	
Въ англійскія СѣвероАмериканскія Колоніи . .	42,796	95,878	257,710	боч.
— Вестиндію, Мексику и Южную Америку . .	414,060	612,831	734,203	
— Великобританію и Ирландію	154,394	111,692	244,788	—
— Францію	4,983	10,521	8,237	—
— Испанію и Португалію	226,222	9,795	—	—
— Разныя мѣста	111,238	44,821	145,823.	—
Итого . .	953,693	885,538	1,398,999	боч.

* На бочку пшеничной муки полагается пять бушелей пшеницы, а 6 бушелей ея составляютъ одну четверть. По этому расчету въ предъидущей таблицѣ показанъ вывозъ пшеничной муки четвертями вмѣстѣ съ цѣлѣнцєю.

Примѣчанія :

1. Вывозъ пшеничной муки въ англійскія сѣверо-американскія колоніи, постоянно возрастающій, составлялъ въ послѣднее пятилѣтіе, 18%, а въ первый періодъ только 4% всего отпуска.

2. Вестиндія, Мексика и южная Америка съ давняго времени служатъ главными истоками для сбыта муки изъ Соединенныхъ Штатовъ; вывозъ ея въ эти страны постоянно увеличивался. Онъ составлялъ въ первый періодъ 43%, а во второй 69% всего отпуска; но въ послѣдній періодъ эта пропорція уменьшилась до 52%, при усилившемся сбытѣ муки въ Великобританію и другія мѣста.

3. Великобританія уже въ первомъ періодѣ снабжалась пшеничною мукою изъ Соединенныхъ Штатовъ, по временамъ, въ немаловажномъ количествѣ; на примѣръ: въ 1801 г. отпущено туда 479,720 боч., въ 1807 г. 323,968, а въ 1817—18 г. 1,096,131 боч... Съ двадцатыхъ годовъ, рѣдко вывозилось болѣе 100,000 боч., а въ теченіи всего втораго періода только въ 1831 г. отпущено необыкновенно большое количество муки 379,430 боч. Въ послѣдній періодъ самый значительный отпускъ, въ 1840 г., доходилъ до 620,919 боч., а въ остальные годы былъ не свыше третьей доли этого количества. Вообще вывозъ пшеничной муки изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію, при тамошнемъ законѣ о пошлинахъ съ иностраннаго хлѣба, подвергался чрезвычайнымъ колебаніямъ. Отпущено:

Въ 1800 г. 172,815 боч.	Въ 1815 г. 104,855 боч.	Въ 1830 г. 32,782 боч.
— 1801 — 479,720 —	— 1816 — 5,572 —	— 1831 — 879,430 —
— 1802 — 208,744 —	— 1817 — 706,601 —	— 1832 — 25,958 —
— 1803 — 203,127 —	— 1818 — 389,530 —	— 1833 — 22,207 —
— 1804 — 7,140 —	— 1819 — 51,847 —	— 1834 — 19,687 —
— 1805 — 36,753 —	— 1820 — 171,772 —	— 1835 — 5,376 —
— 1806 — 127,619 —	— 1821 — 94,541 —	— 1836 — 161 —
— 1807 — 323,958 —	— 1822 — 12,096 —	— 1837 — — —
— 1808 — 2,922 —	— 1823 — 4,252 —	— 1838 — 8,295 —
— 1809 — 159,741 —	— 1824 — 70,773 —	— 1839 — 167,585 —
— 1810 — 92,136 —	— 1825 — 27,272 —	— 1840 — 620,919 —
— 1811 — 38,183 —	— 1826 — 18,355 —	— 1841 — 208,984 —
— 1812 — 28,429 —	— 1827 — 53,129 —	— 1842 — 208,024 —
— 1813 — — —	— 1828 — 23,250 —	— 1843 — 19,439 —
— 1814 — — —	— 1829 — 221,176 —	— 1844 — 167,296 —

4. Отпускъ пшеничной муки во Францію всегда былъ очень неостоятеленъ и незначителенъ; самое большое количество муки, свыше

50,000 боч., отпущено въ 1830 г. (56,590), въ 1832 г. (77,161 боч.) и въ 1840 г. (73,925 боч.)

5. Въ Италію и Португалію, до 1817 г. вывозилось, почти ежегодно, болѣе 100,000 боч. муки, и по временамъ отпускъ ея туда былъ значительнѣе, чѣмъ во всѣ другія страны; напримѣръ: въ 1811 г. отпущено 835,179 боч., въ 1812 г. 938,944, въ 1813 г. 972,560 бочекъ. Послѣ 1817 г., сбытъ пшеничной муки въ Испанію и Португалію почти совершенно прекратился, по случаю стѣсненія ея привоза тарифными постановленіями.

И такъ въ теченіе сорока пяти лѣтъ отпускъ пшеничной муки изъ Соединенныхъ Штатовъ поддерживался возрастающимъ ея употребленіемъ въ Америкѣ, между тѣмъ какъ система пошлинъ съ иностраннаго хлѣба, введенная въ западной Европѣ, препятствовала тамъ сбыту американской муки, заставляя, въ случаѣ нужды, выписывать пшеницу изъ ближайшихъ странъ, для скорѣйшей доставки подвозовъ.

Изъ слѣдующей таблицы можно видѣть какимъ значительнымъ колебаніямъ подвергался отпускъ пшеницы и пшеничной муки изъ Соединенныхъ Штатовъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ съ 1830 года.

	Пшеницы.		Пшеничной муки.	
Отпущено:	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.
Въ 1830 г.	45,289 буш. (1)	46,176 дол. (2)	1,227,434 боч.	6,132,139 дол.
— 1831 —	408,910 —	523,270 —	1,806,529 —	10,461,728 —
— 1832 —	88,304 —	93,500 —	864,919 —	4,974,121 —
— 1833 —	32,421 —	29,592 —	955, 68 —	5,642,002 —
— 1834 —	36,948 —	39,508 —	835,352 —	4,560,379 —
— 1835 —	47,762 —	51,405 —	779,396 —	4,394,777 —
— 1836 —	2,062 —	2,062 —	505,400 —	3,572,589 —
(3) (— 1837 —	17,303 —	27,206 —	318,719 —	2,987,269 —
(— 1838 —	6,281 —	8,125 —	448,161 —	3,603,399 —
— 1839 —	96,325 —	144,191 —	916,161 —	6,927,170 —
— 1840 —	1,720,860 —	1,637,483 —	1,897,501 —	10,143,615 —
— 1841 —	868,585 —	822,881 —	1,515,817 —	7,759,646 —
— 1842 —	817,958 —	916,516 —	1,283,602 —	7,375,356 —
— 1843 —	311,685 —	264,109 —	841,474 —	3,763,073 —
— 1844 —	558,607 —	500,411 —	1,438,603 —	6,759,488 —
Итого	5,059,220 буш.	5,104,625 дол.	15,679,806 боч.	89,097,251 дол.
Или	843,203 четв.	7,089,812 руб.	11,399,863 чет. (4)	123,135,071 р. с.

1) Шесть бушелей равняются одной четверти.

2) Долларъ въ 100 центовъ; 72 цента равны серебряному рублю.

3) Въ эти два года уменьшился отпускъ пшеничной муки и пшеницы, при высокихъ ея цѣнахъ по случаю неурожае въ Соединенныхъ Штатахъ.

4) На бочку пшеничной муки полагается пять бушелей или 62½ четвериковъ пшеницы.

Примѣчанія.

1. Весь отпускъ пшеницы и пшеничной муки, по пятнадцатилѣтней сложности, простирается до 12,243,066 четв., изъ которыхъ 6,527,113 четв. или 53% отпущено въ теченіе послѣдняго пятилѣтія.

2. Въ общемъ итогѣ отпуска, пшеничная мука составляла 93%, а пшеница только 7%; въ послѣднее пятилѣтіе, пропорція ея возрасла до 10%.

3. Отпущено пшеницы по пятнадцатилѣтней сложности 843,203 четв., въ томъ числѣ 712,949 четв. или 84%, въ теченіе послѣдняго пятилѣтія.

4. Годичный отпускъ пшеничной муки въ оба первые періода, за исключеніемъ 1830—31 г., ни разу не доходилъ до милліона бочекъ, а въ послѣдній періодъ почти ежегодно превышалъ это количество и по пятилѣтней сложности составлялъ 6,976,997 бочекъ. Въ общемъ итогѣ сложнаго отпуска за все 15 лѣтъ пропорція пшеничной муки, вывезенной съ 1840 до 1845 г., равнялась почти $\frac{2}{3}$ долямъ.

5. Въ послѣднее пятилѣтіе, среднія цѣны на пшеницу и пшеничную муку при отпускѣ за море были слѣдующія:

Пшеница.				Пшеничная мука.			
Въ 1840 году	7	рублей 92 коп.	за четверть	7	рублей 42 коп.	за бочку.	
— 1841 —	7	— 83 —		7	— 9 —		
— 1842 —	9	— 33 —		7	— 97 —		
— 1843 —	7	— — —		6	— 20 —		
— 1844 —	47	— 7 —		6	— 72 —		
Средняя цѣна	7	— 91 —		7	— 8 —		

Въ Соединенныхъ Штатахъ принято за правило, что пять бушелей ($6\frac{2}{3}$ четверика) пшеницы даютъ 196 фунтовъ или бочку муки. По этому расчету, средняя цѣна за четверть пшеницы, передѣланной въ муку, выходитъ почти 8 рублей 50 копѣекъ, и такимъ образомъ въ пользу мукомольныхъ заведеній остается около 60 копѣекъ серебромъ съ четверти пшеницы. Еслибы въ послѣднее пятилѣтіе, вмѣсто 6,976,997 бочекъ пшеничной муки, было отпущено изъ Соединенныхъ Штатовъ соразмѣрное количество пшеницы въ зернѣ, то весь отпускъ ея, по средней цѣнѣ, составлялъ бы въ сложности 45,990,000 рублей серебромъ, между тѣмъ какъ пшеничной муки вывезено на 48,334,830 рублей серебромъ и слѣдовательно за передѣлъ пшеницы въ муку приоб-

равно 2,344,000 рублей серебромъ или безъ малаго до 470,000 рублей серебромъ въ годъ, кроме выручки за пшеничные отруби, которые служатъ превосходнымъ кормомъ для скота.

Другая выгода отъ сбыта пшеницы, не зерномъ, а мукою, состоитъ въ прибыли, получаемой на фрахтъ, какъ видно изъ слѣдующаго расчета:

Обыкновенный фрахтъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англiю, доходитъ до 2 рублей серебромъ съ четверти пшеницы и до 1 рубля серебромъ съ бочки пшеничной муки. По этому, съ 1,000 четвертей пшеницы въ зерно приходится за фрахтъ до 2,000 рублей серебромъ, а если перемолоть это количество пшеницы, то съ полученныхъ изъ нея 1.200 бочекъ муки, придется заплатить фрахтовыхъ денегъ только до 1.020 рублей; слѣдовательно экономiя въ этомъ расходѣ составитъ до 80 копеекъ серебромъ на четверть.

Соединенные Штаты, передѣлывая пшеницу въ муку для заморскаго отпуска, пользуются важными преимуществами, въ отношенiи къ ея сбыту, предъ тѣми странами, которыя отпускаютъ свой хлѣбъ въ зерно. Мука продается дороже и охотнѣе покупается; плата за немоль остается въ пользу внутреннихъ производителей и они выигрываютъ также разность въ фрахтѣ. Напротивъ того, зерновой хлѣбъ сбывается труднѣе, тѣмъ болѣе, что къ цѣнѣ его прибавляются лишнiе расходы; передѣлка зерна въ муку за границею обходится дороже; какъ громоздкiй товаръ, онъ платитъ болѣе за фрахтъ и притомъ въ морскомъ пути портится отъ сырости и другихъ случайностей, тогда какъ мука, прочнымъ образомъ приготовленная, лучше сохраняется въ дальней перевозкѣ. Для страны, отпускающей хлѣбные продукты, отправление ихъ за море, не зерномъ, а мукою представляетъ существенную выгоду также въ томъ, что на перевозку хлѣба въ муку требуется меньшее число кораблей: Напримѣръ: подъ полтора миллiона четвертей пшеницы нужно употребить не менѣе тысячи кораблей въ сто ластовъ каждый, а такое же количество ея, передѣланное въ муку, составитъ до 1,800,000 бочекъ (въ 196 фунтовъ каждая) или 157,000 тоннъ, что равняется 78,750 ластамъ и слѣдовательно вмѣсто 1,000, требуется около 750 кораблей такой же величины.

Выгоды заморскаго торга пшеничною мукою, съ давняго времени обратили на эту промышленность вниманiе капиталистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Многочисленные и обширныя мукомольныя мель-

ницы возведены тамъ на высокую степень совершенства, и мука, возимая изъ тамошнихъ портовъ, приобрѣла, своею превосходною добротою, повсемѣстную извѣстность. Къ обезпеченію сбыта муки на иностранныхъ рынкахъ, установлены въ Соединенныхъ Штатахъ строгія правила для сортировки и бракованія этого товара при отпускѣ за море; на бочки, которыя должны быть извѣстной величины и содержать въ себѣ закономъ опредѣленное количество муки, налагаются клейма, означающія сортъ ея; вывозъ муки, признанной негодною къ заморскому отпуску, равно какъ въ бочкахъ, содержащихъ менѣе установленнаго количества муки, воспрещается. Эти мѣры конечно много способствовали къ утверженію кредита, которымъ нынѣ пользуется американская мука въ заморской торговлѣ.

Развитію отпуска пшеничной муки изъ Соединенныхъ Штатовъ благоприятствовала *во первыхъ*: близость къ нимъ тѣхъ иностранныхъ рынковъ, на которыхъ привозъ хлѣба не стѣсненъ тарифными постановленіями, и *во вторыхъ*: зависимость этихъ рынковъ отъ Соединенныхъ Штатовъ въ отношеніи къ продовольствію хлѣбными припасами, преимущественно мукою, ибо зерновой хлѣбъ, по недостатку въ тѣхъ мѣстахъ мукомольныхъ заведеній, не могъ бы находить тамъ удобнаго сбыта. Главные истоки для сѣверо-американской муки: Вестъ-Индія, Мексика, Бразилія и другія страны Южной Америки, находятся въ недалекомъ разстояніи отъ Соединенныхъ Штатовъ и самыя отдаленныя изъ этихъ рынковъ ближе къ тамошнимъ портамъ, нежели къ Европѣ. Въ Бразиліи и Вестиндіи, почти вовсе не занимаются воздѣльваніемъ пшеницы; оно также мало распространялось въ другихъ краяхъ Южной Америки, и англійская Канада не можетъ, въ этомъ отношеніи состязаться съ Соединенными Штатами, которымъ принадлежитъ большая часть удобнѣйшихъ для пшеницы земель на сѣверномъ материкѣ Америки. Такимъ образомъ для сбыта муки изъ Соединенныхъ Штатовъ, всегда были открыты такіе рынки, до которыхъ не достигало иностранное совмѣстничество въ этой торговлѣ.

Кромѣ пшеничной муки и пшеницы, Соединенные Штаты отпускаютъ кукурузу въ зернѣ и мукѣ; вывозъ оттуда ржаной муки, ржи, ячменя и овса, весьма маловаженъ. Средній отпускъ кукурузы и кукурузной муки, составлялъ: съ 1800 до 1820 года 244,381 четверть, съ 1820 до 1840 года 194,531, а съ 1840 до 1845 года 246,300 четвертей.

Необыкновенное оживленіе хлѣбной торговли въ 1846—1847 годахъ

по случаю неурожая хлѣба и картофеля во многихъ странахъ Западной Европы, способствовало чрезвычайному приращенію отпуска хлѣбныхъ припасовъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ 1-го сентября 1846 года по 31-е августа 1847 года. изъ тамошнихъ портовъ вывезено:

	Въ Великобританію и Ирландію.	Въ другія страны.	Всего.
Пшеничной муки и пшеницы	3,269,390	1,240,278	4 509,668 четв.
Кукурузы и кукурузной муки	3,341,645	451,264	3,492,900 —
Ржи	14,710	149,493	164,203 —
Овса	72,428	7,873	80,301 —
Ячменя	49,546	1,849	51,395 —
Итого	6,747,719	1,850,757	8,298,476 четв.

Изъ этой таблицы видно, что значительная часть отпуска пшеницы и кукурузы (въ зернѣ и мукѣ) направлялась въ Великобританію, которая въ прежніе годы никогда не получала изъ Соединенныхъ Штатовъ такой значительной пропорціи хлѣбныхъ припасовъ, и вывозъ ихъ оттуда никогда не доходилъ до такого огромнаго количества: съ 1840 до 1845 г. средній отпускъ пшеничной муки составлялъ только 1,305,422 четв., а въ 1846—47 г., на 245% болѣе; кукурузы и кукурузной муки отпускалось съ 1840 до 1845 г. среднимъ числомъ только 246,300 четв. въ годъ, а въ 1846—47 г. вывезено 3,492,909 четвертей.

Эта необыкновенная въ хлѣбной торговлѣ эпоха обнаружила избыточные средства Соединенныхъ Штатовъ къ снабженію западной Европы продовольственными припасами. Кромѣ пшеничной муки, которая и въ прежнее время доставлялась оттуда въ Европу, кукуруза сдѣлалась важною статьею отпуска изъ Соединенныхъ Штатовъ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ хлѣбъ, по случаю картофельной болѣзни, въ Великобританіи, сталъ отчасти замѣнять тамъ картофель въ народномъ продовольствіи.

Огромный вывозъ хлѣба изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1846—47 г. нельзя впрочемъ принять за мѣрило обыкновенной пропорціи тамошняго отпуска, точно также, какъ во вѣннской торговлѣ Россіи, 1847 годъ составлялъ исключеніе, по чрезвычайному вывозу хлѣбныхъ продуктовъ. Не останавливаясь на этой необыкновенной эпохѣ, тѣмъ бо-

ле, что въ обзорной хлебной торговле 1846—47 г. уже сообщены здѣсь сравнительные выводы о тогдашнемъ отпускѣ хлеба изъ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, мы обратимся къ предъидущимъ годамъ съ 1830 г. для взаимнаго сравненія отпусковъ пшеницы изъ обоихъ государствъ.

	Среднее количество отпуска	
	съ 1830 до 1840.	съ 1840—1846 г.
Изъ Россіи: пшеницы *	1,635,540	1,937,388 четв.
— Соединенныхъ Штатовъ: пше- ницы въ зерпѣ и мукѣ . .	571,595	1,305,422 —

По этому сравненію видно: 1) что въ первый періодъ (1830—40) годичный отпускъ пшеницы изъ Россіи, превышалъ отпускъ изъ Соединенныхъ Штатовъ на 186%, а въ послѣдній (1840—45 г.) только на 48%; и 2) что нашъ отпускъ увеличился въ послѣдній періодъ только на 18%, между-тѣмъ какъ приращеніе отпуска изъ Соединенныхъ Штатовъ составляло 128%.

Выгоды и удобства заморскаго торга пшеничною мукою благоприятствовали столь значительному ратвитію ея отпуску изъ Соединенныхъ Штатовъ, и доставили имъ возможность состязаться въ хлебной торговлѣ съ тѣми странами, которыя отпускаютъ за море пшеницу въ зерпѣ по сходнѣйшимъ цѣнамъ. По пятнадцатилѣтней сложности съ 1830 до 1845 г., цѣпность отпуска пшеничной муки и пшеницы изъ Соединенныхъ Штатовъ составляла 130,224,883 руб. сер. и по сложному количеству той и другой, средняя цѣна за четверть пшеницы въ зерпѣ выходитъ 8 р. 40 к., а въ мукѣ 10 р. 80 к. сер. Изъ Россіи въ то же время вывезено пшеницы на 139,390,635 р. сер. и въ нашемъ отпускѣ, средняя цѣна за четверть составляла только 5 р. 35 к. сер. По этому выводу можно бы заключить, что при дешевизнѣ пшеницы въ нашихъ портахъ, нѣтъ повода опасаться совмѣстичества Соединенныхъ Штатовъ въ заморскомъ ея сбытѣ. Напротивъ того, ближайшее изслѣдованіе обстоятельствъ этой торговли показываетъ, что пшеница, доставляемая оттуда въ Европу, обходится въ дорожке русской, и что Соединенные Штаты, отпуская хлебъ, бол-

* Здѣсь не включенъ отпускъ пшеничной муки, которая вывозится изъ Россіи въ небольшомъ количествѣ (почти исключительно въ Кавказіи по полю) и отъ того въ «Видѣхъ Торговли» не показывается особою статьёю.

шею частию въ мукъ, а не въ зернъ, пользуются важными преимуществами предъ Россією, въ заморскомъ сбытъ этого продукта.

Для сравнительнаго соображенія о цѣнахъ на пшеницу, изчислены въ слѣдующей таблицѣ, среднія цѣны, существовавшія въ черноморскихъ и балтійскихъ портахъ Россіи и въ портахъ Соединенныхъ Штатовъ, съ 1840 до 1845 г.

Среднія цѣны.	Пшеница въ портахъ.		Въ Соединенныхъ Штатахъ пшеница.	
	Черноморск.	Балтійск.	Въ зернѣ.	Въ мукѣ.
За четверть.				
Въ 1840 г.	6 р. 10 к.	9 р. 22 к.	7 р. 92 к.	8 р. 90 к.
— 1841 —	5 — 60 —	9 — — —	7 — 83 —	8 — 50 —
— 1842 —	5 — 53 —	8 — 67 —	9 — 33 —	9 — 56 —
— 1843 —	4 — 85 —	7 — 87 —	7 — — —	7 — 44 —
— 1844 —	5 — 60 —	7 — 65 —	7 — 47 —	8 — 6 —
Средн. цѣна	5 — 35 —	8 — 48 —	7 — 91 —	8 — 40 —

Изъ этой таблицы видно, что средняя цѣна пшеницы въ зернѣ въ Соединенныхъ Штатахъ слишкомъ на 7% ниже, чѣмъ въ балтійскихъ портахъ, и что четверть пшеницы, передѣланной въ муку, стоитъ въ Соединенныхъ Штатахъ не дороже средней цѣны, платимой въ балтійскихъ портахъ, за четверть того же хлѣба въ зернѣ. Если къ этимъ среднимъ цѣнамъ присоединить фрахтъ, напримѣръ до Лондона, составляющій въ обыкновенное время изъ нашихъ балтійскихъ портовъ отъ 1 рубля 25 копѣекъ до 1 рубля 75 копѣекъ, а изъ Сѣверной Америки отъ 1 рубля 75 копѣекъ до 2 рублей серебромъ съ четверти, то получимъ слѣдующую сравнительную стоимость пшеницы:

Изъ Балтійскихъ портовъ * около	9 р. 90 к.	до	10 р. 80 к.	сер.
— Соединенныхъ Штатовъ **				
въ зернѣ	9 — 66 —	—	9 — 90 —	—
— мукѣ	10 — 24 —	—	10 — 50 —	—

Этотъ выводъ показываетъ, что, въ настоящее время, для Англіи сходнѣе выписывать пшеничную муку изъ Соединенныхъ Штатовъ, нежели пшеницу изъ нашихъ балтійскихъ портовъ.

* Съ присовокупленіемъ таможенной пошлины въ Россіи по 6³/₄ коп. серебромъ и зандской пошлины около 10 коп. серебромъ съ четверти.

** Пшеница въ зернѣ и мукѣ отпускается изъ Соединенныхъ Штатовъ безъ пошлины.

Пшеница въ портахъ Южной Россіи гораздо дешевле, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ: разность въ еренихъ цѣнахъ, по таблицѣ позиціонной выше, составляетъ до 48 процентовъ; но эта дешовизна нашей пшеницы не обращается въ пользу ея сбыта, ибо фрахтъ и страховые расходы значительно возвышаютъ стоимость этого товара, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра.

За фрахтъ изъ Одессы до Лондона въ обыкновенное время, платится съ четверти пшеницы отъ 2 рублей 50 копѣекъ до 3 рублей серебромъ и страховыхъ $2\frac{1}{2}$ процента. * Сверхъ того, при отпускѣ изъ Одессы взимается таможенной пошлины и городскихъ сборовъ 10 копѣекъ серебромъ съ четверти. Считая среднюю цѣну, какъ показано въ таблицѣ, по пятилѣтней сложности съ 1840 до 1845 г., 5 рублей 23 копѣйки серебромъ за четверть, находимъ, что одесская пшеница съ упомянутыми расходами обойдется, въ Лондонѣ, отъ 8 рублей 6 копѣекъ до 8 рублей 56 копѣекъ серебромъ, слѣдовательно, она можетъ стоить отъ 15 до 20 процентовъ дешевле американской. Но эта выгода теряетъ свое значеніе, если принять въ расчетъ: *во-первыхъ*, что отъ расходовъ на перемолъ нашей пшеницы иностранными мельниками, возвышается цѣна приготовленной изъ нея муки; *во-вторыхъ*, что на доставку грузовъ изъ Одессы въ Англію и обратно нужно вдвое болѣе времени, чѣмъ на перевозку ихъ между Англіею и Нью-Йоркомъ; и наконецъ, *въ-третьихъ*, что обширная торговля Англіи съ Соединенными Штатами, по привозу и отпуску товаровъ, доставляетъ купецству возможность производить платежи за таможенную пшеничную муку, съ меньшими издержками, чѣмъ за одесскую пшеницу. Англіійскій купецъ, выписывая муку изъ Соединенныхъ Штатовъ, платитъ за нее векселями, которые покупаются тамъ для уплаты за товары, выписанные изъ Англіи, между тѣмъ какъ въ торговлѣ съ нашими черноморскими портами, по незначительному тамъ сбыту иностранныхъ товаровъ, пшеница покупается частью на звонкую монету, частью посредствомъ векселей на другія мѣста, отъ чего увеличиваются расходы на переводъ платежей. И такъ, принявъ въ соображеніе экономію на фрахтѣ, страхованіи и банкирскихъ издержкахъ, равно какъ и важный выигранъ во времени для оборота капитала, при выпискѣ пшеничной муки изъ Соединенныхъ Штатовъ, можно, кажется, допустить, что не смотря на

* Страховой преміи отъ Нью-Йорка до Лондона платится обыкновенно $1\frac{1}{2}$ процента.

сходнѣйшія цѣны за пшеницу въ нашихъ черноморскихъ портахъ, она едва ли можетъ продаваться въ Англіи гораздо дешевле американской пшеничной муки.

Въ настоящее время, когда совмѣстничество Соединенныхъ Штатовъ, по привозу хлѣбныхъ продуктовъ въ Англію, можетъ значительно уси- литься, въ слѣдствіе отмены тамошняго закона о пошлинахъ съ ино- страннаго хлѣба, — вопросъ о томъ, до какой степени возможно даль- нѣйшее приращеніе отпуска пшеницы изъ Соединенныхъ Штатовъ приобретаетъ особенную важность относительно заморскаго сбыта нашихъ хлѣбныхъ продуктовъ. Для изслѣдованія этого вопроса, мы воспользуемся свѣдѣніями и отчетами, собранными по порученію англій- скаго правительства Г. Дж. Макъ-Грегоромъ, и напечатанными въ коммерческой статистикѣ Соединенныхъ Штатовъ, представленный имъ парламенту въ 1846 году.

Въ отношеніи къ воздѣлыванію пшеницы, Соединенные Штаты мож- но раздѣлить на три полосы: къ первой принадлежатъ шесть штатовъ Новой Англіи, гдѣ начали сѣять пшеницу современіи основанія тамош- нихъ колоній; она воздѣлывалась тамъ съ достаточнымъ успѣхомъ, для обезпеченія нуждъ мѣстныхъ жителей, пока не распространилось хлѣбопашество въ Пенсильваніи, которая надѣлена болѣе удобными для пшеницы землями. Вторая полоса «пшеничная» отъ 35-го до 45-го гра- дуса сѣверной широты и отъ 5 градуса къ востоку до 15 граду- са долготы къ западу отъ Вашингтона, занимаетъ четвертую долю всего пространства Соединенныхъ Штатовъ съ ихъ территоріями, и бо- гата превосходными, еще нетронутыми, землями, которыя ожидаютъ обработки. Въ третьей полосѣ заключаются штаты, лежащіе къ югу отъ 35 градуса широты, въ которыхъ пшеница мало воздѣлывает- ся, частью по недостатку удобныхъ для нее земель, частью по причинѣ жаркаго для нее климата, который болѣе благоприятствуетъ тамъ про- изводству хлопчатой бумаги, сарачинскаго пшена, табаку и сахарнаго тростника. Къ северу отъ 45 градуса сѣверной широты продолжи- тельныя и суровыя зимы препятствуютъ значительному распространенію воздѣлыванія пшеницы, а къ западу отъ 15 градуса западной долготы простираются до Скалистыхъ горъ необозримыя равнины безъ лѣ- совъ и путей сообщенія, мало привлекательныя для колонизаціи, можетъ быть выгодныя для скотоводства, но не обвѣщающія вознагражденія за труды хлѣбопашца. Въ трехъ полосахъ, на которыя

раздѣляются Соединенные Штаты относительно производства пшеницы, число жителей, урожай, потребление и отпускъ этого хлѣба въ 1840 г. составляли слѣдующія количества.

	Пшеничная полоса.	Штаты, лежащiе отъ нея:		жит.
		къ востоку.	къ югу.	
Народонаселенiе.	11,317,666	2,234,822	3,510,078	
Урожай	73,000,000	2,000,000	5,000,000	бушел.
Употреблено на продо- вольствiе *	46,200,000	7,750,000	7,000,000	
Посѣвъ и прочее	7,190,000	160,000	400,000	
Отпущено: въ иностран- ныя земли	11,300,000	— —	— —	
Во внутреннiя мѣста . . .	8,310,000	— —	— —	
Привезено изъ пшенич- ной полосы	— —	5,910,000	2,400,000	

Изъ этой таблицы видно, что пшеничная полоса не только отпускаетъ пшеницу въ иностранныя земли, но и снабжаетъ восточные и южные штаты. Должно замѣтить, что въ некоторыхъ штатахъ этой полосы, напримѣръ: Нью-Йоркъ, Пенсильванiи, Делававъ, Мерилендѣ, Виргинiи, гдѣ пшеницу воздѣлываютъ съ давняго времени, остается мало свободныхъ земель; во многихъ округахъ почва сильно истощена и количество производимой тамъ пшеницы считается только достаточнымъ для внутренняго потребленiя. Она поступаетъ въ заграничный отпускъ большою частiю изъ штатовъ и территорiй, лежащихъ къ северу и къ западу отъ рѣки Огайо, впадающей въ Миссисипи. По отдаленности этого края отъ атлантическихъ портовъ, доставка пшеницы изъ мѣстъ на грузки къ этимъ портамъ, съ помощью всѣхъ существующихъ нынѣ естественныхъ и искусственныхъ сообщенiй, обходится не дешевле 45—50 центовъ съ бушеля или около 3 рублей 75 копѣекъ до 4 рублей 16 копѣекъ серебромъ съ четверти. Такая дороговизна провозовъ значительно возвышаетъ портовые цѣны, напримѣръ: въ Филадельфию, одномъ изъ главныхъ портовъ Соединенныхъ Штатовъ по отпуску хлѣба, средняя цѣна за четверть пшеницы съ 1831 до 1841

* На каждаго жителя полагается пшеницы: въ пшеничной полосѣ $4\frac{1}{2}$ въ восточныхъ штатахъ $3\frac{1}{2}$, а въ южныхъ только два бушеля; среднiй числомъ вообще $3\frac{1}{10}$ бушелей или $4\frac{1}{5}$ четверяка.

года составляла 10 рублей 75 копеекъ, а въ штатъ Огаіо, принадлежащемъ къ пшеничной полосѣ, средняя цѣна была, въ то же время, не свыше 6 рублей 50 копеекъ серебромъ. И такъ разность между портовою и внутреннею цѣною доходила до 4 рублей 25 копеекъ серебромъ на четверть. По мѣрѣ приращенія сбыта пшеницы, ея цѣны въ пшеничной полосѣ постепенно возвышались, что и поощряло къ распространенію тамъ хлѣбопашества. Съ 1821 по 1825 годъ пшеница въ Огаіо продавалась отъ 2 рублей 88 копеекъ до 3 рублей 37 копеекъ, а съ 1841 по 1846 годъ отъ 4 рублей 63 копеекъ до 6 рублей 8 копеекъ серебромъ за четверть. Если такія цѣны необходимы для вознагражденія издержекъ и трудовъ земледѣльца въ этомъ хлѣбородномъ краѣ, то при существующихъ расходахъ на доставку оттуда хлѣба къ портамъ, нельзя ожидать значительнаго пониженія портовыхъ цѣвъ. Напротивъ того, съ умноженіемъ внутренняго и заграничнаго сбыта хлѣба изъ пшеничной полосы, цѣны должны будутъ подняться отъ возвышенія стоимости земель, работной платы и другихъ хозяйственныхъ расходовъ, и сверхъ того увеличатся провозныя издержки, по мѣрѣ распространенія хлѣбопашества въ округахъ болѣе и болѣе отдаленныхъ отъ портовъ.

Нужды внутренняго продовольствія въ Соединенныхъ Штатахъ, способствовали, и впредь способствовать будутъ приращенію тамъ производства пшеницы, независимо отъ заграничнаго ея сбыта. Въ такомъ процвѣтающемъ государствѣ, какъ Соединенные Штаты, число потребителей земледѣльческихъ продуктовъ возрастаетъ гораздо быстрее, нежели число производителей: города, фабрики, торговля, судоходство и другіе промыслы болѣе и болѣе отвлекаютъ руки отъ земледѣлія. Хотя сельское народонаселеніе въ Соединенныхъ Штатахъ до сихъ поръ быстро возрастало, однако еще быстрее умножалось число городскихъ жителей и тѣхъ, которые промышленяютъ торговлю, рыбною ловлею, судостроеніемъ, судоходствомъ по Океану, рѣкамъ, озерамъ и каналамъ, и снискиваютъ себѣ заработки на фабрикахъ и заводахъ, въ рукодѣліяхъ и ремеслахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и другихъ общественныхъ постройкахъ. Сверхъ того, къ потребителямъ хлѣба въ южныхъ штатахъ принадлежатъ земледѣльцы, которые, не занимаясь хлѣбопашествомъ, работаютъ на табачныхъ, хлопчатобумажныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ. По отчетамъ о народонаселеніи за 1820 и 1840 годы, оно распределялось слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1820 г.	1840 г.	Приращеніе.
Общее число жителей	9,628,166	17,068,666	77 процентов.
Въ городахъ, нѣмецкихъ средне 10.000 жителей	750,810	1,328,937	128 ———
Число людей, занятыхъ въ земледѣліи	2,070,646	3,719,960	76 ———
— мануфактурахъ	349,506	791,749	126 ———
— торговлѣ	72,493	117,607	62 ———

Эти цифры показываютъ, что съ 1820 по 1840 годъ число рукъ, занятыхъ въ земледѣліи, возрасло на 76%, почти въ такой же пропорціи, въ какой увеличилось общее число жителей, между тѣмъ какъ городское народонаселеніе умножилось на 133%, а число людей, занятыхъ въ мануфактурахъ и торговлѣ возрасло на 115%.

Въ 1820 году средній урожай пшеницы съ 2.600.000 акровъ считался въ 38.000.000 бушелей, и за внутреннимъ расходомъ на продовольствіе, посвѣ и проч., отпущено въ иностранныя земли 5.900.000 бушелей (около милліона четвертей).

Въ 1840 году пшеничные посѣвы занимали 4.700.000 акровъ, средній урожай простирался до 80.000.000 бушелей, изъ которыхъ 68.700.000 бушелей поступило на внутреннее потребленіе, а 11.300.000 бушелей (около 1.900.000 четвертей) отпущено за границу.

Въ 1847 году считалось въ Соединенныхъ Штатахъ до 29.746.000 жителей, для продовольствія которыхъ, полагая до 3½ бушелей пшеницы на человека, нужно до 72.000.000 бушелей *. При изобильномъ урожаѣ пшеницы въ этомъ году, весь сборъ ея простирался до 114.245.500 бушелей (19.040.000 четвертей) Исключивъ изъ этого количества пропорцію, потребную на внутреннее продовольствіе и отчисливъ отъ урожая десятую долю на посвѣ, кормъ и проч., получимъ въ остаткѣ 30.209.955 бушелей или съ небольшимъ пять милліоновъ четвертей.

* Въ Англіи считается отъ 6 до 8 бушелей на каждого жителя; во эт пропорціи не можетъ быть принята за мѣрло потребленія пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ, ибо въ народномъ продовольствіи употребляютъ такъ много кукурузы ражъ и гречихи, особенно въ южныхъ и западныхъ штатахъ. Расчитано, что средній расходъ пшеницы въ южныхъ штатахъ составляетъ не болѣе двухъ бушелей на жителя, въ восточныхъ штатахъ до трехъ съ половиною, а въ пшеничной полосѣ съ небольшимъ четыре бушеля.

Это количество составляет едва ли не самый большой излишек, какой может остаться от изобильного урожая за удовлетворением внутренних нужд. Само собою разумеется, что в обыкновенные годы излишек должен быть гораздо меньше. По пропорции приращенія числа жителей въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1830 до 1840 г., изчислено, что въ 1850 г. народонаселеніе тамъ возрастетъ приблизительно до 22,000,000, на продовольствіе которыхъ потребно будетъ до 96,000,000 бушелей (около 16 миллионовъ четв.) Если пространство земель, засѣваемыхъ пшеницею, увеличится къ тому времени до 6,000,000 акровъ, то полагая средній ея урожай въ 20 бушелей съ акра *, весь сборъ составитъ 120 миллионовъ буш. (20 мил. четв.). За отчисленіемъ пропорціи, потребной на внутреннее продовольствіе и десятой доли на посѣвъ и пр., останется для отпуску только 12 мил. буш. или 2,000,000 четв.

Но этому приблизительному расчету слѣдуетъ заключить, что въ Соединенныхъ Штатахъ скорѣе можно ожидать уменьшенія, нежели приращенія избытковъ пшеницы. При быстромъ умноженіи городского народонаселенія и числа рукъ, употребляемыхъ въ мануфактурахъ, торговлѣ, судоходствѣ и другихъ промыслахъ, масса потребителей годъ отъ году тамъ увеличивается, тогда какъ дальнѣйшее распространеніе хлѣбопашества возможно только на обширныхъ, еще необработанныхъ пространствахъ западнаго края. Такимъ образомъ, съ одной стороны, возрастающія нужды внутренняго продовольствія стремятся къ сокращенію избытковъ пшеницы, а съ другой, цѣны ея, несмотря на распространеніе хлѣбопашества, должны возвышаться по мѣрѣ умноженія пшеничныхъ посѣвовъ въ западномъ краѣ, отдаленномъ отъ главныхъ центровъ ея сбыта.

До сихъ поръ воздѣлываніе пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ соразмѣрялось съ нуждами внутренняго продовольствія, а не съ требованіями вѣнчанной торговли; избытки для заграничнаго отпуску накоплялись только при изобильныхъ урожаяхъ. Если предположить, что въ видахъ на большой сбытъ пшеницы въ Великобританію, по случаю разрѣшенія тамъ свободнаго ввоза иностраннаго хлѣба, земледѣліе распространится нынѣ въ западныхъ штатахъ, то нельзя не при-

* Средній урожай положенъ до двадцати бушелей съ акра, отъ того что воздѣлываніе пшеницы можетъ распространиться впередъ всего болѣе на плодородныхъ земляхъ, лежащихъ къ сѣверу и западу отъ р. Огайо

нять въ осоображеніе, что дальній провозъ оттуда къ атлантическимъ портамъ, сильно возвышая тамъ стоимость пшеницы, должны будутъ наконецъ ограничить заморскій сбытъ ея.

И такъ, заграничный отпускъ этого хлѣба изъ Соединенныхъ Штатовъ едва ли можетъ, современемъ, увеличиться въ столь значительной степени, чтобы отъ того могъ произойти ущербъ въ этой отрасли нашей торговли.

Привозъ съверо-американской пшеницы и пшеничной муки въ западную Европу поддерживается нынѣ тѣмъ, что расходы на доставку туда зерноваго хлѣба изъ черноморскихъ портовъ значительно возвышаютъ его цѣну, и притомъ Россія, отпуская пшеницу въ зернъ предоставляетъ Соединеннымъ Штатамъ пользоваться отъ сбыта пшеничной муки, выгодами, которыя существенно облегчаютъ этой странѣ совмѣстничество съ нашими портами въ хлѣбной торговлѣ. Нынѣ, при всѣхъ удобствахъ водяной и сухопутной коммуникаціи въ Соединенныхъ Штатахъ, пшеница, доставляемая изъ внутреннихъ мѣстъ, къ тамошнимъ портамъ, обходится около 50% дороже той цѣны, по которой этотъ хлѣбъ продается въ нашихъ черноморскихъ портахъ, при неудобной, сухопутной доставкѣ его туда изъ соседственныхъ губерній. Сокращеніе провозныхъ расходовъ, по улучшеніи путей, ведущихъ къ портамъ должно еще болѣе удешевить нашу пшеницу. Но этой экономіи въ издержкахъ на доставку къ портовымъ мѣстамъ, едва ли будетъ достаточно для того, чтобы наша пшеница могла, своею дешевизною, вытѣснить американскій хлѣбъ изъ портовъ западной Европы: мы видимъ выше, что привозимая туда изъ Соединенныхъ Штатовъ пшеничная мука обходится, съ провозомъ, немногимъ дороже черноморской пшеницы, хотя разность между цѣнами той и другой на мѣстахъ закупки составляетъ около 50%. Для приведенія этой отрасли нашей торговли въ выгоднѣйшее положеніе, еще нужно достигнуть экономіи во фрахтѣ и другихъ расходахъ, которые обременяютъ цѣну нашей пшеницы. Надежнѣйшимъ способомъ къ уменьшенію этихъ издержекъ будетъ отправленіе въ дальнія страны пшеницы не зерномъ, а мукою. Наше попечительное правительство уже лѣтъ десять тому обратило вниманіе капиталистовъ, сельскихъ хозяевъ и купечества на выгоды заморскаго отпуска пшеничной муки; для поощренія этого торга установило преміи, и старалось ознакоить оте-

чественныхъ производителей съ усовершенствованнымъ устройствомъ мукомольныхъ мельницъ. Однако до сихъ поръ, приготовленіе у насъ пшеничной муки остается въ своемъ первоначальномъ видѣ: она готовится только для внутренняго сбыта, не имѣетъ тѣхъ качествъ, какія отъ нея требуютъ для морской перевозки и для продажи на иностранныхъ рынкахъ. Отъ заведенія у насъ мукомольныхъ мельницъ, по образцу американскихъ, въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, откуда пшеница въ зернѣ отправляется къ внутреннимъ пристанямъ и портамъ, можно ожидать самыхъ выгодныхъ послѣдствій для нашей хлѣбной торговли и слѣдовательно для сельскаго хозяйства вообще: приготовленіе въ томъ краѣ пшеничной муки способствовало бы къ сбереженію расходовъ, употребляемыхъ нынѣ на перевозку пшеницы въ зернѣ, отъ которыхъ цѣна ея черемъвно возвышается. Значительная экономія въ издержкахъ на провозъ и храненіе пшеничной муки, въ сравненіи съ пшеницею, удешевляя цѣнность ея на иностранныхъ рынкахъ, послужила бы къ умноженію сбыта этого хлѣба въ обработанномъ видѣ, и тогда представилась бы возможность выручать за пшеницу выгоднѣйшія цѣны на мѣстахъ ея производства.

Въ настоящее время, наступила самая благоприятная пора для открытія заграничнаго сбыта нашей пшеничной муки: Великобританія представляетъ ей обширный, постоянный рынокъ, гдѣ, однако, она должна состязаться съ американскою мукою, которая своею превосходною добротой уже приобрѣла тамъ успѣшнѣйшій сбытъ. Видны на отпускъ пшеничной муки въ Великобританію можетъ быть возбуждать у насъ предпримчивость помѣщиковъ и купечество къ устройству мукомольныхъ мельницъ по образцу американскихъ. Польза и важность этой фабрикаціи, самой свойственной нашимъ земледѣльческимъ губерніямъ, уже оцѣнивается просвѣщенными сельскими хозяевами. Одинъ изъ нихъ печатно высказалъ свои мысли о выгодахъ учрежденія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Южной Россіи мукомольныхъ мельницъ подобныхъ американскихъ *. Приводимое здѣсь разсужденіе его подкрѣпляетъ доводы, которые изложены выше, и заслуживаетъ вниманія, какъ отзывъ практическаго хозяина, въ дѣлѣ, касающемся земледѣльческихъ интересовъ.

* См. въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1847 года статью подъ эт. мѣ заглавіемъ, сообщенную однимъ полтавскимъ помѣщикомъ (безъ означенія имени).

«Некоторые внутренние и полудонные губернии Россіи, по отдаленности отъ портовъ Чернаго моря и затруднительности сообщеній, весьма рѣдко получаютъ за свои произведенія земан удовлетворительнымъ цѣны. При всемъ изобиліи этихъ произведеній, обеспечивающихъ первыя потребности жизни, въ тѣхъ губерніяхъ постоянно ощущается недостатокъ въ денежныхъ оборотахъ, препятствующій развитію ихъ благосостоянія.

«До тѣхъ поръ, пока губерніи Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская область, по недостатку народонаселенія, занимались болѣе скотоводствомъ нежели хлѣбопашествомъ, губерніи Курская, Воронежская, Харьковская, Полтавская и Кіевская, находили постоянный сбытъ для своихъ земледѣльческихъ произведеній; но съ 1849 года, съ умноженіемъ народонаселенія въ южныхъ губерніяхъ и распространеніемъ въ нихъ хлѣбопашества, мы лишились прежнихъ выгодъ, и теперь необходимо было-бы изыскать новый способъ къ продажѣ нашего хлѣба. Изобиліе нашихъ произведеній превышаетъ значительно мѣстную въ нихъ потребность. Число потребителей несоразмѣрно съ числомъ производителей; и какъ всѣ получаютъ съ земли однѣ и тѣже продукты, то кому же можетъ быть проданъ излишекъ? Хотя некоторые владельцы, пользуясь мѣстностью, могли завести у себя стадо овецъ, заняться разведеніемъ мясныхъ озянъ, воздѣлываніемъ свекловичны; но число ихъ такъ не велико, что масса народонаселенія мало отъ того выигрываетъ. Мы не скоро еще будемъ въ состояніи заводить фабрики, которыя, давая другое направленіе производительнымъ силамъ, могли бы дѣйствовать на возвышеніе цѣнности произведеній земан.

«И потому, не имѣя возможности рассчитывать на умноженіе числа потребителей, я полагаю, мы могли бы улучшить наше положеніе, изыскавъ способъ къ верному и правильному сбыту нашей пшеницы, которая, по климату и почвѣ земан, составляетъ одна изъ важнейшихъ предметовъ нашего хлѣбопашества.

«Не только помещики, но и весьма многіе крестьяне, сѣютъ пшеницу озимую и яровую. Полагая съ достовѣрностью, что губерніи Курская, Воронежская, Харьковская, Полтавская и Кіевская производятъ ежегодно въ средней сложности до 4 милліоновъ четвертей пшеницы, онѣ могли бы отпускать до 2 милліоновъ четвертей за границу. Но принимая въ расчетъ огромныя издержки на перевозку пшеницы къ пор-

тамъ Чернаго моря, протекающія отъ отдаленности оныхъ и недостатка средствъ сообщеній, торговля эта не можетъ представить никакихъ выгодъ и потому вовсе недоступна симъ губерніямъ.

«Лучшимъ средствомъ для отвращенія атой невыгоды, было бы производить отпускъ за границу пшеницы мукою. Не только издержки за перевозку къ пристанямъ уменьшатся вдвое, но и самое сохраненіе муки въ дорогъ и въ мѣстахъ складки гораздо удобнѣе; сверхъ того, мука занимаетъ на корабль вдвое менѣ мѣста нежели зерно, и потому фрахтъ за оную обходится гораздо дешевле.

«Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ заграничный отпускъ значительно бы усилился, если бы въ неурожайные годы въ южныхъ и западныхъ государствахъ Европы, мы могли отправлять туда муку вмѣсто зерна.

«Соединенные Штаты давно уже доставляютъ въ Европу большое количество муки. Пруссія начала тоже съ нѣкотораго времени вводить у себя этотъ родъ промышленности. Имѣя уже въ виду, что требованіе въ западной Европѣ на жизненные припасы, и особенно на пшеницу, должно непременно со временемъ увеличиться, мы могли бы извлечь для себя значительныя выгоды, найдя возможность войти съ другими государствами въ состязаніе на счетъ снабженія западной Европы этимъ необходимымъ предметомъ потребленія. Но состязаніе это для насъ останется всегда недоступнымъ, если мы будемъ продолжать доставлять одно зерно: только въ годы общаго недостатка будутъ къ намъ обращаться, и потому торговля хлѣбомъ не будетъ никогда постояннымъ источникомъ вѣрнаго дохода. Если бы южныя губерніи, сосѣдственныя съ портами Чернаго моря, находили для себя въ послѣдствіи времени выгоднымъ отпускать свою пшеницу въ зернѣ, то губерніи внутреннія несомнѣнно могли бы уравниваться съ ними этими выгодами, приготовляя, для заграничнаго отпуска, муку.

«Обратимся къ средствамъ, которыми можно было бы достигнуть этого результата.

«Такого рода промышленность недоступна одной частной предпримчивости, ибо она требуетъ слишкомъ значительнаго капитала; притомъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ условій въ такомъ предпріятіи должно быть надежное обезпеченіе для покупателей, что предлагаемый имъ продуктъ имѣетъ всѣ требуемыя качества.

«Изъ этого оказывается, что одна компанія акціонеровъ можетъ соединить оба эти условія. Для начала дѣйствій достаточно 4 милліона

рублей серебромъ, которые необходимы для всѣхъ первоначальныхъ работъ по предмету изслѣдованія мѣсть, удобнѣйшихъ для учрежденія мельницъ, выписки опытныхъ мастеровъ, устройства мельницъ, амбаровъ, — приобрѣтенія пшеницы и проч. Капиталъ этотъ можно составить изъ 4,000 акцій, опредѣливъ каждую въ 1,000 рублей серебромъ.

«Въ каждой изъ пяти губерній: Курской, Воронежской, Харьковской, Полтавской и Киевской, нужно устроить одну или двѣ въ большомъ размѣрѣ мукомольныя мельницы по образцу сѣверо-американскихъ или прусскихъ, такъ чтобы всякая мельница, была въ центрѣ округа отъ 300 до 400 верстъ діаметра, дабы съ удобствомъ и безъ большихъ издержекъ на перевозку можно было приобрѣтати потребное для перемола количество пшеницы.

«Компанія должна имѣть двѣ конторы, одну въ Одессѣ, а другую въ Керчи, для сношеній съ заграничными портовыми домами и для свѣдѣтельствванія муки, отправляемой въ конторы директорами мельницъ.

«Эти директора должны подлежать строгой ответственности за выборъ муки, посылаемой въ конторы, ибо весь успѣхъ такого предпріятія будетъ зависеть отъ довѣрія заграничныхъ покупателей. Строгая разборчивость и сортировка муки, назначаемой для заграничнаго отпуска, не можетъ стѣснить дѣйствій компаніи и уменьшить ея выгоды, ибо низшіе сорта муки могутъ всегда найти сбытъ внутренней».

Подобное предпріятіе было бы конечно, не менѣе выгодно въ такъ называемыхъ «низовыхъ» губерніяхъ, откуда пшеница въ зорнѣ, при заграничномъ требованіи, отправляется къ Санктпетербургскому порту, равно какъ и въ новороссійскомъ краѣ, который сбываетъ свою пшеницу чрезъ южные порты.

Водвореніе въ Россіи усовершенствованнаго мукомольнаго произведенія для заморскаго сбыта пшеничной муки, — посредствомъ ли компаній и товариществъ, или частными лицами отдѣльно, — требуетъ капиталовъ, трудовъ и опытовъ. Если у насъ являются достаточные капиталы на устройство обшнрныхъ бумагопрядиленъ, для которыхъ машины и мастера выписываются изъ за границы, то неужели болѣе трудностей встрѣтитъ въ нашихъ земледѣльческихъ губерніяхъ введеніе улучшенной обработки самаго цѣннаго ихъ продукта — пшеницы? Компаніи и товарищество существуютъ у насъ въ разныхъ отрасляхъ прядильной и ткацкой промышленности; но много ли такихъ фабричныхъ произве-

деней, которыя, по своей относительной важности, могут сравниться съ усовершенствованною фабрикаціею пшеничной муки?

Развитіе этой отрасли промышленности можно признать одною изъ существенныхъ потребностей нашей заморской хлѣбной торговли, въ которой пшеница занимаетъ первое мѣсто. Если бы открыть заморскій сбытъ пшеничной муки за границу изъ губерній, нынѣ отпускающихъ пшеницу въ зернѣ, равно какъ изъ тѣхъ, которыя не могутъ сбывать ее къ портамъ, по затруднительности и дороговизнѣ провоза, то Россія не только могла бы соперничать съ Соединенными Штатами, но современемъ, вѣроятно, удержала бы за собою перевѣсъ въ этой отрасли торговли: отпускъ пшеничной муки, умножая сбытъ пшеницы, поощрилъ бы къ распространенію ея воздѣлыванія какъ въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ и нынѣ она производится собственно для вывоза за границу, такъ и вообще во всей пшеничной полосѣ, которая, на пространствѣ между 46 и 51° сѣв. широты, изобилуетъ удобнѣйшими землями для производства этого хлѣба. Количество пшеницы, могущей поступать въ заграничный отпускъ изъ этой полосы, еще долго можетъ возрастать независимо отъ удовлетворенія внутреннихъ потребностей, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ избытки пшеницы, не смотря на распространеніе хлѣбопашества, могутъ скорѣе уменьшиться, нежели увеличиться; ибо внутренній расходъ пшеничнаго хлѣба возрастаетъ тамъ вмѣстѣ съ успѣхами народнаго довольствія и съ быстрѣйшимъ умноженіемъ городского населенія.

Обративъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ о хлѣбной торговлѣ особенное вниманіе на усилившееся въ ней совмѣстничество съ Россіею со стороны Соединенныхъ Штатовъ и Леванта, мы старались изыскать въ какой мѣрѣ оно возрасло и какія обстоятельства благоприятствовали его развитію. Чтобы опредѣлить, можетъ ли оно имѣть ощутительное вліяніе на заграничный сбытъ нашихъ хлѣбныхъ продуктовъ, нужно изслѣдовать предварительно, какъ великъ избытокъ ихъ въ Россіи и отъ какихъ условій зависитъ умноженіе запасовъ хлѣба, которыми она можетъ располагать для заграничнаго отпуску.

По приблизительнымъ вычисленіямъ, изложеннымъ въ статьѣ г. Протопопова «о хлѣбной торговлѣ въ Россіи» * . количество хлѣба, соби-

* См. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1842 г. № 3.

расаго въ Имперіи, — за исключеніемъ Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго и Закавказскихъ провинцій, — составляетъ до 250,000,000 четвертой, при обыкновенномъ урожае. Хлѣбъ, собираемый съ полей, не весь поступаетъ на продажу; большая часть его расходуется въ самыхъ хозяйствахъ. Первую статью такого расхода составляютъ овмена; нужное на этотъ предметъ количество определено г. Протопоповымъ въ 60 милліоновъ четв. Конечно не весь хозяева обываютъ собственными овменами; но число такихъ хозяйствъ незначительно. Онъ предполагаетъ возможность допустить по самой большой мѣрѣ, что изъ 60,000,000 четв., потребныхъ на посѣвъ, приобретается покупкою около 5,000,000 четв., остальные 55,000,000 замѣщаются изъ собственныхъ запасовъ. Вторая статья безденежнаго расхода хлѣбныхъ произведеній есть употребленіе ихъ самими сельскими хозяевами. По недавней ревизіи считается въ Россіи слишкомъ 20,000,000 мужскихъ душъ или 40,000,000 обоого пола. На продовольствіе ихъ со сметомъ, по расчету г-на Протопопова требуется 123,000,000 четв. И такъ все количество хлѣба, изъемаемаго изъ торговли въ годъ обыкновеннаго урожая, можетъ простираться до 178,000,000 четв. Запасы, составляющіе необходимый предметъ торговли въ обыкновенные годы, могутъ быть приблизительно распределены слѣдующимъ образомъ:

Приобрѣтаемые покупкою овмена	5.000,000 четв.
Слѣдующее на продовольствіе жителей, незанимающихся земледѣліемъ или не получающихъ отъ него полныхъ запасовъ, 14,000,000 душъ обоого пола	42,000,000 «
Употребляемые на винокурение и пивоварение	10,000,000 «
Итого	57,000,000 «

Совокупивъ частные расходы хлѣба, получимъ общую сумму его употребленія 265,000,000 четв. За тѣмъ остатокъ отъ средняго урожая должно заключить въ себя до 15,000,000 четв. и за вычетомъ изъ этого количества двухъ съ половиною милліоновъ четвертой, составляющихъ по десятикратной сложности, средній остатокъ хлѣба за границу, въ остаткѣ будетъ до 12,500,000 четвертой.

«Остатокъ сей, говоритъ г. Протопоповъ, долженъ быть въ счастливые годы гораздо больше, но въ бѣдственные, когда опустошаются самыя благословенныя страны Россіи, хлѣба далеко не покрываетъ необ-

ходимых внутренних потребностей. Вотъ время, когда обращаются къ остаткамъ прежнихъ лѣтъ. Какъ велики могутъ быть такіе остатки? Историческія изысканія показываютъ, что съ 1790 г. по настоящее время, среднимъ числомъ приходился на девять лѣтъ одинъ годъ, въ который оказывался по всей Россіи общій недостатокъ въ хлѣбъ, таеъ, что для обезпеченія продовольствія нужно было прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Но положимъ, что независимо отъ сего, каждую всѣхнность отдѣльно постигаютъ въ этотъ періодъ частныя неурожая по мѣсяе двухъ разъ. Слѣдовательно, остатки могутъ быть накапливаемы только отъ семи лѣтъ; сумма такихъ остатковъ составитъ 87,500,000 четв. Мѣра эта слишкомъ недостаточна для удовлетворенія годовыхъ потребностей; но не должно забывать, что предъидущее исчисленіе возможнаго урожая выражаетъ низшую мѣру его и что въ самые бѣдотворныя годы мѣстами бываютъ урожаи порядочные. Слѣдовательно и тогда Россія получаетъ хотя половину обыкновеннаго обора. Достаточность хлѣба подтверждается самымъ дѣломъ. Въ хорошия помѣщичьи и даже весьма многія крестьянскія хозяйства имѣютъ запасный хлѣбъ. Въ городскихъ и сельскихъ общественныхъ магазинахъ, а еще болѣе въ торговыхъ складочныхъ мѣстахъ, хранятся всегда немаловажныя запасы. Какъ имъ тяжело были для Россіи 1833 и 1834 годы, а потомъ 1839 и 1840; но она и въ продолженіи ихъ продовольствовалась собственными средствами. Изъ за границы доставлено было въ 1833 г. 202,795 четв., въ 1834 г. 1.094,583 четв., въ 1840 г. привезено 204,496 четвертей. Какъ ничтожны такія пособія. Правда, потребление хлѣба, при неурожаехъ сокращается, но не болѣе какъ на одну треть противъ обыкновеннаго размѣра; слѣдовательно все еще требуются огромныя запасы, для обезпеченія внутреннего продовольствія.

Но внутренней торговлѣ нашей хлѣбныя запасы частью распределяются на самыя мѣстныя произведенія на продовольствіе городскихъ жителей, квартирующихъ войскъ и вообще на удовлетвореніе потребностей не земледѣльческаго класса, также идутъ на винокурение, частью же отправятся для окончательной распредѣлки на отдаленные рынки, именно въ тѣ мѣста Россіи, которые нуждаются въ постороннихъ запасахъ или же въ купкахъ заграничнаго отнуса.

Главный предметъ хлѣбной торговли составляютъ запасы, собираемые на степныхъ рынкахъ. Внутри Россіи важнѣйшимъ источникомъ для постепеннаго обода хлѣба изъ плодородныхъ ея губерній можетъ слу-

жить только северное пространство, гдѣ находятся одинадцать губерній съ народонаселеніемъ 10,000,000 душъ обоюго пола, въ числѣ коихъ 2,200,000 принадлежатъ къ городскимъ сословіямъ. Допустимъ, согласно съ мнѣніемъ г. Протопопова, что всѣ городскіе жители и другія не земледѣльческія сословія, равно какъ и нѣкоторые изъ поселитъ (примѣрно до 1,000,000 душъ) съ квартирующими тутъ войсками, продовольствуются привознымъ хлѣбомъ, и что сверхъ того требуются значительныя запасы овса на сухопутныхъ и водяныхъ сообщеніяхъ въ этомъ краѣ Россіи. Внутренній сбытъ хлѣба на остальномъ ея пространствѣ опредѣляется числомъ городскихъ жителей (слишкомъ 2,000,000), значительнымъ числомъ квартирующихъ тамъ войскъ, обширнѣйшимъ винокурениемъ, и наконецъ расходомъ запасовъ на пролегающихъ тамъ многочисленныхъ трактахъ. По этимъ соображеніямъ слѣдуетъ заключить, что масса хлѣба, подлежащаго мѣстному сбыту во внутреннихъ краяхъ, избыткающихъ и довольствующихихся собственными произведеніями, значительно превышаетъ количество запасовъ, сбываемыхъ на отдаленныхъ рынкахъ внутри государства.

Заготовка хлѣба на низовыхъ пристаняхъ для продовольствія С. Петербурга, Москвы, подмосковныхъ и северозападныхъ губерній, составляетъ важнѣйшую операцію во внутренней хлѣбной торговлѣ. Въ 1846 и 1847 годахъ, при чрезвычайныхъ закупкахъ хлѣба, по случаю требованія его для отпуска за море чрезъ С. Петербургскій портъ, все количество хлѣбныхъ припасовъ, заготовленныхъ на низовыхъ пристаняхъ, простиралось въ сложности до 16,000,000 четвертей или около 8 милліоновъ четвертей въ годъ. Въ обыкновенное время, когда нѣтъ видовъ на отпускъ хлѣба изъ С. Петербурга, годичная заготовка хлѣбныхъ припасовъ на этихъ пристаняхъ бываетъ не свыше шести милліоновъ четвертей. Это количество составляетъ значительнѣйшую часть торговыхъ запасовъ, перевозимыхъ внутри государства изъ мѣстъ, избыткающихъ хлѣбомъ, въ отдаленныя отъ нихъ мѣста, требующія востороннихъ подвозовъ. На остальномъ пространствѣ Имперіи, по недостатку сообщеній и по огромности разстояній, нѣтъ дѣятельнаго движенія хлѣбныхъ запасовъ изъ одного края въ другой, для мѣстнаго продовольствія. Но какъ многія губерніи пользуются водною коммуникаціею съ портами или удобствами сухопутной доставки къ нимъ продуктовъ, то значительное количество торговыхъ запасовъ хлѣба направляется преимущественно къ портовымъ мѣстамъ для заграничнаго

отпуска. Средній вывозъ хлѣба изъ Россіи по десятилѣтней сложности исчисленъ г. Протопоповымъ въ 2,500,000 четвертей, съ 1831 по 1840 годъ; въ послѣдствіи, именно съ 1841 до 1847 года., по шести-лѣтней сложности, средній вывозъ составлялъ до 3,000,000 четвертей, а въ 1847 году отпущено зерноваго хлѣба $10\frac{1}{2}$ милліоновъ четвертей.

«Если обратимъ вниманіе, говорить г. Протопоповъ, на изчисленіе запасовъ, отправляемыхъ изъ главныхъ пристаней, служащихъ исходомъ произведеній самыхъ изобильныхъ мѣстностей, и на изчисленіе запасовъ, привозимыхъ къ пристанямъ, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ запасы, получаемые цѣлымъ краемъ со стороны, то увидимъ, что только самыя значительныя пристани послѣдняго разряда превосходятъ, по привозу хлѣба, главныя наши порты. Изъ этого видно, какъ ошибаются тѣ, которые считаютъ сбытъ хлѣба за границу неимѣющимъ большаго значенія въ нашей хлѣбной торговлѣ. Они основываютъ свое мнѣніе на томъ, что отпускаемое за границу количество хлѣба слишкомъ мало въ сравненіи съ потребленіемъ его въ Россіи; но не всѣ потребляемые внутри запасы составляютъ предметъ торговли. Та часть ихъ, которая служитъ предметомъ промышленныхъ оборотовъ, весьма незначительна въ сравненіи съ потребляемымъ ежегодно количествомъ хлѣба, и увеличивается только въ неурожайныя годы».

Масса хлѣбныхъ запасовъ, обращающихся въ торговлѣ и посредствомъ ея приобретающихъ высшую цѣнность, можетъ значительно умножиться въ Россіи тогда только, когда облегчится въ ней торговое движеніе хлѣба, между изобильными краями, которые пользуются неодинаковыми способами сбыта, и малоплодными, не имѣющими одинаковыхъ удобствъ къ полученію хлѣба изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ продается за безценокъ. По затруднительности внутреннихъ сообщеній, цѣны на хлѣбъ въ различныхъ краяхъ Россіи чрезвычайно разнообразны и не могутъ быть уравниваемы передвиженіемъ торговыхъ запасовъ изъ мѣстъ изобилующихъ въ мѣста требующія подвозовъ: въ одно и то же время нѣкоторые края, нуждаясь въ хлѣбѣ, терпятъ отъ дороговизны, а другіе, имѣя хлѣбъ въ избыткѣ, сбываютъ его по такимъ цѣнамъ, которыми не вознаграждаются издержки и труды производителя. Недостатокъ въ однихъ губерніяхъ не имѣетъ никакого вліянія ни на цѣны, ни на сбытъ хлѣба въ урожайныхъ губерніяхъ; одни терпятъ

бѣе хлѣба, а другія съ хлѣбомъ. Въ 1843 году, при неурожаѣ въ Эстляндской губерніи рожь возвысилась въ цѣнѣ до 7 рублей и должно было разрывать привозъ хлѣба изъ за границы, между тѣмъ какъ въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской и Харьковской куль ржаной муки продавали отъ 1 рубля до 1 рубля 20 копѣекъ. Въ 1845 году, когда въ слѣдствіе неурожая въ псковской губерніи, четверть ржи въ Овечьемъ уездѣ доходила до 10 рублей серебромъ, въ Орлѣ и Мценскѣ, за 600 верстѣ отъ Опочки, этотъ хлѣбъ продавался по 1 рублю 40 копѣекъ и 1 рубль 50 копѣекъ за четверть; но промышленники не могли воспользоваться этою разницею въ цѣнахъ: одинъ край остался при своемъ дешевомъ хлѣбѣ, а другой—при совершенномъ недостаткѣ, который былъ облегчаемъ, по возможности, усиленными мѣрами правительства и жителей. Правильная соразмѣрность между цѣнами на хлѣбъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ и тѣми, какія существуютъ на отдаленныхъ отъ насъ рынкахъ, не можетъ установиться при нынѣшнихъ ограниченнхъ способахъ нашей хлѣбной торговли, а развитіе ея невозможно безъ усовершенствованія сообщеній: оно откроетъ обширнѣйшій и выгоднѣйшій сбытъ хлѣбу и тѣмъ отвратитъ одну изъ главныхъ преградъ, останавливающихъ у насъ улучшеніе сельскаго хозяйства.

Въ новѣйшее время, правительство, съ неусыпною заботливостію, приняло дѣятельныя мѣры къ усовершенствованію водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, и встрѣтило готовность частныхъ лицъ содѣйствовать капиталами къ скорѣйшему улучшенію путей и способовъ перевозки товаровъ на обширномъ протяженіи Россіи. Вопросъ о средствахъ для успѣшнѣйшаго достиженія этой благотворной цѣли возбуждаетъ нынѣ общее живѣйшее вниманіе. Въ запискѣ: *о причинахъ, препятствующихъ распространенію улучшеннаго сельскаго хозяйства и о мѣрахъ къ отвращенію сего неудобства*, представленной Государю Императору Г. министромъ государственныхъ имуществъ, при всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1846 годъ *, объяснено какія на выгодныя послѣдствія произтекаютъ для сельскаго хозяйства, этого главнаго источника народнаго богатства въ Россіи, отъ недостатка удобныхъ сообщеній, и очевидно доказана необходимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ, къ отвращенію встречаемыхъ ими затрудненій для

* Извлеченіе изъ этого отчета, вмѣстѣ съ вышеупомянутой запиской, напечатано въ декабрьской книжкѣ журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1847 годъ.

сбыта хлѣба, важнѣйшаго продукта нашего земледѣлія. — Сообщаемъ изъ этой записки заключеніе, въ которомъ изложены неудобства нынѣшнихъ способовъ сообщенія и выгоды, ожидаемыя отъ распространенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

«Въ отношеніи водяныхъ сообщеній, сравнительно съ другими государствами, мы гораздо бѣднѣе и притомъ въ теченіи шести зимнихъ мѣсяцевъ въ году, всѣ наши рѣки и каналы замерзаютъ и судоходство прекращается

«Главный водяной путь у насъ, безъ сомнѣнія, Волга, но и она имѣетъ свои неудобства: *во первыхъ*, удовлетворяетъ потребностямъ одной только сѣверовосточной части государства, мало населенной; *во вторыхъ*, вливается не въ море, которое бы соединяло насъ съ европейскими государствами, но такъ сказать въ большое озеро, окруженное народами болѣею частью хищными, полудикими, или невѣжущими надобности въ нашихъ сельскихъ продуктахъ; и *въ третьихъ*, если верховье ея и соединено посредствомъ каналовъ съ Балтійскимъ Моремъ, то движеніе судовъ отъ главныхъ пристаней вверхъ по теченію производится столь медленно, что на доставку хлѣба, напримѣръ изъ саратовской и симбирской губерній, нужно не менѣе года, такъ, что никакія выгодныя требованія иностранцевъ, въ теченіи лѣта объявленные, не могутъ быть иначе выполнены, какъ лѣтомъ будущаго года, т. е. по минованіи надобности въ хлѣбъ.

«Другіе водяные пути: Донъ и Двина ограничиваются не большою извѣстностію; Днѣпръ въ низовьяхъ пересѣкается порогами, а въ верховьяхъ судоходство по немъ доходитъ только до Могилева; большія пространства хлѣбородныхъ губерній между Волгою, Окою и Дономъ не имѣютъ почти никакого водянаго сообщенія; тамбовская и пензенская губерніи могутъ дѣлать сплавъ одинъ разъ въ году, первая по Днѣ, а послѣдняя по Сурь, во время половодія, продолжающагося около двухъ недѣль; губерніи курская, харьковская и нѣкоторыя другія, или вовсе не имѣютъ водяныхъ путей или должны дѣлать къ нимъ транспортировку на дальнія разстоянія.

«Недостатокъ водяныхъ нашихъ сообщеній происходитъ отъ физическихъ свойствъ страны, которыя самому искусству не ставятъ затрудненія, едвали преодолимыя. Европейская Россія есть совершенная равнина: отсутствіе горныхъ хребтовъ и беззащитность отъ вліянія прилегающихъ съ юго-востока сухихъ степей средней Азіи имѣютъ слѣд-

ствиемъ бѣдность воды, и не только препятствуютъ распространенію соединительныхъ каналовъ, но часто производятъ мелководіе и въ существующихъ судоходныхъ рѣкахъ.

«Въ отношеніи сухопутной перевозки мы имѣемъ огромное число людей, отвлеченныхъ отъ земледѣлія и занимающихся перевозкою; но эта перевозка, при обширныхъ пространствахъ нашего государства и при неудобствѣ дорогъ, ограничивается известными мѣстами и предметами болѣе или менѣе фабричнаго производства, по цѣнамъ недоступнымъ для хлѣбной промышленности. Въ 1846 году надлежало перевезти часть хлѣба изъ орловской губерніи въ полтавскую, для продовольствія государственныхъ крестьянъ; цѣна за перевозку на протяженіи 600 верстъ простиралась болѣе 4 рублей серебромъ съ четверти. За доставку въ Одессу хлѣба брали изъ Балты за 182 версты по 1 рублю 75 копѣекъ съ четверти, изъ Березовки за 80 верстъ по 1 рублю, то есть болѣе нежели втрое дороже противъ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ. Изъ Николая на разстояніи 320 верстъ нельзя было найти извозчиковъ за 3 рубля 50 копѣекъ съ четверти. Сгущеніе населенія и дороговизна фуража содѣлываютъ большія перевозки невозможными. Такъ, губерніи харьковская, черниговская и даже полтавская производили прежде преимущественно пшеницу, и доставляя ее въ Одессу, получали значительныя выгоды; въ послѣдствіи, съ заселеніемъ Новороссійскаго края, когда подводчики перестали находить свободныя пастбища и должны были платить за каждый клочокъ сѣна, малороссійскія губерніи не могли болѣе производить пшеницы и должны были по необходимости ограничиться рожью, къ ущербу своихъ выгодъ, которыми они въ прежнее время столь обильно пользовались.

«Въ настоящее время, сильныя мѣры, принятыя къ улучшенію путей, представляютъ видимые успѣхи, облегчающіе съ каждымъ годомъ административныя и коммерческія сношенія; но обыкновенныя пути, какъ бы они ни были улучшены, при огромныхъ нашихъ пространствахъ, не могутъ доставить удобствъ въ дешевомъ и скоромъ доставленіи большихъ тяжестей, каковы произведенія земли; ибо не говоря о цѣнности перевозки, превосходящей цѣну самаго хлѣба, нѣтъ физической возможности собрать столько подводъ, чтобы въ случаѣ экстреннаго требованія, двинуть отъ 2 до 9 милліоновъ четвертей на протяженіи 1.000 верстъ и притомъ, какъ это обыкновенно бываетъ, во время осени.

«И такъ ясно, что все неудобства нашей хлѣбной торговли и все невыгодныя отъ того послѣдствія для нашего сельскаго хозяйства происходятъ отъ огромныхъ разстоянй и, слѣдовательно, отъ затрудненй въ перевозкѣ. До сихъ поръ эти неудобства дѣйствовали на наше хозяйство весьма неблагопріятно. Но въ будущемъ представляются новыя обстоятельства, которыя должны или возвысить наше хозяйственное положеніе, если мы примемъ нужныя для того мѣры, или, въ противномъ случаѣ, лишить насъ послѣднихъ выгодъ, приобретаемыхъ отпускомъ хлѣба.

«На основаніи новаго тарифа Англій, порты ея вскорѣ будутъ открыты на всегда для привоза иностраннаго хлѣба. Нѣтъ сомнѣнй, что этому примѣру послѣдуютъ и другія мануфактурныя государства. Но въ то самое время, какъ совершается этотъ счастливый переворотъ для земледѣльческихъ государствъ, въ разныхъ частяхъ свѣта возникаетъ угрожающее намъ соперничество. Дунайскія княжества выпускаютъ ежегодно разнаго хлѣба до 900.000 четвертей; Египеть, въ самое короткое время, распространилъ производство пшеницы и выпускаетъ за-границу до 1.280.000 четвертей въ годъ, а нынѣ правительство тамошнее приступило къ огромнымъ сооруженіямъ на Нильской долинѣ, для обращенія сколь можно большаго пространства земли подъ пшеницу. Съ недавняго времени также начали отпускать хлѣбъ изъ Турціи чрезъ Салоники и изъ Венгріи чрезъ Фіумъ; но самое опасное соперничество угрожаетъ намъ со стороны Сѣверной Америки: втеченіи десяти послѣднихъ лѣтъ, производство пшеницы тамъ удвоилось; цѣна, въ Нью-Йоркѣ въ обыкновенное время не превышаетъ 6 рублей за четверть, фрахтъ и страхование одного квартера до Лондона стоитъ отъ 7 до 8 шиллинговъ дороже балтійскихъ фрахтовъ, но несравненно дешевле черноморскихъ, гдѣ напримѣръ за доставленіе изъ Одессы платятъ отъ 10 до 12 шиллинговъ съ квартера. Новая усиливающаяся эмиграція въ Сѣверную Америку изъ Ирландіи и Германіи, безъ сомнѣнй, еще болѣе умножитъ тамъ обработку полей и посѣвъ пшеницы, и Америка, съ увеличивающимися ежегодно каналами, желѣзными дорогами и купеческимъ флотомъ, вытѣснитъ насъ совершенно изъ хлѣбной торговли съ Англіею, если мы останемся въ настоящемъ положеніи. Этому, впрочемъ, содѣйствуетъ и самая Англія, обращая требованія свои за хлѣбомъ преимущественно въ тѣ государства, въ которыхъ тарифы благоприятствуютъ сбыту Англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій.

«При такой будущности для нашего земледѣлія, мы не можемъ оставаться въ бездѣйствіи; но должны употребить всю зависящія отъ насъ мѣры и усилія, чтобы немедленно устранить причины, препятствующія выгодному сбыту нашихъ произведеній, т. е. устранить неудобство разстояній и приобрести возможность доставлять въ порты хлѣбъ скоро и по цѣнамъ возможно дешевымъ. Въ этомъ случаѣ, мы не должны останавливаться ни въ какихъ пожертвованіяхъ и даже на займахъ. Заемъ, сдѣланный при возрастающемъ состояніи государства на предметы пре-производительные, есть благодѣяніе для успѣховъ промышленности и народнаго богатства. Англія, на устроеніе сообщеній своихъ посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, употребила 800 милліоновъ рублей серебромъ и столькоже имѣетъ въ виду на новые пути. Если въ Англіи, пространство 3,500 квадратныхъ миль (что равняется одной саратовской губерніи) устройство желѣзныхъ путей, найдено столь выгоднымъ, что тамъ не щадятъ для сего ни какихъ капиталовъ, то въ Россіи, устройство подобныхъ путей, по крайней мѣрѣ по главнымъ линіямъ сообщеній, по положенію государства, принесетъ несравненно болѣе выгоды, уничтоживъ разстоянія, которыя доселѣ составляли непреодолимую преграду для сбыта нашихъ произведеній и останавливали всякой успѣхъ въ развитіи нашего сельскаго хозяйства.

«Направленіе желѣзныхъ дорогъ не трудно указать: оно опредѣляется потребностью сблизить производителей или первыхъ продавцевъ съ покупателями, то есть съ Петербургомъ, Ригію, Либавою и Одессою.

«Губерніи, оставшіяся между главными желѣзными дорогами, подвозили бы на тѣже пути свои произведенія; движеніе ихъ и сосредоточіе въ торговыхъ пунктахъ указало бы тотчасъ потребность и естественное направленіе соединительныхъ или второстепенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

«Нельзя напередъ исчислить всѣхъ выгодъ, которыя извлеко бы сельское хозяйство изъ устройствъ желѣзныхъ дорогъ по главнымъ направленіямъ; довольно обратить вниманіе на слѣдующее:

«1) Торговля земледѣльческими произведеніями приобрести ходъ правильный и постоянный.

«2) Провозъ хлѣба сдѣлается дешевле и будетъ совершаться быстро и удовлетворять всѣ запросы, какъ внутри государства, такъ и въ портахъ.

«3) Прекратится колебаніе въ цѣнахъ; на мѣстахъ сбыта оны сдѣ-

ляются умеренные, а на мѣстахъ производства выше, следовательно земледѣлецъ получить слѣдующее ему вознагражденіе, лучшее поощреніе къ труду и усиліямъ хозяйства, а имѣнія приобретутъ цѣнность.

•4) Торговцы, не обогащаясь на счетъ производителей, стали бы получать справедливое вознагражденіе, увеличиваемое безъ риска и спекуляцій, единственно быстрымъ оборотомъ капиталовъ, которые, вмѣсто полтора года, стали бы обращаться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Причемъ хлѣбная торговля перестала бы быть монополіею немногихъ богатыхъ домовъ, но въ ней стали бы принимать участіе и небольшіе капиталы.

•5) Народное продовольствіе будетъ всегда обезпечено вѣрно, безъ огромныхъ пожертвованій правительства, почти всегда безвозвратныхъ.

•Наковецъ, 6) соперничество Сѣверной Америки будетъ для насъ безсильно. Пшеница, покупаемая въ изобильныхъ губерніяхъ, въ сложности 3 рубля серебромъ за четверть, могла бы съ перевозкою въ порты (полагая до 1,200 верстъ разстоянія) обойтись въ 5 рублей 70 копѣекъ. При такой цѣнѣ и при дешевизнѣ фрахта изъ балтійскихъ портовъ почти на половину противъ Сѣверной Америки, перевѣсъ останется на нашей сторонѣ, а въ случаѣ экстренныхъ требованій, балтійскіе порты будутъ имѣть рѣшительное преимущество, какъ по близости къ Европейскимъ портамъ, такъ по дешевизнѣ хлѣба и фрахта, и тогда-то мы достигнемъ главнѣйшей по положенію и потребностямъ нашего государства цѣли: возможности доставлять хлѣбъ для иностранныхъ покупателей скоро, по цѣнамъ дешевымъ и, слѣдовательно, для нихъ выгоднѣйшимъ».

Разсматривая движеніе хлѣбной торговли въ нашихъ портахъ, мы уже имѣли случай неоднократно указать на невыгодныя для нея послѣдствія отъ медленности, затрудненій и неудобствъ доставки хлѣба изъ внутреннихъ мѣстъ къ портамъ. Послѣ приведенныхъ здѣсь доводовъ, кажется, можно убѣдиться въ томъ, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ есть необходимое условіе для успѣшнаго развитія нашей хлѣбной торговли. Хотя въ дешевизнѣ провоза никакая желѣзная дорога не можетъ соперничать съ водяными путями, однако скорость и вѣрность доставки могутъ съ излишкомъ вознаградить за возвышеніе провозной платы по желѣзной дорогѣ *; при чемъ нельзя не принять въ

* Если допустить, что съ окончаніемъ С. Петербурго-М.сковской желѣзной дороги и съ продолженіемъ ея до Рыбинска, разстояніе отъ Рыбинска

соображеніе, что въ такомъ случаѣ капиталы, затрачиваемые на закупку хлѣба, будутъ обращаться гораздо живѣе, и что тогда только можетъ установиться естественная соразмѣрность между портовыми и внутренними цѣнами на хлѣбъ *.

Во внешней хлѣбной торговлѣ Россіи, пшеница, по количеству и цѣнности ея отпуска, составляетъ главную статью, и вывозъ ея постоянно возрастаетъ, между тѣмъ какъ отпускъ другихъ хлѣбовъ не увеличивается. До сихъ поръ наши балтійскіе порты не принимаютъ дѣятельнаго участія въ заграничномъ сбытѣ пшеницы, отъ того, что она доставляется къ нимъ изъ дальнихъ внутреннихъ губерній: надоставку ея оттуда нужно неменѣе года, и потому въ случаѣ требованія на этотъ хлѣбъ, нѣтъ возможности получить своевременно достаточные запасы его для отпуска изъ нашихъ сѣверныхъ портовъ. Одинъ только г. Петербургъ имѣетъ водяную коммуникацію съ низовыми губерніями, гдѣ пшеница воздѣлывается въ значительномъ количествѣ; но вывозъ ея чрезъ этотъ портъ весьма непостояненъ и только въ необыкновенный 1847 годъ возвысился до 520.000 четвертей. Такой отпускъ не соответствовалъ, впрочемъ, значительной заготовкѣ пшеницы на низовыхъ пристаняхъ: на 1846 годъ было куплено тамъ около 1,340,000, а на 1847 годъ до 2,250,000 четвертей, всего въ оба года почти 3,600,000 четвертей. При возникшемъ требованіи на пшеницу въ концѣ лѣта 1846 года, отпускъ ея изъ Санктпетербургскаго порта въ этотъ годъ былъ не свыше 51,000 четвертей, по незначительности мѣстныхъ запасовъ. Въ эту навигацію отправлено было изъ Рыбинска къ Санктпетербургу только 150,000 четвертей, но часть заимовала въ пути между Рыбинскомъ и Санктпетербургомъ. Значительныя закупки пшеницы для отпуска побудили купечество увеличить заготовку ея на 1847 годъ. Изъ 1,075,000 четвертей пшеницы, прибывшей въ Рыбинскъ до 15 іюля сего года, двинуто къ Санктпетербургу до 620,000 четвертей. Почти половину этого количества составляли прошлогодні запасы,

до Санктпетербурга сократится до 800 верстъ и что провозная цѣна будетъ не свыше 2½ копѣекъ серебромъ съ пуда на 100 верстъ, то съ четверти ирдется 1 рубль 60 копѣекъ или 5 рублей 60 копѣекъ ассигнаціями; изъ Рыбинска до Санктпетербурга, по водяному пути, обходится не дороже, тогда какъ цѣна доставки 4 рубля 60 копѣекъ ассигнаціями съ четверти (Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1847 года № 7).

* Смотри Жур. Мин. Государ. Имущ. 1847 г. № 7, стр. 86.

зимованіе между Рыбинскомъ и Нижнимъ Новгородомъ и частью въ самомъ Рыбинскѣ. Къ этимъ подвозамъ присоединилось до 200,000 четвертей пшеницы, зимовавшей на разныхъ верхнихъ пристаняхъ. Съ присовокупленіемъ 30,000 четвертей, оставшихся на зимовку въ С.-Петербургъ, все количество пшеницы, которое могло быть отпущено изъ этого порта, составляло до 850,000 четвертей. Изъ новыхъ подвозовъ отправлено за море только до 490,000 четвертей, остальные транспорты частью прибыли къ порту въ такое время, когда уже прекратилось заграничное требованіе, частью были задержаны въ пути мелководіемъ. Сверхъ того, значительное количество хлѣба зазимовало въ Рыбинскѣ, равно какъ на верхнихъ и нижнихъ пристаняхъ. Въ самомъ Санктпетербургѣ, къ концу навигаціи, осталось до 250,000 четвертей пшеницы, доставленной для отпуска. Эти цифры очевидно доказываютъ, что затруднительная коммуникація съ низовыми пристанями воспрепятствовала вывозу изъ Санктпетербургскаго порта такого количества пшеницы, какое было заготовлено на этихъ пристаняхъ въ слѣдствіе чрезвычайныхъ требованій на нее изъ за-моря. Препятствія, встрѣчаемыя торговцами, въ своевременномъ подвозѣ хлѣба, при нынѣшнихъ средствахъ доставки его отъ внутреннихъ пристаней къ Санктпетербургу, всегда будутъ стѣснять здѣсь развитіе хлѣбной торговли. Благопріятнѣйшей переменны въ ней можно ожидать только отъ сближенія этого порта съ низовыми губерніями посредствомъ желѣзныхъ дорогъ; тогда откроется тамошней пшеницѣ постоянный, значительный сбытъ въ порты сѣверо-западной Европы и въ такомъ случаѣ, вѣроятно, увеличится въ тѣхъ губерніяхъ воздѣлываніе этого хлѣба. При необыкновенныхъ закупкахъ пшеницы на 1847 годъ, всѣ низовыя пристани могли доставить не болѣе 2,250,000 четвертей, какъ для внутреннихъ надобностей, такъ и для отпуска за море, а въ 1846 году, когда еще не было въ виду требованій изъ за границы, все заготовленное на этихъ пристаняхъ количество пшеницы составляло не болѣе 1,340,000 четвертей. Последняя сумма не доходила даже до обыкновенной пропорціи годичнаго отпуска пшеницы изъ одного одесскаго порта. Въ 1847 году Одесса отпустила до 2,800,000 четвертей пшеницы, слишкомъ на полмилліона четвертей болѣе того количества, какое, въ этотъ необыкновенный годъ, было заготовлено на всѣхъ низовыхъ пристаняхъ. Въ губерніяхъ, которыя нынѣ сбываютъ тамъ

свою пшеницу, производство ея соразмѣряется только съ внутренними потребностями, но затруднительности ея сбыта за границу чрезъ Санктпетербургскій портъ; но съ открытіемъ этого истока, воздѣлываніе пшеницы въ нивовомъ краѣ можетъ усилиться для заморскаго ея отпуска, подобно какъ нынѣ этотъ хлѣбъ производится въ новороссійскихъ и соосѣднѣхъ губерніяхъ почти исключительно для вывоза изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ.

Въ настоящее время пшеница составляетъ главнѣйшую статью отпуска въ этихъ портахъ и по своей дешевизнѣ находитъ постоянный сбытъ на иностранныхъ рынкахъ. Въ обыкновенные годы, вывозъ ея простирается отъ 1½ до 2 милліоновъ четвертей: въ 1847 году, при чрезвычайномъ требованіи на хлѣбъ въ западной Европѣ, отпущено изъ нашихъ южныхъ портовъ 5 милліоновъ четвертей пшеницы. Такой значительный отпускъ сдѣлался возможнымъ только въ слѣдствіе необыкновеннаго движенія хлѣбной торговли въ 1847 году. Воздѣлываніе пшеницы въ южной Россіи, по пространству и качеству ея земли, удобной къ обработкѣ, конечно еще можетъ значительно увеличиться, такъ, что можно будетъ отправлять за море ежегодно гораздо болѣе того количества пшеницы, какое вывезено въ 1847 году; но для развитія ея отпуска въ столь обширномъ размѣрѣ, кромѣ постояннаго спроса на нее изъ за границы, необходимо облегчить доставку продуктовъ къ портамъ. При нынѣшнемъ состояніи сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній въ южной Россіи, едва-ли можно ожидать значительнаго приращенія въ отпускъ тамошняго хлѣба. Известный историкъ и статистикъ Новороссійскаго края, А. А. Скальковскій изчислилъ, что изъ 2,000,000 четвертей хлѣба, доставляемаго въ новороссійскіе порты изъ восточной и западной Россіи, не болѣе 500,000 четвертей приходитъ туда по Дону, Днѣпру и Днѣстру; остальное количество идетъ сухопутно, большею частію на волахъ. Чтобы поднять милліонъ четвертей надобно не менѣе 200,000 повозокъ или 400,000 воловъ. Предположивъ даже, что караваны дѣлаютъ два оборота, выходитъ, что 100,000 паръ должно употребить только на милліонъ четвертей, а на три милліона 300.000 паръ; такое число воловъ вѣроятно и было употреблено въ 1847 году. «Зная близко и западную и малую Россію», говоритъ г. Скальковскій, «мы скажемъ смѣло, что при настоящемъ состояніи скотоводства, дорогъ, пере-

правъ и водопоевъ, равно какъ и при частыхъ засухахъ, поражающихъ наши степи, не только 300,000, но даже 150,000 паръ воловъ для южной и западной Россіи добыть трудно, безъ отчаянныхъ усилій; говоримъ «отчаянныхъ», ибо на это количество должно считать 10% убытка въ скотъ и ни одного рубля чистой прибыли; никто еще не видалъ разбогатѣвшихъ чумаковъ; ихъ заработокъ или остается въ кабакахъ или поглощается немедленно надежемъ скота въ дорогъ или болѣзнію его по совершении двукратной повздки въ Одессу, Таганрогъ или Ростовъ. *

По соображеніямъ г. Скальковскаго, ежегодное производство всѣхъ родовъ хлѣба въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи должно составлять не менѣе 14,000,000 четвертей, ибо для края необходимо:

На продовольствіе народное не менѣе	9,000 000	четвертей.
— — лошадей —	1,000,000	— —
— Горячее вино и пиво до —	400,000	— —
— Посѣвъ и въ запасные магазины	2,000,000	— —
Отпускъ — —	1,500 000	— —
<hr/>		
Всего не менѣе	13,900,000	— —

Принимая цифру 14,000,000 четвертей всѣхъ хлѣбовъ за основную и самую правдоподобную мѣру плодовъ новороссійскаго и бессарабскаго хлѣбопашества, г. Скальковскій присовокупляетъ, что она весьма естественна даже по сравненію съ пространствомъ земли, удобной къ обработкѣ и, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ обрабатываемой: изъ 18,000,000 десятинъ такой земли не менѣе трехъ четвертей или хоть 12,000,000 десятинъ занято уже земледѣльцами; если положить что хотя 5,000,000—менѣе никакъ невозможно—обрабатывается для посѣва хлѣбовъ, то оно въ хорошій годъ можетъ дать до 30,000,000, а въ дурной до 15,000,000 четвертей; среднее число между ними, т. е. 22½ милліона четвертей, можно почитать истиннымъ, нормальнымъ количествомъ хлѣба, которое Бессарабія и Новороссійскій край легко, даже при общей грубости здѣшняго земледѣлія, могутъ производить и вѣроятно производятъ.—Г. Скальковскій приводитъ слѣдующую таблицу отпуска хлѣба въ двѣ эпохи, раздѣленные

* Смотри статью г. Скальковскаго: «Взглядъ на хлѣбопашество и хлѣбную торговлю въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи.» (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1848 года № 7.)

осмиллѣтнимъ пространствомъ времени, именно: въ 1839 и 1847 годахъ. Въ эти двѣ эпохи, весьма различныя между собою, отправлено было всѣхъ сортовъ хлѣба:

	Въ 1839 году.	—	Въ 1847 году.
Изъ Одесскаго порта	1,410,972	—	3,250,784 четвер-
— другихъ черноморскихъ пор-			
тахъ	172,359	—	375,632 ———
— Азовскихъ портовъ	571,936	—	1,941,263 ———
— Ростова на Дону	170,000	—	349,381 ———
— Дунайскихъ портовъ русскихъ	372,530	—	118,661 ———
По сухопутной бессарабской гра-			
ницѣ	3,441	—	31,911 ———
<hr/>			
Итого	2,741,288	—	6,268,635 четвертей.

Изъ этихъ двухъ цыфръ,—первой, изображающей весьма дѣятельную торговлю края, какъ говорится—въ обыкновенное время, а второй—въ эпоху всеобщаго неурожая и голода на западъ Европы, подобную бывшей въ 1817 году,—видно, что средняя пропорція хлѣба, могущаго быть отправленнымъ изъ новороссійскихъ портовъ, простирается до 4,000,000 четвертей. Сколько въ этомъ количествѣ собственно мѣстнаго хлѣба, сказать трудно, но не свыше половины, а иногда и гораздо менше.*

Въ этихъ изчисленіяхъ заключаются все роды хлѣба, между которыми, въ заграничномъ отпускѣ, важнѣйшее мѣсто занимаетъ пшеница. Для опредѣленія количества этаго хлѣба, которое южная Россія можетъ отпускать за границу, Г. Герсевичъ сообщилъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ слѣдующій приблизительный расчетъ: *

«Въ четырехъ новороссійскихъ губерніяхъ 332,000 помѣщичьихъ крестьянъ по послѣдней ревизіи. Считаютъ обыкновенно, что ревизская дуна обрабатываетъ на помѣщика отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 десятины, изъ которыхъ пшеница занимаетъ болѣе третьей части. Положимъ, что средній урожай, за исключеніемъ посѣва, четыре четверти съ десятины; окажется, что помѣщичьи имѣнія производятъ 968,000 четвертей пшеницы. Тѣже владѣльческіе крестьяне отъ себя продаютъ по всей въ-

* Смотри въ № 27 и 29 этой газеты за 1848 годъ статью Г. Герсевича подъ заглавіемъ: *О количествѣ хлѣба, которое можетъ отпускать южная Россія.*

роятности не болѣе двадцатой части—48,000. Колонисты могутъ производить сравнительно гораздо болѣе помѣщичьихъ крестьянъ. 95,000 колонистскихъ душъ обрабатываютъ 372,000 десятинъ, изъ коихъ половина пшеницы. Полагая тоже не болѣе 4 четвертей съ десятины, выйдетъ 744,000 четвертей. Государственные крестьяне, татары и другія вольныя сословія, въ числѣ 760,000, обрабатывая втрое менѣе земли противъ колонистовъ, произведутъ только отъ 1,000,000 до 1,800,000. Подольская, кievская и харьковская губерніи, земля войска Донскаго, Галиція отпускаютъ нынѣ по меньшей мѣрѣ, сколько весь Новороссійскій край, то есть 3,250,000, а вѣроятно гораздо болѣе. Итого 6,000,000 или 7,000,000. Это количество легко можетъ удвоиться въ продолженіе двухъ, трехъ лѣтъ, если бы заграничныя требованія поддержались. Въ такомъ случаѣ, общее число пахотныхъ полей, обрабатываемыхъ нынѣ подъ рожь, овесъ и ячмень, имѣющихъ мало цѣнности, обращены будутъ подъ драгоцѣнную пшеницу. Тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, насильственнаго—переходъ очень простой. Также произойдетъ и въ харьковской губерніи, которая станетъ сѣять преимущественно пшеницу и получать овесъ и ячмень изъ соседственныхъ, кукеркой и полтавской губерній, гдѣ эти хлѣба обыкновенно нипочемъ. Этого мало: каждый уѣздъ, каждая мѣстность, по указаніямъ расчета и опыта, станетъ сѣять то, что можетъ производить съ наибольшою для себя выгодною. Начало тому уже положено: херсонскій и одесскій уѣзды и крымскій полуостровъ сѣютъ очень мало ржи и овса получая то и другое, а равно и водку изъ Подолья. Подолье производитъ преимущественно озимую пшеницу; бердянскій уѣздъ красную, окрестности Таганрога арнаутку, Бессарабія кукурузу, потому что каждой изъ этихъ мѣстностей свойственно не только то или другое произрастеніе, но именно такой-то сортъ пшеницы преимущественно предъ другими. Опытъ научаетъ обитателей плодородныхъ участковъ, какой хлѣбъ имъ выгоднѣе сѣять; въ послѣдствіи научить онъ, безъ всякаго сомнѣнія, что пригоднѣе производить и въ другихъ полосахъ Новороссійскаго края, почитаемыхъ неплодвыми или гораздо менѣе плодородными. Такимъ образомъ, черезъ два-три урожайные годы, если бы требованія изъ за границы стали востоянно велики (что легко можетъ случиться, когда привозъ хлѣба въ Англію будетъ безпошлинный, и особенно если Франція, слѣдуя благому примѣру, уменьшитъ

пошлины) южная Россія может тогда отпустить отъ 10,000,000 до 15,000,000 четвертой пшеницы и прямо наводнить Европу.»

Изложивъ эти блистательные виды на развитіе сбыта пшеницы, г. Герсеговъ находитъ, впрочемъ, что они могутъ осуществиться не прежде какъ съ устроениемъ въ южной Россіи хорошихъ водяныхъ и сухопутныхъ сообщений. «Ни одна желѣзная дорога, говоритъ онъ, не сравнится съ чумачествомъ, самымъ патріархальнымъ средствомъ движенія на равнинахъ. За то въ сухое лѣто, въ мокрую осень и зиму, воловая доставка возвышается втрое и вчетверо (въ особенности, когда доставка требуется срочная) и будетъ постоянно возвышаться съ увеличеніемъ населенія. Перевозка на волахъ похожа совершенно на зимній путь, столь прославляемый кабинетными учеными, называвшими его когда-то природною желѣзною дорогою, свойственною одному русскому климату. Санный путь хорошъ и удобенъ только въ известную пору, въ началъ зимы, когда вновь выпавшій снѣгъ едва прикроетъ землю, и обозы двигаются въ маломъ числѣ. Воловая перевозка хороша и дешева весною, въ сухое время, когда новая, густая, трава даетъ вездѣ привальный кормъ, когда окружающая мѣстность— степь, гдѣ кормъ приходится даромъ; въ другое время санный путь и воловая перевозка становится очень дорога.» Если къ этимъ неудобствамъ присовокупить еще затрудненія въ наймѣ достаточнаго числа воловъ для перевозки всего количества хлѣба, какое можетъ быть отпущаемо изъ южной Россіи, то недостатокъ настоящихъ путей и средствъ сообщенія въ этомъ краѣ можно признать главною преградю, могущею остановить дальнѣйшее развитіе отпуска хлѣба изъ нашихъ южныхъ портовъ.

Обстоятельства этой торговли конечно примутъ благоприятнѣйшій оборотъ, когда устроится въ южной Россіи желѣзные дороги. Сооруженіе ихъ тамъ не представляетъ такихъ трудностей, какія встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ. Новороссійскій край— страна ровная и сухая, болотъ и топей въ ней нѣтъ и рѣкъ мало. Если желѣзные дороги уже признаны необходимыми въ центрѣ Россіи, гдѣ существуютъ водяные и шоссейные пути, облегчающіе перевозку товаровъ, то тамъ болѣе ощущается потребность въ этой усовершенствованной коммуникаціи на югъ, гдѣ хлѣбъ и другіе продукты могутъ быть перевозимы только сухопутно, гдѣ доставка ихъ становится часто невозможною по непро-

ходившимъ иногда дорогамъ и по недостатку мостовъ и переправъ * При пыльныхъ средствахъ перевозки товаровъ въ южной Россіи, хлѣбная торговля въ ея портахъ никогда не достигаетъ развитія, соразмернаго съ естественными способами этого края, самую природою назначеннаго для хлѣбопашества. Въ рядкую эпоху такого чрезвычайнаго требованія и такихъ высокихъ цѣвъ на хлѣбъ, какія существовали въ 1847 году, наши южные порты, конечно, могутъ отпустить значительныя количества хлѣба, накопленнаго въ урожайные годы; но обыкновенный отпускъ долженъ ограничиваться преимущественно тою порціею, какую возможно доставлять къ портамъ въ благопріятное для воловой перевозки время года, когда производители могутъ сбывать свою ишеницу по сходнымъ цѣнамъ. Въ другую пору, худшее состояніе дорогъ и недостатокъ въ рабочемъ скотѣ значительно возвышаютъ перевозную плату и тѣмъ останавливаютъ сбытъ ишеницы, если портовые цѣны недовольно высоки для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ на ея доставку. По дороговизнѣ, а иногда и по совершенной невозможности своевременнаго подвоза хлѣба къ портамъ, когда случается большое требованіе, возвышающее портовые цѣны, производители лишаются выгоднѣйшаго сбыта и тогда вынуждываютъ на цѣнахъ только торговцы, продающіе хлѣбъ изъ своихъ наличныхъ запасовъ. Очевидно, что такое положеніе хлѣбной торговли не можетъ благопріятствовать успѣхамъ хлѣбопашества въ южной Россіи.

Къ этимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, отъ недостатка въ томъ край удобныхъ сообщеній, присоединяются еще неудобства для хлѣбной торговли, зависящія отъ географическаго положенія нашихъ юж-

* Чтобы дать понятіе о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ такъ обремененъ въ весеннее и осеннее время, укажемъ на слѣдующій примѣръ, приводимый г. Герсвановымъ. «Рѣка Бугъ раздѣляетъ херсонскую губернію на двѣ части, на протяженіи 200 верстъ; на ней одинъ только мостъ и то наплавной. На большой дорогѣ изъ Вознесенска въ Елисаветградъ, близъ станицы Лысой-горы, въ Херсонской губерніи, течетъ въ оврагѣ ручей, незамѣтный въ теченіи всего года; но весной, заключенный въ крутыхъ берегахъ, онъ итчетъ быстро и сердито, сноситъ небольшой мостикъ, и прерываетъ всякое сообщеніе на три, четыре недѣли: въ это время нельзя переѣхать ни обводомъ, ни экипажемъ, ни даже просто верхомъ; паромъ нѣтъ, и перевозятъ только вѣшихъ на чолнокѣ.» (Одесскій Вѣстникъ № 23, 1848 года.)

ныхъ портовъ. Сбытъ главной статьи ихъ отпуска—пшеницы, на важнѣйшемъ для нея рынкѣ—Великобританіи, стѣсняется тѣмъ, что доставка туда пшеницы изъ этихъ портовъ, по отдаленности ихъ, требуетъ болѣе времени и расходовъ въ сравненіи съ провозомъ изъ Балтійскихъ портовъ и Сѣверной Америки. Черноморская пшеница должна всегда соперничать въ Великобританіи съ запасами пшеницы, навезенными изъ ближайшихъ нѣмецкихъ и балтійскихъ портовъ и съ америкаскою пшеничною мукою. Если нѣтъ въ виду крайней нужды въ хлѣбѣ, то портовые конторы обыкновенно приступаютъ къ закупкамъ черноморской пшеницы только тогда, когда цѣны ея довольно низки, такъ, что, по расчету времени и расходовъ на доставку ея въ Великобританію, она можетъ еще съ выгодой продаваться на тамошнихъ рынкахъ. Непосредственный отпускъ туда пшеницы изъ Южной Россіи значительно усиливается только при большомъ и продолжительномъ требованіи на этотъ хлѣбъ, а въ обыкновенное время пшеница, закупленная по сходнымъ цѣнамъ въ нашихъ южныхъ портахъ, свозится въ разные складочные порты Средиземнаго моря, для дальнѣйшаго отправленія въ другіе мѣста, по видамъ на выгодный сбытъ. Такой ходъ торговли долженъ будетъ измѣниться, когда устроятся въ Южной Россіи удобнѣйшія водяныя и сухопутныя сообщенія: усовершенствованіе ихъ, облегчая и ускоряя подвозъ продуктовъ изъ внутри края къ портамъ, во всякое время года оживитъ здѣсь хлѣбную торговлю; она будетъ тогда привлекать постояннѣйшія требованія на хлѣбъ изъ отдаленныхъ мѣстъ его потребления, пользуясь возможностью сбывать этотъ товаръ по сходнѣйшимъ цѣнамъ противъ тѣхъ, какія обыкновенно существуютъ на иностранныхъ рынкахъ, и въ такомъ случаѣ, для Южной Россіи не будетъ болѣе повода опасаться возрастающаго соперничества со стороны Сѣверной Америки и Леванта въ заграничной торговлѣ хлѣбомъ.

И—Ъ.

V.

К Р И Т И К А.

=

СКАЗАНИЯ РУССКАГО НАРОДА, собранныя И. Сахаровымъ.
Томъ второй: книги 5, 6, 7 и 8. Санктпетербургъ, 1849.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Послѣ долгаго бесплодія нашей литературы, какъ отрадно встрѣтиться съ дѣльною книгою, и особенно съ книгою, составленною человѣкомъ, вполне изучившимъ свой предметъ. Предъ нами лежатъ «Сказанія русскаго народа» господина Сахарова. Много ли у насъ подобныхъ книгъ? Въ то время когда всѣ вообще произведенія нашихъ юныхъ талантовъ обнаруживаютъ какое-то худосочіе фантазіи, господинъ Сахаровъ избираетъ такой обширный, такой живой и занимательный предметъ, именно богатую, сочную жизнь русскаго народа. Кто можетъ равнодушно встрѣтить подобный трудъ, который для всѣхъ насъ равно занимателенъ, который всѣмъ намъ такъ знакомъ, и гдѣ, при всемъ томъ, мы находимъ столько новаго и любопытнаго.

Жизнь русскаго народа, такая разгульная, безконечная пѣсня, которой звуки съ одной стороны плещутъ съ бурными волнами Чернаго Моря, съ другой разбиваются объ исполинскія громады льдовъ Сѣвернаго Океана; то мирно и стройно колыхнутся вдоль по нашей Волгѣ-матушкѣ, то медленно уносятся

надъ черными дремучими лѣсами.... Каждый звукъ, каждое слово этой чудной могучей пѣсни задѣваетъ особенную струну русскаго сердца, и мы съ равнымъ участіемъ прислушиваемся какъ къ самому грустному, заунывному напѣву ея, такъ и къ самому разгульному, буйному припѣву необузданнаго веселья.

Каждый изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ уже съ прошедшими судьбами отечества; всѣ мы болѣе или менѣе знаемъ политическую жизнь Россіи; но кто изъ насъ отважится сказать, что онъ знаетъ историческую жизнь *русскаго народа*; кто знаетъ какъ развивалась она и какъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ получала различный колоритъ. Кто знаетъ откуда взялись разные наросты нашей жизни; какъ очутились въ ней цѣлые слои совершенно чуждаго образованія; кто сказалъ изъ какихъ отечественныхъ бѣдствій и радостей вынесла она такія-то доблести, такіе-то недостатки. Да, конечно, всѣ мы не знаемъ ничего этого; и въ то время когда занятые чуждымъ міромъ мы смотримъ на жизнь русскаго народа какъ на самый обыкновенный поношенный армякъ, господинъ Сахаровъ сжался надъ нами, мгновенно сорвалъ съ глазъ нашихъ повязку: мы прозрѣли и увидѣли среди собою магическую книгу «Сказанія Русскаго народа». Открываемъ ее въ разныхъ мѣстахъ и замѣчаемъ—то самыя свѣжіе дагеротипные оттиски жизни русскаго человѣка, то такія-то тусклыя старинныя картины, въ которыхъ едмъ видѣются или татарскія сцены, или византійская непомѣрная роскошь, или древне-болгарскія торжища. Словомъ, жизнь русскаго народа—волшебный калейдоскопъ, въ которомъ при каждомъ новомъ поворотѣ появляется новая форма, новыя краски, новыя тѣни и оттѣнки.

Жизнь русскаго народа есть исторія, написанная самымъ живымъ, самымъ разнообразнымъ языкомъ, гдѣ повѣствованіе перенлетается съ заунывною лѣсною, веселою сказкою, причудливымъ гаданіемъ; гдѣ вы видите картины историческія, семейныя, и прочая.

Книга жизни русскаго народа имѣла множество изданій: въ каждомъ изъ нихъ мы замѣчаемъ какъ мудрствовали лу-

каво переписчики; вездѣ вы встрѣчаете много опечатокъ, погрѣшностей и пробѣловъ, много совершенно не разгаданныхъ мѣстъ, много вырванныхъ страницъ, много зачеркнутыхъ выражений, и при всемъ томъ это самая занимательная, самая магическая книга.

Въ жизни русскаго народа вы найдете то, чего не находите ни въ лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ. Изъ одной поговорки, изъ самой скромной, искаженной пѣсенки вы узнаете то, чего не зналъ самъ Несторъ съ своей братьей. Между тѣмъ до-сихъ-поръ мы не рѣшались извѣдать это широкое море русской жизни. Можемъ ли мы вѣрно и полно изобразить судьбы отечества, если не знаемъ ихъ вліянія на русскаго человѣка, каковъ онъ съ его разумѣніемъ вещей....

Сказанія русскаго народа, это наши саги, нибелунги, наши лѣ, и все что хотите.... это *тысяча и одинъ годъ* нашей жизни.

Но какъ приступить къ изученію такого обширнаго предмета, какъ раздѣлить его, такимъ образомъ, чтобъ никакая характеристическая черта не ускользнула отъ нашего вниманія? Господинъ Сахаровъ не задумался при этомъ. Онъ спокойно обдумывалъ планъ своего труда, исподоволь и тщательно собиралъ матеріалы, и наконецъ раздѣлилъ русскую народную жизнь анатомически, по своему послѣднему разумѣнію и самымъ практическимъ образомъ. Жизнь русскаго народа онъ разсматриваетъ какъ отдѣльный организмъ и тутъ начинается, какъ началъ бы каждый хорошій медикъ — съ языка, какъ показателя состоянія (здоровья) организма. Прочтите со вниманіемъ русскія пѣсни, присловья, сказанія, словарь Памвы Беринды, и вы опредѣлите сами, безъ помощи доктора, когда желудокъ русскаго народа варилъ хорошо, а когда дурно; когда языкъ русскаго народа былъ обложенъ, а когда чистъ, и изъ этого выведете заключеніе о исторической гигиенѣ русскаго человѣка.

Образованіе русскаго языка есть самый занимательный филологическій процессъ, какой когда либо существовалъ. Чтобы объяснить эту дивную смѣсь, необходимо множество пригготовительныхъ трудовъ, изъ которыхъ одна объяс-

нили бы историческія причины образованія нашего языка; другіе — мѣстныя, климатическія и чужеплеменные на него вліянія. Читая рядъ памятниковъ русскаго языка разныхъ столѣтій, вы замѣтите, что для познанія законовъ его развитія нужно имѣть необыкновенную эрудицію: съ одной стороны знаніе исторіи восточныхъ народовъ, ихъ характера и быта, съ другой знаніе финскаго міра, съ которымъ столкнулся міръ славянскій, и наконецъ опредѣленіе вліянія скандинавскаго и древне германскаго міра на нашъ русскій міръ. При томъ въ древнемъ славяно-русскомъ мірѣ отразились начала вѣрованій древняго Востока, древней Греціи и другихъ народовъ. Словомъ вѣрованія, понятія, обычаи, все это слилось и образовало то, что мы теперь называемъ Россією. И изъ такихъ-то разнородныхъ началъ образовался тотъ стройный, могучій языкъ, которымъ мы имѣемъ счастье выражаться въ настоящемъ случаѣ. Вы намъ скажете, что вопросъ о судьбахъ русскаго языка можно рѣшить гораздо проще, если вспомнимъ, что у насъ уже рѣшены «судьбы церковно-славянскаго языка». Правда ваша, но книга о судьбахъ церковно-славянскаго языка — миражъ въ области филологіи, одинъ изъ тѣхъ миражей, какіе бываютъ на великомъ сѣверномъ океанѣ, въ снѣговыхъ степяхъ Сибири или въ Сагарѣ: васъ обманываетъ ледъ, снѣгъ или песчаная бесплодная степь!

Не желая водить читателя въ лабиринтѣ славянской филологіи, мы лучше всего обратимся скорѣе къ дѣлу и познакомимъ его изъ книги господина Сахарова съ жизнью русскаго народа, начиная съ языка, съ чего угодно было начать и автору.

Прочитавъ заглавіе «Сказаній Русскаго народа» мы бросаемся съ жадностію на книгу, въ надеждѣ, что русскій народъ поразскажетъ намъ многое про свое житье-бытье: между-тѣмъ не тутъ-то было. Русскій народъ обращается *ко любознательному и благочестивому читателю* и говоритъ ему: «Читать, а не разумѣть, глупая рѣчь есть, мовить нѣкто отъ мудрыхъ. Аже великословный и во мовѣ широкій языкъ славянскій, любознательный читателю, любо оквитое

маеть зелецелье, не только з писмъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ, з Грепкаго нимъ претлумаченныхъ.....» и такъ далѣе. Но вижу что вамъ не нравится такое сказаніе русскаго народа, гдѣ вы не понимаете ни словъ ни смысла. Не отчаявайтесь, господинъ Сахаровъ зналъ, что васъ озадачитъ предисловіе издателя Памвы Беринды, который никогда не воображалъ, что будетъ имѣть дѣло съ чадомъ девятнадцатаго вѣка, и по этому господинъ Сахаровъ, желая дать вамъ возможность понять всю силу такого милаго языка, помѣстилъ сейчасъ послѣ этого предисловія цѣлый словарь: Какое вниманіе! Чтобы вы могли вполне понять страничку предисловія, вамъ прилагають вслѣдъ за нею 118 страницъ, если хотите, энциклопедическаго словаря.

Этотъ словарь, конечно, не характеризуетъ никакого народа, за то даетъ полное понятіе объ эрудиціи и книжномъ языкѣ нашего духовенства.

Вы хотите знать что такое акриды? Памва объясняетъ: *«трава, або зелье, котораго корень въ коло себѣ чмыхъ зелій смакъ притгаеть, вдычный до вкушенья и трвалый въ сытности есть; то жъ зри и пружіе; а пружи того жъ имени коники за подообразіе цвѣта и корене онаго зелья, а пружи единоименность зелію; гадъ птичныхъ различни рода»*. Эти объясненія конечно весьма достаточны для каждаго желающаго знать, какъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ толковали слово акриды.

Нашъ прекрасный аметистъ въ этомъ драгоценномъ словарѣ опредѣленъ очень удачно; это изволите видѣть: *«камень дорогой, яко поломень бардзо; въ горахъ находится ливійскихъ, на берегахъ морскихъ; ускромняетъ мощность въ нихъ и не допущаетъ того, кто его носить, съ памяти отходить»*. Какъ это ясно и просто!

Хотите знать о состояніи филологіи въ Россіи при Памвѣ, прочтите происхожденіе слова Кесарь: *«цесарь, выпоротокъ, отъ выпоротья матки з живота названъ есть, або отъ кудеровъ, отъ волосъ или косъ, съ которыми ся уродилъ, або же жолтымъ мѣлъ очи»*.

Лакомка и льстець тоже не укрылись отъ нашего лек-

сикнографа: первый опредѣленъ: «*полизачъ мисокъ, талерооъ (то есть тарелокъ), горпанаобъсець, чревообъсець, лдець, зти-овый, не повстгливий, збышній, жиру перебирающій въ пденью, ласый, который такъ на лакомы сдали, же и пальць облизу-етъ и талеръ лакомый на веты, и конфеты, жарлокъ, стра-ца, пьяница, утратникъ, тѣлесный, раскустный*». А вотъ и льстець, не знаю, узнаете ли вы его изъ слѣдующей де-финици: *тулакъ, волоцюга, зрайца, зводникъ (обманщикъ), который волочитъ для поживленя такъ, або змататцвоель, и з шалвирствоель, якимъ зельцованіель, зворожкніель, пре-лестникъ, мотачъ, здрайца*. Изъ этого видимъ, что во време-на оныя льстецамъ было не мало труда, чтобы получать полный дипломъ на этотъ почетный титулъ. То ли дѣло въ наше время, когда жизнь сдѣлалась проще и льстить стало гораздо легче!

Но самая большая статья посвящена Памвою ярости, которая по его опредѣленію есть: «*покудливость, починаю-щійся гнѣвъ, до гнѣву перхливость, сердитость*. Ярость подоб-на згрѣбу, запаленому, которое трудно и звалтовне загорит-ся, а рихло узааетъ: *гнѣвъ, подобенъ огню въ желъзѣ розкале-номъ, бо горячестъ его въ ніомъ долго есть и теплота его тѣра-етъ; рвеніе же подобно огню въ губцѣ скритуму и не явне рос-паляющемуся, а до чего приткнетъ все палить, и надъ обохъ горшее, должей горитъ не гаснучи; такъ и злость рвенія гнѣ-ву внутрь лежитъ утрафляючаа на помету; зри чревообяде-ніе*. Ярость и рвеніе, и прежде времени печаль старости наво-дитъ, запальчивость и заздрость уменьшаютъ дни, а збытнее старанье, старость предъ часомъ приводитъ».

Достовѣрно то, что Памва глубоко зналъ человѣческое сердце, и еще лучше зналъ, что такое ярость; и все это было ровно за два вѣка до появленія «теоріи и миники страстей» — вотъ что замѣчательно!

Послѣ этого позвольте намъ сказать нѣсколько словъ вообще о словарѣ Беринды, который открываетъ великую картину сказаній западно-русского народа. Беринда пред-принялъ составить алфавитный списокъ всѣмъ устарѣлымъ и чуждымъ словамъ, встрѣвающимся въ духовныхъ кни-

гахъ, и опредѣляетъ ихъ языкомъ русско-польскимъ. Но такъ какъ языкъ Беринды, сколько можно зацѣтитъ, вамъ очень понравился, то рекомендуемъ и классическое его предисловіе, изъ котораго сама усмотрите причины, побуждающія древняго лексикографа соорудить этотъ неоцѣненный трудъ, этотъ фаяростъ бѣлорусской рѣчи.

«Читать, а не разумѣть, глупая рѣчь есть; мовтъ иѣкто отъ мудрыхъ. Аже великосладный и во мовѣ широкій языкъ Славенскій, любомудрый читателю, любо оквитое маеть зельенше, не только з писмъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ, з Грецкаго нимъ претлумаченныхъ, але изъ божественное лтургїи и иныхъ таемницъ, которыя ся онимъ въ Великой и Малой Россїи, въ Сербїи, Болгарїи, и по инымъ сторонамъ отправуютъ; лечъ же трудность словъ и назвискъ нѣкоторыхъ, а иле отъ иныхъ языковъ съ потребности взятыхъ, до выразумѣня темныхъ, не мало въ собѣ маеть: за чымъ многіе з влаща, которыи не часто его заживаютъ, для не выразумѣня оныхъ, силы писмъ досконале не поймутъ и частокротъ малый з читаня относятъ пожитокъ. Тымъ розревнѣный будучы, мужъ побожный, духовной мудрости полный, блаженной памяти, Куръ Павво Беринда, Протосиггелъ Орону Іерусалимскаго, многимъ трудомъ и працею (которая се сама отъ себѣ окажетъ), з многихъ святымъ писмъ и языкомъ, набарзѣи отъ толкованїа преподобнаго Максима Святогорца, Мануила Рытора и иныхъ многихъ, назвиска рѣчїи и имена власныи, людей, горъ, пагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ, и разныхъ урочищъ, rozmaityхъ діалектовъ, Сирскаго, Халдейскаго, Еврейскаго, Латинскаго и власнаго нашего Славянскаго, вкоротцѣ вкупу агромадвяныи, рѣчивисто, нашимъ языкомъ Рускимъ, объяснилъ и маждое трудное слово выложилъ; до того, отъ бесѣдъ на Посланїя Святыхъ Апостолъ и Дѣянїа ихъ, святымъ Іоаномъ Хризостомомъ сложенихъ, рѣчи нѣкоторыи и нетлумачены, личбою до листовъ самой книги отсылаюмы, вписалъ (што знаѣ, читателю, гдѣ оную ма многихъ мѣсдахъ, въ той книжицѣ знайдемъ); тое всѣ Лексиконъ назвалъ, по Словеску Рѣченникъ, з по Латынѣ Дикціонарь, и за благословенїемъ церковначалниковъ, къ

упожитку любомудрымъ, набарзѣй спудеомъ, презъ друкъ (южъ тому лѣтъ 26) на свѣтъ выдалъ. Который Лексиконъ, яко есть потребный и пожитечный многимъ, съ того зрозумѣть латво, ижъ презъ той небарзо долгій часъ, такъ оскудѣлъ, же омыль гдѣ его видить борзо. Вядѣчи теды мы, убогїи иноцы, рѣчь потребную або оного знову отновить и потребующимъ выгодить, за вложенїемъ се нѣкоторыхъ, типомъ, з друкарни наше, слово въ слово, выдать постарали: абы и въ тыи оплаканыи наши часы, истинно православной святоѣ церкве сынове, читаня писмъ Славенскихъ (въ которыхъ, за ласкою Божою обфите збавенныхъ таемницъ и наукъ богословскихъ маемъ) незанетбываючи, охотнѣйшими до нихъ ставали и оттуль, якъ з широко-глубокого моря церковнаго, душезбавенный брали пожитокъ.

«И чогобы ся кто не домыслилъ въ той лексиконъ, якъ не зверцадло нѣякое, припатруючи, зъочить въ немъ ясный выкладъ, штобы колвекъ мѣлъ въ словахъ до понятя трудного.

«Прїими, любомудрый, благочестивый читателю, тую нашу охочую працу, вдячне; а до насъ ласковымъ застаючи, въ молитвахъ своихъ къ Богу, о нашихъ недостаткахъ, не забывай.

«Любви твоей, небесныхъ и земныхъ добръ, зычливый молитвенницы смиренный Іеромонахъ Іоиль Труцевичъ, игумень, со всею о Христѣ братїею, монастыря Кутевискаго».

Вторая не менѣ занимательная статья Сказанїй русскаго народа, это лексисъ, сирѣчь реченїя, въ кратць съ бранны и из словенскаго языка на простый русскїй діалектъ истолковали.

По нашему мнѣнїю, это уже роскошь: зачѣмъ для истолкованїя предисловія Труцевика помѣщать еще и литовско-русскїй словарь 1596 года Лаврентїя Зизанїя!

Но такъ какъ господинъ Сахаровъ хочетъ вполне исчерпать жизнь всероссїйскую, то нечего дѣлать, послушаемъ и Зизанїя, который, впрочемъ, не слишкомъ словоохотевъ. Самы вы рѣшите, можно ли быть до того скупымъ на сло-

ва, чтобы сказать о прекрасной миртѣ: «*мирта, мирсина, дерево есть въ Евлошеяхъ, котораго ягоды борзо смачны суть и тиснутъ изъ нихъ вино*». Это ужь слишкомъ скупо. А вотъ вамъ цѣлая естественная исторія: *Онокентавръ*, звѣрь некая, отъ головы яко человекъ, а отъ ногъ якъ осель, по словенску китоврась.—*Онокроталь*, птахъ, подобный кшталтомъ лебедви, который носокъ уложивши въ воду, гукитъ якъ осель; гупачъ, гуковище.—*Препруда*, порфира; порфира есть жолвь, albo рыба, которая съ себѣ пушаетъ шарлатный, то есть, багровый потъ. — *Уена*, есть звѣрь дикій, округный, который, пришедши до пастуховъ, притосовуетъ свой голосъ до человекъаго и перевыкаетъ имена пастушии, и на змордованыи псы нападиши, поидаетъ ихъ».

Какъ жаль, что до насъ не дошло предисловіе, вѣроятно находившееся при этомъ словарѣ еще въ концѣ шестнадцатаго столѣтія; оно объяснило бы намъ многое и въ особенности цѣль труда Зизаніи и причину его малорѣчивости.

Впрочемъ жалѣть нечего, передъ вами «Азбуковникъ», который вполне награждаетъ насъ за молчаливость Зизаніи.

Азбуковникъ богатѣйшее открытіе для нашей древней литературы. Азбуковникъ есть *сказаніе* о неудобъ понимаемыхъ рѣчахъ, иже не предложены на русскій языкъ, ихъ же древніи преводницы не удоволишася предложить на русскій языкъ».

Въ Азбучникѣ мы видимъ гораздо большее развитіе эрудиціи въ Сѣверной Руси. Въ немъ много новыхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ наукъ, которыя подвинулись впередъ значительно. На какой высокой степени стояла уже въ то время естественная исторія вообще, можно судить по слѣдующимъ статьямъ:

Анфраксъ, камень заго чернивъ образомъ блещася, обрѣтается въ Халкидонѣ Ливійстемъ, вже варицается Африкія; ноцію обрѣтають его, издалуче бо видѣти ся, акъ свѣча свѣтящася, или яко угль искрами меща, и по свѣту его шедше обрѣтають; но снмъ же кацѣми ризами обвить, блескъ его виѣ ризы сіаетъ. *Аспидъ*, есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота; а въ коей землѣ вчиняется, ту землю пусту чинитъ; живеть въ

горякъ каменныкъ, не любить же трубнаго гласа; видима по-стра водими цвѣты; а на земля не садятся, токмо на камени. Ободяды, пришедше обояти ю, копають яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются двомъ желѣзнымъ, и замазываются сундлитомъ и ставятъ у себя угліе горящее и разжигаютъ клеши. Еда бо заиграють въ трубы, тогда засвищеть, яко потрясется горѣ, и прилѣтѣтъ къ лиѣ и ухо свое положить на землю, и другое заткнетъ хоботомъ, и начинается битися. Человѣцы же, ухвативше её клешами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же сокрушаются клеши не одины, но двои и трои, в такъ сожжена клешами умираеть.

Апатисъ, камень аки синь есть, и сардоникъ нарицетоя, обрѣтають же его въ Скиѣхъ, имать же силу врачевну, испущаетъ сокъ, угрызения зминая и скорпиева помазуема сокомъ его, отгоняются.

Езгула, езгуя, есть злобравна суца, и народивши яйца, во нѣхъ птицъ гнѣзда полагаетъ, сама же своему гнѣзду не хранитель есть, но нѣмъ птицамъ отроды своя падаетъ, за несытость чрева своего не хоцетъ трудится у гнѣзда своего; но злокозненнымъ гласомъ подруга своего призываетъ на смѣшеніе.

Дельфинъ, звѣръ морской. Имуть же дельфины обычай: егда обрѣшутъ человекъ въ море далече отъ берега съмо и обоимъ волношею помѣтаема, подшедше, трупъ его милостивно направляютъ до берега, дабы отъ вкупѣродныхъ получили погребеніе. Отъ сего дельфина корабельницы проразумѣють тишину быти въ море; предъ тишиною бо играють дельфины въ море. Его же корабельницы вида играюща въ море возводятъ корабль отъ пристанища на морское плаваніе.

Дивій волъ, подобенъ видомъ волу, а хвостъ что у коня. Аще зацѣпитъ хвостъ за дерево или за камень, станетъ неподвижнымъ, не хотя ни единого власа погубити. Тоземце пришедше, отсѣкають хвостъ его мечемъ. Онъ же прежь жалѣя единого власа погубити, а потомъ и весь хвостъ оставляя, бѣжитъ. А сей бо разумъ имать власы беречи, наипаче безумныхъ брадобрицевъ Арменъ, и прочихъ подобныхъ нѣмъ. Отъ хвоста его исходитъ хоненъ, его же конямъ врасять хвостъ.

Единорогъ, звѣръ, подобенъ есть коню, страшенъ и необѣденъ, промежъ ушю имать рогъ великъ, тѣло его мѣдяно, въ рогѣ имать всю силу. И воегда гонимъ, возбѣгаетъ на высоту и ввержеть себя долу, безъ пакости пребываетъ, подружіа себя неимать, живеть 562 лѣта. И егда снѣдается свой рогъ вскрай

ноя, и отъ него возрастаютъ червь, а отъ того бываетъ звѣрь односторонъ. А старой звѣрь безъ рога бываетъ не слышитъ, епитѣеть в умираеть.

Иакнифъ, камень утершенъ есть, иже Клуномъ нарицетоя, обрѣтается во внутренней Варварин Спрійотей иже Скифою нарицуть страну ту всю сѣверскую; иже ту суть Готей давни. Ту убо внутри пустыни великія Скифин есть пропасть зело глубока, а человѣкомъ не видна, стѣнами бо каменными отовсюду ограждена есть, дабы съ горы прилѣпшу кому либо, аки со стѣны не можно дообрѣти дна добра той, отъ глубины во мракъ есть, аки пропасть нѣкая. Посылають же тамо оуменьицы видна отъ ближнихъ царей, да или сами изгибнуть, или Іакнифъ камень обрѣтше, прости будутъ. Пришедше же ювенцы тамо, заколають овца, изодраше кожу вышуть я въ пропасть добра тоя, и прилѣпаетъ камень Іакнифъ на мѣсѣхъ тѣхъ. Орли убо въ камень томъ живуще и на воюю мясную сходятъ въ пропасть, и возносятъ мясо со прилѣпившемся каменіемъ. И егда изѣдятъ орли мяса, каменіе остается въ верху горы. Оуменьицы же досмотрѣвше, гдѣ орли возносятъ мяса, и тутъ обрѣтають каменіе Іакнифъ. Имать же каменіе дѣйство: намещемо на угліе горяше, само неврежается, угліе же погашаетъ. Но вземъ кто камень той, и обвивъ плащаницею, держитъ надъ углями, то самъ отъ огня сожжетъ руку, плащаница же безъ вреда пребываетъ. Глаголють бо яко рождающимъ жеманамъ на потребу есть.

Каламандра, черви есть тако нарицаемы иже во огнѣ рожаются, въ огнѣ живутъ, и безъ огня не могутъ жити; а точать нити, аки шелкъ, въ нихъ тоземцы строятъ порты, ихъ же цѣна дражайшая паче всякія цѣны; тѣ же порты аще будутъ калны, нельзя ихъ мыти ни чимъ же, но поврещи ихъ во огонь, де ся разжуть, и тѣмъ пакы чисты будутъ.

Корнодилъ, звѣрь водный, хребетъ его аки гребень, хоботъ змиевъ, глава васлискова. А егда имать человекъ ясти, тогда плачетъ и рыдаетъ, а ясти не перестаетъ: а егда главу отъ тѣла оторвавъ, зря на нея плачетъ. Хоботомъ бьетъ на нихъ же разгивается. А егда заветъ, то вси уста бываетъ.

Пелсытъ, есть птица подобно журавлю, а творить себѣ гнѣздо на высокѣхъ дрѣвѣхъ, или камнѣхъ, или столбѣхъ, а клюетъ змій, и того ради змій враждуютъ на ню. И егда узрять ся отлетѣвшю отъ гнѣзда, тогда возмеза на древо и убиваютъ дѣти ея смертоноснымъ ядомъ. Она же видѣвши дѣти своя мерт-

за, ставши надъ ними, проклюкавъ ребра свои, испущаетъ изъ нихъ кровь свою, и кровію ея пакы оживляются птенцы.

Одонтоуранонъ, есть звѣрь велики великъ, яко слова цѣла поглотати можетъ, живеть на сушѣ и на водѣ въ Рахманехъ, за Индійскою страню.

Орель, птица. Глаголятъ бо яко Орель егда состарѣется, отягчаета очи ему, и ослабнеть; обрѣтъ же источникъ воды чистыя, и возлетитъ выспръ на воздухъ солнечный и жетъ крылѣ свои и мракоту очію своею, сандеть долу, и погрузится въ источникъ водѣмъ три краты и тако пакы юность приѣмлетъ.

Фениксъ, есть птица въ великой Индіи едино гнѣздо и не шитъ ни подружіа, ни чадъ, но сама во гнѣздѣ пребываетъ, нишу творитъ слетающе въ кедры Ливано, и тамо облетающе исполняетъ крылѣ свои благоуханіемъ. И егда состарѣется, возлетаетъ на высоту, и взимаетъ тамъ огня небеснаго, исходяще зажигаетъ гнѣздо свое ту и сама сгараетъ. И пакы въ пенеелъ гнѣзда своего заражается червемъ, и той червь бываесть птица. То бо ихъ нравъ и естество.

Послѣ естественныхъ наукъ первое мѣсто занимаетъ географія, которая также значительно подвинулась впередъ, что видно изъ словъ:

Анафнисъ, есть лѣсъ пустъ въ странахъ индѣйскихъ, въ немъ же растутъ яблоки, всѣми виды, а живутъ въ немъ дикіе люди, ниуще въ высоту локтей 24 и шею долгу.

Андрони, есть люди, живутъ въ африцкой землѣ, а держатъ мужскую и женскую плоть пополамъ, правыя груди мужскія, а лѣвыя женскія.

Астромове, есть люди, живутъ во индѣйской землѣ, а рта у нихъ, ни губъ вѣтъ, ни пьютъ, ни ѣдятъ, но точно носомъ дышаютъ, тѣмъ и живутъ.

Вретанія (Британія), есть островъ великъ, въ длину 1,000 верстъ, въ ширину 300, а живутъ въ немъ человѣцы 2 рода велика: 1, родъ Калидоне, 2, Меате. Градовъ и жилищъ не имутъ, но пребываютъ въ горахъ дивіахъ и поляхъ пустыхъ переходяше отъ мѣста на мѣсто, нази и не обулены, земли не дѣлаютъ, но питаются паствою воловою и овошіемъ; а царя надъ собою не имать.

Иподеки, есть люди, а живутъ въ татарской землѣ, надъ моремъ окіаномъ, главы у нихъ человѣчьи, а ноги, переднія и заднія конскія.

Пильмеи, есть зовомыи тако люди, живутъ въ индѣйской странѣ не велика ростомъ и не долговѣчны, жены ихъ родятъ дѣти въ пятый годъ отъ своего роду, а въ осьмой годъ состарѣются; ѣздятъ на колесницахъ и стрѣляютъ изъ лука.

Сисливида, есть островъ шарпаемъ тако, стоитъ въ океанѣ, въ пучинѣ индѣйской, въ немъ же обрѣтается камень іакинфъ; а въ долготу той островъ 300 поприщъ; на немъ стоитъ градъ Венеція. Въ семъ островѣ водворяется звѣрекъ Саламандра, ижъ во огнѣ скачетъ и огонь погашаетъ, а самъ небреженъ исходить. О немъ же въ золотой Цѣпи свисательно помянуто.

Тристаты, Египтяне писать обычай творити брань на колесницахъ ѣздяще, всадаюша на колесницу по 8 воиновъ, и къ коеждо колесницѣ приставляху 3 воина искусѣйшихъ таковому дѣлу, иже три статы нарицаху, да направляютъ конями и колесницею, единъ конями, другой колесницею, третій уготовляетъ оружіе.

Не менѣе интересны описанія Исидоніи и Кроноса:

Исидонія, дѣвица бѣ вѣкая, юже Зевесъ возлюбивъ, въ вола предложися, хотя утаитися жены своя Иры, она же разумѣвъ, неустовство возложи на ню. Сего Зевеса и жену его Иру и любодѣицу Исидовію дѣвицу несмысленнѣ Еллины нарекоше себѣ богами.

Кронъ, гигантъ бѣ, рекше человекъ Волотъ; а нариченъ бысть кронъ во имя звѣзды приходная. Царствова сей Кронъ гигантъ во Ассиріи. Сей Кронъ вопроси солнце, глаголя: боже великій солнце! яви мнѣ, кто по мнѣ царствовать имать? И бысть ему отвѣтъ: яко сынъ твой по тебѣ имать царствовать. Онъ же нача оттолѣ сыны своя ножирати, ражаемые ему отъ жены его Иры. Послѣды же отъ сына своего Зевеса убивъ бысть. Сего Кроне безумнѣ Еллини бога себѣ наричуть.

Но самая вѣрнѣйшая мѣрка народнаго образованія есть его философическій взглядъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ очень ярко выразился въ слѣдующихъ статьяхъ.

Екати, *Екаторіи*, иѣцы рѣшо быти лучѣ, но иѣсть тако; екаторіи же видъ въ нощи ходящъ, на колесницѣ лѣвовѣ ѣздящъ, и зміями облажашъ, и страшны мѣчты показующъ, человекѣи иѣкіе велики, главы имущи зміевы. Видѣвшимъ же ихъ многѣи неустовымъ быти.

Исторія, книга содержащая въ себѣ иже въ древнихъ бывшихъ дѣлѣй исповѣданіе, подобно хронографу, кромѣ лѣтнаго числа времени. Хронографъ бо наричется, понеже не токмо дѣлія бывшая въ древнихъ родѣхъ повѣдасть, то и числа лѣтъ тѣхъ временъ въ себѣ объемлетъ, еже въ кое отъ Адама лѣто бысть вещь та и та. Исторія же не тако, во точію въ древнихъ родѣхъ бывшая повѣдасть; лѣто же, еже въ кое число бысть сего не содержитъ. Тѣмъ же разумно отъ сего всѣмъ да будетъ яко иное есть лѣтоисчислѣніе, ино исторія. Аще и нарицуютъ иѣцымъ и пишутъ исторіи лѣтоисчислѣніемъ, то невѣденіемъ.

Математическія книги, отреченныя книги, ихъ же есть четыре. Арифметикія, Мусикія, Геометрія, Астрономія. Яже по славянски ричутся: арифметикія суть планеты, въ нихъ же пишутъ яко планетнымъ движеніемъ вся яже не земли строятся.

Мусикія, гуденіе, рекше игра русельная и кинаровъ, рекше лырей и доляръ, всякаго рода устроенія гудебнаго. Родъ же Мусквинъ; трубы, свръли, еже и пюголами наричутся, пѣсвенець, рекше псалтырь, Самбикія, еже есть цѣвища, кляпры, свръчь лыры, тшпаны, киввалы.

Мусикія, въ ней пишется пѣсви и кошуны бѣсовскія, ихъ же латвы припѣвають къ мусквійскыхъ органъ согласно, свръчь гудебныхъ сосудъ свиравию.

Планиты, суть семь звѣздъ ижъ палерныхъ седми полейхъ, кажда на особомъ полѣхъ: 1) Аррисъ, 2) Еррисъ, 3) Завесь, 4) Солнце, 5) Аеродите, 6) Кровъ, 7) Екати еже есть луна. Сіи семь звѣздъ древлѣ безумнѣи Халдеи боги себѣ нарицаху и жертвы имъ приношаху. Сими звѣздами окаяннѣи звѣдословцы мають ся угадывати чловѣческіе нравы и счастье. Гигантъ, по потоувъ родашійся, дѣтемъ своимъ даяху имова по имени сихъ планитъ. Кровъ бѣ волхвъ, сей нарѣче имя своей жещи Арія, а дщери своей нарѣче имя Ира, Южъ Перси богинею наричутъ, а другую дщерь нарѣче Аеродите, а сыну своему нарѣче имя Зевесь. Сей бѣ блудникъ и волхвъ, нарѣче имя сыну Емеліну Діонисъ, и той бѣ начальникъ пѣлѣству. Сынове жъ Діонисовы: Ершіи, Иракліонъ. Ершіи волхвъ бѣ и мудръ, первый обрѣче золотую руду и умысли злато ковати. сія вся волхвы и чародѣи древле немысленнѣи Еллинѣ богамъ себѣ нарекоша и умножиша себѣ многобожіе. Многобожіе на три рода раздѣляется: на Халдеаны, и на Еллины, и на Египтявы. Сіи быша и прочихъ языкъ начальницы многобожію. Халдеаны боги себѣ нарекоша стихіи небесныя и земныя, бо-

гани себя зовуть небо и солнце, луну и звѣзды, и огонь. И симъ сотвориша образы, поставиша себя въ капищахъ и кланяшеся имъ, боги себя нарицуще. Еллине бо мудрыми творятся, но безумиѣе Халдеянъ быша, нарекше себя многи боги, мужеска пола и женска. Кроноъ бысть богъ ихъ и сему жертву творяху, и чада свои закалающе, понеже Кроноъ той дѣти свои, рожаемыя отъ жены Иры, возбѣсивъ, изъядаше вси. И Зевеса нарицають бога, ижъ связа отца своего Кроноа и погубивъ его, въ Тимевинъ погрузи. И Фестона иѣмного вводятъ бога, держащаго молотъ и клещи: кузнецъ бо бѣше той плещи ради. И Ермія вводятъ бога, дѣлателя, тата, хищника, волхва и сухорука. И Асклепія вводятъ бога, врача суща и строителя быліемъ и помазателя, послѣдѣжъ порождѣну ему быти Діемъ и умрети. Аще Аскепій богъ, пораженъ бывъ, не возможе себя дати помощи, како инымъ можетъ помощи. Арій жъ богъ бѣ вопивникъ и рѣвнивъ и желатель къ скотинамъ, рекше тать рогатому скоту, и пьяница, и бѣснуйся, убіемъ бысть. Ирквія же вводятъ бога быти, ижъ унився, начеть бѣсновати и закалати чада своя, и потомъ огнемъ сожженъ бысть умре. Аполлона вводятъ бога, суща стрѣльца, падуку и муща. Обогда же голодующа, обогда иѣснотворца и волхвующа чловѣкомъ пиши ради. Артемія бѣ сестра Аполлона, лукъ держаща и ловяща и по горамъ со пси рыщуща. Афродиту богиню нарицуть, любодѣйцу сущу, якоже искаше плачущеся рачительства ихъ. Египтяне тѣхъ безумиѣише бѣше, и въ боги себя нарекоша волы, и козлы, и змиа, и звѣри, нетопыри, трапестоки, и дресеса и камени.

Стопки, философы. Во Асѣяѣхъ бѣше камора, рекше вритворъ, наричени Стоп, ижъ и Пинилій нарицашеся. Ты было училище философская пресловуто; и вси ижъ бо томъ училищѣ философин научившеся, Стопки философы именовашуся.

Мы сообщили здѣсь все, что только нашли замѣчательнаго въ словаряхъ, изданныхъ господиномъ Сахаровымъ; прочее предоставляемъ на поживу глубокимъ филологическимъ иѣтъискашамъ, котерыя рано или поздо объяснить судьбы церковно-славяно-русскаго языка.

Однако жъ если господинъ Сахаровъ и поподчивалъ насъ старинными словарями, какъ оказаніями русскаго народа, за то вмѣстѣ съ тѣмъ подарилъ и прекрасною статьей о

составленіи русскихъ словарей, которую и помѣстилъ, какъ бы вы думали — въ видѣ предисловія къ своимъ «Сказаніямъ».

Постепенный ходъ нашей лексикографіи и главныя причины удаленія народнаго языка, говоритъ онъ, заключаются въ исторіи русской литературы, и поэтому даютъ историческое понятіе о развитіи русскаго слова.

Наше родное, русское слово образовывалось въ продолженіи десяти столѣтій. Въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ двухъ первородныхъ мѣстахъ русской жизни, родился и возмужал славяно-русскій языкъ. Здѣсь, въ устахъ народа составился языкъ народный, здѣсь люди грамотные положили начало нашей славяно-русской литературѣ. Во Владимірѣ, Рязани, Москвѣ и Твери возникъ языкъ велико-русскій, началась велико-русская грамотность. Первобытныи славяно-русскій языкъ, съ первыхъ историческихъ временъ, уже раздѣлялся на два главныя нарѣчія: на сѣверное и южное. Въ сѣверномъ преимуществовало новгородское, а въ южномъ кіевское. Въ продолженіи осьми вѣковъ изъ новгородскаго нарѣчія образовалось велико-русское со всѣми извѣстными доселѣ вѣтвями, а изъ кіевскаго возникли мало-русское и червоно-русское. Подъ вліяніемъ новгородскаго и кіевскаго возрастало литовско-русское. Языкъ народа, изрѣдка подчиняемый вліянію чужеземному, шел неизмѣннымъ путемъ и сохранилъ свою самобытность до нашихъ временъ. Проникая въ окрестныя Кіеву и Новгороду мѣста, онъ произвелъ особенныя областныя нарѣчія. Вѣковѣчные памятники его заключаются: въ сказкахъ, пѣсняхъ, былицахъ, пословицахъ и поговоркахъ. Его областныя нарѣчія имѣютъ свои особенныя словари, свои грамматическіе обороты. Языкъ грамотныхъ людей, воспитанный подъ вліяніемъ общей славянской литературы, съ самага начала отдѣлился рѣзкою чертою отъ народнаго. Такой отдѣльный бытъ доходилъ до того, что грамотные люди чуждались его нѣсколько вѣковъ. Безпрерывно обновляясь, онъ измѣнялся и слѣды его можно отыскать только въ сохранившихся письменныхъ памят-

нвахъ. Еще съ первыхъ дней русской жизни, подчинясь общей славянской литературѣ, ошъ въ Болгаріи ознакомился со всѣми знаніями, получилъ тамъ азбуку и усвоилъ себѣ грамматику. Отсюда возникла наша славяно-церковная литература. Многочисленные переводы съ греческаго и самобытныя славяно-русскія произведенія составили нашу древнюю литературу.

«Вліяніе общей славянской литературы на языкъ грамотныхъ людей, начатое съ первыхъ дней христіанства, продолжалось постоянно до пятнадцатаго вѣка. Переводы съ греческаго языка, заготовляемые для русской земли въ Царьградѣ, аѳонскихъ монастыряхъ, Болгаріи и Сербіи, вносили въ русскій языкъ грамматическіе обороты, чуждые русской рѣчи, напшывали его областными сѣловами, понятными только для южныхъ Славянъ. Такія нововведенія, хотя и не могли поколебать основныхъ началъ нашего народнаго языка, но успѣли отдалить его на долгое время отъ участія въ общемъ ходѣ образованія. За то, непрерывно обновляя нашу книжную грамотность, они придали ей особенное значеніе, языку доставили полногласіе, чего доселѣ не имѣетъ ни одна изъ современныхъ намъ славянскихъ литературъ. Замѣчательнѣе всего, что вліяніе общей славянской литературы дѣйствовало съ разныхъ точекъ на Новгородъ и Кіевъ. Вліяніе Болгаріи и аѳонскихъ монастырей простиралось на Кіевъ до Москвы, а цареградское — долгое время дѣйствовало почти на одинъ Новгородъ. Такое разнородное вліяніе явственно отразилось на письменныхъ памятникахъ, видимо разграничило произведенія новгородскія отъ кіевскихъ».

Раздѣливъ древнюю нашу литературу на общеславянскую, кіевскую и новгородскую, господинъ Сахаровъ опредѣляетъ каждую изъ нихъ:

«Съ половины пятнадцатаго вѣка началось возрожденіе самостоятельной русской литературы. Всѣ отдѣльныя стили новгородской и кіевской грамотности слились тогда въ одно общее, велико-русское.

«Общая славянская литература, внесенная въ русскую

землю, состоитъ изъ болгарскихъ и сербскихъ сочиненій и переводовъ съ греческаго языка. По сохранившимся памятникамъ, она начинается съ девятаго вѣка, съ Кирилла и Меѳодія, первыхъ просвѣтителей славянскаго народа, до пятнадцатаго вѣка, до Андроника. Кругъ сербскихъ и болгарскихъ сочиненій чрезвычайно малъ и состоитъ почти изъ однихъ житій святыхъ и поученій. Знаемъ только по сочиненіямъ: *Козьму* пресвитера, *Іоанна экзарха болгарскаго* и инока *Дометіана*. Напротивъ того кругъ болгарскихъ переводовъ представляется въ обширномъ видѣ. Такъ изъ переводовъ перешли къ намъ: книги Ветхаго и Новаго За-вѣта, книги богослужебныя, сочиненія Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, Аѳанасія Алек-сандрійскаго, Іоанна Дамаскина, собраніе правилъ святыхъ отцевъ, лѣтописи и повѣсти. Изъ переводчиковъ извѣстны намъ: *Кириллъ* и *Меѳодій*, *Григорій пресвитерь*, *Іоаннъ экзархъ болгарскій*, епископъ *Константинъ*, иноки: *Іоаннъ*, *Захей*, *Григорій*, *Гавріилъ*, *Венедиктъ*, *Іаковъ*, *Константинъ* и *Андроникъ*. Въ болгарской литературѣ филологія открываетъ рѣзкія черты въ переводахъ хилендарскаго монастыря собственно отъ болгарскихъ и цареградскихъ. Указываемъ для примѣра на переводы лѣтописей Георгія Амартола 1386, и Константина Монасіи 1348 года. Первый, переведенный въ хилендарскомъ монастырѣ, носитъ на себѣ отпечатокъ чистоты и правильности языка; второй, болгарскій, отличается болѣе всего буквальностію перевода и внесеніемъ греческихъ оборотовъ. Есть особенные переводы сочиненія Іоанна Лѣствичника: одинъ аѳонскій 1419 года, другой цареградскій 1421 года. Оба перевода имѣютъ замѣчательныя черты въ грамматическихъ оборотахъ. Сербскіе переводы, доходившіе до насъ, были явленіемъ временнымъ, и не имѣли у насъ значительныхъ успѣховъ. Такъ сербскій переводъ Діонисія Ареопагита 1371 года оказался въ Россіи совершенно неудобнымъ для чтенія. Напротивъ того привозимые къ намъ изъ Сербіи *Прологи* приобрѣли у насъ болѣе самостоятельности и вошли во всеобщее употребленіе. Изъ одного сербскаго пролога осмь-

надцатаго вѣка, находящагося въ библіотекѣ господина Норова, мы узнаемъ, что составителемъ его былъ какой-то Илья. Изъ цвѣтной Тріюди сербскаго письма, 1374 года, извѣстно, что Сербы сами перелагали книги съ болгарскаго языка на сербскій, и что такіе переводы, по ихъ сознанію, были для нихъ чрезвычайно трудны: «велма ни е било усиљно прѣстављѣти ја на срьбскы еззыкъ». Замѣчательнѣе всего, что славяно-русская грамотность имѣла обратное вліяніе на сербскую литературу. Находимыя въ сербскихъ прологахъ житія: *Ѳеодосія Печерскаго, страданіе святыхъ мучениковъ Бориса и Гльба, житіе великой княгини Ольги, память князя Мстислава*, были переведены съ славяно-русскаго языка. Но когда были переданы эти переводы, по какому случаю Сербы сближались съ кievскою грамотностію, остается неразрѣшимымъ. Житія святыхъ: *Ѳеодосія Печерскаго и Бориса Гльба* взяты изъ сочиненій Нестора. Слѣдовательно, это обратное вліяніе славяно-русской литературы на сербскую могло совершиться въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Всѣ эти вопросы — совершенно новые, нетронутые въ нашей филологіи. Смѣло можемъ ожидать разрѣшенія на нихъ отъ московскаго археолога Кубарева, предпринимающаго изданіе сочиненій Нестора, и господина Востокова, объясняющаго славяно-русскую литературу по Остромирову Евангелію и другимъ памятникамъ.

«Кievская грамотность съ самаго начала введенія христiанской вѣры первая приняла въ свой составъ чужеродныя стихіи и подчинила себя вліянію сосѣднихъ Славянъ. Съ учрежденіемъ Кievo-Печерской Обители началась ея самостоятельность. Отшельники явились первыми просвѣтителями, первые положили у насъ начало исторіи. Кievскіе грамотные люди почти три столѣтія трудились для славы русскои земли. Богословіе, любомудріе, исторія, посланія, поученія для князей и народа, путешествія, былицы народныя — сосредоточивали въ себѣ кievскую ученость. Направленіе ея было православное, нравственное, клонившееся ко благу и счастью народа. Враги нашей родины погубленіемъ Кieва остановили весь ходъ кievской грамотности. Исторія

сохранила намъ въ памяти немногихъ дѣлателей; но зато имена ихъ каждый Русскій произноситъ съ благоговѣніемъ. До насъ, за исключеніемъ Святославова Сборника, не дошло другихъ подлинниковъ кievской грамотности; все, что имѣемъ мы — суть копии, появляющіяся съ конца тринадцатаго, и до пятнадцатаго столѣтія. Знаменитые дѣлатели кievской грамотности: преподобный *Несторъ*; митрополиты: *Кирилль-Третій*, *Никифоръ* и *Іоаннъ*; епископы: *Симонъ* и *Кирилль Туровскій*; игумены: *Даниль* и *Поликарпъ*; дьякъ *Іоаннъ*, *Владиміръ Мономахъ* и невзвѣстный сочинитель « Слова о полку Игоревомъ » — суть единственные представители начальной славяно-русской литературы. Сближеніе кievскихъ ученыхъ съ общою славянскою литературою началось съ принятіемъ библейскихъ и церковно-служебныхъ книгъ. Болгарія и цареградскій Студійскій Монастырь вносили въ Кіевъ просвѣщеніе. Грекъ *Михаилъ*, бывшій инокомъ въ Печерскомъ Монастырѣ, перевелъ для Ѳеодосія уставъ Студійскаго Монастыря. Философъ *Филиппъ*, Грекъ, бывшій въ Россіи, написалъ въ 1095 году «Діоптру», по просьбѣ своего духовнаго отца, Калинника, жившаго въ смоленскихъ предѣлахъ. Великіе князья были просвѣщенными людьми. Такъ Всеволодъ Ярославичъ *зналъ пять языковъ*. Святославъ, поручившій дьяку Іоанну составленіе «Сборника», повелѣлъ обновить рѣчь иначе, сохраняя неизмѣнно смыслъ: «Повелѣ мнѣ немудроувѣдію прѣмѣнноу «сътворити рѣчи инако, набѣдяхте тождество разоумъ его.» Это единственное указаніе дьяка Іоанна ясно доказываетъ, что и тогда уже чужеродныя внесенія въ русскій языкъ были тягостны и непонятны для чтенія. Митрополитъ *Кирилль-Третій*, собравшій на соборъ святителей Россіи, въ 1274 году, говорилъ: «Помраченіи бо бѣаху прежь сего облакомъ смудрости Елинскаго языка, нынѣ же облисташа, рѣкше «истолкованы быша, и благодатью Божьею, ясно сіяють, «невѣдѣнія твою отгоняюще.» Сей просвѣщенный пастырь требовалъ изъ Болгаріи отъ Святослава, деспота болгарскаго, полное собраніе церковныхъ правилъ. Зиновій, ученикъ *Максима* Грека, знаменитый полемикъ шестнадцатаго вѣка,

говорить, что онъ видѣлъ харатейные списки правилъ святыхъ отцевъ отъ временъ Ярослава и сына его Изяслава. Слѣдовательно, они вмѣщали въ себѣ древнѣйшіе болгарскіе переводы. Преподобный Несторъ, при составленіи русской лѣтописи, пользовался греческими источниками. Печерскій монастырь имѣлъ свою бібліотеку. Симонъ въ посланіи своемъ, говоря о Николѣ Святошѣ, писалъ: «Суть же и книги «его (Святошины) многы и до нынѣ у насъ.» Греческіе мастера и живописцы, прибывшіе въ Кіевъ для построения Печерскаго Монастыря, привезли съ собою и книги. Объ нихъ писалъ Симонъ: «Суть же и нынѣ книги ихъ Греческія блю-«домы на память.» О заведеніи кіевскихъ училищъ мы имѣемъ весьма темныя понятія; но, что они существовали, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.

«Новгородская грамотность начинается, по извѣстнымъ намъ спискамъ, съ половины одиннадцатаго столѣтія. Простота въ изложеніи предметовъ, сохраненіе оборотовъ чисто русскаго народнаго языка, исключительное направленіе къ зацікавленію положительнымъ — составляютъ главное отличие ея отъ кіевской. Здѣсь составились первыя наши законы, здѣсь образовался нашъ языкъ дипломатическій, здѣсь начался особенный рядъ лѣтописей, здѣсь многочисленныя переписчики списывали для сѣверной Россіи славянскіе переводы. Софійскій Соборъ, монастыри: Антоніевъ и Рождественскій, что на Лисичьей Горѣ, были средоточіемъ новгородской учености. Святители: *Лука Жидята*, *Антоній*, *Нифонтъ* и *Илья*, *Даніиль Заточникъ*, *Кирикъ Доместикъ*, *Стефанъ Путешественникъ* — составляютъ собою представителей новгородской грамотности. Весьма замѣчательны новгородскіе переписчики, сохранившіе для насъ въ памятникахъ обороты народнаго языка, какъ предметы неистощимые для нашей филологіи. Изъ нихъ мы знаемъ: *Григорія*, написавшаго въ 1057 году Евангеліе для Остромира; *Олексу*, написавшаго въ 1132 году Евангеліе для князя Мстислава; *Добрилу*, написавшаго въ 1164 году Евангеліе; *Тимофея*, написавшаго Прологъ въ 1282 году; *Іоанна* и *Тимофея*, переписчиковъ лѣтописей. Въ 1136 году были переписаны въ

Новгородъ пять книгъ Моисеевыхъ, извѣстныя по списку пятнадцатаго вѣка. Новгородскій Софійскій Соборъ имѣлъ свою библіотеку. Рождественскій Монастырь, что на Лисичьей Горѣ, весьма замѣчателенъ для насъ по составленіямъ новгородскихъ лѣтописей. Въ Новгородѣ было при Ярославѣ училище и извѣстенъ намъ даже одинъ изъ учителей его, Ефремъ. Сближеніе новгородскихъ ученыхъ съ славянскою литературою совершалось на одинакихъ основаніяхъ съ кievскими. Переписчики, находившіеся въ Цареградскомъ Студійскомъ монастырѣ, изготовляли переводы для Новгорода. Все привозимое оттуда и изъ аеонскихъ монастырей немедленно распространялось новгородскими писцами въ новыхъ спискахъ. Новгородецъ Стефанъ, бывшій въ 1349 году въ Царьградѣ, писалъ: «И обрѣтохомъ Ивана и Добрилу, своихъ Новгородцевъ, и возрадовахомся зѣло, иже николи бѣ мочно свидѣтися, зане бо безъ вѣсти пропали, и нынѣ живуть туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ «Святаго Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію. .. Изъ того бо монастыря въ Русь посылали много книгъ: уставъ и тріоди и иныя книги.» Новгородцы, жившіе въ Студійскомъ Монастырѣ, могли быть хорошими руководителями цареградскихъ переводчиковъ, могли болѣе другихъ знать особенности русскаго языка и его отличительныя качества отъ славянскаго; но и они увлекались оборотами славянскаго языка, несмотря на то, что *новгородская пословица* первенствовала тогда надъ всѣми русскими нарѣчіями. Эта пословица такъ была сильна, что еще въ 1506 году говорили писцы въ свое оправданіе: «Многи пословицы привходили Новгородскіи.» Вліяніе Нормановъ, по всей вѣроятности, должно было дѣйствовать на новгородскую грамотность; но эти недоступные предметы такъ темны и сбивчивы, что рѣшительнаго ничего нельзя сказать. Политическій бытъ Новгородцевъ, сходный во многомъ съ Дубровникомъ (Рагузою), говоритъ болѣе въ пользу древней славянской жизни. Слѣдовательно, чужеродныя внесенія, при могущественномъ и твердомъ основаніи народа, свершившаго свою историческую жизнь, будутъ слабы и ничтожны. Фи-

логическое сходство въ словахъ есть самый ненадежный руководитель. Въ нашихъ летописяхъ находимъ краткія указанія на Норманское вліяніе. Въ разсказѣ «Бѣлозерскаго волхва» есть настоящія преданія скандинавскія. Въ словахъ его — что Богъ мылся въ мовницѣ, *вспотѣлъ*, отерся ветошкою, и бросилъ ее на землю съ небесъ — есть догматъ скандинавскій. Они думали, что человекъ родился отъ *пота* Имера. Сотвореніе души Богомъ, а тѣла дьяволомъ, что Богъ сидитъ въ безднѣ безднѣ, есть также повѣріе скандинавское. Предсказаніе волхвовъ Олегу о смерти — есть преданіе скандинавское, взятое изъ Саги, гдѣ все это относится къ норвежскому князю Оддурю. Но и это все преданіе народное; а гдѣ же осталось вліяніе литературное? Не забудемъ здѣсь главнаго, что новгородскіе Славяне были образованнѣе Варяговъ. Этотъ вопросъ также новый, забытый историками, требуетъ большихъ изслѣдованій.

Мнѣніе автора «Сказаній» о дальнѣйшихъ судьбахъ нашей родной рѣчи:

«Возрожденіе русскаго языка, начатое во Владимірѣ, Рязани, Москвѣ и Твери, совершалось подъ вліяніемъ великихъ политическихъ событій. Болгаро-сербская литература, исчезая вмѣстѣ съ политическою самобытностью народа, ничею уже новаго не могла внести въ нашу народность; она сама нуждалась въ событіяхъ, она сама искала возрожденія. Кіевъ, потрясенный нашествіемъ Татаръ, принялъ новый политическій бытъ и отдалился на долго отъ Руси. Вмѣстѣ съ политическимъ измѣненіемъ Кіева, и ученость его увлеклась къ новымъ направленіямъ. Одна только новгородская грамотность сохранилась во всей своей цѣлости. Въ ея стихіяхъ вмѣщались основныя начала нашей народности; она одна могла открыть свои источники для преобразованія. Новые образователи подъ ея вліяніемъ успѣли положить границы чужероднымъ внесеніямъ, успѣли дать литературѣ новое направленіе, велико-русское. Языкъ русскій, дѣйствовавшій дотошъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, новгородскихъ и кіевскихъ, отягченный болгаро-сербскою ученостью, получилъ свое значеніе и силу. Чужіе, несвойственные оборо-

ты русской рѣчи постепенно вытѣснялись; областныя слова, занесенныя отъ южныхъ Славянъ, изгонялись и замѣнялись новыми. Переписчики, внесеніемъ въ слоги гласныхъ буквъ, измѣнили черты древняго писанія. Съ такимъ измѣненіемъ русская рѣчь получила полвозвучіе и правильное чтеніе. Русскіе переписчики не держались уже буквального переписыванія, а были почти переводчиками стараго нарѣчія. Всѣ эти измѣненія требовали новой грамматики и основнаго словаря. Во дни возрожденія велико-русской грамотности, книгопечатаніе, начатое въ Краковѣ, Черногоріи и Венеціи, достигло и Москвы. Основаніе книгохранилищъ княжескихъ, монастырскихъ и церковныхъ упрочивало нашу ученость и готовило запасы для будущихъ дѣйствій. Кругъ ученыхъ людей съ этого времени распространился въ обширныхъ размѣрахъ. Составъ историческихъ учебниковъ, доселѣ ограничиваемый одними лѣтописями, увеличился *палями* и *хронографами*. Мѣстныя лѣтописи, начатыя во дни возрожденія, рѣшительно уклонились отъ формы византійскаго изложенія. «Записки Курбскаго» и «Степенная Книга» были первыми опытами стройнаго историческаго изложенія, первымъ началомъ нашей исторіи. Географическія свѣдѣнія, ограничиваемыя одними записками Паломниковъ, также распространились переводами западныхъ космографій. Путешествіе Никитина въ Индію, походы казаковъ въ Сибирь и *протвѣдываніе* Китая, поѣздка Исидора во Флоренцію, сношенія съ западными державами, ознакомили русскую землю съ бѣлымъ свѣтомъ. Посланія и поученія русскихъ святителей приняли совершенно русское, благочестивое направленіе. Составленіе житій святыхъ русскихъ возшло въ кругъ дѣйствій трудолюбивыхъ иноковъ. Право мѣстное и городское, по образцу новгородскаго, образовалось въ уставныхъ и судныхъ грамотахъ. Право монастырское и владѣльческое, начатое въ Новгородѣ и Кіевѣ, здѣсь получило прочное основаніе и возшло въ составъ общаго государственнаго дѣйствія. Всѣ частныя и отдѣльныя права, городскія и удѣльныхъ княженій, слились въ законахъ великаго князя Іоанна-Третьяго и царя Іоанна-Четвертаго. Это было уже

сводное собраніе законоуложеній русской земли. Главными дѣятелями велико-русскаго возрожденія были митрополиты: Кипріанъ , Фотій и Макарій , Пахомій Логоуетъ , Дмитрій Герасимовъ , Максимъ Грекъ , Зиновій , святой Іосифъ Волоколамскій, Андрей Курбскій. Переписчики аеонскихъ монастырей приносили только старые переводы въ обновленныхъ спискахъ. Пахомій Логоуетъ, Дмитрій Герасимовъ и Максимъ Грекъ , съ своими сотрудниками , избавили возрождающуюся ученость отъ болгаро-сербскихъ переводовъ. Новые переводчики въ свою очередь успѣли внести въ русскую грамоту ненужныя перемѣны, успѣли снова подчинить русскую рѣчь формамъ греческаго языка. Съ половины шестнадцатаго вѣка начала заглядывать къ нашимъ отцамъ и западная ученость. Польша первая была проводницею космографій и врачебныхъ званій. Дворъ Іоанна-Грознаго читалъ Гваньини въ русскомъ переводѣ.

«Нашествіе Татаръ на южную Россію было самое гибельное: оно произвело уничтоженіе кореннаго русскаго быта; оно остановило всякое просвѣщеніе. Кіевская ученость почти рѣшительно прекратилась. До половины пятнадцатаго вѣка не было никакихъ предпріятій. Между-тѣмъ политическія событія, разрознившія Русь въ кіевскихъ окрестностяхъ, готовили для древняго славяно-русскаго языка новое возрожденіе. Развитіе новыхъ формъ началось съ усвоенія кіевскому краю церковно-славянскаго языка; новая рѣчь устанавливалась по древнимъ оборотамъ славянскаго языка. Отъ сего самаго образованія здѣсь сохранились древніе грамматическіе обороты , современные Нестору , удержались древнія слова , не вошедшія въ составъ велико-русскаго. Это-то самое и составляетъ главное отличіе мало-русскаго, или южно-русскаго языка отъ велико-русскаго. Въ одно и тоже время съ нимъ началось образованіе червоно-русскаго и совершалось по однимъ и тѣмъ же началамъ. Впродолженіе четырехъ столѣтій , съ первыхъ лѣтъ возрожденія , мало-русская рѣчь образовалась въ пяти областныхъ нарѣчіяхъ: *кіево-перяславскомъ, перемышльскомъ, вольцо-подольскомъ, съверскомъ и слобожанскомъ.*

Кіево-перяславское нарѣчіе, распространенное отъ Кіева по запорожскому и черноморскому краю, есть основная и главная рѣчь мало-русская. Сѣверское, отдѣляемое отъ кіево-перяславскаго рѣкою Сеймомъ, имѣетъ свои отличія въ усвоеніи формъ велико-русской рѣчи. Волино-подольское и перемышльское нарѣчія, распространенныя въ мѣстахъ, лежащихъ къ Польшѣ, приняли въ свой составъ польскія слова и чуждые грамматическіе обороты. И здѣсь языкъ народный и языкъ грамотныхъ людей также были раздѣлены, какъ и въ Великой Руси. Люди грамотные шестнадцатаго вѣка и начала семнадцатаго, жившіе съ Поляками, или воспитывавшіеся въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, образовали изъ мало-русскаго языка особенную книжную рѣчь. Напротивъ того народный языкъ никогда не терпѣлъ полонизмовъ; его чуждались и въ разговорѣ и въ письмѣ. Таковъ онъ въ полтавской, черниговской, харьковской, екатеринославской губерніяхъ, и во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ по лѣвую сторону Днѣпра. Кіевъ и Острогъ были главными мѣстами, гдѣ сосредоточивалась и развивалась мало-русская грамотность. Богословіе, исторія, народное право и былицы — составляютъ кругъ возрожденной мало-русской грамотности. Особенныя политическія событія и самая жизнь народа не могли развить мало-русскую литературу въ огромныхъ размѣрахъ. Самыми драгоценными памятниками мало-русскаго языка можно считать: *Кіево-волинскую летопись* и харатейное *Евангеліе* 1557 года. Учрежденіе типографій, *Острожской*, *Стрятинской* и *Дерманской*, можно считать самыми благодѣтельными мѣрами, предпринятыми для образованія края. Блестящими подвигами въ исторіи мало-русской литературы ознаменовали себя князь Константинъ-Василій Острожскій и епископъ Гедеонъ Балобанъ. Первый, ревностный защитникъ православія, завелъ около 1580 года *Острожское* училище. Здѣсь Кириллъ Лукарь и Мелетій Смотрицкій были учителями. Второй, великій подвижникъ церкви во имя возстанія уніи, покровитель Памвы Беренды, завелъ около 1596 года *Стрятинское* училище. Вліяніе общей славянской литературы на мало-русскій языкъ

было самое незначительное. Григорій Цимблакъ, прибывшій въ Русь въ началѣ пятнадцатаго вѣка, привезъ съ собою житіе Стефана царя Сербскаго и житіе Параскеви Тарновскія. Лѣтописи считали его мужемъ, изученнымъ книжной мудрости и приписывали ему многія сочиненія.

«Распространеніе русскаго языка въ западномъ краю русской земли началось съ незапамятныхъ временъ. Кривичи, разсѣянные по вершинамъ Волги, Двины, Днѣпра до Новогрудека, были первородичами сего края и составляли одно изъ славянскихъ племенъ. Между ними жили: Корсь, Зимгола, Ятвяги, Жмудь. Всѣ они, искони платившіе дань Руси, составляли многочисленный народъ, слившійся политическими событіями въ одно литовское княжество. Отъ этого смѣшенія языкъ народный, распространенный отъ Смоленска по всей литовской сторонѣ, образовался въ разныя нарѣчія: *латышское, прусско-литовское и литовско-русское.*

Полное развитіе литовско-русской рѣчи, или языка западной Руси, совершилось съ переходомъ князей изъ Кіева въ Полоцкъ и Смоленскъ. Кіевское славяно-русское направленіе дѣйствовало здѣсь на языкъ народный съ одиннадцатаго столѣтія. Это коренное русское направленіе было первое основаніе литовско-русской рѣчи, успѣвшее соединить разнородность литовскихъ нарѣчій. Романъ Мстиславичъ учредилъ въ Смоленскѣ духовныя школы, гдѣ обучались латинскому и греческому языкамъ. Въ Полоцкѣ святая княгиня Евфросинья день и ночь трудилась въ списываніи книгъ. Списки полоцкіе тринадцатаго и четырнадцатаго вѣка доселѣ сохраняются въ нашихъ книгохранилищахъ. Весьма замѣчательна договорная грамота смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригюю и готскимъ берегомъ, 1227 года. Второе основаніе началось со временъ Витовта, когда большая часть русскихъ городовъ были завоеваны Литвою. Тогда въ составъ литовско-русской рѣчи вошла новгородская грамотность. Третіе основаніе было велико-русское, имѣвшее постоянное вліяніе на Литву съ пятнадцатаго вѣка; оно сохранилось неизмѣнно и въ языкѣ народномъ и въ книжной грамотности. Отъ этого послѣдняго вліянія литовско-рус-

ская рѣчь приблизилась болѣе къ велико-русскому языку, чѣмъ къ мало-русскому; отъ этого самаго она занимаетъ между ними середину. Съ шестнадцатаго вѣка въ литовско-русскую рѣчь вторглись польскія слова и обороты. Вотъ почему многіе называютъ литовско-русскую рѣчь польско-русскимъ языкомъ. Такое названіе не справедливо и въ доказательство приводимъ: *Казанье Кирилла Иерусалимскаго*, напечатанное въ Вильнѣ, въ 1596 году, на литовско-русскомъ и польскомъ языкахъ. Въ блестящій вѣкъ литовско-русской грамотности составилъ особенный книжный языкъ. Произведенія грамотныхъ людей сосредоточивались въ дипломатическихъ, юридическихъ, богословскихъ, историческихъ и ученыхъ сочиненіяхъ. Тогда люди грамотные рѣзко разграничили свои произведенія отъ языка народнаго и въ рѣчи и въ грамматическихъ оборотахъ. Языкъ народный доселѣ употребляемый въ губерніяхъ: витебской, могилевской, минской и около Вильны, сохранился отъ первобытныхъ временъ; по своему выговору онъ приближается къ новгородскому нарѣчію. Заведеніе типографій и училищъ ускорило развитіе литовско-русской грамотности и дало ей особенное преимущество передъ современною мало-русскою литературою. Къ важнымъ памятникамъ литовско-русской литературы принадлежатъ: переводъ библейскихъ и церковнослужебныхъ книгъ доктора Скорины, Судебникъ, Трибуналъ и Литовскій Статутъ, дипломатическіе и юридическіе акты, писанные со временъ Витовта. Всѣ они носятъ на себѣ отпечатокъ вліянія велико-русскаго языка. На этомъ языкѣ были писаны просьбы, подаваемые въ судебныя мѣста, рѣшенія королей, судебныхъ мѣстъ и чиновниковъ. Сигизмундъ Третій, при учрежденіи (1599 года) верховнаго суда въ русскихъ воеводствахъ, предписалъ въ судебныхъ мѣстахъ употреблять русскій языкъ и русское письмо. И это русское письмо, употреблявшееся въ Литвѣ, названное впоследствии бѣло-русскимъ, перешло въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ велико-русскую грамотность и измѣнило наше полууставное письмо. Въ грамматикахъ и словарѣ Зизанія и

Смотрицкаго сохранились слѣды книжной грамотности, правила и основанія литовско-русской рѣчи.

Изложивъ свое мнѣніе о движеніи и распространеніи русскаго языка на востокъ и западъ, господинъ Сахаровъ сообщаетъ извѣстіе о разныхъ изданіяхъ нашихъ древнихъ словарей:

«Всѣ доселѣ извѣстныя редакціи русскихъ словарей принадлежатъ къ произведеніямъ грамотности новгородской, велико-русской, литовско-русской и мало-русской.

Изъ новгородскихъ словарей доселѣ извѣстны только два, принадлежащія къ тринадцатому и пятнадцатому столѣтіямъ. Первый сохранился въ новгородскомъ спискѣ Кормчей книги 1282 года, состоитъ изъ 174 словъ и имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Рѣчь жидовскаго языка преложена на русскую*. Въ составъ его вошли почти одни собственные имена, и многія слова, взятые изъ другихъ языковъ. Такъ здѣсь находимъ и славяно-русскія: *череша, исполинъ, ковъ, бритва, неключо, тина, зѣло, отоци, степень*. Позднѣйшіе переписчики кормчихъ книгъ вносили въ этотъ словарь новыя рѣчи и распространяли его въ пятнадцатомъ столѣтіи до 350 словъ. Второй новгородскій словарь находится при книгѣ: *Іоаннь Льствичникъ*, принесенной къ намъ изъ царградскаго студійскаго монастыря. По новгородскому списку 1431 года этотъ словарь состоитъ изъ однихъ славяно-русскихъ словъ и вмѣщаетъ въ себѣ 61 рѣчь. Онъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Тлѣкованіе неудобъ познаваемомъ въ писаныхъ рѣчѣхъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ переводниковъ ово Словенскы, и ино Сръбскы, и другая Блѣгарскы, и Гръчскы, и ихъ же переводницы неудоволишася преложити на Русскій». Позднѣйшіе переписчики умножили и этотъ словарь до 200 словъ. Оба новгородскіе словаря были напечатаны К. Ф. Калайдовичемъ въ изданной имъ книгѣ, въ 1824 году: *Іоаннь Экзархъ Болгарскій*.

Изъ велико-русскихъ словарей извѣстны двѣ особенныя редакціи, принадлежащія къ шестнадцатому и семнадцатому столѣтіямъ. Имена нашихъ лексикографовъ, подвизав-

шихся водни возрожденія велико-русской литературы, доселѣ остаются неизвѣстными. Но судя по статьямъ, помѣщеннымъ въ этихъ словаряхъ, они начаты были не ранѣе второй половины шестнадцатаго вѣка.

Первый велико-русскій словарь имѣеть заглавіе: «Сказаніе о неудобь познаваемыхъ рѣчахъ», и такъ далѣе. Списки этой редакціи чрезвычайно рѣдко встрѣчаются, особенно шестнадцатаго вѣка. Господину Сахарову извѣстны только три списка этой редакціи: одинъ шестнадцатаго вѣка, два начала семнадцатаго.

Писатели и сочиненія, на которыхъ авторъ словаря указываетъ, суть: Григорій Богословъ, Максимъ Грекъ, Козма Индикопловъ, Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, Діонисій Ареопагитъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Григорій Амиритскій, Ефремъ Сиринъ, Петръ Аѳонскій: житія: Саввы освященнаго, Игнатія Богоносца, Арсенія, Іонна милостиваго, Саввы Сербскаго, Іоанна Лѣствичника, Θεодора Студійскаго, Антонія Велкаго; *Патерикъ Скитскій, Палія, Хронографъ, Похожденіе Александра царя македонскаго, Златая Цѣпь, Прологъ, Книги Ветхаго и Новаго Завета, Книги служебныя.*

Второй велико-русскій Словарь имѣеть разныя заглавія: 1) *Книга, глаголемая Азбуковникъ или: буквы;* 2) *Книга глаголемая Алфавитъ;* 3) *Лексисъ неудобь разумываемымъ рѣчемъ.* Списки этой редакціи извѣстны съ начала семнадцатаго вѣка; составитель имѣлъ въ рукахъ словарь Лаврентія Зизанія. Слѣдовательно эта редакція была составлена послѣ 1596 года.

Велико-русскіе словари составляютъ весьма замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Кромѣ лексикографіи, они вмѣщаютъ въ себѣ другія разнородныя свѣдѣнія. Изъ состава ихъ мы видимъ, что наши предки желали изучать знанія и искусства, что они любопытствовали знать о бѣломъ свѣтѣ не по однимъ рассказамъ паломниковъ. Всѣ географическія ихъ свѣдѣнія состоятъ изъ описанія городовъ, горъ, рѣкъ и земель. Для этого служили имъ: паліи, хронографы, хроникъ и повѣсти. Этнографическая часть, исполненная баснословныхъ сказаній, заимствована изъ со-

чиненія Козьмы Индикоплова, изъ хожденія Александра царя македонскаго и хронографовъ.

Но бросимъ ветхую нашу книжную ученость, и отправимся на русскую народную свадьбу.

«Русскія свадьбы представляютъ самыя лучшія минуты въ нашей семейной жизни», говоритъ господинъ Сахаровъ. «Въ эти краткіе, но полные жизнью и наслажденіями дни, Русскіе люди привѣтствуютъ въ новобрачной четѣ грядущее поколѣніе. Въ эти счастливые дни родители испытываютъ вполне наслажденіе за всѣ семейныя горести, и вмѣстѣ съ благословеніемъ передаютъ дѣтямъ все, что только было лучшаго въ ихъ жизни. Въ эти дни юное поколѣніе, дотолѣ беззаботное, дѣлѣнное игою родителей, вступаетъ въ свои права, и съ именемъ супружества свыкается со всѣми семейными обязанностями. Русскіе люди назвали это семейное торжество, «вторымъ земнымъ почетомъ». Не много дошло до насъ памятниковъ, сохранившихъ свѣдѣнія о нашихъ старинныхъ свадьбахъ, но и въ этихъ бѣдныхъ памятникахъ мы видимъ все величіе нашей семейной жизни; и въ этихъ остаткахъ мы узнаемъ духъ нашихъ предковъ, которымъ отличается русская жизнь среди славянскихъ племенъ. Сожалѣть ли намъ о томъ, что подробности свадебныхъ дней для насъ неизвѣстны? Или съ полною надеждою искать намъ старыхъ обычаевъ среди новой жизни? Конечно о многомъ мы должны сожалѣть, но бѣольшая часть изъ нихъ еще существуетъ вмѣстѣ съ нами, и, вѣроятно, долго будетъ утѣшать русскую жизнь, пока будутъ существовать русскіе люди». Этими словами господинъ Сахаровъ начинаетъ отдѣлъ о русскихъ народныхъ свадьбахъ. Впрочемъ слово *народныя*, не совсѣмъ оправдывается тѣми статьями, которыя помѣщены въ этомъ отдѣлѣ. Въ немъ мы находимъ преимущественно свадьбы русскихъ князей, первыхъ царей, ихъ церемоніалы, разряды, но не свадьбы народа. А это не все равно. Конечно и свадьбы князей основывались на тѣхъ самыхъ обычаяхъ, при которыхъ совершались и чисто-народныя свадьбы; читая ихъ описанія, мы безъ сомнѣнія скажемъ: это свадьба русскаго человѣка, только уже не вполне тотъ характеръ.

не ту душу мы найдемъ въ ней. Здѣсь обряды со всѣмъ своимъ значеніемъ превратились какъ бы въ церемоніалы. Мы не говоримъ, что описаніе этихъ свадебъ не имѣетъ для насъ никакого значенія, напротивъ мы находимъ въ нихъ значеніе, и даже очень большое, и должны быть весьма благодарны господину Сахарову за такое драгоценное собраніе. Но чтобы судить о нихъ, должно знать тотъ источникъ, изъ котораго онѣ вытекли, то основаніе, на которомъ онѣ устроились, то есть, самый русскій народъ, его веселыя свадьбы. Въ этомъ случаѣ намъ можетъ помочь книга господина Терещенки «Быть Русскаго народа». Она служитъ нѣкоторымъ дополненіемъ къ труду господина Сахарова. Правда господинъ Терещенко преимущественно выставляетъ *современный* бытъ русскаго народа: но если вспомнимъ, что этотъ русскій народъ крѣпко держится обычаевъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, что нужно много десятковъ лѣтъ, чтобы онъ хотя нѣсколько измѣнилъ дѣдовскій взглядъ; если мы вспомнимъ, что большая часть обрядовъ и обычаевъ, о которыхъ мимоходомъ замѣчали наши лѣтописцы, мало измѣнились до настоящаго времени, то конечно по современному быту народа можемъ судить и о прошедшей его жизни. Не совсѣмъ правъ господинъ Терещенко, сожалѣя, что нѣкоторые классы нашего общества не живутъ по преданіямъ старины. Если обрядъ теряетъ свое внутреннее значеніе, то онъ скоро оставляется и забывается. Умъ, развиваемый наукой и, слѣдовательно, знакомящійся съ отвлеченными истинами, уже не можетъ признавать многихъ значеній, часто изобрѣтенныхъ народнымъ суевѣріемъ, а потому необходимо отвергаетъ и эти обряды и обычаи, хотя и уважаетъ ихъ какъ преданіе, какъ образы былой жизни своихъ предковъ. Символы въ главахъ его уже теряютъ свою душу, когда онъ станетъ употреблять ихъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ своей жизни. Не всѣ классы общества развиваются одинаково, особенно у насъ; не всѣ классы общества могутъ довольствоваться одними и тѣми же обычаями. Измѣненіе обы-

чаевъ, разубѣтся, не насильственное, уже свидѣтельствуешь развитіе; часто уничтоженіе какого-нибудь народнаго обряда показываетъ, что общество стало смотрѣть на жизнь со стороны болѣе духовной. Гдѣ вѣчны одни и тѣ же обычаи, тамъ нѣтъ и развитія.

Народъ вѣритъ въ волшебство и чары, и вотъ на этотъ предметъ у него существуетъ множество обрядовъ и обычаевъ при его свадьбахъ. Какъ же мы станемъ употреблять ихъ безъ вѣры въ чародѣйство? Развѣ лучше видѣть, какъ многіе употребляютъ наши народные, скажу поэтическіе, свадебные обычаи только по преданію безъ всякаго ихъ значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашиваютъ на нихъ какія-то заморскія блестки, съ претензіей подражать болѣе образованному кругу общества, и развѣ отъ того не слѣдуются смѣшными и бездушными эти народные обычаи? Все-равно, что дѣвушка въ русскомъ блестящемъ гарсонѣ или въ европейской шляпкѣ по послѣдней модѣ! Не во вѣщности заключается истинная народность, мы можемъ оставлять многіе обряды своихъ предковъ, и между тѣмъ самостоятельно развивать эту народность; стоитъ только сознать свою жизнь, настоящее же мы выводимъ изъ прошедшаго. Въ этомъ-то отношеніи важны для насъ наши народныя преданія, наша бывшая жизнь; къ ней-то относятся и русскія свадьбы. Въ нашей древней исторіи, русская женщина не имѣла такого вліянія на общество, какъ женщина на Западѣ; за нее не сражались наши предѣды, не объявляли ее своей героиней, не преклоняли передъ ней колѣна, а употребляли для нея *другое орудіе*. Наша женщина не похожа и на женщину Востока, но занимала средину между той и другой. Ей не былъ знакомъ восточный гаремъ, да и теремъ извѣстенъ былъ однимъ бояремъ, а не въ народѣ. Русская женщина не была раба своего мужа, а была его жена работница, которая раздѣляла съ нимъ всѣ его труды и работы, слѣдовательно она не могла знать затворничества.

Изъ нашихъ народныхъ пѣсенъ мы выводимъ два періода жизни русской женщины; эти періоды имѣютъ свои

отличительные характеры, какъ со стороны внутренней, такъ и вѣшней; первый періодъ принадлежитъ дѣвушкамъ, другою — женщѣ. Одна въ строгомъ повиновеніи у отца и матери, другая у мужа, свекра и свекрови; первая болѣе или менѣе пользуется своей *волюшкой*, другая подчиняетъ ее чужой семьѣ. Вотъ что говоритъ одна русская пѣсня :

Ты скажи, скажи мой младъ соловей:
 Кому воля, кому вѣтъ воли гулять?
 Молодушкамъ вѣтъ волюшки,
 Краснымъ дѣвицамъ своя воля гулять.
 У молодухи три кручинушки:
 Да какъ первая кручинушка —
 Стать пуховую перинушку,
 А другая-то кручинушка —
 Растворятъ жена швроки ворота;
 А какъ третья-то кручинушка
 Ыдетъ, ѣдетъ мой ревнивый мужъ домой;
 Онъ везетъ, везетъ гостинецъ дорогой,
 Шелкову платку, гнуто кнутовье,
 Да ударитъ меня межъ бѣлыхъ плечъ.
 Стану мужу я кафтанъ скидывать,
 Часты пуговки разстегивать.

Вотъ какова воля жены. Въ чемъ же состояла волюшка дѣвушки? Несправедливо иные утверждаютъ, что русская дѣвушка жила только въ своей кѣтѣ, ожидая, когда отецъ и мать изберутъ ей жениха; что она знала только своихъ подругъ, удаленная отъ всякаго сообщества съ мужчинами. Совсѣмъ не то показываютъ намъ русскіе хороводы и посѣдѣлки, не то говорятъ намъ и русскія пѣсни. Воля дѣвушки вовсе не была такъ ограничена. Господинъ Терещенко, описывая старинныя свадьбы донскихъ казаковъ, говоритъ между прочимъ о вольностяхъ, которыя позволялись между дѣвицами и мужчинами :

«Потомъ сядились всѣ товарищи молодого, говоритъ онъ: каждый изъ товарищей его просилъ къ себѣ въ сосѣди дѣвицу, нравившуюся ему; такъ же каждый шлъ медъ и цѣловалъ ее, сколько хотѣлъ. Отсутствіе отъ себя выбра-

ную имъ, онъ могъ просить другую, третью и такъ далѣе, и за всякимъ бокаломъ онъ клалъ деньги на поднось, а подносившіе бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая, по татарски: *раса баса сагенъ* (и вамъ того желаемъ). Сидѣніе на подушкахъ продолжалось до полуночи, и сколько ни были застѣнчивы дѣвушки, но ни одна не отказывалась отъ поцѣлуевъ. Бывала иногда музыка, но она не препятствовала сидѣнію: пока одни танцевали, другіе не переставали срывать жаркіе поцѣлуи съ дѣвственныхъ устъ.

Но это конечно дозволялось только на свадьбѣ одной изъ подругъ дѣвушки. Разумѣется, отецъ и мать строго смотрѣли за своей дочерью, держали ее въ строгомъ повиновеніи, и изъ опасенія какого-нибудь грѣха старались удалять ее отъ мужчины; иначе и быть не могло; но все же эта воля существовала, о ней говорятъ наши пѣсни, которыя пѣвалъ русскій народъ въ своихъ хороводахъ, окруженныхъ и отцами и матерями, вѣсѣмъ честнымъ міромъ.

Бывали и романтическія свиданія между влюбленными.

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ.
 Изъ другой идетъ красна дѣвица,
 По близехопьку сходилися,
 По низехоньку поклонилса.
 Да что возговорить добрый молодецъ:
 Ты здорово-ль живешь красна дѣвица?
 «Я здорово живу милъ сердечный другъ!
 Каково ты живъ безъ меня одинъ?
 Давно мы съ тобою не видалиса,
 Говорить дѣвка улыбаючись,
 Что съ той поры, какъ разсталиса».

* Замѣтимъ мимоходомъ противорѣчіе, которое находимъ у господина Терещенки. Въ самомъ началѣ о старинной свадьбѣ донскихъ казаковъ, онъ говоритъ, что «дѣвушкѣ до самаго ея замужства не удавалось сказать трехъ словъ постороннему мужчине. Старые Донцы считали грѣхомъ, когда мужчина разговаривалъ свободно съ дѣвушкой». А потомъ черезъ нѣсколько страницъ онъ говоритъ о поцѣлуяхъ, съ которыми можно было передать вѣроятно тысячу словъ и услодій.

Дѣвушкаина воля выражалась *русой косою*; она-то составляла лучшее украшеніе дѣвицы, главную ея заботу; дѣвушка со стараніемъ разчесывала ее, заплетала въ ленту, гордилась, дорожила ей, какъ своимъ сокровищемъ; она знала, что эта роскошная коса принадлежитъ только ея дѣвической молодости, отчего жъ и не полелѣять ее! Вѣдь скажетъ же наконецъ отецъ: «не вѣкъ тебѣ дѣвовать, не вѣкъ одной вѣковать», и расплетутъ ея русую косу, и упрячутъ ее подъ кокошникъ, и прощай на вѣкъ гордость-коса: съ тобой одна жизнь, безъ тебя — совѣтъ уже другая. Объ этой-то русской косѣ много говорятъ наши пѣсни; въ нихъ много поэзіи и живописности. Вотъ на примѣръ:

Какъ у насъ во околицѣ,
 Какъ у насъ во свѣтлчкѣ,
 Подъ окномъ дѣвица сидѣла,
 Подъ краснымъ косяшетымъ,
 Буйну голову чесала,
 Свою русу косу плела.
 Свою русу косу плела,
 Къ себѣ друга милаго ждала.
 Погляжу млада въ окошко:
 Ужъ не идетъ ли милый другъ?
 Ужъ какъ мой милый идетъ,
 Что ясенъ соколъ летитъ,
 Шапочку охарашиваетъ,
 Бѣлыми руками помахиваетъ,
 Черными кудрями потряхиваетъ.
 Я выходила молода
 Изъ высокаго терема
 На широкій дворъ
 Встрѣчать друга милаго.
 За бѣдые руки хватала,
 Во высокъ теремъ водила,
 Подъ восшато окно сажала.
 Ушъ ты милый другъ,
 Порадуйся со мной,
 Подвонеси носей русской косы!
 «Ахъ, ты, косыньки, носы,

Коса дѣвичья краса!
 Ужъ какъ ты русая коса
 Изсушила меня молодца.
 Потускнѣли черны очи,
 Позавялъ румянецъ на лицѣ,
 Нѣту удали у добраго
 Нѣту радости у молодца».

«Не плачь, не горюй,
 Другъ сердечный мой!
 Моя русая коса
 Не на горе рождена».

Но волюшка красной дѣвицы уже не касалась до избранія жениха: этимъ распоряжались отецъ съ матерью. Отъ дѣтей требовалось строгое, непрекословное послушаніе родительской воли. Конечно, отсюда происходило множество браковъ противъ воли, противъ любви, и слѣдовательно не удивительно были семейныя несчастія. И сколько есть пѣсень, которыя выражаютъ этотъ семейный деспотизмъ, жалобу на виновниковъ несчастія. Не удивительно послѣ этого, что дѣвица смотрѣла съ дикимъ страхомъ на свою замужнюю жизнь: не слышала ли она про него безпрестанно въ этихъ пѣсняхъ, переходившихъ изъ устъ въ уста? И вотъ наконецъ дѣйствительно наступалъ другой періодъ ея жизни. Здѣсь совсѣмъ уже иное. Понятіе о строгой, непрекословной покорности почти уничтожаетъ ея личность; она дѣлается существомъ страдательнымъ и съ тѣмъ состарится. Она должна угождать свекрови, свекру, мужу: а какъ прикажете угождать такимъ характерамъ, каковы были напри- мѣръ Тарасъ Бульба; а они встрѣчались сплошь и рядомъ въ старое время, встрѣчаются и теперь. Не даромъ у насъ въ народѣ ходитъ вѣсть о свекрѣ и свекрови; значить они имѣли сильное вліяніе на жизнь молодой невѣстки и, вѣро- ятно, вліяніе нѣсколько деспотическое; жена боялась не столько мужа сколько его родныхъ. Что же она дѣлала? работала, кормила дѣтей, и, наконецъ, совсѣмъ свыкалась, а потомъ уже развивала надежду, что она и сама когда-нибудь будетъ свекровью, и сама будетъ пользоваться такими же

свекорскими правами. Следовательно, мы видимъ, жизнь женщины была самая ограниченная, да и могла ли жизнь эта раздвинуть свои границы тамъ, гдѣ мужнину любовь выражала *плетка!* Такую жизнь предвѣщали дѣвушкѣ уже свадебныя пѣсни. Вскормленная съ такими убѣжденіями, невѣста поневолѣ считала замужство своей *судьбой*, а жениха своимъ *суженымъ*. Впрочемъ и женихъ находился въ такой же зависимости отъ своихъ родителей, хотя и съ меньшими ограниченіями.

Не имѣя памятниковъ, мы не можемъ слѣдить вѣкъ за вѣкомъ, какъ образовались и измѣнялись наши обычаи и обряды при совершеніи свадебъ. Но, кажется, что нѣкоторые изъ нихъ получили свое начало отъ языческихъ обрядовъ, которые употреблялись у Славянъ. Такъ напримѣръ *разуваніе мужа* извѣстно со временъ Владиміра Великаго. «Не хочу изути (разуть) робича (сына рабы)», говорила Рогнѣда, княжна полоцкая, когда Владиміръ предлагалъ ей свою руку. Бросанье на полъ скляницы, и топтанье ея ногой вѣроятно тоже одинъ изъ дохристианскихъ обычаевъ: подобное мы встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ другихъ языческихъ народовъ. Можетъ-быть многіе изъ этихъ обычаевъ составляли прямо священный обрядъ соединенія жениха съ невѣстою; а въ христіанствѣ они заняли другое мѣсто, сдѣлавшись какъ-бы придаточными къ вѣнчанію.

«Изъ посланія великаго князя Владиміра Мономаха къ князю Олегу», говоритъ господинъ Терещенко, «видно, что свадьбы сопровождалась пѣснями. А замѣтимъ, что Владиміръ Мономахъ былъ не такъ далекъ отъ временъ язычества; обычаи же народные образуются не вдругъ, и основываются на старинѣ. Славяне изстари, еще до христіанства, имѣли сношеніе съ Востокомъ, особенно съ Арабами; можетъ-быть нѣкоторые изъ восточныхъ обычаевъ вмѣстѣ со словами, которыхъ въ нашемъ языкѣ довольно, перешли къ намъ; и, кажется, обрѣзаніе косы вышло прямо съ Востока. Въ этомъ отношеніи любопытно бѣ было изслѣдовать Востокъ. Да вѣроятно и Татары сообщили намъ не ма-

до ; и едва ли не имъ обязаны плеткой ; отъ нихъ намъ досталось много добра и все подобно плеткѣ».

Какъ бы то ни было, только всѣ наши обычаи при отпраздненіи свадебъ имѣютъ свое внутреннее значеніе. Ихъ можно раздѣлить на символы и пѣсни. Всякій народъ, живущій въ тѣсной связи только съ природой, еще не развитый, старается облекать всѣ свои понятія въ видимыя формы, потому что ему тяжелы отвлеченности ; и вотъ онъ окружаетъ себя этими формами, превращаетъ ихъ въ обычаи, въ обряды, и, наконецъ, они дѣлаются для него дѣдовскими, священными. Здѣсь съ внутренней стороны дѣйствуетъ наиболѣе умъ и стремленіе къ таинственности, а съ внѣшней воображеніе ; отсюда-то и происходятъ символы. Такимъ образомъ и свадебные символы мы будемъ разсматривать со стороны народнаго ума и народныхъ суевѣрныхъ стремленій.

Бракъ есть основаніе общества, необходимая связь между людьми, основанная на человѣческихъ и божескихъ законахъ. Всякій народъ, если онъ не дошелъ до грубой животной дикости, имѣетъ понятіе о бракѣ ; оно переходитъ по преданію отъ первыхъ людей. Умъ сознаетъ, что сущность брака должна составлять тѣснѣйшую связь между мужемъ и женой, безъ чего и бракъ будетъ не въ бракъ. И вотъ эту-то связь, такой-то брачный союзъ у насъ выражался символомъ-караваемъ, который даже носился въ церковь при вѣнчаніи жениха и невѣсты, и который потомъ ѣли новобрачные. Онъ же равно какъ и иконы, выражалъ благословеніе ихъ брачнаго союза. Но для тѣсной связи супруговъ необходима любовь или крайней-мѣрѣ дружелюбное согласіе въ жизни, безъ чего не можетъ быть семейнаго счастья и спокойствія, и вотъ новый символъ — это хмѣль, которымъ осыпали новобрачныхъ ; хмѣль, кажется, и у Грековъ выражалъ любовь и веселіе. Затѣмъ довольство, здоровье составляютъ не маловажное условіе спокойной жизни ; безъ чего и любовь не будетъ утѣшительна. И для этого употреблялись символы на нашихъ народныхъ свадьбахъ : деньги, соболи или

другой мѣхъ — желаніе богатства, дѣшаніе обморока — желаніе здоровья и долголѣтвой жизни. При всемъ томъ могутъ же быть и враги семейнаго счастья, которые изъ злобы помутятъ его. Топтаніе сосуда передъ самымъ алтаремъ выражаетъ похищеніе враговъ семейнаго счастья. Наконецъ чадородіе, какъ плодъ любви, какъ семейная утѣха представляютъ ржаные снопы, на которыхъ стелеть постель новобрачнымъ. Взаимныя даренія съ жениховой и нежѣстной стороны, вѣроятно, означаютъ желаніе прочности новаго родства и знакомства. Такое же обыкновеніе существовало и у Грековъ. У Гомера герои мѣняютъ своимъ оружіемъ въ знакъ знакомства и дружбы; такая же мѣна существуетъ отчасти и на Востокѣ.

Человѣкъ отъ природы расположенъ къ таинственнымъ суевѣрнымъ стремленіямъ, онъ часто создаетъ себѣ небывалыя призраки, вѣрять имъ и жить посреди ихъ. Вѣрованіе въ сверхъестественную силу человѣка съ помощью чорта, домоваго и подобныхъ злыхъ духовъ; вѣрованіе въ колдовство, чернокнижіе, въ порчу, составляютъ не маловажное свойство русскаго народа. Страхъ всего этого родилъ новые символы при совершеніи нашихъ свадебъ. Ихъ чрезвычайно много. Одинъ изъ нихъ общепотребительный, состоялъ въ томъ, что дружка въ первую ночь новобрачныхъ ѣздилъ около ихъ дома на конѣ съ обнаженнымъ мечемъ. Подобные символы выражали свободу отъ власти лихаго человѣка, и въ то же время служили предохранительнымъ средствомъ. Шуба надѣтая вверхъ мѣхомъ кажется представляла то же самое. Нынче почти каждая губернія имѣетъ свои особенныя предохранительныя средства. Такъ по словамъ господина Терещенки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пензенской губерніи подружье (помощникъ дружки), идущій съ хлѣбомъ-солью, при обходѣ повѣзда въ церковь подпрыгиваетъ или дрягаетъ ногой, чтобы отогнать все опасности, могущія случиться съ молодыми во время повѣзда ихъ въ церковь и обратно; въ саратовской губерніи одна изъ родственницъ молодой бросаетъ въ воду перстень для того, чтобы никто

не могъ испортить молодую. Такъ опоясываютъ голое тѣло невѣсты сѣтью, для того, чтобы еретники не испортили ее. Наконецъ есть еще другіе символы: естественные, какъ наприкладъ, продажа косы — переходъ въ чужой домъ и принадлежность мужу, плетенье косы, ея обрѣзаніе — перемоль изъ дѣвическаго въ замужнее состояніе. Въ Малороссіи убираютъ голову невѣсты цвѣтами барвянкомъ и рутей—что означаетъ любовь, надежду и прочее. Въ саратовской губерніи на невѣсту надѣваютъ двѣ рубашки въ знакъ ея невинности. Другіе символы, вытекающіе изъ обыкновеній и правовъ жизни, такъ наприкладъ, плѣтъ и разуванье мума—покорность. Изъ описаній свадебъ господина Терещенки мы можемъ вывести множество подобныхъ символовъ. Такъ черезъ часъ или два послѣ ухода молодыхъ въ спальню, являлись къ отцу и къ матери новобрачной гости и бѣли все, что ни попалося подъ руку, что значило: ваша дочь ушла въ невинности до самаго брака. Если же случалось противное, то новобрачный или сваха обыкновенно подавали тещѣ пресверденный на днѣ стаканъ, и наполняли его виномъ. Въ псковской губерніи жемчугъ присылаетъ тестю и тещѣ два графина вина; если полны, то значитъ, что онъ доволенъ ихъ дочерью; если же не доволенъ, то графины не долиты. Въ олонецкой губерніи, говоритъ господинъ Терещенко, новобрачный вырѣзываетъ кусокъ изъ серединны яичницы, которую подаетъ ему сама теща, а дружка наливаетъ туда масла; чашку же, въ которой было масло, онъ разбиваетъ. Это тогда дѣлается, когда новобрачная выйдетъ замужъ дѣвицею; въ противномъ случаѣ новобрачный разрѣзываетъ яичницу на куски, дружка вкочлачиваетъ надъ дверью гвоздь, на который вѣшаетъ хомутъ, отдаетъ матери масло и ведетъ новобрачную подъ хомутомъ въ дверь, въ сопровожденіи самой матери, несущей масло, и провожаетъ ее до воротъ; потомъ возвращается съ нею въ избу. Тогда веселіе прекращается, и всѣ кричатъ съ негодованіемъ: *водили подъ югу! подъ югу!* Масло, которое несла мать, озна-

* Юга, латинское слово *jugum*, означаетъ ярмо, а въ переносномъ смыслѣ хомутъ. Въ древности Римляне означали, для памяти, наступивше-

часть, что она болѣе занималась коровами, нежели нравственностью дочери.

Любопытно знать, откуда зашелъ къ намъ этотъ римскій обычай. Въ той же губерніи, когда сватается женихъ, то зажигаютъ свѣчу передъ образомъ; если невѣстѣ не нравится женихъ, то она не говоря ни слова, гаситъ свѣчу. Такихъ символовъ мы можемъ привести весьма много; и они, кажется, составляютъ одно изъ замѣчательныхъ свойствъ русской жизни.

Наконецъ вотъ еще нѣсколько словъ о народныхъ примѣтахъ, которыя бываютъ во время свадебъ; ихъ производятъ естественное желаніе знать будущее; однѣ изъ нихъ вытекаютъ прямо изъ народной аналогіи, другія изъ простаго суевѣрія; однѣ выводятся изъ случайныхъ событій и дѣйствій, другія же сами побуждаютъ къ нарочнымъ дѣйствіямъ, чтобы изъ нихъ можно было сколько-нибудь заключить о будущей жизни новобрачныхъ. Такъ напримѣръ, чья вѣнчальная свѣча останется болѣе, тотъ и проживетъ долѣе; чья свѣча печально погаснетъ, тотъ скорѣе умретъ, то есть, и жизнь его такъ же скоро погаснетъ; кто первый вступитъ на вѣнчальный коверъ, тотъ первый будетъ и въ семейной жизни, то есть, будетъ властвовать надъ другимъ. Если въ день брака идетъ дождь (онъ означаетъ изобиліе), то жизнь новобрачныхъ будетъ изобильна: чистая аналогія. Въ нижегородской губерніи, по словамъ господина Терещенки, послѣ обѣда подають молодымъ большой пряникъ. Они положивъ на него лѣвую руку, ломаютъ правой. Тутъ замѣчаютъ, что кто изъ нихъ за однимъ разомъ отломитъ побольше, тотъ будетъ болышина (старшимъ въ домѣ). Въ саратовской губерніи до прибытія молодыхъ въ спальню, на ихъ постелѣ лежатъ супруги, извѣстные по своей согласной жизни, для того, чтобы обогрѣть ее своей лю-

шій годъ вколачиваніемъ гвоздя въ стѣнѣ храма и по числу гвоздей вели счетъ прошедшимъ годамъ. Обычай вбиванія гвоздя, переходя отъ преданія къ преданію, потерялъ настоящее свое значеніе, и онъ употребляется теперь въ смыслъ намяти, потому что если мужъ грозитъ своей жепѣ, то онъ говоритъ ей: *эй, жена! обей себя гвоздикомъ для намяти.*

бовью. Тамъ же дружка подходитъ къ столу, беретъ свой хлѣбъ, отрѣзываетъ отъ него часть; потомъ беретъ хлѣбъ невѣстнѣ, отрѣзываетъ отъ него часть и часть отъ своего хлѣба прикладываетъ къ невѣстиному. Потомъ беретъ изъ своей солонки соль и кладетъ ее въ солонку невѣстину; послѣ перекладываетъ соль изъ невѣстиной солонки въ женихову: это дѣлается для нераздѣльной ихъ любви.

Въ той же губерніи, сваха войдя въ избу, не начиная разговора, старается прежде всего взглянуть на матицу — (брусъ, поддерживающій потолокъ), и сѣсть противъ него — это она дѣлаетъ съ намѣреніемъ, чтобы дѣло пошло успѣшнѣе.

Словомъ, у русскаго человѣка такихъ примѣтъ было множество въ старину и сохранилось въ наше время.

Пѣсни составляютъ одну изъ главныхъ принадлежностей каждой свадьбы. Эти пѣсни приваровлены ко всякому дѣйствию жениха и невѣсты; ко всякому народному обряду онѣ составляютъ изложеніе, часто поэтическое, всего того, что совершается съ княземъ и княгинею (необходимое названіе жениха и невѣсты во всякомъ сословіи) съ боярами (названіе поѣзжанъ) и съ другими. Онѣ вмѣстѣ со всѣми лицами и со всѣми обрядами составляютъ одно цѣлое, прекрасную русскую народную поэму. Въ ней-то выражалась жизнь своя, особенная, торжественная, гдѣ все имѣло свое значеніе.

Для всякаго обряда необходима была пѣсня: какъ скоро оставался обрядъ, забывалась и пѣсня; вводился новый обычай, тотчасъ же рождалась и новая пѣсня. Въ этомъ удостоверяютъ насъ многія свидѣтельства. Такъ напримѣръ Нерехта въ костромской губерніи приняла обычай отъ Татаръ — оставлять жениха въ полѣ съ поѣздомъ, тогда какъ къ невѣстѣ идетъ одинъ дружка. И вотъ къ этому чуждому намъ обычаю явилась и особая пѣсня:

Въ чисто поле выѣзжалъ,
Храбрый свой поѣздъ воевалъ.
Мой храбрый поѣздъ

Стоитъ въ чистомъ полѣ, далече:
 За темными лѣсами,
 За зелеными лугами,
 За черными грязями,
 За быстрыми рѣками,
 Подъ ходящими облаками,
 Подъ чистыми звѣздами,
 Подъ краснымъ солнышкомъ,
 Подъ свѣтымъ мѣсяцемъ,
 Подъ лебединымъ крылушкомъ,
 Подъ полотнянымъ шатеркомъ:
 Пьютъ, ѣдятъ изъ чаши медяной,
 И хвала, про свата выспрашиваютъ:
 Есть ли-ста дворы широкіе,
 На дворахъ столбы точеные,
 Кольца золоченые,
 Ясли крашеные,
 Ковры шелковые?

Большая часть нашихъ свадебныхъ пѣсенъ превосходны по своему тону и своимъ простымъ краскамъ. Въ нихъ безпрестанныя сравненія, да притомъ и характеръ этихъ сравненій совершенно особенный; его можно назвать русскимъ или славянскимъ, потому что только намъ принадлежить онъ.

Въ нихъ же мы встрѣчаемъ и прекрасныя олицетворенія, чисто народныя, замѣчательныя своей поэтической простотой и прелестью. Вотъ напримѣръ, олицетвореніе дѣвичьей красоты, о которой уже не нужно заботиться послѣ свадьбы: какъ-будто съ расплетеніемъ косы, и красу свою теряетъ дѣвушка.

Она (краса) раститъ себѣ крыльце,
 Посеребренно перьце;
 Она хочетъ улетѣти,
 Далече во чисто поле,
 Во раздолье широкое.
 Да и следеть дѣвѣ красота,
 На березку кужлавую.

И пройдетъ же эта пора,
 Это время минуется,
 И придетъ холодная зима.
 У зимы-то холодныя,
 Будетъ весна красовитая; —
 У весны красовитыя,
 Будетъ лѣто-то теплое. —
 И пойдутъ мои подруженьки
 По шелковые вѣночки,
 Съ топорами со острыми.
 Подсѣкутъ эту березеньку,
 Уронятъ дѣвью красоту.
 На траву на шелковую.
 Что и тутъ дѣвья красота,
 Ей не мѣсто, не мѣстечко,
 Да не мѣсто красовитое. —
 И пойдутъ добры молодцы,
 Со косами, со винтовками; —
 И подкосятъ шелкову траву,
 И уронятъ дѣвью красоту,
 Ее на щетку колючую.
 Что и тутъ дѣвья красота,
 Ей не мѣсто, не мѣстечко
 Да не мѣсто красовитое.
 Она вспорхнетъ да и улетитъ,
 На болота зыбучія.
 И сидеть дѣвья красота,
 На скрынучее деревцо.
 Деревцо раскрынуется,
 Мое сердце растоскуется.
 Что и тутъ дѣвья красота,
 Ей не мѣсто, не мѣстечко,
 Не мѣсто красовитое. —
 Она вспорхнетъ да и улетитъ, —
 И упадетъ дѣвья красота
 Она на славную Сухоню
 И поплыветъ дѣвья красота
 Внизъ по славной по Сухонѣ,
 Изъ славныхъ Сухоня,
 Во матушку Вологду. —
 И приплыветъ дѣвья красота;

Ко Насону ко городу *
 Ко дѣвичью монастырю.
 Тутъ и выйдетъ же старочка,
 За водою ключевою,
 Съ дубовыми ведрами:
 Размахнетъ да и почерпнетъ, —
 И почерпнетъ дѣвью красоту,
 Во ведро дубовое.
 И возьметъ дѣвью красоту
 На свои руки бѣлыя,
 Она станетъ выпрашивать:
 Ужъ ты чья дѣвья красота!

или олицетвореніе воли:

Свѣтъ ты, моя волюшка!
 Свѣтъ ты, моя нѣгушка!
 У родной у матушки,
 Куда-то мою волюшку,
 Миѣ пустить будетъ?
 Пушу я мою волюшку,
 Во чисто поле;
 Пушу я мою волюшку,
 Во темный лѣсъ.
 Во темномъ лѣсу она заплутается.
 Нѣтъ, пушу я мою волюшку,
 По милымъ подруженькамъ.
 Покрасуйтея подруженьки,
 Покрасуйтея любезныя,
 Поколь вы у батюшки,
 Поколь вы у матушки,
 А я горькая горемычная,
 Я уже открасовалася;
 Отшутила я съ вами,
 Всѣ шутки шутливыя.

Расплетаніе косы есть уже символъ потери дѣвической воли.

* Такъ называлась въ древности Вологда. Еще и теперь помнятъ нѣкоторые старожилы, находившіяся на столбѣ надписи, въ селѣ Короничьинѣ: *городъ Насонъ*. Название Насона дано было крѣпости, построенной царемъ Іоанномъ-Четвертымъ Грознымъ, въ память святаго анестола Иасона.

Такимъ образомъ мы, кажется, представили все, что соблюдалъ русскій народъ при своихъ свадьбахъ, и все это онъ освящалъ религіей. Изъ записокъ Кошихина, и изъ рядныхъ росписей, которыя приводитъ господинъ Сахаровъ, мы видимъ, что условіе о приданомъ составляло главный предметъ при заключеніи браковъ. Могло ли и быть иначе, когда отцы и матери женили и выдавали замужъ, не спрашивая согласія ни жениха ни невѣсты; разумѣется, здѣсь болѣе всего дѣйствовалъ расчетъ. Впрочемъ господинъ Терещенко говоритъ, что у Малороссіянъ, къ чести ихъ, какъ въ старину, такъ и теперь, не спрашиваютъ о приданомъ, а болѣе обращаютъ вниманія на нравственныя качества дѣвушки.

Весьма любопытны эти рядныя записи на приданое, помѣщенные въ «Сказаніяхъ Русскаго народа». Древнѣйшая изъ нихъ 1542 года. Приданое давалось огромное, преимущественно образами, помѣстьями и платьями (разумѣется, между дворянами), деньгами очень не много. Замѣчательно въ нихъ это смѣшеніе вещей и людей. Въ росписи 1612 года о женидбѣ вдовца-крестьянина скоровскаго на вдовѣ между прочимъ находимъ: «да двои серьги серебряныхъ съ жемчюги съ золочены, да у четырехъ дочерей по двоимъ серьямъ, да съ нею же сынъ Василій, да двѣ кобылы, да жеребчикъ ланькой, да семь овецъ съ ягняты, да одиннадцать рублей денегъ и прочее», или въ другой росписи 1760 года: «да приданова жъ даю государева жалованья помѣстье.... двадцать четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, да крестьянина Ерошку съ женою и съ матерью и съ дочерью, да полоннаго челоуька Ивашку съ женою и съ дѣтьми саму пятау». Во всякой росписи назначался срокъ, къ которому должна совершиться свадьба, а за промедленіе и неустойку выговаривалось заплатить жениху извѣстную сумму; въ росписи 1670 года назначено пятьсотъ рублей; а въ двухъ другихъ 1671 и 1672 года по двѣсти рублей.

Послѣ взаимныхъ согласій о приданомъ и о многомъ другомъ, первымъ свадебнымъ праздникомъ назначался сговоръ. Здѣсь обыкновенно невѣстиянъ отецъ съ радости

напивался до пьяна; и вотъ чѣмъ объясняется выраженіе во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ: *отецъ пропилъ дочь свою*. Здѣсь же дѣвушки, подруги невѣсты, начинали свои пѣсни. Наканунѣ свадьбы назначался дѣвичникъ. Дѣвушки во все время гостили у невѣсты и это былъ для нихъ послѣдній вечеръ. Здѣсь новыми и важными лицами являются дружка (отъ слова дружокъ) и сваха, которые распоряжаются всѣмъ.

Наканунѣ вѣнчанія приглашался въ домъ жениха семи или шестилѣтній мальчикъ, для укладки въ ларчикъ вещей, купленныхъ для невѣсты, и въ тотъ же вечеръ женихъ отвозилъ ей подарокъ, который состоялъ изъ башмаковъ, серегъ, опахала, пряжки, бѣлыя, румяня, перчатокъ, шолокъ, нитокъ и ножницъ. Въ тотъ самый день готовил баню для жениха и невѣсты: они ходили отдѣльно съ своими знакомыми; послѣдніе разглашали о предстоящей свадьбѣ. Отъ хожденія молодыхъ въ баню, вошло въ поговорку: *по рукамъ да въ баню*. — При празднованіи дѣвичника; садился женихъ съ невѣстою на мохнатой пубѣ, для игнанія чаръ и порчи. — На другой день, предъ поѣздомъ въ церковь, тотъ же мальчикъ или братъ съ невѣстной стороны, обувалъ невѣсту въ башмаки и продавалъ ее коосу за гривну золотую. Чѣмъ дороже она продавалась, тѣмъ болѣе было чести для невѣсты. Косу хранили родные, а иногда сама невѣста, которая, при видѣ своей косы, всегда вспоминала о дѣвической своей радости съ горькими слезами. Разстаться дѣвушка съ косою, значило разстаться съ своей свободой.»

Замѣтимъ что на дѣвичникѣ также пѣли пѣсни, и большую часть отъ лица невѣсты; многія изъ нихъ чрезвычайно жалобныя, напоминающія невѣстѣ о потерѣ счастливаго ея состоянія, объ оставленіи ею родимаго дома, и прочая. Весьма замѣчательна одна подобная пѣсня въ олонекской губерніи, какъ по своему языку, такъ и по живописному изложенію. Вотъ конецъ ея:

«Изживаютъ меня бѣдную
Будто врага изъ города,

Люта зѣря изъ темна лѣса.
 Погоди родвма матушка!
 Схватисья, да догадаешься,
 Какъ не будетъ меня бѣдной;
 И по бережку находишься,
 Камешковъ наприбираешься,
 И къ сердцу наприжимаешься.
 Рада будешь, красно солнышко!
 Черезъ поле въ глаза видѣти,
 Черезъ лѣсъ да голосъ слышати.
 Черезъ рѣку рѣчь говорити.
 У меня у молодешеньки,
 Будетъ волюшка спрошенная,
 Красота да доложеная.
 Миѣ захочется тошнехонько
 На родимую сторонушку,
 Да отхочется скорешенько:
 У меня день пройдетъ спрашаючи,
 Другой день да вздоложаючи,
 Недѣлку снаряжаючи
 На родимую сторонушку.
 Осенью да бездорожьце,
 А весною да безпольце,
 Лѣтомъ лѣтнія работушки,
 Зимой зимушка студеная.
 И не спуститъ меня, бѣдную,
 На родимую сторонушку....
 Ужъ мы свидимся, — понаплачемся,
 Разойдемся, натоскуемся».

Сколько чувства, сколько поэзи!

При продажѣ косы тоже поютъ особыя пѣсни и причитанія. Здѣсь же поется невѣстѣ пѣснь о чуждомъ домѣ, который обыкновенно называютъ *чужой стороною*. Замѣчательна по своему сравненію пѣснь на свадьбахъ въ саратовской губерніи:

«Въ чужихъ людяхъ надо жить умѣючи,
 Да все разумѣючи.

Подика ты, красна дѣвушка!

Т. ХСІV. — Отд. V.

На быструю рѣку,
 Спроси гусей стѣрихъ:
 Каково гусямъ плыти,
 Встрѣчь быстрой рѣки? —
 Таково то жить, во чужихъ людяхъ.
 Чужой батюшка свекоръ,
 Безъ вины журитъ;
 Свекровь матушка,
 Безъ порядку наряжаетъ.»

Всѣмъ вокругъ невѣсты весело; дѣвушки поютъ шутки надъ дружкой, свахой; женщины подсмѣиваются надъ невѣстой, напоминая ей о неволѣ чужой стороны: только каково-то бѣдной невѣстѣ? не мало она должна перечувствовать въ то время, особенно если выходитъ еще противъ воли.

Передъ поѣздомъ въ церковь, садился женихъ на какой-либо мѣхъ; свахи чесали имъ головы, обмакивая гребень въ медъ или въ вино, которое держалъ нарочный въ ковшѣ. — Потомъ осыпали ихъ осыпаломъ, то есть деньгами, хмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ; тутъ бывали брачныя свѣчи, вѣсомъ иногда по пуду, ихъ зажигали богоявленскою свѣчою *. Въ церковь возили съ собою вино

* Въ настоящее время замѣчательно своею особенностью отправленіе въ церковь всего поѣзда въ саратовской губеріи. При выходѣ изъ избы, каждый долженъ переступить черезъ порогъ правой ногою и креститься. На дворѣ дружка указываетъ каждому свою лошадь, и каждый садится на нее; потомъ онъ произноситъ гроико: *слушай весь гостинной моладь! складайте шапки.* Всѣ снимаютъ, читаютъ молитву и крестятся, потому что въ то время дружка ходитъ вокругъ поѣзда съ образомъ. Обошедши вокругъ три раза, онъ останавливается и говоритъ:

Миръ крещенный!
 Народъ священный!
 Благословите нашего князя,
 Ко кресту и ко вѣнцу.

Богъ васъ благословитъ и мы благословимъ, отвѣчаютъ поѣзжане; за тѣмъ обращается дружка къ стоящему народу:

И вы тетки — лебедки,
 Молодыя молодки,

въ склянницѣ, которое священникъ давалъ пить жениху и невѣстѣ; за третьимъ разомъ женихъ разбивалъ склянницу объ полъ, и топталъ ее ногою. Въ церкви, во время вѣнчанія, подстилали молодымъ подъ ноги камку или коверъ, а поверхъ ихъ соболи, куницы или другой какой либо мѣхъ. Послѣ вѣнчанія, молодой долженъ былъ взять за руку свою молодую, и вестъ ее къ иконамъ, не опускавая ея руки. иначе вѣчное будетъ между ними несогласіе. — Если при вѣнчаніи не надѣвали вѣнца на голову невѣсты, по причинѣ ея головного убора, или кто-либо изъ друзей только держалъ вѣнецъ надъ ея головою; то замѣчали, что тотъ бракъ будетъ несчастливъ, и жена непременно будетъ имѣть многихъ мужей и любовниковъ. Кто же изъ молодыхъ первый ступалъ на коверъ, подстилаемый подъ ноги, тотъ будетъ имѣть власть во всемъ домѣ. По этому предразсудку каждый изъ молодыхъ старался стать прежде на коверъ, и тутъ уже выходила ссора.

При входѣ невѣсты въ домъ жениха, ее встрѣчали тестъ и теща съ благословеніемъ и хлѣбомъ-солью. Она же съ своимъ молодымъ падала имъ въ ноги, три раза: ихъ столько же разъ поднимали, и потомъ сажали на почетное мѣсто и угощали. Гости пѣли радостныя пѣсни, вели-

Кунья шубки,
Соболи опушки,
Золотыя сережки,
Сафьянны сапожки,
И вы благословите нашего князя!

Богъ благословитъ васъ и мы благословляемъ, отпѣваютъ онѣ. Тогда дружка отдастъ образъ посаженному отцу и отправляется со всѣми къ невѣстѣ.

• При вѣнчаніи второбрачнаго вдовца съ дѣвицей, клали ему вѣнецъ на правое плечо, троебрачному вдовцу на лѣвое плечо — дѣвицѣ же на голову. Тоже самое случалось со вдовою, выходившею въ другой и третій разъ за мужъ. Вступившіе въ бракъ вдовецъ со вдовою не вѣнчались, но читали надъ ними молитву и свадебный обрядъ отпѣвался. (См. «Быт. Рус. Нар.» Терещевки. Часть II стр. 88.)

чали княземъ и княгинею. Послѣ шумной веселости, раздавались иногда нескромныя пѣсни.

Городъ Торонецъ (псковской губерніи), кажется отличался особымъ нарушеніемъ приличія. Тамъ женихъ и всѣ его домашніе нарочно приглашали дѣвокъ, чтобы встрѣтить невѣсту когда она входила въ домъ жениха, такимъ образомъ: дѣвки, стоя на крыльцѣ, привѣтствовали ее: *намъ чилъ бы Василисчишка, во трехъ шубахъ! Ажно она бережна. Ты несешь ли люлечку? ты ведешь ли нялечку? оглянись-ко ты назадъ, полюбовники стоятъ, да по грамоткѣ держать.*

Новобрачныхъ вводили въ свадебную комнату при пѣніи; ихъ сажали подъ образами за дубовымъ столомъ, покрытымъ браными скатертями*; послѣ подчивали ихъ медомъ и перепечью; гости предавались во весь день удовольствіямъ и угощались, дружкою и свахою. Потомъ открывали обѣденный столъ, на которомъ, между многими хлѣбами, калачами, перепечью, медовыми и слоеными пирогами, стоялъ богатый каравай. Когда подавали на столъ жаркое, тогда дружка, обернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и солонкою, верхней скатертью, относилъ въ сѣнникъ и ставилъ на столъ у постели. По разрѣзѣ каравая, подносили первый кусокъ молодымъ съ чаркою вина, и потомъ вводили ихъ въ *холодный сѣнникъ*. Пирующие оставались въ свадебной комнатѣ, и продолжали пѣть и плясать подъ звукъ трубъ и бубенъ, а иногда органовъ и волынки, до самаго разсвѣта.

Въ головахъ постели ставили брачныя свѣчи, воткнутыя въ кадъ съ пшеницею, которую не снимали въ продолженіи всего года. Сѣнникъ приготавлился съ особыми обрядами: по всѣмъ четыремъ стѣнамъ покоя вѣшали образа, а въ головахъ постели, надъ окнами и дверьми, ставили *по воздвизальному* кресту; по четыремъ угламъ втыкали по стрѣлѣ, на ней по соболу или куницѣ; недостаточ-

* *Браныли* значило хорошо убранныя или украшенныя искусной работою, которыми застилался столъ въ большіе праздники и радостные дни (свадьбы).

ные же вѣшали простые мѣха и втыкали по калачу; на лавкахъ разставляли по угламъ оловянки съ медомъ.

Отецъ посаженный сдавалъ новобрачную въ дверяхъ ей мужу, и говорилъ: *иди на дѣло благословенное.*

Молодой садился на постель, а молодая снимала съ него сапогъ; въ то время онъ билъ ее три раза по спинѣ плетью. — Тысяцкая, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую на выворотъ, осыпала молодыхъ осыпаломъ и кормила ихъ жаркимъ на постелѣ. Во всю ночь ѣздилъ дружка на конѣ, около сѣнника, съ обнаженной саблею. По утру приходили свахи, тысяцкая и дружка, чтобы разбудить молодыхъ, и поднимали одѣяло стрѣлою*. Въ случаѣ нецѣломудрїя невѣсты, подносили ей матери стаканъ со скважиною, наполненный пивомъ или медомъ. Когда мать брала стаканъ въ руки, тогда питье текло чрезъ скважину, которую сваха, прижавъ пальцемъ, скрывала отъ всѣхъ.... Благополучныхъ молодыхъ водили въ мыльню; послѣ ихъ кормили въ постелѣ кашею; молодая дарила своихъ гостей платочками, лентами, полотенцами и плодами. Когда молодой находился съ своею женою въ мыльнѣ, тогда теща присылала ему въ подарокъ новое платье. Родные новобрачныхъ дѣлали отъ ихъ имени обѣдъ для знакомыхъ, которые взаимно угощали ихъ, и такимъ образомъ протекала вся недѣля на *радостяхъ*. Первый мѣсяцъ новобрачныхъ именовался *медовымъ*, и это названіе произошло отъ того, что молодыхъ подчивали однимъ медомъ, угощали и веселили ихъ.

Познакомивъ читателя съ характеромъ свадебъ русскаго народа, перейдемъ къ свадьбамъ княжескимъ и отчасти боярскимъ,

Характеръ боярскихъ свадебъ, разумѣется, тотъ же самый, что и у всего русскаго народа, но здѣсь мы замѣчаемъ какъ будто болѣе утонченности, чиноположенія, и даже отчасти какую-то церемонность. Нечего говорить о блескѣ, о

* Обыкновеніе, заимствованное вѣроятно у восточныхъ народовъ, у которыхъ оно велось до семнадцатаго вѣка.

богатствѣ: русскій бояринъ любилъ блеснуть и выказать себя передъ народомъ на всю распашку. Неизвѣстно какія пѣсни пѣлись на этихъ свадьбахъ, тѣ ли же самыя, что и въ народѣ, или съ нѣкоторыми измѣненіями, за тѣмъ что жизнь боярской дочери была не совсѣмъ похожа на жизнь дѣвушки изъ среды народа. И нынѣ мы видимъ, что пѣсни крестьянскія и городскія довольно различаются между собою.

Въ народѣ, какъ мы сказали, дѣвушка не можетъ жить въ затворничествѣ; различныя народныя игры, да и условія жизни давали ей нѣкоторую свободу. Поэтому нельзя сказать, чтобы она не говорила ни съ однимъ постороннимъ мужчиной до своей свадьбы. О свободѣ дѣвушекъ, разумѣется свобода довольно ограниченной, говорятъ намъ и наши народныя пѣсни. Въ домѣ боярина дочь его не пользовалась такой свободой; вся свобода ея была посреди мамушекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ въ своей свѣтлицѣ; за порогъ ея она могла выходить только въ церковь, и то кажется подъ фатою, въ сопровожденіи своихъ нянюшекъ, или къ одной изъ своихъ сверстницъ, боярскихъ дочерей. Откуда и куда пришелъ къ намъ обычай такого затворничества? Названіе терема напоминаетъ намъ Грецію; и оно появляется съ давнихъ поръ. Извѣстно, что Великій Князь Владиміръ, будучи еще язычникомъ, имѣлъ два огромныхъ гарема; въ Вышгородѣ изъ ста, а въ Берестовѣ изъ двухъ сотъ наложницъ. Можетъ быть, и очень вѣроятно, что и приближенные Владиміра, пользуясь примѣромъ своего князя, заводили свои гаремы; съ христіанствомъ разумѣется все подобное должно было уничтожиться. Но опытъ затворничества уже сдѣланъ. Впрочемъ это одно предположеніе, и достовѣрно неизвѣстно, запирались ли княжескія и боярскія жены и дочери во времена дотатарскія. Многіе говорятъ, что наглость нашихъ побѣдителей - Татаръ заставляла употреблять это средство; что очень вѣроятно. Такимъ образомъ боярская дочь до самаго своего замужества дѣйствительно не говорила ни съ однимъ постороннимъ мужчиной. Выходя замужъ она бы-

ла въ полномъ смыслѣ невѣста, * потому что совершенно не знала своего жениха, и только передъ самымъ бракомъ могла видѣть его. Женихъ былъ еще несчастнѣе: онъ совсѣмъ не могъ видѣть своей невѣсты, а видѣлъ ее только тогда, когда она дѣлалась его женою. Но нельзя же жениться, совсѣмъ не зная о качествахъ своей будущей жены; можетъ быть она отвратительный уродъ, слѣпа, хрома и пр. Въ такомъ случаѣ здѣсь является новое лице — *смотрѣльщица* — одна изъ родственницъ жениха, которая допускается къ осматриванію невѣсты. По добрымъ словамъ смотрѣльщицы женихъ объявляетъ отцу невѣсты, что онъ *полюбилъ* его дочь (вотъ какъ влюблялись наши предки). Господинъ Сахаровъ сообщаетъ намъ весьма любопытные свадебные обманы, происходившіе при осмотрѣ. Они описаны у Кошихина (писавшаго въ семнадцатомъ вѣкѣ).

«Когда у отца были двѣ или три дочери, говоритъ господинъ Сахаровъ, и если одна изъ нихъ старшая была *увѣчна очами*, или *рукою и ногою*, или *глуха и нѣма*, а другія сестры были красивыя и *рѣчью исполнены*, то старались сбывать прежде старшую. Ежели же начинали присватываться женихи, то на смотринахъ вмѣсто увѣчной дочери показывали другую, здоровую, выдавая за настоящую невѣсту. Смотрѣльщица видить дѣвицу здоровую, и совѣтуетъ жениху жениться не подозревая обмана. Когда же придетъ время вѣнчанія, тогда выдаютъ другую, увѣчную, которой имя было написано въ записи, а не ту, которая была показана. Лице невѣсты, покрытое фатою никто не могъ видѣть; говорить съ нею никто не дерзалъ; хромоту ее никто не могъ замѣтить, потому что искусныя свахи, ведя невѣсту подъ руку, умѣли скрывать всякій порокъ; весь обманъ открывался послѣ вѣн-

* Слово *невѣста* производятъ отъ глагола *невѣдать*, не звать, не понимать. т. е. невѣста не знала своего жениха до самаго брака. Замѣтимъ только, что глаголъ «видѣть» употребляется наиболѣе, когда говорятъ о *собѣтнѣяхъ*, а не о *лицяхъ*. Дѣвушкѣ объявляли объ ея замужествѣ только тогда, когда уже переговоры между отцами были окончены, и дѣло рѣшено, слѣдовательно она не *възнала* о всѣхъ этихъ дѣлахъ, которыя рѣшались судьбою ея.

чанія. Отсюда возникали судебныя дѣла. Обиженный мужъ являлся къ патриарху съ челобитьемъ и просилъ защиты. По рядной записи производилось слѣдствіе, допрашивали сосѣдей и дворовыхъ. Въ случаѣ открытаго обмана, расторгался бракъ и женатый получалъ пеню за обманъ и вознагражденіе за всѣ убытки. Другіе мужья прибѣгали къ домашнимъ расправамъ: били и мучили своихъ женъ, чтобы они постриглись въ монашество. Родные вступались за жену и дѣло доходило до патриарха и властей. По суду и слѣдствію обвиненнаго ссылали въ монастырь на смиреніе. Съ другой стороны возникали дѣла за смотры невѣстъ. Если отецъ соглашался допускать самаго жениха на смотръ своей дочери, то твердо уже былъ увѣренъ, что ее *показать предъ людьми не въ стыдъ*. Если же женихъ, не согласившійся взять его дочь, почему нибудь будетъ поносить невѣсту *худыми и позорными словесами*, и отбивать другихъ жениховъ, тогда обиженный отецъ отправлялся съ жалобою на него къ патриарху. Когда же по суду будетъ доказано, что женихъ дѣйствительно поносилъ невѣсту, тогда его заставляли противъ воли жениться; а если уже онъ былъ женатый, то взыскивали только съ него за безчестье».

Наши предки не любили рѣшать дѣла безъ совѣта. Какъ въ городахъ существовали общіе вѣча, въ деревняхъ мирскія сходки, такъ и въ семействахъ бывали свои маленькіе вѣча и сходки; они состояли изъ близкихъ родственниковъ; и на нихъ-то рѣшалось дѣло о будущей судьбѣ хозяйской дочери. Послѣ того уже назначалась свадьба. На ней мы замѣчаемъ еще одинъ отличительный обычай. Передъ поѣздомъ въ церковь, жениха и невѣсту закрытую фатой, сажали рядомъ; но, по обыкновенію старшцы, нужно было чесать имъ головы; какъ же это сдѣлать, чтобы женихъ ни однимъ глазомъ не могъ видѣть невѣсты? въ такомъ случаѣ употребляли слѣдующее средство: два мальчика держали между женихомъ и невѣстой кусокъ красной тафты.®

О боярскихъ свадьбахъ мы имѣемъ извѣстіе отъ Коштина и отъ иностранцевъ бывшихъ въ Россіи: Ченслера, Флетчера, Рейтенфельса, Маржерета, Петрея, Корба и Оле-

арія. Но всѣмъ этимъ иностранцамъ не довѣряетъ господинъ Сахаровъ, говоря, что въ извѣстіяхъ ихъ сужденія превратныя, описанія не бывалыя.

Мы не можемъ здѣсь представить читателю всѣ подробности боярской свадьбы съ самаго сватовства, хотя и находимъ въ нихъ много любопытнаго, но сдѣлаемъ небольшую выписку о церемоніальномъ шествіи въ церковь и потомъ о церемоніяхъ послѣ свадьбы.

....«Приступали къ чесанію головы. Сваха собирала по плечамъ (невѣсты) распущенные волосы и заплетала ихъ въ двѣ косы; потомъ клала на голову вѣнецъ, сдѣланный изъ тонкой золотой или серебряной бити. Между тѣмъ женщины, сидѣвшія по лавкамъ, пѣли свадебныя пѣсни. Въ это же время вносили двое мужчинъ подъ собольною покрывкою каравай, сыръ, хлѣбъ, которые благословлялъ пріѣхавшій священникъ. Потомъ ставили на столъ мису серебряную съ ширинками * и мису съ осыпаломъ. Послѣ покрытія невѣсты фатою, сваха осыпала ее хмѣлемъ и раздавали поѣзду ширинки. На отпускѣ отецъ и мать благословляли жениха и невѣсту образами, и потомъ отецъ, взявъ дочь свою за руку, отдавалъ въ руки жениху. Послѣ чего весь свадебный чинъ поднимался въ поѣздъ. Впереди шелъ священникъ съ крестомъ, за нимъ женихъ съ невѣстою, вмѣстѣ рука съ рукою, а послѣ ихъ выходили всѣ поѣзжане. У воротъ женихъ садился на коня, а невѣсту со свахами сажали въ колымагу или каптану. Грива у лошади и дуга обвѣшивались лентами и лисьими хвостами. Отецъ невѣстинъ, мать и всѣ гости возвращались въ хоромы и садились за столъ ожидать вѣсти отъ жениха. Послѣ вѣнчанія посылали съ вѣстію въ жениховъ домъ, что *обвѣчались въ добромъ здоровьѣ*. При вѣздѣ молодыхъ на дворъ, встрѣчали новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью, благословляли образами, и осыпали зерновымъ хлѣбомъ. Весь свадебный поѣздъ садился за столы, и началось пированіе. Кошихинъ говоритъ, что въ это время открывали невѣсту. Рейтенфельсъ пишетъ, что невѣста оста-

* Платки.

валась до третьей яствы и во время стола оплакивала свое дѣвическое состояніе. Послѣ третьей яствы * дружки *благословляются у отца и матери идти новобрачнымъ опочивать*. Молодые встаютъ изъ-за стола и отправляются въ спальню въ сопровожденіи свахъ и дружекъ.

Какъ жениху въ сапоги, такъ и невѣстѣ въ башмаки передъ вѣнчаньемъ клали деньги. Послѣ вѣнчанья, когда уже входятъ въ спальню, женихъ садится на лавку, или на постель, а молодая начинаетъ разувать мужа, съ лѣвой ноги. Въ старину мужъ вынималъ изъ-за кушака плеть и слегка по спинѣ отсчитывалъ нѣсколько ударовъ. Объ этой плети говоритъ и Корбъ. Послѣ плети начали постепенно удалять, и вмѣсто плети молодой билъ свою жену голенищемъ по спинѣ.

Кошихинъ говоритъ, что спустя боевой часъ послѣ отхода въ спальню молодыхъ, посылаютъ дружку спрашивать о ихъ здоровьѣ. Когда молодой скажетъ, что онъ въ добромъ здоровьѣ, тогда отправляются въ спальню поздравлять молодыхъ и пить заздравную чашу. Въ это время тысяцкій посылаетъ сказать отцу и матери новобрачной, что молодые въ добромъ здоровьѣ. Дружку за добрыя вѣсти подчуютъ и дарятъ ширинками.

На другой день, послѣ бани, по словамъ Кошихина, новобрачный съ дружкой ѣздилъ сзывать къ обѣду гостей, своихъ и невѣстиныхъ **. Тестю и тещѣ билъ челомъ за то, что вскормили, вспоили и замужъ выдали дочку въ цѣлости и добромъ здоровьѣ. Послѣ съѣзда всѣхъ гостей, новобрачная подносила подарки всѣмъ ссадебнымъ людямъ.

Передъ обѣдомъ новобрачный изъ бояръ отправляется со всѣмъ поѣздомъ ударить челомъ Государю. Входя въ палату со всѣмъ поѣздомъ молодой кланялся Царю до земли. Государь спрашивалъ о здоровьѣ молодыхъ и поздравлялъ съ законнымъ бракомъ и потомъ благословлялъ ихъ окладными образами и дарилъ подарками. Въ то самое время и

* Третьимъ кушаньемъ былъ обыкновенно пѣтухъ.

** Свадебный пиръ у молодыхъ назывался княжескимъ и княжнѣмъ столомъ.

молодая посылала къ царицѣ и царевнамъ дары — убрусы тафтяные, шитые золотомъ и серебромъ съ жемчугомъ. Царица и царевны, принимая дары, спрашивали о здоровьѣ молодой.

На третій день свадьбы, говоритъ Кошихинъ, бывалъ обѣдъ про молодыхъ и всѣхъ гостей у тестя и тещи. Послѣ обѣда тесть и теща и родные дарятъ новобрачныхъ подарками.

На свадебныхъ пирахъ чужеземцы видѣли музыкальные инструменты. Олеарій наши *гусли* называетъ *псалтыремъ* и говоритъ: его держать близъ груди и пальцами перебираютъ струны, какъ на арфѣ.

Но перейдемъ къ свадьбамъ великокняжескимъ и царскимъ. Господинъ Сахаровъ говоритъ о нихъ очень подробно, излагаетъ множество обрядовъ и церемоній, и надо сказать что они весьма любопытны. За тѣмъ онъ еще прибавляетъ двадцать одно свадебное чиноположеніе, изъ которыхъ мы отчасти знакомимся съ стариннымъ дворомъ великихъ князей и царей московскихъ.

Характеръ этихъ свадебъ былъ торжественно-церемониальный; какая-то строгая величавость, суровая чинность господствовала на нихъ; обычаи предковъ здѣсь занималъ первое мѣсто; сообразуясь съ нимъ устранивали весь церемониаль, заранѣе обдуманый.

Но какъ видно, пѣсни были изгнаны, а безъ нихъ не тотъ уже и характеръ; они оживляли и обряды и всѣхъ присутствующихъ. Здѣсь же все было безмолвно, и самые обряды теряютъ свое значеніе. Читая всѣ эти чиноположенія, какъ будто видишь каждаго изъ присутствующихъ, занятаго какимъ нибудь дѣломъ, и между тѣмъ представляешь себѣ одну нѣмую сцену; только время отъ времени повторяются форменныя слова, призывающія жениха или невѣсту. Было ли веселье на такихъ свадьбахъ? можетъ быть во время обѣда, когда новобрачные уходятъ въ свою спальню: наши предки любили поѣсть и попить вдоволь, а здѣсь текло рѣжкой и вино, и медъ, и пиво. Впрочемъ гостей почти не было, хотя было много князей, бояръ, боярскихъ дѣтей,

стольниковъ, боярскихъ женъ; но всѣ они являлись въ нарядъ — что нибудь держать или нести во время свадьбы, и такихъ людей бывала не одна сотня.

Въ нарядѣ великаго князя Іоанна-Третьяго, при совершеніи свадьбы князя Василія Даниловича Холмскаго въ 1500 году, мы встрѣчаемъ слѣдующія слова:

«Великій князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ урядить нарядъ на свадьбу князя Василія Даниловича князя Холмскаго, какъ велось изстари при князь великомъ Симеонъ Ивановичь, при великомъ князь Васильъ Васильевичь, при отцѣ великаго князя, а велѣлъ быть не поруша ни въ чемъ».

Извѣстно что Симеонъ сдѣлался великимъ княземъ въ 1344 году. Слѣдовательно мы можемъ объявить рѣшительно, что свадьбы въ четырнадцатомъ и даже въ тринадцатомъ столѣтїи (вѣроятно и Симеонъ дѣйствовалъ по обычаю своего дѣда и отца) ни чѣмъ не разнились отъ свадебъ временъ Іоанна-Третьяго, то есть пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтїи, о которыхъ сохранились намъ нѣкоторыя извѣстія.

Мы знаемъ что великіе князья и цари выбирали себѣ невѣсты сами. И вотъ какой былъ при этомъ обычай: рассылались по всѣмъ русскимъ областямъ указы для сбора красивыхъ дѣвушекъ. Господинъ Сахаровъ приводитъ одинъ замѣчательный указъ Іоанна-Четвертаго Васильевича отъ 1546 года; онъ писанъ въ Новгородскую область къ князьямъ и боярамъ: «Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ нашу отчину, въ великій Новгородъ, въ Бежецкую пятину, отъ Новгорода верстъ за 100 и за 150 и за 200, княземъ и боярамъ: Послалъ есми въ свою отчину, въ великій Новгородъ, окольникяго своего, Ивана Дмитріевича Шерна, а велѣлъ есми бояромъ своимъ и намѣстникомъ, князю Юрію Михайловичу Булгакову, да Василью Дмитріевичу, да окольникяму своему Ивану смотрѣти у васъ дочерей дѣвокъ, намъ въ невѣсты. И какъ къ вамъ наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочери-дѣвки, и вы-бъ съ ними числа того ѣхали въ великій Новгородъ, и дочерей бы есте у себя дѣвокъ одполочно не тавли, повезли бы есте въ Новгородъ часа того не мотчая. А которой изъ васъ дочь-дѣвку у себя утаитъ, и

къ боярамъ нашимъ и къ намѣстникамъ, къ князю Юрію Михайловичу и къ Василью Дмитріевичу и къ окольному нашему къ Ивану не повезеть, и тому отъ меня быти въ великой опалѣ и въ казни. А посылайте межъ себя сами, не державъ ни часу».

Дѣвицъ привозили во дворецъ, и тамъ производился смотръ.

Господиивъ Сахаровъ говорить, что женихъ съ избранными людьми смотрѣлъ ночью *сплицхъ* невѣсть. Избранная называлась княжною или царевною. Что за этимъ происходило въ домѣ невѣсты до дня брака, мы рѣшительно не знаемъ. Извѣстно только, что наканунѣ свадьбы невѣста перевозилась во дворецъ, и оставалась тамъ съ нѣкоторыми изъ своихъ родственницъ до самой свадьбы.

Тогда же назначался нарядъ всѣмъ боярамъ и другимъ чинамъ—кому что дѣлать въ день брака. Читая эти наряды, мы находимъ въ нихъ множество должностей и назначеній, такъ что для исполненія ихъ употреблялось болѣе ста человекъ изъ бояръ, боярынь, боярскихъ дѣтей, окольных, дьяковъ и другихъ; кому нести свѣчи, кому—каравай, кому держать княжескій колпакъ, кому топить баню, кому быть у воды, кому идти съ княжескимъ бѣльемъ—должности все почетныя.

Но самыхъ важныхъ званій насчитываемъ до пятнадцати:

1. Тысяцкій—съ обязанностью быть безотлучно при женихѣ и водить его подъ руку.
2. Посаженый отецъ и
3. Посаженая мать, занимали самыя высшія мѣста во время стола.
4. Дружки — старшіе и меньшіе.
5. Свахи—старшія и меньшія—съ обязанностью быть при невѣстѣ и услуживать ей.
6. *Видицій молодую* съ обязанностью подвести новобрачную къ ея мужу при самомъ выходѣ изъ палаты, и сказать Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи! Великіемъ Божіимъ, и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ и родителей твоихъ государскихъ молит-

вами изволи Богъ тебѣ Государю сочетатися законному браку, поняти великую княгиню Анастасію, а нашу государыню. Держи ее, какъ Богъ въ законѣ православной вѣры устроилъ (Слова, сказанныя на свадьбѣ Іоанна Четвертаго Васильевича съ Анастасіей Романовной 1547 года 3 февраля). На свадьбахъ своихъ князей-родственниковъ самъ великій князь или царь выдавалъ новобрачную обыкновенно съ такими словами. Князь (такой-то) Божиимъ изволеніемъ, а нашимъ жалованьемъ, велѣлъ тебѣ Богъ жениться, поняти княгиню (такую-то) и ты держи ее потомъ, какъ Богъ устроилъ. За этимъ новобрачный бралъ молодую за руку, и отправлялся съ нею въ спальню.

7. *Вскрывающій молодую.* Обыкновенно на другой день послѣ свадьбы, молодые ходили въ баню, послѣ которой одинъ изъ близкихъ бояръ въ присутствіи тысяцкаго, боярынь, свахъ, поднималъ стрѣлой покровъ новобрачной.

Иногда вскрытіе покрыва происходило въ первый день брака. Господинъ Терещенко говоритъ, что этотъ обычай перешелъ къ намъ съ Востока.

8. *Поѣзжане* обязаны были дожидать у краснаго крыльца выхода жениха и потомъ сопровождать его и невесту въ церковь и изъ церкви, по назначенію, кому впереди, кому позади.

9. *Бояре и боярыни-видячія*—вѣроятно какъ свидѣтели.

10. *Конюшій*—съ обязанностью подавать жениху и принимать отъ него коня, стеречь его во время вѣнчанья и потомъ ночью ѣздить на этомъ же конѣ вокругъ подклѣти съ обнаженнымъ мечемъ.

11. *Ясельничій*—подавалъ невестѣ сани, и при проѣздѣ въ церковь вмѣстѣ съ назначенными боярскими дѣтьми стеречь путь между санями и жениховымъ конемъ.

12. *Свѣчки*—несли за поѣздомъ женихову и невестину свѣчи.

13. *Фонарички*—съ обязанностью носить передъ свѣчами на носилкахъ огромные фонари.

14. *Коровайники*—ходили съ каравами.

15. *Москвичи*—служили при банѣ, когда мылся новобрачный.

Кромѣ ихъ было еще довольно *носильщиковъ*, которые несли въ церковь и изъ церкви равные предметы какъ напримѣръ коверъ, скляницу, скамейку и другія вещи. Были еще *держальщики*, которыхъ обязанность ограничивалась держаніемъ какой нибудь нужной вещи, какъ напримѣръ осыпала, гребня, кики, колпака и другихъ.

Обыкновенно невѣсту приводили въ уборную палату прежде жениха, сажали ее, и на женихово мѣсто садился одинъ изъ назначенныхъ бояръ, котораго господинъ Сахаровъ называетъ за просто *сидильщикомъ*.

Затѣмъ господинъ Сахаровъ весьма интересно описываетъ свадебные наряды: уборъ средней палаты, брусной избы, грановитой палаты, чертожнаго мѣста (царское мѣсто), столовъ и скамеекъ, приготовленіе осыпала, свѣчей, фонаря, кики, ширинокъ (платковъ и полотенецъ), караваевъ, перенечи, каши и кура верченаго (пѣтуха или курицы).

Приготовленія ихъ бывали роскошныя, съ особенными украшеніями, съ особенными обрядами. Приближенные бояре и боярыни убирали *спяникъ* (спальню), стлали постель; словомъ весь дворъ былъ въ попыхахъ и суетѣ.

Всѣ обряды и торжество перваго дня, раздѣлялись на три главныя статьи: на *сборы въ палатахъ*, на *поѣздъ къ вѣнчанью и выходъ изъ церкви*, на *сто ованіе и выходъ въ спяникъ*. *Сборы въ палатахъ состояли: въ выходъ жениха, въ посылку за невѣстою, въ выходъ невѣсты, въ посылку посаженнаго отца за женихомъ, въ приходъ жениха, въ уборъ невѣсты и раздачу подарковъ и перенечи.*

Боярыни, изрядивъ великокняжескую невѣсту, по государскому чину, въ платьѣ и вѣнецъ золотой съ городаы, съ камнемъ и жемчугами, сажали ее за столъ. Съ нею садилась жена тысячаго, свахи, боярыни. Предъ ними стояли должностные люди съ свѣчами, караваемъ и ширинками — въ ожиданіи повѣстки. Все это происходило въ особенныхъ царичьныхъ хоромахъ, на княжескомъ дворѣ.

Въ это же самое время вѣнценосный женихъ занимался своимъ нарядомъ.

Послѣ убора начинался выходъ жениха.

Великіе князья выходили въ брусную столовую избу, а цари въ среднюю золотую палату. Прежде всего изъ государскихъ хоромъ выходили изъ поѣзжанъ столъники и дворяне, за ними шли бояре, за боярами дружки съ государевой и государыниной стороны. Послѣ ихъ уже выходилъ государь. Его подъ руку велъ тысяцкій до самой палаты. За государемъ шли бояре, столъники, окольнічіе и дворяне, всѣ одѣты были въ золотѣ, въ черныхъ шапкахъ, въ ожерельяхъ стоячихъ и отложныхъ, низанныхъ. Входя въ золотую палату, государь молился предъ святыми иконами, и потомъ садился на своемъ мѣстѣ, на лавкѣ, на изголовьѣ бархатномъ персидскомъ, а колодочка была золотая, участковая (?).

Въ это время, прежде всего, царь приказывалъ посаженному отцу, тысяцкому и боярамъ садиться на большой лавкѣ, а потомъ указывалъ сѣсть и поѣзжанамъ. Послѣ того государь приказывалъ царицынымъ дружкамъ отправляться къ царевнѣ, съ повелѣніемъ идти въ грановитую палату на мѣсто.

Выходъ царевны изъ хоромъ въ грановитую палату происходилъ по учиненному наряду. Изъ терема выходили въ проходную палату, изъ нея чрезъ постельное крыльцо входили въ грановитую. Впереди всѣхъ шли свѣчники, коровайники и фонарщики, въ терлякахъ золотыхъ на соболяхъ, выданныхъ съ казеннаго двора, въ черныхъ горлатныхъ шапкахъ лисьихъ, опоясанные золотыми кушаками. За ними несли свѣчи обручальныя и богоявленскую стряпчѣ въ золотѣ и черныхъ шапкахъ. Потомъ думный дьякъ несъ осыпало, а за нимъ шли царевнины дружки. Сверхъ того, по сторонамъ, шли окольнічіи и дьякъ, оберегая путь, чтобы никто не переходилъ. Послѣ этого шелъ священникъ и кропилъ путь святою водою; за священникомъ большія свахи вели царевну подъ руки, а для сбереженія шли подлѣ нее двѣ большія боярыни. За царевной шли боярыни

сидячія, и одна изъ нихъ несла на серебряномъ блюдѣ кикку царевнину. Въ слѣдъ за ними постельницы несли на золоченыхъ блюдахъ убрисцы и ширинки.

Священникъ, входя въ грановитую палату, кропилъ чертожное мѣсто святой водою; свахи снимали съ мѣста сорокъ соболей и сажали царевну. Въ это время на царское мѣсто садился назначенный по чиноположенію. Жена тысяцкаго и свахи садились подлѣ невѣсты, а боярыни за большой столъ на лавку. Свѣчники, фонарщики, коровайники, съ ширинками размѣщались по своимъ мѣстамъ. Свѣчники становились противъ царскаго мѣста. у лавки, а всѣ другіе — съ лѣвой стороны, за свахами....

Послѣ размѣщенія, посылали къ государю съ вѣстію о приходѣ невѣсты. Государь отправлялъ въ палату боярина сидѣть на большомъ мѣстѣ — въ отцово мѣсто, и бояръ, сидячихъ съ боярскими дѣтьми. Бояринъ, входя въ палату, молился святымъ иконамъ, билъ челомъ, и садился за столъ выше матери, а напротивъ боярынь садились сидячіе бояре. Бояринъ, посидѣвши, снаряжалъ большаго боярина къ царю говорить рѣчь: «Государь, царь и великій князь! Бояринъ велѣлъ тебѣ, государю, говорити: прося у Бога помощи, время тебѣ, государю, итти къ своему дѣлу».

Послѣ этой рѣчи, государь поднимался съ мѣста, молился святымъ иконамъ, и благословяся крестомъ у священника. отправлялся въ грановитую палату. Впереди шли поѣзжане, потомъ дружки, за ними бояре, за боярами священникъ со крестомъ, а за нимъ тысяцкій велъ государя подъ руку. Недѣльный крестовый священникъ кропилъ путь святою водою. За государемъ шель стольникъ съ колпакомъ, а за нимъ шли стольники и стряпчіе, остававшіеся за чинами до выхода государя изъ столовой избы. При входѣ въ палату, священникъ благословлялъ государя крестомъ. Въ то время, какъ государь молился святымъ иконамъ, жениховъ дружка поднималъ съ мѣста сидѣльщика, и отдавалъ соболи держать дьяку. Царь садился на чертожное мѣсто.

подлѣ царевны, и указывалъ боярамъ садиться по назначеннымъ мѣстамъ.

Государь, посидѣвши, приказывалъ священнику говорить молитву покровенію главы невѣсты. Послѣ того большая сваха приступала къ уборкѣ невѣсты.

Держальщики передавали большой свахѣ чару и гребень....

Сваха обмакивала гребень въ чару и расчесывала невѣстѣ голову. Послѣ того надѣвала на невѣсту кичу, и покрывала фатой, а потомъ убрусомъ. За тѣмъ подносили къ свахѣ осыпало; тутъ она осыпала хмѣлемъ жениха съ невѣстою, а послѣ опахивала ихъ сорокомъ соболей.

Послѣ того выступалъ дружка на особицу (?). Старшій дружка государевъ, благословясь у посаженнаго отца и матери, рѣзалъ перепечу и сыръ; царевнинъ большой дружка подносилъ государю отъ царевны убрусцы, коровай, перепечу и сыръ, а меньшій царевнинъ дружка разносилъ ширинки и перепечу всѣмъ боярамъ и боярынямъ, поѣзжанамъ и другимъ лицамъ. Въ то же самое время отправлялись съ подарками къ царскимъ родственникамъ....

Послѣ раздачи даровъ, дружка снималъ со стола скатерть, заворачивалъ въ нее коровай, сыръ и перепечу, запечатывалъ печатью и отдавалъ на дворецъ для храненія ключникамъ съ крѣпкимъ словомъ.

Поѣздъ къ вѣчанію начинался поднятіемъ государя съ своего чертожнаго мѣста. Прежде всего на великокняжескихъ свадьбахъ выходилъ одинъ женихъ, а потомъ уже отправлялась невѣста въ большихъ саняхъ съ женою тысяцкаго и большими свахами. На царскихъ свадьбахъ государей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича женихъ и невѣста шли вѣстѣ. Впереди ихъ страпціе устилали путь камками черчатыми и желтыми. У краснаго крыльца сидѣлъ въ ожиданіи выхода на армагахъ конюшій, а въ саняхъ ясельничій. Когда государь сходилъ съ крыльца, ясельничій, а иногда и самъ конюшій подводилъ къ нему армага. На

этомъ конь онъ выѣзжалъ на площадь къ Успенскому Собору. Впереди ѣхали также на коняхъ поѣзжане.

За поѣзжанами ѣхали дружки, за дружками тысяцкій; немного въ сторонѣ отъ государя, конюшій шель съ оберегателями пѣшкомъ за аргамакомъ. Свѣчи и короваи несли предъ государемъ. Свахи сажали царевну въ сани инаяльцовскія, обитыя золотымъ атласомъ. Противъ царевны въ саняхъ садились всѣ четыре свахи. Оберегатели пути, состоявшіе изъ 20 человекъ боярскихъ дѣтей, занимали мѣста и не допускали переходить между аргамакомъ и санями.

Государь, пріѣзжая къ собору въ стороннія двери отъ Ангельскаго собора, сходилъ съ коня на мостикъ, а на аргамака садился конюшій. Свахи выводили царевну изъ саней и ясельничій садился въ сани, на государынино мѣсто. Впереди государя входили въ церковь тысяцкій и дружка, а государыню вели свахи подъ руку; за ними входили въ церковь бояре, записанные по росписи быть предъ государемъ. Свѣчи, караван и фонари вносили въ церковь прежде входа государева. На великокняжескихъ свадьбахъ, великій князь, входя въ Успенскій соборъ, становился на правой сторонѣ у митрополичья мѣста, а княжна становилась на лѣвой. На царскихъ свадьбахъ царь и царевна становились противъ царскихъ дверей вмѣстѣ. Свѣчи и короваи ставили прежде, у особаго столба, а послѣ измѣнили: съ свѣчами свѣчники стояли противъ патриаршаго мѣста, а караван ставили особенно, у лѣваго крылоса. Подлѣ лѣваго крылоса, у столба, ставили скамейки, покрытыя золотнымъ кизылбашскимъ ковромъ, на которые клали два изголовья, изъ червчатаго бархата съ золотомъ, оба въ одинъ шествъ. Зголовья приносили въ церковь стряпчѣ, въ сопровожденіи окольныхчухъ. На зголовья полагали сороки собелей, подъ скамью подставляли двѣ колоды, обитыя бархатомъ, или золотымъ участкомъ.

По выходѣ изъ грановитой палаты государя и царевны, зголовье царя и великаго князя клали на зголовье царевнино, а на нихъ два сорока собелей. Для охраненія самыхъ мѣстъ

оставляли оберегателя, а съ опахаломъ подлѣ него стоялъ дьякъ. Всѣ боярыни удалялись въ государынину половину.

На великокняжескихъ свадьбахъ, великихъ и удѣльныхъ князей вѣнчали митрополиты.

Поѣздъ отъ вѣнчанія совершался тѣмъ же порядкомъ. По выходѣ изъ церкви государь садился на аргамака, а государыня въ сани съ свахами. По приближеніи къ красному крыльцу, конюшій принималъ отъ государя аргамака, садился на него и отправлялся къ сѣннику, вокругъ котораго онъ долженъ былъ ѣздить во весь день и во всю ночь съ голымъ мечемъ въ рукахъ. Въ государынины сани садился ясельничій и отправлялся къ колымажному двору. Великіе князья приходѣ въ дворецъ разставались съ великими княгинями: князь шелъ въ свои покои завтракать, а княгиню свахи уводили въ свои хоромы. Цари, входя на красное крыльцо, брали царицъ за руку и шли такъ по лѣстницѣ, по червчатымъ и желтымъ камкамъ въ грановитую палату, и садились на прежнихъ мѣстахъ, гдѣ, по указанію царя, занимали свои мѣста боярыни и поѣзжане. На великокняжескихъ свадьбахъ свѣчи и короваи изъ церкви относились въ сѣнникъ, а на царскихъ ихъ ставили въ грановитой палатѣ, на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ стояли до поѣзда въ церковь.

На великокняжескихъ свадьбахъ, новобрачный послѣ вѣнчанія садился завтракать. Въ это время посылался бояринъ обвѣстить поѣздъ по монастырямъ и церквамъ. Великій князь выѣзжалъ полнымъ поѣздомъ по монастырямъ: съ нимъ выѣзжали бояре, тысяцкій и другія особы по его личному назначенію. Изъ церкви онъ пріѣзжалъ прямо въ брусяную избу, къ обѣденному столу, и посылалъ съ вѣстію къ великой княгинѣ — звать къ обѣденному столу. Великая княгиня выходила изъ своихъ хоромъ въ сопровожденіи жены тысяцкаго, свахъ, боярынь, и садилась за столъ.

Прежде всего подавали на столъ *кура верченое* и ставили на блюдѣ предъ новобрачными. Тогда вставалъ большой дружка съ своего мѣста, снималъ съ отдѣльнаго стола скатерть, обвертывалъ ею верченое кура, съ калачемъ и солон-

кою, и относилъ въ сѣнникъ, къ постелѣ. По совершеніи сего обряда, великій князь приказывалъ ставить на браные столы яства.

Выходъ въ сѣнникъ и выдаваніе молодой совершалось послѣ отнесенія кура. На великокняжескихъ свадьбахъ великій князь, выходя изъ-за стола, бралъ великую княгиню за руку и шелъ рядомъ съ нею до сѣнника. За ними шли: тысяцкій, дружки, свахи. Предъ входомъ въ двери, начиналось выдаваніе.

Послѣ выдаванія, новобрачныхъ провожали до сѣнника. Здѣсь посаженная мать, надѣвши на себя соболью шубу на выворотъ, осыпала царя и царицу осыпаломъ. На царскихъ свадьбахъ свѣчи и короваи вносили изъ столовой избы послѣ выдаванія въ сѣнникъ и ставили ихъ въ кадъ.

Послѣ провожанія царя въ сѣнникъ, бояре и боярыни возвращались въ грановитую палату.

Спустя нѣсколько времени государь велѣлъ звать посаженнаго отца съ матерью, тысяцкаго, дружекъ, свахъ и всѣхъ ближнихъ бояръ, находившихся въ комнатахъ и у постели. Входя въ сѣни предъ сѣнникомъ, отецъ и ближніе бояре кормили государя, а мать, свахи и боярыни кормили государыню.

На второй день брака вѣнценосныхъ молодыхъ происходило: *мытье въ бань, кормленіе кашею, угощеніе въ бань бояръ и подарки, обѣдь княжій.*

Великіе князья послѣ мытья въ бань отправлялись въ сѣнникъ.

Сюда приходили посаженный отецъ и мать, тысяцкій, ближніи боярыни и свахи. Въ это время посаженный отецъ совершалъ обрядъ вскрытія новобрачной, поднимая стрѣлою покровъ....

По совершеніи обряда вскрытія, продолжаетъ господинъ Сахаровъ, государь приказывалъ видѣть царскія и царицныны очи всѣмъ окольничимъ и думнымъ въ сѣнникѣ. По окончаніи поздравленій, новобрачныхъ кормили кашею....

Важность свадебной каши была известна на Руси в начале тринадцатого века. В летописи под 1239 годом находимъ: «оженися князь Александръ Ярославичъ, поя въ Полотскѣ у Брячислава дщерь и вѣнчашася въ Торопцѣ, ту кашу чинѣ, а въ Новгородѣ другую».

Цари, послѣ завтрака въ сѣнникѣ, отправлялись съ поѣздомъ по монастырямъ и церквамъ. По возвращеніи съ богомоля, пріѣзжали въ грановитую палату. Здѣсь отправлялось столованіе новобрачныхъ за *золотымъ столомъ*, близъ стѣны. У стола государева предъ новобрачными стояли дружки, а предъ царицею свахи.

Четвертый день свадьбы назначался для столованія духовныхъ особъ и челобитья всѣхъ лицъ.

Таковы были старинныя великокняжескія и царскія свадьбы. Очень жаль, что г. Сахаровъ не присоединилъ поясненія нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ приводимыхъ имъ сказаніяхъ, какъ напримѣръ *участковая колодочка, золотой участокъ* и др.

Теперь бросимъ взглядъ на русскія свадебныя чиноположенія, помѣщенныя господиномъ Сахаровымъ въ его «Сказаніяхъ». Всѣ они относятся къ княжескимъ и царскимъ свадьбамъ и составляютъ большой отдѣлъ; нѣкоторыя изъ нихъ весьма любопытны, но большая часть составляетъ одинъ рядъ — кому что дѣлать и при чемъ быть, и наполненъ только одними именами.

Прежде всего господинъ Сахаровъ приводитъ сказаніе (не известно чье) *О путешествіи великой княжны Елены Ивановны въ Вильну для бракосочетанія съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ*.

Изъ него мы видимъ, что великая княжна ѣхала черезъ города Дубровъ, Вязму, Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ, Вязьинъ, Марковъ, Креть, Мѣдники и, наконецъ, черезъ Нѣмежи прибыла въ Вильну. На дорогѣ она безпрестанно заѣзжала въ церкви, служила молебны, принимала къ себѣ на поклонъ натныхъ Русскихъ и Поляковъ, посланцевъ отъ своего жени-

ха, обмѣнивалась подарками и пр. Обо всемъ этомъ авторъ путешествія говоритъ довольно подробно. Отъ самаго Смоленска бояре, бывшіе при великой княжнѣ, начали говорить съ панами, чтобы вѣнчаніе совершенно было по обрядамъ греческой церкви, но не получали на это рѣшительнаго отвѣта.

Въ Мѣдникахъ, бояре учили *говорити съ бранью съ паны, что имъ отвѣта не дадутъ никакого о вѣнчаньѣ, и паны, поговоря себѣ, да отпустили къ великому князю пана Яна*».

Но Янъ привезъ извѣстіе, не совсѣмъ радостное: что великій князь хочетъ вѣнчаться въ церкви римской, а не въ греческой. Снова заспорили бояре, но не могли переспорить.

Не далеко отъ Вильны женихъ верхомъ на конѣ встрѣтилъ невѣсту, и съ нею вмѣстѣ вѣхалъ въ городъ. За тѣмъ, по положенію, княжна отправилась въ русскую церковь, гдѣ слушала молебень, а приближенныя боярыни поспѣшили исполнить русскіе свадебныя обычаи; расплетали косу, чесали голову, осыпали хмѣлемъ и прочее.

«И великая княжна, изъ церкви пошла къ великому князю въ его божницу, а передъ нею шелъ попъ *Тома* со крестомъ.... да и крестомъ ее благословлялъ; а у божницы великую княжну встрѣтилъ бискупъ съ крыжемъ, ее не благословлялъ, да опять пошелъ въ божницу, да сталъ на своемъ мѣстѣ; князь великій съ великою княжною стали въ божницѣ на своемъ мѣстѣ; а подъ княжну послали бархатъ, который было послати у тапканы подъ ноги, да на мѣсто положили сорочекъ соболей меньшей. И бискупъ говорилъ великому князю молитвы, а попъ *Тома* говорилъ великой княжнѣ молитвы; а княгиня *Марья* надъ нею *внонецъ держала, а Кулешинъ вино держалъ въ скляницѣ, а попъ Тома великой княжнѣ давалъ пити, да скляницу и растоптали. И бискупъ да и князь великій о томъ поборанили на крѣпко, чтобъ попъ Тома молитвъ не говорилъ, а княгиня Марья вѣнца не держала; и князь Семень у нихъ то отговаривалъ, а попъ Тома таки молитвы говорилъ, а княжна Марья вѣонецъ держала*».

Въ концѣ авторъ прибавляетъ еще одно событіе, которое по видимому поразило его:

«А княжна великая вѣнчалася въ своихъ портяхъ, да и нынѣча, уже четвертый день, послѣ вѣнчанія, а великая княгиня таки ходитъ въ своихъ портяхъ да и въ кикль. А на завтрее князь великій бояромъ велѣлъ себѣ являти крестъ съ цѣпью да и порты, которыми было портомъ быти послѣ вѣнчанія, да и послѣ мыльны; а мыльны у великаго князя не было, а бояре ему то являли, да и рѣчь говорили».

Вотъ еще нѣкоторые наряды.

Нарядъ 1526 года при совершеніи брака Василья Иоанновича съ Еленой Глинской, отличается своей полнотою и подробностью; въ немъ-то мы видимъ все богатство и всю роскошь великокняжескихъ свадебъ. Любитель русской старины найдеть здѣсь много занимательнаго.

Между прочимъ въ этомъ нарядѣ находимъ одно оригинальное примѣчаніе великаго князя, какъ подавать кушанья; его мы не встрѣчаемъ въ другихъ нарядахъ: «И кому довелось подавать яствы, и тѣ говорятъ яствамъ, по одиначкѣ, молитвы; и кому подавать, тѣ говорятъ милостивыя рѣчи великаго князя. И какъ съ яствами подойдуть къ бояромъ и дѣтемъ боярскимъ, и имъ поступать по старому обычаю, какъ бывало передъ сего на свадьбѣ у великаго князя Семеона Ивановича и какъ было на первой свадьбѣ у великаго князя Василія Ивановича. И какъ пошлетъ великій князь съ меда и вина фряжскими, и тогда не чинить споровъ, а быть во всемъ какъ велось изстари, безъ спору, а желать во всемъ добра великому князю до полна».

Также довольно подробны *наряды 1550 и 1554 г.*, одинъ на первую свадьбу старицкаго князя Владиміра Андреевича съ Евдокіей Александровной Нагой; другой на свадьбу казанскаго царя Симеона съ Маріей Андреевной Кутузовой-Клеопиной. Изъ нихъ мы узнаемъ подробности свадебъ удѣльныхъ князей и великокняжескихъ родственниковъ.

Въ *нарядѣ 1573 года*, на свадьбу короля Магнусá съ княжной Маріею Владиміровной Старицкой мы находимъ одно весьма любопытное назначеніе: «А съ королемъ ѣхати римскому попу, а королю стать въ паперти, а *внчати короля по его закону, а княжну по христіанскому закону*; а обручать и перемѣнять перстни на мѣстѣ: у короля попу римскому, а у княжны попу дмитровскому; а пріѣхавъ къ вѣнчанію къ Дмитрію Святому, королю стать въ паперти, а съ нимъ короваи и свѣчи держать; а княжиѣ идти въ церковь, а съ короваемъ и свѣчами и фонаремъ стать на лѣвой сторонѣ у княжны». На третьей и седьмой свадьбахъ царя Іоанна Васильевича встрѣчаемъ имя Бориса Годунова, который былъ дружкой со стороны невѣсты оба раза; первый разъ вмѣстѣ съ Малютой Скуратовымъ. Въ 1572 году онъ называется просто Борисъ Годуновъ, а черезъ девять лѣтъ, то есть въ 1581 году, уже бояринъ Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, значить въ это время совершилось его возвышеніе.—Во второмъ нарядѣ мы встрѣчаемъ и Василья Ивановича Шуйскаго, который былъ дружкой со стороны царя.

Въ *чиноположеніи 1606 года*, на свадьбу самозванца Дмитрія съ Мариною Мнишекъ къ несчастью мы не находимъ ничего замѣчательнаго, а вѣроятно много было особеннаго на этой свадьбѣ; здѣсь выставлены только имена лицъ, бывшихъ при бракосочетаніи. Оригинально начало: «Лѣта 7114 мая въ 8 день, женился растрига на Маринкѣ....»

Наконецъ замѣчательно описаніе второй свадьбы царя Михаила Феодоровича. «И совѣтывалъ государь, царь, и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ, съ великимъ государемъ патріархомъ, Филаретомъ Пикитичемъ, московскимъ и всея Русіи, и указали: на ихъ царской радости боярамъ, и окольныхчимъ, и дворянамъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, которымъ въ чинѣхъ быти, быть безъ мѣстъ, и свой, государевъ, указъ бояромъ и окольныхчимъ и всакимъ людемъ, которымъ быть въ чинѣхъ, велѣлъ сказать. И велѣди: тотъ указъ подписать думнымъ дьякамъ, Ивану Граматину да Феодору Лихачеву, и къ тому приговору свою

государскую печать приложить, для того, чтобы впрямь тѣмъ случаи ни кому въ отечествѣ не считаться, и случавшѣ ни у него не принимать, и въ мѣсто того ни кому не ставить.»

Здѣсь же мы встрѣчаемъ измѣненіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ: жемухъ, вышивая изъ скляницы вино, не бросалъ ее и не топталъ ногой, какъ это бывало прежде, а велѣлъ протопопу внести ее въ олтарь. Судя по описанію, свадьба была самая торжественная.

Подобная же свадьба была и у царя Алексѣя Михайловича въ 1648 году. Какъ Михайлъ Феодоровичъ прежде всего совѣтовался съ отцомъ своимъ, патриархомъ Филаретомъ, такъ и Алексѣй Михайловичъ, по его примѣру, просилъ совѣта и благословенія у патриарха Іосифа, и потомъ уже избралъ себѣ невѣсту и объявилъ свадьбу. Онъ тоже выдалъ указъ противъ мѣстничества и гораздо строже прежняго: «А кто чрезъ сей государевъ указъ учнетъ на кого бити челомъ государю въ отечество и въ мѣсто ставить и тѣмъ попрекать, и тому отъ государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, быть въ великой опалѣ».

Вотъ еще измѣненіе въ одеждѣ: — «А что было въ прежнихъ государскихъ радостяхъ (свадьбахъ), чтобы у шубы заматать полы назадъ за плеча, и того государь учинить не изволилъ, а въ то мѣсто велѣлъ государь сдѣлать у шубы ожерелье долгое, соболье, большое». И Алексѣй Михайловичъ тоже не билъ скляницы.

Еще одна особенность: «на прежнихъ государевыхъ радостяхъ, бывало въ то время, какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи на дворцѣ играли въ сурны и въ трубы, и били по накрамъ; а нынѣ великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи, на своей государевой радости накрамъ и трубамъ бити не изволилъ. А велѣлъ государь въ свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ погѣхъ, имѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, всемъ ставицамъ перемежняясь, строчные и демественныя большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи, со всякими

благочиніемъ. И по его государеву, мудрому и благочестивому разсмотрѣнію бысть тишина, и радость, и благочиніе всякое, яко и всѣмъ ту сущимъ дивитися и возсылати славу превеликому въ Троицѣ славному Богу, и хвалити и удивлятися о премудромъ его царскаго величества разумѣ и благочиніи».

Вторая свадьба Царя Алексѣя Михайловича заключила собою старшнныя русскія великокняжескія свадьбы. Обѣ свадьбы Царя Феодора Алексѣевича, какъ видно, совершались очень скромно, безъ всякихъ церемоній.

Изъ небольшого описанія первой свадьбы Петра Великаго, мы видимъ, что она уже имѣла другой характеръ; она не была лишена торжества, но торжество ея было церковное посреди духовенства. Приведемъ это описаніе:

16-9 году Іаннуарія въ 27 день, въ недѣлю Блуднаго, Благовѣрный Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ сочетался законнымъ бракомъ съ Царицею Евдокією Феодоровною, вѣнчанъ въ верху въ церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла, отъ своего духовника протопопа Меркурія, во второмъ часу ночи. И въ 28 день изъ утра въ часъ дни благовѣсть былъ въ успенской колоколь, и архіереи всѣ съѣзжались въ Крестовую, святѣйшій патріархъ за скорбію въ Крестовую и къ молебну не выходилъ, указалъ архіереямъ всѣмъ быть у молебна, и стоять по своимъ мѣстамъ; а патріарху амвонъ и стулъ и коверъ уготовать, и подлѣ амвона ризничій и поддіаконы стояли безъ облаченія, а во облаченія былъ архидіаконъ и соборные всѣ. И архидіаконъ поклонясь мало мѣсту патріарха, начиналъ, и первый митрополитъ начиналъ и возгласъ говорилъ *яко твое есть*, по третіей пѣсни ектенію говорилъ архидіаконъ, а на ектеніи послѣ царицъ и царевенъ о царѣхъ и о ихъ царицахъ, о еже послати имъ чада возгласилъ митрополитъ первой, второй архіерей по шестой пѣсни, и прочее по чину. Свѣщи архіереямъ свои діаконы подносили, архимандритамъ и игуменамъ каждой начальной архіерей своей сторонѣ подавалъ, послѣдніе возгласы начальной митрополитъ говорилъ, и молитву читалъ предъ

образомъ Богородицынымъ, и по отпустѣ титла къ поздравленію всѣ подошли власти и бояре; а звонить во всѣ ключари приказали въ ясакъ ударить, и какъ бояре пришли въ церковь, а звонить перестать велѣли, какъ стала первую пѣснь пѣть. Тропарь пѣли пѣвчіе *повелѣнное тайно*, и канонъ пѣли пѣвчіе седьмага гласа, отпѣли въ четвертомъ часу въ началѣ, по отпустѣ благовѣсть къ обѣднѣ во вседневной, и звонъ по обычаю. А власти послѣ молебна пошли во свои; а изъ бояръ былъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, окопничій князь Петръ Лукичъ Львовъ, думной дьякъ Атамонъ Ивановъ, пришли отъ Рязи положенія, и пошли такожде».

Этимъ и окончимъ свое разсужденіе о княжескихъ и царскихъ свадьбахъ. Сколько видѣли мы въ нихъ обрядовъ, сколько обычаевъ, и всѣ они русскіе, созданные народнымъ воображеніемъ. Обряды эти господствовали какъ у народа такъ и у бояръ и у князей, потому что внутренняя жизнь со всѣми духовными понятіями была еще одинакова во всѣхъ слояхъ общества; разница была въ жизни виѣшней, въ блескѣ, въ богатствѣ. Ихъ понятія не разнились, не разнились и обычаи и обряды; а главная сознательная и даже осязательная мысль была у нихъ духъ старины, духъ дѣдовской жизни. Вотъ отъ чего постоянно сохранялись и обряды и обычаи. Характеръ княжескихъ свадебъ, какъ можно заключить изъ описаній, былъ болѣе торжественный, величаво-религіозный. Свадебныя пѣсни были изгнаны, какъ, можетъ-быть, *сатанинскія* или *бѣсовскія*. Но народъ не могъ оставить свои пѣсни, забыть, изгнать ихъ; они были необходимою принадлежностью его жизни, за тѣмъ что сама природа вложила въ его сердце этотъ прекрасный музыкальный элементъ. Отлого-то и его свадьбы живы и увлекательны своей поэзіей. Онѣ именно, какъ мы сказали, составляютъ цѣлую поэму, а главная ихъ идея есть идея жизни русской женщины во всѣхъ ея періодахъ; передъ вами любящая мать, которая и въ пѣсняхъ занимаетъ не послѣднюю роль; передъ вами беззаботная веселая дѣвушка; сама невѣста стоитъ на рубежѣ двухъ періодовъ жизни женщины: ей вспоминаютъ ея прошедшее —

жизнь дѣвическую, говорятъ о будущемъ — жизни жены и матери. Все преимущественно направленно къ ней, и между тѣмъ все полно жизни и разгула; и если кто груститъ, такъ это она; кто съ грустью устремляетъ повсюду взоръ свой? все она же.

Совсѣмъ иную идею выражали княжескія свадьбы. Что могло быть общаго между княжеской или царской невѣстой и другими дѣвушками? кто могъ равняться со своимъ княземъ? оставалось только одно почтеніе и повиновеніе. И вотъ вся эта поэма превращается въ безмолвно торжественную сцену.

Лишь только чужеземное образованіе коснулось нѣкоторыхъ слоевъ общества, и вотъ они, по закону необходимости, перестали сочувствовать народнымъ обрядамъ и обычаямъ, оставляли и забывали ихъ. Все это совершилось въ осемнадцатомъ вѣкѣ.

Въ заключеніе приведемъ описаніе свадьбы Царевны Анны Петровны въ 1725 году; оно помѣщено въ «Бытѣ русскаго народа» господина Терещенки: «Въ лѣтнемъ дворцѣ, находящемся повнѣ въ лѣтнемъ саду, былъ устроенъ великолѣпный залъ, длиною 20 а шириною 7 сажень, и въ немъ были поставлены два балдахина. Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ занимался симъ устройствомъ. Залъ украсили богатыми обоями; балдахинъ невѣсты былъ украшенъ гербомъ и короною россійской имперіи, а балдахинъ жениха, поставленный насупротивъ невѣстиннаго, былъ украшенъ герцогскимъ гербомъ. Въмѣсто тысяцкихъ были уже маршалы: князь Меншиковъ и генераль-прокуроръ Ягушинскій, а вмѣсто дружекъ было 24 шафера. Посажеными отцами были: генераль-адмиралъ графъ Апраксинъ и государственный канцлеръ графъ Головкинъ; посаженными матерями: цесаревна и герцогиня мекленбургская Екатерина, дочь Іоанна Перваго, и свѣтлѣйшая княгиня Меншикова. Мѣста братьевъ занимали: генераль фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ и подполковникъ гвардіи Бутурлинъ. Мѣста сестеръ: канцлерша графиня Головкина и Бутурлина. Въ ближнихъ дѣвицахъ, замѣнившихъ дружекъ, были: Цеса-

ревна Елисавета, Великая Княжна Наталія. а кравчимъ былъ князь гессенъ-гомбургскій».

Мая 18 разъѣзжали по городу особые офицеры съ трубачами и литавриками, извѣщая жителей о предстоящемъ бракосочетаніи; мая 21, въ пятницу, въ день самой свадьбы собирались въ новоустроенную залу, въ седьмомъ часу утра, приглашенные маршалы, шаферы, сенаторы, генералитетъ, знатные сановники и чужестранные министры, а дамы собирались въ одиннадцатомъ часу. Въ полдень отъправились маршалы, въ сопровожденіи особыхъ чиновниковъ, въ семи каретахъ во дворецъ жениха; впереди ихъ ѣхали трубачи и литаврики, въ богатыхъ одеждахъ. Пробывъ полчаса во дворцѣ, они отъправились въ лѣтній дворецъ Императрицы, въ прежнемъ порядкѣ; за ними уже ѣхали: прапорщикъ, два гофъ-фурьера и вѣскольکو гренадеровъ; потомъ шель штатъ герцога, за нимъ ѣхалъ верхомъ двора его оберъ-камергеръ и гофмаршалъ; послѣ ѣхалъ въ каретѣ самъ женихъ; по сторонамъ его кареты шли его кавалеры; за ними ѣхали его министры въ особыхъ каретахъ; между каретами шли лакеи, а возлѣ каретъ пажи. Въ первомъ часу по полудни всѣ прибыли въ лѣтній дворецъ; тутъ встрѣтили жениха посаженные родители и братья. Его отвели въ комнаты Императрицы. Отсюда герцогъ отправился съ Цесаревной въ Троицкій соборъ, * въ уборной цвѣтной баржѣ, (крытой линейкѣ), въ которой сидѣли: Цесаревна Елисавета, герцогиня Екатерина и Великая Княжна Наталія. Въ прочихъ баржахъ ѣхали: маршалы, родители посаженные, братья и дамы въ цвѣтномъ богатомъ платьѣ. — Невѣста была въ императорской коронѣ, украшенной бриліантами и дорогими камнями, и въ порфирѣ изъ шурпуроваго бархата, подбитой горностаями. По приближеніи къ церкви, зазвонили въ колокола. Государыня вскорѣ воѣхала за ними въ печальной баржѣ, одѣтая въ траурнос платье; впереди ея несли

* Онъ домыгъ на прежнемъ мѣстѣ, на петербургской сторонѣ — вѣтхій деревянный, и окруженъ плакучими березами. Сколько государственныхъ событій совершалось въ этомъ храмѣ!

штадартъ. Псковской архіепископъ Феофанъ, окруженный епископами: тверскимъ и бѣлогородскимъ, архимандритами и многочисленнымъ духовенствомъ, совершилъ вѣнчаніе. По окончаніи брачнаго обряда, Императрица сидѣла на новобрачную орденъ Св. Екатерины, съ краснымъ бантомъ, и поздравила новобрачныхъ, которые послѣ принимали поздравленіе отъ всего двора. Потомъ всѣ отправились, въ 4 часу по полудни, въ лѣтній дворецъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ изъ Петропавловской крѣпости, адмиралтейской пристани и яхты.

Молодые прибыли въ большую залу и сѣли кушать подъ устроенными балдахинами. Подъ первымъ балдахиномъ сидѣла невѣста съ Великими Княжнами: Елисаветой, Екатериной, Наталіей, княгиней Меншиковой, графиней Головкиной и Бутурлиной. Подъ вторымъ, устроеннымъ противу невѣсты, сидѣлъ женихъ съ графомъ Апраксинымъ, графомъ Головкинымъ и Бутурлинымъ. За прочими столами сидѣло до 400 званыхъ гостей, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ. Въ продолженіи обѣда стрѣляли изъ яхты и играли на трубахъ, съ литаврнымъ боемъ. Въ 7 часу Императрица вышла на лугъ (нынѣ царскій лугъ), къ стоявшей въ строю гвардіи. Тогда открыли два фонтана, которые заструились краснымъ и бѣлымъ виномъ. Императрица остановилась посрединѣ луга; гвардія привѣтствовала ее бѣлымъ огнемъ изъ ружей. Послѣ стрѣльбы поили солдатъ виномъ, струившимся изъ фонтановъ; угощали кушаньями, жареными быками и баранами, нарочно здѣсь разставленными на столахъ.

Въ 9 часу Императрица отпустила молодыхъ, которые поѣхали въ свой дворецъ въ Императорской каретѣ, въ прежнемъ порядкѣ. Потомъ разъѣхались всѣ гости. — На другой день въ субботу, новобрачные прибыли въ 4 часу по полудни въ лѣтній дворецъ, и обѣдали у Императрицы. Молодые сидѣли уже вмѣстѣ за однимъ столомъ. Ихъ встрѣчали маршалы. За обѣдомъ присутствовали придворныя особы; въ продолженіи обѣденнаго стола стрѣляли изъ пушекъ. Послѣ обѣда всѣ гуляли въ саду. На третій день былъ обѣдъ у герцога. Императрица сидѣла за особымъ

столомъ, окруженная молодыми, великими князьями, В. К. Петромъ и герцогиней мекленбургской; за прочими отдельными столами, сидѣли знатные сановники, иностранные министры и придворныя дамы. Во время обѣда не было музыки; играли только на трубахъ и стрѣляли изъ пушекъ. Герцогскимъ обѣдомъ заключилось трехдневное торжество.

=

СКАЗАНІЯ РУССКАГО НАРОДА, собранныя И. Сахаровымъ.
Томъ второй: книги 5, 6, 7 и 8. Санктпетербургъ, 1849.

=
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
=

Прошедшій разъ мы слишкомъ долго пиروвали на нашихъ народныхъ и великокняжескихъ свадьбахъ, забывъ, что намъ предстоитъ еще скитаться цѣлый годъ по всѣмъ угламъ Россіи, что намъ предстоитъ видѣть разные обычаи, примѣты и наблюденія русскаго человѣка, видѣть его задушевною радостью, недоумѣніями, предчувствіями, грустью и кручишкою. Всему, впрочемъ, виноватъ господинъ Сахаровъ, онъ полнѣе умѣетъ завлечь читателя своими разсказами, которые слушаешь съ невыразимымъ удовольствіемъ.

Если цѣль господина Сахарова—представить только письменныя сказанія русскаго народа, то за отдѣлъ свадебъ мы и въ чемъ не можемъ упрекнуть его, хотя онъ довольно не популяренъ; но что жъ дѣлать, когда ужъ не нашлось болѣе другихъ сказаній? Здѣсь господинъ Сахаровъ собралъ всѣ, какія могъ записки и документы и изъ нихъ вывелъ всѣ обряды въ ихъ послѣдовательности, какіе только бывали при нашихъ свадьбахъ.

Совсѣмъ не то встрѣчаемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ: «Русская народная годовщина». Въ немъ письменныя сказанія по большей части замѣняются сказками и примѣтами бабъ, разными дикими суевѣрїями, которыя бывають въ той или другой деревнѣ. Здѣсь господинъ Сахаровъ уже излишне увлекся своимъ стремленіемъ къ народности, тогда какъ ему надлежало бѣ быть весьма осторожнымъ. Должно строго отличать сказанія русскаго народа отъ сказаній бабъ и сказочниковъ, которые много чего могутъ наговорить намъ. Не ужели же по созданію ихъ горячаго воображенія можемъ судить о цѣломъ народѣ? Устные сказанія бывають двухъ родовъ: одни изъ нихъ выражаютъ духъ или жизнь народа, или по крайней мѣрѣ большей его части, и имѣють для насъ не маловажный интересъ; другія же просто—безсмысленныя, которыя выходятъ изъ устъ чудовищно-суевѣрныхъ бабъ, и то не во всѣхъ вообще мѣстахъ, а только въ нѣкоторыхъ погостахъ и деревняхъ. Какой же интересъ могутъ возбудить они? а въ «Русской народной годовщинѣ» господина Сахарова такихъ сказаній весьма много.

Господинъ Сахаровъ раздѣляетъ отдѣлъ народной годовщины на 1) «народный дневникъ» и 2) «праздники и обычаи»; большая часть дневника заключаетъ въ себѣ *мѣстные* сказки, *мѣстные* сказанія, *мѣстные* суевѣрїя, примѣты.

Какое впечатлѣніе можетъ остаться у насъ по прочтеніи этого дневника?—Самое неопредѣленное! И кто въ состояніи не запутаться въ этой смѣси, и вывести отсюда что нибудь общее. «Что городъ, то норось, что деревня, то обычаи» говоритъ русская пословица. Что жъ это значитъ: вырвать изъ того города *норось*, изъ той деревни *обычай*, и представить ихъ безъ всякой связи и послѣдовательности. Другое дѣло если бы господинъ Сахаровъ собралъ всѣ эти обычаи, примѣты, наблюденія, повѣрья, по губерніямъ, и обрисовалъ бы каждую изъ нихъ или по крайней мѣрѣ цѣлую волость со всѣми ея особенностями, въ связи, въ послѣдовательности, тогда бы мы могли судить о частномъ характерѣ той или другой мѣстности, сравнивать ихъ между собой. А теперь этотъ

сборъ ровно ничего не представляетъ. Да притомъ и самыя названія какъ-то смѣшиваются между собой, напримѣръ:

8 (юля). *Наблюденіе*. «Громъ и молнія, появляющіеся съ этого дня, по замѣчанію поселянъ тульской губерніи предвѣщаютъ худую уборку сѣна».

Сказки о домовыхъ, лѣшихъ также занимаютъ не послѣднее мѣсто въ «народномъ дневникѣ». Онѣ, какъ видно, написаны со словъ крестьянина или бабы.

Приведемъ оригинальное замѣчаніе господина Сахарова:

20 (апрѣля). *Окликаніе родителей*. По какому-то непонятному предчувствію наши поселяне догадываются, что ихъ покойники въ этотъ день скорбятъ о прежней своей жизни и желаютъ повидаться съ родными. Это *предчувствіе находитъ только на старухъ*. Рано утромъ они выходятъ на могилы и съ причитаніемъ окликаютъ родителей. Вотъ два такія причитанія:

«Родненькіе наши батюшки! не надсажайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежите очей горячей слезой. Али вамъ, родненькимъ, не стало хлѣба-соли, не достало цвѣтна платя? Али вамъ, родненькимъ, встосковалось по отцу съ матерей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстускамъ? И вы наши, родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горе мычемъ на семъ бѣломъ свѣтѣ. Безъ васъ-то, наши родненькіе, опустѣлъ высокъ теремъ, заглохъ широкій дворъ; безъ васъ то, родимые, не цвѣтно цвѣтутъ въ широкомъ полѣ цвѣты лазоревы, не красно растутъ дубы въ дубровушкахъ. Ужъ вы, наши родненькіе, выгляньте на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшите словомъ ласковымъ.»

«Родимые наши батюшки и матушки! Чѣмъ-то мы васъ, родимыхъ, прогнѣвали, что нѣтъ отъ васъ ни привѣту, ни радости, ни тоя прилуки родительской? Ужъ ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужъ ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ моги-

лушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту блочому, не проливать во тьмѣ горячихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужь ты вѣтеръ, вѣтеръ буйный! Ты возвѣй, возвѣй съ полуночи, ты принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушились, что по нихъ ли всѣ дѣтушки изныли во кручинушкѣ, что по нихъ ли всѣ невѣстухи съ гореваньца надсадились.»

Если бы можно было собрать всѣ сказки о чертяхъ и лѣпшихъ, всѣ, которыя ходять по Руси, всѣ предчувствія, которыя находятъ на суевѣрныхъ бабъ въ тотъ или другой день; то вѣрно это собраніе составило бы десять огромныхъ томовъ; но къ чему они послужатъ? Чего вы станете искать въ нихъ—жизни? поэзіи? не найдете ни того ни другаго. Мы не говоримъ, что народныя вѣрованія не имѣютъ для насъ никакого значенія. Но не лучше ли было бѣ прямо представить намъ полную систему этихъ вѣрованій, такъ, чтобы мы могли имѣть общій взглядъ на таинственныя стремленія народа; тогда мы скорѣй поймемъ всю его жизнь, всю его старину, всѣ его суевѣрія, зная откуда они вытекаютъ.

Господинъ Сахаровъ, какъ видно, не жалуется всего новаго. Вотъ два выраженія его: «Старина, старина! какъ была ты мила нашимъ предкамъ, и какъ мы, ихъ потомки, успѣли скоро промѣнять тебя на *заморскія причуды!*» или «этотъ праздникъ (майское гулянье) переселился въ наши загородныя рощи или раскатываемся только въ экипажахъ со всѣми *заморскими причудами*. Русскіе любятъ гулять пѣшкомъ, безъ всякихъ затѣй, въ кругу своего семейства.»—Какъ понимать эти выраженія? Неужели старина и народность два совершенно одинакія понятія. Пора, наконецъ, различать ихъ. Какъ будто вся народность заключается въ одной внѣшности? Нѣтъ, народность имѣетъ основаніе въ самомъ духѣ народа, въ его разумныхъ стремленіяхъ, но не въ суевѣрїи, ни въ предразсудкахъ; она требуетъ не того, чтобы мы крѣпко держались за свою старину, ходили бы пѣшкомъ, а не ѣздили бы въ каретахъ, за тѣмъ, что будто бы *русскій любитъ гулять пѣшкомъ*, жили бы тѣми удовольствіями и наслажденіями, какъ-

ли жили наши предки: нѣтъ, не таково ея требованіе. Пусть господинъ Сахаровъ посмотритъ на свою старину, пусть взглянется, совершенно ли въ одинакихъ формахъ выражалась жизнь обоихъ сословій Русской земли: тогда ни то ни другое еще не знало *заморскихъ причудъ*. Понятія ихъ были почти одинаковы, но во внѣшности уже было нѣкоторое различіе, тѣмъ болѣе оно должно существовать теперь. Но виною настоящаго различія между классами народа *заморскія причуды*, скажетъ господинъ Сахаровъ. Да, только эти *причуды* имѣютъ свое историческое значеніе. Теперь онѣ уже перестали быть *заморскими*, а сдѣлались *родными*, такъ какъ и самая наука, которая когда-то пришла къ намъ изъ заморья. Принявъ въ свою жизнь элементъ новый, чужеземный, могли ли мы оставаться при однѣхъ и тѣхъ же формахъ, въ которыхъ выражала себя *старина*? Да посмотрите на самый народъ; еще не знакомый съ заморскими причудами; развѣ онъ, при медленномъ своемъ развитіи, не оставлялъ и не оставляетъ нѣкоторыхъ обычаевъ своихъ предковъ? За шестьдесятъ, семьдесятъ лѣтъ еще можно было дѣлать упреки русскому обществу, что оно не сочувствуетъ своему родному, слясь перетащить къ себѣ въ полномъ смыслѣ всѣ *заморскія причуды*; тогда въ самомъ дѣлѣ казалось, какъ будто наша народность на всегда подавлена иностраннымъ вліяніемъ. Но это время прошло, и теперь мы видимъ, что такой его характеръ былъ почти необходимъ по закону развитія: чужеземный элементъ, прививаясь къ намъ, дѣйствительно долженъ былъ на время подавить нашъ родной духъ.

Разумѣется, въ нашемъ обществѣ есть еще довольно такихъ людей, которые гоняются за однимъ подражаніемъ, но стоятъ ли говорить о нихъ, имъ дорогъ наружный блескъ, а не разумная жизнь. По—крайней—мѣрѣ сознаніе народности уже видимо живетъ среди большинства членовъ общества. И смѣшно уже теперь указывать ему на его старину, къ которой оно не можетъ возвратиться; мы можемъ сочувствовать ей какъ былой жизни, но жить ею—никогда. Мы нисколько не осуждаемъ и не презираемъ старины, мы ее лю-

бимъ, за тѣмъ что въ ней была своя жизнь, была своя поэзія—но для своего времени; прошедшее служить предметомъ исторіи, и рѣдко образчикомъ для настоящаго.

Мы сказали о всемъ, что, по нашему мнѣнію, составляетъ недостатки «народнаго дневника» господина Сахарова. Замѣтимъ же, что господинъ Сахаровъ часто описываетъ и весьма важныя обыкновенія нашихъ предковъ, за что мы весьма благодарны ему, но въ то же время намъ хочется знать, откуда онъ беретъ свои выводы. Мы вполне вѣримъ господину Сахарову, что онъ основывается только на историческихъ данныхъ; за чѣмъ же не указать намъ на эти данныя, и тѣмъ устранить всякій поводъ къ сомнѣнію? Вотъ на примѣръ, что говоритъ онъ подъ первымъ числомъ декабря:

«Съ перваго декабря наши предки начинали учить своихъ дѣтей грамотѣ. Для этого заранѣе условливались съ приходскимъ дьячкомъ или другимъ лицомъ. Все семейство отправлялось въ церковь, гдѣ послѣ обѣдни, служили молебень, испрашивая благословіе на отрока. Учитель являлся въ назначенное время въ домъ родителей, гдѣ его встрѣчали съ почетомъ и ласковымъ словомъ, сажали въ передній уголъ съ поклонами. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передаетъ его учителю съ просьбами научить уму разуму, и за лѣность учащать побоями. Мать, по обыкновенію, стоя у двери, должна была плакать. Иначе худая молва пронеслась бы во всемъ окологдѣ. Ученикъ, приближаясь къ учителю, обязанъ былъ сотворить ему три земныхъ поклона. Такъ установлено было нашими предками. Послѣ сего учитель ударялъ осторожно своего ученика по спинѣ три раза плеткой. Мать сажала сына за столъ, вручала ему узорчатую косяную указку; учитель развертывалъ азбуку и начиналось велемудрое ученіе: *азъ-земля-ерь-азъ*. Мать усугубляла свой плачь и умоляла учителя не морить сына за грамотой. На одномъ *азъ* оканчивалось первое ученіе. Учителя послѣ трудовъ угощали, чѣмъ Богъ послалъ, и дарили подарками. Отецъ награждалъ учителя платьемъ, или хлѣбомъ, мать полотенцомъ отъ своихъ трудовъ. Про-

воды и угощенія продолжались до воротъ. На другой день ученика отправляли къ учителю съ азбукой и умазкой. Матушка снаряжала съ сыномъ огромный завтракъ и подарокъ для учителя, который состоялъ изъ домашнихъ птицъ».

Откуда это вывелъ господинъ Сахаровъ, и притомъ такъ подробно!

Или вотъ еще подь 15 октября:

Господинъ Сахаровъ представляетъ намъ ясныя сказанія самаго русскаго народа, какъ напримѣръ о постригахъ, объ Ивановыхъ обрядахъ и другихъ: тамъ мы вполне раздѣляемъ его убѣжденіе, и очень жалѣемъ, что онъ иногда уклоняется отъ этой вѣрной дороги, первоначально избранной имъ.

Что же сказать о «народномъ дневникѣ». Мѣстами мы найдемъ нѣкоторыя любопытныя и интересныя замѣчанія. Такъ напримѣръ нѣсколько словъ о звѣздахъ, въ которыхъ наши поселяне находятъ особое значеніе. Звѣзду Венеру они называютъ *чигиремъ*. «Преданіе о сей планетѣ», говоритъ господинъ Сахаровъ, «заключается въ томъ, что оно показываетъ человѣку счастье и несчастье, что дѣлать и чего не дѣлать». Наши грамотные старики записали о ней слѣдующее. «Сія бо звѣзда едина именованъ Чигирь есть, межъ всѣми звѣздами 10 мѣствъ во всякомъ мѣсяцѣ имѣеть, а по трижды приходитъ на всякое мѣсто коегождо мѣсяца. Сіе есть великая мудрость. Аще кто добръ гораздъ и разумѣеть мѣсячному нарощенію, той видитъ и кій кругъ вѣдаетъ сія звѣзда Чигирь. Аще кому ѣхати, или иди куда, или селиться, смотри, на которую сторону та звѣзда стоитъ: аще она станетъ противу, и ты противу ея не ѣди ни куды. Во дни 1, 11 и 21 стоитъ Чигирь на востоцѣ, и ты хр. мины не ставь, на дворѣ главы своей не голи. Во дни 2, 12, 22 стоитъ Чигирь межъ востокомъ и полуднемъ, и ты съ женою не спи; ино рожденіе будетъ курча и бесплодно. Во дни 3, 13, 23 стоитъ Чигирь на полдни, и ты въ тѣ дни въ полдни не купайся, въ баню не ходи: изойдешъ лихомъ, или учинится переполохъ».

Медведица, называемая *Сажарь*, важна для охотниковъ.

Другія звѣзды: *Гильдо утиков*—Плеяды; *Китачи*—Оріоновъ поясъ; *Жельное колесо*—Арктическій поясъ; *Дьячки зори*—Три звѣзды подлѣ млечнаго пути *; *Косари*—Голова млечнаго пути; *Становище*—Млечный путь; *Маньякъ*—падающая звѣзда; всѣ онѣ могутъ составить часть особенной русской астрологiи. Конечно эти понятiя господинъ Сахаровъ собиралъ среди народа; но мы не знаемъ принадлежать ли они большей части Русской земли или только нѣкоторымъ мѣстностямъ. Можетъ быть въ своей символикѣ онъ скажетъ намъ что нибудь болѣе и опредѣленнѣе. Въ *Дневникѣ*

* О нихъ господинъ Сахаровъ рассказываетъ любопытную сказку, разувѣется со словъ поселянъ: «Жили когда-то на беломъ свѣтѣ три родивыя сестры; а были тѣ три сестры родствомъ и дородствомъ сестра въ сестру; что глядѣть на одну, то увидишь и на другой. Жили тѣ три сестры въ одномъ домѣ, безъ отца и безъ матери; сами правили домомъ, сами пахали, сами хлѣбъ продавали. Приходили сваты и свахи сватать тѣхъ сестеръ за молодыхъ ребятъ; придутъ сваты къ воротамъ, ворота сами растворяются; пойдутъ къ избѣ, двери сами отойдутъ настежъ; взойдутъ въ избу, въ избѣ нѣтъ ни живаго, ни мертваго, какъ послѣ мора. Постоять, такъ и пойдутъ ни съ чѣмъ. Выйдутъ на улицу, посмотрятъ на окна, а у оконъ сидятъ три сестры вмѣстѣ, прядутъ одну кудель. Вотъ и придумали бабы сжить тѣхъ трехъ сестеръ; онѣ-де *повѣдѣлись*, отъ того и живутъ врозь отъ народа крещенаго. Сдувано и сдѣлано. Пойдутъ ночью зажигать городьбу, глядятъ—городьбу и огонь не беретъ. Зажгутъ избу, и изба не горитъ. Пыталась бабы достать и живой огонь въ Иванову ночь: и тотъ огонь не беретъ ихъ. Ходили по знахарямъ и колдунамъ; и тѣ ума не приложатъ, что съ тремя сестрами дѣлать. Ужъ какіе кудесы не строили надъ ними? Имъ все льчего. Вотъ разъ и видятъ бабы: летитъ огненный змѣй по селу, и прилетѣлъ прямо въ избу къ тремъ сестрамъ. Что жъ, скажите, змѣй въ избу влетѣлъ? Не тутъ-то было: побѣгалъ, побѣгалъ вокругъ избы, да и прочь полетѣлъ. Вотъ, такъ народецъ, думаютъ бабы—и змѣй не беретъ ихъ. Ну, гдѣ тутъ сладить бабамъ? Дозвались бабы, что померли тѣ три сестры. Хочется бабамъ поглядѣть на тѣхъ трехъ сестеръ; да какъ войти въ избу? Страшно и подумать, кому идти напередъ. Всякому своя жизнь дорога. Сжалились мужики надъ бабами, да и пошли сами впередъ. Подходятъ къ городьбѣ, городьба разступилась на четыре стороны; подходятъ къ избѣ, изба разсыпалась на мелкія щепки. Тутъ-то мужики догадались, что тѣ три сестры были прокляты на роду. Да и послѣ смерти имъ худое житье: досталось весь вѣкъ горѣть зорями. Вотъ ихъ ужъ неможно осталось: только три красныхъ пятнышка. Нашто имъ проклятымъ: таковская и честь».

есть еще нѣсколько интересныхъ замѣчаній, но они какъ-то теряются въ этомъ сборѣ сказокъ, мелкхъ примѣтъ, мѣстныхъ повѣрій и прочая.

Что касается до описаній праздниковъ, описаній впрочемъ довольно краткихъ, то мы должны сказать, что они не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ у господина Сахарова; во первыхъ потому, что они помѣщены подъ заглавiемъ: «Замѣчанiя старыхъ людей», — этимъ заглавiемъ начинается каждый мѣсяцъ Дневника; — а праздники народа, каковы бы они ни были, ни какъ не могутъ относиться къ замѣчанiю старыхъ людей; они составляютъ одинъ изъ предметовъ народной жизни, имѣютъ свою исторiю, свое значенiе, но существуютъ не по замѣчанiямъ стариковъ и старухъ. Во вторыхъ, другое отдѣленiе «Русской народной годовщины» по самому своему заглавию: «Народные праздники и обычаи» уже принадлежатъ описанiю праздниковъ. «Праздники и обычаи, говоритъ господинъ Сахаровъ, потому отдѣлены мною отъ Дневника, что они отправляются народомъ въ неопредѣленное время и зависятъ отъ измѣняемости нашего мѣсяцеслова и мѣстныхъ обрядовъ». Мы беремъ въ уваженiе эту оговорку, но все какъ-то странно является намъ такая разрозненность и такое смѣшенiе. При подобномъ распредѣленiи, мы ни какъ не можемъ объять однимъ взоромъ всю годичную жизнь народа, а тѣмъ болѣе вывести изъ нея какое нибудь заключенiе. И здѣсь, во второмъ отдѣленiи, мы замѣчаемъ второстепенное заглавiе: «Замѣчанiе старыхъ людей», которое намъ кажется совершенно лишнимъ: здѣсь идетъ дѣло о праздникахъ, установленныхъ самимъ народомъ, а не о замѣчанiяхъ стариковъ и старухъ, съ которыми господинъ Сахаровъ любитъ такъ побесѣдовать. Какая намъ нужда до нихъ! Для насъ важенъ весь народъ, а потому важны и его праздники! И такъ рассмотримъ ихъ, по возможности, въ томъ порядкѣ, какъ ихъ празднуетъ народъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся представить въ легкомъ очеркѣ картину народнаго веселья среди трудовъ и работы. Такимъ образомъ мы выставимъ одну изъ главныхъ сторонъ народной жизни,

сторону широкую, торжественную, въ которой сильнѣе всего выражаетъ народъ и свой характеръ и свое развитіе.

Почти во всѣхъ русскихъ народныхъ праздникахъ мы замѣчаемъ тройственный характеръ; во первыхъ, праздники какъ народа христіанскаго; во вторыхъ, какъ народа, еще неосвободившагося изъ подъ вліянія своихъ предковъ язычниковъ, или лучше сказать мало развитаго въ своей духовной, умственной жизни; и наконецъ въ третьихъ какъ народа преимущественно земледѣльческаго.

Христіанство принесло намъ свои священные торжественные праздники; они постепенно дѣлались народными не мѣрѣ того, какъ народъ родился съ этой божественной религіей. Язычество, какъ бы для поминковъ, оставило намъ свои праздники, которые справляетъ народъ по привычкѣ, увлекаясь суевѣріемъ. Страшно покажется съ перваго взгляда, какъ могутъ жить среди народа эти грубые предрасудки, суевѣрія, какія-то ти чѣмъ необъяснимыя тайны вѣрованія, жить и даже смѣшиваться съ самой религіей, тогда какъ она явно не согласна съ ними, и видимо противорѣчитъ имъ. Но причина этого заключается въ самомъ существѣ человѣческаго духа. Народъ находится въ тѣсной связи съ природой, природа имѣетъ на него свое могущественное вліяніе, а онъ вслѣдствіе своего глубокаго таинственнаго стремленія, свойственнаго каждому человѣку, видитъ во всѣхъ ея вліяніяхъ какую-то таинственность, тѣмъ болѣе что она представляются ему лишь по частямъ, и народъ не въ силахъ обнять ихъ въ одной общности. Можетъ ли слабый и развитый умъ его объяснить всѣ эти естественныя явленія? нѣтъ, онъ и не силится даже. А между тѣмъ воображеніе не ждетъ ни отъ кого своего развитія; оно само развивается, питаемое виѣшней природой. И вотъ оно является на помощь безсильному уму, создаетъ духовъ, создаетъ призраки, даетъ имъ во владѣніе то или другое явленіе, ту или другую часть природы, и такимъ образомъ окружаетъ ими человѣка. Это—необходимое явленіе тамъ, гдѣ умъ подчиненъ воображенію, тамъ гдѣ оно беретъ власть надъ другими силами.

Вотъ начало суевѣрныхъ вѣрованій. Вотъ откуда родились наши русалки, водяные, лѣшіе, вѣдьмы, домовые, и населили рѣки, лѣса, дома и всю природу. Они являются по большой части враждебными людямъ, за тѣмъ, что сама природа, среди которой онъ родился, не делѣла человека, а чаще всего враждовала съ нимъ, она подчиняла его себѣ не презрѣніемъ, не обольщеніемъ, а скорѣй грозой и страхомъ.

Явилось христіанство. Но могъ ли не развитый народный умъ вникнуть во всю глубину христіанскихъ истинъ; воображеніе все еще пересиливало его; и вотъ народное суевѣріе смѣшивается и съ христіанствомъ, принятымъ болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ. И отсюда-то проистекаютъ всѣ другіе предрасудки и повѣрья. Въ человекѣ очень естественно стремленіе искать противодѣйствія всему, что ему враждебно. А гдѣ народъ станетъ искать его, если не въ природѣ? Тогда является вѣра во множество завѣтныхъ травъ, которымъ народное воображеніе даетъ силу противъ мнимыхъ враждебныхъ духовъ. Съ нею она соединяетъ и силу слова—заговариваніе, чародѣйство и прочее. Если существуютъ эти духи, если они имѣютъ вліяніе на людей, то по этому и сами люди могутъ открыть сообщеніе съ ними; но какимъ образомъ? опять та же самая природа помогаетъ имъ своими травами. Очень естественно въ человекѣ и стремленіе знать будущее: вотъ и его силится удовлетворить ничѣмъ не обуздываемое воображеніе. Оно тоже придаетъ силу многимъ предметамъ, которые будто бы могутъ имѣть вліяніе на наше будущее. Наконецъ имѣя болѣе матеріальный взглядъ на религію, не развитый умъ и съ нею соединяетъ свои суевѣрные примѣты и предрасудки. «Въ старыя годы, по прославленіи Христа, священникъ, по просьбѣ женщины, сѣдился на порогъ или на разостланную шубу передъ порогомъ для того, чтобы волились куры.»

Мы привели самые рѣзкіе предметы, но сколько еще найдется другихъ, которые подтверждаютъ наше замѣчаніе.

Невѣжество, скажете вы: разумѣется невѣжество, но надо же знать гдѣ начало его.

Наконецъ въ третьихъ, можетъ ли народъ, который въ потѣ лица проводитъ часть своей жизни въ полѣ, который приобрѣтаетъ себѣ богатство изъ нѣдръ земли, можетъ ли онъ не праздновать многихъ земледѣльческихъ событій, какъ напр. посѣвъ, жатву, сѣнокосъ и другія? Эти праздники истинные его праздники. Съ ними смѣшивается онъ и свои религиозныя вѣрованія и свое суевѣріе.

Таковъ-то характеръ русскихъ народныхъ праздниковъ. Отъ нихъ нисколько не удаляются и святки и масляница, дни назначенные народомъ преимущественно для веселья; народъ ни на минуту не забываетъ своихъ вѣрованій, пока совсѣмъ не перестанетъ жить ими, а потому они необходимо проявляются и здѣсь, на этихъ двухъ послѣднихъ его праздникахъ.

Мы находимъ у господина Сахарова замѣчательную грамату царя Алексѣя Михайловича отъ 1649 года. Въ ней между прочимъ сказано: «Вѣдомо намъ учинилося, что на Москвѣ, напередъ всего въ Кремлѣ, и въ Китаѣ, и въ Бѣломѣ, и въ Земляномъ городѣхъ, и за городомъ, и по переулкамъ, и въ черныхъ и въ ямскихъ слободахъ, по улицамъ и по переулкамъ, въ навечери Рождества Христова кликали многіе люди *Каледу* и *Усень*, а въ навечери Богоявленія Господня кликали *Плугу*; да въ Москвѣ жъ чинится безчинство: многіе люди поютъ бѣсовскія, сквернословныя пѣсни, и противъ воскресныхъ дней въ субботу ввечеру, и въ воскресные дни, и въ Господскіе и Богородичные праздники топятъ бани и платья моютъ; и многіе же люди бранятся межъ себя матерни и всякою неподобною лаяю, и жены и дѣвицы бранятъ позорными словесы.—Да на Рождество Христово и до Богоявленьева дни собираются на игрища сборища бѣсовскія, да пьяныя жъ ходятъ на Москвѣ поны и шюки, и всякихъ чиновъ православныя христіяне и безчинною бранью бранятся, и дерутся и бьются, кричатъ и вопятъ, и безъ памяти упиваются; и многіе люди,

ереси послѣдующе, борода брѣютъ, и въ воскресные дни сидятъ въ харчевняхъ, и по улицамъ до обѣдни продаютъ всякой харчъ; и въ воскресные жъ дни, и въ Господскіе праздники и въ Богородичные, и въ среду, и въ пятки, и посты игрецы бѣсовскіе—скоморохи съ домрами, и съ дудами, и съ медведи ходятъ, и дару Божию хлѣбу поругаются, всяко животнo скотское, и зѣрнo и пт чье пекутъ.»

Взглядъ довольно строгій, но онъ явно опредѣляетъ намъ характеръ святокъ за двѣсти лѣтъ назадъ. Они, какъ видно, были самая буйныя. Но трудно рѣшить, въ чемъ именно состояли ихъ игрища; мы только видимъ, что народъ и здѣсь, какъ всегда, не забывалъ своего обыкновенія: все одушевлять пѣснями, съ ними онъ никогда не разставался. Какія же это были пѣсни «бѣсовскія и другія»? если такія, какія поются нынѣ, то онѣ самая невинныя.

Здѣсь же мы встрѣчаемъ замѣчаніе о колядѣ на Рождество Христово. Въ чемъ состояла она, до сихъ поръ не изслѣдовано. Въ русскомъ колядованіи, говоритъ господинъ Сахаровъ, участвуютъ нынѣ одни только дѣти.

Въ настоящее время коляда преимущественно заключается въ пѣсняхъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Уродилася коляда,
 На канунѣ Рождества.
 За рѣкою за быстрою
 Ой коліодка, ой коліодка!
 Въ тѣхъ мѣстахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скамьи стоятъ,
 Скамьи стоятъ дубовыя.
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
 Добры молодцы, красны дѣвицы,
 Поютъ пѣсни коліодушки.
 Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
 Онъ точитъ свой булатный ножъ.
 Котелъ кипитъ горячій,
 Возлѣ котла козелъ стоитъ.
 Хотятъ козла зарѣзати.
 Ты братецъ Иванушко,

Ты выди, ты выпрыгни!
 Я радъ бы выпрыгнуть,—
 Горючь камень,
 Къ котлу тнаеть.
 Желты пески,
 Сердце высосали.
 Ой коліодка, ой коліодка!

Впрочемъ теперь коляда уже почти не составляетъ народнаго праздника, а принадлежитъ болѣе старинѣ. На Васильевъ день и на Крещеніе она повторялась снова. Малороссы ходятъ колядовать подъ окна въ первый день Рождества Христова, не одни дѣти, но мужчины и женщины и дѣвушки и за то получаютъ разные подарки. Во всѣхъ славянскихъ земляхъ существуетъ рождественское колядованіе, и разумѣется первое мѣсто занимаютъ тутъ пѣсни. У насъ же одно изъ самыхъ общихъ обыкновеній праздника Рождества состоитъ въ славленіи Христа; оно, по словамъ господина Сахарова, заключается въ хожденіи со здѣздой, съ вертепомъ, рацеями и виршами. Но послѣднія три болѣе мѣстныхъ обыкновеній, тогда какъ первое самое общее по всей Россіи.

Кому неизвѣстно, какъ проводятся святки, нужно ли описывать ихъ! Они вмѣстѣ съ масляницею принадлежатъ всему русскому народу, занимая всѣ его словъ и классы, и празднуются въ одномъ духѣ, хотя разумѣется съ большими или меньшими измѣненіями. Въ старину святки преимущественно принадлежали русскимъ дѣвушкамъ; здѣсь онѣ гадали о своихъ *суженыхъ*, узнавали будущее, пѣли подблюдныя пѣсни и прочая. Этотъ характеръ сохранился отчасти и нынѣ. Впрочемъ слѣдующіе стихи Пушкина могутъ опредѣлить его ярче и сильнѣе всякихъ описаній.

Настали святки. То-то радость!
 Гадасть вѣтрная младость,
 Которой ни чего не жаль,
 Передъ которой жизни даль
 Лежить свѣтла, не обозрима,
 Гадасть старость сквозь очки

У гробовой своей доски,
 Все потерявъ невозвратно;
 И все равно: надежда нмъ
 Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.
 Татьяна любопытнымъ взоромъ
 На воскъ потопленный глядитъ:
 Овъ чудно-вылитымъ узоромъ
 Ей что-то чудное гласитъ;
 Изъ блюда, полнаго водою,
 Выходятъ кольца чередою;
 И вынулось колечко ей
 Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
 «Тамъ мужики-то все богаты!
 »Гребуть лопатой серебро;
 »Кому поемъ, тому добро
 »И слава!» Но сулить утраты
 Сей пѣснѣ жалобный напѣвъ;
 Милѣй кошурка сердцу дѣвъ.
 Морозна ночь; все небо ясно
 Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
 Течетъ такъ тихо, такъ согласно.
 Татьяна на широкій дворъ
 Въ открытомъ платьѣ выходитъ,
 На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
 Но въ темномъ зеркалѣ одна
 Дрожитъ печальная луна....
 Чу.... свѣтъ хруститъ.... прохожій; дѣва
 Къ нему на цыпочкахъ летитъ;
 И голосокъ ея звучитъ
 Нѣжный свирѣлаго напѣва:
 Какъ ваше имя? Смотритъ овъ
 И отвѣчаетъ: Агафонъ.
 Татьяна по совѣту нани
 Сбиралась ночью ворожить
 Тихонько приказала въ банѣ
 На два прибора столъ накрыть.
 Но стало страшно вдругъ Татьянѣ..

 Татьяна поясокъ шелковой
 Сила, раздѣлась и въ постель

Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.

Гаданья на Руси такъ разнообразны, что мы даже не рѣшаемся приступить къ описанію ихъ. Пѣсни и здѣсь характеризуютъ русскій народъ; онѣ слышны и на святочныхъ гаданьяхъ и на святочныхъ играхъ, которыя всѣ основаны преимущественно на таинственномъ суевѣрномъ стремленіи духа. Въ старые годы цѣль ихъ была сблизать молодыхъ людей обоого пола подъ роковымъ названіемъ *суженыхъ*. Въ настоящее время онѣ наиболѣе служатъ предметомъ русскаго широкаго разгула и веселья.

Въ это же время на Васильевъ вечеръ (1-го января) бываютъ у русскаго народа какіе-то особенные обряды, сопровождаемые пѣснями. Должно полагать, что въ этотъ день у нашихъ предковъ-язычниковъ былъ какой-нибудь праздникъ, который оставилъ потомкамъ только нѣсколько обрядовъ. Изъ описаній господина Сахарова мы видимъ, что каждый изъ совершаемыхъ нынѣ обрядовъ, одушевленъ какимъ-нибудь вѣрованіемъ или суевѣріемъ. Дѣти ходятъ по домамъ и бросаютъ зерна хлѣба (обрядъ застѣванія). И вотъ при этомъ случаѣ проявляется жизнь земледѣльческая; домашніе собираютъ на полу зерна, и хранятъ ихъ до поѣсва. Нѣкоторые хватаютъ бросаемыя зерна, и кто сколько заберетъ въ руку какого зерна, то выводитъ по нимъ заключеніе объ урожаѣ на своей нивѣ. Канунъ праздника Крещенія или *Водокрещей* сзываетъ народъ запасаться освященной водой, которая помогаетъ ему во многихъ недугахъ; ею онъ окропляетъ даже и скотъ во время его болѣзни. Въ статейкѣ Водокрещи мы не находимъ у господина Сахарова ни какихъ описаній, вообще онъ слишкомъ скупъ на описанія праздниковъ, самой важной стороны народной жизни. Но мы знаемъ, что въ это время многіе, по сильной вѣрѣ, погружались въ прорубь. Въ него погружали даже и больныхъ. При томъ почти по всей Россіи, наканунѣ Боговленія, послѣ освященія воды, пишутъ мѣломъ кресты:

на дворянъ, внутри дома, по скотнымъ хлѣбамъ, и всѣмъ хозяйственнымъ заведеніямъ.

За тѣмъ отъ разгула Русскій народъ переходитъ къ работамъ. Отъ святокъ до масляницы у него есть еще нѣсколько дней, маленькихъ праздниковъ, которые тѣсно связаны съ его жизнью. Такъ напримѣръ въ день Влассія (11-го февраля) онъ заботится о своемъ скотѣ, своемъ богатствѣ, и проситъ Святаго, чтобы онъ взялъ ихъ подъ свое покровительство. Извѣстно что день Влассія замѣнилъ языческій праздникъ бога-Волоса—(скотія-бога). Вотъ отъ чего и святой Влассій сдѣлался патрономъ скота. Господинъ Сахаровъ кратко, но весьма удовлетворительно описываетъ этотъ день.

Потомъ Русскій народъ, подобно всей Европѣ, празднуетъ масляницу, второй общій зимній праздникъ на Руси, и празднуетъ ее по своему. Здѣсь свой, русскій разгулъ. Блины, горы, качели, катанье — главные предметы масляницы.

«Не ходитъ на горы, говоритъ господинъ Сахаровъ, не качаться на качеляхъ, не потѣшаться надъ скожорохами, не отвѣдать сладкихъ яствъ—значило въ старину: жить въ горькой бѣдѣ, и то при старости, лежать на смертномъ одрѣ, сидѣть колѣкой безъ ногъ». Кто не знаетъ всего разгула масляницы. Изъ описаній господина Сахарова, мы видимъ въ ней то же проявленіе народнаго духа; конечно главное здѣсь безотчетное разгульное веселье; но и къ нему примѣшиваются многія суевѣрныя стремленія. Такъ напримѣръ первый блинъ кладутъ на слуховое окошко для души родительскихъ. Старухи, кладя блинъ на это окно, приговариваютъ: «честные наши родители! вотъ для вашей души блинокъ». Прежде печенія блиновъ, наши женщины-стряпухи изготовляютъ *опару* съ особенными обрядами. Одну *опару* готовятъ изъ снѣга, на дворѣ, когда взойдетъ мѣсяцъ. Здѣсь онѣ причитываютъ: «мѣсяцъ, ты, мѣсяцъ, золотые твой рожки! Выглянь въ окошко, подуи на *опару*. Онѣ остаются въ полной увѣренности, что мѣсяцъ вглядывается въ окошко и дуетъ на *опару*. Отъ этого,

будто, блины бывают бѣлые, рыхлые. Другія выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодези и озера, когда появятся звѣзды. Приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ. Малѣйшая неосторожность страпухи наводитъ на хозяйку тоску въ продолженіе всей недѣли. Особая встрѣча и проводы масляницы посредствомъ куклы тоже выражаетъ власть народнаго воображенія, которое силится олицетворить и время и праздникъ: при началѣ масляницы возили соломенную куклу, съ разными причитаніями, выражая тѣмъ встрѣчу, а вечеромъ въ воскресенье торжественно сжигали ее, въ знакъ окончанія масляницы.

Наконецъ мы видимъ и выраженіе религіознаго напряженія народа — прощанье въ послѣдніе дни масляницы. Прощаются не только съ живыми, но даже ходятъ къ роднымъ на могилы.

«Прощанье между родными и знакомыми происходитъ вечеромъ. Прощаться приходятъ родные къ старшему въ родѣ, бѣдные къ богатымъ. Въ старые годы на прощаніе приносили пряники. Прощаясь, говорили обыкновенно другъ другу: «прости меня, пожалуй, буде въ чемъ виновать предъ тобою». Прощаніе заключалось поцѣлуемъ и низкимъ поклономъ. Прощаніе между домашними бывало послѣ ужина, предъ сномъ. Здѣсь дѣти кланялись въ ноги своимъ родителямъ и просили прощенія. Послѣ приходили всѣ находящіеся въ услуженіи, и справляли свое челобитье».

Въ семнадцатомъ столѣтіи Государи хаживали на прощаніе къ Патріарху съ боярами, окольными и думными людьми. Патріархъ угощалъ дорогихъ гостей медами и романсей.»

Но вотъ насталъ великій постъ. Народъ постится, говѣеть, не забывая дѣлать и свои примѣты и наблюденія въ тотъ или другой день и по нимъ судить о будущемъ лѣтѣ, объ урожаѣ и прочемъ. Лѣто уже начинается заботить его, и вотъ въ концѣ поста онъ чаще устремляетъ взоръ свой на поля, и тѣмъ уже собирается къ трудной работѣ. О великомъ четвергѣ мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе изъ столба: «А въ великій четвертокъ по рану солому палать и

кличуть мертвыхъ; нѣкоторые же невѣгласи попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и до седьмого четверга по велицѣ дни тако держатъ и ту соль даютъ на врачеваніе людямъ и скотомъ.»

Нынче уже не слышно ничего подобнаго, такъ Русь съ тѣхъ поръ перемѣнилась.

Русскій народъ въ особенноти чувствуетъ всю святость Пасхи: она приноситъ ему какую-то особенную духовную радость. «Святая недѣля, говоритъ господинъ Сахаровъ, называется у народа *великоденскою, славною, великою и радостною*. Первый день Пасхи они называютъ *Великій день*, утро вторника—*купалищемъ*,—за тѣмъ, что въ этотъ день обливаютъ холодной водою тѣхъ, которые просыпаютъ заутреню; пятницу—*прошений день*, старшіе сзываютъ младшихъ на молодое пиво;—субботу—*хороводницы*». Господинъ Сахаровъ говоритъ еще о встрѣчѣ восхода солнца въ первый день Пасхи; по немъ поселяне заключаютъ о будущемъ лѣтѣ и объ урожаѣ. Великъ день Воскресенія Христова.

Съ Юрьева дня, поселяне начинаютъ производить всѣ торговыя сдѣлки и назначаютъ сроки.

Весенніе народныя праздники открываются Красною Горкою. Это самый невинный праздникъ, ограничивающійся хороводами и пѣснями.

Въ этотъ же день нѣкоторые дѣлаютъ и зазываніе весны, то есть кличутъ или окликаютъ весну разными пѣснями въ родѣ слѣдующихъ:

«Красная весна,
Что намъ несешь?»
Красное лѣто,
Теплое лѣто.

Весна красная!
Прійди весна съ радостью.
Съ великою милостью
Уроди ленъ высокій
Рожь, овесъ хорошій.

Весна красная!
 На чемъ пришла?
 На чемъ прѣехала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ.

Лучше не могъ выразить себя народъ, у котораго главное богатство земледѣліе.

По раздѣленію господина Сахарова, недѣли *радуницкая*, *седмицкая* и *всесвятская* составляютъ весенніе праздники. Мы молчимъ объ этомъ раздѣленіи: оно имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Радуницкую составляютъ Красная Горка, Вьюнецъ и Радуница. Въ Стоглавѣ находимъ: «А о величѣ дни окликая на Радуницѣ Вьюнецъ и всякое въ нихъ бѣснованіе... Чтобы оклички на Радуницы не творили и скверными рѣчьми не унрекалися и о томъ священникомъ дѣтямъ своимъ духовнымъ запрещати, чтобъ впредь таковая не творили.»

Но то самое дѣлаютъ и нынче.

Вьюнецъ, по словамъ господина Сахарова, принадлежитъ къ незапамятнымъ русскимъ обрядамъ. Онъ справляется въ однихъ мѣстахъ въ субботу на Святой недѣлѣ, а въ другихъ въ Омино воскресенье, и состоитъ въ хожденіи по улицамъ съ *самоиграемъ*, то есть при цѣнн известныхъ пѣсень въ честь *подобрачныхъ*.

Въ Оминѣ понедѣльникъ или вторникъ совершается праздникъ Радуницы. Это остатокъ древней языческой тризны на могилкахъ. По словамъ господина Терещенки *Радуница* происходитъ запросто отъ слова *радоваться*: народъ *поминая въ это время родителей*, думаетъ что они радуются съ ними. Въ этотъ день всѣ сельскія кладбища наполняются народомъ: его сзываетъ върваніе въ возможность тайнаго.

Обкладываніе родительскихъ могилъ на Оминой недѣлѣ считается у Рускихъ въ числѣ необходимой принадлежности старыхъ людей. Сюда сходятся женихи и невѣсты испрашивать благословенія у своихъ покойныхъ родителей на *любовь и союзъ*, и въ воспоминаніе своего обѣта кладутъ на могилы красныя яйца....

Радуницы напоминаютъ намъ древнія *тризны* нашихъ пра-

отцевъ, сопровождаемая поминками, жертвами и возліянїями въ память усопшихъ. Діаконъ Левъ Калойскій говоритъ: «Русскіе, слѣдую языческимъ обрядамъ Грековъ, совершали жертвы и возліанія въ честь усопшихъ». Кажется, что Русскіе переняли у Грековъ и Римлянъ только возлаганіе ящъ на могилахъ. У Грековъ этотъ обрядъ принадлежалъ къ числу умилоствительныхъ жертвъ надъ усопшими.

Въ Малороссіи Радуница общій праздникъ, который начинается грустными причитаніями, а кончается веселымъ разгуломъ.

Заемствуемъ картину его у господина Терещенки:

«Нигдѣ родительскія поминки не производились и не производятся, съ такою веселостью, какъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи. Въ Кіевѣ сходились, и теперь сходятся, на гору Щековцу, не только простой народъ, но и почтеннѣйшіе граждане. Тамъ сначала отправляютъ панихиды надъ умершими, а потомъ каждое семейство, сѣвъ въ кружокъ близъ родственной могилы, поминаетъ родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ и все, что дорого для ихъ сердца. Ъдятъ и пьютъ за упокой, желаютъ усопшимъ царствія небеснаго, за ихъ добрыя дѣла; прощаютъ нанесенные имъ обиды, не желая препятствовать имъ. Когда немножко поразгуляютъ, тогда заставляютъ семинаристовъ или учениковъ бурсы, пѣть духовнаго содержанія стихи, но печальнымъ и погребальнымъ напѣвомъ.— Это такъ растрогиваетъ настроенную ихъ чувствительность, что они, для удержанія своихъ слезъ, запивая горе виномъ, произносятъ: *о, якъ оцѣ жалост иво! сховавъ ридного и риднюнку, штожь мене приголубе? Чи чуєте ви, мій батеньку и моя матусенька? Чи важь тамъ лучше, чи нажь тутечки?* Послѣ многихъ возгласовъ, старшій изъ поминальщиковъ обращается къ плачущимъ, и говоритъ: *давайте жь скорій чарку горилки,— утолымъ горе!* Когда и это не помогаетъ, тогда обращаются къ скрипачамъ, и говорятъ: *музыка! нутежь заиграйте, да такъ, щобъ плакало усе на взрыдѣ.* Скрипачи играютъ заунывные или похоронные пѣсни, и всѣ плачутъ. *Годи! чи перестанете жь играть? Не бачите, якъ*

еси взрыдалы, мовь съ изнова ридного хоронють. Скрипачи начинают играть веселое, и всѣ, забывъ горе, бросаются въ присядку. Поминки обращаются въ безотчетный разгулъ, который иногда продолжается во всю ночь.—На другой день говорятъ только: ой, болитъ моя головонька.—Чтобы прогнать головную боль, похмѣляются; похмѣлье иногда длится нѣсколько дней сряду.— Почти тоже самое происходитъ въ полтавской, черниговской и харьковской губерніяхъ».

Эти мгновенные переходы отъ одного чувства къ другому изумительны въ русскомъ человѣкѣ.

Но вотъ наступаетъ одно изъ важныхъ дѣйствій земледѣльца; дѣйствіе, съ которымъ тѣсно связываются всѣ его зимнія и весеннія примѣты, всѣ его наблюденія — это полевая работа. Съ этихъ поръ начинаются собственно его земледѣльческіе праздники. Въ нихъ-то вполне отражаются всѣ понятія, всѣ стремленія русскаго земледѣльческаго народа.

Вспахано поле; много капель пота оросило его; не забываетъ труда своего крестьянинъ; онъ только радуется, что первое дѣло сдѣлано, и это его сердечный праздникъ.

За тѣмъ онъ приступаетъ къ посѣву.

А наши дѣвушки встрѣчаютъ этотъ праздникъ пѣснью:

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ Семикъ честной
Другой праздникъ Троицынъ день,
А третій праздникъ Купальница.
Какъ у насъ зелена трава....

Семикъ—настоящій весенній праздникъ на Сѣвѣрѣ. Всѣ города и селенія Руси убираются молодыми березами. Русскіе дѣвушки какъ бы сговорившись по всѣмъ деревнямъ и селамъ, завиваютъ вѣнки, гадаютъ, по нимъ составляютъ хороводы. Семикъ тоже есть остатокъ какаго-то языческаго праздника, но теперь онъ сдѣлался невинной и прекрасной забавой молодежи. И здѣсь тоже пѣсни составляютъ душу праздника, а въ нихъ выражается вся русская природа.

Обыкновенно въ роищѣ сламывають березку, украшаютъ ее лентами, свиваютъ изъ ея сучьевъ вѣнокъ, и все это сопровождается пѣсней, какъ напримѣръ:

Береза моя, березенька!
 Береза моя бѣлая,
 Береза моя кудрявая.
 Стоишь ты, березенька,
 Осередь долинушки.
 На тебѣ, березенька,
 Трава шелковая.
 Близъ тебя, березенька,
 Красны дѣвушки,
 Семикъ поютъ.—
 Подъ тобою, березенька,
 Красны дѣвушки,
 Вѣнокъ плетутъ.
 Что не бѣлая березенька
 Къ землѣ клонится;
 Не шелкова травонька
 Подъ ней разстилается;
 Не бумажны листочки
 Отъ вѣтру раздуваются.—
 Подъ этой березенькой,
 Съ красной дѣвицей
 Молодецъ разговариваетъ.

Кончена пѣсня, завить и вѣнокъ, черезъ него цѣлуются дѣвушки, и къ этому новая пѣсенка:

Покумися, кума,
 Покумися:
 Чтобы намъ съ тобой
 Не браниться,
 Вѣчно дружитья.

За тѣмъ вокругъ березки составляются веселые хороводы, завиваются новые вѣнки, поются новыя пѣсни.

Господинъ Сахаровъ приводитъ болѣе замѣчанія о мѣст-

ныхъ обрядахъ, изъ которыхъ впрочемъ можно составить общую идею о Семикѣ.

Между прочимъ онъ говоритъ объ одномъ обычаѣ, который дѣлаетъ честь нашимъ предкамъ. Онъ показываетъ, что чувство добра было неразлучно съ ихъ праздниками.

«Въ старину на Семикѣ отправлялся древній обычай поминовенія убогихъ на *убогихъ домахъ*, или *божедомкахъ*, или *скудельницахъ*. Убогіе дома въ тверской и псковской губерніяхъ назывались *буйвицами*, а въ новгородской *жалями* и *жальниками*. Охранители убогихъ домовъ назывались: *божедомами*, а въ новгородской и псковской губерніяхъ: *богородными* и *божатыми*. Въ народѣ объ нихъ сохранились поговорки доселѣ: *живетъ одинъ какъ божедомъ*. — *Божа-тому и хлѣбъ и изба готова*. Сюда свозились покойники, люди или несчастно умершіе, или удавленники, или утопленники, или найденные въ окрестностяхъ. Изъ ближайшей церкви бывалъ крестный ходъ на убогій домъ. Наши добродушные отцы приходили съ рубашками, саванами и гробами для покойниковъ; сами рыли могилы, сами *опрягивали* покойниковъ въ саваны и рубашки. Въ успокоеніе ихъ душъ возсылали къ Богу безкорыстныя молитвы. Въ убогій домъ былъ отвезенъ и Аже-Димитрій.

Русалы или *клевальная суббота*, какъ называется господинъ Сахаровъ, справляется народомъ послѣ Семика, и составляетъ не праздникъ, а просто суевѣрный обычай; это остатокъ язычества, ни чѣмъ не скрашенный. Вотъ онъ:

«Съ именемъ клеваальной субботы въ понятіяхъ нашего народа соединяется старое вѣрованіе въ русалокъ. Въ этотъ день суевѣрные поселяне думаютъ, что русалки бѣгаютъ по ржамъ, бьютъ въ ладоши и расцѣвуютъ: «бухъ, бухъ! соломенный духъ! меня мати породила, не крещену положила».

Жители села Горохова, воронежской губерніи, на берегу озера, соединяющагося съ Дономъ, устраивали на дугу особенный шалащъ, убивали его цвѣтами и вѣнками; въ срединѣ ставили соломенное чучело. Это чучело сначала наря-

дажи въ женское платье, а потомъ въ мужское. Въ шалаши предъ нимъ ставили приносимое кушанье, вино и другія лакомства. Вокругъ шалаша одни поселяне разыгрывали хоры, молодые плясали, иные въ кружкахъ пѣли пѣсни, другіе вели борьбу. Послѣ всего начиналось пированіе. Поселяне угощали другъ друга кушаньемъ, виномъ и лакомствами. Въ заключеніе всего раздѣвали чучело и бросали его со смѣхомъ въ озеро.

Въ Саввинѣ городкѣ, чистопольскаго уѣзда, утромъ, на ржаныхъ и яровыхъ поляхъ бываетъ молебствіе, при стеченіи многочисленнаго народа. Вечеромъ поселяне на своихъ поляхъ разыгрываютъ хоры, поютъ пѣсни и пляшутъ почти до разсвѣта.

Въ селеніяхъ ефремовскаго, епифанскаго и новосильскаго уѣздовъ, особенно по берегамъ рѣки *Красивой Мечи*, бываютъ проводы русалокъ. Съ вечера поселяне начинаютъ собираться на полянахъ и поютъ пѣсни. Когда же наступитъ ночь, то они бѣгаютъ по полянамъ съ помелами, машутъ ими по воздуху и кричатъ: «догоняй, догоняй!» Нѣкоторые изъ отчаянныхъ, которыхъ въ деревняхъ очень немного, рассказываютъ за правду, что они видѣли, какъ русалки отбѣгали отъ ихъ селенія за лѣсъ съ плачемъ и воплемъ. Послѣ этого, на разсвѣтѣ, купаются въ рѣкѣ. Народъ нашъ твердо увѣренъ, что на русальной недѣлѣ опасно купаться въ рѣкахъ; тогда будто купаются тамъ русалки и всякаго неосторожнаго защекочиваютъ до смерти. Съ изгнаніемъ русалокъ эта опасность прекращается.

Или вотъ еще другой обычай — довольно поэтической. Онъ носитъ названіе кукушекъ.

«На Семвцкой недѣлѣ отправляется поселянами старый обычай кумовства надъ кукушками. Для совершенія этого обряда, поселянки калужской губерніи приготавливаютъ заранее птицу кукушку, а за неимѣніемъ сплетаютъ изъ травы *Кукушкины слезы* (*orchis latifolia*) вѣнокъ, перевязываютъ его красною лентою, и выходятъ на лугъ, или въ лѣсъ. Здѣсь онѣ разстидаютъ на травѣ платокъ, кладутъ на

него кукушку, а сами садятся въ кружокъ. Послѣ этого мѣняются крестами и цѣлуются между собою съ обща-ніемъ сохранить вѣчную дружбу. Съ этого времени онѣ величаютъ другъ дружку кумами. Кумовство оканчивается угощеніемъ и яичницею. Поселянки тульской губерніи вы-ходятъ для совершенія этого обряда въ лѣсъ, отыскиваютъ тамъ двѣ *плакучія березы*, связываютъ ихъ вѣтви между собою платками, или полотнами, въ видѣ вѣнка, а къ самымъ деревьямъ вѣшаютъ свои кресты. Въ средину, надъ вѣнкомъ, кладутъ птицу кукушку, или траву кукушкыны слезы, или семицкой вѣнокъ. Всѣ подруги, рѣшившіяся покумиться надъ кукушкой, ходятъ въ разныя стороны вокругъ вѣнка, и послѣ цѣлуются три раза сквозь вѣнокъ. Въ это время другія женщины поютъ: «ты, кукушка, ряба—и проч.». Въ заключеніе мѣняются кольцами и крестами, даютъ обѣтъ жить въ мирѣ и согласіи. Оставшіеся отъ этого обряда вѣнокъ, или кукушку, раздѣляютъ между собою по частямъ и хранятъ на память кумовства. Мушцины не до-пускаются къ исполненію этого обряда и женщины съ ни-ми не кумятся надъ кукушкой».

За тѣмъ, Троицыномъ днемъ оканчиваются весенніе празд-ники. И для этого дня у народа есть свои игры и свои пѣсни; игры весьма похожія на семицкія, такъ же въ роцѣ, въ лѣсу, въ лугахъ:

Мы пойдемъ, дѣвочки,
 Во луга гулять,
 Ай люли, люли, во луга гулять!
 Во луга гулять
 Вѣнки завивать,
 Ай люли, люли, вѣнки завивать.
 Мы завьемъ вѣночки
 На всѣ красны денечки,
 Ай люли, люли, на красны денечки.
 Благословъ Тройца,
 Богородица
 Намъ въ лѣсъ пойти

**Вѣнокъ сласти,
Ай люли, люли, вѣнокъ сласти.**

Завиваніе вѣнковъ и хороводы съ пѣснями принадлежать Троицѣ. Здѣсь рѣзвится молодежь, какъ только можетъ; на нихъ смотрятъ старики, и вспоминаютъ свое бывшее; словомъ, жизнь всѣхъ возрастовъ соединяется въ одну картину. По окончаніи игоръ, дѣвушки съ вѣнками на головахъ идутъ къ водѣ, тамъ развиваютъ онѣ свои вѣнки и бросаютъ ихъ въ воду; и тутъ начинается гаданье: поплыветъ вѣнокъ — въ этотъ годъ выйдетъ дѣвица за мужъ; поидетъ со дну вѣнокъ — во весь годъ не найдетъ себѣ она суженаго.

Господинъ Сахаровъ говоритъ довольно подробно о празднованіи Троицы, но невольно чувствуешь, что недостаетъ чего-то въ его описаніяхъ; они какъ будто не имѣютъ души, за тѣмъ, что душу ихъ составляютъ пѣсни, а ихъ-то и недостаетъ у господина Сахарова.

Наши народныя игры нельзя описывать просто, а надо рисовать ихъ въ картинѣ, иначе онѣ потеряютъ всю свою поэзію, а въ нихъ дѣйствительно много прекраснаго.

Вообще тамъ, гдѣ народъ не примѣшиваетъ грубыхъ дѣловскихъ повѣрій и суровыхъ языческихъ игрищъ, тамъ онъ является намъ въ поэтическомъ блескѣ: идея прекраснаго, если она не живетъ въ его сознаніи, то живетъ въ его сердцѣ. Еще два праздника, остатки язычества, существуютъ у насъ: Ярило и Купало. Не станемъ говорить и доказывать, были ли у нашихъ предковъ язычниковъ боги съ этими названіями, или просто какіе нибудь обряды; еще ни то ни другое ни кѣмъ удовлетворительно не доказано. Въ наше время праздникъ или игрище Ярилы почти совершенно оставлено. Вотъ какъ его праздновали въ прежніе годы.

«Костромское игрище отправлялось въ воскресенье Всесвятской недѣли. Народъ собирался на площадь послѣ обѣда. Изъ среды его избирался старикъ; на него надѣвали старое поношенное платье, клали на руки гробъ съ чу-

челою—Ярилою. Послѣ сего начиналось шествіе изъ города въ поле. Женщины въ это время завываніями и причтаніями выражали скорбь и отчаяніе; мужчины пѣли пѣсни и плясали; дѣти бѣгали взадъ и впередъ. Въ полѣ вырывали палками могилу и въ гробъ хоронили Ярилу съ *плечемъ* и *восемь*. Игрище оканчивалось плясками и играми. В этомъ обрядѣ Костромитянъ находимъ очевидное сходство съ муромскимъ обрядомъ Костромы. Погребеніе Ярилы отпиралось прежде въ Колязинскомъ уѣздѣ по дорогѣ къ Троицѣ Нерли, близъ старой сосны. Здѣсь нынѣ только осталось одно народное гулянье.

Воронежское игрище начиналось съ пятницы Всесвятской недѣли и продолжалось въ субботу и воскресенье. Игрище было на городской площади, за старыми Московскими воротами. Сюда съ раннего утра собирались горожане и окрестные поселяне. Миръ избиралъ для того игрища особеннаго человѣка. Послѣ провозглашенія, его одѣвали въ разноцвѣтный кафтанъ, украшали лентами, колокольчиками, на голову надѣвали раскрашенный, бумажный колпакъ съ ленточными кисточками; лице сурмили красками; на руки привязывали позвонки. Избранный человѣкъ въ такомъ нарядѣ назывался Ярилою. Онъ ходилъ по площади, плясалъ и пѣлъ пѣсни. Вокругъ него толпился народъ всѣхъ возрастовъ: одни пѣли, другіе плясали, третьи бились на кулачки.

И въ другихъ мѣстахъ, какъ видно изъ мѣстныхъ описаній господина Сахарова, Ярилины игрища происходили на подобіе костромскаго и воронежскаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлялась еще пляска, особенно извѣстная подъ названіемъ *бланжу*—въ осемь паръ.

Тутъ-то было раздолье влюбленнымъ, повѣтствуетъ господинъ Терещенко: матери охотно отпускали своихъ дочерей на ярилино гулянье, какъ онѣ говорили, *попольститься*. Но однако происходили и дурныя послѣдствія отъ этого. Во время ярилинскаго разгула дозволялись обниманія, цѣлованія, совершавшіяся подъ вѣтвистыми деревьями, *которыя прикри-*

или таинственным ощущением. Любопытно знать откуда господин Терещенко взял такое живописное описание.

«Народное празднование «Купало» *, говорит господин Захаровъ, отправляемое на Руси въ Ивановскую ночь **, известно во всемъ славянскомъ мѣрѣ. Отличительные обряды того праздника составляютъ: *зажженные костры, пѣсни, прыжки, перепрыгиваніе черезъ огонь и крапивные кусты, купанье ночью въ росу, а днемъ въ рѣкахъ, пляски вокругъ дерева жа-*

* Господинъ Терещенко производитъ слово *купало* отъ глагола купаться, отому, говоритъ онъ, что въ это время повсюду купаются въ рѣкахъ, и пѣютъ пѣсни, какъ напр. белорусскійская: «купався Иванъ, та и въ воду уавъ», подтверждаютъ значеніе купала.

** Ночь на Ивановъ день сопровождалась почти одинакими обрядами во всей Европѣ. Вотъ что говоритъ господинъ Терещенко объ общемъ употребленіи ивановскихъ огней. «У Нѣмцевъ долгое время существовалъ древній обычай переходить черезъ ивановскій огонь, и переводить черезъ него свои стада. Оставшіеся угли клали въ хлѣвъ и стойла, для предохраненія скота отъ всякой заразы; золу бросали на поля и огороды, для истребленія вредныхъ насекомыхъ.

«Ивановскіе огни въ употребленіи почти во всей Германіи, Россіи, Польшѣ, Богеміи, Моравіи, Далмаціи и другихъ славянскихъ странахъ. Это остатокъ древняго языческаго обыкновенія, но навѣрное нельзя сказать, что изъ нихъ отъ кого позаимствованы.

«Сказаніе имѣетъ свое особое знаменаніе. У нѣмцевъ оно означаетъ освобожденіе отъ колдовства и болѣзней; у другихъ, когда высоко скачутъ, рѣшаніемъ избобленія льва и долгую жизнь. Скакали еще черезъ огонь а лошади, или бросали въ пылавшій костеръ лошадиную голову, чтобы отсрочить появленію колдуновъ.

«Варіантъ пишетъ, что носеллис, натаскавъ кучу сѣна и соломы, зажгавъ и садаясь для очищенія себя. Квинтилианъ, Цицеронъ, въ письмахъ къ своему брату, знаменитому Марку Туллію Цицерону, говоритъ, что Британцы раздвояли дѣтнее солнцестояніе похъ именемъ *Гранія*, бога *солнца*. На августъ солнцестояніа, они раскладывали огни по горамъ и холмамъ. Женщины, дѣти и стада животныхъ, перепрыгивали черезъ огонь въ честь ожеству. Толпа народа хранила таинственно-глубокое молчаніе, пока не оказывалось солнце на небосклонѣ. И едва оно появлялось, тотчасъ призывали его радостными восклицаніями».

рины и погруженіе его въ воду (въ Малороссіи), зарываніе травъ, поспріе о налетъ вѣдьмъ на Лысую гору.

Подробности этихъ обрядовъ любопытные могутъ найти въ «Сказаніяхъ русскаго народа».

Вопросъ 24 Столпа. Русалии о Іоаниѣ двѣ сходятся мужи и жены и дѣвицы на ночное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и егда ночь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсныи, умываются водою; и егда начнутъ заутреню звонити, и падаютъ аки мертвіи отъ великаго хлопотанія.» Таковы были прежде ивановскія игрища. Нынѣ народъ много смягчилъ ихъ характеръ. Вотъ одно изъ описаній господина Сахарова: «Вечеромъ 23 іюня крестьяне выходятъ въ поле въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ, составляютъ костры изъ хворосту; другіе приносятъ съ собою легтарныя баклаги. Старики садятся въ кружокъ и начинаютъ чрезъ треніе добывать огонь изъ двухъ старыхъ, сухихъ деревьевъ. Кругомъ ихъ всѣ стоятъ въ глубокомъ молчаніи. Едва показался огонь, все ожило, запѣло и завеселилось. Зажигаются костры и баклаги. Молодые поютъ и пляшутъ, старики сидятъ въ кружкахъ, бесѣдуютъ о старинѣ и отъ радости попиваютъ вино. Часто случалось видѣть, какъ надъ этимъ костромъ старушки матери сжигали сорочки, взятые съ больныхъ дѣтей, съ полною увѣренностью, что отъ сего обряда прекратятся болѣзни. Нашъ народъ думаетъ, что перескакиваніе чрезъ огонь избавляетъ отъ очарованія. Въ купаніи утренней росой онъ полагаетъ очищеніе тѣла и избавленіе отъ болѣзней.» Главный характеръ ивановской ночи вездѣ одинъ и тотъ же, хотя и существуютъ нѣкоторые различія въ обрядахъ. Малороссы пляшутъ вокругъ дерева марины, украшеннаго вѣнками и цвѣтами; иногда подъ деревомъ сажаютъ куклу: подъ конецъ праздника топятъ дерево въ рѣкѣ. Великоруссы не поютъ пѣсенъ съ именемъ купало, подобно Малороссамъ.

Къ обрядамъ Купалы принадлежитъ еще собраніе трагъ,

которыя, по народному понятію, въ эту ночь получаютъ особенную силу, или цѣлебную, или гадательную. У господина Сахарова есть исчисленіе всѣхъ этихъ травъ.

Жаль, что такія полудикія игрища затемняютъ собой прекрасные народные праздники.

При всемъ томъ православный народъ не забываетъ своей работы. Усиленный трудъ его даетъ даже особое названіе июлю мѣсяцу—*отрадная пора*. Вотъ наконецъ настаетъ послѣднее время, время, къ которому стремились всѣ его мысли, которое было цѣлью всѣхъ его трудовъ; его - то онъ ожидалъ часто съ душевнымъ безпокойствомъ и сердечнымъ волненіемъ, смотря на свое золотистое поле: наступаетъ время жатвы и хорошо если она удовлетворительна.... Жатва сопровождается торжествомъ у всѣхъ народовъ; съ нимъ оканчивали свою жатву и наши предки—Славяне; ее же празднуютъ и Русскіе. Молитва, пѣнье, хороводы выражаютъ всю радость народа. *Зажинки, обжинки, дожинки*, вотъ главныя названія времени жатвы. У господина Сахарова мы не находимъ особеннаго описанія этого народнаго праздника. Заимствуемъ его у господина Терещенки.

«По окончаніи работы дѣвушки плетутъ ржаной вѣнокъ, который перевиваютъ цвѣтами и травами. Мушны связываютъ особый снопъ и перевязываютъ его рожью, а иногда цвѣтами. Вѣнокъ одѣваютъ на голову одной изъ красавицъ, предъ которой мальчикъ несетъ снопъ. Прочія дѣвушки окружаютъ свою подругу, такъ же съ вѣнками на головѣ, но плетенными изъ васильковъ, незабудочекъ, колокольчиковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ. Всѣ идутъ къ хозяину на дворъ: тамъ онъ дарятъ его снопомъ и вѣнкомъ, и желаютъ ему дожидаться еще изобильнѣйшей жатвы. Хозяинъ выслушиваетъ ихъ съ трогательною признательностью, благодаритъ и всѣхъ проситъ *отвечеряти* (отужинать); вѣнокъ в снопъ вносятъ въ избу и хранятъ за образами до будущей жатвы.—На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, угощаются всѣ ужиномъ хлѣбосольнымъ и радужнымъ».

«Въ послѣдній день жатвы, называемой обжинками, жне-

цы идутъ съ равнымъ торжествомъ на господскій или хозяйскій дворъ. Тамъ давно стоятъ для нихъ столы накрытые».

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ въ церковь *первинки* для освященія, которые состоятъ изъ новопеченнаго хлѣба, и если въ то время созрѣли плоды, то яблоки и груши. На особой деревянной тарелкѣ ставятъ медовые соты, а на прочихъ первинки. Священникъ, отслуживъ благодарственный молебенъ, окропляетъ первинки священной водою и потомъ они съ благовѣннемъ раздаются домашнимъ; нѣкоторую часть изъ нихъ оставляютъ и хранятъ дома, какъ предохранительныя средства отъ многихъ болѣзней».

Подобная жатва, а также празднество съ пѣснями и хороводами; съ пирушками производится повсюду, разумѣется, если жатва была добрая. Здѣсь нѣтъ уже ни особенныхъ суевѣрныхъ примѣтъ, ни повѣрій, ни загадываній. Да и къ чему они? другое дѣло въ прежніе дни: тогда жатва была ихъ главною цѣлью, а теперь когда цѣль достигнута, забыли и всѣ примѣты.

Таково празднованіе жатвы у русскаго народа. Съ этими трудами, съ этимъ пиршествомъ, онъ еще являетъ прекрасную черту своего характера: чувство добра шевелитъ его душу. Онъ создалъ поговорку: *за вдовою и Богъ съ сумою*, и не измѣняетъ ей. Онъ охотно идетъ работать, общей гурьбой, на землѣ бѣдной вдовы, которая не въ силахъ справиться съ полевой работой.

Поселяне, считающіе за великій грѣхъ работать въ воскресенье, идутъ охотно послѣ обѣдни работать на вдовой землѣ. Такая работа называется *помочи*.

* Повсюду въ объявленіи, что при кушаніи въ первый разъ перинку, или при видѣ на комъ либо обнови, деруть за уши, какъ бы въ наказаніе, за вкушеніе плодовъ, напоминая этимъ, что за вкушеніе запрещенныхъ плодовъ, были изгнаны первые два человѣка (!) — Въ послѣдствіи это обстоятельство принято къ обновѣ, при чемъ уже люди не привыкли драть за уши, поздравляютъ съ обновою. — Этотъ обычай господствовалъ во всему Востоку.

Иногда хозяинъ созываетъ своихъ собратій на помочкѣ, и потому дѣлаетъ для нихъ цирь или самъ въ свою очередь помогаетъ имъ.

Есть еще время, которое носитъ названіе *бѣбьяго лѣта*; оно начинается преимущественно съ Семена дня (1 сентября), Господень Сахаровъ описываетъ намъ всѣ обычаи этого времени.

«Семень день считался срочнымъ днемъ для взноса оброка, дани и пошлинъ. Съ него начинались и оканчивались дѣтъ условія между поселянами и торговыми людьми; съ него отдавались въ наемъ земли, рыбныя ловли и другія угодья. Въ условіяхъ писали: «платить оброкъ ежегодно на оронъ на Семень день лѣтопроводца».

«Въ старину наши бояре выѣзжали на Семень день поохотиться за зайцами. Выѣзды бывали сборные, отъ богатого боярина. У нихъ было повѣріе, что отъ Семеншскаго выѣзда, лошади смѣлѣютъ, собаки добрѣютъ и не болятъ, первая затравка *наводитъ* много большія добычи»....

«Съ Семенна дня начинались *злашки*, особенное празднество поселянъ при опахиваніи полей. Для этого ширнества на мірскую складчину варилась брага, цекли пироги, убивался баранъ.

«Въ старину, на Семень день бывали *постриги* и *сажаніе на коня*. Постриги совершались въ однихъ семействахъ на каждомъ сынѣ, а въ другихъ на одномъ первенцѣ. Этотъ древній русскій обычай нынѣ прекращается»....

«Простой народъ совершаетъ постриги на Семень день, а другіе въ иванинный день. Для этого свываютъ родныхъ, приглашаютъ кума съ кумой. Послѣ молебствія, отецъ подаетъ куму ножницы, а кумъ выстригаетъ у крестника *гуленице*. Выстриженные волосы кума передаетъ матери. Волосы зашивались въ ладонну. Кумъ и кума выводили своего крестника на дворъ, гдѣ отецъ ожидалъ ихъ съ конемъ, а мать разстлала для нихъ коверъ. Здѣсь кумъ, на коврѣ, передавалъ своего крестника отцу съ ласковымъ словомъ, а отецъ, принимая своего сына съ поклонами, сажалъ на

коня. Послѣ сего кумъ водилъ коня по двору за узду, а отецъ придерживалъ сына. У крыльца, отецъ снималъ сына съ коня и передавалъ его куму; кумъ отдавалъ его изъ-подъ своей кумѣ съ поклонами; кума съ ласковымъ словомъ вручала его матерн. Наконецъ отецъ съ матерью отдаривали кума съ кумой, а они крестника. Подарки кума почти всегда состояли изъ коня, а кума дарила *подпоясъ* и *залицами*. За обѣдомъ, на головѣ крестника, разламывали кумъ съ кумой мяннинный пирогъ, съ пожеланіемъ всякаго богатства и счастья. Наши поселяне ранѣе семи лѣтъ не приступаютъ къ постригамъ. Первенца постригаютъ кумъ съ кумой, а всѣхъ другихъ сыновей отецъ съ матерью, по прошествіи трехъ лѣтъ, безъ всякихъ обрядовъ. Выстриженное гуменцо сохранялось до самой смерти. Въ старину, на боярскія постриги прихаживали крестьяне съ челобитьемъ и подарками. Челобитчиковъ угощали виномъ и мянниннымъ пирогомъ».

Съ этого времени начинаются осеннія игры и гулянья, осенніе обычаи, которые имѣютъ нѣсколько иной характеръ. Мы уже говорили о веснѣ и лѣтѣ, когда поля, роща зовутъ къ себѣ и старыхъ и молодыхъ и малыхъ; но осень сѣвера не прельщаетъ ни полями, ни лѣсами: теперь уже около своихъ избъ поселяне и поселянки проводятъ свое досужное время, до тѣхъ поръ, пока зима не проговоритъ ихъ въ самыя избы. И въ это время они не перестаютъ жить своими примѣтами и наблюдениями, но и тѣ и другія то же инаго характера: ими преимущественно хотятъ угадать будущую осень, зиму, погоду. Вообще во всѣхъ обыкновенныхъ естественныхъ наблюденияхъ народа, приведенныхъ господиномъ Сахаровымъ, мы видимъ двойной характеръ: одни относятся къ времени, къ погодѣ; другія къ урожаю, къ жатвѣ. Здѣсь мы не разумѣемъ многихъ суевѣрныхъ примѣтъ, относящихся почти къ каждому шагу въ жизни.

Кромѣ общихъ народныхъ праздниковъ, народъ имѣетъ много семейныхъ.

Наконецъ наступаютъ темныя длинныя зимніе вечера, а съ

ними и веселыя крестьянскія посидѣлки. Въ нихъ то преимущественно заключалась старая русская общественность. Здѣсь работа смѣшивается съ забавой, и это смѣшеніе имѣетъ свой милый колоритъ. Одна мысль собираетъ въ тѣсный кругъ и женщинъ и дѣвушекъ—прокоротать вечеръ весело и незамѣтно, и вотъ онѣ сходятся другъ у друга—съ прялками, съ шитьемъ, съ вязаньемъ, и подъ говоръ и шумъ бесѣды принимаются каждая за свою работу. Тутъ же раздаются и пѣсни, вѣчныя русскія пѣсни, принаровленные ко всякому случаю. Посидѣльницы поютъ :

Пряди моя пряха,
Пряди, не лѣнися.
Я рада бы пряха,
Меня въ гости звали
Къ сосѣду, въ бесѣду,
На пиръ паровати....

Съ начала вечера до ужина, всѣ занимаются усердно, чтобы въ ужинъ показать своей матушкѣ, какъ много поработали. Но часа черезъ два послѣ ужина, пропадаетъ вся охота къ работѣ. Тутъ всѣ бросаютъ работу и начинаютъ между собою игры. Мало-по-малу появляются къ нимъ парни, съ камышевыми дудками, скрипками и балалайками....

За тѣмъ начинается пляска, и новыя пѣсни: многія изъ нихъ прекрасны:

Скучно, матушка! голова болить!
Ай люли, люли, голова болить.
Худо можется, не здоровится....
Ай люли, люли, не здоровится!
Не здоровится, гулять хочется;
Ай люли, люли, гулять хочется!
Я украдуся, нагуляюся;
Ай люли, люли, нагуляюся,
Со милымъ дружкой повидаюся.
Ай люли, люли, повидаюся!

Ахъ ты малой мой, малъ сердечный другъ!
 Ай люли, люли, малъ сердечный другъ,
 Неудя дене какъ домоу прятти!
 Ай люли, люли, какъ домоу прятти!
 Ахъ глухая, неразумная,
 Ай люли, люли, неразумная!
 Поди улицы, сърой утицей.
 Ай люли, люли, сърой утицей.
 Широкии двори мъ бѣлой лебедью.
 Ай люли, люли, бѣлой лебедью.
 Во высокъ теремъ лясныи соколомъ!
 Ай люли, люли, лясныи соколомъ!
 Твой высокъ теремъ разворонъ стоитъ,
 Ай люли, люли, разворонъ стоитъ!

Или:

Ты дуброва моя, дубровушка,
 Ты дуброва моя зѣдедая!
 Ты къ чему рано зашумѣла?
 Приклонца ты своя вѣтъца?
 Изъ тебя ли изъ дубровушки,
 Мелкии пташечки вонъ вылетали?
 Одна пташечка оставалася,
 Горемычная кукушечка.
 Что кукуетъ она и день и ночь,
 Ни на малый часъ ей умолку вѣтъ!
 Жалобу творить кукушечка,
 На залетнаго, ляснаго сокола:
 Разорилъ онъ ея теплое гнѣздо,
 Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
 Малыхъ дѣтушекъ, кунувтушекъ,—
 Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
 Что во высокомъ сидитъ красная,
 Подъ косяшетымъ подъ окошечномъ.
 Она плачетъ, какъ рѣка льется;
 Возрыдаеть, что ключи иплать.
 Жалобу творить красна дѣвица,
 На завѣжаго молодца
 Что сманилъ ея красну дѣвицу!
 Что отъ батюшки, что отъ матушки;

И завезъ онъ красну дѣвицу,
 На чужу дальну сторону,
 На чужу дальну незнакомую:
 Что завезши, хочеть покинути.

Впрочемъ часто приходится встрѣчать въ этихъ пѣсняхъ послѣ какого-нибудь прелестнаго поэтическаго выраженія самое грубое, которое невольно заставляетъ поморщиться; но народный не изощренный вкусъ вѣроятно не замѣчаетъ этого.

И для плясокъ русскій народъ имѣетъ свои пѣсни, пѣсни плясовыя, какъ напримѣръ:

Ахъ вы сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои!
 Сѣни новыя кленовыя, рѣшетчатыя.
 Ахъ! какъ мнѣ по васъ, по сѣнюшкамъ, не хаживати,
 Мнѣ мила друга за рученьку не важивати!
 Выводила молодца за новыя ворота,
 Выпускала сокола изъ праваго рукава:
 Ты лети, лети соколъ, высоко и далеко,
 И высоко и далеко на родиму сторону.
 На родимой на сторонѣ,
 Грозенъ батюшка живетъ;
 Онъ грозенъ сударь, грозенъ онъ, немилостивый,
 Не пускаетъ молоду, поздно вечеромъ одну.... и такъ далѣе.

Такъ проводятся посидѣлки.

А тамъ, смотришь, снова катятъ святки со своими замѣчаніями и наблюденіями.

Мы старались представить только сельскіе годичные праздники, и почти не обращались къ городскимъ, потому что во всякомъ городѣ каждое сословіе имѣетъ свою особенную характеристику, смотря по своимъ занятіямъ, и потому трудно уловить ихъ общую черту. Многіе описанія прекрасны; только господинъ Сахаровъ не заботился поглубже изслѣдовать ихъ *. Если онъ коснулся русскихъ празд-

* Напоиниваеъ читателю книгу, Русскіе праздники Снегирева, гдѣ онъ найдетъ много прекрасныхъ и глубокихъ выводовъ и изслѣдованій; только описанія незначительныхъ обрядовъ отчасти вредятъ ей.

никовъ, то надо же, чтобы и русский народъ вполне былъ видѣнъ въ нихъ. А изъ этихъ отрывочныхъ описаній мы еще мало знакомимся съ народомъ. Въ нихъ мы только видимъ, что Русский народъ суевѣренъ до чудовищности; много заключенія сдѣлать невозможно, потому, что прочія черты народной жизни являются въ какомъ-то туманѣ.

Къ отдѣленію «*праздниковъ и обычаевъ*» относятся еще замѣчанія господина Сахарова о дняхъ недѣли; но эти замѣчанія касаются преимущественно мѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ, а они необходимы только тамъ, гдѣ подтверждаютъ болѣе общее.

И такъ, благосклонный читатель, мы провели съ вами весь годъ въ странствіяхъ по Россіи изъ закоулка въ закоулокъ, наглядѣлись всякой всячины, наслушались хорошаго и дурнаго, веселаго и печальнаго, узнали всю подноготную безконечнаго русскаго міра, при всемъ томъ узнали только внѣшній бытъ русскаго человѣка изъ «Дневника» господина Сахарова. Но можемъ ли мы сказать, что узнали всю философію, весь юморъ, всю задумчивую сторону нашего мужичка? Нѣтъ не узнали этого, и вотъ для чего издатель «Сказаній Русскаго народа» на закуску всей годичной русской народной жизни далъ намъ еще *присловія* и *загадки* русскаго народа, которыми онъ такъ сказать посолилъ нашу народность. Безъ этихъ присловій и загадокъ ей не доставало смаку. Вы спросите, зачѣмъ же въ «Сказанія Русскаго народа» попали сербскія загадки? — Такъ себѣ попали. Сербы тоже Славяне, такъ и загадки ихъ напечатаны заодно съ нашими. Притомъ же развѣ онѣ вамъ мѣшались, вѣдь они напечатаны послѣ русскихъ загадокъ въ самомъ концѣ; не любо, не читайте ихъ. До сербскихъ загадокъ найдутся охотники и безъ васъ.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

==
МАРТЪ.

==
НОВЫЯ КНИГИ.
==

ТЕОРІЯ И МИМИКА СТРАСТЕЙ. *Сочиненіе* В. Классовскаго. (СПбурѣ, 1849, въ-8, стр. 68).

Простите, тѣни Лафатера и Галля! Величіе ваше съ этой минутой исчезаетъ; вы гадали только, гадали; но никогда не подходили близко къ рѣшенію великаго вопроса древности: «познай самаго себя», то есть, познай свои страсти. Нынче вопросъ этотъ рѣшенъ окончательно, нами, сынами Сѣвера — Скнѣами! Могли когда воображать Платонъ или Аристотель, что какой-нибудь ящуроглазый или одноглазый обитатель гиперборейской страны первый накинетъ узду на стоглавую гидру — страсть, осѣдлаетъ ее, объѣздитъ и узнаетъ все ея пороки и норovy.

Господи въ Классовскій накинулъ эту узду на страсти, или другимъ словамъ, напелелъ теорію страстей; онъ сначала составилъ имъ инвентарій, провелъ между ними границы, отмежевавъ для каждой страсти достаточное поле. Небольшая эта статистика страстей дѣлаетъ эпоху въ нашей новѣйшей жизни. Это психическій кадастръ, передъ которымъ не могла укрыться самая незамѣтная повидимому складка вашего сердца. Прочтите теорію и мимику страстей, и вамъ стоитъ взглянуть на человѣка, чтобы изъ его физиономіи и движеній узнать всего его насквозь.

Запаситесь же книжечкой господина Классовскаго; это талисманъ, который охранитъ васъ отъ многого. Она такъ необходима, какъ всякій на шеѣ лорнетъ. Но еще болѣе эта книжка необходима для прекраснаго пола! Теперь горе лицемѣрамъ. Дамъ сто-

ить только два раза видѣть мужчину и рассмотреть его со вниманіемъ, чтобы знать его какъ самую себя: она отправляется къ мимикѣ страстей, которая ни болѣе ни менѣе, какъ извлеченіе изъ послѣдней книги Сивиллы, пропавшей изъ окованнаго сундука Тарквинія, и въ какія-нибудь три минуты знаетъ своего поклонника какъ нельзя лучше. Чего люди не выдумаютъ для своей же гибели! Конечно эта же книга дѣлаетъ столько же добра и для мужчинъ. Можно совершенно навѣрное допустить, что всѣ женившіеся съ 1850 года, то есть, спустя годъ послѣ появленія теоріи и мимики страстей, будутъ имѣть самыхъ милыхъ, добрыхъ женъ; по крайней мѣрѣ каждый теперь имѣетъ возможность узнать напередъ всѣ слабости своей будущей жены. Слѣдовательно, если бы въ послѣдствіи оказалось, что кто-нибудь получилъ несносно-капризную жену, тому уже виновать не авторъ теоріи страстей, а не читавшій его благихъ уроковъ, или не вполне появившій его теорію.

Положимъ, вы богатая невѣста и нравитесь одному молодому человѣку, который объявляется вамъ въ любви; вы изъ предосторожности наблюдаете за каждымъ его словомъ, за каждымъ его движеніемъ, чтобы впоследствии справиться, въ самомъ ли дѣлѣ онъ васъ любитъ, или только притворяется, лицемѣритъ по тому единственно, что вы богатая невѣста, и послѣ законнаго брака можете заплатить всѣ долги вашего милаго супруга. Вы раскрываете теорію страстей и читаете на 39-й страницѣ *о Любви*, что въ ней признаки, общіе всѣмъ пріятнымъ порывамъ имѣютъ нѣкоторые отбѣжки; именно: «грудь расширяется сильно, почти болѣзненно; голова гордо и смѣло поднимается — краснорѣчивая эмблема гордости, порожденной мыслью о предстоящемъ обладаніи и объ искренней готовности отстаивать отъ цѣлаго [свѣта] предметъ своей привязанности»: слѣдовательно, если грудь объявлявшаяся вамъ въ любви не вздымалась; если голова его не поднималась гордо и смѣло, — то повѣрьте, что это еще не истинная любовь; это притворство и обманъ!

Положимъ, вамъ покажется, что вы сами влюблены въ такого-то, или что вы чувствуете къ нему что-то въ родѣ любви. При настоящемъ развитіи науки о страстяхъ вы имѣете полную возможность увѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ вы влюблены, или только вамъ такъ кажется. Вы берете теорію страстей и находите, что «при сильной любви въ горлѣ чувствуется нѣкоторая сухость и позывъ къ глотанью; глаза сперва какъ бы горятъ, потомъ мало-по-малу темнѣютъ, напоминая своимъ цвѣтомъ отдаленное

сходство съ горячими угольями, догорающими безъ полыня; глазные шары какъ будто плаваютъ въ маслянистой влагѣ, заволакивающей роговую перепонку, примѣтно превосходящей густотою своею обыкновенныя слезы; тонъ жизненности повышается во всѣхъ системахъ, особенно въ нервной, замедляясь однако жъ въ пищеварительномъ снарядѣ; невыразимое сознаніе жизненной полноты дѣлаетъ человѣка въ эти минуты глубоко равнодушнымъ ко всему, что не входитъ непосредственно въ завладѣвшее имъ чувство». Если всѣ эти признаки имѣютъ мѣсто въ настоящемъ случаѣ, тогда мы даемъ на отсѣченіе свою голову, что вы истинно влюблены; и тогда нѣтъ болѣе спасенія: вамъ придется только повторить съ китайскимъ философомъ Мынь-Дзы: «къ чему служить вся человѣческая мудрость, если даже я самый ученый и умный мандаринъ небесной имперіи, становлюсь глупѣе черепахи, всякій разъ, какъ на мнѣ остановить свои голубыя, влажные очи задумчивая Тяль-Зюль?»

Положимъ, вы влюблены въ одну даму, но находитесь въ такихъ отношеніяхъ съ нею, что не можете и не смѣете передать своего чувства иначе, какъ только очень загадочно, предположительно, чтобы въ случаѣ неудачи не скомпрометировать себя. Наконецъ вы хотите передать ваше чувство глазами, тогда вы отправляетесь къ «мимакъ страстей», находите *словоглаза* и читаете, чтобы узнать, какую они имѣютъ силу вообще и какимъ образомъ глаза могутъ выражать вѣжную страсть:

«Глазами мы призываемъ, отгоняемъ, грозимъ, умоляемъ, презрительно уничтожаемъ, смѣемся; они вспыхиваютъ, горятъ въ одушевленіи, неистовствѣ, любви, вообще въ порывахъ сильныхъ и часто совершенно различныхъ между собою. Хотя надобно согласиться, что невозможно придумать патогномическій цирометръ для измѣреній этого чуднаго огня, тѣмъ не менѣе мыслящій наблюдатель въ состояніи различать накаленность глазъ, дикую, всепожирающую, зловѣщую, — отъ тихаго пріятнаго горѣнія, — сверкающій глазъ — отъ свѣтящагося, — звѣздную лучистость исходящаго изъ души свѣта — отъ сосредоточенности его въ зрачкѣ, какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла. Одинъ взглядъ напоминаетъ намъ вулканическое изверженіе, другой — переливистую звѣзду ночнаго небосклона, третій — фосфоричность волнъ южныхъ морей, четвертый — небо, задернутое тучами и прорывающійся сквозь разсѣлину облака лучъ, ослѣпительный и горячій, ударяющій на группы Рембрандта и Сальватора Розы. Глазъ тускнеть и западаетъ въ

« порывахъ, стѣсняящихъ живоощущеніе; эта тусклость имѣ-
 « етъ еще множество подраздѣлительныхъ оттѣнковъ. Необходи-
 « мо также обращать вниманіе на родъ движенія глазнаго шара
 « въ орбитѣ. Онъ устремляется къ верху въ минуты восторжен-
 « вости, готовности на самопожертвованіе; выступаетъ впередъ
 « при желаніи узнать что-нибудь, поворачивается къ внутреннимъ
 « угламъ вѣкъ въ презрѣніи, пропіи; опускается въ улыбку, то-
 « скѣ и безнадежности; какъ бы плаваетъ, слабо прикрѣплен-
 « ный, въ стыдѣ и сладострастіи; становится неподвижешь при
 « глубокомысліи, а иногда при старательно скрываеваемой разсѣян-
 « сти: умышленно суживается при тонкой насмѣшливости, при
 « искусномъ разспрашиваніи проговаривающагося простака, при
 « кокетничавшіи женщинѣ, особенно въ возрастѣ, когда ихъ назы-
 « ваютъ по французски *une femme sur le retour*.

Но довольно уже о любви и влажныхъ глазахъ.

Вы психологъ, желаете знать въ какой мѣрѣ можно узнать че-
 ловѣка изъ походки. Господинъ Классовскій говоритъ вамъ:

« Походка до безконечности разнообразна, строго приваровлена
 « къ полу, возрасту, темпераменту, нравственному характеру.
 « Какъ различно ходятъ: дитя, юноша, взрослый, старикъ, сан-
 « гвиникъ и флегматикъ, чловѣкъ « себя на умѣ » и чловѣкъ
 « авось сойдетъ съ рукъ », умный и пустоголовый глупецъ, со-
 « бирающійся жить, и не переваривающій уже лакомствъ жизни!
 « Молчаливъ, гладко причесанный и застегнутый до подбородка —
 « учтивецъ съ дворникомъ и его собакою, не такъ ходитъ какъ
 « высокомѣрный скалозубъ, думающій про себя, приподнимая пра-
 « вое плечо: « Чтò жъ? отъ женитьбы я не прочь.... » Эгонистъ,
 « безусловно равнодушный къ судьбѣ другихъ, покойно носить
 « свое драгоценное тѣло на ногахъ, забрасываемыхъ во время
 « походки вѣсколко врозь, причемъ онъ нерѣдко машеть слегка
 « руками, какъ-бы расталкивая толпу: два послѣдніе жеста осо-
 « бенно знаменательны, показывая какъ я эгониста очищаетъ пе-
 « редъ собою и вокругъ себя мѣсто. Не такова походка у внука
 « могущественныхъ бабушекъ, счастливлчика, не знающаго что
 « такое запрещеніе и невозможность. Лѣнтяй, считающій себя
 « непризнаннымъ гевіемъ, сластолюбець, довашивающій свою
 « жизнь горемыка — далеко не глупый, но всегда, не извѣстно по-
 « чему, остающійся въ дуракахъ, — всѣ они едва передвигаютъ
 « ноги, тяжело шаркаютъ подошвою, съ трудомъ тащатъ себя,
 « какъ плохой пароходъ тащитъ барку противъ теченія воды.
 « Влюбленный такъ перемѣчивъ, неровень, разнообразень и со-

«стояніемъ души, и зависящею отъ нея наружностью, что невозможно подвести подъ одинъ уровень явленій пластической фizioноміи его страсти. Его приметъ наблюдатель то за инаго банкира, блаженствующаго при мысли о принадлежащихъ ему сокровищахъ, то за самоубійцу, который пдетъ броситься въ рѣку; чаще всего — за сумасшедшаго. А сколько еще есть, между этими двумя крайними предѣлами эксцентризма, посредствующихъ отбѣнковъ! Объ нихъ можно написать цѣлую книгу».

Положимъ, вы хотите знать завистливъ ли Иванъ Ивановичъ или нѣтъ. Вы открываете мимикку страстей, находите *зависть* и читаете:

«Зависть можетъ производить въ страдальцѣ, обреченномъ всю жизнь желтѣть въ ея медленномъ огнѣ, и пріятныя и непріятныя ощущенія, смотря по тому, угодило ли ему въ данную минуту чужое горе, или онъ огорченъ удачами ближняго; сообразно съ этимъ различіемъ, въ порывѣ зависти могутъ удлиняться и сокращаться мышечныя волокны, дѣйствовать и сводящія и разводящія мускулы. Но такъ какъ принадлежащихъ вѣсѣмъ въ сложности благъ несравненно болѣе, чѣмъ доставшихся одному, будь онъ Крезъ и Алкивіадъ, — то завистливый, считая пріобрѣтенное другими отпатымъ у него, всегда имѣетъ болѣе причинъ истязаться своимъ характеромъ, чѣмъ находить въ немъ источники радости. И потому, если случится, что просвѣтлѣютъ порою черты завистника, отъ внутренней радости, — этотъ заблудившійся лучъ веселія быстро гаснетъ, и на потусклое лицо снова набѣгаетъ тѣнь, тѣмъ болѣе примѣтная, что она непосредственно слѣдуетъ за свѣтомъ. Переходы и колебанія отбѣнковъ внутренняго состоянія души изображаются здѣсь, пробиваясь наружу: вздрагиваніемъ косвенно сжатыхъ губъ, примѣтно блѣднѣющихъ, убывающихъ въ толщинѣ и западающихъ чаще у лѣваго, чѣмъ у праваго угла; недокопченностью, болѣзненною холодною улыбкою; ослабленіемъ дыханія, сжатіемъ сердца и спазмодическимъ щекотаніемъ гортани (последнее преимущественно — у женщинъ въ зависти, соединенной съ ревностью), дрожаніемъ головы, внезапною грустью при слышанномъ смѣхѣ, при чьихъ вѣбудь удачныхъ островахъ и умномъ, оригинальномъ, невольномъ нравящемся разговорѣ; впадою щекъ и вытянутостью лица, всегда изжелта-блѣднаго у завистниковъ; сжатіемъ зубовъ, не приходящихся впрочемъ нижніе противъ верхнихъ, потому что нижняя челюсть подается при этомъ или впередъ, или всторону, и такъ далѣе».

Словомъ, «Теорія и мимика страстей» есть просто справочная, настольная книжка каждаго благовоспитаннаго человѣка.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ЮЖНОЙ РОССИИ НА 1849 ГОДЪ. *Январь (Одесса, 1849, въ-8., стр. 70.).*

Хозяйство южной Россіи вообще имѣетъ для насъ особенный интересъ. Въ послѣднее время все наше вниманіе было обращено на развитіе въ Крыму шелководства, винодѣлія и овцеводства. Въ настоящемъ случаѣ «Записки» даютъ намъ возможность сообщить весьма интересныя данныя о овцеводствѣ въ таврической губерніи.

Въ Крыму находятся три главныя породы овецъ :

« 1) *Волоскія* овцы, съ тучными хвостами, не имѣютъ подобныхъ въ западной Европѣ и существуютъ только въ Новороссійскомъ Краѣ; онѣ происходятъ изъ Средней Азіи и проникли въ Крымъ вслѣдъ за Татарами-завоевателями. Шерсть ихъ длинная, яркаго цвѣта и глянцовитая, употребляется для грубыхъ тканей кромокъ, ковровъ, кушаковъ; сало съ курдюка очень вкусно, не имѣетъ запаха и замѣняетъ масло. Большая часть простой шерсти, вывозимой изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, получается съ этихъ овецъ. Между волосскими овцами, подобно какъ и во всѣхъ овечьихъ стадахъ, встрѣчаются животныя черныя; по большей же части онѣ бѣлаго цвѣта.

« 2) Другая порода простыхъ овецъ — *чундуки*, весьма мало известна въ прочихъ странахъ Европы. Она принадлежит исключительно таврической губерніи и восточнымъ областямъ. Порода эта имѣетъ нѣсколько подраздѣленій; отличительныя черты ея — раздвоенный хвостъ, неправильность роговъ у барановъ; нѣкоторые имѣютъ до четырехъ и пяти роговъ. Шерсть съ сихъ овецъ коротка, груба, и имѣетъ значительную прихоть пуха. Чундуки бываютъ разнаго цвѣта: бѣлаго, чернаго и краснаго. Сѣрыя овцы, называемыя «астраханскими», могутъ считаться принадлежащими этой породѣ; красноватый цвѣтъ, какъ жется, однако жъ господствуетъ между чундуками и шерсть съ овецъ этого цвѣта содержитъ въ себѣ наиболѣе пуха. Что касается до бѣлыхъ, то руно ихъ не заслуживаетъ названія шерсти и для фабрикъ вовсе не годится.

« Шкуры ягнятъ, у которыхъ шерсть въ завиткахъ, цѣнятся отъ шестидесяти до девяноста копѣекъ серебромъ, и известны въ западной Европѣ подъ именемъ *астраханскихъ*, хотя боль-

« шая часть ихъ происходитъ изъ Крыма. Черные смушки ягнятъ,
 « родившихся мертвыми, рѣдки и цѣнятся вдвое и втрое дороже
 « другихъ, оттого что имѣютъ особый глянecъ. Порода эта от-
 « личается въ особенностяхи обиліемъ получаемого отъ нихъ моло-
 « ка, мяса и масла; мясо ихъ очень вкусно.

« Къ сожалѣнію эти двѣ туземныя породы, столь свыкшія съ
 « здѣшнимъ климатомъ, видимо идутъ къ уничтоженію своему, и
 « постепенно теряютъ одна черезъ другую отличительныя свои
 « достоинства; никто не заботится объ усовершенствованіи и да-
 « же о поддержаніи ихъ въ настоящемъ видѣ. Причиною ихъ
 « упадка, безъ сомнѣнія, то, что помѣщики и богатые колонисты
 « обратили вниманіе на мериносовъ, дающихъ большіе доходы, и
 « предоставили крестьянамъ содержаніе простыхъ овецъ.

« Большіхъ заводовъ простыхъ овецъ нѣтъ въ таврической гу-
 « берніи, а вслѣдъ Татаринъ занимается болѣе или менѣе овце-
 « водствомъ; въ евпаторійскомъ уѣздѣ отличаются цвѣтомъ шер-
 « сти сѣрыя овцы въ заведеніяхъ: наслѣдниковъ генерала Попо-
 « ва, генерала Рудзевича, Казначеева и Татаръ духовнаго званія:
 « Мамбетъ Кадія, Джамаръ Эендія и Аметь Хатнаа.

« 3) Тонкорунныя овцы, или мериносы, составляютъ едва ли не
 « главное богатство сѣверной половины губерніи. Онѣ разведены
 « здѣсь прежде чѣмъ гдѣ либо, съ небольшимъ тому назадъ со-
 « рокъ лѣтъ. Въ 1803 году французскіе эмигранты, Рувье и Вас-
 « саль, получили отъ правительства заимообразно 100,000 рублей
 « ассигнаціями, 40,000 десятинъ земли въ углу днѣпровскаго уѣз-
 « да, на Тендрѣ, казенный транспортъ для перевозки овецъ изъ
 « Испаніи моремъ, съ обязательствомъ завести на каждой десяти-
 « нѣ по одной испанской овцѣ и возвратитъ черезъ десять лѣтъ
 « весь капиталъ съ процентомъ. Рувье выполнилъ всѣ условія,
 « заключенныя съ правительствомъ; сто барановъ лучшей мерино-
 « совой породы куплены были въ Испаніи и привезены на ка-
 « зенномъ суднѣ въ Севастополь, зимовали въ Бахчисараѣ и по-
 « томъ на землѣ, навятой близъ Феодосіи. Потомъ онъ купилъ
 « тысячу матокъ и пятьсотъ барановъ электоральной породы, изъ
 « Саксоніи, и основалъ въ днѣпровскомъ уѣздѣ существующее
 « тамъ заведеніе, увеличенное покупкой новой земли, и по смерти
 « его раздѣленное между тремя наслѣдниками. Опытъ показалъ,
 « что климатъ не былъ не благопріятенъ для животныхъ, пере-
 « везенныхъ издалека. Теперь у одного изъ наслѣдниковъ Ру-
 « вье, Вассала, состоитъ 60,000 головъ чистокровной породы и
 « 40,000 десятинахъ земли. Мериносы такъ сроднились съ здѣш-

«нижъ выннатою и краемъ, что стали сильнѣе и требуютъ мень-
 «ше присмотра, чѣмъ туземныя овцы. Цѣлую весну, лѣто и до
 «глубокой осени, какая бы ни была погода, овцы не знаютъ,
 «что значить кошара или загородокъ, переносятъ безъ вреда
 «дожди, вѣтеръ и буря; а лѣтомъ самый сильный жаръ, пребы-
 «вая на открытомъ воздухѣ, безирестанно кочуя, то есть пере-
 «ходя съ мѣста на мѣсто. Главнѣйшія болѣзни овецъ — оспа,
 «апоплексія и растеніе ковыль или тирса, дѣлающее большой
 «вредъ, такъ что въ заведеніи Вассала въ одинъ годъ пропала
 «отъ него третья часть стада.

«Успѣхъ заведенія Рувье и Вассала породилъ подражателей;
 «всѣ помѣщики стали разводить мериносовъ и вскорѣ они рас-
 «пространились повсемѣстно. Этому не мало способствовала вы-
 «сокая цѣна на шерсть: Вассалу платили вначалѣ въ Москвѣ по
 «75 рублей ассигнаціями за пудъ грязной шерсти.

«По мѣрѣ увеличиванія овцеводства, цѣны стали упадать; сдѣ-
 «лалось невыгодно вывозить ее грязною въ Москву, и Вассалъ
 «устроилъ вмѣстѣ съ генераломъ Потье въ 1823 году, первую
 «мойку въ Херсонѣ. Потомъ стали отправлять свою шерсть за-
 «границу, гдѣ за мытую и сортированную, давали по 105, а ию-
 «нда по 150 рублей за пудъ. Но съ 1837 года цѣны сильно упа-
 «ли и въ 1842 году получили они за исключеніемъ всѣхъ расхо-
 «довъ за пудъ мытой шерсти не болѣе 70 рублей ассигнаціями.
 «Вообще принять можно, что мериносовыя шерстя упали въ по-
 «слѣдніе годы на 60 процентовъ въ сравненіи съ цѣнами 1825
 «года, и до 33 процента противъ цѣвъ 1830 и 1840 годовъ; и
 «теперь за пудъ лучшаго перегона рѣдко платятъ болѣе 10 ру-
 «блей серебромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упала отъ другихъ причинъ
 «цѣна на сало, такъ что доходы отъ овцеводства стали гораздо
 «меньше прежнихъ. Въ Менонистскихъ Колоніяхъ было въ стриж-
 «кѣ въ 1843 году 87,914 — овецъ, которыя дали 7,595½ пудовъ
 «мытой шерсти и 450 пудовъ немытой; шерсть продана за 53,192
 «рубля 82 копѣйки серебромъ, слишкомъ на 60 копѣекъ сере-
 «бромъ съ овцы. Бракованныхъ овецъ, валуховъ и барановъ,
 «большею частью ягвять, продано 12,817 головъ на 10,878 ру-
 «блей 80 копѣекъ серебромъ; за тѣмъ весь доходъ отъ овцевод-
 «ства простирается до 64,071 рублей 62 копѣекъ серебромъ; то
 «есть по 73 копѣйки серебромъ съ овцы. Въ 1844 году въ стриж-
 «кѣ было 83,063 штуки: онѣ дали 7,053 пуда шерсти, продан-
 «ной за 54,137 рублей; слѣдовательно каждая штука доставляла
 «65 копѣекъ серебромъ; барановъ и овецъ было продано на сум-

«му 12,907 рублѣй, а потому весь доходъ отъ овцеводства составилъ 67,044 рублѣй, и овца дала почти 81 копѣйки серебромъ.

«Самые замѣчательные заводы мериносовыхъ овецъ находятся въ сѣверной части губерніи, именно въ Днѣпровскомъ уѣздѣ: въ имѣніи Софievкѣ у Вассаловъ 60,000, въ Кларовкѣ у Потье 30,000, герцога Ангальтъ-Кетенскаго въ Асканіевкѣ 40,000; въ Каховкѣ у Кулковскихъ 20,000; наследниковъ Скадовскаго 10,000; въ Софievкѣ у Бѣлаго 10,000; Самойлова въ Самойловкѣ 10,000, князя Кочубея въ Заводовкѣ 15,000; и графини Строгановой въ Натальевкѣ 12,000.

«Въ другихъ уѣздахъ замѣчательны овчарни колонистовъ Корниса и Фейва и общественная Колонистская.

«Въ Крыму находится лишь $\frac{1}{20}$ часть тонкрупныхъ овецъ, считающихся въ губерніи; простыхъ же овецъ не много болѣе половины, $\frac{3}{7}$ въ Крыму; а $\frac{3}{7}$ въ сѣверной части губерніи. Въ числѣ многихъ причинъ, препятствующихъ процвѣтанію мериносовой породы существуетъ одна особенная: немовѣрное множество репешковъ, растущихъ на землѣ, какъ только она вспахана и засоряющихъ совершенно руно.

Сообщаемъ извѣстія о шелководствѣ въ Крыму:

«Шелководство въ Крыму рѣшительно угасаетъ и никакія поощренія правительства, не поддержать его, потому что нѣтъ довольно числа рабочихъ и занятіе другими отраслями хозяйства представляетъ больше выгодъ. Въ 1845 году занимались воспитываніемъ шелковичныхъ червей немногіе, и не для извлеченія какихъ либо выгодъ, а единственно только для удовольствія. Ихъ даже можно исчислить: госпожа Уманецъ въ Симферополѣ, получившая до 10 фунтовъ коконовъ, изъ коихъ размотано $2\frac{1}{2}$ фунта шелку; помѣщикъ Крестовскій на Алмѣ, который изъ восьми золотинкѣвъ яичекъ, полученныхъ имъ на казенной плантаціи, добылъ 3,000 коконовъ, изъ коихъ получилъ $1\frac{1}{2}$ фунта шелку; госпожа Казначеева на дачѣ своей Деріевъ Софу; симферопольскій мѣщанинъ Герасимовъ, воспитывавшій червей, добылъ около фунта плохихъ коконовъ; еще вѣсколько мѣщанъ въ Симферополѣ и Болгарь и Армянь, живущихъ въ Старомъ Крыму. Вообще на цѣломъ полуостровѣ не было добыто въ 1846 году и 25 фунтовъ шелка.

«Между-тѣмъ какъ въ Крыму шелководство упадаетъ, на сѣверѣ губерніи, молочанскіе колонисты, дѣлаютъ замѣчательные успѣхи въ шелководствѣ, становящіеся съ каждымъ двемъ замѣтнѣе. Во всѣхъ Менонитскихъ колоніяхъ, теперь имѣется

шелковичныхъ деревьевъ въ садахъ у хозяевъ 8,058; въ плантаціяхъ при колоніяхъ 324,492; въ школахъ 304,851; а съ посаженными въ живыхъ заборахъ, всего 1,142,478. Добыто въ 1846 году, 2,547 четвериковъ коконовъ, изъ коихъ смотано по одному лоту съ четверика; всего до 63 пудовъ шелку: между тѣмъ какъ въ 1845 году получено было 22 пуда, а въ 1843 году, 14 пудовъ 26 фунтовъ, и вышло бы его болѣе еслибы не помѣшала суровая погода, во время кормленія червей. Шелкъ проданъ на мѣстѣ отъ 140 до 150 рублей серебромъ за пудъ. Шелководствомъ занимаются въ колоніяхъ болѣе 200 хозяевъ. Болѣе всего воспитываютъ червей въ колоніяхъ: Минстербергъ и Альтона; выдѣлаво въ первой 7½ пудовъ, во второй 6 пудовъ 30 фунтовъ. Самое большое количество шелка получили однако жители, колоніи Ливденау Исаакъ Левенъ 32 фунта, и колоніи Орлова, Петръ Корнисъ 26 фунтовъ. Въ колоніи Тиге, возлѣ Орлова, мепонистъ Янсенъ изобрѣлъ особую шелкомотательную машину, стоячую, съ мотовиломъ наверху; коконы распариваютъ въ особомъ котлѣ, какъ для машины Графа. При испытаніи машины Янсена, на симферопольской губернской выставкѣ, она заслужила общее одобреніе.

Охота къ воспитыванію червей сообщается кое-гдѣ казеннымъ крестьянамъ нѣкоторыхъ русскихъ и ногайскихъ деревень, сосѣднихъ съ Молочамскими колоніями. Шелкъ, представленный однимъ Ногайцемъ на симферопольскую выставку, не отличался добротою, однако заслужилъ вниманіе. Около Бердянска господа Крыжановскій и вице-консулъ сардинскій Розоли съ прежнею дѣятельностію продолжаютъ насажденіе шелковичныхъ деревьевъ. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ обнаруживается также между государственными крестьянами, хотя очень слабое, стремленіе къ занятію шелководствомъ. Въ аleshкинской волости въ деревнѣ Малыя Копани одинъ хозяинъ добылъ 5 фунтовъ коконовъ.

Въ томъ же уѣздѣ, занимались также въ 1846 году воспитываніемъ шелковичныхъ червей, въ небольшомъ размѣрѣ въ имѣніи графа Сен-При въ селѣ Емануиловкѣ.»

РУССКАЯ ФАУНА, или описаніе и изображенія животныхъ, водящихся въ Имперіи Россійской. Составлено Ю. Симашко и Е. Марковымъ (СП.-бургъ, 1849, въ-8.).

Мысль составить русскую Фауну современна основанію Академіи Наукъ. Многіе академики были нарочно посылаемы для

приведенія въ извѣстность всего нашего животнаго, растительнаго и ископаемаго царства; сверхъ того труды частныхъ лицъ также не мало прибавилъ свѣдѣній къ собраннымъ уже членами Академіи. Несмотря на то всѣ эти свѣдѣнія до сихъ поръ оставались одними матеріалами и какъ матеріалы, разумѣется, погребены въ архивахъ и старинныхъ, забытыхъ уже теперь путешествіяхъ академикова. Наконецъ новое поколѣніе рѣшилось воспользоваться богатствами, накопленными по этому предмету, и по примѣру новѣйшихъ французскихъ сочиненій въ этомъ же родѣ, приступило съ необыкновеннымъ запасомъ науки и искусства къ составленію описанія животныхъ, водящихся въ Россіи.

Однако жъ не думайте, что брошюрка, подъ заглавіемъ: Русская Фауна, есть нѣчто цѣлое, оконченное; нѣтъ, это одинъ опытъ; это только prospectus предполагаемой русской Фауны. Но и этотъ небольшой prospectus показываетъ уже, что составители его господинъ Ю. Симашко съ товарищемъ взяли за русскую фауну съ знаніемъ дѣла. Приложенные рисунки звѣрей, птицъ, гадовъ и мотыльковъ превосходны, и ни въ чемъ не уступятъ лучшимъ французскимъ рисункамъ этого рода; они исполнены съ необыкновеннымъ вкусомъ, раскрашены прелестно; словомъ, дѣлаютъ честь господину Маркову.

Текстъ обработанъ самымъ ученымъ образомъ; такъ что не остается желать ничего болѣе, кромѣ жизни, если она возможна въ наукѣ! Жаль только, что господинъ Симашко наполняетъ свой prospectus такими страшными животными; все у него хищное и свирѣпое: хищныя звѣри, хищныя птицы, ядовитыя змѣи... и вдругъ внезапный переходъ къ очень нѣжному, къ мотылькамъ, которыя очень милы. Зачѣмъ только сюда вмѣшалась эта противная гусеница!

Изъ всего хищнаго, лежащаго передъ нами, мы познакомямъ читателя съ однимъ горностаемъ. Вотъ какъ его описываетъ нашъ молодой ученый:

«*Горностай*. Табл. 12 фиг. 5; въ $\frac{1}{4}$ естеств. величины въ зимней одеждѣ.

«*Mustela erminea*, L.; *Putorius erminea*, Cuv.

«*Foetorius erminea*, Blas. et Gr. Keys.

«*L'Hermine*, Roselet; *Das Hermelin*; *Stoat*, *Ermine*.

«Зимомъ весь бѣлый, лѣтомъ сверху бурый, снизу желтоватобѣлый; конецъ хвоста всегда черный; хвостъ длиною равенъ ногамъ.

«Водится въ холодныхъ и частью умѣренныхъ странахъ съ.

«верного полушарія. Встрѣчается также, хотя рѣдко, въ Англіи, Франціи и чаще въ Германіи. Зимой въ умѣренномъ климатѣ цвѣтъ шерсти его дѣлается желтовато-бѣлымъ, тогда какъ въ «холодныхъ странахъ всю зиму бываетъ свѣжно бѣлымъ; а по-
тому шведскіе и норвежскіе горностаи цвѣтятся выше. Водится также и въ сѣверной Америкѣ, откуда гудзонбайская торговая компания доставляетъ мѣха его въ Англію. Палласъ говоритъ, что горностаи водятся также и на Молуккскихъ Островахъ. (?!)»

«Горностаи живутъ лѣтомъ преимущественно въ лѣсахъ, подобно предъидущимъ видамъ; зимою чаще попадаетъ на поляхъ и приближается къ жилищамъ. Намъ въ одну зиму попалось въ петербургской губерніи пять экземпляровъ. Одинъ пойманъ за 1 верстой отъ Московской Заставы. Нравами мало отличается отъ предъидущихъ видовъ, только болѣе дикъ, и нѣсколько кровожаднѣе. Подобно хорьку уничтожаетъ множество птицъ вскарабкиваясь проворно на деревья; поѣдаетъ также мышей и зайцевъ. Разказы древнихъ слишкомъ преувеличиваютъ кровожадность горностаи. Такъ, одни утверждаютъ что онъ бросается на шею лося, прогрызаетъ ее и тотъ падаетъ мертвый; другіе прибавляютъ къ этому, что нападаетъ даже на медвѣдя, ранитъ ему ухо и кусаетъ до того, что тотъ въ изнеможеніи бросается на землю, какъ бы сознавая себя побѣжденнымъ. Говорятъ даже, что горностаи нападаетъ на спящихъ орловъ, тетеревей, кусаетъ ихъ и не оставляетъ своей жертвы, даже на лету; но продолжаетъ грызть ее, пока она не упадетъ на землю, мертвою. Хотя эти разказы преувеличены, но они отчасти характеризуютъ свѣдѣность и хищность горностаи. Не смотря на это, его можно приручать.

«Горностаи линяетъ два раза въ году; осенью начинаетъ выпадать бурая шерсть и постепенно замѣщается длинною, густою и пушистою бѣлою, такъ что иногда попадаютъ горностаи весьма неопредѣленнаго цвѣта, однакоже всегда легко узнаются по черному концу хвоста. Весною горностаи терять зимнюю шерсть и къ лѣту дѣлается похожимъ на ласку. Въ теплыхъ мѣстахъ, наприм. по берегамъ Каспійскаго моря, эти перемѣны совершаются быстрѣе и въ мартѣ горностаи уже имѣютъ цвѣтъ лѣтній, тогда какъ въ Сибири они достигаютъ этого только въ маѣ. Замѣчательно, что горностаи линяетъ даже въ комнатѣ, хотя въ этомъ случаѣ мало подвергается вліянію климата.

«Извѣстный естествоиспытатель Палласъ, нашелъ горностаи, поселившася въ маломъ гнѣздѣ, вѣроятно, мыши или земле-

юйки. Гнѣздо это состояло изъ вѣсколькихъ отдѣленій; въ однихъ были дѣтеныши, въ другихъ кости и кожа мышей, вѣроятно остатки добычи. Мать была еще въ зимней шкуркѣ, но молодые горностаи, не старѣе 10 — 22 дней, были сверху сѣдые, а снизу бѣлые. Горностаи носятъ 5 недель и въ маѣ мѣсяцѣ мечеть 3 — 8 слѣпыхъ дѣтенышей. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи горностаи представляютъ различія не замѣчательныя для науки, но важныя въ мѣховой торговлѣ.

«Ловятъ горностаевъ сѣтями, западнями, также бьютъ тушыми стрѣлами; въ сѣверной Америкѣ стрѣляютъ ихъ изъ ружей, небольшими пулями, стараясь попасть непременно вблизи головы животного, чтобы не испортить мѣха. Россія искони ведетъ обширный торгъ горностаевыми мѣхами; цѣнность шкурки низмѣняется отъ 49—70 коп. серебромъ а цѣлый мѣхъ весь бѣлый, съ черными висящими хвостиками, на который идетъ отъ 100 — 120 шкурокъ, цѣнится отъ 65 — 200 рублей серебромъ; впрочемъ онъ употребляется только на поршеры коронованныхъ особъ, или какъ украшеніе, при дамскихъ нарядахъ; на муфты, опушку и т. п. Лучшимъ горностаемъ въ Россіи почитается барабинскій. Обширѣйшій торгъ горностаевыми мѣхами ведется въ Кяхтѣ, гдѣ и цѣнится довольно дорого (преимущественно съ Кольми, и изъ сѣверной Америк.) Нѣкогда, по словамъ Палласа, его покупали тамъ на вѣсъ; но купцы, изъ желанія большихъ барышей, стали класть въ лапки свинецъ; китайцы замѣтили обманъ и съ того времени покупаютъ горностаевые мѣха поштучно.

«Не малое число этихъ мѣховъ отправляется также и за западную нашу границу.

«Въ послѣднее время цѣны на горностаевые мѣха опять поднялись, въ особенности, какъ вошло въ употребленіе обшивать зимніе наряды горностаевыми опушками. Столѣтъ тому назадъ, сто шкурокъ русскихъ горностаевъ стоили въ Англіи, съ пересылкою, около 21 рублей серебромъ (пять фунтовъ стерлинговъ.) Въ европейской Россіи мало занимаются ловлею горностаевъ, что составляетъ главную причину цѣнности мѣховъ ихъ; между тѣмъ, животное это вовсе не рѣдко, даже около Петербурга. Известный намъ охотникъ ловилъ ихъ здѣсь весьма много, особенно устройными западнями, состоящими изъ трехъ обручей, расположенныхъ одна надъ другою; къ каждому обручу было привязано кругомъ множество петель, а къ средній верхней привѣшивалась приманка. Горностаи желая достать приманку, заступавался въ петли ловушки. Западно эту, обыкновенно стави

или около гумна, или какого-либо другого строенія, расположеннаго позади деревни.

«Съ нѣкотораго времени въ Европѣ горностаи стали попадаться рѣже. Но изъ Сибири еще недавно отправлено было въ одну только Англію 30,000 шкурокъ, не считая того, что было послано въ Китай и Персію. Англія получаетъ ежегодно почти столько же мѣховъ изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и изъ Гудзонбайской компаніи. Не знаемъ сколько получаетъ наша Сѣверо-Американская компанія, но извѣстно пожительно, что горностаи весьма обыкновенны въ Америкѣ: огромное число мѣховъ его отправляется ежегодно изъ восточной Америки въ Японию и Китай; кромѣ того Сѣверо-Американскіе Индѣйцы сами любятъ эти мѣха и каждый начальникъ, воинъ и даже женщины носятъ горностаевыя плащи. Въ дѣло употребляютъ только спинку и хвостъ, и на всякій сшитый мѣхъ идетъ около 200 шкурокъ. Европейцы узнали употребленіе этого мѣха отъ Готтовъ. Утверждаютъ будто въ холодныя зимы горностаи многочисленными стадами переходятъ на югъ».

Намъ остается пожелать молодымъ издателямъ успѣха, который мы впередъ предвидимъ! Такое прекрасное предпріятіе дѣлаетъ честь нашей ученой литературѣ и можетъ соперничать съ французскими изданіями этого рода; не говоря уже, что въ Германіи ничего подобнаго не бывало, даже и такого проспектуса. Пишите господа только о нравахъ и жизни нашихъ русскихъ звѣрей и не пускайтесь въ подробности какъ живутъ американскіе грифы и французскіе хорьки; ихъ опишутъ и безъ васъ.

О ХОЛЕРѢ И ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ НЕЙ СТАНОВОЙ ЖИЛЫ И СЛИЗИСТОЙ ОБОЛОЧКИ КИШЕКЪ. *Сочиненіе доктора М. Мандта, лейбъ-медика Его Императорскаго Величества, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, кавалера ордена св. Анны первой степени, и прочая. Нѣмецкій оригиналъ посвященъ Его Императорскому Величеству и напечатанъ по высочайшему соизволенію. Переводъ доктора медицины дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марка Магазинера (СП.-бургъ, 1849, въ 8., стр. 249.).*

Это во многихъ отношеніяхъ любопытное сочиненіе явилось на нѣмецкомъ языкѣ въ то время, когда холера собиралась уже оставить насъ въ покоѣ; переводъ же его вышелъ совсѣмъ поздно. Конечно еслибъ въ этомъ сочиненіи дѣло шло только о холерѣ исключительно, въ такомъ случаѣ слѣдовало бъ замѣтить, что рука помощи какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ подава

слишкомъ поздно. Но дѣло вотъ въ чемъ: господинъ Мандтъ посвятилъ свой трудъ не одной холерѣ, а подробному изслѣдованію *становой жилицы и слизистой оболочки* и вліянія ихъ на весь человѣческій организмъ, и доказалъ, что разстройство той и другой есть главное гнѣздо всѣхъ возможныхъ болѣзней чело­вѣка, а слѣдовательно и холеры. И такъ если мы теперь не нуждаемся въ со­вѣтахъ какъ дѣйствовать противъ холеры, то все-таки изъ этого не слѣдуетъ, что мы не нуждаемся болѣе въ этомъ весьма любопытномъ сочиненіи. Напротивъ сочиненіе господина Мандта отнюдь не потеряло своего интереса. Прочтите слѣдующее его наблюденіе, въ одномъ довольно странномъ случаѣ, и сами рѣшите можно ли быть равнодушнымъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ и къ такому простому, чуждому всякой учености, образу изложе­нія, сдѣлавшимъ сочиненіе это доступнымъ даже для людей не имѣющихъ ровно никакихъ свѣдѣній въ безконечно-запутанной матеріи — медикѣ. Вотъ это любопытное наблюденіе :

« Я знаю, говоритъ докторъ Мандтъ, молодую даму, имѣющую около 25 лѣтъ отъ роду, замужнюю, но бездѣтную. Она взяла къ себѣ на воспитаніе шестилѣтнюю дочь своей умершей пріятель­ницы. Умственные способности дитяти весьма развиты, хотя тѣлосложеніе ея вѣжное, почти слабое. Молодая воспитатель­ница была малаго роста, вѣжна, вѣскольکو лѣтъ больна, не лежала однако въ постели: умъ ея образованъ, она весьма набожна и повидному очень кроткаго характера. При этомъ она имѣла твердую волю, простиравшуюся до своенравія. По­слѣднее однако было извѣстно однимъ только ближайшимъ друзьямъ ея. Къ ребенку молодая дама была привязана вѣж­нѣйшею любовью, доходившею до энтузіазма, она пеклась объ немъ съ чрезвычайною заботливостію».

« Проходя однажды мимо комнаты матери, я слышалъ крикъ ребенка, что меня удивило, зная какъ она часто выражалась объ обыкновенномъ наказаніи розгою; теперь же я былъ увѣ­ренъ, что ребенокъ кричалъ отъ боли или, по крайней-мѣрѣ, отъ страха.

« Спусти вѣскольکو часовъ, я случайно встрѣтилъ дѣвоч­ку одну, и протянувъ къ ней дружески руку, замѣтилъ на ея ручонкѣ множество маленькихъ красныхъ точекъ. Сначала она не хотѣла мнѣ ничего сказать, боясь, чтобы я не пересказалъ матери, но наконецъ призвалась, что мать наказываетъ ее за шалости колотьемъ руки булавкою, что именно случилось и се­годня».

«Все это имѣло для меня психологическій интересъ, потому что подобный поступокъ такъ мало согласовался съ характеромъ и образованностію дамы.

«Мнѣ удалось заставить молодую даму говорить со мною объ этомъ предметѣ. Она разказала мнѣ, что сама подобнымъ образомъ была наказываема своею матерью, чрезвычайно ее любившею. Потомъ изложила мнѣ весь ходъ булавочнаго наказанія систематическимъ образомъ, въ которомъ все клонилось къ тому, чтобы актъ наказанія сдѣлать продолжительнымъ. Она не наказывала ребенка тотчасъ послѣ шалости, а всегда на слѣдующій день съ совершенно спокойнымъ духомъ и безстрастіемъ. Сначала ребенку была выговариваема, въ дружескихъ словахъ, вина его, потомъ онъ долженъ былъ принести самъ булавку, стать на колѣни, и подавъ ее матери, держать руку, во время колотья, а по выдержанномъ наказаніи отнести булавку на прежнее мѣсто, и наконецъ стать вновь на колѣни, и дѣлая руку благодарить за наказаніе.

«При этомъ разказѣ меня поразила особенная черта удовольствія, выражавшаяся у матери при изложеніи этого образа наказанія, и возбудила во мнѣ мысль, что молодая дама производя свои продолжительныя наказанія болѣе съ пріятнымъ, нежели съ непріятнымъ ощущеніемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я также былъ убѣжденъ, что здѣсь кроется какая-то физическая или психическая ненормальность, безъ которой нельзя было бы и подумать о такомъ поступкѣ этой молодой женщины».

«Вскорѣ мнѣ представился случай съ точностію изслѣдовать состояніе здоровья этой дамы. Я нашелъ у нея страданіе печени вмѣстѣ съ раздраженіемъ становой жилы, обнаружившееся преимущественно въ шейной части. Перкуссія 4-го шейнаго позвонка, возбуждала чувство особенной боли въ задней части головы, что составляло главный признакъ всей ея болѣзни. Лечение, продолжавшееся около трехъ мѣсяцевъ, излѣвило молодую даму, и я могу утвердительно сказать, что она о прежнихъ систематическихъ наказаніяхъ своей воспитанницы вспоминаетъ теперь какъ о пустомъ сновидѣніи.

«Не долженъ ли этотъ случай подать поводъ къ размышленію, когда встрѣчаемъ у женщинъ поступки холодной жестокости в т. п., которые впрочемъ такъ рѣзко противорѣчатъ природѣ и часто также ихъ личности.»

Душевно благодаримъ доктора Магазинера, что онъ взялъ на себя трудъ сдѣлать это сочиненіе доступнымъ для всѣхъ тѣхъ,

кто не знакомъ съ нѣмецкимъ языкомъ. Языкъ перевода прекрасный, легкій, такъ что читая увлекаешься.

Можно бѣ еще многое сказать въ пользу сочиненія доктора Мандта, оно само рекомендуетъ себя какъ нельзя лучше.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА. *Изданіе Николая Фумели. Вечеръ первый (Одесса, 1839, въ 8., стр. 177).*

Одесситы, не дождавшись пробужденія столичной литературы, рѣшились создать свою собственную областную литературу и обходиться своими туземными плодами.

Дѣло началось прямо литературными посидѣлками или вечерами, на которые какъ на олимпійскія игры явилась вся одесская литературная аристократія: Гербановскіе, Бесѣдовскіе, Колбасины, Рабиновичи и другіе. Конечно такое начало ручается уже за половину успѣха. Все здѣсь ново, начиная отъ таганрогскихъ древностей до константинопольскихъ походовъ; все слѣдовательно чрезвычайно занимательно, какъ и не можетъ быть иначе. Конечно, если хотите, на всемъ есть отпечатокъ мѣстности; впрочемъ что за бѣда, одесситы хотятъ во что бы то не стало имѣть свою собственную литературу. Но интереснѣ всего для насъ новое поэтическое направленіе. То что у насъ петрополитанъ не возбуждаетъ даже вниманія, что забыто и, кажется, недостойнымъ поэзіи, то въ Одессѣ получило новую, совершенно новую жизнь, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Вотъ вамъ живое доказательство; прочтите классическую «Грѣшницу» господина Бесѣдовскаго и скажите не правду ли мы говоримъ.

Въ саду Леватовъ, межъ цвѣтами,
Двѣ розы пышныя цвѣли:
Одна, за темными кустами,
Росла отъ всѣхъ подругъ вдали,
Таясь подъ острыми шипами;
Никто не зналъ ея, никто сорвать не могъ:
Ни жрецъ не вилель ея для алтара въ вѣнокъ,
Ни юная невѣста для наряда
Въ букетъ на грудь себѣ ея не сорвала....
Взросла, блеснула, отцвѣла,
Никѣмъ незнаема, въ глуши угрюмой сада.

Другая, безъ шиповъ, прекраснѣй развилась,
И какъ ни вѣдала, что, сорванная разъ,
Она цвѣсти уже не станетъ,
А вдругъ поблекнетъ и завянетъ, —
Т. XCIV. — Отд. VI.

Но, не смотря на то, манила руки, глазъ,
 Желая хоть на день, хоть на одно мгновенье
 Кому-нибудь достаться въ наслажденье,
 Чтобы не для себя одной
 И запахъ разливать, и давной цвѣсть красой.

И шолъ бѣднякъ близъ этой розы....
 Онъ горести одни на свѣтѣ зналъ,
 Вѣлъ чорствый хлѣбъ, пилъ слезы,
 И только въ нихъ отрадь себя искалъ,
 И розу онъ сорвалъ.... День цѣлый
 Носилъ на груди охладѣлой,
 И въ жизни этой въ первый разъ
 Отраднo грудь страдальца поднималась....
 Потомъ когда она увяла,
 Ее онъ бросилъ; — но и часъ
 Проживъ, судьбу благословляя,
 Что для кого-нибудь приятно была,
 Не для себя одной блистала,
 Не для себя одной цвѣла.

Ахъ, я одной изъ этихъ розъ была!...
 Я пышно для людей цвѣла, —
 Ко мнѣ сбѣгали толпами,
 Дарили ласками, дарили похвалами,
 Покуда не увяла я....
 Увяла лишь, — всё бросили меня
 И истоптали подъ ногами....

Согласитесь, что это написано въ духѣ натуральной школы;
 но все же благопристойно, прилично, сострадательно.

За то ужъ советы ровно никуда не годятся.

Но главное въ «Литературныхъ Вечерахъ» — рассказы. За ними
 дѣло не стало, одинъ лучше другаго, судя съ точки зрѣнія новой
 одесской литературной школы.

А П Р Ъ Л Ъ .

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

ПОРУВЕЖНИКИ (,) канва для романовъ. *Сочиненіе А. Скальковскаго. Одесса, 1849, въ-8., стр. 195.*

Въ началѣ нынѣшняго года на южной оконечности пространной Россіи, именно, въ Одессѣ, гдѣ еще такъ недавно появилась новая, натуральная школа, рѣшенъ одинъ, быть можетъ, изъ важнѣйшихъ литературныхъ вопросовъ новѣйшаго времени — изобрѣтена совершенно новаго рода канва, о какой до сихъ поръ ни кому и въ голову не приходило; чего не видали и во снѣ ни Вальтеръ Скоттъ, ни Коуперъ, ни Диккенсъ, ни Дюма, ни даже господъ Колбасинъ и Рабиновичъ. Новозобрѣтенная канва не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенною канвою. Это такъ сказать дагеротипная канва; на ней самой есть уже и геніальный романическій рисунокъ, такъ, что остается только вышить его. Конечно, не трудно угадать, что подобная выдумка будетъ имѣть необычайный успѣхъ. Теперь каждый литераторъ можетъ выписать себѣ изъ Одессы нѣсколько аршинъ такой канвы, судя потому какой хочетъ дать объемъ своему роману, и получивъ ее, въ нѣсколько недель явится въ свѣтъ мастерски вышитый романъ совершенно въ новомъ и послѣднемъ родѣ, à la cossaque, самыми свѣжими цвѣтами берлинскаго гаруса, и по самой послѣдней модѣ шитья въ полурелеевомъ видѣ. Но мы имѣ-

емъ право думать, что новая, чисто натуральная одесская литературная школа не упуститъ приобрести отъ господина Скальковскаго прекрасное его изобрѣтеніе, то есть, канву для романовъ, называемую «Порубежники», въ свое исключительное владѣніе, и такимъ образомъ запретъ всѣмъ гавани для буйныхъ корсаровъ *трехъ странъ свѣта*. И болѣе чѣмъ навѣрное, что это новое направленіе совершенно убьетъ нашу сѣверную литературу. Впрочемъ, отчаяваться нечего, если вспомнимъ, что въ наше время за выдумками дѣло не ставеть, и что у насъ противъ канвы есть свой антитедотъ, мать безчисленныхъ сѣверныхъ романовъ, наша «Волюспя» — *Три страны свѣта*, которой первые выпуски къ услугамъ читателя.

Правда, придумать канву для повѣстей, рассказовъ, романовъ, эпопей, драмъ, трагедій, комедій и прочее, есть дѣло важное; но собрать въ одно мѣсто столько красотъ, столько занимательныхъ мѣстъ, столько новыхъ сторонъ, взглядовъ, привести столько на блюдѣ, набросать столько художническихъ картинъ, бросить столько зародышей для тысячи новыхъ романовъ и повѣстей, какъ это мы находимъ въ «Трехъ странахъ свѣта», о которыхъ только и толку, едва ли стоить уступитъ канвѣ à la russe.

Но въ то самое время, когда мы вполне восхищаемся новѣйшъ открытіемъ, явившимся подъ южно-русскій небозъ, замѣчаемъ, что по этой канвѣ можно шить только романы низшаго рода, то есть областные, именно тѣ романы, которыхъ дѣйствіе происходитъ около Буга, Висли и Тисыны. Следовательно, видно, что по этой канвѣ нельзя еще написать романа, котораго дѣйствіе происходитъ, наприимѣръ, въ «иисконъ мѣрѣ»; для этого нужна другая канва, которая тоже вѣроятно будетъ изобрѣтена уже съ меньшимъ трудомъ.

Канва «Порубежники» написана съ натуры: ея «осажденіе» и герои кагалъницкіе, ея казаки, Ногайцы, Слобожане, Караньны и Чабаны, такіе же и теперь, какіе были въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Но въ этомъ самомъ новомъ изобрѣтеніи встрѣчается опять цѣлый рядъ открытій, новый родъ писать романы, основанные на подлинныхъ документахъ, это уже чисто южно-русское искусство. Таковы будутъ романы: «Мамай», «Заблудъ», «Иггейскій тайникъ» и «Крѣпость Святой Елисаветы». Въ этомъ послѣднемъ романѣ въ особенности замѣчательно то, что авторъ зналъ «одного весьма почтеннаго и заслуженнаго генерала, который прожилъ въ Елисаветградѣ многіе годы полезной своей

«жизни, не зная о существованіи крѣпости Святой Едессе-ты, хотя не разъ гулялъ по развалившемуся валу ея».

Выписать канву, вы можете дѣлать изъ нея, что вамъ угодно, разсматривать и пытаться ее какъ вамъ угодно, только ради Бога, «не ищите въ ней поэтическаго колорита», объ этомъ одною прочесть авторъ благорасположеннаго читателя; зато вы здѣсь найдете образчики «дѣлъ и рѣчей стариннаго грубаго козачества, «полудикихъ Ногайцевъ и одичалыхъ Гайдамановъ или Чабаконъ, «описанія черныхъ бугскихъ гранитовъ, доискихъ камышей и «топей, безвѣстныхъ рѣчекъ и овраговъ». Все это совершенно ново, а слѣдовательно чрезвычайно интересно не только для жителей южной Россіи, но и сѣверной. Словомъ, премилая вещь эта одесская канва.

Но вамъ желательно знать, отчего одесская канва названа порубежники и что значитъ слово «порубежники»? — «Порубежниками называли во второй половинѣ осмнадцатаго столѣтія всѣхъ тѣхъ жителей новороссійскаго края, которые тѣснились около Буга, Висы и Тисины», а такъ какъ теперь уже половина девятнадцатаго столѣтія, то авторъ канвы шагнулъ немножко дальше и отъ южнаго Буга очутился у устьевъ Дона. Прижокъ, конечно, порядочный, но такой ужъ характеръ всего происходящаго въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія!

Однакожъ не думайте, что изъ Одессы получена уже вся канва, «Порубежники». Предъ нами лежитъ только небольшой кусокъ или другими словами первый выпускъ, заключающій въ себѣ канву для двухъ повѣстей «Кагальничанка» и «Хрустальная Балка».

ОВОЗРѢНІЕ СЛАВЯНО-РУССКОЙ БИБЛИОГРАФІИ. *Томъ первый, выпускъ четвертой. СПб. бургъ, 1849, въ-4., стр. 184.*

Въ послѣднія двадцать лѣтъ мы такъ увлеклись повѣшными идеями, насъ такъ ошаманили новыя литературныя взгляды, что мы стали даже сомнѣваться въ существованіи нашей русской литературы. Одни утверждали, что у насъ вовсе нѣтъ литературы, другіе напротивъ, что у насъ была и есть литература. Рѣшить: кто правъ, кто виноватъ довольно трудно; но какъ бы то ни было, рѣшить же это нужно. Не смотря однако на всю необходимость скорѣйшаго рѣшенія вопроса, отъ котораго зависитъ участь всѣхъ нашихъ литераторовъ—дѣло это оставалось до сихъ поръ не тронутымъ. Наконецъ явился человекъ, который ополчился во имя науки, рѣшился во чтобы ни стало стать открытою грудью за святую Русь

и доказать, что у насъ литература была, есть и будетъ. Человѣкъ этотъ нашъ почтенный и извѣстный собиратель отечественныхъ древностей И. П. Сахаровъ. Конечно онъ одинъ у насъ только и могъ приняться за такой геркулесовскій подвигъ. Собрать обильную жатву изъ «Сказавій русскаго народа», знакомый со всею подзаготовною русскаго міра, онъ одинъ могъ въ такой мѣрѣ положиться на себя, чтобы вызваться рѣшить вопросъ и ратовать противъ всего нашего новаго поколѣнія. Однакожъ господинъ Сахаровъ, сознавая всю многосторонность вопроса, видѣлъ, что ему одному нельзя взять на себя такой трудъ, предъ которымъ всѣ двѣнадцать подвиговъ Геркулеса ровно ничто, и потому не отваживаясь изложить намъ вполне историческій ходъ русской грамотности и жизни, ружь объ руку, рѣшился свести насъ въ дѣйствиительно-непроходимый, дремучій лѣсъ нашей литературы, проложивъ въ немъ дороги, дорожки и тропинки. Овладевъ такимъ образомъ своимъ предметомъ, онъ перенесъ его на бумагу и подарилъ насъ своимъ «Обозрѣніемъ славяно русскаго библіографіи». Предъ нами лежитъ четвертый выпускъ этого ужаснаго невѣроятнаго человѣческаго труда. Этого одного выпуска весьма достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что русская литература дѣйствительно существовала. Но бросивъ взглядъ на такой трудъ, вы видите предъ собою цѣлый Брынский лѣсъ русской литературы; васъ сейчасъ же ужасаетъ огромность, сложность предмета, вы опускаете руки и падаетъ духомъ. Прежде всего въ головѣ вашей является мысль: какъ же объять, какъ изучить, какъ усвоить себѣ такой безграничный предметъ, какъ дать себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, поражающихъ вашъ умственный органъ, то есть мозгъ.

Пустьвшись на ловитву произведеній древней нашей литературы и собравъ обильную жатву изъ своихъ трудовъ, господинъ Сахаровъ предвидѣлъ, что никто не въ состояніи постигнуть этотъ хаосъ, если авторъ самъ, какъ настоящій хозяинъ нашихъ древностей не размѣряетъ его и не поставитъ межевыхъ знаковъ, такимъ образомъ, чтобы они подобно Аріадниной нити или млечному пути руководили насъ въ русскомъ литературномъ дремучемъ лѣсу.

Уже кто-то давно сказалъ, что Москва представительница Россіи, и кто видѣлъ Москву видѣлъ Россію. Никто не сомнѣвается въ справедливости этого сближенія, и въ настоящее время мы можемъ только прибавить: кто видѣлъ Москву, тотъ знакомъ съ характеромъ русской литературы; кто знаетъ русскую литературу, тотъ знаетъ Москву. Господинъ Сахаровъ, желая по-

знакомить насъ съ забытыми золотыми розсыпями отечественной литературы, — потому что теперь весь свѣтъ помѣшанъ на розсыпяхъ —, то есть съ славяно-русскою библиографіею, при-
ступилъ къ дѣлу прямо.

Вотъ планъ его обзорѣнія славяно-русской библиографіи. Господинъ Сахаровъ раздѣляетъ весь свой трудъ на три тома, и первый посвящаетъ *древней русской литературѣ*, который по обширности предмета раздѣленъ на двѣ книги. Конечно такое раздѣленіе тотчасъ поражаетъ своею новизной. До сихъ поръ мы знали изъ области древней русской литературы весьма мало памятниковъ, а профаны знали одно какое нибудь «слово о полку Игоревѣ», между тѣмъ господинъ Сахаровъ представляетъ цѣлый томъ заглавій сочиненій древней русской литературы. Но не удивляйтесь: это опечатка—неизбѣжная сопутница всего Гуттенбергова печадія! Первый томъ посвященъ не древней русской, а древне-славяно-русской литературѣ, какъ это видно изъ содержанія обоихъ его отдѣловъ; потому что первый изъ нихъ заключаетъ обзорѣніе славяно-русской литературы до осьмнадцатаго вѣка, извѣстной не въ печати, а въ рукописяхъ. Видите, прежде стояла опечатка! тутъ ужъ и помину нѣтъ о древней чисто русской литературѣ. Второе отдѣленіе заключаетъ въ себѣ, по общаю господину Сахарову, древнія славяно-русскія изданія съ 1491 до 1731 года, напечатанныя въ Россіи и за границею, кирилловскими и русскими буквами.

Давъ такой составъ первому тому, господинъ Сахаровъ думаетъ, что изъ общаго обзорѣнія заглавій древней рукописной и печатной литературы мы можемъ видѣть умственную дѣятельность нашихъ праотцовъ, начавшуюся прежде, въ десятомъ столѣтіи подъ вліяніемъ визавтійскаго просвѣщенія, потомъ сроднившуюся съ славянскими племенами (то есть жизнь нашихъ предковъ Славянъ). Наконецъ изъ этого то списка заглавій мы увидимъ образовавшуюся въ четырнадцатомъ столѣтіи литературу самобытную, русскую.— Съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ этого магическаго тома, который откроетъ намъ цѣлый мѣшокъ различныхъ раковинъ, изъ которыхъ состояла наша древняя славянская литература, мы говоримъ раковинъ потому, что заглавіе книги, не сопровождаемое содержаніемъ ея, подобно пустой раковинѣ, изъ которой ушло маленькое животное. Главное же для насъ этотъ томъ интересенъ и потому, что мы найдемъ въ немъ заглавія такихъ греческихъ переводовъ, которыхъ греческіе тексты, или вовсе

не издавы, или считаются потерявшими, или и совѣтъ не извѣстны.

Второй томъ определенъ господиномъ Сахаровымъ для *древней славяно-русской палеогеографіи*. Здѣсь на сто-пятидесяти листахъ, *разработанныхъ аналитически* будутъ помѣщены образчики славянскаго книжнаго письма съ одиннадцатаго, и славяно-русско-вудобнаго письма съ двѣнадцатаго вѣка, и славянскіе шрифты съ пятнадцатаго вѣка. Все это основано на историческихъ актахъ и совмѣсткѣ съ подлинниками.

Третій томъ труда господина Сахарова посвященъ *новой русской литературѣ*. Всѣ издавія, появившіяся съ 1731 по 185.... годъ, будутъ внесены въ три книги, на которыя распадется этотъ томъ; онѣ войдутъ туда въ систематическомъ порядкѣ, по особой классификаціи, то есть вѣроятно въ первую войдутъ оди дѣльныя, полезныя, умныя книги—письмовники; во вторую—пристныя, но бесполезныя книги—повѣсти и романы; въ третью—решены нашей литературы—все пустыя книги и, вѣроятно, эта часть третьяго тома будетъ самая объемистая. Тутъ господинъ Сахаровъ объяснитъ всѣ переводы новѣйшей литературы, отъ подражанія до самобытнаго состоянія, или другими словами отъ Телемахиды Тредьяковскаго до самобытныхъ оригинальностей, до новѣйшихъ Телемахидъ послѣдняго времени. Впрочемъ, по нѣкоторымъ причинамъ не важнымъ для публики, новѣйшія Телемахиды не войдутъ въ эту третью книгу третьяго тома.

До 21 января 1849 года, господинъ Сахаровъ осмотрѣлъ сорокъ пять тысячъ сочиненій и переводовъ, находящихся въ рукописи и двадцать четыре тысячи печатныхъ изданій. — Какая плодотворная славяно-русская грамотность. Чи какихъ надобно усилій, чтобы собрать сорокъ-двѣ тысячи заглавій!

Но намъ скажутъ: к чему такая обширная номенклатура и какаѣя цѣль подобнаго труда?

Издавая въ свѣтъ свое библиографическое обозрѣніе, господинъ Сахаровъ имѣлъ въ виду: приготовить матеріалы для исторіи славяно-русской литературы, которую потому полезно знать, что изъ нея узнаемъ и умственную жизнь нашихъ предковъ. Но главная цѣль при составленіи такого труда было указать молодому возникающему поколѣнію на важныя предметы для ихъ заветій, на сочиненія историческія и литературныя, ожидающія разработки. Прекрасная, благородная цѣль! но будетъ ли новое, возникающее поколѣніе литераторовъ лучше, трудолюбивѣе прежняго поколѣнія, которое не только не обработало и «Свѣта на-

Библиографическаго словаря покойнаго Соникова, гигантскаго труда, проваившагося въ первой половинѣ текущаго столѣтія, которое не только не подвигаетъ его впередъ, а опять перепечатываетъ его Богъ знаетъ для чего? Не ужъ-то такая же судьба должна постигнуть и «Обозрѣніе славяно-русской библиографіи»? Весь недостатокъ нашего современнаго, такъ называемаго историческаго направления, состоитъ въ томъ, что оно не разрабатываетъ, а только передѣлываетъ внѣшнюю форму и опять печатаетъ то, что уже давно напечатано довольно четкимъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ, хотя и не съ красными славянскими заглавіями.

Но главная цѣль труда господина Сахарова: рѣшить спорный вопросъ, появившійся въ послѣднее десятилѣтіе: была ли русская литература до временъ Петра Великаго? Чтобы кончить разъ на всегда это спорное дѣло, господинъ Сахаровъ показалъ въ первой книгѣ перваго тома заглавія всѣхъ сочиненій и переводовъ, появившихся до Петра Великаго, съ указаніемъ мѣста ихъ храненія. *Желающій* убѣдиться въ показаніи, *приди и виждь*, и *потомъ суди судомъ праведнымъ*, говоритъ издатель. Конечно сказать *приди и виждь* — вовсе не трудно; написать археографическій маршрутъ тоже легко; но это еще не подвигаетъ исторію нашей литературы впередъ, если я даже и знаю, что такая-то рукопись дѣлится у господина Погодина. Изъ такихъ пространствыхъ каталоговъ, каковы каталоги господина Сахарова, еще нельзя уздать характеръ и развитіе нашей древней литературы. Каталогъ, списокъ, всегда останется только каталогомъ и спискомъ книгъ. Изъ каталога картинъ какой-нибудь галереи нельзя еще составить себѣ понятія о характерѣ и достоинствѣ названныхъ въ немъ картинъ.

Посмотримъ теперь въ какой мѣрѣ лежащій предъ нами четвертый выпускъ, заключающій въ себѣ обзорѣніе славяно-русской библиографіи съ 1491 года по 1655 годъ, то есть промежутокъ времени въ 164 года, выражаетъ движеніе нашей литературы. — Рассмотрѣвъ тщательно всѣ заглавія, означенныя у господина Сахарова очень явственно славянскими буквами краснаго дѣфта, находимъ, что въ 164 года явилось 575 заглавій. Изъ этого числа заглавіе *часословъ* встрѣчаемъ у господина Сахарова 39 разъ, что значитъ, что эта книга была столько разъ печатана; — 62 раза встрѣчаемъ заглавіе *псалтирь*; — 41 разъ *служебникъ*; — 29 разъ *минелъ служебная*; — 26 разъ *евангеліе*; — 22 раза *апостолъ*; — 18 разъ *псалтирь постная*; — 17 разъ *общая минелъ*; — 17 разъ *подлинно-*

словъ; — 16 разъ *триодъ цвѣтная*; — 16 разъ *октоихъ*; — 16 разъ *требникъ*; — 9 разъ *новый завѣтъ*; 9 разъ *шестодневъ* и такъ далѣе.

Изъ этихъ статистическихъ данныхъ читатель можетъ судить о движеніи древней русской литературы въ теченіе 164 лѣтъ.

Желающимъ же имѣть болѣе ясное понятіе о ходѣ нашей древней литературы рекомендуемъ классическое произведеніе: «Судьбы славянскаго языка», о которомъ будетъ говорено въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Вотъ образчикъ библиографическаго описанія коричей книги; впрочемъ таковыхъ описаній у господина Сахарова много.

Начато печатать: 7158 г., Ноября 7, въ 5-ое лѣто царствованія Алексѣя Михайловича, въ 8-ое лѣто патр. Иосифа. Кончено: 7161 г., Іюня 15, при патр. Никонѣ. 37, 62, 679 и 16 л.

Въ библ. *Новгород. Соб. Соб.*

Прим. Это изданіе было выпущено въ числѣ 1200 экземпляровъ («святыхъ сихъ книгъ тысяща двѣсти выданы суть»), съ извѣстіями по волю патр. Никона, въ слѣдующемъ видѣ:

1. *Прибавлены*: а. о введеніи Христіанства и учрежденіи патриаршества въ Россіи, на 37 л.; б. *два листа* между 173 и 174; в. *шестнадцать листовъ* между 641 и 642 л. грамота царя Константина, данная патриарху Сильвестру (гл. 71).

2. *Уничтожены*: 1. предисловіе и въ замѣтъ бывшихъ листовъ поставлена типографская помѣта: А. В. Г. Д. Е. 2. Послѣсловіе напечатано новое, а старое выпущено (оно перепечатано въ *кат. староп. книгъ гр. Толстова* стр. 250—252).

3. *Перепечатаны*: 1. въ оглавленіи съ 26—55 л. На оборотѣ «сего листа выставлены слова: *зри тетрадь 8 ю, а листъ 56.* 2. Въ самомъ текстѣ коричей листы: 21, 24, 26, 31, 73, 84, 119, 188, 269, 270, 271, 304, 321, 324, 329. Въ новомъ изданіи вышло два листа 84, а на 486 л. припечатана пропущенная строка.

Въ составъ сего изданія вошли: 1. *Номоканонъ патр. Фотія съ толкованіями* (гл. 1). 2. *Заповѣди апостольскія* (гл. 2, 3, 4). 3. *Правила св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ* (гл. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20). 4. *Правила Петра Александрійскаго* (гл. 27). 5. *Правила св. Григорія Нессарійскаго* (гл. 28). 6. *Правила св. Аванасія архіеп. Александрійскаго къ Амону* (гл. 29). 7. *Григорія Богослова стихи о книгахъ* (гл. 30). 8. *Правила Тимофея Александрійскаго* (гл. 32). 9. *Феофила архіеп. Александрійскаго* (гл. 33). 10. *Кирилла ар-*

«*жін.* *Александрійскаго отъ посланія къ Домну* (гл. 34). 11. *Посланіе св. Геннадія о Хиротоніи* (гл. 35). 12. *Посланіе св. Тарасія къ папѣ Адріану о рукоположеніи* (гл. 36). 13. *Статьи изъ Прохирона Василія Македонянина* (гл. 36). 14. *Извлеченіе изъ Новеллъ Іустиніановыхъ* (гл. 42). 15. *Новеллы Алексѣя Комнина* (гл. 43). 16. *Законъ судный* (гл. 47). 17. *Законъ градскій* (гл. 48, 49). 18. *Патр. Николая вопросы и отвѣты* (гл. 53). 19. *Правила св. Никифора* (гл. 57). 20. *О беззаконныхъ и запрещенныхъ оракахъ* (гл. 50 и 51). 22. *Василія великаго заповѣщеніе Инокомъ* (гл. 62). 22. *Кирилла Туровскаго о черноризскомъ чину* (гл. 66). 23. *Главы Никиты мниха*. 24. *Статья о Римскомъ отпаденіи*.

«*Митроп. Евгеній въ Слов. дух. инс.* (ч. I. стр. 31). — *Епископъ Филаретъ въ Исторіи Русской церкви* (пер. патр. стр. 169—171). — *Баронъ Розенкампфъ въ Обзорніи Кормчей книги* (изд. 2-ое, стр. 69—73).

«*Послѣдующія изданія Кормчей книги* были выпущены: въ 1777, 1804, 1816, 1823 г., въ *Москву*, въ 1785 въ *Варшаву*. Въ изданіи 1787 были выпущены: *главы Никиты мниха*, и новое счисленіе главъ начато было «въ 12».

РУКОВОДСТВО КЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ДЛЯ ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. *Составилъ Адъюнктъ Профессоръ Императорскаго Александровскаго Лицея С. Смагдавъ. СПб-буржъ, 1849, въ-8., стр. 275.*

До чего мы дожили! Людямъ пришло наконецъ въ голову, что и женщины, эти милыя, добрыя существа имѣють тоже полное право на свою особенную, учебную литературу, что въ наше время имъ уже болѣе не прилично пить шербетъ всеобщей исторіи изъ того же бокала, изъ котораго пьемъ, мы, мужчины; что для очаровательно вѣжнихъ маленькихъ ротиковъ нужна особенная небольшая скромная римская чаша.

Что женщинамъ нужно учить совершенно иначе чѣмъ мужчинамъ, вещь, кажется, самая естественная и простая: не смотря на то, съ тѣхъ-поръ какъ въ благовоспитанной Европѣ существуютъ женскія учебныя заведенія, которыхъ теперь цѣлыя тысячи, никому въ умъ это не приходило. Только назадъ тому два года, кто-то говоря о причудахъ новѣйшей педагогики, сказалъ между прочимъ, что женщины имѣють полное право на совершенно иную методу обученія исторіи. Мысль эта не пропала: господинъ Смагдавъ подхватилъ ее и передъ нами лежитъ уже исполненіе ея — древняя исторія для дѣвицъ. Мы воображаемъ какъ должны ра-

деваться всё дѣлами, которыми предетокъ еще выслушать дивныя предлинныя рассказы хрищанской и вѣчно дрякшадваршеі старушки Кііо, когда одѣ услышалъ о выходѣ ея изъ господина Смарагдова. Но бѣдныя! имъ скоро придется разочароваться. Взглянувъ въ книгу, названную собственно для нихъ, они увидятъ, что это не древняя исторія подангоровъ древнихъ женщинъ, а тѣхъ же мужчинъ, о которыхъ имъ рассказывала муза покойнаго Кайданова. Какую же наконецъ играла роль женщина въ древней исторіи? спросать они. — Да, вы не хотите пожертвовать для милыхъ прекрасныхъ существъ шестью для семидесяти годовъ труда, и составить вещь оригинальную, а посте имъ старую преемственную пѣсню все о дѣяніяхъ этихъ несчастныхъ мужчинъ. Какъ будто на свѣтѣ нѣтъ ничего благороднѣе, доблестнѣе синовъ Адама; какъ-будто женщина играетъ не менѣе важную роль въ семейномъ быту, какую мужчина играетъ въ обществѣ. О какой этотъ господинъ Смарагдовъ! хочетъ обмануть прекраснѣйшій полъ и подъ обманчивымъ заглавіемъ выдѣлываетъ яснымъ дѣвушкамъ книгу, которая написана для мальчиковъ. Какой хитрый этотъ господинъ Смарагдовъ, настоящій мужчина. Бѣдныя воспитанницы думали найти въ «Руководствѣ къ древней исторіи для жевачихъ учебныхъ заведеній» живые портреты Ассириенокъ, Египтянокъ, Индійнокъ, Китайнокъ, Гречанокъ, Римлянокъ, ихъ бюсты, типы костюмовъ, гардеробъ домашній и общественный бытъ; имъ такъ хотѣлось перенестись въ будуаръ Семiramиды, изучать уборы Олимпіи, туалетъ Агриппы, кабинетъ Сафо; игры, свадьбы, посидѣлки Эллады и Иберіи; а господинъ Смарагдовъ, такой буча, рассказываетъ имъ о Содомѣ и Гоморрѣ, о Катонѣ и Цицеронѣ, не говоря ни слова о комъ Ликургъ былъ женатъ, былъ ли одъ дасковъ и любилъ ли свою жену, часто ли водилъ ее на игры и такъ да и такъ.

Прочтите что говоритъ господинъ Смарагдовъ о Семiramидѣ:

«Семiramида есть первая историческая женщина. Объ ней разсказываютъ много чудеснаго. Будучи рождена отъ богини, она была вскормлена голубями и выросла между пастухами. Необыкновенная красота и умъ доставили ей дѣятельность. Когда царь Нинъ осаждалъ король Бактру (теперь Балкъ) и издрѣгалъ всѣ силы, чтобы одолѣть храбрость жителей, предъ нимъ явилась Семiramида и указала ему слабую сторону городовъ укрѣпленій, — и Бактра была взята. Нинъ, удивленный умомъ и храбростію Семiramиды, даровалъ ее своей супругѣ и дозволилъ ей ассирійскій престолъ. По смерти Нинъ

« она управляла государствомъ и съ такою благоразуміемъ, что прославляла свое имя на весь Востокъ. Благодарные Ассиріане воздвигнули ей въсаждствіи олтари, какъ богинѣ. Впрочемъ, что касается до ея висячихъ садовъ, то не лзя не замѣтить, что позднѣйшія преданія объ чудесные и великолѣпные памятники зодчества приписываютъ Семирамидѣ. Висячіе сады Семирамиды состояли изъ огромной гряды стѣнъ съ четырьмя террасами, которыя были покрыты землею и посажены драгоценными деревьями и цвѣтами. Стѣны Вавилона, построенныя Семирамидою, вѣли, говорятъ, до восьмидесяти верстъ въ окружности, триста пятьдесятъ футовъ высоты и восьмидесятъ футовъ толщины, были снабжены многими сѣтями укрѣпленныхъ башенъ и двадцатью пятью великолѣпными воротами. Теперь отъ этого огромнаго города существуютъ только холмы разваливъ, покрытые землею. Къ-стати замѣтимъ, что и городъ Ниневія равнялся обширности Вавилону и не уступалъ ему ни крѣпостию стѣнъ, ни многочисленностію жителей: въ немъ жило, говорятъ, до двухъ милліоновъ людей. Развалины Ниневіи также представляютъ какъ-бы естественныя холмы, въ которыхъ въ новѣйшее время сдѣлано много открытій».

Такой найдановскій рассказъ показываетъ только, что авторъ «Исторіи для женщинъ заведеній» по своему понимаетъ значеніе Семирамиды для женщинъ.

Авоее прійдетъ время и за это дѣло возьмется какая-нибудь дама, тогда и нашъ сѣный прекрасный полъ узнаетъ исторію древняго прекраснаго поля, а съ этимъ вмѣстѣ узнаетъ лучше и самую исторію древнихъ мученицъ. Авторъ повторитъ въ предисловіи: «Исторія для женщинъ должна остаться Исторіею въ полномъ ея значеніи: наукою, изображающею судьбу и развитіе человѣческаго рода (а будто исключивъ женщинъ, картина историческаго рода оттого не пострадаетъ), наукою стройною, органическою. Потому нельзя поступать тѣ преподавателямъ, которые забываютъ своихъ ученицъ только веселыми анекдотами; или заставляютъ ихъ затверживать несвязные факты, какъ аркабуды; или въ трудъ и въ другомъ случаѣ не отдають справедливости женскому уму, который не только неступаетъ въ воспримчивости мужскому, но еще скорѣе его развивается, дѣлится и долге принимаетъ впечатлѣнія.» Развѣ вы не замѣчаете изъ этихъ словъ, что господинъ Самарандовъ вертитъ въ рукахъ, дѣлаетъ только бѣднее присутствіе въ дѣлу право. Дѣло: «Мужнина долженъ изучать исторію прежде всего для нея самой, для ея абсолютнаго достоинства(?),

женщина же, которой нужно быть неученою, а просвѣщенной матерью и воспитанницею юного поколѣнія, можетъ довольствоваться однимъ приложеніемъ исторіи, то есть изучать ее какъ средство для образованія ума и сердца. И чтѣ же? Не смотря на то, господинъ Смарагдовъ первый впадаетъ въ тѣ же промахи преподавателей, противъ которыхъ возстаетъ!... Упораться на женскій умъ, и въ то же время не довѣрять ни уму, ни такту и чувству женщины—непонятно!... Положимъ, въ текстѣ и есть органическая связь; но какая общая идея одушевляетъ комментарий?.. что это, цѣлое ли или простые рассказы, анекдоты?... Текстъ у господина Смарагдова и сухъ и безмѣрно сжатъ; а комментарий, мѣстами длинецъ, мѣстами излишне кратокъ, вообще же безцѣтенъ и лишень общаго характера. А какъ легко было удовлетворить всѣмъ условіямъ, стоило лишь познакомиться съ методомъ французскихъ учебниковъ, въ которыхъ, послѣ каждой главы, введены *résumés*. Введеніе подобныхъ *résumés* въ историческія руководства, мы также считаемъ не только полезнымъ, но и необходимымъ: они, съ одной стороны, были бы экстрактомъ, по которому учащіеся могли бы повтѣрить пройденное; съ другой же — были бы канвою, по которой изъ голаго остова воображеніе ученицъ воспроизводило бы органическое цѣлое.

Древняя Исторія господина Смарагдова написана языкомъ, со всѣмъ непохожимъ на тотъ хвалебный и торжественный языкъ, какимъ, гдѣ за десять, писался у насъ историческіе учебники: въ ней есть уже слогъ, чего, при всѣхъ усиліяхъ, мы не могли отыскать въ прежнихъ руководствахъ того же автора... Но при всемъ томъ исторія для дѣвицъ оттого не выиграла!

РАЗСКАЗЫ О БОГѢ, ЧЕЛОВѢКѢ И ПРИРОДѢ. *Чтеніе для дѣтей, дома и въ школѣ, изданное княземъ В. Одоевскимъ и А. Заблоцкимъ. С. П.-бургъ, 1849, въ-12., стр. 247.*

Въ наше время нѣтъ ничего легче какъ написать прекрасную книгу; доказательство тому лежитъ предъ нами: это «Разказы» съ замѣчательнымъ своимъ предисловіемъ или наставленіемъ, какъ обходиться съ нею. Въ этомъ предисловіи между прочимъ говорится что: «у насъ, то есть у авторовъ, приняты разные способы изложенія: разказъ, разговоръ, повѣсть, афоризмъ», что весьма натурально. Въ болѣе части книги встрѣчаемъ обыкновенный разговорный языкъ; но есть страницы, написанныя языкомъ простонароднымъ; есть такія, гдѣ введены, съ намереніемъ, термины и обороты рѣчи, свойственныя учебникамъ». Мы прошли

бы молчаніем; слова, безъ сомнѣнія относящіяся къ родителямъ и наставникамъ, если бы въ нихъ не заключался особый смыслъ, не хотя обнаруживающій невинное желаніе, скромную надежду быть народнымъ чтеніемъ для дѣтей всѣхъ сословій — дома и въ школахъ. Желаніе и надежда очень извинительны для самолюбія книжечки, которая на 247 страницахъ трактуетъ о предметахъ самыхъ важныхъ, какіе только, въ продолженіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, занимали и нынче занимаютъ нашу любопытный умъ. Не смотря однако жъ на свое скромное назначеніе, эта книжка непомерно честолюбива, въ ней честолюбія болѣе, чѣмъ можно было бы подозрѣвать, судя по первому взгляду на ея стѣнную обложку съ красвою каймою и печатью. Какъ сдѣланы нныя книжечки съ своимъ тщеславіемъ....

Мы вполне сомнѣваемся чтобы «Разказы князя Одоевскаго и А. Зблоцкаго» могли способствовать къ развитію въ дѣтахъ умственныхъ способностей, — когда сами они ограничиваютъ кругъ своего вліянія одними основными началами и дѣлаютъ слѣдующую оговорку: «мы бышь совсѣмъ не одобряемъ тѣхъ наставниковъ, которые стараются передать ученикамъ какъ можно болѣе свѣдѣній. У насъ свое правило: не то питаешь, что съѣдено, — а что переварено». Безъ сомнѣнія это мудрое изрѣченіе — плодъ долговременной оытности.

Пестрая книжечка замѣчательна еще и потому, что она сдѣлала открытіе въ логикѣ; открытіе это состоитъ въ томъ, что къ опредѣленію слова *понятіе*, надъ чѣмъ столько высидѣлъ Кантъ, мы можемъ теперь съ гордостью прибавить, что понятія бываютъ: *переваренныя* и *непереваренныя*; а въ чемъ онѣ переваренны — все равно! Подъ вліяніемъ то этихъ переваренныхъ понятій и написаны «Разказы» княземъ Одоевскимъ и А. Зблоцкимъ.

Разказы начинають съ исторіи, именно: его исторія общественной жизни, ея потребностей и обязанностей. Въ одиннадцати отдѣлахъ разсказывается, какъ два умные отца семейства, Иосифъ и Яковъ, поселились въ нѣкоей плодородной, но пустынной странѣ; какъ присоединились къ нимъ потомъ другія семейства и составилось наконецъ общество или община, въ которомъ всѣ семейства общими силами заботились о безопасности каждаго; какъ, далѣе, послѣ многихъ несчастій, избрали они себѣ голову, выборныхъ; учредили сельское правленіе; наняли сторожей; согласились расходы сдѣлать общественными; сознали необходимость законовъ и наказаній, и такъ далѣе, и все это на 28 стра-

вещях: Какъ послѣ того по-дривить эту книгу сказать. Серверост-
вою, когда едвая дола воей книжка употреблена на то, чтобы
доказать, что я безъ доказательства асид и вполне взрослому
двѣнадцати-лѣтнему ребенку въ деревнѣ. И такъ въ разказахъ
не мало; мы взяли первый, повесѣлся намъ подъ руку. «Разка-
зы» привунили намъ какъ велемъ лучше, что такое озовыла по-
пятія!... Не вы тоже хотите аветь это... вичего нѣтъ лег-
че слушайте притры основныкъ поватій: «Позару, пухар-
къ, шнекуру и пизовару — ввусъ рѣшительно шоблодннъ»
(стр. 51); «воры — тововакн вяточе» (40); «мы омычакъ
прятный запахъ вкусной пици отъ запаха пици отара-
тительной поуюну, что востъ помѣщенъ у насъ надо ртевъ»
(стр. 41); «въ особенноти омыкъ нуажъ вамъ почыю» (стр.
40); «оказаніе въ особенноти поазене намъ почыю» (стр.
52). Побовтрыте ка, оазанъ учитель, — надода къ берегу,
сколькы члвѣ въ водѣ малыхакъ животныхъ и они не во-
нутъ!... Это рыбы; оны живуть въ водѣ и не могутъ жить
безъ вей, какъ мы безъ воздуха. Рыбы большае частые бы-
вають вкрыты чешуями; нѣсто востъ шѣють ваватель-
ныя вора. Оны шѣють врасную, холодную вревъ; легакъ
не шѣють; дышатъ же жабрами. Мясо ихъ очоаъ вкусно; но
надо остерегаться, чтобы не проглотить костей, потому что у мве-
гкхъ рыбъ очоаъ много костей. Оды нѣтъ эткхъ рыбъ вамъ очоаъ
нзвѣстны, каковы: шука, караеъ, омыъ, вартъ, вореаъ, шискаръ,
уторъ и тому подобное» (стр. 156). И это говорятся тѣмъ, ко-
торымъ нзвѣстны ворааъ и угоры!... «Нездорово, когда вѣбствъ съ
людьми помѣщетеаъ деманннзъ свотннзъ. Нездорово также, когда
въ одномъ тѣсномъ помѣщеніи, живеть много людей. Нездорово,
когда люди живуть въ сырыхъ темныхъ комнатахъ, куда веде-
ходить ни свѣтъ отъ солнца (читай: ни солнечный свѣтъ), ни
свѣжій воздухъ», и такъ дааѣ.... (стр. 212) Не помннсааъ, кому
это?...

Помогутъ ли «Разказы» тамъ, гдѣ нуажо не вкхъ оодвѣствіа,
а содвѣствіе и добрая воля помѣщика!... Довольно!... Мы про-
симъ благосклоннаго читателя купить книжечку и самому по-
знакомиться съ тѣми *малосими создвѣніями*, которыми «Разказы»
думаютъ питать умъ и развивать способности дѣтей. Эткхъ *малоси-
мнхъ свѣдѣній* въ книжечкѣ очоаъ много. Между тѣмъ, въ благодар-
ность за ваше великодушное самоотверженіе, мы подвѣннсаъ съ
вами тѣмъ прятнымъ ощущеніемъ, какое опытали сама, не-
речнтывая свѣдующее высокое нзрѣченіе «педагогической омыт-

История: Если бы да кто-нибудь в школу и носить преподавал название учителя, то оно должно знать все дороги; улицы, дома и площади во своемъ селе, или въ своемъ городѣ; и быть свободно учителю, если онъ этого не знаетъ.. Да, была правда.

Какъ жалъ, что наша учебная литература пробивается еще досель по проселочнымъ дорогамъ!.. Она выдаетъ намъ въ пустую тривиальность; или поднимается въ чуждую ей сферу фантазерства, вычурности и педагогической надутости! Оттого-то и многіе умные люди пишутъ и издають книжечки, подобныя той, которая лежитъ передъ нами: Слѣдуетъ увѣрить ихъ, что для этого недостаточно одной теплои и благопродной любви къ ближнему: нужна опытность, нужна предварительное знакомство съ делами, нуждами и потребностями тѣхъ, которыхъ собираетесь учить!.. И тогда съ благоговѣніемъ Божіимъ — припишетесь за прекрасный и здѣльный трудъ... а иначе потеряете трудъ и масло.

ГЕНЕРАЛЬНЫЯ КАРТЫ ПЯТИ ЧАСТЕЙ СВѢТА, составленныя Л. Лангеромъ, изданныя комиссіонеромъ Императорской Академіи Наукъ и Департамента Народнаго Просвѣщенія И. И. Глазуновымъ. Сп.-бурга, 1849.

Главнымъ поводомъ къ составленію и изданію этихъ картъ послужилъ весьма ощутительный недостатокъ въ нихъ, потому что употребленные досель въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ атласы и карты Максимовича, Позникова и другихъ, не заключиваютъ даже и названія географическихъ картъ: не говоря уже о множествѣ весьма грубыхъ ошибокъ въ переводѣ иностранныхъ названій, о чрезвычайной нечѣткости рисунка и дурной графикѣ этихъ картъ, ясно видно, что составители ихъ не имѣли самаго главнаго и необходимаго познанія о правильномъ приготовленіи геометрической сѣти градусовъ.

Въ изданныхъ нынѣ картахъ устранены по возможности всѣ вышеприведенные недостатки, и сверхъ того во всѣхъ государствахъ показано подробно нынѣшнее раздѣленіе ихъ на провинціи, чего досель не было ни на одной русской картѣ. Главнымъ руководствомъ при сочиненіи этихъ картъ служила географія Балби «Abrégé de Géographie par Adrien Balbi, 1842». Согласно съ нею составлено административное раздѣленіе государствъ, и однообразно на всѣхъ картахъ приняты различныя формы буквъ въ названіяхъ столбчныхъ, губернскихъ и уѣзд-

ныхъ городовъ. Кромѣ этой географіи при составленіи каждой карты служили и многія другія сочиненія, а именно:

Путешествіе господина Вольера въ Сирію и Палестину (1786), отрывки и переводы изъ сочиненій господъ Раэльса, Гамальтона, Малькольма и другихъ объ Остѣ-Индіи. «La Chine par S. F. Davis, traduit de l'anglais par A. Richard, 1838», «Описание Тибета», переводъ съ китайскаго Іакима Бачурина и его же сочиненія о самомъ Китаѣ. Путешествія: Клаппертона (1822—1826) и Лендера (1830—1831) въ Нигрицію; господъ Комба и Тамизье по Абиссиніи (1835). Путешествія капитана Парра (1819—1821) по Ледовитому Морю у береговъ Америки; открытіе господами Диссомъ и Симпсономъ (1839) пролива между Сѣвѣрною Америкою и Гренландіею. Экспедиція маіора Митчелла (1831—1836) во внутренность восточной части Новой Голландіи; открытіе въ 1840 году южной земли королевы Викторіи и многія другія.

Для составленія самаго рисунка служили: атласы господъ Крузенштерва и Лисявскаго, «Atlas Universel par Andriveau 1837», «Atlas Universel par A. Brûé (1834—1842)» и его же карты пяти частей свѣта, 1839.; карты Мовина 1845; «Carte Générale de l'Allemagne par J. Andriveau 1843»; карты пяти частей свѣта, Дюфура; атласъ, изданный въ Веймарѣ, Виландомъ; «Atlas Universel de Géographie par Ambroise Tardieu 1842», и много другихъ.

При составленіи Россіи, главнымъ основаніемъ служила географія Павловскаго и превосходныя карты Военно-Топографическаго Депо.

Обработанныя по такимъ источникамъ карты господина Лангера занимають у насъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду всѣхъ доселѣ бывшихъ предпріятій этого рода, и ничѣмъ не уступаютъ лучшимъ иностраннымъ картамъ. Исполненіе тоже не менѣе тщательно и отчетливо.

=

VII

С М Ъ С Ъ.

АМЕРИКАНСКІЕ ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ. *Воспоминанія Испанца изъ путешествія въ Калифорнію, 1848.* Не стану входить въ подробности объ утомленіи и трудахъ, которымъ мы подвергались прежде чѣмъ достигли до Монтерейя послѣ сорока-семи-дневнаго пути. Разстояніе, проѣханное нами, простиралось до четырехъ-сотъ миль.

Монтерейская гавань, лежащая между Тихимъ Океаномъ и озерамъ Толы, подъ 37° сѣверной широты, и 125° западной долготы, была тогда до того безлюдна въ слѣдствіе эмиграціи жителей въ Сакраменто, что намъ съ Рафаэлемъ Кирино нельзя было достать ни лошаковъ, ни служителей.

Джовъ Беллъ, которому жадность придала изобрѣтательность, ищешь однако средство нанять до Санъ-Франсиско береговую шкуну, а тамъ Рафаэль Кирино брался достать и людей и лошаковъ.

Благодаря дѣятельности Американца, мы отправились въ самый вечеръ нашего пріѣзда изъ Монтерейя въ Санъ-Франсиско, гдѣ и бросили якорь на другой день на разсвѣтѣ. Разстояніе, отдѣляющее эти два порта по прямой линіи — двадцать пять миль.

Никогда не забуду, если проживу и сто лѣтъ, той величествен-

ной и восхитительной картины, которая представилась глазамъ монмъ, когда солнце, какъ-будто вышедъ вдругъ изъ моря, бросило на землю свой живой и ослѣпительный блескъ. Я вскрикнулъ отъ восторгу и изумленія. Никогда не могъ я вообразить такой великолѣпной панорамы!

— Да, я повинжаю васъ.... Вы находите, что отчизна моя прекрасная страна! сказалъ Рафаэль, стоявшій возлѣ меня у гавани. Неправда ли, здѣсь можно быть счастливымъ?

Гамбусино подавилъ вздохъ, потомъ продолжалъ почти тотчасъ же, голосомъ спокойнымъ и вовсе безъ волненія:

— Гавань Санъ Франсиско, говорятъ, самая прекрасная и обширная на свѣтѣ.... Часто видалъ я, что моряки, привыкшіе къ чудесамъ разнаго роду, стояли, какъ вы, въ восторгѣ передъ этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ.... Позвольте мнѣ показать вамъ мою родную страну.... Гавань окружена, какъ вы видите, двумя бухтами, та на право къ сѣверу называется Санъ-Рафаэль.... Другая къ югу извѣстна подъ названіемъ Jerba-Buena (хорошая трава), по богатымъ пажитямъ, окружающимъ ее; отсюда онѣ представляютъ всѣ возможные отбѣнки растительности.... Эти три зеркальныя полосы, на поверхности которыхъ отражаются огромныя болотныя растенія — три рѣки, бросающіяся послѣ причудливыхъ изворотовъ въ санъ-рафаэльскую бухту. Первая рѣка, та, что ближе къ намъ, называется San-Joaquin, вторая Jesus-Maria; наконецъ третья Сакраменто....

— Какъ! Сакраменто этотъ ручеекъ! вскричалъ Джонъ-Белль, съ удивленіемъ выпучивъ глаза; — я однако не вижу тутъ золота!...

Сойдя на землю мы горестно убѣдились, что Кирино много взялъ на себя, обязавшись достать намъ лошадей и слугъ. Городъ Санъ-Франсиско, прежде такъ замѣчательно веселый и одушевленный, былъ теперь совершенно пустъ. Едва время отъ времени, старикъ, старуха, ребенокъ оживляли своимъ присутствіемъ уединенныя улицы. Впрочемъ я замѣтилъ, что всѣ эти старики, старухи, дѣти, почтительно снимали шапки передъ Гамбусино. Джонъ-Рафаэль принималъ эти знаки уваженія съ равнодушіемъ человѣка привыкшаго къ нимъ.

Мы разсуждали на что намъ рѣшиться, какъ вдругъ очень кстати явилась къ намъ вовсе неожиданная помощь. Матросы съ шкуны — всего пять человѣкъ — бросивъ капитана одного на суднѣ, вознамѣрились поискать счастія въ Сакраменто и пришли предложить намъ свои услуги. Мы поспѣшили ихъ принять.

Рафаэль Кирино досталъ почти тотчасъ же и довольно дешево,

превосходныхъ лошаковъ, старыхъ простыхъ и вьючныхъ сѣделъ, и мы, въ мало не медля, отправились въ путь.

Верхняя Калифорнія — уступленная Мексикой въ послѣднюю войну Соединеннымъ Штатамъ — была еще недавно самой обширной и безспорно самой богатой и плодосной мексиканской областью. Она одна снабжала пшеницей, кожей, мукой и *tasajo* (говядиной высушенной на солцѣ) не только большое пространство береговъ Тихаго Океана, но и всю область Sonora у *Ciudad*. Но, въ то время какъ мы ее проходили, оставленные *haciendas* (мызы), бродящія стада, и мертвое безмолвіе дѣлали ее похожую на проклятую землю, которой жители прогнаны какимъ-нибудь бичомъ, одною изъ неизмѣримыхъ катастрофъ, заключающихся въ лѣтописяхъ природы.

На шестой день послѣ нашего отъѣзда изъ Монтерейя, мы доѣхали при наступленіи ночи до небольшой крѣпости, занятой американскими войсками.

Нѣсколько неважныхъ строеній возлѣ крѣпости, показались мнѣ удобными для нашего убѣжища, и я посмѣшился войти въ дрянную лавчонку, чтобы выпросить позволенія тамъ переночевать.

— Если заплатите, то пожалуй, отвѣчалъ купецъ.

— Заплачу охотно.... Стало быть дѣло кончено.

— Нѣтъ еще, оно только начато.... сколько вы заплатите?

— Разумѣется обыкновенную цѣну.

— Когда такъ, приходите! Вы вѣрно знаете, что обыкновенная цѣна съ человѣка за ночь двѣнадцать піастровъ.

— Очень благодаренъ.... дѣло вовсе не кончено. Прощайте, и не до свиданія!

Кептеки Джонъ-Белль, которому я рассказалъ о требуемой платѣ, чрезвычайно обрадовался. Уединеніе проѣханной нами страны также возбудило его восторгъ: это удивленіе и эта дороговизна были въ глазахъ его вѣрнымъ доказательствомъ, что въ розсыпяхъ сакраментскихъ содержалось еще болѣе золота чѣмъ думалъ корреспондентъ *Daily-News*.

Джонъ-Белль, сказать мимоходомъ, съ тѣхъ поръ какъ уваженіе монтерейскихъ жителей къ Кирино неоспоримо подтверждало репутацію, которою онъ пользовался какъ Гамбусино, былъ съ нимъ необыкновенно любезенъ. Это было тѣмъ удивительнѣе, что такая любезность вовсе не согласовалась съ его характеромъ и обращеніемъ.

Золотонискатель принималъ предупредительность Кептеки съ той

изящной и уклончивой мексиканской вѣжливостью, что всегда обманывает иностранца. Странная улыбка, которую я скорѣе угадалъ чѣмъ увидалъ на его губахъ, иногда возбуждала во мнѣ странныя предположенія и беспокоила меня на счетъ Кентеки. Въ самомъ дѣлѣ не предпочтеніе ли къ нему миссъ Амветы лишню Гамбусина розыщей! А Гамбусины не забываютъ!

Не привлекательный образецъ гостепріимства, который показали намъ наканунѣ жители крѣпости, заставилъ насъ отправиться въ дорогу на другой день до восхода солнца. Рафаэль Кирино утверждалъ, что мы въ тотъ же день пріѣдемъ на сакраментскія розыши. И была уже пора. Кентеки Белль, несмотря на свое атлетическое сложеніе, едва тащился, а я тоже выбился изъ силъ. Претерпѣнное утомленіе, и быстрыя перемены атмосферы, которыми мы подвергались, жгуціе и сухіе дни, ледяныя ночи съ обильной, безпрерывной и холодной какъ зимній дождь росой, грозили заслатъ на насъ болѣзнь. Для Рафаэля Кирино это сорока-седмидневное путешествіе было пріятною прогулкой. Ни разу я не видалъ, чтобы ноги его подогнулись, а лобъ покрылся потомъ.

Было почти два часа когда мы пріѣхали на сакраментскія розыши.

Никогда путешественникъ не испытывалъ большаго разочарованія, увидѣвъ мѣсто, о которомъ долго мечталъ, совершенно не похожее на картину, созданную его воображеніемъ! Во-первыхъ ничего не можетъ быть грустнѣе сакраментской долины: растительность довольно богатая, правда, но и довольно грубая и прерывалась широкими сѣроватыми песочными полосами, покрывала до горизонта темнозеленой скатертью, землю гладкую и безъ возвышенностей. Нѣсколько кустовъ, разбросанныхъ по долинѣ, одни съ холмомъ на лѣво отъ насъ, прерывали однообразіе этой прямой и плоской перспективы. Наконецъ Сакраменто, этотъ новый, такъ превознесенный Пактолъ катилъ свои спокойныя и прозрачныя волны между двумя такъ близкими другъ къ другу берегами, что они придавали ему наружность простаго ручейка.

— Возможно ли, что бы здѣсь было золото? вскричалъ Джозъ Белль, совѣтъ разочаровавшись.

— Видите ли вы эти разноцвѣтныя точки, которые вышлютъ отдѣляются отъ холма и береговъ? ну! это все золотоскатель, сказалъ ему Кирино.

Этихъ точекъ могло быть до трехъ или четырехъ-сотъ.

Кентеки такъ прищипнулъ лошака, что онъ чуть не повалился

на земь. Бѣдная скотина пустилась во всю прыть. Мы послѣдовали за нею.

Въ тысячѣ шагахъ далѣе нашли мы десятка три ручныхъ Индѣйцевъ и метисовъ, искавшихъ золота; они дѣлали это самымъ простымъ образомъ: разставивъ около себя *шикиниты* (только сплетенныя корзины) и старыя шляпы, привязавъ шерстяныя одѣяла къ кольямъ, вбитымъ въ землю, они наполняли шикиниты, шляпы и одѣяла пескомъ, валивали на него воду и мѣшали палочкой. Мало-по-малу вода уносила песокъ, и на днѣ оставалось золото въ видѣ зернушекъ, камушковъ, порошокъ и песку. Нѣкоторыя зерна, сушившіяся на солнцѣ, были величиной съ большой орѣхъ, различной и неопредѣленной формы, съ жилами и отломками кварца.

Видѣ ихъ произвелъ такое дѣйствіе на нашего Кентеки, что онъ былъ принужденъ опереться о сѣдло, чтобы не упасть; съ нимъ сдѣлалось головокруженіе.

— Ну, amigos, спросилъ Кирино Индѣйцевъ, которые, сказавъ немножкомъ, были все въ батистовыхъ вышитыхъ рубашкахъ и въ великолѣпныхъ calzopegas блестящихъ цвѣтовъ; ну, amigos, поспасливалось ли вамъ?

Индѣйцы, которыхъ прїѣздъ нашъ, казалось, не очень обрадовалъ, не отвѣчали.

— Знаете ли вы кто дѣлаетъ вамъ честь говорить съ вами, собаки! вскричалъ Кирино, нахмуривъ брови.

— Вы сказали собаки! вскричалъ одинъ метисъ, бросивъ на землю ношу песку, которую онъ несъ на спинѣ и подходя къ намъ съ ножомъ въ рукѣ.

— Да, и повторяю собаки.... Но, берегись!... меня зовутъ Рафаэль Кирино!

— Знаменитый Гамбусино.... страшный ножъ! вскричалъ метисъ задрожавъ.

— Онъ самъ.... теперь отвѣчай: съ какихъ поръ разработываете вы эту полосу песку?

— Двѣ недѣли, сеньоръ.

— Для себя?

— Нѣтъ для америкавскаго негодяята, сеньоръ.

— Чтѣ вы выработали?

— Около полторы тысячи унцій золота (почти тридцать тысячъ серебрянъ). Изъ этой полторы тысячи онъ далъ намъ пятьсотъ, не считая вотъ этихъ прекрасныхъ рубашекъ и великолѣп-

ныхъ сапогъ.... притомъ еще онъ насъ кормитъ.... впрочемъ нечѣмъ похвалить его.

— Нечѣмъ похвалить! вскричалъ Джонъ-Белль. Какъ! накормлены, одѣты и пятьсотъ унцій золота.... въ двѣ недѣли.... и еще недовольны!... Господи Боже мой!... такъ золото здѣсь гребутъ лопатами!

И восхищенный Американецъ принялся покрывать лошака ноцѣлуями съ восторгомъ безумной радости. Онъ походилъ на помятаго.

— Конечно мы недовольны, продолжалъ метись, бросаю не-благосклонный взглядъ на Американца. Знаете ли вы сеньоръ, что многіе изъ нашихъ товарищей, работающихъ на себя, выработываютъ безъ большаго труда до пятидесяти піастровъ въ день! А вѣдь эти пятьсотъ унцій золота надо бы было раздѣлить между сорока рабочими, еслибъ десятеро изъ насъ не умерли отъ лихорадки въ послѣднія двѣ недѣли?... Впрочемъ договоръ съ нашимъ соотечественникомъ кончается черезъ пять дней.... мы не возобновимъ его.

— Ахъ! God! здѣсь много умираютъ? спросилъ Кентеки съ меньшимъ восторгомъ.

— Да какъ еще! сотнями.

— Ба! а я не умру! вскричалъ Кентеки, я хочу жить и быть богатымъ.

— Кто знаетъ! любезный сеньоръ, сказалъ ему Кирино, сопровождая эти слова одною изъ тѣхъ бѣглыхъ улыбокъ, отъ которыхъ мнѣ становилось такъ неловко на душѣ. Впрочемъ, что вамъ за нужда?... если вы умрете здѣсь, васъ зарюютъ въ золото....

— Сядемъ у подошвы этого холма, сеньоры, и отдохнемъ; жаръ нестерпимъ! сказалъ Кирино когда мы оставили Индѣйцевъ. Нѣсколько часовъ отдыха позволятъ вамъ ѣхать нынче же ночью.

— Какъ ѣхать? куда? спросилъ Джонъ-Белль съ безпокойствомъ.

— Къ настоящимъ сакраментскимъ розсыпамъ, отъ которыхъ мы еще отдѣлены осемью милями.

— Что вы это рассказываете?... Возможно ли, чтобы тѣ розсыпи, гдѣ какая-нибудь дрянь, ничтожныя Индѣйцы, зарабатывали до пятидесяти піастровъ въ день, были не настоящія розсыпи?... Что еще мы увидимъ за осемь миль?... не золото ли вмѣсто песку....

— Не совсѣмъ; но почву еще богаче этой.... не порошокъ.... а

зерна.... миѣ попадались такіа, которыя вѣсили до десяти фунтовъ и болѣе.

— Такъ ѣдемъ же сію минуту! вскричалъ Джонъ-Белль, не думая болѣе объ усталости.

Несмотря на восторгъ и просьбы нашего товарища, мы усѣлись у подошвы холма. По бокамъ этого некрутаго холма разбросано было множество хижинъ, одиѣ изъ древесныхъ вѣтвей, другія изъ толстаго тика.

— Одолжите миѣ карабинъ, сказалъ Кирино, сквозь занавѣсъ, служившія дверью моей палаткѣ.

— Съ удовольствіемъ.... Но для чего онъ вамъ?

— Убить коосулю на обѣдъ.

— Неужели вы не устали?

— Отчего? развѣ отъ бездѣйствія?.... До свиданія.... благодарю.

Когда Кирино возвратился, было десять часовъ; я спалъ четыре часа безъ просыпу.

— Посмотрите, какое красивое животное! сказалъ онъ, бросивъ прекраснѣйшую коосулю къ моиѣ ногамъ. Миѣ на дорогѣ давали за него двѣ унціи золота....

— Надо было отдать, вскричалъ Джонъ-Белль. Мы бы на трое раздѣлили двѣ унціи. Завтрашній завтракъ показался бы намъ вкуснѣе....

Черезъ часъ, у насъ былъ великолѣпный обѣдъ изъ косули, сваренной цѣлкомъ стараніемъ Кирино. Джонъ-Белль одинъ съѣлъ больше чѣмъ Рафаэль Кирино, матросы и я, всѣ вмѣстѣ, а самъ за каждыѣмъ кускомъ горько упрекалъ Гамбусино зачѣмъ тотъ не отдалъ коосулю за двѣ унціи.

— А кто знаетъ! можетъ-быть несравненный Американецъ маѣдался съ отчаянія!

Въ часъ утра мы отправились въ дорогу, въ десять пріѣхали. Окружавшія насъ пейзажъ вовсе не походилъ на тотъ, который мы оставили. Атмосфера тоже значительно измѣнилась; это заставило меня вспомнить, что цѣлую ночь мы ѣхали по высотамъ. Видъ настоящихъ розсыпей былъ вовсе не веселъ. Двѣ скалистые и треснувшія горы представляли взорамъ со всѣхъ сторонъ пропасти и овраги.

Черныя и мрачныя сосны, прицѣпленные и висящія вдоль этихъ скалъ, еще затемняли картину, придавая ей глубоко грустный колоритъ. Хижины изъ сосновыхъ вѣтвей еще сохранившихъ свои зубчатые и острые листья, эти хижины, которыя

известны въ Москвитъ подъ названіемъ *engamadas*, причудливо были разбросаны по сторонамъ и служили жилищемъ золотопосетелямъ.

Последніе, хотя неровность мѣстоположенія скрывала ихъ болшею частью отъ моихъ взоровъ, показались мнѣ гораздо въ болшемъ количествѣ тѣмъ встрѣченныя нами наканунѣ. Наконецъ двѣ деревянные хижины, открытыя спереди и наполненныя товаромъ, возлѣ которыхъ пять или шесть дрянныхъ шалашей въ видѣ козешъ были брошены въ намѣреніи воспользоваться прѣздомъ покупателей, доказывали, что образованность, то есть, духъ торговли и промышленности уже проникъ въ этотъ далекій и затерянный край.

Матросы, сопровождавшіе насъ отъ Санъ-Франсиско, позавтракавъ остатками вчерашней козули, наскоро разинули у подошвы скалы мою дорожную палатку и тотчасъ же бросились искать золота.

— Хотите прогуляться? спросилъ Кириво, между-тѣмъ какъ Кентекъ Джонъ-Белль, вооружившись топорикомъ, раскрывалъ сундуки, которыхъ содержаніе было намъ еще неизвѣстно.

— Я немного усталъ. Если вамъ все равно, я бы лучше же захотѣлъ отложить эту прогулку.

— Ну будьте же посмѣльте! извините, если я настаиваю.... но это для вашей же пользы.... На розсыпяхъ, повѣрьте моей опытности, примѣры скоропостижной и странной смерти чрезвычайно часты.... Я только тогда буду спокоенъ, когда вознагражу васъ за довѣренность, оказанную мнѣ вами.... и за утомленіе, которое было слѣдствіемъ ея....

— Вы напрасно бонетесь болѣзней.... донь Разааль, вы переносите безаредно и жаръ и холодъ.... Ваше желѣзное тѣло, привыкшее къ лишеніямъ и опасностямъ пустыни, найдетъ мнѣ недоступнымъ для болѣзни....

— Для болѣзни.... такъ!.... но не для пули, ножа или яду....

— Чортъ побери! такъ на розсыпяхъ убиваютъ порядкомъ?

— А какъ бы вы думали? Развѣ можетъ-быть иначе? Головокруженіе, производимое видомъ золота, безнаказанность, общенная окружающими насъ пустынями.... легкость, съ которою преступникъ можетъ вкрасться подъ холстинныя палатки или въ *engamadas*, открытыя для вѣтровъ, это слишкомъ достаточныя причины, чтобы дать жадности просторъ.... Ну, саганба, бросьте гласъ и ступайте со мною....

— Вы требуете.... я готовъ; но скажите мнѣ, донь-Разааль,

просилъ я Гамбусина, иди возлѣ него, какимъ образомъ, если только убійствъ обгаждаютъ кровью розсыпи, журналы не говорятъ объ этомъ? Напримеръ Daily-News, котораго чтеніе сначала познакомило меня съ вами, потомъ привело въ Калифорнію, Daily News въ статьѣ о сакраментскихъ рудникахъ не упоминаетъ ни слова объ убійствахъ, совершающихся здѣсь, какъ вы говорите, каждый день.

— Что за простодушный вопросъ! отвѣчалъ Гамбусино. Развѣ розсыпи устроены какъ города, наполнены празднующимися, полнѣйшими и любознательными? На розсыпяхъ каждый живетъ для себя, нѣтъ великихъ сношеній, великой дружбы, потому что дружба опасна и можетъ скрывать засаду. На розсыпяхъ золотонскатели живутъ вдали другъ отъ друга. Если откроютъ случайно тѣло обезображенное, такъ что нельзя узнать его, кто позаботится дознаться какимъ образомъ это тѣло превратилось въ трупъ. Единственной золотонскатель подверженъ столькимъ приключеніямъ, не считая лихорадокъ, паденій и голоду! Мимо трупа всегда проходить не останавливаясь и только смотреть не лежить ли возлѣ мѣшокъ золота.... Но возлѣ труповъ никогда не бываетъ золота! Сколько разъ я самъ видѣлъ, какъ на розсыпяхъ уже извѣстныхъ и наполненныхъ некателями, тысяча хищныхъ птицъ вертѣлись надъ оврагомъ или пропастью.... А! совершенно преступленіе, думалъ я, продолжая беззаботно дорогу!.... Но никогда не приходило мнѣ на мысль написать въ журналъ или рассказать кому бы то ни было, что грибы нашли себя обѣдъ.

— Если мои вопросы простодушны, донъ-Рафаэль, за-то отвѣты ваши страшны.... Зачѣмъ не рассказали вы мнѣ въ Новомъ Орлеанѣ обо всѣхъ ужасахъ розсыпей? я бы не поѣхалъ....

— Я не хотѣлъ лишитъ васъ богатства, которымъ даритъ васъ моя дружба, сказалъ Гамбусино смѣясь. Впрочемъ, не бойтесь.... пока я живъ, а я не думаю скоро умереть, ваша жизнь и вашъ богатства не подвергаются никакой опасности. Къ тому же до сакраментскихъ розсыпей едва носнулась человѣческая жадность и она представляетъ менѣе опасностей, потому что ихъ недавно разрабатываютъ: до некоторой степени ихъ можно сравнить съ морями, гдѣ находится такъ много рыбъ, что акулы всегда сытые легко достающейся добычей, не думаютъ нападать на купающихся. Пусть сакраментская почва обѣднитъ, золото станетъ рѣже, затрудненія для добытій его увеличатся и убійство замѣнитъ трудъ.... Горе жаднымъ, обѣгающимъ отсюда

Европейцамъ! кости ихъ, расклеванныя хищными птицами ислѣбуютъ на этой землѣ.... она представлялась имъ въ мечтахъ совершенная золотомъ.... будетъ служить гробницей. Но, клянусь честью! они заслуживаютъ эту участь!

Въ словахъ Гамбусино было столько горечи и удерживаемой ярости, что я снѣшилъ прервать разговоръ.

— Какъ вы любезны, что общаете обезопасить мои богатства, сказалъ я шутя. Только я бы хотѣлъ знать, гдѣ же эти богатства?

— Пойдемте, отвѣчалъ онъ съ важностью, и увидите.

Кирино ускорилъ шаги, я молча послѣдовалъ за нимъ. Болѣе часу мы влѣзали по скаламъ, перепрыгивали овраги, и по моему расчету сдѣлали около четырехъ или пяти миль, когда онъ вдругъ остановился возлѣ того мѣста, гдѣ человекъ съ пятнадцать Индѣйцевъ занимался промывкой золота.

— Вы занимаетесь неблагодарною работой, ребята, сказалъ онъ. Это дрянное мѣсто.

— Ваша милость, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, который вѣроятно его зналъ, потому-что низко ему поклонился, ваша милость слишкомъ добры, что заботитесь о бѣдныхъ Индѣйцахъ, но это мѣсто еще лучше всѣхъ тѣхъ, которыя оставили намъ Американцы.... Мы только желаемъ одного.... чтобы они оставили насъ здѣсь въ покоѣ....

— Развѣ на розсыпяхъ мѣсто не принадлежитъ тому, кто первый его занялъ? сказалъ Кирино.

— Ахъ, ваша милость! это было прежде, давно и должно бы такъ быть.... но Американцы, съ тѣхъ-поръ какъ индѣйцы предали имъ Калифорнію, дѣйствуютъ и говорятъ какъ господа.... видятъ въ насъ рабовъ, вьючный скотъ, а не независимыхъ людей.... Посмотрите, вотъ идетъ одинъ изъ нихъ съ шиккиномъ въ рукѣ.... ставлю десять унцій золота, что онъ примется, не говоря ни слова, и какъ-будто онъ имѣетъ на то право, разрабатывать нашу борозду.

Въ самомъ дѣлѣ, одинъ Американецъ, въ разстояніи милліона шаговъ отъ мѣста, гдѣ мы находились, направился въ нашу сторону и то показывался, то исчезалъ, смотря по неровности мѣстолеженія.

— Мнѣ любопытно знать, ошибается ли Индѣецъ, сказалъ я Кирино; останемся здѣсь. Въ ожиданіи яки и пойду наньюсь у этого прелестнаго свѣтлаго ключа, который блеститъ въ двадцати шагахъ отъ насъ, точно будто горный кристаллъ.

Кирино съ живостью удержалъ меня за руку.

— Советуете вы сеньору напиться этой воды? спросилъ онъ Индѣйца, сопровождая свой вопросъ невнятнымъ улыбкой.

— Ваша милость, отвѣчалъ Индѣецъ въ замѣшательствѣ, сѣкая вода по правдѣ сказать не годится для здоровья.... отъ нее часто дѣлаются флюсы (такъ называютъ перемежающіеся лихорадки, всегда очень опасныя и смертельныя). Если бы я былъ на мѣстѣ сеньора, я бы не дотронулся до этого ключа....

— Слышите ли, что советуетъ вамъ этотъ добрый малый? сказалъ Кирино, всё еще крѣпко удерживая меня за руку.

— Да, слышу и очень благодарю его.... но такъ какъ я несколько не испотѣлъ, то могу и не послушаться его совѣта.

— Ну, такъ послушайтесь моей просьбы.... не пейте....

— Вы мой руководитель, я долженъ вамъ повиноваться, отвѣчалъ я Кирино, удивленный его настойчивостью.

— Хорошо, сказалъ онъ. Потомъ обратившись къ Индѣйцамъ, которые во время этого ничтожнаго спора, перестали работать, Кирино продолжалъ.

— Ребята, Американецъ подходитъ.... поговоримъ коротко да хорошо. Сколько зарабатываете вы въ день?.... каждый отъ осемнадцати до двадцати піастровъ, такъ ли?

— Да, ваша милость, двадцать піастровъ!

— Хотите ли работать для сеньора?.... Онъ дастъ вамъ по сорока піастровъ въ день.

— Какъ не хотѣть, сеньоръ!

— Стало-быть дѣло кончено! Поднимите же лопатки и шиккиты, ступайте за нами ни мало не медля.

— Послушайте, сеньоръ дожъ-Рафаэль, сказалъ я шепотомъ Гамбусину, покажѣтъ Индѣйцы повиновались его приказанію, вы поставили меня въ престранное положеніе....

— Отчего?

— Да вѣдь по вашему договору я долженъ просто на-просто платить по шестисотъ піастровъ въ день?

— Какъ это?

— Разумѣется.... Пятнадцать работниковъ въ день по сорока піастровъ на человѣка кажется составляетъ шестисотъ піастровъ, если только умноженіе не мечта.

— Отчего же вамъ не заплатитъ шестисотъ, если вамъ еще остается пятисотъ піастровъ барыша?

— О! если это такъ... но я ровно ничего не понимаю.... и молчу....

Едва я кончилъ послѣднюю фразу, какъ подошелъ Американецъ, давнѣе уже примѣченный нами. Потъ струившійся по лицу, платье мокрое нилью, прерывистое дыханіе, показывавъ что онъ шелъ долго и скоро. Первый взоръ его упалъ на источникъ, о которомъ я говорилъ, а первымъ его дѣйствіемъ было погрузить въ воду шикантъ и потомъ нахитаясь съ жадностью.

— Вотъ человѣкъ менѣе благоразумный и болѣе меня счастливый, сказалъ я.

— *Quien sabe?* (любимое выраженіе Мексиканцевъ. Они употребляютъ его такъ же часто какъ Англичане слово *indeed*). Кто знаетъ? отвѣчалъ онъ, покачивая головою.

Индѣйцы собрали лопатки и шиканты и мы отправились въ дорогу. Кирино шелъ впереди и показывалъ намъ дорогу.

Уходя я замѣтилъ, что Американецъ безъ церемоніи принялъ съ жаромъ конатъ мѣсто, прежде занятое Индѣйцами, которыхъ Гамбусино такъ проворно завербовалъ для меня.

Кирино шелъ около часу, все направляясь къ сѣверу, не оборотивъ ни разу головы, не произнеся ни одного слова. Индѣйцы слѣдовали за нимъ съ почтительнымъ видомъ. Я заключилъ изъ того, что узнавшій его Индѣецъ разсказалъ товарищамъ о замѣнитомъ имени и высоко-уважаемомъ достоинствѣ Гамбусина.

— Ребята, сказалъ Кирино, оборотаясь къ Индѣйцамъ, мы дошли. Прежде всего поговоримъ: счетъ дружбѣ не мѣшаетъ. Вамъ время дорого, я тотчасъ кончу. Я покажу вамъ мѣсто еще неизвѣстное и очень удобное для разработки. Одинъ человѣкъ легко можетъ собрать въ день на осемьдесятъ или сто пиастровъ золота. Вы будете работать для этого господина (Кирино указалъ на меня). Вотъ его условія: каждый изъ васъ пусть вычитаетъ каждый день на сорокъ пиастровъ золота и вѣрно отдастъ ему остатное... и если этотъ остатокъ будетъ превышать сорокъ пиастровъ, что всегда случится если вы будете дѣятельны, то онъ станетъ дѣлить его съ вами пополамъ.... Сеньоръ совершенно полагається на вашу честность.... однако онъ уполномочилъ меня выбрать для поженъ ножа моего горло того изъ васъ, кто употребитъ во зло его довѣренность.... Меня зовутъ Рафаэль Кирино.... Обмануть меня не легко, и я всегда держу данное слово.... Теперь, отвѣчайте.... согласны ли вы на мои... или, лучше сказать, на условія сеньора? Да или нѣтъ?

— *Qui viva el senor Quitino!* вскричали Индѣйцы, вертя шапками. Да.... да.... согласны!

— Так ступайте за мной, сказалъ Гамбуенно.

Донъ-Рафаэль тотчасъ же проскользнулъ между двухъ скалъ такъ близкихъ одна къ другой, что толстый человекъ не могъ бы туда пролѣзть.

— Вотъ! вскричалъ онъ черезъ пять минутъ, указывая на высохшее ложе ручейка, окруженнаго скалами. Маленькій ручей достаточный для промывки золота, извивался посерединѣ.

Едва Индѣйцы разсмотрѣли нѣсколько горстей песку, какъ крики безумной радости вѣроятно въ первый разъ повторенные эхомъ пустыни, вознеслись къ небесамъ. Простыми глазами можно было видѣть, что песокъ содержитъ на десятую долю золота.

— Я не думалъ, чтобы это мѣсто было такъ богато, сказалъ Кирино, внимательно посмотрѣвъ на заброшенную имъ щепотку песку; примите мое искренне поздравленіе. Каждый человекъ можетъ собрать здѣсь безъ труда по крайней мѣрѣ на двѣсти піастровъ золотого порошку въ день....

— Но Кирино... вы осыпаете меня благодареніями... моя признательность....

— Ба! ба! пожалуйста безъ этихъ громкихъ фразъ.... находка не стоитъ того.... черезъ три недѣли наше ручейное ложе изсякнетъ. Но уже поздно, пойдете.

— Да, я вспомнилъ, сказалъ мнѣ Гамбуенно, растолковавъ нѣсколько разъ Индѣйцамъ гдѣ находится моя палатка, вамъ вѣрно еще хочется пить?

— Конечно.

— Напейтесь у этого источника прежде чѣмъ отправитесь въ дорогу.

— Такъ вы ужъ не боитесь, чтобы я получилъ лихорадку?

— Пейте, пейте безбоязненно, я отвѣчаю за васъ.

Когда мы съ Гамбуенномъ дошли до того мѣста, гдѣ встрѣтили нанятыхъ для меня Индѣйцевъ, намъ послышалось нѣсколько вздоховъ. Немного спустя мы примѣтили оставшагося тамъ Американца на землѣ въ страшныхъ судорогахъ. Я было бросился къ нему на помощь, Кирино удержалъ меня.

— Напрасно будете беспокоиться, сказалъ онъ холодно: этотъ человекъ уреть черезъ пять минутъ.... Посмотрите.... вотъ онъ уже костенеетъ и.... умираетъ....

Я былъ пораженъ изумленіемъ.

— Видите, любезный другъ, продолжалъ Гамбуенно съ тѣмъ же хладнокровіемъ, что на россыпяхъ иногда умираютъ стран-

нымъ образомъ.... Этотъ человѣкъ былъ молодъ, крѣпокъ, съ нынче утромъ здоровъ какъ нельзя лучше.... а теперь мертвъ!

— Чтò же за причина такой страшной и скоростной смерти, донъ Рафаэль?

— Почему я знаю! вѣроятно неосторожность.... Ахъ, да, помню! Американецъ, кажется, пилъ изъ сосѣдняго ручейка! Ну, такъ онъ простудился.

— Но, донъ Рафаэль, стаканъ холодной воды не убиваетъ какъ пуля.

— Почему знать! Если, напримѣръ, эта вода отравлена нечистымъ падениемъ какого-нибудь ядовитаго растенія....

— Чтò это вы говорите! вскричалъ я съ ужасомъ: вы думаете, что Индѣйцы отравили источникъ?

— Кто знаетъ! Индѣйцы истительны когда ихъ обижаютъ, и умѣютъ управляться съ ядомъ. Я никогда не пью на розсыпяхъ воды изъ источника, возлѣ котораго видѣются человѣческіе слѣды. Впрочемъ, у всякаго свои привычки и свой конекъ. Поидемте далѣе.

Съ этой минуты мнѣ стало очевидно, что Гамбусино, погнавъ мнѣ, благодаря своей удивительной проникательности, напитокъ у этого источника, спасъ мнѣ жизнь. Я долженъ признаться, что, при мысли о несчастной смерти бѣднаго Американца, которому онъ далъ такъ бѣдственно умереть, моя признательность къ нему была не такова, какою бы она должна была быть. Потому ли, что это трагическое приключеніе сдѣлало на меня слишкомъ сильное впечатлѣніе, или усталость превышала мои силы; не знаю почему, только я съ радостью замѣтилъ въ дали остроконечную кровлю моей палатки; я чувствовалъ, что ослабѣваю и съ трудомъ подвигался впередъ.

Добравшись до палатки, я упалъ на кожу зубря, разостлавши на землѣ вмѣсто ковра и постели. Гамбусино смотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ съ величайшимъ вниманіемъ; потомъ, снявъ съ плечъ загаре или шерстяное одеяло, старательно закрылъ меня.

— Любезный другъ, сказалъ онъ, у васъ начинается лихорака. Не пугайтесь и постарайтесь заснуть пока я ворочусь.

Черезъ часъ Гамбусино возвратился съ пучкомъ неизвѣстныхъ мнѣ травъ, зажегъ огонь, настоялъ эти травы; потомъ, сѣвъ возлѣ меня на землю и поддерживая мою голову, наполнилъ меня по немногу этимъ настоємъ, съ стараніемъ и предупредительностью,

достойными сестры милосердія. Вскорѣ я впалъ въ глубокую дремоту.

Я проснулся уже ночью; при свѣтѣ лампы, поставленной въ углу палатки, я примѣтилъ, что Кирино сидитъ въ двухъ шагахъ отъ меня и наблюдаетъ за мной своимъ.

— Не теряйте бодрости, любезный другъ, сказалъ онъ кротко: лихорадка, захваченная во время — скорѣе предостереженіе чѣмъ болѣзнь... проглотите эту ложку и все пройдетъ.

— О! какая ужасная горечь! вскричалъ я выпивъ: что это вы мнѣ дали, Рафаэль?

— Немного той хинины, которую я поручилъ вамъ взять изъ Новаго Орлеана.... Видите, что случай оправдалъ мою предосторожность.... Спите спокойно.... Заступъ тоже пригодится....

И Гамбусино отправился спать на открытый воздухъ, у дверей палатки. Онъ остался тамъ до утра, нечувствительный къ холодной росѣ.

Онъ справедливо увѣрялъ, что лихорадка, захваченная во время, скорѣе предостереженіе чѣмъ болѣзнь, потому что на другой день я былъ совершенно здоровъ.

Я выговаривалъ ему, зачѣмъ онъ провелъ ночь на открытомъ воздухѣ.

— Если бы вы лучше знали Гамбусиновъ, вы бы этого не горели, отвѣчалъ онъ. Гамбусину нужно видѣть и слышать что говорится и дѣлается во время его сна; онъ спитъ съ открытыми глазами. Мысль закупориться въ палаткѣ, которая, скрывая опасность, не охраняетъ отъ нея, пугаетъ меня болѣе чѣмъ возможность встрѣчи съ Яки или съ Апашами. Но пойдите прогуляться.... я приготовилъ вамъ сюрпризъ....

— Какой сюрпризъ?

— Хорошъ вопросъ! Не въ лихорадкѣ ли еще вы? Посмотрите! вскричалъ Кирино, когда я вышелъ изъ палатки. Вотъ гостиница и магазинъ, выросшіе ночью на пескѣ розсыпей.

Двѣ огромныя тиковыя палатки, прочныя, хорошо устроенныя, кокетливо украшенныя знаменами съ американскими цвѣтами, возвышались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. На широкомъ ярлыкѣ, надъ самой большой дверью, были написаны крупными буквами три слова: одно по испански «Nonda», другіе два по-англійски: «Washington's arms».

— Образованность завладѣваетъ пустыней, сказалъ донъ Рафаэль смѣясь. Отгадайте, кто завоеватель?

— Право не знаю.

— Мой соперникъ, обольстительный Джонъ Беллъ.... Сдѣлаетъ ему визитъ.

Мы нашли изобрѣтательнаго Кентеки верхомъ на доскѣ, желѣнной вѣсами, прозрачными стаканами изъ тонкаго рогу, и мелколѣпными рѣшетами. Эта доска служила ему конторой. Человѣкъ сорокъ золотонскателей говорилъ съ нимъ всѣмъ вдругъ.

— Почему рѣшето? почему вѣсы? кричали они по-испански по-англійски.

Кентеки, скрестивъ руки съ видомъ торжественнымъ и холоднымъ, казалось, былъ погруженъ въ глубокое размышленіе и не отвѣчалъ. Увидя насъ, онъ, вмѣсто поклона, сдѣлалъ намъ дружескій знакъ ногою. Кирино поклонился до земли.

— Почему вѣсы? спросилъ опять одинъ нетерпѣливый золотонскатель, грубо трясъ гиганта за черный воротникъ.

— Эти вѣсы не продаются.

Покупщикъ немного смѣшался.

— А почему рѣшето? продолжалъ онъ.

— Это рѣшето не продается, повторилъ Кентеки.

— Ну, вотъ! пустыя рѣчи жаднаго торговца! Я даю за рѣшето двѣ унці!

— А я четыре! а я шесть! а я десять! а я пятнадцать! вскричали одинъ за другимъ золотонскатели, прельщенные видомъ этой утвари, такъ удобной и спокойной, чтобы упростить ихъ работу и увеличить барышъ.

Лицо Кентеки побагровѣло. У Джонъ Белла страсти были очень сильны, когда дѣло шло о денежныхъ интересахъ.

— Господа, сказалъ онъ наконецъ, я не продаю этихъ рѣшетъ.... а даю ихъ на прокатъ....

— Почему?

— По два піастра въ часъ.... залогъ за каждое рѣшето — сто унцій золота. Каждый начавшійся часъ, хотя бы онъ продолжался не болѣе минуты, будетъ считаться за цѣлый.... я очень люблю аккуратность.

Яростные крики встрѣтили объявленіе Кентеки; черезъ четверть часа всѣ рѣшета были взяты на прокатъ.

— Вотъ искусникъ, сказалъ Кирино. Онъ славно попользуется розысками, которыя я потерялъ черезъ него. Этотъ *дорогой* Джонъ Беллъ женится на сеньоритѣ Аннетъ, если только какою-нибудь приключеніемъ не помѣшаетъ ему воротиться въ отечество.... что будетъ, право, очень жаль! Такой смысленный малый! Будемъ надѣяться, что ничего съ нимъ не случится!

Выйдя изъ лавки Кентеки, мы пошли купить себѣ завтракъ въ одинъ изъ двухъ магазиновъ, о которыхъ я уже говорилъ. Фуантъ lasajo, вѣсколко пригоршней маисовой муки и полбутылки водки стоили намъ только семь пиастровъ. Кирино увѣрялъ, что это просто даромъ, и что то же самое въ Набогамъ было бы продано за сорокъ пиастровъ.

Послѣ завтрака Гамбусино предложилъ мнѣ охотиться за косулей. Я согласился.

Число встрѣченныхъ нами золотоискателей могло простираться отъ двухъ до трехъ тысячъ. Я замѣтилъ, что разсѣяны скалы и овраги болѣе всѣхъ мѣстъ изобиловали золотомъ. Изъ разговора Гамбусина съ раскадорами я узналъ, что безпрестанно попадались великолѣпныя находки. Барышъ золотоискателей простирался среднимъ числомъ до двадцати пиастровъ на человѣка. Впрочемъ, отвѣты ихъ короткіе, отрывистые, почти неучтивые, показывали, до какой степени мысли ихъ были заняты корыстолюбіемъ. Нѣкоторые изъ этихъ раскадоровъ, ослабленные лихорадкой до такой степени, что дрожащія ноги съ трудомъ поддерживали ихъ, все-таки съ жаромъ промывали золото. Одинъ изъ нихъ показалъ намъ самородокъ величиною съ апельсинъ. Онъ нашель его, бросивъ лопатку на землю, въ ту минуту какъ ложился отдыхать и былъ не очень доволенъ. Отломки кварца, забившись между золотомъ, уменьшали его вѣсъ и возмущали радость раскадора: однако оно могло стоять отъ двѣнадцати до четырнадцати тысячъ франковъ. Но корыстолюбіе изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ самое ненасытное.

Рафаэль Кирино, за которымъ я наблюдалъ украдкой, такъ что онъ не замѣчалъ этого или, лучше сказать, дѣлалъ видъ что не замѣчаетъ, показывалъ совершенное равнодушіе при видѣ всѣхъ этихъ богатыхъ находокъ. Поворился ли онъ своему несчастію? Я не смѣлъ этого надѣяться.

Чувствуя усталость, я посмотрѣлъ часы. Было два часа.

— Дайте мнѣ карабинъ, сказалъ Кирино и отдохните у подошвы этой скалы пока мнѣсть я не возвращусь. Если вамъ хочется спать, спите. Это мѣсто кажется мнѣ совершенно безопасно, я не вижу вокругъ ни человѣческихъ ни змѣиныхъ слѣдовъ. Черезъ два часа я принесу вамъ молодую и жирную косулю.

— Охотно принимаю ваше предложеніе... буду отдыхать.

Черезъ два часа Гамбусино, вѣрный обѣщанію, воротился: кра-

сивая козуля, которую онъ держалъ за всѣ четыре ноги, вѣсилъ у него за спиной.

— Помогите мнѣ донести эту дичь до вашей палатки, сказалъ онъ, не входя ни въ какія подробности на счетъ охоты.

— Съ удовольствіемъ.

— О! о! сказалъ Гамбусино, когда мы дошли до палатки, солнце показываетъ уже шесть часовъ.

— Ну такъ чтó жь?

— Ну такъ я жду! отвѣчалъ онъ бросивъ на землю кожаный ножны книжала и оставивъ обнаженный книжалъ за поясомъ.

— Кого же, донъ Рафаэль? Вы подстрекаете мое любопытство, кого вы ждете?

— Того Индѣйца, что идетъ къ намъ.

— Чтó это за Индѣецъ?

— Я сдѣлалъ его вчера распорядителемъ надъ вашими работами.

Только что Гамбусино окончилъ этотъ отвѣтъ, какъ распорядитель мой приблизился и низко намъ поклонился. Я замѣтилъ, что онъ держалъ въ рукѣ небольшой холстинный мѣшокъ.

— Любезный, сказалъ Кирино, я потерялъ сейчасъ ножны моего книжала... нужно ли мнѣ замѣнить ихъ? А кстати! ты принесъ сенюру сегодняшній барышъ? Ну, давай!

Но Индѣецъ вмѣсто отвѣту бросился поспѣшно назадъ.

— Вотъ честный воръ, сказалъ донъ Рафаэль. Его мучить совесть и онъ непременно хочетъ, чтобы заржавѣлъ мой книжалъ.

— А покажеть онъ очень благоразумно унесъ съ собою сегодняшній барышъ.

— О, не беспокойтесь! Онъ знаетъ, что разстоянія для меня не существуютъ и не убѣжить.... Посмотрите вотъ ужъ онъ и возвращается.

Въ самомъ дѣлѣ Индѣецъ явился передъ нами опять съ своимъ холстиннымъ мѣшечкомъ, только мнѣ показалось, что этотъ мѣшечекъ сталъ погрузнѣе.

Кирино взялъ его и два или три раза вскинулъ на воздухъ.

— Тутъ отъ девяноста-шести до девяноста-осьми унцій, сказалъ онъ. Рабочихъ шестнадцать человекъ, стало быть на каждого приходится по шести унцій съ небольшимъ.... Вы не дурно работаете, но, мой милый, вы можете работать еще лучше...

— Но, ваша милость, насъ уже не шестнадцать человекъ!... Со вчерашняго вечера умерли двое....

— Отъ удара ножемъ?

— Точно такъ, ваша милость.

— Я понимаю очень хорошо, мой милый, что по окончаніи работы надо позабавиться.... никто болѣе меня не снисходителенъ на этотъ счетъ.... Однако какъ теперь вы работаете для другаго, а не для себя.... я запрещаю употребленіе ножа.... слышишь ли ты? Всякой кто убьетъ другаго долженъ будетъ на другой день помѣряться со мной книжаломъ.... Повтори это твоимъ товарищамъ.... Впрочемъ если вы обѣщаете мнѣ быть благоразумны, я позволю вамъ играть на вершокъ.

— Только на вершокъ ваша милость? сказалъ Индѣецъ печально.

— Нельзя позволить больше.

— Слушаемъ, ваша милость; цѣлую ваши руки.

— До свиданія, мой милый; приходи завтра въ это же время, да не вздумай опять играть со мной комедію.. Я рѣдко бываю снисходителенъ два раза сряду.

Индѣецъ ушелъ. Я рассмотрѣлъ принесенное имъ золото, оно было самаго высокаго достоинства. Въ первое пребываніе мое въ Калифорнію я научился узнавать золото такъ, что не боюсь сдѣлать грубой ошибки могъ судить, что оно было 96 или 98 пробы. Это обыкновенно называется чистымъ золотомъ, потому что совершенно чистаго золота не существуетъ.

Я такъ свикся съ ролью покровителя, которую Кирино принялъ въ отношеніи меня, что не думалъ ни минуты не только предложить ему раздѣлить со мною золото, но даже и поблагодарить его. Онъ былъ доволенъ моимъ эгоизмомъ.

Въ слѣдующіе двадцать дней Индѣйцы, работавшіе для меня, приносили мнѣ каждый вечеръ до шести фунтовъ золота. По прошествіи этихъ двадцати дней, они объявили мнѣ и какъ, предвидѣлъ Кирино, что ручеекъ изсякъ, и что они уходятъ прочь.

Барышъ, полученный мною въ эти двадцать дней превышалъ сто двадцать фунтовъ золота, то есть на европейскія деньги болѣе ста пятидесяти тысячъ франковъ. Я долженъ отдать себѣ справедливость, что это быстрое начало богатства нисколько меня не ослѣпело и не внушило ни какой честолюбивой идеи. У меня была только одна мысль, поскорѣе воротиться въ Европу.

Хотя другъ мой Кирино показывалъ ко мнѣ тоже дружество, однако я уже не находилъ въ немъ веселости и откровенныхъ изліяній, къ которымъ онъ приучилъ меня во время нашего путешествія изъ Новаго Орлеана на сакраментскія розсыпи. Холодный, угрюмый, молчаливый, онъ часто по нѣсколькимъ днямъ не

говорилъ со мной ни слова; отсутствія его становились все чаще и продолжительнѣе.

На двадцатый день нашего прїѣзда, Кирино вошелъ ко мнѣ въ палатку. Наружность его была еще мрачнѣе обыкновеннаго.

— Любезный другъ, сказалъ онъ : можетъ статься, что не сегодня, завтра, я оставляю розсыпи и до отъѣзда хочу дополнить ваше богатство. Чувствуете ли вы въ себѣ довольно силы и твердости, чтобы предпринять со мною очень дальній путь?

— Да, донъ Рафаэль ; но позвольте мнѣ, прежде чѣмъ я разберу съ вами нуженъ ли этотъ путь, сдѣлать вамъ нѣсколько дружескихъ упрековъ.... Я чувствую истинно, донъ Рафаэль, что вы обдумываете исполненіе того безумнаго намѣренія, о которомъ вы говорили мнѣ въ Новомъ Орлеанѣ.... вы хотите ѣхать на вашу знаменитую золотую ложбину. Зачѣмъ, позвольте васъ спросить, ставить жизнь на карту для пріобрѣтенія богатства? Если страсть къ золоту, которой, впрочемъ, я не могу вѣрять при видѣ вашего рѣдкаго безкорыстія въ отношеніи меня, если страсть къ золоту овладѣла вами. Господи, Боже мой! развѣ вы не топчете ногами сакраментскую почву!... Въ двадцать дней вы сдѣлали меня почти богатымъ, а занялись мною только одинъ день. Въ мѣсяцъ, если вы захотите серьезно, у васъ будетъ миллионъ.... чего вамъ больше? Вы не знаете Европу, поѣдите туда.... съ миллиономъ вы проведете тамъ два года полные очарованій и наслажденій.

Рафаэль Кирино выслушалъ меня серьезно и не прерывая.

— Другъ! сказалъ онъ когда я кончилъ, я въ полной мѣрѣ цѣню чувство, внушившее вамъ эти слова, но не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ.... Да, если бы я хотѣлъ, мнѣ бы легко было пріобрѣсти не одинъ, а три, четыре миллиона въ Сакраменто....

— И вы не хотите?

— Нѣтъ, не хочу! Въ сердцѣ Гамбусино есть гордость, неизвѣстная другимъ людямъ ; она не позволяетъ ему обогащаться разработкою розсыпей, уже преданныхъ жадности золотоискателей.... Я бы могъ изъ нужды или изъ прихоти собрать на сакраментской почвѣ нѣсколько пригоршней золота, и только. Вы не женитесь на прелестницѣ, оскверненной продажною любовью, не такъ ли? ну и я не обогащусь разработкою розсыпей, оскверненныхъ раскадорами.... Еще одно слово прежде чѣмъ я кончу.... ваши благосклонные упреки мнѣ неприятны и не заста-

вать меня переимѣнить на мѣрениа.... избавьте меня отъ нихъ, умоляю...

— Извольте, донъ Рафаэль, я буду молчать.

— Благодарю. Теперь скажите, будете ли вы готовы черезъ часъ слѣдовать за мною?

— Буду готовъ, Рафаэль.

— Хорошо. Надѣньте кожаные штиблеты, налейте тыквенную бутылку водой, насыпьте въ буйловый рогъ пороху и старательно вычистите карабинъ. До свиданія. Ахъ, да! я забылъ.... выкопайте яму въ палаткѣ и спрячьте туда ваше золото.

Рафаэль Кирино былъ олицетворенная аккуратность. Онъ возвратился ровно черезъ часъ. Я исполнилъ въ точности его приказанія; онъ нашелъ меня готовымъ слѣдовать за нимъ. Одежда Гамбусина нисколько не отличалась отъ моей, только на плечѣ несъ онъ родъ маленькаго кожанаго чемодана и широкій мушкетонъ съ мѣднымъ дуломъ.

— Идемъ? спросилъ я.

Онъ быстрымъ взоромъ осмотрѣлъ мой нарядъ.

— А заступъ? спросилъ онъ.

— Вы мнѣ объ немъ не говорили... Взять его?

— Разумѣется взять!

Гамбусино поговорилъ нѣсколько секундъ съ тремя Индѣйцами, вооруженными мачетесами, прямыми саблями, которые ждали его у дверей палатки; потомъ оборотясь ко мнѣ, стоявшему поодаль, онъ сказалъ:

— Съ Богомъ!.... теперь мы можемъ отправиться въ путь....]

Мы пошли по тому же направленію какъ и за двадцать дней назадъ, когда донъ Рафаэль нашелъ для меня розсыпь. Видъ скелета, тщательно оглодааннаго хищными птицами возлѣ отравленной воды, мучительно поразилъ меня. Потому ли, что тѣла бѣднаго Американца никто не примѣтилъ или ни одинъ золотоискатель не хотѣлъ для него потерять нѣсколько минутъ времени употребляемаго съ такой пользой, только онъ остался безъ погребенія, преданный оскорбленію животныхъ.

— Человѣкъ жалуется безпрестанно на смерть, сказалъ Кирино, а между тѣмъ какъ рѣдко, чтобы онъ умеръ смертью естественной. Почти всегда насъ убиваютъ страсти.... Кто знаетъ, можетъ быть черезъ мѣсяцъ тѣло мое сегодня такъ полное жизни, будетъ подобно этому скелету, отвратительнымъ костякомъ, колеблемымъ грозой въ пустынѣ!

Гамбусино произнесъ эти плачевныя слова съ спокойнымъ и

твердымъ видомъ и ускорилъ шагъ, для того конечно, чтобы избѣгнуть моихъ выговоровъ.

Остатокъ дня прошелъ безъ всякихъ приключеній.

Нѣсколько золотокателей, присѣвшихъ въ оврагѣ служили единственнымъ развлеченіемъ моему утомленію. Въ шесть часовъ Кирино остановился.

— Вотъ нашъ первый переходъ конченъ, сказалъ онъ. Мы выйдемъ въ дорогу завтра на разсвѣтѣ.

Мы развели огонь. Кирино сострапалъ обѣдъ изъ фунта *tasajo*. Съ мѣсяцъ уже я не видалъ хлѣба. Едва мы окончили нашу скромную трапезу, наступила ночь, которая, какъ извѣстно, спяняетъ день въ этихъ широтахъ безъ сумерекъ. Сумерки тамъ неизвѣстны.

— Поправимъ огонь, прежде чѣмъ ляжемъ спать, сказалъ Кирино. Свѣтъ его защититъ насъ отъ нападеній ягуаровъ и змѣй.... хотя говоря безпристрастно, надо признаться, что эти животныя оклеветаны недостойнымъ образомъ.... они совсѣмъ не такого звѣрскаго свойства, какое имъ приписываютъ.... Ну теперь добрая ночь.... Лягте на бокъ, чтобы ночная роса не пала вамъ на глаза.... а то вы можете ослѣпнуть.... До завтра!

Я легъ на землю обвернувшись кое-какъ шерстянымъ одеяломъ. Я былъ не совсѣмъ спокоенъ, но утомленіе скоро превозмогло и я заснулъ глубокимъ сномъ.

На другой день Гамбусино разбудилъ меня, какъ общалъ, лишь только солнце показалось на горизонтѣ. Нѣсколько вчерашнихъ головней еще дымилась, и мы могли изжарить *tasajo*, прежде чѣмъ отправились въ дорогу.

Второй день показался мнѣ еще утомительнѣе перваго. Неровная, ухабистая дорога неприятнымъ образомъ затрудняла путь.

Едва замѣтили мы трехъ четырехъ раскадоровъ. Ровно въ шесть часовъ, какъ наканунѣ, Рафаэль остановился; и была уже пора; ноги мои отказывались нести тяжесть тѣла. Я повалился на землю, не думая помогать товарищамъ разводять огонь.

— Не теряйте бодрости, другъ, сказалъ Кирино, принесъ мнѣ неизбѣжный кусокъ *tasajo*. Мы уже прошли двѣ трети пути.

Въ самомъ дѣлѣ на другой день вечеромъ, Рафаэль объявилъ, что мы дошли. Черезъ часъ я бы умеръ. Я заснулъ не проглотивъ ни куска.

На слѣдующій день прежде всего я посмотрѣлъ на окружающіе меня предметы, которые вчерашнее утомленіе не позволило мнѣ замѣтить. Мѣстоположеніе было совсѣмъ не веселое. Пере-

до мной разстилались долины, покрытыя высокою травой и нѣсколькими деревьями; эти долины отдѣлялись одна отъ другой невысокими холмами; сзади меня поясъ сѣроватыхъ скалъ терялся вдаль.

— Вы вѣрно не пожалуетесь, что спали дурно, сказалъ Гамбусино въ десяти шагахъ отъ меня, сдиравшій кожу съ косули; я застрѣлилъ вотъ эту дичь изъ вашего карабина въ нѣсколькихъ отъ васъ шагахъ, а вы и не слышали....

На этотъ разъ я вознаградилъ себя за вчерашнее воздержаніе и славно уписалъ импровизированный обѣдъ Гамбусина. Мысль, что я наконецъ достигъ цѣли, не мало способствовала къ возвращенію мнѣ бодрости.

— Настала торжественная минута, сказалъ донъ Рафаэль улыбувшись въ первый разъ въ продолженіи двадцати дней, берите заступъ и ступайте за мной. Видите ли эту скалу, сквозь разсѣлины которой течетъ едва примѣтная струйка воды? Ну! только эта скала отдѣляетъ насъ отъ цѣли, и на нее то надо сдѣлать нападеніе.

Я такъ свыкъся съ моею страдательной ролей, и Гамбусино внушалъ мнѣ такое довѣріе, что я не думалъ просить его объясниться.

— Я готовъ, сказалъ я только. Приказывайте, что дѣлать?

— Прорубите эти разсѣлины заступомъ, до тѣхъ-поръ пока не образуется отверстіе въ квадратный футъ величиной, отвѣчайте оны.

Я тотчасъ привялся за работу; скала показала мнѣ не такъ тверда какъ я думалъ сначала. Множество каменныхъ обломковъ, покрывавшихъ землю, черезъ часъ показывали, съ какимъ усердіемъ исполнилъ я приказанія Гамбусина, за то ужъ и порядочно усталъ.

— Отдохните, сказалъ Рафаэль, взявъ у меня заступъ изъ рукъ.

Товарищъ мой, хотя гораздо слабѣе меня по наружности, рубилъ скалу цѣлыхъ три часа, не останавливаясь; струйка, безпрестанно увеличивающаяся, не много затруднила его работу. Наконецъ при послѣднемъ и сильномъ ударѣ заступа, вода устремилась съ такой силой, что оны принужденъ былъ отступить назадъ.

— Одно дѣло кончено и самое трудное, сказалъ оны; теперь намъ остается только подождать совершеннаго истеченія этой воды.

Это продолжалось почти пять часовъ. Цѣлые полъ-дня оставались мы въ бездѣйствіи. Къ тремъ часамъ Кирино всталъ съ земли, на которой отдыхалъ, и сказалъ мнѣ:

— Теперь, любезный другъ, мы полъземъ на эти скалы. Только я долженъ васъ предупредить, что тамъ бездна гремучихъ змѣй....

— Ахъ, чортъ поберя! вскричалъ я поблѣднѣвъ.

— Вы очень боятесь этихъ гадовъ, какъ я вижу?

— Ужасно.... я чувствую къ нимъ такое отвращеніе, что отъ прикосновенія къ змѣѣ, даже мертвой, мнѣ дѣлается дурно....

— Понимаю!.... инстинктивное таинство. На это мнѣ нечего отвѣчать, а остается только дѣйствовать.

Гамбусино тотчасъ началъ собирать какія-то сухія и неизвѣстныя мнѣ травы, потомъ связалъ ихъ въ пучекъ, привязалъ къ спинѣ веревкой и началъ взбираться по скаламъ. Я почти тотчасъ же потерялъ его изъ виду.

Черезъ пять или шесть минутъ, густой дымъ и острый, но ароматическій запахъ, распространившійся по тому направленію, гдѣ исчезъ Гамбусино, возбудили мое вниманіе.

Нѣсколько сѣроватыхъ тѣней быстро скользнули по скалѣ и упали на землю не произведя другаго звука кромѣ страннаго шесту, похожаго на шумъ улетающей стаи куропатокъ.

Я не имѣлъ даже силы вскрикнуть, такъ великъ былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ себя, въ буквальномъ смыслѣ, окруженнымъ змѣями расползавшимися во все стороны. Нѣкоторые изъ нихъ прошли на полфута отъ того мѣста, гдѣ я оставался неподвиженъ отъ страха.

Голосъ Гамбусино привелъ меня въ себя.

— Теперь любезный другъ, вы можете идти, закричалъ онъ, каскабелы (такъ называютъ по испански гремучихъ змѣй, отъ слова cascabel, гремушка) ушли. Я поспѣшилъ влѣзть на скалу, вышиною отъ двадцати до двадцати пяти футовъ.

— Надѣюсь, что ихъ было много, сказалъ Кирино когда я подошелъ къ нему. Осемдесятъ по крайней мѣрѣ; право подумаешь, что благодѣтельный гевій поручилъ имъ оберегать золото, которое мы похитимъ у пустыни, и которое въ обществѣ безъ сомнѣнія подастъ поводъ къ низостямъ, а можетъ-быть даже и преступленіямъ.

— Гдѣ же это золото, донъ Рафаэль?

— Здѣсь! отвѣчалъ Гамбусино, указывая на рытвину въ видѣ воронки, шириною у отверстія около ста шаговъ и глубокую отъ

двадцати до двадцати пяти футовъ. Нѣсколько словъ, продолжалъ онъ, разсвѣютъ выраженіе удивленія, которое я вижу на вашемъ лицѣ. Дождевые потоки, каждый годъ стекающіе съ горъ, увлекаютъ за собою частички золота, котораго кладъ извѣстенъ одному мнѣ, и такимъ образомъ въ этой рывинѣ впродолженіи можетъ быть цѣлыхъ столѣтій скопился запасъ золотыхъ зеренъ и порошокъ.

— Но дозъ Рафаэль, дно этой рывины покрыто по-крайней-мѣрѣ на полуфта водой, а у насъ нѣтъ никакого орудія....

— За то есть умъ.... смотрите....

Гамбусино сошелъ въ рывину и закричалъ мнѣ оттуда:

— Бросайте ко мнѣ камни, но осторожно, чтобъ не ушибить меня....

Я спѣшилъ повиноваться.

Гамбусино принялся составлять изъ камней родъ плотины, образовавшей полукругъ и упирившейся по краямъ въ скалу. Эта плотина вышиною около пятнадцати дюймовъ могла имѣть въ окружности до двадцати футовъ.

Черезъ два часа она была кончена, и Кирино вышелъ изъ рывины.

— Должно быть около пяти часовъ, сказалъ онъ, позаботимся объ обѣдѣ. Не худо бы также было согрѣться у огня.

Слѣдуя начертанному плану я не распрашивалъ ни о чемъ Гамбусина. Съ своей стороны онъ ни слова не говорилъ мнѣ о томъ какъ располагалъ употребить завтрашній день.

— Добрый вечеръ, завтра мы соберемъ золото, сказалъ онъ, ложась на землѣ.

Я спокойно проспалъ до четырехъ часовъ утра. Гамбусино разбудилъ меня. Едва свѣтало.

— Ну, лѣнтяй, за работу! вскричалъ онъ дружески трясая меня за рукавъ; становится поздно, а работы предстоитъ намъ вдвоять..... Берите заступъ.

Гамбусино вынулъ изъ чемодана сплющенное кожаное ведро, длинную веревку, чрезвычайно тонко сплетенную изъ аловыхъ волоконъ, придавъ ведру обыкновенную форму, привязалъ веревку къ ручкѣ и подошелъ къ рывинѣ.

— Спуститесь теперь туда, сказалъ онъ, наполняйте ведро водою, а я буду вытаскивать его на верхъ до тѣхъ поръ пока мы осушимъ небольшое пространство земли между моей плотинной и скалой.

Черезъ три часа усердной и продолжительной работы дошли мы до результата, котораго желалъ Гамбусио.

— Теперь надо рыть какъ только можно глубже, высушенное пространство, сказалъ онъ. Копайте, любезный другъ.... копайте.

При первомъ ударѣ заступы я вскрикнулъ отъ удивленія. Земля была смѣшена почти на половину съ золотымъ порошкомъ. Я не корыстолюбивъ, но тутъ сердце у меня сильно забилось и голова пошла кругомъ; я былъ принужденъ сесть на плотину.

— Вотъ вамъ, закричалъ сверку Гамбусио, плоскій и широкій камень, котораго края я отломалъ; возьмите его вѣсто лопатки и кидайте имъ въ ведро землю, вырытую заступомъ. Ну, сдѣлайте же!

Последнее приказаніе было бесполезно; въ эту минуту мной овладѣла лихорадка чрезвычайной дѣятельности; я чувствовалъ въ себѣ силу десяти самыхъ крѣпкихъ человекъ; ничто не казалось мнѣ невозможнымъ. Когда черезъ два часа я вышелъ изъ рывины, земля была выкопана на три фута.

— Что мы теперь станемъ дѣлать, Рафаэль? спросилъ я въ первый разъ послѣ выѣзду изъ сакраментскихъ розсыпей.

— А! а! отвѣчалъ онъ улыбаясь, наконецъ-то ваше равнодушіе растаяло. А вотъ что любезный другъ; когда мы выкопаемъ поглубже пространство между скалой и плотиною, мы сломаемъ плотину, чтобы вода стекла въ эту яму и земля сдѣлалась суха.... Тогда мы просто станемъ раскадорами.... Одобряете мой планъ?

— Еще бы вѣтъ!

Не буду описывать здѣсь наши труды и образъ жизни въ продолженіи слѣдующей недѣли; довольно если скажу, что по прошествіи семи дней я обладалъ кучей золота, которую Кирино полагалъ вѣсомъ отъ пятидесяти пяти до шестидесяти фунтовъ.

— Дорогой другъ мой, сказалъ Гамбусио утромъ осьмага дня, намѣреніе мое можетъ-быть удивить и огорчить васъ.... нынче же мы уѣзжаемъ на сакраментскія розсыпи.

— Уже, донъ Рафаэль! вскричалъ я горестно.

— Да.... черезъ часъ.

— Зачѣмъ?

— По многимъ причинамъ.... Во первыхъ, если мы станемъ продолжать разработывать нашу розсыпь, вы скоро едѣаетесь скупымъ и корыстолюбивымъ. О! не возражайте: корыстолюбіе болѣзнь начинающаяся отъ одного прикосновенія къ золоту.... Во вторыхъ, приближается эпоха, когда Индѣйцы Яки завладѣютъ этими мѣстами. Въ третьихъ, наконецъ, чтобы не исчислять вамъ

всѣхъ другихъ причинъ, я не могу больше раскопывать этой временнѣе.... для васъ.

— Простите, донъ Рафаэль.... виновата, что настаивала!... Да, вы правы; прикосновеніе къ золоту производитъ въ человѣкѣ настоящую болѣзнь, лихорадку, похожую на бешеніе.... въ эту недѣлю я не подумала ни разу выразить вамъ мою признательность.... Ёдемъ!

— О! что до признательности, любезный другъ.... Я избавляю васъ совершенно... вы не обязаны мнѣ ничѣмъ.... Истиннѣе пошудилъ меня сдѣлать вамъ пріятное, я повиновался истиннѣе... вотъ и все. Прошу только одного отъ васъ.... надѣюсь, что вы мнѣ не откажете....

— Говорите, донъ Рафаэль.... заранѣе соглашаюсь.... Хотите половину этого золота?

— Нѣтъ, я хочу только, чтобы вы обязались мнѣ клятвой, не открывать никому положенія этой россыпи и никогда сюда не возвращаться.

— Клянусь, донъ Рафаэль! вскричалъ я съ жаромъ.

— Благодарю, другъ! сказалъ Гамбусино самымъ спокойнымъ голосомъ; благородство вашего характера снимаетъ глубокую тяжесть съ моего сердца.... Если бы вы отказали въ этой клятвѣ, я имѣлъ намѣреніе заколоть васъ на мѣстѣ.... Ни одного слова болѣе объ этомъ.... Ёдемъ.

Гамбусино наполнилъ камнями кожаное ведро и бросилъ его въ золотовосную рывину; потомъ сошелъ со скалы, и гранитнымъ камнемъ, смазаннымъ жирною землею, распушенной въ крови косули, тщательно заткнулъ отверстіе, сдѣланное нами за недѣлю, чтобы способствовать истеченію воды, наводнявшей разработанную нами россыпь.

Окончивъ эту работу, Гамбусино тщательно спряталъ въ чемоданъ собранное нами золото, и мы пустились по дорогѣ въ Сакраменто, куда я прибылъ черезъ недѣлю, за часъ до ночи.

Я нашелъ передъ палаткой двухъ Индѣйцевъ, они казались сторожами. Это были тѣже самые Индѣйцы, съ которыми Кирино говорилъ нѣсколько минутъ въ день нашего ухода. Они низко намъ поклонились.

— Гдѣ вашъ третій товарищъ? спросилъ Гамбусино.

— Въ пятидесяти шагахъ отсюда.... ваша милость.... онъ отдыхаетъ.

— Войдите въ палатку, сказалъ Гамбусино, и повѣрьте тамъ ле спрятанное вами золото.

Я носившиль новшествоваться: золото было въ цѣлости.

— Тогда вы должны этимъ Индѣйцамъ двѣ тысячи сто пиастровъ, сказалъ Гамбусино. Я навялъ ихъ за пятьдесятъ пиастровъ въ день на человѣка, чтобы стеречь вашу палатку во время нашего отсутствія. Дурно ли я сдѣлалъ?

— То есть, донь-Рафаэль, я не знаю какъ и благодарить васъ.

Индѣйцы ушли, Гамбусино предложилъ мнѣ свѣсить наше золото у Джонъ Белла.

— Смотрите пожалуйста, откуда это вы? вскричалъ съ видомъ почти презрительнымъ гигантъ Кентеки, увидѣвъ насъ. Вѣрно вы поцарапали землю?

— Вы отгадали.

— Ремесло глупцовъ!.... Впрочемъ всякому по способностямъ.... А я теперь разбогатѣлъ!

— Право! вы разбогатѣли? сказалъ Гамбусино. А какимъ это образомъ?

— Очень просто и легко. Вотъ мой реэстръ, читайте: наемъ десяти ситъ по 20 пиастровъ въ день дастъ мнѣ 200 пиастровъ; гостинница, гдѣ спать двѣнадцать человѣкъ, за каждаго по два пиастра, принеситъ мнѣ двадцать четыре пиастра; прибавьте къ этому пиастръ за всякое количество золота, которое приносятъ мнѣ свѣсить, что каждый вечеръ доставляетъ мнѣ двадцать пиастровъ; и вы увидите, что въ тридцать пять дней я приобрѣлъ 8,540 пиастровъ.... не считая продажи ста небольшихъ мѣръ моего изобрѣтенія въ прозрачнаго рогу, раздѣленныхъ на унціи, которыя я сбывъ по десяти пиастровъ за каждую.... что составляетъ теперь мое богатство въ 10,540 пиастровъ.... Пища ничего мнѣ не стоила.... я добывалъ ее занимаясь кухнейю моихъ жильцовъ. Если я вхожу въ эти подробности, то потому что я не боюсь вашего совѣстничества.... Что вы думаете о моемъ умѣ?

— Вотъ пиастръ, сказалъ Гамбусино, не отвѣчая на вопросъ Американца. Свѣсите это небольшое количество золота, которое собрали мы царапая землю по мѣрѣ нашей смышлености.

Рафаэль Кирино положилъ на прилавокъ чемоданъ скрытый до сихъ-поръ его зараной (шерстяное одѣяло, испещренное узоромъ, которое Мексиканецъ никогда не снимаетъ. Въ городѣ оно служитъ ему плащомъ, въ дорогѣ постелью и палаткой).

— By God! God bless me! вскричалъ Джонъ-Беллъ, шестьдесятъ-одинъ фунтъ! положите унцію порошка въ четырнадцать пиастровъ и это составитъ 13,454 пиастра!

— Это только для начала, сказалъ спокойно Кирино.

Кентекъ изъ всѣхъ силъ сжалъ крошечныя руки Гамбусина.

— Храбрый и благородный кавалеро, сказалъ онъ, стараясь смягчить голосъ, вы знаете, что я всегда былъ вашимъ другомъ? умоляю, помогите мнѣ найти шестьдесятъ фунтовъ золота!

— Что вы мнѣ дадите?

— Что дамъ? Все что вы хотите.... все!.... хоть двадцатую часть суммы...

— Этого мало.

— Мало! больше трехъ фунтовъ золота.... то есть семьсотъ шестьдесятъ съ небольшимъ пиастровъ.... Ну!.... послушайте... да.... такъ.... для друзей можно все принести въ жертву.... Найдите мнѣ шестьдесятъ фунтовъ золота и я отдаю вамъ миссъ Аннету Б....

— Дѣло кончено, сказалъ Гамбусино.

Эти два слова такъ сильно подѣйствовали на Американца, что онъ съ трудомъ могъ несвязно проленетать:

— Когда?

— Завтра въ пять часовъ утра, отвѣчалъ Кирино.

— Вы не обманете.... непременно придете завтра?

— О, не бойтесь.... не опоздаю, отвѣчалъ Гамбусино съ одною изъ тѣхъ двусмысленныхъ улыбокъ, которыхъ я такъ не любилъ.

Тѣло у меня до-того болѣло въ слѣдствіе перенесенныхъ утомленій, что я успѣвши броситься на зубровую кожу въ своей палаткѣ.

Только Индѣйцы, пришедшіе на другой день за 2,100 пиастрами, разбудили меня на минуту: я просилъ ихъ принести мнѣ немного пищи и воды, наполнился, наѣлся и опять заснулъ.

Въ восемь часовъ вечера Гамбусино вошелъ ко мнѣ въ палатку въ ту минуту, какъ я рѣшился наконецъ встать.

— Другъ мой, я пришелъ съ вами проститься.... сейчасъ отправляюсь въ дальній путь, сказалъ онъ, тотчасъ по привычкѣ идти прямо къ дѣлу.

— Вы ѣдете, Кирино?

— Да, другъ мой.... ѣду.... и прибавлю еще, что буду вамъ особенно обязанъ, если вы не станете отговаривать меня.... Посмотрите какъ великолѣпно свѣтитъ луна.... Хотите провозать меня часъ или два?

— О! съ величайшимъ удовольствіемъ, Рафаэль! вскричалъ я.

— Мнѣ надо поговорить съ вами серьезно, сказалъ онъ послѣ

часовой ходабы, выслушайте меня со вниманіемъ. Теперь вы богаты, потому-что мнѣ кажется вы не корыстолюбивы по характеру; не портите же безумной жадностью ту спокойную будущность, которая ожидаетъ васъ. Послѣ завтра отправляется въ Монтерей обозъ, недавно прибывшій въ Сакраменто съ съѣстными припасами.... Присоединитесь къ этому обозу.... хинина и заступъ были вамъ полезны, постарайтесь воротиться въ Европу, не употребивъ въ дѣло ножа.... Сакраментскія розсыпи, и теперь уже довольно опасныя, скоро будутъ представлять ужасное зрѣлище; желѣзо, голодъ, ядъ, три страшные божества, такъ часто оспоривавшія мою бѣдную жизнь, безжалостно убавятъ ряды безумной толпы, прибѣгающей со всѣхъ сторонъ и покроютъ костями песокъ пустыни.... Повѣрьте моей опытности: вы сами не можете ни знать, ни вообразить, что такое розсыпи, преданная совмѣстничеству грабежа.... Это ужасъ! Общайте мнѣ уѣхать.

— Да, Рафаэль, клянусь честью, обещаю!

— Вотъ это славно! Теперь прощайте! Думайте иногда обо мнѣ.... въ вашихъ молитвахъ!

Гамбусино сжалъ дружески мнѣ руку и быстро пустился впередъ. Долго, при свѣтѣ луны, я слѣдилъ за нимъ влажнымъ, благодарнымъ взоромъ. Куда шелъ этотъ человекъ, который занялъ такое важное мѣсто въ судьбѣ моей?.... На смерть или къ славѣ?

Грустно воротился я въ палатку и провелъ ночь въ печальныхъ размышленіяхъ, не будучи въ состояніи заснуть.

На другой день нашли тѣло Джонъ Белла среди оврага на вершинѣ скалы. Сердце его было пронзено ударомъ кинжала. Смерть его приписали паденію случайности и раскадоры разграбили его золото.

На слѣдующій вечеръ, вѣрный обѣщанію, я уѣхалъ съ обозомъ въ Монтерей.

На прошедшей недѣлѣ, я продалъ въ Англіи золотой порошокъ привезенный изъ Сакраменто, на сумму 232,000 франковъ.

Часто думаю я о Кирино, и каждый день жду извѣстія, что бѣдный золотоискатель открылъ розсыпь лучше сакраментской и которая должна мугущественнымъ образомъ подѣйствовать на судьбу Европы.... Иногда я сомнѣваюсь, припоминая, что когда донъ Рафаэль прощался со мною, у него было неодолимое предчувствіе близкой смерти!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобріана. Часть пятая.*

Въ Лондонѣ составилось общество для вспоможденія англіи́скимъ и иностранци́мъ литераторамъ. Это общество пригласило меня на свое годичное собраніе, и я счелъ обязанностью явиться и участвовать въ подпискѣ. Его королевское высочество герцогъ Йоркскій занималъ президентское мѣсто; по правую сторону его, сидѣлъ герцогъ Сомерсетскій и лорды Торрингтонъ и Болтонъ; меня же посадилъ онъ по лѣвую. Тутъ встрѣтилъ я своего друга Каннинга. Поэтъ, ораторъ, знаменитый министръ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ находились слѣдующія слова, повторенныя всѣми журвалами, слова, которые приносятъ мнѣ слишкомъ много чести: «Хотя оеоба благороднаго друга моего, французскаго посла, здѣсь еще мало извѣстна, но характеръ и сочиненія его слишкомъ извѣстны во всей Европѣ. Поприще свое началъ онъ изложеніемъ основныхъ правилъ христіанства; продолжалъ его, защищая монархическое начало, а теперь прибылъ въ наше отечество для того, чтобы соединить оба государства общими узамъ монархическихъ началъ и христіанскихъ добродѣтелей». Много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ какъ Каннингъ, литераторъ, учился въ Лондонѣ политикѣ у Пюта; почти въ то же время, и въ той же столицѣ Англій, я въ неизвестности началъ писать. А теперь достигши высшихъ степеней, мы оба членами общества, котораго назначеніе вспомошествовать писателямъ, находящимся въ несчастіи. Чтò соединило насъ здѣсь, одинаковость ли славы или сходство въ страданіяхъ? Чтò дѣлать на пиру скорбящихъ музъ губернатору Восточной Индіи и французскому послу. Здѣсь сидѣли Джорджъ Каннингъ и Францискъ де-Шатобріанъ въ воспоминаніе протекшихъ несчастій, а можетъ-быть и благополучія, или въ память Гомера, восцѣвая его стихи, пѣтые Слѣпцомъ за кусокъ хлѣба.

Еслибъ Litterary fund существовалъ въ то время, какъ я прибылъ изъ Сутгамптона въ Лондонъ, двадцать перваго мая 1793, быть можетъ оно заплатило бы за визитъ доктору на голборнскій чердакъ, куда приютилъ меня кузенъ Латарде, сынъ дяди де-Бедѣ. Ожидали чуда отъ переменъ климата, для возобновленія моего здоровья, необходимаго для жизни солдата; но вмѣсто того, чтобы поправляться, оно видимо ослабѣвало; грудь тѣснило; я былъ худъ и блѣденъ, часто кашлялъ, тяжело дышалъ, потѣлъ и харкалъ кровью. Друзья, такіе же бѣдные какъ я, таска-

ли меня отъ одного доктора къ другому; но Иппократы заста-
вляли ждать у своихъ дверей эту шайку бѣдняковъ; потому за-
гинею объявляли мнѣ, что я съ терпѣніемъ долженъ ждать конца
болѣзни, прибавляя: *T'is done, dear Sir*: «Дѣло сдѣлано, любез-
ный господинъ». Докторъ Годвинъ знаменитый опытами надъ
утопленниками, опытами произведенными и надъ нимъ самимъ по
его предписаніямъ, былъ великодушнѣе другихъ: безъ всякой платы
помогалъ мнѣ совѣтами; но съ жестокостью, которую имѣлъ я къ
самому себѣ, сказалъ, что я могу еще *тянуться* нѣсколько нѣ-
слцевъ, даже годъ или два, если откажусь отъ всякаго утом-
ительнаго занятія. «Не надѣйтесь на долгую жизнь»; таковъ пере-
чень его консультацій.

Увѣренность въ близкой смерти увеличивъ природную мрач-
ность воображенія, придала мнѣ невѣроятное спокойствіе духа.
Это душевное расположеніе легко объясняетъ одно мѣсто статьи,
помѣщенной въ началѣ *Essai historique*, также и слова, находя-
щіяся въ самомъ *Essai*: «Страдая болѣзнию, безъ всякой надеж-
ды, я спокойнымъ взоромъ смотрю на всѣ предметы; стран-
никъ ощущаетъ уже мирный воздухъ могилъ, отъ которой от-
стоитъ на нѣсколько дней». И такъ, горечь размышленій, раз-
бросанныхъ въ *Essai*, ни кого не удивить: я писалъ это сочи-
неніе подъ ударомъ смертнаго приговора, между осужденіемъ и
казнью. Не можетъ же писатель, ожидающій близкой смерти, раз-
ставаясь съ мѣстомъ изгнанія, бросать веселый взглядъ на міръ.

Но какъ провести срочное время, назначенное мнѣ? Шага
дала бы мнѣ средство жить или скоро умереть; но мнѣ она
была воспрещена; чтò же оставалось? перо! о оно не было
ни извѣстно ни испытано, я не зналъ еще преимуществъ его.
Для того чтобы обратить вниманіе публики, достаточно ли было
врожденной склонности къ литературѣ, поэтическихъ опытовъ
дѣтства и очерковъ моихъ путешествій? Мнѣ пришла на умъ
мысль написать сочиненіе о политическихъ переворотахъ, какъ о
предметѣ наиболѣе соответствующемъ тому времени. Но кто
возьмется напечатать рукопись, не имѣющую хвалителей, да и
кто будетъ кормить меня, пока я буду сочинять? Если и не-
много дней осталось провести мнѣ на землѣ, все таки надобно
имѣть какія нибудь средства, чтобы поддержать эти немногіе
дни. Мои тридцать лундоровъ не могли долго продолжиться,
и въ добавокъ къ моимъ собственнымъ огорченіямъ я дол-
женъ былъ еще претерпѣвать общее бѣдствіе эмиграціи. Всѣ
мои товарищи имѣли въ Лондонѣ занятія; одни торговали углемъ,

другіе дѣлали съ своими женами соломенныя шляпы, иные давали уроки французскаго языка, котораго сами не знали. Всѣ были очень веселы. Легкомысліе, общій порокъ нашей націи, въ это время обратился въ добродѣтель. Смѣялись надъ фортуною, а она воровка была пристыжена, что грабила то, чего у ней не требовали назадъ. Пельтіе, авторъ *Domine salvum fac* и главный редакторъ *Actes des Apôtres*, продолжалъ въ Лондонѣ предпріятіе, начатое въ Парижѣ. У него не было собственно такъ называемыхъ пороковъ; но червь маленькихъ недостатковъ свѣдалъ его и небыло возможности его исправить: развратникъ, негодяй, зарабатывая много денегъ и столько-же проживая, въ одно и тоже время служитель законныхъ правъ и посланникъ короля негровъ Христофора при дворѣ Георга Третьяго, веда дипломатическую переписку съ графомъ *Лимонадомъ* и пропивая на шампанскомъ жалованье, которое платилось ему сахаромъ, этотъ человѣкъ разыгрывалъ большія революціонныя аріи на парманной скрипкѣ; онъ поѣтилъ меня, и въ качествѣ Бретонца, предложилъ свои услуги. Я разсказалъ ему свой плачь для *Essai*; онъ очень одобрилъ его: «Это будетъ безподобно!» восклицалъ онъ; и предложилъ мнѣ комнату у своего типографщика Бели, который печаталъ бы сочиненіе по мѣрѣ того какъ оно будетъ писаться. Продажа его будетъ у книгопродавца Дебона; самъ же онъ, Пельтіе, протрубитъ о немъ въ своемъ журналѣ *Ambigu*, а пока, можно помѣстить статейку въ издаваемомъ въ Лондонѣ, *Courcier Français*, котораго редакція скоро перешла въ руки Монтлозіе. Пельтіе ни въ чемъ не сомнѣвался; онъ поговаривалъ даже, что мнѣ должны дать крестъ Святаго Людовика за осаду Тюнвилля. И вотъ Жиль-Блазь, высокій, худой, запудренный, съ обнаженнымъ челою, всегда крикливый и веселый, надѣваетъ на бекрень круглую шляпу, беретъ меня подъ руку, ведетъ къ типографщику Бели, и безъ церемоніи снимаетъ у него комнату за гинею въ мѣсяцъ.

Лицомъ къ лицу я стоялъ передъ своею золотою будущностью; но по какой доскѣ перейти мнѣ настоящее? Пельтіе доставлялъ мнѣ переводы съ англійскаго и латинскаго; днемъ работалъ я надъ переводами, ночью надъ *Essai historique*, гдѣ поѣстилъ часть своихъ путешествій и мечтаній. Бели доставляла мнѣ книги, и я нестатки истратилъ нѣсколько шиллинговъ на покупку старыхъ книгъ, валявшихся въ лавкахъ книжниковъ.

Энгѣ, котораго нѣкогда встрѣтилъ я на джерсейскомъ налетѣ-

ботѣ, подружился со мною. Онъ занимался литературой, былъ ученъ и въ тайнѣ писалъ романъ, изъ котораго читалъ мнѣ страницы. Онъ квартировалъ не далеко отъ Белл, въ улицѣ, прилегающей къ Гольборну. Каждое утро въ десять часовъ я завтракалъ съ нимъ; мы разсуждали о политикѣ и въ особенности о мнѣхъ занятіяхъ. Я пересказывалъ ему, что создавалъ въ Essai, ночномъ зданіи своемъ, потомъ возвращался къ дневному труду — къ переводамъ. Въ харчевнѣ сходились мы обѣдать по шиллингу съ человѣкомъ, оттуда отправлялись за городъ. Часто гуляли мы порознь, потому что оба любили мечтать.

Тогда направлялъ я путь свой въ Кенсингтонъ, или въ Вестминстеръ. Мнѣ нравился Кенсингтонъ; однако блуждалъ я въ удивленной части, его, тогда какъ блестящая толпа наполняла другую часть выходящую въ Гайдъ-Паркъ. Приятна была мнѣ противоположность моея бѣдности съ богатствомъ, моего безпомощнаго одиночества съ толпою. Издали видѣлъ я молоденькихъ Англичанокъ, съ тѣмъ жажущимъ смущеніемъ, какое нѣкогда заставляла меня испытывать моя сальфидъ, когда украсивши ее всеѣмъ безрасудствомъ страсти, едва осмѣливался поднять глаза на свое произведеніе. Смерть, близкая, какъ я полагалъ, придавала таинственность призраку міра, которому я почти уже не принадлежалъ. Бросилъ ли когда кто-нибудь взглядъ на чужестранца, сидѣвшаго у подножія сосны? Предчувствовала ли тогда какая-нибудь красавица невидимое присутствіе Ренея?

Совсѣмъ другаго рода было развлеченіе въ Вестминстерѣ; въ этомъ лабиринтѣ могилъ я думалъ о своей могилѣ, готовой уже развертѣться для меня. Никогда бюстъ безвѣстнаго человѣка какъ л, не займетъ мѣста между этими прославленными статуями. Потомъ дальше видны гробницы монарховъ: Кромвеля не было уже здѣсь, — Карлъ-Первый и не былъ здѣсь. Прахъ землѣника Роберта д'Артоа покоился подъ плитою, которую я топиралъ ногами. Участь Карла-Перваго нѣбла вліяніе и на Людовика-Шестнадцатаго: всякій день желѣзо косило во Франціи, и могилы мнѣхъ родныхъ были уже выкопаны.

Иногда пѣніе капельмейстеровъ, или разговоры постороннихъ прерывали мои размышленія. Я не могъ часто приходиться сюда, потому что сторожанъ умершихъ нужно было давать шиллингъ, необходимый мнѣ для жизни. Тогда я кружилъ около аббатства виѣстѣ съ воронами, или въ раздумьѣ разсматривалъ колокольные близнецы различной величины, а заходящее солнце освѣщало багряными лучами закоптѣлую оболочку Сити.

Однако жъ, случилось однажды, что желая въ сумеркахъ разсмотрѣть внутренность соборной церкви, я забылся въ благоговѣйномъ удивленіи къ архитектурѣ исполненной причудливаго вдохновенія. Увлеченный чувствомъ *сумрачной огромности христіанскихъ храмовъ* (Монтанъ) я прохаживался медленными шагами, и не замѣтилъ, что наступила ночь: двери заперли. Тщетно пытался я отыскать выходъ, звалъ швейцара, стучалъ въ двери, всякій шумъ, разносившійся и ослабленный безмолвіемъ, исчезалъ; должно было рѣшиться почевать съ покойниками.

Поколебавшись нѣсколько въ выборѣ ночлега, я остановился у мавзолея лорда Четема, находящагося внизу амбона, и двухъ-этажной часовни Рыцарей и Генриха Седьмаго. При входѣ на эти лѣстницы, эти крылья заперты въ желѣзныя рѣшетки, гробница у стѣны противъ мраморной Смерти, вооруженной косою, представляла мнѣ убѣжище; складка савава тоже мраморнаго, служила мнѣ вмѣсто ниши: по примѣру Карла Пятаго я приучался къ своему погребенію.

Я находился въ первыхъ ложахъ для того, чтобы разсматривать міръ, каковъ онъ есть. Какая громада величія заключена подъ этими куполами! А что осталось послѣ нея? Скорбь суетная не менѣе счастья: злополучная Юанна Грей ничѣмъ не отличается отъ счастливой Алисы Селисбери; только ея скелетъ не такъ страшенъ, потому что безъ головы, остовъ ея украсился смертною казнью и отсутствіемъ того, что составляло нѣкогда его красоту. Въ этой залѣ погребальныхъ зрѣлищъ, уже не возобновятся турниры побѣдителя де-Креси, игры du Camp du Degr d'ог Генриха-Осьмаго. Бэконъ, Ньютонъ, Мильтонъ также глубоко зарыты, также навсегда исчезли, какъ и безвѣстнѣйшіе современники ихъ. Согласился ли бы я, изгнанникъ, скиталецъ, бѣднякъ не быть болѣе забытою, страждущею, ничего незначащею пылинкою, но однимъ изъ этихъ покойниковъ знаменитыхъ, могущественныхъ, пресытившихся наслажденіями? О, жизнь совѣмъ не такова! Не будемъ удивляться, если съ береговъ этого міра, мы не можемъ явственно различить божественнаго явленія: время—завѣса, поставленная между нами и Богомъ, какъ рѣсницы между глазомъ и свѣтомъ.

Прижавшись къ мраморному покрову, я перешелъ отъ высокихъ думъ къ простодушнымъ впечатлѣніямъ мѣста и времени. Грусть, смѣшанная съ удовольствіемъ, очень походила на то чувство, которое я испытывалъ въ комбургской башенкѣ, когда

прислушивался къ вѣтру: дуновение я тѣня одного и того же естества.

Привыкая мало-по-малу къ темнотѣ, я могъ различать фигуры, поставленныя на гробницахъ. Я разсматривалъ консоли, откуд готическими лампадаріями, казалось, выходили мнѣвшія событія, протекшіе года; все знаніе уподоблялось однокаменному храму, окаменѣлыхъ вѣковъ. Я считъ десять и одиннадцать часовъ, пробившихъ на часахъ колокольни: молотокъ, то поднимающійся, то снова падающій на мѣдъ, былъ единственнымъ существомъ, жившимъ со мною въ этихъ пустыняхъ; снаружи стукъ экипажа или крикъ городского стража — вотъ и все; отдаленный гулъ земли доходилъ до меня изъ одного міра въ другой. Туманъ Тезы и дымъ отъ каменнаго угля проникли во внутренность храмъ и увеличили мракъ.

Наконецъ, лучъ свѣта въ одномъ углу озарилъ самую угасшія тѣни; пристально смотрѣлъ я на постепенно увеличивающійся свѣтъ; не проистекалъ ли онъ отъ сыновей Эдуарда Четвертаго убитыхъ лядю? «Эти милья дѣти, говорятъ великій трагикъ, лежали вмѣстѣ и обвивались руками невзвѣнными, бѣлыми какъ мраморъ. Уста ихъ были подобны четыремъ алымъ розамъ на голубомъ стеблѣ, которыя въ полномъ блескѣ красоты цѣлуютъ другъ друга». Но Господь не послалъ ко мнѣ этихъ прелестныхъ, скорбныхъ душъ; а явился легкій призракъ женщины, едва вышедшей изъ дѣтства; она несла въ рукахъ огонь, защищаемый листкомъ бумаги, свернутою ракетною: то была дѣвушка звонарь. Я слышалъ звукъ поцѣлуя и колоколь прерывалъ разсѣтъ. Малютка очень испугалась, когда я вышелъ съ нею изъ дверей монастыря. Я разсказалъ свое приключеніе, а она сказала мнѣ, что пришла исполнить должность за больнаго отца: о поцѣлуѣ мы не говорили.

Разсказъ о моемъ приключеніи позабылъ Энгô, и мы составили планъ заключиться въ Вестминстеръ; но бѣдствія призывали насъ къ докойщикамъ совѣтъ не такимъ поэтическимъ образомъ.

Капиталъ мой истощался. Белли и Дебо-эль не пробовали нестать Essai за обязательство выплатить издержки въ случаѣ не распродажи; этимъ ограничилась ихъ щедрость, что было очень естественно: я удивляюсь даже ихъ рѣшимости. Переводы не давали болѣе: продолжительныя одолженія утомяли гулаку Пастіе! Охотно отдавалъ бы онъ мнѣ то, что имѣлъ, если бы не считалъ за лучшее все прожить; но отыскивать работу тамъ!

снѣсь, дѣлать добро съ терпѣніемъ, — было выше силъ его. Энгѳ также видѣлъ, что богатство его уменьшается; у обоихъ насъ было только шестьдесятъ франковъ. Мы уменьшили порцію пищи, какъ на корабляхъ, когда плаваніе замедляется. Въ-это шиллинга съ человѣка, мы тратили на обѣдъ только поль-шиллинга. Утромъ за чаемъ мы уменьшили на половину хлѣба, и отказались отъ масла. Такое воздержаніе раздражило нервы мое-го друга: умъ его былъ въ разстройствѣ; онъ прислушивался, какъ будто слушая кого-то; потомъ въ отвѣтъ начиналъ хо-хотать или заливался слезами. Энгѳ вѣрилъ въ магнетизмъ; гали-матія Сведенборга помутила его рассудокъ. Утромъ рассказы-валъ онъ мнѣ, что ночью у него шумѣли, и сердился, когда я опровергалъ его причуды. Безпокойство о немъ мѣшало мнѣ чув-ствовать собственные страданія.

Однако онъ были очень сильны: строгая діета, сопряженная съ работою, горячила большую грудь мою, мнѣ трудно уже бы-ло ходить, а цѣлые дни и часть ночей я не былъ дома для того, чтобы не могли замѣтить мое разстройство. Когда дѣло дошло до послѣдняго шиллинга, то мы положили сберечь его, и при-твориться, что завтракали. Мы рѣшились купить хлѣбъ въ два су, приказать по обыкновенію подать горячую воду и чайникъ, но не класть чаю, не вѣсть хлѣба, а просто выпить горячую воду съ крошками сахара, остававшимися на днѣ сахарницы.

Такъ прошло пять дней. Голодъ пожиралъ насъ; я весь го-рѣлъ, сонъ бѣжалъ съ глазъ; я сосалъ кусочекъ бѣлья обмакивая его въ воду, жевалъ траву и бумагу. Страшное мученіе испыты-валъ я проходя мимо булочныхъ. Въ одинъ холодный зимній вечеръ, цѣлыхъ два часа оставался я передъ магазиномъ сухихъ плодовъ и копченой говядины, поглощая глазами все что видѣлъ; такъ и съѣлъ бы не только съѣстное, но и ящики и бумагу и корзинки, гдѣ все это лежало.

Утромъ на пятый день, падая отъ голоду, я притащился къ Энгѳ, толкнулъ въ дверь, она заперта; зову, вѣтъ отвѣту; на-копецъ онъ всталъ и отворилъ дверь. Онъ смѣялся съ помѣшан-нымъ видомъ; сюртукъ на немъ былъ застегнутъ; онъ сѣлъ за чайный столъ. «Намъ скоро принесутъ завтракъ», оказалъ онъ необыкновеннымъ голосомъ. Мнѣ показалось, что у него на ру-бахѣ нѣсколько кровавыхъ пятенъ; неспѣшно растегиваю его сюртукъ: нерочиннымъ ножикомъ сдѣлалъ онъ себѣ рану въ гру-ди въ два дюйма глубиною. Я сталъ звать на помощь. Служан-ка побѣжала за лекаремъ. Рада была опасна.

Это новое несчастіе заставило меня принять рѣшительныя мѣры. Энгѳ, совѣтникъ бретанскаго парламента, отказался брать жалованье, которое англійское правительство предложило французскому судебному сословію, такъ же какъ я не захотѣлъ принимать шллингъ, ежедневно раздаваемого эмигрантамъ; теперь же я написалъ къ Барантеву и открылъ ему положеніе моего друга. Прибѣжали родственники Энгѳа и увезли его въ деревню. Въ самую эту минуту дядя Бедѣ прислалъ мнѣ сорокъ экю; трогательное жертвоприношеніе угнетаемаго семейства; мнѣ казалось, что я вижу все золото Перу, лепта пльвиниковъ во Франціи вѣтала Француза измѣнника!

Нищета воспрепятствовала мнѣ работать; печатаніе прервалось, потому что я не доставлялъ рукописей. Лишась общества Энгѳа, я не захотѣлъ оставаться на квартирѣ у Бели за гиней и мѣсяцъ, я ушелъ, заплативши за прошедшее время. Я былъ бѣднѣе небогатыхъ эмигрантовъ, вначалѣ покровительствовавшихъ мнѣ въ Лондонѣ; но были другіе еще болѣе терпѣвшіе нуждъ, нежели я. Между бѣдными какъ и между богатыми существуютъ различныя степени; можно начать съ человѣка, который зинор покрывается своею собакою и дойти до другаго, который дрожитъ отъ стужи подъ скроенными лохмотьями. Друзья мои нашли комнатку, которая болѣе соответствовала уменьшающемуся богатству моему — вѣдь не всегда же быть на верху благополучія; они помѣстили меня близъ улицы Мери-ле-бонъ, на чердакѣ, котораго слуховое окно выходило на кладбище; каждую ночь трешетка сторожа возвѣщала мнѣ покражу труповъ. Я съ радостью узналъ, что Энгѳа находился внѣ опасности.

Товарищи посѣщали меня въ моей рабочей. По независимости и бѣдности насъ можно было счесть за живописцевъ на развалинахъ Рима; мы и были артисты въ бѣдности на развалинахъ Франціи. Лицо мое служило моделью, а постель сдѣланъ для моихъ учениковъ. Постель эта состояла изъ тюфяка и одѣяла. Простыни у меня не было. Когда же было холодно, мое платье и стулъ, положенные сверхъ одѣяла, согрѣвали меня. Я былъ слишкомъ слабъ, для того чтобы переворачивать свою постель, она оставалась какъ Господь мнѣ ее устроилъ.

Мой кузень Лабутарде, выгнанный за неплатежъ, изъ ярмакской возбужки, хотя и отдалъ подъ залогъ свою скрипку, скрылся у меня отъ констабля; ниже-бретанскій викарій ссудилъ его кроватью на ремняхъ. Лабутарде былъ, какъ и Энгѳ, совѣтникомъ бретанскаго парламента, а у него не было даже платя,

чтобы завязать голову; за то онъ бѣжалъ съ оружіемъ и багажемъ, то есть, онъ сохранилъ свою четырехугольную шапку и красное платье и спалъ подлѣ меня подъ *базрянщицею*. Шутливого характера, хорошій музыкантъ, обладавъ прекраснымъ голосомъ, онъ садился, когда мы не спали, совсѣмъ голый на ремняхъ, надѣвалъ судейскую шапку и пѣлъ романсы, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, на которой было только три струны. Въ одну ночь, когда бѣдняжка распѣвалъ такимъ образомъ *Гимнъ Венеры*, *Метастазія: Scendi prorogia*, сквозной вѣтеръ обхватилъ его, ротъ свернуло на сторону, и отъ того онъ умеръ; но не тотчасъ, потому что я усердно растиралъ ему щеку. На высотахъ жилища своего, мы совѣщались, разсуждали о политикѣ, занимались эмигрантскими сплетнями, а вечеромъ отправлялись танцевать къ тетушкамъ и кузинамъ.

Кто читаетъ эту часть моихъ *Записокъ*, не приметилъ ли, что два раза я прерывалъ ихъ: въ первый, для того чтобы дать великолѣпный обѣдъ для герцога Йоркского, брата англійскаго короля, а во второй, чтобы праздновать годовщину возвращенія французскаго короля въ Парижъ, осьмага іюля. Праздникъ стоилъ мнѣ сорокъ тысячъ франковъ. Мои гостиныя, великолѣпно убранныя были наполнены перами и першами Великобританскаго королевства, посланниками, знатными иностранцами. Столы сіяли лондонскимъ хрусталемъ, золотомъ севрскаго фарфору; самыя отборныя кушанья, вина и цвѣты были въ изобиліи. *Portland Place* загромождали блестящіе экипажи. Коллине и музыка Альмака восхищали феціонебельную меланхолію денди и мечтательную щеголеватость леди, задумчиво танцующихъ. Оппозиція и министерское большинство заключили перемиріе. Леди Каннингъ бѣсѣдовала съ лордомъ Лондондері, а леди Джерсей съ герцогомъ Веллингтономъ. Герцогъ Ангилемскій, сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе на счетъ моей пышности въ 1822, не зналъ въ 1793, что неподалеку отъ него жилъ будущій министръ, который въ ожиданіи благъ отъ него постился изъ вѣрности надъ кладбищемъ. Теперь, я радуюсь, что испыталъ кораблекрушеніе, видѣлъ войну, раздѣлялъ страданія самыхъ низшихъ классовъ общества, точно также какъ радуюсь, что во времена благоденствія встрѣчалъ несправедливость и клевету. Я воспользовался этими уроками: жизнь безъ несчастій возвышающихъ ее, не чтò иное какъ дѣтская игрушка.

Я былъ настоящій *l'homme aux quarante écus*; но какъ уровень состояній еще не установился и цѣна на товары не вознѣлась, то ни что не произвело перевѣсу въ моемъ кошелькѣ;

онъ опустѣлъ. Я не могъ полагаться на новое всемогущество нѣе родныхъ, подвергавшихся въ Бретани двойному бичу *шувалства* и терроризма. Мнѣ оставался только госпиталь или Гекза.

Слуги эмигрантовъ, которыхъ господа не могли кормить, преобразовались въ рестораторовъ дитяго, чтобы кормить своихъ господъ. Богъ знаетъ какъ весело пировали за этими общими столами! Богъ знаетъ также о какой полнотѣ тамъ толковали! Всѣ побѣды республики превращались въ пораженія, и если, кто-нибудь, случайно, сомнѣвался въ немедленномъ восстановленіи законной династии, его объявляли Якобинцемъ. Два старыя французскіе епископа, хотѣвшіе казаться мертвецами, прогуливались въ Сенъ-Джемскомъ паркѣ: «*Monsieur*» сказалъ одому, «*с'oubliez vous que nous soyons en France au mois de juin?* — *Mais, monsieur*» отвѣчалъ другой послѣ зрѣлаго размышленія, «*je n'y vois pas d'inconvénient.*»

Изворотливый Пельтиѣ отрылъ меня или лучше сказать разорилъ мое гнѣздо. Онъ прочелъ въ ярутекомъ журналѣ, что общество антикваріевъ намѣрено заняться исторіею графства сесфольскаго, и что ищутъ Француза, умѣющаго разбирать французскія лѣтописи двѣнадцатаго столѣтія, коллекціи Кемдена. Епископскій приходскій священникъ управлялъ этимъ предпріятіемъ и адресоваться надо было къ нему. Вотъ что мнѣ нужно, сказалъ мнѣ Пельтиѣ, «*попыжайте, разбирайте себѣ это старье, и продолжайте присылать Белю конію вашего Эссаі; я заставлю этого негодяя снова приматься за печатаніе; вы возвратитесь въ Лондонъ съ душою стави гиней, сочиненіе ваше будетъ омончешо, и мы покутимъ на славу!*»

Я пробормоталъ какія-то возраженія. «*Ну къ чорту, восамншнлъ мой пріятель, развѣ вы намѣрены оставаться въ этомъ дворцѣ, гдѣ ужъ я ужасно озабъ? Да знаете ли вы что исторія Энга надѣлала адекаго шуму? Такъ вы оба хотѣли умереть съ голоду? Ха! ха! ха!...*» Согнувшись вдвое Пельтиѣ ухватился за колѣна отъ смѣху. Сто экземпляровъ своего журнала онъ продалъ въ колоніяхъ, получилъ за нихъ деньги и засѣлъ имъ въ карманъ. Слово уваль онъ меша, Лабутурде разбитого шарлаченъ, и двухъ эмигрантовъ въ лохмотьяхъ, попавшихся ему на глаза, обѣдать въ *London-Tavern*. Онъ завоумъ насъ портовой ночью и запермилъ ростбифомъ и плупуддигаемъ. «*Отчего это графъ*» сказалъ онъ моему кузену «*отчего у васъ рыло на сторону?*» Полуоскорбленный, полудеволовный Лабутурде объяснялъ, какъ только могъ, это событіе; онъ рассказывалъ, что его слав-

тѣло вдругъ, въ ту минуту какъ онъ пѣлъ эти слова: O bella Venere! У моего разбитого параличемъ бѣдняки кузена была такой мертвенный, опухшій, истертый видъ когда онъ прощипывалъ свою bella Venere, что Пельтѣ поклатся со смѣху, и чуть не опрокинулъ стола, такъ колотилъ онъ въ него обѣими поганн.

Въ самомъ дѣлѣ, совѣтъ земляка, который ни дать ни взять лицо изъ романа другаго земляка, моего Лесажа, показался мнѣ не совѣтъ дурака. Послѣ трехдневныхъ справокъ, одѣвшись у портнаго Пельтѣ, я уѣхалъ въ Биклзъ, съ небольшою суммою денегъ, которою меня соудилъ Дебофоръ по удостовѣренію, что я снова стану продолжать Essai. Я перемѣнилъ свою фамилію, которую ни одинъ Англичанинъ не умѣлъ произнести, назвалъ Комбургомъ, именемъ брата, напомиравшимъ мнѣ радости и горе первой юности. Я остановился въ гостиницѣ, и отнесъ предложенному священнику письма Дебофа, очень уважаемаго въ англійской книжной торговлѣ; въ этомъ письмѣ меня рекомендовали какъ первокласснаго ученаго. Я былъ принятъ наилучшимъ образомъ, познакомился со всеми *диссертациями* того округа и встрѣтилъ двухъ нашихъ морскихъ офицеровъ, которые давали уроки французскаго языка въ околицѣ.

Силы мои возстановились; прогулки верхомъ подкрѣпили нѣсколько мое здоровье. Англія, разсматриваемая въ подробностяхъ печальна, но очаровательна; вездѣ одно и тоже, вездѣ одинъ и тѣ же виды. Мистръ Комбургъ приглашаемъ былъ на всѣ увеселительныя поѣздки. Ученію обязанъ я первымъ услажденіемъ своей участи: Цицеровъ говорилъ правду, совѣтуя въ печальныхъ обстоятельствахъ жизни заниматься науками. Дамы были въ восторгѣ, что нашли Француза, съ которымъ могли говорить по французски.

Несчастія моего семейства, о которыхъ я узналъ изъ журналовъ, открыли мое настоящее имя, потому что я не въ силахъ былъ скрывать моей горести, и увеличали участіе ко мнѣ всего общества. Журналы извѣстили о смерти Мальзербъ, президентши Розамбѣ, дочери его, графини де-Шатобриана, жучки его и мужа ея графини де Шатобриана моего брата, извѣстныхъ вмѣстѣ, въ одинъ день, въ одну часть и на томъ же вѣсѣлѣ. Мальзербъ былъ предметомъ удивленія и благоговѣнія Англичанъ и родство мое съ защитникомъ Людовина-Шестнадцатаго увеличало доброе расположеніе моихъ хозяевъ.

Дядя Бедѣ увѣдомилъ меня о гонимыхъ, посылалъ письма

остальнымъ семействомъ. Моя престарѣлая, моя несравненная мать брошена на телѣгу съ другими жертвами, и изъ глубины Бретани отвезена въ парижскія темницы, чтобы раздѣлать участь возлюбленнаго сына. Жена моя и сестра Люсилъ въ тюрьмѣ Ренна ожидали смертнаго приговора; дѣло уже шло о томъ, чтобы запретить ихъ въ замкѣ Комбургъ, обращенномъ въ государственную крѣпость: эмиграція моя свѣчалась имъ въ преступленіе. Что же значила печаль наша въ чужой землѣ въ сравненіи съ горестями Французовъ, остававшихся въ своемъ отечествѣ? Но за то какое несчастіе въ бѣдственномъ изгнаніи узнать, что самое это изгнаніе сдѣлалось предлогомъ гоненій на близкихъ намъ!

Два года тому назадъ, найдено обручальное кольцо мсей невѣстки, въ канавкѣ Кассетской улицы, и принесено ко мнѣ; оно было изломано, два спаянные обруча союза открылись и висѣли одинъ на другомъ; имена хорошо вырѣзанныя, ясно были видны на немъ. Какимъ образомъ это кольцо отыскалось? Въ какомъ мѣстѣ, и когда потеряно? Жертва, заключенная въ Люксамбургъ, не проѣзжала ли Кассетскою улицею, отправляясь на казнь? Не уронила ли она съ высоты телѣги, наполненной жертвами? Не было ли кольцо сорвано съ ея пальца послѣ казни? Я былъ пораженъ горестью при видѣ этого символа, котораго обломки и надписи напоминали мнѣ такой жестокой жребій. Чтѣ-то таинственное и роковое соединялось съ этимъ кольцомъ, которое невѣстка моя казалось прислала мнѣ изъ обители мертвыхъ въ память о себѣ и братѣ. Я передалъ его сыну ихъ: да не принесетъ оно ему несчастія!

*Cher orphelin, image de ta mère,
Au ciel pour toi je demande ici-bas
Les jours heureux retranchés à ton père
Et les enfans que ton oncle n'a pas.*

Этотъ плохой куплетъ, да еще два, три другихъ, единственный свадебный подарокъ, какой я въ состояніи былъ сдѣлать моему племяннику, когда онъ женился.

У меня есть другой памятникъ этихъ несчастій: вотъ что писать ко мнѣ monsieur Contencin, который росъ въ архивахъ городской думы, отыскавъ приказъ революціоннаго суда, осудившаго на эшафотъ брата моего и его семейство.

«Милостивый государь виконтъ! Жестоко въ петербургской думѣ пробуждать воспоминаніе о несчастіяхъ, такъ горестно се пора-

«знашихъ. Эта мысль въ некоторое время удерживала меня отъ до-
«ставленія вамъ одного очень грустнаго документа, попавшагося
«мнѣ, во время ученыхъ разыскавій. Это свидѣтельство о кончи-
«нѣ, подписанное до исполненія смерти, человѣкомъ всегда неумо-
«лимнымъ какъ смерть, когда встрѣчалъ онъ знаменитость и добро-
«дѣтель, соединенныя въ одной и той же особѣ.

«Желаю, чтобы вы, виконтъ, не слишкомъ негодовали на меня
«за то, что я увеличиваю вашъ семейный архивъ документомъ,
«пробуждающимъ столь мучительныя воспоминанія. Я рѣшился
«предложить его вамъ въ увѣренности, что для васъ онъ дол-
«женъ быть очень дорогъ, когда и въ моихъ глазахъ имѣеть
«цѣну. Если я поступилъ не совсемъ нескромно, зато двойнѣ
«радуюсь, имѣя случай изъявить чувства глубочайшаго почтенія
«и искренняго удивленія, давно уже поселенныхъ въ душѣ моей,
«и съ которыми остаюсь, и прочая.

«A. DE-CONTANCIN.

«Домъ Селской Префектуры. Парижъ, марта 29, 1835.»

Вотъ мой отвѣтъ на это письмо: «Я приказывалъ отыскать въ
«святой капеллѣ бумаги, относящіяся къ процессу несчастнаго
«брата моего и жены его; во тамъ не нашли приказа, который вы
«имѣли благосклонность доставить мнѣ. Этотъ приказъ и столько
«еще другихъ съ помарками, искаженными именами предстанеть
«на судѣ Божиемъ предъ глаза Фулье, онъ долженъ будетъ при-
«знать свою подпись. И вотъ тѣ времена, о которыхъ такъ жалѣ-
«ютъ, на которыя пишутъ цѣлыя книги, полныя удивленія! Впро-
«чемъ я завидую моему брату: давно уже, очень давно оставилъ
«онъ этотъ печальный міръ! Премного благодарю васъ, милостивый
«государь, за то чувство уваженія, которое угодно было вамъ изъ-
«явить въ прекрасномъ, благородномъ письмѣ, и прошу васъ при-
«нять увѣреніе въ отличномъ почтеніи, съ которымъ навсегда
«честь имѣю пребыть».

Этотъ смертный приговоръ въ особенноти примѣчательнъ тѣмъ,
«что служитъ доказательствомъ легкомыслія, съ какими соверша-
«лись убійства; нныя фамиліи были неправильно написаны, другія
«совсѣмъ вычеркнуты. Чтобы отиѣнить самый простой приговоръ
«достаточно было бы такихъ форменныхъ ошибокъ; но они не
«останавливали палачей: они только строго соблюдали часъ смер-
«ти: *ровно въ пять часовъ*.

Вотъ вѣрная копія съ подлинной бумаги:

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СУДЪ.

Исполнительная часть
уголовныхъ приговоровъ.

«Исполнитель уголовныхъ приговоровъ имѣетъ немедленно отправиться въ домъ юстиціи, Conciergerie называемый, для приведения въ исполненіе приговора, коимъ присуждены Mousset, d'Espremenil, Chapelier, Thouret, Hell, Lamoignon, Malherbes, жена Lepelletier Rozambo, Chateau-Brian и его жена (собственное имя помарано), вдова Duchatelet, жена de Grammont, прех-валя герцогиня, жена Rochechuart (Rochechouart) и Parmentier— всего человекъ четырнадцать — къ смертной казни, каковую произвестъ сегодня же въ пять часовъ ровно, на Революционной Площади сего столичнаго города».

«Публичный обвинитель. Н. Q. FOUQUIER.

«Писано въ судѣ. 4-го реала 3, 1793 года
«отъ учрежденія Французской Респуб-
«лики. Для тѣлги».

Девятое термидора спасло жизнь моей матери; но она была забыта въ Conciergerie. Комиссаръ Конвенціи отыскалъ ее: «Что ты дѣлаешь здѣсь, гражданка?» сказалъ онъ ей; «кто ты? зачѣмъ остаешься здѣсь?» Мать моя отвѣчала, что лишившись сына, она не осмѣливалась о томъ, что происходило, и что ей всё-равно было умереть въ темницѣ или въ другомъ мѣстѣ. «Но у тебя есть можетъ-быть другіе дѣти» возразилъ комиссаръ. Мать моя назвала жену мою и сестеръ заключенныхъ въ Реннѣ. Послалъ повелѣніе возвратити имъ свободу; а мать мою принудили выйти изъ темницы.

Въ исторіи Революціи забыли помѣстить картину вѣншей Франціи подлѣ изображенія внутренней, забыли зарисовать огромную келовію изгнанниковъ, изгнанныхъ изъ своихъ домовъ по различію климатовъ и разнымъ правамъ народовъ.

Всѣ Франціи все было лично отдѣльно; превращенія состояній, скорби безвѣстныхъ, пожертвованія безмолвныя, и изъ этого разнообразія лицъ, всѣхъ состояній, всякаго возраста, обоего пола, сохранилась только у всѣхъ одна постоянная мысль; какъ пребыть вѣрными долгу, и старая Франціи скиталась по міру съ своими предрасудками и своей вѣрностью.

Внутри Франціи все дѣлалось массажи: убійства и шобы, междоусобныя и вѣншія войны, исполненная борьба Ванден

и славныя битвы на берегахъ Рейна; арміи, побѣдоносныя на землѣ и флоты, гибнущіе въ волнахъ, разсирѣтившій народъ, отрывающій знаменитыхъ мертвецовъ, и развѣвующій прахъ ихъ и вся новая Франція гордая и тщеславная своими преступленіями, двойнѣ вооруженная мечемъ палача и штыкомъ солдата.

Среди семейныхъ горестей, иногда письма друга моего Энед успокоивали меня на счетъ его судьбы, письма весьма примѣтельныя. Онъ писалъ ко мнѣ въ сентябрѣ 1795 года: «Письмо ваше отъ двадцати-третьяго августа исполнено самой трогательной чувствительности. Я показывалъ его нѣкоторымъ знаменитымъ, которые читали его со слезами на глазахъ. Мнѣ такъ и хотѣлось сказать тоже что сказалъ Андро, когда Руссо приходилъ плакать къ нему въ Венецкую тюрьму: *Видите ли какъ люблю меня друзья мои!* Но истиннѣ, болѣзнь моя была ничто иное, какъ первая горячка, отъ которой очень страдаю; лучшія же лекарства отъ нее время и терпѣніе. Во время горячки я читалъ выписки изъ Федона и Тимел. Эти книги производятъ желаніе умереть — я повторялъ вслѣдствіе съ Катеномъ:

It must be so, Plato! thou reason'st well!

«Я составилъ себѣ идею о своемъ путешествіи на тотъ свѣтъ, какъ думаютъ о путешествіи въ Индію. Я думалъ, что увижу множество новыхъ предметовъ *въ мірѣ духовъ* — какъ говорить Сведенборгъ — и въ особенности о томъ, что не буду болѣе подвергаться усталости страствія».

Въ четырехъ миляхъ отъ Биклаза, въ городѣ Бенге, жилъ англійскій священникъ, почтенный мистеръ Айвзъ, великій эллизмъ и великій математикъ. У него была еще жена молодая, прелестная и лицомъ и умомъ и обращеніемъ и единственная пятнадцатилѣтняя дочь. Въ этомъ домѣ меня принимали лучше чѣмъ гдѣ-нибудь. Тамъ оставались за столомъ цѣлые два часа порѣ уководу женщины и пили по примѣру древнихъ Англичанъ. Мистеръ Айвзъ, который бывалъ въ Америкѣ, любилъ рассказывать о своихъ путешествіяхъ, слушать рассказы о моихъ, говорить о Ньютонѣ и Гомерѣ. Дочь сдѣлавшись учелою, чтобы угодить ему, была превосходной музыкантшей и пѣла нарѣ вышеченостъ Паета. Она приходила къ чаю и разговаривала заразительный совѣ стараго священника. Облокотившись на фортепіано я безмолвно слушалъ миссъ Айвзъ.

Опицая музыку young lady спрашивала меня о Франціи, о литературѣ, просила начертать планъ ученія, особенно хотѣлось

ей знать италіянскихъ авторовъ и она поручила мнѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на Divina Comedia и Gierusalemme. Мало-помалу я почувствовалъ робкое очарованіе привязанности, выходившей изъ души: наряжалъ Флоридянокъ, а не смѣлъ поднять перчатку миссъ Айвзъ; затруднялся, пробуя переводить нѣсколько мѣстъ изъ Тасса. Мнѣ было гораздо ловчѣе съ болѣе цѣломудреннымъ и болѣе мужественнымъ гевіемъ Данте.

Лѣта Шарлотты Айвзъ согласовались съ мнѣю. Къ связямъ, которыя составляются въ продолженіи нашего поприща, всегда примѣшивается грустное чувство; воспоминанія о любимой особѣ не связано съ тѣмъ днемъ, когда вы жили не зная ея: эти дни принадлежатъ къ другому обществу, мучительны для памяти и какъ будто исключены изъ нашей жизни. Если лѣта не сходны, неудобство увеличивается: старшій началъ жить, прежде чѣмъ младшій явился въ міръ, младшій въ свою очередь долженъ жить одинъ; тотъ шель уединенно по эту сторону колыбели, другой будетъ идти стольже уединенно по ту сторону могилы; прошедшее было пустыней для перваго, будущее будетъ пустыней для втораго. Трудно любить со всеми условіями для счастья, съ молодостью, съ красотой, съ досугомъ, съ созвучіемъ сердецъ, вкусовъ, характеровъ, граціи и лѣтъ.

По случаю паденія съ лошади я оставался нѣсколько времени у мистера Айвза. Это было зимой. Сны моей жизни начинали разсѣиваться передъ дѣйствительностью. Миссъ Айвзъ становилась осторожнѣе, перестала приносить мнѣ цвѣты, не хотѣла пѣть.

Если бы мнѣ сказали, что я проведу всю остальную жизнь, никѣмъ невѣдомый, среди этого уединеннаго семейства, я бы умеръ отъ радости: любви недостаетъ только продолжительности, чтобы быть истиннымъ раемъ. Сдѣлайте, чтобы и красота и молодость не проходила, и вы воспроизведете на землѣ рай. Любовь такое высочайшее блаженство, что за ней гоняется химера вѣчнаго существованія; она только хочетъ произносить непреложныя клятвы; и за недостаткомъ радостей увѣковѣчить свои горести; какъ падшій ангелъ она говоритъ тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ говорилъ онъ въ безпорочномъ жилищѣ; она надѣется продолжаться вѣчно; въ своей двойной сущности и своемъ двойномъ заблужденіи на землѣ домогается увѣковѣчить себя бессмертными мыслями и вѣнечерпаемыми поколѣніями.

Я видѣлъ съ горестью, что приближается минута разлуки. Наканунѣ моего отъѣзда, обѣдъ былъ очень печаленъ. Къ великому удивленію моему, Айвзъ ушелъ послѣ десерта, уведя съ собою дочь,

и я остался одинъ съ мистрисъ Айвзъ: она находилась въ большемъ замѣшательствѣ. Я подумалъ было, что она хочетъ упрекать меня въ привязанности, которую могла примѣнять, но о которой я никогда не говорилъ. Она, то взглядывала на меня, то опускала глаза, краснѣла, и сама была такъ очаровательна въ этомъ смущеніи, что имѣла неоспоримое право на всѣ возможныя чувствованія. Наконецъ, преодолѣвъ себя съ усиліемъ, она сказала мнѣ по-англійски: «Вы видите мое смущеніе: не знаю, правится ли вамъ Шарлотта, но мать не можетъ обмануться; дочь моя чувствуетъ къ вамъ привязанность. Мы съ мужемъ совѣтовались и находимъ, что вы годитесь намъ въ зятя во всѣхъ отношеніяхъ; дочь наша, конечно будетъ счастлива съ вами. У васъ нѣтъ болѣе отечества; вы лишились вашихъ родителей, имѣніе ваше продано; что же можетъ призывать васъ во Францію? Въ ожиданіи нашего наслѣдства живите съ нами».

Изъ всѣхъ испытанныхъ мною горестей, эта горестъ была всѣхъ чувствительнѣе и сильнѣе. Я бросился къ ногамъ мистрисъ Айвзъ, покрывалъ ея руки поцѣлуями и слезами. Она подумала, что я плачу отъ счастья и сама заплакала отъ радости, протянула руку къ свурку колокольчика, звала мужа и дочь. «Остановитесь!» вскричалъ я: «я женатъ!» Она ушла безъ чувствъ.

Не заходя въ мою комнату, я ушелъ пѣшкомъ въ Биклзъ; оттуда отправился на почтовыхъ въ Лондонъ, написать къ мистрисъ Айвзъ письмо, съ котораго копію къ сожалѣнію не сохранилъ.

Это приключеніе оставило во мнѣ самое сладостное, самое нѣжное, самое признательное воспоминавіе. До моей славы, семейство Айвза только одно желало мнѣ искренно добра и приняло съ истиннымъ дружелюбіемъ. Бѣдный, неизвѣстный изгнанникъ, безъ привлекательности, безъ красоты я находилъ отечество, обезпеченную будущность, прелестную супругу, чтобы блаженствовать въ отставкѣ отъ одиночества; почти столь же прекрасную мать, чтобы замѣнить мою престарѣлую матушку; образованнаго, любящаго, близкаго къ литературѣ человека въ отцѣ въ замѣну того, котораго лишило меня небо; чѣмъ могъ я вознаградить за это? Никакая обманчивая мечта не могла руководить ими въ этомъ выборѣ, я долженъ былъ считать себя любимымъ. Съ тѣхъ поръ только одна возвышенная привязанность внушила мнѣ такое же довѣріе. Что касается до того участія, котораго предметомъ былъ я въ послѣдствіи, то я никогда не могъ разобрать, вишнія ли причины, шумъ славы, цвѣта партій, блескъ высокаго литератур-

наго или политическаго положенія, были оболочкой, привлекавшей ко мнѣ отъсюду лестное вниманіе.

Впрочемъ, женитьбою на Шарлоттѣ, роль моя измѣнилась бы на землѣ: закопавшись въ велико-британское графство, я сталъ бы *sporting gentleman*, помѣщикомъ, охотникомъ: ни одна строчка не скатилась бы у меня съ пера; я бы даже забылъ свой языкъ, потому что писалъ по-англійски и мои идеи начинали образоваться на англійскій ладъ. Много ли бы потеряло отечество, если бы я исчезъ? Если посчитать всѣ предстоявшія утѣшенія, нашлось бы много спокойныхъ дней вмѣсто дней бурныхъ, доставшихся на мою долю. Какое мнѣ дѣло до имперіи, до Бурбоновъ, до распрей, до раздоровъ Франціи? Чтѣ за радость каждое утро заглаживать чужія ошибки, и бороться съ предрасудками! Точно ли у меня истинный талантъ и стоило ли этому таланту принести въ жертву жизнь? Переживу ли я могилу? И будетъ ли въ совершающемся преобразованіи въ свѣтѣ, измѣненномъ и занятомъ другимъ, будетъ ли публика, чтобы меня выслушать, не останусь ли я человѣкомъ былаго времени, неповятымъ для новыхъ поколѣній. Мои идеи, чувства, даже слогъ не покажутся ли презирающему потомству скучнымъ старьемъ? Скажетъ ли тѣль мой, какъ тѣль *Виргилія Данту: Poeta fui et cantai*, «я былъ поэтомъ, я пѣлъ!»

Возвратившись въ Лондонъ, я не нашелъ тамъ спокойствія: я бѣжалъ отъ судьбы, какъ злодѣй отъ преступленія. Какъ должно было быть мучительно для семейства, столь достойнаго моего уваженія, моей признательности, получить отказъ отъ человѣка неизвѣстнаго, котораго оно приняло, которому предложило новый кровъ съ простотою, съ отсутствіемъ всякаго подозрѣнія, всѣхъ предосторожностей, какъ въ патріархальныя времена. Я представлялъ себѣ горестъ Шарлотты, справедливыя увреки, которые могли и должны были мнѣ дѣлать, потому что я добровольно предался склонности; хотя непреодолимая беззаконность ея была мнѣ извѣстна. Не хотѣлъ ли я покуситься на обольщеніе, самъ не отдавая себѣ отчету въ своемъ виновномъ поведеніи? Но и оставившись въ время, какъ я это сдѣлалъ, чтобы остаться честнымъ человѣкомъ и преодолѣвъ препятствіе, чтобы предаться склонности заранѣе обезславленной моимъ поведеніемъ, я все одинаково могъ только погрузить предметъ этого обольщенія въ сожалѣнія и горести.

Отъ этихъ горькихъ размышленій я переходилъ къ другимъ чувствамъ, не менѣе исполненнымъ горечи: проклиналъ женитьбу,

которая, по ложнымъ соображеніямъ тогда очень большой головы, вышибла меня изъ пути и лишила счастья. Я не думалъ, что по причинѣ страдающаго состоянія моихъ романтическихъ понятій о личной свободѣ, бракъ по любви былъ бы для меня такъ же мучителенъ, какъ и болѣе независимый союзъ.

Только одинъ образъ Шарлотты оставался чистъ, прелестенъ и глубоко грустенъ въ душѣ моей. Этотъ образъ укрощалъ мой мятежъ противъ судьбы. Сто разъ хотѣлось мнѣ возвратиться въ Бенгѣ, не для того, чтобъ явиться передъ взволнованнымъ семействомъ, но скрыться у дороги, увидѣть какъ пройдетъ Шарлотта, послѣдовать за нею въ церковь, гдѣ поклонялись мы, если не одному и тому же алтарю, то одному Богу, и посвящать этой женщинѣ передъ лицемъ Неба невыразимую пылкость обѣтовъ, произнести, по крайней-мѣрѣ мысленно, молитву брачнаго благословенія, которую я могъ бы слышать изъ устъ священника въ этомъ храмѣ.

Переходя отъ намѣренія къ намѣренію, я писалъ Шарлоттѣ длинныя письма, которые потомъ раздиралъ. Нѣсколько пустыхъ записочекъ, полученныхъ отъ нея, служили мнѣ талисманомъ; Шарлотта прелестная, растроганная, неотступно слѣдовала въ мысляхъ моихъ за мною по тропинкамъ сальвады, очищая ихъ. Она поглощала всѣ мои ощущенія, была центромъ, къ которому сбѣгалъ мой разумъ, какъ кровь сбѣгается къ сердцу; послѣ нея мнѣ все было противно, она служила мнѣ непрерывнымъ предметомъ сравненій въ ея пользу. Истинная и несчастная страсть похожа на ядовитую записку, которая остается на днѣ души и можетъ испортить хлѣбъ ангеловъ.

Мѣста, гдѣ я гулялъ, часы и слова, которыми размѣнивался съ Шарлоттой, напечатлѣлись въ памяти моей: я видѣлъ улыбку назващенной мнѣ супруги; почтительно дотрогивался до ея первыхъ волосъ, прижималъ къ груди ея прелестныя руки, какъ ливейную цѣпь, которую бы носилъ на шеѣ. Едва случалось мнѣ находиться въ уединенномъ мѣстѣ, какъ Шарлотта съ своими бѣлыми руками являлась возлѣ меня. Я отгадывалъ ея присутствіе, какъ ночью вдыхаютъ благоуханіе цвѣтовъ, которыхъ не видятъ.

Послѣ того, какъ я лишился общества Эдгъ, мои болѣе чѣмъ когда-нибудь уединенныя прогулки позволяли мнѣ свободно носить съ собою образъ Шарлотты. Въ тридцатя мѣсяхъ отъ Лондона нѣтъ ни кусточка, ни тропинки, ни церкви, которыхъ я бы не посѣтилъ. Самые заброшенные мѣста, луга заросшіе крапц-

вою, ровъ покрытый чертополохомъ, все, что люди пренебрегали, становилось мнѣ любимыми мѣстами, и въ этихъ мѣстахъ уже дышалъ Байронъ. Опустивъ голову на руку, и смотрѣлъ на пренебрегаемое мѣстоположеніе; когда мучительное впечатлѣніе слишкомъ меня тяготило, воспоминаніе о Шарлоттѣ являлось вдругъ восхищать мою душу: я былъ тогда похожъ на пилигрима, который, достигнувъ пустыни въ виду синайскихъ скалъ, услышалъ пѣніе соловья.

Въ Лондонѣ удивлялись моему образу жизни. Я ни на кого не смотрѣлъ, не отвѣчалъ, не повишалъ, что мнѣ говорятъ; прежніе товарищи считали меня сумасшедшимъ.

Что произошло въ Бенфѣ послѣ моего отъѣзду? Что стало съ этимъ семействомъ, въ которое я внесъ и радость и горе?

Помните ли вы, что я посолъ при дворѣ Георга-Четвертаго и пишу въ Лондонѣ въ 1822 то, что случилось со мной въ 1795.

Дѣла заставили меня прервать на недѣлю рассказъ, за который принимаюся опять сегодня. Въ это время, разъ утромъ, въ первомъ часу камердинеръ доложилъ мнѣ, что карета остановилась у воротъ и одна дама Англичанка желаетъ говорить со мной. Принявъ за правило въ моемъ политическомъ положеніи не отказывать никому, я велѣлъ просить эту даму.

Я былъ въ кабинетѣ, доложили о леди Сутонъ; вошла женщина въ траурѣ, съ двумя прекрасными мальчиками также въ траурѣ: одному казалось около шестнадцати, другому четырнадцать лѣтъ. Я подошелъ къ незнакомкѣ; она была такъ взволнована, что съ трудомъ держалась на ногахъ и сказала мнѣ -измѣнившимся голосомъ: «Mylord, do you remember me»? Припоминаете ли вы меня? — Да, я узналъ миссъ Айвзъ! годы пронесшіеся надъ ея головою оставили у ней только свою весну. Я взялъ ее за руку, посадилъ, самъ сѣлъ возлѣ, но не могъ сказать ни слова, глаза мои были полны слезъ; я смотрѣлъ на нее безмолвно сквозь эти слезы и чувствовалъ по тому что ощущалъ теперь какъ глубоко я любилъ ее! Наконецъ я могъ сказать ей въ свою очередь: «А вы узнаете ли меня?» Она подняла опущенные глаза и въ отвѣтъ бросила мнѣ взоръ улыбающійся и грустный какъ долгое воспоминаніе. Рука ея лежала въ моихъ рукахъ. Шарлотта сказала мнѣ: «Я въ траурѣ по матушкѣ; батюшка умеръ нѣсколько лѣтъ тому. Вотъ мои дѣти». При послѣднихъ словахъ, она отняла руку и углубилась въ кресла, закрывъ глаза платкомъ.

Скоро начала она опять:

— Милордъ, я теперь говорю съ вами языкомъ, которому учи-

лась у васъ въ Бенгѣ. Мнѣ стыдно, извините меня. Это дѣти мои и адмирала Сутона, за котораго я вышла черезъ три года послѣ отъѣзда вашего изъ Англии. Но теперь у меня голова не ва мѣстѣ и я не могу входить въ подробности. Позвольте мнѣ пріѣхать въ другой разъ.

Я спросилъ ея адрессъ и довелъ до кареты. Шарлотта дрожала и я прижалъ ея руку къ моему сердцу.

На другой день отправился я къ леди Сутоновъ и нашелъ ее одну. Тогда начался между нами цѣлый рядъ этихъ: *помните ли?* что оживляютъ цѣлую жизнь. При каждомъ *помните ли*, мы взглядывали другъ на друга, старались открыть на нашихъ лицахъ слѣды времени, жестоко размѣряющаго разстояніе отъ точки выхода и длину пройденнаго пути. Я спросилъ Шарлотту: «Какъ матушка сказала вамъ?... Она покраивѣла и отвѣчала съ живостью. «Я пріѣхала въ Лондонъ просить васъ хлопотать о дѣтихъ адмирала Сутона: старшій желаетъ отправиться въ Бомбей. Губернаторомъ Индіи назначенъ Каннингъ; онъ вашъ другъ и могъ бы взять моего сына съ собой. Я вамъ буду очень благодарна. Мнѣ такъ пріятно будетъ быть обязанной вамъ счастіемъ перваго моего ребенка. Она сдѣлала удареніе на послѣднихъ словахъ.

Ахъ, что вы мнѣ напоминаете? отвѣчалъ я. Какой переворотъ судьбы! Было время когда за гостепримнымъ столомъ вашихъ родителей принимали бѣднаго изгнанника, не презрѣли его страданій, думали можетъ-быть возвысить его до славнаго и неожиданнаго званія, а теперь просите его покровительства въ вашемъ отечествѣ! Я увижусь съ Каннингомъ; сынъ вашъ, какъ ни тяжело мнѣ назвать его этимъ именемъ, вашъ сынъ, если только это будетъ отъ меня зависѣть, отправится въ Индію. Но скажите мнѣ, что вамъ за дѣло до моего новаго званія? Какъ я вамъ теперь кажусь? Зачѣмъ вы называете меня *милордомъ*? это слово кажется мнѣ очень жестокимъ.

Шарлотта возразила: «Я не нахожу, чтобы вы перемѣнились, вы даже не постарѣли. Когда я говорила объ васъ родителямъ въ ваше отсутствіе, я всегда называла васъ *милордомъ*; мнѣ казалось, что вы должны носить этотъ титулъ; не считала ли я васъ своимъ мужемъ, *my lord and master*, властелиномъ и повелителемъ? Произнося эти слова, эта милая женщина походила на мильтонову Евву. На красотѣ ея лежала печать руки Божіей, которая создала ее.

Я бросился къ Каннингу и къ лорду Лондондеру; они мнѣ надѣлали затрудненій, по случаю ничтожнаго мѣста; точь въ точь

какъ во Франціи, точь въ точь какъ въ дипломатіи. Я отдалъ отчетъ леди Соутонъ въ моихъ попыткахъ; видѣлъ ее три раза. Въ четвертое мое посѣщеніе она объявила мнѣ, что возвращается въ Бенгѣ. Последнее свиданіе было горестно. Шарлотта опять говорила мнѣ о прошедшемъ, о нашей уединенной жизни, о нашихъ чтеніи, прогулкахъ, музыкѣ, увядшихъ цвѣтахъ, былыхъ надеждахъ. «Когда я узнала васъ», сказала она, «никто не произнеслъ вашего имени; а теперь кому оно неизвѣстно? Знаете ли вы, что у меня есть одно сочиненіе и нѣсколько писемъ, написанныхъ вашей рукою? Вотъ они». И она отдала мнѣ пакетъ. «Не оскорбляйтесь, что я не хочу ничего оставить себѣ отъ васъ», сказала она, и заплакала. «Farewell! Farewell!» повторила она, «вспомните о моемъ сынѣ. Я никогда не увижу васъ, вы не пріѣдете ко мнѣ въ Бенгѣ. — Пріѣду, вскричалъ я; привезу вамъ патентъ вашего сына. Она сомнительно покачала головою и ушла.

Возвратившись въ домъ посольства, я заперся и раскрылъ пакетъ. Въ немъ находилось только нѣсколько незначительныхъ моихъ записокъ и планъ ученія съ замѣчаніями на англійскихъ и италіянскихъ поэтовъ. Я надѣялся найти письмо Шарлотты; его не было; но я замѣтилъ на поляхъ рукописи нѣсколько англійскихъ, французскихъ и латинскихъ замѣтокъ. Вѣтхія чернила и пожелтѣлый почеркъ показывали какъ давно находились они на этихъ поляхъ.

Вотъ исторія моя съ миссъ Айвзъ. Оканчивая разсказъ, мнѣ кажется, что я второй разъ лишаюсь Шарлотты, на томъ самомъ островѣ, гдѣ я лишился ея въ первый разъ. Но между тѣмъ что я ощущаю къ ней теперь и тѣмъ что ощущалъ въ тѣ часы, которыхъ нѣжность првспоминаю, лежитъ цѣлое пространство невинности: страсти легли между миссъ Айвзъ и леди Соутонъ. Я не посвящу уже простодушной женщинѣ несорочность желаній, сладостное невѣденіе любви оставовившейся на границѣ мечтаній. Я писалъ тогда на пустотѣ грусти, а теперь по мнѣ мало и пустоты жизни. И если бъ я сжалъ въ объятіяхъ супругу и мать, ту, которая называлась мнѣ невинной супругой, я бы сжалъ ее съ какой-то яростью, чтобы раздавить, наполнить горестью и задушить эти двадцать-семь лѣтъ, предложенные мнѣ и отданные другому.

Я долженъ смотрѣть на чувство, о которомъ здѣсь вспоминаю, какъ о первомъ такого рода возникшемъ въ моемъ сердцѣ; оно не согласовалось однако съ моимъ бурнымъ характеромъ; оно

развратило бы его, сдѣлало бы неспособнымъ продолжительно вкушать святыя наслажденія. Тогда-то озлобленный несчастіями, уже заморскій пилигримъ, началъ мое удивленное путешествіе, я былъ осажденъ безумными идеями, изображенными въ таинствѣ Ренея; онѣ сдѣлали изъ меня самое страдающее существо, какое только было на землѣ. Какъ-бы то ни было, образъ Шарлотты бросивъ въ глубину души моей нѣсколько лучей истиннаго свѣту, разсѣялъ сначала рой призраковъ: демонъ мой какъ злой гений погрузился въ бездну и ждалъ только дѣйствія времени, чтобы снова явиться.

Сношенія мои съ Дебоффомъ по случаю печатанія *Essai sur les Révolutions* никогда совсѣмъ не прерывались; по пріѣздѣ въ Лондонъ, мнѣ очень нужно было скорѣе возобновить ихъ для поддержанія вѣщественной жизни. Но отчего же произошли мои послѣднія несчастія? Отъ упорства въ молчаніи. Чтобы понять это, надобно разобрать мой характеръ.

Ни въ какое время не могъ я преодолѣть душевной скрытности и одиночества, которыя препятствуютъ мнѣ говорить о всемъ томъ, что до меня касается. Никто не можетъ утверждать не солгавъ, чтобы я высказывался въ минуты горя, радости или тщеславія, какъ большая часть людей. Какоенибудь имя или призваніе малѣйшей важности никогда не выходитъ или очень рѣдко вырывается изъ моихъ устъ. Будучи увѣренъ какую глубокую скуку причиняешь другимъ говоря о себѣ, я никогда не упоминаю постороннимъ, о моихъ намѣреніяхъ, занятіяхъ, идеяхъ, привязанностяхъ, радостяхъ, печаляхъ. Я чистосердеченъ и правдивъ, но во мнѣ нѣтъ сердечной откровенности: душа моя всегда стремится къ уединенію; я никогда не высказываюсь и вполнѣ представилъ жизнь свою только въ этихъ *Запискахъ*. Если я пробую начать разсказъ, вдругъ мысль о длиннотѣ его пугаетъ меня; на четвертомъ словѣ звукъ голосу моего дѣлается мнѣ вестершимъ, и я умолкаю. Я во всемъ сомнѣваюсь, ничему не вѣрю кромѣ религіи; недоброжелательство и презрѣніе отличительныя черты французскаго характера; насмѣшка и клевета непремѣнное слѣдствіе довѣренности. Но что я выигралъ своею скрытною натурою? То, что сдѣлался какимъ-то фантастическимъ существомъ, которое не имѣетъ ни какого сходства съ моею дѣйствительностью. Даже друзья мои ошибаются во мнѣ, думая выставить меня съ лучшей стороны, украшая мечтами своей привязанности. Всѣ посредственности по переднимъ, по канцеляріямъ, газетамъ, кофейнямъ, предполагали во мнѣ честолюбіе, а у меня

совѣтъ его нѣтъ. Въ общихъ случаяхъ я холоденъ и сухъ и нисколько не похожъ на энтузіаста или сентиментальнаго; моя наблюдательность ясная и быстрая навсвѣзъ проникаетъ событія и человѣка и срываетъ съ нихъ всякую значительность. Вместо того чтобы увлекаться, идеализировать прикладныя истины, воображеніе мое самыя важныя событія дѣлаетъ ничтожными, уничтожаетъ самаго меня; мелочная и смѣшная сторона предметовъ тотчасъ бросается мнѣ въ глаза: великіе гении и великія дѣла не существуютъ для меня. Я готовъ оказать всякую учтливость, разсыпать похвалы, даже удивляться несчастнымъ тщеславіямъ, которыя выдаютъ себя за высокіе умы; но мое тайное презрѣніе смѣется и надѣваетъ фантастическія наски, на всѣ лица закоптѣвшія отъ оміама. Горячность моихъ мнѣній въ политикѣ никогда не дѣлала дѣлннѣ моея рѣчи или брошюрки. Во внутренней и теоретической жизни я самый мечтательный человѣкъ, въ общественномъ же и практическомъ быту самый положительный. Я былъ отваженъ и любилъ порядокъ, былъ страстенъ и методиченъ, нпкогда не было существа болѣе мечтательнаго и болѣе положительнаго, болѣе пламеннаго и болѣе холоднаго, какъ я; чудный гермафродитъ, составленный изъ различной крови моея матери и отца

Портреты написанныя съ меня, нисколько на меня не похожи, что происходитъ отъ моея скрытности въ словахъ. Толпа, если ее не предостерегутъ, слишкомъ легкомысленна, слишкомъ невнимательна для того, чтобы принудить себя разсмотрѣть людей, каковы они въ самомъ дѣлѣ. Когда случайно я старался въ моихъ предисловіяхъ исправить какое-нибудь изъ этихъ ложныхъ сужденій, мнѣ никто не вѣрилъ. А такъ какъ мнѣ рѣшительно все было равно, то я и не настаивалъ; слова «какъ вамъ угодно», всегда избавляли меня отъ скуки убѣждать людей или стараться возстановить истину; я укрываюсь въ свою совѣсть, какъ заяцъ въ нору; тамъ я начинаю опять разсматривать, шелестить ли листь, колышется ли травка. Я совѣтъ не выставляю за добродѣтель своей осмотрительности, непобѣдимой, невольной: она не фальшива, но кажется такою; не согласуется съ натурами счастливыѣ, сговорчивыѣ, павныѣ, щедрѣ, сообщительныѣ моея. Часто вредила она мнѣ въ чувствахъ и дѣлахъ, потому-что я терпѣть не могъ толкованій, примиреній чрезъ увѣренія, объясненій, жалобъ и слезъ, пустословія и упрековъ, подробностей и апологій.

Въ отношеніи семейства Айвзъ, мое упорное молчаніе обо мнѣ

самомъ было для меня очень гибельно. Двадцать разъ мать Шарлотты освѣдомлялась о моихъ родственникахъ и давала мнѣ случаи къ откровенности. Не предвидя до чего доведетъ мое молчаніе, я ограничивался по обыкновенію короткими и неопредѣленными отвѣтами. Еслибъ не эта неважнѣйшая черта характера, всякое недоумѣніе было бы устранено, и я не подалъ бы повода думать, что хочу обмануть благороднѣйшее гостепримство: истина, произнесенная мною въ рѣшительную минуту не извиняла меня; она не могла поправить зло, которое было уже сдѣлано.

Свѣдаемый горемъ и упреками, которые самъ себѣ дѣлалъ, я снова принялся за свой трудъ. Онъ даже мирилъ меня съ собою; мнѣ казалось, что, когда я прославлюсь, семейство Айвза не такъ будетъ расказываться въ участіи, мнѣ оказанномъ. Въ занятіяхъ моихъ главное мѣсто занимала Шарлотта, которую желалъ я примирить съ собою своею знаменитостію.

Когда я писалъ, образъ ея носился предо мною; и поднимая глаза отъ бумаги, я обращалъ ихъ къ обожаемому предмету, какъ будто оригиналъ его въ самомъ дѣлѣ былъ тутъ. Жители города Цейлона нѣкогда увидѣли восхожденіе дневнаго свѣтила въ необыкновенномъ великолѣпіи; вдругъ оно разверзлось и изъ него выступило блистательнѣйшее созданіе и сказала Цейлонцамъ: «Я буду царствовать надъ вами». Шарлотта, рожденная изъ свѣтлаго луча, царствовала надо мною.

Но оставимъ эти воспоминанія: воспоминанія какъ надежды дряхлѣютъ и уничтожаются. Жизнь моя измѣнится, она протечетъ подъ иными небомъ, въ иныхъ равнинахъ. Первая любовь юности моей, ты исчезаешь съ своимъ очарованіемъ! Правда, я опять увидѣлъ Шарлотту, но послѣ сколькихъ лѣтъ! Отраднѣйшій проблескъ прошедшаго, блѣдная роза сумраку, обрамливающаго ночь, когда солнце уже давно закатилось.

Жизнь изображали многіе, да и я самъ, въ видѣ горы, на которую карабкаются съ одной стороны, а съ другой стремглавъ валится внизъ: но также удачно можно было бы уподобить ее высокимъ Альпамъ съ плѣшивымъ лбомъ, съ свѣговой шапкой, безъ задней отлогости. По этому изображенію, странникъ все идетъ вверхъ и никогда не спускается; тогда онъ лучше видитъ пройденное пространство, тропинки, которыхъ не разбиралъ, но по которымъ однако жъ взобрался менѣе круто на подъемъ; и съ сожалѣніемъ, съ грустью смотритъ на точку, гдѣ началъ сбиваться съ пути. По случаю изданія въ свѣтъ моего «Essai historique», я долженъ отмѣтить первый шагъ, своротившій меня съ мирно:

дороги. Я окончилъ первую часть предначертаннаго труда — труда огромнаго — и послѣднія слова ея написалъ между мыслью о смерти — я снова заболѣлъ — было — и разсѣвшеюся мечтою: *In sompnis venit imago conjugis*. Мой *Essai* напечатанъ у Белли, явился у Дебозза, въ 1797. Это — годъ одного изъ превращеній моей жизни. Есть минуты, когда судьба наша, смиряется ли она передъ волей общества, повинуется ли природѣ, или начинается создавать изъ насъ то, чѣмъ мы должны навсегда остаться, внезапно сворачиваетъ съ первой черты, какъ рѣка, чѣмъ неожиданнымъ изгибомъ переизмѣняетъ свое направленіе.

Мой *Essai* — перечень бытія моего, поэтическаго, философскаго, писательскаго, политическаго. Разумѣется, что я надѣлся, сколько позволительно надѣяться, на большой успѣхъ сочиненія: мы авторы, маленькія чуда чудной эры, считаемъ себя въ правѣ заводить сношенія съ будущими поколѣніями, но я думаю, что домъ и улица потомства намъ плохо извѣстны и мы ошибочно выставляемъ его адресъ. Когда мы оцѣниваемъ въ могилѣ, то смерть такъ сильно оледенитъ наши слова, писанныя или воспѣтыя, что они не растаютъ какъ *мерзлыя слова* Раблѣ.

Моему *Essai* назначалось быть въ родѣ исторической энциклопедіи. Первый томъ, изданный одинъ, представляетъ уже довольно обширное изслѣдованіе; продолженіе было уже готово у меня въ рукописи; потомъ пошла, послѣ справокъ и отиѣтокъ въ лѣтописяхъ, пѣснопѣнія поэта Начеза и прочая, рукописи, послѣ сводокъ и пѣснопѣнія поэта *Natchez* и прочая. Едва постигаю теперь какимъ образомъ я могъ при жизни дѣятельной, скитальческой, подверженной такимъ злополучіямъ, предаваться такимъ многосложнымъ занятіямъ. Плодовитость эта объясняется упрямствомъ въ работѣ: въ молодости часто случалось мнѣ писать двѣнадцать и пятнадцать часовъ сряду, не вставая съ мѣста, вымарывать по десяти разъ и снова сочинять одну и ту же страницу. Лѣта нисколько не уменьшили во мнѣ прилежанія: вотъ и нынче дипломатическая переписка производится вся моею рукою, не мѣшая мнѣ писать для литературы. *Essai* надѣлалъ шуму между эмигрантами, онъ противорѣчилъ образу мыслей товарищей моего несчастія; независимость моя въ различныхъ общественныхъ состояніяхъ, почти всегда оскорбляла людей, съ которыми я шелъ по одной дорогѣ. Я попереизмѣнно командовалъ разными арміями; солдатами были мои послѣдователи: роялистовъ велъ я къ зановоуію благоразумія, котораго они ужасались; либераловъ собиралъ именемъ того же благоразумія подъ знамена

Бурбоновъ, которымъ они не довѣряли. Однако общее мнѣніе эмигрантовъ пристало къ моей сторонѣ изъ самолюбія; англійскія *Reviews* отозвались обо мнѣ съ похвалою; эти похвалы имѣли отраженіе. Все сословіе выходцевъ, которые скромно и гордо называли себя *Вѣрными*, пришло въ восхищеніе. Нѣсколько экземпляровъ книги послалъ я Лагарпу, Женгнѣ и Деллю. Леміеръ, племянникъ поэта Леміера и переводчикъ стихотвореній Грея, писалъ ко мнѣ изъ Парижа, отъ 15 іюля 1797, что мой *Essai* — тамъ въ великой славѣ. Но, если новая звѣзда засіяла въ первое мгновеніе, вѣрно и то, что она тотчасъ же была забыта: внезапная тѣнь поглотила первый лучъ моей славы.

Какъ я уже былъ почти важное лицо, то эмигрантская знать стала искать моего знакомства въ Лондонѣ. Я переселился изъ улицы въ улицу: отъ *Holborn-Tottenham Court-road*, я подвинулся до самаго *Hamstead*. Тутъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ у мистрисъ О'Ларри, вдовы, Ирландки, матери премиленькой дочки лѣтъ четырнадцати, отлично любившей кошекъ. Сердца наши, соединенные одинаковою страстью, дружно облились кровью при потерѣ двухъ пригоженькихъ васекъ, бѣлыхъ какъ горностан, съ черными пятнами на концѣ хвостовъ.

Къ мистрисъ О'Ларри приходили старыя сосѣдки, съ которыми я долженъ былъ пить чай по старинному обряду. Мадамъ де-Сталь описала эту сцену въ «Кориннѣ» у леди Энгермондъ. «*Ma chère*, какъ вы думаете, довольно ли уже горяча вода для чаю? — *Ma chère*, я полагаю, что надо еще подождать».

Бывала на этихъ вечерахъ также одна молодая Ирландка и красавица, Марія Ниль, подъ конвоемъ опекуна. Она отыскала въ глубинѣ моего взору какую-то рану, потому что говорила мнѣ *You carry your heart in a sling*, «вы носите сердце черезъ плечо». А я, право, я не знаю, какъ носить сердце.

Мистрисъ О'Ларри уѣхала въ Дублинъ. Тогда я снова, изъ колоніи бѣдныхъ эмигрантовъ Восточнаго Конца, перекочевалъ мало-по-малу до поселенія богатыхъ западныхъ эмигрантовъ, между епископовъ, камергеровъ, и семейства бѣжавшихъ изъ Мартиники колонистовъ.

Пельтиѣ опять отыскалъ меня: онъ женился на авось, вралъ по-прежнему, моталъ своей услужливостью и чаще заходилъ къ деньгамъ своихъ сосѣдей нежели къ нимъ самимъ.

Я свелъ много новыхъ знакомствъ, особенно въ тѣхъ обществахъ, гдѣ находились мои родственники. Христіанъ де-Ламоанъ-онъ, тяжело раненый въ сраженіи при Кибердонѣ, нынѣшній мой

товарищъ по палатѣ перовъ, подружился со мною и представилъ меня мадамъ Линдсѣ, благопріятельницѣ брата его, Августа. Мадамъ Линдсѣ была родомъ Ирландка, съ умомъ сухимъ, съ правомъ нѣсколько крутымъ, но съ прекрасною талією и пріятнымъ лицомъ, съ благородною душою и возвышеннымъ характеромъ. Вельможные эмигранты проводили вечера у каминна послѣдней Нивоны. Старый ладъ погибалъ съ своими сумасбродствами и своимъ изяществомъ. Когда янбудъ в его отроуть, какъ эти скелеты этрусскихъ владыкъ, украшенные ожерельями, браслетами, серьгами, которыхъ отрываютъ въ Веллетри.

Въ этихъ собраніяхъ повстрѣчался я съ Малуэ и съ мадамъ дю-Белоа, женщиною достойною привязанности; съ графомъ де-Монлозіе и съ кавалеромъ де-Панн. За этимъ числилась вполне заслуженная слава умицы, веряхи и обжоры; онъ принадлежалъ къ прежде-бывшему партеру тѣхъ странныхъ *hommes du goût*, которые сидѣли скрестя руки передъ французскимъ обществомъ: тѣхъ празднолюбцевъ, которыхъ должность состояла въ томъ, чтобы все высмотрѣть и все судить; они исправляли званіе нивѣтшихъ журналовъ, только безъ желчи, но, зато, и безъ большаго вліянія.

Монлозіе парилъ на крылахъ славы своей знаменитой фразы — *la croix de bois*, фразы, нѣсколько подержанной мною, когда я воскресилъ ее, но, въ сущности, справедливой. Изъ Франціи онъ сперва отправился въ Кобленць, былъ дурно принятъ принцами, завелъ тамъ ссору, пошелъ драться ночью на берегу Рейна и паткнулся на вертѣль какъ тетеревъ. Будучи не въ силахъ пошевелиться изги Божьей ве видя, онъ спросилъ у секундантовъ, вышелъ ли конецъ шпаги насквозь изъ спины: «На три дюйма», отвѣчали они, ошупывая. «Такъ это ничего! сказалъ Монлозіе, милостивый государь, извольте вытащить свой ударъ».

Монлозіе, получивъ такой пріемъ за свой роляизмъ, уѣхалъ въ Англію и укрылся въ литературѣ, главномъ лазаретѣ эмигрантовъ, гдѣ былъ и для меня соломенный тюфякъ подлѣ его тюфяка. Онъ попалъ въ редакторы газеты *Courier français*. Кромѣ журнальныхъ статей, онъ сочинялъ еще физико политико философскія книги, и въ одной изъ нихъ доказывалъ, что снѣій цвѣтъ есть цвѣтъ жизни, по той причинѣ, что жилы синѣютъ послѣ смерти: жизнь испаряется на поверхность тѣла и уходитъ обратно къ синевѣ небесъ. Какъ я очень люблю снѣій цвѣтъ, то это меня отлично очаровало.

Этотъ феодально либеральный аристократъ, съ пестрымъ умомъ,

склееннымъ изъ кусковъ и штукъ, мучительно рождаеть нескладныя идеи; но, когда ему удастся высвободиться отъ натуги, идеи эти иногда выходятъ прекрасны, главное, ужасно сильны; вмѣстѣ и волтеріанецъ и піетистъ, и охотникъ къ новому и обожатель стараго, онъ былъ бы, при язычествѣ, ревностнымъ послѣдователемъ новаго ученія въ теоріи и стараго на практикѣ, и приказалъ бы нововводителя бросить въ прудъ на пищу муренамъ отъ имени и во славу нововведенія. Въ бесѣдѣ, бывшій римскій депутатъ отъ дворянскаго сословія, не разбиралъ, а ломалъ въ дребезги доказательства, прыгалъ смертельными скачками съ вывода на выводъ, царапалъ вась нещадно рассужденіемъ своимъ, острымъ, жесткимъ, щетивистымъ; но оказывалъ однако жъ снисхожденіе къ сильнѣйшимъ и старшимъ. Выгодъ своихъ онъ не упускалъ, но терпѣть не могъ, чтобы это замѣчали, и за дворянскую честь свою пряталъ всѣ свои человѣческія слабости. Не хочу душно говорить, ни объ немъ, ни объ его романсахъ, ни объ его полемикѣ; мнѣ нравится его каменно-киргизская персона, и только противны его длинныя, темныя развитія, его шипучіе водовороты мыслей, со вставками, скобками, харканьями и козынными *о!... о!...* Я ненавижу все мрачное, запутанное, туманное, головоломное. А впрочемъ для меня очень забавенъ этотъ естественный испытатель огнедышащихъ горъ, неудавшійся Паскаль, горный ораторъ, который голосить на трибунѣ, какъ маленькіе трубочисты, его земляки — на крышѣ, съ дымовыхъ пьедесталовъ; онъ очень милъ, этотъ газетчикъ пустошей и обветшалыхъ замковъ, этотъ либералъ, высунувшій носъ въ разбитое стекло готическаго окна, этотъ баричъ-пастухъ, почти женатый на своей молочницѣ и собственноручно сѣющій ячмень по снѣгу на вспаханномъ булыжникѣ. Притомъ же я вѣчно буду ему признателенъ за посвященіе мнѣ, возлѣ своей пюи-де домской избы, стараго чернаго камня, взятаго съ гальскаго кладбища, имъ самимъ открытаго.

Другой землякъ Сидонія Аполинарскаго, канцлера Лопиталья, Лафайетта, Томаса и Шанфора, выгнанный съ твердой земли подвигами республиканцевъ, аббатъ Делиль также расположился въ Лондонѣ. Съ гордостью эмигранты созерцали его въ рядахъ своихъ. Онъ воспѣвалъ наши несчастія, причиною больше, чтобы любить его музу. Онъ много трудился: по неволѣ когда мадамъ Делиль запретъ его и не выпускаеть, пока онъ не заработаетъ своего дня извѣстнымъ числомъ стиховъ. Однажды я пришелъ къ нему, но онъ заставилъ ждать себя, наконецъ вышелъ съ рас-

прослѣившіяся щеками: утврѣютъ будто надѣль Делль дала ему пощечины; но я этого не знаю, а говорю только то, что видѣлъ. Кто не слышалъ, какъ Делль читалъ свои стихи? Но рассказы-вала онъ очень хорошо. Лицо его, безобразное, ветсканное, но оживленное воображеніемъ, чудно шло къ вычурному произноше-нію, къ роду его таланта и къ званію аббата. Переводъ Георгикъ за изыатіемъ трогательныхъ мѣстъ — лучшее произведеніе Де-ллы: точно, какъ-будто читаешь Расина, переведеннаго на языкъ времени Людовика Пятнадцатаго.

Литература осьмнадцатаго столѣтія, за исключеніемъ нѣкото-рыхъ великихъ гениевъ, господствовавшихъ въ ней, поставленная между классическою литературой семнадцатаго столѣтія и роман-тической девятнадцатаго, не имѣетъ недостатка въ натуральности, а нарушаетъ естественность; она предалась буквальному рас-положенію словъ, не имѣя вполнѣ ни достаточной оригинальности новой школы, ни чистоты древней. Аббатъ Делль воспѣвалъ зѣмки среднихъ, какъ трубадуръ воспѣвалъ зѣмки древнихъ вѣковъ; стихи одного и баллады другаго показываютъ разницу, между возмужалой и дряхлѣющей аристократіей; аббатъ описываетъ чте-нія и шахматныя игры въ тѣхъ жилищахъ, гдѣ трубадуры воспѣвали крестовые походы и турниры.

Лучшіе наши проповѣдники и духовные писатели находились тоже въ Англіи: аббатъ Карровъ, о которомъ я уже говорилъ, по случаю біографіи сестры моей Юліи; Сень-Поль-де-Леонъ, строгій прелать, но ограниченный челоувѣкъ, много способство-вавшій къ тому, чтобы разъединить графа д'Артоа съ понятіями времени; эскій архіепископъ, подвергшійся клеветѣ за успѣхи въ свѣтѣ; и еще одинъ архіерей, ученый и благочестивый, но до такой степени скупой, что случись ему погубить свою душу, онъ никогда не выкупилъ бы ея. Почти всѣ скряги — умные люди: должно быть я очень глупъ.

Между Француженками Западнаго Конца, славилась графиня де-Боанъ, любезная, остроумная, даровитая, прехорошенькая и са-мая молодая изъ всѣхъ графинь; вполсѣдствіи она съ отцомъ сво-имъ, маркизомъ д'Осмомомъ, гораздо лучше чѣмъ я дикарь, пред-ставляла французскій дворъ въ Англіи. Она теперь сочиняетъ, и раззолоченное перышко отлично воспроизведетъ у ней то, что видѣли прекрасные глазки.

Графиня де-Комонъ, де Говтѣ и дю-Клюзель жили въ той же части горда, въ посадѣ изгнанныхъ благополучій; а впрочемъ, въ отношеніи къ графинямъ де-Комонъ и дю-Клюзель, я можетъ-

статься и ошибся. Я только мелькомъ завидѣлъ ихъ въ Брюсселѣ.

Очень вѣроятно, что въ это время и герцогиня де-Дюрà была въ Лондонѣ; мнѣ суждено было познакомиться съ нею уже десятию годами позже. Сколько разъ въ жизни случается, не замѣчая, проходить мимо тѣхъ, кто украсилъ бы жизнь собою! Такъ мореплаватель мчится по водамъ мимо земли, возлюбленной небомъ, въ которую не попадаетъ онъ однимъ горизонтомъ, однимъ днемъ попутнаго вѣтру. Пишу это на берегу Темзы, и завтра же пойдетъ письмо по почтѣ сказать герцогинѣ де-Дюрà на берегу Сены, что я повстрѣчался съ первымъ воспоминаемъ нашимъ.

Время отъ времени революція высылала къ намъ эмигрантовъ новаго рода и новыхъ мнѣнй; образовались различные слои изгнанниковъ: кора земная заключаетъ въ себѣ слои песку или глины, осаженные волнами потопа. Одна изъ этихъ волнъ принесла мнѣ человѣка, потерю котораго оплакиваю и понынѣ; онъ былъ моимъ руководителемъ въ словесныхъ наукахъ; его дружба составляла гордость и утѣшеніе моей жизни.

Въ одной изъ книгъ этихъ «Записокъ» можно видѣть, что я познакомился съ Фонтанемъ въ 1789. Въ прошедшемъ году, въ Берлинѣ, я узналъ объ его смерти. Онъ родился въ Ниортѣ отъ благородной протестантской фамиліи. Отецъ его имѣлъ несчастье убить на дуэли своего зятя. Молодой Фонтанъ, воспитанный братомъ, человѣкомъ съ высокими достоинствами, пріѣхалъ въ Парижъ. При немъ умеръ Вольтеръ, и представитель осьмнадцатаго столѣтія внушилъ ему первые стихи. Его поэтические опыты были замѣчены Лагарпомъ. Онъ задумалъ писать для театра и сдружился съ прелестной актрисой Дегарсенъ. Живя близъ Одеона и часто шатаясь около Картгейзерня, онъ воспѣлъ его удивленіе; встрѣтился съ другомъ Жуберомъ, которому суждено было сдѣлаться моимъ другомъ. Настала революція. Поэтъ присоединился къ партіи веподвижныхъ, которые всегда умираютъ растерзанные движущейся партією: эта таяетъ ихъ впередъ, а отстала — назадъ. Ромлисты дали мѣсто Фонтаню въ редакціи журнала *Modérateur*. Когда настали страшные дни, онъ уѣхалъ въ Лионъ и женился. Жена родила сына: во время осады города, — который революціонеры прозвали *commune affranchie*, такъ же какъ Людовикъ Одиннадцатый, изгнавъ гражданъ, назвалъ Аррасъ *ville franchise*; — жена Фонтана принуждена была переставлять колыбель сына, чтобы спасти его отъ бомбъ. Возвратив-

шись въ Парижѣ, девятаго термидора, Фонтанъ съ Лагарпомъ и аббатомъ Вокседемъ основали *Mémoires*. Когда онъ былъ изгнанъ, осьмнадцатаго фруктидора, Англія сдѣлалась для него спасительною пристанью. Фонтанъ съ Шениэ были послѣдними писателями классической школы старшей отрасли: проза и стихи его имѣють одинаковое сходство и достоинство. Въ его мысляхъ и картинахъ проглядываетъ грусть, невѣдомая вѣку Людовика-Четырнадцатаго, которому была знакома только суровая и святая скорбь религіознаго краснорѣчія. Эту грусть можно найти въ твореніяхъ пѣвца «*Jour des morts*», какъ отпечатокъ эпохи; она показываетъ, что онъ явился послѣ Руссе и, по вкусу, происходилъ отъ Фенелона. Если бы сочиненія Фонтана сократить въ два маленькіе томка, одинъ въ стихахъ, другой — въ прозѣ, это былъ бы самый изящный надгробный памятникъ, какой только можно воздвигнуть на могилѣ классической школы.

Между бумагами, оставленными моннъ другомъ, находится нѣсколько пѣсней изъ поэмы «Освобожденная Греція», оды и различнаго роду стихотворенія. Болѣе онъ ничего не издалъ самъ; критикъ такой тонкій, просвѣщенный и безпристрастный, когда политическія мнѣнія не ослѣпляли его, ужасно страшился критики. Онъ былъ очень несправедливъ къ мадамъ де-Сталь. Завистливою статьею на «Наварскій лѣсъ», Гарра думалъ вдругъ остановить его на поэтическомъ поприщѣ. Фонтанъ, явившись, убилъ ненатуральную школу Дорá; но не могъ возстановить классической, которая исчезала вмѣстѣ съ языкомъ Расина.

Изъ числа одъ, изданныхъ по смерти Фонтана, въ одѣ на день его рожденія можно найти всю прелесть «*Jour des morts*», но съ трогательнѣйшимъ и болѣе самостоятельнымъ чувствомъ. Помню только слѣдующія двѣ строфы:

La vicillesse déjà vient avec ses souffrances:
Que m'offre l'avenir? De courtes espérances.
Que m'offre le passé? Des fautes, des regrets.
Tel est le sort de l'homme; il s'instruit avec l'âge;

Mais que sert d'être sage,
Quand le terme est si près?

Le passé, le présent, l'avenir, tout m'afflige;
La vie à son déclin est pour moi sans prestige;
Dans le miroir du temps elle perd ses appas.
Plaisirs! allez cherchez l'amour et la jeunesse,
Laissez-moi ma tristesse,
Et ne l'insultez-pas!

Ничего въ свѣтѣ не могло быть для Фонтана противнѣ моего способа писать. Мною началась вѣстѣ со школою, прозвательною романтическою, переворотъ въ литературѣ; несмотря на то, другъ мой вмѣсто того, чтобы возставать противъ моего барбаризма, приходилъ отъ него въ восторгъ. Я видѣлъ изумленіе на его лицѣ, когда читалъ ему отрывки изъ «Начеза», «Аталы» и «Ренея»; онъ не могъ подвести эти произведенія подъ общія правила критики; но чувствовалъ, что ему открывался новый міръ, видѣлъ новую природу; понималъ языкъ, которымъ не говорилъ. Я получилъ отъ него много превосходныхъ совѣтовъ; ему обязанъ я правильностью слога; онъ научилъ меня уважать деликатность слуха и недопустилъ впасть въ сумасбродство вымысла и рогатое исполненіе моихъ подражателей. Я былъ очень счастливъ, опять увидѣвъ его въ Лондонѣ, облаканнаго всѣми эмигрантами; всѣ просили пѣсни «Освобожденной Греціи», толпились его слушать. Онъ нанялъ квартиру противъ моей и мы уже не разставались. Мы присутствовали при зрѣлищѣ, достойномъ этихъ несчастныхъ временъ: Клеры, въ недавнемъ времени прибывшій сюда, читалъ намъ свои «Записки» въ рукописи. Можно судить объ умилениіи изгнанниковъ, слушавшихъ рассказъ камердинера Людовика-Шестнадцатаго, очевидца страданій нашего монарха! Испуганная «Записками» Клеры, директорія напечатала ихъ въ искаженномъ видѣ, введя туда самыя грязныя революціонныя гнусности. Вотъ вамъ нравственность проповѣдниковъ свободы!

Дютей, повѣренный графа д'Артоа въ Лондонѣ, посилъ приглашать Фонтана, который просилъ меня сопутствовать ему къ агенту принца. Мы нашли его окруженнаго всѣми романистами, избившими пикадельскія мостовыя, толпою шпионовъ и плутовъ, ускользнувшихъ изъ Парижа подъ различными именами и различно переодѣтыхъ, и тучею искателей приключенія, бельгійскихъ, нѣмецкихъ, ирландскихъ, продавцевъ контръ-революціи. Въ отдаленіи отъ этой толпы находился человекъ тридцати или тридцати двухъ лѣтъ; никто на него не смотрѣлъ, да и самъ онъ обращалъ вниманіе только на картину, изображавшую смерть генерала Вольфа. Пораженный его видомъ я спросилъ: кто это? Одинъ изъ моихъ сосѣдей отвѣчалъ: «Да это никто! такъ себѣ... мужикъ изъ Ванден... пріѣхалъ съ письмомъ отъ своего старшаго».

Этотъ человекъ, этотъ *никто*, видѣлъ смерть Катлинѣ, перваго вандейскаго генерала и такого же мужика какъ онъ самъ,

смерть Боншана, въ которомъ отжилъ Байардъ; Лескура вооруженнаго власницей, непроницаемой для пули; Делбея, разстрѣланнаго въ креслахъ, потому что раны не позволили ему встрѣтить смерть стоя; Ларошжаклена, трупъ котораго революціонеры приказали *освидѣтельствовать*, чтобы обезпечить Конвентъ въ побѣдахъ. Этотъ человекъ, этотъ никто принималъ участіе въ двухъ стахъ взятіяхъ и сдачахъ городовъ, селъ, редутовъ, видѣлъ семсотъ частныхъ битвъ и семнадцать правильныхъ сраженій; сражался съ тремястами тысячъ человекъ регулярнаго войска и съ шестью или семьюстами тысячами рекрутъ в національныхъ стражахъ; способствовалъ къ отнятію ста пушекъ и пятидесяти тысячъ ружей, прошелъ *адскія колонны*, толпы зажигателей, предводительствуемыхъ членами конвента; находился среди огненного океана, который три раза волнами своими поглощалъ гѣса Ванден; наконецъ видѣлъ погибель трехъ сотъ тысячъ сельскихъ Геркулесовъ, сотрудниковъ его подвиговъ; видѣлъ какъ сто квадратныхъ миль плодородной земли превращался въ пустыню непла. И онъ *никто!* Вотъ вамъ благодарность почтенныхъ нашихъ защитниковъ престола и вѣры. Двѣ Франціи встрѣтились на почвѣ, уравниной имъ. Вся старая кровь и всѣ старыя воспоминанія, что еще были во Франціи отъ крестовыхъ походовъ, боролись съ новой кровью и надеждами революціонной Франціи. Побѣдитель ощутилъ величіе побѣжденнаго. Тюрб, республиканскій генералъ объявилъ, что «Вандейцы займутъ въ исторіи первое мѣсто между воинскими народами». Другой генералъ писалъ къ Мерлину изъ Тіонвиля: «Войска, разбишіе такихъ Французовъ, могутъ надѣяться разбить всѣ другіе народы». Легіоны Пробуса, въ своихъ пѣсняхъ говорили тоже самое о нашихъ отцахъ. Бонапарте назвалъ борьбу Вандейцевъ «борьбою великановъ».

Въ толпѣ пріемной одинъ я съ удивленіемъ и почтеніемъ смотрѣлъ на представителя древнихъ *Жакозъ*, которые, въ царствованіе Карла-Пятаго, отразили нашествіе иноплеменниковъ; мнѣ казалось, что я вижу одного изъ простолудиновъ временъ Карла-Седьмаго, которые съ мелкими провинціальными дворянствомъ шагъ за шагомъ, нива за нивой завоевали французскую землю. У него былъ равнодушный видъ дикаря; взоръ сѣроватый и непроницаемый какъ сталь; нижняя губа дрожала надъ сжатыми зубами; волосы виспадали съ головы какъ оцѣненныя змѣи, но готовые воспрянуть; руки свѣсившія по обѣимъ сторонамъ судорожно потрясали огромными кулаками, изрубленными сабель-

шыми ударами; можно было принять его за пальщика досокъ. Физиономія выражала престопающую грубую натуру, силою обстоятельствъ поставленную къ защитѣ идей и выгодъ чуждыхъ этой натурѣ; врожденная вѣрность вассала, простая вѣра христіанства примѣшались къ суровой независимости, привыкшей цѣнить себя и отдавать себѣ справедливость. Чувство собственнаго достоинства казалось въ немъ только сознаниемъ силы своей руки и неустрашимости сердца. Онъ не говорилъ ничего какъ левъ, почесывался какъ левъ, зѣвалъ какъ левъ, наклонялся на сторону какъ соскучившійся левъ, и вѣроятно мечталъ о крови и льсахъ.

Вандейцы отправили депутацію къ изгнанникамъ; великаны просили у пигмеевъ предводителей. Дикорощенный посланникъ, котораго я разсматривалъ, схватилъ Революцію за горло и кричалъ «Входите; проходите за мною; она не сбѣзаетъ вамъ никакого зѣла и не пошевелится съ мѣста, я держу ее». Никто не захотѣлъ пройти; тогда Жаки выпустили Революцію и роковая телега сокрушила мечъ свой.

Между-тѣмъ какъ такія мысли пробѣгали въ головѣ моей при видѣ этого поселенца, какъ нѣкогда при видѣ Мирабо и Дантона, только совсѣмъ другаго рода, Фонтанъ имѣлъ особенную аудіенцію у того, котораго онъ въ шутку называлъ генераль-контролеромъ финансовъ; онъ вышелъ отъ него очень довольнымъ, потому что Дютей обѣщалъ поддержать изданіе моихъ сочиненій, а Фонтанъ только обо мнѣ и думалъ. Невозможно быть добрее этого человѣка: робкій за себя, онъ становился смѣлымъ для друзей; это доказалъ онъ во время моей отставки, по случаю смерти герцога Энгіенскаго. Въ разговорахъ онъ раздражался смѣшнo-литературнымъ глѣвомъ.

Въ политикѣ онъ ничего не смыслилъ; преступленія членовъ конвента возбудили въ немъ отвращеніе къ журналамъ, философическимъ умствованіямъ, идеологін, и сблизясь съ Бовшартомъ онъ передалъ и ему ту же ненависть.

Мы ходили прогуливаться за городъ; иногда останавливались подъ тѣнистыми вязами, разбросанными на лугахъ. Прислонясь къ какому-нибудь дереву, другъ мой рассказывалъ о прежнемъ путешествіи въ Англію до революціи, и читалъ стихи, которые писалъ онъ двумъ молоденькимъ леди, уже состарѣвшимся подъ сѣнью вестминстерскихъ башенъ; башни все по прежнему стояли на мѣстѣ, а у подножія ихъ погребены и мечты и юность его.

Часто мы обѣдали въ уединенной тавернѣ въ Челси, на Тезъ и разсуждали о Мильтонѣ, о Шекспирѣ; они видѣли то же что мы видимъ; саживали какъ мы на берегу этой рѣки, какъ чуждой, для нихъ родной. Ночью возвращались мы въ Лондонъ при мерцающемъ свѣтѣ звѣздъ, исчезавшихъ одна за другою въ туманѣ города. Тусклое освѣщеніе съ трудомъ указывало путь къ нашей квартирѣ сквозь угольный дымъ, принимавшій багровый цвѣтъ около фонарей: такъ протекаетъ жизнь поэта.

Мы подробно осмотрѣли Лондонъ: я старый изгнанникъ служилъ вмѣсто чичероне новымъ жертвамъ изгнанія, которыхъ Революція равно поражала какъ молодыхъ такъ и старыхъ: ни несчастія нѣтъ законныхъ лѣтъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ дождь и громъ застигли насъ и принудили искать убѣжища у подъѣзда влохаго домишка, ворота котораго случайно были отворены. Тутъ встрѣтили мы герцога Бурбонскаго: въ этомъ Шантильи я видѣлъ въ первый разъ принца, еще не послѣдняго изъ роду Ковлѣ.

Герцогъ Бурбонскій, Фонтанъ и я всѣ трое одинаково изгнанные, искали въ чуждой землѣ, подъ кровлею бѣдняка убѣжища отъ одной и той же бури. *Fata viam inveniunt.*

Фонтанъ былъ вызванъ во Францію. Онъ обіялъ меня съ желаніемъ скорого свиданія. По пріѣздѣ въ Германію, онъ написалъ ко мнѣ слѣдующее письмо:

28 іюля 1798.

« Если вы сожалѣли о моемъ отъѣздѣ изъ Лондона, повѣрьте, что и я жалѣлъ не менѣе вашего. Во всю жизнь свою я ишелъ только двухъ человекъ, которыхъ воображеніе и сердце пришлились мнѣ по душѣ: вы изъ числа ихъ. Никогда не забуду утѣшеній, которыя вы доставляли мнѣ въ изгнаніи и въ чуждой землѣ. Любимѣйшая, постоянная мысль моя, съ тѣхъ поръ какъ я разстался съ вами, обращается къ Начезу. Все что мы изъ него читали, въ особенности въ послѣднее время, восхитительно и никогда не выйдетъ у меня изъ памяти. Но очарованіе поэтическихъ идей возбужденное вами исчезло на мгновеніе по пріѣздѣ въ Германію. Самыя ужасныя извѣстія изъ Франціи послѣдовали за тѣми, о которыхъ я говорилъ вамъ при отъѣздѣ. Пять или шесть дней я находился въ мучительномъ безпокойствѣ. Я боялся даже говенія противъ моего семейства. Страхъ мой теперь очень уменьшился. Зло было и большое; грозятъ болѣе нежели вредятъ; тѣ до кого губителъ

« добираются не моего времени. Последний курьер привезъ мнѣ
 « увѣренія въ миръ и добромъ расположеніи. Я могу продолжать
 « дорогу и хочу пуститься въ путь въ первыхъ числахъ буду-
 « щаго мѣсяца. Я буду жить около Сенъ-Жерменскаго лѣса, въ
 « кругу своего семейства, съ Греціею и книгами, почему не могу
 « сказать и съ Начезомъ? Неожиданная буря въ Парижѣ прои-
 « зошла, я увѣренъ, отъ неосторожности агентовъ и правителей,
 « которыхъ вы знаете. У меня въ рукахъ самыя вѣрныя до-
 « казательства тому. Въ этой увѣренности, я написалъ въ Gre-
 « at-Pulteney-street — улица въ которой жилъ Дютеи — со все-
 « возможною учтивостію и осторожностію, какихъ требуетъ
 « благоразуміе. Хочу избѣгнуть всякой переписки, по крайней-
 « мѣрѣ въ настоящее время, и оставляю въ большомъ недоу-
 « мѣніи на счетъ моихъ предпріятій и мѣста жительства, ка-
 « кое хочу избрать. Впрочемъ о васъ всё говорю съ друже-
 « скимъ участіемъ и отъ глубины сердца желаю, чтобы надежда
 « получить отъ меня пользу, поддерживала доброе расположеніе,
 « оказываемое мнѣ въ этомъ отношеніи, и которое вы своими
 « талантами вполне заслуживаете. Трудитесь, трудитесь, любез-
 « ный другъ, сдѣлайтесь знаменитымъ. Вы можете этого дости-
 « гнуть; будущее принадлежитъ вамъ. Надѣюсь, что слово такъ
 « часто даваемое *генералъ контролеромъ финансовъ*, хотя впло-
 « вину исполнилось. Эта надежда утѣшаетъ меня, потому-что я
 « не могу допустить мысли, чтобы прекрасное твореніе остано-
 « вилось за недостаткомъ поддержки. Пишите ко мнѣ; пусть наши
 « сердца сообщаются и наши музы навсегда останутся друзьями.
 « Вѣрьте, что когда буду въ состояніи свободно прохаживаться
 « въ своемъ отечествѣ, я приготовлю для васъ улей и цвѣты возлѣ
 « моихъ. Привязанность моя къ вамъ непоколебима. Я буду
 « одинокъ до-тѣхъ-поръ пока не буду съ вами. Говорите мнѣ о
 « вашихъ трудахъ. Въ заключеніе хочу порадовать васъ: на бе-
 « регахъ Эльбы я написалъ половину новой пѣсни и доволенъ
 « ею болѣе чѣмъ всѣми остальными. Прощайте, вѣжно обнимаю
 « васъ, другъ вашъ.
 « Фонтанъ.»

Фонтанъ извѣщаетъ меня, что переиная мѣсто изгнанія онъ
 пишетъ стихи. У поэта никогда нельзя отнять всего; съ собою
 уноситъ онъ лиру. Оставьте лебедю крылья; и всякой вечеръ,
 незнакомыя рѣки повторятъ мелодическія жалобы, которыми
 охотнѣе онъ огласилъ бы Эвротасъ.

Будущее принадлежитъ вамъ: правду ли говорилъ Фонтанъ?

Долженъ ли я радоваться его предсказанію. Увы! это предсказанное будущее уже прошло: наступить ли для меня другое?

Горестно предвозвѣстило мнѣ объ увеличивающемся одиночествѣ это первое благосклонное письмо перваго друга моего въ жизни, друга, который неразлучно сопутствовалъ мнѣ въ продолженіи двадцати-трехъ лѣтъ послѣ этого письма. Фонтанъ уже не существуетъ: глубокая печаль, трагическая смерть сына преждевременно свела его въ могилу. Почти всѣ люди, о которыхъ я говорю въ этихъ *Запискахъ* исчезли: я веду синодикъ, по которому отправляется поминовеніе усопшимъ. Еще нѣсколько лѣтъ и я обреченный вестъ списокъ умершихъ, никого не оставивъ послѣ себя, кто бы начерталъ имя мое въ книгѣ отсутствующихъ.

Но если ужъ нужно, чтобы я оставался одинъ, если нѣтъ подлѣ меня ни одного живаго любящаго существа, чтобы проводить меня до послѣдняго жилища; менѣе чѣмъ кто либо другой нуждаюсь я въ путеводителѣ; я освѣдомился о дорогѣ и хорошо изучилъ мѣста, черезъ которыя долженъ проходить; я хотѣлъ разглядѣть чтó случается въ послѣднія минуты. Часто на краю могилы, въ которую опускали на веревкахъ гробъ, я прислушивался къ тревію веревокъ, потомъ къ гулу первой горсти земли, брошенной на гробъ, врыв каждой новой горсти, глухой шумъ пустоты уменьшался, земля наполняя могилу мало-по-малу налагала вѣчное безмолвіе на поверхность гробницы.

Фонтанъ! ты написалъ мнѣ: *Пусть музы наши навсегда останутся друзьями*; и ты не напрасно это писалъ!

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Въ первую недѣлю концертовъ дѣятельность обществъ Симфоническаго и Филармоническаго доставила разительный перевѣсъ серіозной музыкѣ надъ музыкою современною. На второй недѣлѣ напротивъ, послѣдняя двинула впередъ своихъ храбрѣйшихъ и знаменитѣйшихъ бойцовъ, и не только одолѣла первую, но даже рѣшительно приобрѣла себѣ исключительное владычество.

Въ воскресенье утромъ 27 февраля даны были, въ одно и то же время, два концерта: одинъ въ залѣ Дворянскаго Собранія дѣвятицами Погожевыми, другой въ залѣ университета господами Лундомъ и Гейнмейеромъ. Первый начался извѣстнымъ Concertstück Вебера, который большая часть пианистовъ играетъ теперь въ своихъ концертахъ въ подражаніе Листу. Концертъ исполненъ былъ дѣвятию Вѣрою и притомъ въ присутствіи многочисленной

публики. Госпожа Погожева сыграла это прекрасное, характерное произведение съ большимъ выраженіемъ и бѣглою (которой впрочемъ иногда недоставало вѣрности), и тѣмъ самымъ представила новое доказательство своего таланта. Мы однимъ только были недовольны—*ея пониманьемъ* этой пьесы или лучше сказать *ея непониманьемъ*, потому что изъ ея исполненія не видно было, чтобы она понимала то, что играла. То прерывала она себя среди страстнаго блестящаго пассажа, для того, чтобы прогремѣть въ басу октавами à la Liszt, то уродовала мотивъ неумѣстными *tempo rubato* или фюритурами à la Sophie Bohrer. Мы готовы допустить, что юношескій умъ дѣвятицы Вѣры не въ состояніи еще обрѣсть вполнѣ той страстной энергіи, которою проникнуто произведение Вебера. Но спрашивается, для чего же она выбрала для исполненія такую пьесу? или если ужъ безъ этого нельзя было обойтись, то для чего она не придерживалась строго нотъ и того способа выраженія, который обозначаетъ самимъ композиторомъ. Такимъ образомъ при своемъ хорошемъ механизмѣ, она все таки исполнила бы пьесу не дурно и, главное, не навлекла бы на себя упрека въ мадерности, упрека тѣмъ болѣе для нея чувствительнаго что она еще очень далека отъ тѣхъ образцовъ, которыми думаетъ подражать въ этомъ отношеніи.

Мы не слышали остальной части этого концерта, потому что спѣшили ко второй части концерта Лунда и Гейнемейера. Уже до входа въ залу насъ поразила странная музыка: пѣбвые, воздушные звуки, смѣшанные съ какой-то неприятной стукотней. Мы вошли въ залъ и тутъ только узнали увертюры Мендельсона изъ *Sommernachtsstraum*. Что же касается до дирижера, то мы не могли разглядѣть его; голова его востоянно заслонена была нотнымъ пульпетомъ, за то руки были наружи и въ полномъ ходу; въ одной изъ нихъ развѣвался бѣлый платокъ, другая держала палочку, и въ этой-то палочкѣ мы узнали несноснаго нарушителя свокоиствія. При началѣ каждаго такта она съ такой силой ударяла по пульпету, что намъ право стало жаль несчастныхъ эльфовъ, которые такимъ образомъ должны были танцовать подъ палочными ударами. Мы надѣялись, что по крайней-мѣрѣ тутти заглушить стукотню этой мельницы—ни чуть не бывало: палочка и здѣсь взяла перевѣсъ, такъ что мы наконецъ радехоньки были когда она отстучала послѣдній аккордъ увертюры.

За увертюрой Мендельсона слѣдовала фантазія для флейты, на мотивы изъ оперы «Дочь полка», сочиненная и исполненная го-

сподвигомъ Гейнмейеромъ. Объ этомъ артистѣ мы скажемъ въ немногихъ словахъ: онъ превосходный, совершенный виртуозъ, тотъ его флейты слышь и слыжь, что чрезвычайно рѣдко бываетъ у флейтистовъ; однимъ словомъ господинъ Гейнмейеръ достойный преемникъ своего отца, который былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ артистовъ или лучше сказать, самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ флейтистовъ, какихъ намъ когда либо удавалось слышать.

Чтобы говорить о господинѣ Лундѣ, мы подождемъ другаго, болѣе удобнаго случая. Въ этотъ разъ онъ исполнилъ капризъ Эрвста изъ Пирата, который намъ такъ часто игралъ самъ композиторъ, что мы невольно боимся, чтобы не произнести этого сужденія о господинѣ Лундѣ подъ вліяніемъ воспоминаванья о знаменитомъ скрипачѣ, предъ игрою котораго блѣднѣетъ всякое исполненіе какъ бы ни было оно удачно въ частностяхъ. На слѣдующій день въ Михайловскомъ театрѣ былъ концертъ госпожи Коннигъ и господина Рубинштейна, гдѣ мы имѣли случай слышать сочиненный послѣднимъ концертъ для фортепіанъ. Эта піеса слѣдовала за увертюрою изъ Фигаро, прекрасно исполненною подъ дирекцію господина Вьетана, который въ этотъ разъ впервые явился передъ нами диржоромъ—отличіе которымъ по справедливости могли бы гордиться госпожа Коннигъ и господинъ Рубинштейнъ.

Ни одна форма музыкальнаго искусства не подвергалась столькимъ измѣненіямъ какъ концертъ. Концертомъ называлось сначала всякое соединеніе нѣсколькихъ голосовъ. Такъ наприимѣръ были церковные концерты (*concerti da chiesa*), состоявшіе изъ соединенія нѣсколькихъ голосовъ для пѣвца съ аккомпаниментомъ инструментовъ, и именно — органа. Изобрѣтатель этого рода концертовъ былъ Людовикъ Виадана, тотъ самый, который въ 1597 году одинъ изъ первыхъ проложилъ путь къ самостоятельному развитію мелодіи. Затѣмъ, когда инструментальная музыка развила свои предѣлы, возникъ, рядомъ съ тріо и квартетами, такъ называемый *concerto grosso*, творцомъ котораго считаютъ Генциани, передѣлавшаго двѣнадцать соло Форелли въ *concerti grossi*. Сюда же относятъ и Вивальди, который сочеталъ эти *concerti* съ хорами. Шейбе и Руссо утверждаютъ, что подъ концертомъ разумѣли такое музыкальное произведеніе, въ которомъ одинъ инструментъ игралъ попеременно съ оркестромъ (то есть струннымъ квартетомъ) и виѣтъ съ аккомпаниментомъ послѣдняго. Въ такомъ родѣ писали Радекеръ въ Гарлемѣ для фортепіано,

Гессе и Кванцъ для флейты, Тартини и Цани для скрипки. Такиимъ образомъ найдено было для концерта по крайней мѣрѣ болѣе твердое основаніе: одинъ инструментъ занималъ главную роль, и артистъ, игравшій на немъ, долженъ былъ въ отданныхъ ему на произволъ украшеніяхъ и каденсахъ выказывать свое искусство.

Бахъ писалъ концерты для двухъ и болѣе инструментовъ, гдѣ постоянно прилагалась fuga и въ особенности контрапунктъ. Впрочемъ, Бахъ называлъ концертами и сонаты безъ всякаго аккомпанимента (например, его знаменитыя произведенія въ этомъ родѣ f dur и h moll), имѣя въ виду въ этомъ случаѣ единственно искусство исполненія. Скоро принуждены были постановить различіе между концертами, въ которыхъ оркестръ служитъ только аккомпаниментомъ и тѣми изъ нихъ, въ которыхъ дѣйствіе оркестра болѣе самостоятельно, и гдѣ всѣ голоса равно стремятся къ одной цѣли. Концерты первой категоріи всегда будутъ имѣть эфемерное значеніе: какъ только техника искусства, на которой они основаны, подвигается впередъ, вмѣстѣ съ тѣмъ кончается и ихъ существованіе. Помнитъ ли кто-нибудь теперь концерты Вангала, Іадина, Коцелуха и Шейеля? Такая же участь грозитъ теперь многимъ знаменитымъ концертамъ. Совсѣмъ нвое концерты послѣдней категоріи. Моцартъ, Бетговенъ, а въ новѣйшее время Шпоръ и Мендельсонъ представили намъ прекрасныя образцы въ этомъ родѣ. Такиимъ образомъ концертъ приобрѣлъ индивидуальный характеръ и сталъ то же самое, что пѣніе соло съ хоромъ, однимъ словомъ, драматическая сцена, въ которой второстепенныя лица, несмотря на преобладаніе главнаго, дѣйствуютъ довольно самостоятельно. Концертъ, по словамъ одного изъ новыхъ эстетиковъ, есть отраженіе взыщной жизни въ глубокой, страстной душѣ, обставленное участіемъ толпы, притомъ отраженіе выраженное или цѣлымъ рядомъ ситуацій, или только въ-сколькими событіями. Написать такой концертъ никогда не удастся просто виртуозу, не одаренному талантомъ творчества и не владѣющему въ совершенствѣ всѣми средствами и формами искусства. Господинъ Рубинштейнъ доказалъ своимъ концертомъ, что онъ обладаетъ всѣмъ этимъ вполне, и что, если его произведеніе не имѣетъ достоинства совершенной зрѣлости, которая, впрочемъ, всегда бываетъ плодомъ многолѣтней опытности, то во всякомъ случаѣ онъ заслуживаетъ одобреніе, по своему удачному стремленію къ высокой цѣли. Разберемъ піесу господина Рубинштейна поподробнѣе, сколько намъ позволитъ память.

Первую часть, e-dur въ три четверти, начинаетъ струнный квартетъ весьма удачною главною темою. Тема эта повторяется духовыми инструментами и потому, послѣ нѣсколькихъ ударовъ литавръ, переходитъ въ сильнѣйшую фразу, за которой непосредственно слѣдуетъ tutti. — Эта часть состоитъ изъ такой же темы на басахъ, которая проходитъ чрезъ различные мольные тоны, достигаетъ a-dur и разрѣшается второю темою. За тѣмъ она легко переходитъ чрезъ a-moll въ e-dur и удачно оканчивается tutti. Соло начинается блестящими, необходимыми для виртуоза пассажами, въ которыхъ впрочемъ оно остается недолго и даетъ слышать главную тему; затѣмъ оно уклоняется въ чрезвычайно живой пассажный мотивъ. Тутъ начинается интересный разговоръ между фортепиано и оркестромъ: первому очень хотѣлось бы удержаться въ своихъ прекрасныхъ пассажахъ, но послѣдній гонитъ его постояннымъ напоминаніемъ на первую тему изъ одного тона въ другой, пока наконецъ, дойдя до g-dur, оно отказывается отъ своихъ пассажей и начинаетъ вторую тему. Послѣ кратковременнаго мелодическаго отдыха битва начинается снова: фортепиано защищается блестящими октавными пассажами, оркестръ напротивъ стоитъ за прежнія темы — но, внезапно заключается миръ и такимъ образомъ первая часть кончена. Andante a-moll въ четыре четверти начинается отдѣльными звуками трубъ, изъ которыхъ виолончели выводятъ пріятную мелодію. Струнный квартетъ вставляетъ сюда прекрасный аккомпаниментъ ницкато, который, при дальнѣйшемъ развитіи, приобретаетъ большую и большую самостоятельность. Малая септима, начинающая соло, предшествуя малой секстѣ, даетъ этому соло чрезвычайно пріятный отблескъ. Скоро мольный тонъ сдѣлается дурнымъ, что немножко напоминаетъ италянскую манеру. Впрочемъ переходъ этотъ далекъ отъ тривіальности; онъ постоянно развивается въ пріятной гармоніи, и приобретаетъ замѣчательное значеніе посредствомъ аккомпанимента духовыхъ инструментовъ. Окончаніе этой части тоже чрезвычайно эффектно: на среднихъ нотахъ слышится тема, а на верхнихъ пріятный аккомпаниментъ арпеджіо, совершенно въ Мендельсоновскомъ родѣ. Andante особенно нравится публикѣ, что весьма естественно. Надъ послѣднею частію композиторъ повидимому трудился всего больше: здѣсь два главныхъ мотива; къ нимъ присоединяется въ послѣдствіи тема первой части и наконецъ, не извѣстно по какой причинѣ, хоралъ. Все эти мотивы, сплетенные съ большимъ искусствомъ и талантомъ разрѣшаются въ хоралѣ. Отъ этого много-

сложнаго плана много пострадала идея созданиа: мѣсто свободнаго вдохновенiя заступила холодная спекуляцiя. Такимъ образомъ главные мотивы не приобрѣли достаточно силы, чтобы отчетливо обозначиться въ запутанныхъ сочетанiяхъ; и изъ всего запаса юморескскихъ силъ, искусства и таланта, созданся отдѣлъ пiесы, который хотя и приводитъ насъ въ удивленiе, но не удовлетворяетъ, потому что не выражаетъ высокаго торжества ликующей души и слѣдовательно не достоинъ цѣлаго произведенiя. Мы увѣрены что послѣ ближайшаго знакомства съ этимъ отдѣломъ концерта, многое въ немъ покажется намъ яснѣе, но вѣстѣ съ тѣмъ должны прибавить, что даже и это обстоятельство нисколько не говоритъ въ пользу произведенiя: концертъ, при самой глубинѣ созданiя, всегда долженъ имѣть рѣшительное поражающее дѣйствiе. Вѣроятно господина Рубинштейнъ, прослушавъ свой концертъ, самъ понялъ, что въ послѣднемъ отдѣлѣ его онъ задалъ себѣ задачу, неумѣстную въ такомъ родѣ произведенiй и рѣшшiю только въ квартетѣ или симфонiи, и потому въ слѣдующей своей пiесѣ достигнетъ той же цѣли болѣе простѣйшими средствами. Въ ожиданiи этого мы признаемъ съ своей стороны, что господинъ Рубинштейнъ заслуживаетъ теперь полнаго одобренiя уже за одно прекрасное стремленiе къ высокой цѣли, которое онъ выразилъ въ разбираемой нами пiесѣ. Нечего и говорить, что игра господина Рубинштейна вполне соответствовала его произведенiю: она была строга, сильна и отличалась необыкновеннымъ блескомъ, преимущественно въ октавахъ, въ которыхъ исполнитель выказалъ рѣдкую развитость кисти.

Въ четвертокъ 3 марта въ Михайловскомъ театрѣ давала концертъ госпожа Бореръ, въ которомъ исполнила двѣ пiесы, въ первый разъ: увертюру изъ Фрейшица, переложенную Листомъ и сонату Бетговена *ad-dur*. Оркестровая пiеса, переложенная на фортепиано, по нашему мнѣнiю, то же самое, что радуга или другое величественное явленiе природы изображенное простыми карандашемъ. Какъ хотите, рисунокъ всегда останется безцвѣтнымъ и едва-едва будетъ посильнымъ воспоминанiемъ видѣнаго. Но спрашивается, что если, при этихъ условiяхъ, прямое нарисуемъ вамъ кривымъ или кривое прямымъ? если изъ аллегро сдѣлаютъ анданте и обратно, если перемѣнять произвольное характеръ музыкальнаго произведенiя, нарушать основныя законы рима и сочетанiя фразъ, пренебрегутъ тантомъ: что тогда? Не будетъ ли это вмѣсто подражанiя, ужъ чисто исплаженiе? «O tempo rubato!» сколько сгубило оно истинныхъ талантовъ!

Здѣсь та же самая исторія, что со шелканьемъ языкомъ: сначала это шалость, потомъ привычка, и наконецъ, прежде нежели мы ее замѣтима, незлѣтима болѣзнь. Госпожа Бореръ тоже чересчуръ увлекается этимъ опаснымъ направлеиемъ. Въ увертюрѣ Фрейшница такая произвольная перемѣна tempo и характера цѣлыхъ фразъ еще отчасти понятна: такими средствами преодолеваются необыкновенныя трудности этой пьесы. Но что касается до сонаты Бетговена, то здѣсь tempo rubato, измѣнившее и изворную вариацию изъ трехъ осьмихъ почти въ четыре осьмихъ и совершенно спутавшее сочетаніе фразъ въ финаль—мы просто готовы были бы принять за слѣдствіе ложнаго пониманья пьесы, еслибы нѣкоторыя удачныя мѣста, напримѣръ печальный маршъ не убѣждали насъ въ противномъ. Вѣроятно госпожа Бореръ была немножко разсѣяна или просто нерасположена играть сонату Бетговена. Только этимъ можно себѣ объяснить пропускъ второй части послѣдней вариации. Въ фантазій Листа изъ Норны, которая принадлежитъ къ лучшимъ ея исполненіямъ, артистка явилась во всемъ своемъ обычномъ величій. Право не знаешь чему болѣе удивляться—механизму, незнающему на какихъ трудностяхъ, или необыкновенному вкусу, сообщающему всякой бездѣльи, фіоритурѣ и аккорду невыразимую прелесть. Въ самомъ дѣлѣ исполненіе было превосходно, и мы невольно почувствовали въ себѣ тотъ же восторгъ какъ и въ прошломъ году, когда слышали госпожу Бореръ въ первый разъ. Въ заключеніе госпожа Бореръ предложила публикѣ три пьесы на выборъ изъ огромнаго количества сочиненій во всѣхъ родахъ. Выборъ, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на давно слышанныя, «Мазурку» «Erlkönig» и «Pot-pourri di Festa». Если госпожа Бореръ въ самомъ дѣлѣ желаетъ представить блестящій опытъ своей музыкальной памяти, то пусть представитъ она выборъ не большинству, а истиннымъ знатокамъ музыки. Такой опытъ ей самой будетъ пріятнѣе, а между-тѣмъ отъ публики она его никогда не дождется.

Въ пятницу четвертаго марта господинъ Ричардъ Левинъ, волторнистъ изъ Вѣны, далъ большой концертъ. Главное достоинство этого артиста заключается въ исполненіи мелодій; впрочемъ мы полагаемъ, что волторна только въ этомъ отношеніи и можетъ являться самостоятельною. Господинъ Левинъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ исполненія, что особенно выказалось въ дуэтѣ на Шубертовы пѣсни. Но всего болѣе понравились публикѣ: «Wanderer», и «Ave Maria» любимые мо-

твы изъ оперъ Доницетти, которыя господинъ Левин исполнилъ съ большою пріятностію и искусствомъ.

Въ послѣднемъ концертѣ госпожи Бореръ, даваемъ 8 марта на Большомъ театрѣ, при чрезвычайно многочисленной публикѣ, испытаніе, на которое публика вызвала артистку, было уже нѣсколько строже и основательнѣе обыкновеннаго. Хотя и потребовали неизбѣжную *мазурку*, но съ нею и двѣ пѣссы, которыя госпожа Бореръ здѣсь еще не играла, именно: «*Verseuse*» Шопена и «*Марокскій маршъ*» Леопольда Мейера. Немедленное и отличное исполненіе этихъ двухъ пѣссъ, особенно послѣдней, доказало какъ нельзя лучше, что то, что говорится о необыкновенной памяти артистки, совершенно справедливо; впрочемъ въ послѣднемъ концертѣ убѣдились въ этомъ даже и невѣрующіе. Послѣ многократныхъ вызововъ, госпожа Бореръ снова сѣла за фортепіано, и сыграла по желанію нѣсколькихъ голосовъ, заглушенныхъ сначала большинствомъ, прелюдію и фугу *in cis* изъ первой части сочиненія Баха «*le clavier bien tempéré*». Въ сочиненіяхъ новыхъ писателей памяти много помогаетъ чисто выраженная фразеологія, самостоятельное развитіе мелодій, даже механической навыкъ пальцевъ. Совсѣмъ другое въ исполненіи наизусть фуги, гдѣ нѣтъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, и потому она по нашему мнѣнію можетъ служить лучшимъ доказательствомъ памяти. Если даже госпожа Бореръ не въ состояніи сыграть наизусть *всѣ* фуги Баха (къ чему она и не обязывается, выставляя на программѣ вообще «*фуги Баха*» безъ дальнѣйшихъ опредѣленій), и ограничится только фугами, находящимися въ «*le clavier bien tempéré*», или только половиною ихъ, даже одною четвертью, то мы и тогда должны удивляться ей какъ удивляемся арифметику Дазе, извѣстному своей сверхъестественной памятью. Въ наукахъ память почти необходима и имѣетъ высокое, самостоятельное значеніе; въ искусствѣ же напротивъ она болѣе ничего, какъ вспомогательное средство, средство довольно важное, впрочемъ всегда подчиненное воображенію и чувству, и само по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ самимъ искусствомъ. По этой причинѣ подобное испытаніе памяти больше ничего, какъ интересная рѣдкость, и у госпожи Бореръ вѣроятно, въ этомъ отношеніи, не много будетъ подражателей. *Tours de force*, болѣе достойные искусства, были вѣкогда публичныя импровизаціи, вошедшія въ моду со временъ Моцарта. Пѣанистъ могъ выказать въ нихъ свое знаніе, чувство, бѣглость, однимъ словомъ весь свой талантъ. Эти импровизаціи, кажется, умерли вмѣстѣ съ Гуммелемъ

и Мендельсономъ, изъ которыхъ особенно послѣдній отличался ими. Было бы жаль искусства, если бы мѣсто свободной, изобрѣтательной дѣятельности, необходимой при импровизаціи, заступила память, требующая головы, и не того, что именно составляетъ сущность искусства, — чувства.

Въ слѣдующую за тѣмъ пятницу давалъ концертъ господинъ Вьетанъ. Рѣдкое совершенство игры и прекрасное творческое дарованіе этого великаго артиста давно уже признаны и оцѣнены по достоинству, и потому намъ только остается сказать, (тѣмъ болѣе, что господинъ Вьетанъ исполнилъ въ этотъ разъ только одно новое, и притомъ не очень замѣчательное, произведеніе своего сочиненія), что онъ снова выказалъ себя вполне достойнымъ своей славы. Мы должны кромѣ того сказать ему громкое спасибо, въ чемъ вѣроятно намъ поможетъ и публика, за прекрасную увертюру Мендельсона: «Athalie», исполненную при этомъ случаѣ въ первый разъ въ Петербургѣ. Расинъ, какъ извѣстно, написалъ по порученію госпожи Ментемонъ, для размеченія Людовика Четырнадцатаго двѣ библейскія драмы: «Athalie» (Гоолия) и «Esther» (Эсфирь). Въ обѣихъ этихъ пьесахъ, по образцу древнихъ греческихъ трагедій, вставлены были хоры, заключающіе въ себѣ по большей части размышленія религіознаго содержанія. Музыка къ этимъ хорамъ, о которой самъ Расинъ говоритъ какъ о главной прелести драмъ, — сочинена была Жакомъ Бантистомъ Моро (Jean Baptiste Moreau). Теперь ее нигдѣ не отыщешь, развѣ быть можетъ въ какомъ-нибудь заваленномъ углу парижскаго архива.

Въ 1786 году исполнилъ эту трагедію въ Берлинѣ съ новой музыкой для хоровъ, написанной знаменитымъ въ то время Шульцомъ (Johann Peter Abraham Schulz). Пьеса такъ понравилась, что нѣкоторые номера сдѣлались популярными, какъ напримеръ первый хоръ: «Tout l'univers est plein» и потомъ «Rions, chantons, dit cette troupe impie». Съ этихъ поръ трагедія Расина не давалась безъ музыки Шульца. Но когда нынѣ царствующій король прусскій, вскорѣ во востшествіи на престолъ, назначилъ исполненіе почти уже забытой «Athalie», то дѣло пошло иначе. Успѣхи, совершившіеся въ музыкѣ съ-тѣхъ поръ, какъ Шульцъ написалъ свои хоры, были такъ огромны, что музыка добраго Іоганна Петера Абрагама никакъ уже не шла въ нынѣшнему вѣку, хотя нѣкоторыя мѣста въ ней были въ самомъ дѣлѣ прекрасны. Въ концертномъ залѣ пѣвческой Академіи можетъ быть и выслушали бы терпѣливо эту музыку, но въ

театръ она была невыносима. Такимъ образомъ «Athalie» исчезла со сцены. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Мендельсонъ написалъ музыку къ «Antigone» и «Sommernachtstraum», король далъ ему порученіе, написать новую музыку къ «Athalie». Вотъ исторія этого произведенія Мендельсонова, которое стоитъ на ряду съ лучшимъ, что онъ когда-либо создавалъ.

Мендельсонъ, какъ и Веберъ, вообще чрезвычайно счастливъ въ своихъ увертюрахъ (по правдѣ Мендельсонъ вездѣ счастливъ, почти всѣ его произведенія дѣлаютъ изъ его имени Felix — бывшее предзнаменованіе!). Но эта увертюра съ своимъ чудно торжественными храмовыми звуками и драматическимъ элементомъ прекрасна въ высочайшей степени. Она быть можетъ даже лучшая изъ всѣхъ увертюръ, написанныхъ Мендельсономъ. Въ насъ теперь невольно рождается желаніе прослушать всю піесу, тѣмъ болѣе, что публика въ этомъ случаѣ явно выразила къ ней свое сочувствіе. Съ тѣхъ поръ какъ мы слѣдимъ за музыкальною жизнью Петербурга, намъ ни разу не приводилось видѣть такого сильнаго впечатлѣнія; произведеннаго серіозной піесой на здѣшнюю публику. Не мѣшало бы Симфоническому Обществу, обладающему хоромъ и значительнымъ оркестромъ, обратитъ вниманіе на это обстоятельство и подумать объ исполненіи всей партіи.

Въ понедѣльникъ въ концертѣ Филармоническаго Общества, увертюра имѣла такой же успѣхъ: ее потребовали вторично. Въ этомъ концертѣ оркестръ былъ гораздо значительнѣе числомъ нежели въ концертѣ Вьётана, и потому слабая обстановка арфъ была еще замѣтна, тѣмъ болѣе, что трубы и арфы суть инструменты, сообщающіе этой піесѣ чрезвычайно характерный колоритъ. Трубы довольно сильны, чтобы проложить себѣ путь чрезъ всѣ звуки оркестра, но арфы слишкомъ слабы для этого чтобы не потеряться въ огромной массѣ звуковъ, они должны имѣть количественный составъ гораздо значительнѣе. Мы слышали исполненіе Аталіи въ Берлинѣ, подъ дирекцію самого композитора; въ оркестрѣ было тогда *осемь* арфъ и мы увѣрены, что въ этомъ случаѣ Мендельсонъ не отказался бы даже и отъ большаго числа, если бы онъ былъ подъ рукою. Кромѣ увертюры мы слышали еще въ этотъ вечеръ концертъ Бетговена для скрипки, исполненный господиномъ Вьётаномъ съ художественнымъ совершенствомъ. Въ этомъ произведеніи Бетговена на нѣмецкой почвѣ цвѣтутъ италіянскіе цвѣты Корелли и Тартини. Затѣмъ господинъ Рубинштейнъ исполнилъ концертъ своего сочиненія, о которомъ мы прежде говорили. За нимъ слѣдовало

нѣсколько незначительныхъ номеровъ пѣнія, и, наконецъ, венг-
 ливская симфонія Бетговена (с-moll). Чтѣ касается до ея испол-
 ненія, то оно нѣстами было не такъ безукоризнено, какъ слѣд-
 вало бы ожидать этого отъ Филармоническаго Общества.

Въ четвертокъ былъ концертъ госпожи Вольбрюкъ. Эта пѣв-
 ца имѣетъ пріятный и довольно обширный, но къ сожалѣнію
 теперь нѣсколько устарѣлый голосъ. Она очень мило исполняетъ
 романсы, но иногда беретъ за бравурныя піесы (напримѣръ,
 арія изъ «Эрнани», исполненная въ этотъ вечеръ), которыя ей
 вовсе не по силамъ. Отчего бы не довольствоваться исполнени-
 емъ миленькихъ бездѣлушекъ, которыя ей такъ удаются? тогда
 бы мы ее слушали постоянно съ удовольствіемъ. Многие изъ
 лучшихъ артистовъ участвовали въ этомъ концертѣ. Господинъ
 Герке сыгралъ опять фантазію изъ «Moïse» Тальберга; и за-
 служилъ ею какъ и всегда громкія рукоплесканія. Господинъ
 Мауреръ исполнилъ съ большимъ вкусомъ піесу на віолончелѣ;
 и, наконецъ, господинъ Вурмъ (который на дняхъ самъ дастъ
 концертъ) произвелъ фуроръ, сыгралъ на *cognet à piston* тему
 изъ «Пуританъ» Беллини.

Парижъ, 11 февраля. Разучиваніе «Пророка» продолжается
 дѣятельно, и скоро начнутся репетиціи въ театрѣ. Мейерберъ
 занятъ теперь сочиненіемъ увертюры.

Едва Лаблашъ и Персіани выѣхали изъ Аміена, какъ прибыла
 туда Тереза Миланолло. Своимъ смычкомъ она возбудила болѣе
 энтузіазма, чѣмъ знаменитые артисты и артистка своими голо-
 сами. Она дала нѣсколько концертовъ, и вотъ что говорятъ объ
 нихъ журналы: «Нѣтъ ничего изумительнѣе таланта Терезы Ми-
 ланолло, ничего восхитительнѣе, пріятнѣе пѣнія этого магическа-
 го смычка, очарованіе котораго всемогуще! Если цѣль искусства
 и въ особенности музыки вращаться, то послѣдняя никогда и ни
 въ комъ не имѣла истолкователя краснорѣчивѣе этой молодой
 дѣвушки. Она играетъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, и
 торжествуетъ надъ трудностями, почти непреодолимыми, со всею
 легкостью и увѣренностью великой художницы.»

Въ послѣднемъ концертѣ брошенъ былъ къ ногамъ прекрасной
 артистки великолѣпный вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. От-
 правляясь изъ Аміена, она оставила въ пользу бѣдныхъ 566 фран-
 ковъ. Теперь Миланолло въ Парижѣ, гдѣ на одномъ частномъ
 музыкальномъ вечерѣ, она играла свое очень оригинальное соче-
 неніе на тему Малбрука, въ родѣ «Венеціанскаго Карнавала»,
 великаго произведенія знаменитаго Эреста.

Господинъ Дошъ (Doche), управлявшій очень долго оркестромъ театра Водевилья отправился въ Петербургъ. Его мѣсто занялъ Монтобри, молодой артистъ съ большимъ талантомъ.

Недавно, во время представленія Иерусалима, послѣ «*pas de quatre*» въ третьемъ дѣйствіи, госпожа Марія такъ близко подошла къ лампѣ, что газовая ея юбка вспыхнула; артистка нагнулась, чтобы затушить ее, но потерявъ равновѣсіе, упала въ оркестръ. Къ-счастью, очаровательная танцовщица такъ ловко выполнила этотъ опасный скачокъ, что удачно очутилась на рукахъ почтеннаго господина Тольбека, второй скрипки, который смотрѣлъ на свой пуштырь и вѣроятно не успѣлъ и понять, что такое случилось.

Затѣмъ представленіе опять началось и госпожа Марія отдѣлась однимъ легкимъ обморокомъ.

Въ Théâtre Italien былъ блестящій спектакль, напомнившій лучшіе дни его. Давали «*Gazza ladra*»; госпожа Альбони взяла на себя роль Нинетты, Ронкони — подесты, Морелли — отца. Всѣ прочія роли отданы были новымъ артистамъ. Альбони надѣла костюмъ простой крестьянки изъ окрестностей Парижа: круглый чепчикъ, и красное платье съ черными полосами. Госпожа Мегіе играла роль Пипшо; очень замѣчательно было дуо втораго акта, пропѣтое, быть можетъ, въ первый разъ двумя контръ-альтами. Въ первомъ актѣ тріо Морелли, Ронкони и Альбони было повторено. Ронкони можетъ похвастаться достойнымъ наследникомъ Лаблаша въ роли подесты.

«*Gazza ladra*» была дана сряду четыре раза. Въ томъ же театрѣ данъ былъ замѣчательный концертъ, въ которомъ госпожи Альбони, Кастелланъ, Ронкони и господа Ронкони, Морелли, Бартолини пропѣли «*Stabat mater*» Россини и принимала участіе Тереза Миланолло.

Двадцать-четвертаго февраля было празднество въ церкви Святой Магдалины. При этомъ случаѣ оркестръ и хоры общества концертовъ исполняли похоронный маршъ Бетговена, «*Dies irae*», «*Requiem*» Керубини и «*Lacrymosa*» Моцарта. «*Domine salvam fac Rempublicam*» было оркестрировано Оберомъ. Оркестромъ дирижировалъ преемникъ Габенека, господинъ Жираръ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о концертѣ Прюдана. Въ настоящее время музыкальный фанатизмъ обратился къ музыкѣ классической. Это похвально и прекрасно, но къ чему же крайности. Если искусство продолженія четверти или полу-вѣка не шло впередъ въ смыслѣ науки, то много выиграло во всемъ,

что касается до инструментровки и механическаго совершенства, а притомъ, утративъ, быть можетъ, простоту и логичность, приобрьло много въ колоритѣ и поэзіи. Концертъ-симфонія Приюдана, которую игралъ онъ въ своемъ концертѣ, соединяетъ въ себѣ достоинства старой и новой школы, она оригинальна и художественна. Фантазія Приюдана на мотивы изъ Гугенотовъ и его этюды также вызвали громкія аплодиссменты. Кромѣ этого дѣвица Пуансо (Mlle Poinso), будущая артистка, провѣла арію изъ «Фердинанда Кортеса». Она владѣетъ довольно звучнымъ и сильнымъ голосомъ. Кстати сообщимъ здѣсь и программу этого концерта: Часть первая: увертюра изъ «Волшебной флейты» Моцарта, арія изъ «Фердинанда Кортеса» музыка Спонтини, будетъ пѣть дѣвица Пуансо. Concerto Symphonie: 1) allegro, 2) adagio, 3) rondo, сочиненное и исполненное Приюданомъ. Вторая часть: увертюра изъ «Фрейшюца»; фантазія на мотивы изъ «Гугенотовъ», сочиненная и исполненная Приюданомъ; арія изъ «Взятіе Іерихона» Моцарта, будетъ пѣть Пуансо; 1) «Souvenir d'enfance», 2) «Canzonetta», 3) «Pastorale», 4) «Farandole», этюды, сочиненныя и исполненныя Приюданомъ. Цѣна за входъ 5 франковъ. — Какая разница съ петербургскими цѣнами!

Наконецъ Лаблашъ возвратился въ Парижъ и пѣлъ въ Сепгентола и Don Pasquale. Въ послѣдней піесѣ особенно была хороша г-жа Кастелланъ, исполнявшая роль, которую создала Юлія Гризи.

Изъ Батавіи пишутъ, что туда уже прибылъ французскій корабль «Юлій Цезарь» съ драматическою французскою труппою, состоящею изъ одиннадцати артистовъ и осьми артистокъ. Труппа эта, подъ управленіемъ своего директора Оноре Куже (Honoré Couget) вскорѣ начнетъ свои представленія и будетъ давать трагедіи, комедіи и оперы.

Лондонъ, 27 января. Кажется, что теперь перевѣсъ вонической оперы долженъ склониться на сторону театра, управленнаго Митчелемъ, хотя артисты этой труппы не первыя знаменитости. Въ одинъ вечеръ даны въ первый разъ три оперы, каждая въ одинъ актъ: «Новый господинъ» — «Буаъ и портвой» и «Полишинель». Первая не смотря на восхитительную музыку Боальде произвела менѣе впечатлѣнія, вѣроятно потому что главные партіи были слабо выполнены. Напротивъ послѣдніи двѣ при участіи г-жи Шартоуъ и дѣвочки Гишаръ имѣла полный успѣхъ. Джени Линдъ и Лола Монтесъ присутствовали въ этомъ спектаклѣ.

На театрѣ St.-James была дана *La dame blanche*, лучшее произведеніе Боальдье, безъ перевода и безъ искаженій: значить Англичане поняли наконецъ этого композитора. Исполнителями были гг. Боннэми, Суайе, г-жи Шартоъ и Гшаръ.

Въ Англии, отечествѣ эгопзма, все дѣлается предметомъ спекуляціи; этой участи не избѣгаетъ и искусство. Теперь въ Лондонѣ набирается балетная труппа для Калифорніи. Эта страна сдѣлалась теперь сборнымъ мѣстомъ всего міра и потому очень кстати выбрали для театра пантомиму и танцы, какъ языкъ всемірный, всеобщій. Но что если труппа вздумаетъ сама отправиться за золотомъ на рудники, — что тогда дѣлать!

Десятого марта откроется королевскій италянскій Ковенъ-Гарденскій театръ. Будутъ даны четыре новыя оперы: *Mazaniello* (La Miette de Portici) Обера, Робертъ-дьяволъ, Тайный бракъ—Чимарозы и «Пророкъ» чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія этой оперы въ Парижѣ. Труппа будетъ состоять изъ слѣдующихъ знаменитостей: Гривзъ, Дорю-Гра, Полины Віардо, Катераны Гэй (Haues), Корбари, Ронкони, Стефанони, Ангри, Мерикъ, Беллини; Маріо, Салви, Лунджи Мен, Лавіа, Тамбурини, Ронкони, Массоль, Марини, Тальяфико, Полонини и проч. Сезонъ откроется оперою *Mazaniello*.

Берлинъ 25 февраля. Въ Берлинѣ въ день рожденія Моцарта давали «Свадьбу Фигаро».

На королевскомъ театрѣ вскорѣ снова поставятъ оперу *Meister Camp de Silésie*.

На дняхъ пріѣхаласюда новая примадонна, дѣвица Дилицъ. Эта артистка, Нѣмка по рожденію, воспитывалась въ Италіи. Такимъ образомъ въ берлинской италянкой труппѣ четыре пѣвицы изъ разныхъ націй: г-жа Фодоръ Француженка, г-жа Норманъ Англичанка синьора Родъ Испанка, и Дилицъ Нѣмка.

Опера Гретри «Ричардъ Львиное сердце» дана была въ бенефисъ Бадера. Этотъ спектакль былъ самымъ блестящимъ въ продолженіи всего сезона.

Сестры Неруды даютъ теперь съ большимъ успѣхомъ концерты въ Магдебургѣ.

Недавно умеръ молодой композиторъ Александръ Феска (не должно смѣшивать его съ другимъ сочинителемъ того же имени, умершимъ въ 1826 году). Онъ родился въ Карлсруэ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, и съ малолѣтства отличался необыкновенными музыкальными дарованіями. Онъ оставилъ почти со-

вершеною оконченную партію оперы «Ульрихъ Фонтъ Бретень», которую писалъ для королевскаго театра въ Берлинѣ. Другу своему Генриху Литольфу завѣщалъ онъ окончить это произведеніе, исполненное, какъ говорятъ, первоклассныхъ красотъ.

Въ Копенгагенѣ нѣсколько разъ давали новую оперу Глэзера «Бракъ на озерѣ Комо». Текстъ оперы принадлежитъ знаменитому романисту Андерсену.

Въ заключеніе расскажем читателямъ весьма занимательную біографію знаменитаго Габенека. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ великихъ артистовъ, которые вполне оправдали свое призваніе, сдѣлали все что хотѣли сдѣлать и даже болѣе, потому что ихъ стремленія были по силамъ ихъ таланту и характеру.

Сначала Габенекъ былъ только въ числѣ лучшихъ скрипачей своего времени и написалъ нѣсколько хорошихъ пьесъ для своего инструмента. Но назначеніе его было иное, а именно дирижировать оркестромъ. Это дарованіе въ Габенекѣ признали всѣ единодушно, съ перваго его дебюта.

Онъ былъ сынъ полковаго музыканта, уроженца изъ Мангейма, служившаго во Франціи — Габенекъ родился 1-го іюня 1781 года, въ Меззе. — Десяти лѣтъ онъ уже игралъ въ публичныхъ концертахъ, не имѣя другаго наставника кромѣ своего отца. Въ Брестѣ куда часто отправлялся полкъ, Габенекъ провелъ нѣсколько лѣтъ занимаясь музыкою одинъ безъ руководителя; здѣсь сочинялъ онъ концерты, даже и оперы, никогда не учившись этому искусству. Наконецъ ему удалось прійхать въ Парижъ, гдѣ онъ вступилъ въ Консерваторію въ классъ Балло, а въ 1804 году получилъ первую скрипичную награду и сдѣлалъ былъ репетиторомъ класса, въ которомъ учился. Императрица Жозефина, услышавъ его ягру, особенно вознаградила Габенека, назначивъ ему пенсію въ 1200 франковъ. Сперва онъ вступилъ въ оркестръ Комической оперы, за тѣмъ въ оркестръ Большой оперы и наконецъ занялъ мѣсто Крейцера.

Высокое призваніе Габенека обнаружилось впервые въ Консерваторіи, во время концертовъ учениковъ или иначе музыкальныхъ упражненій, въ которыхъ, по обыкновенію, дирижировали по очереди скрипачи (лауреаты) получившіе первую награду. Въ этомъ дѣлѣ Габенекъ обнаружилъ такое превосходство надъ своими товарищами-соперниками, что пальма первенства уступлена была ему единогласно. Въ Консерваторіи Габенекъ оставался до 1815 года.

Въ 1819 году, мѣсто директора оперы получилъ знаменитый скрипачъ, основатель новой школы, Виотти, который, какъ видно изъ письма его къ другу, былъ недоволенъ своимъ занятіемъ.

«Бѣдное мое дарованіе!» писалъ онъ. «Не ужасно ли чувствовать всю силу своей энергіи и не быть въ состояніи ни до-тронуться до скрипки, ни сочинить одной ноты. О! адская жизнь!» Въ 1821 году мѣсто Виотти занялъ Габенекъ. Хотя его управленіе не оставило по себѣ глубокихъ слѣдовъ, однако оно замѣчательно блестящимъ успѣхомъ оперы «Аладивъ или волшебная лампа», партицію которой окончилъ Габенекъ; композиторы «Аладива» были Николо и Бенникорн. Черезъ три года Ларош-фуко назначилъ Габенека капельмейстеромъ вмѣсто Крейцера, главнаго инспектора Консерваторіи, и образовалъ для него въ этомъ училищѣ третій классъ скрипки сверхъ классовъ Балъо и Крейцера.

Съ этого времени начинается самая блестящая эпоха дѣятельности Габенека, истолкователя тѣхъ гениальныхъ произведеній музыки, съ которыми онъ знакомилъ публику. Уже давно онъ внутренне благоговѣлъ предъ Бетговеюмъ и его симфоніями; но всякій разъ когда пытался познакомить съ ними публику, встрѣчалъ одиѣ неудачи. Въ упражненіяхъ Консерваторіи, онъ умѣлъ разыграть симфонію *Ut majeur*, но далѣе не могъ идти. Въ серьезныхъ концертахъ онъ отваживался играть симфонію *Re majeur* и *andante* изъ симфоніи *La*, которую исполняли подъ именемъ «Деревенская свадьба» но не смотря на всѣ успія Габенека, Бетговеюмъ ничего не выигрывалъ въ мнѣніи публики и оставался для нея композиторомъ вздорнымъ, мечтательнымъ, недоступнымъ.

Не такъ думалъ Габенекъ и рѣшился на послѣднее средство. Въ день Святон Цециліи онъ приглашалъ десятка три друзей и собратій позаняться у него музыкой, но съ тѣмъ, чтобы прежде позавтракать. Когда же всѣ собрались, Габенекъ сказалъ имъ: «Радъ страха фальшивыхъ нотъ, не лучше ли начать музыкою, а потомъ подать и завтракъ, смѣнявъ его на вкусныи обѣдъ». Всѣ согласились. Загремяла влѣдъ одна за другою симфонія герольдическая и симфонія *la*: восторгъ и энтузіазмъ были необыкновенны. Повязка спала не съ глазъ, а съ ушей музыкантовъ: Габенекъ наконецъ торжествовалъ, но не надъ ослѣпленіемъ, а надъ глухотою: благодаря ему Бетговеюмъ признали Бетговеюмъ.

Однако этотъ триумфъ Габенека стоилъ ему не дешево: едва

на обѣдъ достало цѣлаго его погребѣ, чтобы утолить жаръ энтузіазма.

Такимъ образомъ въ это достопамятное утро положено основаніе «Обществу концертовъ» (Société des concerts), произошедшее надежды своего основателя. Директоръ Консерваторіи Керубини отдалъ въ полное распоряженіе Габенекѣ одну изъ залъ, въ которой и даны были первые концерты этого Общества.

Удивленіе и восторгъ любителей мало-по-малу сообщались и другимъ, такъ что наконецъ зала не могла вмѣщать и осмой доли желавшихъ быть на концертѣ. Съ тѣхъ поръ, можно сказать, продолженіи двадцати двухъ лѣтъ артисты и любители стекались со всей Европы къ дверямъ Общества концертовъ, въ сѣни этого храма, гдѣ Бетговенъ былъ божествомъ, а Габенекъ его великимъ жрецомъ.

Съ этого времени исторія Общества концертовъ тоже, что и исторія Габенекѣ: прочтите отчеты за осемь или за девять ежегодныхъ концертовъ, и вы узнаете все, что имъ сдѣлано въ двадцать два года, все, чѣмъ обязано искусство этому великому челоуку.

Дѣятельность Габенекѣ не ограничивалась одною Консерваторіею: въ оперѣ онъ первый горячо и ревностно хлопоталъ за славу Мейербера, въ гениальность котораго также не вѣрили. Съ какимъ гениемъ этого не случается! Габенекъ наконецъ убѣдилъ этихъ невѣрующихъ великолѣпнымъ и художественнымъ выполненіемъ «Роберта Дьявола» и «Гугенотовъ»; онъ даже отправился въ Руанъ, чтобы тамъ дирижировать при выполненіи первой изъ названныхъ піесъ. Когда выступилъ на музыкальное поприще творецъ «Жидовки», Габенекъ не ошибся насчетъ достоинствъ піесы; онъ полюбилъ твореніе Галени, какъ и все прекрасное, великое и безсмертное.

Габенекъ одаренъ былъ особенною силою воли и твердостью характера; въ его физиономіи и взглядѣ было что-то внушавшее почтеніе. При своемъ тонкомъ умѣ, онъ умѣлъ, когда хотѣлъ, смягчать свою рѣчь, часто рѣзкую, и пользовался при случаѣ своею способностью убѣждать. Упорный въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ часто говорилъ о нихъ своимъ друзьямъ, излагая ихъ во всевозможныхъ формахъ, и поясняя со всѣхъ сторонъ. Мысль составить себѣ состояніе менѣе всего занимала Габенекѣ. Онъ былъ артистъ, и жилъ какъ артистъ, тратилъ что получалъ. Онъ горячо любилъ свое семейство, имѣлъ множество друзей и почитателей, былъ глубоко уважаемъ и любимъ своими учениками,

между которыми занимають первое мѣсто Аларъ и Кювильонъ. Должно также сказать, что онъ имѣлъ и знаменитыхъ соперниковъ и враговъ, такъ напримѣръ Крейцера, школа котораго была въ какомъ-то враждебномъ отношеніи къ школѣ Бальо.

Габенекъ всегда желалъ, чтобы на его похоровахъ играли похоронный маршъ изъ героической симфоніи Бетговена. Общество концертовъ, согласно его желанію, исполнило этотъ удивительный маршъ при внесеніи тѣла его въ церковь и въ оферторію. Обѣднѣ Керубини, написанная для 21-го января, была выбрана для этой церемоніи и исполнена превосходно.

Надъ могилой Габенека, на кладбищѣ Montmartre произнесли рѣчи: Мейердъ отъ имени Общества концертовъ, Эльвиръ — отъ имени Консерваторіи; Тейлоръ (Taylor) — отъ имени Общества артистовъ и музыкантовъ, Кювильонъ отъ имени всѣхъ учениковъ, и наконецъ Адольфъ Адамъ сказалъ нѣсколько словъ отъ имени всѣхъ композиторовъ, которые всѣ болѣе или менѣе обязаны чѣмъ-нибудь Габенеку.

Онъ умеръ на 68 году своей жизни, оставивъ вдову и двухъ дочерей.

В. ДАНКЕ.

=

КНИГИ ПО УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжныхъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотекѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петяля, № 3).

(Цѣны на серебро.)

	R. C.
AMORY (Mlle). Galerie des femmes célèbres, depuis le 1-er siècle de l'ère chrétienne jusqu'au XVIIe siècle. Paris 1847. 1 vol. in-8.	2 20
AUDIN. Histoire de Léon X. Paris 1844. 2 vol. in-8.	4 40
DELESTRE. Gros et ses ouvrages, ou mémoires historiques sur la vie et les travaux de ce célèbre artiste. Paris 1845. 1 vol. in-8.	2 40
ESTRY. Histoire d'Alger. Tours 1843. 1 vol. in-8.	1 —
LÉOUZON LE DUC. La Finlande, son histoire primitive, sa mythologie, sa poésie épique, avec la traduction complète de sa grande épopée: le Kalewala. Paris 1845. 2 vol. in-8.	4 40

MICHELIS. Histoire des idées littéraires en France au dix-neuvième siècle. Paris 1842. 2 vol. in-8.	4 —
——— Histoire de la peinture flamande et hollandaise. Bruxelles 1845. 4 vol. in-8.	8 75
MOUREAU, DU HACHISCH et de l'aliénation mentale; études psychologiques. Paris 1845. 1 vol. in-8.	2 —
QUINET. De la Grèce moderne et de ses rapports avec l'antiquité. Paris 1830. 1 vol. in-8.	2 —
VAUBLANC (Vie de). La France au temps des croisades Paris. Toms 1 et 2. in-8.	4 65
SAUCEROTTE. Avant d'entrer dans le monde. Paris 1841. 1 vol. in-8.	1 55
——— Avis aux mères sur la conservation des enfants et sur la manière de les élever, depuis leur naissance jusqu'à l'âge de six à huit ans. Nancy 1838. 1 vol. in-18.	— 50
——— Elements d'histoire naturelle. Paris 1835. 1 vol. in-4. avec figures	3 —
——— Guide auprès des malades. Paris 1845. 1 vol. in-18.	65 —
——— Tableau synoptique des races humaines, montrant leur origine, leur distribution géographique, leurs caractères distinctifs, les peuples dérivés, etc. Paris. 1 feuille.	
Figures noires.	1 —
" coloriées.	2 —
——— Tableau synoptique de la connaissance du cheval, offrant les notions les plus utiles sur son histoire naturelle, son anatomie, ses qualités et ses défauts, etc. Paris. 1 feuille.	1 —
ROBERTSON. Nouveau cours de langue anglaise. 5e édition. Paris 1848. 3 vol. in-8.	3 60
——— Le tome 1re séparément.	1 20
——— Leçons pratiques de langue anglaise, extraites du nouveau cours, 3e édition. Paris 1848. 1 vol. in-8.	— 90
——— Le même ouvrage, leçons 1 à 40 séparément. Paris 1845. 2 vol. in-8.	1 —
CHATEAUBRIAND. Mémoires d'outre-tombe. Bruxelles 1849. Tome 1er in-12. pour 6 vol.	6 —
DUMAS. De Paris à Cadix. Bruxelles 1847. Toms 1 et 2. in 18. chaque volume à	— 70
——— Le vicomte de Bragelonne. (Suite de vingt ans après). Bruxelles 1848. Toms 1 et 2. in-18. chaque volume à	— 70
DUMAS FILS. Le docteur Servans. Bruxelles 1848. 1 vol. in-18.	— 70
MILLON ET REISET. Annuaire de chimie, pour 1848. Paris. 1 vol. in-8.	2 35

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. 1. *Назначеніе соку поджелудочной желѣзы въ пищевареніи.* Послѣ долгаго затѣмнѣнія, засѣданія этого знаменитаго ученаго сословія нѣсколько озарились, 26 февраля, свѣтомъ, полезнымъ для науки, въ донесеніи комиссіи, состоявшей изъ господъ Мажанди, Эдуардса и Дюма, которой поручено было переслѣдованіе опытовъ господина Бернара надъ дѣйствіемъ соку поджелудочной желѣзы. Донесеніе написано господиномъ Дюма и заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ замѣчавій, изложенныхъ ясно и умно даровитымъ перомъ этого искуснаго химика. Комиссія вполне убѣдилась въ основательности мнѣнія господина Бернара, который произвелъ передъ нею нѣсколько прекрасныхъ, отлично чистыхъ химическихъ опытовъ съ желудочнымъ сокомъ, слюною, желчью, и сокомъ поджелудочной желѣзы (pancreas), и показалъ наглядно, что ни желудочный сокъ, одаренный исключительнымъ въ природѣ свойствомъ растворять растительную и животную фибру (мясо), ни слюна, ни желчь, не обладаютъ силою растворять жиръ, находящійся въ принятой пищѣ: сила эта принадлежитъ собственно соку поджелудочной желѣзы, или такъ-называемому панкреатическому, который вливается въ кишечный каналъ именно съ тѣмъ назначеніемъ, чтобы растворять жиръ, присутствующій въ свареной пищѣ. При опухолцѣхъ, и вообще при нездоровомъ состояніи поджелудочной желѣзы, жиръ яствъ остается въ каналѣ не тронутымъ, не входитъ въ кровь и извергается весь изъ тѣла въ испраженіяхъ.

Переслѣдованіе не кончено: комиссія не приступала еще къ повѣркѣ химическаго состава этого соку, въ которомъ, вѣроятно, преобладаетъ амміакъ, вещество, какъ извѣстно, превосходно распускающее въ себѣ разные жиры. По важности открытія для уразумѣнія процесса пищеваренія, комиссія предлагаетъ немедленно перауую часть записки господина Бернара на издѣніе Академіи.

2. Составъ пшеничнаго зерна въ разныхъ земляхъ. Господинъ Евгений Пелигё, давно занимавшійся химическимъ разложеніемъ разныхъ видовъ пшеницы, представилъ Академіи результаты своихъ изслѣдованій, заслуживающіе любопытства агрономовъ. Известно, что въ коммерціи, пшеницы различныхъ происхожденій продаются по различнымъ цѣнамъ, соответственнымъ ихъ воображаемой или опытной добротѣ въ печеніи и питательности хлѣба. Самымъ низкимъ сортомъ признава египетская пшеница и цѣна на нее въ торговлѣ всегда ниже цѣнъ на другія пшеницы. Она однако жъ — произведеніе самой жирной, самой богатой почвы. За египетской слѣдуетъ черноморская, взросшая на нашихъ украинскихъ и подольскихъ черноземахъ. Самая превосходная и самая дорогая пшеница, обыкновенно называемая *данцигскою*, получается напротивъ съ тяжелой глины краковскихъ земель и, вообще, съ худыхъ прувсскихъ почвъ. За нею, по степенямъ доброты, помѣщаются нѣманскія, западно-двинскія и другія сѣверныя, почитаемыя за благороднѣйшія, лучшія и самыя выгодныя для передѣлки въ хлѣбъ. Зная это обстоятельство, интересно рассмотреть найденныя господиномъ Пелигё пропорціи составныхъ частей въ разныхъ пшеницахъ. Изъ числа французскихъ сортовъ въ слѣдующей таблицѣ помѣщены двѣ пшеницы *bleu roulard*: это не два различные вида, а сборы двухъ различныхъ годовъ. Первый *roulard* принадлежитъ годамъ обыкновеннаго урожая, второй (въ осьмомъ столбцѣ чиселъ) — году сильной засухи. Зерно пшеницы *пулярки* остроконечное, коническое. Это — пшеница высшего сорту, но примѣчательно, что пулярка очень сухаго года сходна внутреннимъ составомъ съ лучшею *данцигскою*.

	Францески.	Влага англійс.	Влага прувсск.	Одеонск.	Hörisson.	Рымск. Roulard.	Свагн. Roulard.	Южн. Minidin.	Данцигск.	Восточн.	Египетск.	Испанск.	Татарск.
Воды.....	44,6	43,6	44,6	45,2	43,2	44,5	43,2	43,6	43,2	44,5	43,5	43	44,6
Масла.....	4,0	4,4	4,3	4,5	4,2	4,0	4,0	4,2	4,1	4,5	4,1	4,1	4,8
Азотистыхъ веществъ, нерастворяющихся въ водѣ.....	8,3	10,5	8,1	12,7	10,0	8,7	12,8	16,7	14,4	19,8	11,8	19,1	8,9
—растворяющихся (бѣлковина).....	2,4	2,0	1,8	4,6	4,7	1,9	1,8	1,4	1,6	1,7	1,6	1,5	1,8
—прочихъ азотистыхъ веществъ.....	8,2	10,5	8,1	6,3	6,8	78	7,2	5,9	6,4	6,8	5,4	6,0	7,3
Безазотныхъ (крахмалъ, декстрина).....	62,7	60,8	66,1	61	67,1	66,7	59,9	59,7	59,8	55,1	65,6	54,6	68,6
Ячейнаго вещества.....	1,8	1,8					1,5	1,4					2,2
Солей.....				1,4			1,9	1,9	1,7	1,9			1,4

НОВЫЯ КОМЕТА. *Вторая комета Петерсона.* Мы, вообще, не считаемъ нужнымъ обременять читателей нашихъ новыми кометами. Въ послѣдніе годы этотъ родъ открытій сталъ дотого обыкновеннымъ, что уже почти нѣтъ въ Европѣ ни одного помощника астронома, у котораго не было бы своей кометы. Кому-нибудь вздумается, по должности, случайно посмотрѣть на небо въ телескопъ: если онъ не забылъ протереть глаза и стекла — и если счастья у него вовсе нѣтъ — новая комета какъ-разъ тутъ; при самомъ посредственномъ счастьи, онъ выше открываетъ новую планету. Дотого телескопы стали у насъ отличны. Дотого кометы многочисленны на небѣ. Одинъ изъ прежнихъ теоретиковъ астрономіи рассчитывалъ, что около Солнца должно ходить не мѣнѣе полуторы тысячъ кометъ. Слѣдовательно, тѣмъ болѣе совершенствуются инструменты, тѣмъ быстрѣе должно возрастать число вновь открываемыхъ кометъ. Разумѣется, что всѣ эти кометы принадлежать къ разряду незримыхъ для простаго глаза, видимыхъ только въ телескопы и, поэтому, называемыхъ «телескопическими». Одна изъ послѣднихъ, однако жъ, составляетъ родъ изъятія: она была видима простымъ глазомъ и получила названіе *Второй кометы Петерсона.* Мы упоминаемъ здѣсь объ ней только по тому случаю, что на ней или, точнѣе, *сквозь* нее, подтвердилось еще разъ наблюденіе, сдѣланное первоначально знаменитымъ нашимъ астрономомъ, господиномъ Струве, *сквозь* прославленную Галееву комету, а именно, что кометы — родъ прозрачныхъ шаровъ, *сквозь* которые можно видѣть звѣзды, лежащія за ними; что звѣзды эти просвѣчиваются *сквозь* самую большую толщину ихъ, и что предполагаемаго твердаго ядра, о которомъ столько толковали, въ нихъ вовсе не существуетъ: эти темныя пятна, примѣченныя въ центрахъ кометъ, были явственно обманчивыя явленія несовершенно чистыхъ телескопныхъ стеколъ. Осьмаго прошедшаго декабря «Вторая комета Петерсона» ватекла на звѣздочку одиннадцатой величины такъ, что центры ихъ очутились на одной линіи. Директоръ моденской обсерваторіи, господинъ Біанки, пишетъ, что онъ имѣлъ случай наблюдать комету и звѣздочку въ это самое мгновеніе (въ половинѣ седьмаго пополудни), и не только явственно видѣлъ звѣздочку *сквозь* самый центръ кометы, но еще звѣздочка, вмѣсто того чтобы затмѣиться предполагаемымъ ядромъ и ослабѣть въ свѣтѣ отъ заслоненія всею толщиною предположенной кометной массы, напротивъ, сіяла ярче обыкновеннаго: какъ будто естественный свѣтъ ея усилился всѣмъ свѣтомъ накладнаго, яснаго, отлично

прозрачнаго вещества, изъ котораго состоитъ комета, или, скорѣе, какъ-будто комета была родъ стеклянаго шара, пустаго внутри и образованнаго чрезвычайно тонкою, прозрачною, мерцающею оболочкою. Будь этотъ шаръ наполненъ какою-нибудь свѣтящеюся матеріей, даже самую тончайшею, блескъ звѣздочки, при огромной толщинѣ такого шара, долженъ бы ослабѣть незначительно.

ОТРУБИ; СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПИТАТЕЛЬНАЯ ВЪЛАГО И ЧЕРНАГО ХЛѢБА. Французскій химикъ, господинъ Millon, доказываетъ, что отруби — вещество отлично питательное, котораго достоинство не оценено доселѣ вслѣдствіе страннаго предрасудка. Вообразили, будто въ кожицѣ хлѣбнаго зерна находится много древесины, непереваривающейся въ желудкѣ и вредной для здоровья, и, воль этимъ предположѣмъ, сдирая кожицу съ зерна, снимають съ него вмѣстѣ съ нею ближайшій мучной слой, отчего обыкновенно питая часть зерна пропадаетъ въ видѣ негоднаго для пищи вещества. Чѣмъ больше хлѣбъ, тѣмъ болѣе просѣиваютъ для него муку, тѣмъ значительнѣе бываетъ урожай. Господинъ Миллонъ подвергалъ разнымъ отрубямъ химическому разложенію, и нашелъ въ нихъ, вѣданнымъ числомъ :

Крахмалу, декстрины и сахару . .	51 проценты.
Клейковины (азотныхъ веществъ) .	15 ———
Жиру	5 ———
Древесины	9 ———
Солей	5 ———
Воды	14 ———
Липкихъ и ароматныхъ началъ .	2 ———

Это во всей точности — составъ чистой хлѣбной муки, лучшаго бѣлаго хлѣба, за исключеніемъ одной древесины, которой въ отрубяхъ, по необходимости, бываетъ несоразненно болѣе чѣмъ въ просѣянной муцѣ. Но, въ отношеніи къ полному зерну, кожаца его не составляетъ и третью процента: допустивъ даже, что все количество древесины въ зернѣ доходитъ до двухъ процентовъ вѣсу его, и эта пропорція не представляетъ ничего вреднаго для желудка: напротивъ, она кажется даже необходимою къ правильному питанію. Господинъ Миллонъ напоминаетъ объ этомъ такъ величественной авторитетомъ и о замечательномъ доносеніи доктора Межанинъ, извѣстномъ членомъ этого общества: собаки, питавшіяся одними бѣлыми хлѣбомъ, умирали между шестидесятью и пятидесятью днями со всеми признаками голодной смерти, те-

гда какъ тѣ, которыя кормились однимъ чернымъ хлѣбомъ, переживали всѣ опыты такъ же славно какъ и собаки, питавшіеся однимъ сырнымъ или однимъ жаренымъ мясомъ.

Господинъ Миллонъ объявляетъ себя рѣшительно въ пользу черного хлѣба, въ которомъ ложное искусство человека ничего не удаляетъ изъ природнаго состава зерна. Изъ всѣхъ способовъ приготовленія мяса, онъ одобряетъ одно только жаркое — мясо обжаренное на угляхъ — и мы совершенно согласны съ его ученнымъ вкусомъ. Изъ всѣхъ же способовъ жаренья на угляхъ, самый умный, самый рациональный и спасительный — турецкій способъ, или знаменитый восточный *кебабъ*, то есть, мясо, нѣрѣзанное дюймовыми кубами, напизанное такими кусками на деревянные прутки и, безъ малѣйшей потери соку, быстро, ровно въ каждомъ кускѣ или глоткѣ, обжаренное надъ краснымъ углемъ. Черный хлѣбъ и кебабъ, вотъ гдѣ полная питательность и безконечная жизнь: все остальное ведетъ къ голодной смерти.

БЕЗЦВѢТНЫЯ РАДУГИ. Кромѣ обыкновенныхъ семи-цвѣтныхъ радугъ, производимыхъ солнечнымъ лучомъ, довольно изѣстныхъ выше еще трехъ-цвѣтныя, лунныя, но гораздо рѣже замѣщаемыя были радуги совершенно безцвѣтныя, состоящія изъ дуги бѣлаго свѣту. Кажется, что, кромѣ одного упоминанія, въ *Encyclopaedia Britannica*, онѣ оставались доселѣ незамѣченными явленіемъ. Въ маѣ, прошедшаго года, господинъ Herwood, путешествуя въ золотоносныхъ горахъ Бразиліи, имѣлъ случай наблюдать очень удобно одну такую радугу, глядя изъ безоблачной области горъ на область, покрытую туманомъ. У основанія своего, радуга имѣла легкой оттѣнокъ фіолетоваго цвѣту, но далѣе была совершенно безцвѣтною, представлялась въ туманѣ въ видѣ двухъ бѣлыхъ полосокъ, между которыми лежала полоса потемнѣе, словно лента болѣе сгущеннаго туману. Но о сгущеніи туману свѣтомъ невозможно и подумать: эта темноватая полоса происходила естественно отъ слиянія фіолетоваго цвѣту радуги съ массею туману, въ которой она потеряла свой оттѣнокъ. Безцвѣтную радугу можно, поэтому, почитать *одноцвѣтною*, именно фіолетовою. Лунныя, трехъ-цвѣтныя состоятъ обыкновенно изъ оттѣнковъ свѣтло-зеленаго, голубаго и фіолетсваго, то есть, изъ цвѣтовъ, самыхъ отдаленныхъ отъ краснаго и ближайшихъ къ темнотѣ.

Бываютъ одноцвѣтныя радуги совершенно *бѣлыя*. Авторъ этихъ строкъ имѣлъ случай, нѣсколько лѣтъ тому, наблюдать одну та-

кую радугу въ Финскомъ Заливѣ, на высотѣ Нарвы, при вечернемъ туманѣ, заслонявшемъ садящееся солнце. Господинъ Faucel доносилъ недавно парижской Академіи наукъ, что, выходя изъ одного строевія ботаническаго сада, онъ увидалъ прекрасную бѣлую радугу, искусственную, нарисовавшуюся въ воздухѣ частью на ночномъ туманѣ, и частью на кустахъ, отъ свѣту газовой лампы, горѣвшей на стѣнѣ здавія.

САМОРОДНАЯ ЖАДЬ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Соединенные Штаты вдругъ превратились въ землю богатѣйшихъ рудниковъ. Еще не опомнились отъ золотыхъ чудесъ Калифорніи, какъ уже начинается гремѣть слава мѣдныхъ сокровищъ Верхняго Озера, Superior Lake. Если вѣрять рассказамъ, то берега этого озера, на огромномъ пространствѣ земли, вылиты изъ чистѣйшей самородной мѣди, которую стовтъ только ломать заступомъ и перевезти прямо на литейные заводы. Уже сто-двадцать компаній, американскихъ и иностранныхъ, разрабатываютъ эти богатые рудники или приступаютъ къ разработкѣ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, которое въ послѣднее время объявило, что предпріятія иностранныхъ капиталовъ, въ отношеніи къ Калифорніи, то есть, прибытіе туда чужихъ денегъ и чужихъ рукъ для пользы страны, нынѣ впредь почитаемы будутъ за *непріятельское нашествіе* на землю республики, еще къ чести здоровой логики не принимало такой мудрой мѣры касательно своихъ мѣдныхъ кладовъ, и иностранная спекуляція, оттертая жаднымъ сѣверо-американскимъ эгоизмомъ отъ золота рѣки Сакраменто, обращается теперь болѣею частью къ менѣе благородному металлу области Верхняго Озера. Увѣряютъ, что здѣшняя мѣдь можетъ доставить даже значительнѣйшія выгоды, при немовѣрной дороговизнѣ всего въ Калифорніи, гдѣ все вымытое золото приходится отдать за хлѣбъ, вино, соль и мясо для продовольствованія себя и работниковъ. Господинъ Cordier, французскій минералогъ, посѣщалъ въ послѣднее время рудники Верхняго Озера, и свидѣтельствуетъ, что они необычайно богаты самороднымъ металломъ. Въ видѣ образчика онъ прислалъ для парижскаго Музеума Естественной Исторіи глыбу тамошней мѣди, вѣсомъ слишкомъ въ три пуда, очень чистой, почти безъ жилокъ посторонняго вещества. Она найдена рядомъ съ другой глыбою, въ которой было болѣе *тридцати пудовъ* вѣсу. Металлъ, въ кускахъ различной величины и формы, разбросанъ на обширномъ пространствѣ порфировой почвы, перешедшей въ темную вакку, очень похожую на оберштейнъ; ино-

гда онъ вросъ въ каменную почву отдѣльными массами; порой представляетъ форму неправильныхъ жилъ, пробирающихся сквозь бѣло-шпатовый мраморъ, бѣлый датолизъ и твердый зеленый эпидотъ. Часто въ кускахъ этой самородной мѣди оказывается, при переплавкѣ, до пяти процентовъ серебра. Должно ожидать, что вскорѣ будетъ открытъ здѣсь в малахитъ въ значительныхъ массахъ.

ДѢЙСТВИЕ СЪВЕРНЫХЪ СІЯНІЙ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ТЕЛЕГРАФЫ. Извѣстный англійскій астрономъ господинъ Hind, которому вселенная обязана одною изъ самыхъ новѣйшихъ планетъ, получилъ отъ главнаго инженера Греть-вестернскон Желѣзной Дороги свѣдѣніе о замѣшательствахъ, примѣченныхъ ночью 17-го ноября при сѣверномъ сіяніи, въ дѣйствіи электрическихъ телеграфовъ этой колоссальной дороги. Дѣйствіе во все время сіянія было уничтожено. Магнитъ постоянно отбрасывало въ одну сторону. Въ проволокахъ не оказывалось ни слѣда пушечнаго по нимъ электрическаго тока. Такія же явленія обнаруживаются вездѣ на электрическихъ телеграфахъ при наступленіи сѣвернаго сіянія.

Но не всѣ сіянія происходятъ ночью. Многія случаются днемъ, хотя и нельзя ихъ примѣтить за дневнымъ свѣтомъ. Имъ-то слѣдуетъ приписать всѣ своиравныя непослушанія электрическихъ телеграфовъ, приключающіяся во время дня безъ видимой причины. Этотъ чудный способъ передачи извѣстій подверженъ, слѣдственно, съ неожиданной стороны, невѣрности, которая въ разныхъ случаяхъ, особенно на желѣзныхъ дорогахъ, можетъ повлочь за собою пагубныя послѣдствія. Солнечный свѣтъ днемъ и облачный воздухъ ночью рѣдко позволяютъ намъ любоваться на игру небесныхъ мерцаній: отсюда сѣверныя сіянія, которые впрочемъ сіяютъ надъ всей землею и по-напрасну называются «сѣверными», составляли всегда дивное явленіе, но въ природѣ они обыкновеннѣе, и происходятъ гораздо чаще, нежели какъ воображали до нынѣ.

МАГНИТНАЯ СТРЕЛКА У ДРЕВНИХЪ ЕГИПТЯНЕВЪ. Посѣтителямъ египетскихъ музеумовъ знакомы амулеты, имѣющіе форму раскрытаго глаза и которые зовутъ обыкновенно «мистическимъ окомъ». Они сдѣланы изъ особенной массы, похожей видомъ на массу *скарabeeвъ* и другихъ подобныхъ египетскихъ издѣлій. Господинъ Camille Duteil, разбирая древности луврскаго музеума,

удостоверился, что въ составъ массы мистическихъ окъ входило магнитное желѣзо. Цѣль такой примѣси явственна. Повѣсивъ мистическое око свободно на ниточкѣ, частицы магнитнаго желѣза заставляютъ его непременно повернуться верхнимъ угломъ къ сѣверо-западу и стать на магнитномъ меридианѣ, такъ что око будетъ всегда смотрѣть на востокъ. Вотъ и у древнихъ Египтянъ своя *магнитная стрѣлка* — не только у древнѣйшихъ Китайцевъ: и, притомъ, стрѣлка искусствѣ нашей; потому что она показывала двѣ точки горизонта вдругъ, сѣверо-западъ и востокъ. Египетскіе мореходы, которыхъ карманы, для безопасности отъ всякихъ бѣдъ, были всегда набиты искупающими скарабейми, крошечными обелисками, мистическими оками, и такъ далѣе, не могли не любопытствовать, будучи въ морѣ, въ которой сторонѣ находится востокъ, и не привѣшивать къ вавтѣ мистическихъ окъ — а тѣ показывали имъ направленіе корабельнаго курса. Это тѣмъ неизбѣжнѣе, что въ морѣ Египтяне молились еще усерднѣе чѣмъ на сушѣ, а для молитвы они обращались на востокъ, въ упованіи котораго служили эти амулеты, изготовлявшіеся жрецами и весьма доходные для храмовъ.

Такъ что же мы изобрѣли? Магнитная стрѣлка извѣстна древнимъ. Книгопечатаніе извѣстно древнимъ: сыны Поднебесья печатали журналы, цѣлою тысячью лѣтъ ранѣе того какъ мы начали печатать календари. Зовръ извѣстенъ древнимъ: да еще какъ!... они ему поклонялись какъ первой причинѣ всего, а мы только теперь начинаемъ относить къ нему наши такъ-называемыя *невѣсомыя жидкости*, электричество, теплотворъ, свѣтъ, магнитность, и прочая. Порохъ... даже и пороху мы не выдумали! Порохъ былъ въ отличномъ употребленіи у Египтянъ, Грековъ, Римлянъ, Китайцевъ. Кажется, что, всего на все, мы изобрѣли только резиновые калоши и желѣзные дороги: но и это не достоверно; китаесловы какъ-разъ отъищутъ на-дняхъ въ китайскихъ энциклопедіяхъ, что и по этой части мы — только ученики Китайцевъ.

ХЛОРОФОРМЪ И ВОДОЛЕЧЕНІЕ У ДРЕВНИХЪ КИТАЙЦЕВЪ. Господинъ Станиславъ Julien, извѣстный парижскій синологъ, или китаесловъ, которому честь Китайцевъ не менѣе дорога какъ и нашему синологу Іаквиноу, обнародовалъ недавно выписку изъ одного поднебеснаго лечебника, изъ которой явствуетъ, что уже въ десятомъ столѣтіи нѣкоторые китайскіе врачѣ уб-

требали при хирургическихъ операціяхъ родъ хлоресорну, приготовленнаго изъ коноплиныхъ листьевъ, для усыпленія пациентовъ, которымъ они такимъ образомъ вырѣзывали раны и отсѣкали члены, не только безъ боли, но даже съ особенною пріятностью для больного. Никто—упаси Господи!—не сомнѣвается въ отличномъ умѣнн господина Жюліона переводить правильно и вѣрно съ китайскаго: однакожь, эти членовсеченія, эти вырѣзыванія пораженныхъ частей, могутъ показаться немножко странными со стороны китайскихъ медиковъ, которые отвергаютъ всякія производствя съ хирургическимиъ ножемъ — даже не допускаютъ кровопусканій!... Нынче тотъ же господинъ Жюліонъ представляетъ новыя выписки изъ китайскихъ книгъ, удостовѣряющія несомнѣнно въ томъ, что и водолеченіе, идротатія, или идротерапія, было тамъ въ употребленіи, еще съ третьяго столѣтія, со всѣми приставицескими штуками. Словомъ, все на свѣтѣ, даже и водолеченіе старо какъ свѣтъ. Для полноты дѣла, не достааетъ только свѣдѣній, сдѣлался ли китайскій изобрѣтатель водолеченія, важнѣе большой капиталъ посредствомъ холодной воды, пивоваромъ и виннымъ заводчикомъ подобно Приствицу, или, напротивъ, умеръ простудомъ, какъ большаа часть усердныхъ учениковъ Приствица?...

ВЫСЕЛЕНІЯ ИЗЪ ГЕРМАНИИ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АМЕРИКУ. Въ Берлинѣ недавно явилась очень любопытная книга, издавая съ содвинномъ Александромъ фонъ-Бюло подъ названіемъ: «Auswanderung und Colonisation im Interesse des deutschen Handels» (Выселеніе и колонизація, и польза ихъ для нѣмецкой торговли). Книга эта представляетъ много занимательныхъ подробностей, о значеніи нѣмецкихъ эмиграцій, возможной ихъ пользѣ для отечества и въ особенноти о мѣрахъ, съ помощью которыхъ можно осушествить эту пользу. Сообщаемъ нѣкоторыя изъ этихъ подробностей.

Народонаселеніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, огромнѣйшаго союзнаго государства въ Новомъ-Свѣтѣ, возрасло съ 1845 до 1848 года включительно, отъ 15 до 22 милліоновъ, то есть, въ четыре года оно увеличилось семью милліонами. Нѣтъ сомнѣвія, что всего болѣе содѣйствовало этому чрезмѣрному умноженію народонаселенія, частыя выселенія изъ Европы. Неоспоримый фактъ также, что въ это время вывозъ промышленныхъ произведеній изъ Германіи въ Сѣверную Америку чрезвычайно усилился; изъ чего должно заключить, что если суще-

ствуюшія нынѣ торговыя сношенія не будутъ оставлены, вывозъ товаровъ изъ Германіи долженъ усиливаться по-мѣрѣ умноженія народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ.

Если предоставитъ выселеніямъ совершенную свободу, то они разумѣется будутъ слѣдовать по однажды проложенному пути, а Соединенные-Штаты въ настоящее время больше чѣмъ когда либо имѣютъ интересъ поощрять ихъ. Между-тѣмъ выгода, которую Германія доселѣ извлекала изъ прямыхъ сношеній съ выселенцами, должна отъ того постоянно уменьшаться; потому что по-мѣрѣ умноженія числа выселенцевъ, они будутъ принуждены селиться все далѣе и далѣе на западъ Америки, и такимъ образомъ, непосредственныя сношенія съ ними сдѣлаются если не вовсе невозможными, то крайне затруднительными; съ другой стороны, Соединенные-Штаты, какъ юное мануфактурное государство, съ каждымъ днемъ становятся опаснѣйшимъ соперникомъ Германіи. Для поясненія этого необходимо бросить взглядъ на торговое положеніе Америки.

Съ-тѣхъ поръ, какъ Соединенные-Штаты положили себѣ цѣлью колонизировать западную часть Америки, торговая политика ихъ существенно измѣнилась.

Сообразивъ эту политику, которая должна имѣть сильное вліяніе на европейскую торговлю, сравнивъ ее съ торговою политикою Англіи, которая стремится къ монополіи всемірной торговли, мы тотчасъ усмотримъ, какую важную роль играетъ тутъ колонизація.

Оба великія торговыя государства не спускаютъ глазъ съ Остъ-Индіи; оба съ противоположныхъ точекъ стремятся къ владычеству надъ обширною торговлею этой страны.

Колонизація западной Америки служитъ Сѣверо-Американцамъ средствомъ къ достиженію этой цѣли, между-тѣмъ какъ Англія старается заселить Австралію и британизировать Остъ-Индію.

Учредить, во что бы ни стало, быстрое сообщеніе между восточнымъ и западнымъ берегомъ Америки, чтобы тѣмъ избѣжать медленнаго и опаснаго морскаго пути мимо мыса, Горна — вотъ для Сѣверо-Американцевъ вопросъ о «быть и не быть». Какъ скоро они успѣютъ учредить этотъ торговый путь, — а что они успѣютъ, въ томъ вѣтъ никакого сомнѣнія, — первымъ слѣдствіемъ этого учрежденія будетъ немедленное и огромное усиленіе колонизаціи западной Америки. Вторымъ необходимымъ слѣдствіемъ его будетъ значительное оживленія торговли сѣверо-американскихъ штатовъ съ Остъ-Индією. Американскія суда будутъ

совершать по двѣ поѣздки въ то время, которое потребуется Англичанамъ на одну, и такимъ образомъ оборотный капиталъ американской торговли удвоится противъ англійскаго. Это же ускореніе оборота капитала, разумѣется, въ такой же мѣрѣ усилитъ дѣятельность мануфактуръ и доставитъ занятіе работникамъ Сѣверной Америки, что составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ юнаго мануфактурнаго государства.

Населеніе западнаго берега Америки, которое, безспорно, значительно увеличится уже одними выселеніями изъ Европы, станетъ тогда еще быстрѣе умножаться выселенцами изъ Китая, Японіи и другихъ странъ Азіи; потому что нѣтъ сомнѣнія, что Сѣверо-Американцы будутъ тогда давать предпочтеніе азіатскимъ выселенцамъ передъ европейскими, уже потому одному, что это доставитъ многочисленнымъ кораблямъ ихъ прибыльный и вѣрный фрахтъ на обратные рейсы.

Черезъ это необыкновенное, но очень вѣроятное увеличеніе народонаселенія, штаты по западному берегу Америки пріобрѣтутъ огромное число работниковъ по дешевой цѣнѣ, выгоду, которая преимущественно будетъ благодѣтельна для Чили, Перу, центральной Америки, Мексики и Калифорніи, а за ними и Сѣверо-Американскимъ Штатамъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что народонаселеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, возраставшее доселѣ, со включеніемъ европейскихъ поселеній, двумя милліонами ежегодно, скоро будетъ возрастать тремя милліонами; и втеченіе пятидесяти лѣтъ легко можетъ дойти до двухъ-сотъ милліоновъ жителей.

Точно такъ же можно бы выселеніями изъ Европы увеличить народонаселеніе западныхъ странъ Мексики, Средней Америки, Новой Гренады, Перу и Чили. И вотъ чего требуютъ выгоды германской торговли:

Политика, которой слѣдовала доселѣ Англія въ Вестъ-Индіи и въ Америкѣ, и которая побудила ее такъ заботиться объ освобожденіи невольниковъ, жертвуя для этого даже собственными своими колоніями, извѣстна. Отложивъ всторону челоуѣколюбіе, она имѣла въ виду только разорить воздѣлку колониальныхъ продуктовъ въ Вестъ-Индіи для того, чтобы дать болѣе широкій сбытъ тѣмъ же продуктамъ въ Остъ-Индіи.

Однако же Англія, по видимому, сама со страхомъ отступаетъ передъ послѣдствіями своей системы, и не смѣетъ оставить совершенно безъ вниманія бѣдственное положеніе своихъ вестъ-

индскихъ плантаторовъ. Но, разрушивъ съ одной стороны, освободивъ невольниковъ, прежнее отношеніе труда и капитала въ своихъ вѣсть индскихъ колоніяхъ, она съ другой стороны отказала колоніямъ въ свободномъ, самостоятельномъ управленіи, которое могло бы произвести въ нихъ энергическое возрожденіе, и теперь она возмущаетъ одни пагубныя послѣдствія двухъ противорѣчащихъ системъ, не пользуясь выгодами ни той, ни другой. Хотя бы Англія стала еще больше поощрять переселенія изъ Остъ-Индіи въ Вѣсть-Индію, она и тѣмъ никогда уже не разрѣшитъ этого внутренняго противорѣчія.

Такъ-какъ, не смотря на всѣ ихъ усилія, Англичанамъ до настоящаго времени не удалось еще уничтожить невольничество во всей Америкѣ, и всакой знаетъ, что въ южныхъ, такъ-называемыхъ невольничьихъ штатахъ Сѣвероамериканскаго Союза, въ Техасѣ, на островѣ Кубѣ и въ Бразиліи невольничество донынѣ въ такой же силѣ какъ прежде. Довольно вѣроятно, что выселенія изъ Азіи замѣнятъ невольниковъ, и что тогда только и Сѣверо-Американцы обратятъ вниманіе на голосъ человѣколюбія. Сѣверо-Американцы смотрятъ на вопросъ невольничества болѣе съ практической стороны, чѣмъ съ точки зрѣнія человѣчества; однако же можно предполагать, что они будутъ поощрять умноженіе вѣстскихъ поселеній на западѣ, отчасти и съ тою цѣлью, чтобъ довести воздѣлку колоніальныхъ продуктовъ въ Америкѣ до всевозможнаго развитія, и такимъ-образомъ имѣть возможность со временемъ обойтись безъ труда невольниковъ.

Сколько важна политика Сѣверо-Американцевъ въ оппозицію усиліямъ Англичанъ, столько же было бы важно для Нѣмцевъ принятіе опредѣленной торговой политики, для противудѣйствія Сѣверной Америкѣ, которая дала бы выселеніямъ разумное, сообразное съ общимъ плаваніемъ дѣйствій направленіе, такъ, чтобы оны образовали нѣмецкія колоніи, состоящія въ непосредственной связи съ нѣмецкою торговлею.

Какъ скоро эта важность и необходимость признава, возникаетъ вопросъ; куда должно обращать выселенцевъ? гдѣ должна начаться нѣмецкая колонизація?

Собравши внимательно блестящіе успѣхи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и распространеніе ихъ владычества къ западу и югу, не трудно убѣдиться, что нѣмецкая колонизація не можетъ найти болѣе удобнаго и болѣе цѣлесообразнаго пункта, какъ Панамскій перешеекъ; слѣдовательно центральная Америка должна быть ея цѣлью.

Климатъ этой страны, въ отношеніи къ здоровью жителей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ береговыхъ мѣстъ, не только не можетъ быть вреденъ европейскимъ поселенцамъ, но скорѣе будетъ дѣйствовать на нихъ благотворно. Предубѣжденія, существующія по этому предмету, не имѣютъ по большей части никакого основанія. Но особенное вниманіе германскіе поселенцы должны обратить на географическое положеніе страны, дѣлающее ее пунктомъ первой важности въ торговомъ отношеніи, на выгодныя обстоятельства мѣстности, чрезвычайно облегчающія ей пріобрѣтенія, и на чрезвычайную благодарность труда для мелкихъ владѣльцевъ.

Важность центральной Америки для торговой политики всѣхъ государствъ давно признава; но донынѣ не наступало время ею воспользоваться.

Здѣсь не мѣшаетъ бросить бѣглый взглядъ на географическое положеніе этого края, и на нѣкоторые историческіе факты, касающіеся его. Съ сѣверной оконечности перешеекъ отдѣляется отъ американскаго материка рѣками Гуавакоалько и Чимелона. Отсюда онъ тянется въ направленіи 880 на чотыреста-тридцать географическихъ миль, до самаго Даріенскаго залива, гдѣ онъ приыкаетъ къ южному полуострову Америки.

Извѣстно, что еще Фердинандъ Кортесъ помышлялъ о возможности прорыть гдѣ-нибудь этотъ перешеекъ и о соединеніи такимъ-образомъ двухъ великихъ океановъ. Александръ Гумбольдтъ, въ своемъ «Essai politique», говоритъ о различныхъ пунктахъ перешейка, въ которыхъ можно бы привести въ исполненіе этотъ планъ. Такъ, между прочимъ, ученый путешественникъ говоритъ:

«Мы укажемъ въ краткомъ очеркѣ на девять пунктовъ, изъ которыхъ нѣкоторые еще мало извѣстны въ Европѣ, и которые всѣ представляютъ большія или меньшія удобства для соединенія обонхъ океановъ каналами или рѣками. Въ такое время, когда Америка, пользуясь безпрестанными неустройствами Европы, дѣлаетъ неистощимые усилія въ цивилизаціи; когда торговля съ Китаемъ и съ сѣверо-западомъ Америки дѣлается съ году на годъ важнѣе, этотъ предметъ въ высочайшей степени интересенъ для торговаго и политическаго развитія народовъ».

«Три важнѣйшіе пункта для предполагаемой линіи соединенія черезъ перешеекъ, суть Техуантесекъ, Никарагуа и Панама». Затѣмъ Гумбольдтъ исчисляетъ по порядку прочіе пункты, въ которыхъ можно устроить сообщеніе; но мы, для краткости,

оставимъ ихъ, и перейдемъ къ заключенію, которое выводитъ этотъ ученый путешественникъ.

«Собразивъ положеніе центральной Америки, съ точки зрѣнія доступности съ атлантической стороны торговли и колонизаціи, мы увидимъ, что она съ этой стороны представляетъ осемь портовъ, съ которыми Европа и Сѣверная Америка имѣютъ уже сношенія; новѣйшіе изъ нихъ Санъ-Тома и Санъ-Хуанъ. Далѣе видимъ мы пять болѣе или менѣе удобныхъ пунктовъ для обширной колонизаціи, которая распространится далеко во внутрь страны. Она даже началась уже близъ Санъ-Тома и Санъ-Хуана. Стоило бы только позаботиться о распространеніи этихъ колоній, умноженіи ихъ населенія, и снабженіи ихъ капиталомъ; и вывозъ туземныхъ произведеній немедленно усилился бы въ огромныхъ размѣрахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ввозъ произведеній мануфактурныхъ.

Если принять наконецъ въ соображеніе, что хорошіе пути сообщенія и транспорта усиливаютъ торговлю, и что капиталъ, посвященный на учрежденіе ихъ долженъ тѣмъ болѣе давать процентовъ, чѣмъ возвышеніе фрахтовая плата, то не трудно простымъ, купеческимъ расчетомъ убѣдиться, что для основанія обширныхъ торговыхъ сношеній нельзя избрать болѣе выгодное мѣсто, чѣмъ это; потому что здѣсь даже капиталъ, посвященный на одинъ средства перевозки, дастъ тридцать процентовъ чистаго барыша.

Въ торговлѣ, какъ и въ военномъ дѣлѣ, все рѣшается умѣньемъ быстро и смѣлливо пользоваться обстоятельствами; общее правило, — что побѣда принадлежитъ тому, кто хорошо пользуется мѣстностью, и шагъ за шагомъ отнимаетъ или отступаетъ каждую позицію. Санъ-Хуанъ и Санъ-Тома, — вотъ двѣ главныя позиціи, отъ которыхъ должно пачать дѣйствія вовнутрь и на западъ центральной Америки.

Приведемъ еще многозначительныя слова Гумбольдта о важности центральной Америки въ торгово-политическомъ отношеніи, заимствованныя изъ того же *Essai politique*:

«Никакіе политическіе виды не должны препятствовать умноженію народонаселенія, и развитію земледѣлія, торговли и цивилизаціи на Панамскомъ перешейкѣ. Чѣмъ болѣе будутъ на немъ развиваться всѣ отрасли жизни, тѣмъ болѣе будетъ онъ въ состояніи противиться вторженіямъ врага. Еслибъ какое-нибудь предприимчивое государство вздумало утвердить свое господство надъ перешейкомъ, на въ какое время не можетъ быть воспеано-

ніе этого предпріятія такъ удобно, какъ въ настоящее. Много на немъ хорошихъ укрѣпленій, но нѣтъ рукъ для защиты ихъ. Далѣе онъ прибавляетъ: «Не смотря на нѣкоторыя неудобства шершейка, обладаніе имъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно важно для предпріимчиваго народа. Одна лодка китовъ и трески уже въ 1803 году привлекла въ Южное-море до шестидесяти англійскихъ судовъ; удобство торговли съ Китаемъ и вымѣнъ пушныхъ товаровъ на Нуткѣ, чрезвычайно соблазнительныя статьи; ихъ однихъ достаточно, чтобы рано или поздно приманить морскихъ владыкъ къ этому пункту, которому природа повидимому предназначила сдѣлать переворотъ въ торговой системѣ народовъ.»

Что знаменитый путешественникъ писалъ о Панамскомъ шершейкѣ за двадцать пять лѣтъ, остается истиной и въ настоящее время. Но мирное занятіе его посредствомъ свободной колонизаціи теперь удобнѣе исполнимѣе, чѣмъ было прежде; потому что всѣ союзныя штаты Центральной Америки, желаютъ ея и считаютъ ее необходимою для ихъ политическаго существованія; и всего радостнѣе принимаютъ они колонизацію нѣмецкую.

Колонизація по старой системѣ зависимости должна неминуемо пасть, и произвести переворотъ въ торговой политикѣ.

Англія развозитъ ежегодно въ свои сорокъ колоній товаровъ на осьмь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; вывозъ ея въ Сѣверную Америку составляетъ почти ту же сумму. Но содержаніе колоній стоитъ ежегодно четыре милліона фунтовъ стерлинговъ между-тѣмъ какъ издержки на содержаніе консуловъ и агентовъ въ Сѣверной-Америкѣ ничтожны. Такимъ образомъ, Англія, сверхъ безпрестанныхъ военныхъ расходовъ на колоніи, платитъ еще тамошнимъ своимъ потребителямъ ежегодную премію въ пятьдесятъ процентовъ. Это когда-нибудь и англійскимъ богачамъ покажется не по силамъ, а народъ черезъ нѣсколько лѣтъ проникнется идеями сэра Вильяема Мользворта и Кобдена. Уже теперь исчисляють эти великіе политико-экономы, сколько колоніи нанесли ущербъ народному богатству, и придетъ же время, когда положительная выгода возьметъ верхъ надъ призракомъ вѣшняго могущества.

Такъ же бесполезны были бы и Германія зависимыя колоніи въ духѣ старой системы; напротивъ, вмѣсто увеличенія одного вѣшняго могущества, ей нужно распространеніе своего политическаго вліянія. А для этого нужна активная торговля, вывозъ своихъ произведеній, чрезъ свои непосредственныя, обширныя торговыя сношенія, которыя Германія, какъ большое мануфак-

турное государство, должно приобрести даже цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій. И для начала непосредственнаго вывоза, для основанія торговыхъ и колонизаціонныхъ обществъ, для учрежденія нѣмецкихъ торговыхъ домовъ по разнымъ концамъ земли, нѣтъ никакой надобности ждать, чтобы нѣмецкій флотъ осуществился и сталъ дѣйствительною властью на морѣ. На первое время достаточно разбросанныхъ повсюду, смѣтливыхъ консуловъ, и двухъ трехъ судовъ, которые отъ времени до времени развѣзали бы свои флаги въ торговыхъ портахъ.

Шестьдесятъ тысячъ ежегодныхъ высленцевъ въ нашъ промышленный вѣкъ могутъ имѣть для Германіи меньше значенія, чѣмъ шестьдесятъ тысячъ рекрутовъ, назначающихся каждый годъ на пополненіе войскъ. Политика считаетъ послѣднихъ необходимыми для охраненія и поддержанія цивилизаціи и могущества извнутри и извнѣ. Весь народъ вооруженъ и вся страна приведена въ оборонительное положеніе, чтобы во всякое время быть готовою встрѣтить внѣшняго врага, и государство не щадитъ на это издержекъ. Точно также съ народно-экономической точки зрѣнія, и эти шестьдесятъ тысячъ высленцевъ могутъ служить вспомогательнымъ и пополнительнымъ отрядомъ для поддержанія цивилизаціи и расширенія политическаго вліянія.

Выселенія 1847 года дали слѣдующіе результаты:

Въ сѣверныя области Соединенныхъ Штатовъ, черезъ Кробекъ,

Балтимору и Филадельфію, выслелось . . . 45,000 человекъ.

Въ сѣвероамериканскіе невольничьи штаты
черезъ Новый Орлеанъ и Гальвестонъ 12,000 —

Въ невольничьи штаты южной Америки . . . 1,000 —

Въ южную Австралію 2,000 —

Предположивъ, что Бременъ и Гамбургъ одни занимались перевозомъ ихъ, и перевозили круглымъ числомъ по сту тридцати человекъ на каждомъ кораблѣ, увидимъ, что на перевозку этихъ 60,000 высленцевъ употреблено четыреста восемьдесятъ кораблей.

Извѣстно, что доселѣ выселенія совершались безъ всякаго плана, и судохозяева не имѣли никакой торговой дѣли крокъ того, чтобы срабатывать суда, шедшія изъ Бремена для Гамбурга въ сѣверную Америку съ невольными грузами.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ. *Черта изъ дѣтства великаго челоуька.* — Ты не твердишь урока, Исаакъ; вотъ уже цѣлый часъ не посмотрѣлъ ни разу въ книжку. Тебя станутъ бранить, а мнѣ будетъ такъ жалко! говорила хорошеенькая осемь-лѣтняя дѣвочка мальчику лѣтъ двѣнадцати, который облокотясь на столъ передъ открытой книгой, не сводилъ глазъ съ полу.

— Развѣ ты не видишь на что я смотрю, Гледи? Какъ это красиво, какъ любопытно!

— Что такое? я ничего не вижу, отвѣчала вѣтреная блондиночка.

Но отбросивъ рукою локоны, закрывавшіе ей личико, она послѣдовала по направленію взглядовъ ученика:

— О! вижу, вижу эти крошечныя, желтенькія, красненькія, и свѣпненькія пятнышки, которыя прыгаютъ тамъ на полу?

Исаакъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Радуга на землѣ, сказалъ онъ, потомъ всталъ, закрылъ книгу и посмотрѣлъ на окно, откуда выходилъ лучъ солнца, обливавшій столъ свѣтомъ, отъ котораго блестяло все что было на столѣ: тетрадь изъ бѣлой бумаги, перья, чернильница, перламутровый ножикъ, большой стаканъ полный водою съ букетомъ цвѣткъ. Мальчикъ взялъ листокъ бумаги и держалъ его передъ лучомъ: прыгающіе краски исчезли; онъ снялъ облако; краски снова показались; поставилъ къ солнцу перламутровый ножикъ: онъ разцвѣтился розовыми, золотистыми, синими, сѣрыми оттѣнками. Отблески эти ничѣмъ не измѣнили прыгающихъ пятенъ, а только повторили цвѣтныя оттѣнки.

Блондиночка, внимательно слѣдившая за различными пробамъ, которыя мальчикъ съ важнымъ и блѣднымъ челомъ называлъ *опытами*, наконецъ вышла изъ терпѣнія.

— Ну къ чему тутъ ломать голову? сказала она. Конечно это все происходитъ отъ солнца!

— Да; но какъ? отчего? сквозь что?... сказалъ медленно мальчикъ, какъ-будто самъ предлагая себѣ эти постепенные вопросы, а не отвѣчалъ молоденькой подругѣ.

— Если ты не хочешь учиться, пожалуй, какъ тебѣ угодно! но пойдемъ лучше играть въ садъ, сказала она, такъ охотно покачавъ стодъ въ своемъ радостномъ порывѣ, что часть воды изъ стакана пролилась.

Доидя до двери, дѣвочка обернулась. Исаакъ не шелъ за нею: стоя все на томъ же мѣстѣ, онъ внимательно смотрѣлъ на легкую радугу, которая извивалась и волновалась по землѣ.

Гледи воротилась на цыпочкахъ; Исаакъ указалъ ей пальцемъ на колебавшійся стаканъ.

— Ахъ! это отъ «іалокъ!» сказала она.

И съ живостью протянувъ руку, она взяла цѣфты.... краски остались.

— Такъ отъ воды.

— Можетъ быть да, можетъ и вѣтъ, сказалъ маленькій испытатель. Посмотримъ.

Онъ опросталъ стаканъ и поставилъ его на столъ. На землѣ едва сталъ замѣтенъ блѣдный и безцвѣтный отблескъ прыгающихъ красокъ.

— Это вѣстѣ и отъ воды и отъ стакана, сказалъ онъ; свѣтъ солнца проходя сквозь нихъ составляетъ радугу.

— Но, перебила дѣвочка, на небѣ вѣтъ стекла.

— За то есть воздухъ, который удерживаетъ воду висющую нѣсколько времени въ облакахъ, прежде чѣмъ она распадется дождемъ. Если бы можно было подержать воду не наливая въ стаканъ....

— Это невозможно!

— А я нашелъ средство!

Мальчикъ пошелъ въ буфетъ, вынулъ глубокое блюдо китайскаго фарфору, поставилъ его по серединѣ стола, освѣщенного солнцемъ и сталъ наливать воду тихо и съ высока. Каждая капля небольшого каскада, падала какъ прозрачный бриллиантъ, а сзади рисовались на полу свѣтлыя пятнушки, болѣе яркія чѣмъ прежде.

Гледи съ восхищеніемъ всплеснула руками.

— Ты нашелъ, Исаакъ, нашелъ!

Но Исаакъ все еще искалъ, какъ вдругъ дверь отворилась и голосъ хозяйки заворчалъ въ сѣняхъ:

— Какъ! дѣти еще не ушли въ школу, а ужъ десять часовъ! Вы ни объ чемъ не думаете, мистеръ Клеркъ!

— Я занимался въ лабораторіи, отвѣчалъ честный аптекарь городка Гревтемъ, которому эти дѣти отданы были на хлѣбъ, затѣмъ чтобы ходить въ школу, потому что родители ихъ жили въ деревнѣ.

— Вотъ какъ ты проводишь время, негодяй! вскричала хозяйка, увидя что буфетъ открытъ; самое лучшее фарфоровое блюдо въ большой опасности быть разбиту, столъ и полъ облиты водой, — потому что Исаакъ радуясь какъ краски лягутся и шевелятся, все продолжалъ наливать, не замѣчая, что изъ полнаго

блюда, вода льялась на столъ, а со стола на полъ. Посмотрите-ка чѣмъ онъ занимается! Объявляю тебѣ Исаакъ, что если ты не станешь лучше вести себя, я отошлю тебя въ Вулсторпъ. Идетъ ли это сыну бѣдной вдовы терять такъ время! Право, я бы желала знать, что изъ тебя сдѣлають на мызѣ, если ты станешь такъ лѣниться!... Выучылъ ли ты по-крайней мѣрѣ урокъ?

— Нѣтъ, пролепеталъ маленькій Исаакъ.

— Я это знала! Мистеръ Стокзъ все день ото дня недоволенъ; еще вчера онъ мнѣ говорилъ, что ты не безъ дарованія, но что въ жизнь свою не случалось ему видѣть ребенка невнимательнѣе и разсѣяннѣе тебя. Вѣчно носъ къверху, мистриссъ Клеркъ, говорилъ онъ; муха ли прожужжитъ, пылинка ли завертится на солнцѣ, вздуется ли товарищъ мыльный пузырь, вотъ чѣмъ онъ занимается цѣлый день. Но что касается до уроковъ, это такой лѣнтяй!...

— Если мистеръ Стокзъ сказалъ это, перебила съ живостью Гледи, онъ ошибается; онъ не знаетъ Исаака; я вижу какъ онъ трудится даже въ часы отдохновенія.

— Что же онъ дѣлаетъ, позвольте узнать?

— О! пропасть вещей! Развѣ не онъ сдѣлалъ прелестную кроватку для моей куклы? кроватка которая катится почти одна! А для Бетси-то шкапикъ съ дверцами! а для Люси хорошенькій столикъ! не считая картинокъ, птичекъ и животныхъ, которыхъ онъ самъ нарисовалъ и вставилъ въ рамку: да еще... еще...

Исаакъ дергалъ за передникъ Гледи, смотрѣлъ на нее съ умоляющимъ видомъ, тиховыко толкалъ ее подъ локоть; но ее могла остановить только одна мистриссъ Клеркъ.

— Хорошо, хорошо, сударыня, довольно! сказала она сухо. Вы имѣете свои причины, чтобы извинять его, и разсѣвать; но какъ мать прислала его сюда не за тѣмъ, чтобы дѣлать кровати и шкафы для куколъ, онъ сдѣлаетъ мнѣ одолженіе поторопиться. Ну, ну, въ школу! вы опоздали цѣлымъ часомъ.

Исаакъ взялъ книгу и пошелъ повѣсивъ голову, безпокоясь и о томъ, что опоздалъ и не выучилъ урока, но еще болѣе думалъ о земной радугѣ, такъ что въ слѣдствіе всѣхъ этихъ заботъ онъ поворотилъ на лѣво вмѣсто того чтобъ въ право и продолжилъ дорогу еще на двадцать минутъ.

По окончаніи уроковъ, его, за наказаніе, продержали цѣлымъ часомъ долѣе товарищей. Однако, возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ Гледи; она ждала его на улицѣ.

— Какъ давно я здѣсь! вскричала она; посмотри, теперь все

въ тѣни. Когда я пришла сюда, тѣнь доходила только до-сихъ-поръ, вотъ гдѣ я сдѣлала эту полоску, а теперь посмотри до которыхъ поръ она дошла.

Исаакъ посмотрѣлъ на тѣнь и на полоску, потомъ весело поцѣловалъ дѣвочку.

— Ты не знаешь? сказалъ онъ, вѣдь мы оба занимались однимъ и тѣмъ же: я разсматривалъ изъ окна тѣнь, которая рисовалась на углу, а оставался тамъ преспокойно, увѣряю тебя, и думалъ о чемъ-то, что тебя обрадуетъ, Гледи.

— О чемъ же это?

— О томъ, что помѣшаетъ намъ забывать время и быть наказанными.

— Неужели?

— О! если мнѣ удастся, вообрази, что мы будемъ акуратите мистриссъ Клеркъ и самого мистера Стокса: мы будемъ вѣрнѣе звать время чѣмъ по большимъ грентемскимъ часамъ.

— О! скажи же, что это, Исаакъ? скажи поскорѣе, пожалуйста!

— Нѣтъ, это моя тайна. Я тебѣ скажу и покажу даже, когда все будетъ кончено и если мнѣ удастся.

Дѣвочка надула розовыя губки.

— Ты не хочешь, чтобы я помогала тебѣ какъ тогда въ маленькой мельницѣ? Ты помнишь, вѣдь это я вырѣзала и сшила крылья, по образцу, который ты нарисовалъ, ты назвалъ ихъ очень легкими и красивыми; а теперь какъ будто ты думаешь, что я ни к чему и не годюсь!

— Нѣтъ, нѣтъ, милая Гледи, ты будешь помогать мнѣ и во многомъ. Только ты должна общаться не рассказывать объ этомъ мистриссъ Клеркъ, какъ вышче утромъ.

— Да вѣдь скучно слышать, что тебя вѣчно называютъ лѣтлею, когда я знаю, что ты самый трудолюбивый и искусный изъ всѣхъ мальчиковъ въ школѣ! Пусть-ка покажутъ хоть одного, который сдѣлалъ бы такіе бумажные змѣи какъ твои! они летятъ выше другихъ, да еще какія на нихъ нарисованы картинки! Только твои змѣи, Исаакъ, могутъ летѣть прямо и колыхаться словно птицы съ крыльями. А кто выдумалъ бумажные фонарики, чтобы ходить утромъ въ школу зимой? Кто похвалится, что нарисовалъ и выстроилъ такую милочку мельницу, какъ ту, что мы сдѣлали вмѣстѣ съ тобой? Кому бы пришло въ голову заставить ее вертѣться когда нѣтъ вѣтру, заперевъ туда мышку, которая все лазитъ на колесо, чтобы достать хлѣб-

ное зернышко съ верху? Какой это смѣшной мельникъ и какъ мнѣ весело кормить его, когда овъ исполнитъ свое дѣло!

— О! то что у меня въ головѣ, гораздо важнѣе, Гледи, продолжалъ маленькій человѣчекъ съ серьезнымъ видомъ. Это не игрушка, а такая вещь, которая будетъ полезна, очень полезна и тебѣ и мнѣ, и Бетси и Люси, и даже мистеру и мистриссъ Клеркъ.

— Если я отгадаю, скажешь ли ты правду? сказала дѣвочка. Дай-ка я попробую... Что можетъ помѣшать намъ забывать время? что показываетъ его? это ясно..., я отгадала! часы. Развѣ ты можешь сдѣлать часы, Исаакъ?

— Не думаю; у меня многого недостаетъ. Притомъ я думалъ не о часахъ, а о чемъ то попроще.

— Не о песочныхъ ли часахъ?

— Ты почти что отгадала, и еще не совсѣмъ. Песочные часы могутъ показывать только, какъ долго продолжается часъ, а не который часъ. Я даже замѣтилъ на мызѣ—у насъ тамъ были песочные часы — что они невѣрно показываютъ часъ, и часто сравнивалъ ихъ съ стѣнными: песочные всегда были впередъ, потому что сыпаясь безпреставно въ дырку песокъ истеръ и увеличилъ ее, оттого овъ и сыпался скорѣе. А то что я хочу сдѣлать, Гледи, будетъ показывать вѣрный, настоящій часъ; это не станутъ повѣрять по стѣннымъ часамъ, а напротивъ стѣнные будутъ повѣряться по тому.... это.... но я еще не скажу что станутъ показывать тамъ часъ.

— Ну такъ примемся же тотчасъ за работу.

— Нѣтъ, надо подождать до вечера, сказалъ Исаакъ; мнѣ надо кое-что кончить и разсчитать.

— Ну такъ до вечера, сказала дѣвочка.

И прыгая убѣжала къ подругамъ.

Въ половинѣ осьмага, Гледи была на назначенномъ свиданіи, въ одной изъ самыхъ открытыхъ аллей сада. Она нашла тамъ Исаака, погруженнаго въ созерцаніе звѣздъ, блиставшихъ миллионами на небѣ.

— Ты еще не началъ? вскричала она. Мистриссъ Клеркъ, позволеть намъ нынче лечь въ девять часовъ, потому что завтра воскресенье.... Что ты такъ смотришь, Исаакъ?

— Знаешь ли ты, гдѣ полярная звѣзда, Гледи?

— Ты мнѣ какъ-то показывалъ; но я не знаю какъ теперь ее найти.... Ахъ, да! да! надо провести прямую черту черезъ двѣ первыя звѣзды Большой Медвѣдницы, до хвоста Малой Медвѣдницы;

черта и встрѣтить Полярную звѣзду, которая одиоко и ярче другихъ блеститъ въ этомъ мѣстѣ.

— Славно запомнила, Гледи! А помнишь ли какъ я тебѣ толковалъ, что эта звѣзда всегда остается на одномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ другія вертятся и перемѣняютъ свое положеніе на небѣ.... Я разъ проснулся ночью, прибавилъ онъ понизивъ голосъ, посмотрѣть какъ они движутся; это такъ чудесно, что сердце у меня надрывалось, я чуть не заплакалъ....

— Отчего? спросила Гледи.

— И самъ не знаю. Я думалъ о Богѣ, который сотворилъ эти чудныя звѣзды, и движеть ихъ въ такомъ порядкѣ, мнѣ бы хотѣлось знать какъ, зачѣмъ. Глаза не уставали слѣдовать за ними, сравнивать ихъ. Разъ я наклеилъ на стекло листокъ прозрачной бумаги, и назначилъ на немъ точками полярную звѣзду и звѣзды, которыя ее окружаютъ. Тогда я замѣтилъ, что она оставалась все на томъ же мѣстѣ, а другія время отъ времени перемѣняли мѣсто, описывали круги все больше и больше по мѣрѣ того какъ удалялись отъ полярной звѣзды; нѣкоторыя всходятъ какъ солнце на востокъ и заходятъ на западъ.

— А ты видѣлъ все это, Исаакъ! вскричала дѣвочка съ почти-тельнымъ восторгомъ.

— Да и множество другихъ вещей, которыя заставили насъ призадуматься. Но надо поскорѣй приняться за дѣло, а то не успѣемъ.

Мальчикъ принесъ два кола и началъ одинъ изъ нихъ вбивать въ землю. Гледи удивлялась зачѣмъ онъ вбивалъ колъ не вертикально а вкось, зачѣмъ останавливался, присѣдалъ возлѣ палки и смотрѣлъ на полярную звѣзду, слѣдуя глазомъ за этой косвенной линіей. Когда онъ вбилъ колъ, то повѣсилъ на его верхнюю оконечность кусокъ свинцу на свурочкѣ. Замѣтивъ такимъ образомъ вертикальную линію, онъ поставилъ на землю другой колъ по этому направленію, такимъ образомъ, что онъ поддерживалъ первый. Потомъ онъ попросилъ Гледи приложить глазъ къ наклоненной палкѣ и сказать ему, видна ли полярная звѣзда прямо противъ конца, чтобы онъ могъ вколотить колъ вѣрно. Онъ оустилъ его, приподнял съ одной стороны, съ другой, такъ какъ говорила Гледи; потомъ убѣрившись собственными глазами въ вѣрности линіи, и найдя вѣрную точку, прикрѣпилъ оконечность наклоненной палки къ оконечности прямой, между тѣмъ какъ Гледи придерживала все въ одинаковомъ положеніи. Едва окончились эти предварительныя приготовленія, какъ голосъ мист-

ршость Клеркъ раздался въ саду. Было уже девять часовъ — пора ложиться спать.

На другой день Исаакъ отыскалъ тотъ конецъ палки, который былъ выше другаго, и въ половинѣ двѣнадцатаго Гледи, не понимавшая какъ оба кола, возвышаясь угломъ надъ землею, могутъ показать имъ время, увидѣла своего товарища. Онъ вѣсь небольшой ящикъ, открылъ его, поставилъ осторожно на землю, прежде сравнивъ ее подъ нимъ.

— О! что это? вскричала Гледи, точно будто часы, только я никогда такихъ не видала. А что показываетъ эта стрѣлка, которая все трясется въ равновѣсїи надъ этимъ острымъ концомъ.

— Свѣрзь, какъ это написано на цѣферблатѣ. Это компасъ. Мистеръ Клеркъ ссудилъ мнѣ его на время; онъ всегда оборачивается къ полярной звѣздѣ.

— Вотъ еще! какъ ты можешь знать это, Исаакъ? звѣзды-то вѣдь уже вѣтъ.

— Нѣтъ она тутъ, только мы не можемъ ее видѣть, потому что теперь день.

— А то мы бы ее увидали? точно? спросила Гледи.

И она взявъ всѣхъ силъ вытаращила глазки, однако на голубомъ сводѣ не видать было звѣзды. Но Исаакъ утверждалъ это, а онъ никогда не лгалъ, она повѣрила ему на слово.

Между тѣмъ тѣмъ отъ кольевъ все уменьшалась. Незадолго до полудня, случай привелъ мистера Клерка въ садъ. Онъ подошелъ къ юнымъ наблюдателямъ, посмотрѣлъ на постройку Исаака и улыбнулся съ видомъ удовольствїя и любопытства, который ободрилъ ребенка.

— Такъ ли это? спросилъ онъ съ беспокойствомъ.

— Кончикъ этотъ прямо противъ полярной звѣзды; Исаакъ поставилъ вѣрно, сказала Гледи гордо.

— Такъ это придумалъ Исаакъ? перебилъ Клеркъ; идея замысловата, и у васъ тутъ огромный, но очень вѣрный указатель солнечныхъ часовъ.

— Указатель! Исаакъ выдумалъ указатель! вскричала дѣвочка.

— Я не зналъ какъ это называется, сказалъ Исаакъ.

— Да это просто указатель солнечныхъ часовъ огромнаго размѣру, продолжалъ Клеркъ, не помню, чтобы я видѣлъ когда-нибудь такой величины.

— Сейчасъ будетъ полдень, потрудитесь посмотреть на наши часы?

— Безъ одной минуты. Будь готовъ провести черту твоего меридіана.

Исаакъ провелъ черту, образовавшуюся на землѣ отъ смѣшанной тѣни двухъ кольевъ, и Гледи задрожала отъ радости, что эта черта находилась прямо по направленію означенному компасомъ къ югу и сѣверу. Тѣнь показывала тогда ровно полдень, то есть, тотъ пунктъ, когда солнце на самой вершинѣ своего дневнаго теченія отъ востока къ западу проводитъ эту черту, что Клеркъ называлъ меридіаномъ, воображаемую ось земнаго шара, которую предполагають проведенною изъ центра земли до полярной звѣзды, начиная отъ того мѣста, гдѣ стоимъ.

— Теперь вы будете знать когда полдень, продолжалъ Клеркъ, но что же вы придумаете, чтобы узнать другіе часы?

— Объ этомъ я не забочусь, успѣшила отвѣтить Гледи. Ничего не можетъ-быть легче: мы посмотримъ до какого мѣста доходитъ тѣнь въ часъ, и сдѣлаемъ мѣтку, точно также и въ два и въ три до самаго конца.

— Въ этомъ есть небольшое затрудненіе: тѣнь не всегда доходитъ одинаково до мѣста; она отстаетъ или перекоидтъ смотря по времени года; только въ полдень и зимой и лѣтомъ она регулярно доходитъ до одной и той же точки.

— Знаю, я нѣсколько разъ ужъ наблюдалъ это, сказалъ Исаакъ, и потому я хочу замѣтить часы на большой доскѣ, которая у меня тамъ наверху. Я проведу длинныя черты, по которымъ тѣнь будетъ расширяться и заходить или уходить, растягиваться, укорачиваться, въ продолженіи цѣлаго года. Я положу доску отъ востока къ западу, прикрѣплю ее къ землѣ между двумя камнями, и черты и цифры не сотрутся на ней какъ на пескѣ.

— Попробуй; но подумай что это только грубый очеркъ солнечныхъ часовъ. Чтобы усовершенствовать ихъ, тебѣ надо нестойчивости, наблюденій и познаній не по лѣтамъ.

— О! ему уластятъ, я увѣрена! сказала Гледи захопавъ руками. Онъ сдѣлаетъ великую, полезную вещь, и вы скажите мнотрись Клеркъ, чтобы она не называла его лѣтникомъ.

Черезъ годъ, въ тотъ самый день ставили въ саду настоящее солнечные часы, на каменной подставкѣ, которую велѣлъ сдѣлать мистеръ Клеркъ; солнечные часы изъ асиднаго камня были раздѣлены Исаакомъ на двѣнадцать часовъ дня и двѣнадцать часовъ ночи: онъ могъ бы сберечь послѣдніе, за неимѣніемъ

солнца, но не хотѣлъ избавить себя отъ трудовъ. Мѣдная стрѣлка, наставленная вѣрно и наклоненная къ горизонту на столько градусовъ какъ ось земная въ отношеніи къ Грентему, замѣнила колоссальный указатель — предметъ гордости Гледи. Исаакъ все сдѣлалъ, все разсчелъ, все свѣрилъ, одинъ безъ чужой помощи и добился до желаннаго результата, то есть, не забывать время такъ часто и свѣрять часы и карманные и стѣнные и городскіе вмѣсто того, чтобы повѣрять по нимъ.

Онъ еще кромѣ того сдѣлалъ клеандръ или водяные часы въ старомъ ящикѣ въ три или четыре фута вышиной, который мистеръ Клеркъ согласился ему отдать: они показывали время также вѣрно какъ солнечные часы, посредствомъ стрѣлки, двигавшей кусокъ пробки, которая поднималась и опускалась по уровню воды, плавая на ея поверхности.

Во время ваканцій на мызѣ матерн, Исаакъ надѣлалъ множество часовъ; на стѣнѣ риги онъ устроилъ вертикальные часы, для работниковъ.

Наконецъ мельница вертѣлась ко всеобщему изумленію, повинулась вѣтру, когда было вѣтрево и мышкѣ въ тихую погоду.

Исаакъ всегда задумчивый, важный, безмолвный, мечталъ о постройкѣ механической повозки въ четыре колеса, которую бы могъ двигать тотъ кто сидитъ внутри, потому что бѣдная подружка его Гледи обварила себя кипяткомъ обѣ ноги и съ грустью должна была не сходить съ мѣста.

Мистриссъ Клеркъ всё еще качала головой, бормоча, что изъ этого мальчннн выйдетъ плохой мызникъ; а когда она заставляла его въ мечтахъ передъ лучомъ солнца, или видѣла какъ онъ вдуваетъ мыльные пузыри, смотря на нкъ бѣглыя и извилистыя ириски, она не могла удержатся, чтобы не пожать плечами и не вскричать:

— Къ чему это?

— Чтобы знать, отвѣчалъ Исаакъ.

— Пусть егѣ, не мѣшай, говорилъ благосклонный мистеръ Клеркъ; онъ учится больше, когда смотритъ, чѣмъ когда читаетъ. Такимъ дѣтямъ какъ онъ Господь открываетъ великую книгу природы. Этотъ угрюмецъ знаетъ больше насъ, всеметра что такъ молбдъ. Я слышу ученыхъ, мистриссъ Клеркъ, а вѣдь ей Богу! мысля востаить солнечные часы по поллярной вѣздѣ не пришла бы нѣтъ въ голову. Исаакъ съ головой, и шея не удивитъ несколько, если обѣ вемъ когда-нибудь заговорятъ. Я хочу, чтобы эти солнечные часы, назывались часами Исаака Ньютони.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ ВО ФРАНЦИИ. *Замогильная Записка Шатобриана. Часть шестая.*

Alloquar? audiero nunquam tua verba loquentem?
Nunquam ego te. vita frater amabilior.
Aspiciam posthac? at, certe. semper amabo!

«Мнѣ уже не говорить съ тобою! Уже я не услышу тебя болѣе! Мнѣ не видать тебя, братъ, милѣе самой жизни! Но я всегда буду любить тебя!»

Я потерялъ друга и теряю мать; в стихи Катулла къ брату приходится повторять на каждомъ шагу. — Въ нашей юдоли слезъ, какъ въ аду, звучитъ какая-то вѣчная жалоба, — основной тонъ вопля человѣческаго: она слышится безпрестанно и кажется продолжалась бы и тогда, когда бы замокли всѣ скорби человѣка.

Письмо Юліи, которое я получилъ вслѣдъ за письмомъ Фонтана, подтвердило во мнѣ печальное убѣжденіе, что я съ каждымъ днемъ больше и больше сиротѣю; Фонтанъ совѣтовалъ трудиться, искать славы; сестра убѣждала меня перестать писать: одишь предлагалъ мнѣ славу, другая забвеніе. — Въ исторіи моей сестры графини де-Фарси, вы видѣли, что она была такого образа мыслей; она возненавидѣла литературу, считая ее однимъ изъ искушеній, встрѣченныхъ ею въ жизни.

Сенъ-Серванъ, іюля 1798.

«Другъ мой, мы лишились лучшей изъ матерей; съ сокрушеніемъ сердца извѣщаю тебя о роковомъ ударѣ. — Когда ты перестанешь быть предметомъ нашей заботливости, намъ не для чего будетъ жить. Если бы ты зналъ сколько пролила слезъ почтенная матушка о твоихъ заблужденіяхъ, достойныхъ сожалѣвія всякаго благомыслящаго человѣка, не только но чувствамъ одного благочествія, но и по внушенію разума; еслибы ты самъ постигъ это, можетъ-быть ты раскрылъ бы глаза и отказался отъ литературы; — когда бы небо, услышавъ наши молитвы позволило намъ соединиться, ты нашелъ бы среди насъ все счастье, возможное на землѣ; ты и намъ принесъ бы счастье, котораго мы лишены, потому что ты не съ нами и мы должны беспокоиться о твоей участи.»

Ахъ, зачѣмъ я не послушался совѣта сестры! Зачѣмъ продолжалъ я писать? Если бы вѣкъ нашъ не выдагъ моихъ сочиненій, развѣ произошла бы какая-нибудь перемѣна въ событіяхъ и въ духѣ вѣка?

Такъ, я потерялъ мать; я огорчилъ предсмертный часъ ея жизни! Между-тѣмъ, какъ она испускала послѣдній вздохъ, вдали отъ послѣдняго сына и молилась за него, — что дѣлалъ я въ Лондонѣ? Можетъ-быть въ ту минуту, какъ холодный потъ покрывалъ чело матери и рука моя не могла его отереть, — я прогуливался по улицамъ, наслаждаясь прохладою утра! — Я сохранилъ къ матушкѣ глубокую сыновню любовь. — Мое дѣтство и юность тѣсно связывались съ воспоминаемъ о матери; все что я зналъ — я зналъ отъ нея. — Мысль, что я отравилъ послѣдніе дни женщины, которая носила меня подъ сердцемъ, привела меня въ отчаяніе: съ омерзѣніемъ бросилъ я въ огонь экземпляръ *Опыта*, какъ орудіе моего преступленія; еслибы мнѣ возможно было уничтожить сочиненіе, — я бы съ радостью уничтожилъ. Я освободился отъ этого тягостнаго состоянія тогда только, когда мнѣ пришла мысль искупить первое мое сочиненіе религіознымъ — вотъ начало «Духа христіанства».

«Моя матушка», сказалъ я въ первомъ предисловіи этого сочиненія, «семидесяти двухъ лѣтъ, брошенная въ подвалы, гдѣ на глазахъ ея погибла часть ея семейства, должна была наконецъ умереть на нищенской постелѣ уготовленной несчастіями. Воспоминаніе о моихъ заблужденіяхъ отравили ея послѣдніе дни сильною горестью; умирая, она поручила одной изъ моихъ сестеръ снова обратить меня къ тѣмъ религіознымъ чувствованіямъ, въ какихъ я былъ воспитанъ. — Сестра извѣстила меня о послѣднемъ желаніи матушки. Когда письмо, изъ-за морей, дошло до меня, сестра уже не существовала, — причиною смерти ея было также заточеніе. — Эти два замогильные голоса, эта смерть, служившая, такъ сказать, толкователемъ смерти, меня поразили. — Я сдѣлался христіанномъ. Но знаю, что не сверхъестественному свѣту я обязанъ этимъ: убѣжденіе мое выходило прямо изъ сердца; я плакалъ и вѣрилъ.»

Ошибкѣ своей я придавалъ слишкомъ много важности; *Опытъ* вовсе небылъ книгою безбожною, но книгою скорби. — Сквозь иракъ этого сочиненія проскользаетъ лучъ свѣта христіанства, который озарилъ мою колыбель. — Не нужно было большихъ усилій, чтобы перейти отъ «Опыта» къ благочестію «Духа христіанства».

Когда послѣ печальнаго извѣстія о смерти матушки, я рѣшился внезапно измѣнить путь, заглавіе — «Духъ христіанства», которое мелькнуло въ головѣ моей, меня одушевило; я принялся за трудъ; работалъ съ жаромъ сына, воздвигающаго мавзолей

своей матери. — Материалы были давно уже приготовлены и собраны, благодаря предшествовавшим изслѣдованіямъ. Я зналъ сочиненія Святыхъ Отцовъ какъ рѣдкій изъ людей нашего времени; я изучалъ ихъ, даже для того, чтобы ихъ опровергнуть; и избралъ эту стезю съ дурнымъ намѣреніемъ, вмѣсто того, чтобы сойти съ нея побѣдителемъ, я сошелъ побѣжденнымъ.

Что касается собственно до исторіи, я занимался ею специально, сочинилъ свой *Essai sur les révolutions*. Подлинники Камдена, которые я незадолго предъ тѣмъ просматривалъ, коротко ознакомили меня съ правами и учрежденіями среднихъ вѣковъ. — Наконецъ мой ужасный манускриптъ Начесовъ, состоявшій изъ двухъ тысячъ трехсотъ девяноста трехъ страницъ, содержалъ въ себѣ все то, что необходимо было «Духу христіанства» въ отношеніи описаніи природы; я могъ раздольно пользоваться этимъ источникомъ, изъ котораго уже почерпалъ многое для *Опыта*.

Я написалъ первую часть «Духа христіанства». — Два брата Дюлдъ, книгопродавцы эмигрантовъ французскаго духовенства, приняли на себя изданіе ея.

Первые листки перваго тома были напечатаны.

Сочиненіе такимъ образомъ начатое въ Лондонѣ, въ 1799, было окончено только въ 1802, въ Парижѣ; что видно изъ различныхъ предисловіи къ «Духу христіанства». — Я находился въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи пока сочинялъ: никто не узнаетъ что значить носить въ одно время въ мозгу, въ крови, въ душѣ, «Аталу и Ревеля» и примѣшивать къ мучительнымъ родамъ этими пламенными близнецами, трудъ зачатія другихъ частей «Духа христіанства».

Воспоминаніе о Шарлоттѣ облекало и согрѣвало все это; и чтобы довершить мое положеніе, первое желаніе славы воспламеняло во мнѣ восторженное воображеніе. Это желаніе происходило отъ сыновней любви; я хотѣлъ громкой молвы, для того, чтобы она вознеслась до обителя моей матушки, и чтобы ангелы принесли ей мое святое искупленіе.

Какъ одно упражненіе влечетъ къ другому, то я и не могъ, завидяся моими французскими схолиасти, не слѣдить за литературою и не знать людей страны въ которой жилъ: я увлекся въ другой родъ изысканія. Дни и ночи я проводилъ въ чтеніи, писаніи, въ урокахъ еврейскаго языка, которые давалъ мнѣ ученый пастырь, аббатъ Копеланъ; посѣщалъ библіотеки, совѣтствовалъ съ людьми свѣдущими, бродилъ по деревнямъ, съ упрямыми

мечтаніямъ, принималъ вѣнты и отдавалъ ихъ. Если есть первыя явленія обратво-дѣйственыя и предзнаменовательныя, то я могъ выворожить движеніе и шумъ сочиненію, которое должно было доставить мнѣ имя, изъ книгъ монахъ мыслей и трепетанія моей музы.

Неоднократное чтеніе мовхъ первыхъ очерковъ, прояснило мнѣ многое. Чтеніе превосходно какъ поученіе, когда не принимаешь за наличную монету обычной лести. Будь только авторъ прямодушенъ, то онъ тотчасъ почувствуетъ, по инстинктивнымъ впечатлѣніямъ другихъ, слабыя мѣста своего пролавленія и въ особенности замѣтитъ: растянута оно или слишкомъ коротко, заключается ли въ надлежащихъ предѣлахъ или переступаетъ ихъ. Я отыскалъ письмо кавалера де-Паня, о чтеніи одного сочиненія, въ то время неизвѣстнаго. Письмо прекрасно: положительный и насмѣшливый умъ грязнаго кавалера, казался вовсе не способнымъ къ воспріятію поэтическаго. Я не колеблюсь представить это письмо, документъ моей исторіи, не смотря, что оно съ начала до конца заражено похвалою мнѣ, какъ будто злой авторъ счелъ за удовольствіе, вылить полную чернильницу на свое посланіе:

Понедѣльникъ.

«Боже мой! Какое прекрасное чтеніе доставила мнѣ сегодня утромъ ваша безпредѣльная угодливость. Следовало выставить все красоты этой удивительной религіи, показать какъ она приспособлена къ сердцу человѣческому и какія великолѣпныя картины представляетъ воображенію. Не семинарскій учитель, а великій художникъ, человекъ исполненный чувства, раскрываетъ этотъ новый горизонтъ. Недоставало вашего творенія; вамъ назначено было произвесть его. Природа роскошно надѣла васъ всѣми прекрасными качествами, которыхъ требуетъ это сочленіе: вы принадлежите другому вѣку.

«Ахъ! если истины чувства считать первымъ въ порядкѣ природы, то никто лучше васъ не могъ бы доказать истинъ нашей религіи; у вратъ храма вы бы смутили нечестивыхъ, и въ святилище ввели бы умы мягкіе и сердца чувствительныя.

«Вы напоминаете мнѣ тѣхъ древнихъ философовъ, которые читали поученія, вѣнчали главы свои цвѣтами, и руны каменя благоуханіями. Но это слишкомъ слабое изображеніе вашего ума, ума пріятнаго, чистаго, древятаго.

«Каждый день благодарю счастливый случай, сблизившій меня

«съ вами; я никогда не забуду, что этимъ благодѣаніемъ я обязанъ Фонтаню; это заставляетъ меня любить его еще болѣе и сердце мое никогда не разлучитъ два имени, которыя должна соединить одна и та же слава, если Провидѣнію угодно будетъ раскрыть намъ врата нашего отечества.»

«РАНАТ.»

Аббатъ Делла слышалъ также чтеніе нѣкоторыхъ отрывковъ «Духа Христіанства». Онъ казалось былъ изумленъ, и вскорѣ сдѣлалъ мнѣ честь переложеніемъ правившейся ему прозы въ стихи. Онъ развелъ мои дикіе цвѣты Америки, въ своихъ разнообразныхъ французскихъ садахъ, и мое нѣсколько горячее вино опустилъ для охлажденія въ льдотворную воду своего прозрачнаго источника.

Неоконченное изданіе «Духа Христіанства», начатое въ Лондонѣ, нѣсколько различествовало, въ порядкѣ предметовъ, отъ изданія, выпущеннаго въ свѣтъ во Франціи. Полиція Фуше была подобна свѣжей розѣ революціонерной невинности. Правовѣрные республиканскихъ процессій въ Ліонѣ, заставили меня выкинуть одну изъ главъ и разбросать параграфы по разнымъ мѣстамъ сочиненія.

Прежде чѣмъ стану продолжать эти литературныя изслѣдованія, я долженъ прервать ихъ на минуту, чтобы проститься съ дѣдушкою Бедѣ: увы! это значило сказать прости первой радости моей жизни: *traeno non remorante diés*, «никакое удѣло не можетъ удержать дней». Взгляните на старыя гробницы старыхъ склеповъ: они тоже, сраженные лѣтами, дряхлые, лишенные памяти, потерявъ свои эпитафій, забыли даже имена тѣхъ, прахъ которыхъ они скрываютъ.

Я писалъ дѣдушкѣ о смерти матушки; онъ отвѣчалъ мнѣ длиннымъ письмомъ, гдѣ проскользало нѣсколько словъ, проникнутыхъ сожалѣніемъ; но три четверти этого посланія посвящены были моею родословной. Онъ въ особенности совѣтовалъ мнѣ, по возвращеніи во Францію, заняться описаніемъ документовъ фамиліи Бедѣ, вѣрренныхъ моему брату. Такимъ образомъ, ни въ изгнаніи, ни разореніи достоянія, ни въ гибели ближнихъ, ни въ бѣдствіи Людовика Шестнадцатаго, этотъ почтенный эмигрантъ не видѣлъ предвѣстниковъ революціи; для него ничто не мимовало, ничего не случалось; у него все еще были на умѣ британскія соловія и дворянскія собранія. Какъ разительна въ человѣкѣ эта

неподвижность мыслей при постепенномъ упадкѣ съ годами силъ тѣлесныхъ, при уtratѣ родныхъ и друзей.

По возвращеніи изъ изгнанія дядюшка Бедѣ удался въ Дн-пань, гдѣ и умеръ, въ шести лѣтъ отъ Мошшоа, не успѣвъ тамъ побывать. Старшая изъ трехъ двоюродныхъ сестеръ, Каролина, еще жива. Она осталась старою дѣвою, не смотря на почтительныя выговоры, со стороны старинной молодежи; пишетъ ко мнѣ безъ всякаго правописанія письма, въ которыхъ говоритъ ты, называетъ меня кавалеромъ и толкуетъ о томъ, что было во время оно. У нея были прекрасныя черныя глаза и маленькая талія; она танцевала какъ Камарго, и до-сихъ-поръ сохраняетъ, какъ ей кажется, память о томъ, что я въ тайнѣ питалъ къ ней свирѣщую любовь. Я отвѣчаю ей въ томъ же тонѣ, устранила по ея примѣру мысль о мнѣхъ годахъ, титлахъ и славі: «Да, милая Каролина, твой кавалеръ, и прочая.» Уже тридцать или тридцать-пять лѣтъ, какъ мы не встрѣчались: и можетъ-быть къ лучшему! Еслибъ пришлось намъ поцѣловаться, Богъ знаетъ какую переищу нашли бы мы другъ въ другѣ.

Сладостная, патриархальная, невинная, достойная уваженія дружба семейственная, твой вѣкъ миновалъ! Мы уже не привязываемся къ себѣ множествомъ цвѣтковъ, отпрысковъ и корней; мы нынче родимся и умираемъ по одинакѣ. Живые торопятся бросить покойника въ вѣчность и поскорѣе избавиться отъ трупа. Изъ друзей, одни ждутъ гроба у церкви, досадуя, что разстроили обычный ходъ ихъ занятій; другіе простираютъ преданность до того, что слѣдуютъ за гробомъ до кладбища; лишь только успѣли засыпать могилу, всякое воспоминаніе уже изгладилось. Вы ужъ не воротитесь дни вѣрованія и любви, когда сынъ умиралъ въ томъ же домѣ, въ тѣхъ же креслахъ, у того же очага, гдѣ умерли отецъ и дѣдъ, какъ они, окруженный плачущими дѣтми и внуками, на которыхъ исходило послѣднее благословеніе отцовское.

Прости возлюбленный дядя! прости семья матери! Вы изчаете, какъ и другая часть моей семьи! Прости бывшая кузина, любящая меня все такъ же, какъ въ тотъ день, когда мы слушали вмѣстѣ жалобную пѣсню нашей доброй тетушки де-Богатильель о Соколѣ, или когда ты присутствовала при разрѣшеніи моей кормилицы отъ обѣта въ аббатствѣ Назаретскомъ. Если ты переживешь меня, пришли дань признательности и любви, которую я завѣщаю тебѣ здѣсь. Не вѣрь ложной улыбкѣ, скользнув-

шей на моихъ устахъ, когда я сталъ говорить о тебѣ; глаза мои, повѣрь мнѣ, полны слезъ.

Исследования, которыми я долженъ былъ заняться, приступая къ сочиненію «Духа христіанства», болѣе и болѣе вели меня, такъ я уже сказалъ, къ внимательному разбору англійской литературы. Когда я въ 1792 году удалился въ Англію, мнѣ пришлось измѣнить большую часть сужденій, почерпнутыхъ изъ критикъ. Изъ числа историковъ, Юмъ почитался идеоломъ партіи торъ и остальнымъ: его, какъ Гиббонъ, упрекали въ обремененіи англійскаго языка галлицизмами и предпочитали ему продолжателя его Смоллета. Гиббонъ, философъ при жизни, обратившійся къ христіанству при смерти, былъ и остался уличенъ въ томъ, что онъ — до пустой человекъ, и таковымъ объявлялъ по суду геновѣ современныя критики. Говорили еще о Робертсонѣ, потому что онъ былъ сухощавъ.

Что касается до поэтовъ, то *Elegant Extracts* была мѣстою изгнанія нѣсколькимъ стихотвореніямъ Драйдена; стихи Попа оставались въ пѣнь, несмотря на то, что многіе посѣщали домъ его въ Твикенхэмъ и отрѣзали куски отъ плакучей ивы, чмѣ посаженной и умершей подобно его славы.

Блерь слылъ за критика, скучнаго какъ Французъ; его ставили гораздо ниже Джордсона. Старого его «Зрителя», *the Spectator*, отирали на чердакъ.

Англійскія политическія сочиненія для Французовъ мало интересны, для нихъ болѣе занимательны экономическіе трактаты: разсужденія о богатствѣ народовъ, объ употребленіи капиталовъ, о торговомъ балансѣ, кажется, имъ доступныѣе, хотя они и въ нихъ ничего не смыслятъ.

Беркъ былъ произведеніе народнаго политическаго духа: объявивъ себя врагомъ Французской Революціи, онъ увлекъ свое отечество на ту длинную дорогу предприимчивыхъ дѣйствій, которая привинула къ полямъ ватерлооскимъ.

Большія фигуры тутъ бывали. Вездѣ встрѣчались Мильтонъ и Шекспиръ. Монморанси, Буронъ, Сюлли, попеременно французскій посланникъ то при Елисаветѣ, то при Іаковѣ-Первомъ, слышали ли когда-нибудь о гаерѣ, игравшемъ роли въ фарсахъ своего сочиненія и въ другихъ! Произносили ли они имя Шекспира, которое варварамъ Французамъ казалось такимъ варварскимъ? Подозрѣвали ли они, что тутъ есть слава, предъ которою ихъ почести, ихъ блескъ, ихъ сонъ должны исчезнуть? И что жъ? Гаеръ, игравшій роль привидѣнія въ Гамлетѣ, былъ — великій при-

зракъ, тѣнь среднихъ вѣковъ, восходившая надъ міромъ, подобно звѣздѣ ночной, въ то самое время когда средніе вѣка стояли уже на послѣдней ступени могилы: вѣка огромныя, которые открылъ Давте и замкнулъ Шекспиръ.

Въ исторіи Вайтлока, современника пѣвца «Потеряннаго Рая», читаемъ: «Одинъ слѣпой, по имени Мильтонъ, секретарь парламента, по латинской перепискѣ». Мольеръ, гаеръ, игралъ своего Пурсоньяка, также какъ Шекспиръ, фигляръ, гримасничалъ въ роли своего Фальстафа.

Этихъ вутниковъ съ закрытымъ лицомъ, которые по временамъ заходятъ къ намъ и садятся за столъ, мы принимаемъ какъ простыхъ гостей; не узнаемъ ихъ достоинствъ пока съ ними не расстанемся. Покидая землю, они сіяютъ надъ нами во всемъ блескѣ славы. Но если люди не понимаютъ гениевъ при жизни, зато генимъ понимаютъ другъ друга: «Нужна ли, говоритъ Мильтонъ, почтеннымъ костюмъ моего Шекспира груда камней, воздвигнутыхъ трудами вѣка?» Микель-Анжело, завидуя судьбѣ и гению Давте, восклицаетъ :

„Pur foss'io tal...“

Per l'aspro esilio suo con suo virtute

Darei del mondo più felice stato.“

«Зачѣмъ я не таковъ какъ онъ! за его суровое изгнаніе съ его добродѣтелью, я отдалъ бы всѣ блаженства земныя».

Тассо прославляетъ Камозанса, еще почти неизвѣстнаго, и былъ ему славою. Чтò удивительнѣе этаго умественнаго товарищества великихъ сверстниковъ, подающихъ другъ другу знакъ о своемъ существованіи, привѣтствующихъ другъ друга, разговаривающихъ между собою, на языкѣ, имъ только понятномъ?

Былъ ли Шекспиръ хромъ какъ лордъ Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ и Молитвы, дочери Юпитера? Если онъ былъ хромъ въ самомъ дѣлѣ, то стратфордскій мальчишка (boy) не только не стыдится своей уродливости, подобно Чайльдъ-Гарольду, но не боится даже напоминать объ ней одной изъ своихъ любовницъ:

«...I am by fortune's dearest spite».

«Хромъ по милости любезнѣйшей насмѣшки природы».

У Шекспира было много любовницъ, если считать по одной на сонетъ. Творецъ Дездемоны и Жюльетты, старѣя, не переставалъ влюбляться. Незвѣстная женщина, къ которой онъ обра-

шесть въ прекрасныхъ стихахъ, гордился ли, восхищался ли тѣмъ, что была предметомъ Шекспировыхъ сонетовъ? Можно сомнѣваться: слава для старика тоже, что брилліанты для старухи; они служатъ ей парадомъ, а не украшеніемъ.

« Не плачь долго обо мнѣ, когда я умру! говорилъ трагикъ своей возлюбленной. Если станешь читать эти слова, не вспоминая руки, которая начертала ихъ; я такъ тебя люблю, что желаю исчезнуть изъ сладостныхъ твоихъ воспоминаній, если, думая обо мнѣ, ты можешь быть несчастна. О! если ты бросишь на эти строки взоръ, когда я, быть-можетъ, стану прахомъ, не повторяй даже бѣднаго моего имени, и дай любви своей умереть вмѣстѣ съ моею жизнью.»

Шекспиръ любилъ, но не цѣнилъ любви; женщина въ глазахъ его была птичка, штерчокъ, цыпенокъ, вещь, которая тѣшитъ и проходитъ. Изъ равнодушія ли къ своей славѣ, потому ли, что онъ не недооцѣнилъ ея, или потому, что званіе устранило его отъ общества и ставило его внѣ условій, до которыхъ онъ не могъ достигнуть; Шекспиръ, кажется, смотрѣлъ на жизнь какъ на легкій часъ бездѣлья, какъ на отдыхъ кратковременный и сладкій.

Шекспиръ стоитъ въ числѣ пяти или шести писателей, которыхъ однихъ достаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей мысли; эти гени — матки, какъ-будто породили в себѣ всѣхъ другихъ. Гомеръ оплодотворилъ древность; Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ, Горацій, Виргилій — его сыновья. Данте породилъ новѣйшую Италію, отъ Петрарки до Тасса. Монтанъ, Лафонтенъ, Мольеръ — исходятъ отъ Рабеля, который не былъ ни Гомеромъ, ни Данте, и не извѣстенъ нигдѣ кромѣ Франціи, гдѣ онъ даровалъ первую жизнь народной литературѣ. Вся остальная Европа живетъ Шекспиромъ, и въ Англіи, даже въ наши времена, у него заимствовалъ Байронъ языкъ, и Вальтеръ-Скоттомъ — разговоръ.

Часто отвергаютъ этихъ высокихъ мастеровъ и возстаютъ противъ нихъ; нечислятъ ихъ недостатки; укоряютъ ихъ въ сухости, длиннотѣ, причудахъ, въ отсутствіи вкуса, а между тѣмъ обкрадываютъ ихъ и радятся въ чужое добро; но напрасно стараются выбиться изъ-подъ ихъ ногъ. На всемъ отражаются ихъ краски; всадъ отпечатлѣваются ихъ слѣды; они изобрѣтаютъ слова и имена, которыя потомъ увеличиваютъ общій словарь народовъ; выраженія ихъ становятся поговорками; ихъ вымышленные дѣйствители превращаются въ живыхъ людей, съ цѣлымъ полкомъ оптомныхъ. Они отвергаютъ горизонты, воздѣляютъ брызжутъ

лучи свѣта; они свѣютъ идеи, сѣмяна множества другихъ; они даютъ образы, предметы, стиль всѣмъ искусствамъ: творенія ихъ — родники ума человѣческаго.

Такие гении занимаютъ первое мѣсто; ихъ необъятность, разнообразіе, плодовитость, своеобразность, съ перваго разу заставляютъ каждого признать ихъ за законъ, за образецъ, за форму, за типъ различныхъ умовъ, точно такъ, какъ есть четыре или пять племенъ людей, происшедшихъ отъ одного родоначальника; другіе же не иное что, какъ вѣтви.— Не ставимъ издѣваться надъ безпорядкомъ, въ который впадаютъ эти могучія существа.

Шекспиръ, при жизни, никогда не думалъ жить за гробомъ: что ему пользы теперь въ моемъ гимнѣ удивленія? Допустимъ всѣ предположенія, размыслимъ сообразно съ истинами или заблужденіями, которыми проникнуть или напитанъ умъ человѣческій; Шекспиру, какая нужда до славы, шумъ которой не можетъ до него долетѣть? Среди вѣчнаго блаженства, думаетъ ли онъ о мірскомъ ничтожествѣ? Освободясь отъ ирака вещества, терпясь въ сіяньи Бога, опускаетъ ли онъ взоръ на песчинку, по которой онъ прошелъ? Прахъ его почіетъ въ землѣ своимъ непробуднымъ и безмятежнымъ, который зовется—смертью. Такъ, кѣтъ ничего суетнаго славы за гробомъ, если только она не была жизнію для дружбы, не приносила пользы добродѣтели, не была помощницею несчастнымъ; если только не дано намъ услаждаться въ небесахъ мыслію утѣшительною, великою, оставленною нами на землѣ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, романы подпали общему гоненію, поднятому философій. Ричардсонъ дремалъ въ забвѣніи; соотечественники находили въ его слогѣ слѣды простолюдного общества, въ кругу котораго онъ жилъ. — Фильдингъ еще поддерживался; слава Стерна, поставщика оригинальности, миновала. «Вокенхильдскаго священника» еще читали.

Есть ли у Ричардсона слогъ, а объ этомъ мы иностранцы судить не вправѣ, то ему не жить въ вѣкахъ, потому что въ вѣкахъ живутъ только слоги. Напрасно возстаютъ противъ этой истины: Какъ бы хорошо ни было расположено сочиненіе, какое бы сходство ни имѣли портреты, въ немъ набросанные, какія бы другія совершенства его ни уиравняли, оно мертворождено, если недостасть въ немъ слогу. Слогу, а онъ тысячеобразенъ, научиться нельзя; это даръ неба, это талантъ. Но если Ричардсонъ забытъ за нѣкоторыя простолюдныя выраженія, невыносимыя для высшаго общества, то онъ можетъ возрождаться;

совершающаяся въ правахъ переѣма едѣластъ менѣе чувствительными или вовсе уничтожить слѣды языка простолудниковъ.

Отъ Клариссы и Тома Джонса произошли двѣ главныя отрасли семейства новѣйшихъ англійскихъ романовъ: романы съ картинами семейнаго быта, съ домашними драмами, и романы съ приключеніями, съ картинами цѣлаго общества. Послѣ Ричардсона, нравы западнаго конца города вторглись въ область вымысла: романы наполнились замками, лордами и леди, сценами на водахъ, приключеніями на скачкахъ, на балахъ, въ оперѣ, въ Репло (Rapelagh); все это сопровождалось безконечною болтовней. Скоро сцена перенеслась въ Италію; любовники перешли Альпы, среди ужаснѣйшихъ опасностей, съ страданіями душевными, которыя растрогали бы льва: *левъ пролилъ слезы!* нарѣчіе хорошаго общества принято общимъ приговоромъ.

Въ этихъ тысячахъ романовъ, наводнявшихъ Англію въ продолженіи полулѣтія, сохранили свое мѣсто два: *Калебъ Вилльямсъ* и *Монахъ*. Я не видалъ Годвина въ пребываніе мое въ Лондонѣ; но два раза встрѣчался съ Луисомъ. Этотъ молодой человекъ былъ членомъ Нижней Палаты, и по приѣмамъ походилъ на Француза. Сочиненія Анны Радклифъ составляютъ особый родъ. Творенія мистриссъ Барбодъ, миссъ Эджвортъ, миссъ Борнетъ, и проч., имѣютъ, говорятъ, нѣкоторые шансы на жизнь. «Надѣжало бы, говоритъ Монтанъ, ввести въ законы понужденіе противъ писцовъ бездарныхъ и безпользительныхъ, какъ введены есть понужденія противъ бродягъ и бездѣльниковъ; да прогнать бы изъ нутра нашего народа и меня и сотню другихъ. Книгомарательство, мнѣ кажется, есть припадокъ вѣка распутнаго».

Но эти различныя школы романистовъ домоѣдовъ, романистовъ путешествующихъ въ дилижансѣ или коляскѣ, романистовъ озерныхъ и горныхъ, романистовъ развалинъ и привидѣній, романистовъ городскихъ и гостинныхъ, исчезли въ новой школѣ Вальтеръ Скотта, точно также, какъ поэзія бросилась по слѣдамъ лорда Байрона.

Знаменитый живописатель Шотландіи началъ свое литературное поприще, во время заточенія моего въ Лондонѣ, переводомъ драмы Гёте—*Berlichingen*. Онъ продолжалъ пріобрѣтать извѣстность стихотвореніями, и наконецъ склонность генія привела его къ роману.—Мнѣ кажется, что онъ создалъ фальшивый родъ; онъ исказилъ романъ и исторію: романистъ принялся писать историческіе романы, а историкъ романическія исторіи. Безъ сом-

нѣвнѣ, моя вина если я въ Вальтеръ-Скоттѣ иногда бываю принужденъ пропускать нескончаемые разговоры; но одво изъ великихъ достоинствъ Вальтеръ-Скотта состоитъ въ томъ, что сочиненія его можно дать въ руки каждому.—Нужны большія усилія таланта, чтобы интересовать соблюдаю мѣру и порядокъ, чѣмъ правиться выходя изъ предѣловъ; не такъ легко управлять сердцемъ, какъ возмущать его.

Бёркъ удержалъ англійскую политику въ прошедшемъ, Вальтеръ-Скоттъ отбросилъ Англичанъ въ среднѣе вѣка; все что ни писали, ни строили, ни выдѣлывали на фабрикахъ, стало готическимъ: книги, мебель, дома, церкви, замки.—Но бароны Великой Хартин нынче фешіонбельные дяди Бондъ Стирта, поколѣіе легкомысленное и пустое, которое дурачится въ древнихъ теремахъ (manoirs) и не понимаетъ своего великаго прошедшаго.

Въ то самое время, какъ романъ переходилъ въ состояніе романтическое, поэзія подвергалась подобному же преобразованію.—Куперъ оставилъ французскую школу и возродилъ школу національную; Бёрнсъ, началъ такой же переворотъ въ Шотландіи.—За ними явились возстановители балладъ.—Многіе изъ этихъ поэтовъ съ 1792 по 1800 годъ, приналежали къ школѣ лакстовъ (озерной): названіе это произошло оттого, что эти писатели жили на берегахъ озеръ Комберлендскихъ и Вестморлендскихъ, и воспѣвали ихъ иногда.

Томасъ Муръ, Кембль, Роджерсъ, Краббъ, Вудсвортъ, Соути, Говтъ, Нолзъ, лордъ Голландъ, Каннингъ, Крокеръ, еще живутъ для чести авглійской литературы; но надобно быть не Французомъ, чтобы умѣть оцѣнить все достоинство задумешнаго роду сочиненій, который въ особенности доступенъ сердцу людей, твердыхъ въ любви домашняго и семейнаго быту.

Въ литературѣ живыхъ языковъ, можно быть судьей сочиненій, писанныхъ только на родномъ языкѣ. Напрасно вы воображаете, что въ совершенствѣ владѣете языкомъ иностраннымъ; вы не сосали молоко коровлицы, вы не слышали первыхъ словъ, которыми она учила васъ у груди, въ пеленкахъ; чувственные звуки свойственны только роднѣ.

Англичане и Нѣмцы имѣютъ о французскихъ писателяхъ самыя нелѣпыя понятія; они поклоняются тому, что мы презираемъ, и презираютъ то, чему мы поклоняемся; они не понимаютъ ни Расина, ни Лафонтена, ни вполнѣ Мольера. Нельзя безъ смѣху слышать, кого изъ Французовъ считаютъ великими писателями.

ми въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, Мюнхенѣ, Лейпцигѣ, Гёттингенѣ, Кельнѣ, кого читають тамъ съ жадностью и кого не читають.

Когда достоинство писателя состоитъ преимущественно въ слоgѣ (diction), иностранецъ никогда не пойметъ этого достоинства. Чѣмъ больше талантъ задушевенъ, личный, народенъ, тѣмъ болѣе таинства его ускользають отъ ума, который, такъ сказать, не *землякъ* ему.

Мы на-слово удивляемся Грекамъ и Римлянамъ; удивленіе перешло къ намъ по преданію, а Грековъ и Римлянъ, которые бы могли посмѣяться надъ сужденіями варваровъ, не существуетъ. Кто изъ насъ составитъ себѣ понятіе о гармоніи прѣзы Демосееновой и Цицероновой, стихотвореній Ликая и Горация, въ той степени, какъ гармонія эта постигалась ухомъ грегскимъ и латинскимъ? Утверждаютъ, что дѣйствительныя красоты составляютъ достоинствѣ всѣхъ странъ и временъ: такъ, по только красоты чувства и мысли, а не слога. Слогъ не космополитъ, какъ мысль; у него своя родина, свое небо, свое солнце.

Бёрнсъ, Мескъ, Куперь умерли въ пребываніе мое въ Лондонѣ, до 1800 и въ 1800; они заканчивали осемнадцатый вѣкъ; я начиналъ девятнадцатый. Дарвинъ и Битти умерли два года спустя по возвращеніи моемъ изъ изгнанія.

Битти возвѣщалъ новую эру лиры. «Минстрель, или Усаѣхи Генія», представляетъ картину первыхъ дѣйствій музы на молодого барда, который еще не вѣдаетъ дуновения, его тревожащаго. Будущій поэтъ то садится на берегъ моря во время бури; то, покидая сельскія штры, издали прислушивается къ звукамъ свирѣли.

Битти пробѣжалъ весь рядъ грустныхъ мыслей и мечтаній, открытіе которыхъ присвоили себѣ сотни другихъ поэтовъ. Битти предполагалъ продолжать свою поэму; въ самомъ дѣлѣ, онъ написалъ вторую пѣснь. Однажды вечеромъ Эдвинъ слышитъ въ глубинѣ долины звуки таинственнаго голоса, то былъ голосъ отшельника, который узнавъ всѣ обманы свѣта, живо похоронилъ себя въ этомъ убѣжищѣ, чтобы сосредоточить свои помыслы и воспѣвать чудеса Создателя. Этотъ отшельникъ наставлялъ молодого минстреля и открываетъ ему тайну его генія. Идея ставшая; но исполненіе не соответствовало ей. — Битти обреченъ былъ на слезы; смерть сына разорвала отцовское сердце: какъ Оссианъ послѣ потери своего Оскара, онъ повѣсилъ лиру на вѣтвяхъ дуба. Можетъ-быть, сынъ Битти былъ тотъ самый

юный министрѣ, котораго пѣлъ отецъ и котораго шаги перестали видѣться ему на горѣ.

Въ стихахъ лорда Байрона встрѣчаются разительныя подражанія «Министрею»: въ пребываніе мое въ Англій, лордъ Байронъ учился въ школѣ въ Гарро, деревнѣ въ десяти миляхъ отъ Лондона. Онъ былъ еще ребенкомъ; я былъ молодъ и также неизвѣстенъ какъ онъ; онъ выросъ среди кустарниковъ Шотландіи, у морскаго побережья, какъ я въ пустошахъ Бретани, у берега моря; онъ сначала любилъ Библию и Оссіана, какъ любилъ ихъ я; онъ воспѣвалъ въ Нью-Ствидъ-Абби воспоминанія дѣтства, какъ пѣлъ ихъ я въ замкѣ Комбургскомъ*.

«Когда я, юный горецъ, преслѣдовалъ благородный верескъ и взбирался на твое склоненное чело, о Морвенъ, увѣчанный свѣгомъ, чтобы любоваться потокомъ, гремѣвшимъ надо мною, или парамъ бури, скоплявшимся у ногъ моихъ....»

При прогулкахъ по окрестностямъ Лондона, въ то время, когда я былъ такъ несчастенъ, я двадцать разъ проѣзжалъ чрезъ деревню Гарро, не зная, какого генія тавтъ она. Я сидѣлъ подъ вѣтомъ, подъ которымъ, въ 1807, въ-ту-пору, какъ я возвращался изъ Палестины, лордъ Байронъ написалъ слѣдующіе стихи:

* Мы сохраняемъ въ цѣлости все что слѣдуетъ, все это пустословіе тщеславнаго старика, который только себя видѣлъ въ литературѣ, въ исторіи, въ природѣ, даже во всѣхъ распоряженіяхъ судьбы, себя ставилъ вездѣ идоломъ, и себя еще воображалъ вождемъ и главою отечественной литературы, гениемъ равнымъ Шекспиру и Байрону, когда уже Франція не читала болѣе мосье де-Шатобриана и страстно увлекалась Байрономъ, когда уже новое поколѣніе съ восторгомъ поклонялось Шекспиру, и объ авторѣ Аталы знало только какъ о подражателѣ Шекспирову слогу, обративши въ слогъ этотъ въ карикатуру. Непомѣрное самолюбіе автора «Замѣчательныхъ Записокъ», доходящее до ребячества, и еще далѣе — до крайнихъ предѣловъ скучнаго и смѣшнаго — вѣроятно, во многихъ мѣстахъ поразило русскихъ читателей, но слѣдующее разсужденіе о Байронѣ, это сравненіе великолѣпнѣйшаго Чарльза Гарольда съ пустотою Реня, это производство самаго свѣтлаго, самаго живописнаго, могучаго, поэтическаго языка отъ своей изысканной прозы, отъ своего слогу, вертящагося на натяжкахъ мысли и выдающаго такъ часто въ галиматію выраженія, невыносимую, непереводиную; эти сожалѣнія о паденіи славы Байрона, тогда какъ слава англійскаго поэта укрѣплялась, а слава Шатобриана падала болѣе и болѣе; все это такъ любопытно, что стоитъ прочтенія какъ сущая потѣха.

Ред.

Spot of my youth! whose hoary branches sigh
Swept by the breeze that furs thy cloudless sky, etc.

« Мѣсто юности моей, гдѣ вздыхаютъ покрытыя снѣгомъ вѣтви, подѣ дуновениемъ вѣтерка, освѣжающаго твое безоблачное небо! Мѣсто, гдѣ я теперь плыву одинъ, я, поправшій нѣкогда, съ милымъ сердцу, твой мягкій и зеленый дерѣв; когда судьба оледенить эту грудь, горящую теперь анхорадкой; когда она умирить заботы и страсть;.... здѣсь, гдѣ билось сердце, здѣсь можетъ оно и уснуть. О, еслибы мнѣ уснуть тамъ, гдѣ пробудились мои надежды,.... смѣшаться съ землей, по которой бѣгалъ я,.... быть оплаканнымъ товарищами юныхъ лѣтъ, быть забытымъ прочими!»

А я скажу: привѣтствую тебя, древній вязъ, подѣ которымъ ребенокъ Байронъ предавался прихотямъ своего возраста, между тѣмъ какъ я мечталъ о Ренеѣ, подѣ твоею тѣнью, подѣ тою самою тѣнью, гдѣ потомъ поэтъ въ свою очередь мечталъ о Чайльдъ-Гарольдѣ! Байронъ, у кладбища, свидѣтеля первыхъ его игръ, просилъ безвѣстной могилы: напрасная мольба, которой не внемлетъ слава. Однако же Байронъ ужъ не то, что былъ; прежде я былъ въ Венеціи, и Венеція была полна воспоминаніями объ немъ; спустя нѣсколько лѣтъ, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ когда-то имя его вездѣ звучало, я не нашелъ и слѣдовъ памяти его. Эхо Лидо уже не повторяетъ его имени, и если вы спросите его у Венеціанцевъ, они не знаютъ о комъ вы говорите; они уже не слышатъ ржанья его коня: то же самое и въ Лондонѣ, гдѣ память объ немъ умираетъ. Вотъ что васъ ждетъ.

Если я, проѣзжая черезъ Гарро, не зналъ что тамъ живетъ ребенокъ лордъ Байронъ, за то и Англичане, посѣщавшіе Комбургъ, не подозрѣвали, что маленькій шалуни (vagabond), воспитанный въ этихъ лѣсахъ, оставитъ по себѣ какой-нибудь слѣдъ. Путешественникъ Артуръ Юнгъ, проѣзжавшій черезъ Комбургъ, писалъ:

« До Комбурга (отъ Понторсова), страна представляетъ видъ дикій, земледѣліе едва ли лучше чѣмъ у Гуроновъ, вещь невѣроятная въ огороженной землѣ, народъ почти также дикъ какъ самая страна, а городъ Комбургъ одно изъ самыхъ грязныхъ и грубыхъ мѣстъ: дома не больше какъ землянки, безъ стеклянныхъ оконъ, мостовая въ такомъ дурномъ состояніи, что проходящій или проѣзжающій встрѣчаетъ на каждомъ шагу препятствіе; удобствъ никакихъ. Впрочемъ, тамъ есть замокъ, и даже

обитаемый. Что за человекъ этотъ графъ де-Шатобрианъ, владѣлецъ замка, у котораго нервы такъ сильны, что онъ можетъ жить среди такой грязи и бѣдности? Подъ этой отвратительной грудой нищенства, находится прекрасное озеро, окруженное лѣсистую оградой.»

Этотъ графъ де-Шатобрианъ — мой отецъ; замокъ, который казался такимъ отвратительнымъ недовольному агроному, не менѣе того было зданіе благородное и прекрасное, хотя мрачное и суровое. Что касается до меня, то могъ ли Юнгъ, который занимался обзоромъ нашихъ полей, замѣтить слабую отрасль плюща, только что начинавшую виться у подошвы этихъ дикихъ башень?

Да будетъ мнѣ позволено къ этимъ строкамъ, писаннымъ въ Англіи въ 1822 году, прибавить слѣдующія, набросанныя въ 1814 и 1840: онѣ докончатъ характеристику лорда Байрона; но эта характеристика получить полноту тогда, когда читатель прочтетъ, что я еще скажу о великомъ поэтѣ, въ проѣздъ мой въ Венецію.

Можетъ-быть, читателю любопытна будетъ встрѣча двухъ начальниковъ школъ: французской и англійской, схожихъ по идеямъ, по судьбѣ, если не совсѣмъ одинаковыхъ по правамъ: одинъ перъ Англіи, другой перъ Франціи, оба путешествовали по Востоку: верѣдко другъ подлѣ друга, никогда вмѣстѣ: только жизнь англійскаго поэта сопряжена не съ такими великими событіями, какъ моя.

Лордъ Байронъ послѣ меня посѣщалъ развалины Греціи: въ «Чайльдъ-Гарольдѣ», онъ, кажется, разсвѣчаетъ своими красками описанія монхъ Hipégaire. Въ началѣ моего странствованія, я изображаю прощаніе жоанвильскаго боярина съ замкомъ; Байронъ также прощается съ своей готической обителью.

Въ «Мученикахъ», Эдворъ отправляется изъ Мессиніи въ Римъ: «Наше плаваніе было продолжительно, говоритъ онъ;... мы видѣли всѣ эти мысы, обозначенные храмами или могилами... Мои юные спутники слышали только о превращеніяхъ Юпитера, и не понимали ничего въ развалинахъ, которыя были у нихъ предъ глазами; а я, я сидѣлъ уже съ пророкомъ на развалинахъ запустѣвшихъ градовъ, и Вавилонъ знакомилъ меня съ Коринтеомъ.»

Французскій прозаикъ проглядываетъ изъ-за англійскаго поэта, будто изъ письма Сульпиція къ Цицерону, — такое разительное сходство мнѣ до крайности лестно, потому что я опередилъ без-

смертнаго пѣвца на берегу, гдѣ намъ пришли да уиѣть тѣ же воспоминаія, гдѣ мы воспѣли тѣ же самыя развалины.

И въ описаніи Рима я также имѣю честь сходствовать съ лордомъ Байрономъ. Les Martyrs и «Письмо» мое объ окрестностяхъ Рима, Campagna romana, имѣютъ для меня ту неоцѣнимую важность, что я угадалъ въ нихъ вдохновеніе прекраснаго генія.

Первые переводчики, комментаторы и поклонники лорда Байрона поостереглись замѣтить, что нѣкоторыя страницы моихъ сочиненій могли сохраниться на минуту въ воспоминаіяхъ живописателя Чайльдъ-Гарольда; они боялись умалить его геній. Теперь, когда энтузіазмъ нѣсколько утихъ, мнѣ не такъ настойчиво отказываютъ въ этой чести.—Безсмертный пѣсенникъ, Беранже, въ послѣднемъ томѣ своихъ пѣсень, сказалъ: «Въ одномъ изъ предъидущихъ куплетовъ, я говорю о лирахъ, которыми Франція обязана Шатобриану. Не боюсь, чтобы этотъ стихъ отвергнуть былъ новою поэтическою школою, которая, родясь подъ крыломъ орла, не рѣдко хвалилась, и не безъ основанія, такимъ происхожденіемъ». Вліяніе автора «Духа христіанства» ощущаю и за границей, и можетъ-быть по справедливости должно соизнаться, что пѣвецъ Чайльдъ-Гарольда происходитъ отъ колѣна Ренея.

Вильменъ, въ превосходной статьѣ о лордѣ Байронѣ повторилъ замѣтку Беранже: «Нѣсколько несравненныхъ страницъ Ренея, говоритъ онъ, истощили, правда, этотъ поэтическій характеръ.— Не знаю подражалъ ли имъ Байронъ, или воссоздавалъ ихъ силою своего генія».

Что я сказалъ о сродствѣ воображенія и судьбы гѣтонисца Ренея, и пѣвца Чайльдъ-Гарольдова, не уронить ни одного волоска съ головы безсмертнаго Барда.

Куда моею пѣшей музѣ, безъ лютни, состязаться съ крылатой, гармонической музою луговъ и рошъ Du? Лордъ Байронъ будетъ жить въ потомствѣ, потому что онъ, сынъ своего вѣка, какъ я, уиѣлъ выразить, какъ я же, и какъ Гѣте до насъ, страсть и несчастіе; даромъ что мои странствованія, руль моею галльской ладью, указали кораблю Альбиона путь на моряхъ, еще неизслѣдованныхъ.

Впрочемъ, два ума сродные легко могутъ сходствовать въ своихъ созданіяхъ, не подвергаясь вареванію, въ томъ, что они рабски шли однимъ и тѣмъ же путемъ. Позволительно пользоваться идеями и картинами, выраженными на чужомъ языкѣ, для обогащенія своего: это бывало во всѣ вѣка, во всѣ времена.

Въ первой юности, *Ossianъ*, *Вертеръ*, *Réveries du promeneur solitaire*, *Etudes de la nature*, Мечты уединеннаго путника, Очерки природы, признаешь, могли породиться съ мнѣнн мнѣ; но я никогда не скрывалъ, не таилъ удовольствiя, доставляемаго мнѣ сочиненiями, которыми наслаждался.

Если то правда, что Ренеи лежитъ нѣкоторымъ образомъ въ основѣ одного и того же лица, выведеннаго на сцену подъ разными именами въ *Чайльдъ-Гарольдъ*, *Коврадъ*, *Ларъ*, *Манфредъ*, *Глуриъ*; если случайно, лордъ Байронъ оживотворилъ меня своею жизнью, значить его можно утѣшить въ слабости, что онъ никогда не называлъ меня? Значить, я былъ однимъ изъ тѣхъ отцовъ, которыхъ отвергають дѣти, достигнувъ силы? Могъ ли лордъ Байронъ вовсе не знать меня, когда онъ упоминаетъ почти о всѣхъ современныхъ французскихъ писателяхъ? Ужели онъ никогда не слышалъ обо мнѣ; тогда какъ англiйскiе и французскiе журналы, двадцать лѣтъ отзывались вокругъ него спорами о мнѣхъ сочиненiяхъ, тогда какъ *New-Times* сравнивалъ автора «*Духа христіанства*» и автора «*Чайльдъ-Гарольда*»?

Нѣтъ ума, какъ бы щедро онъ надѣленъ ни былъ, безъ щеколливости, недовѣрчивости; хочешь сохранить жезлъ владычества, боишься подѣлить его съ другимъ, и раздражаешься сравненiями. Такимъ образомъ, и другой первоклассный талантъ не упоминалъ моего имени въ книгѣ своей «*О литературѣ*». Благодаря Бога, цѣня себя по достоинству, я никогда не имѣлъ притязанiя на владычество; я вѣрую только въ истину небесную, и потому не вѣрую въ самого себя, ни во все мірское. Но я никогда не находилъ нужды молчать, когда чему нибудь дивился; вотъ почему громко объявляю мой энтузіазмъ къ мадамъ Десталь и къ лорду Байрону. Что сладостнѣе удивленiя? Это—любовь небесъ, это—любовь, возвышенная до благоговѣнiя; чувствуешь себя проникнутымъ признательностью къ Божеству, которое расширяетъ основанiя нашихъ способностей, открываетъ новые виды душъ, даруетъ блаженство, такое великое, такое чистое, безъ всякой примѣси страха или зависти.

Впрочемъ, если въ этихъ Запискахъ, я вздумалъ посчитаться съ величайшимъ изъ поэтовъ, какихъ произвела Англія современъ Мильтона, такъ это доказываетъ только то, что я бы умѣлъ высоко цѣнить упоминаніе его музы обо мнѣ.

Лордъ Байронъ основалъ жалкую школу: я думаю, ему самому точно также прискорбно было смотрѣть на порожденныхъ мнѣ

Чайльд-Гарольдовъ, какъ мнѣ на мечтающихъ вокругъ меня Ренсеевъ.

Жизнь лорда Байрона служитъ предметомъ безконечныхъ толковъ и клеветы: молодые люди поняли въ серьезную сторону его волшебныя слова; женщины съ ужасомъ поддавались искушенію *чудовища* и тѣшили этого демона одинокого и несчастнаго.—Кто знаетъ? можетъ-быть онъ не нашелъ женщины какой искалъ, женщины довольно прекрасной, сердца столь же обширнаго какъ его. По фантазмагорическому понятію, Байронъ — древній змѣй искуситель и развратитель, потому что онъ видитъ развратъ рода человѣческаго; это гений роковой и страдальческій, поставленный между тайнами вещества и духа, который не находитъ разгадки къ загадкѣ вселенной; который смотритъ на жизнь какъ на ужасную насмѣшку безъ причины, какъ на вечестивую улыбку зла; это сынъ отчаянія, который все презираетъ и отрицаетъ, и нося въ самомъ себѣ неисцѣлимую рану, изъ отщепенія ведетъ чрезъ наслажденія къ скорби все, что къ нему ни приближается.—Этотъ человѣкъ не проходилъ чрезъ возрастъ невнятности, онъ никогда не удостоивался быть отвергнутымъ и проклятымъ отъ Бога; онъ изъ лона природы вышелъ уже отверженнымъ и осужденнымъ на вѣчную муку ничтожества.

Вотъ Байронъ разгоряченнаго воображенія; но не таковъ онъ, кажется мнѣ, на самомъ дѣлѣ.

Какъ въ большой части людей въ лордѣ Байронѣ соединены два различныя человѣка: *человѣкъ естественный* и *человѣкъ систематическій*. Поэтъ, замѣтивъ какую роль заставляетъ его играть публика, принялъ ее и сталъ проклинать свѣтъ, который сначала былъ только предметомъ его мечтаній: этотъ переходъ ощутителенъ въ хронологическомъ порядкѣ его сочиненій:

Геній его далеко не имѣетъ той обширности, какую ему приписываютъ—довольно ограниченъ: его поэтическая мысль не иное что, какъ стонъ, жалоба, проклятіе; въ этомъ отношеніи она удивительна: не спрашивайте у лиры что она думаетъ, спросите что поетъ.

Умъ у него извѣстный и разнообразный; но вмѣстѣ съ тѣмъ тревожный и по вліянію гибельный: видно что этотъ писатель читалъ Вольтера и подражаетъ ему.

Лорду Байрону, надѣленному всѣми дарами природы, почти не за что было укорять ее; даже тѣлесный недостатокъ, который отравлялъ его счастье и сблизжалъ его умственное превосходство съ немощью человѣческою, не долженъ бы былъ тревожить

его, потому что не вѣшалъ ему быть любимымъ. Безсмертный пѣвецъ испыталъ на себѣ какъ справедливо изрѣченіе Зенона: «Голосъ есть цвѣтъ красоты».

Жалко смотрѣть, съ какою быстротою исчезаетъ нынче слава. — Черезъ нѣсколько лѣтъ, что я говорю? черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, удивленіе проходитъ и мѣсто его заступаетъ уничтоженіе. Уже блѣднѣетъ слава лорда Байрона; геній его лучше понятъ Французами; ему долше будутъ поклоняться во Франціи, чѣмъ въ Англіи. Чайльдъ-Гарольдъ особенно превосходитъ въ описаніи чувствъ, свойственныхъ каждому порознь, а Англичане предпочитаютъ чувства всеѣмъ общимъ, и потому наконецъ забудутъ поэта, котораго вопль такъ глубокъ и грустенъ. Но пусть остерегутся: если они разобьютъ кумиръ челоуѣка, который жи вотворилъ ихъ, что имъ останется?

Когда я писалъ въ пребываніе мое въ Лондонѣ въ 1822, мысли мои о лордѣ Байронѣ, ему оставалось только два года жить на землѣ: онъ умеръ въ 1824, въ то время, какъ долженъ былъ узнать разочарованіе и скуку. Я опередилъ его въ жизни, а онъ предшествовалъ мнѣ на пути къ смерти; онъ призванъ прежде очереди; мой жребій первенствовалъ предъ его жребіемъ, а между тѣмъ его выпалъ первый. Чайльдъ Гарольду слѣдовало бы остаться; свѣтъ могъ бы потерять меня, не замѣтивъ, что меня не стало. Продолжая путь, я встрѣтилъ въ Римѣ графиню Гиччюли, въ Парижѣ леди Байронъ. Такъ предстали предо мной, слабость и добродѣтель; въ первой можетъ стать было много дѣйствительности, въ послѣдней недовольно мечты.

Упомянувъ объ англійскихъ писателяхъ въ ту эпоху, когда Англія служила мнѣ убѣжищемъ, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о самой Англіи тогдашняго времени, о ея видѣ, мѣстоположеніяхъ, замкахъ, нравахъ домашнихъ и политическихъ.

Всю Англію можно обозрѣть на пространствѣ четырехъ лѣ, отъ Ричмонда, выше Лондона, до Гринвича и ниже.

Ниже Лондона — Англія промышленная и торговая, съ своими доками, магазинами, таможнями, арсеналами, пивоварнями, мануфактурами, литейными заводами, кораблями; эти, при каждомъ морскомъ приливѣ, поднимаются въ Темзу тремя отдѣлами, сперва малые, потомъ средніе, наконецъ большіе, которые парусами своими задѣваютъ за колонны богадѣльни моряковъ-ветерановъ и за окна таверны, гдѣ пируютъ пріѣзжіе.

Выше Лондона — Англія земледѣльческая и идиллическая, съ лугами, стадами, красивыми усадьбами, парками, гдѣ деревья и

дерево омывается дважды въ сутки вода Темзы, отпирасная приливомъ. Между этихъ двухъ странъ, этихъ противоположныхъ точекъ, Ричмондомъ и Гриничемъ, разлится Лондонъ, соединяющій въ себѣ всю сущность этой двойной Англїи: на западѣ — аристократія, на востокѣ — пролетаріате; Лондонская Башня и Вестминстеръ — границы, въ которыхъ уживается полная исторія Великобританіи.

Я провелъ часть лѣта 1799 въ Ричмондѣ съ Кристианомъ де-Ла-Моаномъ, вѣнчавшемся «Духомъ христіанства». Я катался въ лодкѣ по Темзѣ и прогуливался въ Ричмондскомъ паркѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ Ричмондъ былъ Ричмондомъ книги Нонора Richemundiae, потому что я очутился бы тогда на роднѣ, а вотъ какъ: Вильгельмъ, незаконнорожденный, подарилъ Алапу, герцогу бретанскому, зятю своему, четыреста серокъ два болрожихъ помѣстья въ Англїи, изъ которыхъ въ послѣдствїи образовалось графство Ричмондское; герцоги бретанскіе, послѣдники Алена, продали эти помѣстья въ удѣлы бретанскимъ рыцарямъ, младшимъ изъ фамилій: Рована, Типтевьяка, Шатобриана, Годона, Монбушѣ; но при всемъ моемъ желанїи, мнѣ приходится въ Юрширѣ искать графства Ричмондскаго, получившаго титулъ герцога при Карлѣ II; Ричмондъ на Темзѣ есть древній Shesep Эдуарда Третьяго, а не тотъ Ричмондъ, гдѣ умеръ, въ 1377, Эдуардъ Третій, гдѣ кончили жизнь Генрихъ-Осьмой и Елизавета, и гдѣ, въ паркѣ, показываютъ еще пригорюнь, на которомъ Генрихъ-Осьмой ждалъ вѣсти о казни Анны Болингъ. Генрихъ, говорятъ, адрогнулъ отъ радости, когда поданъ былъ сигналъ съ Лондонской башни: странная радость!...

Я прогуливался въ покланутомъ Ричмондскомъ паркѣ, въ обществѣ двѣкользящихъ протѣхъ лавей: привышїя бѣгать передъ своею топчухъ, они оставались каждый разъ когда уставали; потомъ укладывали ихъ, доводящихъ и веселыхъ, въ телегъ, наполненную селомомъ, — я ходилъ смотрѣть, въ Кью, странныхъ животныхъ, совершенно противоположныхъ кавалопарду — кошуровъ, этихъ новинныхъ четвероногихъ-кузнецковъ, во множествѣ насѣдающихъ Австралію. Темза окаймляла лугъ, отлавиши передъ загороднымиъ домомъ, почти сокрытыми диванскимиъ Кедромъ и стоявшими посреди плакучихъ ивъ: вода чета вриѣхала провести въ этомъ раю медовой мѣсяць.

Однажды, когда я проказивался совершенно спокойно по этимъ лугамъ Твиннема, вѣлся предо мною Пельтисъ, держа у рта платомъ: «Этой чорѣ дышнїи туманъ! просто душить», вскричалъ

опять, какъ скоро были отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ. «Какъ вы можете оставаться здѣсь? У меня маршрутъ готовъ: Стау, Брикемъ, Гемтонъ-Кортъ, Оксфордъ; съ вашимъ задумчивымъ нравомъ, вы и не примѣтите какъ у Джонъ-булла схватятъ васъ за ноги и дотащатъ на кладбище.»

Напрасно я просилъ жалиться надо мной; — мнѣ должно было ѣхать. Сидя въ коляскѣ, Пельтѣ вычислялъ мнѣ свои надежды; у него всегда были запасы: загоняетъ одну до смерти, давай другую, — вскачывал на нее верхомъ и скачетъ до вечера. — Одна изъ его надеждъ, самая сильная, въ послѣдствіи привлекла его къ Бонапарте, котораго ему случилось схватить за воротъ: Наполеонъ имѣлъ глупость драться съ нимъ на кулакахъ. — Помощникъ Пельтѣ былъ Джеймъ Мекинтошъ; осужденный предъ трибуналами, отъ снова нажилъ состояніе (которое скоро и прожилъ), продажей брошюрокъ его процесса.

Близнецы были мнѣ непріятель: прежнія несчастія моего отчества сдѣлались для меня тѣмъ болѣе чувствительными, когда мнѣ пришлось перенести новую обиду: одна лодка, надымавшаяся вверхъ по Темзѣ, замѣтила меня на берегу; гребцы, завидѣвъ Француза, закричали ура; получено было извѣстіе о морской битвѣ при Абукирѣ; этотъ успѣхъ чужеземца, который могъ мнѣ открыть врата Франціи, былъ мнѣ противенъ. Нельсонъ, котораго я нѣсколько разъ встрѣчалъ въ Гайдъ-Паркѣ (Hyde-Park), заковалъ свои побѣды въ Неаполѣ, въ шаль леди Гемилтонъ, между-тѣмъ какъ лацарони играли въ мячъ головами. Адмиралъ умеръ славною смертью при Траалльгарѣ, а его возлюбленная жалкимъ образомъ въ Калѣ, — потерявъ красоту, молодость и состояніе. А я обожженный на Темзѣ Абукирскою побѣдой, я видѣлъ Ливійскія пальмы, омаилянскія спокойное и пустанное море, обпаренное кровью мовкъ соотечественниковъ.

Стаускій Паркъ извѣстенъ своимъ садами: но я предпочитаю его тѣмъ. Тамощій чичероне показалъ намъ въ грязной развалинѣ копию храма, котораго образу мнѣ предстало удивляться въ роскошной долинѣ Кеенса. — Превосходныя картины итальянской школы, назалоемъ спускали въ глубинѣ нѣсколькихъ необитаемыхъ комнатъ, ставни которыхъ были закрыты: бывшій Часовъ, узникъ въ землѣ старыхъ Бретонцевъ, вдали отъ себя выли Фарнессе!

Гемтонъ-Кортъ, сохраняетъ коллекцію портретовъ дамъ двора Карла-Второго.

Въ Стау мы видѣли Гершола, его учувую сестру и его ог-

ромный телескопъ, въ сорокъ футовъ; онъ искалъ новыхъ планетъ: это смѣшило Пельтје, который держался только семи старыхъ.

Мы остановились на два дни въ Оксфордѣ. Мнѣ понравилось это созданіе Альфреда Великаго; оно было представителемъ нравовъ учебныхъ заведеній среднихъ вѣковъ. — Мы осматривали двадцать пять училищъ, библіотеки, картины, музеумъ, ботаническій садъ. — Съ особеннымъ удовольствіемъ, перелистывалъ я, въ числѣ манускриптовъ Ворсестерскаго училища, жизнь Чернаго Принца, написанную французскими стихами, герольдомъ этого принца.

Оксфордъ, не походя несколько ни на Доль, ни Ренъ, ни Динанъ, напомнилъ мнѣ однакожъ смиренныя училища ихъ. Я перевелъ элегію Грея — «Сельское Кладбище»:

The curfew tolls the
Knell of parting day,

Подражаніе слѣдующаго стиха Данте:

Squilla di lontano
Che raja'l giorno pianger che si muore.

Пельтје поспѣшилъ прокричать о моемъ переводѣ и напечатать его въ своемъ журналѣ. При видѣ Оксфорда, я припоминаю оду того же поэта — «Видъ эйтонскаго училища».

«Счастливыя пригорки, очаровательныя рощицы, поля, напрасно любимыя, гдѣ бродило мое беззаботное дѣтство, чуждые скорби! Я чувствую дыханіе вѣтерковъ, прилетающихъ отъ вѣсь: они какъ будто ласкаютъ мою утомленную душу и, благоухающіе радостью и юностью, навѣвають мнѣ новую весну.

«Скажи, родная Темза... скажи, какое вѣтринное поколѣніе умѣетъ теперь быстрѣе гнать вращающійся обручъ, или бросать бѣглый мячъ. Увы! не думая о своей участи, рѣзвятся юныя жертвы! Они не предвидятъ будущихъ несчастій и не знаютъ заботы о завтрашнемъ днѣ».

Кто не испыталъ этихъ чувствованій и сожалѣній, выраженныхъ здѣсь со всею нѣжностью музыки? Кого не трогало воспоминаніе объ играхъ, ученіи, любви первыхъ лѣтъ? Но можно ли воскресить ихъ? Удовольствія молодости, вызванныя памятью, подобны развалинамъ, обзрѣваемымъ при свѣтѣ факела.

Англичане, отдѣленные отъ материка продолжительною войною, сохранили къ концу послѣдняго столѣтія свои нравы и на-

ціональный характеръ. Они (Англичане) составляли два великія дружелюбныя сословія, связанныя однимъ общимъ интересомъ, то были — патроны и кліенты. Завистливый же классъ, называемый во Франціи *гражданами*, не существовалъ: между богатыми владѣльцами и людьми, занятыми своими промыслами, не было третьяго. Не все еще тогда обратилось въ машину въ мірѣ мануфактурномъ, безуміе не было еще принадлежностью класса привилегированнаго. На тѣхъ же самыхъ троттуарахъ, гдѣ прогуливаются теперь грязныя фигуры женщинъ и мужчины въ ридинготахъ, проходили прежде миленькія дѣвочки въ бѣлой епанечкѣ, въ соломенной шляпкѣ, завязанной лентою подъ подбородкомъ, съ корзинкою въ рукахъ, гдѣ лежали плоды или книги; дѣвочки эти шли всегда съ опущенными глазами и красивыи когда на нихъ кто нибудь взглядывалъ. «Англія, говоритъ Шекспиръ, есть гнѣздо лебедей посреди водъ.» Ридинготы, безъ фрака, были въ такомъ маломъ употребленіи въ Лондонѣ, въ 1793 году, что одна женщина, оплакивавшая горячими слезами несчастія Людовика-Шестнадцатаго, сказала мнѣ: «Но, cher monsieur, правда ли, что вашъ бѣдный король ходилъ въ ридинготѣ?»

Джентльмены деревенскіе не распродалли еще своихъ наслѣдій и не переселялись въ Лондонъ; они составляли еще въ нижней палатѣ то независимое сословіе, которое, оставивъ оппозицію, поддерживало идеи порядка и собственности. Осенью они охотились за лисцею и фазаномъ, на Рождествѣ улетали жаренаго гуся, кричали «вивать ростбифу», жаловались на настоящее, хвалили прошедшее, проклинали Питта и войну, которая возвысила цѣну на портвейнъ и пьяные ложились спать, чтобы завтра приняться за то же. Они совершенно были увѣрены, что слава Великобританіи не погибнетъ, пока изгнанныя городишки удержатся въ своихъ правахъ, пока законы объ охотѣ останутся въ своей силѣ, и на рынкахъ будутъ продавать тайкомъ зайцевъ и перепелокъ, подъ именемъ *львовъ* и *страусовъ*.

Англійское духовенство отличалось ученостью, гостеприимствомъ и великодушіемъ; оно приняло эмигрантовъ французскаго духовенства совершенно съ христіанскими чувствами. Оксфордскій университетъ напечаталъ на свой счетъ и роздалъ бесплатно своимъ ученикамъ Новый Заветъ, по римскому тексту, съ надписью: «Католическому духовенству, изгнанному за религію». Что касается до высшаго англійскаго общества, то я, жалкій изгнанникъ, могъ видѣть только вѣшнія его стороны. Въ приемные

дни, при дворѣ или у принцессы Валлійской, я встрѣчалъ носки, въ которыхъ бокомъ сидѣли леди въ такихъ пышныхъ фижмахъ, что онѣ до половины высывались наружу. Эти прекрасныя леди были дочери тѣхъ дамъ, которыхъ обожали герцоги де-Гоншъ и де-Лозенъ; эти дочери въ 1822 году стали матерями и бабушками внучекъ, которые танцуютъ теперь у меня въ короткихъ платьицахъ, при звукахъ оркестра Коллинвè — мимолетное поколѣние цвѣтковъ.

Англія 1688 года, въ концѣ послѣдняго вѣка, находилась въ апогеѣ своей славы. Скитаясь въ Лондонѣ съ 1792 по 1800 годъ я слышалъ рѣчи Питтовъ, Фоксовъ, Шеридановъ, Вильберфорсовъ, Гренвилей, Вайтбредовъ, Лодервелей, Эрскейновъ; великолѣпный посланникъ, въ 1822 году, при лондонскомъ дворѣ, — я не могу удержаться отъ изумленія, — когда, на мѣстѣ великихъ ораторовъ, удивлявшихъ меня, я вижу возвышеніе тѣхъ, которые были второстепенными въ первое мое путешествіе сюда; ученики заняли мѣста учителей. Новѣйшія понятія проникли въ избранное общество. Эта просвѣщенная аристократія, стоя въ главѣ отечества болѣе ста сорока лѣтъ, явила міру одно изъ прекраснѣйшихъ и величайшихъ сословій, которыя когда-либо дѣлали честь человѣчеству со временъ римскаго патріцества. Можетъ-быть, какое-нибудь старинное семейство, въ глуши какого нибудь графства, припомнитъ то общество, о которомъ я здѣсь говорю. И пожалѣть о времени, утрату котораго я оплакиваю.

Въ 1792 году Беркъ отдѣлился отъ Фокса. Вопросъ шелъ о Французской Революціи, на которую нападалъ Беркъ, и которую защищалъ Фоксъ. Рѣчь обонхъ ораторовъ, бывшихъ до-сихъ-поръ друзьями, никогда еще не была исполнена такого краснорѣчія. Вся палата была растрогана и у Фокса навернулись на глазахъ слезы, когда Беркъ заключилъ свое возраженіе слѣдующими словами: «Честной господинъ, въ произнесенной имъ рѣчи, на каждомъ словѣ честилъ меня необычайно жестоко; онъ порицалъ всю мою жизнь, мое поведеніе и мои мнѣнія. Какъ ни сильно это нападеніе, незаслуженное мною, оно не испугаетъ меня; я не боюсь высказывать мои чувства ни въ этой палатѣ, ни гдѣ бы то ни было. Я всему міру скажу, что государственное наше устройство въ опасности. Безъ сомнѣнія, во всякое время не скромно, но въ эти лѣта жизни моей еще болѣе не скромно вызывать себя враговъ, или подавать друзьямъ поводъ — оставить меня. За всѣмъ тѣмъ, если бы я и этимъ долженъ былъ пожертвовать законамъ британскимъ, я не устрашусь никакой жертвы, и, пови-

нужь повелѣвающей мнѣ обязанности общественной осторожности; мои послѣднія слова будутъ: «Бѣгите французскаго законодательства! Fly from the french Constitution!»

Когда Фоксъ отвѣчалъ, что дѣло идетъ не о потерѣ друзей, Беркъ вскричалъ: «Нѣтъ, дѣло идетъ о потерѣ друзей! Я знаю послѣдствія моего поведенія; я исполнилъ свой долгъ и это стѣить мнѣ друга, дружба наша кончена: I have done my duty at the price of my friend; our friendship is at an end. Предупреждаю честныхъ господъ, двухъ великихъ соперниковъ въ этой палатѣ, что впередъ они должны (будутъ ли они двигаться въ политическомъ полушаріи подобно двумъ великимъ метеорамъ, или пойдутъ однимъ путемъ какъ братья); предупреждаю ихъ, что они должны хранить и любить старые британскіе законы, что они должны быть на стражѣ противъ нововведеній и бѣжать отъ опасности этихъ новыхъ теорій. From the danger of these new theories.» Достопамятная эпоха міра!

Беркъ, съ которымъ я познакомился подъ конецъ его жизни, когда онъ былъ удрученъ смертью единственнаго сына, учредилъ школу для воспитанія дѣтей бѣдныхъ эмигрантовъ. Разъ я пошелъ посмотреть то, что онъ называлъ своимъ разсадникомъ, his nursery. Его забавлялъ живой нравъ чуждаго поколѣнія, возраставшаго подъ отеческимъ кровомъ его гонимъ. Глядя, какъ прыгаютъ безпечные изгнанники, онъ говорилъ мнѣ: «Наши мальчики не сдѣлали бы этаго: our boys could not do that»; и на глаза у него навернулись слезы: онъ думалъ о сынѣ, который отправился въ продолжительное изгнаніе.

Уже нѣтъ ни Питта, ни Фокса, ни Берка, и англійское законодательство подверглось вліянію *новыхъ теорій*. Надобно было видѣть важность (gravité) тогдашнихъ парламентскихъ прелій, надобно было слышать этихъ ораторовъ, чтобы составить себѣ понятіе о великомъ явленіи, о которомъ я здѣсь упоминаю.

У Питта, человека сухощаваго, высокаго росту, выраженіе лица было грустное и насмѣшливое. Рѣчь его была всегда холодна, произношеніе монотонно, жесты почти не замѣтны; несмотря на это, ясность и текучесть мыслей, строгая послѣдовательность его доводовъ, внезапно озаренныхъ молніями краснорѣчія, тотчасъ ставили его талантъ выѣ обыкновенныхъ.

Мнѣ часто случалось видѣть Питта, когда онъ проходилъ изъ дому черезъ сень-джемскій паркъ къ королю. Георгъ-Третій, въ свою очередь, пріѣзжалъ изъ Виндзора, напившись прежде пива съ сосѣдними фермерами; черезъ гадкіе дворы своего гадкаго

дворца. Она прѣвѣжала въ сѣрпомъ экипажѣ, за которыми слѣдовало нѣсколько конныхъ гвардейцевъ: и это была могущественнѣйшій изъ королей Европы. Питтъ, въ черномъ фракѣ, со шляпою подъ мышкой, всходилъ на лѣстницу, шагая черезъ двѣ-три ступени. На пути своемъ онъ встрѣчалъ не больше какъ трехъ-четырехъ враздумныхъ эмигрантовъ, бросивъ на нихъ презрительный взглядъ, онъ проходилъ далѣе, бѣдный, съ поднятымъ носомъ.

У этого великаго утронителя финансовъ въ домѣ не было никакого порядка; не было урочныхъ часовъ ни для стола, ни для сна. Все въ долгахъ, онъ никогда не платилъ ихъ, и никакъ не могъ рѣшиться подвести итога счета. Камердинеръ управлялъ всѣмъ домомъ. Всегда дурно одѣтый, чуждый всякимъ удовольствиямъ и страстямъ, жадный до одной: лишь власти, онъ презиралъ почести и хотѣлъ быть только *Вилльямомъ Питтомъ*.

Лордъ Ливерпуль, въ июнѣ 1822 года, взялъ меня съ собою обѣдать у него на дачѣ прѣвѣжая черезъ путьскій лѣсокъ, онъ показывалъ мнѣ домикъ, гдѣ умеръ въ бѣдѣ сынъ лорда Честера, государственнаго человѣка, который всю Европу держалъ на жаволахъ, и верочалъ всѣми богатствами міра.

Георгъ Третій пережилъ Питта, но потерявъ разсудокъ и зрѣніе. Каждый разъ, при открытіи парламента, министры читали парламенту, погруженныи въ безмолвіе и печаль, бюллетень о состояніи здоровья короля. Однажды я пошелъ побродить въ Виндзоръ; за нѣсколько шаговъ отъ подлужныхъ сторожей сиритать меня гдѣ-нибудь такъ, чтобы можно было увидать короля. Скоро явился сѣдовласый, слѣпой монархъ, блуждая какъ король Лиръ въ своихъ палатахъ и ощущивая руками стѣны залъ. Онъ сѣлъ за чертмаю, нѣчто котораго онъ зналъ, и съигралъ нѣсколько отрывковъ изъ Генделевой сонаты.

Я начинаю обращать взоръ къ родной сторонѣ. Совершился великій переворотъ. Бонапартъ, сдѣлавшись чернымъ консуломъ, возстановилъ порядокъ самовластию; многіе возвратились изъ изгнанія; знатные эмигранты, въ особенности, посѣщали прибрать къ рукамъ обломки своего достоинства; въ верхнемъ слое общества вѣрность погибла, продолжая еще жить въ сердцахъ нѣкоторыхъ бѣдныхъ провинціальныхъ дворянъ. Маданъ Ландо уѣхала; писала Ламоайонамъ возвратиться; приглашала изъ-за пролива и графиню д'Агессо, сестру Ламоайона. Фонтенъ звалъ меня въ Парижъ, докончить печатаніе «Духа Христіанства». Храбрая память о роднѣхъ, я не чувствовалъ желанія возвратиться ту-

да; боги, смятѣе отечественныхъ пенатовъ, удерживали меня; во Франціи мнѣ не оставалось ни благи, ни убѣжища; отечество стало для меня грудью каменною, свящомъ безъ молока: я ни найду тамъ ни матери, ни брата, ни сестры Юліи. Люселъ была еще жива; но она вышла за мужъ за мосьё де-Кодъ (Caud) и по несла уже моего имени, молодой *едава* своей, я былъ знакомъ только кратковременнымъ союзомъ, бѣдствіемъ и осмилѣтнимъ отсутствіемъ.

Если бѣ мнѣ предоставлена была свобода, не знаю, стало ли бы у меня силы отправиться во Францію; но мое маленькое общество въ глазахъ моихъ разрушилось; графиня д'Агессо вызвалась взять меня съ собой въ Парижъ: я повиновался ей. Прусскій посланникъ досталъ мнѣ паспортъ, на имя Лассанья, жительствоващаго въ Нёшателѣ; книгопродавцы Дюло прекратили дальнѣйшій выпускъ «Духа Христіанства», и передали мнѣ набранные листы. Я отдѣлилъ отъ «Начесовъ» повѣсти «Атталу» и «Ренея»; уложилъ оставшую часть рукописи въ тюкъ, отдалъ его на хранение хазевамъ моимъ въ Лондонѣ, и отправился въ Дувръ съ графиней д'Агессо: мадамъ Лидезъ ожидала насъ въ Калѣ.

Такъ покинулъ я Англію въ 1800 году; не то занимало меня тогда, чѣмъ занятъ я теперь, въ 1822 году. Изъ земли изгнанія вынесъ я одни сожалѣнія и мечты; теперь, умъ мой наполненъ трезими честолюбіи, политикки, величія, придворнаго искательства, такъ несоответственными моему характеру. Сколько событій нагромождено въ настоящемъ моемъ существованіи! Проходите люди, проходите; придетъ и моя очередь. Предъ глазами вашими я развернулъ только треть дней моихъ; ясность весны моей затмѣвали страданія, теперь я вступаю въ гѣта болѣе плодотворныя, и сѣмя «Ренея» станетъ развиваться в горечь другаго рода припѣшается къ моему повѣствованію! Чего не придется мнѣ сказать, говоря объ отечествѣ, его переворотахъ, первый планъ которыхъ я уже представилъ; объ этой Имперіи и громадномъ челоѣкѣ, павшихъ въ глазахъ моихъ; о восстановленіи законной власти, въ которомъ принималъ и я участіе; она теперь, въ 1822 году, въ полной силѣ и славѣ; но зачѣмъ является она моимъ взорамъ сквозь какой-то зловѣщій туманъ?

Здѣсь оканчиваю эту книгу, достигающую весны 1800 года. На краю перваго моего поприща, открывается передо мной *коприще писателя*; изъ частнаго челоѣка, я стану челоѣкомъ общественнымъ; я выхожу изъ гѣвственнаго и безмолвнаго удивленія и вступаю на узкое и шумное перешустье міра: яркій день

озерить мою печтательную жизнь, и свѣтъ проникнетъ въ царство тѣней.

Бросаю взоръ сожалѣнія на эти книги, заключающія въ себѣ мои незапамятные часы; мнѣ кажется, будто я прощаюсь съ кровомъ отеческимъ, покидаю мысли и химеры юности, какъ сестеръ, какъ возлюбленныхъ дѣвъ, которыхъ оставляю я у семейнаго очага, безъ надежды когда-нибудь съ ними свидѣться.

Мы употребили четыре часа на переѣздъ изъ Дувра въ Калэ. Я вкрался въ отечество подъ чужимъ именемъ, прикрытый двойною неизвѣстностью швейцарца Лассанья и своею собственною, я вступилъ во Францію и въ новый вѣкъ.

Діеппъ, 1836 года.

Вы знаете, что я много разъ перемѣнялъ мѣстопробываніе, составляя эти записки, что я часто описывалъ эти мѣста; рассказывалъ о чувствахъ, внушенныхъ мнѣ, и набрасывалъ воспоминавія, перемѣшивая такимъ образомъ исторію моей жизни съ исторіею моихъ мыслей и блуждающихъ пенатовъ.

Вы видите, гдѣ я живу теперь. Прогуливаясь сегодня утромъ по береговымъ обрывамъ, позади діеппскаго замка, я замѣтилъ потаенный выходъ, который сообщается съ этими обрывами посредствомъ моста, переброшеннаго чрезъ ровъ. Герцогиня де-Лонгвилль спаслась этимъ выходомъ отъ гнѣва королевы Анны Австрійской; она тайно сѣла на корабль въ Гавръ, вышла на берегъ въ Роттердамъ, и отправилась въ Стенэ, къ маршалу Тюренну.

Сидя съ прибрежнаго обрыва, я очутился на большой парижской дорогѣ, которая за Діеппомъ идетъ круто въ гору. На право, на выходящей лѣвѣи крутаго берега, возвышается стѣна кладбища; вдоль стѣны установленъ канатный станокъ. Два канатчика, сидя задомъ, параллельно одинъ другому и перекачиваясь съ ноги на ногу, пѣли въ полголоса какую-то пѣсню. Я сталъ прислушиваться, и узналъ, что они поютъ пѣсню: «Старый Капралъ».

Они произносили припѣвъ: «Conscrits, au pas; ne pleurez pas... Marchez au pas, au pas», такимъ мужественнымъ, такимъ трогательнымъ тономъ, что у меня навернулись на глаза слезы. Обозначая сначала тактъ и разматывая нити льву, они какъ бы прали послѣднюю минуточку Старога Капрала: не могу выразить, какъ завидна была слава, принадлежащая Беранже, которую въ уеди-

невѣн напоминали мнѣ два матроза, воспѣвавшіе въ виду моря смерть солдата.

Обрывъ берега привелъ мнѣ на умъ всю разность между нашими временами и временемъ отъ смерти Генриха-Четвертаго до смерти Мазарини! Что значать смуты 1648 года, въ сравненіи съ революціей, которая, поглотивъ прежній міръ, можетъ-быть умереть не переваривъ его, и не оставить, послѣ себя ни стараго ни новаго общества? Не приходилось ли мнѣ описывать въ этихъ запискахъ картины, гораздо большей важности, чѣмъ тѣ сцены, о которыхъ рассказываетъ Ларошфуко? Даже въ самомъ Діеппѣ, чтó значить небрежный и сладострастный кумиръ обольщеннаго и возмутившагося Парижа передъ герцогинею Беррійскою? Пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе морю присутствіе вдовствующей королевы, уже не раздаются; лестъ порохомамъ и дымомамъ не оставила на берегу ничего кромѣ стона волнъ.

Двѣ дочери Бурбона, Анна-Женевьева и Марія-Каролина покинули Діеппъ; два матроза, распѣвающіе пѣсню поэта-плебеяца, также исчезнутъ; въ Діеппѣ не осталось даже и *меня*: въ этихъ мѣстахъ жилъ другой я, я первыхъ, уже отжившихъ дней; этого я уже не существуетъ, потому что дни наши умираютъ прежде насъ. Здѣсь вы меня видѣли подпоручикомъ наварскаго полка, обучавшимъ рекрутъ на валунѣ; потомъ вы меня увидѣли здѣсь изгнанникомъ при Бонапартѣ; здѣсь же опять увидите меня, застигнутого іюльскими днями.

Но что жъ случилось съ моими записками?

Со мною случилось тоже, что случается съ каждымъ строителемъ, который возводитъ зданіе въ большомъ разиѣрѣ: прежде всего, я установилъ по угламъ вѣхи; потомъ, переставляя съ мѣста на мѣсто подмостки, носилъ на верхъ камни и глину для среднихъ частей зданія; вѣды употребляли же на сооруженіе готическихъ храмовъ цѣлые вѣки. Если небо продлитъ мнѣ жизнь, памятникъ мнѣ соорудятъ мои разные годы; архитекторъ будетъ одинъ и тотъ же, только лѣта его переиѣнятся. Приятно же, какая мука сохранять неприкосновеннымъ свое умственное бытіе, заключенное въ ветхой вещественной оболочкѣ.

Тридцать лѣтъ отдѣляютъ событія, которыми начаты эти записки, отъ тѣхъ, которыми занимаюсь теперь. Какъ возобновить съ нѣкоторымъ жаромъ повѣствованіе о предметѣ, полномъ когда-то для меня страсти и огня, когда мнѣ приходится теперь говорить не съ живыми, когда долженъ быть образы, оледенѣвшіе во глубинѣ вѣчности, спускаться въ погребальный склепъ, и

тамъ играть въ жизнь? Я самъ не доду покончить ли? Не думались ли мои понятія? Съ прежней ли точки смотрю я на предметы?

Всеобщія, громадныя событія, вторившія и сопровождавшія тѣ дичьяя событія, которыя такъ возмущали меня, не утратили ли часть своей важности въ глазахъ свѣта и моихъ собственныхъ? Кто чрезъ мѣру продолжаетъ свое поприще, чувствуетъ какъ дни его постепенно холодбють; завтра онъ уже встрѣчаетъ не такъ, какъ вчера. Когда я принимаюсь перебирать мысли, мнѣ попадаются дшена, даже люди, которыхъ я не могу припомнить, а между-тѣмъ они, можетъ статься, заставляли прежде трепетать мое сердце: суета человѣка, забывчиваго и забываемаго! Не довольно сказать снамъ любви: «Возродитесь!»; чтобы они возродились; область тѣней можно отворить только золотою вѣтвью, а чтобы сорвать эту вѣтвь нужна рука юная.

Въ продолженіи осмилѣтняго заточенія въ Великобританіи, я ничего не видалъ, кромѣ англійскаго общества, такъ отличнаго, особенно въ тогдашнее время, отъ остальнаго европейскаго общества. Когда дуврскій пакетботъ, весной 1800 года, сталъ подходить къ Калѣ, взоры мои летѣли къ берегу, опережая меня. Бѣдность прибрежной страны меня поразила: въ гавани едва мелькало нѣсколько мачтъ; вдоль плотины шли къ намъ на встрѣчу люди въ фуфайкахъ и бумажныхъ колпакахъ: о приближеніи побѣдителей полуміра возвѣщалъ намъ стукъ ихъ деревянныхъ башмаковъ. Когда подошли мы къ молѣ, жандармы и таможенныя вскочили къ намъ на палубу, осмотрѣли нашъ багажъ и пашпорты; во Франціи, человѣкъ всегда подозрителенъ, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ удовольствіяхъ, первое что попадаетъ на глаза есть треуголка или штыкъ.

Мадамъ Ляндесъ ожидала насъ въ гостиницѣ; на другой день мы отправились съ нею и родственницею ея, молодою графинею д'Агессо, въ Парижъ. По дорогѣ, почти не видво было мужчинъ; поля пахали женщины, загорѣлыя отъ солнца, босыя, съ непокрытою головою или повязанныя платками: можно было ихъ принять за невольницъ. Скорѣе долженъ бы я былъ дивиться независимости и мужественности страны, гдѣ женщины владѣли заступомъ, а мужчины ружьемъ. Какъ будто пожаръ вроселъ по этимъ деревнямъ, скуднымъ и полуразрушеннымъ: повсюду грязь и пыль, навозъ и развалины.

Но обѣ стороны дороги, стояли разрушенныя замки; отъ роуцъ ихъ оставалось нѣсколько пней, на которыхъ играли ребятишки.

Другомъ дяди были разломанцыя ограды, оставленные храмы, колокольни безъ колоколовъ, кладбища безъ крестовъ. Стены замараны были глупыми республиканскими надписями.

Ближе къ Парижу за Экуаномъ, дикій асень оставался еще на моряхъ; меня поразили эти прекрасныя пѣшеходныя аллеи, незнакомыя на англійской почвѣ. Теперь Франція была для меня также нова, какъ прежде были для меня новыя гѣса Америки. Церковь Сентъ-Дени стояла безъ крыши, съ разбитыми окнами, дождь падалъ на ея позелѣвшія трапезы; гробницъ въ ней уже не было; здѣсь въ послѣдствіи я видѣлъ кости Людовика Шестнадцатаго, казаковъ, гробъ герцога Беррійскаго и катафалкъ Людовика Осмнадцатаго.

На встрѣчу мадамъ Линдсэ выѣхалъ Огюстъ де Ламоньонъ; его изящный экипажъ представлялъ контрастъ съ попадавшимися намъ на пути изъ Кале тяжелыми повозками, грязными, потными дилижансами, въ которые простыми деревками были впряжены жалкія клячи. Мадамъ Линдсэ жила въ Тернэ, меня выпустили изъ экипажа за городомъ и я поеломъ пришелъ къ ея дому. Я оставался у нея сутки, и встрѣтилъ тамъ высокаго, толстаго москѣ Ласля, который завѣдывалъ ея дѣлами объ эмигрантахъ. Она извѣстила о моемъ приездѣ москѣ де Фонтава; на третій день онъ заѣхалъ за мною; я жилъ въ маленькой комнатѣ, которую мадамъ Линдсэ наняла для меня въ гостиницѣ, недалеко отъ нея.

Это было въ воскресенье: около трехъ часовъ пополудни мы пошли пѣшкомъ въ Парижъ.—Нынче мы не имѣемъ понятія о томъ впечатлѣніи, какое ужасы Революціи производили на умы въ Европѣ, особенно же на людей, выѣхавшихъ изъ Франціи во время терроризма. — Буквально, мнѣ казалось, что я схожу въ адъ.—Правда, я былъ свидѣтелемъ начатковъ революціи; но великія злодѣянія тогда не были еще совершены, и я остался подъ ягомъ послѣдующихъ событій, въ томъ видѣ, какъ ихъ рассказывали посреди мирнаго и благоустроеннаго англійскаго общества.

Подвигаясь далѣе и далѣе впередъ подъ чужимъ именемъ, съ убѣжденіемъ, что я компрометирую друга своего Фонтана, я къ великому удивленію услышалъ при входѣ въ Елисейскія Поля, звуки скрипки, рожка, кларнета и барабана. Я увидѣлъ кабачный балъ, гдѣ плясали мужчины и женщины; далѣе представился мнѣ Тюильрійскій дворецъ въ углубленіи, между двумя огромными каштановыми рощами. Площадь Людовика Пятнадцатаго была со-

вершено обнажена; печальнымъ видомъ опустѣнія она походила на покинутый старинный амтеатръ; проходя по ней, каждый ускорялъ шаги; я дивился, что не слышу стоновъ, я боялся, чтобы не вступить ногою въ кровь, отъ которой не оставалось ни какого слѣда; глаза мои не могли оторваться отъ той точки въ небѣ, гдѣ поднималось орудіе смерти; мнѣ чудилось, что я вижу подлѣ кровавой машины, связанныхъ брата и невѣстку, въ рубахахъ казни. Не смотря на веселье на улицахъ, церковныя башни были нѣмы; мнѣ казалось, что вхожу въ Парижъ, въ день необъятвой скорби, въ Великую пятницу.

Фонтанъ завелъ меня къ себѣ, представилъ женѣ, и потомъ повезъ меня къ своему другу, Жуберу, у котораго я нашелъ временное убѣжище: меня приняли какъ путешественника, о которомъ слышали.

На другой день, я пошелъ въ полицію, подъ именемъ Лассона, чтобы отдать заграничный паспортъ, и въ замѣнъ его взять на жительство въ Парижъ видъ, который возобновлялся каждый мѣсяцъ. Спустя нѣсколько дней я нанялъ антресоли въ Лувльской улицѣ.

Я привезъ съ собою «Духъ христіанства» и первые листы этого сочиненія, напечатанные въ Лондонѣ. Мнѣ посоветовали обратиться къ Мишьеру, человеку честныхъ правилъ, который взялся продолжать прерванное печатаніе книги и вызвался дать мнѣ на прожитокъ небольшую сумму. — Никто не зналъ моего *Опыта о революціяхъ*, не смотря на все вѣсти Лемьера. Я отрылъ старика философа Делла де Саль, который только что издалъ въ свѣтъ свою «Записку въ пользу Бога», и потомъ мнѣ вздумалось навѣстить Женгнэ. Надъ дверьми у его дворника еще сохранялась надпись: «Ici on s'honore du titre de citoyen, et on se tait. Ferme la porte, s'il vous plait.» (Здѣсь за честь считаютъ именоваться гражданиномъ, и говорятъ другъ другу ти.—Затворяй дверь, покорнѣйше васъ прошу).—Я поднялся по лѣстницѣ: Женгнэ, который съ трудомъ узналъ меня, говорилъ мнѣ съ высоты своего величія о томъ, что онъ теперь, и что былъ прежде. Я смиренно вышелъ отъ него и не пытался болѣе заводить знакомства, которыя были не по мнѣ.

Я сохранялъ всегда въ глубинѣ сердца воспоминанія и сожалѣнія объ Англіи; я такъ долго жилъ въ этой странѣ, что получилъ нѣкоторыя привычки ея жителей: я не могъ примѣниться къ нечистотѣ нашихъ домовъ, лѣстницъ, стола, къ нашей неопрятности, къ шуму, къ нашей фамильярности, къ искроиво-

сти нашей болтовни: я былъ Англичаниномъ,— по манерамъ, по вкусу и даже, нѣкоторымъ образомъ, по мыслямъ, потому что, если справедливо говорить, что лордъ Байронъ иногда вдохновлялся Ренеэ въ своемъ Чайльдъ Гарольдѣ, то должно сознаться, что осмыслѣнее мое пребываніе въ Великобританіи, предшествовавшее ему путешествію по Америкѣ, продолжительный навыкъ говорить, писать и даже мыслить по англійски, необходимо должны были имѣть вліяніе на оборотъ и выраженіе моихъ мыслей. Но мало по-малу мнѣ начинала нравиться парижская общежительность, этотъ прелестный, легкій и быстрый обмѣнъ мыслей, это отсутствіе сѣсен и предразсудковъ, это равнодушіе къ богатству и знатности, это равенство умовъ, которое въ обществѣ искупаетъ наши недостатки: проживъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ чувствуешь, что жить можно только въ Парижѣ.

Я заперся въ своей комнатѣ и предался совершенно занятію. Въ промежутки отдохновенія, я бродилъ по городу и замѣчалъ перемѣны. Цирка въ Пале-Рояль не существовало; Катилла Демуленъ уже не разглагольствовалъ подъ открытымъ небомъ; уже не шаталась толпа развратницъ, подругъ богини Разума, подъ предводительствомъ Давида, Костомера и Кориванта. Въ концѣ каждой аллеи, въ галереяхъ встрѣчались фокусники, показывавшіе *китайскія тѣни, оптическіе виды, физическіе каблясты, рыдкихъ змррей*; не смотря на то, что головъ снято было много, еще оставались праздношатающіеся. Изъ глубины подваловъ *palais marchand*, вылетали взрывы музыки, сопровождаемые трескотнею большихъ барабановъ: можетъ быть тамъ обитали тѣ гиганты, которыхъ искалъ я, и которыхъ необходимо должны были произвести громадныя событія.—Я спускался въ эти подвалы; подземный пиръ бушевалъ, посреди зрителей, сидѣвшихъ за пивомъ. Маленькій горбувъ, стоя на столѣ, игралъ на скрипкѣ и пѣлъ, въ честь Бонапарта, гимнъ, окончивавшійся слѣдующими стихами:

Par les vertus, par les attraits,
Il méritait d'être leur père!

Послѣ каждаго ритуриала ему давали по сѣ.—Таково въ сущности общество человѣческое, которое прежде носило Александра, а теперь Наполеона.

Я носѣшалъ мѣста, гдѣ я предавался мечтамъ въ первые мои годы.— Изъ монастырей, мнѣ знакомыхъ, клубисты изгнаны бы-

ли вслѣдъ за монахами. Бродя за Люксембургскъ я достигъ Картгейзерни: ее раздѣливали я работы приближалась къ концу.

Площади Побѣды и Вандомская плакали по отсутствіи великаго короля; капуцинскій монастырь былъ разграбленъ: внутренность монастыря служила убѣжищемъ для смагорин Робертсона. — Въ монастырь Корделлеровъ я надраскивалъ готическую трапезу, гдѣ я встрѣчалъ некогда Марс Дантона въ началѣ ихъ подрища. На набережной Театральнаго церковъ этихъ монашествующихъ обращена была въ кофейню бабаганъ канатныхъ плесуновъ. — На дверяхъ, лубочная картинка, представляла плесуновъ, и большими литерами написано было: *Даровой спектакль*. Я вмѣстѣ съ толпою попалъ въ эту лубочную пещеру, и лишь только усѣлся, какъ вбѣжали мальчишки съ салфетками въ рукахъ, крича во все горло: «кушайте господа, кушайте!» Я не заставлялъ ихъ повторить приглашенія и подлинность убрался изъ омета, при насильственныхъ восклицаніяхъ честной компаніи; мнѣ нечего было пробѣгать.

Революція раздѣляется на три отдѣла, но нѣтъ между собою ничего общаго: республику, нинерію и реставрацію. Кажется будто эти три различные міра, составляющіе каждый окончательное цѣлое, раздѣлены вѣками.

Въ 1801 году я былъ свидѣтелемъ втораго общественнаго преобразованія. — Неурядица была страшная; всѣ по какому-то уговору переродились: тысячи неизвѣстныхъ людей стали важными особами; каждый носилъ на шеѣ военное для заемное знамя, точно такъ Венеціанцы, во время карнавала, держатъ въ рукѣ маленькую маску, и тѣмъ даютъ знать, что они замаскированы. Одинъ слылъ Итальянцемъ или Испанцемъ, другой Пруссакомъ или Голландцемъ: я былъ Швейцарцомъ. Мать принимала за тетку сына, отца за дядю дочери; владѣлецъ земли выдавалъ себя не больше какъ за управляющаго. Это движеніе повсюду имѣло только въ противоположномъ смыслѣ, движеніе 1789 года, когда старое общество поглощено было новымъ: послѣднее, заступившее мѣсто перваго, въ свою очередь уступало мѣсто другому.

Между тѣмъ начиналъ возрождаться міръ благочинный; люди покидали кофейню я улицу и возвращались въ дома; созывали остатки своихъ семействъ, собирали обломки своего достоинства, какъ послѣ сраженія бьютъ сборъ и считаютъ кого недостаетъ. Уцѣлѣвшія церкви отворились снова; я имѣлъ счастье протрубить передъ храмомъ привычный сигналъ. Можно было разн-

чать старыя республиканскія поколѣнія, сходившія со сцены и прокопѣвшія императорскія, выступавшія на все. — Генералы реквизиціи; бѣдные, суровые видомъ и рѣчью, вынесшіе съ поля сраженія одѣяныя раны и рубище, мѣшались съ офицерами консульскоѣ арміи, блиставшими золотомъ. Возвратившійся эмигрантъ спокойно толковалъ съ убійцами кого-нибудь изъ своихъ родныхъ. Все дворянскіе, горячіе приверженцы покойнаго москѣ де-Робеспьера; жалкіи озябшіе на площади Людовика, гдѣ рѣзали головы женщинамъ, у которыхъ, говорилъ мнѣ мой дворникъ, шель была былье мяса цыпленка. — Сентябрьскіе изверги, перемѣнивъ имена и квартиры, принялись торговать на углахъ вареными яблоками; но часто мнѣ приходилось убираться, потому что народъ узнавалъ ихъ, опрокидывалъ ихъ лавочки и грозилъ имъ побоями. Обогатившіеся революціонеры начали поселяться въ распредѣленныхъ огромныхъ отеляхъ Сен-Жерменскаго предмѣстья. Въ надеждѣ скоро сдѣлаться баронами и графами, якобинцы ни о чемъ не говорили, какъ только объ ужасахъ 1793 года, о необходимости наказать пролетаріевъ и унять чернь. Бонапартъ, опредѣляя Брутовъ и Спеволъ въ свою полицію, готовился нарядить ихъ въ титулы и заставить ихъ обличать свои мнѣнія и злодѣянія. Между тѣмъ росло бодрое поколѣніе, посвященное въ крови и со-дня-на-день совершалось превращеніе республиканцевъ въ имперіалистовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ АНГЛІИ. *Дженни Ирѣ. Автобіографія.* *Дженни Ирѣ* — дебютъ писателя, котораго псевдонимъ скрываетъ отъ любопытства. Кто написалъ эти пылкія и бѣглыя страницы? — Молодой человекъ, говорятъ одни; женщина, утверждаютъ другіе. — Предметъ и подробности этой книги заставляютъ охотно вѣрять, что *Дженни Ирѣ* произведеніе женскаго пера; но кто бы ни былъ авторъ; каковы бы ни были достоинства, доставившія ему вниманіе и успѣхъ съ перваго разу, въ *Дженни Ирѣ* поражаетъ только одно: выскіи и энергическій мѣстный характеръ книги. Это не одинъ изъ тѣхъ интересныхъ разсказовъ, не одна изъ тѣхъ повѣстей, для которыхъ не существуетъ мѣстности, которыя читаютелъ съ одинаковымъ удовольствіемъ и въ Парижѣ и въ Мадридѣ и въ Петербургѣ. Это также не важный литературный трудъ, но любопытное и привлекательное нравственное изученіе, книга англійская, и англійская въ полномъ значеніи этого слова. Она наполнена духомъ этого саксонскаго поколѣнія, грубого, если хотите, но мужественнаго, неутомимаго въ

скорби, затвердѣлаго въ страданіи, которое не наполняетъ свои романы сентиментальными нѣжностями, а говоритъ сердцу о чувствѣ собственнаго достоинства и ответственности. Вотъ что интересуетъ въ исторіи этого ребенка, сироты брошенной въ свѣтъ одинокою и которая борется одиноко со свѣтомъ. Рассказъ этотъ написанъ звучными нотами, иногда похожими на выраженіе личной исповѣди, съ тѣмъ страстнымъ пыломъ, который всегда оживляетъ дебютанта въ первомъ его произведеніи. Но въ особенноти очаровываетъ въ этомъ рассказѣ то, что авторъ исключительно довѣряется краснорѣчію душевныхъ волненій, которыя передаетъ онъ и не думаетъ вовсе нападать на общество въ драмѣ, гдѣ однако это общество играетъ жестокую и тиранническую роль древняго фатализма.

Пренебрегая разглагольствованіями, авторъ *Дженни Ирѣ* тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что онъ систематически создалъ себѣ страшныя затрудненія. Романъ допускаетъ всѣ обманы перспективы, устроенные условнымъ искусствомъ. Герои романа обыкновенно являются передъ читателемъ нарумяненные какъ герои театральные. Романическую перспективу составляетъ цѣлый приборъ костюмовъ, декораций, эффектовъ. Фредерика въ ту минуту какъ Гёте начиналъ читать ей Вакхладскаго священника, сказала: «Я очень люблю романы, тамъ столько миленькихъ женщинъ, такъ и хочется походить на нихъ!» «Вся тайна могущества романа въ прелестной наивности этихъ словъ. А восхитительная дочь сезенгеймскаго пастора не сказала бы ихъ о *Дженни Ирѣ*. Дженни Ирѣ не одна изъ тѣхъ хорошенькихъ и улыбающихся барышень съ кортежемъ влюбленныхъ щеголей, которыя проходятъ подъ позлащеннымъ лучомъ идеала въ воображеніи дѣвушекъ. Если вы познакомитесь съ героемъ и героиней *Дженни Ирѣ*, вы будете интересоваться ихъ приключеніями, но желаніе походить на нихъ не придетъ вамъ на мысль. Отважный романистъ создалъ своихъ героевъ рѣшительно безобразными, накидывая на нихъ изрѣдка, посредствомъ душевныхъ волненій, ту случайную красоту, которую Французы называютъ *beauté du diable*. Англійскіе романисты употребляютъ еще одно очарованіе, которое также вовсе пренебрежено въ *Дженни Ирѣ*. Это—выставка нравовъ большого свѣта, которой одной было достаточно для успѣха многихъ модныхъ романовъ. *Дженни Ирѣ* просто романъ сельской жизни. Авторъ не выводитъ на сцену ни одного льва, не описываетъ ни прогулокъ въ паркѣ, ни обѣда въ Ричмондѣ, ни поѣздокъ на воды. Дѣйствіе происходитъ

въ деревнѣ, какъ будто гостинныя, воды, и Лондонъ вовсе не существуютъ. Это воздержная и серіозная исторія, назначенная для того, чтобы драматизировать среднее и зависимое состояніе очень интереснаго и многочисленнаго женскаго класса въ Англій. Для иностранцевъ подобное описаніе привлекательно только по любопытству, которое находимъ мы узнавать чужіе нравы.

Дженни сирота. Мать ея вышла за-мужъ противъ воли родныхъ за бѣднаго поповича. Влюбленная и лишенная наслѣдства чета укрылась въ большомъ мануфактурномъ городѣ. Тамъ бѣдность съ помощью эпидеміи положила ихъ въ одинъ гробъ. Братъ умершей несчастливцы взялъ къ себѣ Дженни Ирѣ въ колыбели, но скоро умеръ самъ, оставивъ Дженни въ другой разъ сиротою и поручивъ женѣ воспитать ее наравнѣ съ собственными дѣтьми. Мы находимъ Дженни Ирѣ въ этой чужой семьѣ, это маленькое шедущее, робкое созданіе, безъ граціи, безъ красоты, которой судьба отказала во всемъ, даже и въ беззаботной безопасности и въ рѣзвой веселости дѣтства. Загнавая, дрожащая въ замкѣ тетки мистриссъ Ридъ, грубой, жестовой какъ мачиха, она воспитывается съ дѣтьми ея, двумя дѣвочками, которыя презираютъ ее какъ подчиненную, и злаго мальчишки, которому она служитъ игрушкой. Это бѣдное сердечко, никогда не облакнанное и не освѣщенное дружескимъ словомъ, не расширенное лучомъ нѣжности, боязливо сжимается въ себѣ самомъ. Дженни Ирѣ скрытна, молчалива. Тетка и слуги обвиняютъ ее въ коварствѣ и пользуются этимъ предлогомъ, чтобы удвоить дурное обхожденіе. Авторъ въ вѣсколькихъ сценахъ обрисовываетъ мучительное дѣтство Дженни Ирѣ. Англійскіе писатели обыкновенно сходятъ до первыхъ годовъ жизни, чтобы отыскать въ нихъ развитіе характера и уловить человѣка въ ребенкѣ. Это очень логически. Въ этихъ чувствительныхъ натурахъ, къ которымъ примѣняется романъ, дѣтство содержитъ зародышъ и объясненіе цѣлой жизни.

Мы приведемъ, чтобы дать понятіе о манерѣ автора, одну изъ тѣхъ страшныхъ сценъ, гдѣ притѣсненіе, претерпѣваемое Дженни Ирѣ, превышаетъ покорность дѣвочки и производитъ рѣшительный переломъ въ характерѣ. Былъ дождливый и холодный декабрскій день. Дѣти мистриссъ Ридъ толпятся возлѣ матери. Дженни, лишенная нѣжности и сладостей семейнаго круга, укрывается въ библіотекѣ за занавѣской и съ наслажденіемъ перелстываетъ гравюры натуральной исторіи. Двоюродный братъ Джонъ ищетъ ее, находятъ, вырываетъ у ней книгу и бьетъ;

она сопротивляется. Джонъ кричитъ. Весь домъ въ смятеніи. Прибѣгаютъ слуги и мистрисъ Ридъ, и, какъ водится, Джейнъ виновата и наказана.

— Унесите ее въ красную комнату, сказала мистрисъ Ридъ, и закройте тамъ (такъ рассказываетъ сама Джейнъ въ своихъ Запискахъ).

«Четыре руки схватили меня и унесли наверхъ. Я сопротивлялась во всю дорогу. Это было что-то новое и увеличило дурное мнѣніе Бетси и миссъ Абботъ обо мнѣ. Я была, какъ говорится, ввѣ себя. Понимая, что минута непослушанія навлекла уже на меня наказаніе, я рѣшилась, какъ непокорный невольникъ, идти смѣло до конца.

— Держите ей руки, миссъ Абботъ, право она точно бѣшеная кошка:

— Какой стыдъ! кричала горничная, какое непростительное поведеніе, миссъ Иръ! Ударить джентльмена, сына вашей благодѣтельницы! вашего господина!

— Господина! какими образомъ онъ господитъ мой? развѣ я служанка?

— Вы еще хуже служанки, потому что ни чѣмъ не зарабатываете свой хлѣбъ. Садитесь-ка, да разсудите о вашей злобѣ.

«Онъ привелъ меня въ красную комнату и бросилъ на стулъ..

«Бетси обратясь ко мнѣ сказала:

— Подумайте, сударыня, что вы всегдѣ обязаны мистрисъ Ридъ, вѣдь она васъ кормитъ. Если она васъ выгонитъ, вамъ придется идти въ домъ нищихъ.

Мнѣ пѣчего было отвѣчать на эти слова, онѣ не были для меня новы, упреки въ зависимости безпрестанно звучали въ ухахъ моихъ. Я очень страдала. Миссъ Абботъ прибавила:

— Вы не должны считать себя на-равнѣ съ барышнями и молодымъ баринномъ, изъ того что барыня воспитываетъ васъ съ ними. Они богаты, а у васъ ничего нѣтъ. Вы должны покоряться и угождать имъ.

— Мы говоримъ для вашей же пользы, продолжала Бетси, но вѣе строгимъ голосомъ; вы должны быть имъ полезной и угождать, тогда вамъ дадутъ уголокъ въ домѣ, а не то барыня право васъ выгонитъ.

— Да еще Богъ ее накажетъ, прибавила миссъ Абботъ. Ну какъ она умретъ куда пойдетъ душа ея? Пойдемъ Бетси, оставимъ ее. Ни за что на свѣтѣ я бы не хотѣла имѣть такое

сердце! Молитесь мнѣ Ирѣ, а то если вы не раскаетесь, злой дух выскочитъ изъ камину и унесетъ васъ.

«Онѣ ушли заперевъ дверь на ключъ.

«Красная комната была особенная комната, ни кѣмъ не занятая хотя самая большая и красивая изъ всего дома. Огромная кровать, съ цѣльными столбами красного дерева, съ занавѣсками темнокрасной камки, вздымалась какъ жертвенникъ посерединѣ; два большіе окна со шторами, всегда опущенными, почти исчезали подъ такими же занавѣсками. На полу лежалъ красивый коверъ, у кровати стоялъ столъ, покрытый красной скатертью. Стѣны были обиты красноватыми обоями. Шкафъ, туалетъ, стулья были изъ почернѣлаго красного дерева. Отъ этого темнаго грунта рѣзко отдѣлялись тюфякъ и подушки, покрытые бѣлымъ одеяломъ, также бѣлые кресла съ подушками и другая мебель.

«Комната эта была холодна, въ ней рѣдко топили. Она была безмолвна, вдали отъ жилыхъ покоевъ; въ субботу служанка входила туда стереть ведедьную пыль съ зеркалъ и мебели. Эти рѣдкія посѣщенія придавали ей отпечатокъ торжественности. Только изрѣдка мистриссъ Ридъ приходила осматривать вещи, таинственно спрятанныя въ шкафѣ. Тамъ были фамильные пергаменты, ея брилліанты и миниатюрный портретъ покойнаго мужа. Въ послѣднихъ словахъ заключается тайна красной комнаты. Тутъ, за девять лѣтъ назадъ, мистеръ Ридъ испустилъ послѣдній вздохъ, тутъ его положили въ гробъ, и съ того дня чувство уваженія и страху освятило удивленіе этой комнаты.

«Какъ только осмѣлилась я пошевелиться, я побѣжала посмотрѣть, затворена ли дверь. Никогда темница не была крѣоче заперта. Возвращаясь я принуждена была пройти мимо зеркала, взоръ мой невольно погрузился въ отражавшуюся въ немъ глубину. Все казалось тамъ мрачнѣе и холоднѣе, чѣмъ въ предметахъ, которыхъ изображеніе показывало оно; странное личико на меня смотрѣвшее, блѣдное, съ отчаяннымъ и блуждающимъ отъ страху взоромъ, показалось мнѣ однимъ изъ тѣхъ духовъ, которые въ ночныхъ сказкахъ Бетси застигали на болотахъ запоздалыхъ путешественниковъ. Я опять сѣла на табуретъ.

«Суевѣріе подступало ко мнѣ, но не совсѣмъ еще овладѣло мною. Кровь еще кипѣла, ярость возмущагося невольника еще сжимала сердце. Волны мыслей увлекали меня назадъ, прежде чѣмъ допустили обратиться къ грустному настоящему.

«Тиранское насліе Джона Рида, грубое презрѣніе сесторъ, отращеніе матери, пристрастіе слугъ, вертѣлись въ изволнованной головѣ моей. Зачѣмъ я была всегда жертвой, всегда обвиняемой и всегда осужденной? Почему мнѣ не удается угодить, отчего всегда понапрасну стараюсь я заслужить расположеніе людей? Эдаку своевольную эгоистку уважали; Джорджиана, избалованный, злопамятный, дерзкій ребенокъ, вездѣ встрѣчала снисхожденіе. Ея красота, розовыя щечки, золотистыя локоны, привлекали къ ней каждого и заставляли прощать всѣ ея проступки. Джона никогда никто не бранилъ и не наказывалъ. Онъ могъ свернуть шею голубицѣ, травить собакъ на овецъ, срывать цвѣты и самыя рѣдкія растенія въ теплицѣ, не слушаться матери, называть ее старухой, портить и раздирать самыя лучшія ея платья, онъ все былъ «ея милымъ сыночкомъ». А я, не смѣя сдѣлать ни малѣйшаго проступка, старалась исполнять всѣ мои обязанности, слышу съ утра до вечера: злой, несносный, угрюмый, лицеистранный ребенокъ!

«Годова моя была еще вся въ крови отъ полученнаго мною удара. Никто не сдѣлалъ Джону выговора, зачѣмъ онъ ударилъ меня безъ причины, а за то, что я сопротивлялась его насилию меня осыпали упреками.

«Несправедливость, несправедливость! кричалъ разсудокъ, раздраженный томленіемъ боли, и воля, также подстрекаемая, внушала мнѣ странные способы для избѣжанія несноснаго угнетенія. Я хотѣла бѣжать, а если это было невозможно, умерить себя съ голоду.

«Какъ велико было смятеніе души моей въ этотъ страшный день! какая тревога въ мозгу! какой мятежъ въ сердцѣ! и между тѣмъ въ какомъ иракѣ, въ какомъ невѣдѣніи волновалась во мнѣ эта нравственная борьба! Вопросъ: зачѣмъ я осуждена такъ страдать? поднимался безпрестанно въ головѣ, а отвѣту я не находила. Теперь черезъ столько долгихъ лѣтъ я отдаю себѣ отчетъ.

«Я была предметомъ постороннимъ въ Gateshead-Hall, я тамъ же на кого не походила, не имѣла ничего общаго ни съ мистриссъ Ридъ, ни съ дѣтьми ея, ни съ слугами. Если они не любили меня, я тоже не была къ нимъ привязана. Они не могли любить существа, не похожаго ни на кого изъ нѣхъ, существа безполезнаго, неспособнаго служить ихъ выгодамъ, или прибавить что-нибудь къ ихъ удовольствію, существа вреднаго, питающаго вражду къ ихъ несправедливости, и презрѣнію къ ихъ сужденію. Если бы я была красивымъ, беззаботнымъ, блестящимъ, канризытымъ

робостию, хотя въ томъ же состояніи лишенія и зависимости, мистриссъ Ридъ легче бы перенесла мое присутствіе, дѣти ея шли бы ко мнѣ болѣе дружескаго расположенія, слуги не напели бы на меня безъ причины. Дневной свѣтъ померкъ въ красной комнатѣ. Было болѣе четырехъ часовъ; небо, покрытое тучами, мрачно темнѣло. Я слышала, какъ дождь билъ въ окна и вѣтеръ вылъ въ аллеѣ за замкомъ. Скоро я стала такъ холодно какъ камень, и мужество мое остыло. Свойственное мнѣ чувство униженія, недовѣрчивости къ самой себѣ, отчаяннаго униженія, затушило послѣднее пламя умиряющаго гнѣва.

«Все говорили, что я зла; можетъ быть это была правда. Какая мысль запала мнѣ на умъ? умирить себя съ голоду! Это было преступленіе. Была ли я готова къ смерти? склепъ гетесгадской часовни былъ ли жилищемъ по моему вкусу? Тамъ, говорили мнѣ, покоился мистеръ Ридъ. При этомъ воспоминаніи я съ ужасомъ останавливалась. Я не могла припомнить наружности мистера Рида, но знала, что онъ былъ мнѣ дядя, братъ моей матери, что онъ взялъ меня сироту въ домъ свой, что при послѣднемъ концѣ взялъ обѣщаніе съ мистриссъ Ридъ воспитать и содержать меня какъ дочь. Мистриссъ Ридъ вѣроятно воображала, что сдержала обѣщаніе, и въ самомъ дѣлѣ она исполняла его по мѣрѣ силъ и возможности, но какъ могла она любить чужую дѣвочку, которая послѣ смерти мужа не была соединена съ нею никакими узами?»

«Мнѣ пришла странная идея. Я не сомнѣвалась, никогда не сомнѣвалась, что если бы мистеръ Ридъ былъ живъ, онъ обходился бы со мной кротко; и теперь покаместъ взоръ мой устремлялся на бѣлую постель, на мрачныя стѣны, на зеркало, я припомнила, что слышала, будто мертвые возмущались въ могилѣ нарушеніемъ ихъ послѣдней воли, и являлись на землю наказывать вѣроломство и отмстить угнетеннаго. Я думала, что душа мистера Рида, утомленная страданіемъ дочери сестры, можетъ оставить жилище, выйти изъ церковнаго склепа или изъ невѣроятнаго міра, и явиться передо мною въ этой комнатѣ. Я вытерла слезы, заглушила рыданія, боясь, чтобы признакъ сильной горести не разбудилъ сверхъестественный и благосклонный голосъ или не вызвалъ во мракѣ сіяющее лицо, склонившееся ко мнѣ съ состраданіемъ. Образъ этотъ утѣшалъ меня, но мысль, что онъ можетъ осуществиться, поражала меня ужасомъ. Я старалась забыть его, старалась быть твердой. Отбросивъ волосы назадъ, я подняла голову и пыталась окинуть бодрымъ взоромъ

комнату. Въ эту минуту свѣтъ заблесталъ на стѣнѣ. Не лунный ли лучъ проникъ сквозь отверстіе сторы? подумала я. Нѣтъ, сіяніе луны неподвижно, а этотъ свѣтъ дрожалъ. Покамѣсть я на него смотрѣла, онъ поднимался къ потолку и пробѣжалъ надъ моей головою. Безъ сомнѣнія эта блестящая полоса была свѣтомъ фонаря, который несъ кто то на террасѣ, но съ умомъ, расположеннымъ къ ужасу, съ раздраженными нервами, мнѣ показалось, что этотъ бѣглый лучъ былъ предвѣстанкомъ видѣнія. Сердце мое сильно билось, голова горѣла, шумъ, похожій на шелестъ крыльевъ раздался въ ухахъ: мнѣ казалось, что возлѣ меня что-то есть; я задыхалась, и не могла болѣе выдерживать такой муки, бросилась къ двери и затрясла замкомъ съ судорожнымъ отчаяніемъ. Послышались шаги въ корридорѣ, ключъ повернулся въ замкѣ, Бетси и миссъ Абботъ вошли.

— Вамъ дурно, барышня? спросила Бетси.

— Какой страшный шумъ! вскричала Абботъ, я ужасно перепугалась.

— Выпустите, уведите меня! кричала я.

— Зачѣмъ? ушиблись вы, что ли, или вамъ что привидѣлось? спросила опять Бетси.

— Ахъ! я видѣла свѣтъ, мнѣ показалось, что явится привидѣніе....

«Я схватила руку Бетси, она не могла вырвать ее у меня.

— Она нарочно кричала, сказала Абботъ съ отвращеніемъ. И что за крикъ! Ей только хотѣлось призвать насъ. Я знаю ея хитрости.

— Что это такое? спросилъ другой голосъ повелительнымъ тономъ, и мистриссъ Ридъ явилась въ корридорѣ, шума и грома платьемъ съ развязаннымъ и развѣвающимся чепчикомъ. Абботъ и Бетси, кажется я приказала вамъ оставить Джени Ирѣ въ красной комнатѣ, до тѣхъ поръ, пока я сама сюда приду.

— Миссъ Джени громко кричала, сказала Бетси извѣщаясь.

— Оставьте ее; выпустите руку Бетси, этими продѣлками вы не успеете выйти отсюда. Я ненавижу лукавство, особенно у дѣтей. Обязанность велить показать вамъ, что хитрости ни къ чему не послужатъ: вы останетесь здѣсь часомъ больше, и то я приду освободить васъ съ условіемъ, если вы будете совершенно спокойны и цокорны.

— О, тѣтушка, жальтесь надо мною, простите! я не могу остаться. Накажите меня другимъ образомъ; я умру, если....

— Молчать! это притворство противно мнѣ!

«Вѣрно я была въ ея глазахъ преждевременной комедіанткой; она на самомъ дѣлѣ считала меня смѣсью сильныхъ страстей и опаснаго лицемерія!

«Бетси и Абботъ ушли. Мистриссъ Ридъ, выведенная изъ терпѣнія моею шумной горестію и неистовыми рыданіями, оттолкнула меня и заперла дверь, не сказавъ ни слова болѣе. Я слышала какъ она удалялась; едва ушла она, со мною сдѣлалась истерика. Я лишилась чувствъ. Такъ кончилась эта сцена.»

Она сдѣлала переворотъ въ жизни Дженни Ирѣ. Она завела, потому дошла до той степени нетерпѣнія, когда самымъ робкимъ и кроткимъ натурамъ невозможно переносить на минуты болѣе несправедливости, тиранства, когда мятежъ дѣлается машинальною необходимостью организма, который лопается отъ давленія, какъ слишкомъ натянутая пружина. Однажды при несправедливомъ упрекѣ мистриссъ Ридъ, Дженни инстинктивно отвѣчала: «Что сказалъ бы дялюшка, если бы онъ былъ живъ. Онъ на небесахъ съ нами отцомъ и матерью. Они знаютъ, что вы запираете и хотите умерить меня». Дженни стала для мистриссъ Ридъ воплощеннымъ угрызеніемъ. Эта женщина не могла болѣе выносить ея присутствія, и помѣстила ее въ сиротскій институтъ.

Перейдемъ къ жизни Дженни въ ловудской школѣ. Несмотря на грустный образъ жизни, строгость правилъ, грубое обращеніе начальницъ, семь лѣтъ, проведенныхъ Дженни въ этой почти монастырской обители, могутъ похвастаться счастьемъ въ сравненіи съ прежней жизнью. Она получаетъ превосходное образованіе, съ любовью занимается науками, и становится сама учительницей. Но всѣ подруги ея оставили Ловудъ и, наконецъ, она утомляется этой однообразной жизнью, чувствуетъ себя плѣнницей въ горахъ, окружающихъ Ловудъ, за которыя она никогда не переступала. Она мечтаетъ о безграничномъ мірѣ, что разстилается и волнуется за этой тѣсной оградой. Внутренній голосъ проситъ свободы или скорѣе перемѣны рѣзтва. Вотъ какъ Дженни разсуждаетъ и приводитъ въ исполненіе это желаніе. Чего хочетъ она? Новаго мѣста, среди новыхъ лицъ. Но какъ получить это мѣсто? Обратиться къ друзьямъ? У Дженни нѣтъ друзей. Послать объявленіе въ журналъ. Задумано, сдѣлано. Она ищетъ мѣсто гувернантки и тамошній Herald прозаически печатаетъ слѣдующее объявленіе: «Молодая дѣвушка, привыкшая воспитывать дѣтей, желаетъ вступить въ качествѣ наставницы въ такое семейство, гдѣ дѣти не старѣе четырнадцати лѣтъ. Она мо-

жетъ преподавать обыкновенныя начала англійскаго воспитанія, французскій языкъ, рисованье и музыку. Адресовать на имя Д. И. съ удержаніемъ письма на почтѣ. Лоутонъ.—Шайръ.— Черезъ лѣсколко лѣтъ, съ какимъ волнованіемъ, съ какимъ мечтательнымъ любопытствомъ Джении находятъ на почтѣ слѣдующее письмо: «Если Д. И., напечатанная въ прошлый четвергъ объявленіе въ Herald имѣетъ означенное образованіе, если можетъ доставить точныя свѣдѣнія о своемъ характерѣ и способностяхъ, ей предлагаютъ воспитывать дѣти моложе десяти лѣтъ за тридцать фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Д. И. просить адресоваться къ мистриссъ Феррарсъ, въ Торнхилдъ Милльнотъ-Шайръ.— И вотъ Джении гуввердантка въ осемнадцать лѣтъ, разбила кѣтку и съ снѣжностью нагоящей Англичанки, улетѣла въ свѣтъ.

Въ холодный октябрьскій вечеръ, Джении пріѣхала въ Торнхилдъ, и въ темнотѣ остановилась передъ большимъ замкомъ. Освѣщено только одно окно. Свѣтъ проходитъ подъ драпировкой приподнятаго занавѣса. Она идетъ за служанкой въ большую залу съ высокими полукруглыми окнами. Потомъ ее вводятъ въ комнату, двойнѣ освѣщенную и свѣтомъ восковыхъ свѣтъ и огнемъ камня, самое пріятное зрѣлище для запоздалой путешественницы, пріютившейся наконецъ въ гнѣздо: комната премиловкая, тепловкая, круглый столъ возлѣ пылающаго огня, славныя кресла, а на креслахъ старушка, самая чистенькая, какую только можно себя вообразить, въ вдовьемъ чепчикѣ, въ черномъ платьѣ, въ кисейномъ передникѣ, бѣломъ какъ снѣгъ, съ самымъ кроткимъ личикомъ на свѣтѣ. Это самый красивый идеалъ комфортабельной служанки и новое открытіе, новое существованіе для гетесгадской и ловудской сироты. Въ первый разъ въ жизни за ней ухаживаютъ, ее ласкаютъ; у ней есть семейство и домашній кровъ. Ее помѣстили въ первомъ этажѣ въ хорошенккой комнаткѣ, меблированной въ новѣйшемъ вкусѣ. На другой день когда солнце улыбается сквозь занавѣски, она пробуждается съ тысячью радостныхъ надеждъ, надѣваетъ свой квакерскій нарядъ съ кокетливымъ удовольствіемъ, сожалѣетъ передъ зеркаломъ зачѣмъ такъ мала и блѣда, зачѣмъ у ней нѣтъ хорошенккихъ розовыхъ щечекъ, крошечнаго мажорнаго ротика, болѣе правильныхъ и болѣе тонкихъ чертъ. Она выходитъ изъ комнаты, проходитъ длинную галерею, спускается до большой дубовой лѣстницѣ, которая ведетъ къ обширной залѣ. Все для нея ново; все разсматриваетъ она съ восхищеніемъ, съ любопытствомъ: семейные портреты на стѣнахъ, бронзовую диванъ,

опускавшуся съ потолка; бѣжить на лужайку, тамъ расстилаетъ передъ нею, подъ осеннѣю осеннѣю робомъ, обрвантѣй ма-содъ зѣмка. Это не княжеское жилище, а зѣмокъ дворянина, отрешенное зданіе, убитыя оубцями готической и маврической паружности, окруженное полемъ и лугами, съ полемъ холмовъ вдали вѣсто горизонта.

Мистриссъ Феррарсъ, красивенькая старушка была не владѣ-тельница этого зѣмка, а только ключницей. Торпелль принадлежалъ мистеру Эдуарду Феррарсъ Рочестеру, чловѣку лѣтъ сорока, который долго путешествовалъ, вель, какъ уѣзрили, буйшущую жизнь и ниталь какое-то отарашеніе къ фамильному зѣмку, куда прѣзжалъ очень рѣдко и ненадолго. Недавно привезъ онъ сюда дѣвочку, Француженку, семи или осьмилѣтняго ребенка, котораго хотѣлъ воспитать какъ вріемыша, и котораго воспитаніе вѣзрили Дженни Иръ, онъ уѣхалъ до прѣзда гувернантки. Адемъ Варавсъ — такъ звали ребенка, — была шренняя парижаточка, кокетливая и болтливая птичка, занимающаяся только тряпками да жеманствомъ. Изъ ея болтовни можно было узнать, что мать ея умерла, что ее учили танцовать и декламировать, что много красивыхъ молодыхъ мужчинъ бывали у ея матери и осыпали дѣвочку ласками, подарками, конфетками, что послѣ смерти матери *мосье де-Рочестеръ* увезъ ее въ Англію на большомъ вораблѣ, который все дымился, дымился!... Дженни Иръ ничего болѣе не знала о своей воспитанницѣ до прѣзда таивственнаго хозяина Торпелля.

Рочестеръ прѣхалъ черезъ три мѣсяца послѣ Дженни Иръ.

Пусть она сама расскажетъ первое свиданіе. Это любопытный образчикъ той смѣси утомченности, дикости, причудливой грубости, которая составляетъ основаніе характера англійскаго патриція.

«Вошла мистриссъ Феррарсъ.

— Милордъ будетъ очень радъ, если вы съ вашей воспитанницей будете кушать съ нимъ чай нынче вечеромъ; онъ былъ такъ занятъ цѣлый день, что не могъ видѣться съ вами до-оухъ-шоръ.

— Въ которомъ часу пьеть онъ чай? спросила я.

— О! въ деревнѣ гораздо раньше, въ шесть часовъ. Не худо вамъ переодѣться; позвольте я помогу.

— Переодѣться?

— Да, я всегда одѣваюсь вечеромъ когда милордъ здѣсь.

«Это обыкновеніе показалося мнѣ немножко церемоннымъ.

Однако я пошла въ свою комнату, зашѣнула черное шерстяное платье шелковымъ того же цвѣту, единственнымъ какое у меня было, исключая свѣтло-сѣраго, которое въ моихъ поматіяхъ о порядкѣ, заимствованныхъ въ Ловудѣ, оказалось мнѣ годнымъ только для самыхъ торжественныхъ случаевъ.

— Вамъ надо брошку, сказала мистрисъ Ферфаксъ.

— У меня была только маленькая жемчужина, подаренная мнѣ на память миссъ Темплъ; я надѣла ее и мы сошли внизъ. Не привыкнувъ часто находиться съ посторонними, я не могла безъ робости явиться передъ Рочестеромъ, пустила мистрисъ Ферфаксъ впередъ и шла за нею. Пройдя столовую, мы вошли въ изящное убѣжище хозяина.

— Двѣ восковыя свѣчи горѣли на столѣ и двѣ на каминѣ. При свѣтѣ свѣчь у пылавшаго каминна грѣлся Пилотъ, Адель сидѣла возлѣ него на полу. На диванѣ опираясь ногой на подушку лежалъ Рочестеръ и смотрѣлъ на Адель и на собаку; огонь освѣщалъ его лицо. Я узнала путешественника съ большими черными бровями, съ четверугольнымъ лбомъ, еще болѣе квадратнымъ отъ черныхъ волосъ, обрѣзанныхъ горизонтально, съ носомъ болѣе низкимъ чѣмъ красивымъ, съ открытыми ноздрями, какъ-будто показывавшими гнѣвъ, съ жесткими и свирѣпыми чертами лица. Теперь когда онъ не былъ закутанъ въ плащъ, ширивша тѣла согласовалась съ лицомъ. Это былъ настоящій станъ атлета съ широкой грудью, съ узкими боками, не высокій и вовсе не стройный.

— Рочестеръ долженъ былъ замѣтить, когда мы вошли; но кажется онъ вовсе не расположенъ къ этому, потому что даже не повернулъ головы, когда мы приблизились.

— Вотъ миссъ Иръ, милордъ, сказала мистрисъ Ферфаксъ своимъ кроткимъ голосомъ.

— Онъ поклонился, не сводя глазъ съ собаки и ребенка.

— Пусть миссъ Иръ садится, сказалъ онъ; въ поклонѣ его было что-то суровое и принужденное, въ церемониальномъ тогѣ что-то нетерпѣливое, какъ-будто онъ хотѣлъ прибавить: — Что мнѣ за нужда здѣсь вли нѣтъ миссъ Иръ! Теперь я вовсе не расположенъ съ ней разговаривать!

— Я сѣла безъ малѣйшаго замѣшательства. Вълиивый пріонъ сконфузилъ бы меня совершенно, я бы не могла отвѣчать на него ни съ благородствомъ, ни съ пріятностью; но эта причудливая грубость не налагала на меня никакихъ обязанностей. Напротивъ, скромное снисхожденіе къ этой вѣщности давало мнѣ

преимущество. Кому же этот страшный прием житья своего роду занимательность, мнѣ было любопытно знать какъ станеть Речестеръ продолжать.

«Онъ продолжалъ какъ статуя, то есть, не сказалъ ни слова и не пошевелился. Мистрисъ Ферфаксъ вѣрно подумала, что надо кому-нибудь быть любезнымъ, она начала говорить по своему обыкновенію съ кротостью, но пошло. Разсыпалась въ сожалѣніяхъ о томъ, что милордъ былъ заваленъ дѣлами цѣлый день, о томъ какъ ему должно быть неприятно страдать отъ вывиху; потомъ стала упрашивать его потерпѣть пока боль не прекратится.

— Мнѣ бы хотѣлось чаю! вотъ что получила она въ отвѣтъ.

«Она поспѣшила позвонить и когда подносъ явился, начала уставлять чашки, ложки, съ внимательнымъ проворствомъ. Адель и я подошли къ столу, но хозяинъ не вставалъ съ дивана.

— Подайте пожалуйста чашку милорду, сказала мистрисъ Ферфаксъ; Адель можетъ опрокинуть или разбить.

«Я исполнила ея просьбу. Когда онъ бралъ у меня чашку на руки, Адель, считая минуту благопріятною, вскричала:

— Не правда ли? въ этомъ сундучкѣ есть подарокъ для миссъ Ирѣ?

— Кто говорить о подаркѣ? отвѣчалъ онъ нахмурившись. Вы ждете подарка, миссъ Ирѣ? Вы любите подарки? и онъ допрашивалъ лицо мое взглядами, которые казались мнѣ вражьиими, раздраженными, пронизательными.

— Не знаю право; я не могу судить по опыту. А, говорятъ, что подарки пріятно получать.

— Говорять? но какого вы мнѣнія на этотъ счетъ?

— Мнѣ надо будетъ подумать прежде чѣмъ я дамъ удовлетворительный отвѣтъ. У подарка есть много разныхъ сторонъ надо рассмотреть ихъ всѣ, прежде чѣмъ составить себѣ мнѣніе о его свойствахъ.

— Миссъ Ирѣ, вы не такъ чистосердечны какъ Адель: она какъ только меня увидитъ, съ громкимъ крикомъ требуетъ подарка; а вы хитрите.

— Адель имѣеть на это право по старому знакомству, по привычкѣ, она говоритъ, что привыкла получать отъ васъ игрушки. А я какъ посторонняя не имѣю на это никакого права, я ничево не сдѣлала такого чѣмъ бы могла заслужить знакъ признательности.

— О! не скромничайте пожалуйста! я экзаменовалъ Адель и

сказу, что вы амбартъ съ ней трудились. У ней не большія способности, но вы нисколько улучшили ее.

— Благодарю васъ, милордъ, вы сдѣлали мнѣ подарокъ этими словами. Похвала въ усильныхъ восхваляющихъ самое заидеальное похвала для настаивающей.

— Балъ скандалъ Рочестеръ; потому что невозможно стать пить чай.

•Разговоръ продолжался въ этомъ причудливомъ и угрожающемъ тонѣ со стороны Рочестера, съ тою же рѣшительностью и безудочною выраженной со стороны Аженн Ирѣ. Раздраженная грубыми, то проищескими, то благосклонными вопросами хозяйки, Аженн Ирѣ вдругъ рассказываетъ свою исторію и выдерживаетъ настоящій экзаменъ.

— Играете вы на «фортепиано»? спросилъ наша презрительнымъ тономъ знатока.

— Не можно.

— Настоящій стереотипный отвѣтъ. Пойдите въ библіотеку, если угодно, хочу я сказать. Простите мнѣ этотъ повелительный тонъ; я привыкъ говорить: сдѣлайте, в это дѣлается. Я не могу теперь переменить эту старую привычку. Ступайте же въ библіотеку, отворите дверь, садитесь за «фортепиано» и сыграйте что нибудь.

•Я встала и повиновалась.

— Довольно! закричалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ; вы играете *меланхолично*, какъ я вижу, какъ англійская пенсионерка, можетъ быть лучше другихъ, но не хорошо.

•Я закрыла «фортепиано» и возвратилась. Послѣ музыки дошло дѣло до живописи.

— Адель показывала мнѣ ничто утромъ нѣсколько вашихъ эскизовъ. Вѣрно ихъ исправлялъ учитель.

— Нѣтъ, угадю васъ.

— О! какъ гордо! Ну-ка покажите вашу портфель.

•Онъ выбралъ нѣсколько акварелей.

— Откуда вы это скопировали?

— Изъ головы.

— Изъ этой самой, что у васъ на плечахъ?

— Да.

•Онъ развернулъ акварели и сталъ внимательно ихъ разсматривать.

— Были ли вы счастливы когда это рисовали?

— Я была углублена въ свой трудъ и была счастлива, ваша правда. Рисовать самое величайшее для меня наслажденіе.

— И вы были довольны результатомъ вашихъ усердныхъ трудовъ?

— Напротивъ: я страдала отъ контраста между моею идеаломъ и созданіемъ. Я чувствовала, что не въ силахъ осуществить то, о чемъ мечтала.

— Ну, не со мной. Вы, вѣроятно, нарисовали чѣмъ ваши мысли, но болѣе. У васъ нѣтъ довольно знанія и технического искусства, чтобы совершенно передать ихъ. Однако для ученицы эскизы эти замѣчательны; сюжеты очень фантастическіе. Вы сфокусировали ваши мечты.... Кто научилъ васъ рисовать вѣтеръ? Вотъ эта буря на шобѣ и на вершинѣ горъ.... Возьмите прочь эти рисунки.

«Едва я успѣла завязать портфель, какъ посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ грубо:

— Уже девять часовъ; о чемъ же думаете вы миссъ Ирѣ? Развѣ Адель можетъ оставаться такъ поздно? Ведите ее спать».

Можно уже предвидѣть, что завязка романа произойдетъ между Джени и этимъ добрымъ грубияномъ. Рочестеръ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ типовъ англійскаго романа. Если вѣрить романистамъ, если правда, что этотъ характеръ вѣрнее изображенію дѣйствительности, то Дизраели справедливо говоритъ, что въ англійскомъ патриціѣ есть что-то отъ magnifico, отъ пана и отъ жокея. Къ этому можно еще прибавить, что въ самомъ образованномъ и утонченномъ Англичанинѣ есть остатокъ какого-то варварства. Это понятно. Возьмите англійскаго аристократа въ среднѣй его жизненнаго воприща, въ ту минуту когда онъ достигаетъ того, что Байронъ называетъ the fulness of satiety и вообразите его исторію. Это цѣлый сызъ Нормановъ, этихъ порядкѣ морскихъ бродягъ. Онъ видѣлъ всѣ климаты, приста-валъ ко всѣмъ берегамъ; прошелъ жизнь настоящимъ пиратомъ, предавался волненію, удовольствію, приключеніямъ; въ праздность онъ ищетъ ту же пылкость, ту же ускоренную дѣятельность, ту же силу, ту же пылкую скорость паровой машины, которая манчестерскій мануфактурнѣтъ и ливерпульскій негодіанѣтъ примѣняютъ къ промышленности или къ торговлѣ. Съ прыжками, съ размахомъ, съ стараниемъ, которые подобная жизнь оставляетъ въ сердцѣ, у васъ будетъ смѣсь скрытности и вспыльчивости, странности и вроніи, жестокости и скуки, которая происходитъ отъ горькаго объявленія слана; будетъ характеръ Рочестера. Этотъ пылкій и скупающій человекъ забавляется дѣяно оригинальностью, честосердечіемъ, особенно повѣдѣніемъ

Дженни Мр. Дженни же знает герцогиню владѣльца съ тѣмъ жаднымъ участіемъ, которое въ первомъ любовнѣтствѣ неведомо чувствуютъ къ этимъ загорѣлымъ головамъ, что какъ будто носить въ себѣ тайну жизни. У Дженни есть то мужество сердца, которое бѣдность придаетъ энергическимъ натурамъ. Она почерпываетъ въ немъ чувства свободы, увѣренности, уваженія къ самой себѣ, которое позволяетъ ей въ сношеніяхъ съ Рочестеромъ быть тѣмъ, что называется добрымъ мамомъ, и оставаться честной дѣвушкой. Между ними происходятъ смѣлые, причудливые, отрывистые, безконечные разговоры, въ которые мило вмешивается малютка Адель съ своими парижскими ребачествами. Но Адель, одна изъ первыхъ тайнъ Рочестеровой жизни. По пріѣздѣ она была вы видѣла, что она ждала подарка. Рочестеръ привезъ ей шелковое розовое платье, платье оперной танцовщицы въ миниатюрѣ.

«Надо его сейчасъ примѣрать!» кричитъ малютка. Черезъ нѣсколько минутъ, она является въ своемъ хорошенькомъ костюмѣ, съ розовымъ вѣнкомъ на головѣ, въ бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ.

«Прислало ли ко мнѣ это платье? кричитъ она прыгая: а башмаки? а чулки? Посмотрите, а буду танцевать!» И она танцуетъ, дѣлаетъ пируэты, потомъ падаетъ на колѣни передъ Рочестеромъ.

«Тысячу разъ благодарю васъ, говоритъ она вставая: такъ всегда дѣлала мамонька; не такъ ли, мосьё Рочестеръ? — Совершенно такъ, отвѣчаетъ озабоченный паша». Что же такое мать Адель и она сама? Мы узнаемъ это изъ слѣдующаго призванія.

«Въ одно послѣ обѣда, когда я гуляла въ полѣ съ Аделью, мы встрѣтили Рочестера. Онъ просилъ меня послѣдовать за нимъ въ буктовую аллею, между тѣмъ какъ Адель играла съ волавами и съ Пилотомъ.

«Онъ рассказалъ мнѣ, что Адель была дочерью французской танцовщицы, Селены Варансъ, къ которой онъ имѣлъ, по его выраженію, большую страсть. Селена притворялась, что отвѣчала ему еще большею любовью. Онъ думалъ, что она его обожаетъ. Несмотря на свое безобразіе, онъ воображалъ, говорилъ онъ, что она предпочитала его атлетическій станъ красивымъ формамъ Аполлона Бельведерскаго.

— И мнѣ было такъ лестно предпочтеніе французской сальонды къ ея англійскому гному, сказалъ мнѣ Рочестеръ, что я повѣстывалъ ее въ великолѣпномъ домѣ; далъ ей слугъ, карету,

шали, брилліанты, кружева. Словомъ, я чуть-было не разорился какъ всякій другой мотъ; я даже не могъ похвалиться оригинальностью: я не открылъ новой дороги къ разоренію и позору, а шелъ по старой колѣѣ съ глухой точностью, не удаляясь ни на шагъ отъ проложенной тропинки: меня постигла по заслугамъ участь всѣхъ мотовъ. Разъ, вечеромъ, я пошелъ къ Селинѣ, когда она не ждала меня; ее не было дома. Ночь была душная, я усталъ бѣгать по улицамъ, и сѣлъ въ будоарѣ, радуясь, что подышу воздухомъ, освѣженнымъ ея присутствіемъ. Нѣтъ, я преувеличиваю, я никогда не думалъ, чтобы вокругъ ея особы была разлита священная добродѣтель; я хочу говорить о ея любимыхъ духахъ. Отъ испареній этихъ эссенцій, смѣшанныхъ съ запахомъ цвѣтовъ, у меня закружилась голова; мнѣ пришло въ голову открыть окно и выйти на балконъ. Луна сіяла, газъ горѣлъ, ночь была спокойна и свѣтла. На балконѣ стояло два или три стула; я сѣлъ и закурилъ сигару, что сдѣлаю и теперь съ вашего позволенія.

«Рѣчестеръ замолчалъ, вынулъ сигару изъ кармана, зажегъ ее, закурилъ, бросилъ въ холодный воздухъ струю гаванскаго благовоннаго дыму, и продолжалъ:

— Тогда я любилъ конфекты, миссъ Ирѣ; я то грызъ шоколадныя пастильки, то курилъ, смотря какъ экипажи катились по этой модной улицѣ, какъ вдругъ изъѣзшая и закрытая кругомъ карета, запряженная двумя красивыми лошадьми, которыхъ мнѣ не трудно было узнать при свѣтѣ парижской ночи, подъѣхала къ воротамъ; это была карета, которую я подарилъ Селинѣ. Она возвращалась. Натурально, сердце мое забилось отъ нетерпѣнія, я облокотился на желѣзные перила. Карета остановилась. Любовный пылъ мой — это настоящее выраженіе для оперной *in-patogata* — вспыхнулъ. Хотя она была закутана плащомъ — что было вовсе неумѣстно, сказать мнѣхodomъ, въ такой теплый іюньскій вечеръ — я узналъ ея крошечную ножку, выказавшуюся изъ подъ платья, когда она сходила со ступеньки. Наклонясь къ балкону, я прошепталъ: «мой ангелъ!» но такъ тихо, что только одна любовь могла бы разслушать, когда изъ кареты вышла другая особа, но на этотъ разъ на мостовую стукнули шпоры, а въ ворота проскользнула мужская шляпа.

«Вы никогда не испытывали ревности, миссъ Ирѣ? хорошъ вопросъ, когда вы не знали любви! Вамъ остается еще испытать эти два чувства. Душа ваша спитъ; потрясеніе, которое должно пробудить ее, еще не настало. Вы думаете, что жизнь ваша те-

четь по такимъ же широкимъ волнамъ, какъ тѣ волны, на которыхъ до сихъ-поръ протекала ваша юность. Закрывъ глаза, заткнуть уши, вы увлекаетесь по теченію, не видя скалъ подъ водою, не слыша катящихся бурнуновъ; но, говорю вамъ, придетъ день, когда вы наткнетесь на подводные камни, день, когда ваша жизнь разобьется въ бурномъ вихрѣ, въ шумной пѣнѣ: тогда вы и полетите на острые скалы какъ жидкая пыль, или приподнятая и несомая могущественной волной, скатитесь въ потоки болѣе спокойный, какъ я теперь.

«Мнѣ нравятся эти дни, это стальное небо, нравятся своей стіе и суровость этого пейзажа подъ инеемъ; я люблю Торнфильдъ, его древность, уединеніе, старыя деревья, помѣщія пустарники, сѣроватый фасадъ, мрачныя окна, отражающія это металлическое небо. Но какъ я давно ненавиждѣмъ одну мысль объ немъ, какъ я теперь еще ненавижу...»

«Онъ сжалъ зубы, замолчалъ, остановился и топнулъ ногой по жесткой землѣ. Какъ-будто ненавистная мысль схватила его за горло и стѣснила такъ сильно, что онъ не могъ сдѣлать ни одного шагу.»

«Когда онъ остановился, замокъ былъ передъ нами. Онъ поднялъ глаза и бросилъ на зубцы замка такой взглядъ, какого я никогда не видала. Горесть, стыдъ, гнѣвъ, нетерпѣніе, отвращеніе, ненависть, какъ будто боролись съ минутой въ его широкомъ зрачкѣ, расширившемся подъ черной бровью. Борьба была ужасна, но другое чувство одержало верхъ, жестокое, циническое, рѣшительное, неумолимое чувство. Но онъ укротилъ волненіе, окаменилъ наружность, и продолжалъ:

— Покамѣстъ я молчалъ, миссъ Ирѣ, я считался съ моею судьбою. Она была тамъ, возлѣ этого букового ствола, какъ она въ колдуньствѣ, явившихся Макбету. «Ты любишь Торнфильдъ? говорила она, и, поднявъ палецъ, описала въ воздухѣ зловішіе іероглифы, которые ярко обозначались на фасадѣ замка... Люби его, если можешь! люби, если ситѣшь!»

— Да, продолжалъ онъ, люблю, ситѣю любить! и, прибавилъ онъ вспыхливо, сдержу слово, разрушу проклятіе, которыя мѣшаютъ мнѣ быть счастливымъ, добрымъ! То, что другіе считаютъ желѣзною рѣшеткой, распадется подъ моею рукою какъ соломинка или вильное дерево.

«Адель бросилась ему подъ ноги съ волакомъ; онъ грубо оттолкнулъ ее, и безмолвно продолжалъ прогулку. Я осмѣлилась вывести его на предметъ, отъ котораго онъ удавился.»

— Чтò же, вы встрѣтили мадамъ Варансъ? спросила я.

«Я ожидала какой-нибудь грубости за этотъ неумѣстный вопросъ, но напротивъ, выйдя изъ задумчивости, онъ повернулся ко мнѣ: тѣнь на челѣ прояснилась.

— Смотрите, пожалуйста, я вовсе забылъ Селинну! Ну, вотъ когда я увидѣлъ мою очаровательницу съ кавалеромъ, старая змѣя ревности, шипя, проскользнула подъ жилетъ и ужалила мнѣ сердце. Страшно! вскричалъ онъ, снова перебивая свою рѣчь: странно, что я выбралъ вась, молодую дѣвушку, въ избранныя всего этого! Еще страннѣе, что вы слушаете меня спокойно, какъ-будто это въ порядкѣ вещей, чтобы такой человѣкъ, какъ я, рассказывалъ омерзья исторіи такой несовѣстной дѣвочки какъ вы! но послѣдняя странность изъясняетъ первую. Съ этимъ важнымъ, благоразумнымъ видомъ вы, какъ нельзя болѣе, походите на повѣренную. Разговоры эти хороши: я не могу сдѣлать вамъ вредъ, а слушая, вы облегчаете меня.

«Послѣ этого отступленія онъ продолжалъ:

— Я остался на балконѣ. Они, конечно, придуть въ будоаръ, подумалъ я: приготовимъ засаду. Просунувъ руку въ полуоткрытое окно, я задернулъ занавѣсъ, оставивъ только небольшое отверстіе для наблюденій; спустилъ также стору, оставивъ щель, сквозь которую могъ долетать до меня шопоть влюбленных; потомъ воротился на стулъ, и только что я сѣлъ, они вошли. Я не спускалъ глазъ съ отверстія. Горничная Селинны пришла, зажгла свѣчу, поставила ее на столъ и ушла. Тогда я могъ разсмотрѣть любовниковъ; они сняли плащи. Варансъ заблестала атласомъ и брилліантами, товарищъ ея явился въ офицерскомъ мундирѣ. Я его узналъ, это былъ виконтъ.... молодой человѣкъ, глупый и порочный; я часто встрѣчался съ нимъ въ свѣтѣ и не могъ его ненавидѣть, потому что слишкомъ презиралъ. Увидѣвъ его, жало змѣи — ревность, разрушилась какъ бы по очарованію, потому что въ ту же минуту угасла любовь моя къ Селиннѣ.

«Они начали разговаривать; вѣтреный, пошлый, безъ сердца и безъ ума разговоръ этотъ, вмѣсто того, чтобы раздражить, навелъ на меня скуку. Карточка моя лежала на столѣ, они ухватились за мое имя; у обоихъ не было довольно ума, чтобы отдѣлать меня дѣльно. Они оскорбляли меня изъ всѣхъ силъ, вмѣсто того чтобы издѣваться надо мною; особенно Селинна отличалась въ статьѣ моихъ недостатковъ и безобразія, а сама показывала такое пылкое удивленіе къ тому, что называла моею мужествен-

ной красотой! Въ этомъ вы на нее не похожи; послѣ нашего второго свиданія вы прямо сказали мнѣ, что я не красивъ.

«Въ эту минуту Адель опять къ намъ подбѣжала.

— Джонъ пришелъ сказать, закричала она, что васъ спрашиваетъ управитель...

— А! кончимъ же поскорѣе. «Я открылъ окно и подошелъ въ шнѣ, возвратилъ Селнѣ свободу, просилъ оставить эту тѣ доми, предложилъ ей кошелекъ, не обращая вниманія на ея крики, увѣренія, истерику, мольбы. Виконту я назначилъ свиданіе въ булонскомъ лѣсу; на другой день имѣлъ удовольствіе съ нимъ драться, всадилъ пулю въ его руку, зачаверѣлую и шедушную какъ крыло чахлаго цыпленка, и воображалъ, что вовсе раздѣлся со всею этой дрянью, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ Варансъ увѣрила меня, что Адель мнѣ дочь. Я не нахожу въ лицѣ ея доказательствъ: Пилотъ больше на меня похожъ. Черезъ вѣсколько лѣтъ мать бросила ее, чтобы рыскать по Итали съ какимъ-то пѣвцомъ. Я ничѣмъ не обязанъ Адели, потому что не отецъ ей; но узнавъ въ какомъ положеніи эта крошка, я вытащилъ ее изъ парижской грязи и перенесъ сюда, чтобы воспитать на здоровой почвѣ англійской деревни. Теперь, когда вы знаете, что ваша воспитанница дочь оперной танцовщицы, вы, пожалуй, попросите меня съискать ей другую гувернантку. Но воротимся, ужъ вечерѣетъ. Прощайте!»

Отъ разговора къ разговору, отъ признанія къ признанію, по привычкѣ къ этому оригинальному товариществу, лордъ и гувернантка, Рочестеръ и Дженни Иръ наконецъ полюбили другъ друга. Сначала Рочестеръ ничего не говоритъ, Дженни ничего не замѣчаетъ. Она узнаетъ всю привязанность, только увидѣвъ Рочестера возлѣ другой женщины. Торнфильдскій владѣлецъ, продолживъ до лѣта пребываніе въ старомъ замкѣ, разсылаетъ приглашенія къ окрестнымъ помѣщикамъ и дворянамъ. Торнфильдъ наполняется на вѣсколько недѣль свѣтскими мужчинами и женщинами, и конечно также дѣвушками невѣстами. Въ Рочестерѣ пробуждается челоуѣкъ свѣтскій. Дженни Иръ видя изъ подтишка съ своего униженнаго учительскаго стула, какъ онъ любезничаетъ въ кругу молодыхъ дѣвушекъ и галопируетъ возлѣ прекрасной амазонки, по ревности узнаетъ, что любить. Но это только нимолетное облачко, страсть Рочестера скоро обнаруживается лхорадочными вспышками то вѣжности, то безпокойства. Онъ хочетъ жениться на Дженни Ирѣ: бракъ готовъ совершиться; вдругъ тайна Рочестеровой жизни открывается—Рочестеръ женатъ! ког-

да онъ былъ еще очень молодъ и младшій въ семействѣ, отецъ принудилъ его жениться въ Ямайкѣ на дочери богатаго креола. Эта женщина, впашая въ отвратительныя страсти, обезчестила его, потомъ помѣшалась. Она еще жива. Рочестеръ ставъ наследникомъ отеческаго замка, тайно отвезъ ее туда и держалъ въ цѣрть подъ присмотромъ служанки. Нѣсколько разъ безумная обманывала бдительность сторожа и поджигала замокъ. Эти пожары оставались неизяснимыми прочимъ обитателямъ замка. Если бы эта женщина не была сумасшедшею, Рочестеръ могъ бы съ ней развестись; но по англійскимъ законамъ съ сумасшедшей нельзя завести процессъ. Послѣ долгой, внутренней борьбы, онъ хочетъ наконецъ разрушить роковое опредѣленіе судьбы, и въ тотъ день какъ этотъ безумный проектъ открывается, Джени Иръ должна рѣшиться или на безчестіе или на побѣгъ.

Она убѣгаетъ, оставляетъ Торпфилль, бросается въ карету и остававшаяся сама не знаетъ гдѣ, такъ далеко отъ Торпфилльда какъ только кондукторъ могъ довести ее за данныя ему деньги. Она повергается въ пустыню міра, еще въ большемъ одиночествѣ нежели въ то время какъ тетка Ридъ отослала ее въ школу. Блуждая по полю, безъ денегъ, безъ убѣжища, она принята умирающая отъ голоду, холоду и лихорадки въ сельскомъ домикѣ, гдѣ живетъ пасторъ съ двумя сестрами. Здѣсь находитъ четвертая часть приключеній Джени Иръ, радъ такихъ интересныхъ оцѣнъ. Сестры пастора гувернантки какъ Джени, пасторъ благородный и любознательный молодой человекъ. Всѣ трое съ внимательной заботливостью успѣваютъ закрыть раны Джени Иръ. Ей доставляютъ средства къ существованію, дѣлаютъ начальницей въ школѣ дѣвочекъ, которую сосѣдній помѣщикъ основалъ въ деревнѣ. Откровенное товарищество по уму и по характеру скоро составляется между школьной учительницей и деревенскимъ пасторомъ какъ владѣльцемъ и гувернанткой торпфилльскими. Пасторъ — пылкая душа, управляемая холоднымъ рассудкомъ и жѣлзною волей, готовится ѣхать въ колоніи миссіонеромъ, онъ привязывается къ Джени: ея мужественный, энергическій характеръ, твердый и смѣлый умъ кажутся ему признаками одинакаго съ нимъ призванія; онъ хочетъ уфрять ее, что природа дала ей нравственныя качества, необходимыя для подруги миссіонера и очевидно склоняетъ ее быть его женой. Воспоминаніе о Рочестерѣ долго мѣшаетъ Джени согласиться. Впродолженіи этой борьбы для ея, обогатившійся въ ко-

ловіяхъ, умираеть, оставивъ ей порядочное состояніе, — къ счастью для англійскихъ романистовъ въ Англии американскимъ дядямъ еще вѣрять. Она готова уже согласиться на предложеніе миссіонера, но прежде чѣмъ оставить отечество ей хочется еще разъ взглянуть на Торнфилдъ, узнать объ участи Рочестера. Она находитъ Торнфилдъ разрушеннымъ. Безумная ночью успѣла подожечь огонь: вскарабкавшись на зубцы, какъ злой гонимъ стараго замка, она рушилась съ горѣвшимъ зданіемъ. Рочестера вытащили изъ огня, слѣпаго, израненаго. Джени Иръ летитъ къ нему; зрѣніе къ нему возвращается; она выходитъ за него замужъ.

Романъ составляютъ три вещи: положеніе, характеры, завязка. Авторъ «Джени Иръ» выбралъ положеніе истинно интересное и романическое. Исторія молодой дѣвушки, сироты, воспитанной изъ милости, вступившей въ свѣтъ съ образованіемъ, которое ставитъ ее наравнѣ со всѣми, но въ низкомъ, зависимомъ состояніи, находящейся въ столкновеніи со всѣми, что понимаетъ, желаетъ, заслуживаетъ по уму и чувству, но въ чемъ отказываетъ ей судьба, эта исторія будетъ всегда привлекательна. Ничего нельзя также найти и въ характерахъ Джени Иръ; они болѣе энергичны, болѣе мужественны чѣмъ вѣжны, но справедливы, въ особенности характеръ Джени. Слабая сторона романа въ завязкѣ. Не понятно какъ авторъ «Джени Иръ» не нашелъ болѣе простаго дѣйствія, чтобы развить положеніе и характеры, непонятно какъ онъ стелъ необходимымъ прибѣгнуть къ сдѣленію происшествій, иногда невѣроятныхъ; у автора «Джени Иръ» однако довольно таланта, чтобы создать безукоризненный трудъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЬ. 1) *Il ne faut pas compter sans son hôte.* Не считай безъ старшаго, драматическая пословица, госпожи Огюстины Брoganъ.

Съ тѣхъ-поръ, какъ произведенія Альфреда-де-Мюссе открыли драматическимъ пословицамъ путь на театръ, есть надежда, что скоро всѣ театры будутъ наводнены пьесами въ родѣ «Прихотили» «Держи сердце настежь, а дверь на запоръ.» Вотъ уже одна для начала, вылившаяся изъ подъ пера одной изъ самыхъ талантливыхъ актрисъ Французскаго театра. Наслушавшись, начитавшись и наигравшись комедій Маривѣ и пословицъ Альфреда-де-Мюссэ, надмоазель Брoganъ въ одно прекрасное утро воскликнула подобно одному знаменитому живописцу: И я могу писать пословицы! — взялась за перо, и изъ подъ него вылилась пьеска умная, милая, изящная, какъ болтовня хорошенькой женщины.

— Я вдова, любезный маркизъ, говоритъ герцогиня; мнѣ двадцать пять лѣтъ, и я вамъ объявляю напередъ, что вы задумали нелегкое дѣло; для меня уже прошла пора любить. Покойный мужъ мой разрушилъ мои юношескія мечты, а двадцать-пятый годъ совершенно вылечилъ меня. Поэтому великій мастеромъ надо быть, чтобы взять меня врасплохъ.

Что прикажете маркизу отвѣчать на такой гордый и хладнокровный вызовъ? Принудить надменную въ тотъ же день отречься отъ своихъ словъ, вотъ единственный отвѣтъ въ такомъ случаѣ. — Ваша увѣренность въ своей неприступности, отвѣчаетъ маркизъ, есть слабая сторона, которая выдастъ твердыню.

Дѣйствительно, герцогиня совсѣмъ не такъ спокойна на дѣлѣ, какъ на словахъ; доказательствомъ тому служить носовой платокъ, который она во время разговора такъ растрепала, что сквозь кружево можно бы продѣть самый платокъ. Маркизъ же мастеръ своего дѣла. Каждое движеніе, каждая улыбка, измѣненіе голоса имѣютъ для него тайный смыслъ; онъ всѣмъ умѣетъ пользоваться для стѣсненія непріятельской твердыни, и когда займетъ позицію, ничѣмъ уже его не собьешь; тѣмъ болѣе, что онъ, подобно всѣмъ завоевателямъ, гдѣ не беретъ сила и искусство, умѣетъ кстатн употребить впрокъ золотого осла. Такимъ образомъ, призадумается ли маркиза, лишится ли аппетита, станетъ ли ласковѣе или капризѣе въ домашнемъ быту, маркизъ тотчасъ получаетъ о томъ свѣдѣніе, видитъ дѣйствіе своихъ атакъ, и знаетъ съ которой стороны возобновить приступъ. Чѣмъ суровѣе къ нему герцогиня, тѣмъ болѣе онъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, и тѣмъ болѣе бѣсятъ ее своею веселостью и притворною безпечностью. Наконецъ, чтобы нанести послѣдній ударъ, онъ подстрекаетъ одного отчаяннаго охотника, имѣющаго виды на хорошенькую вдовушку, воспользоваться предложеніемъ. Тутъ герцогиня принуждена положить оружіе, и чтобы избавиться отъ жениха, который въ своей охотничьей любезности вздумалъ поднести ей волчью лапу на серебрянномъ блюдѣ, она отдаетъ руку и сердце маркизу.

2) *Si jeunesse savait, Если бы молодость знала*, водевилъ господина Мелевила.

Герой этого водевиля знаменитый герцогъ Ришельё, который такъ давно уже пляшетъ на театральныхъ подмосткахъ подъ дудку господъ водевилюстовъ. Въ водевилѣ господина Мелевила старый волокита уже отказался отъ побѣдъ на собственный свой счетъ; но какъ онъ по старой привычкѣ не можетъ жить

безъ любовныхъ проказъ, и не можетъ хладнокровно смѣрять на чужіе успѣхи, то и вздумалъ вести любовныя дѣляшки своихъ родственниковъ. Такъ онъ выискалъ изъ провинціальной глуши своего племянника Лабазиньера, и велѣлъ ему отбить у своего врага сердце прекрасной маркизы. К несчастью Лабазиньеръ оказывается совершенно неспособнымъ сдѣлаться преемникомъ славы и доблестей герцога. Съ перваго же свиданія съ маркизою глупость его испортила все дѣло, и усладила вліяніе соперника. Видя, что надежда на племянника плоха, дядя рѣшается зашутить недостатокъ его ума избыткомъ своего. Онъ ловко распускаетъ слухъ, будто провинціалъ только принялся дурачиться, чтобы тѣмъ лучше одурачить соперника. Маркиза смягчается, какъ скоро узнаетъ, что имѣетъ дѣло съ такимъ же негодяемъ, какъ его дядя, и чтобы окончательно поразить врага, остается только нанести послѣдній ударъ. Пользуясь покровомъ шочи Рашелье заступаетъ мѣсто Лабазиньера, идетъ за него на свиданіе, расточаетъ за него весь свой умъ, всю свою любовь, все свое искусство, дерется за него съ графомъ, ранитъ его, и достигаетъ своей цѣли. Графъ отступается, а маркиза, обвороженная умомъ, любовью и храбростью мнимаго провинціала, отдаетъ ему руку и сердце. Послѣ этого остается только пожелать ему одѣлаться умнѣе въ супружествѣ, потому что маркиза долго не уживется съ простакомъ.

3) *Ma tabatière, ou comment on agit*, *Моя табакерка, или какъ выходятъ въ люди*, посвященъ въ четырехъ дѣйствіяхъ, господъ Кольера и Комерсона.

Въ Меллеровомъ «Мѣщанинѣ изъ дворянъ» учитель музыки уверяетъ москѣ Журдена, что если бы всѣ люди учились музыкѣ, тогда бы они непременно ладили между собою, и упрочили всеобщій миръ и согласіе на землѣ. А учитель танцеванія говоритъ: — Когда человѣкъ совершитъ проступокъ въ своихъ обязанностяхъ семьянина или гражданина, о немъ говорятъ, что онъ остудился, а отчего можетъ происходить это оступленіе, какъ отъ не умѣнія управлять своими ногами, следовательно оттого что человѣкъ не учился танцевать?

Метръ Сарразенъ философъ такого же покрова, онъ также отличалъ средство, съ помощью котораго каждый, обладающій этимъ талантомъ, дѣлается умнѣе, счастливѣе, во всемъ имѣетъ удачу, всѣ въ нему благодарно относятся и любезны. И средство это не какинъ небудь избыточная утоненіа, не модъ большого воображенія; нѣтъ, это средство простое и всѣмъ доступное; средство,

котораго дѣйствительность самъ изобрѣтатель доказываетъ каждый день на практикѣ; этотъ волшебный жезлъ, отырывающій ему доступъ вездѣ и ко всѣмъ, смирляющій передъ нимъ чиновную надменность, смягчающій всѣ сердца, уничтожающій всѣ препятствія, этотъ будущій благодѣтель человечества, — это просто щепотка табаку. Метръ Сарразенъ всегда носитъ съ собою табакерку этого неслравненнаго зелья; правда, что у него такой табакъ, какого ни мы, ни вы, почтеннѣйшіе читатели не видали и не нюхивали; онъ самъ приготовляетъ, самъ мочить, самъ третъ его. За то какія чудеса не совершаетъ это благодѣтельное зелье! Метръ Сарразенъ, давно замѣтивъ, что занятя шорода быстро потребляются на землѣ, между тѣмъ какъ кроличья размножается не по годамъ а по часамъ; какъ прантическій философъ, онъ не могъ не обратить вниманія на это обстоятельство, и не позаботиться о средствѣ предотвратить бѣдствіе, угрожающее гастрономамъ (онъ и самъ не прочь отъ вкуснаго стола) — уничтоженіемъ одного изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ, зайца, подъ виннымъ соусомъ. Вотъ онъ и придумалъ гягантскій проектъ, шибющій цѣлю довести кроликовъ до того, чтобы на соролѣ дѣтенышей, они рождали двадцать зайцевъ. Съ этимъ проектомъ Метръ Сарразенъ таскается по всѣмъ министерствамъ, и тутъ то оказывается благодѣтельная сила табаку. Ему стоить только податавить отырытую табакерку, и сказать: — Не признаете ли? — и лица швейцаровъ, косившіяся на него, какъ будто хотѣли его свѣсть, умильно улыбаются; черберы кланяются ему въ поясъ.

А между тѣмъ, пріятель Сарразена, нивалидъ Мишель, вездѣ встрѣчаетъ суровыя лица и получаетъ отказъ, за-то что шложажся на одніи свои раны, и не носить съ собою табакерки. Впрочемъ сила Сарразенова табаку такъ велика, что она наконецъ доставляетъ ему мѣсто вачальника табачнаго отдѣленія, а пріятелю его мѣсто лѣсничаго.

4) *La goutte de lait, Капля молока*, комедія водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, господина Леона Говлана.

Версальскій дворъ въ ужасномъ тревоженіи; Досиень ждетъ со дня на день, что супруга подаритъ его сыномъ, а врачи объявили, что пора искать кормилицу для будущаго наследника французскаго престола. Всѣ придворные, герцоги и маркизы, графы и виконты, вселомшлись и пустились отыскивать небравалицу; потому что каждый надѣется съ помощю ея чѣмъ нибудъ поживиться. Сотнями стекаются отовсюду кормилицы на смотръ; но ни одна не годится, потому что врачи написали сто пяде

сать условій, безъ которыхъ никакая женщина не можетъ быть достойна вскормить царственнаго младенца. Одна только соединяетъ въ себѣ все условія; это мамзель Флипотта, племянница камердинера Меркадье. Впрочемъ не думайте, чтобы мамзель Фливетта домогалась этой чести; она знаетъ, что по физическимъ причинамъ не можетъ быть кормилицею; потому что хотя и говоритъ злая молва объ ужасахъ ея съ мущкетерами, и о свиданіи съ глазу на глазъ съ какимъ-то молодцомъ, представшимъ къ ней на маскарадѣ, и котораго съ тѣхъ поръ и слѣдъ пропалъ, однако же мамзель Флипотта также невинна, какъ младенецъ, котораго собираются отдать на ея попеченіе. Не смотря на то Флипотта соглашается взять на себя роль кормилицы. И какъ не согласиться? ее холать, ласкають, дарятъ ей богатые платья, кружева, брильянты, предупреждаютъ каждое ея желаніе; а главное, она будетъ при дворѣ. Подъ предлогомъ, что скука нездорова кормилицамъ, она отпрашивается на маскарадъ, встрѣчаетъ тамъ своего преслѣдователя, срываетъ съ него маску, и принуждаетъ его публично признать ея невинность и ложность молвы. Онъ исполняетъ ея требованіе, и Флипотта выходитъ за-мужъ за своего жениха, который было бросилъ ее изъ ревности. И если ей не приводится кормить перваго сына дофина, то нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ кормить втораго.

5) *Le moineau de Lesbie, Воробей Лезбіи*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, господина Барте.

Читали вы Катулла? — Нѣтъ? — это не мудроно; у васъ можетъ быть, былъ учитель латыни такой же заботливый о нравственности воспитанниковъ, и училъ васъ всемъ добродѣтелямъ по біографіямъ Корнелія Непота, и рѣчамъ Цицерона, да иногда развѣ давалъ вамъ переводить отрывки изъ Виргилія и Овдія, *ex editione ad usum studiosae adolescentiae expurgata*, а въ Катулла не позволялъ и заглянуть; можетъ-быть вы, подобно намъ грѣшнымъ, вышедши изъ подъ учительской ферулы, бросили латынь подъ столъ, вмѣстѣ съ грамматиками, географіями и тому подобнымъ хламомъ! А право жаль, что вы не читали Катулла, вы бы тотчасъ вспомнили очаровательные стихи его къ Лезбіи, и на смерть ея воробья. Эти-то стихи и ввухили господину Барте мысль его прелестной комедіи.

Впрочемъ господинъ Барте не совсѣмъ вѣрно слѣдуетъ исторіи. Въ его комедіи не Лезбія измѣняетъ Катулла, какъ видно изъ латинскаго поэта, а самъ Катуллъ оставляетъ Лезбію: соскучивъ быть пѣвцомъ вина и любви, онъ рѣшился остепениться и женится

на Секстѣ, дочери консуларія. Друзья-собутыльники Катуллѣ въ восхищеніи, и заранѣ спорятъ о его наследствѣ. Но Лезбія знатъ не хочетъ старыхъ развратниковъ и отдѣлываетъ ихъ порядкомъ.— «Ты, Пизо», говоритъ она одному, «пьянъ съ утра до ночи; за что полюбить тебя, я скорѣе полюблю виновную бочку.— Отъ тебя, Фурій, пахнетъ мятою и вардомъ; я не люблю духовъ. — Ты, Аурелій, плѣшивъ и едва передвигаешь ноги; не нужно мнѣ развалинъ!»

Между тѣмъ Катуллѣ, какъ ни тяжело ему разстаться съ Лезбією, рѣшился объявить ей о бракѣ своемъ съ Секстою; несчастная удаляется оплакивать свое счастіе и любовь, а Катуллѣ принимается сочинять для себя свадебную пѣсню. Являются друзья его, Пизо, Фурій и Аурелій, и едва стоя на ногахъ отъ хохоту, рассказываютъ, что видѣли Лезбію въ слезахъ, въ отчаяніи.... но объ чемъ?... объ околѣвшемъ воробѣ. — Не правда, говоритъ Катуллѣ, она плачетъ обо мнѣ! — Какъ бы не такъ! о воробѣ.— Пари.— Пари.

И друзья прятуются за занавѣсъ, а Катуллѣ призываетъ Лезбію, и спрашиваетъ о причинѣ ея горя. Лезбія рассказываетъ горестную свою утрату. — Сколько слезъ о воробѣ! — Какъ же не оплакивать мнѣ его? ты помнишь, какъ взялъ его едва оперившагося, продрогшаго отъ холоду изъ гнѣзда, въ которомъ онъ остался сиротою; ты отогрѣлъ его на своей груди, и отдалъ его мнѣ. Тогда ты полюбилъ меня, и я берегла воробушку въ память нашей любви. А сегодня нашла я его мертвого въ клеткѣ; видно ему суждено было умереть вмѣстѣ съ нашею любовью... Еще ли мнѣ не кручиниться и не плакать?

Эти слова воскрешаютъ любовь въ сердцѣ Катуллѣ, и когда ему приходятъ сказать, что невѣста ждетъ во храмѣ, онъ отвѣчаетъ: — Скажите Секстѣ, что я люблю Лезбію,— и поетъ:

Vivamus, mea Lesbia, atque amemus.

6) *En paix à tout prix, Покой, во что бы ни стало!* Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, господина Эмилъ Серре.

Содержаніе этой комедіи очень мило; тутъ нѣтъ рѣчи даже о смерти воробья. Все дѣло въ томъ, что судьба надѣлила мосею Дюнона самую образцовою изъ женъ, въ отношеніи супружеской вѣрности; она такъ добродѣтельна, что мужу отъ ея добродѣтели нѣтъ житья; про все и за все коритъ она его своею добродѣтельною, которой онъ, по мнѣнію ея, не стоитъ; такъ

что иной разъ онъ готовъ пожелать себѣ по-меньше чести, да побольше покою. Къ счастью одинъ пріятель пожалѣя надъ его страданіями и научилъ его средству лечить женъ отъ излишества добродѣтели. У мосье Дююи была жена въ такомъ же родѣ, и онъ страдалъ до тѣхъ поръ пока не нашелъ въ ея комнатѣ часовъ, забытыхъ однимъ молодымъ человѣкомъ; послѣ этого счастливаго случая, когда жена слишкомъ возвышала голосъ, ему стоило только ей показать часы, и она становилась тише воды, ниже травы. Сострадавъ къ участи своего собрата, мосье Дююи принимаетъ мѣры, чтобы мосье Дююи также отыскалъ подозрительные часы въ комнатѣ мадамъ Онесты, в тѣмъ упорчилъ свое супружеское спокойствіе.

Музыкальныя новости Берліозъ сказалъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей, что въ критикѣ нѣтъ ничего скучнѣе восхищенія. Если это правда, то мы можемъ надѣяться, что на этотъ разъ не наведемъ скуки на нашихъ читателей — послѣднія двѣ недѣли не дали намъ ни малѣйшаго повода къ восхищенію. Впрочемъ, если восторженный критикъ скученъ для читателей, зато съ другой стороны критикъ, которому не представляется ничего достойнаго восхищенія, самый жалкій мученикъ. Не разъ въ продолженіе нынѣшняго концертнаго сезона мы готовы были бросить перо и опять сдѣлаться простымъ слушателемъ, такъ мало было у насъ отраднаго. Едва три или четыре концерта, въ продолженіе пяти недѣль, доставили намъ истинное художническое наслажденіе. Въ огромной массѣ остальныхъ, копейно, встрѣчалось кое-что новое и хорошее; но новое, какъ говоритъ Лессингъ, было не хорошо, а хорошее не ново. Подождимъ, что артисты имѣли намѣреніе составить свои концерты изъ отличнѣйшихъ піесъ и желали имъ истинно художническаго исполненія; но къ сожалѣнію критика имѣть дѣло не съ благими намѣреніями, а съ дѣйствительностью. Если бы даже отказъ пѣвицы или болѣзнь артиста неволью заставили концертнста обезобразить тщательно составленную программу вставкою, вмѣсто убылой піесы, первой встрѣчной, то и тогда критика все-таки должна обратить вниманіе не на что иное какъ на интересъ искусства. Такимъ образомъ критику приходится часто произносить подобно Бруту, приговоръ надъ собственнымъ своимъ дѣтищемъ.

Но постараемся напередъ разрѣшить вопросъ, въ чемъ именно состоитъ интересъ музыки.

Какъ бы велико ни было число различныхъ формъ, въ кото-

рыхъ проявляется музыка, всѣ эти формы могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ родамъ, существенно отличающимся одинъ отъ другаго своимъ направленіемъ. Музыка одного изъ этихъ родовъ стремится къ идеальной, эстетической красотѣ; цѣль ея—дѣйствовать на душу, возвышать и облагораживать ее посредствомъ выраженія нечувствительнаго, духовнаго, безпредѣльнаго. Для достиженія этой цѣли, она употребляетъ всѣ средства, которыя представляютъ ей чувство, фантазія и наука. Подобная музыка требуетъ слушателей, способныхъ не только чувствовать матеріальную гармонію тоновъ и мелодій, но вмѣстѣ и слѣдить за развитіемъ идей съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ слушается рѣчь, которой заключеніе ясно только тому, кто хорошо понималъ отдѣльные доводы. Изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только одни артисты и знатоки въ состояніи постигать прелести такой музыки. Нѣтъ! если душа слушателя сколько-нибудь доступна высшему и изящному, то музыка, при надлежащемъ съ его стороны вниманіи, сама раскроетъ въ немъ способность пониманія. Такой слушатель найдетъ въ музыкѣ средство къ образованію души и сердца и будетъ въ состояніи различить истинную, полную мысли музыку, отъ пошлой, ничего не выражающей.

И такъ, музыка этого рода требуетъ не однихъ звуковъ; она музыка не сама по себѣ, а по чувствамъ, которыя возбуждаетъ въ слушатель, по области безконечной, невыразимой красоты, въ которую она одна можетъ ввести его.

Музыка другаго рода стремится преимущественно къ тому, чтобы нравиться, и притомъ въ кругѣ, обширнѣйшемъ по возможности. Для этого ей не нужно возносить слушателя на свою высоту, а напротивъ, стоять только низойти къ нему и, во что бы то ни стало, сдѣлаться доступною его пониманію. Какъ скоро раздастся шумный аплодисментъ—высшая цѣль ея достигнута. Забудутъ ли ее завтра или нѣтъ, ей горя мало; она увѣрена, что снова воскреснетъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и снова пройдетъ свѣтлую фазу той же эфемерной жизни.

Не трудно рѣшить, который изъ этихъ двухъ родовъ составляетъ настоящую область искусства: во впрочемъ хотя музыка послѣдняго рода и не стремится къ истинно изящному и не способна возвышать и облагородить чувства; зато она обладаетъ особую сферою, въ которой можетъ оказать немаловажныя услуги—сфера эта именно виртуозность.

Подъ словомъ виртуозность мы разумѣемъ технику развитую

до совершенства. Эта механическая сторона по исполненію собственно есть не болѣе какъ средство, которое получаетъ свое истинное значеніе только тогда, когда употреблено для достиженія высокой цѣли. Что виртуозность въ самомъ дѣлѣ весьма много можетъ содѣйствовать осуществленію высокихъ художественныхъ идей — это несомнѣнно доказали Моцартъ и Бетговеиъ, Веберъ и Мендельсонъ. Одна же сама по себѣ, безъ посторонней помощи, виртуозность можетъ служить единственно къ удовлетворенію самолюбія того, кто ею обладаетъ. Тутъ уже нѣтъ и рѣчи ни о какомъ истинно музыкальномъ стремленіи, а видно только одно — желаніе изумить слушателей неутомимымъ преодоленіемъ величайшихъ трудностей и накопленіемъ самыхъ рѣзкихъ контрастовъ. И такъ, въ первомъ случаѣ виртуозность служитъ искусству, въ послѣднемъ — хотя нынѣ это бываетъ весьма рѣдко — только самому виртуозу, доставляя ему случай претендовать на имя артиста, на которое онъ собственно столько же имѣетъ права, какъ акробатъ или жонглеръ.

Если читатель приведетъ себѣ на память концерты нынѣшняго года, то навѣрно согласится, что продолженіе сезона исполнено было у насъ черезъ чуръ мало образцовыхъ произведеній великихъ мастеровъ, что въ это время едва нѣкоторые изъ нашихъ виртуозовъ употребили свой талантъ въ видахъ искусства, большая часть ограничивалась шарлатанствомъ, однимъ словомъ, что искусству въ нынѣшнемъ году пришлось у насъ очень плохо.

Поговоримъ еще о нѣсколькихъ концертахъ послѣднихъ недѣль поста.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ музыкальное утро господина Габербира, въ воскресенье, на пятой недѣлѣ поста, въ залѣ Дворянскаго Собранія. Слушателей было здѣсь столько, какъ ни въ одномъ концертѣ. Чѣмъ объяснить эту тѣсноту, или лучше сказать, давку? Конечно, господинъ Габербиръ пианистъ хорошій и притомъ любимый публикою, но вы знаете, что никто не пророкъ въ отечествѣ своемъ, а господинъ Габербиръ принадлежитъ Петербургу и слѣдовательно имя его не могло быть въ этомъ случаѣ приманкою для публики. Господа Мауреры и Вурмы тоже здѣшніе артисты, и слѣдовательно они тоже не могутъ втти здѣсь въ расчетъ. И такъ намъ остается думать, что концертъ этотъ устроенъ былъ подъ вліяніемъ какого нибудь особенно благоприятнаго положенія звѣздъ, если только это не было нѣчто въ родѣ парижскаго шарлатанства, раздающаго тысячи даровыхъ би-

летовъ, для того только, чтобы придать себѣ видъ таланта, любимого публикою. Но вѣтъ, мы не хотимъ вѣрять послѣднему, такой поступокъ слишкомъ неприличенъ артисту, и былъ бы у насъ жалкое нововведеніе. И такъ предположимъ лучше благоприятное положеніе звѣздъ.

Господинъ Габербиръ съигралъ септетъ Гуммеля, двѣ піески своего сочиненія и дуэтъ съ господиномъ Мауреромъ. Постоянный шумъ въ залѣ, происшедшій отъ необыкновенной тѣсноты, мѣшалъ намъ слышать исполнителя, игра котораго на этотъ разъ вѣроятно была такъ же хороша и отчетлива, какъ и всегда. Въ заключеніе исполнено было на четырехъ фортепіанахъ вѣскольکو танцевъ, аранжированныхъ господиномъ Габербиромъ для шестнадцати рукъ. Какія богатые средства имѣлъ онъ передъ собою, аранжируя эти піесы! Четыре фортепіана, восемь исполнителей, шестнадцать рукъ? Какія интересныя сочетанія звуковъ, какіе богатые, новые эффекты могли здѣсь быть въ виду! Нѣжныя мелодіи могли бы здѣсь то покоиться на гармоническомъ аккомпаниментѣ, то волноваться въ бурныхъ пассажахъ, перепрыгивающихъ съ фортепіано на фортепіано. Осемь виртуозовъ съ своей стороны могли бы спорить здѣсь другъ съ другомъ въ изящствѣ, силѣ и бѣглости игры. А *crescendo*, это увлекательное *crescendo*, которое могло бы начаться на низкихъ басовыхъ нотахъ одного инструмента, и потомъ развиваясь болѣе и болѣе, разразиться громовымъ *fortissimo* подъ осмьюдесятью пальцами! Вотъ чего слѣдовало бы ожидать отъ піесъ, за аранжировку которыхъ взялся извѣстный артистъ. Что піесы сами по себѣ больше ничего какъ танцы, кто нынѣ скажетъ что-нибудь противъ этого обстоятельства? Развѣ Штраусъ и Ланнеръ, Шопенъ и Листъ не доказали намъ, что искусство и въ этой формѣ доступно истинно прекрасному. Согласитесь что при подобныхъ предположеніяхъ ни одинъ артистъ не отказался бы отъ исполненія. Такъ и случилось: артисты-исполнители были всѣ здѣшнія знаменитости. Несчастные! какъ же ошибаясь они! аранжировка господина Габербира была самая ничтожная. Она не заключала въ себѣ ни одного условія, требуемаго искусствомъ и притомъ необходимаго для исполненія піесы въ концертѣ. Шестнадцать рукъ прорабарабили миленькіе мотивы, одинъ за другимъ. Вотъ и все!

Такимъ образомъ господинъ Габербиръ аранжировкой своей компрометировалъ, какъ прекрасныя композиціи такъ и самихъ исполнителей, которые, увидавъ въ чемъ дѣло, не отказались отъ участія только потому, что уже разъ дали слово. Теперь господи-

ду Габербиру не легко будетъ изгладить царяпину, которую сдѣлалъ этотъ концертъ его извѣстности.

Одни только Беккеровскіе инструменты торжествовали въ это утро: ихъ свѣлые, ясные и вѣсть пѣвучіе звуки наполняли собою отдаленнѣйшія части зала. Пріятно видѣть, какъ дѣятельный талантъ пролагаетъ себѣ путь черезъ всё препятствіе, и пріобрѣтаетъ наконецъ заслуженное мѣсто. Самую бѣдную трудность, кажется, господинъ Беккеръ уже давно преодолювалъ, инструменты его пользуются теперь общою и даже знаменитою извѣстностью. Вѣроятно послѣ этого концерта они уже сдѣлаются модой.

Господинъ Вурмъ, участвовавшій съ успѣхомъ въ концертѣ господина Габербира, давалъ за тѣмъ въ среду свой собственный концертъ, на которомъ присутствовала многочисленная публика. До этого концерта мы восхищались въ игрѣ господина Вурма прекраснымъ исполненіемъ мелодій, здѣсь же этотъ талантливый артистъ поразилъ насъ блестящими трудностями, которыя весьма значительны, особенно если принять во вниманіе средства инструмента. Это выразилось преимущественно въ маленькомъ концертинѣ нашего чрезвычайно производительнаго композитора А. Маурера. Въ концертѣ участвовали: господинъ Герке, исполнившій съ обычнымъ блескомъ варіаціи Шопена на «*La ci darem la mano*», господинъ А. Мауреръ, сыгравшій концертинѣ, сочиненіе отца, и господинъ Нидманъ, кларнетистъ.

На Большомъ Театрѣ въ теченіе этой недели дана была два раза Симоновъ, Ода Давида: «Колумбъ». Это произведеніе гораздо лучше «Пустыни», того же композитора, и вѣдь, если вѣрять ириженкамъ извѣстіямъ, только одно достоинство: прекрасную, вѣжную инструментовку, которая вырываетъ собою блѣдныя, безжизненныя идеи. Здѣсь произведеніе Давида потеряло и это достоинство, потому что оно исполнено было не по той партитурѣ, которую написалъ самъ авторъ, а по партитурѣ, составленной съ фортепианной аранжировки.

Въ настоящее время парижскіе дилетанты особенно заняты Терезою Миланоло, «концертномъ-симфонією». Продава и «Пророкомъ» Мейербера.

О Терезѣ Миланоло говорятъ съ восторгомъ; знатоки музыки и правдивые критики отзываются объ ея талантѣ какъ о первоклассномъ. Послѣдній концертъ, данный ею въ Италіянскомъ театрѣ, былъ что-то въ родѣ драматическаго и музыкальнаго торжества; въ немъ принимали участіе госножа Кастелланъ, Рошиони, Маблашъ и Морелли, исполнившіе нѣсколько партій въ

«Elizir d'amore», «Сонамбулы» и «Ченорентолы». Сама концертница съ восхитительнымъ искусствомъ сыграла адажію и рондо изъ концерта Берію, потомъ фантазію на нѣкоторые мотивы изъ «Роберта Дьявола.» Страстная арія «Grâce! grâce!» была, такъ сказать, очаровательно пропѣта смычкомъ Терезы Миланолло; это соло было достойно великаго произведенія Мейербера.

Послѣ послѣдняго концерта, Миланолло отправилась изъ Парижа въ Леманъ, Лаваль, Рейнъ и Нантъ, куда призываютъ ее филармоническія общества этихъ городовъ. По возвращеніи же въ Парижъ она дастъ большой концертъ въ память знаменитаго Габевека, которому обязана многими полезными совѣтами и наставленіями.

Мы уже сообщили читателей о блестящемъ успѣхѣ новаго сочиненія Приюданъ «концертъ-симфонія». По настоянію любителей и артистовъ, Приюданъ дастъ скорѣ второй концертъ, въ которомъ снова исполнитъ свое сочиненіе.

Еще болѣе интересуютъ всѣхъ дилетантовъ «Пророкъ» Мейербера. Разучиваніе этой оперы приближается къ концу; пятый актъ уже репетированъ; остается только повторить увертюру и танцы. Говорятъ, что въ театральныя лѣтніе мѣсяцы, не замѣняя такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для постановки оперы: столько чрезвычайной ревности и дѣятельности при разучиваніи и столько первоклассныхъ талантовъ исполнителей. Раже, Вьерде и Кастаньяшъ, какъ утверждаютъ, сами въ восторгѣ отъ художественности ролей, которыя они будутъ исполнять. Судя по всему этому, надѣе полагать, что самыя смѣлыя ожиданія знатоковъ и любителей вновь оправданы.

Еще замѣчательна новость, касающаяся вообще до всѣхъ искусствъ. Въ Парижѣ теперь устроивается лотерея въ пользу вспомогательной кассы для обществъ музыкантовъ, живописцевъ, скульпторовъ, гравировъ и архитекторовъ. Капиталъ этой лотереи, въ одинъ миліонъ франковъ, выражается въ билетахъ по одному франку и серіяхъ по пяти франковъ. Каждый билетъ въ одинъ франкъ, кромѣ права на участіе въ лотерей, состоящей изъ двухъ тысячъ выигрышей, даетъ право на литографію или на ноты, а десять такихъ билетовъ на гравюру или на новую-выбуди книгу. Серія же въ пять франковъ даетъ право исключительно на участіе въ розыгрышѣ серебрянаго сервіза, работы Одю, стоющаго семьдесятъ тысячъ франковъ. Пока раздано только пятнадцать тысячъ билетовъ.

Въ Лондонѣ сезонъ и парламентъ открываются въ одно время. Городъ покидаетъ свой печальный видъ и оживаетъ; огромныя афиши возвышаются спектакли, концерты, балы; журналы испещрены приглашеніями на благотворительныя митинги; «моднабельная публика спѣшитъ въ Итальянскую оперу. Успѣхъ «La Mulette de Portici» былъ блистательный: увертюру, исполненную съ одушевленіемъ, заставляли повторить; упрекаютъ только Дорю-Гра за вставку въ третьемъ дѣйствіи арии Бургмюллера. Впрочемъ успѣхъ знаменитой пѣвицы былъ огромный и вполне заслуженный. Тоже надо сказать и о Альбони, которая пѣла въ «Челвертолѣ», давшей на Королевскомъ театрѣ.

Если вѣрить слухамъ, то въ Лондонѣ ожидаютъ незабвеннаго Рубина, гонимаго изъ Италіи войною. Онъ вступитъ, говорятъ, опять на сцену съ цѣлью вознаградить свои значительныя потери. Слухъ этотъ требуетъ подтвержденія.

Кстати скажемъ два слова о національной англійской музыкѣ, чтобы нѣсколько смягчить дѣлаемые ей упреки въ неразвитости. Въ Лондонѣ существуетъ много замѣчательныхъ музыкальныхъ учрежденій; такъ, не говоря уже о Филармоническомъ Обществѣ, незаслуживающемъ особенныхъ похвалъ, здѣсь существуютъ общества подъ слѣдующими названіями: Sacred Harmonie Society, Старинныхъ концертовъ, Madrigal clubs, Gleec-lubs, Voethoven-society и нѣсколько другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Самое лучшее учрежденіе, это безъ сомнѣнія Sacred Harmonie Society, гдѣ семьюстами артистами исполняются произведенія Генделя, Гайдна, Моцарта, Бетгоvena и Мендельсона. Огромная зала этого общества не отличается ни роскошью, ни убранствомъ, но за то превосходна по своему отличному акустическому устройству. Общество это основано въ 1832 году поклонниками Генделя; съ 1836 году оно дало 187 концертовъ, въ которыхъ первое мѣсто занимали конечно ораторіи Генделя и сверхъ-того исполнены были «Сотвореніе міра» Гайдна, миссы Моцарта, ораторіи Бетгоvena, «Страшный судъ» и «Паденіе Вавилона» Шпора, и нѣсколько произведеній Мендельсона. Въ послѣднее время общество пригласило къ себѣ господина Косту для управленія оркестромъ. Два послѣдніе его концерта особенно замѣчательны превосходнымъ исполненіемъ «Мессія» Генделя и миссы Бетгоvena in ut, которую мы имѣли случай слышать два раза въ Петербургѣ въ концертахъ Симфоническаго Общества.

За «Sacred Harmonie Society» слѣдуетъ общество «Старинныхъ

концертное, въ которомъ исполняются произведенія умершихъ композиторовъ. Оно состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ королевы, принца Альберта, герцоговъ Кембриджскаго и Веллингтона, епископовъ лондонскаго и юркскаго, и лорда Вестморленда, друга и покровителя искусствъ и художниковъ.

Общества *Madrigal clubs* и *Glee-clubs* учреждены для пѣнія.

Въ музыкальномъ мѣрѣ приобрѣтають теперь европейскую славу арестъ Феликсъ Годафроя и скрипачъ Баццини (*Bazzini*). Первый изъ нихъ далъ два концерта въ Страсбургѣ; игра его, какъ говорятъ, превосходна въ высшей степени: нѣкоторыя пѣсньи, имъ исполненныя, привели слушателей въ энтузіазмъ. Господинъ Баццини въ Бордо далъ концертъ, въ которомъ исполнилъ съ необыкновеннымъ искусствомъ элегію Эрнста.

Кстати о Эрнстѣ. Онъ далъ концертъ въ Лейпцигѣ, и теперь намѣренъ отправиться въ Лондонъ, чтобы тамъ пожнать новые лавры.

В. ДАМКЕ.

=

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. П. Пегаткина,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

(Цѣны на серебро.)

ПУТЕШЕСТВІЕ ВО ВНУТРЕННЮЮ АФРИКУ Е. Ковалевскаго, автора «Странствователя по сушѣ и морямъ», и проч., съ картою и шестнадцатью картинками, рисованными господами Тиммомъ и Дороговымъ, рѣзанными на деревѣ Клотомъ, Бернардскимъ и Линкомъ. Двѣ части. Спб., 1849 года. Цѣна 3 рубля, съ пересылкою 3 рубля 50 копѣекъ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ въ алгебрѣ, составленныя по послѣднему распредѣленію преподаванія математики въ гимназіяхъ Н. Большакомъ. Три части. Сп.-бургъ, 1849 года. Цѣна 1 рубль 25 коп., съ перес. 1 рубль 50 коп.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА. Изданіе Николая Фумеля. Вечеръ первый. Одесса, 1849 года. Цѣна 1 рубль 75 коп., вѣс. за одинъ фунтъ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ малолѣтнихъ дѣтей и обогащенія ихъ познаніями. Составилъ С. Гутель. СП.-бургъ, 1849 года. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 рубль.

СЛОВА И РЪЧИ Кавказской Духовной Семинаріи ректора и богословскихъ наукъ профессора, архимандрита Серафима. Казань, 1849 года. Цѣна 1 рубль 75 коп., вѣс. за два фунта.

РУССКАЯ ФАУНА, или Описаніе и изображеніе животныхъ, водящихся въ Имперіи Россійской. Составилъ Ю. Синашко и С. Марковъ. Двѣ тетради, съ рисунками. СП. бургъ, 1849 года. Цѣна 2-рубль, съ перес. 2 рубля 50 коп.

КЪ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ХИМІИ Н. Витта. Описаніе и собраніе чертежей, изображающихъ заводы, печи, сосуды, машины, сварды, приборы, инструменты и прочіе принадлежности къ обработкѣ растительныхъ и животныхъ веществъ. СП.-бургъ, 1849 года. Цѣна 10 рублей 75 коп., вѣс. за десять фунтовъ.

ПАЛОМНИКЪ КІЕВСКІЙ, или Путеводитель по монастырямъ и перквамъ кіевскимъ для богомольцевъ, посѣщающихъ Святую Кіева. И. М. Кіевъ, 1849 года. Цѣна 1 рубль, вѣс. за одинъ фунтъ.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ГРАММАТИКА, съ русскимъ переводомъ. Составленная Несторомъ и Камилломъ Рио. СП.-бургъ, 1849 года. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 рубль.

СОЧИНЕНІЯ ХМЪЛЬНИЦКАГО. Три тома Изданіе А. Ф. Смирдина. СП.-бургъ, 1849 года. Цѣна 3 рубля, вѣс. за четыре фунта.

ОПЫТЪ НАЧЕРТАНІЯ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА по Россійскимъ законамъ. Сочиненіе Догина Камбека. Казань, 1849 года. Цѣна 1 рубль 25 коп., съ перес. 1 рубль 50 коп.

ГОРДОСТЬ, одинъ романъ изъ «Семь смертныхъ грѣховъ», Евгения Сю. СП.-бургъ, 1849 года. Цѣна 1 рубль, съ перес. 1 рубль 50 коп.

ДОБРЫЙ РУССКИЙ НАРОДЪ. Картины изъ русскаго быта. Со-

JUL 16 1937

